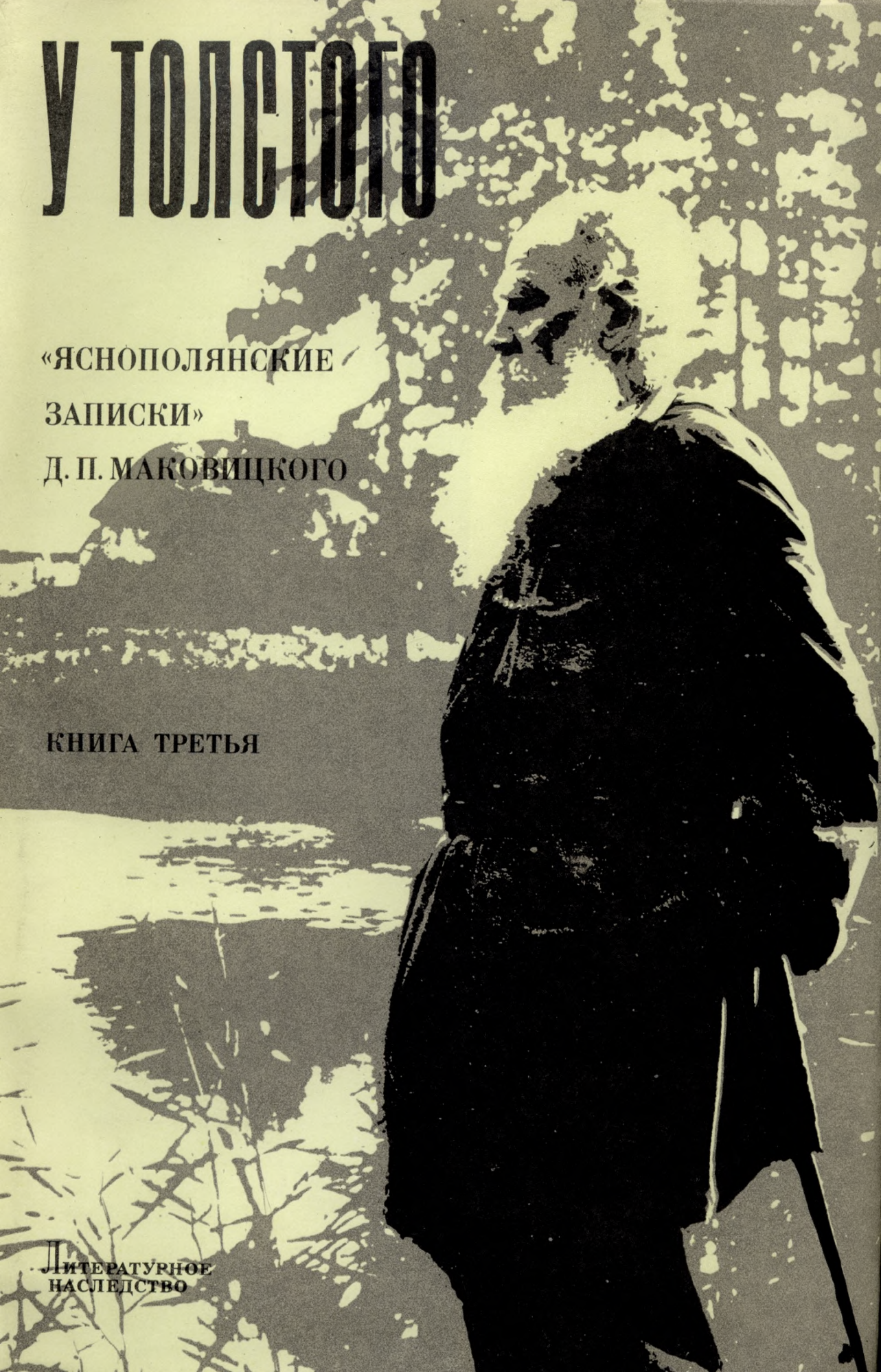
У ТОЛСТОГО

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ТРЕТЬЯ



ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Настоящий том «Литературного наследства», в четырех книгах, посвящен публикации обширного дневника-хроники о Л. Н. Толстом его домашнего врача, секретаря и друга, словака по национальности, Д. П. Маковицкого. Он прожил в Ясной Поляне с конца 1904 по 1910 г. и сопровождал Толстого в его последней поездке, прервавшейся в пути болезнью и смертью писателя на станции Астапово. Маковицкий дал своему дневнику название «У Толстого 1904—1910». Но в литературе он получил известность под именем «Яснополянские записки».

Дневник Маковицкого — документ единственный в своем роде, источник первостепенной важности. Это летопись всего, что на протяжении своей жизни в Ясной Поляне, возле Толстого, видел и слышал Маковицкий; это хронограф жизни Толстого не только по дням, но часто буквально по часам; это широкая панорама быта яснополянского дома. Это и исторический памятник эпохи, своеобразно отражающий те годы, в которые он создавался,— годы русско-японской войны, первой русской революции и последовавшей вслед за ее поражением полосы реакции.

Главная и ценнейшая особенность дневника Маковицкого — множество приведенных в нем разговоров и высказываний Толстого, записанных либо синхронно их произнесению, «стенографически», либо по свежей памяти, «протокольно». «Яснополянские записки»—единственный источник, в котором с таким изобилием и с такой документальной достоверностью воспроизведена устная речь писателя, почти непрерывно звучит его живой голос.

Часть записанных Маковицким разговоров и высказываний Толстого падает на бытовые и автобиографические темы, в том числе ретроспективного содержания; другая — относится к невообразимо широкому кругу идейных интересов писателя. В этих высказываниях — отклики Толстого на вопросы морали, религии, философии, искусства, литературы, истории, науки, и больше всего на острейшие социальные и политические вопросы современности.

Вступительные статьи к публикации осмысляют основное содержание дневника в системе мировоззрения Толстого, определяют место и значение «Яснополянских записок» среди других дневников и мемуаров о Толстом, знакомят читателя с личностью и биографией Маковицкого, а также с историей создания «записок». Публикация сопровождается примечаниями к отдельным местам текста и комментированными указателями. Последние помещаются в заключительной, четвертой книге тома.

Как всегда в томах «Литературного наследства», издание «Яснополянских записок» богато иллюстрировано.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

У ТОЛСТОГО

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ТРЕТЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТЫЙ

В ЧЕТЫРЕХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ
Г. П. БЕРДНИКОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. А. СПИРИДОНОВА,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (ГЛАВ. РЕД.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 9

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

У ТОЛСТОГО
1904—1910

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ТРЕТЬЯ

1908—1909 (январь — июнь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 9

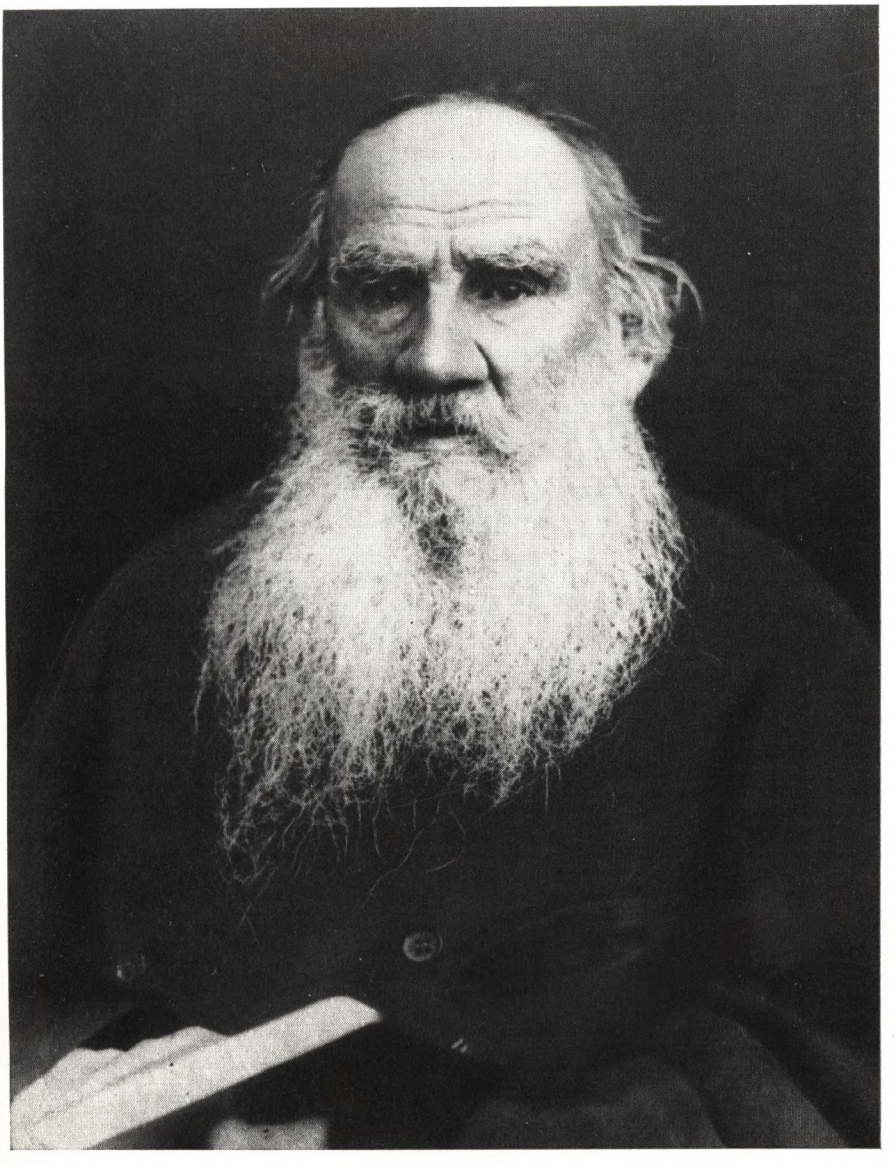
Издание «Яснополянских записок»
подготовлено при участии
Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва),
Карлова университета (Прага),
Института литературоведения Словацкой Академии наук
(Братислава)

Редакционная комиссия издания
С. А. МАКАШИН, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ДЕВЯТЫЙ

Л $\frac{70202-184}{042\,(02)-79}$ Б3-29-28—78 3603020410

© Издательство «Наука», 1979 г.



Л. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография, 1908

ДНЕВНИК

Подготовка текста и примечания Б. М. Шумовой и Т. Н. Волковой.

1908

1 января. Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Сергей Львович с женой, Андрей Львович с Екатериной Васильевной, Варвара Михайловна, Мария Александровна, Гусев.

Ночью помер Яков Курносенков. Утром вдова пришла к Л. Н. просить на похороны 10 р. Л. Н. удивлялся, что так дорого стоят похороны (с могилой).

Л. Н. ездил в Угрюмы. Вечером винт без Л. Н. Музыка (Сергей Львович играл на фортепьяно, Андрей Львович пел и плясал). Л. Н. вышел в 10.20 и наливал чай.

Сергей Львович показал Л. Н. в «Русской мысли» драму и стихи Бальмонта, изумительно бессодержательную, нелепую чепуху [1]. Сергей Львович негодовал, как это печатают и кто это читает.

Л. Н.: Как же не читать — декадентство. Это ряд вырождающихся во всем.

Разговор о Молочникове, что его письмо было такое интересное, а сам он производит неприятное впечатление [2]. Иные пишут легко: например, Маклаков; иные — с большим трудом: например, Сергей Николаевич.

Л. Н. сказал, что ему речь трудно говорить даже о предмете, который его интересует.

Л. Н. вынес «Мысли мудрых людей», и Андрей Львович прочел вслух 1 января. Гусев сказал, что в тюрьме «Круг чтения» — приятная книга, что надо бы ее узаконить для тюрем, чтобы в каждой была. Отвечает на мысли, которые там возникают у людей.

Л. Н.: Она нам подходит, мы все в тюрьме.

Л. Н. получил вырезку из болгарской газеты об отказах от военной службы (один болгарин — толстовец, три словака — назарены).

Между вырезками, которые получает Чертков, была статья из «Вестника Европы» — «Из деловой переписки с К. П. Победоносцевым. 1900—1904 г.» П. А. Тверского [3]. Гусев давал ее сегодня вечером, в 11 часов, Л. Н. прочесть. Л. Н. не взял. (Был слишком занят или другая причина.)

2 января. Много больных в амбулатории; ездил в Головеньки, встретил Л. Н. на купальной дороге. Он возвращался верхом. Вечером Л. Н. играл в винт с невестками и Александрой Львовной.

3 января. Сегодня Л. Н. говорил обо мне, что я счастливый человек, что полезен больным. За обедом Л. Н. в разговоре с Сергеем Львовичем вспомнил слова «das ewig weibliche» * Гете.

— Репутация установлена, — сказал Л. Н., — можно говорить что попало, и придают этому глубокий смысл, а его нет.

Л. Н. зашел ко мне, я грел ноги о печку. Л. Н. не одобрил:

— Я вам как врачу говорю. Вы никогда босиком не ходили?

А на следующий день сказал:

---

* «вечно женственное» (*нем.*).

— Когда я не могу спать, я как раз обратное делаю: похожу босиком по комнате, пока не охладеют ноги, и тогда засну.

Вчера и сегодня Сергей Львович много играл на фортепьяно.

4 января. Л. Н. получает много серьезных писем об отказах и о религии. Сегодня получил фонограф от Эдисона. Андрей Львович его составил, и Л. Н. уже говорил в него, но воспроизведение слов неясно.

Был священник из Тулы [1]. Андрей Львович был рад ему, также и Софья Андреевна, Сергей Львович холоден или равнодушен, Александра Львовна скорее враждебна. Пробыл с 1.30 до 4-х. Л. Н-чу он как человек приятен.

Священник в разговоре с Л. Н. употребил сравнение, что обряды — скорлупа яйца; она, когда духовная жизнь (цыпленок) созреет, отпадает. Но пока она нужна. Л. Н. ответил ему, что скорлупа — тело, цыпленок — духовная жизнь, а обряды — дерьмо на скорлупе.

Гусев говорил Л. Н., что этот священник не верит твердо и не умеет защищать православие.

Л. Н.: Они привыкли проповедовать без возражений. Возражать на возражение не могут.

Вспомнил бывшего тульского архиепископа Никандра, с которым говорил о вере:

— Был добрый, простой, но спорить с ним нельзя было: жизнь провел под гипнозом службы, повышений [2].

Вечером винт.

Сегодня Л. Н. получил три письма, про которые сказал:

— Из всех сквозит раздражение, отсутствие нравственных основ, их заменяет раздражение. Люди думают, что у них есть то, во имя чего можно раздражаться; что если я раздражен, я имею на это право [3].

5 января. Приехали С. И. Танеев, А. Б. Гольденвейзер, Мария Александровна.

Л. Н. за обедом рассказал, что встретил равских мужиков (отца, сына и внука), приятно с ними поговорил. Вели себя без подобострастия, а как в старину —«чтобы быть ласковым со всяким встречным». Потом Л. Н. говорил о встреченном вчера политическом, уверенном в том, что он действует и страдает за благо народа.

Андрей Львович с радостью констатировал, что Сергей Иванович из «кадета» сделался «правым». Л. Н. по этому поводу вспомнил полученное письмо с вопросом о том, «как можно не вмешиваться, когда правительство казнит», и так далее. Л. Н. ответил: «Кто тебя поставил решать эти вопросы? Почему нужно решать так, что для общества нужно, чтобы вешали или чтобы прощали?»

— Мне их обоих одинаково жалко, — сказал Л. Н. — И Столыпина и экспроприатора.

Л. Н. с Танеевым о Ванде Ландовской:

— Ванда Ландовская мне была приятна тем, что играла вещи, записанные тогда, когда композиторы еще не находились под суеверием искусства.

Танеев и Гольденвейзер сыграли четвертый концерт Бетховена.

Л. Н.: Вещь отвратительная, играли прекрасно.

О сонате cis-moll Бетховена, которую играл Танеев:

— Прелестно.

Вариации Моцарта, сыгранные Танеевым, Л. Н-чу очень понравились.

Софья Андреевна получила письмо Ugo Arlotta, просит позволения приехать на два часа [1]. По просьбе Софьи Андреевны Танеев прочитал вслух это письмо, переводя его с французского. Arlotta описывает свое посещение Ясной Поляны и приводит свой разговор с Л. Н. о непротив-

ТОЛСТОЙ И МАКОВИЦКИЙ
Ясная Поляна, 27 марта 1909 г.
Фотография В. Г. Черткова и Т. Тапселя

лении злу. Это учение кажется ему противным природе человека. Л. Н. по этому поводу сказал:

— Они (журналисты, как Arlotta) в узком кружке своей газеты не знают, что были Эпиктет, Марк Аврелий, Будда, что их возражения были сделаны и опровергнуты.

Уго Арлотта негодует за недооценку Л. Н-чем Данте [2].

Л. Н.: Рафаэль, Бетховен, Шекспир, Данте, Гете не подходят к моей оценке, которую я предъявляю к искусству, так как мне самому искусство — я этого стыжусь — близко и дорого.

Л. Н. получил письмо от Моода, чтобы подписать адрес Мередиту, празднующему свое восьмидесятилетие:

— Есть у них такой писатель, его теперь высоко ценят. Это понятно, потому что у них ⟨другого⟩ никого нет. Есть Бернард Шоу, пишущий драмы и эссе. Он оригинальный, но не имеет никаких твердых убеждений. Он скорее социалист.

О Мередите искали у Брокгауза — не нашли. Потом у Ларусса нашли, и Л. Н. вспомнил, что он в пятидесятых годах его читал; что герои его романов рассуждающие. Л. Н. не решил, подписать ли адрес или нет. Танеев его склонял подписать, чтобы доставить радость старику [3].

Мария Александровна вечером, после концерта, говорила мне, что представляет себе, как крестьяне удивлялись бы, если бы их посадили на один день смотреть, как тут, в Ясной Поляне, господа живут. Роскошь, пресыщение, праздность, скука. А у них такая тяжелая, осмысленная жизнь, нужда.

— Как вы думаете? — спросила меня. Я ответил, что нужды не вижу; рассказал, как живут Ореховы.

Мария Александровна махнула рукой в удивлении, что не вижу нужды, и про Ореховых сказала, что у них работников много. О Л. Н. Мария Александровна сказала, что он говорил ей: ему «все совестно» (этой шумной, богатой жизни).

Правда, в эти святки было безумно шумно, концерты мне надоели, особенно сегодняшний. Русские музыканты играют всё классическую музыку. От Гольденвейзера я не слыхал ни разу ни одного русского мотива (исключая Аренского), от Танеева — тоже. Сергей Львович (играет русское) очень редко; иногда играет русские или норвежские народные песни.

6 января. В воскресенье утром приехал А. Н. Дунаев. Л. Н. верхом. За обедом Л. Н. забавлял гостей разговором. Получил письмо от крестьянина из Читы [1]. Был естественником-атеистом, потом висел в воздухе, и после 17 октября достались ему в руки книги религиозного содержания, и теперь о религии пишет. Другое письмо от казака, третье — от чувашина. Л. Н. вспомнил про бедных чувашей на берегу Волги, когда ехали в Казань.

— Дядька торопил их перепрягать лошадей, ходил за ними и колотил их. Беспрекословно терпели. Какие времена были! — прибавил Л. Н.[2]

Л. Н. спрашивал Дунаева про его детей. Дунаев говорил про одного, бывшего социал-демократом, читавшего только социалистическую литературу, что он познакомился с шлиссельбуржцем Морозовым и перестал быть социал-демократом. Морозов публично читал в Москве лекцию о своей книге «Откровение в грозе и буре».

Л. Н.: Странная книга. Он замечательно даровитый.

Л. Н. еще о письмах. Одно с такими искусными вопросами, чтобы вызвать ответ (автограф). Тут Юлия Ивановна рассказала, к каким уловкам прибегают. Одна барышня написала ему, что она чахоточная и просит утешения. Когда она получила ответ от Л. Н., ее сестра стала писать Л. Н. под разными предлогами, меняя адреса, написала шесть писем. Юлия Ивановна предостерегала, чтобы Л. Н. не отвечал ей.

Софья Андреевна о письмах к Л. Н. и Л. Н-ча:

— Эти копии Чертков собирает.

Л. Н.: Я не стою такого человека, как Чертков, который употребляет всю силу, энергию и средства на помощь мне.

Л. Н. дал читать вслух письмо Молочникова Столыпину; он усовещивал его прекратить казни, ввести единый налог, поехать посоветоваться с Л. Н., делать то, что ему перед богом нужно делать, а не для России.

Дунаев с Андреем Львовичем сцепились по поводу этого письма. Дунаев говорил, что надо прекратить казни; Андрей Львович возражал, что казнят не невинных, а только тех, кто хочет убивать. Дунаев — что письмо не нужно, Столыпин не послушается, а на его месте другой так же будет поступать.

Л. Н.: Столыпин — человек, которому показан тот путь, по которому он идет. Это единственное возможное действие друг на друга.

Еще Л. Н. заметил:

— Это не ложная скромность — что тут вспоминается обо мне, это самое слабое место в письме.

Шахматы с Танеевым. Танеев с Гольденвейзером играли Шумана. Потом Гольденвейзер играл сонату «Appassionata» Бетховена (опус 57). Потом вместе играли Аренского. Л. Н-гу понравились и Шуман и соната Бетховена.

Л. Н.: Это, должно быть, из его (Бетховена) переходного времени.

А от Аренского он пришел в восторг.

Юлия Ивановна припомнила, что Аренский, когда был в Ясной Поля-

не [3], начал играть ту же пьесу, которую играли сегодня, и не мог продолжать, потому что забыл ее. Еще вспомнила, что он здесь заболел. Была ранняя весна, он сидел у открытого окна на подоконнике, потом гулял. Приехав в Москву, он заболел инфлуэнцей, которая перешла в чахотку.

Л. Н. с Танеевым много разговаривали о музыке, о старых былинах, о Вагнере, о французской, немецкой музыке. Л. Н. спрашивал, Танеев обстоятельно излагал. Л. Н. спросил, известен ли Аренский за границей.

Танеев: Да.

Потом Танеев рассказывал о новой немецкой музыке:

— Мне приходилось слышать: одна рука играет C-dur, а другая — Fis-dur в то же время, — сказал он, смеясь.

Л. Н.: Я очень рад, что вы такой пример привели. То же самое в поэзии, романе.

Уехали Гольденвейзер и Дунаев.

7 января. Уехали Андрей Львович с Екатериной Васильевной домой в Таптыково. Ее пожалели (оставила детей) и полюбили (смирная, добрая).

Были: Г. А. Новичков из Саратовской губернии (по пути к Олсуфьеву — просить его содействия в освобождении невиновных, арестованных по доносу, якобы революционеров) и А. А. Офицеров.

Л. Н. говорил с Новичковым утром и еще в семь часов вечера. Тут ему сказал:

— Мне кажется, вы одной ногой в революции.

— Нет.

Л. Н. (*ему*): Может быть, вы сами этого не замечаете?

Новичков: Я никому не лгу, а вам совсем не мог бы.

Л. Н.: У нас у каждого столько своих грехов, недостатков, что не доберешься. А все хотим устраивать благо других. Это такое суеверие.

Офицеров — он сошел с пути, стал декадентом и критикующим «толстовцев и Толстого». Он ученик фельдшерской школы, занимается книготорговлей (и декадентскими книгами). Он охотник читать, расширять свои знания, собирает газеты, вырезки. Он читал Л. Н. свои афоризмы (декадентские). Л. Н. было тяжело от них. Говорил ему:

— Бросьте писать. Таланта нет. Вы играете словами. Пьющему советовать бросить питье так ⟨же⟩ важно, как вам бросить эту игру словами.

Когда Офицеров прочел афоризмы, он сказал, что хочет напечатать их, пока еще жив, и из-за гонорара, и что он скоро умрет, на это Л. Н. сказал:

— Что тут интересного, удивительного или страшного (в том, что умереть)?

И опять говорил Офицерову:

— Жизнь — такое серьезное дело, жалко портить ее таким легкомысленным отношением к мысли.

И, переменив разговор, обратился к Новичкову. Новичков говорил про своего племянника, сидящего десять дней в тюрьме по доносу из мести. Л. Н. сказал ему:

— Не все ли равно, быть в тюрьме или на воле! Иконникову, Гусеву она ничуть не тяжела и даже помогла им одуматься.

Офицеров перебил:

— Гусеву не помогла. Он хвастается тем, что сидел и что полиция за ним следит.

Про Люси Малори.

Л. Н.: Ее слабое место — вера в духовное общение душ в известное время на известном меридиане живущих людей (т. е. что они тогда об одном и том же думают). Ее журнал лучше сотен других. Девятьсот девяносто девять тысячных печатного вредно. Все внушаем и нам внушают... Люди могут быть доведены до слабости, что поддаются внушению.

Офицеров не выслушивал Л. Н., перебивал его, возражал — было

очень тяжело. Я отозвал Офицерова смотреть библиотеку. Офицеров сделал нетактичное замечание, что это я хочу его отвести от Толстого, которому он неприятен, но пошел со мной. И очень заинтересовался каталогом книг и самой библиотекой. На меня произвел впечатление самодовольного, оригинальничающего, циничного декадента.

Когда уехали через 1—2 часа, Л. Н. пришел ко мне и заговорил об Офицерове:

— Мне жаль, что я с ним больше не говорил. Он испортился. Ненормальное что-то. Самодовольство, игра слов. Это осуждение Гусева...

Л. Н.: У меня работа, «Круг чтения», так подвигается! В заглавиях дней будет ясное миросозерцание мое [1]. Теперь довел до десятого числа.

Я сказал Л. Н. — о чем как раз думал, — что Новичков не остановился перед такой трудной поездкой ради того, чтобы добиться «справедливости», и народ какие тяжелые процессы ведет из-за нее. Эти жертвы за справедливость — то же, что жертвы ради перемены государственного строя.

Л. Н: Отчасти совпадает (борьба за справедливость с революционной борьбой). Желание оправдания своего осуждения.

Л. Н. о новом номере «The World's Advance Thought», что он содержит прекрасные мысли.

От 8 часов до 10 Танеев играл у Александры Львовны на фортепьяно Чайковского, Аренского и Бетховена. Л. Н. с Танеевым долго беседовал (я не присутствовал).

8 января. Пополудни Александра Львовна, Варвара Михайловна и Д. А. Кузминский уехали в Таптыково. Приехала Мария Александровна.

Л. Н. ездил на шоссе. Встретил лошадь в хомуте без узды. Что ему с ней делать? Пропустил. Потом встретился с запыхавшимся мужиком, бежавшим от колодца; он спросил про лошадь и почему Л. Н. ее не остановил и просил обогнать ее, что Л. Н. с удовольствием и с большим трудом исполнил, т. к. лошадь от него убегала. Он ее обогнал, не пускал мимо себя, тут ехал Адриан Большенков и ловко поймал ее за шею.

Вечером две партии в шахматы с Танеевым. После Танеев играл Баха, Шопена «Nocturne», сонату Бетховена с похоронным маршем, Мендельсона, Аренского.

Л. Н. о пьесах Шопена «Ballade» и «Nocturne»:

— Эти вещи чем больше слушаешь, тем больше понимаешь.

Об «Intermezzo» Аренского:

— Очень мило. Это одна из его прекрасных вещей.

О Мендельсоне:

— Вот это черта Мендельсона, что скромно, не хочет сказать больше, чем может.

О вариациях перед маршем Бетховена:

— Прелестно.

Когда Танеев кончил и встал, Л. Н. сказал:

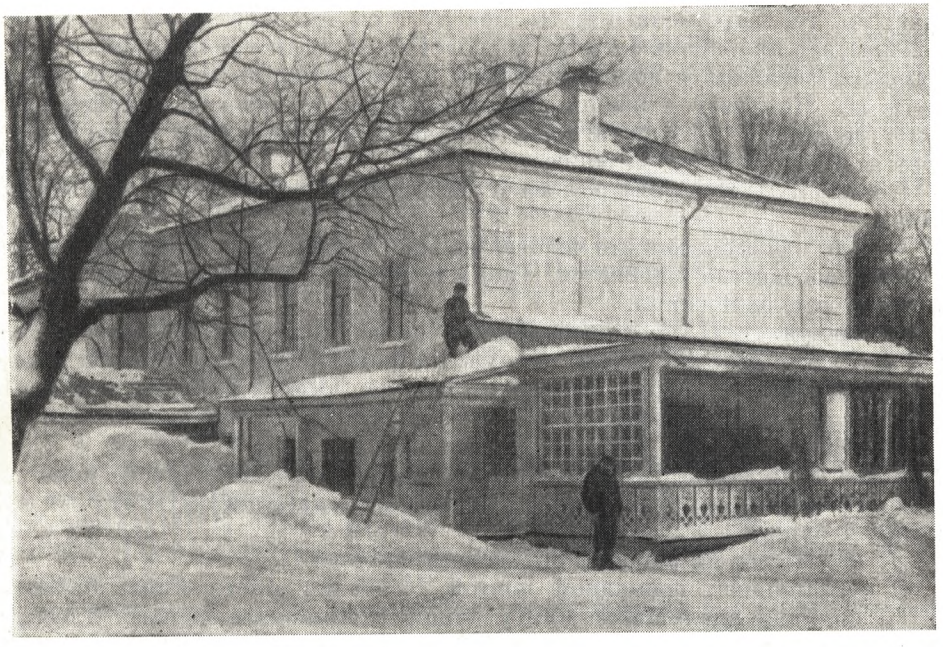
— А что же вы старичка Гайдна не играли? Положим, его сонаты уж очень наивны.

Софья Андреевна (*к Л. Н.*): Теперь бы тебе почитать. Раньше ты должен был ему (Танееву) читать вслух, когда ты проигрывал в шахматы. А когда он проигрывал, он должен был играть.

В 11 часов уехал Танеев. Потом Л. Н. читал нам выдержки из произведения четы Daniel: «Love, Mariage and Celibacy» (хорошее).

За чаем, вечером, Л. Н. о своем разговоре с няней о старости. Она хвалит старость: «Не сердишься, не окрикнешь», и говорит, что это важнее (духовная лучшая жизнь), чем крепость, здоровье телесное в молодые года.

Приехавшая из Таптыкова Александра Львовна рассказывала о том, что у Андрея Львовича пропали деньги его горничной и некоторые его вещи (револьвер), и Андрей Львович позвал станового исследовать дело.



ТОЛСТОЙ У ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА
1908
Фотография С. А. Толстой

И тот увел заподозренных (одного 16-ти, другого 19-ти лет) мелких служащих его. Л. Н. тяжело было слушать всю эту историю.

— Какое обращение с простыми людьми, какую обиду им наносим!

Л. Н. (*о С. Д. Николаеве*): Милый человек, живет одними мыслями. Он обещал мне прислать Реклю, что-то не посылает. (А Л. Н. как раз теперь занялся бы писанием географии для детей. Причина, почему не учит их и та, что нет у него ожидаемого Реклю.)

9 января. Были: Мария Александровна и В. И. Скороходов, живописно красивый, 50-ти лет, здоровенный, простой, приятный. Приехал повидать Л. Н. При разговоре его с Л. Н. я не присутствовал. Я ездил сегодня в Воздремы и Рекинку и плутал. Л. Н. сегодня заблудился около Двориков в половине пятого.

Уехали Скороходов и Варвара Михайловна.

10 января. Приехали Х. Н. Абрикосов с женой и двухлетней Верочкой.

Из вечерних разговоров: Абрикосов говорил, что он читал Ренана, хвалил его «Антихриста» и спросил, какого мнения о нем Л. Н.

Л. Н.: Я не помню «Антихриста». Я Ренана не очень люблю. Он такой манерный.

Л. Н. спрашивал Абрикосова о братьях. Абрикосов сказал, что младший поступил на математический факультет.

Л. Н.: Если не считать медицинского, то самый безвредный — математический.

Говорили о болезнях детей. Юлия Ивановна вспомнила, что Михаил Сергеевич говорил, что страдания маленьких особенно тяжелы, потому что они не могут перенести их в область духовную.

Л. Н.: Не могут утилизировать их.

Л. Н. Абрикосову о том, о чем сейчас пишет в «Круге чтения», что грехи оправдываются соблазнами, соблазны — суевериями научными, цер-

ковными, государственными. По поводу этой мысли Л. Н-ча Абрикосов рассказывал про жизнь богатых московских семей, которая вся наполнена шумными забавами и дорогостоящими удовольствиями и развлечениями.

Л. Н.: Контраст — жизнь революционеров: мрачность, озлобление и самоотвержение. Без религиозного начала человек всегда легко подчиняется царствующему течению.

Потом Л. Н. говорил про людей добрых среди богатых и среди священников.

— Так кажется: как это человек не видит, что он не только ошибается, но недобросовестно ошибается. Такой человек не сознает недобросовестности своего положения.

11 января. Л. Н. поехал на Делире по шоссе, через Кудеяров колодец на Рвы, а потом в Засеке поблуждал (дороги заметены и слабо заметны). Ездил взад и вперед. Стемнело. Наконец выехал к Угрюмам и приехал домой в 5.45. Проездил три часа и сделал 25—26 верст, много рысью.

— Милая лошадь, устала, — сказал Л. Н.

Софья Андреевна упрекала его за неосторожность — это ее кошмар, что он где-нибудь в глуши упадет с лошади и сломает ногу. Кто его найдет? Умрет в овраге.

Л. Н.: Не все ли равно, в овраге или на горе?

С сегодняшней громадной почтой (особенно много книг, брошюр) Л. Н. получил английскую книгу какой-то женщины-адвоката о непротивлении [1]. Нравится ему. В какой-то французской брошюре или газете Л. Н. читал, что Armand (издатель «L'Ere Nouvelle») в тюрьме; его обвиняют в делании монет, но не судят, а держат третий месяц.

— Во Французской республике! Власть везде одинакова. Она будто бы для защиты слабых, а она — для эксплуатации их.

Близ Ясной замерзла семья переселившихся в другую деревню.

Софья Андреевна уехала в Москву на неделю.

12 января. Л. Н. ходил гулять на шоссе. Снег глубокий, с трудом вышел, устал больше вчерашнего. Не обедал.

Получает огромное количество писем, брошюр, книг, газет. С Нового года: «Новое время», «Слово», «Русь», «Голос Москвы», «Русские ведомости», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Сибирские отголоски» (Иркутск), «Голос Самары».

Вечером Л. Н. подписал автографы и ответил на все письма, на которые хотел сам ответить, кроме одного. (Многие дал Гусеву, два-три мне.) Не ответил на письмо еврея, сообщавшего, что жена ему неверна и что он хочет убить ее любовника и поехать к духоборам.

— Зачем он другим сообщает об этом? А может быть, ошибаюсь. Отвечу, как я думаю об этом, что лучше перенести измену [1].

Л. Н. получил письмо от Элеоноры Стамо. Присылает статью Тенеромо (Файнермана) о том, что думает Л. Н. о юдофобстве.

Вот письмо госпожи Стамо:

«Многоуважаемый Л. Н.! Простите, что надоедаю вам, но я никак не могу успокоиться с еврейским вопросом. Только что прочла воспоминания о вас Тенеромо. Они произвели на меня и других, прочитавших его, очень неприятное впечатление. Он цитирует ваши слова, которые ни слогом, а большей частью и мыслью не похожи на вас. Заметка, вырезанная из газеты, которую я вам переписываю, просто возмутительна. Не хочу верить и не могу верить, чтобы это были ваши слова. Еще раз простите, что надоедаю вам...»

При письме приложена списанная из газеты статья Тенеромо «Л. Н. Толстой о юдофобстве», начинающаяся словами: «Когда в 1889 году, как и теперь, в нездоровых слоях страны зацвел ядовитый цвет антисемитизма...» и так далее.

Л. Н. написал на конверте ответ: «Само собой разумеется, что я никогда не говорил ничего подобного», и попросил Гусева так и ответить госпоже Стамо.

Л. Н. сказал, что ответит ей так, что ненависть к евреям как к народу — нехорошее чувство, что это народная гордость (национальное высокомерие). Как можно исключать целый народ и приписывать всем его членам известные дурные, исключительные свойства?

Л. Н.: Можно подобрать между русскими пять миллионов таких же, как евреи, или хуже. Почему же указывать на евреев? Надо относиться к ним с тем большей любовью [2].

Я: Разумеется. Достоевский, разбирая дурные черты характера евреев — нетерпимость, ненависть, которою мы от них заражаемся, — кончает так: «Да будет братство».

Л. Н.: Где это Достоевский пишет?

Я: В «Дневнике писателя» [3].

Л. Н.: Еще скорее можно относиться предубежденно к одному человеку, чем к целому народу.

Я передал Л. Н. новый русский теософский журнал (№ 3) [4], который посылают Колесниченко и Рябов и спрашивают мнения Л. Н-ча. Л. Н. пересмотрел его:

— Очень плох. — Ему жалко было Колесниченко и Рябова, что они этим интересуются.

13 января. Дома: Александра Львовна, Юлия Ивановна, Абрикосов, Гусев. Вечером приехал П. А. Сергеенко.

За обедом Абрикосов рассказал, что Горбов переводит теперь с греческого, а раньше переводил и издавал Карлейля.

Л. Н.: Не люблю я Карлейля.

А. Н. Шарапова прислала Л. Н. рукописную статью на эсперанто и на русском языке (о происхождении мира).

Л. Н.: Ужасно плохая. Образец научного суеверия. Говорит про первых людей с подробностями, все знает. Это то же, что Троица. Так же, как богословы знают, что бог есть Троица.

Абрикосов говорил, что Горбов дает читать своим учителям только книги, не противоречащие православному закону божию. У одного учителя он отобрал «Круг чтения».

Л. Н.: Этакое требование закона божия — несомненный признак низкого нравственного и умственного состояния.

Разговор о том, как трудно воспитывать детей. Абрикосовы рассказывали о Верушке, о ее капризах и настойчивых требованиях чего-нибудь. Хрисанф Николаевич рассказал, как она всю дорогу от Москвы до Серпухова требовала и повторяла: «Воды, воды!» Наталья Леонидовна рассказала, как Верушка ее ущипнула, и, когда она заметила ей, что это нехорошо, она ответила: «Мне хочется».

Л. Н.: Они, дети, точно малые зверьки. Но тут является возможность внутренней борьбы. Чем раньше начать, тем лучше. Насилие, внешнее запрещение внушают страх, к ним не нужно прибегать. Я потому говорю, что с детьми трудно, что очень легко воздействовать насилием, дать шлепка.

Л. Н.: Я нынче захватил нечаянно «Русь». Восемь смертных казней! Это ужасно! Я читаю «Новое время», а оно про казни только мельком упоминает. Не надо его читать. Сколько смертных казней в год?

Гусев сказал, что точного подсчета нет. Его ведут только революционные газеты по своим сведениям.

Александра Львовна, Юлия Ивановна и Гусев стали подтрунивать надо мной, что досталось «Новому времени», которое люблю читать.

Л. Н., заметив это, заговорил о прочитанной им в «Новом времени»

статье об украинском языке [1]. В этой статье указывалось на то, как много в литературном украинском языке латинских слов — квестия, опиния * и другие, и спросил, много ли чужих слов в западноевропейских языках. Я ответил, что не более, чем в русском.

Л. Н.: В русском ведь тоже много.

Потом Л. Н. о польском языке:

— Дух польский изящный, а язык неблагородный, некрасивый.

Л. Н. позвал П. А. Сергеенко к себе в кабинет. Потом читал. В 10 часов вышел к чаю. Л. Н. говорил, что читал книжку Баллу «Учение о христианском непротивлении», издательство «Посредника» [2], и книгу женщины о непротивлении:

— Баллу устарелый, но очень сильный. Он пишет, что через пятьдесят лет непротивление будет признано. Прошло шестьдесят лет, а все по-старому. Баллу пишет о непротивлении и притом признает «Ветхий завет» — весь. Ему надо его объяснять, перетолковать, чтобы согласовать с «Новым заветом». Это ужасно.

Гусев: Как Хельчицкий.

Л. Н.: Книга женщины «On Non-Resistance» — это очень сильно.

Вечером читали вслух новый рассказ Куприна «Изумруд», но не кончили [3].

14 января. Л. Н., несмотря на давление в груди (начало жабы), долго разговаривал с Сергеенко. Ездил верхом.

За обедом Гусев спросил Л. Н., будут ли продолжать чтение «Изумруда».

Л. Н.: А мне надоело ужасно.

Л. Н. говорил о Черткове, который должен завтра приехать. Желал бы известить его письмом в Тулу на вокзал, что лошади его ждут в Ясенках. Как всегда перед приездом Черткова, радостно взволнован.

За чаем Сергеенко говорил о том, что социал-демократическая литература упала не тем, что перестали интересоваться ею, а по цензурным обстоятельствам. «Современный мир» — социал-демократический; «Русское богатство» — социал-революционное.

Сергеенко говорил про А. А. Столыпина. Л. Н. сказал, что его (Столыпина) шутки обо всем ему стали невыносимы.

Сергеенко говорил о появлении в журнале «Вестник Европы» интересных писем Фета, Тургенева и других литераторов к Александре Андреевне, тетке Л. Н-ча [1]. Л. Н. о ней — что она любила общение с выдающимися людьми и что ее добрыми свойствами были молчание и простота.

Разговор о том, что крестьяне держатся общины и избегают применения к себе нового закона — о выходе из общины, о покупке земли одинокими. Абрикосов сказал, что он, поживши на земле, изменил свой взгляд на общину и не сочувствует ей.

Л. Н. спросил:

— Почему?

— Потому что при трехпольной системе нельзя отдельным хозяевам улучшать культуру земли, и, кроме того, при общинном землевладении образовалась такая чересполосица, что у каждого двора поля разбросаны очень далеко друг от друга.

Л. Н.: В общине дорог основной принцип, что земля не может быть ничьей собственностью.

На слова Сергеенко о хуторском хозяйстве Л. Н. заметил:

— Хуторское хозяйство при Генри Джордже будет хорошо.

Л. Н. получил сегодня много писем, но все пустые: просительные или невежественные.

---

* questio — жалоба (*лат.*); opinio — мнение (*лат.*).

ТОЛСТОЙ И Н. Н. ГУСЕВ С КРЕСТЬЯНСКИМИ МАЛЬЧИКАМИ—УЧЕНИКАМИ ТОЛСТОГО
Ясная Поляна, январь 1908 г.
Фотография А. Л. Толстой

Юлия Ивановна спросила, какое было доплатное письмо.

Л. Н.: О том, что я со стражниками стрелял в мужиков.

Л. Н.: Получил два письма от Стамо, она посылает два письма русских, обиженных евреями, и спрашивает, что им делать. Я ей отвечать не буду. Пусть меня оставит в покое. Я ни за евреев, ни против них. Странно мне в ее душу вдуматься.

Л. Н.: Вы, молодые, доживете до того, что увидите, чем кончится нынешняя революция. Когда придете туда, скажите нам.

В Казани (говорил Л. Н.) жилось хорошо господам. Крестьянам жилось не хуже — лучше нынешнего. Не было десятков тысяч прохожих — помещик не допускал, чтобы его крестьяне побирались. Не было этого раздражения, волнения. Смуты теперешние до сих пор не улучшили, а только ухудшили положение народа. Этим не сказано, что они должны кончиться ничем.

15 января. Приехал В. В. Плюснин из Хабаровска, проезжавший через Японию, Канаду, Англию и Швейцарию. Дорогою он виделся с В. Г. Чертковым, Кропоткиным, Хилковым, И. И. Горбуновым. За обедом Л. Н. его расспрашивал о них.

О Хилкове Плюснин сказал, что он ему не понравился.

Л. Н.: Он раздраженный, умышленно оригинальный.

Когда Плюснин заговорил о Кропоткине, Л. Н. не мог сразу вспомнить свои личные сношения с ним.

— Я вспоминаю, мы не видались друг с другом, но между нами были самые дружелюбные отношения.

Расспрашивал Плюснина про японцев.

Л. Н.: Япония мне очень интересна.

Жалел, что Плюснин не видел Токутоми.

— Мне кажется, что он представлялся мне сочувствующим,— сказал Л. Н.

Юлия Ивановна заметила, что он у себя дома известный романист.

Л. Н.: Хотя они и разбили нас, во всей их литературе я видел низменность, никакого подъема.

Сергеенко посоветовал Л. Н. прочесть «Сакунталу» Калидаса.

Л. Н.: Это я знаю. Нам непонятно. Это все очень трудно. Думаешь — может быть, дурно переведено. Только не производит впечатления.

Когда я убирал газеты, Л. Н. пришел с «Wissenschaft und Sittlichkeit» А. А. Герцена в руке.

— Я читаю эту брошюрку Герцена-сына. Очень хороша. Она о половом воздержании, против распущенности, против теперешней молодежи. Я прочту ее и посоветую Ивану Ивановичу ее издать [1].

Л. Н. сегодня играл словацкие песни.

Читали вслух письмо сестры Беневского, попавшейся с бомбой, которую хранила. Из ее письма видно, что в ней совершается духовный рост: религиозное сознание пробуждается [2].

Заговорили о христианском и об общественном жизнепонимании.

Л. Н. ответил:

— Первое, несомненно. В старости религиозное сознание возьмет верх у всех людей и, убежден, в час смерти.

И Л. Н. рассказал сравнение приблизительно так: люди все стоят перед великой тяжестью, которую им нужно поднять; вот, например, этот стол, кругом которого сидим. Есть у нас у каждого религиозное сознание — рычаг, которым, если будем действовать, сдвинем стол. Но мы бросаем рычаг, вскакиваем на стол, начинаем цепляться за него руками, стараясь поднять его, и не только ничего не сделаем, но собою увеличим тяжесть. Это делают все революционеры. Им видеть самодовольного, бросающего рычаг и сложа руки сидящего трудно, но они ухудшают положение. Желаем царствия божия, оно в нас, как же его внешними средствами достичь? Надо любить и терпеть.

— Другое, что в старости несомненно, — говорил дальше Л. Н.,— что истина должна быть проста. Иоанн в старости лет не говорил другого, как «дети, любите друг друга».

Не помню, по какому поводу зашла речь о французских друзьях Л. Н. и лучших французских переводчиках его сочинений — Саломоне, Буайе. Не помню, что о них говорилось и по какому поводу. Л. Н. сказал о них, что они очень легкомысленные.

16 января. Сегодня я готовился к отъезду домой к больному отцу Кончал письма, укладывал вещи. Простился и уехал в Тулу. Дорогой я встретил Л. Н. Он еще раз простился со мною очень, очень ласково. В Туле получил ответную телеграмму, что моему отцу лучше. Я не поехал дальше, а вернулся в Ясную. Главное потому, что Л. Н. страдает болью в сердце и удушьем (грудной жабой), ему трудно дышать. Нужно, чтобы он не переутомлялся. Мне все-таки можно действовать на других, чтобы его не утруждали разговорами и присутствием. Когда я приехал, Л. Н. встретил меня приветливым поклоном. Чертков послал мне воздушный поцелуй. После сказал мне, что Л. Н., думая, что я уеду, сказал ему, что он привык ко мне и что ему будет грустно во время отсутствия моего.

Вечером читали вслух письмо латыша Перна к Е. И. Попову о том, почему он перестал быть революционером.

Сегодня Л. Н. сказал:

— Ездил верхом. Как хорошо было! Думал о смерти. Примерял, потеряет ли моя жизнь со смертью, и сознавал, что нет, ничего не потеряет. Потом, на обратном пути, разболелся живот у меня, и я уже не мог легко относиться к мысли о смерти. Физические страдания по старой привычке выдвинули телесное *я*. Духовное *я* свободно только в здоровом теле.

Чертков спросил:

— Разве в болезни духовное *я* не свободно?

Л. Н.: Слабость, жар ему не мешают, а страдания — да.

Л. Н. от 11 до 11.30 писал Татьяне Львовне письмо [1].

Абрикосов рассказывал про родственника-армянина, живущего в Москве. Сильная армянская национальная организация потребовала у него, чтобы он принес в определенное место 30 000 рублей, и он послушался. Недавно в Москве они убили непослушавшегося.

Л. Н.: Какой это сильный соблазн для других, так легко отдавать деньги, когда такие требования исполняются!

Плюснин рассказал, что во Владивостоке хунхузы похитили ребенка и потребовали выкуп в 15 000. Родители сказали, что у них нет столько денег, и принесли только четыре тысячи, и хунхузы отпустили его.

Л. Н. расспрашивал про хунхузов, есть ли около Хабаровска, где жил Плюснин. Плюснин ответил, что есть и что они вымогают деньги главным образом (а раньше исключительно) у китайцев, которые их боятся и платят им подать, чтоб они их пощадили. Хунхузы живут среди китайцев, которые знают их, но не выдают.

Плюснин говорил про японцев, что они очень скромны в еде (скромнее китайцев) и очень быстро едят и убирают стол и что они очень любят купаться и предлагают гостям купаться в той же воде, в кадушке.

Л. Н. сказал, что ему после другого купаться в той же воде не представляется неприятным.

Был разговор о том, что делать для того, чтобы заснуть, когда бывает бессонница. Л. Н. сказал, что раньше он, когда не мог спать, ходил босыми ногами по полу, а теперь он просто студит их о железные прутья кровати и думает, что, когда после этого ноги начинают согреваться, кровь приливает к ним от головы, и засыпает. Чертков говорил, что, когда он страдает бессонницей и, наконец, засыпает, то ему представляется все то, что его страшит наяву: смерть его сына, матери, жены... Он думает о том, как тяжело будет его матери, жене и прочим, если он помрет. Спросил, бывает ли что-либо подобное у Л. Н.

Л. Н.: Нет.

Чертков: Когда я не могу заснуть, это мне полезная духовная работа. Когда не спится, я смотрю на себя со стороны и вижу в себе самопожертвование, смешанное с желанием славы людской.

17 января. Л. Н. написал длинное письмо революционерке Беневской в ответ на ее письмо к брату [1]. Она писала брату в первой части своего длинного письма о своих религиозных исканиях, в которых она близко подходит к взглядам Л. Н., а во второй части о том, что она читала у Оуэна, Маркса и чему она от них научилась. Л. Н., когда читали вслух это письмо, первой частью был растроган до слез. Его читали третьего дня вечером.

— Написать ей,— сказал вчера Л. Н., когда еще не написал своего ответа на ее письмо,— это мне очень трудно и привлекательно.

Сегодня в числе прохожих было несколько человек, революционно настроенных. Л. Н. заговорил с одним из них и спросил, революционер ли он. «Да»,— и начал говорить: «Когда Шереметев может жить так богато, почему я должен жить бедно, почему мне не грабить?»

Л. Н.: Когда держалось это (существующий строй) гипнозом, можно было его удержать, но когда это держится силой — тогда нельзя.

Л. Н. получил на днях два характерных письма: одно о том же, о чем говорил революционер, а другое от человека религиозного, который пишет, что богатство других его не беспокоит.

С. Д. Николаев прислал Л. Н. сочинение Элизе Реклю «Земля и человек» [2]. Л. Н. желал читать эту книгу для своих геоэтнографических уроков с учениками. Но, посмотрев, сказал, что не будет читать.

Я: Очень подробно и много ненужного.

Л. Н.: Начинается с фантастического, какой был первобытный человек. Это такая же фантазия, как то, что был рай.

Мы сидели за чаем: Александра Львовна, Абрикосов, Юлия Ивановна, Чертков, Гусев, Плюснин. Л. Н. бывает в особенно хорошем, добром, минорном, поэтическом настроении, когда беседует с Чертковым наедине или при немногих. Так просто и непринужденно беседует с ним, расспрашивает его про всякие житейские подробности его жизни. Вчера в кабинете Л. Н. расспрашивал Черткова про его юношескую, холостую жизнь, и Чертков рассказывал ему о ней, должно быть, обстоятельно, т. к. беседовали они часа два.

Л. Н. сказал, что он прочел бы драмы своего сына Левы [3] и И. Ф. Наживина [4]. Я встал поискать эти книги на подзеркальном столе. Л. Н. заметил, что не следовало мне так коротко стричь бороду, седины с боков, что мне уже надо быть старичком.

Говорили о японцах, китайцах, о прочитанном вчера вслух письме Перна к Е. И. Попову. Х. Абрикосов подметил, что Перна пишет о ком-то: «Он уже человек пожилой, ему тридцать лет».

Хрисанф: Мне столько же, а я никак не воображаю себя пожилым, а очень молодым.

Л. Н.: Так будет (было со мной) и когда вам будет сорок лет и больше. А я до сих пор думаю, что мне только двадцать лет. Все эти телесные слабости мне не показывают мою старость, а духовная — какая тут старость, все молодеешь. Няня, моя ровесница, сказала мне на днях, что чем старше, тем все лучше и лучше, все менее сердится, добрее становится.

Хрисанф стал, как он умеет, хорошо рассказывать про их няню, шестидесятилетнюю старушку, поступившую к ним недавно. Какая она неправославная. Другие любят по церквам ходить, ставить свечи, целовать иконы, а она, когда они были в Москве, отпросилась только в баню. Спрашивала его про Черткова, где живет и за что его выслали. Хрисанф сказал ей, что за веру. Няня спросила: «Это за дедушкину?» (Наталье Леонидовне Л. Н. приходится дедушкой). «Он ничему дурному не учит»,— сказала она про Л. Н. А Наталья Леонидовна рассказала, что спросила няню, почему она не говеет; та ответила, что у нее грехов нет: «Пить не пью, ругаться не ругаюсь, а другие какие же там грехи?»

Это Л. Н. очень понравилось, и разговорился о нянях (о нашей, Таниной, Лининой).

— Положение их вообще хорошее. Все за ними ухаживают. Вопрос роскоши для них не существует, а с малыми детьми очень приятно. Я желал бы быть няней,— все это говорил Л. Н. тоном радостного умиления.

Л. Н.: Танина няня хорошая, но не такая, как ваша. Они в душе отошли от обрядностей и исполняют их только по привычке и чтобы не отстать от других. Но у них в душе не пусто (в смысле веры).

Что-то говорил, что как ему близки такие души, в которых есть — хотя православная — вера.

Вечером Л. Н. зашел к Черткову, который рано ложился спать. В 10.40 ушел к себе. Я зашел в 11.30 к нему, в гостиной дождался, когда Л. Н. выйдет, хотел выслушать сердце, но Л. Н. сказал, что ему лучше, и перемешил разговор. Сказал, что прочел драмы «Моя родина» Льва Львовича и «В долине скорби» Наживина. Видимо, не получил удовольствия.

Про первую он сказал: «Очень наивно», а про вторую — что в ней очень много напутано, не разработано.

Гусев завален работой: «Кругом чтения», перепиской, посылкой книг (сегодня вместе с Плюсниным изготовил около тридцати посылок).

Л. Н. сегодня написал Е. И. Попову письмо, которое просил не копировать — слишком серьезное, интимное [5].

Я попросил Л. Н. подписать портреты Калалу, Шкультеты и Словацкому музыкальному обществу [6].

18 января. Вечером В. Г. Чертков читал Л. Н. из своего журнала «Свободное слово» и книги «Наша революция» выдержки, которые войдут в его новую статью о стеснениях свободы совести в России новыми циркулярами (после законов 17 апреля и 17 октября 1905 г.), по которым можно переходить в неправославные вероисповедания только добровольно, пропаганда запрещена.

Л. Н.: Свежему человеку непонятно, как правительство запрещает веровать. Как же магометанское правительство запретит исповедовать буддизм; наверное, оно этого не пытается делать. И у нас власть основана на извращении христианства.

Л. Н. слушал на лестнице, как Александра Львовна играла Грига, и, когда она пришла в залу, заговорил с ней о ее игре.

Л. Н. сказал Владимиру Григорьевичу о музыке, что она очень хороша.

— По правде сказать, когда играют знаменитости, бывает стеснительно, нужно благодарить. (Поэтому Л. Н. приятнее бывает слушать Сергея Львовича или Александру Львовну.)

Чертков желал бы съездить к Булыгиным, но не успеет. Л. Н. хвалил их и говорил про Сережу Булыгина, как он приходил в свитке при двадцати восьми градусах мороза: он не допускает никаких шуб.

— Как это происходит, что второе поколение там, где родители серьезны (Сергеенко, Чертков, Скороходов), не только остается в тех же убеждениях, но идет еще дальше?

Я был очень усталый, ушел спать. Л. Н. с 6.30 до 9.30 сидел в зале и разговаривал с Чертковым. Юлия Ивановна сказала мне, что, между прочим, говорили про Наживина, распекли его за его самоуверенность, поспешность в писании, навязывание своих взглядов, проповедование христианства вместе с нехристианским, осудительным отношением к людям. Л. Н. хочет ему написать письмо [1].

19 января. Утром приехал П. И. Бирюков. В 7 часов вечера приехал Андрей Львович. Днем к В. Г. Черткову приехал архитектор с планом для постройки дома в Телятинках. Большой двухэтажный дом, тридцать комнат, зала втрое больше и на два аршина выше нашей, смета 35 000. Л. Н. охал.

За обедом Хрисанф сказал, что в их деревне у всех крестьян курные избы, только одна изба с трубой.

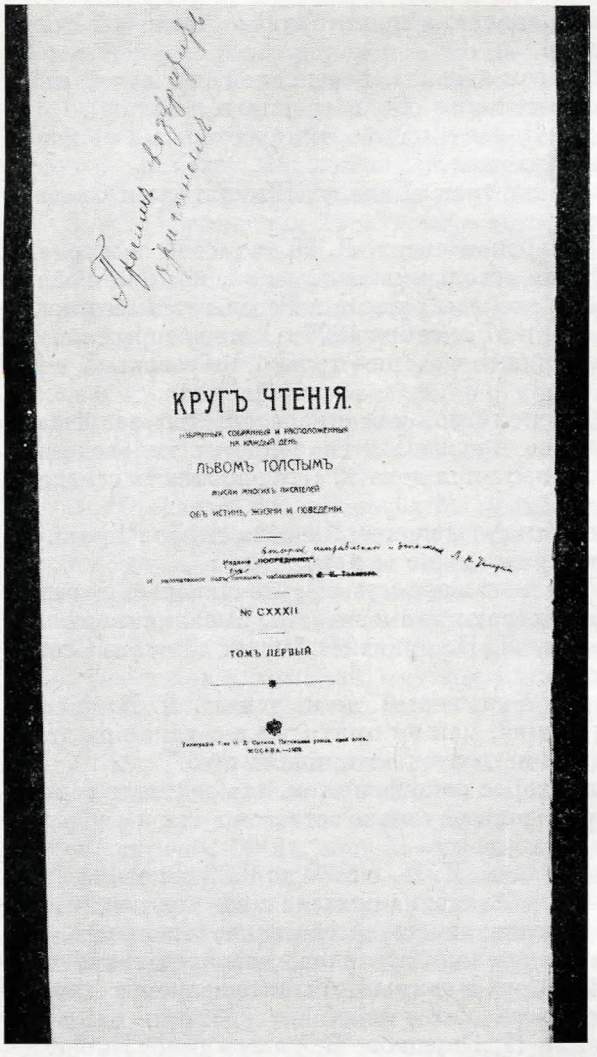
Л. Н.: На моей памяти в Ясной были все избы курные.

П. И. Бирюков говорил о речи Бюлова против поляков с предложением ассигновать 350 миллионов марок на выкуп польских земель.

Л. Н.: Такие вещи мне подтверждают состояние безумия, в котором мы находимся. И это меня радует, потому что бессмысленно, потому что этот же расчет делают и французы и японцы. Бессмыслица. Не достигает цели. Планы ни на чем не основаны. Умнее дети, которые играют; умнее их расчеты, чем такие неопределенные планы. Лежит толстая палка, я ее возьму — другой все равно возьмет палку еще потолще. Как только разговор об общих делах народа, так милитаризм, условные термины.

Л. Н. спросил об Эртеле, пишет ли еще.

— Его вещи очень хороши были, лучше, чем то, что теперь печатается. Он освободился от этого литературного тщеславия,— сказал Л. Н.



КРУГЪ ЧТЕНІЯ.

ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ

№ CXXXII

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

КОРРЕКТУРА ВТОРОГО ИЗДАНИЯ «КРУГА ЧТЕНИЯ», 1908.

Гранки титульного листа. Исправления рукой Н. Н. Гусева

«Л. Н. ... вчера послал Сытину прочитанные корректуры первых двух месяцев нового издания «Круга чтения».— Запись от 9 марта 1908 г.

За чаем В. В. Плюснин рассказывал о духоборах. Л. Н. вспомнил про «свободников», которые опять вернулись на юг проповедовать; о них писал ему на днях Сахатов [1].

— Очень интересные люди. Тут есть некоторое педантство, внешнее: не пользоваться трудом животных.

Плюснин спросил, почему раздеваются? (одно время «свободники» пытались ходить без одежды).

Л. Н.: Потому что одежда из шерсти животных.

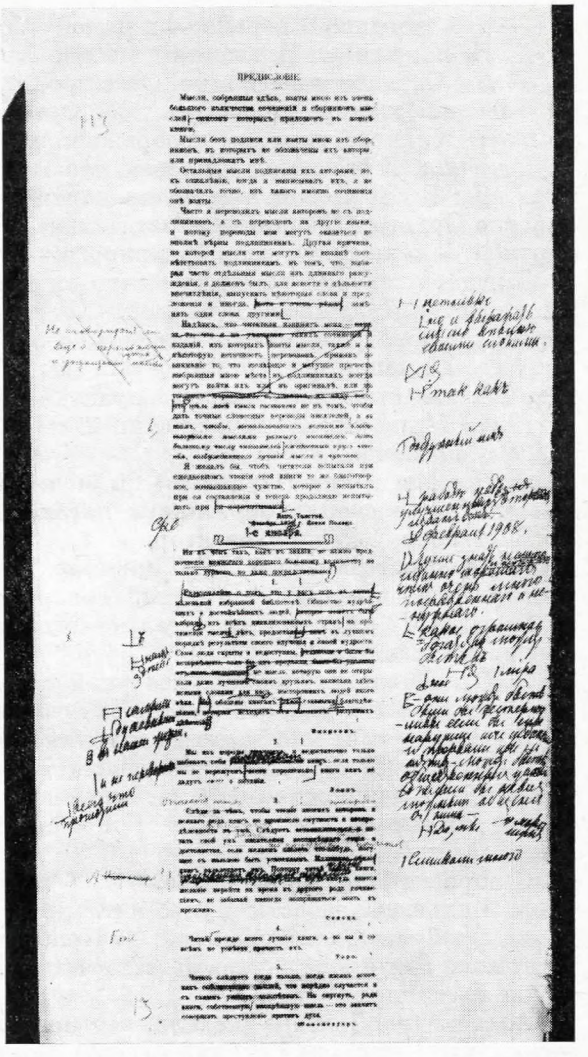
О постройке дома Черткова Л. Н. сказал Марии Александровне:

— Что вам сказать? Мне всякие такие учреждения чужды; устроится само собой, когда нужно.

Об архитекторе Гусев говорил, что спросил его, читал ли он Л. Н. Он ответил: «Нет, мало».

Л. Н.: По нему видно, он нетронутый человек.

Заговорили о революционном эмигранте Теплове, живущем в Лондоне. Он давно писал Л. Н-чу, и Л. Н. ответил ему очень хорошим письмом (копия у Черткова, он хвалил письмо), но Теплов был недоволен ответом



КОРРЕКТУРА ВТОРОГО ИЗДАНИЯ «КРУГА ЧТЕНИЯ», 1908

Гранки предисловия и мыслей на 1 января

Исправления Толстого (чернилами) и Н. Н. Гусева

Л. Н-ча. Теплов писал Л. Н., что голос божий может заставить человека сделать насилие [2].

Л. Н.: Я как раз пишу теперь о том, что старые мудрецы, браминские, китайские, указали, что страсти мешают проявлению любви [3]. Но есть одно, чего прежние мудрецы не указали (а указал Христос), это есть непротивление злу злом, и он показал главную черту любви, то, что для меня уясняет силу любви. И вдруг являются люди, отрицающие эту черту.

Л. Н. сказал, что сегодня были оборванные прохожие, рабочие, административно высланные. На вопрос Л. Н. ответил один из них: «Что же, надо постоять за народ, нечего жалеть себя, надо потерпеть».

Л. Н. спросил о Н. Н. Ге. Плюснин и Бирюков рассказывали про его детей, что они ошвейцарились, и про него. Он учителем в гимназии Фидлера.

Л. Н.: Колечка, что бы он ни говорил, он наш. Он увлекается, но он полон любви.

О социал-революционном девизе «В борьбе обретешь ты право свое» Л. Н. сказал:

— Это чудесно! В борьбе — в какой борьбе? И право — какое право?

Л. Н. спрашивал Плюснина еще про Хилкова.

Л. Н.: Славное у него лицо. Он с проседью?

Плюснин стал рассказывать про Хилкова. Одно поразило его: стены комнаты Хилкова увешаны изображениями голых женщин.

Плюснин: Я его хотел спросить, что это означает.

Л. Н.: В «Трудовом пути» есть картина женщины полунагой и рядом картина Орлова. Женщина отвратительная, но прекрасно сделана. Орлова картина — священник собирает пироги — умная, но недобрая [4].

Бирюков говорил об Орлове, что он теперь пишет иконы в церквах Орловской и Калужской губерний. Он скопил себе немного денег и пишет картину такого содержания: раненого солдата награждают Георгием, а по лицу его не видно, рад он этому или нет [5]. Бирюков о нем, что он всегда весел, какая бы у него ни была нужда.

Юлия Ивановна: Художественный клуб по просьбе Сергея Львовича дал ему пособие.

Л. Н.: Мы с ним (Орловым) были в Паниках, а оттуда в Бегичевку рысью. Он на своих коротеньких ногах подпрыгивал. Это шесть верст.

В 11 ночи уехал архитектор.

20 января. Приехал А. М. Хирьяков. Из Тулы пешком пришел двадцатипятилетний крестьянин Арсений Токарев, живущий в тридцати верстах от Тулы. Л. Н., как он ни устал, беседовал с ним больше часа. Крестьянин понравился ему.

Л. Н.: Правило Джемса: поступай с человеком так, как если бы ты уже имел чувства (любовь), которые хочешь иметь.

Л. Н. получает письма от подписчиков журнала «Ясная Поляна», издающегося в Петербурге, жалующихся, что фирма эта не дает того, что обещала подписчикам. Л. Н. прочел из письма и объяснил Токареву:

— Это фирма, которая издает мои сочинения, мошенническая и всех обманывает.

Я спросил Л. Н. о здоровье.

— Большая слабость, пульс шестьдесят, слаб, перебоев нет, — и прибавил с добродушной усмешкой: — Приближаюсь к дому.

Я пощупал пульс — восемьдесят четыре. Но Л. Н. только что поднялся по лестнице.

Александра Львовна жалела, что продала половину Телятинок Чертковым, что Чертковы едут там строить такой большой дом и вести пропаганду, и Л. Н-чу не будет стариковского покоя. И теперь Чертков относится очень деспотически. Постоянно останавливает его на прогулке, снимает. Софья Андреевна раз в год снимает его и то как не рада, что беспокоит его. Чертков берет у Л. Н. рукописи. Это и Гольденвейзер — взял списать такую рукопись («позволите переписать?»). Л. Н. не скажет нет, но по тону его ответа надо судить деликатному человеку, что неохотно дает согласие, позволяет. Александра Львовна думала, что этой рукописи никто не знает, кроме Марии Львовны и Л. Н. Мария Львовна переписывала ее и смотрела на нее, как на святая святых [1].

Я получил телеграмму о серьезной болезни моего отца и решил завтра же поехать к нему.

21 января. Сегодня утром я уехал к больному отцу.

В десять часов я зашел в кабинет к Л. Н-чу. Л. Н. сидел в кресле в углу, за малым круглым столом, против него сидел Бирюков. Л. Н. собирался пить кофе. Я стал прощаться с ним. Л. Н. поцеловал меня и сказал:

— Желаю вам поступить самым лучшим образом, чтобы вам сделать то, что его сердцу самое приятное. Будем ждать от вас всякие известия; что будет, то хорошо. Прощайте!

Дома я пробыл с 24 января до 4 марта. Шестого я вернулся в Ясную [1]...

7 марта. Первые слова, которыми меня встретил Илья Васильевич, были: «Лев Николаевич очень тужит, что вас побеспокоили, то есть телеграммой отозвали от больного отца, который в вас нуждался. Он даже не знал, что телеграфировали» [1].

9 марта. Воскресенье. Дома: Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Н. Н. Гусев и я. Л. Н. очень одобрил новую книжку Наживина «Голоса народов» [1]. Вчера послал Сытину прочитанные корректуры первых двух месяцев нового издания «Круга чтения».

За обедом Гусев:

— Я прочел письмо к вам, Лев Николаевич, ученика учительской семинарии в Иркутске. Первая страница мне очень не понравилась. Пишет о боге: «Как у нас есть монарх и депутаты, так и на небе бог, Христос — депутат, а вы, Лев Николаевич, предвестник другого депутата». Но, прочитав все письмо, увидел, что это остатки суеверия (якутского) [2].

Л. Н.: Сегодня я получил письмо от «бессмертника», ответ на мой ответ ему. Не разубедил его. Он пишет: «Как же вы пишете, что вы одной ногой в гробу? Ведь доктора вас лечат, они не стали бы лечить, если бы вы были при смерти» [3].

Гусев: Стало быть, понимание бессмертия у него основано на материальных предположениях.

Л. Н. спросил меня, куда я ездил.

— В Коледино, к старушке восьмидесяти лет. Она упала с лежанки и сломала себе ребро.

Л. Н.: Русская бедность после заграницы, должно быть, поразила вас?

Я: У нас беднее живут. Именно там, где я был врачом, в деревнях около Летавы, на каждого домохозяина приходится 1,4 морга земли, то есть не целая десятина. Тут, в Ясной, только в одном дворе живут двое хозяев. У нас же на одном дворе иногда по шесть-семь хозяев: комната о комнату — целый переулочек. Тут хлеб постоянно есть, у нас же не так, а картошка да капуста. Тут семьи живут вместе, если отец работает в городе. У нас из каждой семьи два-три человека уходят на заработки: отец — в отхожие промыслы, сын — в Америку или в город на фабрику, дочь — на службу. А русские (угорские) или румыны еще теснее живут. У них не так просторно.

Л. Н.: А маджары?

Я: У них за последние тридцать лет стало много безземельных (земля отошла к адвокатам, землевладельцам), и они тоже плохо живут.

Л. Н.: Как обманчива заграница! Когда я ездил по заграничным городам, мне казалось, что там везде благосостояние.

Л. Н.: Духоборы, «свободники» картофель сырой едят.

Гусев спросил, не у Наживина ли («Голоса народов») он об этом читал?

Л. Н.: Да. Он это, наверно, взял из Бодянского («Духоборы»). Я его (Бодянского) не читал.

Л. Н. принес Софье Андреевне книгу «The Black Stain» by George R. Sims — члена общества защиты голодных, заброшенных детей в Англии [4].

Л. Н.: Книга эта живо описывает ужасное положение детей пьяниц в Лондоне, Бирмингаме.

Вечером, за чаем, в 9.30, Л. Н. принес письма для ответа Гусеву. Принес «Наш журнал» — очевидно, продолжение запрещенного «Трудового пути». Рассказал о помещенном там рассказе Леонида Андреева «Иван Иванович» [5].

— Ниже, чем посредственно, бездарность, — сказал Л. Н. и стал — впрочем, с трудом — припоминать имена: Куприн... Серафимович... Арцыбашев, — как более художественно пишущих, чем Андреев.

После этого прискорбного интермеццо (что выставляемый современной прессой за лучшего русский писатель — такая бездарность), Л. Н. сказал:

— Я читал теперь, в кабинете, не это («Наш журнал»), — сказал, как бы оправдываясь, что долго засиделся в кабинете, — а Бернарда Шоу [6]. Очень умно. Он за социализм против анархизма. Мне это очень интересно. Он выставляет слабые стороны социализма. Два главных имени социализма и анархизма — Бакунин и Кропоткин — русские. Это авторитеты, с которыми не спорят. Бернард Шоу очень даровит. Его драмы, рассказы и особенно статьи даровиты.

Л. Н. хотел прочесть вслух что-нибудь и стал читать из «Нашего журнала» описание Гельсингфорса Куприна [7]. Читал спешно строк 30 и бросил — неинтересно.

Потом рассуждал Л. Н., как это Финляндию, Польшу с одной стороны русские, с другой — пруссаки и австрийские немцы хотят проглотить. На что это, кому это нужно?

Софья Андреевна: Никому...

Л. Н.: Меньшиков не этого мнения.

Потом Л. Н. вспомнил, что в «Руси» (теперь с четверть года читает не «Новое время», а «Русь») перепечатано о том, как хранятся рукописи Л. Н. у Черткова в Крайсчерче (в Англии). Гусев прочел вслух. Прочел место: «Теперь, при преклонном возрасте его, опасность конфискации или обыска, надо полагать, миновала. Беспокоит нас в этом отношении только Союз русского народа, который, как известно, в своей дикости не знает границ. С этой стороны всего можно ожидать» [8].

10 марта. Понедельник. Л. Н. после болезни, начавшейся дней восемь тому назад, первый раз поехал верхом — к кузнецу под Косую Гору и там оставил лошадь ковать, сам же пошел пешком на Рудакову Гору.

За обедом Софья Андреевна разговорилась о чествовании 80-летия Л. Н., какие есть проекты: дешевое издание сочинений, устройство читален, высаживание деревьев и т. д. Я припомнил, что̀ предлагает Владимир Поссе (см. «Новое время», 8 марта) [1].

Л. Н.: Это хорошо. Кто такой Поссе?

Долго не мог вспомнить, потом вспомнил его по сотрудничеству в гайдебуровской «Неделе» [2].

Вечером Л. Н. продиктовал в фонограф шесть ответов на письма. Произносил ясно, громко, отчетливо, равномерно. Потом воспроизвел, призвав нас — Юлию Ивановну, Гусева и меня — в кабинет. Можно было все понять, только в хрипящем и крикливом голосе граммофона не был узнаваем мягкий, спокойный, выразительный, мужественный голос Л. Н.

К чаю вышел в 9.30. Мне передал написанный им английский ответ Болтону Холлу о Генри Джордже — исправить со словарем и переписать [3]. Я не нашел ошибок.

Потом я прочел Л. Н. о побоище в Черновой 21 октября («Blutbad bei Kirchenweine») и о суде над черновцами.

Л. Н. внимательно слушал и задавал вопросы. Был потрясен и возмущен, делал замечания, что творится такое и в стране конституционной, не в одной России. Но казалось ему слишком односторонне написанным, не хотелось верить, чтобы черновцы были так невинны, пассивны, как описано в прочтенной статье [4].

Л. Н.: Послать бы в газету.

Я спросил Л. Н., не поместит ли он этот образец государственного насилия над невинными людьми в свою новую статью. (Л. Н. сам в декабре говорил об этом.) Л. Н. допускал возможность, что поместит, и особенно потому, что это недавнее происшествие [5].

Я еще прочел из «Нового времени» от 6 марта (№ 11488) корреспонден-

цию из Лондона «Мадьярский произвол над словаками» — о суде над черновцами, кончающуюся тем, что Бьёрнстьерне Бьёрнсон готовит по этому поводу новое обличительное сочинение против мадьярского режима.

Л. Н.: Таня виделась с ним (Бьёрнсоном) в Риме. Свежий старик [6].

Разговор перешел на иную тему. Гусев заговорил об ином. Я еще раз вернулся к черновцам, но разговор о них не возобновился.

Л. Н. о Наживине и его книжке «Голоса народов»:

— Он пишет об одних браминах, бабистах, духоборах, а мало ли в Китае и инде теософов, искателей.

Гусев: «Голоса народов» — это первый выпуск, будет продолжать.

Сравнительно рано, в 9.30, как и вчера, разошлись спать.

11 марта. Вторник. Л. Н. ходил гулять на Козловку, назад — на санях. Встает в 8 часов, в 8.30 выходит гулять, в десятом начинает работать, в час пополудни кончает, под вечер, с 5 часов до 6.30 — 7, спит, спит дольше, чем раньше, в прошлом году, и перестал раздеваться, ложится одетый.

Софье Андреевне казалось, что Л. Н. меньше ее: смерилась с ним — она ему до бровей.

Л. Н. за завтраком Гусеву о фельетоне в «Новом времени» (о юбилее Толстого):

— Меньшиков как ловко пишет! Во многом прав [1].

Это мне Гусев сказал, и он же рассказал, что Л. Н. «Новое время» перестал читать, заявив, что оно «все одно и то же», и о Меньшикове, когда Татьяна Львовна прислала из Рима какие-то статьи его, выразился, что он «отвратительно пишет»; присутствовавший С. И. Танеев заметил: «Ведь Меньшиков был прежде вашим последователем?», на что Л. Н. возразил: «Я, по крайней мере, никогда его своим последователем не считал». Этот фельетон Меньшикова понравился Софье Андреевне.

За обедом говорили об ужасном множестве снега; его столько, сколько старые люди не запомнят.

Л. Н. спросил:

— Душан Петрович, нехорошие известия из дому получили? (т. е. о больном отце).

И потом расспрашивал про родных. Л. Н-ча очень мучит, что мне телеграфировали, что он заболел и я вернулся от больного отца.

Софья Андреевна говорила про свои Записки, пишет 1889 г. Вспоминала Урусова. Он говорил, что не mens sana in corpore sano *, а наоборот. Л. Н. соглашался, что mente sana — corpus sanum **. Он сегодня отвечал французской газете на вопрос, с каких пор вегетарианствует и как вегетарианство действовало на него. Ответил: 25 лет [2]. Софья Андреевна поправила его, что он еще в 1889 году ел осетрину; что он тогда несколько раз переходил от вегетарианства к убоине. Л. Н. не мог вспомнить и удивлялся этому, т. к., оставив-де мясо, никакого лишения не испытал — не то, когда бросил курение. Бросить курить было ему трудно.

Л. Н. ел за обедом брынзу, которую я привез из Липтова. Спрашивал, как ее делают.

Л. Н.: Сегодня поезд на юг имел тридцать вагонов; что они возят? Этого я никогда не пойму: поезда товарные и обозы с вином.

Л. Н. про письмо Ивана Ивановича, в котором жалуется на тяжелое положение «Посредника». Теперь административным порядком запрещают магазинам продажу книг [3]. Л. Н. перечислял: «Соединение и перевод Евангелий» (три тома), «Календарь на 1908 год», Сэндерленда «Библию», Наживина что-то. Л. Н. с сочувствием говорил про тяжесть положения Ивана Ивановича (стоящего иногда на краю финансового краха) и о большой ра-

---

* в здоровом теле здоровый дух (*лат.*).

** дух здоров — тело здорово (*лат.*).

боте, сделанной им. В голосе слышалась грусть. Мне думалось, что ему тяжело за новое издание «Круга чтения», которое перешло к Сытину [4].

Кто-то заметил, что Горбуновы заложили зимние вещи в ломбард и что так делают сколько лет, чтобы протянуть лето, до продажи школьных книг осенью.

Л. Н. решил завтра начать занятия с мальчиками от часу до двух часов дня. Будет читать с ними корректуры «Детского Евангелия», т. е. сокращение и упрощение краткого изложения «Евангелия» [5].

— С ними видно, — сказал Л. Н., — что́ нужно поправить, они все («Евангелие») хорошо знают. А «Круг чтения» плохо идет с ними. Над ним надо еще много поработать; сделаю, если буду жив.

Вчера я услышал от Софьи Андреевны, что Гусев не читал ни «Войны и мира», ни «Анны Карениной». Гусев объяснил это тем, что ему некогда их читать и не нужно, когда есть «Круг чтения», зато он знает «Круг чтения» основательно. Софья Андреевна считает это невежеством и..... * Гусев ответил мне, что ему дорого, если Л. Н. делает приписки к его письмам (ответам на письма к Л. Н. посторонних лиц) или напишет: «Гусев ответил на ваши вопросы так, как я бы ответил на них». «Вот этого мне добиться, — говорил Гусев, — стоило немало труда, направить мысль в этом направлении».

Л. Н. вышел в 10.40. Принес девять писем, шесть из них по фонографу списал Гусев, Л. Н. еще пересмотрел их, одно списал я [6]. Стал быстро ходить по зале, холодно ему было. Софья Андреевна ему предложила чаю с коньяком.

Л. Н.: Самое большое лишение (из мяса, курения, вина) — это вино.

Софья Андреевна: Почему же не пьешь его?

Л. Н. ответил что-то, что не следует пить его.

Софья Андреевна вспомнила:

— Таня вряд ли приедет. В деревне 16 случаев коклюша.

Л. Н.: Кто это усмотрит? Одна болезнь кончается, другая начинается (сказал в том смысле, что не надо бояться, не надо избегать).

Л. Н. получает — и сегодня — рукописи с письмами, из которых явственно (иногда скрыто), что пишут ради денег.

Л. Н.: Ради честолюбия — еще понятно: находишь сочувствие своим мыслям; но умственную деятельность сопрягать с деньгами — это отвратительно.

12 марта. Среда. Л. Н. гулял. За обедом разговор. Софья Андреевна начала его, сообщив, что получено письмо от архиепископа (А. П. Храповицкого) о возвращении Л. Н. в Церковь. Софья Андреевна спросила, что ответить. Л. Н. сказал, что он на прогулке обдумал ответ [1].

Софья Андреевна объясняла, что хотят вернуть Л. Н. для того, чтобы возможны были церковные похороны.

Л. Н. спросил, кто такой Храповицкий. Николай Николаевич ответил, что председатель миссионерского съезда в Казани 1897 года. Он писал к Л. Н. письма в печати, очень сдержанно. (Убеждал его вернуться в православие.)

Л. Н.: Я думаю, что, точно, я очень умен, потому что никого не обращал — это неуважение (обращение в веру). Неужели мне, 80-летнему, Антоний что нового скажет, что́ я не передумал? Точно так же, как я не сказал ничего нового Антонию (он все это знает). У него устройство психики такое, что все это соскакивает (с него).

Л. Н. (*ко мне*): Получил большое восторженное письмо от Досева [2]. Он пропагандист. Христианское — одна своя, внутренняя работа, — она важна. Есть двоякая деятельность: свое, внутреннее отношение и внешнее

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ ПАРКЕ
Январь — февраль 1908 г.
Фотография В. Г. Черткова

воздействие. Иногда человек умный бросается на внешнее воздействие. Ищите царства божия, и все остальное — это внешнее воздействие — приложится вам. Есть люди, которые на это одно внешнее воздействие отдаются. Тут ничего дурного нет, но это не то.

Николай Николаевич сказал Л. Н., что тут крестьянин из Лаптикова, средних лет, пришедший поговорить о вере. Л. Н. был очень рад и пошел к нему. В дверях остановился и спросил Николая Николаевича:

— Читали вы «Письма к ближним» Меньшикова? В них письмо Чехова к нему. Интересно, что он пишет о себе, что он (Чехов) неверующий [3]. Очень интересен всегда мне был он — как и многие — тем странным отношением «пожалуйста, не трогайте меня» (не говорите про христианство), которые боятся, что христианство расторгнет его спокойствие, которое он себе устроил.

За вечерним чаем Л. Н. рассказал, что, возвращаясь с Козловки, написал палкой на снегу: «Братья, любите друг друга».

Говорил про своих учеников, из них шесть выдающихся: Коля Орехов — это первый..... *, Болхин..... *, Шураев..... *, брат Архипки.

Сегодня первый раз после болезни учил в третьем часу пополудни в продолжение четверти часа одиннадцать мальчиков.

Софья Андреевна вырезывала из газет, что̀ пишут по поводу ожидаемого юбилея 80-летия Л. Н. со дня рождения, и говорила, что ежедневно, в каждом номере газет, есть статья.

Нынче присылают следующие газеты: «Новое время», «Русь», «Русские ведомости», «Слово», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Сибирь» (Иркутск).

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н.: Зачем вырезывать? Откладывать номера.

Л. Н. (*ко мне*): Бодянский написал длинное письмо, как чествовать Толстого: «Заключить его в тюрьму — его последователей сажают. Это ему будет самое настоящее удовлетворение» [4]. Совершенная правда.

Софья Андреевна протестовала:

— Там распух бы, чистой постели не было бы.

Л. Н.: Уверяю тебя, что было бы приятно. Хоть было бы верное избавление от празднования — туда, куда-нибудь в Крапивну, с венками не пришли бы.

Софья Андреевна соглашалась, что духовно было бы спокойно.

Л. Н.: Не напечатала ни одна газета (письма Бодянского).

13 марта. Утром приехала Мария Александровна.

По поводу подготовляемых торжеств М. А. Стахович по поручению Петербургского комитета чествования 80-летия поехал за границу для договоров по этому делу с заграничными инициаторами. Л. Н. просил, нельзя ли это прекратить, и написал отказ от юбилейных торжеств [1].

Приехал М. В. Булыгин. Ночью ожидается Александра Львовна. Михаил Васильевич рассказывал о предполагаемом соборе; ожидают, что он мог бы поправить православную церковь.

Л. Н.: Искажение церкви так далеко зашло, что ничего сделать нельзя.

Мария Александровна списывала детское «Евангелие» и сказала мне, что Л. Н. все переделал, много поработал.

Л. Н.: Сегодня с мальчиками читал прощальную беседу (Иисуса Христа с учениками) [2]. Ах, как хороша! Говорит о любви. Нигде так ясно, просто не высказано.

Л. Н.: Как это несносно: все это разбилось на бесчисленное количество партий; враждуют.

Л. Н.: У Рокфеллера 20 миллиардов. Это указывает на развращенность существующего строя.

Мария Александровна не понимала, сколько это 20 миллиардов. Л. Н. объяснял ей: 20 тысяч миллионов. 20 тысяч — это уж несчетно много...

14 марта. Ночью приехала Александра Львовна; утром в 17° мороза на санях из Тулы в осеннем пальто приехал сибиряк 20-ти лет из Омска, слесарь, помощник машиниста. Он читал случайно «Крейцерову сонату», и вся жизнь его перевернулась. Написал Л. Н-чу горячее письмо о целомудрии, получил ответ, написал снова хорошее письмо. Отсюда поедет в колонию Беневского. Симпатичное лицо, нервный, деятельный [1].

Л. Н. ездил верхом, но снег очень глубокий.

— Я, — говорил Л. Н., — как встречные, поворачиваю до места, где можно объехать. А то, если посторонишься в снег, лошадь проваливается передними ногами, а зад торчит, потом проваливается задними ногами, а перёд высоко, делает разные гамбады *. Нельзя рассчитать, какие движения, становится на дыбы, можно упасть.

Л. Н. получил из Ясенок тринадцать заказных писем, принесли почту и вчера и третьего дня. Получил «Рассказы для детей» Глеба Макарова (Ярославль, 1907) в 20—30 экземплярах [2]. Нравились ему, читал вслух нам и мальчикам в школе и им роздал. Получил от Вересаева «На войне» [3].

Просил Юлию Ивановну достать ему открытки и картинки из Третьяковской галереи: Верещагина, Орлова и т. д. для мальчиков. Сегодня почтой получил — неизвестно от кого — некоторые и показывал их мальчикам. Когда показывал узника, стоящего на столе и смотрящего в окно [4], напомнил им Гусева, что он тоже был заключенный.

---

* скачки́ (*франц.* gambades).

— Напрасно, — отозвался один мальчик.

— Не напрасно, за мои книжки, — сказал Л. Н.

Вечером взял иллюстрированное прибавление к «Новому времени», где на первой странице безвкусные, грубые карикатуры, «Дневник кавказского человека» — кавказца, убившего татарина и жарящего его ногу [5].

— Карикатуры! — сказал, как бы вздохнув, Л. Н. — Ах, не люблю я! Особенно в «Руси». Там читаешь смертные приговоры, а рядом карикатуры. Это кощунство.

Софья Андреевна стала переписывать на ремингтоне то, что пишет Л. Н. Когда он болел, ей показалось, что она так мало помогала ему, служила, за ним ходила, с ним говорила в последнее время, — каялась в этом, что хочется ей поправить.

Рассказывала про 1889 год своих мемуаров, кто бывал у них из молодых людей «темных». Имена записала, но вспомнить большую часть не может. Л. Н. тоже мало кого помнил. После, когда остались у чая одни, Л. Н., Мария Александровна и я, Л. Н. к Марии Александровне:

— Как я успел все забыть, кроме того, что мне нужно (для духовной работы). А кто замуж вышел и... не помню. Вы мне припомнили Ге, все его картины вспомнил. Знаете вы про Ге? — спросил Л. Н. вошедшего Гусева. — И Л. Н. стал вспоминать, как он (Ге) восторгался хорошим. «Он больше затевал, чем мог исполнить. Был совершенный ребенок» (в 60 лет). Потом говорил о его сыновьях — Николае и Петре. — Сыновьям его далеко до него.

Мария Александровна спросила, пишет ли Л. Н-чу Колечка (Н. Н. Гесын).

Л. Н. сказал, что он не пишет; это соответствует его характеру. Он не любит сентиментальности и молчит.

15 марта. В «Русском слове» 14 марта Курбский (Г. С. Петров) в статье «У Л. Н. Толстого» описывает недавнее посещение Л. Н. [1] За внешним почтением бесконечная далекость духовная (внутренняя). Он вообще пишет, выступает не как литератор, революционер, а во имя высших (христианских) соображений, а тут, в этом фельетоне, пишет о Л. Н., что самосовершенствование не нужно.

Л. Н. об этом фельетоне сказал, что это «нам практика в непротивлении». Л. Н. вспомнил текст «Евангелия», который сегодня читал с мальчиками, и по нему бы поступил с Григорием Петровым. Если бы был с ним наедине, сказал бы: «Напрасно вы так думаете о самом важном», — сказал бы ему кротко; а если бы не внял, ушел бы от него.

Л. Н. хочет «милому» Макарову написать и даже отметить баллами его рассказы, будут от 0—1: например, «Петр Великий»; до 5, например, «Мешки». (Как мужик вез мешок овса, сел на него, продавил, и овес рассыпался. Приехав домой, взвесил мешок, сильно негодовал на торговца, что тот его обвесил. На другое утро, ехавши тем же путем, видя полоску овса, обругал ротозеем мужика того, кто рассыпал.)

Л. Н. получил от американской дамы Mrs Isabel Martin Gray (Cincinnati) книгу: «My Mamie Rose. The Story of my Regeneration» by Owen Kildare. New York, 1903 — и даже просмотрел ее [2].

— Неинтересно и плохо, — сказал о ней Л. Н.

16 марта. Л. Н. занимался между прочим корректурой нового (у Сытина) издания старого «Круга чтения». Софья Андреевна с Надеждой Павловной играли в четыре руки, поэтому Л. Н. вышел только в 10.30 и накоротко.

Л. Н. (*ко мне*): Во французской газете пишут, что, по словам «Руси», занимаюсь переводом Виктора Гюго и что это неправда, потому что он (Толстой) не любит стихотворений и занимается только потому, чтобы раз-

венчать Виктора Гюго. Я бы очень рад был случаю, — добавил от себя Л. Н., — заявить мое восхищение Виктором Гюго [1].

Концом «Бедных людей» Л. Н. восторгался. Нашел сделанное Микулич изложение «Бедных людей» Гюго в «Круге чтения» 7 января нехорошим и пожелал найти в библиотеке или купить оригинал и по нему переделать [2]. Л. Н. восторгался также изречениями Ламеннэ, указал на 8 января в «Круге чтения» и сказал:

— Это его место о народе, что все, что важное, выходило, может выходить только из народа [3].

Л. Н.: Я прочел Бирюкова «Духоборцы», очень хорошо составлено [4]. Вы, — обратился к Гусеву, — никому не посылаете ее? Посылайте таким серьезным, — и прибавил: — Я думаю, духоборцы возвратятся (Л. Н. так и сказал: «духоборцы»).

17 марта. Л. Н. ездил с Александрой Львовной в Таптыково.

Л. Н. вечером говорил Гусеву, что если бы общественное мнение было таково, что нельзя было бы писать за деньги, то сразу бы прекратились такие газеты, какие есть.

По поводу газетных толков, приготовлений к чествованию 80-летия Л. Н-ча говорили, что они могут переутомить Л. Н., и Александра Львовна сказала отцу:

— Спрятать тебя, увезти в Пирогово на тот день.

— У нее свой план, а у меня свой, — с задумчивостью сказал Л. Н.

Говорили, что мысль чествовать юбилей случайно возникла в компании Максима Ковалевского, М. А. Стаховича, И. Е. Репина и что воззвание к чествованию написал Г. Петров с Л. Андреевым и Венгеровым.

Разговор о филиппинцах, о духоборах канадских.

Л. Н.: Тогда я был еще молод, когда ожидал от властей исправления.

18 марта. Л. Н. за обедом:

— Получил второе письмо из Японии о том, что меня с радостью ждут. Там распространен слух, что приеду [1]. — И Л. Н. стал шутя говорить, что поедет, и вычислять, сколько туда езды.

После обеда Л. Н. сказал, что пойдет к себе, возьмет книжку и будет читать, а работа — корректура «Круга чтения» — останется несделанной.

Так и вышло, читал браминскую «Бхагавад-Гиту» и письма. Утром хочет читать корректуру «Круга чтения» (сытинскую).

Л. Н. сказал, что в «Бхагавад-Гите» сказано, что работа не есть самое важное дело и что работа тогда хороша, когда не думаешь о последствиях.

Николай Николаевич предлагал Л. Н. изречения Паркера («Свободное слово» Черткова) для «Круга чтения» [2].

Л. Н. говорил, что сегодня искал изречений у Торо, Hazlitt *, Emerson, Carlyle, Ruskin [3]. Эмерсон содержательнее всех. Карлейль Л. Н-чу не нравится.

Николай Николаевич рекомендовал Карпентера.

Л. Н.: Он односторонен и нерелигиозен.

Николай Николаевич: У него ум большой.

Л. Н.: Я сегодня читал браминское изречение: «У кого много ума, надо столько же ума, чтобы управлять им» (пользоваться им — to use it).

19 марта. Утром приехал И. Ф. Наживин, днем — Андрей Львович, в четыре часа он уехал. В три часа пополудни пришел за мной в лечебницу Николай Николаевич, сообщив, что Л. Н. плох: таким слабым голосом говорит, как недели две тому назад после обморока, и, лежа на диване, говорил Александре Львовне, когда ее уже не было в комнате, а там был Илья Васильевич. Л. Н. пожелал пройтись, сказав: «Слабость пройдет на прогулке, на воздухе». — И пошел. Александра Львовна, узнав про его

---

* Hazlitt. Reflections on Life. Thoughts. London, C. W. Daniel, s.a.

слабость, поехала за ним на шоссе, ехала тихо вслед. Л. Н. не заметил. Когда догнала его и он спросил ее, почему не с той стороны приехала, ответила, что хотела побольше полукруг сделать (чтобы не дать ему знать, что опасалась за него). Л. Н. вернулся с желтоватым лицом, посидел с Софьей Андреевной (она не знала про слабость) и Александрой Львовной.

Л. Н. спросил меня об отце, я рассказал, что́ брат пишет о его болезни и слабости.

Софья Андреевна пожалела его за старость и понегодовала на старость вообще.

Л. Н.: Мы так и остаемся ни в чем не согласные. Старость — это такое блаженство. — И на новое возражение Софьи Андреевны Л. Н. продолжал:

— Всплывает божественная сторона, а телесная — страсти — слабеет. Доброжелательство, любовь чувствуешь. Вы, — обратился к Андрею Львовичу, Александре Львовне, — не знаете, не имеете понятия, какое старость благо.

Наживин желал бы издать все места из корреспонденции Л. Н., касающиеся юбилея, не называя лиц, и напечатать эти места хотя бы через Меньшикова, фельетон которого о юбилее Толстого, чтобы его не праздновать, ему очень понравился.

20 марта. Приехали Мария Александровна, Булыгин. Здесь Наживин. Юлия Ивановна уехала сегодня в Москву. Сегодня из Тулы 16 писем, из Засеки 16. Вчера первый раз Л. Н. все письма сам не просмотрел, а поручил Гусеву; сегодня тоже. Некоторые письма были с советами не праздновать юбилей, а некоторые — как праздновать.

Наживин: Зонов рекомендует в тот день молчать. Кто любит Л. Н., пусть в тот день сидит дома и молчит.

Булыгин: Читать Льва Николаевича.

Л. Н.: Излечиваюсь от тщеславия, не дорожу славой. Кто здоров — не дорожит здоровьем, кто богат — богатством. Прежде искал в газетах, где обо мне писано, теперь отворачиваюсь; скорее другое место посмотрю.

Л. Н. почтой получил книгу московского митрополита Иннокентия, что обращал сибирских инородцев, лично ездил к ним: «Указание пути в царствие небесное». М., 1900 [1].

Когда Л. Н. ушел, Наживин вспомнил главу из индийского романа, где четверо возвращаются ночью по Бомбею домой и разговаривают о Л. Н. Он же вспомнил, что японцы в начале войны писали: «Разве жалко Россию? В ней ничего хорошего, кроме любимого Толстого».

Софья Андреевна: Он искренний, это к нему притягивает. Такой всемирной славы никто не добился.

Когда Л. Н. вернулся в залу, завязался разговор о бабизме. Наживину нравится любимое изречение Аббаса Эффенди: «Не будем делать из религии предмета распри». У магометан нравится ему их достоинство.

Л. Н. подробно рассказал, что читал в газете, как ограбили сборщика винных лавок и после убили и его и 17-летнего ямщика. Ужасался. В 80-летней его жизни не случалось такое так часто и легко.

М. В. Булыгин рассказал, как в Засеке, под Тулой, убили лесного сторожа и ограбили (взяли 60 р.) и в Туле лавочника — за три рубля.

Наживин: В Москве теперь всё мелкие грабежи, так как большие учреждения охраняются.

Л. Н. говорил, что в озверении виновны и казни.

— Разве, — сказал Л. Н., — это может проходить даром, что в день шесть казней? Это делают правительственные люди, благословляют священники.

Утром приехал тверской крестьянин «в колонию» — в Ясную Поляну; неинтересен. Вечером приехал Johannes Kordes из Москвы.

Вечером читали вслух письмо Беневской. (Ответ Л. Н-чу.) Чисто умственное, холодное. Не нравилось гостям [2].

Вечером же Николай Николаевич читал вслух сегодня сделанный перевод Л. Н. из Гюго: разговоры материалиста со спиритуалистом [3].

21 марта. Утром уехали Наживин и Булыгин. Писем из Засеки 14. За обедом Мария Александровна, Софья Андреевна, Александра Львовна, Николай Николаевич.

Разговор о чествовании Л. Н-ча. М. А. Стахович спрашивает телеграммой. Софья Андреевна ответила ему по-своему. Она желала бы удачи юбилею, но с тем, чтобы не тревожили Л. Н. Александра Львовна желает одного — не тревожить отца. Боится за его здоровье, и теперь его волнение юбилеем ей тяжело. Стахович склонен чествовать Толстого не ради его и не ради себя, а чтобы его чествовала Россия для России (то, что для нее сделал), и каждая страна также, и чтобы его особы не касались [1].

Когда Софья Андреевна говорила, прочтя из письма Стаховича к ней о том, что чествование Л. Н. будет содействовать исполнению людьми его учения [2], Л. Н. заметил:

— Оттого, что чествуем Христа церквами, обеднями, не исполняем его приказаний.

Софья Андреевна говорила что-то о деньгах для Андрея Львовича.

Л. Н.: Деньги — это только подмазка, по которой спускаются новые. Деньги — никакое ⟨не⟩ счастье.

Вечером Л. Н. говорил Марии Александровне очень наглядно, просто, убедительно, ласково:

— Как это люди не живут любовью? Как естественно, а мучаются.

В «Fortnightly Review» (January 1908) статья Л. Н. «Love one another» (его прощание с ребятами, посетителями Чертковых в 1907 г. в Ясенках) [3]. Л. Н. не мог вспомнить этой статьи и говорил, что ничего не помнит. Когда ему напомнили о ней, сказал:

— Как хорошо, вы не можете себе представить, ослабление памяти в старости! Тем сильнее, энергичнее, плодотворнее идет работа в умственной, религиозной области, когда голова не заполнена тем, что было.

Л. Н. прочел присланный ему французский памфлет Garzon о Южной Америке, как там начинает бить жизнь [4]. Я же рассказал про статью Эллиса о современных испанских идеалах в «Fortnightly Review», что испанские противокатолики не всегда атеисты, а христиане [5].

Л. Н.: Как идет везде невидимая работа, но та самая, которая нужна. Работает мысль, и какая мысль — такие будут поступки.

Пришла Александра Львовна и рассказала про книгу Вересаева «На войне», которая запрещена. Вересаев на днях прислал ее Л. Н. Очень интересна ей. Рассказала про злоупотребления и другое там описываемое.

Л. Н.: Эта манера во всем видеть одно дурное, желание осудить — нехороша.

Л. Н. пересматривал большую новую книгу доктора М. Л. Шлезингера «Russland im XX Jahrhundert», Berlin, 1908. Не заинтересовала его. Написана с немецкой политической точки зрения, и содержание ее — политические неурядицы в России. Когда Л. Н. развернул объемистую карту России, европейской и азиатской, вложенную в конце книги, он умиленно проговорил:

— Ах, матушка Расея!

Из книги прочел Марии Александровне, переводя по-русски, посещение Деруледом Ясной Поляны, но сначала не мог его припомнить [6].

Софья Андреевна говорила про крыс. Л. Н. вспомнил, что сегодня муха села на лист бумаги, на котором писал, и он почувствовал в ней живое существо. Не мог бы убить ее: «Непосредственное чувство, прямо жалко ее. Для меня прежде не существовало».

22 марта. Утром приехала Н. П. Сергеенко помочь реминтоновать «Круг чтения» и А. Н. Шарапова по поручению эсперантского международного комитета поговорить с Л. Н., как чествовать его юбилей. Здесь М. А. Шмидт. Вечером приехал Афанасий Ечинац, полковник в отставке, бывший австрийский офицер, воевавший под командованием Черняева в сербско-турецкую войну 1877 г., занимавшийся обучением иностранных языков посредством фонографа. Приехал попросить Л. Н. наговорить в его фонограф [1]. Л. Н. наговорил из «Круга чтения» на 22 марта. Спросил его, что нового в Петербурге:

— Революция подавлена?

Ечинац: Притихла. Ежедневные обыски, наложение арестов на брошюры продолжаются. С составом Думы можно быть спокойным. Единодушно высказалась против злоупотреблений в строении и управлении флота. Ужасное бегство офицеров из армии. И в кадетские корпуса не поступает достаточно учеников. Им стыдно быть офицерами. В Сибири, когда подавляли революцию, их стыдили.

Ечинац уже когда-то давно, кажется, больше, чем десять лет тому назад, был у Л. Н-ча. Л. Н. сразу узнал его и спросил:

— Вы серб?

В фонограф ему сказал, между прочим: «Жизнь и смерть — одинаковое благо». Ечинац не понял и просил объяснить.

Л. Н.: Жить хорошо, умереть тоже хорошо.

А. Н. Шарапова говорила без конца об эсперанто, но спасибо Софье Андреевне, что увела ее к круглому столу. Когда они там вместе разговаривали, Л. Н. заметил, улыбаясь:

— Кто кого переговорит?

Разговор о Лебрене: вспоминали его приятные свойства, хорошие поступки.

Л. Н.: Все хорошо, когда сам хорош. Его почерк приятен... Мне даже неприятно: я его исключительно люблю, не как всех.

— Эти люди, у которых в голове исключительная мысль, как энергичны, — говорил Л. Н. о А. Н. Шараповой.

— Она, когда станет говорить, забывает про еду, отстраняет блюда и говорит, — сказал кто-то.

Л. Н.: Что она говорит — умно и хорошо. Только что одним занята. Какое счастье, что нашла себе занятие! Разъезжает по России по делу эсперанто. У нее эсперантизм основан на христианском единении людей.

Когда Анна Николаевна уезжала, Л. Н., прощаясь, сказал ей:

— Очень мило было мне ваше посещение.

23 марта. Утром уезжал Ечинац. Перед выездом из Ясной Поляны, против столбов, его сани встретились с санями, высланными за Гольденвейзером, но привезшими Надежду Павловну. На них сидел и Л. Н., возвращавшийся с утренней прогулки. Когда сани встретились и остановились от толчка, Л. Н. выпал и ударился обеими ногами, особенно внутренней стороной левого колена. Встал с трудом сам, без помощи; поговорил еще с Ечинацом о том, о чем Ечинац его утром спрашивал: «Жизнь и смерть — одинаковое благо?» («Das Leben und das Sterben ist gleiches Wohl?»). Потом Л. Н. сел в сани и поехал домой.

Пополудни гулял, «охромев на обе ноги». В шесть часов вечера позвал меня. На левом бедре припухло, покраснело, болезненно. Я растер хлороформовым маслом и забинтовал фланелевым бинтом. После обеда Л. Н. сильно хромал; на ночь приложил компресс со свинцовой примочкой.

За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна (только что вернувшаяся после трехдневной отлучки), Юлия Ивановна, Надежда Павловна, Н. П. Сергеенко, Гусев и я.

Юлия Ивановна рассказала про друзей московских. Николаева роди-

ла — поперечное положение, ребенок жив, но у него сломана рука. Николаев — невыспавшийся, измученный, но бодрый. Желает приехать с третьим томом «Евангелия». Л. Н. с участием и любовью отзывался о них. Дунаев болен грудной жабой и недоволен политическими событиями, отчасти оттого и болен, и очень негодовал на конфискацию «Краткого изложения Евангелия».

Л. Н.: Это Ивану Ивановичу трудно. Могут запретить и другое — «Детское Евангелие», которое теперь печатает. (Тридцать пять глав из пятидесяти напечатано.) Даже тем более его запретят. Но что же им делать? («им» — т. е. властям).

— Заседают, нужно им что-нибудь решать. Хорошее слово «заседать», — сказал кто-то.

Л. Н. вспомнил и сказал смешно (как он умеет) четверостишие Пушкина:

В Академии наук
Заседает князь Дундук...
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Отчего ж он заседает?
Оттого, что ж... есть.

Общий хохот.

После обеда Юлия Ивановна принесла Л. Н. открытки с картинками для его учеников. Сам Л. Н. просил ее привезти.

— Раздам им их, — сказал он.

Вот список этих картин-открыток:

Верещагина «Смертельно раненый»; Ге «Тайная вечеря», «Голгофа», «Петр Первый допрашивает царевича Алексея»; Касаткина «В коридоре окружного суда»; Крамского «Христос в пустыне»; Маковского «Свидание»; Орлова «Молебен в казенке» [1], «Обход прихожан» [2], «Офеня-коробейник», «Умирающая», «Увод телки за недоимки» [3]; Репина «Перед казнью» [4], две картины «Дуэль» [5], «Запорожцы», «Не ждали» и еще некоторые.

Л. Н. смотрел. Первая попалась Орлова. Л. Н. про него:

— Даровитый человек. Даровитее всех Пастернаков, хотя не стоит сравнивать. Сердечно умный и религиозный человек.

Смотря картину Касаткина:

— Очень хорошо.

Юлия Ивановна заметила:

— Это («В коридоре окружного суда») — лучшее, что он написал.

Л. Н.: Вот у него лучшее удалось, а у Репина не удалось. (Имел в виду его последний портрет — «Л. Н. Толстой и С. А. Толстая». Л. Н. тогда говорил, что у хороших художников не все удается, а у посредственных — некоторые картины очень удачны.)

Глядя на «Запорожцев, пишущих ответ султану», Л. Н., смеясь:

— Это Репин своих сородичей изобразил.

Смотря «Голгофу» Ге:

— Хорошо. Эти босые ноги. Какое это удивительное искусство — живопись! Как мало им умеют пользоваться! — Л. Н. почти прослезился. — А какие трогательные вещи!

Глядя на какую-то картину Орлова:

— Это прелесть. Настоящих царей пишет Орлов.

Юлия Ивановна: Он сам пишет текст к своим картинам. — И о «Молебне в казенке» заметила: — Как выбраны эти типы!

Л. Н.: Этот муж ее — жалкий человек. Этот фарисейски крестящийся мужичок. Это так умно. Вот сердечно пишет, не лукавствует, просто любит народ.

ТОЛСТОЙ, С. А. ТОЛСТАЯ, МАКОВИЦКИЙ И КРЕСТЬЯНСКИЕ МАЛЬЧИКИ У «ДЕРЕВА БЕДНЫХ»

Ясная Поляна, 16 апреля 1908 г.

Фотография А. Л. Толстой

«Пополудни пять школьников Л. Н., с Александрой Львовной катали яйца на террасе. Когда привели лошадь Л. Н-чу, Коля Орехов попросил Л. Н. тоже катавшего с ними яйца, сняться с ними. Александра Львовна сняла группу. Л. Н. верхом, возле Софья Андреевна, пять учеников и я под вязом... Фотография удалась».— Запись от 16 апреля 1908 г.

Смотря Репина «Дуэль» (и ту и другую), Л. Н. сказал:

— Одна лучше (та, где «победитель» отвернулся).

Юлия Ивановна: Как можно этими картинами пренебрегать (как нынешнее русское общество), а интересоваться картинами голых женщин!

Л. Н.: Вот именно, что эту силу, которая может перевернуть душу, вдруг употребляют на рисование голых женщин.

Вечером Л. Н. отвечал на письма в фонограф [6]. Колено болело у него, лежал на кушетке.

Юлия Ивановна рассказала, что получила письмо от И. К. Дитерихса; намеревается перевести «Круг чтения» на самое распространенное на Кавказе татарско-турецкое наречие. Странное название, не может вспомнить его.

Л. Н.: Кумыкское? Самое распространенное кавказское. Когда я жил на Кавказе, даже немного говорил на нем.

24 марта. Л. Н. не выходил. Утром заехал Осинский, железнодорожный служащий из Вильны, живущий во Владивостоке, возвращается туда. Предан Л. Н-чу.

У меня с шести до девяти больные.

За обедом Л. Н.:

— Нынче по случаю слабости читал газеты. Читаю статью в «Новом времени» и думаю: как бойко, даровито. Совсем забыл, что туда Меньшиков пишет. А это он про Хомякова, про то, что начальнику с подчиненны-

ми шутить не следует *. Остроумно, умно написано; вставлены примеры его неуместных шуток.

И Л. Н. рассказал как пример, что̀ Хомяков сказал Шульгину.

— Меньшиков прав, — продолжал Л. Н., — пишет, что председателю следует быть беспристрастным.

Л. Н. продолжал говорить про Меньшикова.

Александра Львовна заметила:

— Как его Дунаев ненавидит! Руки бы ему не подал.

Л. Н.: Это поветрие (т. е. «кого клюют вороны, того и сороки»).

Александра Львовна: Я его тоже не люблю. После того, как он только что отсюда уехал, как он подло про тебя писал [1].

Л. Н.: Напрасно помнишь и не прощаешь.

После обеда Л. Н. прочел вслух рассказ П. И. Федосеева «Барабанщик Марков» из книги «По мытарствам» [2].

— Хорошо написана, — говорил Л. Н. — Читая, смеялся почти до слез над «писанкой» (слова этого сам Л. Н. не понял). Федосеев, наверное, сам военный. Эту обстановку я знаю. Смотр с любовью описан. Эта важность, торжественность смотра. Ужасно странная вещь — искусство. Ведь прямо отталкивающее — смотр. А тут прямо вас притягивает.

Еще разговор о дровах для отопления, купленных, казенных; привезли дубовые.

Л. Н.: Дубовые из дуплистых стволов не хуже березовых, но от них угарно бывает.

Приехал Сергей Львович.

За чаем разговор об Эртеле. Он был управляющим имений Пашковых (стоящих двадцать миллионов). Софья Андреевна вспомнила:

— Его отец был управляющим, он — писателем, и пошел в управляющие.

Л. Н.: Я уважал его очень за то, что решился бросить писательство. Он был даровитый писатель, даровитее всех этих Андреевых...

25 марта. Вторник. Благовещение. Приехал Н. В. Давыдов (меня не было при этом), рассказал Л. Н., что должен был выйти в отставку. Требовали от его суда смертных приговоров (политическим), он не хотел; требовали также, чтобы при казнях присутствовал один из секретарей их суда, — тоже не хотел, и секретари не хотели. Подал в отставку. Еще говорил, что его не любят за то, что он в дружбе с Л. Н. и в родстве с Трубецкими, Евгением и Сергеем.

Говорили про юбилей. Давыдов — тоже член московского юбилейного кружка, и хотят его выбрать в председатели. Намерен принять председательство, дать иное назначение кружку.

Давыдов говорил про «труп» (т. е. про мужчину, о котором он рассказывал Л. Н-чу, и Л. Н. написал о нем драму «Живой труп»), что он недавно помер [1]. Давыдов устроил было его в суде. Затем говорил про устроенный им тульский приют для малолетних преступников. Некоторые из бывших питомцев — теперь порядочные люди, иные — рецидивисты. Говорил про тамбовский (такой же) приют, управляемый четой — мужем и женой, так что там живут, как в семье.

После обеда, уже при мне, Л. Н. спросил Давыдова:

— Вы должны много читать (новые законы и т. д.)?

Получив утвердительный ответ, спросил, есть ли что близкое его (Н. В. Давыдова) взглядам в новых законах, постановлениях.

Николай Васильевич: Очень мало, а что есть — и то недоделано.

Л. Н.: Мне попался рассказ Серафимовича «Пески» [2]. Это такая пре-

---

* Хомяков — председатель Думы — по своей прихоти не дал говорить Пуришкевичу и исключил его на одно заседание.

лесть. Ничего особенного (по содержанию), но настоящее художественное произведение. Это мне Чехова напоминает. Такой он мне чужой был по взглядам, такой ничтожный по содержанию, но настоящий художник.

Сергей Львович: Читал ты, папа́, в фельетоне Меньшикова письмо Чехова к нему о тебе? [3]

Л. Н. кивнул головой и сказал:

— Я не знал, что он меня так любил.

Л. Н. в первом и втором письме к М. А. Стаховичу хотел высказать свое мнение о юбилее. И Давыдова просил о том же хлопотать [4]. И был очень доволен, что освободился при помощи Михаила Александровича и Николая Васильевича (они постараются разъяснить и от себя) от затеянного юбилея.

Л. Н. просил Сергея Львовича сыграть на фортепьяно. Сергей Львович охотно сейчас же встал и играл.

Л. Н.: Такие музыканты приятны, потому что он себя не боится уронить, а те (имея в виду профессиональных — Гольденвейзера и др.), кроме Танеева, который тоже всегда готов играть, играют только то, что умеют в совершенстве.

Сергей Львович сыграл «Рысь» Рудольфа [5]. Л. Н. вспомнил про него, как пьяненький ходил в оранжерею и сочинял такие вещи [6].

Л. Н. поручил Гусеву отвечать на письма [7] и насчет одного ответа заметил: «Я с вашим согласен, как всегда».

26 марта. Л. Н. спрашивал Марию Николаевну, жену Сергея Львовича, о ее школах, приютах; она жаловалась, что очень дорого обходится каждый питомец — в других еще дороже — и что из этих приютов выходят избалованные.

Сергей Львович говорил, что он имеет дело с разными приютами и не удовлетворен их деятельностью.

Л. Н. ответил Марии Николаевне на это, что тут дело в ее самоотверженной деятельности: результаты всегда сомнительны.

27 марта. Уехали Сергей Львович и Мария Николаевна в Крым.

Приезжала к Л. Н. монашка и отстаивала противление злу. Л. Н. каялся, что с ней кричал и горячился.

Л. Н.: Я с ней говорил горячо потому, что она религиозный человек, только запутанный.

Николай Николаевич говорил про полученное издание «Посредника» М. Арнольда «Сущность христианства и иудейства».

Л. Н.: Не конфискуют ли ее?

Николай Николаевич: Очень возможно.

Л. Н.: Хорошая книга, она имела на меня большое влияние [1].

Николай Николаевич прочел Л. Н. вырезку из газеты «Дальний Восток» (Владивосток, № 49, 1 марта 1908 г.): «В японских газетах появилось известие об ожидающемся приезде в Японию графа Льва Толстого в марте или апреле нынешнего года. Японцы выражают свое удивление неутомимости и энергии маститого мыслителя, который, невзирая на свой преклонный возраст (в августе этого года ему исполнится восемьдесят лет), решается на такое утомительное путешествие. Японская печать чрезвычайно заинтересована мотивом этого необычайного путешествия графа Толстого и в числе разнообразных догадок по этому поводу высказывает свое предположение, что, вероятно, он посетит, кроме Японии, и Корею, как часть света, самую подходящую, где высокая доктрина проповеди о непротивлении злу найдет самую благодарную почву».

Л. Н.: Как хорошо — непротивление злу. Что они связывают его со мной — я этому очень рад.

На днях кто-то рассказал, что «Краткое изложение Евангелия» (издание «Посредника») запретили.

Л. Н.: Это нелепость удивительная. Но что же им делать? (В их положении должно так делать.)

28 марта. Пятница. Александра Львовна рассказала мне, что отец, прочитав в интервью сотрудника «Русского слова» у Анатоля Франса о юбилее Толстого, сказал, что Франс — умный человек, и как все-таки не понимает непротивления злу. Старый, культурный человек [1].

Л. Н. ходил далеко гулять.

Л. Н. сегодня переделал, совсем переделал, так что из старого не осталось камня на камне, «Будду» в сытинской корректуре «Круга чтения» [2].

За обедом Л. Н. пил в первый раз кумыс, полученный из Петербурга, рекламированный. Допив, сказал:

— Теперь я не умру, — намекая на рекламную брошюру Лурье.

Софья Андреевна: Он послал вдвое больше, чем заказали.

Л. Н. спрашивал про нашу словацкую кислую «жинчицу» (овечий кумыс), про овец, шалаши, пастухов, и, очевидно, ему нравятся наши горы и жизнь народа в них.

— Должно быть, хорошо у вас в горах, — сказал он.

Тут же, обращаясь ко мне:

— Умер хороший друг Жемчужников (86 лет). Поэт — не особенный, но хороший человек. Хотя естественно умирать... — не досказал, по выражению лица, глаз видно было, что ему жалко.

Были неприятные просители, пять молодых людей. Л. Н. предполагал, что, наверно, сговорились на станции прийти за гривенниками.

Подписчик петербургского книгоиздательства «Ясная Поляна» просит Л. Н., чтобы он лично заступился письмом у издательства за него. Это книгоиздательство, судя по жалобам, получаемым Л. Н., многих надувает, не только не исполняя того, что обещает напечатать, но и не досылая заказов. У нас неизвестно ни кто издатель, ни издания его. Л. Н. не пришлось их даже видеть [3].

Вечером с Александрой Львовной проверяли новый «Круг чтения», ее ремингтованные экземпляры. Она восхищалась тем, что Л. Н. теперь пишет, — про безрелигиозность и государственные учреждения.

Александра Львовна получила письмо от С. А. Стахович. Выражает радость по поводу письма Л. Н к ее брату Михаилу Александровичу о том, что не желает празднования юбилея. Пишет, что, когда Михаил Александрович сообщил это комитету, один, некто Аничкин «обыскался» (нашелся), воскликнув: «Еще раз Лев Толстой не дает себя использовать для освободительного движения». Как характерно! [4]

За чаем Л. Н., Николай Николаевич, Александра Львовна, Юлия Ивановна и Наталья Петровна Сергеенко.

Л. Н. говорил что-то о Челышеве. Юлия Ивановна заметила, что «Русское слово» пишет, что в его банях в Самаре тайно продают водку.

Л. Н.: О, это нет. Это наверно выдумано [5].

Разговор о вчерашней монашке. Юлия Ивановна говорила:

— Хотя Лев Николаевич кричал с ней, она, уезжая, была очень довольна, счастлива, благодарна ему, радостна.

Александра Львовна заметила о ней, что она спиритка, и какая спиритка!

Л. Н.: Она учреждает, воздействует.....* Это как деятельность революционеров [6].

Я заметил, что русские монашки кротки, тихи, несравненно смиреннее западных.

Л. Н.: У них есть форма, терпение.

В общем разговоре упомянули имя Сологуба.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н.: В газете стихи не настоящего Соллогуба, а Федора Сологуба. Это удивительное, ужаснейшее. Это женщины не могут читать [7].

С. Т. Семенов писал из Женевы, что может возвратиться. Л. Н. обрадовался. Статью, которую Сергей Терентьевич просил поместить в журнале, Л. Н. послал в «Вестник Европы» [8].

Я спросил Л. Н.:

— Как объяснить, что нерелигиозные люди бывают нравственны — например, Кропоткин, Стасов (см. книжку Гинцбурга «Из моей жизни», стр. 184)?[9]

Л. Н. ответил приблизительно так: надо взвесить разные стороны нравственности, и бессознательно-религиозные бывают в малой мере нравственны. Стасов — c'est sujet à caution * — он был художник, его занимало искусство, но его нужда в просвещенности и нужда в хлебе народа не трогала. Стасов — богатый человек, не нарушал нравственности в собственности, но имел врагов, которых он не любил. С ними сражался, ссорился. Когда ему было больше семидесяти лет, еще был доволен тем, что мог иметь дело с женщиной, от чего человек христианский, чуткий старается пораньше освободиться. Бывает, что религиозный человек не нравственнее нерелигиозного. Здесь обстоятельства, характер играют роль.

Л. Н. перешел в разговоре на Н. В. Орлова:

— Христианская чуткость у Орлова. Я с радостью смотрю на его картины. Вот художник! Это умное, христианское отношение к изображаемой жизни. Где он? — спросил Л. Н. и продолжал: — Его картина поп с мешком и женщина, говорящая нищей: «Теперь некогда» [10]. Весь трагизм жизни русского народа и его кротость, смирение, терпение. Этот старик... — и Л. Н. сложил руки, как набожный человек **.

За обедом: Л. Н., Сергей Львович с Марией Николаевной, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Н. П. Сергеенко.

Л. Н.: Читал «The Gospel of Buddha» (by Paul Carus). Очень хорошее изложение. Карус—американец, он свободно переводит, а немецкий перевод — тяжелый, но зато добросовестный. Там и параболы, легенды... (но эти) слабы. Некоторые сходны с евангельскими — например, Будда с женщиной у колодца, только мотив другой.

Потом заговорил о письмах. Стал очень много получать.

— Петров наделал мне много дел,— сказал Л. Н.— Он написал (в фельетоне «Русского слова»), что отвечаю всем пишущим мне [11]. Нынче письмо карандашом, развязное, от мужика про конституцию, что я «должен»..... *** Кроме просительных и автографов и чтобы отыскать места, стал получать письма несерьезного тона: спрашивают о вере и другом, чтобы получить ответ (автограф). Стал отмечать их: *Б. о.* (Без ответа).

Л. Н. получил письмо из Петербурга с десятью подписями, между прочим, Трегубова и Плюснина, просят написать Столыпину, чтобы были выпущены на свободу все заключенные, последователи его, Л. Н., взглядов [12]. Л. Н. сказал Николаю Николаевичу, что не будет писать:

— Если бы я и просил амнистию, это были бы пустые слова, я держусь того: меньше вступаться.

Я спросил, означает ли что-нибудь слово «Моница». С таким прозвищем был у меня больной, и оно встречается и у нас, на словацком.

Л. Н.: Нет.

---

* это нуждается в подтверждении (*франц.*).

** Я думаю, что Л. Н. имел картины Орлова в кабинете над диваном не только потому, что их любил и ценил, но и потому, чтобы ему, отвлекающемуся работой и обстоятельствами от тесного общения с народом, эти картины напоминали: «Не забывай жизнь, нужду нашу».— *Позднейшая приписка Маковицкого.*

*** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Ваня заметил, что это так дразнят. Л. Н. подтвердил и рассказал, что тут (в Ясной Поляне) прозвище Курзик такое дразнительное. Курзику восемьдесят лет. И вспомнил, как с ним косил, и Андрюша, поднося кувшин людям, рядом работающим, пришедши к нему, сказал: «Вот тебе, Курзик».— У Курзика нет трех пальцев на правой руке, но может косить. Рассказал, как это случилось: ехал с тройкой, выпивши, и около озера, где всегда плутают, поблуждал, простоял целую ночь, отморозил пальцы; лежал в больнице, мясо опало, выписался и потом рассказывал: кости гремят, мешают,— взял топор — отрубил. Фамилия Фоканов (яснополянская) происходит от Фока, так звали их прадеда.

Л. Н.: Когда говорят неверно о моем нравственном (учении), тогда мне неприятно. Но написать (обо мне лично) могут нехорошо — мне все равно.

Л. Н. вошел в комнату Гусева, где собралась молодежь и галдела.

— Уйду, ведь я вам мешаю,— сказал Л. Н. И действительно, настроение, за минуту шаловливое, при появлении Л. Н. оборвалось. Я тут подумал, как мы, в сущности, далеки Л. Н., хотя мним себе, что близки. Я слышал давно, что Л. Н., спрошенный кем-то, кто ему самые близкие люди, ответил, что они среди умерших, не назвав их. Наша веселость была не та, в какой мог бы участвовать Л. Н.

29 марта. Л. Н. получил по почте теперь вечером, кроме 37 писем, разные книги; между ними новое мадьярское издание «Войны и мира» в новом переводе Амброзовича. Этот перевод сделан с оригинала [1]. Многие переводы на мадьярском, итальянском, испанском и других (иногда и чешском) языках сделаны не с оригинала, а с других переводов: французских, немецких и т. д. Приславшим эти книги издателям, братьям Révai в Будапеште, не ответили и не поблагодарили; Л. Н. не всегда до того и некогда, а окружающие его, которым бы полагалось это сделать (в этом случае мне), обыкновенно забывают. Мадьярский перевод хороший, и издание изящное.

Л. Н. спрашивал Марию Александровну, уезжающую к себе, как поедет; она, старушка тщедушная, больная, уезжает, как обыкновенно, одна. Ей трудно свернуть при встречах, и опасается за нее из-за холода. Спрашивал ее, что будет завтра делать.

Прокудин-Горский пишет о новом изобретении — о цветных фотографиях,— и спрашивает, может ли приехать снять Л. Н. Советовались, что ему ответить.

Л. Н.: Отмолчаться. Мне нежелательно фотографирование, но Софье Андреевне будет желательно.

Л. Н. не решил, а сказал:

— К вечеру выхожу весь (т. е. бываю утомлен), сколько бы часов ни было. А утром на все смотрю совершенно иначе.

На следующее утро, в семь часов, Л. Н. пришел и продиктовал ответ [2].

30 марта. Был Сергеенко.

Татьяна Львовна говорила о коклюше в деревне, опасаясь, что заболеет Танечка.

Л. Н.: Ах, коклюш! Не опасайся ни о себе, ни о других. Когда бог велит — заболеет, когда бог не велит — не заболеет. Предвидеть этого нельзя.

Л. Н. спросил меня об отце.

Говорили о сновидениях. Л. Н. сказал, что Паскаль писал о них и сказал, что во сне нет нравственного усилия.

Говорили о евреях и поспорили.

Л. Н.: Чего же тут спорить? Подавлять недоброе чувство, если оно есть.

Л. Н. говорил, что вычитал из газеты: 1) что в Португалии убили

двух полицейских. «Там так же убивают, как у нас», — сказал Л. Н. 2) О побоище в Риме. Рабочий-социалист сорвался на постройке и убился. Рабочие ассоциации обличали архитекторов и инженеров, что не заботятся о безопасности рабочих, лишь бы дешевле строить. И убитого демонстративно хоронили. При этом столкновение с полицией и войсками, причем убито 40 человек. Об этом Л. Н. прочел в «Биржевых ведомостях» 28 марта [1].

31 марта. Л. Н., Александра Львовна, Юлия Ивановна, Н. П. Сергеенко, Н. Н. Гусев. Приехал Илья Львович. Ночью температура выше ноля. Дождик. Санный путь стал портиться. Л. Н. гулял, хотел идти навстречу Илье Львовичу, подсел к звавшему его яснополянскому мужику. У Л. Н. были неприятные посетители: 15 молодых людей из Тулы нарочно пришли «по гривенники». Подобные партии парней в три — пять человек бывали и в последние дни. Л. Н. сказал, что, как ни противно ему, должен будет отказать в подаче таким.

Афанасий Агеев в Казначеевке, друг Л. Н., заболел воспалением легких.

Писем всем много. Сегодня читал Л. Н. опять «Новое время», а не «Русь».

Илья Львович поседел, постарел внешне. Не рад этому. Желал бы остаться молодым.

Л. Н.: Постарайся духовно постареть.

Илья Львович отнекивался. Л. Н. тоном мягким, добрым, внушительным подтвердил, что его совет хорош:

— Это хорошо.

Л. Н. спросил Илью Львовича, какие газеты читает.

— Никаких. Иногда заглядываю в «Русское слово» — иногда читаю «Русские ведомости».

Л. Н.: Я читаю две крайние: «Русь» и «Новое время». «Русь» — из-за краткого означения событий в заголовке крупным шрифтом: «Шесть казней, три смертных приговора...»

Илья Львович: Есть такая черносотенная газета «Русская земля». Там обратное — в траурной раме: «Убиты два стражника, три городовых».

Разговор Илья Львович перевел на Милюкова, на его инцидент с Бобринским. (Бобринский вызвал Милюкова на дуэль.)

Л. Н. сказал, что Милюкова читает в «Руси».

Илья Львович: Он в «Русь» не пишет, а в «Речь».

Александра Львовна: Душан Петрович спрашивал Сережу про Милюкова.

Я: Сергей Львович характеризовал его так: «Умный, очень способный, хитрый, холодный».

Илья Львович: Милюков препротивный человек.

Илья Львович говорил о том, какие книжки теперь в ходу и что на сцене идет: «Шерлок Холмс» Конан-Дойля, литература о сыщиках и самая неприличная, эротическая. Потом на вопрос Л. Н. о Софье Николаевне он рассказал, что она отдалась, как вообще женщины теперь, теософии. Они думают, что они занимаются философией.

Л. Н.: Увлечение теософией — это реакция против материализма.

Л. Н. с Ильей Львовичем имел очень длинный разговор о стараниях правительства и Крестьянского банка уничтожить общину.

Л. Н. говорил об общине, что у нее основной принцип хорош, что земля общая и что грех разрушать ее, вводить собственность на землю. Это вводится для того, чтобы большой землевладелец мог сказать мужику: «И ты собственник земли».

Илья Львович рассказывал, какая борьба идет между обществами мужиков и Крестьянским банком. Банк продает отрубные участки одиноким

лицам. Отруба сделаны так, чтобы никак нельзя было делать чересполосицы. Крестьяне скупают несколько отрубных участков и соединяются в общество и делят их себе в пользование (трехпольное). Чтобы поощрять население на отдельные отрубные участки, их отдают стопроцентной ипотекой, т. е. крестьянин не должен платить при покупке ничего, рассрочивается на 28—45 лет процент с погашением. Если же покупает общество, дают только такие поля, где нет воды, и дают в долг только 60 процентов. Васильчиков и его чиновники уверены, что они, разрушая общину, делают великое дело, вроде петровского. Так и говорил чиновник, прибывший в симбирский (или калужский) Крестьянский банк. Столыпин и компания хотят уничтожить деление земель на чересполосицы. Отводят участки с лесом, а крестьяне сейчас же лес вырубают. Крестьян, у которых очутилось много наделов, земские начальники уговаривают выделиться из общины и закрепить землю за собой. И доводят об этом до сведения в Петербург; это им вменяется в заслугу.

* Илья Львович говорил, как крестьяне местами не покупают землю, ждут, хотят ее получить обществом.

Л. Н. очень внимательно слушал, переспрашивал, был очень тронут, задет, потом говорил:

— Возмущает меня это коверканье жизни крестьян. Такая дрянь — Васильчиков и эти Столыпины. Крестьяне, которые лучше, умнее, полезнее их... Как смеют на себя брать, решать эти ерники петербургские то, что крестьяне лучше их понимают? Какая дерзость—ломать крестьянскую общину! Даже эти социал-демократы, они должны бы об этом писать.

1 апреля. Вторник. Утром приехали из Москвы Софья Андреевна и П. И. Бирюков. Еще приехала Мария Александровна; здесь Илья Львович. За обедом Софья Андреевна много рассказывала, главное — вспоминала. Илья Львович очень живо дополнял. Софья Андреевна попросила его перечитать ее записки и дополнить их. Илья Львович ответил, шутя, что сумеет сам написать.

— Таня много и хорошо помнит,— добавил он.

Сидели за столом очень долго, и было очень шумно. Софья Андреевна и Илья Львович рассказывали один интереснее другого. И Л. Н. добавлял свои замечания и короткие характеристики лиц.

Разговор про скончавшегося недавно Жемчужникова. Л. Н. вспомнил про какую-то его пьесу, невообразимую чепуху. Ее ставили на сцене (присутствовал царь Николай Павлович — ушел) [1].

Илья Львович спросил Л. Н., прочел ли он роман Арцыбашева «Санин».

Л. Н.: Нет. (Л. Н., кажется, только просмотрел и написал что-то про него, кажется, вследствие запроса в письме [2].)

Илья Львович говорил, что в печати было «О Санине» переменено на «О Саде», и понимали, что речь о маркизе де Саде.

Кто-то спросил, кто такой маркиз де Сад.

Л. Н.: Этакий циник ужасный, порнограф, остроумный.

Илья Львович рассказывал про нескольких знакомых, которые развелись с женами.

Л. Н.: Не шутка, а прямо про кого из нашего круга ни говорят — он развелся с женой.

Разговор о Давыдове, старающемся прекратить чествование Л. Н. Софья Андреевна пустила слух в Москве, что в те дни — 28 августа — вся семья с Л. Н. уедет из Ясной.

Л. Н.: Я ему дал такую записку, какую он хотел (в Комитет почина чествования Толстого).

Илья Львович вспоминал о Гаршине, как он впервые пришел в Ясную.

---

* Отсюда до конца записи 31 марта текст вписан Маковицким позднее.— *Ред.*

Доложили, что какой-то «мужчина» желает видеть Л. Н. Когда Л. Н. спросил его, что ему угодно, Гаршин ответил: «Прежде всего рюмочку водки, огурца да селедки». И потом рассказывал про турецкую войну. Тогда он написал еще только «Записки рядового Иванова» [3]. Через несколько дней он приехал верхом, уже сумасшедший, и попросил карту, чтобы посмотреть, где Курск,— туда хотел ехать; там его заключили в сумасшедший дом. Дальнейшие свои сочинения написал после, когда выздоровел. Впоследствии бросился с четвертого этажа. (И Громека покончил самоубийством, застрелился.)

Л. Н. (*о Гаршине*): Приятное, очень приятное лицо. Потом я его видел в нормальном состоянии.

После Илья Львович вспоминал, как Л. Д. Урусов, споря с Тургеневым, скользил, скользил со стула, очутился на полу и продолжал спорить сидя; потом встал и засмеялся.

Л. Н. (*об Урусове*): Урусов был мне совершенно близок по взглядам. Он был не умный, а разумный. Тургенев был умный, но неразумный.

Про брата Урусова Жюля Урусова Л. Н. сказал:

— Он был ограниченный, но благородный. Ум очень маленький, но сердце и разум — большие.

Речь об М. А. Энгельгардте:

Л. Н.: Я никогда не видел Энгельгардта.

Л. Н. напомнили, что он ему писал большое письмо о непротивлении [4].

За чаем Л. Н. сегодня снова потребовал фельетон Тимирязева в «Русских ведомостях» от 29 марта и прочел его [5].

Л. Н.: Это такая смелость — критиковать Канта, Шопенгауэра с высоты своего величия, а у него ничего нет.

Потом Л. Н. говорил, что он искал, что̀ скажут философы революции своего, нового, должно же быть что-нибудь у них. Ничего не находит, у них ничего нет.

Л. Н. сейчас же после того о писателях:

— Такая мания — это писательство. За деньги писать. Это как есть, когда не хочется, или как проституция, когда не хочется предаваться разврату.

2 апреля. За чаем Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Юлия Ивановна, В. В. Нагорнова и П. А. Сергеенко с Наташей, Николай Николаевич, П. И. Бирюков. Вечером Сергеенко, Бирюков и Гусев рассказывали Л. Н. про ужасы подавления революции — по статьям и книге Владимирова [1] и другим источникам. Александра Львовна рассказывала про описанные Вересаевым ужасы.

Александра Львовна привезла из Тулы 32 заказных письма, кроме простых писем и повесток. Хлопотала о доверенности, чтобы Л. Н. не нужно было самому подписывать повестки. Между письмами одно от крестьян-павловцев — безграмотное, но очень хорошее письмо [2].

Александра Львовна хвалила «Пески» Серафимовича.

Л. Н.: Описание природы искусственно; старичок превосходный. У Андреева, Горького ничего подобного нет.

За чаем очень шумно. Говорили сразу: Софья Андреевна про стеклярусные платья, про прически и огромные шляпы московских дам; Сергеенко рассказывал всякие длинные истории, большинство которых — например, лопатинскую — кажется, все знали. Л. Н. говорил тихо с Бирюковым [3].

Сергеенко: Когда мы доживем до того времени, когда дамы перестанут шляпы носить?

Об этом целый разговор. Главное — участвовали Софья Андреевна и Александра Львовна. Софья Андреевна удивлялась, где московские дамы берут деньги — 250 р. — на стеклярусное платье.

Когда Софья Андреевна говорила, что стеклярусное платье стоит 250 р., Л. Н. заметил:

— Я думал, что это самое дешевое.

Л. Н.: Когда мы доживем до того времени, когда с бедными станем делиться? — И вспомнил мальчика, который вел слепого нищего, промокшего насквозь.

Л. Н.: Я видел в прейскуранте такую огромную шляпу! Я никак не мог поверить, что это не карикатура.

Говорили о тяжелой дороге: просовы, тает. Л. Н. вспоминал: когда он был в полной силе, раз лопнула завертка близ Ясной Поляны, и он стал держать оглоблю в руках и додержал ее до дому:

— Не можете себе представить, как это трудно! Подрагивает.

Александра Львовна с Наташей Сергеенко перепечатывают на реминггоне новый «Круг чтения», уже 30 число. Софья Андреевна читает вслух свои воспоминания Бирюкову и Сергеенко. Бирюков привез корректуру второго тома «Биографии» Л. Н-ча. Сергеенко приехал, кажется, за дочерью. Спросил Л. Н-ча, кого из славян просить участвовать в его юбилейном сборнике. Л. Н. ему посоветовал Масарика, Шопова, Досева [4].

3 апреля. Утром уехала Варвара Валерьяновна, днем — П. А. Сергеенко, вечером — Александра Львовна с Натальей Петровной.

Днем был у меня, а потом говорил с Л. Н-чем Ф. Ф. Ризенкампф, сын генерал-лейтенанта из Ковно, 38-ми лет, скромный, добрый, мягкий человек. Гуляет по России без денег. За пищу, ночлег дарит посредниковские книги и говорит, что с ним везде все милы и рады книгам. Вареной пищи не употребляет. Я ему предлагал овсянку — от супа и хлеба воздерживается, я ему предлагал — не ел. Остался не евши до трех часов дня. Ест зерна, овес, крупу, потом яблоки. От апельсинов воздерживается, т. к. они привозные, а он старается питаться местными продуктами. Ходит в сандальях и очень скудно одетый; огромнейшего роста, широкоплечий, застенчивый и тихий.

Огромная почта из Засеки, Тулы и Ясенок: 50 писем; ужасно много стихов, рукописей, просительных писем. Стихи от крестьян — и плохие. Сегодня приезжала из Тулы на извозчике дама просить денежную помощь для образования: курсы. Л. Н-чу она была очень тяжела.

Гусев прочел из письма одного, как он спрашивает, какая будет «денежная награда» за его стихи и где и когда помещены будут [1]. Мы смеялись.

Л. Н.: Несчастный, ждет.

4 апреля. Вечером приехал Лев Львович. Л. Н. и Софья Андреевна очень любовно приняли его, и он был очень приятен. Посерьезнел и говорил обо всем ближе к воззрениям Л. Н., чем когда-либо прежде. Вид у Льва Львовича здоровый, спокойное выражение лица.

Л. Н. сегодня гулял к мостам, там бродил с трудом и упал в тающий снег. По Кабацкой горе вышел на шоссе. Там половину шоссе скапывают, другую половину оставляют. Одна — на снегу — дорога, саженью выше другой. Л. Н., дошедши до Двориков, поговорил с винопольщиком, нанял лошадь и вернулся в розвальнях. Через деревню дорога очень ухабистая.

Л. Н. не помнит, чтобы когда-нибудь было столько снегу — сажени полторы,— как теперь.

За чаем Л. Н., Софья Андреевна, Лев Львович, Юлия Ивановна, Николай Николаевич.

Лев Львович рассказывал про взвинченную жизнь в Петербурге: игорные дома, карты, рулетка, лото; кинематографы, неприличные фарсы, оперетки; газеты врут, отвратительные выставки декадентских картин. Андреев там ходил с каталогом и серьезно всматривался в картины.

В. С. МОРОЗОВ
Фотография, 1900-е годы

«Под вечер был В. С. Морозов... первый ученик из первой школы Л. Н-ча... Л. Н. его попросил, чтобы написал воспоминания о яснополянской школе для биографии Бирюкову».[1] — Запись от 9 мая 1908 г.

Когда говорили про Думу, Л. Н. сказал:

— Меня в Думе отталкивает отсутствие оригинальности. Во всем подражают: «переход», «лидер», «партия».

Лев Львович хвалил Челышева. Челышев ему говорил, что он свое сделал. Сказал, дальше не будет, устал. Его затравили газеты. Пусть делает дальнейшее общество. Челышев (прибавил Лев Львович) богатырского роста, похудел.

Лев Львович заговорил о Пуришкевиче, что он сумасшедший и что председатель теряется, как только Пуришкевич начинает говорить.

Л. Н.: Оригинален.

Лев Львович говорил по поводу карикатур на Л. Н. в ..... *, про Куприна и Андреева (в иллюстрированном «Новом времени») [1]. О Куприне — что привел в семью вторую жену, вследствие чего его жена ушла от него.

Л. Н. остановил Льва Львовича:

— Кто с женой живет теперь!

Лев Львович говорил о Петрове, что он пустой; он жил рясой. Потом о членах петербургского комитета юбилея Л. Н. — М. А. Стаховиче, М. Ковалевском.

Л. Н. со Львом Львовичем дружно говорили, один другим интересовались и говорили задушевно.

5 апреля. Суббота. Л. Н. ходил к купальне и просил Льва Львовича, собиравшегося туда на тягу, по той дороге на санях не ездить, а то испортят ее, а это единственная дорога, куда гулять осталось возможным.

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Л. Н. со Львом Львовичем часто и много беседуют. Он гораздо ближе к отцу, чем был. Вечером за чаем Лев Львович говорил отцу:

«Какой бы я был счастливый, кабы я мог смотреть на жизнь так, как ты».

Из кабинета пришли в зал Л. Н. со Львом Львовичем, разговаривая о Буланже. От него из Женевы Л. Н. получил два письма и отвечал ему [1]. Л. Н. говорил про то, что он оставил жену, живет с другой; как это Буланже по-своему, Андрюша по-своему, Куприн по-своему решают вопросы, разрывают отношения с женой, с семьей. Потом говорил, что как им самим от этого должно быть трудно. Прожить с женою пятнадцать лет и бросить! Ведь это оторвать пятнадцать лет от прошлой жизни, она выходит прелюбодеянием, неискренностью. И в мысли допустить нельзя, когда женишься, в возможность второй жены. Буланже отказывается от прошлого, от 15 лет жизни, что это не была любовь, а прелюбодеяние.

Софья Андреевна сказала что-то про жену Буланже, что она гадкая, и тем оправдывала.

Л. Н.: Чем гаже, тем скорее надо сдерживаться и не бросать ее.

Софья Андреевна еще что-то заметила.

Л. Н.: Женщина как женщина,— и продолжал: — Не осуждаю (Буланже, Куприна и т. д.), но жалею. Такой чуткий человек, как Буланже, не может бросить новую жену и не может порвать со старой. Несчастные дети отрываются.

Лев Львович говорил про Меньшикова, обвенчавшегося недавно с одной из своих жен; у него сын распутный, и он этим огорчен.

Л. Н.: Люди лишились сдерживающего начала, выработанного веками. Когда веришь в церковное учение, сдерживающее начало есть — тогда это хорошо. Когда не веришь в церковное учение, надо верить в другое (где сдерживающее начало тоже есть). Когда ничего нет (никакого сдерживающего начала), тогда спускаешься на ступень животного.

Л. Н. посоветовал всем прочесть книжку Ильинской «Исповедь бывшей сумасшедшей» (перепечатано из «Вопросов философии и психологии» 1893 г.) [2]».

Разговор Л. Н. со Львом Львовичем, дружащим с семьей Эрдели и хвалящим их.

Л. Н.: Тут есть преимущество у офицеров, что они по крайней мере не мудрят умственно.

Лев Львович о себе — что он не может не жить политическими и государственными интересами. Если б он иначе говорил, было бы ломание, фальшь.

Л. Н. ответил ему, что он его понимает.

— Тебе 38 лет, мне — 80. Ты не в силах освободиться от той инерции... А надо отрешиться от мысли, что я устрою жизнь других людей.

Лев Львович: Вся история человечества в том, что одни всегда устраивали других.

Л. Н.: Как же тысячи, десятки тысяч устроят миллионы? Всегда всякий по-своему устраивается. Энергию свою направить на то, чтобы воздействовать на себя, на любовь, этим я сближаюсь со всем миром.

И Л. Н. говорил дальше, что тем, что человек думает только о своем отношении к богу, старается исполнять его волю, он невольно содействует устройству мира, только это делается другими путями, а не по преднамеренной программе. Чем больше человек самостоятелен, тем скорее должен прийти к этому.

6 апреля. Вербное воскресенье. Приехала из Москвы Александра Львовна с В. М. Феокритовой. Л. Н. ходил им навстречу садом по насту к Ясенке, к мосту. Пополудни гулял к купальне. За обедом Лев Львович спросил отца, читал ли Потехина.

— Да, читал. Он Островского преемник и подражатель.

Лев Львович говорил с Л. Н. долго, до чая.

7 апреля. Понедельник. Приехала С. Н. Толстая со старшей дочерью Анной Ильиничной. За обедом Лев Львович стал говорить про астрономию, про темные пятна и их влияние на рост почек деревьев.

Л. Н. вспомнил про Бирюкова, как тот по его просьбе читал лекцию яснополянским мальчикам и рассказывал Л. Н-чу из астрономии заключение своих курсов. (Бирюков прочитал 16 лекций в Костромском народном университете.)

Л. Н. говорил про корреспонденцию «Руси» — «Из «подвигов» лбовской шайки», орудовавшей на Урале, в Перми и окрестностях в эти годы [1].

— Сильное впечатление! — сказал Л. Н. — Хотел бы спросить Алексея Алексеевича Суворина, что с вождем шайки? Жив ли?

После обеда Л. Н. сказал:

— Душан Петрович, Афанасий помер, знаете?

Это помер от ползучего воспаления легких на тринадцатый день болезни Афанасий Агеев — 49 лет, из Казначеевки. Он был при весах на Московско-Курской железнодорожной станции. От него Л. Н. узнал о бессмысленных условиях работы и описал это в «Рабстве нашего времени». После Агеев был в ссылке пять-шесть лет в Сибири за хуление божьей матери. Он отозвался об иконе божьей матери такими словами: «Какая богоматерь! Наряжу жену, посажу в угол, и будет богоматерь» [2].

Л. Н. много за него хлопотал, чтобы отпустили его. Родные Агеева пришли просить на похороны, Л. Н. отказал. Мне импонирует эта его правдивость и решимость, что умеет отказать, где менее нужно или не нужно, и щедр там, где действительно нужно. На похороны редко кому дает. А ведь давать на похороны одному — отбоя не будет. Будут все ходить. И почему давать на похороны, а не позже — сиротам, ежемесячно, как Л. Н. дает Жаровой и другим. Но сколько сил уходит у Л. Н. на эти отказы истинно нуждающимся и притворяющимся (приезжающим, как на днях графиня с двумя детьми нарочно из Москвы — с просьбой устроить их; она говорила Л. Н., что сын у нее помер с голоду: какое нелепое преувеличение — говорила при детях). Не осуждаю просителей, могу себя представить в их положении. Привожу это только ради иллюстрирования того, как тяжелы Л. Н. распространяемые плохо осведомленными людьми — главное, газетами — слухи о его богатстве и помощи деньгами. Лично у Л. Н. доход в год был от 600 до 1200 р. Это гонорар от императорских театров за представление «Плодов просвещения». Кроме того, у него около 2 000 р. капитала, которые он бережет мне неизвестно для чего.

Л. Н. за чаем спрашивал Софью Николаевну, Льва Львовича и других про их года. В последовавшем затем разговоре о том, как прошла молодость, Л. Н. сказал, что старость лучше; что не желал бы, чтобы ему было 25 или 46 лет. Хорошо, когда поседеешь. Софья Николаевна заметила, что надо слушаться 79-летнего.

Л. Н.: Слушаться не 79-летнего, а тех, которые жили 2 000 лет тому назад. Читаю Beal «Будду» (английская книжка «Buddhism of Chinese») [3]. Какое высокое учение! С его учением случилось то же, что с Христовым. Его отвлеченное учение загромоздили храмами, обрядами, учением о будущей жизни, которую Будда отвергал, об аде и рае. Нравственное учение Будды очень высокое, у китайцев вошло в нрав: терпеть, не воздавать злом за зло. Кто мне это говорил на днях, как Вересаев пишет о них?

Разговор о книге Вересаева «На войне», что он правдиво пишет.

Л. Н.: Он пишет с тенденцией (т. е. подчеркивает неумелость, злонамеренность русских властей).

Л. Н., смотря иллюстрированное приложение к «Новому времени», хвалил некоторые картинки и о немцах сказал, что они хорошо рисуют карикатуры.

8 **апреля.** Ночью дождь, день солнечный, снег тает. Вода хлынула. Ходил еще через пруд. Вечером уехала С. Н. Толстая. Из Москвы спрашивают Сухотины, можно ли привезти их со станции. Целое совещание по этому поводу, и решено ответить завтра. Ужасно много снегу. Нельзя предвидеть, насколько разольется Ясенка.

Л. Н. желал читать о казнях. Я ему дал статьи Владимирова в «Руси» за декабрь, январь, февраль 1905—1906 гг. о подавлении революции. Л. Н. не был доволен.

— Нехороши, — сказал он, — надо бы записать одни факты, без преувеличений. В «Былом» была куда лучше описана казнь Каляева.

И Л. Н. рассказал, как описан палач: силач, в красном платье, с нагайкой за поясом, каторжник, убивший семь человек. Ему за каждую казнь сбавляли из срока каторги и облегчали заключение. Когда казнил (Л. Н. назвал кого), он уже не был заключен [1].

Л. Н. спросил, кто был Балмашев. Потом, вешают ли у нас, в Австро-Венгрии; я ответил, что нередко, особенно в Австрии.

Потом Л. Н. говорил приблизительно так: нѐкто (Линней) сказал, что люди—разумные существа. Это изречение ошибочно. Казни совершаются, а люди об этом и не задумываются.

Лев Львович: Все-таки вследствие казней уменьшилось число убийств, разбоев.

Л. Н. не верилось.

Лев Львович: Сравнить перечисление их в номерах «Нового времени» прошлогоднего и нынешнего.

Л. Н.: Они (убийства) переходят в духовное раздражение. Люди заряжаются против правительства.

Л. Н. прочел из письма С. А. Стахович к Александре Львовне стихи:

— Это написано Хомяковым. Отличаются, как стихотворения Хомякова вообще, отсутствием поэзии [2].

Гусев прочел Л. Н-чу из письма самарского крестьянина Калачева, разносчика посредниковских книг, о его брате, отказавшемся от военной службы в Киеве и препроводимом в 1 Селенгинский полк в Дубны. Калачев же пишет о преследовании его самарской полицией за продажу запрещенных администрацией книг. Самарский губернатор требует от него, чтобы назвал того, от кого получил эти книги, иначе грозит ему трехмесячным арестом.

Л. Н.: Пусть скажет, что от меня [3].

Я сегодня читал дневник Гусева. Как хорошо он записывает! Лучше, чем я, понимает, что говорит Л. Н., и особенно связно и ясно, и короче.

9 **апреля.** Утром приехали Михаил Сергеевич, Татьяна Львовна с Танечкой и няней. Приехали из Швейцарии через Москву. Еще приехал С. Д. Николаев ради поправок в третьем томе «Соединения и перевода четырех Евангелий», последний раз по этому поводу. Он рассказал про художника Орлова, что видел его в Орловской губернии около мест, где живут Стаховичи. Там мужики хотят опять выкуривать помещиков. У них есть фитили и бомбы. Желание разрушать, а что будет — все равно: хуже не будет. Во время молитвы за царя никто не молится, не крестится. В голове у них дико. Орлов вынес впечатление, что мужикам нужно просвещение.

Л. Н.: ⟨У них⟩ одна зависть к богатым и озлобление.

Михаил Сергеевич сказал, что фитилем уже и его поджигали.

Сергей Дмитриевич говорил об Орлове, между прочим, что он и его семья очень милы. Он в Орловской губернии рисовал картину «Возвраще-

ние с войны». Главная фигура не удалась [1]. Мечтает накопить от пятисот до тысячи рублей, чтобы купить домик в деревне и там жить. И собирается в Воронежскую — «богомазать».

Л. Н.: Что же делать, это такое устройство мира: за хорошее ничего не платят, за преступное — сколько хочешь.

Лев Львович: Тетя Таня на улице слышала, как пьяный ругал царя. Она остановилась и спросила, что тот ему сделал? А извозчик заметил: «Просто не нужен стал».

Михаил Сергеевич рассказывал про Колечку Ге, что он стал революционером. Ездил на похороны Гершуни в Париж и там участвовал в Конгрессе. Говорил, что революция запустила корни, на поверхности не видать.

Гершуни жил в Швейцарии с чужим паспортом на имя Сидорова. И так как его под другим именем нельзя было там хоронить, то перевезли его тело в Париж.

Л. Н. не помнил, ни кто он был, ни что он подготовлял покушения на Сипягина, Плеве и Победоносцева, и спросил, был ли он еврей.

Михаил Сергеевич рассказал, как сильно сумел загипнотизировать Гершуни того, кого послал убить Победоносцева. Но тот, увидя дряхлого старика, не мог решиться бросить в него бомбу. Гершуни после извел его укорами. Человек этот был совсем уничтожен. Михаил Сергеевич рассказал:

— Лазарев объезжал Поволжье и говорил, что то, что было их целью — опропагандирование деревни, уже произошло. Теперь нужно только организовать и мобилизовать. «Воззвание выборгское», по мнению Лазарева, не было дурно. Оно везде принято было сочувственно — не платить податей, не идти в солдаты — только не было подготовлено к тому, чтобы поднять народ. А правительство в три дня может мобилизовать армию. Лазарев надеется, что и организация и дисциплинирование им удастся.

Л. Н. не верит в возможность этого:

— Правительство работало века, пока достигло того послушания, готовности исполнять его требования. 〈Появление среди русских мужиков〉 Римана с Семеновским полком — это так же невозможно сразу сделать, как от Танечки требовать поднять этот самовар. Это одни желания, но несбыточные.

Лазарев говорит, что поволжские мужики ни от царя, ни от правительства ничего не ждут и готовятся к восстанию (выкуривать помещиков — это считают прошлым, малым делом). Молодое поколение ни во что не верит, старики еще ходят в церковь, но больше из-за праздности жизни.

Л. Н.: Грустно при этом то, что партия, которая с ними (революционерами) борется, — еще хуже. Одобряет казни, царя, церковные обряды.

И Л. Н. говорил, что, живя в деревне, он сведущ в том, что делается, через письма, которые получает. Теперь по поводу юбилея ежедневно получает ругательные от черносотенцев, утверждающих, что он продался жидам, получил от них куш.

К обеду приехал Михаил Львович. Он в последние три четверти года был всего раз. Обижался что-то на родителей. Живой, красивый, румяный. Служит земским начальником. За обедом рассказал, как поймали 31 революционера, хотевших убить великого князя Николая Николаевича. Жандармский офицер втерся к ним в доверие, говоря, что он нарочно служит у Столыпина — как революционер. Л. Н. сказал, что революционеры могли бы переодетые приехать в хорошем экипаже к тому лицу, которого хотят убить.

Михаил Львович: Так было со Столыпиным. Приехали переодетые иностранными военными. Но теперь незнакомых не впустят.

Л. Н.: Так они опередили меня (мой план).

После обеда Л. Н. разговаривал с Николаевым, а Татьяна Львовна с Михаилом Львовичем пустили в ход рулетку, которую Татьяна Львовна привезла из-за границы.

Около нее столпилась молодежь и шумела.

Л. Н. говорил Николаеву о роскоши, праздной обстановке в доме. Что за обедом он смотрел на Ваню (лакея) — какое сосредоточенное лицо! Совестно стало.

Л. Н. говорил, что главное — непротивление злу; любовь в себе увеличивать:

— Иду, подвернется под ноги собака — рассержусь на нее, уже нарушил любовь. Мы, вы, я, Душан Петрович счастливы, что мы такие (понимаем непротивление злу), но как же требовать от других, чтоб они так же признавали его, если не доросли до этого. Тут надо терпение — подождать, пока до того дорастут. Принуждать их, как правительство делает,— выйдет одна наружная видимость, в душе же тех людей останется злоба, как и была. Надо допущение свободы, самобытности. Мы (вы, я, Душан Петрович) в главном сходимся, но каждый своим путем пришел к этому своему убеждению, и мы различны. Такое допущение свободы, самобытности, как в отношении к вам, так—ко всем и к детям. Дети такие же самобытные существа, как мы, взрослые. Насилием воздействовать на них так же не должно, как насилием воздействовать на вас. Танечка пусть перенимает сама, не заставлять ее быть, какой мы хотим ее воспитать, не ломать ее *. Придет человек из Томска, и он одинакового понимания со мной, а выросший возле меня — далек мне.

Это говорил Л. Н. к тому, что мы не должны сердиться на людей потому, что они не такие, какими их мы желаем видеть; что надо себя вести с людьми любовно, не противиться злу.

Потом Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем до половины девятого. Потом поправлял с Николаевым «Соединение и перевод четырех Евангелий»; потом пустил в ход фонограф для Сухотиных, Михаила Львовича и Николаева: рассказ «Воров сын», так Толстой назвал переделанную им часть лесковского рассказа «Под праздник обидели». Сам ее наговорил в фонограф.

Голос Л. Н. неузнаваем, но интонация — да [4].

Потом Михаил Львович с молодежью пели в фонограф — плохо выходило.

Л. Н. написал письмо Давыдову, прося его сообщить ему про приговоры к смерти и про казни — как, где, кем совершаются [5]. Татьяна Львовна рассказала, что в заграничных газетах писалось, по неправдивому сообщению «Голоса Москвы», будто Л. Н. заболел. Они поехали из Ушй в Вену и просили Андрея Львовича туда ответить, что̀ с папà. Швейцар посольства передавал им по телефону ответ: «Папà болен, удар». Сколько раз ни повторял — все одно и то же, а в телеграмме стояло, как после сами увидали: «Papa bon état» **. Швейцар первый раз плохо прочел и потом повторял.

10 апреля. Четверг. Вчера вечером густой туман, сегодня ветер, много снегу стаяло. Утром можно было видеть крапиву, под вечер — зеленя.

Утром приехал А. Б. Гольденвейзер.

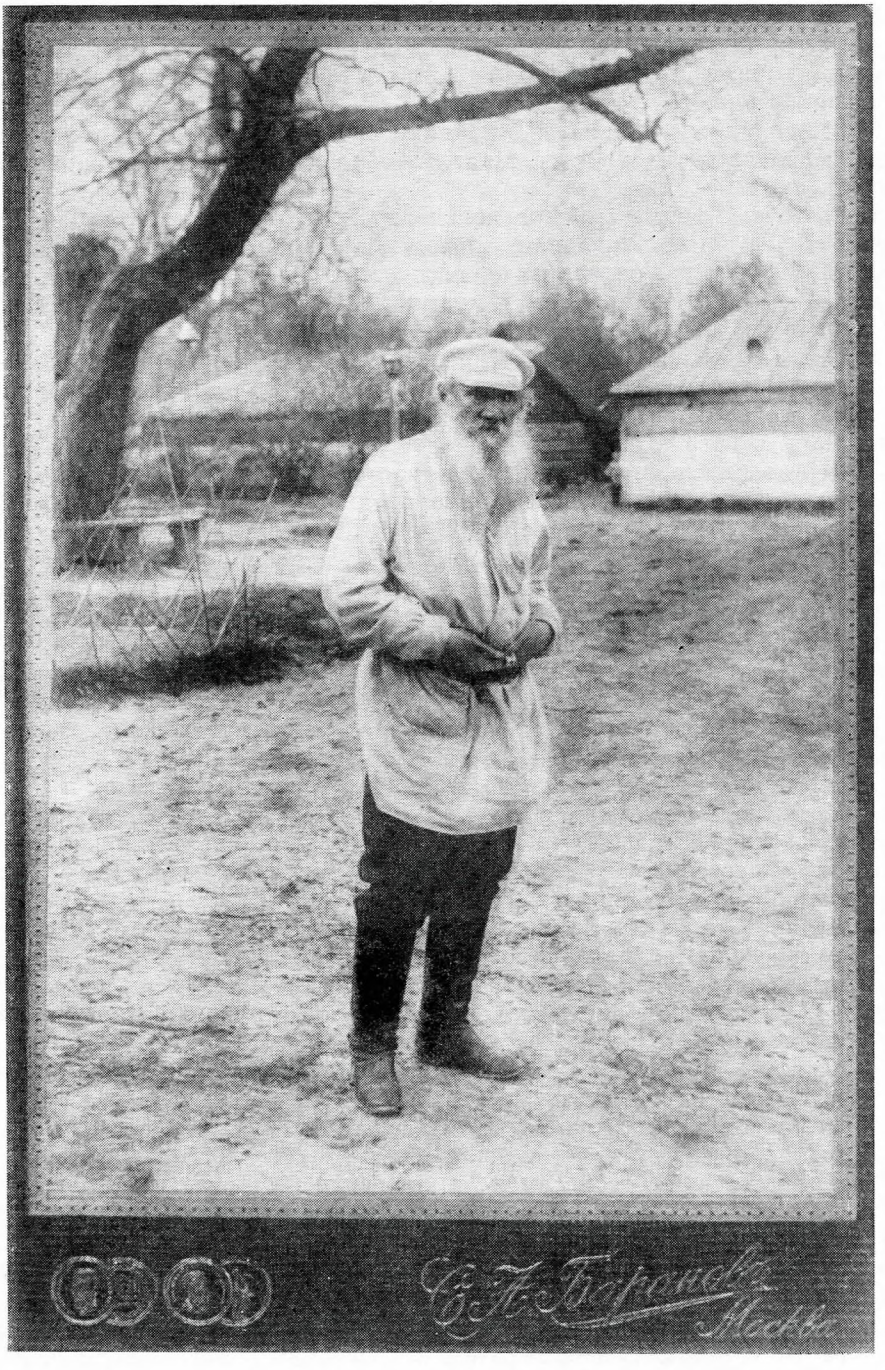
Л. Н. пополудни гулял с мальчиками — 12-летним Колей Ореховым (Ромашкиным) *** и с еще тремя. За обедом рассказывал, какие они уди-

---

* Л. Н. об этом писал на днях ответ матери [3].

** «Отец в хорошем состоянии» (*франц.*).

*** Этот Коля вскоре был отдан в кондитерскую в Тулу, в ученики; он там мяса не ел, не курил, пить не стал; его там дразнили Толстовым.



ТОЛСТОЙ ОКОЛО «ДЕРЕВА БЕДНЫХ»

Ясная Поляна, 11 мая 1908 г.

Фотография С. А. Баранова

«Сегодня был сибиряк-учитель, побывавший в Америке, с московским фотографом Барановым, просил у Л. Н. разрешения снять его для американцев, и сняли очень быстро, раз 20». — Запись от 11 мая 1908 г.

вительно милые, хотят не есть мяса, знают, что птиц убивать не следует (это — Льву Львовичу: он вчера ходил на тягу, убил двух вальдшнепов).

Они говорили Л. Н.: «Мужики ваших книжек не любят, ругают «Восстановление ада» (Коля знал, читал).

Л. Н. ходил с мальчиками к разлившейся по лугу Ясенке и вернулся через сад. Снег удерживал их. Мальчикам просил дать книг о животных, как они сами просили.

После обеда шахматы с Гольденвейзером. В 9.20 я застал Л. Н., сидящего с Татьяной Львовной, Львом Львовичем и Гольденвейзером. Татьяна Львовна и Гольденвейзер рассказывали про русских, живущих за границей и выдвинувшихся там, —музыканта Попова, критика А. Н. Волкова, художника Казакова.

Потом Татьяна Львовна рассказывала про Бьёрнсона, которого она посетила в Риме, и он — ее. Рослый, свежий старик, очень приятный. Говорил, что не верит в священные книги, что не верит ни во что, кроме как в науку, поэзию.

Л. Н. ответил, не помню, на какой вопрос, что Европа теперь не имеет настоящего художника-писателя, кроме одного, — Анатоля Франса. Шоу же — второго, третьего разряда. Когда Татьяна Львовна напомнила Л. Н-чу Бьёрнсона, Л. Н. сказал:

— Бьёрнсон никогда для меня не представлял величины.

И Л. Н. не мог вспомнить никакого его сочинения.

Татьяна Львовна: Ты его ценил: помнишь «Перчатку»?

Л. Н.: Ах, как же, помню. Тоже посредственное второго, третьего разряда [1].

Гольденвейзер припомнил его «Монополигамию» [2]. И упомянул о Гауптмане как о крупном писателе.

Л. Н. ничего не ответил на это, помолчал несколько времени и сказал:

— Сережа дал мне прочесть «Post-scriptum» Виктора Гюго. Там маленький рассказ «Un athée». Я его перевел для «Круга чтения». Глубина мысли, художественное изложение, сильный язык [3]. Там (на Гюго) западная литература остановилась.

Татьяна Львовна припомнила Мопассана, заметив, что его биография очень интересна. Ее привез с собой Михаил Сергеевич.

Л. Н.: Гюи де Мопассан, как Гаршин, выскочил и скрылся. Виктор Гюго же, Гете равномерно росли и до глубокой старости становились все глубже.

Биографию Мопассана Л. Н. желает прочесть. Вспоминал «Une vie» и спросил, кто написал этот роман.

Татьяна Львовна: Мопассан.

Л. Н. вспомнил.

Татьяна Львовна рассказывала про Бьёрнсона и его семью, потом про Волкова, что он требует от художника красоты, добра, правды, чтобы подражал природе.

Л. Н. говорил, что определение задачи искусства — рабски подражать природе — это такая же крайность, как та, что искусство — в том, чтобы писать, что́ придет в голову (как Андреев пишет). Это две крайности. Искусство должно выражать такое состояние души, которое было бы общее всем. Искусство вызывает известное душевное состояние, настроение чувства — только это и есть искусство.

Татьяна Львовна возражала, что нужна красота в искусстве.

Л. Н.: Красота — слово, не имеющее никакого смысла. В музыке нет красоты. А то, что есть в музыке — у Шопена, в народных песнях: венгерских, татарских, цыганских, немецких, русских, их каждый народ понимает,— это есть ядро настоящего искусства, то есть вызывание настроения, чувства, соединяющего всех.

Татьяна Львовна возражала.

Л. Н. объяснял:

— Искусство — не только подражание природе, а отношение, которое соединяет всех. Надо, чтобы своя мысль была глубока.

Потом Л. Н. продолжал:

— Красота, добро, правда — это старинная гегелевская троица.

Татьяна Львовна еще отстаивала красоту лица, тела, особенно в живописи.

Л. Н.: Почему бы художнику не собрать самых безобразных и не дать им делать добро? Орлов — художник. Каждый день смотрю на картины Орлова.

Спор был довольно острый. Спорила Татьяна Львовна, не совсем соглашалась с Л. Н. и Гольденвейзером. Лев Львович не возражал.

Л. Н.: Красота — это фальшивое чувство. Я не знаю, что такое красивый. Понятие красоты в эстетику вводит ложное.

11 апреля. За обедом Л. Н. говорил, что вчера был разговор об искусстве А. Н. Волкова. У него многословие о предмете, которого совершенно не знает.

Л. Н. рассказывал, что сегодня был у него старообрядческий учитель заводской школы Морозова. Его упрекают в толстовстве. Он сын священника. Чтобы избежать необходимости ходить в церковь по праздникам, он приехал сюда. Хотел жить в деревне, живет в Телятинках с Плюсниным. Утром, до 10, был у Л. Н. в кабинете, понравился Л. Н-чу. С ним один из старообрядческих епископов вступил в спор об убийстве. На его сторону против епископа стал другой старообрядец, и они заспорили между собой. Так как спор был богословский и при таком споре не полагается быть не священникам, он должен был удалиться. Один из епископов — социалист.

Епископ сказал ему в споре, что обряды нужны. Обряды нужны для того, чтобы через них заявлять свою зависимость от бога.

— Это очень справедливо,— заметил Л. Н.

Учитель говорил Л. Н-чу, что старообрядцев 20 миллионов.

Михаил Сергеевич говорил, что в Европе ставят на сцене Андреева «Жизнь человека». Разговор по этому поводу.

Л. Н.: Я не могу читать Андреева «Жизнь человека», стихотворения Сологуба. Мне сама мысль ненормальна, нехудожественна.

Л. Н. рассказал, что получил письмо от еврея: упреки, что в «Азбуке» как пример слов, оканчивающихся *ером*, приводится «жид», что это ругательное слово.

Л. Н.: Когда я писал «Азбуку», тогда это слово не имело этого значения [1].

Софья Андреевна: Опера Галеви ведь называется «Жидовка». Гоголь тоже говорил о жидах, малороссы не знают слова еврей.

Вечером Л. Н. в шахматы с Гольденвейзером. С 9 до 10 Гольденвейзер играл две вещи Куперена. Л. Н. хвалил. Был очень растроган и едва проговорил: «Чудесно!» Потом что-то Кирнбергера (Л. Н. : «Прелестно»), сына Баха (не особенно понравилось), Скарлатти (веселый, понравилось Л. Н.) и несколько норвежских песен, потом Рахманинова, Аренского, Чайковского.

Л. Н.: У старых (Куперена) — отсутствие искания оригинальности. У Аренского (в «Эскизе») ни одного такта выбросить нельзя — чувство меры. У Рахманинова есть неравномерность отдельных частей (одни — лучше, другие — хуже).

Л. Н. (*Николаю Николаевичу*): Кажется, кончу статью «Всему бывает конец» [2]. Запинки не осталось. Теперь только поправить и сократить. От сокращения выигрывает.

Л. Н. мне на вопрос о его здоровье:

— Слаб, но поехал верхом. Плохо спал. Теперь перед обедом спал. Работалось хорошо. Для меня вопрос в том, чтобы кончить работу. Жизни мало осталось.

Татьяна Львовна стала говорить о Малявине, о его красных бабах на выставке картин [3].

Л. Н.: Пейзажи, красные бабы — не искусство, портреты — очень изредка, когда удастся выразить духовную сторону личности.

Татьяна Львовна и Лев Львович защищали красных баб, Софья Андреевна — красоту. Л. Н. говорил, что у него есть определение всего искусства; не знает, право ли или ошибочно это определение, но что к нему он подводит все произведения искусства. И Л. Н. высказал это определение. Так как оно (искусство) не удается, то творят подобие искусства. Не помню, к чему, Л. Н. сказал:

— Достоевского лично не знал. У Тургенева была заметная скромность: своим сочинениям не приписывал значения. Когда в Москве дамы просили его подпись, рассказывая об этом, он удивлялся и даже был рад этому. Андреев принимал бы это за должное. Самоуверенность исключает обработку своих сочинений.

Разговор перешел на Гаршина.

Л. Н.: Не могу понять, как можно совершить самоубийство. Из вас кто-нибудь хотел убить себя?

Софья Андреевна: Я хотела несколько раз. Саша хотела в пруду топиться, но забыла калоши, вернулась.

12 апреля. Вчера Л. Н. сказал Александре Львовне, что кончил в первой редакции «Всему бывает конец», что теперь осталось только поправлять. А на следующий день попросил Александру Львовну переписать всю статью начисто. Стало быть, последние дни, как всегда, когда кончает статью, особенно усиленно работал, напрягал мысль.

Вчера же Л. Н. ездил верхом. Сегодня гулял, как обыкновенно в последнюю неделю, когда санный путь испортился, по осевшему снегу в саду. Снег липкий, ходьба трудная. Изжога мучает его, мало ест. Вследствие всего этого ослаб. Напряжение мысли, затруднительные прогулки. И сегодня за обедом случился с ним обморок. Был большой переполох и пререкания, делается ли, что нужно, не вызвать ли докторов и кого. Телеграфировали Никитину и Щуровскому. Софья Андреевна сваливала обморочное состояние на изжогу и суетилась, тревожилась, что Л. Н. от изжоги не лечится. Свалили вину на кумыс, которого Л. Н. выпил что-то бутылок 15 в продолжение 10 дней.

До обморока разговор о приливе и отливе моря. Лев Львович рассказывал про имение своего тестя в Швеции. Чудная осень там бывает. Недалеко морские купания. Тут зашел разговор о том, что такое, чем обусловлены приливы моря. Никто не знал хорошо.

Л. Н. (*обо мне*): Этого не знает! Если бы спросили его, сколько на луне жителей, знал бы.

Когда Л. Н. вечером, с 9.15 до 10, сидел в зале и его просили идти ложиться, он сказал:

— Что вы мной озабочены? Мне так хорошо, так хорошо! Умереть — так умереть, жить — так жить.

Л. Н. сидел в кресле в зале. Был сначала Лев Львович, потом пришли Татьяна Львовна, Михаил Сергеевич и Софья Андреевна. Старались говорить между собой. Л. Н. не спрашивали, но иногда сам Л. Н. вовлекался в разговор и не мог вспомнить, о каком Илюше, Андрюше, Ольге Константиновне идет речь.

Когда ему сказали, что во время обеда с ним была дурнота, Л. Н. с трудом проговорил:

— За обедом сидел? Что вы говорите, что вы! Ничего не помню. Я за обедом? Я сидел за столом? Ничего не помню.

Ничего не желал пить. В 10.15 лег.

Л. Н. с осени заметно постарел, стал настоящим стариком. Безучастнее стал ко многому — например, к возвратившейся теперь Татьяне Львовне. У него теперь есть самостоятельная жизнь, особенная. Перестал многим интересоваться и стал многое забывать. Бывали у него часы явно выраженного стариковского состояния — не мог вспомнить про сына Мишу (это было осенью), а потом вспомнил.

13 апреля. Праздник светлого воскресения. Л. Н. встал в 9 часов и пошел один гулять. В 10-м часу посидел в кресле в зале. Все не может вспомнить ни про вчерашнюю дурноту, ни про обед. Только говорил про вчерашнее вечернее состояние вообще:

— Очень хорошее состояние, очень хорошее.

Когда я вошел, поблагодарил меня, что ночью вставал к нему и делал массаж, после которого не было изжоги.

— Не знаю, — говорил Л. Н., — от магнезии ли (которую принял второй раз перед массажем) или от массажа.

Говорили о праздновании пасхи.

Л. Н. взял почту и удалился в свою комнату. Через короткое время вернулся с номером «Руси»:

— Вот эти празднуют хорошо! Четыре казни в Нижнем Новгороде, один смертный приговор. А вы говорите, — обращаясь к Михаилу Сергеевичу, — умирать не надо. Поскорее умереть! — сказал с ударением, донятый новыми казнями.

Опять ушел в кабинет. Скоро вернулся с письмом в руке:

— Получил очень хорошее письмо, кто прочтет?

Аля Сухотин прочел. Письмо из Сухума. Один отец упрекает Л. Н. за то, что дети его идут за Л. Н., что он причина развала России на радость немцам и жидам. Очень упрекает Л. Н-ча, ругает [1].

Л. Н.: Очень хорошее письмо, православный пишет. Это мне истинно приятно.

В 11 часов дня уехали Лев Львович и Гольденвейзер.

От Никитина телеграмма, что дороги из-за наводнения нет, торопиться ли?

Л. Н. очень усердно занимался. Софья Андреевна шла ему сказать, чтобы прервал, отдохнул. Л. Н. ответил, что ему всего спокойнее за писанием. Вышел в 2 часа. Ходил гулять, после обеда посидел полчаса и беседовал. Михаил Сергеевич говорил про драму Мережковского «Павел» [2], что спустя рукава написана. Разделить бы на пять актов и сдиалогизировать историю Саблукова о Павле [3], и вышло бы лучше. Потом говорил о пьесе «Царь-Голод» Андреева [4]. Разговор об Андрееве.

Л. Н.: Андреева я не могу читать, недостает терпения. Это не то, что Горький. Болтает что попало.

Ваня рассказал, что Тихон Агафонович не допустил к исповеди троих парней, ходивших к Черткову. Разговор о том, что православие гибнет, о трудностях священников.

Л. Н. по этому поводу о священниках:

— Жизнь есть движение от детства до смерти, всегда движение, хочешь или не хочешь. А если одна сторона (физическая) движется, другая (духовная) стоит неподвижно — тогда страдание.

Михаил Сергеевич о запрещении абсента в Швейцарии и о том, что по статистике там больше пьют алкоголических напитков, чем в России. Только там по рюмочке, не до опьянения, но регулярно, ежедневно, а в России стаканы залпом, допьяна.

Л. Н.: Русское пьянство хорошее, пьяницу осуждают все.

Потом говорил, что в Двориках (торговое сельцо в двух верстах от Ясной Поляны) в прошлом году продано 2 000 ведер, а в позапрошлом — только 1 200. Этот взрыв безнравственности — не одного пьянства, а убийства, грабежей — временный.

Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем.

Л. Н.: Прочел интересную статью в «Новом времени» о крестьянском землеустройстве [5].

Михаил Сергеевич: А Столыпин принял Николаева?

Л. Н.: Отложил. Он так далеко ушел в этом...

С. Д. Николаев, знаток Генри Джорджа, должен был, по предложению Л. Н. и с согласия Столыпина, поговорить с последним по земельному вопросу.

Татьяна Львовна рассказала о старушке-американке 87 лет, живущей в Риме,— как она спокойно умирала.

Л. Н.: Аналогия сна и жизни поразительна.— И Л. Н. стал проводить ее.— Я хотел эту аналогию провести до конца, выспаться хорошенько и потом проснуться.

Разговор о 90-летнем Д. А. Милютине.

Л. Н.: Милютиных три брата (Володенька, который нам сказал, что бога нет) были лишены сердца большого, но имели большие способности умственные.

Л. Н. хочет писать Сергею Львовичу в Крым, чтобы узнал про Милютина хорошенько.

Не слышно скрипучего голоса Левы. Л. Н. сказал, что он был ему, Леве, очень рад.

Л. Н.: Я ему сказал что-то про женщин. Это секрет.

Татьяна Львовна, Александра Львовна, Гусев и я остались сидеть около Л. Н. Татьяна Львовна полюбопытствовала, что это могло быть.

Л. Н.: Ну, я скажу: если бы мужчины знали всех женщин так, как они знают своих жен, то бы с ними не спорили. У них есть высшие способности: самоотречение и деторождение.

Подошла Софья Андреевна.

Л. Н. (*Татьяне Львовне тихим голосом*): Какое самоотречение у Софьи Андреевны!

По поводу своей умственной работы Л. Н. сказал, что ему не было бы тяжело, если бы работа становилась хуже, но, напротив, замечает, что работает лучше, чем прежде, по утрам. Только вечером неспособен работать. И эта разница между утром и вечером больше становится.

По поводу Танечки:

— У старых родителей дети более утонченные.

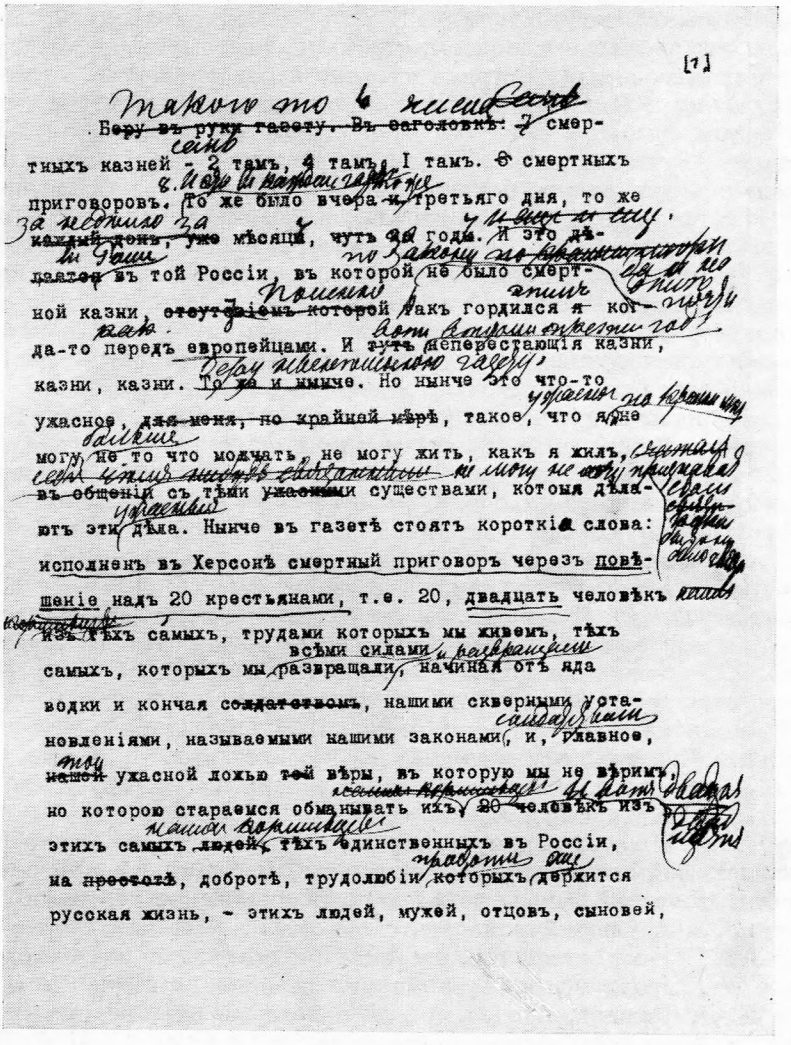
Л. Н. заговорил о Н. В. Чайковском, который теперь на четыре месяца заключен в Петропавловскую крепость:

— Он хороший революционер, не террорист. Василий Иванович — бывший учитель детей; Сережа про него писал, что он хотел меня обратить в революционеры, а кончилось тем, что он обратился в близкого мне. Этого Василия Ивановича я уважал, и так как он уважал Чайковского, своего друга, то и я его (Чайковского) уважаю.

Л. Н.: Бывший телятинский учитель, вольноопределяющийся рассказал, что десятеро их рыло траншею для приговоренных к расстрелу, и потом должны были их расстрелять. Первый залп не попал ни в кого. Тогда за ними, чтобы их пугать, поставили других солдат с тем, что будут стрелять в них, если они не станут стрелять в приговоренных.

Вечером, в 8, приехал Г. М. Беркенгейм и рассказал про ужасное наводнение в Москве.

Л. Н. пошутил:



[1]

Беру въ руки газету. Въ заголовкѣ: 7 смертныхъ казней - 2 тамъ, 4 тамъ, I тамъ. 8 смертныхъ приговоровъ. То же было вчера и третьяго дня, то же каждый день, уже мѣсяцы, чуть за годы. И это дѣлается въ той Россіи, въ которой не было смертной казни, отсутствіемъ которой такъ гордился я когда-то передъ европейцами. И тутъ непрестающія казни, казни, казни. То же и нынче. Но нынче это что-то ужасное, для меня, по крайней мѣрѣ, такое, что я не могу не то что молчать, не могу жить, какъ я жилъ, въ общеніи съ тѣми ужасными существами, которыя дѣлаютъ эти дѣла. Нынче въ газетѣ стоятъ короткія слова: исполненъ въ Херсонѣ смертный приговоръ черезъ повѣшеніе надъ 20 крестьянами, т.е. 20, двадцать человѣкъ изъ тѣхъ самыхъ, трудами которыхъ мы живемъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ мы развращали, начиная отъ яда водки и кончая солдатствомъ, нашими скверными установленіями, называемыми нашими законами, и, главное, нашей ужасной ложью той вѣры, въ которую мы не вѣримъ, но которою стараемся обманывать ихъ, 20 человѣкъ изъ этихъ самыхъ людей, тѣхъ единственныхъ въ Россіи, на простотѣ, добротѣ, трудолюбіи которыхъ держится русская жизнь, - этихъ людей, мужей, отцовъ, сыновей,

«НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!». МАШИНОПИСНАЯ КОПИЯ С ИСПРАВЛЕНИЯМИ ТОЛСТОГО

Первая страница второй редакции статьи, май 1908 г.

Л.Н. сегодня написал статью в десять ремингтонных страниц, вроде открытого письма — горячий... вопль против смертных казней...».— Запись от 13 мая 1908 г.

— Я постараюсь для вас, то есть для Григория Моисеевича и Душана Петровича, заболеть: консилиум приехал, а больного нет.

С Григорием Моисеевичем разговорился отрицательно о медицине.

Вечером читали вслух в комнате Александры Львовны «Всему бывает конец». Я не присутствовал.

14 апреля. Утром приехала М. А. Маклакова, среди дня — Андрей Львович. Были Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Михаил Сергеевич, Аля Сухотин, Григорий Моисеевич, Гусев. Я уезжал в Ясенки. С почты я привез какую-то диаграмму индуса. Я ее сам не видел. Гусев говорил мне, что Л. Н. не понравилась, потому что основана на правде. А «правда» не может быть основой. «Правда» — не что-то положительное, а только отрицательное (отрицание лжи).

Л. Н. утром гулял. Пополудни — верхом.

Вчера решили, чтобы отвлечь Л. Н. от вечерних занятий, писаний, развлекать его шахматами, винтом, чтениями, пением, игрой на фортепьяно, легкими разговорами. Сегодня пустили в ход фонограф. С осени, как уехали Сухотины, Л. Н. стал и вечерами усиленно заниматься, особенно корректурами.

Пришел из Тулы пешком Л. Д. Семенов и вечером беспрерывно, громко, внушительно, сидя совсем близко к Л. Н., рассказывал более часа про казни. Кажется, про одну, где казнен по ошибке невинный. Подобное рассказывал недавно еще кто-то. Л. Н. интересны казни, хочет писать про них. На днях просил Николаева узнать про дворника, исполняющего должность палача в Москве. Кажется, от Дунаева слышала о нем Софья Андреевна и рассказала, вернувшись из Москвы месяца два тому назад, что его извозчики ругают и предсказывают: «Не сдобровать тебе, убьют тебя!» Он отвечал им, что не боится, он их раньше перевешает [1].

Л. Н. попросил меня вписать в статью про Немраву и привести фамилии венгро-сербских назаренов и еще кое-кого из отказавшихся [2].

Л. Н. хвалил Гусева, говорил, как за него благодарен Черткову: способный, все помнит, находчив, работящий — большая помощь.

Вечером Гусев уехал на шесть дней в Рязань к родным. Уехал Беркенгейм.

15 апреля. Днем уехал Андрей Львович.

Л. Н. (*за обедом*): Я встретил шествие с иконами (Л. Н. ехал верхом), нарочно поехал правее, чтобы не было заметно мое неснимание шляпы.

Михаил Сергеевич говорил, что иконы эти называют богами: «Нельзя работать, еще не подымали богов».

Л. Н. спросил, какого направления Д. Д. Оболенский.

Сухотин: Его три раза жгли, будет крайний правый. После первого поджога — октябрист, после второго — умеренный правый, после третьего — Союз русского народа.

Л. Н. (*мне*): В восьмом часу придет молодой человек, он малоразвитый, стихи пишет. Займитесь им, книг ему дайте. Все-таки я с ним поговорю.

Это был 18-летний юноша из Ахтырки Харьковской губернии Георгий Григоренко, приехавший показать свои стихи. Л.Н-ча читает недавно, полгода. Л. Н. ему отсоветовал стихами заниматься и советовал ему блюсти в себе правдивость, целомудрие, любовность. Был с ним в моей комнате Л. Д. Семенов, прочел тут же некоторые наставления Серафима Саровского, они Л. Н. очень понравились.

После обеда, перед шахматами, Л. Н. спросил Л. Д. Семенова про Александра Добролюбова. Леонид Дмитриевич рассказал с восторгом и без лишних слов преинтересную, с самого детства самобытную жизнь Добролюбова. Л. Н. прервал рассказ только одним вопросом:

— Он девственник?

Л. Н. об Александре Добролюбове, когда он был первый раз в Ясной:

— Помню, пришел в лаптях, чистый, красивый. Он в той комнате,— кивнул на кабинет,— со мной разговаривал [1].

После шахмат Л. Н. спросил Леонида Дмитриевича, в чем расходится Добролюбов с ним (Л. Н.). На это Леонид Дмитриевич не умел ответить как следует, смущало его присутствие Михаила Сергеевича (меня не было), а желал бы об этом поговорить с Л. Н. наедине. Он, Леонид Дмитриевич, считает Добролюбова ясновиднее, строже к себе (лучшей, более гармоничной жизни), больше ушедшим от мира, чем Л. Н. Просто он ставит Александра Добролюбова выше Л. Н. Так Леонид Дмитриевич рассказывал мне сегодня на прогулке. Говорил мне, что Л. Н. ему ответил, намекая на совет Добролюбова, переданный ему М. С. Дудченко в письме, чтобы перестал писать, что он уже все высказал, а углубился бы в себя, ушел из дому и жил просто своим или своих молодых друзей трудом [2].

Л. Н. ответил Семенову приблизительно так, что писать можно без конца и что ему уже не до писания («Мне теперь одно дело осталось — готовиться к смерти»).

С 9 до половины 11-го концерт. М. А. Маклакова пропела около 20 песен французских и других, около 14 — под аккомпанемент Л. Н., шесть — Леонида Семенова. Потом с Анной Ильиничной и Александрой Львовной — дуэт, русские романсы и песни. Л. Н. сидел за большим круглым столом, не участвовал в чаепитии.

Л. Н. спрашивал Михаила Сергеевича, что имеет заметить о «Всему бывает конец», которую в первой редакции он сегодня прочел. Михаил Сергеевич возражал против принятия закона Христа как авторитета.

Л. Н. ответил, что Христос выразил человечеству его закон жизни. Человек не может жить разумной жизнью без исполнения этого закона, религиозного начала, как волк без мяса. Люди дошли до такой извращенности, что совсем отвергают его (религиозное чувство).

Старание, особенно со стороны Софьи Андреевны, развлекать Л. Н. пением (Мария Алексеевна), рассказыванием (Леонид Семенов) удавалось. Л. Н. просидел в зале и, очевидно, был рад отдыху. Вероятно, сам чувствует, что переутомляется.

Страшные наводнения в Москве (20 миллионов убытка), по Оке, Днепру.

16 апреля. Среда. Утром уехал Михаил Сергеевич в Кочеты с сыновьями Алей и Мишей. Здесь третий день Л. Д. Семенов. Сегодня приехала М. А. Шмидт. Шел теплый дождь. Л. Н. поехал на шоссе.

Ко мне приехал посоветоваться о жене колядинский крестьянин: заражение крови после аборта. Л. Н. поощрял меня поехать — видно было, что желал, чтобы я поехал к ней. Но т. к. дождь шел и очень трудная дорога, а мужик приехал верхом, а я верхом на Мальчике, нашей горячей лошади, не осмелился, так и не поехал.

Пополудни приехал из Москвы 20-летний юноша-слесарь, друг Фельтена, единственный сын. Читал о духоборах и стал иным человеком. Приехал спросить Л. Н., принимают ли духоборы у себя других. Хочет поехать к ним. Л. Н. ему не советовал, а советовал стараться быть между грешными, порочными людьми, как непьющий среди кабаков.

— Удивительная тайна для меня,— рассказывал Л. Н. про него,— отчего один может понять мысль, а отчего другой не может. Какой славный юноша!

Когда Л. Н. выходил из моей комнаты, где с ним беседовал, у него на глазах были слезы.

За обедом в разговоре Л. Н. говорил о понравившемся ему письме гимназиста 8-го класса, просящего совета, может ли идти в офицеры и как избавиться от лени. Леонид Дмитриевич ответил ему, а Л. Н. приписал, что, может быть, его лень есть просто отвращение к бессмысленным предметам учения в гимназии [1]. Л. Н. заметил:

— Самое обычное. Энергия бывает во имя тщеславия, людской славы.

Л. Н. говорил Марии Александровне про обвинительный акт Молочникова, в котором передано очень верно «вредное» содержание книг: «Письма к фельдфебелю», «Памяток» и других, которые он распространял. Так хорошо изложено в нем, в чем они полезны. Только нужно переменить слово «вредное» на «полезное». Молочникова хотят судить за распространение их [2].

Пополудни пять школьников Л. Н-ча с Александрой Львовной катали яйца на террасе. Когда привели лошадь Л. Н-чу, Коля Орехов попросил Л. Н., тоже катавшего с ними яйца, сняться с ними. Александра Львовна сняла группу. Л. Н. верхом, возле Софья Андреевна, пять учеников и я под вязом. Среди учеников — два любимых Л. Н-ча: Коля Орехов, который, разговаривая с Л. Н., хочет говорить ему приятности и льстит ему, и Паша

Резунов — правдив. Фотография удалась. Особенно хорошо вышел, стоя спокойно, Делир, любимая лошадь Александры Львовны и Л. Н-ча.

Л. Н.: Это мы, три старые животные, вместе умирать собираемся.

— Кто, папа́? — спросила Александра Львовна.

— Белка, я и Делир.

— Белка (старая сибирская лайка) — да, а ты и Делир — нет. Вы молодцы. Что же, Делиру 14—16 лет.

С 7 до 9.30 Л. Н. читал корректуры второго тома его бирюковской биографии. Мария Александровна же, Леонид Дмитриевич и я читали «Всему бывает конец». Я был радостно поражен необычайной ясностью, простотой изложения о неизбежности перехода людей от языческого мировоззрения к христианскому и тщете церковных, государственных, научных стараний создать благо людям.

Александре Львовне эта статья тоже нравится лучше всех, написанных Л. Н.

Леонид Дмитриевич хотел поговорить с Л. Н. наедине. Мы вышли в залу, где Л. Н. говорил с М. А. Маклаковой о Думе, что она земельной собственности не трогает.

Л. Н. (*к нам, особенно к Леониду Дмитриевичу*): Что за чудо случилось со мной! Расскажите Добролюбову про чудо, что случилось со мной. Подите, пойдемте все. Я вам почитаю сон, какой я имел 43 года тому назад.

Повел нас в кабинет, сел в кресло, нам показал напротив него на диван садиться и подал Леониду Дмитриевичу корректуру.

— Я не верил бы, если бы это не со мной случилось. Я тогда занимался охотой, хозяйством, был глуп до невозможности, всякие забавы, и вдруг такое.

И Леонид Дмитриевич прочел записанный Л. Н. в 1865 г. сон о том, что русскому народу предстоит освободить землю от собственности:

«Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности.

«La propriété c'est le vol» *[3] останется больше истиной, чем истина английской конституции, до тех пор, пока будет существовать род людской. Это истина *абсолютная*, но есть и вытекающие из нее истины относительные — приложения. Первая из этих относительных истин есть воззрение русского народа на собственность. Русский народ отрицает собственность, самую прочную, самую независимую от труда, и собственность, более всякой другой стесняющую право приобретения собственности другими людьми, собственность поземельную.

Эта истина не есть мечта — она факт, выразившийся в общинах крестьян, в общинах *казаков*. Эту истину понимает одинаково ученый русский и мужик, который говорит: пусть запишут нас в казаки и земля будет вольная. Эта идея имеет будущность. Русская революция только на ней может быть основана. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности. Она скажет: с меня, с человека, бери и дери, что хочешь, а землю оставь всю нам. Самодержавие не мешает, а способствует этому порядку вещей. (Все это видел во сне 13 августа.)» [4]

Когда Леонид Дмитриевич дочел, Л. Н., как бы все еще не верилось ему, сказал с удивлением:

— Это то же, что пишу теперь, даже тут — а писал я тогда скверным языком — тот же самый язык, каким теперь пишу. Мне показывает это то,— продолжал Л. Н. радостным голосом,— что мы ошибаемся, когда представляем себе жизнь души во времени, а она цельная вся уже есть.

Мы ушли, и Леонид Дмитриевич остался один у Л. Н. Потом рассказал мне, что Л. Н. поговорил с ним очень по душе. Л. Н-ча задел совет А. Доб-

---

* «Собственность — кража» (*франц.*).

ролюбова — все говорит со мной о нем — и Дудченко. Л. Н. о совете Добролюбова сказал, что он суров, а нужно сострадание; что он, Л. Н., может быть, и понимает, а слаб (не может уйти из дому). Несколько лет тому назад мог бы, теперь не может. И Л. Н. говорил Леониду Дмитриевичу про свою жизнь в семье.

В кабинете было слышно пение. Л. Н. сказал Леониду Дмитриевичу:

— Девушки веселятся. Они не знают того блага, которое нам с вами известно.

Л. Н. с Леонидом Дмитриевичем пришли к чаю. Мария Алексеевна пела старые французские песни, Александра Львовна аккомпанировала на фортепьяно. Было очень приятно слушать. Тихое настроение, гармоничный, удачный семейный концерт.

Л. Н. (*к Марии Алексеевне*): Скажу вам о пении. В пении верх искусства — брать высокие ноты тихо. Я даже не знаю, как это делают.

Леонид Дмитриевич Л. Н-чу о Куропаткине, что он говорил посетившему его журналисту, другу Семенова[5], как его укоряет совесть, что он причина погибели стольких людей. Он во все время войны писал дневник[6]. Простой.

Л. Н.: Из того, что я слышал о нем, у меня впечатление, что он хороший, добрый человек.

Леонид Дмитриевич рассказывал, как Куропаткин свиделся с царем, которого он очень любит и жалеет; что он (царь) очень плохо осведомлен, так его обманывают. Оба расплакались. Царь спросил, что́ виной проигранной войны:

— Вы вина всему, вы,— ответил ему Куропаткин. И с тех пор нет отношений между ними.

17 апреля. Теплый, настоящий весенний день. В Ясной Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна с Танечкой, Александра Львовна, Анна Ильинична, Варвара Михайловна, Л. Д. Семенов. Вечером, в 7, приехал и пробыл до 11 жандармский ротмистр Хуциев из Черного Яра. Пробыл у Л. Н. в кабинете ровно час [1].

Пополудни был у Л. Н. старик-старообрядец из Тулы, тот, что Л. Н-чу говорит *ты*, и Л. Н. ему также. Просил и получил очень много книг. Л. Н. угостил его чаем.

За обедом Л. Н. говорил, что читал Дорошевича. Я поправил:

— Может быть, Немировича-Данченко?

Л. Н.: Да, Немировича-Данченко фельетон 16 апреля в «Русском слове» — «В Японии. Плоды побед — беспримерная нищета». Это что-то ужасное [2]. Барышни ушли, могу прочесть.

Софья Андреевна: А Юлия Ивановна тут. При ней можно? Она уже стара.

Л. Н.: Не из старых, а немолода.

Л. Н. прочел, как в Японии родители продают дочерей в «дом с решетками» и правительство облагает погибших налогами, и все у него на счету. Нищета там ужасная. Бюджет поднялся ужасно. Социализм — недовольство рабочих — распространяется. Л. Н. и об этом читал вслух. Просил сохранить этот номер и будущие. Это Сергеенко рекомендовал ему читать эти фельетоны Немировича-Данченко о Китае и Японии.

Огромная почта из Тулы: 41 письмо.

В 10.40 Л. Н. вышел к чаю. Говорил, что получил письмо от китайца. А, к сожалению, не видел никогда китайца.

— Пишет мне,— сказал Л. Н.,— как китайцы интересуются христианством, и просит прислать то, из чего могли бы лучше всего узнать сущность христианского учения; пишет, что он знает русский. Пошлю ему Послание Иоанна. Это у меня первые отношения с китайцем, хотя не непосредственные [3].

Юлия Ивановна напомнила, что уже были отношения с тем китайцем, которому Л. Н. писал свое «Письмо к китайцу» [4].

Л. Н.: Все солдаты, все путешественники удивляются, какая у китайцев терпимость к оскорблению, как спокойно переносят казни. Это религиозное чувство установившееся, а мы про них мало знаем. Они буддисты. У них своеобразный вид буддизма соединен с конфуцианством.

Татьяна Львовна рассказала, что она в Риме познакомилась с двумя китайцами; хорошо, но слишком правильно, точно говорили по-французски. Потом вспомнила, как в купе ехали с арабом-сирийцем:

— И Танечка обращалась к нему «Алап», как к тебе: «Дедушка» или, показывая на Семенова, «Леонид».

Л. Н.: Танечка умнее всех думских деятелей, у нее араб и дедушка, и Леонид — все равны.

Л. Н. говорил, что хочет написать сказку для детей и рассказать ее разными голосами, попросить и Татьяну Львовну, в фонограф для своих учеников. Сказку веселую — например, о блохе, которую подковали тульские мастера [5].

Семенов рассказывал про профессора Г. Ольденберга-буддиста и Макарова-рабочего, последователей Л. Н. в Петербурге, что они не обучают детей религии и не допускают, чтобы их в школе обучали, а только отвечают на их вопросы и находят, что нравственное религиозное учение очень легко дается детям.

Л. Н.: Я с мальчиками занимался этим, хотя встречается некоторая трудность, потому что у них есть уже православная закваска. Разумеется, надо ждать их вопросов.

Не помню, в какой связи Л. Н. рассказал обстоятельно про суд над солдатом, которого он защищал в 60-х годах. Один из трех судей, Колокольцев, поддался внушению председателя и голосовал за казнь. Стасюлевич — против. Л. Н. хочет сам писать об этом, т. к. в описании П. И. Бирюкова изложено неверно [6].

18 апреля. Утром уехал Л. Д.Семенов, хочет поспеть к весенним работам. Уезжал с убеждением, что в последний раз жил в барском доме и обстановке. Там, в деревне рязанской, живет в избе. Рядом живет дедушка в барском доме.

Л. Н. ездил в Козловку нанимать дачу для Чертковых. За обедом говорили об этом и об открытке от Н. Н. Гусева и о нем. Л. Н. радовался на него, какой он душевно развитый, какие имеет умственные способности, трудолюбив, хороший помощник.

После обеда Л. Н. дал мне отвечать на письма и дополнить список заключенных теперь за отказ от воинской повинности в статье «Всему бывает конец». И возвратил вырезки фельетона о Китае и Японии Немировича-Данченко.

— Не люблю я его тон,— сказал Л. Н.— Много интересного, но такой развязный тон, несерьезный.

За чаем Илья Львович говорил, что читал две французские книги о спиритизме и что что-то там есть.

Л. Н. решительно ответил:

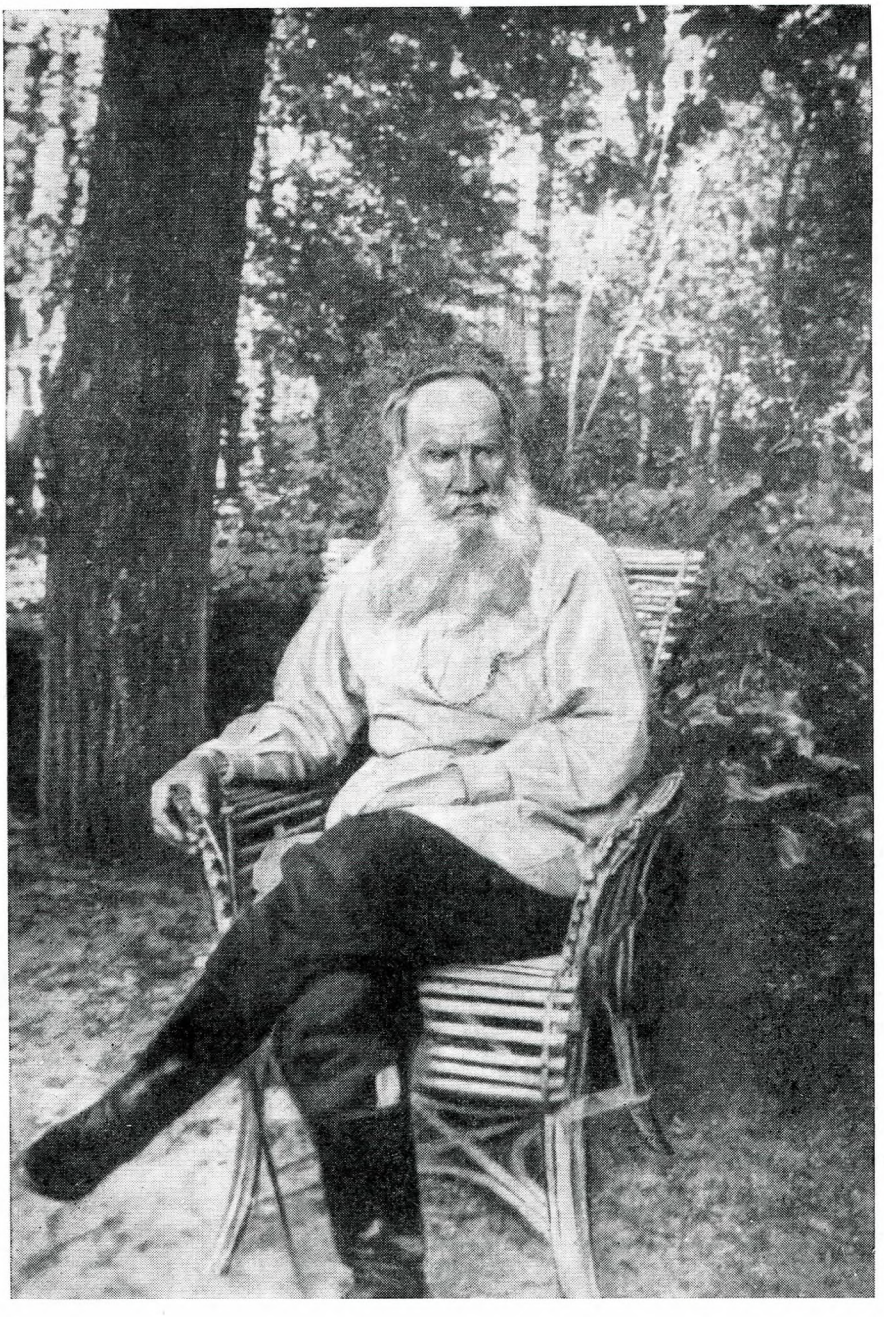
— Ничего нет.

Татьяна Львовна поддержала брата:

— Какие-то силы.

Л. Н.: Что важно — не исследуем, а придумываем...

Л. Н. перевел разговор на Китай. Немирович-Данченко пишет, что, хотя в Китае государственная власть есть, но, в сущности, китайцы не подчиняются ей, а устраивают свои общества, которые имеют свои законы, шпионов, казни. Таких товариществ бесчисленное количество, и законы этих товариществ обеспечивают их спокойствие. Китайцы живут не



ТОЛСТОЙ

Ясная Поляна, 23 мая 1908 г.

Фотография С. М. Прокудина-Горского

Первый русский цветной фотопортрет и единственный цветной фотопортрет Толстого

«Приехал С. М. Прокудин-Горский, профессор химии... с П. Е. Кулаковым... снимать Л. Н. на цветной фотографии — новое изобретение».— Запись от 22 мая 1908 г.

государственной властью — она для дипломатических сношений с другими государствами,— а своими товариществами.

Разговор о заманчивости жизни без занятия. Илья Львович говорил, что он уже без занятия не жил бы.

Татьяна Львовна сказала, что ей за границей без занятия все время было некогда, а Буланже рассказывал, что, когда физически работал в Грозном (восемь часов), писал свои записки, и оставалось все еще много досуга (больше, чем в прежней его службе); не знал, что делать.

Л. Н.: Буланже прав. Когда занят физическим трудом, духовно совершенно отдыхаешь. А когда ты в гостиной с гостьей, то суетишься, думаешь о том и о сем.

Вспоминали о Фете. Татьяна Львовна, Илья Львович, Софья Андреевна рассказывали о его странностях, смешных сторонах, какой он был.

Л. Н.: Умен был. Он своим умом думал. От этого он и был поэт. Знаете, что означает «поэт»? По-гречески — ποιέω, работать.

Разговор о птицах. Илья Львович о ста тысячах диких гусей на Волге. Л. Н. об аистах в Бессарабии. На каждой избе гнездо, и на нем стоят два аиста.

Л. Н. говорил, что он в пении канареек ничего не находит, в соловьином — да. Разговор о гнездах птиц.

Л. Н.: Какая тонкость. Ведь это делают для детей. Витье гнезд и перелеты..... * Тут теория Дарвина не годится (т. е. что слабые не перелетают и гибнут, перелетевшие же живут, и по ним другие унаследовывают эти способности). А первые, которые не перелетели?

19 апреля. Уехал Илья Львович с Илюшей и Володей, меньшими сыновьями. Приехали старшие, Миша и Андрюша.

Л. Н. вечером читал вслух по-французски Гюго «La guerre civile» в стихах.

— Это, понимаешь,— сказал Л. Н. Татьяне Львовне,— та революция, как у нас, убивают городового.

На первой же странице голос Л. Н. изменил ему, зарыдал. Отдал книгу Татьяне Львовне, сам ушел. Продолжая читать вслух, Татьяна Львовна тоже скривила рот, и слезы выступили на глазах, расплакалась; дочитал я.

Л. Н. (*вернувшись*): Вот это поэт, удивительно! Я все перевел.

Потом показал в той же книге «Fonction de l'enfant» (стихотворение) и дал прочесть Татьяне Львовне, сказав:

— На эту мысль (высказанную в «La guerre civile») наводит.

Потом ей рекомендовал прочесть «Petit Paul».

— Прелестно! — сказал Л. Н.— Постараюсь перевести. Жалко, что в стихах писал [1].

Попросил Софью Андреевну купить все тома Гюго, кроме романов и драм [2].

Татьяна Львовна рассказала про Щуровского, виделась с ним недавно; признался, что он материалист, не верит ни во что, живет в свое удовольствие. Притом же очень беспокоится о дочери, занимающейся живописью в Риме: Татьяна Львовна видела ее. Она сказала ему, что это непоследовательно.

Софья Андреевна: Щуровский с Никитиным приедут послезавтра; чтобы ты ему об этом не говорил!

Л. Н. ответил, что отнесется к ним, как к архиереям, пришедшим благословить. Поблагодарит, но предупредит, что от их посещения никаких последствий не ожидает, не предвидит.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

20 апреля. Приехал Д. В. Никитин. Л. Н. ездил верхом к Марии Александровне. Она больна, похудела. Сказала, что охотно, легко умерла бы.

Л. Н. (*ей*): Пригласите меня, когда будете умирать, а я — вас.

Александра Львовна говорила про прохожего калужского старика 85 лет, бодрого, радушного — спокойно говорит про смерть, желает ее.

С 7.30 до 9 Л. Н. с Софьей Андреевной в четыре руки играли. Очень хорошо у них шло.

Теперь Л. Н., больше чем когда-либо уверен, что ему мало жить осталось и потому «надо торопиться», старается работать. Александра Львовна и Варвара Михайловна не поспевают переписывать.

За чаем говорили о том, какая эпидемия «идти на курсы», чтобы быть полезным народу.

Л. Н.: Какая дерзость «быть полезным народу»! Мне 80 лет, а я не умею быть полезным народу. Стараться не делать мерзостей. Вот это хорошо.

Татьяна Львовна: Недавно убили двух старух, чтобы добыть денег на образование (курсы).

Л. Н.: Они из народа..... * камень ломать. Хочется каждый день чай пить. И бессознательно выбиваются из этого (из народа). Или она будет прачкой, или проституткой. Так что такие люди, как Семенов (Леонид), которые стараются идти вниз,— ⟨совершают⟩ подвиг. Они стремятся сюда — но тут не найдут духовного удовлетворения, успокоения, самого главного. Физическое — жить в таких комнатах, как мы живем,— найдут.

Татьяна Львовна говорила, что курсистки уходят от прямых обязанностей к воображаемым.

Л. Н.: Есть разряд людей (из коего идут на курсы), которым делать нечего.

Потом Л. Н. говорил об открытке Варнавского.

Л. Н. укорял себя, что не брал несколько доплатных писем, между ними было одно Варнавского.

Л. Н. о том, что в статье «Всему бывает конец» пишет, и исторически, об отказах, как в 1818 г. тамбовские сектанты отказались служить; их гоняли через строй при Муравьеве. Иконников (и ему подобные) совращают совсем невольно тех солдат, которые их караулят. И потому отказы от военной службы все распространяются [1].

Дальше Л. Н. говорил, что в то же время все увеличивают войска; это большое заблуждение утверждать, что люди — разумные существа. В «Круге чтения» стоит, что есть люди, которые употребляют разум для согласования с ним доброй жизни, а есть которые наоборот поступают [2].

Софья Андреевна: Николай Николаевич Страхов говорил: «Я все откладываю самое мое любимое дело — описание жизни в Ясной Поляне». Так и не написал.

В «Русских ведомостях» 19 апреля В. Булгаков пишет про посещение Ясной Поляны, о Л. Н. [3]

21 апреля. Утром приехал Щуровский для консилиума о Л. Н. Уехала В. М. Феокритова. Пополудни Л. Н. вспомнил, что Гусев не приехал. Д. В. Никитин стал говорить про их с Гусевым общего знакомого, который увлекался взглядами Л. Н., теперь же социалист-революционер.

Л. Н.: От добра добра не ищут. Боюсь, это было подобие христианства под видом социализма. Часто смешивают христианство с мирным социализмом.

От 4 до 5 вечера Щуровский расспрашивал и исследовал Л. Н. Мастерски, логично, подробно, немного торопясь, притом авторитетно, уважительно, но говоря как с пациентом, а не с Л. Н., себя ставя на пьедестал

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

врача (судьи). Л. Н. был пациент (подсудимый). Л. Н. отвечал на столько вопросов, временами был как бы ошеломлен, и на лице у него мелькало удивление, переходившее в добрую улыбку. Поразительно покорно, послушно отнесся к процедуре, только раз подшутил над медициной. Когда мы уходили из кабинета, Л. Н. сказал Щуровскому:

— Исповедь хороша, а насчет причастия,— и Л. Н. договорил улыбкой недосказанное (под исповедью он разумел врачебное исследование, а под причастием — лекарства).

Во время врачебного исследования Щуровского Л. Н. не помнил что-то из прошлого.

— Все, что касается моего тела, не помню,— сказал Л. Н.

Л. Н.: Сон — семь-восемь часов огромной важности. Утром, в самое время после пробуждения, работа для меня самая драгоценная: записи в книжечку.

Л. Н. пошутил, что нехорошо иметь друзей-докторов, затруднительно умереть, чтобы их не обидеть. «А наше дело стариковское — умирать спокойно, смиренно».

Щуровский спрашивал между прочим, как идет у Л. Н. работа мысли.

Л. Н.: Интересы души — это не ваша область.

Щуровский возразил, что надо исследовать всесторонне.

Когда Щуровский кончил и Л. Н. сел в кресло, он заметил про старания лечить тело:

— Ведь это лишнее, ведь это (тело) — иллюзия. Этого ничего нет.

После Л. Н. лег спать, но мало спал до обеда.

За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Анна Ильинична, Юлия Ивановна, Щуровский, Никитин.

Л. Н. вчера играл в пыжи с Александрой Львовной, Анной Ильиничной, внуками Мишей и Андрюшей, Варварой Михайловной и рассказывал Щуровскому про эту игру. Он, Щуровский, спортсмен, ее не знает.

Спросил про его детей. Щуровский рассказал между прочим и про старшего 22-летнего сына — боится, что из него ничего не выйдет... Он на филологическом факультете, но у него нет желания кончить.

Л. Н.: Молод, что будет — нельзя знать.

Щуровский сам извинял сына, что не может идти на земледельческий труд. Физически способен к нему, но душевно не удовлетворяет его.

Л. Н.: Университет, филологические науки — глупости.

Щуровский: А философические, юридические науки?

Л. Н.: Философические — тоже глупости, а юридические прямо подлое, ложное (оправдывать смертную казнь).

Щуровский говорил, что его сын изучает восточные языки: карачаевский, арабский, татарский и турецкий знает; что он его убеждает кончить факультет, а потом идти, куда хочет.

Л. Н. говорил, что сегодня был сектант, терский казак из сотни, стоящей в Туле. Пришел побеседовать; ограниченный. Л. Н. дал ему рассказы, отцу же его послал о Генри Джордже и религиозные книги.

Л. Н.: Слава богу, что есть сектанты, кроме староверов. Староверы еще более строгие обрядники, чем православные. А ихний архиерей Антоний — социалист.

Л. Н.: Когда тут прямое отступление от общего руководства, тем более надо придерживаться обрядов. Религиозное сознание должно развиваться. Есть известная степень развития, при которой религиозное учение отстает от жизни.

Л. Н.: С точки зрения 80-летнего старика мир кажется сумасшедшим домом. Бывшее отношение к жизни осталось, а она ушла вперед. Это мне

С. А. ТОЛСТАЯ В АЛЛЕЕ ПАРКА «КЛИНЫ»
Ясная Поляна, 22—23 мая 1908 г.
Фотография П. Е. Кулакова

так очевидно, как, наблюдая молодого человека, который мотает наследство, можно предвидеть, что̀ из него будет; что если не будет новой основы, другого отношения к жизни, он пойдет на верную гибель.

Щуровский сказал, что многим уже виден анархизм как луч спасения.

Л. Н.: Анархизм — только один луч, а если человек может увидеть целое (христианство), должен к этому идти. Религиозное сознание должно развиваться, и, я думаю, оно, благодаря этим насилиям с одной и другой стороны, будет пробуждаться, расти.

Л. Н.: Пишет мне эсер — так он написал о себе — из народа, что начинает читать Евангелие.

Л. Н. дал прочесть вслух из «Круга чтения» недельное чтение на 21 апреля, «Из письма» А. Дюма [1].

Л. Н. (*о Дюма*): Он искренен, самобытно мыслящий.

Л. Н.: Анатоль Франс недурен, но нового не говорит. Бернард Шоу — тоже узкий человек.

Л. Н.: Я получил письмо с вопросом, кому следовать: Санину или Христу.

Щуровский стал говорить о законах природы; он не может согласиться с авторитетом Христа.

Л. Н. отвечал ему, что Христос только высказал общий, неизбежный всем людям закон, который находит все условия, свойственные всем людям.

Щуровский говорил: почему не развестись с женой, если обоим, мужу и жене, несносно, почему не противиться злу? Говорил с силой, увлекаясь.

Л. Н.: Любовь — закон выше всякого, он ни при каких условиях не может быть нарушен.

На горячее возражение Щуровского Л. Н. ответил:

— Как в треугольнике обязателен закон, что сумма углов равняется двум прямым и квадрат гипотенузы равняется сумме квадратов катетов, как бы мне ни хотелось, чтобы квадраты катетов не равнялись квадрату гипотенузы,— так нравственный закон еще более обязателен, потому что нравственный закон — высший закон; потому что свойственно дать благо и тем людям, которые его исполняют, и окружающим.

На новое возражение Щуровского Л. Н. сказал:

— Раньше сын не уходил от отца, когда было убеждение, что семья неразрывна. Тогда можно было перенести всякие страдания.

На возражение Щуровского, для чего всю жизнь страдать, Л. Н. заметил:

— Всякие страдания на пользу. А страдания нравственные, от того, что человека ругают, эти всегда на пользу.

Л. Н. рассказал суть статьи «Всему бывает конец», что наши страдания от того, что нет у нас общего религиозного убеждения.

Л. Н. больше всего возмущают казни.

22 апреля. Приехал Гусев после недельного отпуска. Л. Н. гулял. Был 18-летний еврей, просил протекции, чтобы его приняли в юнкерское училище в Германии, и просил на обратный путь в Минск. Л. Н. дал ему три рубля.

За обедом и после Л. Н. расспрашивал Гусева, как съездил домой, об отце.

За обедом Л. Н. перечитывал письма Иконникова. Был заперт в холодном, темном карцере, шинель утром отнимали. Множество больших лохматых вшей [1].

Еще Л. Н. говорил про Калачева, Варнавского; будет писать о них в статье «Всему бывает конец» и хочет им писать [2].

— Писать совестно, совестно жить, как мы живем,— сказал Л. Н.

Николай Николаевич рассказал про С. Д. Николаева — был у него в Москве,— как он с гостями-рабочими разговаривал. Они социалисты. Говорили о капитале. Николаев сказал им, что, не будь привилегий правительственных (например, Николаевская железная дорога, вторая в России по доходности, сдана в аренду обществу, членом которого и один великий князь, и не приносит государству ничего),— капитализм не имел бы той власти.

Л. Н.: Зачем говорить о железных дорогах, а не о главном: если бы не было земельной собственности, капитал не имел бы и одной двухсотой доли того влияния, какое имеет теперь. Очевидно, основное — земельная собственность, а то не было бы так, что никто ни в печати, ни в Думе слова не промолвит о ней.

Л. Н. говорил, что в сегодняшних газетах читал о приеме в Петербурге молодого шведского короля, вступившего на престол.

Л. Н.: В перечислении тех людей, которые присутствовали на обеде, почти все такие, которые проживают 200—300 тысяч в год.

Л. Н. говорил это, недоумевая, негодуя, испытывая отвращение. Об этих же людях говорил еще раз за чаем, вспоминая свою беседу с М. М. Сухотиным, молодым кавалергардом, который поступил в кавалергарды, по словам Татьяны Львовны, для того, чтобы быть вхожим в высшее общество. Михаил Михайлович сказал Л. Н., что уходит в отставку, потому что достаточно насладился. Л. Н. говорил об обществе царей и о самих царях в связи с тем, что их общество так высоко ставится. Рассуждая

о том, что Михаилу Михайловичу так импонирует высокое общество, он сказал, что это люди самого низкого умственного и нравственного состояния, главное — нравственного.

Разговор об И. И. Горбунове, о запрещении администрацией продажи пяти книг Л. Н. и некоторых других, между прочим Наживина «В дни безумия» *[3].

Н. Н. Гусев хвалит этот рассказ Наживина: Наживин проникает в души описываемых, сильно действует. Сравнивал его с Андреевым, выше ставя Наживина.

Л. Н.: Он (Наживин) на меня не действует, мне не нравится.

И Л. Н. взял книгу и стал читать про себя именно тот рассказ. Прочел несколько слов, проговорил: «Нет!» и отрицательно качнул головой:

— Я его очень люблю, но это все меня отталкивает.— И Л. Н. прочел вслух выражения «нудные глаза», «лес, сжимающий городок», и т. п.

— Если эпитет, он должен бы... Нет, не одобряю, не могу читать.

Софья Андреевна: Простоты нет.

Но Л. Н. все-таки взял книгу к себе и продолжал читать. Интересовал его рассказ по теме (убийство городового, пулеметы), нужной ему для работы.

Л. Н. спросил меня, какое впечатление произвел на меня Щуровский.

— Как врач — очень хорошее.

Л. Н. качнул головой в знак несогласия:

— А мне нет.

И сказал, что когда его близкие желают, чтобы подчинился лечению, он подчиняется. Но это не может изменить и одной тысячной того, что совершается само собой в теле людском.

Уехал Никитин.

23 апреля. Утром приехали А. Б. и А. А. Гольденвейзеры.

Л. Н., выходя утром, увидел через окно передней многих дожидающихся прохожих:

— Ах, как же с ними быть! Не отказывать — будет их ходить миллион. Отказывать — трудно.

Когда вернулся с прогулки, говорил Николаю Николаевичу, что после всех подошел к нему один, просящий 200 рублей на окончание курса.

— Но что же жаловаться! Это урок,— сказал Л. Н.

Вечером играл Гольденвейзер. Винт.

Софья Андреевна читала что-то вслух о Л. Н., восхваляющее. Л. Н. не интересовался.

Софья Андреевна: Я безумно люблю, когда меня хвалят. Ты — нет?

Л. Н.: Я совсем от этого освободился. Драгоценно серьезное отношение человека к человеку, когда тебя бранят, ругают.

Л. Н. получил длинное письмо от Ечинаца, пересматривал его и прочел вслух малую часть.

— Неинтересно, не вник в любовь,— сказал он.

Л. Н.: В «Руси» эпиграмма: «В философии — риторика скучна, в религии она отвратительна» [1].

Л. Н. спросил Гольденвейзера, какое настроение в Москве, успокоилось?

Гольденвейзер: Политикой не занимаются, а противоположным: эстетикой в дурном смысле.

Л. Н.: Это жалко.

Гольденвейзер, продолжая:

— Неохристианством и порнографией.

Уехали Гольденвейзер и М. М. Сухотин.

---

* Из Московского восстания, декабрь 1905 г.

24 апреля. Утром приехал М. С. Сухотин. Утром же гимназист восьмого класса. Представился: «Я анархист-непротивленец», желал остаться тут работать на земле. Л. Н. с ним гулял, разговаривал. Гимназист был ему в тягость.

За обедом Михаил Сергеевич повторил рассказ венского агента, видевшего в Одессе, как из окна застрелен был казак. Как шесть казаков в квартире нашли еврейскую семью и ружье, из которого только что стреляли, и повлекли 16-летнего еврея расстреливать. Привязали его к столбу, и у него повисла голова до расстрела: «Das war so komisch» *,— и рассказчик-агент смеялся. Михаил Сергеевич был поражен его цинизмом. Русский человек не мог бы так рассказывать. Л. Н. поразил этот рассказ.

Вечером приехал М. А. Митин, парикмахер из Севска Орловской губернии, бывший два месяца тому назад. Ездил в Сибирь и все по вагонам передавал другим, что он узнал; спорил о вере и доказывал Евангелием. Против Евангелия никто не возражал.

Л. Н. (*ему*): Я вам советую меньше об этом думать. Главной деятельностью пусть у вас будет не проповедование, а внутренняя работа над собой.

Митин: Как же не поделиться со светом, не поднимать других до той высоты, на которую я благодаря книгам, размышлениям, поднялся?

Л. Н.: О себе не быть высокого мнения. Мы нравственно ниже трудящихся людей.

Митин: Это мне известно, что я сквернее всех, которых знаю.

Л. Н.: Стараться самому быть чище, быть как бы стеклом в окне, через которое проходит божий свет. Соблюдать свою чистоту. Может быть, ваш разговор, поступок с незначительной старухой будет иметь большее действие, чем проповеди тысячам людей. Как, чем мы действуем,— не в нашей власти, а в божьей. Пусть будет не моя, а Твоя воля, не то, что я хочу, а то, что Ты хочешь.

Митрофан Антонович рассказывал, что видел в Красноярске, как солдаты конвоировали команду арестованных солдат; за что — не узнал.

Л. Н.: В печать проникает малая часть неповиновений в войске.

Л. Н. рассказал, что слышал сегодня от М. М. Сухотина, как за убийство исправника в Орле присудили к смерти еврея и русского. Еврей не встал и не отвечал суду; сказал, что он его, суд, не вызывал и не признает его. Еврея вывели и спрашивали его защитника. Привели, когда читали приговор смертный. Он упал без чувств. Нашелся человек, который повесил его за 75 р. Это Л. Н. ужасно поразило. Нанялся за 50, но перед казнью потребовал прибавки. Потом пришел другой человек и предложил себя в палачи новоприговоренных пяти человек по 15 р. с человека.

25 апреля. Пятница. Приехал Михаил Львович. За обедом был разговор о хозяйственных делах, приказчиках, лошадях... Л. Н. не пришлось говорить.

Шахматы с Михаилом Львовичем. После Михаил Сергеевич рассказывал про «Царь-Голод» Андреева и прочел вслух конец, как диковинку. Потом рассказал содержание его пьесы «Жизнь человека» и хвалил некоторые сцены. Л. Н. слушал внимательно рассказ. Когда же Михаил Сергеевич хвалил, Л. Н. сказал:

— Все это ребячество. Требовать от жизни, чтобы случалось то, что мне хочется,— самое низменное. Почему смерть ребенка должна быть ⟨чем-то⟩ таким трагическим? И для отца?! Еще если бы мать отчаялась... Низменно. И где же трагизм?

Л. Н. с Михаилом Львовичем заговорили о земле.

---

* «Это было так комично» (*нем.*).

Л. Н.: С кем ни станешь из крестьян говорить, все о несправедливости разделения земли. Большая перемена в народе. Я это чувствую. Такая перемена совершилась в народе. Это общее недовольство...

Михаил Львович ответил, что оно всегда было, только его не высказывали.

Л. Н.: Они тогда не сознавали, а сознание назад не вернется.

Михаил Львович: Сегодня один близ Сергиевска сказал: «У меня одна четверть десятины, 50 сажен длины и столько же ширины, а у Гагариной 25 тысяч». А у него дети.

Михаил Львович стал говорить, что уничтожение собственности по Генри Джорджу, арендование земли — не поможет. Кто способнее, возьмет больше в аренду, как теперь, и будет то же неравенство, что и теперь.

Л. Н.: Что̀ будет — не знаем, а знаем, что̀ несправедливо и что̀ не должно быть. Уничтожится то, что нас мучает. Я ничего не знаю, что̀ будет, а знаю, что̀ я должен делать.

Михаил Львович: Если мы отдадим землю, это будет справедливо, хорошо, но неспособные останутся неспособными.

Л. Н.: Так можно было рассуждать при крепостном праве, что дворовые останутся дворовыми... Если люди будут жить христианской жизнью, они будут стараться не обижать неспособных. Как прежде крепостное право, так теперь предстоит уничтожить несправедливость в земельной собственности, которая режет глаза.

Л. Н. поправил кого-то, кто сказал «жид», чтобы говорил «еврей». Разговор о евреях.

Л. Н.: Я борюсь с недобрым чувством к евреям.

Александра Львовна переспросила:

— Что?

Л. Н. повторил.

Александра Львовна: А у меня его совсем нет.

Л. Н.: Это хорошо.

26 апреля. Приехали Колесниченко, И. И. Горбунов. У Л. Н. вечером озноб, ларингит, первая электризация.

27 апреля. Татьяна Львовна второй день больна, лежит. На ней сосредоточено внимание всего дома. Л. Н. сходит к ней раза три-четыре в день. Вечером читал у нее вслух письмо художника Орлова к нему о московском палаче Игнате, ночном стороже [1].

28 апреля. Л. Н. гулял по шоссе.

За обедом Л. Н. сказал:

— Нынче нашел цветок ореховый, хотелось его принести, но просто жалко.

Софья Андреевна спросила, будут ли яблоки.

Л. Н.: Орехов мало, а яблочных почек много.

Л. Н. о детском Евангелии. Все переделывает Евангелие Иоанна; сказал, что у Иоанна Послания лучше, чем Евангелие.

Дал прочесть вслух «Мысли мудрых людей» на 26 апреля, мысль Паскаля о том, что истинное благо такое, которое ни отнять, ни дать нельзя [1].

Вечером, до 10-ти, Л. Н. у Татьяны Львовны; потом за чаем расспрашивал Михаила Сергеевича о подробностях экспроприации у его соседа Голицына.

29 апреля. Когда я электризовал Л. Н., он спросил:

— Это вы выписали из «Нового времени?»

Я выписал из статьи Меньшикова о Баке [1] и выписку оставил в номере «Нового времени». Л. Н., придя завтракать, взял «Новое время» пересматривать. Хотя теперь утром берет «Русь» в кабинет, все-таки почти каждый день не удержится читать и «Новое время».

За обедом говорили о том, что сегодня было очень много прохожих (20). Анна Ильинична говорила, как трое прохожих остановили их кучера и отняли у него четыре рубля.

Софья Андреевна сердилась, что те прохожие, которым она подавала, шли навстречу Л. Н., чтобы от него получить. Софья Андреевна с обидой в голосе:

— Получают от двоих.

Л. Н. (*успокаивая*): Тем лучше.

Говорили о строящемся новом доме Чертковых в Телятинках с 32 комнатами.

Софья Андреевна: Зачем они строятся, когда у них дома в Ржеве, в Лизиновке, в Англии?

Л. Н.: Чтобы Диме устроить постоянное жилище.

Разговор о том, что в Козловке открывается пивная, неприятно. О том, что от кладбища к шоссе из большака много вспахано. Теперь разрешено от большаков отпахивать. До сих пор они в 15—20 сажен ширины были пастбищем, а теперь, кто владеет землей рядом с большаком, могут запахивать его, оставив только три сажени в ширину.

Михаил Сергеевич: Но так как русские законы строго не соблюдаются, вспашут больше, останется по полторы сажени. Дороги будут хуже, чем доселе.

Софья Андреевна: Какие перемены на нашем веку!

Л. Н.: Главный вопрос — не то, что ответил или не ответил Хомяков Коковцеву, а десятки тысяч голодных.

Михаил Сергеевич: Столыпин грозил отставкой, если Хомяков не удовлетворит Коковцева.

Л. Н. на это с возмущением сказал:

— Какая смелость, как если бы он был нужен!

С тульской почтой получена книга «Socialists at Work» by Robert Hunter [2]. Л. Н. читал ее и принес пришедшим к чаю; хвалил, что очень хорошая книга. Прочел вслух вступление о размахе социализма. Рекомендовал Татьяне Львовне читать эту книгу. Кто-то сказал, что Hunter с женой был у Л. Н. [3]

Михаил Сергеевич: Он сочувствует социализму?

Л. Н.: Как же! Социализм прекрасен, только это (у Hunter'а) такая каша! Как сделать, чтобы распутать это? Экономический вопрос связывает все государства: тут и Китай, и Индия.

Софья Андреевна уехала в Москву.

30 апреля. Среда. Л. Н.— за обедом — о социализме. Спросил, какая разница между Бернштейном и Марксом. Никто не знал. Л. Н. читал «ученых социалистов» [1].

Во время обеда приехала двоюродная сестра жены С. И. Бирюкова З. М. Гагина. Расстроена, плакала. Л. Н. после обеда сошел к ней в бывшую столовую, где теперь живет Гусев. Вечером она читала вслух свои записки учительницы [2]. Читала больше часа, и не было утомительно. Наоборот, интересно. Описаны интересы учеников, как учатся, какие вопросы задают. Например, зачем отлучили Толстого. Учительница ответила: «За то, что он уличал попов, которые выдают ложь за истину».

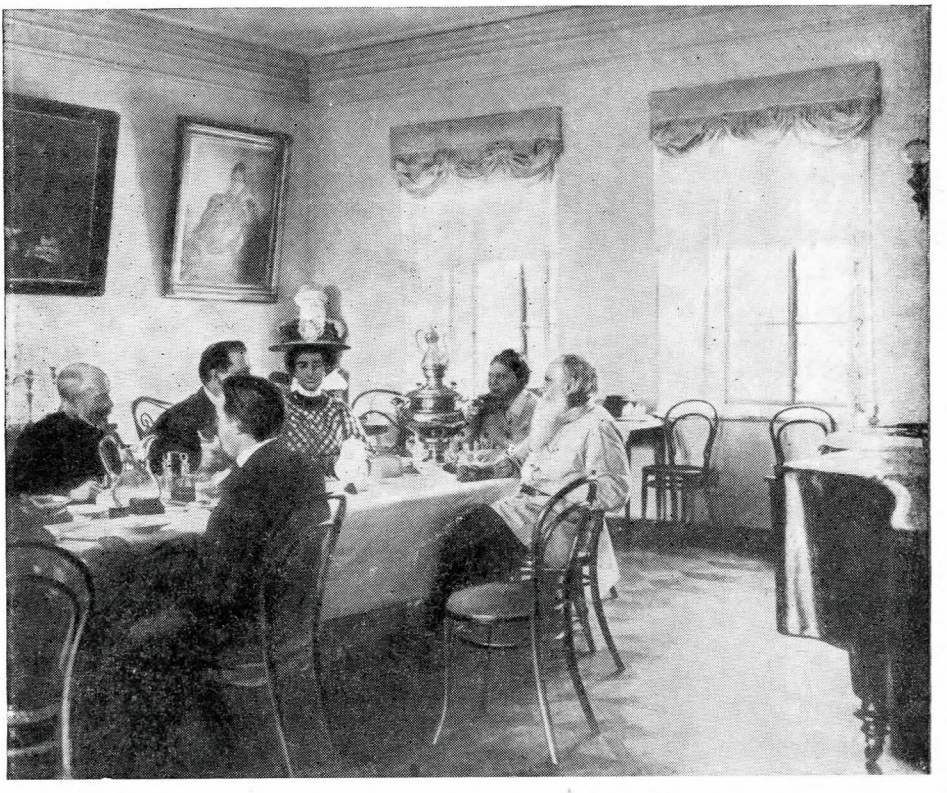
— Хорошо ответила? — спросила Зинаида Михайловна.

Л. Н.: Это вы очень хорошо сказали.

Читала сочинения учеников. Когда кончила, Л. Н. к ней:

— Я очень вам благодарен, это было в высшей степени интересно.

И действительно, Л. Н. очень внимательно слушал, смеялся при живо описанных юмористических местах.



ТОЛСТОЙ, С. А. ТОЛСТАЯ, МАКОВИЦКИЙ, ДЖЕРОМ РЕЙМОНД С ЖЕНОЙ И С. М. ПРОКУДИН-ГОРСКИЙ (СНЯТ СО СПИНЫ) В ЗАЛЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА

23 мая 1908 г.

Фотография П. Е. Кулакова

«...Днем был Jérome Reymond, профессор социологии из Чикаго, с женой. Оба знатоки писаний Л. Н., вегетарианцы, приятные».— Запись от 23 мая 1908 г.

Зинаида Михайловна рассказывала о школе, которую содержит на свои средства и сама в ней обучает 70 детей. Л. Н. ей дал разных рассказов для детей издательства «Посредник», четыре экземпляра «Изложения Евангелия для детей», один послал Насте, 12-летней ученице. Она читает «Царство божие внутри вас», понимает. И выписывает себе оттуда в тетрадку.

Л. Н.: Это у меня часто бывает. Ты стараешься объяснять ученику то, что он уже понял лучше тебя. У них силы гораздо больше, чем у нас.

Л. Н. говорил, что наши умственные и духовные способности от чтения многих книг ослабели.

Л. Н. говорил Зинаиде Михайловне, чтобы она им читала из «Круга чтения», из «Краткого изложения Евангелия».

— Главное, основное, чему их учить,— религиозно-нравственное начало. Я детям все говорю откровенно. Тут (в «Кратком изложении Евангелия») именно учение Христа в его религиозно-метафизическом значении, за исключением всего чудесного.

За чаем Л. Н. говорил Зинаиде Михайловне о Генри Джордже, спрашивал, знает ли его.

— Вопрос земли у крестьян стоит резче, чем стоял вопрос крепостного права. Генри Джордж дает способ решения этого вопроса. Я думаю, что в

школе очень полезно передавать это решение земельного вопроса, потому что он занимает всех крестьян.

Л. Н. говорил ей о «Рассказах для детей» Макарова, изданных в Ярославле.

— Это редко — так хороши!

Потом Л. Н. говорил, что сегодня получил письмо от своего друга Наживина, который ездил в Казань к главе магометанской секты, вроде духоборов, Ваисову [3]. Страдают за отказ от военной службы.

1 мая. Четверг. Утром уехал М. С. Сухотин в Кочеты. Л. Н. сегодня свежее. Дома: Л. Н., Татьяна Львовна, Александра Львовна, Анна Ильинична, Юлия Ивановна, Гусев.

За обедом Л. Н. сказал:

— Получил письмо от каторжного. Просит 150 рублей, чтобы бежать [1].

Одна из женщин сказала, что перестала жалеть каторжных с тех пор, как они могут бежать: только ленивые не бегут. В каком-то городке в Сибири из 450 ссыльных бежало 100.

Разговор о тюрьмах. Татьяна Львовна говорила, что обращение с арестантами в русских тюрьмах не особенно жестоко. То, что пишут газеты, преувеличено.

Л. Н.: Мне тоже кажется, что преувеличено.

Л. Н. дал прочесть выписку из Геккеля, присланную ему Е. И. Поповым, о том, что смертная казнь полезна для породы человеческой: убивают вредных членов общества [2].

Л. Н.: Вреднее Геккелей нет деятелей.

Разговор о Геккеле. Александра Львовна взволнована им:

— Не верится, что это признаваемый первым ученый, преемник Дарвина.

Л. Н.: Кто это будет решать — кто вредный?

2 мая. Л. Н. ездил верхом по шоссе на Рудакову Гору. Там разговаривал с тверянами, что̀ камень бьют (щебень). От куба 10 рублей; в неделю — куб. Встают в 4, с 5-ти бьют, с 11-ти до 2-х отдых, потом — пока не стемнеет. Ноги обмотаны онучами, и бьют со страшным усилием, очень устают руки и ноги.

— На делание гильз есть машины,— сказал Л. Н.,— а на такую механическую работу, все силы человека поглощающую,— нет.

Л. Н. разговаривал почти со всеми десятью. Один пожалел, что не остался на военной службе или не стал городовым. Л. Н. ему сказал, что это грех. Он сейчас понял и согласился. Л. Н. дал ему книг. «Спасибо, дедушка! А как фамилия тебе?» — «Толстой».

— Очевидно, не знает, — сказал Л. Н.

Сегодня большая почта из Козловки.

Л. Н.: Так много стало писем, что я уже не читаю по утрам. Это меня отрывает на полтора часа от работы.

Л. Н.: Полковник пишет — вероятно, раздраженный семьей: один сын кончил самоубийством, другой с ума сошел, третий сын и 18-летняя дочь — революционеры, в заключении, дожидаются суда. Дочь сидит в общей камере в Киеве, и ей очень трудно. Она пишет, что нельзя выглянуть из окна, стреляют в них и за это получают десять рублей награды. Полковник просит вступиться за его детей. Это уже второй полковник о таком пишет. Что-нибудь попробую, сделаю [1],— добавил Л. Н. тоном, по которому видно было, что ему это тяжело.

Третьего дня Л. Н. получил письмо на двухстах страницах из Петербурга от буквоеда, разбирающего его учение и указывающего на неточности, например: слово «жизнь» выражает в одном месте то, в другом — другое и т. д. Л. Н. не читал. Гусев прочел четвертую часть. Не отвечено.

На днях Александра Львовна предложила Л. Н. съездить куда-нибудь:
— К Мише. Хорошо?

Л. Н.: Хорошо. Не будет ни нищих, ни писем.

Дня три тому назад Михаил Сергеевич перед отъездом также звал Л. Н. приехать в Кочеты: будет спать на пузинской кровати [2], после сна на которой, как он сам сказал, Л. Н. ни писать, ни действовать не может.

Третьего дня босяк 19-летний, идущий из Петербурга в Батум. Умный, даровитый. Поет и тем прокармливается.

Сегодня за обедом был Плюснин. Разговор о Трегубове, который не может собрать нужных 50 подписей для регистрации общины Свободных христиан в Петербурге. Л. Н. высказал удивление, что так редки (?) люди половинчатые, идущие на компромисс с правительством, которые видят неправду церкви и вместе с тем религиозны. О самом Трегубове Л. Н. выражался с большой любовью и уважением, говорил про его самоотверженность, чистоту во всех отношениях.

Плюснин и Гусев говорили о Беневском, что он держится буквы Евангелия, что верит в чудесное и люди в его общине также. Л. Н. сказал, что он чувствует между ними (им и Беневским) какую-то преграду.

Гусеву Самсонов (Л. Н. сейчас его вспомнил, я же с трудом, а Л. Н. видит больше новых лиц, чем я, и вспоминает их легче), сибиряк, месяца полтора назад приехавший к Беневскому в общину, пишет, что члены недовольны, жалуются, что много затратили каждый, а Самсонов недоволен «сектантским» духом.

Сегодня Л. Н. получил письмо (с просьбой разорвать его) от начальницы гимназии; пишет, что у них «огарки», увлечение молодежи «Саниным» Арцыбашева, то есть что все возможно и что в том какая-то красота есть. Восемь гимназисток родили, одна лишила себя жизни, одна с ума сошла [3].

Недавно по поводу разговоров о нескольких разводах — в последнее время разводы участились в кругу знакомых — Л. Н. говорил, что люди воображают себе, что они первые свободно смотрят на брак, что отбрасывают старые предрассудки воздержания, терпения, одноженства и решают с уверенностью, как если бы только теперь люди об этом думали. А эта проблема всегда была.

Сегодня привезли еще почту ясенковскую и тульскую.

Татьяна Львовна рассказывала про Тулу:

— Какая перемена! Какие стали туляки мне непонятные («огородились»).— Ничего не знает, что они думают, раньше знала их мысли, душу.

Л. Н.: А я, живя в деревне, все знаю. Получаю письма от всяких. Вот «невеста» Николая Николаевича, она умница, мне пишет [4]. Тут господин сегодня мне пишет: «Вы мне погубили двух дочерей». Он меня смешивает с революционерами *. Вот ветеринар, вчера бывший в Ясной Поляне, говорил, что теперь настроение в уезде тише, он рад этому.

Потом Л. Н. сказал, что не получает писем только из общества аристократического, такого, к которому принадлежат Стаховичи.

Татьяна Львовна что-то про тульских казюков [5], что они дикие.

Л. Н.: Это народ бродячий, ужасный. Эти административные ссыльные, страшно сказать, бывали в тюрьме, где их колотят; видели какие примеры!

Татьяна Львовна пришла было в шляпе. Собираясь уйти, надела ее, чтобы в руке не нести. Л. Н. попросил ее снять.

— Мне это (т. е. дамские модные шляпы) вроде смертных казней. Как в смертную казнь не верю, так и в это,— Л. Н. показал на шляпу.— Потому что не верю в смертную казнь, а Геккель говорит, что это полезно.

* Монархические газеты упрекают Л. Н. в том, что он сделал молодежь нигилистической, и читатели верят. Впрочем, и Стасов говорит, что Л. Н. сделал революцию [6].

Л. Н. на днях написал, а вчера поправил воспоминания о суде над солдатом для бирюковской биографии. И там стоит: «Должен сказать, что смертная казнь, приговоры одними людьми других к смерти и еще других к совершению этого преступного, противного самым низким требованиям человеческой природы поступка не то что возмущала меня, но представлялась чем-то невозможным, выдуманным поступком, в который нельзя верить, несмотря на то, что знаешь, что он совершается и что даже мне привелось видеть его» [7].

3 мая. Утром приехал Бирюков. Вечером Клечковский. Бирюков привез Л. Н-чу от Давыдова описание какого-то следователя военных судов, на которых он присутствовал. На днях приедет Муравьев, московский адвокат, защитник, рассказать про политические суды [1]. У. Л. Н. теперь внешний материал есть, внутреннее создаст. Может быть, будет писать о казнях. Их постыдно много стало — до шести в день, смертных приговоров до 17 в день.

4 мая. Утром я вернулся из Таптыкова. Софья Андреевна вернулась из Москвы, приехала Надежда Павловна. Вечером Клечковский играл с Л. Н. в шахматы. Потом Л. Н., а после него Клечковский играли на фортепьяно. Разговор о музыке. Л. Н. сказал, что она отличается от всех искусств, к ней нельзя примешать умственного, идейного:

— Нельзя соединить два искусства — поэзию, музыку. Я на слова (когда поют) никогда не обращаю внимания.

Потом говорил, что из настоящей музыки «слова» не выкинешь, что следующее вытекает из предыдущего и есть последовательность необыкновенная. В рассказах нет такой строгой последовательности, там можно переменить. Потому музыка и запоминается. Ничего так не запоминается, как музыка.

Клечковский говорил про композиторов и выдвинул Рахманинова как лучшего из современных.

Л. Н.: Странно, что у Танеева ничего нет, в его композициях какая-то каша.

Клечковский говорил, какой Танеев отличный теоретик, «ученый музыкант».

Л. Н.: В его композициях это ученое есть, но нет свежего.

Клечковский спрашивал Л. Н. о новой музыке.

Л. Н.: Я мало слежу, не знаю. Вот иностранные композиторы какие есть, вы не знаете? — Л. Н. обратился к Клечковскому и Татьяне Львовне.

Они назвали нескольких новых.

Л. Н. о них не отозвался; помолчав, сказал:

— Шопена я из всех выделяю (за его оригинальность), а ему никто не подражает. Потому что нельзя подражать. Это такая необыкновенная сила.

Клечковский что-то о Моцарте, Бетховене, классиках.

Л. Н.: Они друг другу подражают, а Шопен был один.

Л. Н. получил письмо от старика-корчемника. Разговор о тайных кабаках. Кто дает взятки уряднику, того не трогают.

Л. Н. о роли правительства:

— Учреждение, которое оправдывается тем, что оно заботится о благе народа, торгует водкой. Стыда нет!

5 мая. Утром уехал Клечковский. Л. Н. вернулся с прогулки, говорил Илье Васильевичу, что прохожие — здоровые, молодые — приезжают с поездом, в Засеке соскакивают и прямо сюда. Л. Н. их теперь видел. Он им говорит, что они отнимают у настоящих нищих. Так нельзя. В день три рубля раздавать — не хватит денег. Тула близка, их без числа.

За обедом Сергей Львович рассказывал про его поездку Ялта — Бах-

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ ДЕРЕВНИ ЯСНАЯ ПОЛЯНА
22—23 мая 1908 г.
Фотография П. Е. Кулакова

чисарай, про Чуфут-Кале. Л. Н. интересовался этим, так как тоже там (в Чуфут-Кале) бывал [1]. Сергей Львович рассказывал истории о генерале Думбадзе, которыми полна пресса.

Л. Н. вечером за чаем — о судебных протоколах, которые прислал ему Давыдов. И рассказал про одну экспроприацию с браунингом. Один юноша другому: «Стреляй ты, я не могу стрелять». 3 000 р. унесли. Каторга 20 лет (малолетние). Прокурор опротестовал. Кассация. Второй состав военного суда. Приговорены к смертной казни. Из протокола видно, что они были случайными исполнителями: ходили на сходки, там слышали, что нужно добиваться свободы, для этого же нужны организации и для них деньги. На них выпал жребий.

— Если меня спросят,— сказал Л. Н.,— что делать? Я скажу: не знаю, но вешать нельзя. Устраивать жизнь других — не берусь. Сегодня из газеты много почерпнул,— продолжал Л. Н.,— так как был в таком духовном настроении: всю прочел («Русь», кроме того «Новое время»). Там (в «Руси») о мозге Менделеева [2]. Как тот мальчик, про которого дама-учительница рассказывала, отвечал, говорил наугад, врал: «А вдруг выйдет», так и они смотрят пузырьки, банки с мозгами, завитки, извилины. Вдруг из этого что-нибудь выйдет. Ничего не выйдет!

Сергей Львович рассказал, как Менделеев один поднялся на баллоне ради астрономических наблюдений.

Л. Н.: Какая смелость! Страх высоты. На большой колокольне он есть.

6 мая. Приехала Е. Ф. Юнге с сыном Александром. Днем был Андрей Львович. Я с ним уехал в Таптыково. Вечером, в 11-м часу, вернулся. Вечером уехал Сергей Львович.

Л. Н., Гусев, Е. Ф. Юнге с сыном, Софья Андреевна сидели за чаем и говорили про какие-то стихи. Софья Андреевна утверждала, что они — Пушкина. Л. Н. утверждал, что нет. Оказались Фета. Л. Н. вспомнил про Тютчева и хвалил его. Про Фета заметил:

— Но у Фета уже есть такая смелость, впадающая в декадентство. Есть грешки, неясные вещи.

Молодой Юнге говорил про «Санина» Арцыбашева, что там есть и хорошее, правдивое описание того, что происходит; что обижают Арцыбашева как те, которые осуждают его, так и те, которые в сплошном восторге от него. Советовал Л. Н-чу прочесть. Л. Н. ответил, что пробовал:

— Одну страницу прочту, другую не могу, просто не могу, не из-за предвзятости. Как не могу читать Андреева. Нехудожественное. Когда в такте три фальшивые ноты — не музыка. Когда в художественном произведении.....* — не художественное произведение. Во всякой добродетели самоотречение, самозабвение ⟨есть первое дело⟩, так и в искусстве. Писатель не должен быть виден, а тут Андреев, Арцыбашев — себя вперед тиснуть. А мне никакого дела до них нет.

Молодой Юнге продолжал защищать «Санина»:

— У Арцыбашева видно вдохновение.

Л. Н.: Какое вдохновение? Пушкин двадцать раз переделывал.

Е. Ф. Юнге тут рассказала, как учитель живописи ее учил — травку на картине оставлять только если она нужна.

Л. Н.: Вдохновение — это тот момент, когда вы себе живо представляете, что̀ вы можете сделать. Кто не настоящий художник, тот оставит травку, кто настоящий — тот выкинет.

** Сегодня говорили о смертных казнях в Москве, Л. Н. сказал:

— Вы говорите про эти ужасы, как вешают в сарае. В Англии — публично, черный флаг вывешивают, толпы ходят смотреть на это.

Л. Н.: Во Франции президент (Фальер) всех милует, и там на это обижаются.

— В одной только стране, в Италии, нет казней,— сказал кто-то.

Л. Н.: Я всегда гордился тем, что Елизавета Петровна отменила казни.

Л. Н.: Вот эти голодные, ⟨вот, что⟩ поддерживает виселицы,— это жизнь богатых.

Л. Н.: Леонид Семенов пишет: «Шел пешком, видел в народе бедность и жадность к просвещению, к пониманию».

Л. Н. цитировал письмо: «Я крестьянин, люблю народ и хочу быть ему полезен и потому хочу быть образованным».

— Я должен этому сочувствовать,— говорил Л. Н.— А он просто хочет ⟨сесть⟩ на плечи ⟨народа⟩.

Л. Н.: С тех пор, как распространяются мои сочинения в России, каждый день получаю три-четыре письма. Искренное письмо женщины — отвечу [1].

У Л. Н. бодрость поразительная. Л. Н. выработал, вернее, явилась она сама собой: ровность, одинаковость обращения, он один и тот же со всеми.

8 мая. Уехала Татьяна Львовна с Танечкой. Л. Н. получил известие, что Молочников приговорен на год в крепость и уже посажен. Это очень взволновало Л. Н.

Л. Н.: Как маленькая Таня ни мила, большой Тани мне больше недостает.— Потом добавил: — Она как часть меня. Я ее не замечаю.

Стасюлевич стал присылать Л. Н-чу «Вестник Европы» и писал [1].

Л. Н. съездил на почту в Ясенки. Начальник ему говорил, что им заменили револьверы (у них четыре) новыми, самого последнего устройства.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Отсюда до конца записи 6 мая текст вписан Маковицким позднее.— *Ред.*

Е. Ф. Юнге говорила о том, улучшает ли прогресс общество людей; самые средние люди не такие ли, какими были 700 лет тому назад, и доброты сердца не было ли больше? Идет ли человечество вперед в эволюции?

Л. Н.: Это один из тех вопросов, на которые разумный человек должен ответить: «Не знаю».

Вечером Л. Н. получил письмо от немца-вегетарианца. Восторженное, преувеличенное, с листовками о вегетарианстве. На одном из них изречение Рихарда Вагнера о любви к животным.

Л. Н. (*ко мне*): Я не знал, что Рихард Вагнер был вегетарианцем, вы слыхали?

Екатерина Федоровна стала говорить о музыке Вагнера и хвалила особенно «Парсифаль».

Л. Н.: Я его музыку недостаточно знаю.— И сказал Александре Львовне, едущей завтра в Москву, чтобы спросила Гольденвейзера, знает ли, что̀ играть Вагнера.

Екатерина Федоровна продолжала говорить о музыке Вагнера. Л. Н. сказал, что, когда Вагнер появился, у него, Л. Н., установилось мнение, что в нем музыкального дара нет, а соединение...

Екатерина Федоровна: Драматического с музыкой.

Л. Н.: Форма развивалась. Это ложное, фальшивое искусство, которое выросло среди богатых, непонятное для масс. Таков Вагнер. То же — декадентство. (То же самое в живописи.)

Уехал А. Э. Юнге.

Л. Н. хвалил «Petit Paul» Виктора Гюго в «Légende des siècles».

9 мая. Днем уехала Александра Львовна в Москву с Анной Ильиничной.

Утром был брат Григорий с письмом от Леонида Семенова ко мне. Приехал к Л. Н., чтобы проверить себя, и уехал успокоенный. Сказал мне: «Лев Николаевич и я — одна копна, во всем согласен с ним». Он крестьянин 40 лет из деревни деда Леонида Семенова. Писал Леониду, когда тот как революционер был заключен на 11 месяцев в курскую тюрьму, и склонял его к доброте. Леонид потом к нему приехал жить в деревню и работал у него прошлое лето, и у них харчевался, и теперь работает.

Под вечер был В. С. Морозов (с ним и Игнатом ездил Л. Н. в Самару и по окрестным школам в Ломинцево, зимой в метель плутали), первый ученик из первой школы Л. Н-ча. Друг Марии Александровны, от нее пришел. Приветливый, умный, лишнего не говорящий, теперь туляк. 30 лет извозничал. Л. Н. его попросил, чтобы написал воспоминания о яснополянской школе для биографии Бирюкову. Василий Степанович ответил, что он это написал два года тому назад и отдал П. А. Сергеенко; что ему только добавить об учении у Л. Н. духовной жизни после 1880 г. Этому в школе не учил их [1].

Иван Иванович ему на это сказал, что в этом тогда Л. Н. сам был учащимся. В. С. Морозов сердечно пожалел А. Н. Агеева, главное за то, что тот просидел семь месяцев в одиночке. Из его сверстников-школьников жили в Ясной Поляне только четверо: Тарас Фоканычев, Евстигней Зябрев, Даниил Козлов и Семен Резунов. Л. Н. говорил с ним на *ты*, но избегал этого обращения. Василий Морозов учтиво и очень прямо, просто, любовно вел себя, ни нотки фальшивой, ни] принижения. С ним был 16-летний сын, ученик технической школы в Туле. Василий Степанович дал Л. Н. свой рассказ «За одно слово».

— В нем все правда. Там яснополянские извозчики, Алеха Зябрев.

Л. Н. удивился тому, что у 60-летнего пострадавшего старика — малые дети. Василий Степанович на это возразил, что разве это не бывает, что и у него самого так. Л. Н. сказал, что, если позволит, он в рассказе кое-что поправит и поместит его в журнале (меня же попросил при случае,

когда будет литератор у нас, напомнить ему об этом рассказе). Сейчас же рекомендовал его Ивану Ивановичу. Тот отказал по той причине, что в отдельной книжке могли бы его конфисковать [2].

Вечером, с 8.30 до 10, Л. Н. с Николаем Николаевичем и Иваном Ивановичем читали в кабинете описание казни пятерых — Л. Семенова [3]. Очень сильно действует. Л. Н. был тронут, потрясен, и Николай Николаевич и Иван Иванович не могли нахвалиться Семеновым как художником-писателем.

— А заметьте,— говорил Л. Н. им, когда пришли из кабинета в залу,— доктор пьяный, а священник добрый, но начальство — оно знает, что делает (священник оправдывает свое неохотное, вынужденное участие в казни). Если бы писал революционер, доктор был бы хороший, а священник — злой.

Софья Андреевна выразила сожаление, что ее не позвали слушать; что она всегда рада слушать интересное и особенно теперь, когда глаза у нее болят. Софья Андреевна только что кончила чтение вслух истории своей жизни Екатерине Федоровне.

Л. Н. о самом писании Л. Семенова:

— Вначале декадентски неопределенно; приуныли, не знали, что̀ фантазия, что̀ правда. Потом сразу захватывающе, ясно, в нескольких словах, а главное — сюжет о казнях. (Должно быть, все правда.) Ах, как хорошо! — говорил Л. Н. взволнованным голосом и со слезами на глазах.— Морально эта вся наша революция, с этими казнями она не пройдет, как она прошла в Европе, она сказывается. Сегодняшние впечатления: такие ужасы, которые описал Семенов; маленькая вещица Морозова (описание старика — «За одно слово»), но видно в этом нарушение любви.

Николай Николаевич заговорил о частной жизни Семенова, что̀ о нем рассказывал брат Григорий. Семенов о себе не любит говорить.

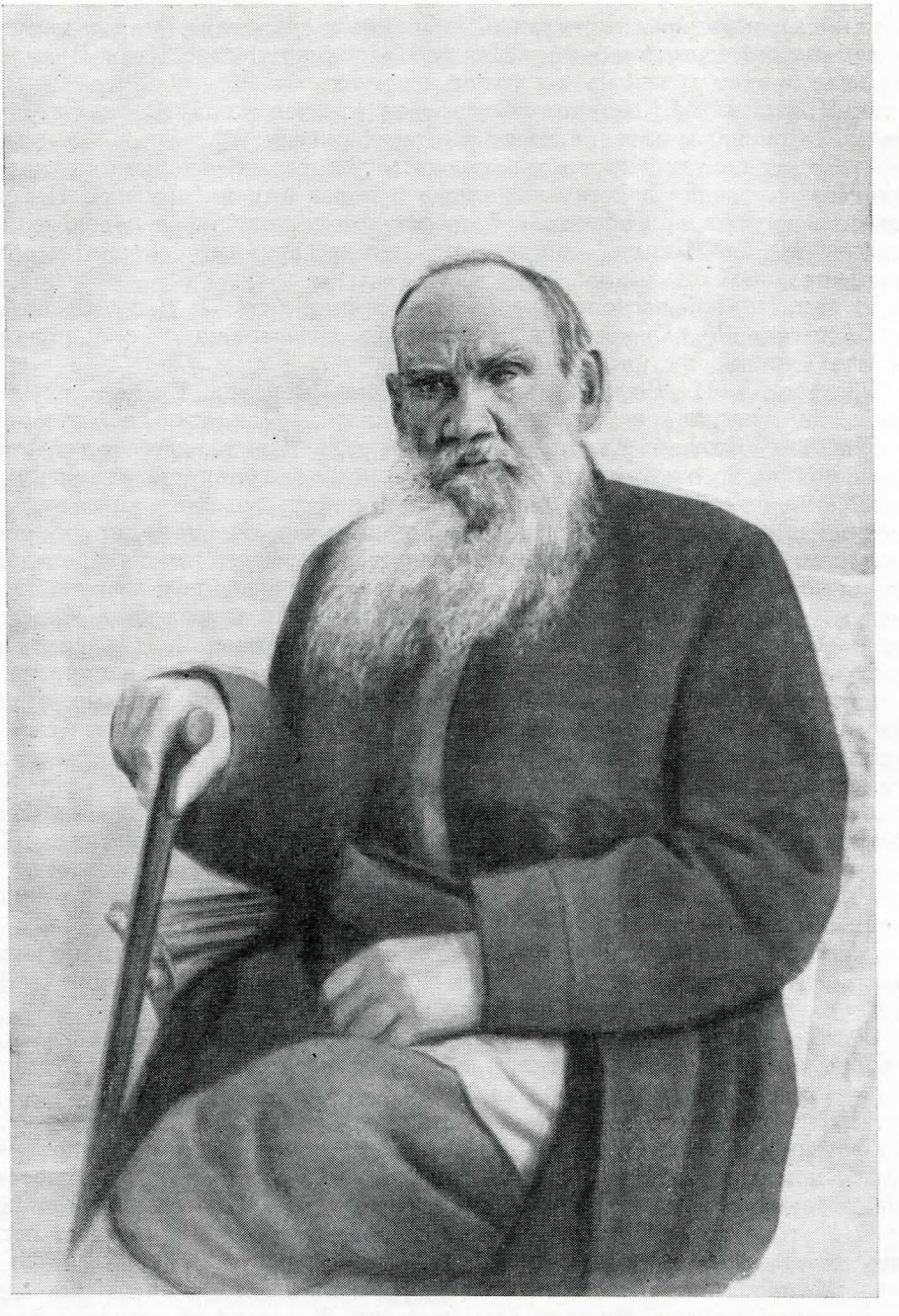
Л. Н. (*Ивану Ивановичу*): Он не предстал перед комиссией и не сделал, как Алексей Петрович Сергеенко (Сергеенко убежал), заявляться не будет, пусть его ловят.

Л. Н.: Я так устал (все поправлял «Всему бывает конец») и стал читать газету. И прочел всю речь Столыпина (должно быть, о государственном отношении Финляндии к России) [4]. Как все это неправдиво, что он говорил!

Иван Иванович стал говорить о том, что Гучков и раньше Пуришкевич, Бобринский вызвали Милюкова на дуэль. Общее негодование, главное — Софьи Андреевны.

Екатерина Федоровна: Мне часто думалось: «Как могли жить люди в Средние века. Слава богу, что миновали те ужасы!» А теперь живем среди таких же ужасов, казней, убийств, грабежей, зверств.— И сообщала ужасы о днях московского восстания, какие ей рассказывала старая ее подруга Грейтман, вечно «шлявшаяся» по улицам (не раз свистали около нее пули), чтобы уговаривать, оттаскивать обезумевших барышень от грозящей им на улицах и на сходках смерти, и художник Поленов. В его или в соседнем доме было убито двое детей — полутора и трех лет, глядевших в окно, что было запрещено под угрозой стреляния, и девочка и ее гувернантка — на дворе шрапнелью, перелетевшей через дом. Рассказывала про убийство Воробьева-доктора в его доме приставом Ермолаевым на глазах жены и 12-летней дочери, которая от ужаса обезумела. Про аптекаря, принимавшего больных: из пушек расстреляли аптеку и т. п. Всем нам было жутко, сама Екатерина Федоровна разрыдалась, рассказывая.

Иван Иванович сказал, что теперь ряд процессов по делам из времен революции 1905—1906 гг. Теперь привлекают к суду и присуждают. Потом рассказал, как он во время московского восстания сидел у брата и рыдал, что солдаты-братья убивают братьев (революционеров и прохожих



ТОЛСТОЙ НА ТЕРРАСЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА

23 мая 1908 г.

Фотография П. Е. Кулакова

«Кулаков прислал фотографию для стереоскопа: Л. Н., сидящего с рукой на палке, опертой о землю. Старческая фигура. Сегодня мне бросилась эта перемена в глаза. Л. Н., должно быть, устал: всю неделю было очень шумно».— Запись от 24 мая 1908 г.

на улицах), и написал в стихах «Обращение к солдатам». Мильк написал на ремингтоне и принес пачку Ивану Ивановичу. Когда Иван Иванович услышал грохот ружей на их улице, сжег их.

Л. Н. указал на Екатерину Федоровну и, имея в виду Василия Морозова, Л. Семенова, авторов на ту же тему, сказал:

— Таких нельзя поймать и заключать (у которых революция и подавление ее внутренно действуют дальше и через них на других). Перенесешься в положение рабочих — безвыходное положение, а перенесешься в положение Столыпина — он думает: «В такое время это (казни) необходимо, хорошо».

11 мая. Первый настоящий теплый, весенний день. Л. Н. гулял по Засеке к поляне близ Судакова, где фундамент недостроенного большого дома. Там случилась с ним легкая дурнота.

Обедали: Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Гусев и я. Вспоминали об Александре Львовне, что̀ с ее глазом. Под вечер, с 7 до 9—10, Л. Н. читал «Вестник Европы», январь-апрель 1908 г., две статьи, касающиеся Герцена, и там же пересмотрел роман «За границей» из жизни революционеров [1]. По поводу этого романа сказал, что написан нехудожественно: во всех диалогах один и тот же язык; что, очевидно, между революционерами влюбленность играет большую роль. Одна имела последовательно четырех мужей. Другая рассказывает теперешнему мужу о своем прежнем, как он на ее глазах велел другому убить товарища-студента, подозреваемого в шпионстве. На этот рассказ в романе Л. Н. сказал, что пригодится для его работы, которую сейчас пишет и которая никогда не будет завершена [2]. Николай Николаевич спросил, откуда письма, приведенные в статье «Всему бывает конец». Л. Н. ответил, что отчасти сам сочинил, отчасти выбрал из материала, полученного от Давыдова, и из писем, которые получает сам.

Л. Н.: От Григория, бывшего здесь третьего дня друга Л. Семенова, я узнал про хлыстов, какие они целомудренные. Он сам был хлыстом. Так что утверждение, что между ними свальный грех, несправедливо.

Николай Николаевич: А утверждают противоположное. И Мережковский в своем романе [3].

Л. Н. говорил, что сегодня считал, сколько живет одно поколение: около 30 лет. В семье Толстых, с Петра Андреевича (современника Петра) до Сергея Львовича, семь поколений в 200 с лишним лет.

Сегодня был сибиряк-учитель, побывавший в Америке, с московским фотографом Барановым, просил у Л. Н. разрешения снять его для американцев, и сняли очень быстро раз 20.

Л. Н.: На моей памяти появилась дагерротипия... Как пошли новые изобретения! В 50 лет бывали два-три изобретения общего пользования. Теперь почти каждый день новые. В первые 20 лет, кажется, одни шоссейные дороги, потом железные дороги, телеграфы, телефоны, аэропланы.

Л. Н. говорил, что в ясенковском почтовом отделении просили оставлять им «Тульскую молву».

— У нас такое изобилие газет,— сказал Л. Н.,— прочтешь одну, просмотришь другую, во всех одно и то же. 80 статей об одном, и все ни к чему.

Л. Н. говорил о том, что̀ в Индии происходит. Близ афганской границы восстание, в сражении погибло 300 повстанцев и 19 солдат из туземцев, сражающихся за англичан.

— Какие у них орудия, приемы,— сказал Л. Н.

Софья Андреевна вчера и сегодня убирала книги и журналы русские 1907 г.

12 мая. Утром приехал Муравьев, защищавший павловцев, Ростовцева, Шипочко. Он прислан Давыдовым, чтобы порассказать Л. Н. о военных

судах и их приговорах. Молодой, 28—30 лет, скромный, приятный, точно выражающийся, владеющий речью (поэт) и вдохновляющийся — нравственно чуткий.

Л. Н. с ним и Николаем Николаевичем ходил пешком в Козловку. Вернулся усталый. Плохо помнит вчерашний день — вчера было у него состояние, близкое к обмороку, и сегодня медлителен в разговорах и действиях.

Софья Андреевна получила анонимное письмо (от яснополянского крестьянина-чудака Василия Михеева), просит закрыть лечебницу в деревне, потому что заносят в Ясную Поляну заразные болезни и потому что врач занимается больше приезжающими больными, чем своими, яснополянскими. Пишет, что были сходки, и общее желание закрыть лечебницу. Л. Н. в два часа пошел к старосте узнать, в чем дело, не застал его. Я говорил Л. Н., что в день, которым датировано письмо, я не принял одну из баб со двора Михеевых — пришла слишком поздно, когда я уходил, в 3.30, и при ней же делал выговор родителям, привезшим из Ясенков мальчика в скарлатине, что возят таких, в сыпной болезни, а не придут просто сказать о них,— что, может быть, это было поводом к письму. И прибавил, что те же родители привезли сегодня второго ребенка в скарлатине. Также привозят вторично больного воспалением легких, хотя предупреждаю, что при этой болезни нельзя перевозить; не верят моим объяснениям, что болезнь воспаления легких не переносит перевозки и что продолжается известный срок.

Л. Н.: Они в это не вникают, их отношение: исполнить долг, поехать к врачу.

За обедом: Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Николай Николаевич, Муравьев. Н. К. Муравьев рассказывал, что в Туле два раза защищал — в 1905 или 1906 г. Раз — в деле убийства директора тульской гимназии. Убил его 14-летний гимназист-поляк, который бежал за границу; клиент Муравьева гимназист Гоппе был оправдан, его мать лишила себя жизни. И еще защищал в деле 24 экспроприаторов, одного повесили.

Л. Н. вспомнил, как ему недавно экспроприатор каялся, что к нему 35 рублей, экспроприированных для общей кассы (пропаганды), прилипли. Это его мучило.

Л. Н. говорил о Молочникове, которого за распространение запрещенных книг Л. Н-ча присудили на год к крепости. И Муравьев предложил и обещал взяться за его дело, добиться смягчения наказания.

Л. Н.: Давыдов меня отговорил, чтобы не идти защищать его и не подавать заявления. Если бы мне предстать перед судом: вот преступник,— что бы они?

Гусев: «Не доказан факт вашего авторства»,— ответили бы.

Николай Константинович про павловцев, какие они смирные, духовные люди были. Верили, что вся кривда исчезнет и станет правда; они в экстазе свалили алтарь, «потому что под ним правда». Встречному уряднику женщина говорила: «Уверуйте в этого младенца» (т. е. будьте чисты, как он). Урядник ее нагайкой.

Л. Н.: Разумеется, правда не в алтаре, а в христианской жизни. В этих будущая сила русского народа.

Муравьев рассказал про палачей, между прочим, про екатеринославского, из арестантов, который при тамошнем бунте участвовал и застрелился. Рассказал про бунт в екатеринославской тюрьме, о попытке бомбой из бертолетовой соли сорвать стену двора и убежать; при этом стреляли из двух револьверов. Солдаты из 19 убили 17. Рассказал, что тюрьмы переполнены на 300%. Обращение с арестантами суровое.

Л. Н.: Это самое бросание камнями, попытки бежать ожесточили тюремщиков.

Муравьев сказал, что Столыпин поспешил телеграфно поблагодарить екатеринославские власти за решительное подавление бунта.

Л. Н.: Столыпин непостижим. Какого вы мнения о нем?

Муравьев: Столыпин — жестокий человек.

Л. Н. не мог сразу вспомнить павловцев, убийства директора тульской гимназии и др.

— Я забыл все, слава богу, как это хорошо! Желаю и вам того.

Еще долго беседовал Л. Н. с Муравьевым, собственно — слушал или расспрашивал Муравьева в своем кабинете. От него услышал поразившую его новость, что священники присутствуют при казнях. Трогательно рассказал Муравьев про суд над тремя обвиняемыми в приготовлении покушения на Николая II в 1907 г. Их казнили. Одного из них, болтуна, защищал, кажется, Муравьев. Л. Н. спросил, как царь отнесся к их казни. Царь засунул в карман телеграфное прошение о помиловании. Сознательно допустил ее.

Л. Н. был, мало сказать, тронут, но взволнован до глубины души. Я боялся, что с ним что-нибудь случится. Муравьев извинялся за сегодняшние сведения, так грустны...

Л. Н.: Нет, нет... Нас всех уверяют, что этот стол, эта комната обеспечены тем, что они вешают. Мы в этом участники [1].

13 мая. Вернулись Александра Львовна и Анна Ильинична из Москвы. Л. Н. после вчерашнего впечатления от рассказов Муравьева о смертных приговорах и казнях и под впечатлением фотографии казней в Сибири (там днем совершаются, в России же — ночью) и сегодня полученного письма Молочникова, что его выпустили только на десять дней (на поруки, друзья сложились и внесли 3 000 р.), и под впечатлением на днях прочтенной рукописи о казнях — Л. Семенова, Л. Н. сегодня написал статью в десять ремингтонных страниц, вроде открытого письма — горячий, сам собой вырвавшийся у него выстраданный вопль против смертных казней, резко нападая на Щегловитова (министр юстиции), П. А. Столыпина и Николая Романова [1]. Не могу себе представить, как они отнесутся к Л. Н. за такое уличение их в бесчеловечности, глупости. Думаю, что по крайней мере сделают обыск и домашний арест.

В этой статье описаны палачи орловские. Рассказал про них Л. Н-чу Михаил Сергеевич, а ему — Пузин, участвовавший каким-то образом при военном суде или казни.

Вечером Николай Николаевич вошел к Л. Н. в кабинет с копией статьи, чтобы Л. Н. прочел некоторые неразобранные слова. Л. Н. не сумел. Я в это время вошел в кабинет и тотчас же вышел. Л. Н., заметив, спросил:

— Это кто, Душан Петрович? Что вы, душа моя! Вы нам никогда не мешаете.

Л. Н. съездил к Марии Александровне.

Александра Львовна привезла из Москвы черного пуделя, спрашивала всех, как его назвать. Л. Н. посоветовал назвать Маркизом, так и осталось.

С 7 до 8 Александра Львовна, Анна Ильинична, Николай Николаевич, Ваня-лакей, Федор-стражник и я играли в пыжи. Л. Н. один гулял. Подошел к нам и тоже швырнул битом. Потом подъехал верхом на воронежской лошади приехавшего чертковского приказчика.

За чаем рассказывал Михаилу Львовичу и Андрею Львовичу про смертные приговоры и казни. С 9.30 до 10 Александра Львовна, привезшая из Москвы краснощековскую гитару. Михаил Львович, Андрей Львович, Анна Ильинична играли и пели русские песни. Л. Н. вышел и попросил спеть«..... * петушки».

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Андрей Львович говорил, что в Туле слух, что в Ясной Поляне беспорядки, и высланы стражники.

Много больных в лечебнице.

14 мая. Л. Н. уехал верхом. Когда я электризовал его, он спросил про славянских гостей, прибывших в Петербург (Крамарж, Грибарь, Глебовицкий, Вергун). Их «Новое время» и либералы — Бодуэн де Куртене — приветствуют [1]. До сих пор сочувствие к славянам проявляли только славянофилы из консерваторов.

Л. Н.: Ах, эти политики, парламентисты!

Л. Н. спросил о цели их приезда.

Я рассказал Л. Н. про назарен, как они все страдают по тюрьмам до восьми-девяти лет и не поддаются. Сегодня написал мне про них Иосиф Грегор. Потом говорил про полученные вырезки из мадьярской газеты «Ujság» о двух портных-евреях, сторонниках кропоткинского анархизма (его главный представитель в Венгрии — князь Эрвин Батьяни), приговоренных судом на 8 и 12 месяцев за перепечатание письма Шкарвана 1894 г. и его статьи «Почему нельзя быть военным врачом».

Л. Н. на это: «Ça ira!» *

За обедом на террасе: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Анна Ильинична, Юлия Ивановна, Гусев. Гусев рассказал, что в «Русском слове» статья Розанова об евреях: что они дали России Шейна, записывавшего народные песни, Левитана, Антокольского, Гинцбурга [2].

Л. Н.: Но Гинцбург не из первостепенных, Антокольский — да.

Гусев: Он еще вспоминает датчанина Даля: стоял за чистоту русского языка.

Л. Н.: Я его знал.

Л. Н. ко мне, что́ он думал про Крамаржа:

— Славянам бы не стоять за национальность, забыть просто, что они славяне, а помнить, что они люди; в жизнь вводить христианство. Зачем эти зады, отжившие формы, зачем возвращаться к ним?

— Я совершенно с вами согласен,— позволил себе заметить я.

Л. Н.: Евреи, я думаю, тем особенно неприятны, что они стоят за национальность.

Гусев: Не все. Особенно молодое поколение (не стоит за национальность). Как Хомяков в 1836 году в стихотворении «Англии» [3].

Сегодня приходили семь мальчиков-школьников из Тулы. Л. Н. дал им по книжечке своих рассказов. Они сейчас же прочли, посидев под вязом. Авдотья Васильевна им дала булку.

Вечером, в 8, пришли Кузьмин, Плюснин и молодой механик железнодорожный 20-летний Перевозников из Тулы. Л. Н. от него узнал, что он теперь живет в Телятинках, пашет и хочет там остаться. Это тот, который в прошлом году на сходках в Ясенках смело отстаивал социал-демократическое учение против Л. Н-ча. Л. Н. раз отвечал ему.

Л. Н. разговорился с ним об общине и сказал, что община имеет недостатки, что она — оправдание перед людьми.

Вечером Л. Н. пересматривал книгу, изданную в память повешенной Фрумкиной и Бердягина (убил себя в тюрьме) [4]. Прочел вслух о цели социалистов-революционеров: освободить 130 миллионов русских от абсолютистского ига и потом работать на осуществление свободной жизни.

Л. Н.: Ребячество.— И отложил книгу.

Л. Н. пересматривал воспоминания Кони в «Вестнике Европы», собираясь писать ему. Софья Андреевна просила его, чтобы ей дал письмо к нему; хочет просить, чтобы выхлопотал место Андрею, и не хочет идти с этой просьбой, а скажет, что пришла передать ему письмо от Л. Н.[5]

---

* «Дело пойдет!» (*франц.*). Припев известной революционной песни.— *Ред.*

Плюснин спорил с Л. Н.; хотел, чтобы Л. Н. признал, что общение в общине с единомышленниками полезно.

Л. Н. говорил, что бог живет во всех людях, но не все знают его. (Сегодня в «Круге чтения».) [6] Ищите царства божия в себе, и выйдет и для тебя, и для людей лучшее. Зачем искать внешнюю поддержку тому, у кого есть внутренняя? Эта в миллион раз сильнее внешней. Зачем помочи, когда можно ходить на своих ногах? Будешь жить в Телятинках, придут 50 прохожих, их накормить нельзя. Зачем строить новое учреждение и во имя его считать возможным не исполнять высший закон так, как товарищ прокурора во имя государства может не исполнять (может нарушать его). Учреждение такое есть: государство, чего же выдумывать новое?

Плюснин говорил, что ему Л. Н. посоветовал пойти в общину Юшко и что это ему было полезно.

15 мая. В 5-м часу электризовал Л. Н., он спросил:

— Что скажете новенького?

Я не знал ничего.

Л. Н.: Придумываете? — И продолжал:

— Нынче письмо от брата отказавшегося Калачева. Его мучают. Какое страдание, и впереди три года! Иначе не может быть. Человек живет спокойно, и ему скажут, что он дурно живет. Будет злиться.

Л. Н. помолчал; я сказал, что одного из назарен, про которых мне вчера писал Грегор, тоже мучают. Навешали много ружей и поставили на припек, щипали уши, обрезали ногти, мучили голодом:

— Не поддался. Я думаю, что назаренам труднее, потому что они далеко не видят и не имеют надежды, что победят, а Калачев, Иконников — они видят вперед, что их победа.

Л. Н.: Все равно. Основа нравственно-религиозная у обоих. На вчерашний день в «Круге чтения» сказано: «Бог живет во всех людях, но не все люди живут в боге». Виды на успех — они у социалистов есть — мало значат. Когда есть религиозная основа — грубое сравнение: как организм состоит из клеток, так и я, клетка другого организма, и когда живу для себя, страдаю. Когда есть сознание, что живу для целого, тогда я легко переношу страдания. Так и они. Это правда, что чем более узкий взгляд, тем тверже вера. Магометанин ни за что не станет есть свинины, считает это одной из ненарушимых заповедей.

За обедом Николай Николаевич рассказал, что был у него молодой крестьянин из Дедлова, приезжавший в прошлом году с тамошним учителем. Он говорил, что теперь народ социалистам ни в чем не верит. А правительству и подавно.

Л. Н.: Я читал процесс анархистов (в «Русском слове») [1]. Какая месть, ненависть, злоба в каждом слове.

Николай Николаевич: Очень замечательное дело.

Л. Н.: Они — мальчишки — невменяемы.

Л. Н. советовал гулять по Засеке, по насыпи старой железной дороги от Рвов к заводу:

— Какие цветы там цветут, какие деревья! — Потом говорил о русском народном языке, какой он ядристый: «Быть беде», «Это не к добру».

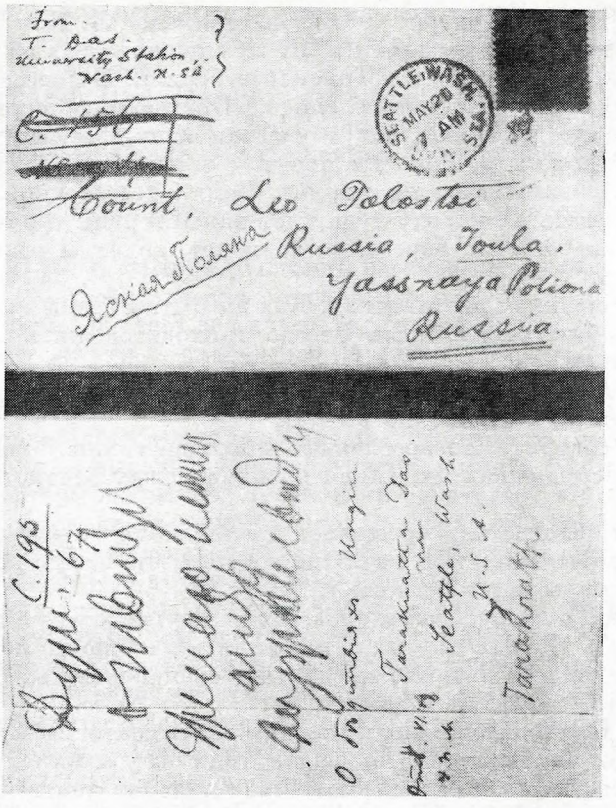
Гусев: Он изменяется под влиянием литературного.

Л. Н.: Я люблю это тульское в третьем лице глаголов: он делаеть.

Вечером, за чаем, Л. Н. о том, как хорошо у него на душе, и весна в природе:

— Какой восторг, так хорошо, так хорошо! Еду и смеюсь, точно мне 15 лет.

Уехала Софья Андреевна в Москву и Петербург. Везет с собой в Исторический музей две корзины писем за 1903—1906 гг.



КОНВЕРТ ПИСЬМА ТАРАКНАТХА ДАСА К ТОЛСТОМУ ОТ 24 МАЯ (н. ст.) 1908 г. С ПОМЕТОЙ ТОЛСТОГО НА ОБОРОТЕ:

«Душ〈ану〉 — ответить. Желаю исполнить, нужны сведен〈ия〉»

•Ниже рукой Маковицкого: «О бедствиях Индии. Отв. VI.08.Д.П.М.», фамилия и адрес Даса... •Л. Н. вспомнил письмо индуса Taraknath Das: «В последнее время стали часто писать индусы».— Запись от 3 июня 1908 г.

16 мая. Л. Н. пятый день чувствует себя здоровым. Вечером приехали Плюснин, Кузьмины, «брат Сергей» и «брат Данила» — добролюбовцы из Патровки и Гавриловки Самарской губернии. Едут в Херсон посетить Кудрина и еще нам не известного, заключенного тоже за отказ в Полтаве.

Л. Н. говорил, что, должно быть, есть многие, про которых мы не знаем, и рассказал им про Иконникова, которого теперь перевели в гражданскую тюрьму, приговорив к четырем годам. После трехлетнего заключения в военной тюрьме потребовали от него присяги и считали бы арест за службу, и отпустили бы. Он не присягнул. Переводят в гражданскую тюрьму, чтобы не соблазнял караулящих его солдат; из них четверо отказались.

Л. Н. спросил про семьи заключенных, помогают ли им. Они ответили, что немного. Л. Н. просил на него тоже рассчитывать. Впрочем, Л. Н. помогает денежно почти всем заключенным за отказ. Мы же, другие, кажется, никто, кроме, может быть, Наживина.

Отличительная черта учеников Добролюбова: серьезность, торжественность и молчаливость. Все занятия делят на полезные и бесполезные; игры, разговоры, песни, снимание портретов — этого избегают. У «брата Сергея» (40 лет) лицо духовное, умное, аскетическое, очень похожее на лицо Христа на картине Мункачи «Христос перед Пилатом» [1]. У другого «брата» (37 лет), высокого и очень широкого в плечах, лицо странное, без

растительности. Оба говорят мало, но толково. Л. Н. с ними на *ты*. Как они ему говорят, я не заметил. Л. Н. спрашивал их об их общине (их пять семейств) и об их жизни в Томской губернии. О переселенцах. Удивлялся неустройству дела переселенцев. «Братья» говорили, что переселяются более нуждающиеся. Ищут участки один-два-три года, иные возвращаются. Иные ждут, пока им отрежут земли, целый год по баракам в городах. Правительство их кормит. Земли достаточно, землемеры не успевают нарезать. А народу туда идет каждый день тысячи. В Томской губернии земля хороша, береза, но воды нет, колодцы роют. Л. Н. с ними об общине:

— У них община христианская. Как же быть с бедными, кругом живущими? Жить без греха нельзя. Всегда приходится жить с большим или меньшим грехом.

Кто-то вспомнил общину Поссе — социалистов-революционеров.

Л. Н.: Без бога ничего не выйдет.

«Братья» говорят, что поселенцы — больше хохлы. Между ними баптисты. Л. Н. спрашивал их, какая разница между баптистами и молоканами.

— У них (баптистов) крещение, преломление хлеба, плоть Христа, меч. Мы им разъясняем про меч. Они говорят, что это до поры. Когда их будет много, перестанут служить [2].

Л. Н.: Так я умру, дожидаясь, пока другие станут делать?!

Л. Н. ушел. Читали вслух его письмо в редакцию по поводу заключения Молочникова, в котором предлагает себя наказать. Потом читали и другую новую начатую статью [3].

Кузьмин: Приходится молодым людям опять гектографировать, а Черткову за границей печатать. Я бы издал, если бы у меня был паспорт.

Л. Н. спросил его, зачем скрывается, советовал явиться и понести наказание.

В иллюстрированном «Новом времени» статья (перевод с французского) о том, что дети по полу следуют тому из родителей, который слабее.

Разговорились об этом.

Л. Н.: Нас четверо братьев и одна сестра; у меня отец был очень энергичен, мать была слаба. У тебя (*к Анне Ильиничне*) оба сильны, несомненно, мать более.

17 мая. Приехали Молочников [1] и Николаевы — жить в деревне, на лето.

Л. Н. о братьях Сергее и Даниле:

— Удивительные люди.

Молочников, живой, нервный, рассказывал, между прочим, о разговоре, какой имел с секретарем суда: «Ваша власть держится штыками».— «Да, с согласия народа».— «Обманутого вами».— «А интеллигенция?» — «Подкуплена. Вы, пожалуй, получаете полторы тысячи?» — Секретарь отшучивался. Все чиновники отложили перья, прислушивались.

В 2 часа Л. Н. уезжал. Я догнал его в яблочном саду и спросил, куда едет:

— Через лес на шоссе в кузню (ковать Делира) под Косой Горой.

Л. Н. постоял и спросил:

— Тут ли еще добролюбовны?

— Они с Молочниковым пошли к Марии Александровне.

Тяжелое впечатление произвели эти крестьяне на меня, особенно похожий на Христа. Попросили денег. Идут из общины — странное рассуждение: нельзя ли попользоваться? Я подумал: по глупости и наивности просили. Как многие, слышащие, что у Л. Н. есть семь миллионов капитала и, кроме того, суммы от богачей, предлагаемые ему для пользования, и что он не знает, что с ними делать.

Молочников приговорен к году тюрьмы. Не хочет апеллировать, хотя Муравьев и Маклаков готовы защищать его. Л. Н. согласился с его доводами против апелляции.

За чаем Николай Николаевич прочел вслух половину статьи «Всему бывает конец». Слушали: Л. Н., Горбунов, Кузьмин, Плюснин, Молочников, Юлия Ивановна. После — оживленная Молочниковым интимная беседа до 11.30.

В. В. Плюснин простился. Уезжает к больному отцу, домой в Хабаровск.

По словам Н. М. Кузьмина, Плюснин рассказывал, что, когда он был у Кропоткина, Петр Алексеевич спросил его о Л. Н. и сказал: ошибка Л. Н. в том, что он признает за силу религию. А религия — пустое место. Религия состоит из трех элементов: 1) космогонического, 2) культа, 3) нравственности. Несостоятельность первого и второго очевидна. А третье — нравственность — совсем не зависит от религии, потому что сущность нравственного учения: не делай другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали,— выводится из наблюдений как над обществом людей, так и над обществом животных. Кропоткин передавал, что его знакомый наблюдал, как муравьи после войны между собой, две воюющие стороны, приходят друг к другу и доставляют сладкую жидкость. И в этом он видит, что они относятся друг к другу по этому правилу.

Л. Н. тут стал говорить, что есть большая разница между знанием и сознанием (относительно тех наблюдений) и что из того, что мы наблюдаем, из того, что есть, нельзя вывести того, что должно быть:

— А сознание определяет, что такое *я*, и это *я* — божественная моя сущность. Она может расширяться через любовь, тело же ограничено пространством и временем. Сознание это не зависит от знания. Сознание это врожденное у каждого человека. В детстве является вопрос «Что такое *я*?» у каждого человека. В детстве мне казалось, что *я* — то, что сознает себя; позже — то, что сознает сознающего себя, и так до бесконечности. И тут приходишь к сознанию того, что *я*, которое стремится к сознанию своей сущности, и есть в сознании, и к этому сознанию приходится выкладывать знания. Если это подходит к сознанию моего *я*, то это благо. Если не подходит, то это не благо. Сознание — это нечто такое, что уже не определяется пространством и временем. И вот расширение этой своей сущности, определяемой сознанием, и есть жизнь человека. (Нравственность эта вытекает не из наблюдения жизни общества людей и животных, а из религии, которая есть определение того, что такое *я*.) А сознание говорит, что *я* бесконечно. Я сливаюсь через любовь со всеми людьми. Сознание мне говорит, что *я* и *ты* — одно и то же; так как я люблю вас, я знаю, что в вас то, что и во мне, отсюда, из единства, вытекает правило: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

Потом говорили о науке, и Л. Н. говорил, что наука должна идти радиусами во всех направлениях. Радиусы могут быть короткими. Кропоткин и подобные ученые тянут одну линию (радиус), пренебрегая другими. Оттого эти примеры ученых тупиц. Дети, у которых эти радиусы по всем направлениям, гораздо умнее, с ними можно обо всем говорить.

Молочников заговорил о Великанове. Л. Н. сначала не мог вспомнить его. Горбунов, Кузьмин и Молочников говорили о нем, что он сатирик, с успехом говорящий на сходках против всего. Сам своей основы не имеет. Он много читает, много замечает в литературе. И пишет.

Л. Н. говорил, что есть птица (назвал ее), которая глохнет от своего пения.

Юлия Ивановна: И соловей.

Л. Н.: Такие люди, которые умеют обо всем гладко, связно говорить, такие люди, к несчастью, есть в Думе, и к тому же разряду принадле-

жит и Меньшиков. Он не хочет и не может в глубину (в сущность вопросов) вникнуть, судит поверхностно.

Л. Н.: У меня поползновение писать художественное. Полковник снабжает меня материалом. Пишет мне о своих детях, погибших и погибающих в революции. Присылает и письмо 18-летней дочери. Она с негодованием отвергает обращение по делу о помиловании к императрице. Его письма интересны [2].

Николай Николаевич: Все так бы поступали.

Молочников: В этом есть доля хорошего чувства.

И разговор перешел на революционеров вообще.

Л. Н.: У них есть гордость: «Моя партия устроит». Им в одном нельзя отказать: у них есть искреннее негодование против зла.

Когда в 11.45 разошлись, Л. Н. мне:

— Какой славный народ! В высоком (Кузьмине) идет работа.

В полночь приехала Н. М. Сухотина.

18 мая. Приехал Н. Л. Оболенский (полгода был за границей) с Г. Н. Фохтом и Андреем Львовичем. Андрей Львович скоро уехал. Днем были мальчики тульские, из крестьян, пришли пешком. Л. Н. дал им книжек, пустил фонограф [1], накормил их. Попросили Л. Н. с ними погулять. Л. Н. пошел с ними и Молочниковым к Красному мосту над Воронкой на шоссе.

Вечером пришел Кузьмин. Л. Н. много беседовал с ним и Молочниковым. Молочникову подарил экземпляр своего письма в газету о нем с собственноручными поправками, и рукопись еще какой-то статьи [2]. Молочников был так рад, как кладу.

Когда я электризовал Л. Н., я ему сказал, что не готов ни к серьезной болезни, ни к смерти — струсил бы.

Л. Н.: Я думаю, старость подготовляет перемену. Тут нет другого выхода. А казни, смертельная болезнь в молодости — трудны потому что есть колебание, есть надежда.

— О Добролюбове, кроме хорошего, ничего не знаю, — говорил Л. Н., когда говорили про бывших третьего дня крестьян. Им тогда предложили прочесть из «Круга чтения», они отказались, не любят книг. Теперь они у Марии Александровны; она читала «Круг чтения», и они просят эту книгу. Первый том им дала Мария Александровна, а Кузьмин им несет второй и третий.

Молочников сказал что-то про книгу Добролюбова «Из книги Невидимой», Л. Н. не помнил ее. Молочников сказал, что пишет в ней о Л. Н., выше его ставит Метерлинка. Я принес книгу, и Молочников стал читать вслух.

Л. Н.: Ничего не понимаю... Чепуха... Это мифология, как об Адаме... Это слова, имеющие значение для посвященных, а для непосвященных, нас, не имеет значения.

Л. Н. остановил чтение, сказав:

— Лучше помнить милого Добролюбова в лаптях и хорошее влияние имеющего на людей.

Л. Н. получил через Марию Александровну (принес Кузьмин) рукопись В. С. Морозова. Л. Н. стал ее читать вслух и пошел в кабинет продолжать и сказал:

— Василий Морозов с Игнатом, который умер, — самый любимый ученик мой, и остался милым.

Л. Н.: Когда ставят себе цель видимую, определенную, идеал, который надо достигнуть, так это опасно. А ⟨следует знать⟩, что есть путь, по которому надо идти, а куда приведет, не знаю... Дело не в том, чтобы стать в известное положение, а как борешься.

Молочников сказал про баптистов, что у них главное — родиться к новой жизни.

Л. Н.: Родиться. Такое состояние представлять себе, что я рождаюсь, двигаюсь.

Вечером, когда Молочников с Кузьминым уехали, Л. Н. посидел в обществе домашних и гостей: Александры Львовны, Анны Ильиничны, Натальи Михайловны, Юлии Ивановны, Н. Л. Оболенского, Г. Н. Фохта. Говорили про суровость мужей.

Л. Н.: Если бы женщины знали о мужьях, как они сердятся, то никогда не выходили бы замуж. А если бы мужчины знали кое-что о женщинах, никогда не женились бы.

Разговор о том, нужно ли наказывать животных. Л. Н. вспомнил, что он третьего дня, против обычая, ударил Делира и сегодня за то чуть не поплатился. Делир третьего дня раза три протянул голову за травой и не слушался поводьев, Л. Н. его ударил. Сегодня хотел то же сделать; как только поднял хлыст, Делир бросился; Л. Н., неприготовленный, чуть не упал.

Григорий Николаевич: Лучшие дрессировщики (Дуров) говорят, что никогда не надо наказывать животных, они без всякого битья дрессируют. Только ласкают.

Л. Н. Молочникову при прощании:

— Пишите мне искренно, как вам будет.

Когда он уехал, Л. Н. сказал Гусеву:

— Не раскается ли?

Гусев: Может быть, в минуту слабости, но будет на это смотреть как на падение.

19 мая. Понедельник. Жарко. Л. Н. ездил лесами в Горюшино. Когда я электризовал его, говорил, что Г. Н. Фохт был в Маньчжурии на войне, рассказывал, что солдаты к китайцам относились с пренебрежением, с отвращением. Но когда пригляделись к их обработке полей, к их огородам, изменили отношение.

Я добавил:

— Как везде и все — знаю по себе — относятся грубо к рабочему народу.

Л. Н.: Формы изменяются, а рабство (власть) остается. Разумеется, немного ослабевая.

В 6 часов приехали С. А. Стахович и М. А. Рыдзевская с племянницей Олюшкой. Л. Н. очень дружелюбно приветствовал их. Софья Александровна рассказала про Петербург, где видела Софью Андреевну. Про Д. А. Хомякова, автора книги «Самодержавие» (с которым ехали):

— Он очень остро, как купоросом брызнул, осудил Думу и сказал, что тот, к которому вы едете, будет в этом со мной согласен,— сказала С. А. Стахович.

— Я думаю, что он настолько умный человек, что не принадлежит ни к какой партии, или правый,— добавил Л. Н.

Вспомнил про него; его, Дмитрия, знает, а его брата Николая, нынешнего председателя Думы, никогда не видал. Вспомнил про их отца:

— Он был умен и оригинален. В нем было и остроумие, и едкость, и соединял многое, чего у сыновей нет. Был художник.

Софья Александровна: Ох, как он (Дмитрий Алексеевич) ѐдок!

Л. Н. спросил сначала про отца, потом про брата Софьи Александровны:

— Что Михаил Александрович, занят чем?

Софья Александровна: Амуром (т. е. железной дорогой Амурской), каждый день в трех заседаниях.

Разговор про близорукость, про пенсне с обыкновенными стеклами.

Л. Н. вспомнил, что, когда учился в Казани, татарин предлагал ему очки. «Мне не нужны».— «Как не нужны? — ответил татарин,— всякий хороший барин очкам носит».

В разговоре Л. Н. сказал «поп» — и поправился:

— Я никогда не говорю так, а «священник». А тут (поп) что-то есть, что это нехорошая должность, как «лакей», они это понимают.

Сестры Стахович приехали из Петербурга и удивлялись, какая запоздалая весна, еще только черемуха цветет.

Л. Н. говорил, как чу́дно, хорошо в лесу:

— Как вчера тульские мальчики бросались на цветы! Есть купавки, медунчики, незабудки, сергибус... Какие милые мальчики! Как жалко — предвидишь их будущность. Один из них курит, я его уговаривал.

Л. Н. рассказал, что они на лету вскакивают в поезд и так приезжают. Если их гонят, соскакивают (дачные поезда очень медленно ходят).

20 мая. Ночью уехали Н. Л. Оболенский, Г. Н. Фохт. Утром приехала Мария Александровна. В 12 часов дня Л. Н. вышел на террасу. Я спросил его о здоровье. — «Большая слабость».

Тут подошла к нам Мария Александровна.

Л. Н.: Такое счастье было бы теперь умереть! Счастье — дожить до такого состояния, нет той энергической работы мысли, есть спокойное согласие. Другие имеют страх, у меня страха смерти не бывает.

Л. Н. (*Марии Александровне*): Написал статейку о смертной казни. Назвал ее «Не могу молчать».

Л. Н. об особенности русского разговорного языка:

— Часто пропускается «я».

— Так, как во всех западных славянских языках, в них еще в большей мере,— сказал я.

Приехали из Тулы сто двадцать школьников с двумя учителями [1].

Л. Н. им рассказал через фонограф свою переделку лесковского рассказа о мальчике-воре и дал им всем по одной-две книжки.

После обеда Л. Н. остался сидеть на террасе. Софья Александровна показала ему в драме Оскара Уайльда «Саломея» одно место, чтобы про себя его прочел,— «невозможно неприличное» [2]. Читает, чтобы иметь понятие о драме, обошедшей все сцены Европы. Потом, не знаю каким путем, разговор перешел на Н. Н. Гусева, которого захватывают некоторые произведения писателей-модернистов. Софья Александровна изумлялась этому.

Л. Н.: Он умный, нравственный, чуткий человек. Он говорит, что чувствует умиление, когда читает про братство природы с человеком. Я боюсь, что я не понимаю чего-нибудь, что молодые понимают, как старики не понимали Пушкина, Ломоносова, Карамзина; хотя старики всегда негодуют на молодых, но этого не следует делать; мои последователи все из молодых.

Софья Александровна заговорила о новой драме Горького, которую Художественный театр отверг, как ни желал ее принять — не мог, до того плоха [3].

Л. Н.: Михаил Сергеевич с восторгом говорил о «Жизни человека».

Софья Александровна тут спросила, следит ли Л. Н. за новыми произведениями.

Л. Н.: Когда замечаю что́, всегда читаю.

Вечером Л. Н. о «Саломее» и предисловии к ней Брюсова или Бальмонта. Л. Н. не мог вспомнить:

— Совершенное сумасшествие, набор слов.

21 мая. Вернулась Софья Андреевна из Петербурга, приехал Сергеенко.

Вечером уехала М. А. Рыдзевская с Олюшкой. Обе по-стаховически очень воспитанные, милые.

Л. Н. играл в городки. Вечером, после винта, Софья Андреевна рассказывала про 15-летнего Ванечку Эрдели, он в Училище правоведения; оправдывается, что идет в законодатели, судьи, чтобы внести туда больше справедливости.

Л. Н.: Ах, ах, бедные эти дети!

Л. Н. прочел вслух середину рассказа Леонида Семенова о казни пяти революционеров. Он и все мы были тронуты до глубины души. Л. Н-чу голос изменил, докончила чтение Софья Александровна.

Л. Н.: Удивительно, как хорошо. Это одна из вещей chef d'œuvre. Как это художественно сложено, какие подробности: «Было без семи минут три» — и всегда верные, и на своем месте. Заставляют меня переживать. Все эти чиновники ругают правительство. Они себя подстегивают к жестокости, которая им несвойственна.

Кто-то заметил, что Леонид Семенов, должно быть, присутствовал при казни, был очевидцем.

П. А. Сергеенко: Душевидец. — И стал говорить про «Семь повешенных» Леонида Андреева в альманахе «Шиповник» [1], который привез с собой для Л. Н., и сказал, что в этом рассказе Л. Андреева чувствуется влияние «Божеского и человеческого».

Л.Н.: В «Божеском и человеческом» описание того, что переживают в душе приговоренные и исполняющие приговор, несравненно ниже, чем у Леонида Семенова. Ни у Андреева, ни у кого другого не знаю такого описания: удивительно художественно.

Кто-то сказал, что Леонид Семенов не хочет печатать.

Л. Н. сказал, что за двадцать лет ничего такого, что бы можно было сравнить с этим рассказом, не появилось.

Софья Александровна спрашивала, кто такой он?

Л. Н. говорил при его деда-сенатора, что он хороший человек, и про отца. Говорил про «брата Григория», рязанского крестьянина, у которого Леонид Семенов второе лето живет, что он говорил о нем: «Научился хорошо косить, мы ему рады, когда и сварим яичко лишнее для него, он обижается».

Кто-то говорил, что он до десяти лет не говорил по-русски, только по-французски, что кончил два факультета, попал в тюрьму как революционер, бежал, его поймали и ужасно избили; после, в тюрьме, стал из революционера христианином; просидел год, отказался от военной службы, на что, считая его революционером, нежеланным, не обратили внимания и оставили его так. Он пошел работать на землю и совсем опростился.

Софья Александровна передала Л. Н. о каком-то обществе мира в Москве, которое не совсем против солдатства, но за ограничение войн (Григорий Петров там играет роль); они хотят иметь своим членом Л. Н. и спрашивают Л. Н., могут ли его выбрать.

Л. Н.: Это вроде Гаагской конференции. — И сказал, что не хочет быть членом: — Потому что я никак не могу.

Софья Александровна смягчила, говоря, что они хотят уменьшения зла.

Л. Н.: Тут фарисейство, лицемерие величайшее. Какие могут быть ограничения нравственных требований? Вопросы нравственные абсолютны. Не убивать — никогда, не прелюбодействовать — никогда. Никаких ограничений. 99 процентов из всего зла делается во имя практических выгод (соображений). Это мне до такой степени ясно.

Сегодня в «Русских ведомостях» опровержение, что не 20 казней было, как Л. Н. читал в «Руси» и вписал в сегодня оконченную статью «Не могу молчать», а 12 [2].

22 мая. Приехал С. М. Прокудин-Горский, профессор химии в Технологическом институте в Петербурге, приехал с П. Е. Кулаковым, крым-

ским помещиком, снимать Л. Н. на цветной фотографии — новое изобретение. Л. Н. много беседовал с ними [1].

Л. Н. получил два письма, в которых его ругают за то, что «продался евреям». Л. Н. говорил, что ему это тяжело; тяжело, что люди ненавидят друг друга.

За вечерним чаем очень шумно: фотографы, П. А. Сергеенко с дочерью, С. А. Стахович, Николаева, Мария Александровна.

Мария Александровна рассказала мне: Л. Н. ей сказал, что он смягчил в двух местах «Не могу молчать».

К Л. Н. приехала старушка из Петербурга, желает отказаться от пенсии, потому что эти деньги народные тяготят ее, хочет просто заявить об этом.

Л. Н., по словам Марии Александровны, ей сказал, чтобы этого не делала, потому что ее пенсия пойдет на полки, на какое-нибудь украшение мундиров. Лучше ей получать ее и отдавать каким-нибудь неимущим, как это делает он с деньгами, получаемыми от казенных театров за представление его вещей; иначе эти деньги шли бы на усиление балета *.

Л. Н. показывал фотографии смертных казней в Сибири (там еще казни днем производятся).

Говорил, что читал Андреева «Семь повешенных» и ужасался, как цензура могла пропустить такой бред. Просто набор слов.

Смотрел фотографии Финляндии, любовался некоторыми. Их привез ему в подарок Кулаков.

Кулаков же издал стенной календарь с репродукциями хороших картин, который у Н. Н. Гусева висит в комнате, и календарь социалистическо-революционный.

23 мая. Утром уехала Мария Александровна. Утром же приехал баптистский проповедник Фетлер — латыш с другим баптистом — русским (я их не видал); этот, по мнению Николая Николаевича, нетвердый — сбежит. Николай Николаевич с ними долго беседовал и говорит, что у них цель — соблазнить Л. Н. в баптизм. Л. Н. с ними утром гулял и вечером рассказывал:

— Я должен, говорят они, обратиться к церкви, чтобы спасти всех сторонников моих, которые тоже заблудились.

Говорил вечером про баптизм, что главная догма его — вера в то, что мы спасены кровью Христа.

Софья Андреевна: Этого я никак не могу признать — чтобы тело Христа спасало; а на другое: брак, даже крещение — согласна.

Л. Н.: Нельзя в одни догмы верить, в другие — нет. Все основаны на учреждениях церкви.

Л. Н. рассказал, что вчера получил одно письмо увещательное, другое ругательное. Недавно получил письмо от баптиста — донского казака. Он рьяный сторонник своей веры и сильно нападает на православие.

Николай Николаевич рассказал очень живо, очень смешно, как латыш пытался обращать Алексея, Фильку, стражника Федорыча.

Л. Н. об этом проповеднике говорил, что у него никакой веры нет:

— Ведь он с высоты своего величия смотрит на православие, на чудеса. А верит, что кровь Христа спасет.

Днем был Jerome Reymond, профессор социологии из Чикаго, с женой. Оба знатоки писаний Л. Н., вегетарианцы, приятные.

Л. Н. разговаривал с ними про негров (которые не имеют ни одного представителя в Конгрессе вашингтонском. Если бы кто из них выступил кандидатом, его застрелили бы. Такое презрение и ненависть к ним),

---

* О. К. Дмитриева поступила по совету Л. Н. и отдавала пенсию заключенным за отказ от воинской повинности.

о партиях демократической и республиканской и предстоящих выборах президента, и о кандидатах Брайане и Тафте.

Л. Н. сказал Реймонду, что он желал бы американскому народу, чтобы президентом был Брайан:

— He is upright, truthful *.

Разговаривая о положении в Америке, Л. Н. сказал:

— Как оно в Америке и в России почти одинаково.

Л. Н. рассказал Реймондам содержание своей новой статьи «Всему бывает конец». Реймонды обещали прислать Л. Н-чу книгу вождя негров в Соединенных Штатах: «Up from Slavery» by Booker Washington [1].

Вечером Прокудин-Горский и Кулаков рассказывали про новые изобретения, про передачу фотографий по телеграфу; про однорельсовую железную дорогу с вертящимся волчком на передней площадке вагонов, об автомобилях, электрических трамваях.

Л. Н.: А все-таки нет лучше, как пешком или верхом. — И говорил, как он свыкся с Делиром. Сегодня ездил просекой по новым местам. В овраг вел Делира в поводу; как тот осторожно шел, испугался тени травы, бросился в сторону.

— Притворился, что испугался, — сказал Л. Н. — Так, как Бальмонт пишет, что, когда он мне в Крыму прочел своих два стихотворения, я говорил о них: «Глупости, глупости». Потом прочел третье, и я все притворялся, что мне не нравится его стихотворение [2].

Кулаков привез альбом стереоскопических фотографий «Финляндия». Там, между прочим, лекция Мандельштама — «русского ученого» в Гельсингфорсе, как Кулаков выразился о нем.

Л. Н. спросил:

— Чего же он профессор?

— Государственного права.

Л. Н.: Государственного права? — и, переглянувшись с сидящим тут же С. Д. Николаевым, засмеялся. (Так чудно ему, что есть такое право.)

Прокудин-Горский говорил об Эдисоне, что он ослеп от радия; потом говорил, что теперь нельзя быть энциклопедистом.

Ученые эти мне показались слишком занятыми своими специальностями. Говорили о своем и с Л. Н. и при Л. Н. с другими; было видно, что для них не было важно слушать Л. Н., чтобы дать выбирать темы разговора.

Говорили про цензуру, судей.

Л. Н.: Я не понимаю психологии судей: ведь знают общественное мнение, должны бы его уважать.

24 мая. Л. Н. слаб. В 12.15 гулял без верхней рубашки по саду, сгорбленный.

Кулаков прислал фотографию для стереоскопа: Л. Н., сидящего с рукой на палке, опертой о землю. Старческая фигура. Сегодня мне бросилась эта перемена в глаза. Л. Н., должно быть, устал: всю неделю было очень шумно.

Л. Н. вспоминал, что вчера не умел по-английски говорить: не находил выражений «лишенный», «смертная казнь».

— А по-французски хорошо знаю, — сказал он.

Этот язык с детства знает, даже, как сам сегодня сказал, часто думает по-французски.

Л. Н. верхом. Пополудни приехал Сергей Львович, а вечером Наталья Михайловна.

Л. Н. говорил с Сергеем Львовичем что-то о рабочих и при этом заметил:

---

* Он честен, правдив (*англ.*).

— Были рабочие; будто бы интересуют их мои взгляды. Ничего их не интересует! У них такая каша в голове. Только бы выйти из своего положения.

В газете «Русь» 22 мая напечатано письмо Л. Н. о том, что Молочникова приговорили за распространение его сочинений, а его, главного виновника, оставляют в покое. «Русь», ей одной было письмо послано, очень бесцеремонно отнеслась к Л. Н.: не спросив предварительно, согласится ли он на это, обрезала его письмо, не означив пропусков, и — мало того — позволила себе изменить некоторые выражения.

Л. Н. рассказал Сергею Львовичу о Глюксмане и другом издателе, приговоренных в Венгрии — один на год, другой на восемь месяцев — за напечатание в мадьярском небольшом анархистском журнале «Tarsadalom — Forradalom» статьи Шкарвана «Почему нельзя быть военным врачом» *[1], а другого — за «Не убий» Л. Н. Точно так же осудили их, как Молочникова.

В «Новом времени», № 11563, 22 мая корреспонденция из Казани о «Ваисовом полке» — «Религиозные брожения среди мусульман» [2]. Л. Н. говорил об ней Сергею Львовичу.

Николай Николаевич заметил, что, пожалуй, после этой корреспонденции будут ваисовцев преследовать, т. к. в ней они изображены как исполняющие «Выборгское воззвание» [3].

25 мая. Приехала С. Н. Толстая с А. В. Унковской — скрипачкой.

Вечером, с 8.15 до 9, А. В. Унковская играла на скрипке. Сначала ей аккомпанировал Л. Н., потом Надежда Павловна; Софья Николаевна пела — очень хорошо. А. В. Унковская рассказывала про эдофон. Народные русские песни и Глинка дают на нем определенные рисунки; модернистские композиции и Чайковский — расплывчатые. Л. Н. спросил: «А Шопен?» А Унковская не знала, что ответить. Говорила о Гофмане, что он прост, не рисуется, исчезает и что задача артиста сделаться проводником, а его личность должна исчезнуть.

Л. Н.: Да, во всем так.

Софья Андреевна говорила, что Гофман и Танеев — лучшие пианисты.

Л. Н. к вечернему чаю не выходил.

26 мая. Обедали на террасе. Нагрянула гроза. Близкие раскаты грома; град больше, чем в голубиное яйцо. Градовые тучи клубами, как дым; после радуга. Все Толстые, кроме Л. Н., боятся грозы.

Говорили о цветах, песнях. А. В. Унковская говорила, что она замечала, что чем больше солнца, тем народные песни ярче — например, на юге. В Архангельской губернии народные песни унылые, только в три тона, и народ любит яркие цвета: лиловые рубахи, пестрые рукавицы.

Л. Н. сказал, что сегодня читал в Брокгаузе про Маркса [1] и желал бы читать подробнее и новее, т. к., если что скажешь против социализма, отвечают, что это устарело, новые с этим несогласны.

Л. Н. вспомнил Фроленко, как описал Шлиссельбургскую тюрьму [2].

Л. Н.: Эта холодная жестокость казенная, никакого сочувствия к человеку.

Говорилось про депутатов I Думы, подписавших «Выборгское воззвание» и теперь заключенных.

Л. Н. вчера говорил, что читал полученные вчера два тома Свами Вивекананды. Удивительно глубоко: о боге, душе, человеке, о единстве религии. Он ученик Рамакришны и умер в 1902 г.

27 мая. После завтрака Л. Н. пошел на деревню к Э. Р. Стамо. Под вязом сидели два прохожих мужика и рабочие в фартуке. Л. Н. им сказал, что не может ничего дать. Они молча ушли.

---

* Эту статью Л. Н. поместил в «Круге чтения», но по цензурным соображениям она была опущена; в немецкий перевод «Круга чтения» вошла («Für alle Tage»).

ТОЛСТОЙ ВЕРХОМ НА ДЕЛИРЕ

Окрестности Ясной Поляны, 29 июня 1908 г.

Фотография В. Г. Черткова

«Л. Н. заговорил о лете, какое красивое, какая листва, зелень, трава. Ехали с Чертковым верхом на Горелую Поляну и на Козловку. На Горелой Поляне Чертков снимал его. Трава лошади по брюхо».— Запись от 29 июня 1908 г.

28 мая. Приехал из Тулы, где сын его губернатором, Кобеко, 72-летний директор петербургской Публичной библиотеки[1].

Л. Н. (*о нем*): Я молодых уговариваю вино не пить, а старикам советую думать о смерти. Он признался, что совсем не думает. Вероятно, он ни во что не верит.

Появились второй и третий тома «Соединения и перевода четырех Евангелий»[2]. С. Д. Николаев принес Л. Н. в подарок переплетенный экземпляр I—III томов. Большое спасибо Сергею Дмитриевичу за его труды. Он показывал Л. Н. неясные места, вызывал его поправлять их, перевел цитаты из Рейса, держал корректуры, приезжал с ними к Л.Н.

29 мая. Приехал И. И. Горбунов с Марией Александровной. Из Кочетов вернулись Александра Львовна и Анна Ильинична.

После обеда Л. Н., Иван Иванович, Мария Александровна, Николай Николаевич и я. Говорилось, между прочим, о бывших сегодня у Л. Н. новобрачных — крестьянине и мещанке, хотящих развода; о позорном деле учителя-француза, насилующего девочек, о котором сегодняшние газеты пишут, и т. д.

Л. Н.: Когда встречаю детей, с годами все сильнее чувствую, что дети, эти милые существа, как они все будут развращены этими попами. Это пробка, которая затыкает то место, где должно войти нравственно-религиозное учение. И являются такие уродливые инстинкты, как у этого деда. (Иван Иванович рассказал из какой-то новой книги Мещанинова о каторжниках, о деде, изнасиловавшем внучку.)

Разговор о крестьянке Насте, приехавшей с Стамо. Она говорит, что есть два способа отобрания земли у помещиков. Один у революционеров:

перебить помещиков и отнять, а второй — толстовский: этот долгий, на 50 лет.

Разговор о том, что теперь надел можно продавать; пьяницы продают, их дети остаются без земли.

Разговор о социализме («материализм»).

Л. Н.: Может быть, это субъективно, но мне кажется, что социализм на отходе, отживает.

Николаев стал говорить про синдикализм.

Л. Н.: Сравнивая синдикализм с общими теориями социализма, я синдикализм предпочитаю. Мне это кооперативное устройство производства, о котором говорил Николаев, что оно есть у синдикалистов, сочувственно потому, что синдикализм обходится без государства, устраняет его форму, а социализм — государственный.

Николаев: Синдикализм со временем приобретает орудия производства.

Л. Н.: Может пойти только тогда, когда эти люди будут относиться братски между собой.

— Очевидно, что рабочим, работающим вместе, гораздо больше остается,— сказал Л. Н.

30 мая. Приехала Феокритова на все лето.

За обедом речь о посетивших Ясную Поляну людях — Унковской, молодой чете, сегодняшнем писателе — все вегетарианцы. Варвара Михайловна говорила, что в Москве много вегетарианцев, и перечисляла.

Л. Н.: Удивительно много. Это хорошо. Это признак серьезного отношения к тому, что делается.

Л. Н. вспомнил, что получил письмо от вегетарианца, который пишет, что у него страсть удить рыбу, можно ли?

— Странно, что об этом спрашивает, что ему нужен авторитет. Я ответил ему, что животных — от быка до комара — не следует убивать, а где остановиться — это дело каждого с самим собой [1].

Софья Андреевна: Мне больше жаль срубить дерево, чем убить животное или букашку.

Александра Львовна вспомнила, что сегодня пьяная баба-попрошайка стащила ее кофточку. Прасковья Афанасьевна отняла у нее.

Л. Н. пожалел, что отняли, и как-то разговор перешел на «Кренкебиля» [2]. Николай Николаевич знает его дословно, как и многое другое из «Круга чтения»,— изучил в крапивенской тюрьме.

Л. Н. сказал, что за это — изучение «Круга чтения» — стоит посидеть.

Потом сказал:

— Кого бы я желал из литераторов знать, это — Анатоля Франса.

Говоря о «Кренкебиле», касались суда. Л. Н. говорил, что, когда начнут судебное дело, как же его прекратить, признать ошибку? Им важно, чтобы из него что-нибудь вышло.

Вечером Л. Н. вышел только в половине двенадцатого в руке с французской книгой «Guillotine» [3]. Пришел за Софьей Андреевной, проведавшей его в кабинете. На вопрос, почему не пьет чай, ответил:

— Изжога.

— Страшно интересна глава — описание священником казни 80-летней жены маршала и двух девиц. В тот день казнили сорок человек. Священник все это видел.— И Л. Н. прочел вслух, как толпа обагрила себе руки кровью жертв.

Я передал Л. Н. привет от 85-летнего словацкого писателя Подградского. Л. Н. поблагодарил:

— Это особенно приятно от славян, когда помнят, почитают меня,— сказал он.

31 мая. Сегодня умер П. О. Зябрев, 65-летний молочный брат и ученик Л. Н. В последние годы был зол на Л. Н. за то, что не отдает землю крестья-

нам, а проповедует, и говорил о Л. Н. и ему самому резко, с желчью, с несомненным сознанием своей правоты. Когда посетил его Л. Н. с Бутурлиным, Зябрев напал на него за то, что его дочь Александра Львовна купила Телятинки, не предоставив крестьянам купить это. Тут обращался к Л. Н. на *ты*. Он, как и другие крестьяне яснополянские, никак не мог понять, что пока глава семьи, хозяин, жив, имением может распоряжаться не он; что Ясная Поляна может принадлежать его детям, его жене и ею управляться и что дочь может себе покупать имение (Телятинки).

П. О. Зябрев был умный, образованный, начитанный. О себе говорил, что он эпикуреец. Любил древних греческих, латинских философов, особенно Сенеку, книги о путешествиях и исторические; был пчеловод, и сад у него хороший. Болел месяца два саркомой печени, с неделю как стал очень слабеть и худеть. Я только сегодня сказал Л. Н. о быстром ухудшении. Л. Н. сказал, что непременно посетит его. Вечером скончался.

Л. Н. ездил верхом, вернулся в пять часов. За обедом очень мало говорил. Софья Андреевна спрашивала, может ли она издать «Круг чтения» в полном собрании сочинений. Л. Н. согласился. Попросила Гусева откладывать ей сытинские корректуры, чтобы могла по ним вычислить цену печати. Корректуры оказались плохи. Во вторых корректурах сама типография портит хорошие места, доверяет вторую корректуру мальчикам.

Речь о ведении корректур.

Л. Н.: Главное, чтобы корректор не интересовался содержанием.

У Л. Н. случился обморок. За обедом он мало говорил и два раза покраснел и побледнел. После обеда сел в кресло в кабинете, читал «Guillotine». В 8.30 я зашел его проведать, он сказал, что очень слаб и ни в чем не нуждается. Пульс правилен: восемьдесят. Я ему сообщил, что Петр Осипов сейчас помер. Л. Н. расспросил про его болезнь. В 9.10 прибежала ко мне Анна Ильинична, испуганная, задыхающаяся; сообщила, что дедушка ничего не помнит: спрашивал ее, кто ее мать.

1 июня. Троицын день. Л. Н. хорошо спал; слаб. Не помнит вчерашнее. Утром вышел гулять, после занялся почтой. В 10 часов я ему внес книги Академии Наук, полученные по почте, между ними — одна о Пушкине.

Л. Н.: Я как раз думаю о Пушкине, — и попросил принести его сочинения [1].

Л. Н.: Получил два письма о видениях и о спиритизме, и я как раз утром думал и записал, что все существа — отдельные проявления сознания; мы понимаем их в пространстве и времени. И земля и материальный мир, должно быть, имеют сознание, только оно нашему пониманию недоступно, как козявке человек.

Пополудни бабы, девки, парни, дети из деревни водили хоровод перед домом, плясали.

Приехал Андрей Львович, к обеду приехал князь Цертелев, раньше бывавший у Толстых. Л. Н. сейчас же заметил ему, что у него был вчера припадок, что слаб.

По словам Цертелева, он хотел известить о своем приезде телеграммой в Ясенки, но ее не приняли, т. к. название изменено, а на какое — не смогли сказать (в индексе телеграфных станций не помечено); телеграфировал в Тулу.

Л. Н.: Прежде была Козловка — теперь Засека; прежде Ясенки — теперь Щекино; еще спасибо, что Тула осталась Тулой.

Л. Н. рассказал, что читал биографический материал о Пушкине:

— Я заглянул в стихотворения, и с каким удовольствием! Какой у него французский язык в его письмах к Анненкову ⟨!⟩. Анненкова я знал [2].

Потом Л. Н. говорил, что о декабристах, с которыми Пушкин был знаком, ничего там не написано (цензурные условия). Потом говорил, что

не мог вспомнить, как помер Пушкин и каких лет. То же о Лермонтове.

Речь зашла о Кобеко-старике. Цертелев говорил про него, какую роль он играл как председатель Комитета печати. Позвал туда большинство левых, и решили, что можно говорить и писать все. Отклонили и проект Кони об ограничении порнографии [3].

Л. Н. спросил:

— Разве он (Кобеко) таких взглядов (либеральных)?

Цертелев: У него никаких взглядов. Просто он склоняется перед Витте.

Л. Н.: Я политикой совсем не занят, но все случается слышать о Витте. Кто он такой? Что он делает?

Цертелев: Хотел быть регентом республики. Его жена спросила кого-то (преображенского офицера? Победоносцева?), что́ бы сделали, если б ее муж был выбран президентом республики. Ответил: «Застрелили бы его».

Л. Н.: Столыпин может перестать быть Столыпиным, но не может перестать быть человеком.

Разговор перешел на бунт Преображенского 1-го полка. Между прочим, предложили правительству исполнить требования каких-то рабочих.

— Как тут быть? — говорил Цертелев.— Тут надо было наказывать, сам Кони был за то.

Л. Н.: Жалко мне слышать о Кони (что он был за смертную казнь). Вопросы смертной казни чисто субъективны: могу ли участвовать в том или нет. Тем и хороши нравственные вопросы, что они решают все безапелляционно.

Цертелев не соглашался. Л. Н-чу с ним дебатировать было невмочь. Цертелев приводил аргументы — между прочим, что Христос кровью искупил нас, и т. п.

Шахматы с Цертелевым. Вечером Л. Н. у себя до десяти часов, потом вышел в залу, вид у него был очень усталый. Около него Николаева, Анна Ильинишна, Варвара Михайловна, Гусев и я. Л. Н. говорил Гусеву, что одну длинную главу из «Не могу молчать» совсем выкинул [4]. Завтра возьмемся за «Всему бывает конец».

— Главное в поправлении — выкидывать,— сказал Л. Н.— Когда только что написано, жалко выпускать, оно связано еще с тобою пуповиной; когда же статья отлежится, как теперь «Всему бывает конец» (Л. Н. не заглядывал в нее одну-две недели), то станет видно, что́ можно выкинуть.

Л. Н. дал прочесть вслух полученное сегодня письмо Кудрина [5].

Цертелев рассказывал о медиумах спиритизма.

Л. Н.: Тут какой-нибудь обман.

Анне Ильиничне сказал сегодня, когда с ним говорила об обмороках: «Скоро совсем засну, навсегда».

2 июня. Л. Н. вчера кончил «Не могу молчать». Сегодня переписали в трех экземплярах.

Пополудни Л. Н. съездил на Делире к Марии Александровне. За обедом Николай Николаевич ему рассказал, что экзаменовал мальчиков от 10 до 13 лет, бравших книги. Все читали и знали. Один отлично понял «Как освободиться рабочему народу»; кроме того, что́ там о Генри Джордже.

Л. Н. за обедом говорил про письмо Молочникова, хорошее:

— Пришел к прокурору, там сидевшие три чиновника взволновались и посоветовали ему: «Напишите прошение, то есть апелляцию после приговора».— «Я за тем и пришел»,— и, написав, подал прошение, чтобы его поскорее заключили [1].

Цертелев: Ведь Сенат оправдал бы его.

Л. Н.: Он не апеллировал — стыдно им (судьям) будет. Он из духовно убежденных людей, никто ему вреда, кроме как сам себе, сделать не может.

Л. Н., вспоминая кого-то, не припомнил:

— Я истинно, в высшей степени благодарен за это ослабление памяти.

Вечером: Софья Андреевна, Цертелев и я. Л. Н. спросил Цертелева, чем занимается.

— Политикой. Пишу в «Петербургские ведомости».

Л. Н. заметил, что он «Петербургских ведомостей» не знает.

Разговор о «Новом времени». О нем Цертелев сказал, что оно игнорирует «Петербургские ведомости», как и все газеты, и что у «Нового времени» нет направления, программы.

Л. Н.: Как же нет? Правительственная.

Л. Н. сказал, что он пробует читать другие газеты *, но все возвращается к нему («Новому времени»), что оно — лучше других осведомленная газета.

Потом Цертелев говорил о Меньшикове, что у него нет убеждений.

Л. Н. (о нем): Как он даровит! Но сознаюсь, что перестал его читать. Уже знаю, что может дать.

Л. Н.: Чем более я стар, тем мне более неприятно шуточное отношение (к серьезному) Буренина, Столыпина.

Цертелев сказал, что пишет и стихи, и хвалил поэта Голенищева-Кутузова, его «Рассвет», написанный лет тридцать тому назад [2]. Критик нашел возразить «Рассвету» только то, что это подражание «Евгению Онегину».

Л. Н.: А как — легко читается, как «Евгений Онегин»?

Цертелев: Да.

Л. Н.: Тогда то, что подражание,— ничего. «Евгений Онегин» — единственное из стихотворений, где усилия стихотворства не чувствуется. Я все боюсь, что это борьба, которая тогда была между классицизмом и романтизмом (классики отрицали романтизм); я все боюсь, чтобы я теперь у молодых (Андреева, Горького...) чего не просмотрел.

Цертелев: Непохоже.

Л. Н.: Непохоже чтобы просмотрел?

И Цертелев и Софья Андреевна начали воспроизводить их стиль — отрывочный, короткий.

Л. Н.: Сегодня получил от моей незнакомой приятельницы Люси Малори номер «World's Advance Thought». Ее краткие выражения религиозно-философских истин превосходны.

Разговор о взятках в судостроительстве с промышленников (не только при заказах). Л. Н. возмущался этим общим явлением:

— Как же на экспроприаторов сердиться, когда сами постоянно экспроприируют?

Об А. С. Хомякове.

Л. Н.: Я его знал — и очень хорошее впечатление (воспоминание о нем); он был очень приятный человек. Я очень уважал его деятельность и его славянофильские взгляды, и как поэта.

Барышни — Александра Львовна, Анна Ильинична, Варвара Михайловна и с ними Гусев — ходили гулять на Козловку. Когда вернулись, Александра Львовна была возмущена нехорошим тоном тамошней дачной молодежи; хотела бы уйти в одиночество.

Л. Н. ей говорил, что это пессимизм и это нехорошо, гордость. И принес из кабинета майский номер «World's Advance Thought» и прочел по-русски следующее место: «You were not placed here to right the world, but to right yourself. Right yourself first of all, then the world will come to harmony» **.

---

* Почти с начала сего года — «Русь», с середины мая —«Слово».

** «Вы посланы сюда не для того, чтоб исправлять мир, а чтоб исправлять себя самого. Исправьтесь прежде сами, и тогда в мире наступит гармония» (*англ.*).

Серія 153 Июнь 1908

№	Годъ, мѣсяцъ и число.	Отъ кого получено адресъ.	О ЧЕМЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
67	Pol Mscas	Афины (Греція)	Прислал свои книги	
68	Лебрен	Голландія	Открытки книги, брошюры и др.	
69			о земледельческ. трудѣ	
70	В. Косенко	Смильянково	о потерѣ тетр.	отв. 3 и 4
71	L. Girgensohn	Frankfurt a/M.	о напечатаніи его переводовъ Евангелія	
72	Weissenberg	Вѣна	о присылкѣ гонорара	
73	Группа рабочихъ	Кочубеевъ	прислать книги	
74	М. Семеновъ	Пенза	просительное	отв. 11 г. 2/II
75	Вышеславцевъ	Нижній	о вопросѣ жизни	" " 6/II
76	Gaetanina	Varese (Italia)	по пов. Рокфеллера	
77	Молочниковъ	Новгородъ	о своемъ арестѣ	" 1 и 4. 13/V
78	W. Nemrava	Olmütz (Mähren)	объ отказѣ. Нарушил	" 3 и 4
79	Накашидзе	Тифлисъ	о революціи самовольно	
80	Dietrich	Berlin	желаетъ мѣста в 3 и 4	
81	Никулицынъ	Слоб. Ведеко	вышлемъ книги	отв. 3 и 4
82	Damanna Dhamanisami	Рангунъ (Индія)	прислать книгу	
83	Gregersen	Charlottenbg (Дан.)	о цѣломудріи	
84	К.Л. Обратимъ	Ус. Градище	о преслѣдованіи Словаковъ	
85	Ehlers Revue Française	Прага	о убійствахъ в Черновой	
86	Delano	Quincy U.S.A.	благотворительное	
87	L. Brown	Des Moines	прислать книгу	
88	Zielinski	Эрлобштадъ (Франція)	личное (сентиментальное)	

Серія 153 Июнь 1908

№	Годъ, мѣсяцъ и число.	Кому написано куда.	О ЧЕМЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
89	К. Bernstein	Петербургъ	прос. разрѣш. пріѣхать	отв. 11 и 12
90	Лазаревъ	Балаханы	разсказъ	
91	Галина	Михайловъ	о своей школѣ	
92	Семяшко	Мензелинскъ	прос. книгъ	
93	N. N	Двинскъ	хочетъ прислать картину	отв. 3 и 4
94	Лодковскій	Рига	стихи	
95	Кокушкинъ	Спасское	объ антихристѣ	
96	Рахота	Н. Бодаковъ (Самара)	о духовномъ развитіи (Вегетар. ин.)	
97	Гекалекъ	Громадвинъ (Австрія)	о пропаг. антиалкоголизма	
98	Blinka	Jandusky U.S.A.	Проповѣди своб. христ.	
99	Zoescher	Libbon (Германія)	Исповѣдь	отв. 3 и 4
100	K. Schwantje	Berlin	о вегетріанствѣ	

15 р. 115 К. 50 к

СТРАНИЦЫ ИЗ КНИГИ ЗАПИСЕЙ КОРРЕСПОНДЕНТОВ ТОЛСТОГО, ЗАПОЛНЕННЫЕ МАКОВИЦКИМ

Книга четвертая, июнь 1908 г.

Л. Н. сегодня послал «Не могу молчать» Черткову в Петербург для напечатания. Марии Александровне больно за эту статью.

— Это не он (Л. Н.). Писал не с любовью, а с озлоблением,— говорит Мария Александровна.

3 июня. Утром приехал М. А. Кузминский с женой Ольгой Михайловной. Он товарищ прокурора в Витебске. Вечером были Николаев и Мария Александровна.

Л. Н. говорил с удивлением о новых типографских машинах: чем глупее люди становятся, тем более средств для распространения их глупостей.

Николаев говорил про Croft Hiller, который пишет о непротивлении злу, что оно — основа христианства. Нельзя противиться злу, если тебя лично обидят, но можно, если обидят правду, бога. Стало быть, все войны из-за веры оправдывает. Также допускает прелюбодеяние, если оно зла не делает.

Л. Н. заметил, что как же зла не делает: а дети без родителей растут.

После молчания, Л. Н.:

— Ох, эта культура — английская, американская! Вот эта книга,— Л. Н. показал на сегодня полученную большую книгу «Our own Columbia that is to be». By Leonard Brown. Des Moines, Jowa» [1].— Вот эта книга — как он смело пишет обо всем!

Потом Л. Н. вспомнил письмо индуса Taraknath Das, неприятное, озлобленное [2]:

— В последнее время стали часто писать индусы. Те, которые пишут мне, какие все образованные! Читают мои сочинения.

Мария Александровна рассказала о Досеве, что он в тюрьме в Болгарии — за отказ от военной службы *.

Л. Н.: В молодости есть желание опасности. Когда это направляется на служение истине — какая сила, радость!

Софья Андреевна говорила о крестьянских мальчиках; слышала от Л. Д. Николаевой, что они порочны, и очень нападала на них и на баб, портящих барскую молодежь.

Л. Н. вспомнил свое детство, что́ какой-то аристократический мальчик рассказывал им.

— Крестьянская среда несравненно лучше господской,— сказал Л. Н., обратившись к Николаеву, который только что рассказал, что он поговорил об этом со своими детьми и не уверен, одобрит ли это Л. Н., и добавил:— От этого (т. е. чтобы дети от детей о дурном не слышали) остеречь их нельзя, но, разумеется, что надо предупредить. Они в сердце чувствуют, что это дурно; тут поддержка со стороны отца, авторитет действуют.

Л. Н. рассказал, как сегодня пролетели мимо него двое военных верхами, его взял задор, и обогнал их и, очевидно, обидел, потому что потом, когда остановился, они перед самым носом лошади прошли. Л. Н. смутился, когда рассказывал про этот задор свой.

4 июня. У меня, как уже много недель, очень много больных. За обедом Л. Н. мне:

— Номера «Free Hindustan» получил.

Несколько дней тому назад писал издатель этого журнала Таракнатх Дас, студент, живущий в Соединенных Штатах, что посылает ему номера своего журнала. Но они вместе с письмом не пришли. И Л. Н. просил меня об этом написать ему (что журналы получены):

— Нехорошо. Хотят конституцию, хотят участвовать в правительстве — и только.

И Л. Н. стал рассказывать к вчерашнему разговору о том же, как

---

* Этот слух оказался неверным.

англичане стали властителями Индии. Рассказал про португальцев, голландцев, про компанию английских купцов, поддержку ее английским правительством и т. д. Про сипайское восстание, вспомнил картину Верещагина [1]:

— Со стороны смотришь — какие же сипаи — они сами себя угнетают. Сто тысяч англичан против этих трехсот миллионов.

Гусев сказал, что он вчера «проповедовал невежество». Приходили рабочие из Тулы, хотят готовиться к аттестату зрелости. Они с большим уважением относятся к образованию. Их вожди подчеркивают свою образованность, и они на это попадаются.

Л. Н.: Хотят сделаться господами. Я в каком-то своем сочинении сравнил это так: есть подмостки с господами (образованными, интеллигенцией) они давят рабочих, а из них все больше и больше влезает на подмостки, которые тем тяжелее становятся для оставшихся рабочих.

Сегодня до обеда Л. Н. под деревом оживленно разговаривал с рабочими. Старается где кому возможно, сколько хватает сил, объяснять.

Гусев рассказывал про запрос в Думе о неудавшемся побеге арестантов из екатеринославской тюрьмы *, причем застрелено сорок арестантов и пятьдесят ранено. Столыпин послал по телеграфу благодарность за энергичное подавление смуты.

М. А. Кузминский говорил о переполнении тюрем. В Витебске в тюрьме, рассчитанной на 280 человек, заключено 720. Белья нет.

Вчера приехали на лето в Телятинки Гольденвейзеры. Сегодня вечером приехал Александр Борисович, играл в шахматы с Л. Н. Вечером Л. Н. не выходил.

5 июня. Четверг. Утром, в 8.40, когда я шел в лечебницу, догнал Л. Н-ча, гуляющего по прешпекту. Был в белой рубашке, шел очень старческой походкой, колена согнутые — при каждом шаге играли, как пружины; голова опущенная; с Евангелием в кармане. Услышав мои шаги, обернулся и заговорил об индусском вопросе — что вчера читал об Индии:

— Они рады, что из того полудикого состояния выходят в западную культуру. У них требования государственной культуры. Напишу письмо Chitale [1] (приславшему сочинения Свами Вивекананды). Утром с шести часов об этом думал и кое-что записывал. Вчера целый день читал Вивекананду [2]. Там есть глава об оправдании противления злу. Очень даровито написано. Он, как (Л. Н. назвал имя), софист своих прежних убеждений.

За обедом Л. Н. рассказал анекдот (индусскую сказку: как человек пожелал богатства, дом, жен...) — по поводу разговоров о том, что, если бы все наши желания исполнялись, было бы плохо.

Сергей Львович говорил, что читает «Братьев Карамазовых» (ему очень нравится) и Martin Rudolf — «Russland's Zukunft» [3]; в этой книге указывается, что в России земля истощается вследствие вывоза хлеба.

Л. Н. сказал, что читал биографию Пушкина и некоторые стихи:

— Какая случайная вещь — два огромных дарования, которые родятся раз в многие века,— Пушкин и Лермонтов — убиты на дуэли.

Потом Л. Н. говорил, что у Пушкина предпочитает прозу.

Волошкевич (он с женой, дочерью Н. Я. Грота, сегодня приехал) рассказывал, что Горький не может вернуться — посадят его и его жену Андрееву: дал революционной партии 60 000 р. [4] Сергей Львович говорил, что Горький как писатель кончился. В недавнем номере «Слова» Поссе пишет про «Семь повешенных» Л. Андреева, что чувства казненных выдума-

---

* Взорвали стену двора, где арестанты гуляли во время прогулки; стреляли из трех револьверов.

ны автором [5]. Л. Н. о «Смертной казни» Л. Семенова и его полученном сегодня письме. Он работает в шахте [6].

Л. Семенов оказался троюродным братом присутствующей Волошкевич.

— Он способный,— сказала она про него.

Л. Н.: Мало — способный: он сильный, твердо убежденный, высоконравственного подъема.

Потом Л. Н. говорил о непротивлении злу — очень хорошо:

— Оно должно быть общим принципом; а во имя воображаемого блага, так, как оно его понимает, правительство вешает революционеров.

Вечером, с 7 до 8, играли в городки. Л. Н. с нами. За чаем Николаев. Сергей Львович рассказывал очень интересно, между прочим, о гибели матросов «Жанетты» в устье Лены. Поклялись не есть друг друга. Половина их достигла Нижнеколымска. Из другой половины спасся один, другие замерзли. Л. Н. вспомнил, что читал в газете о случае людоедства. Я заметил, что он невероятен и описан с расчетом на сенсацию. Сергей Львович доказал, что бывают случаи в Сибири.

Сергей Львович о трудах Прескотта о завоевании Мексики и Перу. Л. Н. хвалил эти книги [7].

6 июня. Жаркий день. За обедом Л. Н. восхищался весной — как быстро все цветет, сколько листвы на деревьях; не помнит такой весны, полной жизни. Весна запоздала, наверстывает, что́ замешкала.

М. А. Кузминский о снах.

Л. Н.: Отличие сна от действительности — что нет нравственного усилия.

Михаил Александрович о предчувствиях. Он и Софья Андреевна верят в них.

Л. Н.: Я должен сознаться: если бы даже все случилось, что предчувствую, я не верил бы в предчувствия.

От «Neue Freie Presse» телеграмма, спрашивает мнение Л. Н. о внешних событиях, угрожающих нарушением мира. Л. Н. догадывался, что это по поводу свидания английского короля Эдуарда с царем в Ревеле, но никто в Ясной Поляне об этом свидании ничего не читал.

— Какая смешная телеграмма «Neue Freie Presse»,— сказал Л. Н.— Какое они имеют обо мне представление, воображая, что меня это интересует.

Сегодня был несколько часов Михаил Львович и уехал с Андреем Львовичем на свадьбу к Кулешеву в Горячкино. Сегодня опять была школа с учителем из Тулы. Просили и получили книги.

В 7 вечера уехала Ольга Кузминская. Шахматы с Гольденвейзером. Л. Н. вышел в 10.15, рассматривал цветные фотографии картин, между прочими, Крюгера: Николай I верхом с братьями и сановниками. Говорил, что она напоминает ему значение Николая во времена его молодости. Долго смотрел на знакомую ему картину. Цветные фотографии прислал Прокудин-Горский.

Софье Андреевне Л. Н. передал письмо пастуха, укравшего ремень передаточный с молотилки и приговоренного к четырем месяцам тюрьмы. Просит позаботиться о его детях, оставшихся без хлеба *.

Софья Андреевна сидела за малым круглым столом и, читая в «Голосе Москвы» об убийстве семьи, в том числе четырех детей, и еще о чем-то, вспоминала о воровстве на даче чертковской, случившемся сегодня, негодовала на русский народ. Сергей Львович рассказал из своей практики земского начальника, как мужики сломали и увезли помещичий дом; 15 из них присудили к двум — четырем месяцам, хотя никто из них не был виновен: «Когда другие увозят, почему мне не брать?». Я напомнил Л. Н.: в «Войне и мире» он писал, что помещения, оставшиеся пустыми при при-

* Впоследствии этой семье помогали Л. Н., Александра Львовна и другие.

ближении французских войск, народ разрушал или сжигал и что это свойственно русскому народу. Л. Н. ответил с негодованием: «Глупость писал!». И сейчас же спросил, читал ли я письмо Л. Семенова, сказав, что он сегодня ему отвечал. Семенов работает в шахте и описывает, как там работает народ. Страдания и унижения не только духовные, но и телесные. На четвереньках работают. Людей, которые для нас все делают, не поворачивается язык осуждать. Потом Л. Н. говорил, что Семенов, наверно, вынесет оттуда и новое, хотя он не затем работает, а затем, что считает для себя должным.

Софья Андреевна еще какую-то гадость (скорее всего вымышленную или преувеличенную) вычитала в газете, передала и горячилась по этому поводу.

Л. Н.: Все мудрые люди говорят, что не надо говорить о дурных делах, а газеты о другом и не пишут.

Александра Львовна стала говорить, что газеты подбирают самое дурное, а что̀ есть хорошего в жизни, того не замечают.

Л. Н.: Хорошее дело молчит (не кричит), это свойство его.

Л. Н. с Сергеем Львовичем о смертных казнях. Л. Н. где-то читал, что правительство уже перевешало с января 1907 г. до сих пор 2 000 человек.

Л. Н.: Это уже столько, сколько было казнено во Французской революции.

Сергей Львович утверждал, что тогда больше было казнено.

В полночь приехала мисс Гентш с Сережей.

7 июня. Я ездил в Тулу, в Земскую управу из-за пособия лечебнице. Очень много больных обращаются; эпидемия тифа, много расходов; хотел, чтобы земство взяло на себя часть. Возвращался пешком через старое Басово-Скуратово, зашел к Марии Александровне, к Горбуновым. Там застал Картушина. Едет в Петербург покончить с запасами «Обновления», намерен предложить их даром Л. Н-чу и Черткову. Картушин хочет взять участок, соседний с участком Суткового в Сочи, и там работать. Картушин беседовал с Л. Н. наедине в кабинете, был очень доволен; он застенчив, неврастеник. В зале при других ему трудно говорить.

Л. Н. писал письмо индусу Chitale, а другое индусу Das [1]:

— Я ему хочу сократить статью «Всему бывает конец» и послать. Они добиваются права участвовать в правлении, то есть подтвердить то насилие, которое над ними совершается.

Л. Н. (*мне*): От Кузьмина хорошее письмо о малеванцах. Все они стали вегетарианцами, читают мои книги и, как он пишет, стали свободные [2].

Л. Н. получил толстую книгу от Ч. Ветринского «Герцен». В ней между прочим о сходстве мыслей Герцена и Л. Н. Хорошие портреты [3]. Л. Н. пересматривал (одни портреты).

— Кто будет это читать, ты, Сережа? Я читать не буду. Меня теперь не интересует.

Получил от Л. Семенова книгу Якоба Бёме, немецкую.

Вечером Л. Н. просил М. А. Кузминского сыграть на балалайке. Он мастер; с Александрой Львовной отлично играли. Л. Н. просил повторить некоторые русские народные песни.

8 июня. Ночью приехала графиня Зубова. За обедом Мария Николаевна, жена Сергея Львовича, говорила про Сережу, что он подробно расспрашивал М. А. Кузминского, в чем состоит его прокурорская должность, и сказал, что он будет прокурором. Л. Н. это смутило, неприятно озадачило, и он стал рассказывать про мальчика, которого родители воспитывали нравственно-религиозно и который хотел по этим законам поступать, жить. Родители тогда испугались и стали ему перетолковывать эти законы — что это так следовало бы делать, но в жизни нельзя.

ТОЛСТОЙ ЗА ШАХМАТАМИ
Ясная Поляна, июль 1908 г.
Рисунок (карандаш) Т. Л. Сухотиной

Л. Н. (с болью в голосе) огорчался за мальчика, что́ тогда в душах прозревших детей, понявших закон и хотящих и готовых исполнять его, происходит.

Л. Н. (*о Николаеве*): У него жилец, который не платит, зная, что Николаев на него в суд не подаст.

Рассказал мне это Николаев. Разговор происходил на балконе между Л. Н., Дмитриевым и Николаевым. Дмитриев из бессарабской колонии Н. Н. Александри, желает жить, работая в деревне, и притом оказывать медицинскую помощь деревенскому населению безвозмездно. И потом хочет выучиться медицине, поступить на медицинский факультет. Он об этом советовался с Л. Н., который ему ответил:

— Я разочарую вас, молодой человек. Туда не следует ходить. В православии, пожалуй, меньше суеверия, чем в медицине. В университете все это больше казовое (внешнее). Там учатся на средства народа... Если человек умирает, это не беда, а гораздо хуже, когда человек лжет, когда человек грабит. Душан Петрович просто относится к этому; он справ-

ляется в книгах о симптомах и лечит по книгам. Но что происходит в больном — не знает.

Внизу, перед террасой, играли Александра Львовна и М. А. Кузминский на гитаре и балалайке «По улице мостовой». Л. Н. притоптывал ногой, с удовольствием слушал, сказал:

— Надо применять такую народную музыку в общинах.

Дальше играли «Под яблоней», «Выйду ль я на реченьку», «Барыню» и другие.

Дмитриев рассказал Л. Н., что Александри занят переводом на румынский язык «Круга чтения», милейшей для него книги.

Л. Н. рассказал про одну сенаторшу — про нее говорила ему Т. А. Кузминская — и про свою сестру-монахиню, от которой Софья Андреевна сегодня получила письмо; в этом письме и о «Круге чтения». Обе тоже читают его, и Мария Николаевна особенно любит Ламеннэ, Эпиктета и Лаотзе [1].

Л. Н. говорил еще про письмо друга Л. Семенова — Левинсона, который хочет издать рассказ Семенова о смертных казнях. Пишет, что он был когда-то сторонником Л. Н.; когда была революция — отшатнулся, а теперь опять вернулся к этим дорогим ему идеям [2].

Л. Н. вечером слаб, читал Пушкина [3].

9 июня. Л. Н. слаб. Сегодня писал письма: 1) Черткову и делал поправки по его указаниям в статье о смертных казнях, которую Чертков торопится издать в Петербурге; она раньше появится, чем «Всему бывает конец» [1]. 2) «Индусу».

За обедом говорили с восторгом о бывших сегодня двух стариках-прохожих хорошего типа, каких через 20—30 лет не будет. Один из них уже был в Старом Афоне и теперь, устроив сыновей, идет туда окончательно, навсегда. До Одессы идет пешком. Л. Н. хотел записать их слова в фонограф, но не было ни Александры Львовны, ни Софьи Андреевны, умеющих обращаться с фонографом. Л. Н. ему все-таки говорил, как ни сочувствует ему, что богу угодить можно дома.

Графиня Зубова рассказала страшный рассказ, какие теперь в моде, о калеке-солдате, вернувшемся из Маньчжурии с войны и повесившемся. Л. Н. эти темы и их разработка ради сенсации не по душе. На вопросы к нему по поводу этих страшных рассказов он не отвечал и перевел разговор на другое.

Л. Н. получил письмо от адвоката Муравьева с обвинительным актом Молочникова. Этот обвинительный акт следовало бы напечатать. Только его запретят [2]. Я попросил М. А. Кузминского прочесть его вслух.

Л. Н.: Это прелестно, какого сотрудника нашел! (т. е. что прокурор прелестно изложил содержание брошюр Л. Н., найденных и распространяемых Молочниковым).

Говорили о письмах; неприятность у Софьи Андреевны из-за одного полученного ею письма. Л. Н., чтобы загладить впечатление и отвлечь разговор, шутя сказал:

— Дамы — позволяю себе сказать при дамах — любят разговаривать и письма писать.

Гольденвейзер говорил, что читал в газете о задержании брошюры Генри Джорджа «Да приидет царствие Твое».

За чаем Л. Н. говорил, что получил письмо от Е. И. Попова из Болгарии, он посетил отказавшегося Досева <!> в дисциплинарном батальоне. Досев веселый, цветущий [3]. Там дисциплинарный батальон — не то, что у нас.

Софья Андреевна припомнила Л. Н., что он в письме к Тане о Евгении Ивановиче выражается как о пронырливом, хитром, восточном человеке [4].

Л. Н.: А я — глупый русский человек. Это только поучение, как не надо осуждать.

И Л. Н. стал говорить с любовью и уважением о Евгении Ивановиче.

Софья Андреевна: Это был крик сердца, когда ты так о нем написал.

Л. Н.: Он человек очень умный, образованный, разошелся с женой; было сближение с Таней. Тут личное чувство отца заговорило.

Софья Андреевна: Он самоистязатель, самомучитель.

С графиней Зубовой о царе и Столыпине.

Л. Н.: Этих людей — государя — жалко. Он поставлен в это положение. Ему Пуришкевич и другие убежденные люди не позволят отказаться. Они скажут, что царствовать, смертные приговоры выполнять — это нужно, а Столыпин — делает карьеру. Я его невольно любил, но чем дальше вижу (что делает), тем жальче. Его нельзя не упрекнуть.

Графиня Зубова заговорила про книгу «Guillotine». Ей показалась интересной. Л. Н-чу — наоборот. Ему не нравится, больше перелистывал, чем читал ее. Не хвалил.

Л. Н. разговорился о том, как свирепел народ во время казней, присутствуя при них, и всплакнул... И потом как короля везли, и голова у него лежала между ног.

Разговорился с графиней Зубовой про семью Олсуфьевых. Л. Н., которому, очевидно, приятны разговоры о старых знакомых, вспоминал теперешних Олсуфьевых, когда были детьми. Ему они запечатлелись тогда как приятные, и теперь их так же вспоминает, представляет.

По поводу не знаю чего Л. Н. рассказал анекдот. Был в Казани сановник Булыгин. Ему лакей докладывал, что барышни вскоре начнут петь, и приносил кусок ваты.

Л. Н. вспомнил и поручил написать Бирюкову, чтобы он обратился к В. И. Алексееву, директору училища в Нижнем, бывшему учителю Сергея Львовича, и попросил его написать для биографии воспоминания [5]. Л. Н. с любовью и уважением говорит о нем.

Л. Н. получил письмо. Девушка пишет, что у него доходы огромные, и просит денег для продолжения образования.

10 июня. Л. Н. молчалив. Вечером Софья Андреевна пожаловалась гостям, сколько новых книг набралось: столик под зеркалом полон, а только месяц как все убрала.

Л. Н. заметил, что нынче присланы такие хорошие книги: «Герцен» Чешихина, «Горе от ума», «Раевский - декабрист» [1]. И Л. Н. вспомнил картинку из книги «Герцен» — шутку Левицкого, как Герцен сам себя усовещивает за восстание Польши [2].

(Я сегодня ездил к больным, был усталый, вечер проспал.)

11 июня. Л. Н. пополудни слаб. В 3 часа ложился спать, так же как и третьего дня.

Л. Н. за обедом по поводу письма магометанина-чувашина; ответил ему [1].

Про Коран Л. Н. сказал:

— Такая смесь, такие неясные предания, нескладно, но все говорят, что это на арабском языке прекрасно. Я удивился, как Коран захватил такую большую часть человечества. Сколько магометан, Душан Петрович?

— Седьмая часть.

— Я его (Коран) давно читал и вчера. Я хотел писать магометанину и искал хорошие изречения, но не нашел. В «Круге чтения» есть одно,— и Л. Н. процитировал его.

Гусев: Там еще есть,— и процитировал два хороших [2].

Александра Львовна: Гусев выдержал экзамен по «Кругу чтения», а Душан Петрович — по статистике.

Л. Н. начал говорить, что получил интересное письмо от англичанина, но его перебили.

Сегодня Л. Н. продолжал писать письмо индусу. Списывалась начисто «Всему бывает конец». Третьего же дня послана была Черткову в Петербург статья «Не могу молчать».

Сегодня Л. Н. получил в гранках все «Евангелие для детей». Он его назвал в письме Петрову (чувашину) иначе. Я сверил с Николаем Николаевичем сегодня несколько последних писем Л. Н.: в одном он советует магометанину перевести «Круг чтения» на арабский язык.

Сегодня был Шеломов, рязанский друг Н. Н. Гусева, в последние пять лет ездящий к Л. Н.

М. А. Кузминский говорил, что нужна независимость церкви от государства.

Л. Н.: Признавая церковь, нельзя иначе.

Вечером был Николаев, разговор о социализме и коммунизме, шахматы, винт.

12 июня. Утром приехал Н. Г. Молоствов — биограф Л. Н., 17 лет занимается, собрал 14 тысяч номеров библиографических. Такого материала ни у кого нет. По нему написал подробную биографию в 14 выпусках. Первый выпуск должен скоро появиться [1]. Гусеву говорил, что некто Цукерман готовит к юбилею Толстого «Еврейский сборник» — сборник всех его отзывов о евреях, писем к евреям и статей евреев о нем. Книга будет в 20 листов [2]. Мне говорил, что он довольно точно высчитал: отдельные сочинения Л. Н. на разных языках (около 60) появились в 25 миллионах экземпляров. У него собрано много материалу, и считает самым нужным учредить музей Толстого. Он охотно отдал бы туда свою коллекцию — только было бы здание несгораемое и можно было бы свободно пользоваться материалами. Рассказал, что у сибирского купца Юдина, страстного любителя книг, в его огромной библиотеке была коллекция книг Л. Н. и о нем, газетных вырезок о Л. Н. Когда он умер, наследники продали и библиотеку и толстовскую коллекцию; купил город Вашингтон. Молоствов был лет 10 тому назад у Л. Н., и тогда Л. Н. отговаривал его от писания биографии. Он все-таки занялся ею, но о детстве Л. Н. тогда ничего не мог раздобыть. Молоствов понравился Софье Андреевне своей кропотливостью, педантичностью. С 1.30 до 2.15 на террасе читал Л. Н-чу вслух о его матери и отце.

Л. Н. высказался Гусеву о нем, что пишет искусственно.

Л. Н. после зашел к А. Г. Шеломову в бывшую библиотеку и там дольше задержался. Софья Андреевна приходила два раза напомнить о его усталости. После Л. Н., видимо, очень усталый, опять разговаривал, гуляя, с двумя одесскими студентами. Софья Андреевна ужасно волновалась, что у него, усталого, крадут здоровье:

— Эти хуже, чем экспроприаторы, надо от них браунингами защищать Льва Николаевича. Какой вы доктор, когда позволяете так утруждать его? Вы бы их предупредили, что нельзя беспокоить Льва Николаевича.

Л. Н. все продолжал гулять с одесскими студентами между домом и флигелем. На террасе же было все семейство, гости. И Софья Андреевна несдержанно, громко выражала, волнуясь, свое опасение и негодование и вместе с тем стояла около Молоствова, чтобы он по уходе студентов не занял Л. Н. Но Л. Н. вскоре простился, сел на Делира и поехал к Мясоедову.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Анна Ильинична, Мария Николаевна с Сережей, графиня Зубова, Юлия Ивановна, мисс Гентш, Варвара Михайловна, Н. Н. Гусев, Молоствов и только что приехавший Горбунов.

Софья Андреевна рассказала услышанное от Молоствова про мать Л. Н., что она мерзких книг не читала и сказала о них, что они душу загрязняют.

Л. Н. (*к этому*): Моя мать читала книги гораздо лучшие, чем «Санин». Тогда читали только выдающиеся книги.

Молоствов стал говорить про какую-то выдающуюся книгу — 800 страниц на немецком языке — Вейнингера. Написал ее, когда ему было 23 года, и потом застрелился. В этой книге он доказывает, что нет мужчин и женщин, что всякий человек бисексуальный [3].

Л. Н.: Что такое бисексуальность, я не понимаю.

Молоствов стал разъяснять мысль Вейнингера.

Л. Н.: Что за чепуха!

Софья Андреевна горячо:

— Это уроды. Женщина родит детей, мужчина — нет. Это решает. Какая такая бисексуальность!

Молоствов стал ссылаться на биологию, приводить научные данные.

Л. Н. слушал, но не вытерпел:

— Как биология, так может всякая чепуха быть биологическая. Из этого выводы делать можно только вследствие праздности нашего высшего сословия, ограниченности того, что называется наукой.

Молоствов объяснял дальше:

— Есть мужчины мягкие, нежные, женщины — курящие.

Л. Н.: До какой степени это неважно! Это от большого ума. Что же женщина — женщина, мужчина — мужчина. Наука (это не парадокс), наука — сложное невежество. Что теперь считается наукой, то будет считаться в будущем отклонением деятельности ума от здравого смысла. Я, может быть, ошибаюсь, но это мое искреннее убеждение.

С 9.20 винт. Л. Н. очень устал. В 11.20 разошлись.

13 июня. Приехала Глебова с Михаилом Львовичем. Вчера приехала к Л. Н-чу Э. Р. Стамо, остановилась в деревне. К ней Л. Н. заходил два раза, а также Николай Николаевич, Николаевы и я.

К Л. Н. после обеда подошел Молоствов. Л. Н. сидел со своими сватьями: Зубовой и Глебовой. Он держится с ними по-старинному, очень почтительно и любезно.

Михаил Львович и М. А. Кузминский играли русские песни. За обедом было множество народу, я сидел у Молоствова и разговорился с ним. Он рассказывал про мать Л. Н. Он сегодня получил от Л. Н. ее и Николая Ильича письма и их читал. Говорил, что она была удивительная личность, все мысли Л. Н. уже были в зародыше у нее: что муж и жена должны жить духовной жизнью, мысли о воспитании детей, что «политика — гадость». Замечательные родители! Молоствов всю свою работу по биографии Толстого основал на родителях, ведет ее с родителей. Отец Л. Н-ча был очень размашистый, мечтательный. Любил все: историю, естественные науки, математику. Был неуравновешен, ни на чем не мог остановиться. Был фрондер, не любил казенщину, чиновников, фальшь. Молоствов о своей и Сергеенко биографии Л. Н.: его материал книжный, литературный, а у Сергеенко — иллюстрационный. Литературный материал, который дал Сергеенко, весь находится у Бирюкова или же относится к позднейшим годам, после 1870 г. Он прежде всего относится критически к материалу, выбирает один неопровержимый.

Л. Н. о бессарабских патриотах и о Стамо. Потом об ухудшившемся после революции положении русского народа, о судах.

Л. Н.: Давыдов говорил, что нигде не видел таких вежливых судей, как военных, когда приговаривают человека к смерти.

13 июня, утром, между нищими был слепой. Я проходил как раз в то время, когда Л. Н. разговаривал с ним: «Что, брат?» — обращаясь к нему.

Вечером шахматы с Молоствовым. С 8.30 в кабинете с Стамо, потом винт, потом в гостиной с Молоствовым, который задавал Л. Н. вопросы по биографии. Туда же зашли Николай Николаевич, Стамо, позже и я.

Когда Молоствов спрашивал про друзей-литераторов 60-х годов, Л. Н. сказал:

— На *ты* я был с одним Островским, который был мне ближе своим русским складом жизни, серьезностью.

И Л. Н. рассказал, как он, Л. Н., написал комедию «Зараженное семейство» (это была насмешка над нигилизмом).

— Мне хотелось скорее ее напечатать. «А что, ты боишься, что поумнеют?» — сказал мне Островский. Такое остроумие!

И Л. Н. сказал:

— Какой хороший совет это был! — и пошутил, что по нему следовало бы поступить на днях, когда поторопился послать Черткову статью о смертных казнях.

Молоствов спросил Л. Н., как относился к критикам.

Л. Н.: Критиков я, как всегда, не любил.

Молоствов: Михайловского знали?

Л. Н.: Знал.

Молоствов: На вас он не произвел впечатления?

Л. Н. поддакнул, кивнув головой:

— Как все критики. Читаю «Герцена» Чешихина-Ветринского; как начинаю читать Белинского (цитаты из него в этой книге) — пропускаю: скука. А Герцен брызжет.

Молоствов спросил про П. М. Леонтьева.

Л. Н.: Леонтьев и Катков были в «Русском вестнике». Я с Леонтьевым был знаком. Он был умный. А Катков — бестолковый; бывший друг Герцена сделался тем, что теперь называют черносотенцем. Леонтьев был чуток к художественному.

Молоствов спросил о Панаеве.

Л. Н.: Панаева я знал вскользь, это был легкомысленный человек.

Молоствов спросил о Некрасове.

Л. Н.: А Некрасов мне нравился. «Если сделаете вызов Тургеневу, то вы прежде со мной стреляйтесь»,— сказал мне Некрасов. Не помню, по какому поводу между мной и Тургеневым вышло недоразумение, ссора, а он потом принял участие. Об этом Сергеенко знает. Недавно писал (в мае, в «Русском слове») [1]. Некрасов был очень сильный человек, жестокий, холодный. Говорил: «Я знаю, как играть».

И Л. Н. рассказал, как Некрасов в карты играл. (На это Молоствов первый намекнул, как Некрасов в карты играл.)

— Человек был очень нравственно невысокий. Нравился — характер цельный, но несимпатичный. Дружинин был милый человек. Тургенев — я его всегда любил. Эх, какой глупый я был (что хотел стреляться с Тургеневым)! Это вспоминаешь! Он (Тургенев) был добрый. Но он не был самобытный. Островский, я его помню, я его за то выбрал (и предложил ему на *ты*), что он был самостоятельный, простой, и жена его простая. Достоевский? Я его не знал.

— Он ехал к вам, но не доехал,— сказал Молоствов.

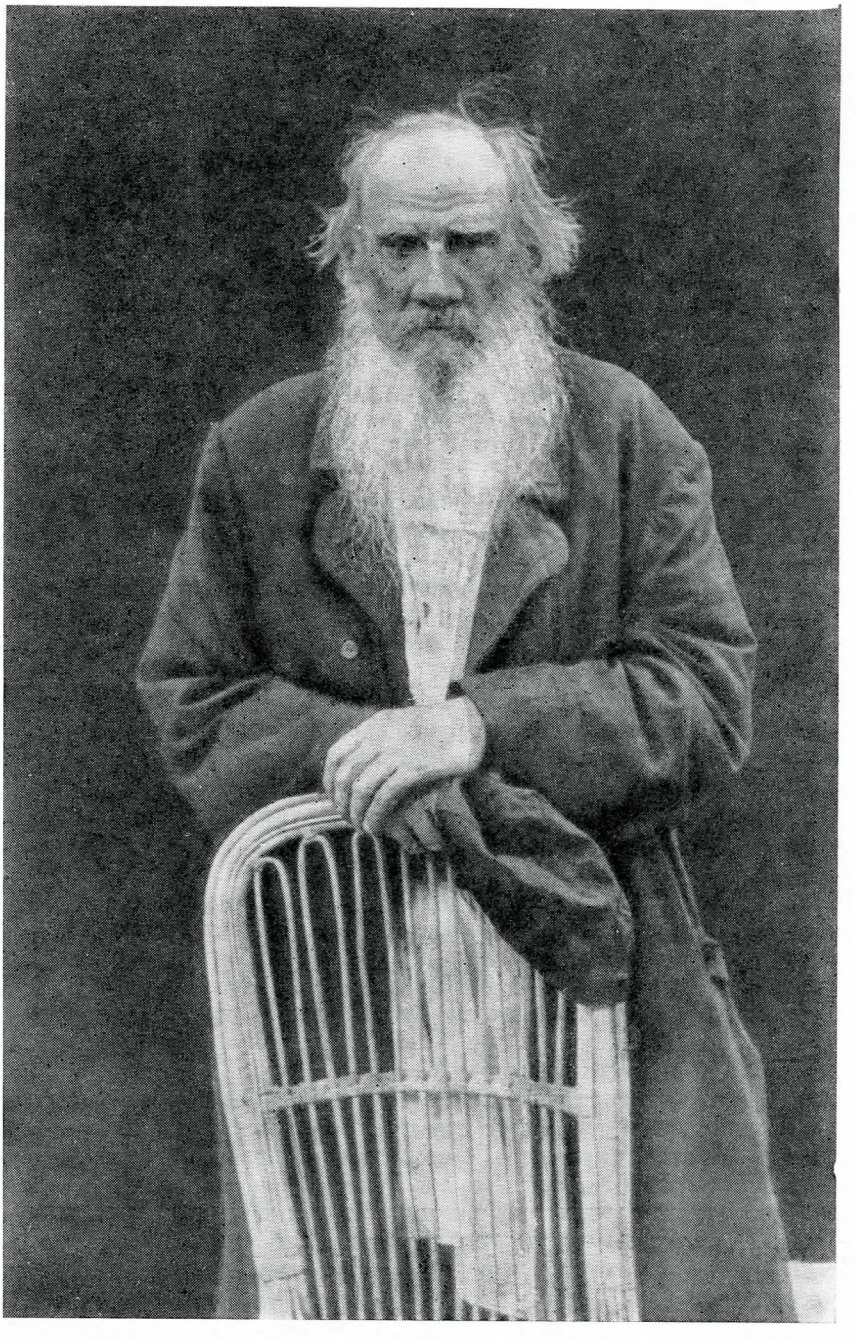
Л. Н.: Большой человек, его ценю. В его произведениях он вначале все скажет, потом размазывает — может быть, вследствие его болезни.

Потом Молоствов стал спрашивать Л. Н. про братьев.

Л. Н.: Для меня лучше всех был Сергей, он мне больше всех моего отца напоминает. Сергей был, в сущности, красив, но скромен. Если бы ему об этом сказали, он не знал бы, куда деться. Он не выдвигал никаких вопросов (каких у него не было), никакой фальши в нем не было. Любил цыган.

О брате Дмитрии Л. Н. говорил, что он был девственник:

— Мы этого не понимали. Подтрунивали над ним. Его совратил дед моей жены Исленьев, слабый, распутный человек. Брат пал с женщиной самого низкого поведения, и он это считал браком и жил с ней.



ТОЛСТОЙ

Ясная Поляна, 7 июля 1908 г.

Фотография К. К. Буллы

«Были фотографы от «Нового времени»: Булла с сыном. Снимали Л. Н. одного и с другими, многократно».— Запись от 7 июля 1908 г.

Молоствов еще что-то спросил.

— Все это вы лучше меня знаете, так что меня вам нечего спрашивать,— закончил Л. Н., обращаясь к Молоствову.

Л. Н.: А у Филарета я был (этого, оказалось, Молоствов не знал).

Л. Н. рассказал, что перед Севастополем тетка его А. А. Горчакова, когда он к ней заехал, сказала: «Непременно заезжай к Филарету».

— Он очень ласково со мной говорил. Разговор был какой-то серьезный, и потом меня благословил и подарил мне образок финифтяный. У Софьи Андреевны он есть. Анна Александровна нашла это особенной милостью: «Моих сыновей не благословил, а тебя благословил» [2].

Л. Н. пожаловался на изжогу, встал и, прощаясь, пригласил Молоствова еще заехать. Молоствов едет в Шамордино к Марии Николаевне, и Л. Н. сказал Стамо, что с ней еще не прощается:

— Еще увидимся (наверно, утром).

Л. Н. сегодня должен был переутомиться, со столькими говорил: Стамо, Николаева, Гольденвейзеры, Глебова, Молоствов, прохожие, посетители, родные...

14 июня. Уехали графиня Зубова, мисс Гентш с Сережей. За обедом Л. Н. о книге Ветринского «Герцен»:

— Какая превосходная книга, такое дает живое понятие о нем.

Л. Н. рассказывал между прочим о жене Герцена (как увез ее Гервег, поэт, друг Герцена) [1], о ее письмах:

— Совсем язык Герцена, но только без этой его талантливости.

Дальше говорил о книге:

— В этой книге виднее, чем в сочинениях Герцена, как он увлекался революцией и постепенно разочаровывался в ней. Эта правдивость его, требование чего-то другого, и не робеет перед тем, что ему неясно. Революция 1848 года ужасно похожа на нашу революцию, только там вышел Наполеон, а у нас — старый царь. Те же расстреливания, баррикады, народное собрание, в котором между 700 членами оказалось 500 консерваторов.

Л. Н. читал тульскую почту. Вышел в 11. Ходил по комнате, не садился. Пожаловался Сергею Львовичу, как устал сегодня:

— Уехать бы куда-нибудь от посетителей и писем. Утром был тот, плачущий, потом еврей. Теперь, вечером, двое «умственных». Потом письма, посылают литературные произведения, мне их читать и отвечать. (Кроме рукописных статей и стихов, некто В. прислал «Русскую мысль», где его статья, обратной бандеролью; Л. Н., как только видит ответные марки, считает себя обязанным отвечать.)

Потом Сергей Львович заговорил о Герцене, о его дочери — она пишет, сколько посетителей бывало у ее отца (в Париже накрывали для 20-ти) [2], и Сергей Львович сказал, что Герцену было, наверно, тяжелее с ними, чем Л. Н. Потом Л. Н. вспомнил свое впечатление о Герцене при личной встрече: впечатление от лица, такого живого.

— А как трогателен роман его. Эта жена его, которая ушла с поэтом, и потом поэт ее бросил, и она вернулась к мужу, и он принял ее назад. Это чудесная черта.

Л. Н. поручил мне собирать «The Vedic Magazine» — индусский браминский журнал. Интересен.

Я, Душан Петрович, сегодня был у Николаевых. Сергей Дмитриевич поправлял сверстанную корректуру «Учения Христа для детей». Иван Иванович не хотел утомлять Л. Н., оно осталось бы так. Сергей Дмитриевич нашел несколько ошибок, о которых считает нужным поговорить с Л. Н. Сергей Дмитриевич помогал поправлять «Соединение и перевод четырех Евангелий»; без его большого труда, находчивости, указаний Л. Н-чу не было бы так поправлено, как оно есть. Л. Н. ввиду трудности и недостатка времени совсем не поправлял бы его.

Я, Душан Петрович, был у Стамо. Она возражает Л. Н-чу, повторяя нападки, слышанные от иных, что не отдал землю мужикам и что живет в достатке. А толстовцев упрекают, что они живут сами по себе, не влияют на крестьян, среди которых живут. Например, Николаевы делают работу, которую бы могла сделать прислуга вместо того, чтобы поучать народ, как лучше пахать, лучше избы строить. Я на это возразил, что Л. Н. воздает дань книжному веку; писаниями разъясняет человечеству заблуждения.

Л. Н. сказал молодому писателю, хотевшему писать его биографию:

— Вам нечего обо мне писать, вы молоды, вы меня не поймете.

Л. Н. отсоветовал Сереже Булыгину, когда он хотел бойкотом рабочих привести отца к тому, чтобы отдал землю крестьянам:

— Если он чего не делает, то не хватает у него сил на это. Но он искренний вполне человек.

Через день-два приехал Булыгин и говорил с Л. Н. по этому поводу.

Булыгин: Я не против того, когда несправедливость возмущает сыновей.

Л. Н.: Как же, нет! Это осуждение других. Стало быть, я хорош, мне себя нечего исправлять.

15 июня. Л. Н. ездил верхом через Горелую Поляну. Спускаясь к речке, лошадь до половины груди ушла в воду. Мосты снесены паводком.

Сегодня уехала Стамо. Вечером были Алексеев из «Посредника» и С. Д. Николаев с поправленной корректурой «Учения Христа для детей».

Л. Н.: Главное значение общины — что нельзя признать землю собственностью.

Л. Н. сегодня усталый.

16 июня. Вчера Н. Н. Гусев говорил, что уже четвертый день нет почты из-за повреждений железнодорожных мостов паводком.

Л. Н. это только приятно: нет писем, газет.

— Нельзя ли так сделать, чтобы это всегда так было? — сказал Л. Н.

Сегодня почта получена из Засеки. Л. Н. с 7 до 10 вечера читал письма (38). Между прочим от Варнавского, Куртыша, Иконникова, Леонида Семенова. Трое первых сидят за отказ *. Одно письмо получил, в котором возражают против непротивления злу. Л. Н. это кстати, хочет разобрать эти возражения и написать о них в новой главе ко «Всему бывает конец» [1]. Этой же почтой — какое совпадение! — получил английский листок о непротивлении по Гаррисону. Начинается с рассказа об индусе, узнавшем об учении Иисуса и приехавшем в Лондон, изумившись тому, как оно на деле проводится.

В Ясенках стали принимать заграничные телеграммы.

Вечером Л. Д. Николаева говорила между прочим о том, что они, не имея прислуги, сделались прислугой своих детей; что этого не должно быть; что старших мальчиков так же следует приучать няньчить меньших детей, как старших девочек. Лариса Дмитриевна нервная. Л. Н. третьего дня вслед Сергею Дмитриевичу:

— Скажите Ларе, чтобы болеть не смела.

Лариса Дмитриевна жаловалась, что при такой занятости детьми некогда ни думать, ни читать.

Л. Н.: Закон жить в любви со всеми тем и хорош, что его всегда можно исполнять: и когда некогда, и с больной печенью.

17 июня. У Л. Н. голова болит. Днем и больше вечером, утром — ничего. Помогает массаж хлороформовым маслом; очевидно, невралгия.

Вечером Софья Андреевна сбегала вниз за чайным печеньем.

Л. Н.: Бабушка сидела в вольтеровском кресле, мы ходили с трепетом, мы говорили ей *вы*, а тут бабушка летает.

За чаем Л. Н. предложил померяться силою в руках: «Кто кого пере-

---

* Варнавский и Куртыш впоследствии умерли в тюрьмах.

гнет?» Схватываются ладонями одной руки и, опираясь локтями о стол, стараются пригнуть руку противника к столу. Л. Н. перегнул руку Анны Ильиничны и Александры Львовны. Сергей Львович же — Л. Н-ча. Потом на одной ноге опуститься к земле и так же встать. Л. Н. пробовал, но не мог, и другие не могли. Потом с мальчиками Ильи Львовича подымал гири, свой бронзовый бюст. Потом пляска.

Л. Н. прислали «Московский сборник» Победоносцева [1]. И грек Pol Arcas прислал свою книгу «Les deux Testaments», посвященную Л. Н., во французском переводе [2]. Л. Н. дал мне просмотреть ее.

Л. Н.: Дочитываю «Герцена»: польское восстание, «Колокол» перестает иметь прежнее значение, Герцен путешествует. Ему под 60 лет, начинают бродить серьезные мысли. Верно описывает полное одиночество путешественника где-нибудь в Италии, в гостинице. Я это испытывал. В России (дома) такого одиночества нет.

— Чешихин (Ветринский, автор книги «Герцен») — социалист. Он с точки зрения социализма пишет, но добросовестно,— сказал Л. Н.

18 июня. Уехала Анна Ильинична с двумя братьями. Под вечер приехал М. В. Булыгин. Говорил об ужасном наводнении от Карамышева до Хатунки. Речка разлилась на версту. Снесло железнодорожную насыпь, мельницы, мосты, стада; погибли люди. У него снесло пасеку — больше 100 ульев, как ему жаль пчел! Потом рассказал, что его сын Сережа читает Евангелие и хочет быть таким, как Франциск Ассизский. А по мнению отца, он сумасшедший.

Булыгин рассказал Л. Н., как спокойно умирала на днях его 60-летняя сестра; простилась со всеми, просила их идти спать, священника поблагодарила за причащение и молитву, потом заснула, все реже и реже дышала — и умерла.

Разговор об умирании.

Л. Н.: Так мне — это совсем не парадокс — представляется, что смерть есть пробуждение. При смерти совершается то же, что при пробуждении.

Александре Львовне сегодня сравнялось 24 года. Ее поздравляли за обедом. Когда Л. Н. узнал о дне ее рождения, сказал ей:

— Я рад, что это случилось.

Александра Львовна от радости, а может быть стыда, вся покраснела.

Л. Н. получил от Веригина письмо, что канадские духоборы купили в Британской Колумбии у гор Нельсона в устье реки, впадающей в реку Колумбия, 2 700 акров земли под огород, сад и луга и намерены постепенно, в пять-шесть лет, туда переселиться. Кроме того, приобретают для не пользующихся скотом еще участок в более теплом климате [1].

Л. Н. рассказал сон, который видел ночью,— о трех сосланных в Казань повстанцах-поляках: Росоловском — высокий, в очках, мрачный, настоящий революционер; Бржозовском и Ячевском — молодчина, лихой — аристократы. Губернатор их звал к себе как гостей.

Л. Н. (*о сне*): Охота, выстрел, проснешься — а это стук в окно. Я думаю, что вся эта история создалась в тот момент, когда постучали.

Л. Н. по поводу «Герцена» Ветринского:

— Бедный Герцен, как его затравили революционеры за то, что он отстал. В этой книге слова самого Нечаева и Нечаевым написанное определение революционера. Страшное, ужасное.— И Л. Н. прочел его вслух. (Разрешение уничтожать все [2].)

— Бакунин сочувствовал Нечаеву,— сказал Л. Н.

Сергей Львович вспомнил, что слышал от Бутурлина, который сам был нечаевцем, о Нечаеве, что он был неприятный. В Петровско-Разумовской академии, в кружке нечаевцев был Иванов, который ревновал Нечаева, соперничал с ним; Нечаев его убил «за шпионство» (неизвестно, был ли шпион). В «Бесах» Достоевский описывает Нечаева и нечаевцев.

ТОЛСТОЙ В КРУГУ РОДНЫХ И ЗНАКОМЫХ ЗА ИГРОЙ В ШАХМАТЫ С ЗЯТЕМ М. С. СУХОТИНЫМ

Слева направо: Толстой, Т. Л. Сухотина с дочерью Михаила Львовича — Таней на руках, Ю. И. Игумнова, А. Б. Гольденвейзер, С. А. Толстая, сын Михаила Львовича — Ваня, М. С. Сухотин, М. Л. и А. Л. Толстые

Ясная Поляна, 8 июля 1908 г.

Фотография К. К. Буллы

Л. Н. (*опять о Герцене*): Герцен — удивительный в художественном смысле. Я другого такого не знаю. Остроумие, небрежность (т. е. отрывочен), блеск.

Сегодня Софья Андреевна делала расправу со служащими из-за увезенных дров и очень волновалась. Л. Н. успокаивал и усовещивал ее.

Вчера приехал на шарабане священник Троицкий из Тулы, посещающий Л. Н. много лет. Тихий, мягкий старичок. Почему он приезжает — загадка. Предполагают, что по поручению высшей церковной власти, которая хочет быть в курсе того, каково здоровье Л. Н., телесные силы и духовные взгляды. Сергей Львович не скрыл неприязни к его посещениям и с укором в голосе спросил его, зачем приезжает. Священник ответил, что из-за личной привязанности к Л. Н.: «Я его жалею». (По здешнему диалекту — люблю.)

Уехал Сергей Львович с Марией Николаевной. Вечером вернулся из Шамордина Молоствов. Л. Н. радовался его приходу, что услышит вести о сестре. Вечером приехали в Козловку на дачу Чертковы.

19 июня. У Л. Н. болит голова так сильно, сильнее вчерашнего. Не выходит гулять. Озноб. За обедом Л. Н. говорил о погоде, что холодная, рожь еще только начинает цвесть. Сказал, что получил письмо Моода с вопросами биографическими. Л. Н. хочет продиктовать ответ Александре Львовне [1].

Разговор о биографиях: Софьи Андреевны, Бирюкова, Молоствова, Моода.

Л. Н.: Биографию писать трудно, требует художественного дарования, надо заглянуть в душу того человека.

Потом Л. Н. говорил о том, что биограф пользуется часто случайными сведениями и их выставляет и рисует (на них зиждет свое представление о человеке).

Софья Андреевна: Молоствов, основываясь на трех-четырех письмах отца Л. Н., описывает его и думает, что схватил его характер.

Л. Н.: Бирюков пишет лучше, он ближе мне по мировоззрению. Молоствов мне чуждый.

Л. Н. читал конец «Герцена»:

— Напишу Чешихину [2].

Сначала Л. Н. хвалил его книгу.

— Однако к концу он плох,— сказал Л. Н.— Он поверхностен. Он социалист и Герцена таким выставляет. А Герцен был глубже, чем социалист.

20 июня. Утром приехал В. Г. Чертков. Пополудни я спрашивал Л. Н. о здоровье. Ответив, спросил меня, куда я вчера вечером ездил. Л. Н. обыкновенно перебивает мои расспросы, чтобы прекратить медицинские разговоры.

Л. Н. не гулял, спал с 3 до 6. За обедом он спросил:

— Что нового в газетах? (Он их неделю не читал.)

Молоствов ответил, что ничего, одни смертные казни каждый день.

Гольденвейзер рассказал про политические события в Персии [1].

Л. Н. спрашивал, есть ли в меджилисе партии за шаха и против шаха, и эти события ему интересны.

Л. Н. просматривал почту; журнал «Review of Religions» из Пенджаба.

Л. Н.: Я несколько дней пишу письмо индусу. Они (индусы, часть их) усвоили идеалы европейские — газеты, желание своего парламента. Это жалко. Неужели все идеалы должны быть в усвоении либерализма?

Софья Андреевна: Где их держатся, в Западной Европе, там упорядочили свою жизнь.

Л. Н.: Очень хорошо упорядочили свою жизнь! В Англии устроена башня, где казнят усовершенствованным способом. Потом выставляют флаг, по которому публика узнает, что казнь совершена, и аплодируют.

Софья Андреевна сказала, что она верит своим детям («Таня такая умница и никогда не врет»), когда они рассказывают о Швеции, Швейцарии,— там воровства нет.

Л. Н.: Я только привел образец. Там кипит ненависть пролетариата против богатых. Это хорошо тем людям, которые, как говорит Пушкин, привели свои дела в порядок или которые привыкли к беспорядку своих дел.

Шахматы с Гольденвейзером. О

Вечером Л. Н. читал «Новое время» и спросил Гольденвейзера, что такое Всероссийский союз [2]. Гольденвейзер объяснил, что это дело Меньшикова и Пуришкевича. Потом Л. Н. позвал меня в кабинет и расспрашивал о Македонии, Болгарии, об Аннаме, Тонкине.

— Как вы это все помните, я вам завидую,— сказал он.

Придя в залу, Л. Н. стал говорить о том, как теперь во всем мире (в России поляки, прибалтийские, финляндцы, кавказские народы, английская Индия, французский Тонкин и т. д.), захваченные чужими государствами, желают освободиться: «Дайте нам жить, как мы хотим».

— После бесчисленных насилий, совершив захват, когда народ после одного — шести лет шевельнется, это считается бунтом, и забыто, что над ним совершено так недавно насилие и что оно продолжается.

Присутствовали Молоствов, Николаев.

Разговор Л. Н. с Николаем Николаевичем о чудесах. Л. Н. вспоминал восточную легенду про пастуха из победоносцевского «Московского сборника» и рассказал ее [3].

— Я нахожу, что это хорошо,— сказал Л. Н.,— нам трудно перенестись в тех людей, в которых только брезжится свет. Моя сестра — как этот пастух. Что по ее духовным силам, больше она не может. Я прежде был строг в этом отношении, теперь — менее.

Л. Н.: Как раз читаю материал биографический о Пушкине Анненкова: очень хорош. Очень интересен потому, что Анненков в своих работах пользовался материалом, тогда для печати недоступным. И его (Пушкина) письма к брату Левушке, его отношения с отцом интересны. Это такой блеск остроумия, полнота здравого смысла.

Л. Н. припомнил с похвалой свойство Пушкина: ценить писателей — своих современников.

Николай Николаевич сказал, что если бы Пушкин дольше пожил, у него последовал бы религиозно-нравственный кризис, он уже наступал.

Л. Н.: Это один из тех людей, которые растут, подымутся и остановятся. Признание героев, которое у него было, «великая жена» * — это все бы улетело. (О дуэли — как идея дуэли тогда была сильна.) Теперь не то... Очень хорошо устроено богом, что человек 80 лет проживает, а 100 не может. Что бы делалось в голове человека!

Молоствов спросил Л. Н., существует ли ответ Хомякова на его, Л. Н-ча, речь, в каком-то московском обществе [4]. Л. Н. не вспомнил. Молоствов сказал, что его, Л. Н-ча, речи нет.

Л. Н. (*со смехом*): Потери большой нет.

Разговор о речах, о последней, четырехчасовой Пуришкевича.

Л. Н.: Совершенно это бесполезно, если долго говорить. Всякую речь можно свести на короткую, только нужно очень много поработать, чтобы коротко сказать.

Молоствов спросил:

— Привьется ли парламент в России? Во мне такое чувство, что в России не может привиться.

Л. Н.: Кто его знает... Теперь очевидно, что парламент никак не может достигнуть тех целей, какие себе ставит: усовершенствование правительства посредством парламента. Никак его не усовершенствуют.

Уехал Молоствов с художником-фотографом. Поехал в Казань снимать дома, где жил Л. Н.

21 июня. Приехал Владимир Григорьевич. Спал; читал дневник Л. Н-ча. После обеда играл в шахматы с Л. Н.

За обедом разговор об Орлове-художнике.

Л. Н.: Эта курская дама, знакомая Надежды Павловны, хорошо делает, что требует от него веселой картины (из жизни русского народа). А эти (которые в кабинете у Л. Н.) — грустные, обличительные.

Владимир Григорьевич: Он единственный из русских художников, который поддерживает идейные традиции.

Л. Н. говорил, что придумывает ему предисловие (к альбому его картин) и считает, что придумал [1].

Л. Н. рассказал про письмо Веригина.

Л. Н. заговорил с любовью о свободниках (не хотящих порабощать скотину) и по этому поводу рассказал, что Магометом предписано жалеть скотину, когда устанет; дать ей отдохнуть.

С этого перешел на последний номер «Review of Religions» — индийского магометанского журнала («очень низменного» — по отзыву Л. Н.). Там длинная статья о том, как поступать с женщинами-отступницами. В Индии женщины, отступающие от Ислама, перестают быть женами — разрывают брак. Есть и такое предписание в Коране, чтоб отступников убивать.

---

* Эпитет, прилагавшийся поэтами к Екатерине II.

Разговор перешел на индийские дела. Л. Н. о религиозных брамин-ских журналах и о письмах, которые получил от индусов.

Чертков говорил про бомбы, которыми, по русскому революционному способу, индусы орудовали против англичан месяца полтора тому назад, и про брошюру (о ней читал отзыв в «Daily News»), которая призывает на путь к богу. Чертков хочет достать эту брошюру.

Л. Н. сожалел, что индусы, глубоко религиозные брамины, хотят сделаться англичанами. Потом разговорился о Свами Вивекананде и о его статье о Кришне. Кришна иногда велит платить добром за зло, а иногда убивает делающего зло и потом воскрешает его и делает его жизнерадост-ным (и Л. Н. объяснил это в том смысле, что это смягчение наказания, что это ведет к тому же закону отплаты добром за зло).

Чертков спросил о «Круге чтения», новом и для детей. Л. Н. сказал, что мало работы нужно для окончательной обработки:

— Если бы я умер, могли бы быть напечатаны, в таком они положении.

Л. Н. удивлялся, как «Круг чтения» мало читается. Он думал, что эта книга станет широкому кругу читателей так дорога, ежедневно нужна, как ему.

Чертков предполагает, что сытинское издание больше распространится особенно потому, что появляется и отдельными месяцами-выпусками.

Александра Львовна подразнила Николая Николаевича «кисляем», как Петров назвал толстовцев в фельетоне, где описывал посещение Ясной Поляны [2]. Чертков сказал, что Петров был популярен из-за того, что был священником.

Софья Андреевна сказала о нем, что в нем ничего священнического нет, что он просто ловкий журналист, и продолжала говорить, как легко писать, и что она поправляет теперь один из своих двух романов [3].

Л. Н. еще по поводу Петрова:

— Эх, писательство! Это делает людская слава.

Гусев (*Софье Андреевне*): Тургенев говорил, что ему писать очень трудно, что это — рожать.

22 июня. Л. Н. не выходил, нездоровится. Читал Пушкина.

23 июня. Л. Н. все пишет «Всему бывает конец». Теперь называется «Закон насилия и закон любви». Вчера так переработал, что из прежней статьи остались одни воспоминания. Писем мало пишет, читает Пушкина. Дочел Ветринского «Герцен» и книгу Демчинского «Россия в Маньчжурии» [1]. Это интересовало его.

Об А. К. Чертковой. Л. Н. — что она похудела, о Владимире Григорьевиче, что он красив стал.

— И спокоен,— добавил Гусев.

Вечером шахматы. Гольденвейзер играл Шопена, Моцарта. Владимир Григорьевич списывал записную карманную книжку Л. Н. из отдельных листков.

Софья Андреевна говорила, что больше всего расходятся «Детство», «Отрочество», «Война и мир», «Казаки» и «Анна Каренина». Меньше всего — педагогические статьи.

Л. Н. хочет послать «Смертную казнь» Л. Семенова в «Вестник Европы» [2].

Л. Н. о Василии 〈?〉 — крестьянине, у которого живет Семенов:

— Он понимает и любит мировоззрение Семенова и ничего не требует ни от кого.

Л. Н. рассказывал и читал вслух некоторые воспоминания (анекдоты) Пушкина.

24 июня. Л. Н. с 2 до 7 утра не спал, голова болела, стонал. В 4 входила к нему Юлия Ивановна. От 4 до 7 я был в соседней комнате. Днем не выходил. С 3 часов дня Чертков у него. Списывал дневник. У Владимира

Григорьевича начинается возбужденное, суетливое состояние. Вечером шахматы. За обедом Л. Н. говорил, что, когда Юлия Ивановна вошла спросить его, почему охает, он притворился спящим и сказал ей, что ему неприятно, что она беспокоит себя из-за него, но что, в сущности, ему была приятна помощь.

Вечером Л. Н. читал газеты, Пушкина и письма. С 10 до 10.30 слушал чтение. Софья Андреевна читала вслух «Несчастную». Читала полчаса. Л. Н., кажется, не слушал, глаза закрыл и дремал в кресле у дверей гостиной и потом остановил дальнейшее чтение.

Софья Андреевна была в Москве, и Маслов посоветовал ей прочесть «Несчастную», утверждая, что это лучшее произведение Тургенева. После Л. Н. ушел к себе, и я массировал ему голову. Л. Н. сказал, что это ему было приятно, спрашивал про моего отца, который старше Л. Н. на четыре года. Когда я сказал, что он забыл, что болел и что я был у него в прошлом году, Л. Н. сказал:

— Это хорошо. С нами, стариками, это так. У Свами Вивекананды читал: к пустыннику пришли и говорили ему про его жену. Он спросил: «Кто такое моя жена? Забыл». Ему объяснили, что это его жена. Кто такое Лев Николаевич? Забыть про свое *я*. Это идеал — стараться забыть.

Потом Л. Н. спросил:

— С каких пор вы с нами? И что нас вместе свело?

Я рассказал.

Л. Н. показалось, что я дольше у них, чем три с половиной года. Потом спросил, как я и Шкарван с ним и с Чертковым познакомились, и расспрашивал о Шкарване. Я ему передал письмо Шкарвана, которое сегодня получил в письме ко мне. В нем Шкарван объясняет, что не он не хочет иметь дела с Чертковым — просить статьи Л. Н-ча у Черткова для перевода на немецкий язык,— а Чертков с ним. Л. Н. сказал, что жалко, что возникло это недоразумение, непременно хочет поговорить с Чертковым [1].

Потом расспрашивал о жизни Шкарвана, о его жене. Я рассказал, что она ревнива.

— Но у нее ведь нет повода? — спросил Л. Н. со страхом и боязнью, что может разочароваться в Шкарване.

— Разумеется, что не может быть.

Л. Н.: У женщин это так. Ревность — это полуживотное состояние.

25 июня. Л. Н. спал хорошо, голова болит меньше, не выходил. Днем был Герман Бернштейн, американизированный германский еврей 30 лет, писатель-беллетрист, сотрудник «New York Times», симпатичный. Был у Л. Н. два раза в кабинете, при нем записывал. В яснополянской библиотеке имеются его два романа: «The Contrite Hearts», «The Gates of Israel» [1]. Он интервьюирует шесть человек: Л. Н., Репина, Витте, Милюкова, Максима Ковалевского, Лопухина.

За обедом Чертков, Гольденвейзер. Шахматы с Гольденвейзером. Владимир Григорьевич спросил, над чем Л. Н. работал. Л. Н. ответил, что писал предисловие к альбому картин Орлова, но еще ничего из этого не вышло. Л. Н. хотел что-то сказать Бернштейну, но остановился.

— Без вас,— сказал он Черткову,— я по-английски так и разливаюсь, а при вас — нет.

Владимир Григорьевич: Почему это?

Л. Н.: Потому что англичанин делает уступки, русский — нет.

Л. Н.: Мне приятно думать, что могут оказать пользу тем людям, которые только по-английски могут читать.

Л. Н. спрашивал Бернштейна:

— А что «New York Times», у него много подписчиков? Кто у вас будет президентом, кто выиграет?

Бернштейн: Я думаю, Тафт выиграет.

Л. Н.: Брайан мне очень понравился.

Софья Андреевна вспомнила про вчерашнее чтение «Несчастной».

Она дочла до конца и находит, что это не самое лучшее произведение Тургенева.

Л. Н.: Я говорил с Бернштейном о литературе. После Пушкина, Достоевского (и потом, как бы поправляясь), после Достоевского, Островского — ничего нет. Еще Чехов, который мил, но бессодержателен. А потом пошла самоуверенная чепуха.

Вечером Л. Н. читал «Пиковую даму». Придя в залу, был в восторге от нее, назвал ее шедевром, мастерски написанной.

— Следовало бы ее прочесть вслух. И просто и... Я жалею, что давно не перечитывал Пушкина. (Теперь читает его с неделю.)

Вечером приехали Андрей Львович с Екатериной Васильевной на два часа. Л. Н. с головной болью и слаб, уставши от трех разговоров, одного по-английски (Бернштейн тут же записывал), от Гольденвейзера, от Черткова. Л. Н. мало выходил. Сидел у себя.

По поводу вопросов, которые ему задавал Бернштейн, Л. Н. сказал:

— Иностранные корреспонденты умеют прямо ставить вопросы, а на прямой вопрос приятно отвечать.

Вечером поссорились Софья Андреевна с Александрой Львовной. Л. Н. уместно сказал, в чем Софья Андреевна ошибалась. Александра Львовна ушла, огорченная укорами матери. Л. Н. подозвал Варвару Михайловну и сказал ей, чтоб она пошла за Сашей попросить, чтобы она сдерживалась, подавила в себе гнев.

— Хорошо б, если б у меня сейчас заболела голова, я бы промолчал и мне бы хорошо стало на душе. У нее (Александры Львовны) был такой случай поступить хорошо, она не удержалась, а теперь ей неспокойно на душе.

Л. Н. в следующую ночь так и поступил. У него были сильные головные боли, он просидел полтора часа — протерпел, не звал никого. Еще Л. Н. говорил, как бы укоряя себя, про вчерашнее свое страдание (головную боль ночью), что он не находил удовольствия в страдании.

Софья Андреевна осуждала Александру Львовну за то, что она груба с ней. Андрей Львович ей тактично выговаривал, что Александра Львовна не такая. И говорил про своего тестя, как он осторожен в отзывах о людях. «Это надо пуд соли съесть, пока его узнаешь» — его поговорка.

Л. Н.: Это русская поговорка. «Сто пудов соли съешь и другого не узнаешь». Другого нельзя узнать. Себя можно.

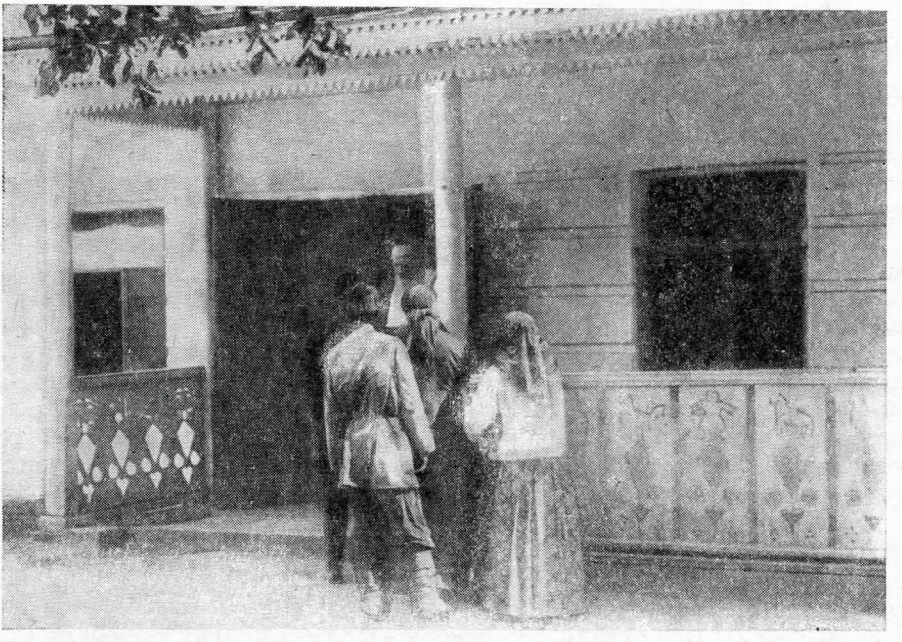
Софья Андреевна: А ты третьего дня сказал мне, когда я говорила, что я себя знаю, что себя знать нельзя.

26 июня. У Л. Н. ночью болела голова. Полтора часа просидел. Днем не выходил. Днем кончил вчера начатое предисловие к картинам Орлова.

За обедом Чертковы, отец и сын. Л. Н. говорил, что он посмотрел сегодня приложение к «Биржевым ведомостям»: книжку об оккультизме. И она объяснила ему, почему к нему в последнее время обращались с вопросами об оккультизме. Жалеет, что «Биржевые ведомости» распространяют такие книги.

— Это меня так удивило, что человек, который еле коснулся образования, вдруг спрашивает: «Что вы думаете об оккультизме»,— сказал Л. Н. — Но, к сожалению, выбор очень плохой. Мне понравился прием популяризации. Наряду с плохими книгами и хорошие книги о философии расходятся в народе.

Л. Н. говорил, что получил письмо от С. Т. Семенова, неприятное, с задором написанное, о том, что Сергеенко напечатал письма, какие получает Л. Н., хотя анонимно. «Непротивление — непротивлением, а кор-



ТОЛСТОЙ БЕСЕДУЕТ С КРЕСТЬЯНАМИ
Ясная Поляна, 7—8 июля 1908 г.
Фотография К. К. Буллы

ректность — корректностью»,— пишет С. Т. Семенов [1]. Л. Н. дальше сказал, что Чертков ему об этом говорил приблизительно так: «Как вы это допускаете печатать полученные письма? Мне жаловались, что вам нельзя писать, так как письма все читают». Л. Н. ему ответил: «Вы ведь меня поставили в такое положение, что письма, которые я разорвал бы, и черновики моих писем сохраняете».

Л. Н. пожалел Семенова, что выбился из крестьянской жизни, живет с частью своей семьи в Швейцарии; что ему, должно быть, тяжело держать себя интеллигентом в таком кругу.

— В лаптях, за сохой, куда лучше, жизнь для души,— сказал Л. Н.

Юлия Ивановна говорила Л. Н., что приедет Татьяна Львовна.

— Это будет праздник для меня,— сказал Л. Н.,— и спросил, с Танечкой ли и с Михаилом Сергеевичем? Когда же узнал, что теперь одна приедет, а с семейством осенью, перед отъездом за границу, подивился, что опять хотят за границу (не сочувствует этому), и еще более был удивлен, когда Юлия Ивановна сказала, что они предполагают проводить каждую зиму за границей.

У Л. Н. сегодня вид лучше, и хвалится, что мог работать, голова уже не так болит.

Вчера, в 10.45, пришел в залу с одним томом из трех томов Свами Вивекананды и сел к круглому столу и прочел одну довольно длинную мысль оттуда, но за чайным столом Софья Андреевна заговорила с кем-то о делах, и Л. Н. не продолжал.

— Превосходная книга, тут столько мыслей для «Круга чтения»,— сказал Л. Н.

В 12 часов, когда я ему гальванизировал голову, Л. Н. читал Вивекананду и подчеркивал. Вечером большая почта из Тулы. Часть писем дал прочесть Гусеву.

«Socialism is only one side of the idea of love» *,— прочел Л. Н. откуда-то и заметил:

— Основание его (социализма) материалистическое и экономическое. Это его слабая сторона, а основание настоящей любви — духовное.

27 июня. Л. Н. ночью просидел три четверти часа. Он докончил предисловие к картинам Орлова. Днем боли в голове постоянные, побаливает и стреляет иногда. Л. Н. сегодня выходил. Вечером читал Свами Вивекананду.

28 июня. Приехали Ю. Л. Оболенский с женой и сестрой — А. Л. Долинино-Иванской. С утра же сидит на скамейке под вязом костромской слепой, упрекает Л. Н., что он, как и все, только говорит о любви, но не живет так. Не уйдет, пока Л. Н. не покается в своих грехах. Обличал Л. Н. в роскошной жизни и внушал ему отдать землю крестьянам [1]. Л. Н. выходил к нему раза четыре, говорил с ним спокойно, но, вероятно, слепой был ему тяжел («религиозный фанатизм»,— слова Л. Н. о нем). Владимир Григорьевич укорял слепого в гордости, что незваный хочет учить людей. Пищи и питья не принял весь день никакой. Николаеву вечером удалось его увести. Слепой — под влиянием Апокалипсиса, знает его, у него память удивительная.

Л. Н. сегодня не работал, из-за головной ли боли, слабости, из-за слепого, гостей или всего вместе. Вечером сказал, что чувствует себя совершенно хорошо, много думается.

За обедом Л. Н. похвалил Черткову вчерашнюю игру прелюдий Шопена Гольденвейзером. Особенно понравилась ему вторая прелюдия. Чертков спросил, не слышал ли ее раньше.

Л. Н.: Слышал от Рубинштейна. Милый Чайковский пригласил меня в консерваторию, там был целый квартет, и Рубинштейн, Чайковский и я один.

— Вивекананда меня очень разочаровал,— сказал Л. Н.— Он пишет про чудеса, которые он видел и сам проделывал.

И Л. Н. рассказал про чудеса с фруктами, виноградом и другие чудеса, о которых пишет Вивекананда.

— Как это странно соединяется с глубиной мысли! — сказал Л. Н.

Л. Н. рассказал про полученное сегодня письмо казачьего офицера. Очевидно, порадовало его.

Вечером С. Д. Николаев говорил Л. Н. о плотниках крыльцовских и некоторых яснополянских крестьянах, читающих Евангелие, Бондарева и других, и что нужны им не подробности некоторых вопросов, а подъем религиозного сознания.

Л. Н.: Надо им сознание своей духовности, свободы от тела, от правительства.

Л. Н.: Полная голова стихов Пушкина. Ямбы западают, как музыка Шопена.

29 июня. Петров день. Л. Н. съездил к Чертковым в Козловку. Приехали теософки, знакомые Софьи Николаевны, почитающие Л. Н.: Унковская, Каменская — редакторша теософского журнала, Писарева — главная сотрудница. Мы сидели за столом, когда Л. Н. пришел. Софья Андреевна представила ему Унковскую как скрипачку и Каменскую и Писареву как теософок.

Л. Н.: Ай, ай, ай! — Потом спросил, сколько подписчиков.

— Четыреста; первый год.

Подавали блюда. Все три дамы оказались вегетарианками.

Л. Н. рассказал про полученное вчера письмо дамы, как забавляются в Петербурге: травят кошек фокстерьерами.

---

* «Социализм — это только одна сторона понятия любви» (*англ.*).

Унковская об игре на скрипке; желала бы, чтобы ей аккомпанировал Гольденвейзер.

Л. Н.: Он оригинальный, скромный, серьезный и во всем основательный.

Л. Н. заговорил о лете, какое красивое, какая листва, зелень, трава.

Ехали с Чертковым верхом на Горелую Поляну и на Козловку. На Горелой Поляне Чертков снимал его. Трава лошади по брюхо.

Потом Л. Н. спросил сидящую против него Каменскую:

— Что, вам индийские философы известны? Raya Yoga, это совсем по вашей части.

Каменская отвечала...

Л. Н.: Когда я эту чепуху (Raya Yoga) у Вивекананды читал, это мне совсем испортило впечатление Вивекананды. Когда он из-под кресла вытаскивал виноград...

Л. Н. спросил Каменскую, читала ли она Люси Малори. Каменская знала ее журнал только по названию.

Л. Н. высказался против «Таблиц времени для общения душ», которые печатаются на обложке каждого номера ее журнала.

Л. Н.: Очень замечательно мне было в статье интересное такое понимание вопросов духовных, какое редко можно читать в христианском мире.

Каменская про Анну Безант.

Л. Н.: Она мне не нравилась.

Каменская: Познакомьтесь с ее писаниями.

Л. Н.: Я читал, у нее есть мне чуждое. Мне кажется, что у нее есть преимущественно Raya Yoga.

Каменская утверждала, что у нее главное — этическое совершенствование:

— Ее лекции по психологии в нашем журнале, который мы привезли.

Л. Н.: Это самое важное.— И охотно согласился прочесть.— У меня осталось недоверие к ней, но, может быть, заблуждаюсь.

Писарева: Анна Безант совершенно не придает значения сверхъестественным вещам.

Л. Н. попросил Писареву:

— Трудно сказать, но если можете — скажите, в чем сущность ее взглядов.

Писарева рассказала и зашла в сверхъестественные объяснения.

Л. Н.: Ну вот! Это именно то самое, что меня отталкивает, это то, что может быть открыто особенным путем. Это свойство есть и у Вивекананды. Но то, что просто, ясно — у всех одно. Мне одинаково дорог ядреный мужик Эпиктет и тонкий Кант.

Писарева сказала в пользу какой-то книги издания «Посредника» (?), которую она перевела, что появилась во втором издании. Стало быть хороша, когда ее многие читают.

Л. Н.: Что многие читают — это самая дурная репутация.

Писарева: Ваши сочинения многие читают. Стало быть...

Л. Н. играл с Писаревой в шахматы, но бросили играть, разговорились о теософии. Меня отозвали. Когда я вернулся, Л. Н. говорил, возражая Писаревой:

— Мы живем в иллюзорном мире, жизнь есть все большее и большее пробуждение во мне и в нас божественного начала, духовного.

На возражение Писаревой в пользу материального Л. Н. сказал:

— Потому оно проявляется в теле, времени, потому условия времени и материального мира, пространства... Материальный мир, для чего это существует?.. Как можно знать, зачем существует мир... Я занят тем, как самым лучшим способом помогать друг другу и... и эта область бесконечная, область освобождения...

Л. Н.: Уж если меня что̀ пугает, то это родиться в дворце, а не в трущобе. Жизнь есть процесс освобождения духовного начала, того самого, которое есть в каторжнике и во всех. И на это наши усилия должны быть направлены, а не на то, что такое эфиры и что будет с нашими душами. И это самое важное сказано везде, одно и то же.

Писарева: Теософия есть самая чистая истина.

Л. Н.: Самая нечистая истина, когда они рассуждают о том, что никому нельзя знать, наблюдать душу в течение 1 000 лет, какое же это существо, которое может в продолжение 1 000 лет наблюдать за душой — это чепуха. (Л. Н. начал раздражаться.)

Весь разговор был спором. Говорили столько же теософки, сколько Л. Н. Он все возражал на их утверждения.

Пришла Софья Андреевна и заговорила об ином. Мне показалось, что нарочно. Показала с негодованием сегодня полученные «Биржевые ведомости» с статьей Тенеромо «Толстой о порнографии», где Тенеромо, по его обычаю, в уста Л. Н. вкладывает такие несвойственные ему речи, грубые выражения, и язык не только не Толстого, но и не русский [1]. Спросила Л. Н., может ли опровергнуть.

Л. Н.: Ничего тут страшного нет. Я совсем не одобряю его деятельность, его писания... Ну, бог с ним.

Потом Л. Н. прочел вслух теософкам, Софье Андреевне и Юлии Ивановне «Предисловие к картинам Орлова». Но как-то неуверенно. Пропускал некоторые абзацы. Не нашлась последняя редакция: оба экземпляра у Черткова. Читал по второй редакции, часть — по первой. Притом Софья Андреевна шумела, а Л. Н-чу очень мешает всякое неспокойствие, шум, когда читает вслух. Лицо его выражает усталость, хотя Л. Н. всеми силами старается подавить в себе, не показать этого. И никогда никому упрека не делает.

Пришел Иван Иванович и рассказал о слепом, что он желал бы еще видеться с Л. Н. Я передал это Л. Н., и он вышел к нему. Сидел на тарантасе у подъезда, и с упреком обратился к Л. Н.:

— Я пришел вам сказать, что вы мерзавец и негодяй.

— К черту вас! — крикнула Софья Андреевна и продолжала кричать на него.

Л. Н. вернулся подавленный и сказал:

— Когда тонко ругают, поднимается злоба, когда же так грубо, видишь, что он делает из доброго чувства, и ⟨это⟩ не огорчает. Он горит религиозным, хотя ложным жаром.

Иван Иванович о слепом, что он разрушается и психически — у него явственный психоз — и телесно: туберкулез. Иван Иванович хочет ему ежемесячно помогать материально. И теперь ему дали.

Иван Иванович рассказал, какой обыск произвели в «Посреднике»— в конторе и в магазине, взяли 600 экземпляров «Соединения и перевода четырех Евангелий», и полиция телеграфировала на станции, куда разосланы Евангелия, чтобы вскрыть тюки и вернуть. Тут сидящие теософки удивлялись, что Евангелие запрещают.

Л. Н. рассказал про обвинительный акт Молочникова, в котором, между прочим, есть такой обвинительный пункт. В статье Л. Н. «Как освободиться рабочему народу» говорится, что «бога следует слушаться больше, чем царя и исправника». Это запрещают!

Иван Иванович подал прочесть Л. Н. следующую телеграмму «Русского слова» от 27 июня: «Харьков, 26.VI. Крестьяне Грайворонского уезда Ченцов и Дудкин явились в лавочку в слободе Починке и потребовали бубликов. Когда же лавочник им отказал, они пригрозили ему револьвером, взяли бублики, два рубля денег и скрылись. Вчера военный суд приговорил обоих к смертной казни через повешение».

Л. Н.: Вот это должны бы запретить, а это не запрещают.

После этого разговор о казнях между Л. Н. и теософками.

Л. Н.: Чем больше они казнят, тем больше надобность для них (революционеров) продолжать эти убийства. Когда идет борьба — желание оградить себя.

С девяти — концерт Унковской на скрипке. Аккомпанировал ей Гольденвейзер. Унковская предупредила: «Красивая легенда Венявского». А когда сыграли, разъяснила ее содержание.

Л. Н.: Да, она немного искусственна.

Потом сыграли Моцарта. Когда кончили, Л. Н. сказал:

— Не боюсь пошлости у Моцарта, а Венявский — это все искусственное.

Потом играли Вебера. Л. Н. попросил «Мазурку» Венявского. Софья Андреевна попросила «Легенду» Вебера.

Л. Н. с нравственными стремлениями теософок вполне согласен:

— Мне дорого то, что доступно всем и что повторяется всеми учителями мира.

Они все были восторженно поражены, глядели на Л. Н., как на Христа.

Унковская показывала эдафон — трубу с воронкой и барабаном, на который сыплют порошок, а в трубу поют. По звукам — разные фигуры.

Л. Н. смеялся этому.

Л. Н. с полчаса разговаривал с Писаревой. Она рассказывала свое горе, про сына женатого, покончившего с собой. Сегодня была пропасть любопытствующих посетителей, ходивших по парку. Л. Н. со многими пришлось говорить.

Л. Н., вернувшись от Чертковых, опасался за Владимира Григорьевича, чтобы его не выслали. У него было сегодня столько народу — ясенецкие друзья Димы, Булыгины, постояльцы. Снимали Л. Н. с группой в 24 человека. Поздно разошлись. Писарева с Каменской уехали, Унковская осталась. Вечером последний раз гальванизовал голову Л. Н-чу, он еще читал корректуру июня «Круга чтения». Было за полночь.

Почему-то вспоминали скрипача Лясоту, поляка.

Л. Н.: В молодости я чувствовал отвращение к полякам, а теперь — особенную нежность. Расплачиваюсь за прежнее.

На днях Л. Н. сказал, что современные музыканты-композиторы — то же по отношению к Шопену, Моцарту, Бетховену, что Андреев, Горький по отношению к Пушкину, Гоголю.

30 июня. Я ездил к больной у Горбуновых. Иван Иванович мне читал статью, которую пишет о Кросби [1]. Превосходная. Л. Н. ездил верхом. За обедом Александра Львовна рассказала, что в Елочках собака Найденый выгнала зайца, и заяц напугал ее, пробежал мимо нее и даже ударил ее в ноги. Л. Н. рассказал, что когда он — как сегодня — едет по краю оврага у Козловки, то думает о том, что если бы слева выбежал заяц, лошадь могла бы шарахнуться в овраг, но Делир до того умен, что он не сделал бы этого.

— Он остановился бы,— заметила Александра Львовна.

— Делир молодеет,— сказал вчера Л. Н., хваля его резвость.

Л. Н. рассказал, как три камердинера его отца: Демьянушка, Петрушка и Ванюшка ехали на тройке и вывалились на Козловке с коляской в овраг. Пьяному Ванюшке ухо оторвало.

Владимир Григорьевич спросил Л. Н. про смерть его отца — правда ли, что его отравили.

Л. Н. ответил, что нет. Догадки разные возникали: он в Туле был и, главное, что у него денег было много, и деньги эти пропали [2].

Унковская рассказала, что получила письмо от сыновей, которые одни вдвоем полтора месяца тому назад выехали из Калуги на лодке по Оке,

Волге в Астрахань, куда прибыли на 35-й день. Главное в том, что это дело их рук — лодки, мачты; сами себе стряпают и т. д.

Софья Андреевна заговорила о том, как она вчера злилась и осуждала Тенеромо. Унковская по этому поводу разговорилась о теософии, что они не осуждают.

Л. Н.: Теософы — молодцы.

Унковская спросила Л. Н., какое различие между рассуждением и осуждением.

Л. Н. ответил, что осуждение узнается по недоброму чувству, если оно у тебя есть, к человеку. С удовольствием сам себе воспроизводишь недостатки другого, зло в мысли нарождается и оттуда выйдет в какой-нибудь форме.

После обеда был у Л. Н. его бывший ученик В. С. Морозов, старик за 50 лет, спокойный, разумный, симпатичный. Л. Н. пускал для него фонограф в кабинете.

Шахматы с Владимиром Григорьевичем. За чаем Николаева. Разговор, главным образом, вели Унковская с Л. Н. о теософии.

Л. Н. (*мне*): Рассказ Морозова надо переделать.

Я хвалил его Л. Н-чу, что ни слова лишнего в нем нет.

Л. Н.: Я неясности переделаю, а Николай Николаевич — по языку. Это так было, как он рассказывает. Надо поместить рассказ где-нибудь. Он в бедственном положении, деньги ему нужны.

Гусев: Сергеенко попросить.

Унковская говорила о теософии.

Л. Н.: Духом слиться. Тут (в теософии) смешение духовного с материальным. А для бога, для духовного, нет времени. Потому что временное только тут есть, в этой жизни.

Унковская о воплощении эволюции, об Анне Безант.

Л. Н.: Я очень желал бы полюбить Анну Безант, но она занимается в той области, которая мне неинтересна.

Л. Н. спросил, есть ли в библиотеке Анна Безант. Я ушел искать. Нет. Когда вернулся, Унковская говорила, что страдания не проходят даром. Потом об идеях эволюции, воплощения, о разных их стадиях, что никого не надо презирать. Он находится в такой стадии эволюции, которую ты прошел.

Л. Н. пояснил:

— Да, это все равно, что ребенка презирать. Но это все вытекает из самого простого принципа любви.

Л. Н.: На всех теософках есть особенный отпечаток. На каком-то курорте из публики восемь теософок выделились. Сейчас узнали по свойственной им кротости, ⟨по желанию⟩ делать угоду другим. И так, как всякое молодое движение в молодости, отличается чистотой особенной.

Унковская рассказала, что душа выбирает себе семью, где она должна родиться. Потом рассказала про съезд теософов в Петербурге (?). На нем было много поляков. Поляки говорили в том смысле, что теософия имеет почву, будущность преимущественно у славян. Говорили со слезами о том, как не любят русских, что это несет карму той, прежней вражды поляков с русскими.

Л. Н.: Да, карма, карма. А майя вы знаете что такое? Карма — связь причины со следствием.

Унковская привела Христа, что он не имел друзей.

Л. Н.: Отчего?

— Петр его оставил.

Л. Н.: Петр в опасности не выдержал.

Л. Н. спросил, кто основал их учение.

— Блаватская.

А. Л. ТОЛСТОЙ, Т. Л. СУХОТИНА и М. Л. ТОЛСТОЙ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ ПАРКЕ
8 июля 1908 г.
Фотография К. К. Буллы

Л. Н.: Потому дамы ухватились за него.

Унковская говорила о Блаватской. Что у нее были учителя и что и теперь есть индийские учителя. Потом говорила, что ее обвиняли в шпионстве и шарлатанстве.

Л. Н.: Почему шпионка? А что шарлатанка — это может быть.— И Л. Н. вспомнил, что, когда она была в славе, было недоверие к ней.

Лариса Дмитриевна рассказала, как она отвернулась от православия, а была ярой верующей: когда ей Сергей Дмитриевич показал в требнике место, где грозится священнику, у которого по нерадению заплесневеет причастие, расстрижением, так она прозрела. Если причастие может заплесневеть, так и мощи. А о них учат, что они не тлеют.

Унковская рассказала еще очень хорошо про 17—22 октября 1905 г. в Калуге. Она была царистка и юдофобка. От нее отвернулись ее ученики. Им манифест, свобода не были достаточны. А надобно было «море крови»:

перерезать купцов, дворян, капиталистов и т. д., как ей выразилась 16-летняя девушка. Она (Унковская), действительно, ожидала смерти. 22-го же разгромили шесть домов революционеров по списку, который будто бы церковный староста написал. Это ее побудило отвратиться от православия.

Л. Н. (*о браке*): Когда поживешь, постоянно видишь, что люди, которые думали, что нашли единство, пожили некоторое время — и разошлись. В народе оба любят одного бога и одну нравственность, это главное (почему браки прочны). В крестьянстве ни у кого нет мысли уйти от православия.

Сегодня были посетители Л. Н.: застенчивая барышня, которая за завтраком ни слова не проговорила, и крайний контраст ей — очень развязный москвич.

Иван Иванович читал мне вступление к статье о Кросби, где выделяет англосаксов как таких, которые чтут Толстого и считают его своим. И в истории упорное проведение учения Христа в жизни — лолларды [3], квакеры, Дж. Кингсли, Вильберфорс, Чаннинг, Гаррисон.

1 июля. Утром Владимир Григорьевич снимал Л. Н. с 86-летним странником-псаломщиком, гуляющими в красивых местах сада и на большой дороге,— 12 раз. Владимир Григорьевич утомился на солнце, а снимки по ошибке не вышли. Был несчастен. Уехала Унковская. Софья Андреевна полюбила ее и негодует на Гольденвейзера, что он ей вчера таким быстрым темпом аккомпанировал. Днем 37° на солнце, 22 — в тени. Вечером — на балконе, при раскрытых дверях. Молчание. Я заговорил о том, что по последней книжке журнала «Transactions of Anglo-Russian Society» китайцев не 425 миллионов, а 175 ⟨!⟩. А так как в Китае восемь больших наций (очень далеких друг от друга), то вряд ли найдется одного народа столько, сколько русского или английского (то же самое в Индии). А англичан, по моему вычислению, 103 миллиона, на два миллиона меньше русских. Так что сейчас самый большой народ — русский.

Л. Н. через некоторое время сказал, что у него нет настолько патриотического чувства, чтобы русскому языку давать особенное преимущество. Как Французская революция сделала с весами, мерами, завела такие, которые теперь общеприняты,— не будет ли то же с языком? Николай Николаевич сказал, что, по его мнению,— нет. Что эсперанто бледно, невыразительно, и в каждом языке есть отдельные слова, которые не выражают одно и то же. Л. Н. не высказался определенно, но не отрицал возможности выработки (в будущем) общего языка. И говорил в том смысле, что это было бы шагом к пониманию, единению народов:

— Русский язык удобен для выражения, но слова очень длинные, некрасивы (самоотречение, самосовершенствование); самый красивый — французский язык.

Потом Л. Н. говорил о Китае: каково отношение народа к правительству? Но не имеет о нем ясного понятия, а о Японии имеет. Там правительство крепко организовано. Желал бы прочесть хорошую книгу о Китае.

2 июля. Л. Н. проходил через мою комнату и заговорил со мной. Я ему передал поклон от Немравы, отказавшегося в Моравии [1]. Л. Н. поручил написать ему, что он сегодня получил письмо от Ваисова [2]; что мысль — религиозные требования ставить выше государственных — проявляется не только в христианстве, но и в магометанстве, и велел ему от него кланяться. Л. Н. спросил:

— Читали в «Новом времени» Меньшикова о толстовцах?

Я прошел в залу и прочел фельетон «Письма к ближним» в «Новом времени» 29 июня. Л. Н. подошел ко мне:

— Какой набор слов, какая игра словами! Спросите, что он сказал,— никак не перескажешь простыми словами. Когда касаются такого серьезного вопроса, это особенно бьет в глаза [3].

Николаев сказал мне, что утром Л. Н. говорил ему о теософках: «Вот занимаются теософией. Ведь как сказать: один пастух молился богу и говорил ему: «Вспомни обо мне, ведь я тебя люблю; если бы ты пришел ко мне, я бы тебе вымыл ноги самой чистой водой, зарезал бы лучшего барана» и дальше в таком роде. Услышав это, Моисей обрушился на пастуха: «Что ты делаешь, разве можно так?» Но бог обратился к Моисею: «Зачем ты смущаешь раба моего?» Так и тут в отношении бога — может быть, есть что-нибудь грубое, но все-таки они стремятся его познать».

Н. Н. Гусев мне сегодня говорил, что Владимир Григорьевич представил Л. Н. поправки к «Не могу молчать»— некоторые из них мелкие, некоторые же ослабляют соответствующие места— и предложил Л. Н. отдельные главы поместить в конце, в виде дополнения. Л. Н. в ответ на это отдал ему статью, сказав, чтобы он, Владимир Григорьевич, поступил как хочет.

Это, по мнению Николая Николаевича, значит, что Л. Н. это не по душе.

Л. Н. ходит пешком на Воронку, на барсучьи норы.

Вечером шахматы с Гольденвейзером, и он играл Рахманинова и Бетховена.

— Композиция эта (Рахманинова) очень хороша,— сказал Л. Н.,— совсем ясна, несмотря на сложность, ясна; одна мысль проникает всё.

Л. Н. просил еще что-нибудь русское. Гольденвейзер был усталый, обещал в будущий раз: русское новое и старинные композиции — Баха.

Л. Н.: Чтобы сличить. У новых композиторов богатство формы.

Л. Н.: хвалил фортепьяно как музыкальный инструмент. Квартет скрипачей редко сыгрывается, на фортепьяно же чувствуется личность пианиста. В молодости скрипка и виолончель действовали сильнее.

Я рассказал Софье Андреевне про фельетон в «Руси» «Сплетня о Достоевском», где опровергается, что Достоевский будто бы был безнравственной жизни, как недавно вспоминала Софья Андреевна, опираясь на письмо Н. Н. Страхова [4].

Л. Н. не знал, что такие вещи говорились о Достоевском:

— Нехорошо было со стороны Страхова.

3 июля. Л. Н. сегодня в пруду и вчера — в Воронке один купался, но не плавал. В Воронке мало воды, а в пруду трудно ему показалось выплыть из купальни.

Л. Н. сказал Николаеву на днях: «Совсем разучился писать на старости лет. Все, что ни напишу, оказывается непригодным для печати. Вот и об Орлове нельзя печатать: «Нецензурно»,— говорят».

Днем, как во все дни,— Владимир Григорьевич. Сегодня был К. Х. Классен, управляющий из Гаспры, предобрый немец, старичок. Из пасторской фамилии, голландский выходец. Сам —гольштинец. Из-за него я сегодня почувствовал возможность естественного, братского отношения к немцам, как и ко всем другим людям.

Вечер прекрасный. Л. Н. сравнивал его с декорациями. Поздно, до полуночи, доносились песни на деревне.

Вечером был С. Д. Николаев. Л. Н. просил прочесть вслух письмо Н. В. Орлова о московском палаче, дворнике Игнате [1]. Письмо тронуло Л. Н.

Л. Н. (*о Вивекананде*): Превосходно полемизирует с Шопенгауэром о боге, которого никак нельзя признавать метафизической основой. У него и таблица: абсолют через время, пространство, причинность проходит в мир [2]. Какой у Вивекананды английский язык! Все тонкости его изучил! Это даже слабая его сторона, что он слишком красноречив.

С Николаевым о Генри Джордже. Николаев вспомнил письмо Генри Джорджа к социалисту, которое перевела перед смертью Мария Львовна, и Николаев передал его в «Календарь для каждого на 1909 год». В нем Генри Джордж ожидает от единого налога ослабления правительства, анархизма [3].

Л. Н.: Но ставить целью своей деятельности будущность — никак нельзя. Цель — исправление нарушенного права. Такому человеку будет совершенно безразлично, будет ли это пугать или нет, а ему некого будет пугать.

Л. Н. подарил К. Х. Классену «Круг чтения», 1-й том с надписью.....* 2-й том — графине Паниной с надписью «Прошу читать», и сказал, что он очень рад, когда эту книгу читают. Было радостно ему услышать: свояченица рассказала, что спросила знакомую в Петербурге, знает ли «Круг чтения». «C'est mon Evangile» **,— ответила та.

Николаев заметил Карлу Христиановичу, что это любимая книга Л. Н.

Л. Н.: Самая милая моя книга!

Л. Н. расспрашивал об общине, есть ли она еще где, кроме русских, индусов? Есть ли у сербов, словаков, болгар?

4 июля. Получена «Критика догматического богословия», изд. Герцика, СПб. Перепечатано почти дословно с чертковского издания. Первый раз напечатана в России. Теперь главные сочинения Л. Н.: «Царство божие», «Соединение и перевод четырех Евангелий» (это преследуется) — в России напечатаны.

Вечером у Л. Н. два старообрядца-сибиряка. Родом — терские казаки. Один 60-ти лет, в молодости отказался от военной службы; рассказал, как боялся; ноги у него тряслись, а все-таки, когда перед судом полковник спросил его, за кого же он их принимает, ответил: «За слуг антихристовых». У них община.

Л. Н. говорил о нем:

— Есть старинная Библия (у меня она есть) — в ней при каждом стихе сноски, он их выучил.

Николай Николаевич: Он мне говорил, что вы ему сказали: «Напрасно так углубились!» — «Я сам теперь вижу,— ответил он,— что напрасно, но что делать».

Николай Николаевич: У народа такое убеждение, что в тех старославянских словах таится особенная мудрость.

Л. Н.: Совершенно справедливо, что ⟨мысль, будто⟩ древнее всегда переходит в святость,— заблуждение.

Почта из Тулы, около 30 писем Л. Н-чу. В полученных сегодня московских газетах телеграммы о появлении 2(15) июля в «Daily Chronicle» и «Matin» новейшей статьи Л. Н. о смертных казнях «Не могу молчать». По-русски должна появиться сегодня — в какой-нибудь петербургской газете, куда Хирьяков поместил. Разумеется, с пропусками [1].

Л. Н. сам искал в газетах известий о «Не могу молчать». Интересует его появление этой статьи и желал бы, чтобы имела успех.

5 июля. Приехала сестра Л. Н. Мария Николаевна с дочерью Елизаветой Валерьяновной. Л. Н. ездил к Чертковым. Про Анну Константиновну сказал: «Еле жива».

Обедал Торба, конторщик издательства Софьи Андреевны. Софья Андреевна ему сказала, что мясные котлеты ради его одного.

Л. Н.: Вегетарианство раньше было подвиг, нынче много людей стало

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** «Это мое Евангелие» (*франц.*).

ТОЛСТОЙ ЗА РАБОТОЙ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ
Ясная Поляна, 7 июля 1908 г.
Фотография С. А. Толстой

не есть мяса. А считается это таким простым, само собой разумеющимся, как не ругаться.

Мария Николаевна рассказывала, что был у нее в монастыре Молоствов. Дала ему читать письма братьев. Он ей понравился. Лучше, чем П. А. Сергеенко, который тогда, в 1906 г., когда фотографировал, сказал: «Сниму весь монастырь», это монашки поняли как «Разнесу весь монастырь» * и перепугались. Когда через несколько дней затем Мария Николаевна уезжала в Ясную Поляну, одна монашенка со слезами с ней прощалась. Когда Мария Николаевна спросила, отчего на этот раз плачет, ведь, когда прежде уезжала, она не плакала, та ей объяснила, что ведь разнесут монастырь, ведь ее брат из-за этого выписал.

Кто-то сказал, что монашки глупенькие и что это неудивительно, когда некоторые с семилетнего возраста там живут.

Л. Н.: Они только умнее тех, которые живут в Париже.

* И приписывали эту затею толстовцам.

Елизавета Валерьяновна рассказала, как ехали из Шамордина в Калугу 50 с лишком верст в коляске и как на крутой горе, у въезда в Калугу, барин ругал извозчика за то, что медленно едет.

Л. Н.: По нонешним временам спасибо, что не палил.

Елизавета Валерьяновна рассказала, что в Туле на улице мужик рассердился на жену, вынул револьвер и застрелил ее. И потом, сообразив, что̀ сделал, застрелил себя. Нынче у всех револьверы. В досаде обращаются к ним. Не имей он револьвера, он, может быть, ударил бы бабу, и помирились бы.

На веранде: Л. Н., Мария Николаевна, Софья Андреевна, Александра Львовна, Елизавета Валерьяновна, Гольденвейзер, Торба, Николай Николаевич. Разговаривали, главное, Л. Н. с Марией Николаевной. Мария Николаевна — что слово, что суждение — то умное, часто с юмором, метко. Она, должно быть, очень даровитая.

Л. Н. вспомнил легенду («Отличная легенда»,— сказал Л. Н.), которую почерпнул из «Московского сборника» Победоносцева, присланного ему князем Цертелевым. И ради нее дал прочесть Николаю Николаевичу вслух его, Л. Н-ча, письмо к священнику И. И. Соловьеву, где Л. Н. приводит эту легенду [1]. Л. Н. добавил на словах к письму: «Я не хотел ему много писать, а только хотел сказать, что я держусь церкви, которая соединяет, а не церкви, которая разъединяет людей».

Мария Николаевна пожелала прочесть «Московский сборник» и говорила про «Круг чтения», который ежедневно сама читает и некоторым другим монашкам читает вслух. Ей больше всех нравится Эпиктет и меньше всех — Лабоэти. Его не дочла до конца. «Он ведь социалист»,— сказала она. Л. Н. просил Николая Николаевича прочесть из «Круга чтения» сегодняшнее, 5 июля, четвертую мысль, которая ему очень нравится:

«Когда же не плоть, а ты будешь глава в человеке? Когда поймешь ты блаженство любви ко всякому, когда освободишь себя разумением жизни от скорбей и похотей, не нуждаясь для своего счастья, чтобы люди служили тебе своею жизнью или смертью: когда поймешь ты, что истинное благо всегда в твоей власти и не зависит от других людей?» (Марк Аврелий).

Мария Николаевна говорила про Недельные чтения, которые любит читать: «За что?» — очень наглядное; «Душечка»— хороша; «Корней Васильев» и другие.

Мария Николаевна хвалила «Воспоминания» Задонской о 1812 годе [2]. Л. Н. спросил:

— Что же тебе понравилось — мысли или Записки?

Мария Николаевна рассказала, как они детьми играли в прятки и как Л. Н. сказал, что он так скроется, спрячется, что никто его не найдет. Действительно, искали — и не нашли его. Тут пришла баба, работавшая в подвале; она увидела, как Л. Н. упал, и сказала, что он лежит в траве: Л. Н. выпрыгнул со второго этажа.

Л. Н. вспомнил это, ему было около восьми лет:

— Я еще подпрыгнул вверх, я хотел это чувство испытать [3].

Л. Н. расспрашивал Марию Николаевну про монастырскую жизнь, восхищался покоем тамошним, некоторыми монашками, про которых Мария Николаевна ему особенно рассказывала (Саша, вступившая молодой девушкой, и еще другая — такая же). Мария Николаевна спросила его, не дуры ли они:

— Ведь так назвал нас,— сказала она *.

Л. Н.: Нет, прекрасные женщины.

Удивлялся, что их столько — семьсот.

---

* И подарила Л. Н. подушку, на которой вышила: «Одна из 700 дур» [4].

Софья Андреевна и Елизавета Валерьяновна добавили, что они очень бедные, на коровье масло им не хватает.

Л. Н. спрашивал, чем занимаются, и т. п. Л. Н. рассказал, что новое для него слышал от Николаева: как концессионеры в России строили железные дороги на гроши народа, и жалел, что раньше не знал:

— Как эти богатые банкиры мошенничали! — И рассказал, что компания строит линию железной дороги на условии, что она вложит 50 миллионов и правительство — 50. Она же ее построит на одни правительственные 50 миллионов. Получает доход с дороги, а когда казна ее выкупает, то из расчета 100 миллионов.

6 июля. Покос сена кончается. Когда мы обедаем, яснополянские крестьяне поблизости возят себе сено. Появились лоси. На Воронке, на Отводе, в Чепыже их видят. Ночью подходят к лошадям, среди дня — к коровам. С ними пасутся. Мальчики принимают их за лошаков, мужики — за диких коров.

У Л. Н. был 25-летний Савинов из Урюпина, неврастеник. Потом Перна. Вечером — Николаева. Л. Н. долго не выходил. Я пошел, понукаемый Александрой Львовной, к Л. Н.

Л. Н.: Все не умею из злого делать доброе, а пора бы.

Потом пришел к нам. Рассказал про Левицкого, Скороходова и остановился на подрастающих детях Скороходовых, Булыгиных:

— Подрастают орлы — не лгут, не пьют, женщин не знают, вегетарианствуют, только и желают людям помогать.

Софья Андреевна: А предстоит им вшами быть съеденными. Не хотят служить. А войны были со времени Христа, 2000 лет, и будут.

Л. Н. сказал, что он сегодня думал, писал о том, как в первые три века были христианские мученики, не хотевшие воевать, как смотрели на войну Татиан, Лактанций, Тертуллиан — были против войны. А с Константина, принявшего христианство,— крестоносцы, религиозные войны. Только в конце XVIII и в начале XIX века подымается и растет со всех сторон: Ваисов полк, бабиды... что они должны служить богу [1].

Сегодня приехала бонна-немка с двумя детьми Михаила Львовича.

7 июля. Были фотографы от «Нового времени»: Булла с сыном. Снимали Л. Н. одного и с другими многократно. Снимки за столом, во время обеда, не удались. Л. Н. не мог удержаться от смеха; рассмеялся именно тогда, когда снимали.

Л. Н. (*к Черткову про Буллу*): Отсюда поедет встречать Фальера *. Я очень уважаю его — не утверждает смертных приговоров.

Я не дослышал, по какому поводу Л. Н. сказал о французах: «Милый народ».

Потом Владимир Григорьевич заговорил об Анатоле Франсе:

— Он вас очень любит.

Л. Н.: И я его люблю.

Обедали на крокете, около нас мужики возили сено.

Л. Н. сказал Александре Львовне про работу, что бы ей поработать на сенокосе — одна радость. Сколько бедноты! Сегодня слышал, как говорили про нее: «У нее все масленица».

Потом обо мне Л. Н. сказал, что хочу его лечить, отдалить смерть; лучше, если б я знал средство ускорить ее.

Вид у Л. Н. утомленный, и, может быть, он все еще недоволен собой. Сегодня далеко ездил, и утомляли его фотографы, и одна барыня, приехавшая из Смирнова , которая вела себя высокомерно с Л. Н., и Л. Н. и не узнал от нее, зачем приехала.

---

* Фальер — президент Французской республики, должен на днях приехать в Ревель.

Сегодня были Картушин, Рябов и дочь художника Орлова. Картушин избегал встречи с Софьей Андреевной; у них, живущих у Чертковых, приказание «не быть ею видимыми».

В 8 часов вечера приехала Ершова, рожденная Штевен, известная учредительница школ. Сидела на балконе с Софьей Андреевной. Л. Н. там же играл в шахматы с Гольденвейзером. Мария Николаевна там же лежала на кушетке.

Софья Андреевна долго, почти все время, одна говорила упорно о том, как мужики не платят аренды, как воруют и т. д. Елизавета Валерьяновна, Юлия Ивановна и я сидели под вязом и жалели Л. Н., что должен это слушать. Я всего не слышал, но воображаю себе, что Ершова, загипнотизированная Софьей Андреевной, принялась в том же духе и смысле говорить. Л. Н. кончил шахматы, стал говорить с ней и не мог согласиться с их речами. Наконец встал и, взволнованный, со словами: «Это кощунство»,— ушел с веранды. Пошел было к себе, но увидел нас под вязом, повернул к нам:

— Эта барыня говорит, что мужики без нас, господ,— звери. И самое страшное то, что она учит, и за то, что учила детей арифметике и закону божию, она считает себя вправе их презирать, ругать.

Потом Л. Н. вернулся на террасу — наверно, для того, чтобы объяснить спокойно даме, как надо относиться к народу, свою точку зрения, как это Л. Н. всегда после спора старается смягчить. За чаем Л. Н. говорил про интересное письмо революционера.

Л. Н.: Изменение сознания народного совершилось огромное. Правительство своими подавляющими мерами только хуже делает.

Юлия Ивановна вспомнила, как Л. Н. удивлялся Татьяне Львовне, которая была равнодушна к поражениям русских в японской войне: «Неужели в тебе нет чувства патриотизма?» Татьяна Львовна ответила, что его в ней совершенно нет, как и у Юлии Ивановны. «Ведь ты уничтожил его в нас, а в тебе самом осталось».

С 10.30, когда Александра Львовна с Варварой Михайловной вернулись с купанья на Воронке, проверяли «Закон насилия и закон любви». В 11.15 Л. Н. пришел к окну комнаты Александры Львовны и позвал нас к чаю. За чаем ответил, что сниматься ему (его снимали сегодня 20—30 раз) ничего, а неприятно быть в «Новом времени» рядом с этой барыней.

8 июля. Приехали Андрей Львович, Михаил Львович, Татьяна Львовна, М. С. Сухотин. Фотографы от «Нового времени» фотографировали. Вечером на веранде. Татьяна Львовна рассказывала про знакомую семью и об N. N. сказала, что развелась.

Л. Н.: Зачем же говорить про тех женщин, что «развелись». Надо говорить про тех, что «не развелись».

Татьяна Львовна продолжала говорить и опять говорить про другую N. N., которая... (Л. Н. вставил: «которая не развелась»).

Татьяна Львовна: Не вполне развелась.

Л. Н.: Ну вот.

Михаил Сергеевич рассказывал длинно, очень художественно и подробно про ограбление почтовой конторы в Благодатном, что та же шайка ограбила Голицына и собиралась ограбить и его. Они убили двоих, и из шайки убиты двое.

Л. Н. вспомнил про вчерашний разговор госпожи Штевен о мужиках и сказал, что это (у них) теперь прорвалось сознание несправедливости. Ненависть, которая копилась веками за обиды, выразилась теперь. «Нас грабят — это еще милостиво,— Л. Н. говорил это с болью и стыдом за господ.— Это та мысль, которая вошла в сознание народа; она не пройдет. Правительство же хочет подавить».

Разговор о дороге близ Тулы, которую никто не чинит.

Л. Н.: Правительство на то, чтобы было всем хуже, а какому-нибудь Ивану Ивановичу лучше.

Николаев говорил, что свойство цивилизации такое: жизнь людей дешева — земля дорога. От этого sky-scrapers *.

Андрей Львович привез от Афросимова Л. Н-чу медицинский совет, а также мел и уксус от невралгии головы.

Л. Н.: Благодарю за внимание.

10 июля. За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Михаил Сергеевич, Мария Николаевна, Елизавета Валерьяновна, дети Михаила Львовича с немкой, Надежда Павловна, Варвара Михайловна, Владимир Григорьевич, Н. Н. Гусев, Танечка Николаевых. Л. Н. разговорчив и шутлив. Говорил, что если бы он подписал «Выборгское воззвание», то попал бы в тюрьму, и жалко ему, что не сидит.

Хвалил Владимиру Григорьевичу отрывок «Песчинка» Фихте [1].

Л. Н. говорил, что с женщиной можно разговаривать о чем угодно: о боге, о высоких предметах, но если только упомянешь редингот, она, докончив разговор, возвратится к рединготу.

Л. Н. говорил о романе «Санин»:

— Веселись вовсю, ни о чем не думай. Это очень неразумно. Это 20 раз опровергнуто. Молодые люди учатся греческой грамматике, а этого не знают [2].

После обеда пристал к Л. Н. развязный инженер, одна рука в кармане, шел с Л. Н.

Вечером Звегинцева с одной дамой. Гольденвейзер играл.

Чертков, увидя в передней под зеркалом браунинг Звегинцевой, возмутился, как можно к Л. Н. ездить с браунингом, и сказал в шутку Ване, чтобы его забросил в помойную яму. Сделано было так: к нему подложили статью Л. Н. «Не убий». Звегинцева, посмотрев, взяла ее.

11 июля. Л. Н. несколько дней занят «Кругом чтения». Много работает. Поправляет, перерабатывает в день по два отдела, в 12 дней каждый. Сегодня сказал Черткову, что надеется через неделю кончить. Пишет письма — по три в день. Ходит купаться. Сегодня видел, как в купальне 12-летние мальчики курят. По своему обыкновению, усовещивал их. Они ответили, что научились курить в ночном, чтобы не заснуть.

Перед обедом Михаил Сергеевич прочел свое описание шоссейной дороги около Ясной Поляны, на которой Л. Н. часто встречается с людьми и разговаривает с ними [1]. Л. Н. понравилось. Присутствовал Чертков. При нем Л. Н. сделал одно замечание Михаилу Сергеевичу, что о революционерах он иронизирует от себя. Михаил Сергеевич возразил, что Л. Н. хуже к ним относится, чем тут написано. Как он возмущался, когда какой-то революционер-студент облил керосином хлеб на базаре в Туле и поджег за то, что посмели продавать его, невзирая на объявленную забастовку **.

Я это объяснил Гусеву влиянием присутствия Владимира Григорьевича. Гусев же на это сказал, что Л. Н. раньше гораздо резче высказывался о революционерах, чем теперь. При Муравьеве-адвокате Л. Н. сказал, что прежде действия революционеров возмущали, а теперь, сравнивая с теми ужасами, которые Муравьев рассказывал про военные суды,смертные казни, он видит, что революционеры в сравнении с ними — святые люди. И в статье «Не могу молчать» Л. Н. мягче пишет о революционерах.

За обедом Л. Н. о двух старших детях Михаила Львовича, обедавших с нами и, как всегда, тихо ведших себя, сказал, что это редко в таком воз-

---

* небоскребы (*англ.*).

** Эту статью Михаил Сергеевич написал для альманаха Сергеенко, но не была помещена именно из-за отношения к революционерам.

расте, чтобы дети не были крикливы, а эти ни разу не шумели. И сказал их бонне, что die Kinder artig sind *. Л. Н. еще заметил:

— Характер у обоих их родителей хорош.

Л. Н. рассказал детям, как на прогулке летом увидал в кусте гнездо на такой высоте (показал рукой с аршин) и в нем трое птенцов:

— Они смотрят на меня, они меня испугались, я — их. Старой не было.

После обеда был прохожий — речистый, взволнованный малоросс с Евангелием в кармане. Возмущен безземельем, безработицей и всякими неправдами и думает, что если бы хорошо растолковать Евангелие людям, то он может сделать французскую республику в России и т. д. Очевидно, помешан. Л. Н. с ним говорил, как со всеми, спокойно, терпеливо, разумно разъясняя ему, как имеет обыкновение говорить и с сумасшедшими (и заметил как-то давно, что они ценят это и относятся с доверием к тому, кто серьезно говорит с ними, особенно в сумасшедших домах, где привыкли к обращению несерьезному). Когда малоросс говорил, что есть единое Евангелие у всех, Л. Н. заметил:

— Какое одно — у магометан свое, у.....**— свое.

Л. Н. советовал ему меньше говорить и еще — развивать в себе любовь вместо осуждения.

Л. Н. получил письмо от Кудрина (искреннее, сознается в слабости: иногда трудно ему бывает) и от Иконникова — «силен».

В 7.30 приехал Сергеенко. Рассказал про свой альманах, как изменился из альманаха литераторов в альманах почитателей: Досева, Новикова и т. д. Хрестоматию «Детям от Льва Николаевича» в 500 страниц печатает в 300 тысячах экземпляров. Туда постарался поместить все лучшее Л. Н-ча. Лучшее — не одно «Детство» [2].

Прислал ему в альманах статью в стихах словацкий поэт-ветеран Подградский —«Как дьявол искушал Льва Николаевича». Ее не поместит. [3] М. М. Ковалевский прислал бессодержательную [4]. Л. Н. спросил, кто Ковалевский, знает ли он его. Услыхав от Сергеенко, что Ковалевский — человек большой эрудиции, Л. Н. вспомнил его и сказал, что большая эрудиция несовместима с самобытностью мысли. Такой человек знает, что сказали другие люди об известном вопросе, и повторяет их мнение.

Михаил Сергеевич звал Л. Н. и Софью Андреевну приехать на 28 августа в Кочеты. Л. Н. не отказывался и не обещал. Софья Андреевна также.

Для Марии Николаевны в Ясной Поляне слишком шумно. Она гуляет по саду, сидит на скамейках, на кушетке, читает «Круг чтения».

Сегодня па́рит.

«Русские ведомости» от 4 июля со статьей «Не могу молчать» продавались газетчиками по рублю за номер, мы его не получили.

12 июля. Уехала Татьяна Львовна. Приехали Бутурлин и Беркенгейм.

Л. Н. показал на письмо Репина в «Слове» о том, что все молчат насчет смертных казней, а Л. Н. отозвался [1]. Бутурлин спросил Л. Н., знает ли, что Гаррисон в 1859 г. отказался от принципа непротивления злу?

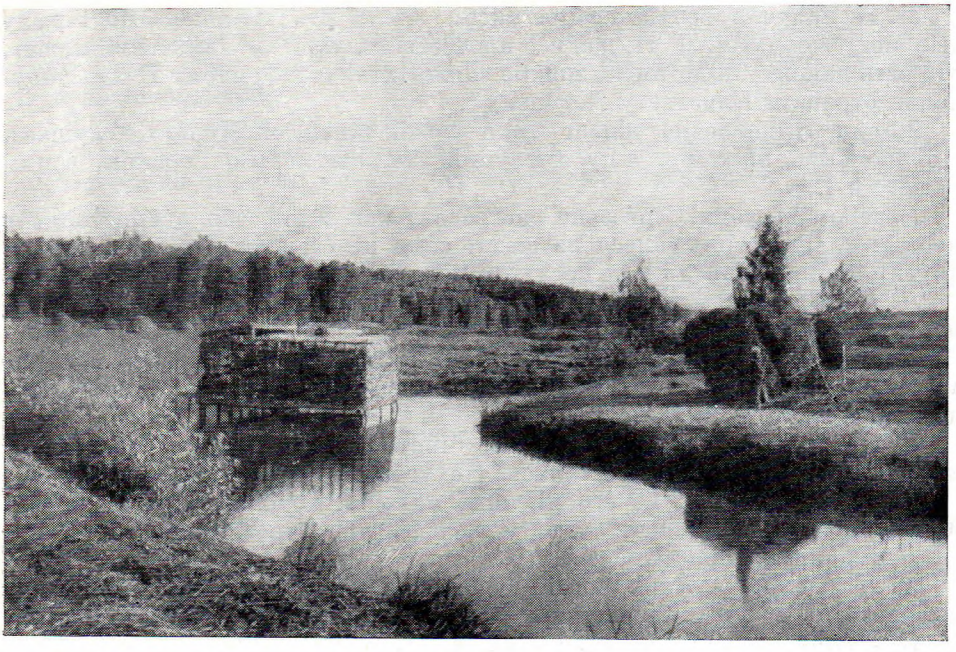
Л. Н.: Дамские речи о любви. Любовь без непротивления немыслима. Гаррисон откажется от непротивления во имя негров, Столыпин — во имя..... ** Павел отказался и говорил слова о любви — они мне всегда были противны. Это ничего не значит. Хулисон откажется от того, что дважды два — четыре. Оно так есть, как и непротивление,— неизбежное условие любви, а любовь — основной закон нашей жизни.

Л. Н. сказал, что царство божие усилием берется. Знает по своему опыту: чтобы бога иметь, его помнить, нужны усилия, упражнения, как Гольденвейзер упражняет пальцы.

---

* дети благонравны (*нем.*).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*



КУПАЛЬНЯ НА РЕКЕ ВОРОНКЕ
Ясная Поляна, лето 1908 г.
Фотография В. Г. Черткова

«Л. Н. несколько дней занят «Кругом чтения». Много работает... Пишет письма... Ходит купаться».— Запись от 11 июля 1908 г.

Сегодня Михаил Сергеевич (сам октябрист и скорее правый), Гусев (левый), Бутурлин и Беркенгейм (еще левее). Последние со смехом говорили о том, что Л. Н. стал левый. Михаил Сергеевич сказал на это, что Чертков приписывает это своему влиянию, что он перевернул Л. Н. с тех пор, как он здесь.

Бутурлин: Софья Андреевна говорила, что Л. Н. красотой формы не дорожит, пренебрегает. Когда она переписывала, то разбивала длинные периоды, избегала лишних «который», «что».

Бутурлин вспомнил: Л. Н. когда-то рассказывал и теперь не вспомнил, что приезжала дочь Захарьина и благодарила его. Л. Н. спросил, чем ей понравились его сочинения. «В «Анне Карениной» я в первый раз поняла всю прелесть светской жизни»,— ответила она.

Словацкий писатель Светозар Гурбан-Ваянский в описании скачек в «Анне Карениной» почувствовал прелесть и перевел эту главу, выпустив место, где лошадь сломала спину [2].

По предложению Сергеенко, послано в «Слово» выражение сочувствия Репину и присоединение к его открытому письму по поводу «Не могу молчать» («Слово», № 505, 10 июля). Подписали Бутурлин, Беркенгейм, Сухотин, Гусев [3].

Софья Андреевна высказала опасение за Л. Н.— в связи с тем, что он в этой статье царя и палача ставит в один ряд.

Бутурлин: Лев Николаевич должен это во всю силу сказать. Царю тронуть его нельзя, сделался бы смешным.

Л. Н. днем с Бутурлиным не говорил, задыхался. Отложил на вечер.

Сегодня Л. Н. написал статейку о судебном деле Молочникова [4].

Играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем и Гольденвейзером. Проиграл. Сказал, что не будет играть.

Л. Н. получил сочувственное письмо от В. И. Ламанского по поводу «Не могу молчать». Л. Н. дал его прочесть вслух. Там Ламанский пишет, что есть данные, по которым можно заключить, что Фридрих II дал поручение отравить Елизавету Петровну [5].

Мария Николаевна живет тихо своей жизнью. Молчит, слушает. Должно быть, ей кажутся пустой суетой эти разговоры о Горьком, Арцыбашеве и т. д.

Вечером Михаил Сергеевич рассказал, как вели себя непристойно в церкви парни, вернувшиеся из шахт: сами не становились на колени и другим места не давали и не послушались, когда их попросили стать сзади.

Л. Н.: Бабы этим не тронуты совсем. Я думаю, опыт о Троице * и теперь удался бы [6].

Бутурлин заговорил об Орлове, спросил, войдет ли в альбом картина «Телесное наказание»? (Николай Николаевич читал внизу вслух «Предисловие к картинам Орлова».)

Л. Н.: К сожалению, осталась. Чертков для полноты коллекции настаивает на том, чтобы осталась. Нехудожественно и грубый замысел.

Л. Н. сказал, что, по его мнению, мальчик хорошо написан, но что Юлия Ивановна находит, будто у него фигура взрослого [7].

Бутурлин хвалил «Смерть».

Л. Н.: Орлов — очень умный, он пишет в письме, что картина должна выразить то, чего нельзя рассказать. «А я умею рассказать». Он прав.

Бутурлин хвалит «Освящение кабака» [8].

Л. Н.: Это и хорошо написано.

Л. Н.: Дети никогда не лгут; у них равенство людей, а потом будут учиться различать. Все высшие качества есть у детей. Одного нет — самоотречения, это вырабатывается с возрастом. Смирение у них есть, способность прощения [9].

Кто-то заметил, что эгоизм, зависть у них есть.

Л. Н.: Я не знаю. Этого мало... **

Сергеенко спросил Л. Н., читал ли он «De profundis» Оскара Уайльда. Л. Н. не вспомнил, кто такой Оскар Уайльд. Когда ему напомнили, сказал:

— У меня впечатление, что это один из тех, кого не нужно читать.— Потом добавил на возражения Сергеенко, что «De profundis» составляет исключение из остальных произведений Уайльда:

— Может быть, я ошибаюсь, надо бы почитать [10].

Л. Н. хвалил Виктора Гюго «L'athée» и рассказал содержание. На вопрос, почему не поместил в «Круг чтения», Л. Н. ответил, что оно слишком длинно [11].

Л. Н.: Как я давно не читал ничего художественного, что бы на меня произвело глубокое впечатление. Боюсь, не пропустил ли я что по моей старости, не поняв, не заметив чего,— говорил он, обращаясь к Бутурлину.

Бутурлин уверял Л. Н., что ничего не было и нет у новых. Бутурлин вспоминал Горького, Андреева, Скитальца и т. д.

Софья Андреевна: Куприн умирает от чахотки, спился.

Л. Н.: Читаю Пушкина.

Разговорился о нем и прочел вслух следующее место: «Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такою

---

* Описан Михаилом Сергеевичем в статье «Киевское шоссе».

** Тут и часто, почти всегда, так записано, как если бы Л. Н. больше других говорил, а было наоборот.

нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиазма и чувствительности» [12]

Л. Н., обращаясь к Гольденвейзеру:

— Это и по вашей части — кончилось и в литературе и в музыке.

Бутурлин выразил мнение, что этот упадок искусства есть временное явление.

Л. Н.: Не думаю.

И Л. Н. объяснил это тем, что наша культура доходит до конца, как римская отошла. Признак — декаданс, как эта потребность искать в новых формах — не в глубине понимания, а в формах. Искание новых форм только потому, что нет содержания. Есть что сказать — вырази в старой форме. Вот «Кренкебиль» [13]— старая форма.

Сергеенко рассказал, в каком доме живет Андреев в Финляндии — построен ему книгоиздательством «Шиповник», и жизнь его заведена на 30 000 р. Рассказывали про героев его писаний. Л. Н. сказал, что, по его мнению, быстрый успех молодых писателей объясняется тем, что они пишут в том одном направлении, которое царствует сейчас, и получают восхваление.

Когда все говорили про Андреева, Горького, Скитальца, про их успех и бессодержательность, Л. Н. прекратил разговор замечанием:

— Надо об этом не говорить. Это как Накашидзе пишет про Моллу Насреддина — комическое лицо.

И Л. Н. рассказал, как Молла Насреддин в восточном городе сказал толпившемуся около него народу: «Что вы здесь стоите? На площади там пилав раздают». Вся толпа побежала. И он вообразил себе, что, может быть, в действительности это так, раз все туда побежали, и сам туда побежал [14]. Так это и с Андреевым.

Сергеенко рассказал, что он был у Короленко в Полтаве. Короленко, когда он в Крыму посетил с Чеховым Л. Н-ча, говорил с ним о политических убийствах, и Л. Н. в беседе будто бы допускал, что они могут временно практически привести к цели. Но потом Л. Н. или написал ему, и Короленко это письмо не получил, или просил кого-то передать ему, что нам только кажется, что политические убийства могут быть полезны, а они ни в каком виде полезны быть не могут [15].

13 июля. Уехал Сергеенко. Приходил Беневский с проходным свидетельством на пути в Томск. Сидел под колокольчиком. Ему, как прочим, подали пятачок. Был Брихничев—священник и рассказал истории, которые Л. Н. ужаснули. Л. Н. просил его написать это без преувеличений. Приблизительно год тому назад в Тифлисе взбунтовались солдаты из-за тараканов в супе. Вызванные для усмирения казаки ранили и убили нескольких. 45 солдат приговорили к смертной казни. Тогда священники 18 разных народов и церквей подписали заявление, что если этих солдат казнят, то они затворят храмы и не будут служить. Не казнили. Власти стали воздействовать на священников. Армянские, за ними грузинские священники поддались и уступили. Его, Брихничева, железнодорожного священника, как главаря заперли в крепость, в Мцхет, лишили сана. В Мцхете в камере для 15 сидело 60 в кандалах, с парашей. Он не сидел с ними, а отдельно — с политическими, но ходил к ним. К нему как к «главарю анархистов», каким его считали, обратился начальник тюрьмы с просьбой, чтобы его, начальника, они пощадили. Какой разврат! Поэтому он и пользовался относительной свободой и влиянием. В камере, где сидело 60, был солдат чахоточный. Просили доктора перевести его в больницу. Доктор им обещал, а начальству говорил, что солдат не так плох. Тогда политические дали ему 25 р., и он солдата перевел в больницу, где тот вскоре по-

мер. Тогда потребовали 25 р. обратно и пригрозили, что донесут на него. Доктор отдал и подал в отставку. Брихничев (у него болезненная жена и дети) желал бы получить занятие. Брихничев говорил еще о положении священников. Их женят раньше, чем получат приход, и потом они — хотя и не веруют — связанные семьей, не могут уйти.

У Л. Н. растянута жила на ноге, повязка со свинцовым компрессом.

Л. Н. до 3 часов занимался, потом, не евши, ушел с Николаем Николаевичем, И. А. Беневским, Картушиным, Брихничевым в аллею, там сидели. Софья Андреевна волновалась за него и сердилась на Черткова и на темных, что его осаждают не вовремя, когда он ест и гуляет. Грозилась с Чертковым объясниться. Она оберегала Л. Н.— и убережет. Не она его взяла, а он ее. В его дневнике в двух местах записано, что если она не выйдет за него, то он застрелится. А с его страстной натурой он сделал бы это. И обратилась к Марии Николаевне с вопросом, что она думает, застрелился бы? Мария Николаевна ответила: думает, что нет, не выкинул бы эту шутку.

На веранде Софья Андреевна читала свои воспоминания Марии Николаевне, Александре Владимировне, Беркенгейму, Юлии Ивановне. В 4 часа Л. Н. пришел сюда и рассказал про Беневского, Брихничева и Картушина.

Картушин в Киеве вышел на улицу, где была демонстрация. Полицейские всех пропустили, его же одного из-за высокого роста арестовали и, как только привезли в участок, избили и продержали три месяца.

Беневский с проходным свидетельством нигде больше суток не может останавливаться, иначе хозяина оштрафуют. Л. Н. удивлялся, что такое происходит: одни люди другим такое зло чинят. Не легче ли умереть, уйти из такого мира?

Вечером, за чаем, Софья Андреевна рассказала: Сергеенко ей говорил, что в день юбилея, 28 августа, хочет привезти хор Архангельского, декламаторов и т. д. Она наотрез отказала.

*15 июля. У Л. Н. ослабел голос. Приезжал Лопухин, тульский вице-губернатор. Вызвал его погулять. Разговор на террасе был о родне Лопухина в Туле, об Афросимове. Присутствовали: Чертков, Гусев, Бутурлин.

Л. Н.: Суеверие — думать, что можно устроить жизнь других людей, что насилием это можно.

Мария Николаевна спросила Л. Н.:

— А ты помнишь, что ты Тургеневу посвятил повесть? Кажется, «Двух гусаров» [1].

Л. Н. не помнил.

Мария Николаевна: Тургенев встал на стол, поднял книгу («Современник») до потолка — комната у нас низкая была: «Вот как я вырос теперь! Толстой посвятил мне рассказ».

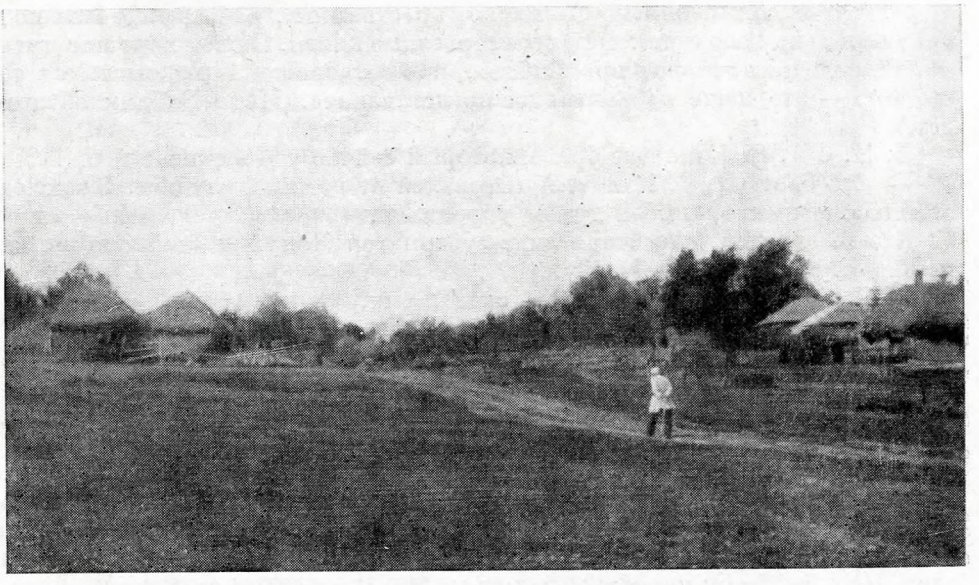
Л. Н. спрашивал А. С. Бутурлина про его библиотеку: должно быть, хорошая у него; и разговорился о словаре Брокгауза.

Л. Н.: Тут видно направление тех людей, которые его составляли. Научные пустяки всякие есть. Должно быть, масса читателей интересуется именно наукой. А философских статей мало. Я прочел на днях там об Индии: хорошо написано [2].

Л. Н. спросил А. С. Бутурлина про Амиеля. Л. Н. дал Бутурлину прочесть сегодняшнее в «Круге чтения» после вчерашнего разговора с ним, в котором Бутурлин признался, что не верит в бога, в смысл жизни. Жизнь по его мнению, злая шутка, которую кто-то с ним сотворил. Бутурлин

---

* Отсюда до конца записи 17 июля текст вписан Маковицким позднее.— *Ред.*



Толстой в деревне Ясная Поляна
Лето 1908 г.
Фотография В. Г. Черткова

в отчаянии. У него умерла близкая ему женщина, с которой жил двадцать лет; ходит по аллеям и плачет.

Л. Н. (*ему*): Амиель хорошо пишет? Не журнальная тина?

Л. Н. (*мне*): получил письмо от чеха-литератора. Интересное. Пишет, что он читает Виктора Гюго и Горького. В одном ряду их ставит!

Вспоминали, что есть новый гувернер у Сережи (Сергеевича) Толстого — немец, готовится в пасторы.

Л. Н. : Я удивляюсь, как это в наше время молодой человек может идти в пасторы.

Бутурлин спросил, откуда взято в «Круге чтения» Ницше «Христианство и католицизм»? Как он тут пишет про христианство, не ругая его, а ведь он всегда ругает его.

Владимир Григорьевич: Очевидно, что он только что прочел «В чем моя вера». Тут у него пять заповедей, которые оттуда взял [3].

Л. Н.: Католики правее: у них безбрачие священников, а положение православных священников — с семьей, в семинарии ничему нужному не научившихся и переставших верить,— трудное.

Софья Андреевна спросила Л. Н., кто лучше играет: Танеев или Гольденвейзер?

Л. Н.: Танеев пианизмом пренебрегает, Гольденвейзер — отчетливее.

Софья Андреевна: Нельзя сравнивать обоих. Души нет у Гольденвейзера.

16 июля. Л. Н. за обедом говорил, что, когда он был у Чертковых, подъехал старик в военной форме и спросил его. Когда Л. Н. вышел к нему в комнату, тот разрыдался и ничего не говорил. Потом сказал, что, наконец, удалось ему увидеть Л. Н. и на прощанье просил поцеловать его.

Это был Нарбеков (И. В.), врач тульского оружейного завода.

Л. Н. спросил Надежду Павловну, не пьет ли он.

— Не пьет.

Бутурлину показалось это трогательным.

Л. Н. говорил о письме Салиенко, крестьянина, работающего за полтинник в день и покупающего себе серьезные книги. Пишет хорошие письма. В последнем говорит про Библию, про сотворение мира; мысль его та, что мир — это наше субъективное представление. (Но в Библии об этом нет.)

Л. Н. о А. В. Калачеве-брате, который сейчас у Черткова:

— Его брат (П. В. Калачев) отказался от военной службы. В последнем письме пишет, что он духом укрепился.

Кто-то заметил, что вчера вице-губернатор Лопухин особенно внимательно отнесся к Н. Н. Гусеву.

— Я с вами знаком по делу,— сказал ему.

Л. Н.: Как же, это мой друг и помощник.

17 июля. Л. Н. сказал Софье Андреевне:

— Чем больше лечат, тем хуже нога.

Сегодня выходил, но мало гулял. С трех до четырех сидел с Чертковым, С. А. Бибиковой и со мною «на крокете».

Приехала Александра Львовна со свадьбы А. И. Толстой. За обедом и после рассказывала про жениха Анны Ильиничны (Хольмберга): молодой, молчаливый, серьезный, с выдержкой; его мать, урожденная княжна Горчакова, нравится Илье Львовичу. Анна Ильинична в церкви рассмеялась. На свадьбе было весело, радушно...

Л. Н. жалел, что им (Анне Ильиничне и ее жениху) не написал.

Я с Юлией Ивановной вечером у Чертковых.

Были два матроса-беглеца из дисциплинарного батальона. Жихарев их приютил и собрал им денег на дорогу за границу (Л. Н. дал 25 р.).

«Тульскую молву» закрыли.

Л. Н. (*Александре Львовне*): Зачем ты переписываешь? Ведь завтра опять то же самое будет.

Л. Н.: Нам, лаям (т. е. den Laien*), рассказать, что такое новая физика. Но новую физику ожидает та же судьба, что и старую.

По поводу газетного известия, что он умер, Л. Н. вспомнил подобное про Марка Твена, который опроверг так: «Слухи о моей смерти значительно преувеличены» [1].

— Это и я мог бы сказать о себе,— добавил Л. Н.

Л. Н.: Софье Андреевне, с ее подвижностью, с относительной моложавостью, грозит ⟨опасность⟩ стать через девять месяцев прабабушкой.

Л. Н.: Получаю много ругательных писем по поводу статьи. Это потому, что она напечатана отрывочно и вызвала сочувствие революционеров безусловное, что мне очень неприятно, потому что я не заслужил его.

Л. Н.: Господа так поступают? Это так было. Престиж кончился, и это презрение, негодование, которое вышло у них наружу, я вижу. Через пять лет поднимется это самое.

— Почему то самое (революция) подымется? — спросил кто-то.

Л. Н.: Я думаю, что это не прошло даром. Становится людей все больше понимающих. Все проникнуты негодованием к губернатору, коменданту...

Утром уехали Беркенгейм, Михаил Сергеевич. Вчера приехали Мария Александровна, Иван Иванович.

18 июля. К Чертковым приехали Сытин, Хирьяков. Утром приходили и к Л. Н-чу. Сытин рассказал, что политические книги не идут...

Вечером играл Гольденвейзер первый номер «Вариаций» Чайковского.

Л. Н.: Совсем нехорошо, это не музыка. Одна вариация из этих — под-

---

* профанам (*нем.*).

ражание старому. Эти виртуозы заняты исполнением. Вот Сережа, виртуоз, играет такую чепуху — Листа.

Софья Андреевна стала защищать Листа, утверждая, что у него есть хорошие композиции.

Л. Н.: Нет ничего хорошего у Листа.

Л. Н-чу больше всех нравится Шопен.

Третьего дня, после игры Шопена Гольденвейзером, Л. Н. сказал, что музыка — не просто удовольствие, а полезное дело. Так мне пересказала Александра Львовна.

Юлия Ивановна рассказала, что слышала от Л. Н.: «Нельзя проповедовать учение выше своей жизни, а если уж проповедовать, то в самой отвлеченной форме».

19 июля. Днем был Н. В. Орлов с Владимиром Григорьевичем.

У Л. Н. после вчерашней верховой езды воспаление вены на берце хуже. Он предполагал, что не повредит себе, т. к. этим местом не прикасается к лошади. И съездил.

Л. Н.: Ездил от Горелой Поляны по дорожке, по которой никогда не ездил. Очень красивая дорожка. Цветы, колокольчики... Для кого они цветут?

Мария Николаевна: Для птичек.

Л. Н.: Птица вывелась (птенцы),— и рассказал, где живут вороны, где другие птицы.

Сегодня пополудни не сходил вниз. Вечером приехал Д. В. Никитин (по пути из Кочетов) и уехал ночью, а также В. С. Толстая и Мария Александровна. Л. Н. сказал Дмитрию Васильевичу и мне, что в его возрасте переход *туда* скорее желателен.

Л. Н. на днях поправил рассказ В. С. Морозова «За одно слово» и написал к нему предисловие.

Работает в библиотеке, у большого окна к Чепыжу. Сидит с ногой, лежащей на кушетке горизонтально или на стуле. Часто к нему входят не только Владимир Григорьевич и Николай Николаевич, но и другие. И я. Как-то перестали относиться к его занятию как к ненарушимому.

20 июля. Совсем уехала Ю. И. Игумнова, с пребывания Л. Н. в Крыму (1901 г.) жившая у Толстых, переписывавшая для Черткова письма Л. Н. и исполнявшая секретарские работы. Уехала к сестре в Льгов заняться писанием портретов Л. Н.

Л. Н. говорил, что получил хорошее письмо из Томска, только пишущий хочет уйти из дому и жить среди единомышленников [1].

Л. Н.: Все дело не в какой обстановке жить, а что, находясь в известной обстановке, в ней жить самой простой жизнью. Это во власти человека, и он в самой плохой обстановке может сделаться свободным и действовать на людей. А менять обстановку — не во власти каждого.

Л. Н.: В молодости — желание воспрепятствовать тому, чтобы все шло, как идет. В старости видишь, что этому воспрепятствовать нельзя, и все сводится к увеличению любви в себе.

Вечером Булыгин говорил о заседающем миссионерском съезде в Киеве. И будто бы там тайком предали Л. Н. анафеме [2]. Л. Н. остановил его, чтобы не осуждал и что это неинтересно — менее интересно, чем то, что он рассказывал о промахах и плутовствах при постройке чертковского дома в Телятинках.

В Англии и Америке все эти пасторы проповедуют мир, любовь, а как только война — войну, повешения,— сказал Л. Н.

Мария Николаевна: Павел хотел, чтобы его прибили к кресту, как Христа.

Л. Н.: Это ни к чему,— и сказал, что есть другое, что́ хотеть.— В ста-

рости видишь, что все это зло в мире продолжается. В молодости и люди христианского мировоззрения хотят устраивать других, а старому видно, что это ни к чему и что только самому надо от зла отстраниться.

21 июля. Был Носков-живописец. Л. Н-чу понравился. Он с Дона, где шахты. И, сравнивая здешний народ с тамошним, сказал, что здешний кажется ему темным.

Л. Н.: Темнота — ничего, а ⟨дурно⟩ ложное просвещение.

Приехал Ф. А. Страхов с Владимиром Григорьевичем. Со вчерашнего дня здесь Булыгин с сыном Мишей. Вечером Гольденвейзеры. Вечером Л. Н. передавал, что слышал от Страхова о его племянниках Авиловых, которые предаются искусству, и это их удерживает и от дурной жизни, и от революции, и от христианства, которого родители боятся. (Сами студенты юридического факультета, но не посещают лекций, зная, что к экзаменам в несколько недель можно приготовиться.)

Мария Николаевна рассказала, что недавно видела во сне свою мать. Приписывает этому сну, что мать скоро позовет ее. Предполагает, что она умрет раньше Л. Н.: она слаба, Л. Н. же сохранился.

Л. Н. спрашивал Марию Николаевну, какой она себе представляет мать.

Мария Николаевна: Маленькой, худощавой, мелкие черты лица, темносерые глаза, глубокий взгляд.

Л. Н.: Из нас только у меня и у Николая были серые глаза.

По поводу того, что Л. Н. сам ездит по лесам, Софья Андреевна вспомнила, как Л. Н. не очень давно, лет десять тому назад, в один темный осенний вечер — дождь как из ведра — в своем собственном саду заблудился, два часа ходил туда-сюда. Пришел в 10 часов вечера. Потом как-то раз, когда ей было 24 года, Л. Н. выбрался к Саблукову и, обещав вернуться в 12, просидел до 4 часов утра у Аксаковых. Потом как он упал с лошади, дополз до шоссе, его привезли. Вывихнул себе руку [1].

Мария Николаевна припоминает:

— Мы тут с тетенькой Татьяной Александровной пришли, а он сидит бледный, и челюсть трясется, как в лихорадке. Бабка простая ему плечо правила. Тащила вместо того чтобы вправлять.

Софья Андреевна продолжала говорить о своем страхе за Л. Н. (это ее кошмар), что Л. Н. где-нибудь в глуби леса упадет в обморок и помрет и что его даже не разыщут раньше как в три дня, и в сердцах сказала:

— Что же с таким человеком, он никогда ни о ком не думает, только о себе.

22 июля. Был Дунаев, вернувшийся из Баденвейлера. Хвалил немецкие порядки. Порицал русское правительство. Л. Н. не было интересно. Дунаев рассказал про новое сочинение Горького — «Исповедь» — и рассказал содержание [1]. Говорил с некоторым энтузиазмом и советовал прочесть Л. Н-чу.

Л. Н. (*выслушав*): Меня не интересует. Это все умные слова. Что значит «народ», «бог»? (Горький в «Исповеди» пишет так.)

Дунаев: Рабочий народ.

Л. Н.: Какой рабочий народ? Где его пределы, граница, что такое значит народ? — И Л. Н. привел в пример Пушкина, у которого все ясно; слова имеют свое определенное значение.

У Л. Н. болит нога. Слабый жар. Но выходил из дому. Пополудни лежал на кушетке, прочел из нового номера «Слова» «Тилили» Д. Философова (о бессмысленной модернистской поэзии Бальмонта) [2].

Похвалил фельетон Поссе в «Слове» (около 18 июля) «Мы» и наши дети» [3] (о том, что теперь изумляются распространению порнографии, порочности современной молодежи, а Поссе, сравнивая ее с своим поколением 70-х годов, находит, что то было порочнее).

Л. Н.: Сытин говорил, что порнография теперь не идет, а социализм совсем не идет. Теперь идет Шерлок Холмс, Пинкертон и тому подобное.

Дунаев рассказал, будто бы в Совете министров было предложено Щегловитовым покарать Л. Н. за «Не могу молчать». П. А. Столыпин воспротивился.

Вечером Л. Н. дал читать вслух Николаю Николаевичу письмо из Канады Мульченко. Его исповедь, как был баптистом, хлыстом, как ему нравятся религиозные книги Л. Н., кается в своих грехах, особенно в половом блуде [4].

Дунаев ночью уехал.

Софья Андреевна сказала что-то об Авиловой, что нехорошо, скучно пишет.

Л. Н.: Авилова пишет лучше Андреева. Она выбирает старые нравственные темы и пишет на них. Пишет умственно — сухо.

23 июля. У Л. Н. разошлось воспаление вены в верхней половине берца в длину сантиметров двенадцать.

Был Андрей Львович с женой и двумя свояченицами, Е. И. Попов (приехавший из Болгарии), Клечковский и Страхов.

24 июля *. Была вице-губернаторша Фере с дочерью. Играл Клечковский на фортепьяно, был Файнерман, и вышла сцена из-за него с Софьей Андреевной. Два английских корреспондента [1], Е. И. Попов, Д. Д. Оболенский, Страхов.

Л. Н. с Николаевым о земле:

— Как никто не обращает внимания на неустройство земельного вопроса!

Говорили о культуре полей по Демчинскому.

Л. Н-ча привозили в залу в кресле.

Л. Н.: Мне весело, что совершенно не боюсь болезни.

Фере спросила Софью Андреевну:

— Ваш дядюшка Исленьев хорошо играл Шопена?

Л. Н.: Шопена тогда еще не знали в Москве, он вводил его. Я помню, что тогда еще было в обществе некоторой смелостью хвалить Шопена. Это еще не было в обществе принято.

Кто-то заметил, что в переписке Тургенева есть такое место: «Появился новый писатель, некто Островский» [2].

Кто-то сказал по поводу игры Клечковского: «Никогда не умрет».

Л. Н.: Я не так думаю. Старая музыка: Бах, Бетховен — вот это не пройдет.

Д. Д. Оболенский: У Бетховена в сонатах есть русские народные песни. Отец Юрия Голицына посылал ему русские песни. Первым Голицын составил хор певчих (русской и славянской песни), Агренев-Славянский у него перенял. C-durная соната Бетховена, последняя — прямо русская.

Когда Д. Д. Оболенский уезжал, Л. Н. велел кланяться Суворину и высказался о «Новом времени» непохвально и что он не читает его.

Дмитрий Дмитриевич ответил, что Суворин жалуется: в «Новом времени» пишут бог знает что, он не может управиться. Когда он (Суворин) этого не может, как же требовать от царя, чтобы он управлял Россией?

Л. Н. спрашивал Н. Л. Оболенского про новые французские книги.

Николай Леонидович: Есть женщина одна Marcelle, две из первых ею написанных книжек хороши. Очень серьезные. Потом стали ее хвалить, и она стала писать по вкусу публики, испортилась.

Л. Н. переспросил имя Марсель и сказал:

— Как женщина, так для меня кончено.

Николай Леонидович: Пишет необыкновенно умно и хорошо.

---

* Записано 4 августа и, может быть, неточно.

Л. Н.: Евгений Иванович озабочен тем, что́ будет после смерти.

Софья Андреевна сделала какое-то замечание Евгению Ивановичу. Л. Н. заступился за него и продолжал говорить:

— Об этом не думают или люди легкомысленные, или суетливые... Более глубокие додумываются до конца.

***25 июля.** Л. Н. второй день в кресле. Была А. М. Булыгина с трехлетним мальчиком, со знакомой и с чужим мальчиком. Н. Н. Фере (дочь бывшего тульского губернатора, ныне сенатора Зиновьева) рассказывала, что ее отец — православный, не пропускающий обеден,— каждый день читает всем вслух «Круг чтения». Л. Н. обрадовался и разговорился про другие два «Круга чтения».

Л. Н.: В новом «Круге чтения» мысли одного дня вытекают из мыслей предшествовавшего, и так весь месяц. Ряд их повторяется 12 раз. Бог мне дал сотрудником Николая Николаевича, который мне так помогает.

Когда дивились (и сам Гусев дивился) его (Л. Н.) памяти, что может новый «Круг чтения» писать, Л. Н. сказал:

— Кто на ком женился, кто Надежда Петровна, кто Иван Петрович — это я забыл, а мысли я помню лучше, чем прежде. Нисколько в старости умственные способности не ослабевают, а получают другой характер.

** *Л. Н.*: Анархизм есть только проявление христианства в области политической. Если пространственно христианство огромное, то только в маленькой части совпадает с политическим анархизмом.

Л. Н.: Аренский — премилый человек. Очень талантливый. Я помню, последний раз приехал, очень мне понравился. Хорошие вещи, очень, такие простые, ясные.

26 июля. У Л. Н. нога больше припухла. Говорил: «Перетрудил ее. Быстро шел с купальни в гору длинными шагами. Все хорошо; умереть мне не неприятно!» ***.

Я рассказал Л. Н., что брат мне пишет о «Круге чтения»: ему дорога эта книга.

— Разве есть по-чешски? У такого маленького народа! По-английски нет,— сказал Л. Н.

— «Царство божие» появилось по-чешски во втором издании. Среди чехов есть близкие вам по духу люди,— сказал я.

Л. Н. говорил о письмах от крестьян. Радуют его. Те же выражения, как если бы сговорились, теми же словами: отошел от церкви, к революции,— не то... О жизни...

Л. Н.: Есть определенное религиозное понимание без чудесного.

Владимир Григорьевич: В Англии от суеверия церковного уходят и останавливаются на атеизме, материализме. А в России усваивают себе ваше религиозное жизнепонимание.

Л. Н.: Шопен писал очень трудно, постоянно марал и был вечно неспокоен.

Л. Н.: Свойство всякого таланта — скромность и простота не напущенная, смирение, неверие в себя. Это прямо определяет величину.

---

* Отсюда до конца записи 26 июля текст вписан Маковицким позднее.— *Ред.*

** Отсюда и до конца 26 июля идут разрозненные записи.— *Ред.*

*** Самое большое страдание для Л. Н., когда заболевает,— не болезнь, а лечение, приставание — особенно Софьи Андреевны,— чтобы лечился. Софья Андреевна всецело убеждена в том, что недостаточно только не вредить болезни, вести себя сообразно, спокойно и терпеливо, переждать, пока пройдет, а всегда нужно лечить ее разными средствами. Софья Андреевна страсть к лечению, вероятно, унаследовала от отца. Л. Н. в письме к ней от 25 ноября 1864 г. так пишет о нем: «А. Е. (А. Е. Берс) тоже тяжел своей непрестанной, томящей заботой о своем здоровье, которое было бы действительно много лучше, ежели бы он меньше о нем заботился и воздерживался бы» (Из книги «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене». Москва, 1913) [1].

ХУДОЖНИК Н. В. ОРЛОВ
Ясная Поляна, июль 1908 г.
Любительский снимок
«Днем был Н. В. Орлов...».— Запись от 19 июля 1908 г.

Об отношении к Жорж Санд.

Л. Н.: Трудно себе представить это — Жорж Санд, все, что про нее знаешь, отвратительно. Самая отвратительная особа.

— А есть вещи хорошие. «Consuelo»,— сказала Мария Николаевна.

Л. Н.: Нет, нет! Своего рода напыщенность.

Мария Николаевна вспомнила Жорж Санд в Йере, когда Николенька умер: крупные черты лица. Она немолода была.

Фере пела романсы. Гольденвейзер играл.

Около Л. Н.— девицы, оставшиеся ими Христа-ради, вегетарианцы, абстиненты, непротивленцы, опростившиеся люди, земледельцы, отказавшиеся от военной службы, отказавшиеся платить подати, судиться, переставшие быть помещиками, студентами, офицерами, писателями (профессиональными).

27 июля. Л. Н. по поводу своего вчерашнего мрачного состояния говорил мне, что и когда дурно — хорошо, и когда хорошо — хорошо. Когда дурно, работа мысли плодотворна.

Л. Н. проснулся в 8.30, умылся в постели, перелез в кресло на колесах; ему приложили три пузыря со льдом на бедро, колено и берцо и перевезли в кабинет к четырехугольному столу. Здесь он прочел почту, и Николай Николаевич читал ему до двух часов «Свод мыслей» по ремингтонному экземпляру Черткова. И Л. Н. выбирал из них для «Круга чтения». Пополудни же, когда Николай Николаевич ушел к Черткову, сам Л. Н. читал свое «Об искусстве» и выбирал мысли. Сказал, что о науке много мыслей в «Круге чтения», об искусстве же мало.

Пополудни был Чертков и просил Л. Н. не соображаться с Сытиным при корректуре нового издания «Круга чтения» (т. е. Л. Н., внося иную мысль, шутя говорит: «Это для Сытина», «Это для Зиновьева»), вообще с цензурой. Можно напечатать второе издание за границей.

С 3.30 до 5-ти Л. Н. в кресле на балконе, около него Владимир Григорьевич, Сергеенко, Перна и я. Л. Н. рассказал, что умер Сиксне и дал прочесть вслух письмо его брата. (Сиксне — эстонец, отказавшийся от военной службы и умерший в тюрьме от чахотки.) [1]

Л. Н., очевидно, был очень тронут, сидел задумавшись. Недели три-четыре тому назад умер отказавшийся Мокрый. Сообщавший о его смерти (от тифа в Херсонском дисциплинарном батальоне) из того же батальона Варнавский сам болен «хронической пневмонией»,— как он пишет [2].

Разговор о тюрьмах, о карах. Л. Н.— о полученном письме Молочникова из переполненной тюрьмы в Новгороде [3] и еще кого-то, пишущего, что обращение на *ты* там самое вежливое, а то «сволочь», и т. п. Л. Н. с П. А. Сергеенко о том, какая кара постигнет его сына Алешу в случае отказа. Она теперь неопределенна. При Ванновском была установлена ссылка в Якутскую область на 18 лет. Чертков сказал, что в заседании, где это было поставлено, Победоносцев был за шесть лет, Ванновский — за 18, и его проект был принят, после заменили (во время революции), боясь массовых отказов, более тяжелой карой — заключением до шести лет в арестантские роты. Тут строгости, холодные карцеры. Многие умирают от чахотки.

Л. Н. задал вопрос:

— Сколько теперь заключенных за отказ, человек 15?

Сергеенко и Чертков думают, что больше; что нам известно только про малую часть их. Сергеенко думает, что сотни—вместе с отказавшимися не по религиозным убеждениям.

Л. Н. с 5 до 6 спал на диване. Обедал на кресле с нами. Кресло поставлено боком к столу. После играл в шахматы с Сергеенко, Гольденвейзером и пробыл до 10.45. Были Звегинцева, А. А. Гольденвейзер. В 11.45 потушил свет.

Сергеенко приехал объясниться с Софьей Андреевной, написавшей ему резкое письмо, потому что без ее спроса печатает в юбилейной книжке «Толстой — детям» треть из «Книги для чтения» и части других произведений — «Детство» и т. д. Софья Андреевна была с Сергеенко бесцеремонна, как бывает во всех денежных и хозяйственных делах. Сегодня прогнала стражников за то, что не устерегли (вчера рассчитанные садовые сторожа унесли из кузминского дома тюфяки). На днях разочла пятого приказчика в продолжении одного года. Сергеенко погрозила судом и пропечатанием в газетах, что все, кто нарушит издательские ее права, будут привлечены к суду. Сергеенко ответил, что он предъявит письмо Л. Н. к нему (в котором Л. Н. позволил ему пользоваться своими сочинениями в его юбилейной книжке для детей), и пусть Софья Андреевна с ним (Л. Н.) судится [4].

Софья Андреевна рассказала это с большим волнением. Бранила Сергеенко после его отъезда и приходила к Л. Н. высказаться. Л. Н. мне о ней: «Несчастная женщина».

28 июля. У Л. Н. ночью, между 12 и 2, озноб, не спал до двух. Проснулся в 9.30.

Я сказал Л. Н., что Николай Николаевич в передней разговаривает с революционерами, разъясняет им, они спорят. Как редко теперь революционеры спорят, а раньше...

Л. Н.: Я нынче думал, как все ведет к одному. Правительство с его подавлением приводит революционеров к христианскому пониманию,

далеко более опасному для него. Не имея успеха, принимают эти взгляды.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Мария Николаевна, Александра Львовна, Наталья Михайловна, Андрей Львович, Варвара Михайловна, Николай Николаевич, позже Чертков. Л. Н. рассказал про беседу Стэда со Столыпиным [1]: «Ужасно!» И рассказал содержание. Столыпин на вопросы, сколько смертных казней, сколько ссылок, отвечал, что он не знает, не ему подведомственно.

— Кто-то пишет мне,— сказал Л. Н.,— что кто-то был приговорен к смертной казни и вследствие ходатайства Столыпина был освобожден. Так что видно, что смертная казнь зависит от него.

Софья Андреевна говорила о том, что пойман сторож яблочного сада, укравший вчера ночью из кузминского дома тюфяки, занавеси, чехол с дивана.

— Тот, кто украл, святой перед Столыпиным. Столыпина бы не пускать в переднюю,— говорил Л. Н. возмущенно.— Один ворует и продает краденые вещи, а тот подписывает и продает совесть. С тем здороваемся; подаем ему руку.

Л. Н.: Пишет мне ученик четвертого класса гимназии о том, как ему понимать «Санина». Это литература для гимназистов! Есть вопрос для них: что есть Христос и Арцыбашев — кому из них ему следовать. И женщина пишет мне, чтобы я написал о порнографии [2].

Л. Н.: Сегодня был молодой человек, я просил Душана Петровича сказать ему, что ни ходатайственной, ни денежной помощи оказать не могу. Он из крестьянской семьи, «вышел в люди» и помог своим братьям «выйти в люди», как он выразился. Тут я ему сказал, что под «вышедшими в люди» у меня подразумеваются те, кто в лаптях. Он наделал долгов, и остается ему или жениться «на деньгах», или тюрьма, или самоубийство.

Андрей Львович рассказал, что ехал в вагоне с председателем военного суда в Риге. Тот сказал, что он 17 смертных приговоров подписал и что трудно смотреть в лицо человеку, которому читаешь смертный приговор.

— Он читал твою статью «Не могу молчать»,— сказал Андрей Львович,— отлично понимает ее, но считает своим долгом хоть и еще 17 смертных приговоров подписать.

Л. Н.: Но есть божий закон.

Софья Андреевна: А тут был становой и говорил, что хорошо, что Лев Николаевич заступился за осужденных на смерть, что не надо смертных казней.

Л. Н. сегодня диктовал и сам писал.

Л. Н.: Еще кончить «Круг чтения» — на 14 дней работы осталось. Если буду жив — этим словам теперь приписываю более действительное значение,— кончим.

Л. Н.: У меня нынче и вчера было нехорошее расположение духа *.

Владимир Григорьевич сказал Л. Н., что он опять прочел статью о непротивлении и находит в ней новое.

Л. Н.: Эта статья и еще..... **

Мария Николаевна подала Л. Н. письмо, полученное от докторши Дубенской, урожденной Цуриковой, из Калуги. Гусев прочел его вслух. Пишет, что много Л. Н-чу грехов бог простит за его отклик о смертных казнях, и пишет о грехе землевладения и о законе, по которому каждый пьянчуга может лишить жену, детей земли. Просит переслать это письмо Столыпину.

---

* У Л. Н. вчера и сегодня небольшой жар. Вследствие этого плохо владеет собой.

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

В зале перевязывал ногу Л. Н-чу. Кто-то заговорил по поводу перевязок.

Л. Н.: Тут только та беда, что после всего этого (перевязок) я умру.

Речь о вырезании почки у брата присутствующей Натальи Михайловны (Льва) и у одной из двоюродных сестер Владимира Григорьевича.

— А вы бы дали себе вырезать почку?— спросил кто-то Л. Н.

Л. Н.: Нет, ничего бы себе не дал отрезать. Другое дело другим (разумелось согласие Л. Н. на операцию Татьяны Львовны, при которой он присутствовал даже [3]). Тут соблазн. Лечиться, следить за собой — это стоит жизни. Болезнь иногда продолжается годами, и ты все внимание обращаешь на уход за своим телом.

После обеда у себя Л. Н. читал новую книгу Анатоля Франса «Jocaste» [4] и потом в зале прочел первую главу, хохоча. И Чертков и Мария Николаевна смеялись добрым, им обоим свойственным смехом.

Л. Н.: Первая глава остроумна, это так бодро, весело. Только французы могут так писать художественно.

Когда я перевязывал ногу, Л. Н. пошутил, что лечение это напрасное. С тех пор, как лежит, ему только хуже, больнее. Раньше мог наступать без боли, теперь — нет. Я объяснил ему, что это оттого, что, лежа, нога отвыкла от движения, но что покой тут необходим. Л. Н. прочел в «Jocaste» о докторе Пинеле, который, констатировав болезнь (рану), сам не лечил, а смотрел с удивлением на ее самозаживание. Л. Н. сказал, что лечение, лекарства в девяти десятых случаев только вредят естественному ходу самовыздоровления.

29 июля. Приехал Н. Л. Оболенский. Л. Н. плохо спал от изжоги. Ночью, с 12 до 2, уже третью ночь в это самое время, знобило его. Хотя температура только 36—36,9. Пульс 90—84. Утром последний тромб в середине бедра болит. Опухоли прибавилось, краснота. Л. Н. в подавленном состоянии духа. Утром был у него по-русски говорящий немец, германский офицер Кульман, поговорить о войне. Он за войну, как за неизбежную для человечества нашего времени. Едет в Киао-Чао, в немецкий гарнизон.

Вечером пришел из Петербурга «бессмертник»-учитель и очень настаивал на свидании с Л. Н-чем. Л. Н. послал к нему Николая Николаевича. Наконец «бессмертник» написал письмо, просит похлопотать за него [1].

Л. Н. (*Николаю Николаевичу*): Пусть он войдет в мое положение. Они думают, я один и он один.

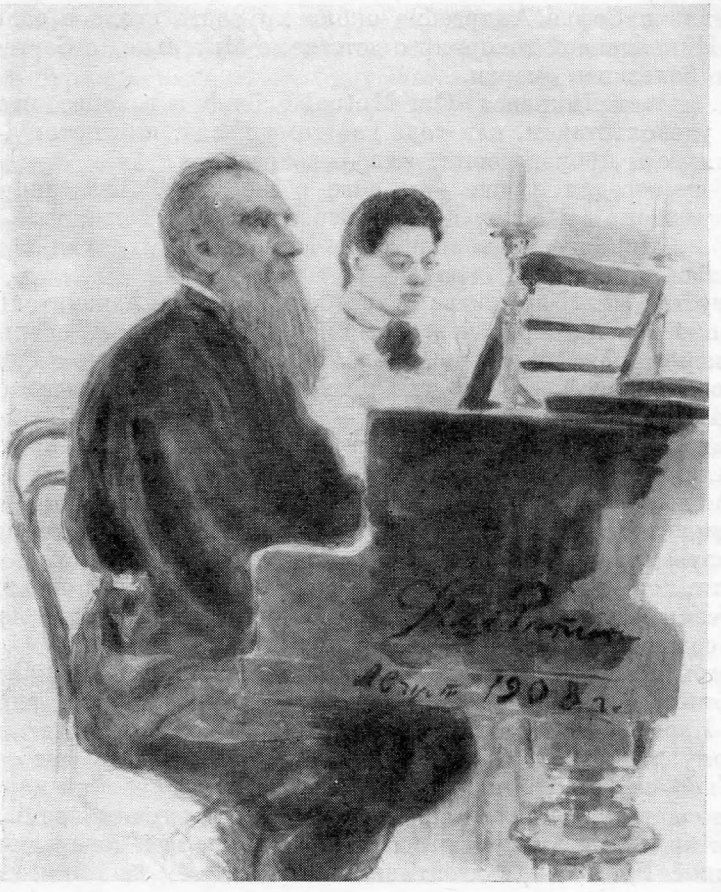
Николай Леонидович: А их миллион.

Днем был Чертков с управляющим имением Козловым. Вечером С. Д. Николаев, Гольденвейзер.

Л. Н.: Я прочел «Jocaste» Анатоля Франса — плохо, очень плохо. Начало хорошо. Есть блестящие места бойкой французской болтовни, но в общем плохо.— И Л. Н. рассказал обстоятельно его пустое, не объясненное автором содержание.

30 июля. После пятидневной остановки воспаление вены пошло дальше, повыше середины бедра. Л. Н. тоскливый. Мало ест. Весь день пробыл в кабинете, только с 8 до 8.30 на балконе. Вечером были И. И. Горбунов, Мария Александровна, Е. И. Попов, Гольденвейзер, Страхов, Наталья Михайловна. Евгений Иванович пришел с философскими вопросами — не вовремя. Л. Н. был слаб, усталый, и сказал, что философские вопросы надо ему решать самому с собой, с богом... Нечего советоваться.

Л. Н. говорил, что вчера пришел «бессмертник». Когда «бессмертник» умирает, значит не крепко верил в бессмертие. Мария Николаевна, убежденно говорившая с православной точки зрения о вечной жизни, говорила между прочим, что будет награда справедливым — слияние с богом. Л. Н. на это ответил, что нельзя время, понятие времени, пере-



ТОЛСТОЙ С ДОЧЕРЬЮ АЛЕКСАНДРОЙ ЛЬВОВНОЙ ЗА РОЯЛЕМ

Акварель И. Е. Репина с автографической подписью художника «Илья Репин. Август 1908 г.» Рисунок был сделан Репиным во время пребывания в Ясной Поляне в сентябре 1907 г.

носить в загробную жизнь и что нет — *будет*, а есть — *есть*, что все сольются с богом. Бог — любовь. Между самым лучшим и самым худшим человеком такая малая разница против той, какая между ними и богом.

Л. Н. беседовал с Александрой Львовной о грядковом посеве хлебов по Демчинскому (Демчинский должен приехать). Александра Львовна и в прошлом году, и теперь делала пробные посевы в Телятинках. Александра Львовна вырезала из «Нового времени» сообщения об опытах этих [1].

Л. Н. говорил, что он читал в газетах: воздушные шары, подводные лодки, новый вокзал в Петербурге в 12 миллионов, — все силы уходят на самые глупости, а это — грядковая культура — самое существенное.

1 августа. Л. Н. после шахмат рассказал, что сегодня читал подробно газеты, и рассказывал про данную Турции конституцию [1]:

— Все дело в солдатах. На них нельзя было положиться, султан дал конституцию.

Получено письмо из Москвы: незнакомый, которому по его просьбе было послано «Не могу молчать», благодарит и обещает прислать 100 экземпляров Л. Н-чу. Вечером не было гостей. Л. Н. в кресле, Мария

Николаевна и Софья Андреевна около круглого стола в зале; Л. Н. с Марией Николаевной говорили о детстве, о Митеньке, о Сергее Николаевиче, его болезни и смерти.

Л. Н. читает Диккенса «Our Mutual Friend» и говорит, что читает не с таким удовольствием, как года два тому назад: или потому, что это не из лучших его произведений, или — возраст.

Л. Н-чу сегодня лучше — и ноге и желудку. Александра Львовна вечером уезжала в Москву по финансовым делам. Так как Л. Н-чу лучше, Мария Николаевна торопится в Пирогово, а оттуда в монастырь. Соскучилась по нему.

2 августа. Л. Н-чу вчера и особенно сегодня значительно лучше. Воспаление вен на берце и в середине бедра прошло. Теперь только на внутренней стороне колена довольно сильно и повыше до половины бедра менее воспалено. Л. Н. сегодня позвал Ф. А. Страхова на балкон и с 3.30 до 4 беседовал с ним. Главное — о посадке ржи по Левицкому («Новое время», 27 июля) [1] и по Демчинскому, чем интересуется Александра Львовна, и о предполагаемом поселении на зиму Страховых в Телятинках. Федор Алексеевич с Л. Н. о решении земельного вопроса: 1) о решении нравственном (*Л. Н.*: Захвата земли нет у животных. Мыслимо ли, чтобы гнезда захватывали? Одна кукушка кладет яйца в чужие. У Шереметевых земли, коих даже в век свой и не видят. Как это люди не видят греховности, безнравственности земельной собственности? Русский народ до недавнего сознавал его), 2) об интенсивной культуре земли.

Об этом же самом говорил Л. Н. с Чертковым и Перной за обедом. Присутствовали Софья Андреевна, Мария Николаевна, Николай Николаевич, Перна. Л. Н рассказал, как сажать рожь в конические ямки, по Левицкому; каждые три недели окучивать, засыпать, у нас так — шесть раз, в Ташкенте — одиннадцать раз. Получится глубокий корень и большой куст со стеблями в камыш. С одного корня получится семь пудов ржи. С десяти квадратных саженей столько, сколько при теперешней обработке в Ясной Поляне — с десятины.

Софья Андреевна говорила, что просил нанять его огромного роста человек, которого в пути обокрали, и она наняла его. Работает превосходно. Разговор о том, как все воруют: и на железных дорогах, и на постоялых дворах, и везде.

Л. Н. сказал, что среди богатых одна тысячная того воровства, которое терпят бедные, потому что друг у друга не крадут и лучше охраняется.

Вечером должен приехать Сибор, скрипач. В разговоре о нем Л. Н. заметил, что его тетка ненавидела его, Л. Н-ча. Сибор ей прочел мысли из «Круга чтения» — ей понравились; когда спросила, кто писал их, назвал Л. Н., и она стала читать «Круг чтения».

Гусев: Это со многими было бы, если бы имели возможность читать.

Л. Н.: Есть французская пословица: «Нет более глухих, чем те, которые не хотят слышать» [2].

Л. Н. по поводу скрипача Сибора:

— Как это странно — как ни сильно действует скрипка, меня более трогает игра на фортепьяно. Скрипка более действует на нервы, и пение также.

Л. Н. рассказал сон, Владимир Григорьевич тоже, и он был пойман на том, что приятность его сна была построена на тщеславии.

Л. Н. сказал по этому поводу, что с чем наяву борешься, то во сне снится (не совладеешь с ним):

— Знаете, что Паскаль носил колючий пояс, и когда чувствовал себя в грехе тщеславия, то нажимал на пояс.

Шахматы с Владимиром Григорьевичем.

В «Русском слове» напечатано письмо Софьи Андреевны, написанное

по поводу Сергеенко, чтобы никто не перепечатывал сочинения Л. Н., написанные до 1881 г. Л. Н. сегодня весел, радостен. Неделю тому назад говорил про будущее так: «Если буду жив — этому теперь приписываю более действительное значение»,— и прощался вечером серьезно, как если бы не ожидал, что утром будет жив.

Вечером, с 8 до 11, концерт: Моцарта три вещи, Бетховена «Соната c-moll», Грига «Соната e-moll».

На вопрос Гольденвейзера, как нравится Григ, Л. Н. ответил:

— Искусственно. Сначала мелодично, потом однообразно. Не вижу, чтобы это вырвалось из сердца, как у Моцарта; чтобы одно вытекало из другого, предшествовавшего.

Затем Л. Н. сказал:

— У Гайдна ясно, просто; у Моцарта уже есть то, что у Бетховена в такой сильной мере выражено,— драматизм, но у Бетховена — со страшной силой; вот ему подражает Григ и делает гадость. У новых — у Грига — драматизм доведен до скуки. Какое это отклонение от настоящей музыки! Только там и отдыхаешь, где мелодия — народная песня.

Когда Л. Н. хвалил Гайдна, Гольденвейзер сказал, что, по новым исследованиям, он славянского происхождения и в его вещах много мотивов славянских, например — в девятой симфонии «Скерцо» русское.

3 августа. Приехала М. А. Маклакова. Днем Чертков. После обеда рассказала очень хорошо Л. Н-чу новости. За обедом Л. Н. спросил ее:

— Сколько вам лет?

— Тридцать.

Л. Н.: Поздравляю вас, Мария Алексеевна.

Мария Алексеевна: Я желала бы быть 20-летней.

Л. Н.: А я ни с кем не поменялся бы.

Мария Алексеевна рассказала, как хорошо провела она последние месяцы за работой, которую ей дал Чертков,— переводить «Историю церквей» Mrs Mayo. Л. Н. поблагодарил Александру Львовну за книги, которые вчера привезла ему из Москвы.

Александра Львовна: Мама́ меня упрекнула, что я тебе не привезла новейших романов.

Л. Н. спросил Маклакову про новейшие романы, знает ли. Ответила, что да. Есть романы Вилли (Willy), 80-е издание, настолько грязные, что нельзя читать. У Золя описано так, как есть, а Вилли смакует. Потом распространена книга Мирбо «Le jardin des supplices» — всевозможные китайские пытки и казни. В России эта книга запрещена и в русском переводе издана с сокращениями.

Л. Н.: Русские не отстанут от них в казнях.

И Л. Н. привел только что полученное письмо Молочникова из тюрьмы и прочел его вслух, чуть не рыдая. Письмо длинное [1]. Потом Л. Н. спросил про выборжцев. М. А. Маклакова рассказала. Потом про политические новости. Она была у Паниной, где живет И. И. Петрункевич,— пока из-за болезни на свободе. Там полторы недели тому назад ожидалось, что будет поворот, что Столыпин как слишком либеральный не удержится.

Л. Н.: Какой же поворот от Столыпина? Он plus royaliste que le roi *.

Вечером (было нас 19) Гольденвейзер с Сибором играли Моцарта, Шуберта, «Крейцерову сонату» и Направника русские песни.

Л. Н.: Направника русские песни чудесны.

Гольденвейзер: Мне не нравятся — не в русском духе сделаны.

Л. Н.: Да. (И то и другое говорил от усталости.)

---

* более роялист, чем сам король (франц. поговорка).

Разошлись в 11.20. Л. Н. благодарил Гольденвейзера и Сибора, главное — за Марию Николаевну, что ей доставили удовольствие.

Мария Николаевна после Моцарта:

— Как же это с ним Грига сравнять? После «Крейцеровой сонаты» Бетховена сердце умирает.

Третьего дня Владимир Григорьевич спросил Л. Н., читавшего на днях Эльцбахера «Анархизм» [2], правда ли, что Л. Н. ставит Кропоткина на последний план (т. е. из тех семи анархистов, о которых пишет Эльцбахер).

Л. Н.: Не на последний план, а есть гораздо сильнее мыслители. Градация такая: первый — Годвин, потом Прудон, Бакунин, потом Штирнер (Штирнер силен, но уже средний), потом Кропоткин, потом Тукер.

Владимир Григорьевич: Шелли был женат на дочери Годвина. У Шелли есть сочинение «The Mask of Anarchy» — поэма.

4 августа. Днем приехал Гинцбург. Когда я перевязывал Л. Н. ногу, он с Николаем Николаевичем говорил о Лао-тзе, которого сегодня читал. Лао-тзе был известен в свое время, и прежде, чем уйти, он написал свою книгу. Когда ему исполнилось 100 лет, он исчез — перешел Варварскую стену. Эта книга есть основа китайской мудрости. Все китайские философы его знают. И Конфуций — его современник. Последователей Лао-тзе не оставил, он писал китайским письмом; как трудно его переводить! Китайское письмо имеет 240 (основных) коренных знаков, и 30 000 других. Эти подставляются под основные. Чтобы выразить «мысль», надо нарисовать стрелу и рот, а чтобы выразить «путешествие», надо нарисовать оленя и хождение.

— Я добавлю (в своих сочинениях),— сказал Л. Н.,— что не у одного Христа, а и у Лао-тзе, и у Будды есть непротивление, у Конфуция нет, он говорит: «Если будем добром платить за зло, какая же будет награда за добро?» [1].

За обедом Гинцбург рассказывал про Репиных, что они устроились так, что не могут принимать гостей на петербургские обеды. «Теперь будем жить без рабов (прислуги)»,— говорят они.

Это известие было приятно Л. Н.

Мария Николаевна возразила:

— Как же, придут гости, приятно вместе поесть.

Л. Н.: В Петербурге безобразие с едой — ужинают ночью. Зачем же гостям непременно есть? К Николаевым ходят не на обеды, а с ними чай пить и то есть, что они едят, это естественно.

Л. Н. рассказал, что получил письмо от Т. А. Кузминской:

— Пишет «с великой просьбой», спрашивает (я ожидал серьезный вопрос, радовался): между ее сыном-кавалергардом и другими возник спор, был ли Вронский кавалергард или лейб-гусар. Какие вопросы интересуют петербургскую молодежь! [2]

(В другой раз кто-то так же серьезно обратился к Л. Н. с вопросом, в каком он — Вронский — чине вышел в отставку.)

Гинцбург рассказал про скульптора Трубецкого в Париже. И между прочим сообщил, что Трубецкой целые годы считался профессором Московской Художественной академии и ни разу не преподавал. И продолжал быть учителем и получать жалование. Отказаться не хотел, потому что тогда пригласят другого, который будет учить, а он считал заслугой, что не учил: «Учение портит самобытность. Если я откажусь,— говорил Трубецкой,— пригласят другого, и тот будет учить, а учить вредно. Я бы всем профессорам платил двойное жалование, только бы не учили» [3].

Л. Н.: Это верно. Он сам не учился, а какой художник! Он дорожит тем, что не учит учеников. Если художника учить, будет ученик и потеряет самобытность, а он (Трубецкой) — художник такой самобытный.

Л. Н. добавил весело:

— Молодец! Это кажется парадоксально. Трубецкой живет своим умом.

Л. Н. (*Гинцбургу*): Рекомендую вам читать в августовской книге «Вестника Европы» (ее у нас еще нет) рассказ Леонида Семенова о смертной казни.

И Л. Н. рассказал про Семенова, кто он такой:

— Живет в деревне, молод, энергичен, холост. Такой переворот даже меня пугает. У Репина маленький переворот. Леонид Семенов литературного тщеславия боится, напечатать я его уговорил. У него есть дед — географ, сенатор, старик. В последнем письме Леонид Семенов пишет, что жизнь его деда тяжела, что ни во что не верит, «любит о вас слышать, напишите ему». Я хочу ему написать [4]. Это мой сверстник. Стасов, Тургенев — мои сверстники — считали религию слабостью. Семенов много работал по географии, в Сенате, в Государственном совете. Не успел ни минуты подумать о душе, а теперь так и отвык.

Приехал Чертков с Евгением Ивановичем. Разговор после обеда продолжался.

Л. Н. Гинцбургу о Молочникове.

Гинцбург Л. Н-чу о Семенове (которого, оказывается, он знает), что за ним в Петербурге следили. Хорошо, что поехал в деревню.

Чертков: Я нашел между своими вещами маленькие рассказы Аполлова. Хочу показать вам.

Л. Н. просил отдать их прямо Гусеву, «чтобы прочел».

Разговор о Гусеве.

Л. Н.: Стенография хороша, я думаю, со временем все выучатся, полезная вещь.

О Молочникове, его письме, Л. Н.:

— Удивительно сильный человек! Как он пишет! Он свое уныние не скрывает.

Потом Л. Н. говорил, что Молочников хотел сидеть в одиночке, но ему не дали; сидит в общей камере, где о занятиях, чтении, учении и речи не может быть. Молочникову тяжело, но не негодует. Л. Н. говорил дальше, что так хорошо. Не надо себе желать особого положения, внешне менее тяжелого.

Владимир Григорьевич: Он был присужден к году за свое поведение на суде.

Л. Н.: Ему бы сбавили наказание с года на месяц, если бы подал апелляцию. Хотели защищать его Маклаков, Муравьев; он, не признавая суда, не хотел к ним обращаться.

Л. Н. продолжал рассуждать:

— Недурна тюрьма — дает возможность передумать. В тюрьме сидеть или ходить в Петербурге обедать — никакого сравнения, последнее, несомненно, хуже *.

Л. Н. остался с Евгением Ивановичем и разговорился с ним о смерти. Евгений Иванович на днях было признался Л. Н., что он боится ее, и спрашивал, что ожидает нас после смерти.

Я услышал, как Л. Н., намекая на только что бывший разговор (М. А. Маклакова говорила, что у ее брата диабет, и Софья Андреевна подхватила: «Диабет — опасная болезнь» — и т. д.), сказал:

— Мы так привыкли думать, что жизнь — что-то такое, где можно себе ставить цели. Иллюзия. Это как если бы работник, приставленный на работу, придавал работе значение жизни.

---

* Когда была речь о Репиных, Гинцбург говорил, что он в неделю на десять обедов приглашен, так что на хлеб ему зарабатывать не нужно.

Гинцбург спрашивал Л. Н. о Похитонове. Л. Н. сразу не припомнил, кто это. Потом, когда ему напомнили, сказал:

— Я, признаюсь вам, пейзажей не ценю. Никогда я их особенно не любил. Сравнение с природой...

Гинцбург спросил Л. Н. о Нестерове. Л. Н. тоже сразу не вспомнил его, а когда Гинцбург напомнил его «Явление Христа» [5], Л. Н. сказал о самом Христе:

— Я терпеть не могу изображений Христа и ни одного не знаю, которое бы хоть сколько-нибудь мне нравилось, они меня отталкивают.

Л. Н-чу напомнили о Крамском. Л. Н. про него:

— Забыл. Тут видишь глубокомысленный... [6]

Гинцбург напомнил «Христа» Александра Иванова с Иоанном Крестителем как хорошее изображение [7].

Этот разговор о Похитонове, Нестерове и т. д. Л. Н. вел вынужденно, торопясь. Он хотел уехать на кресле в свою комнату, но дал задержать себя вопросами и отвечал быстро, чеканя, не своим спокойным, неторопливым тоном. Побыв у себя, опять покатил в залу и со Страховым, Евгением Ивановичем и другими беседовал. Между прочим о музыке.

Л. Н.: В музыкальном выражении нет осуждения, только стремление к чему-то, что подымает.

5 августа. Гостят М. А. Маклакова, Гинцбург, сегодня приехали М. А. Шмидт, Горбунов, Якубовский из Ташкента, Картушин, Чертков, Страхов, Андрей Львович и Илья Львович. За обедом Л. Н. рассказал про Рекламовскую книжную фирму, приславшую каталог Универсальной библиотеки, дошедший до номера 5 000.

О статье Морозова «За одно слово». Поправил ее Л. Н. и написал предисловие. Появится в «Вестнике Европы» и за границей. Чертков постарается о переводе. Л. Н. расспрашивал Илью Львовича о деятельности земельного банка и о его деятельности как оценщика. Илья Львович рассказывал обстоятельно. Л. Н. задавал все более подробные вопросы и, когда слышал, как крестьяне должны обходить закон, чтобы делить по-своему, обществом, сказал:

— Не могу удержаться от чувства негодования. Господин живет в Петербурге и предписывает крестьянам... у которых для понимания этого разуму во сто раз больше.

Крестьяне, как рассказывал Илья Львович, не имея возможности покупать землю обществами (банк не продает), покупают в одиночку отрубными участками и потом передают обществу, а оно делит. Л. Н. был очень возмущен этим.

Л. Н.: Для меня интересна книга индуса о положении Индии [1].

Л. Н.: Я хочу написать, как у индусов. Они хотят добиться конституционного правления, а тем навалят себе только новое бремя. Если б это не делали (не на это обращали усилия), так нашли бы другое средство освобождения.

Л. Н.: Как индусы расхваливают себя — и это большой недостаток. Им нечего искать? Монотеизм? А у нас есть один бог и, кроме него, еще несколько меньших богов.

Л. Н.: У меня теперь с индусами большая корреспонденция. Получил книжку, где описано, что̀ делают англичане. Что-то ужасное. Пошли на вывоз, на ввоз... Повторяют, что это хуже русского правительства. Они хотят доказать, что они — самый лучший, древний народ. А между тем между ними это деление на касты, и одни с другими не соединяются.

Илья Львович интересно рассказал — как все интересно рассказывает — про препротивную барыню, к которой ездил оценивать имение:

— По скверной дороге — ямщик утешал, что тут все можно, и шею сломать и заблудиться,— приехал в ее имение. У калитки сада сказал мужику — дворнику или садовнику,— чтобы доложил. И тот побежал к дому. Навстречу ему шел сын барыни и закричал на меня: «Не приближайся ко мне, а то застрелю». И действительно нацелился на меня из браунинга. Такой трус раздерганный.

Его мать говорила Илье Львовичу, что он офицер Семеновского полка. На Казанской дороге он расстрелял 20 человек. Л. Н. спросил, какой он из себя. Илья Львович рассказал и добавил:

— А это племянник Кропоткина. Его мать — сестра Кропоткина.

Софья Андреевна: Кропоткиных два брата — сыновья моего отца.— И рассказала историю, как ее отец молодым врачом лечил их мать, которая была замужем за стариком, и в результате она в скором времени родила одного за другим двух сыновей. И Софья Андреевна принесла фотографию своего отца и сличала с фотографией Кропоткина, которая оказалась у Черткова.

— В моего отца, вылитый,— говорила Софья Андреевна, сравнивая.

Илья Львович говорил, что отец Кропоткина дал хороший надел крестьянам. Якубовский рассказывал про ташкентскую колонию (В. А. Репина).

Л. Н.: Как эти (Сутковой, Лебрен) прочнее!

6 августа. До полудня остались Илья и Андрей Львовичи. Л. Н. с Ильей Львовичем о культуре — что англичанам трудно расстаться с ней, русским — легко.

Л. Н.: У англичан такая цивилизация, что жалко ее бросить. А у нас — разбойник наверху, разбойник внизу, не жалко ее.

Вечером были А. К. Черткова, Е. Д. Хирьякова, Э. Я. Перна, Дима.

Л. Н. с Димой о спорте. Дима рассказывал про сенегальскую деревню в Лондоне и про великана-кавказца.

Л. Н.: Людьми играть ужасно.

Огромная почта. Л. Н. обдумывает письмо индусу и читает книгу «India and her People» by Swami Abhedananda.

Суета.

Вчера получил Л. Н. чешскую поздравительную телеграмму от съезда славянских учителей в Праге [1]. До половины сам прочел и понял; дальше перевел я.

Илья Львович сказал про кого-то:

— Умер от заражения крови.

Л. Н.: Я думаю, он умер от смерти. Обыкновенно умирают от смерти.

Александра Львовна детски весела. Л. Н-ча нога лучше.

7 августа. Л. Н. с 2 до 5 ночи не спал. Знобило его. Утром опухоль меньше. Утром три офицера: Постников — эсперантист, Альмедиген, возражавший Л. Н-чу на его «Солдатскую памятку» (вышел из строевой службы в преподавательскую), и еще один офицер. Первого ввел Чертков, последних двух — Софья Андреевна. Ей понравились и пожалела их, что приехали нарочно издалека, хотя это не было так. Один живет в Туле. Л. Н. они были не в пору и тяжелы.

Утром Л. Н. в 10 часов проснулся, когда уже я зашел посмотреть, почему так долго не дает о себе знать. С 10.30 до 10.45 Анна Константиновна у него. Вечером приехала С. А. Стахович. Л. Н. говорил Черткову, что «Круга чтения» осталось на пять дней работы.

За обедом Владимир Григорьевич говорил что-то смешное, чудаческое про Крофта Хиллера.

Л. Н.: Люди, которые относятся к религии несерьезно, стоят дальше от религии, чем атеисты.

Л. Н. получил милое письмо от четырех человек, начавших жить об-

щиной на Кавказе; знают Лебрена, вегетарианцы; и, так как им нужны деньги, один отправился на заработки на железную дорогу.

Л. Н. спрашивал у С. А. Стахович, знает ли, что̀ нового, хорошего в русской и французской литературе.

Л. Н.: А то старик брюзжит; может случиться, что он прозевает доброе, что̀, может быть, есть. Старики не понимали Гоголя, Достоевского совсем не оценили.

Софья Александровна ответила, что не знает. Потом хвалила как второ-третьестепенное что-то французское. Говорила про последнее произведение Горького «Исповедь». Оно неинтересно.

Л. Н.: Не неинтересно, а скучно.

Софья Александровна рассказала про книгу о St.-Vincent, о нравах XVI века во Франции, как тогда благотворительность явилась чем-то совсем новым, люди были равнодушны к голоду, чуме, косившей города. Софья Александровна говорила, как сестры милосердия учреждения «St.-Vincent» ходили с ним (св. Винцентом), с фонарями по темным улицам и собирали выброшенных больных детей.

Л. Н.: Когда нравственность такая, что выбрасывают детей на улицу, то благотворительность такая ничего не сделает.

Софья Александровна возражала.

Л. Н.: Мы одинаковые христиане и не понимаем друг друга. Христос не помогал (благотворительностью не занимался) и апостолы не помогали, а учили жизнью. Если люди искренно помогают, к этим отношусь с величайшим уважением.

Л. Н. по поводу благотворительности прочел Софье Александровне, переводя по-русски, из книги Lao-Tze «Tao Teh King». «Thus one loses reason and then virtue appears. One loses virtue, and then benevolence appears. One loses benevolence, and then justice appears. One loses justice, and then propriety appears. The rules of propriety are the semblance of loyalty and faith and the beginning of disorder» (page 116 Lao-Tze's *Tao The King*) *.

8 августа. Л. Н. плохо спал, знобило его, мало ел. Боль в левом подреберье; по-моему, невралгия. Л. Н. (и особенно Софья Андреевна) предполагают внутреннюю болезнь, злокачественный нарост. В три часа пополудни Л. Н. был уверен в этом и мрачен. Когда я ему говорил, что это боли поверхностные, в брюшной стенке, Л. Н. приписывал это самонадеянности врача, который не может внутри видеть. Говорил раздраженно, нетерпеливо. Я доказывал невралгию тем, что болит при поверхностном давлении, не только при глубоком, что в том месте невралгии часты, особенно при инфлуэнце, что у него три месяца тому назад уже это место болело. За такое долгое время у старого человека злокачественная болезнь, нарост уже иначе бы проявились. Предложил гальванизацию.

Л. Н. вечером согласился и сказал, что в пользу моего предположения говорит то, что он почувствовал боль на другой стороне подреберья. Вечером у Л. Н. кашель и герпес на верхней губе.

— Это показывает,— сказал я,— что боли под ребрами нервные.

Л. Н.: Как вы рады тому, что ваш диагноз прав, и я рад и за вас и за себя. Я было приготовился умирать — опять ничего.

У Л. Н. тело горячее, жар у него.

Сегодня Л. Н. составил один день нового «Круга чтения», Софья Андреевна вчера и сегодня читала корректуру «Биографии» Бирюкова, второй том, и Т. А. Кузминской «В Ясной Поляне». Была обоими очень недо-

* «Так теряют разум, и тогда появляется добродетель. Теряют добродетель, и тогда появляется милосердие. Теряют милосердие, и тогда появляется справедливость. Теряют справедливость, и тогда появляется собственность. Законы собственности подобны верности и вере и началу беспорядка» (с. 116 Лао-тзе «Тао-те-Кинг») (*англ.*).

вольна — описанием ее роли в жизни Л. Н., но смирилась, искала поддержки. Вычеркнула много из корректур и запретила Бирюкову цитировать ее письма [1].

Получены августовские книги «Вестника Европы» и «Исторического вестника». В одной из них сочувственная статья о «Не могу молчать» [2]. Николай Николаевич прочел вслух. Л. Н. получил от Молоствовой масонский «Сионский вестник» 1817 г., чтобы воспользоваться им для «Круга чтения».

Л. Н.: Я воспользоваться ничем не могу, но приятное чтение — там религиозные вещи.

Сегодня Л. Н. читал газеты, между прочим о фальсификации почтовых и гербовых марок в Москве — семь миллионов штук; подчищали употребленные [3].

За обедом М. А. Маклакова угощала соседей:

— Никто из вас есть не будет...

Л. Н. рассказал хирьяковский анекдот: хозяин угощает яблоками гостя: «Кушайте яблочки». Гость отвечает: «Не буду, я уже два съел». — «Вы четыре съели, но кушайте».

С. А. Стахович о поэте Жемчужникове.

Л. Н. (*о нем*): Он никогда не чувствовал зависти к другим, за это я его особенно ценю.

Потом Софья Александровна заговорила о новой книжке Измайлова «Кривое зеркало». Пародии на поэтов и писателей русских, исключая Пушкина и Толстого. Удачно написано, смешно [4].

Л. Н.: В «Вестнике Европы» современный роман Измайлова [5]. Я его читаю. Язык очень хороший. Тут и Союз русского народа на сцене.

На днях кто-то рассказал, что Союз русского народа недоволен царем и хочет его сместить и посадить на престол женщину. Софья Андреевна сегодня намекала на это и сказала: пусть изберут ее или Софью Александровну, энергичную, умную.

Л. Н.: Я думаю, что нет ни одной женщины, которая бы не думала, что ее выберут.

Л. Н.: Индус (Баба Бхарати) пишет прекрасное письмо и присылает статью обо мне для Сергеенко. Мне хочется ему ответить [6].

Мария Николаевна об игре Гольденвейзера;

— Он исполняет форте и пиано — но тут (показала на сердце) у него нет.

9 августа. Ночью, в 2 часа, Л. Н. знобило, температура 37,2. Л. Н. не спал до 7. В 7 температура 36,7. Выпил боржому, заснул и проснулся в 11. Был вялый, медленно умывался. В 11.45 засел в кресло и стал читать письма. Четыре первые просительные. Потом поговорил минут шесть с баронессой Тизенгаузен, которая понравилась ему. Потом с Чертковым. Съел два яйца, выпил кофе и молока. С 12.30 и до 3.15 работал с Гусевым над «Словом» (29-й день нового «Круга чтения»). Сидел хорошо одетый, в кресле и накрытый, при открытых дверях на балкон. С 3.15 до 4.15 в зале чай пил. Кругом сидели Мария Николаевна, Чертков, Софья Андреевна, Софья Александровна, Шелковников (помощник Демчинского).

Третий день простудное состояние. Вчера температура 38,1. Флебит почти прошел. А ночью появился новый тромб (закупорка) вены бедра. Кругом опухло.

С 5 до 7 дремал, температура 37,5 до 37,9. Не обедал, а продолжал лежать на диване до 11. Попросил Александру Львовну почитать ему вслух Диккенса. Читала меньше часа. Температура 38,2. Изжога. Сода с молоком очень помогала. Л. Н. принимает соду в ничтожном количестве, но всегда с молоком. Софья Андреевна напугалась. Л. Н. не обедал. Сегодня

не занимался, только раз или два по пять минут диктовал Гусеву. В 7 попросил к себе Гусева — наверно, продиктовать что-нибудь.

10 августа. Ночью сильная изжога, «какой никогда не было», — сказал Л. Н. В 2 часа массаж живота. Потом до 5 потел. С 5 до 8 утра крепко спал. С часу до трех с Гусевым занимался «Кругом чтения». Софья Андреевна заходила к нему, спрашивала, не утомляет ли его занятие.

Л. Н.: Так хорошо работается, оставь! На четверть часа работы осталось.

Третьего дня с полдня до трех, когда был жар, тоже хорошо работала голова. Здесь Чертков.

Л. Н. тосклив и мрачен. Говорит, что умирает. Не хочет никаких приспособлений для удобств. Хочет спокойно умирать, как умирает Курзик: без стараний о «гадком теле» и без доставления хлопот другим.

Письма не все сам прочел, а отдал Николаю Николаевичу. В 5 часов дня позвал к себе дам: сестру Марию Николаевну, Софью Александровну, Варвару Михайловну.

Мария Николаевна: Когда думают, что умирают, тогда не умирают. Когда человек умирает, он не думает об этом.

Николай Николаевич бывает у Л. Н. для отвода Софьи Андреевны, чтобы она к нему не входила. Он и читает там книгу.

Разговор о докторе. Л. Н-чу неприятен новый доктор.

11 августа. С часу до трех Л. Н. занимался с Николаем Николаевичем, кончил 31-й день нового «Круга чтения». Пополудни был доктор Грушецкий, привезенный Сергеем Дмитриевичем. Когда Грушецкий исследовал Л. Н., то расспрашивал его, но пустых вопросов не задавал.

Л. Н. (*Грушецкому*): Не говорите «80 или 81 год», а не все ли равно умирать, в 25 или в 60 лет. 25 лет хорошей жизни, а потом может быть дурной.

12 августа. Много писем. Л. Н. с 11.30 до 3 занимался хорошо. Чертков часто заходил к Л. Н. беседовать. Пополудни священник из Владимирской губернии и дьякон из Эриванской (армянин) у Л. Н. Священник спрашивал, личен ли бог и что такое материальный мир. Л. Н. ответил, что материальный мир — иллюзия, не следует заниматься им, надо заниматься только тем, в чем видна бесконечность вопросов: откуда я взялся и т. д. и что это обращает человека к добру, любви, духовному, реальному.

Армянин говорил Л. Н., что его патриарх обманул и что он хотел застрелиться. Л. Н. привел ему текст из Евангелия и сказал:

— Имеете случай простить ему.

Армянин: Но ведь он меня обидел, зачем прощать?

Л. Н.: Если бы он вас не обидел, вы не имели бы случая простить ему, а так — вам дан такой случай.

Просили автографы на его «Обращении к духовенству». Л. Н. им сказал, что этого не нужно. Обращались к нему: «Ваше сиятельство». Армянин поцеловал руку.

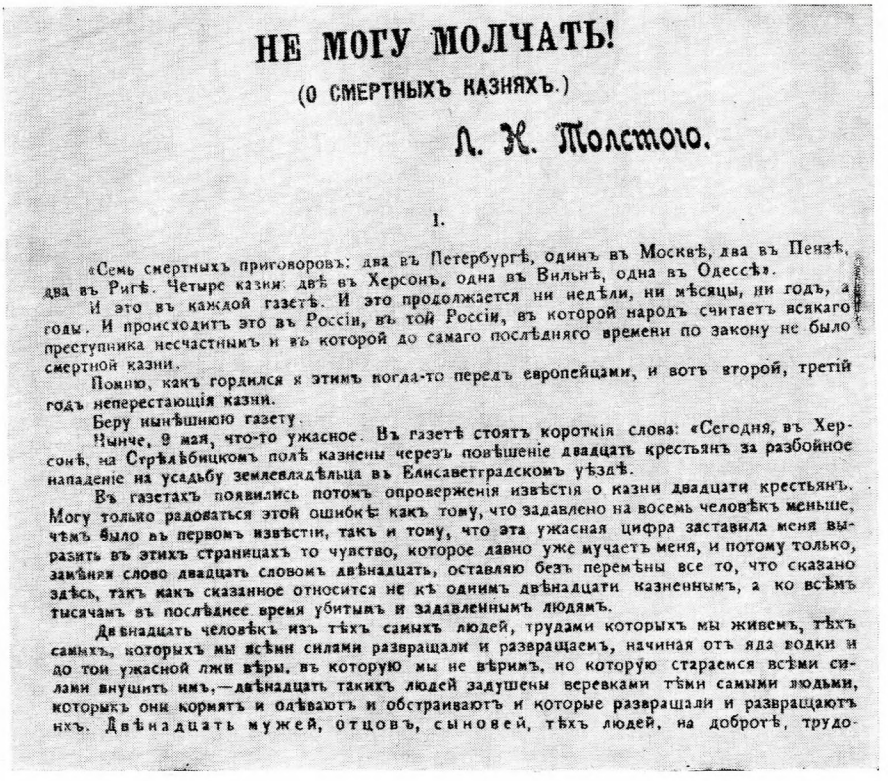
Когда я после четверти часа вошел к Л. Н., он сказал: «Неинтересные были эти священники».

Вечером большое раздражение из-за фельетона Меньшикова в «Новом времени» 10 августа [1].

Софья Андреевна была взволнована статьей Меньшикова «Толстой и власть» и начала писать ему открытое письмо [2].

Сергей Дмитриевич был у кровати Л. Н. Говорил ему, что с женой решили переехать в Гагры на зиму. Говорил, что ему путешествие на Кавказ неинтересно, а что есть нечто другое — интересна стала работа над собой, борьба со своей злобой.

Л. Н. сказал ему, что он тоже так работает над собой, и теперь, нахо-



НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!

(О СМЕРТНЫХЪ КАЗНЯХЪ.)

Л. Н. Толстого.

I.

«Семь смертныхъ приговоровъ: два въ Петербургѣ, одинъ въ Москвѣ, два въ Пензѣ, два въ Ригѣ. Четыре казни: двѣ въ Херсонѣ, одна въ Вильнѣ, одна въ Одессѣ».

И это въ каждой газетѣ. И это продолжается ни недѣли, ни мѣсяцы, ни годъ, а годы. И происходитъ это въ Россіи, въ той Россіи, въ которой народъ считаетъ всякаго преступника несчастнымъ и въ которой до самаго послѣдняго времени по закону не было смертной казни.

Помню, какъ гордился я этимъ когда-то передъ европейцами, и вотъ второй, третій годъ непрестающія казни.

Беру нынѣшнюю газету.

Нынче, 9 мая, что-то ужасное. Въ газетѣ стоятъ короткія слова: «Сегодня, въ Херсонѣ, на Стрѣлѣбицкомъ полѣ казнены черезъ повѣшеніе двадцать крестьянъ за разбойное нападеніе на усадьбу землевлядѣльца въ Елисаветградскомъ уѣздѣ.

Въ газетахъ появились потомъ опроверженія извѣстія о казни двадцати крестьянъ. Могу только радоваться этой ошибкѣ какъ тому, что задавлено на восемь человѣкъ меньше, чѣмъ было въ первомъ извѣстіи, такъ и тому, что эта ужасная цифра заставила меня выразить въ этихъ страницахъ то чувство, которое давно уже мучаетъ меня, и потому только, замѣняя слово двадцать словомъ двѣнадцать, оставляю безъ перемѣны все то, что сказано здѣсь, такъ какъ сказанное относится не къ однимъ двѣнадцати казненнымъ, а ко всѣмъ тысячамъ въ послѣднее время убитымъ и задавленнымъ людямъ.

Двѣнадцать человѣкъ изъ тѣхъ самыхъ людей, трудами которыхъ мы живемъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ мы всѣми силами развращали и развращаемъ, начиная отъ яда водки и до той ужасной лжи вѣры, въ которую мы не вѣримъ, но которую стараемся всѣми силами внушить имъ,—двѣнадцать такихъ людей задушены веревками тѣми самыми людьми, которыхъ они кормятъ и одѣваютъ и обстраиваютъ и которые развращали и развращаютъ ихъ. Двѣнадцать мужей, отцовъ, сыновей, тѣхъ людей, на добротѣ, трудо-

«НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ! (О СМЕРТНЫХ КАЗНЯХ) Л. Н. ТОЛСТОГО». ТУЛА, АВГУСТ 1908 г. НЕЛЕГАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Страница первая (фрагмент)

На все периодические издания, поместившие эту статью, были наложены взыскания

дясь в постели, работает над собой, и это его занимает, другое занимать перестало, о славе — и говорить нечего:

— Статья Меньшикова? Если б он был здесь, я только сказал бы: «Не могу ли я вам быть чем-нибудь полезен?»

Сергей Дмитриевич: Даже и с внешней стороны работа эта хороша, люди ищут развлечений, а она занимает время, развлекает.

13 августа. Среда. Л. Н. спал всю ночь под морфием. Утром, проснувшись в 8, хотел встать и сейчас же заняться работой — нога не болит, готов встать. Но это был отдых после крепкого сна и возбуждение в жару, который оказался 38°, притом перебои. Выпил два стакана горячего молока с эмсом и чашку кофея с молоком.

Л. Н. спросил, чему приписываю перебои. Я ответил, что отчасти повышенной температуре и тому, что уже шестой день жар, отчасти приему морфия. Л. Н. с последним согласился и сказал:

— Все сразу делать нельзя, надо воздержаться от морфия. Как у журавля: нос вытянул — хвостом увяз, хвост вытянул — носом увяз.

В 9 часов приехал Д. В. Никитин, и вместе исследовали Л. Н.: прибавилось хрипов в нижней правой доле легкого.

Дмитрий Васильевич посоветовал принять три-четыре капли настойки строфанта: «Помните, как хорошо действовал, когда у вас были перебои сердца?» Л. Н. отклонил: «Ох, оставьте меня. Я вам хочу сделать удовольствие, вашей науке». — И пошутил, что это вроде предложения сестры

Марии Николаевны: «Дай молебен за тебя отслужу — увидишь, выздоровеешь; помнишь, я тогда дала на молебен, и тебе стало легче».

С 10 до часу Л. Н. занимался, но и входили к нему родные и Чертков. В час переложили его в кресло, пролежал два дня и три ночи на непостланной кровати. После в кабинете посидели около него Сергей Львович, Владимир Григорьевич и другие.

Л. Н. о Бернарде Шоу, книгу которого «Man and Superman» дочел до конца:

— Он очень оригинален и остроумен. He he has got more brains than is good for him * — он с большим умом и энергией искания. Пишет, что люди сначала спасаются в религии, потом в науке, потом в политике, искусстве, красоте женской [1].

Л. Н. дал прочесть Черткову вслух отмеченные им места на 107 странице.

Л. Н.: Он близок с нашим пониманием. Он называет life-force ** то, что мы называем богом; только у него ошибка, что он это связывает с эволюцией.

Л. Н. получил болгарское письмо, прочел его сам и понял [2]. Я ему сказал, что в последнее время читает и польские, и чешские, и болгарские письма и понимает.

Л. Н.: Когда скорый почерк, трудно прочесть; в болгарском мешают артикулы на конце слов. С некоторым усилием можно понять.

Сергей Львович сказал, что он желал бы попутешествовать по Индии.

Л. Н.: В Индии все это древнее так же загромождено и извращено, как у нас; даже более, потому что более давнишнее. Там самое идолопоклонство. Некоторые их религией увлеклись, например, Шопенгауэр, но тогда ее еще мало знали.

Л. Н.: Вивекананда хвалит: все у них хорошо: религия, медицина, юриспруденция, не теперь, а прежде.

Перенесли кровать в кабинет и переложили Л. Н. (Илья Васильевич, Ваня, Сергей Львович и Владимир Григорьевич).

Софья Андреевна спросила Л. Н.:

— Тебе, должно быть, скучно, что не можешь в лес ездить, наслаждаться погодой, природой?

Л. Н.: Ничего мне не недостает.

Дмитрий Васильевич говорил Л. Н. о докторе Голицыне; им же Л. Н. интересуется. Сказал, что он религиозен в основе.

Л. Н.: Я в последнее время все отдаляюсь от христианства. Все религии со временем извращаются, и во всех есть верное, вечное. Некоторые евангельские выражения для буддистов, браминов непонятны, им они приписывают особое значение.

О магометанстве Л. Н. сказал, что оно первое из протестантств против церкви.

Вечером были: Хирьяков, Л. Д. Николаева, Гольденвейзер — он играл.

Весь день Л. Н. почти не был один, постоянно входили к нему, перестали считаться с его покоем.

Софья Андреевна написала письмо в газеты против статьи Меньшикова.

Никитин с Сергеем Львовичем и Чертковым решили пригласить хирурга Мартынова.

14 августа. Л. Н. спал с часу до пяти. Перебои, бронхит на левой

---

* У него ума больше, чем это ему нужно (*англ.*).

** жизненной силой (*англ.*).

нижней доле. В 8 часов утра — 38, после часа — 38,2. Приехал А. В. Мартынов, профессор хирургии из Москвы. Ногу он нашел менее опасной, чем состояние легких. Строфант от перебоев Л. Н. и сегодня отклонил:

— Что в этом сложном инструменте строфант может подействовать — ошибаетесь... Действует ничегонедавание. Вчера я принял этого лекарства (ничегонедавания) — и подействовало.

Я посоветовал Л. Н. к изголовью кровати поставить вешалку, чтобы сам мог подниматься, поворачиваться. Л. Н. не желал никаких приспособлений, сказав, что самое приятное, главное — спокойствие, его не лишать.

Никитину и мне по поводу приглашения хирурга сказал:

— В неловкое положение поставили его. Он чувствует, что ему нечего нового сказать, и придумывает новые слова.

Дмитрий Васильевич хвалил его совестливость, скромность и что все-таки он может что-нибудь показать.

Л. Н.: Именно, что он чуткий (тем более чувствует).

Был очень интересный разговор между А. В. Мартыновым, Михаилом Львовичем и Д. А. Олсуфьевым.

Михаил Львович рассказывал о восторге В. Бобринского — перед Пражским Славянским съездом — национализмом славян, что у них ему учиться.

Олсуфьев не видит важности для России вмешиваться в славянские дела; Славянский съезд был направлен против Вильгельма, столь дружелюбно отнесшегося к России в Японскую войну, когда мог взять у России, что хотел; славяне не так угнетены, они хорошо живут, они политиканы; главный вопрос теперь: выход из Черного моря, Константинополь. Олсуфьев боится Японии и рассчитывает на столкновение Германии с Англией.

Мартынов — русский патриот, славянофил и видит в Германии главного врага:

— Германия завела нас в дальневосточную авантюру. Надо славянам покровительствовать и новой японской войны не бояться; мы ее проиграли потому, что не было национального сознания и что она велась в южной, плотно заселенной Маньчжурии; солдаты говорили: «На что нам она?»

Мартынов аргументировал убежденно. У спорящих не было желания остаться победителем в споре, внушить свои мысли другому, как это бывает, когда спорят словаки, чехи. Было простое высказывание убеждений.

Вечером, в 9, Мартынов присел к кровати и коротко поговорил с Л. Н.

Л. Н.: Меня волнует всякий задушевный разговор и музыка.

Ночью Мартынов уехал, не приняв гонорара.

Л. Н. с Сергеем Львовичем еще о Д. А. Олсуфьеве:

— Он соединяет в себе большой здравый смысл и добродушие.

Сергей Львович не соглашался насчет большого здравого смысла. Л. Н. припомнил его речи в Государственной думе и сказал:

— Что он делает — делает во-всю. Таким я и называю здравый смысл, что если человек что делает — так вовсю.

Гольденвейзер играл. Была Мария Александровна, но не входила к Л. Н. и не дала ему знать, что она здесь.

Л. Н.: Если бы я был художник, я описал бы его (Д. А. Олсуфьева) родителей. Его мать была, так сказать, оригинальная и очень верила в науку, как в церковь. К ней ходили люди науки, с ними беседовала. А ее муж — простой, добрый человек, который покорно переносил слабости своей жены. У них были два сына, а у этих детей нет.

Л. Н. (*мне*): Если эта болезнь освободит от жизни, буду очень рад.

А потом сказал, что если болезнь пройдет и он останется жив, то воспользуется опытом, что не надо делать напряжений через силу, что надо верить своему инстинкту старческому. Когда быстро шел из купальни, чувствовал, что делает усилия через силу; от них случилось (воспаление вариксов).

Вчера я ездил верхом с Сергеем Львовичем в Телятинки. Совестно мне было ехать мимо работающих на поле знакомых яснополянских женщин, редко мужчин, что мы гуляем, а они работают.

Третьего дня, когда Л. Н. спросил Сергея Львовича про выборжцев, досиживающих срок заключения, и я сказал, что, испытав заключение на себе, они усомнятся в нужде тюрем и будут действовать в этом смысле, Л. Н. сказал: «Какой вы мечтатель!»

15 августа. Уехала М. Н. Толстая (жена С. Л. Толстого); под вечер Олсуфьев. Л. Н. спал плохо, под морфином. Утром температура 38, но вскоре упала на 36,7 и поднялась только поздно вечером на 37,1.

Л. Н. занимался. К вечеру был раздражен:

— Простите, временами бывает тяжелое душевное состояние, тоска.

Был Л. Семенов и молодой William Bellows, 28-летний сын квакера Джона Беллоуза: приятный, интеллигентный человек; внятно говорит по-русски, все можно понять. Леонид имеет вид крестьянина. Говорил про знакомство с хлыстами. Удивляется высоте и духовной силе хлыстов: такие смелые, сходные с Л. Н. в понимании Евангелия, только государственно-религиозную сторону пропустили: не видят ее.

Говорили о смерти. Семенов не боится ее, даже желает, но медленного умирания, не несчастным случаем, чтобы сам подготовился и другим был полезен, сделал в жизни то, что может. Его сестра желает жить трудовой жизнью. К крестьянам идти девушкам трудно. Сам он в раздумье, не поселиться ли на земле деда, и чтобы с ним жила. Его друг, крестьянин Григорий, по его совету вернулся в хлысты и успокоился.

Л. Н. долго беседовал с Семеновым. Об этой беседе Л. Н. рассказал:

— Семенов о чем ни говорит — о хлыстах, молоканах, крестьянах — говорит сердобольно, не осуждая. Жизнь хлыстов ставит высоко, учение их — тайна и сообщается лишь примыкающим к ним.

Уехал окончательно Ф. А. Страхов, проживший месяц в павильоне, где с Рябовым раскладывали «Свод» по новой программе, по программе «Детского круга чтения». Из десяти томов успели один разложить.

Л. Н., видя, что для больной ноги требуется много ваты, просил купить простой, дешевой.

Какая радость ходить за больным Л. Н.!

Александра Львовна привезла из Москвы новые книги Л. Н-чу, между прочим «Jeune Italie» [1].

Л. Н.: Не будет интересно.

Сегодня я узнал, что у Л. Н. не было двоюродных братьев и сестер: его отец и мать были единственные дети.

16 августа. У Л. Н. утром не было жару; спал хорошо, хрипов меньше. Утром приезжал председатель Общества трезвости из Петербурга (или из Петербургской губернии); у них сто тысяч членов. Общество под покровительством православного священника, пока компромисс. Он сам — сын врача, свободомыслящий. У них есть и пять школ. Приехал спросить Л. Н., как руководить этими школами.

Леонид Семенов рассказал мне, о чем он беседовал вчера с Л. Н.: прежде всего о писательстве. Л. Н. сказал ему, что каждый раз, как он приходит, окружает его соблазнами. Теперь напечатана статья Семенова «Смертная казнь» (в августовской книжке «Вестника Европы»). Он знает, что это нехорошо — давать соблазн другим, но говорит, что у Семенова есть эта сила писать, и этого не надо ему забывать. Когда-нибудь она пригодится и ему и людям. Предостерегал от декадентства, говоря, что если в науке нужны точность и правдивость, то в искусстве эти точность и правдивость нужны вдвое. Потом сказал:

— Но об этих пустяках довольно. — И стал расспрашивать его о жизни, об отношениях его к родным и в особенности об отношениях его к его деду,

члену Государственного совета. При этом сказал, что от государственного заблуждения вряд ли его дед откажется.

Л. Н.: Значит, духовное ему (дедушке) еще не открывалось.

Семенов: С теми людьми, с которыми, я думал, отношений не будет, отношения оказались. Вот со священниками.

Два раза Л. Н. спрашивал Семенова о Григории — хлысте, бывшем у него. Леонид рассказал ему о хлыстах.

Л. Н.: Это у сектантов есть утверждение, что «у меня есть истина». Это такая ошибка, которой надо беречься. Этого никогда никто не может сказать. Никто не имеет права сказать, что он один знает истину. Кто так скажет, тот уже ошибается, любовь — главное.

Л. Н. читает какие-то изречения Магомета и больше половины их подчеркнул.

Много писем, главное — просительных. Сегодня в «Новом времени» две статьи о Л. Н. [1]

Были Сережа Булыгин, Чертков. Сегодня прибыл М. В. Булыгин; приезжали А. Л. Долинино-Иванская с сестрой М. Л. Маклаковой.

17 августа. Ночью Л. Н. не спал, температура 37,4. Утром перебоев нет — 36,4. Вечером слабость большая, температура 37,4.

Был В. Беллоуз из Глочестра второй раз; с ним сестра — очень приятные люди. Сестра два года жила учительницей среди ассинибойских духоборов; оба знают по-русски; простые, обязательные люди.

Л. Н. с Леонидом. После очень подробного расспроса о хлыстах Л. Н. ему посоветовал присоединиться к хлыстам. Очень было бы хорошо и очень было бы нужно, если б он присоединился к хлыстам.

Сегодня Софья Андреевна очень устала и раздражена. Пополудни съехались гости.

— Надоели мне все эти люди,— сказала она.— Кому они нужны, когда Лев Николаевич болен? Я не принимаю: к стенам они ходят?

Софья Николаевна, не хотевшая даже войти к Л. Н., вступалась за посетителей:

— Бирюков и Семенов ему сто раз ближе меня. И если я ему близка, то только тем, что я его с той точки ценю, как Бирюков и Семенов, а не оттого, что я Ильи жена.

За обедом сидели: Софья Андреевна, Мария Николаевна (сестра), Александра Львовна, Варвара Михайловна, Софья Николаевна, Николай Николаевич, Чертковы, Беллоузы, Никитин, Л. Семенов, Бирюков. Вчера вторично заболела Александра Львовна; вчера лежала, сегодня не выдержала в постели, пришла в залу. Беспокоимся за нее.

За столом разговоры о Меньшикове. Завтра появится ответ Софьи Андреевны; разослала его в несколько газет. «Русское слово» ее по телеграфу благодарит. Софья Андреевна ликует, упиваясь ударом, который она нанесет Меньшикову. Другие, в том числе Чертков, говорили, что не следовало Софье Андреевне писать письма — только потому, чтобы не мараться с Меньшиковым и не давать ему повода переворачивать опровержение по-своему, и что он может грубо ответить. Все, кроме Л. Н., бросают камни в Меньшикова.

Николай Николаевич стенографически поправляет под диктовку Л. Н. «Круг чтения» и говорит: «Это мне школа — сильно и ясно выражать мысли».

Л. Н. читал книжечку и поправлял по-английски же и отмечал мысли из нее в «Круг чтения»: «The Sayings of Mohammed». Edited by Abdullah-al-Mamun Suhrawardy. L., 1905 (прислана ему составителем).

Сегодня розданы сто кос крестьянам, их прислал Л. Н-чу с одной хорошей, специально для него, Л. З. Фишман из Пружан [1]. Л. Н. уже несколько лет не косит.

Бирюков спросил через меня Л. Н., может ли он войти проститься? «Всегда рад». И потом сказал, что может придти Леонид. Леонид застал их на разговоре о молитве. Л. Н. говорил, он хочет сочинить молитву (слова), как можно точнее выразить просительную молитву. Потом говорил Бирюков, как он понимает «Царство божие».

Потом Л. Н. о Шоу:

— Жизнепонимание его: надо понять мировой закон и исполнять Его волю. Но он остался материалистом, дальше не пошел. Цель жизни та, чтобы человек стал сверхчеловеком, к этому надо стремиться, говорит Шоу. Эта идея сама по себе была бы нам близка, как рождение нового человека. Но это Шоу думает грубо, материалистически — что этого можно достичь через половой подбор.

Бирюков: И Ницше также.

Леонид Семенов, который хорошо знает Ницше, рассказал про него.

Л. Н. был тронут его жизнью и попросил Никитина прислать его книги. Когда Семенов говорил, что Ницше себе часто противоречит, Л. Н. заметил:

— Это хорошо, это значит, что Ницше был искренний человек.

Л. Н. сказал, что ему мешает понять Ницше его возбужденная и туманная речь.

Когда мы уходили, Л. Н. стал спрашивать, где Бирюков остановился в биографии.

— На 1884 году.

— Это, действительно, трудное время,— согласился Л. Н.

Павел Иванович и Семенов пробыли у Л. Н. с 7.30 до 7.50. Софья Андреевна была очень раздражена против них и не скрыла это от Бирюкова. Он плакал, уходя, и по дороге разрыдался:

— Вот уже двадцать лет как продолжается это недоверчивое отношение со стороны Софьи Андреевны.

А Семенов мне сказал:

— Л. Н. всегда желал попасть в тюрьму, теперь он в ней, даже воздуху ему не достается и даже прикован к кровати.

Павел Иванович рассказал мне, о чем разговаривали с Л. Н. Павел Иванович напомнил Л. Н., что теперь ему следовало бы написать о задачах воспитания, как в 60-х годах. Теперь вводится трехверстовый радиус — круг, в котором должна быть школа. В Костромском уезде к 50 прибавится 150 новых школ. Из христианского и учений Востока выбрать нравственное, оно и станет на место закона божия, хотя преподавание его не устраняет. Л. Н. сказал, что об этом же во время болезни сам думает.

О семейной жизни Л. Н. сказал:

— Она крест, материал для работы. Теперь есть между молодыми людьми соблюдающие целомудрие. Это и нужно, целомудренное супружество — это выше нецеломудренного супружества.

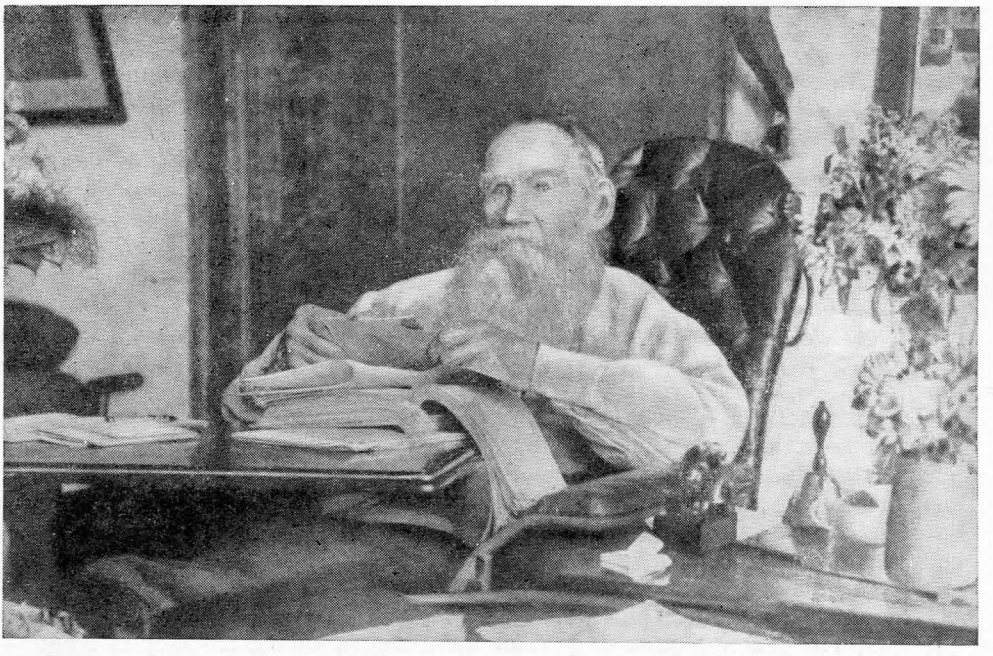
Бирюковы остановились у Горбуновых. Говорили об Иване Ивановиче — идейном человеке, как ему трудно вести практическое дело «Посредника». Висит на волоске. Л. Н. на это сказал, что задача христианина — сладить.

Владимир Григорьевич говорил, что, когда закупорка вены на ноге, все больше и больше приближаясь к сердцу, дошла до паха, Л. Н. говорил: «Подойдет к сердцу — я умру».

Когда же на днях нога перестала болеть: «Если бы не было жару, я верхом поехал бы, такое самочувствие».

Владимир Григорьевич начал строить дом в Телятинках; на замечание Софьи Андреевны, что он строится, надеясь на продолжение жизни 80-летнего старика, он высказал предположение, что Л. Н. переживет его.

Сегодня был еще художник Орлов, не входил к Л. Н.



ТОЛСТОЙ В КРЕСЛЕ-КОЛЯСКЕ
Ясная Поляна, 28 августа 1908 г.
Фотография С. А. Толстой
«...здоровье Л. Н. значительно улучшилось... утром свеж... читал почту и занимался...».— Записи от 23 и 24 августа 1908 г.

Уехали Софья Николаевна и Никитин.

18 августа. Л. Н. спал довольно хорошо, ночью было ему холодно от озноба или от открытой балконной двери. Температуру в это время не смерили, а после часа, в 5 утра, было 36,9. Утром обмыли Л. Н. мыльным спиртом, переложили на другую кровать и перенесли в кабинет.

Л. Н.: Я придумал письмо Меньшикову в другом духе (чем Софья Андреевна) [1].

Николай Николаевич: Это хорошо. В «Слове» о вас хорошая передовая статья [2].

Николай Николаевич был тронут отношением прогрессивной печати к Л. Н.: в «Слове» на первой странице в заглавии большими буквами: «Здоровье Л. Н. улучшилось».

Сегодня утром Л. Н. поговорил с Леонидом между прочим о том, что уже раз писал ему в письме: «Боюсь, боюсь», «Люблю, люблю»,— что он, Леонид, слишком радикален, слишком высоко забрал. Опасно: как бы он (Леонид) своего содержания не стал приписывать другим людям, у которых его нет, и как бы, разочаровавшись в других людях (что в них нет того духовного содержания), не разочаровался бы в том, что это содержание (в нем самом, Леониде) есть иллюзия. Люди слабы [3].

Спросил Леонида, какие отношения у Сережи Булыгина с отцом:

— Нужно его предостеречь, что это очень ложная мысль — будто от места зависит содержание души, будто от перемены места может что-либо улучшиться. Но,— сказал Л. Н.,— возвращаясь к прежнему сообщению Семенова, что Добролюбов хочет уйти в уединение, уйти в пустыню (одиночество) — это может быть важно.

Леонид занимается «Сводом» Л. Н. [4]

— Это самое лучшее, что есть,— говорил Семенов.— Лучше того, что из него делает Лев Николаевич (т. е. «Круга чтения»). Непосредственнее.

Теперь Леонида у Толстых все обдают такой любовью и так интересуются им, как Л. Н-чем после его первого писательского дебюта.

19 августа. Л. Н. спал хорошо, перебоев нет. Очень слаб и вял. Не занимался, кроме того, что читал, и то мало; больше отдыхал, сидя на кровати. Читал фельетон Меньшикова, в котором тот пробирает Волынского архиепископа Антония [1]; спросил, кто такой Антоний. Ему ответили, что тот самый, который в марте, во время болезни Л. Н., предлагал (в письме к Софье Андреевне) тайно приехать, чтобы спасти душу Л. Н. (причастить).

Леонид Семенов: Православный старовер.

20 августа. Спал спокойно и долго. Слабость большая: когда Л. Н. поговорит — слезы.

Приехала В. С. Толстая за Марией Николаевной. Была Звегинцева с дочерью — княгиней Волконской. У Л. Н. был Леонид Семенов, он сам рассказал мне. Л. Н. в кабинете на постели, солнце через большое окно; сперва помолчали совершенно спокойно, потом Л. Н. начал говорить, что он сегодня читал в «Круге чтения» Ницше и себя упрекнул в том, что недостаточно внимательно отнесся к нему; говорил, что еще раз хочет перечитать его.

Потом разговор был разбросанный. Л. Н., услыхав от Николая Николаевича, что Семенов спит не больше пяти-шести часов, заговорил о сне — что он тоже над собой наблюдает: когда много спит, сон делается хаотичен, со сновидениями.

— А наблюдали вы, когда спите пять часов, что сон крепче? — спросил Л. Н.

Семенов ответил, что после больше чем шестичасового сна очень тяжело делается, день плохой. Потом Л. Н. просил Семенова рассказать о вчерашнем госте (В. И. Фельде), растрогался и пожелал было взглянуть на него. Часто плакал.

Семенов: У него (Фельда) в голове хаос. Не применил главного правила, что нужно прежде всего разобраться, что̀ главное, что̀ не главное в своей жизни,— это правило, которому я научился у вас. (Л. Н. прослезился.)

Л. Н. прибавил, что он боится за молодых людей, чтобы не входили в мелочи. В. И. Фельде не хочет по железной дороге ездить, потому что она казенная, не хочет ремня, кожаных сапог носить, полуслепому отцу, объездчику в лесу, помогать составлять протоколы. А помнит ли самое главное: воспитание любви внутри себя? Это главное дело — отличать от другого.

О хлыстах. Л. Н. вспомнил о том, что читал французскую научную книгу о хлыстах; не понравилась ему, т. к. книга эта научная [1].

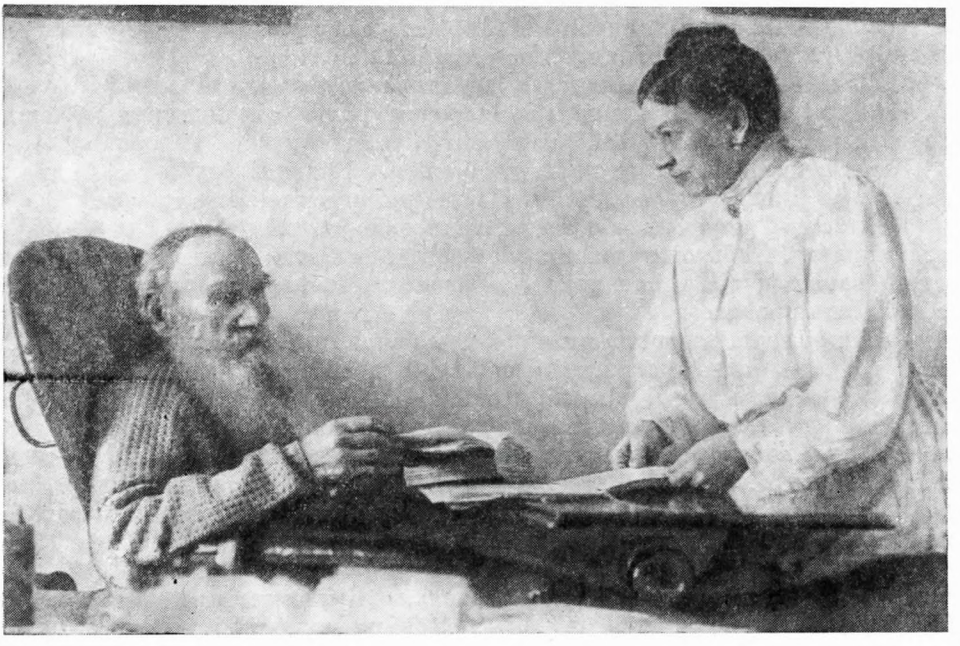
— Они, научные люди, внешним путем наблюдают, со стороны; думают, что могут что-нибудь постичь. А нужно внутренним, сердечным путем подходить к этому,— сказал Л. Н.

О книжке, которую только что прочел: «The Sayings of Mohammed»,— Л. Н. говорил, что он всегда относился предвзято к Магомету, Корану; попалась ему эта книжка правил, и они так хороши, что он многие из них отметил.

Л. Н. о своем положении:

— Не подумайте при этом, что я это говорю для оправдания своего положения, того, что я остался в этих условиях жить. В том жизнь, чтобы не делать то, что ты считаешь неистинным, но не в том, чтобы менять те условия, в которых ты считаешь, что жить нельзя.

При прощании Семенов простился: «До свидания».



ТОЛСТОЙ И С.А. ТОЛСТАЯ
Ясная Поляна, 27 августа 1908 г.
Фотография В. Г. Черткова
«Был Владимир Григорьевич, снимал Л. Н.: одного, с Гусевым, с Софьей Андреевной».— Запись от 27 августа 1908 г.

Л. Н.: Тут ли?

Семенов: В этой комнате.

Л. Н.: Кажется, эта болезнь не последняя.

Семенов ушел, намерен придти через месяца три с Добролюбовым. Пойдет частью по железной дороге с братом В. И. Фельдом, частью будут проситься в поезд.

Л. Н.: Говорить о пустяках не устаю, поговорю о серьезном — поплачу.

Чертков: Хорошее умиление не может утомлять.

Семенов всем, и Софье Андреевне, понравился сердечностью, серьезностью. Л. Н. его прямо полюбил. Он до десяти лет только по-французски говорил; кончил два факультета; художественное дарование у него. На него не Л. Н., а Добролюбов сначала влиял. Он самостоятельный. Отношение к родным самое лучшее.

Были Д. Д. Оболенский, В. Г. Чертков, Бирюковы; они прощались. Много писем поздравительных и телеграмм, в том числе от города Праги (Groš — староста — подписал) [2].

21 августа. Приехал Г. М. Беркенгейм. Мария Николаевна — сестра — с Верой Сергеевной уехали в Пирогово. В 10 часов Л. Н., проснувшись, сказал вошедшему Григорию Моисеевичу:

— Спасибо, что приехали.— И сказал нам, что странно чувствует себя нынче:— В особенном состоянии, все забыл. Не могу вспомнить, сколько мне лет. Смерть близка. (Раньше Л. Н. говорил, что прежде был равнодушен к смерти, а теперь прямо желает помереть.) А мысль ясна, голова работает хорошо.

Руки у Л. Н. холодные, голос слабый, вид немощный, усталый. Предложили кофе выпить — отклонил и просил оставить его в покое: «Зани-

маться не мешайте». Попросил Илью Васильевича принести столик, два листа бумаги и стал писать.

Л. Н.: Нога совсем пришла в нормальное состояние.

В 11 часов пульс 82 — полный. Температура 36,3. В 12 выпил две чашки кофею, чаю, молока.

Сегодня сутолока, и все очень раздражены. Больше всех Софья Андреевна, потом Владимир Григорьевич, как никогда не бывал, и я.

Владимир Григорьевич о Софье Андреевне (за то, что влетает к Л. Н. и настаивает, чтобы он принимал лекарства, пил, ел в те минуты, в которые предписано, за то, что далека Л. Н., не понимает, как ему желателен покой от мирского):

— Никогда не говорила и теперь не скажет слова правды. Человек безвсякого религиозного жизнепонимания.

Вечером, после того, как с Григорием Моисеевичем и Ильей Васильевичем уложили Л. Н. и я остался еще делать массаж, Л. Н. спросил меня понемецки все ли не начинаю любить евреев? Я ответил, что немного начинаю их любить. Я только что думал, читая книгу «Цареубийство 1801 года» [1], как тогда вельможи и бюрократия делали с крестьянами то, что́ теперь евреи (что евреям приписываем).

Л. Н. сегодня начал какую-то новую работу [2].

22 августа. Утром, в 3 часа, приехали Сухотины и М. А. Стахович. Пополудни Андрей Львович и Н. Л. Оболенский. Стахович в ударе, остроумен. Софья Андреевна очень тщательно собирает вырезки из новых газет о Л. Н. и о предстоящем юбилее. И хочет загородить въезд между столбами и поставить стражников, чтобы никого не пускать 28-го, и даже Андрея Львовича, хотевшего приехать с Екатериной Васильевной и дочкой в этот день, попросила не приезжать [1].

Софье Андреевне сегодня исполнилось 64 года. Был парадный обед.

23 августа. Л. Н. до двух не мог уснуть без причины. С 9 до 10 записывал в записную книжку, в 10.15 — общий массаж и правильный массаж живота. В это время Л. Н. разговаривал с Григорием Моисеевичем, стоявшим возле; спрашивал, что́ рассказывал Михаил Александрович. Григорий Моисеевич сказал, что он рассказывал про Тургенева — за что тот был выслан. Тургенев написал статью о смерти Гоголя, а тогда было запрещено писать о Гоголе, за то его сослали [1].

Л. Н.: Как же чиновникам не вмешиваться?

Спросил, что хорошенького в газетах или, скорее, что дурного. Григорий Моисеевич ответил. Л. Н. добавил:

— В Петербурге опять одиннадцать самоубийств.

Потом спросил, за что оштрафованы «Русские ведомости».

Григорий Моисеевич: За статью о том, что циркуляр Шварца вызовет волнения в университетах [2].

Л. Н.: Только из-за этого? Кем был раньше Шварц?

— Директором пятой московской гимназии.

Л. Н.: Две противоположные должности. Видно, тут не требуется ума, тут нужны грубость, решительность.

Л. Н. спросил о Никитине, когда и как подружились. Никитин грустен, недоволен жизнью, т. е. нет у него довольства жизнью. Беркенгейм объяснял это тем, что он по складу ума — человек науки, призван к деятельности клинической, а не земского врача. Л. Н. сказал, что важнее вылечить ребенка от кровавого поноса, чем сделать самое большое изобретение в науке.

— Так, по-моему, деятельность земского врача выше,— сказал Л. Н.

Григорий Моисеевич: В ней много пустого занятия, совещаний, заседаний, комиссий, на которые уходит много времени.

Л. Н. был необыкновенно бодр и шутлив. Вчера и сегодня просил к

себе почаще «двух Михаилов» (Сухотина и Стаховича), играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем и Гольденвейзером. Часто призывал Н. Н. Гусева, чтобы сказать ему пришедшие в голову мысли касательно «Круга чтения». Сегодня было спокойно после сутолоки и взаимного раздражения прошлых дней, особенно 21 и 19-го. В дни с 20 до 23-го здоровье Л. Н. значительно улучшилось. 21-го был большой упадок сил и очень пониженная температура — 35,9.

В разговоре с Беркенгеймом Л. Н. сказал:

— Что делают врачи — для непосвященного кажется бессмысленным: слушают, стукают. Что делают чиновники — кажется осмысленным нам.

24 августа. Воскресенье. Уехал М. А. Стахович, вечером М. С. Сухотин. Приехал Д. А. Кузминский.

Л. Н. утром свеж, в 11 ослабел и опять прилег; читал почту и занимался. Перед обедом пересел в первый раз в кресло и обедал у стола с нами.

Л. Н.: Получил письмо на *ты*.

Софья Андреевна: Ругательное?

Л. Н.: Нет. От Николая Сергеевича Кашкина. (Петрашевец, был сослан на Кавказ, там познакомились [1].)

Софья Андреевна: Отец Цуриковой. Он в твоих годах.

Татьяна Львовна рассказала про свою работу: переписывает письма Лескова к Л. Н. [2]

Принесли телеграммы с Козловки. В одной спрашивают о здоровье, вторая «Великому писателю земли русской» с 200 подписями из Лукоянова. Л. Н. не был ей рад:

— Нечаянно Тургенев сказал глупые слова, все подхватили [3].

Пришла Авдотья Васильевна, экономка, с грибами к Софье Андреевне (к столу) и рассказала, что явился дачник и спросил, как здоровье графа. Когда ему сказала, что «они первый раз приехали к столу», сказал: «Слава богу» и перекрестился. Вечером был С. Д. Николаев (я не присутствовал) и рассказал Л. Н-чу, что был у него Леонид Семенов и он, Сергей Дмитриевич, заговорил с ним о земельном вопросе, как религиозные люди могут игнорировать земельный вопрос.

Л. Н.: Земельный вопрос — дело справедливости, и, конечно, решение его не может быть иное, как генриджорджевское. Религия имеет дело с высшими состояниями, религия учит самоотверженности (высшей справедливости). Подставь правую щеку, отдай рубаху — вот религия.

Сергей Дмитриевич: Если религия учит этому: «Отдай рубаху тому, кто отнимает у тебя кафтан», так этим самым предполагается, что уж не будет отнимать кафтана у другого; это уж простая истина, а такая же простая истина Генри Джорджа. Может ли религиозный человек игнорировать эту истину?

Л. Н.: Во всяком случае, религиозный человек это признает. Как при освобождении крестьян это сознание было сильно в русском обществе и как слабо теперь сознание этой несправедливости! Тургенев не понимал того, что такое в России земельный вопрос, а он был чуткий человек; он чутко относился к освобождению крестьян, а этого-то он не понимал. Я читал его письмо к Герцену: «Что ты там пишешь о сохранении общины (крестьянских учреждений), русскому народу нужно только к одному стремиться: к усвоению высшей западной цивилизации» [4], где обезземелен народ,— добавил Л. Н.

Л. Н. говорил относительно закона непротивления. Большинство людей не понимает его, смеется над этим законом. Камень подчиняется законам сцепления частиц и тяготения. Растения в прибавку к этим законам подчиняются закону роста. Животные, кроме этих трех законов, подчиняются закону взаимного общения. Для человека прибавляется новый закон — закон непротивления злу. Люди, которые не хотят знать

этого закона, остаются на животной ступени и превращают человеческое общество во что-то уродливое, безобразное.

Сергей Дмитриевич приходил жаловаться Л. Н., что религиозные люди, требующие непротивления злу, пренебрегают законом Генри Джорджа.

Л. Н. сказал, что есть высший закон справедливости, но он не позволит себе отвергать низший закон (Генри Джорджа).

— Генри Джорджа отвергать и признавать Христа — это строить на песке,— сказал Л. Н.— Вы мне скажете, что̀ нужно: во-первых, справедливость, а потом милосердие.

Сергей Дмитриевич рассказал Л. Н., что И. П. Накашидзе избили из-за его лекции о Генри Джордже. Какой-то грузинский князь разозлился на него.

Вечером прибыл курьер из кабинета петербургского городского головы Резцова с письмом к Софье Андреевне, в котором уведомляет, что пришлют телеграмму ее супругу, сообщает текст телеграммы, и что посылает поздравление ей, Софье Андреевне, ко дню рождения. Курьер переночевал. Софье Андреевне было неприятно, что должна была сейчас же отвечать.

25 августа. Л. Н. чувствует себя на ногу совсем здоровым: спал без подушки между коленами, может давить на вену-сафену. Как ее ни давит — не чувствует боли; хотел бы завтра встать. Сегодня Л. Н. много поработал.

Днем приехал Т. А. Назарян — седоватый, с глушинкой, армянский писатель и редактор. Привез адрес от союза португальских писателей [1], кипу армянских иллюстрированных журналов и книгу со статьями Л. Н. и о нем. Сам так растрогался, целовал руку Л. Н. раз 20. От общества чешских женщин поздравительное письмо [2]. Л. Н. поручил мне ответить на него.

Леонид Семенов заинтересовал было Л. Н-ча Ницше, и Л. Н. попросил Д. В. Никитина раздобыть ему Ницше. Дмитрий Васильевич прислал три тома по-немецки. Владимир Григорьевич, сам изучавший Ницше, тоже принес полдюжины его книг во французском переводе. Я сегодня взял «Jenseits von Gut und Böse» и прочел о расах.

Вечером, перевязывая ногу Л. Н., я сказал, что пробовал читать Ницше; он показался мне труден, непонятен, растянут.

Л. Н.: Мало — растянут, он сумасшедший. Читать нельзя. Все основано на противоречии тому, что признается истиной. Я теперь посмотрел и кончил, больше не буду.— И велел убрать книги Ницше [3].

— Я удивляюсь, как могут к нему серьезно относиться и еще считать его философом. Ницше — мерило уровня общественной мысли! — Л. Н. говорил это с негодованием.

Сегодняшний день Л. Н. провел в постели. Приезжал к нему Владимир Григорьевич; вечером никаких гостей не было, кроме Д. А. Кузминского.

26 августа. Л. Н. спал хорошо.

У Л. Н. был И. И. Горбунов. Рассказал мне, что читал Л. Н. вслух свое «Предисловие» к Кросби (книга должна появиться в «Посреднике») и некоторые псалмы Кросби. Л. Н. хочет взять некоторые псалмы в «Круг чтения» [1].

По поводу народоведения (этнографических изданий «Посредника») говорили: это разрушит то представление, что одна Россия есть на свете, а другие — басурманы или бог знает какие люди, что это очень важно.

27 августа. Утром Л. Н. оделся и перешел без поддержки с кровати на кресло и поехал в залу, где с Гусевым занимался выбиранием мыслей из «Свода» в «Круг чтения». Там же пересмотрел почту: ясенковскую, засекскую и сегодняшние газеты, полные известий, касающихся Л. Н. или юбилея. В зале занимался до 3. Был Владимир Григорьевич, снимал Л. Н.: одного, с Гусевым, с Софьей Андреевной. От 3 до 6 Л. Н. у себя.

ТОЛСТОЙ И ЧАРЛЗ РАЙТ
Ясная Поляна, 28 августа 1908 г.
Фотография С. А. Толстой
«Приехал ...Wright, привез адрес английских друзей-писателей».— Запись от 28 августа 1908 г.

Приехал нарочный, привез альбомы, и почтой получен альбом: всего три — изящные, большие. Первый — от 25 художников русских с их оригинальными произведениями [1]; второй — от «Общества любителей российской словесности»; третий — от деятелей периодической печати (адрес плохой, как бы благодарят за одно «Не могу молчать»). Поздравительных писем получены десятки, телеграмм около 30: есть между ними трогательные, искренние.

Приехали Сергей Львович и Андрей Львович. За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Сергей, Андрей, Александра Львовна, Д. А. Кузминский, Николай Николаевич. Л. Н. на кресле, сидит боком к столу.

Разговор об иллюстрациях «Искр», номер от 24 августа, посвященный юбилею Л. Н. [2]

Сергей Львович рассказал, что в Туле на вокзале встретил молодых — Аннушку с ее мужем Хольмбергом; конфузились, особенно он.

Л. Н.: Это хорошо.

Софья Андреевна разговорилась про Татьяну Львовну, М. А. Стаховича, вспоминая, что́ он ей рассказал.

Л. Н. по поводу этого сказал приблизительно так:

— Женщина определенно знает, что̀ ей нужно, а про мужчин я этого не скажу: мужчине все равно, на ком жениться. Девица выбирает более определенно (она выбирает отца детям). А мужчина — ему все равно, на ком жениться, у него преобладает чувственность.

Л. Н. говорил Андрею и Сергею Львовичам, против него рядом сидящим, как они похожи друг на друга. Видно, что братья.

Сергей Львович рассказал про свой Каменный лес, что там много волков, которые никого не боятся.

Л. Н.: В мое время Каменный лес было известное обиталище волков.

Л. Н. Сергею Львовичу сказал, что между сегодняшними письмами есть письмо от его — Сергея Львовича — учителя [3] и от П. Н. Ге.

После обеда приехали Хирьяковы. Л. Н. с Александром Модестовичем играл в шахматы. Андрей Львович спрашивал Л. Н. про ногу, не очень ли слаб. Л. Н. ответил, что нет, что он мог бы ходить, только ради Душана Петровича не ходит.

В 6 вечера приехали кинематографисты, француз и русский, желают снимать Л. Н. [4] Андрей Львович отказал им в приеме, показав напечатанное в газетах письмо матери.

Л. Н. с обеда до 11 все сидел в зале, поиграл в шахматы с А. М. Хирьяковым, потом приглядывался к их партии с Сергеем Львовичем, пересматривал ясенковскую почту, беседовал с С. Д. Николаевым и Хирьяковым: очень кротко, спокойно, духовно. С Хирьяковым о его работе «История христианства», которую Александр Модестович пишет.

Л. Н.: Христианство опередило на тысячу лет свое время. Марк Аврелий — для него государство было непоколебимо.

Александр Модестович: И браминизм, буддизм также?

Л. Н. поддакнул. Л. Н. говорил дальше, что, когда теперь заговоришь о непротивлении, возбудишь удивление, а любовь ведь без непротивления — какая любовь? Любить одних приятных людей? Секты — попытки вернуть христианство. Потом заговорили о книге, которая ему была сегодня прислана, о русских сектах [5].

Л. Н. за обедом и весь вечер более всего страдал за Илью Васильевича, у которого было много работы. (Другой лакей — Ваня — утром уехал в Тулу и вернулся только ночью.) Илье Васильевичу никто не помогал. Л. Н. за обедом рассказал, что слышал от Черткова: за обедом у них подавала еду, вставая от стола, одна Аннушка. Приехал Досев, он встал из-за стола и помогал.

Я был весь вечер очень невнимателен к Л. Н., усталому от суеты: может быть, нужно было предложить ему свезти его в кабинет отдохнуть.

От официантов сада «Фарс» в Петербурге получен самовар с хорошей надписью [6]; от грузинского художника портрет Л. Н. из букв целого текста сказки «Бог правду видит»; шелком на атласе вышитую картину пашущего Л. Н. [7] Всего сегодня 152 письма и телеграммы. Разбирали и читали их Александра Львовна, Андрей Львович и Николай Николаевич. Несколько адресов

Л. Н. очень устал от многих впечатлений, суеты. В 10.50 лег спать. Ночью было ему холодно, причина внутренняя. До пятого часу не заснул.

С Сергеем Дмитриевичем Л. Н. говорил о Генри Джордже.

Л. Н.: Как христианство преждевременно, так и Генри Джордж. Человечество слишком тупо.

Сергей Дмитриевич растрогался, поцеловал Л. Н.

Еще Л. Н. решил на место одного недельного чтения поместить в новый «Круг чтения» статью о Генри Джордже из посредниковского календаря 1908 г. и попросил Сергея Дмитриевича поправить, приспособить ее. Сергей Дмитриевич был в восторге; попросил позволения поцеловать руку, которая пишет.

28 августа. Утром, в 7.50, позвонил. Пришли сразу Николай Николаевич из одной двери, я — из другой. Л. Н. спросил, спали ли мы, и пожалел, что разбудил нас. Голос слабый, вид усталый — не спал больше трех часов. Здоров, но слаб. Просил боржому. Вошел Илья Васильевич и поздравил Л. Н., я тоже. Л. Н. на это не ответил, заговорил об ином. Николай Николаевич извещал о письмах и о статье Короленко [1]. Хорошая, хотя кое в чем не согласен как революционер. О Меньшикове [2], о «Круге чтения».

Л. Н., когда я ему делал массаж, просил не утомлять его.

— Здоровье хорошо, но малейшее волнение — сейчас слезы, нервное,— сказал Л. Н.

Компресс наложил только на бедро, а не на целую ногу, как до сих пор.

Л. Н.: Из писем, телеграмм — мало читал. Вижу, что помог им освободиться от религиозной лжи. Благодарят, что им стало спокойнее. Это была моя главная деятельность, и я рад, что она признана. Желаю, чтобы все это скорее кончилось, своя жизнь важнее всего внешнего.

Л. Н. с 10 у себя в кабинете диктовал Николаю Николаевичу в «Круг чтения».

Софья Андреевна суетилась из-за позднего завтрака.

К 12 часам нищих около десяти, любопытных около двадцати. С Иваном Ивановичем пришедшие Досев и Якубовский пошли к Николаевым, не посмели беспокоить Л. Н. От «Тульской молвы» было пять человек. В 2 часа приехал из Тулы посыльный с 432 телеграммами, не принял таксы за доставку.

Андрей Львович стал читать телеграммы вслух у стола в зале.

Пришел Иван Иванович и стал разбирать получаемые кипы телеграмм и писем. Большинство телеграмм длинные, особенно от рабочих. Есть 350 подписей. Одна телеграмма в 855 слов, из них текст — 30, остальное — подписи; много телеграмм на *ты*. Есть телеграмма Редьярда Киплинга. «Привет гордости российской — почитательница-немка». «Богоискателя поздравляет ксендз». Из сербского Белграда телеграмма: «Ко дню 80-летия рождения Л. Н. Толстого поздравление Христа»; «Горе вам, если вас все люди любят. Словаки подградские» [3]. Сегодня получено 432 телеграммы.

Приехал Charles Theodore Hagberg Wright, привез адрес английских друзей-писателей. Приехали Страхов, Сухотин.

Приехал Дима Чертков. Л. Н. услыхал, позвал его. Дима, вошедши: «Не знаю, поздравлять вас или нет». И рассказал историю о своем последнем дне рождения в Англии. Аладьин был у них и язвительно высказался о том, что его поздравляют. Дима решил поздравлять только тогда, когда самому поздравляемому хочется. Рассказал это по-своему, откровенно, просто, мило. Потом поехал за почтой в Ясенки.

Есть телеграммы и письма от священников, от евангелических пастырей, пасторов разных английских вероисповеданий.

В 6.45 Л. Н. позвал Андрея и при его и Михаила Львовича помощи перешел от кровати к креслу, находящемуся в другой комнате — кабинете,— переехал в столовую и остался отдельно у круглого стола. За столом, за обедом нас сидело 22 и галдели: Софья Андреевна, Райт, Сергей Львович, Илья Львович, Андрей Львович, Екатерина Васильевна, Михаил Львович, Д. А. Кузминский, Дима Чертков, А. А. Гольденвейзер, Александра Львовна, я, Варвара Михайловна, Николай Николаевич, Иван Иванович, А. Б. Гольденвейзер, Владимир Григорьевич (он больше отсутствовал, был у Анны Константиновны в бывшей библиотеке), М. С. Сухотин, М. А. Стахович.

Л. Н. сидел один и про себя думал, в общий разговор совсем не вмешивался; просил принести записную книжку и записывал в нее [4]. Когда налили шампанское, Софья Андреевна подошла к нему чокнуться, Л. Н. сказал:

— Прошу, не подходите.

Мы, все остальные, встали у стола и поклонились Л. Н. И он сказал:

— Благодарю и радуюсь такому хорошему собранию и даже страшно, слишком уж хорошо.

Андрей Львович поднес ему подписать портрет для кого-то. Л. Н. не только подписал, но написал и несколько, довольно много, строк, что очень редко делает.

Димочка не пил шампанского, он еще никогда не вкушал вина. Радость — этот Дима: и добрый, и наивный, и простой, и умный, и веселый. И хороший рассказчик, и готовый на все хорошее.

Николай Николаевич рассказывал про телеграммы, их получено до сих пор около 600; есть и такие — в 10 страниц: текст 30 строк, прочее подписи. Сегодня 79 писем с Козловки, 10 — от городских Дум; одно — от университета.

После обеда подошел к Л. Н. первым М. А. Стахович, потом Райт еще поздравить и проститься. Л. Н. спросил его, знает ли он Б. Шоу, и сказал, что у него блестящее отрицание и осуждение существующего порядка.

Пришла наверх Анна Константиновна, она во время обеда занималась на террасе с ясенскими детьми.

Владимир Григорьевич (*мне*): Как хорошо, что Л. Н. здоров. Сейчас он говорил: так хорошо ему, что думает — что-нибудь случится.

В 9 часов Л. Н. стал в зале пересматривать письма; очевидно, очень слаб.

Приехала Мария Николаевна (невестка). Между адресами есть и от священников, и от крестьян (очень хорошие).

Пришел Иван Иванович, обнял и поцеловал меня: «Какая рамка, хороший день к юбилею»,— и стал перечитывать все поздравительные адреса, телеграммы, письма и выписывать из них трогательные, серьезные места для сообщения в газеты [5]. Он уже третьего дня посылал первое сообщение в пять газет, писал там о любви, чтобы помешать чествованию с политической окраской.

Хорошая статья о Л. Н. в «Die Standarte» (Berlin, 3 September, Wochenschrift — «Tolstoi, von ×××») [6].

Л. Н. (*читая*): Это хорошо.

В «Петербургских ведомостях» статья князя Цертелева, человека православного, начало особенно хорошее [7].

Л. Н. сегодня же написал австралийским генриджорджистам ответ на поздравительное письмо, полный убеждения в правоте, необходимости генриджорджевского решения [8].

29 августа. Л. Н. спал хорошо. Утром оделся и один, без помощи, прошел от кровати к креслу и стал заниматься в зале. Гусев предложил ему пересмотреть избранные телеграммы. Л. Н. отклонил и писем не стал смотреть, первый раз с тех пор, как я здесь живу; стал сейчас же пить кофе и заниматься работой над «Кругом чтения». Почта из Козловки — около 100 писем; телеграмм привезли 925. Утром уехал М. С. Сухотин. Приехали молодые: Анна Ильинична с мужем Хольмбергом. Остались Сергей Львович и Илья Львович с женами, Михаил Львович, Д. А. Кузминский. Днем были: Райт, Чертковы — отец с сыном, Иван Иванович (все время делал выписки из писем и телеграмм для «Русских ведомостей»), Николаев, Хирьяков.

Вечером Софья Николаевна читала вслух из «Вестника Европы» Гершензона о Киреевском длинную статью [1]. Л. Н., лежа на кушетке, внимательно слушал. Другие играли в шахматы и карты. Когда Софья Николаевна читала, что журнал Киреевского, в котором он сам много писал, «Европеец», после второго номера был запрещен, Л. Н. сказал: «Очень интересно». Когда кончила читать, Л. Н. заметил:

— Сущность учения Киреевского вкратце в том, чтобы свою волю слить с волей бога.

Сергей Львович спросил Л. Н. об А. С. Хомякове. Л. Н. ответил, что Хомяков был глубже.

Л. Н.: Хомякова я знал. Всегда вспоминаю его с большим удовольствием. Очень самобытный человек. Монгольское лицо. Хорошая произнесена была им речь. Я ее где-то читал [2].

На вопрос об Аксаковых Л. Н. ответил, что Аксаковы держались более внешнего (обрядности, национализма); они были, как Кант выражается, софистами своих прежних, в детстве воспринятых мыслей. И Киреевский был такой.

Я спросил Л. Н., не христианский ли дух учения Киреевского привлекал Л. Н. к славянофилам.

Л. Н.: У славянофилов было самодержавие, православие, народность. Я их любил за народность. Они прикрывали народность православием. Это меня отталкивало от них.

Гольденвейзер спросил Л. Н. о впечатлениях юбилея, почему не интересуют его письма, телеграммы. Л. Н. ответил, что у него настало переполнение, как от сладкого, когда насытишься; перестал интересоваться; что эта сторона была ему до сих пор незнакома. Общее впечатление от писем, телеграмм — что своей деятельностью он разрушил ложные верования и указал истину. Это сделалось трюизмом.

Сергей Львович и Николай Николаевич говорили о телеграммах (вчера их 600, сегодня более чем 1 000). Л. Н. спросил, есть ли от Стасюлевича и есть ли от славян. (Есть обе.)

Гольденвейзер: «Вестник Европы» кончится. И Стасюлевич и Арсеньев — старики, и не находят, кому его передать.

Сообщили Л. Н., что есть телеграмма от Кропоткина [3].

Л. Н.: Я не знаком с ним?

— Нет.

— У меня чувство, будто бы знаком,— добавил Л. Н.

Сергей Львович: Есть телеграмма от старика, который «всю жизнь мелкими шажками бежал» за тобой.

Николай Николаевич сообщил Л. Н. содержание одной телеграммы от священника, вроде: «Горячо приветствую дорогого Льва Николаевича за хлеб насущный».

Л. Н.: Вот и о вере можно говорить с добротой, а не ругательно.

Есть такие телеграммы: «Вы — живая совесть России» (несколько раз эта мысль по-разному выражена). «Искренно желаю еще много лет чувствовать ваши удары по нашей совести». «Drahý Lev Nikolaivič, žite ešte mnohé bláhê letá ku dobru ludstva. Peter M a k o v i c k ý» *[4].

Вечером очень шумно. Играл Гольденвейзер. Когда Илья Львович с женой, Аннушкой и ее мужем уезжали, все сошли их провожать.

Л. Н. остался с Димой. Я застал их, когда Л. Н. говорил Диме, что у него (Димы), кажется, самомнения мало.

— Не надо думать о том, что́ обо мне думают люди, а думать о том, как мне поступать.

Жалко Илью Львовича с его семьей. Все они такие простосердечные, добрые, славные.

Хольмберг Л. Н-чу понравился. Он ему по матери своей (кн. Горчаковой) родственник и похож на карикатуру Л. Н. на картине, где литераторы носят рукописи Некрасову [5].

30 августа. Л. Н. встал бодрый. С 9 стал заниматься в зале с Гусевым новым «Кругом чтения». Входил к нему Николаев спросить, что оставить, что выпустить из речи Генри Джорджа «Вера сторонников единого налога», напечатанной в посредниковском календаре, которую Л. Н. выразил желание поместить в новый «Круг чтения». Л. Н. ответил, что надо переделать всю и написать простым языком и что займется этим сам [1]. Николаев пришел поделиться своим восторгом и заговорил с Сергеем Львовичем

---

* «Дорогой Лев Николаевич, долгих вам лет жизни на благо человечества. Петр М а к о в и ц к и й» (*словацк.*).

о chef d'œ, uvre — адресе австралийских джорджистов Л. Н-чу и его ответе им, утверждая, что этот ответ будет иметь громадное значение.

Сергей Львович: Какой вы фанатик!

С. Д. Николаев: Я не фанатик. Я с Джорджем не во всем согласен. Я анархист. Он мог это писать в Америке, где правительство порядочное; его недостатки там ему не были видны, как нам, в России. Я еще десять лет тому назад в Москве беседовал с Л. Н. о том, в каких мы счастливых условиях, что у нас паскудная церковь, паскудное правительство, нам это все виднее.

Сергей Львович хочет заняться группированием и изданием поздравительных телеграмм. Его радуют, интересуют телеграммы, выражающие порицание правительства; таких больше всего из Саратова, Харькова, где губернаторы особенно усердствовали, чтобы не проявлялось чествование Толстого. Репрессия — реакция.

С 2 до 2.30 Л. Н. с молоканами, потом до 4-х на балконе читал корректуру второго издания «Круга чтения». Приходили к нему на одну-две минуты Перна, Владимир Григорьевич, Николай Николаевич, Александра Львовна.

Во время обеда Л. Н. сидел на кушетке и там обедал. Были: Райт, Чертков с сыном, только что приехавший Н. Н. Ге, Перна, Гольденвейзеры, Сергей Львович, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Николай Николаевич. Л. Н. сегодня опять не читал писем, за обедом был бодр, много беседовал, только из-за шума я мало мог расслышать Л. Н., хотя он старался громко говорить. Н. Н. Ге говорил с Софьей Андреевной, на ее расспросы отвечал, что живет уроками и что это самое неблагодарное занятие, ничего от него не остается, одна подготовка к экзаменам. Л. Н. спросил его, зачем это делает. Николай Николаевич ответил, что расходы большие, на покрытие их.

Л. Н.: Это вам скажет всякий судья. Есть обязанность по отношению к своей душе. Средство от того одно: уменьшить свои потребности; много средств добывать — это одно из старых суеверий, как православие. Пятьдесят пять часов в неделю работать гораздо вреднее, чем..... * Вот где революция и энергия нужны.

Л. Н. продолжал:

— Старичок тут был — сектант-молоканин, — но какой сектант! Ищущий. Грамоты почти не знает; как только начинает говорить, станет плакать и жаловаться; угадайте о чем? Что он богат.

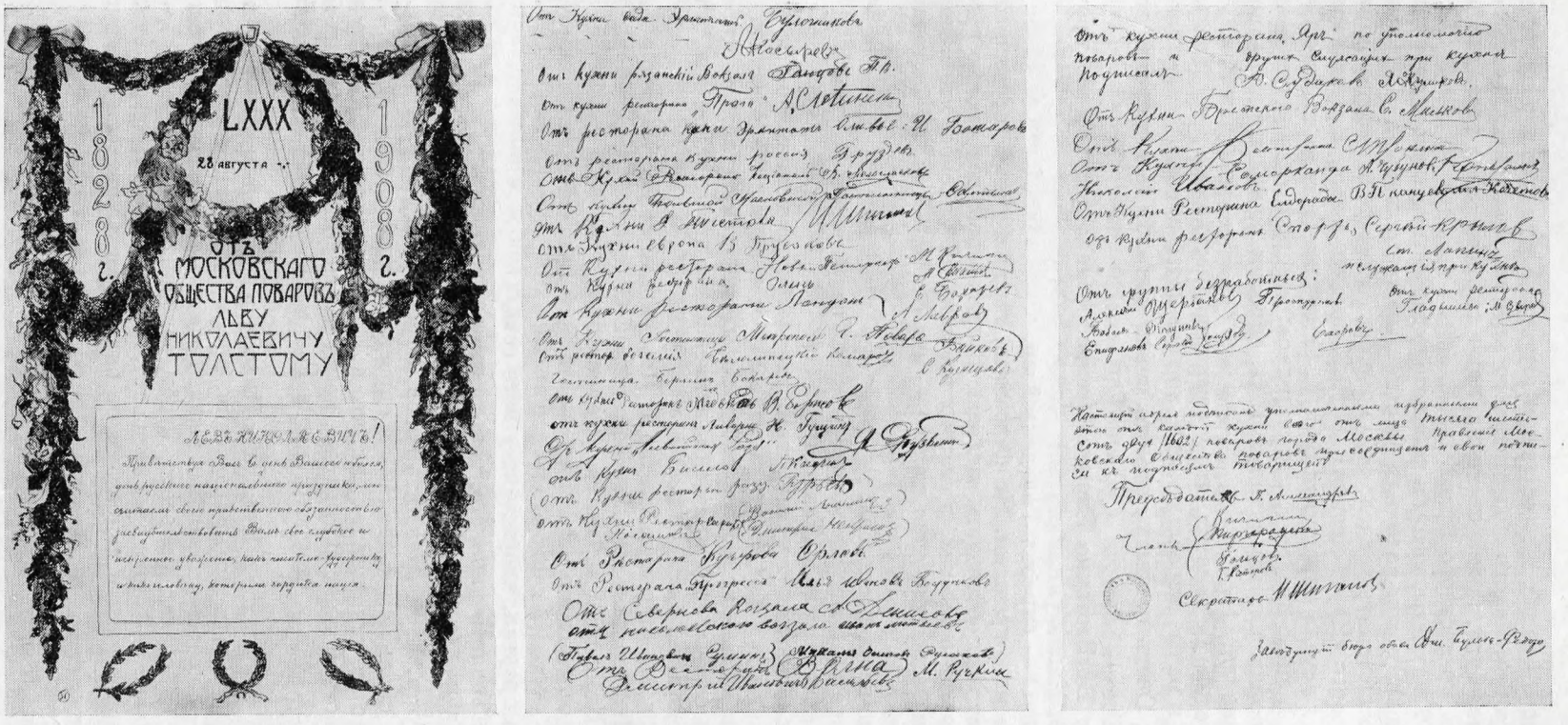
Л. Н. спросил Н. Н. Ге о Буланже и сказал, что его воспоминания из его бурной жизни с рабочими не читал, но, говорят, очень интересны [2].

Говорили про Шерлока Холмса; Сергей Львович сказал, что интересен, разошелся в 270 тысячах экземпляров. Л. Н. не читал. Об ответе на адрес австралийских джорджистов, написанном Л. Н. третьего дня и вчера. (Это первый и пока единственный ответ Л. Н-ча поздравившим его в день рождения.)

Л. Н. прочел сегодня несколько прошлых дней в «Круге чтения» и нашел там изречение Руссо о земле; его хочет поставить в эпиграф ответа [3]. То, что теперь совсем игнорируется, а между тем 200 лет назад сознавалось. Лучшие люди, которые думали о том (земле), сейчас указали на это. И Л. Н. продолжал разговаривать с Перна о земельном вопросе. Говорил об общественном мнении. Он (Толстой) жил во времена рабства. Все привыкли к рабству, и ему казалось естественным переселять крепостных и т. п. И вдруг прояснилось, сделалось общественным мнением, что крепостное право — грех. Теперь надо решать, к какому общественному мнению примкнуть: Меньшикова или Генри Джорджа. Назревает

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*



АДРЕС МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ПОВАРОВ, ПРИСЛАННЫЙ ТОЛСТОМУ КО ДНЮ ЕГО ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЯ, 28 АВГУСТА 1908 г.

общественное мнение, и надо людям решать. Когда большинство будет на стороне прогрессивного общественного мнения, несправедливость земельного рабства будет так же очевидна, как в то время стала очевидна несправедливость крепостного права.

С 7 до 9 шахматы, потом в кабинете сидел четверть часа, погруженный в свои мысли; потом заходили Чертков, Райт прощаться. Л. Н. расплакался; потом опять сидел, задумавшись. Просил записную книжку и Январь нового «Круга чтения». В 10.20 вышел в залу и разговорился с Н. Н. Ге. Сначала спрашивал о С. Т. Семенове. Ге говорил, что Семенов прожил в Женеве два года, подружились; говорил о его детях — сыне и дочери, посещавших там школу. Л. Н. спросил, какой же вид у него, не крестьянина ли?

В разговоре Ге заметил, что у французов детей совсем не видать. Есть младенцы и малые взрослые люди, но типа детей нет.

Л. Н.: Очень понимаю, что это может быть. Ведь и у нас в городах гимназисты..... *

Л. Н.: В «Вестнике Европы» (сентябрьская книжка) все прочел, и Арсеньева. Какая умная статья!

— О чем? — спросил Гольденвейзер.

— Обо мне, грешном. Но (Арсеньев) именно умный, серьезный человек. Пишет, что об учении, взглядах Толстого преждевременно говорить, а большинство в газетах, в статьях все знают [4]. Спасибо, что напечатали статью Морозова («За одно слово») — она слаба,— так, из благодарности напечатали [5].

Ге вспоминал Морозова:

— Не тот ли, против которого жил Тенеромо?

Потом заговорили о Тенеромо.

Л. Н.: Сделался журналистом; старается возможно больше писать; пишет обо мне. Журналистика развращает пишущих и читающих. Это какое-то подобие мысли, а выработалось такое искусство, это удивительно — двадцать страниц прочтешь, думаешь, что что-то такое есть, и ничего нет, le bien-dire **.

Л. Н. говорил насчет статьи о Киреевском, которую вчера прочла вслух С. Н. Толстая; писал ее Гершензон. Он считает философами нашего времени Ницше, Метерлинка, Карпентера.

Л. Н.: Это философы? Ницше — это бред сумасшествия и самоуверенности.

Кто-то прервал, что талант у него есть.

Л. Н.: Таланта никакого, только самоуверенность.

В 10.45 Л. Н. ушел к себе. В 11.50 потушил свечу.

31 августа. Л. Н. спал пять часов. Утром, в 6 и в 8, ел виноград. Спросил меня, сколько мне лет (42), и спросил — слабею ли.— «Нет».— Л. Н. сказал, что все-таки нет тех сил, что в 30 лет, а если кажется, что есть, то выносливости меньше. В эти годы, когда сил еще много, убыток их меньше чувствуется, чем в старости; когда сил мало, тогда ухудшение больше чувствуется.

С 8.45 занимался с Николаем Николаевичем новым «Кругом чтения».

Приехал Владимир Григорьевич, прошел к Л. Н. и рассказывал ему минут 20—25 совсем неважные вещи. Года два тому назад Владимир Григорьевич не сделал бы этого, чтобы во время занятий войти к Л. Н.; еще негодовал на Бирюкова, когда тот, не званный Л. Н-чем, входил к нему в вечерние часы с вопросами по биографии. Считалось ненарушимым

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** уменье говорить (*франц.*).

одиночество Л. Н., и особенно во время, когда занимался — с 9—10 до 2—3 часов.

Л. Н. обедал на кушетке.

Л. Н.: Я прочел Горького «Исповедь». Невообразимое. Все лица одинаковые (монах), одинаково говорят, выдуманные положения.— И Л. Н. удивлялся и тому, как это можно писать, и — более — тому, что это печатают.

Ге сказал, что у Бальмонта читал такой стих: «Тик-так, тик-так» [1].

Л. Н. сказал, что он понимает: они думают, будто поэзия есть что-то недосказанное, неопределенное, а ведь написание стихотворения требует столько же труда, как геометрия.

Л. Н.: Хотел веселенького. Стахович прислал, и Михаил Сергеевич хвалил L. Halévy «Madame Cardinal» [2]. Это такая мерзость! Отец и мать продают своих двух дочерей, и автор над этим подтрунивает, и в двух томах. Этой мерзости просто знать не хочется.

Потом Л. Н. заговорил о Поль де Коке. Я в это время ушел за книгой Л. Н-чу. Когда вернулся, Ге мне сказал, что про Поль де Кока Л. Н. говорил, что это французский жанр — и мило, и смешно, и легко, а Л. Галеви — это грязь.

Сергей Львович рассказал про Арцыбашева, читавшего в собрании в Ялте, что он похож сам на Санина: силен, лицо бледное, нахальное, умное, неприятное, голос противный.

Л. Н. сказал, что у Арцыбашева есть некоторый талант. «Санина» не читал, но получил письмо от гимназиста с вопросом: «Кому верить: Христу или Санину?».

Ге сказал, что Хилков очень хвалил «Санина», тогда и он прочел его. Считает непристойным подсказывать такие мысли, свойства людям, каких у них не бывает. Познакомиться с барышней и ее изнасиловать — это все равно, что писать, будто гость ложки крадет.

Л. Н.: Он хочет показать, что не красть — это есть старое суеверие. Это и выбирает.

Пришли Горбуновы, Алексеев, Якубовский, Николаев. Николаев пошел в комнату Николая Николаевича прочесть ответ Л. Н-ча австралийским джорджистам, там же прочел и ответ отказавшемуся [3]. Письма его растрогали. В умилении произнес:

— Милая рука пишет и почти только эта одна рука и пишет!

Л. Н. говорил про бывшего сегодня утром молодого человека харьковского, присужденного к полутора годам за распространение сочинений Л. Н. Он был и раньше здесь, и тогда с ним был припадок. Теперь сидел под арестом, и выпустили его на короткое время. Он говорил сегодня точь-в-точь то, что тогда: «Если вы этот конец карандаша нажмете, погибнет сто, если другой — погибнет тысяча».

Л. Н.: Я ему говорил, что это то, с чем боремся; во имя этого Столыпин казнит: «Мы казним сотню, а предупредим революцию, убийство тысяч». Но не убедил его. Он говорил, что надо иначе устроить жизнь. Я ему говорил, во-первых, что устроить жизнь других людей совсем нельзя (нельзя знать, что будет), что это суеверие (верить, что одним можно устроить жизнь других), что люди — свободные существа; во-вторых, что человеку нельзя внушить свои мысли, как это видно и на нем,— я не убедил его; разумеется, есть такое состояние, когда человек ищет, и тогда у передового человека перенимает мысли (а есть, как этот студент, которого никак не убедишь).

Иван Иванович рассказал про драму Метерлинка, которую будут ставить в Художественном театре. Одно действующее лицо — пролитое молоко [4].

Л. Н. недоумевал. В десять часов поехал спать.

Еще в 7 часов вечера были четверо тульских типографщиков-депутатов (знакомые Гусева) с адресом и сопроводительным письмом от их общества — библиотеки, в котором 70 человек. Л. Н. поговорил с ними в гостиной и дал им книжки. Они хотели для своей библиотеки полное собрание его сочинений.

1 сентября. Л. Н. хорошо спал; встал в 7; с 8.30 до 12.30 занимался.

Приехал М. В. Булыгин. Л. Н. получил письмо из Харбина от солдата, который уже призывным чувствовал, что не следует быть солдатом; не вытерпел — отказался. То же услышал о пяти отказавшихся солдатах в Тифлисе. Л. Н. говорил, что на окраинах свободнее солдатам и мягче поступают с ними. Потому туда из сочувствия и высылают отказавшихся.

За завтраком Л. Н., Н. Н. Ге, Булыгин, Сергей Львович, Софья Андреевна говорили о том, зачем Н. Н. Ге, выйдя из подданства русского, не остался так, а принял подданство другое, и именно французское. Вспоминали, как следили чиновники за его сыновьями.

Л. Н.: Сколько есть законов! Прудон вычислил — 150 тысяч, и все новые. Сколько новых отношений между людьми, столько законов, и никто их не знает, и никто не может оправдываться незнанием их.

Утром был Владимир Григорьевич в возбужденном состоянии после бессонной ночи. Л. Н. с 2 до 6 у себя. В 3.30 позвонил и спросил, где Александра Львовна; хотел ее попросить съездить к Черткову, разузнать про него, но тот только что был и уехал.

Вечером с Гольденвейзером шахматы, потом разговор про декадентство. Л. Н-чу кто-то писал, что занимался декадентским писанием, но что оставил это, потому что оно связано с распущенностью. Л. Н. в этой исповеди показалось основным, что декадентство идет вместе с распущенностью.

Привезли огромную почту из Тулы — 30 заказных, 120 простых писем, 60 повесток, 50 книг, газет, журналов. Л. Н. дали некоторые прочесть. Одно прочел вслух, Bréal выражает сочувствие его критике Шекспира, утверждая, что он давно так же думал [1]. Тоже вслух начал читать и дал Николаю Николаевичу докончить письмо Леонида Андреева, который хочет Л. Н. посвятить «О семи повешенных». Письмо сердечное, прямое [2]. (Куда лучше его писаний!)

Сергей Львович, Михаил Васильевич и Н. Н. Ге занимались сортировкой (1700) юбилейных телеграмм.

Л. Н. спросил у Гольденвейзера о его композициях, потом последовал интимный разговор (Гольденвейзер о своей жизни). Гольденвейзер играл Шопена, под конец — его балладу. Л. Н. был растроган.

Софья Андреевна, обращаясь к Гольденвейзеру:

— Как вы, так Шопена не играет никто.

Л. Н.: Никто. Я так слился с Шопеном; когда я слушаю, у меня впечатление, точно я сочинил.

Какой-то пекарь прислал Л. Н. 21 фунт хлеба. Софья Андреевна заподозрила, не отравленный ли? Об этом пересуды. Л. Н. заметил, что теперь Шерлок Холмс так читается (в моде), а что он (Л. Н.) никогда в жизни шпионов не встречал.

Трогательное письмо получено от шести тульских телеграфистов [3]; смешное от человека, узнавшего о Л. Н. из газеты, в которой была завернута колбаса. Нашлась поздравительная телеграмма Ку Хун-мина из Шанхая, которому Л. Н. писал «Письмо к китайцу».

Л. Н.: Какое сближение народов произошло! Как за последние двадцать пять лет Индия, Китай, Япония стали причастны европейской жизни! Персия — меньше.

Есть поздравительная телеграмма от бурят. Есть письмо от лужицкого серба Яна Брыла [4]; присылает и первые семь номеров «Лужицы».

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, осень 1908 г.
Фотография В. Г. Черткова

Н. Н. Ге, не видевший Л. Н. с 1902 г., после болезни, не находит у него телесной перемены. Переменилось отношение к самому себе. Бережется от болезни, удерживается от всякой всячины, чего тогда не было. В Ясной недостает Марии Львовны, она была звеном между Л. Н. и другими; она была солнечным лучом. Ге готовится издать переписку Л. Н. со своим отцом и отвести много места воспоминаниям о Марии Львовне [5].

2 сентября. Л. Н. утром сам перешел в кабинет, сел у письменного стола и занимался. Почту сегодня уже читал сам. Писал новый «Круг чтения» и письма. С часу до 2.15 в зале; завтракал и разговаривал с Н. Н. Ге, М. В. Булыгиным, Сергеем Львовичем. Меня не было. Ге говорил мне, что он рассказывал Л. Н., как в северной Италии крестьяне кооперативными артелями арендуют помещичьи экономии и как артели между собой кооперативно держат агрономов, техников и т. д. Л. Н. на это говорил, что,

чем больше усовершенствований в этом, тем хуже (дальше забираются по ложному пути), труднее им будет вернуться. Ге с этим не соглашался.

Вечером приехал верхом из Тулы казачий подполковник Сехин, племянник Е. И. Сехина (фамилия происходит от сейхи, было такое чеченское племя), описанного Н. Н. Толстым под именем Епишки, а Л. Н-чем — Ерошки. Он внук его брата Алексея, бывшего офицера и учителя в Червленой, соседней со станцией Старогладковской; 43 лет, небольшого роста, сутуловатый, усатый, лысый, простой; прям, басит. Л. Н. расспросил его, как там живут, про «мамук», про «кумыков», про старообрядцев-казаков, чеченцев, леса, кабанов, оленей:

— Перемены, должно быть, большие в полвека?

Сехин говорил, что перемен нет, только начали уже курить; так же одеваются и живут, как тогда, как описал Л. Н. Железная дорога не проведена; кумыки — мирные; чеченцы редко прорываются — места запестрели русскими поселками — 30 конных молодцов прискачут ночью в городок, ограбят золотых дел мастеров и ускачут в темную ночь. Там было и есть спокойно, только в самые новейшие времена стали производиться грабежи. Ружья не нужно было носить, а теперь опять стали носить.

Про Епишку Л. Н. сказал:

— Был милейший человек, простодушнейший, веселый.

Сехин рассказал про него, что к старости в скиты перешел. Это было Л. Н. ново, удивился.

Л. Н.: Посмотрел бы я эти места!

Софья Андреевна стала показывать чудные фотографии Буллы. Л. Н. сел играть в шахматы с Гольденвейзером. Я спросил Сехина, читал ли он Н. Н. Толстого о Епишке в «Современнике» 1857 г.

— Нет.

Я вспомнил слова Епишки Л. Н-чу: «Что ты судишь? Ты бы оставил судение там, где был; брось (он про писание говорил) судить» [1].

Л. Н.: Напрасно я его не послушался... Я шутю,— добавил Л. Н.,— так он (Епишка) говорил: «шутю».

Сехин: И теперь у нас так говорят.

Л. Н. говорил с ним о его службе: тяжелая, мол, в эти времена. Сехин не понял, ответив:

— Теперь всякая служба тяжелая.

Л. Н. вспомнил, что Каспийское море от Старогладковской станицы в ста верстах, Владикавказ — в двухстах.

Сехин вспомнил про статью Тенеромо в рязанской газете (29 августа) о том, как Мария Львовна собиралась замуж выходить за крестьянина [2].

Софья Андреевна: Этого ничего не было. Это Файнерман, который все врет, пишет, чтобы получить деньги, а газеты подхватывают, потому что интересное, и перепечатывают. Я бы его убила.

Л. Н. от шахмат успокаивал Софью Андреевну.

На днях в «Биржевых ведомостях» была напечатана Тенеромо сплошь выдуманная беседа с Л. Н. Длинная сказка об известном публицисте [3].

Софья Андреевна говорила, что приедет С. А. Стахович, которая очень любит Л. Н.

Л. Н. на это:

— Она любит частицу меня. Она из тех, которые разрывают меня по частицам [4].

3 сентября. Утром уехал Сергей Львович, приехала С. А. Стахович.

В час Л. Н. пришел в залу и тут завтракал. Говорилось о выздоровлении от болезни, о дне рождения, поздравительных письмах, телеграммах. До сих пор телеграмм 1700, но еще получается по 20 ежедневно. Подписей на них 50 тысяч.

Л. Н. письма и телеграммы очень мало читал; говорит, что не может: скучны ему повторения. Приятно ему, что сделалось «общим местом» — «я был атеист....» (и Л. Н. не докончил, т. е. «и благодаря вам нашел бога»).

— Приятно читать те письма, где это все искренно, серьезно высказано, но повторения скучны.

— Должно быть, господь-бог испытывает то же чувство при повторениях: «Помилуй, помилуй»,— сказал Л. Н., шутя, Софье Александровне.

Приятны были письма от священников (их немного) и из чужих стран благодарности и с религиозных точек зрения (поздравления).

Софья Александровна: А ругательных не было?

Л. Н.: Нет.

Тут Софья Андреевна вставила, что ругательные были: она получила четыре.

Софья Александровна продолжала выспрашивать Л. Н., и он отвечал. Говорил приблизительно так, что в старости — духовная жизнь, а внешнее не интересует.

— Тщеславие прошло, я был очень тщеславным; слава богу, могу говорить в прошлом. В последние годы похвал было столько, что от тщеславия излечили, уже слишком сладки были.

Л. Н. продолжал говорить, что ему так легко живется, близкие друзья есть.

В 4 часа Л. Н. вышел в залу, где Софья Андреевна с Софьей Александровной за чаем говорили про отобранные интересные телеграммы. Соглашались в том, что они неинтересны — все от рабочих, в революционном духе; видно, что отбирали их нигилисты — Сергей Львович и Николай Николаевич.

Л. Н.: Тут эта черта задора против правительства.

Николай Николаевич сказал, что выбирали не по содержанию интересные, а по подписям: от рабочих и т. п.

Софья Александровна прочла одну от рабочих Путиловского завода и сказала, что это, верно, сочинили конторщики [1] и что все телеграммы на одно копыто.

Л. Н. Софье Александровне про «Madame Cardinal», что это не то, что он хотел. В этом романе сюжет такой (родители продают дочерей), над чем шутить нельзя. Спросил, нет ли чего другого. Софья Александровна не могла ничего вспомнить.

Л. Н.: Поль де Кок — добродушная веселость.

Софья Андреевна запротестовала против сальностей Поль де Кока:

— Толстые — все такие, любят такие вещи читать. Сергей Николаевич любил их.

Л. Н. заговорил про книгу «Les Indes mystérieuses» [2].

— Французская бодрая серьезность,— и рассказал смешной пример оттуда по-французски; я не понял.

Сегодня получен подарок от табачной фабрики «Оттоман» — несколько тысяч папирос в коробках с выпуклым портретом Л. Н-ча. Л. Н. с Владимиром Григорьевичем решили: чтобы не обидеть пославших, Л. Н. напишет, что одну коробку оставляет для музея и большую коробку с надписью — для своих целей, а прочее возвращает, т. к. он больше 20 лет не курит и другим советует не курить [3].

Софья Андреевна взволновалась харьковской газетой («Друг народа»), в которой Л. Н. ругают, называют лжецом [4]. Говорила, что, когда прочла, у нее было такое желание — поехать туда с револьвером, прямо в редакцию, и бац!

— Как это смеют так писать?! В старину за такую ругань была бы дуэль.

Л. Н. с 6 до 11 все время провел в зале. Приехал к обеду в кресле на

колесах, т. к., погуляв по балкону, почувствовал, что жилы под коленом разболелись.

После обеда с Софьей Александровной разговаривал. Почта из Тулы — около 120 писем. Л. Н. по поводу какой-то статьи о нем, а в ней разговора с ним, сказал:

— Если бы я еще восемьдесят лет жил, я не успел бы переговорить всего того, что мне приписывают и что будто бы я сказал.

Шахматы с Гольденвейзером; пришли Николаевы.

Л. Н.: Как Сытин справится с новым «Кругом чтения»? Я пишу для себя, не буду изменять.

Сергей Дмитриевич: А что, это будет издавать Сытин? Не Горбунов?

Л. Н.: Чертков сделал, что Сытин; так больше распространится. — И Л. Н. рассказал, что поправляет Февраль нового «Круга чтения»; до сих пор было так, что первые четыре мысли были для детей, народа, а дальше — потруднее. Теперь решил оставлять только самые выразительные — шесть в день. Л. Н. рассказал, что в новом «Круге чтения» каждый месяц содержит его мировоззрение. День за днем мысли вытекают из прежних.

— Печататься будет народное (детское) отдельно, а народное и более трудное вместе. Радостная работа, нужная.

С Софьей Александровной Л. Н. говорил о любви, что в молодости — восторженна, а в старости — тиха, и эта выше, глубже.

Л. Н.: Как много стало вегетарианцев! Старик-молоканин — вегетарианец. Сегодня от Репина получил телеграмму, подписанную двадцатью, что они обедали по-вегетариански, без вина, сами себе готовили, без прислуги живут.

Л. Н. о евангельских Марфе и Марии — что у Марии мужской характер.

Л. Н. читал вслух письма и даже подписи.

4 сентября. Л. Н. слаб; у него насморк четвертый день. Много и долго работал.

Приехала Варвара Валерьяновна; вечером М. В. Булыгин, Гольденвейзер. Л. Н. разговаривал с Н. Н. Ге о Швейцарии, о тамошнем милитаризме, управлении и церквах.

Софья Андреевна вырезывала из газет о Л. Н. Заметила в «Новом времени» 31 августа статью Меньшикова. Заглавие одной части ее — «Подложное Евангелие» [1]. Софья Андреевна стала читать часть. Л. Н., читавший раньше, сказал об этой статье, что нехорошо. Софья Андреевна все продолжала читать и огорчаться.

Л. Н.: Для меня эта статья поучительная, потому что есть предел, где перестаешь серьезно относиться, как в молодости; вот Софья Андреевна серьезно относится.

Говорили о холере в Петербурге: в один день умерло 60.

Гольденвейзер играл Шопена, а после Л. Н. пожелал Аренского. Говорили о нем. Л. Н. сказал, что Аренский как композитор искренен.

5 сентября. Л. Н. встал в 7; вчера побольше походил по балкону, нога немного припухла.

За завтраком разговор о том, что Л. Н. пишет художественное.

Александра Львовна в восторге и дразнила Николая Николаевича, что «Круг чтения» отсунут в сторону. Николай Николаевич же жалел, говорил, что такие вещи, как «Ягоды», через 20 лет не будут читать, а «Круг чтения» — навсегда.

Л. Н. просил Александру Львовну позвать ему деревенскую бабку и священника, хочет расспросить о родах; меня утром расспрашивал про тяжелые роды. Недавно же расспрашивал Софью Александровну о том, как одевались ее братья мальчиками [1].

Уехали Н. Н. Ге, М. В. Булыгин, Варвара Валерьяновна.

За обедом Софья Андреевна вспомнила, что Овсянико-Куликовский в новой своей книге о Л. Н. пишет, что он религиозный философ, а случайно и художник [?].

Вечером пришел 23-летний казак из станции Новопокровской Екатеринодарской губернии — М. С. Астахов. Пришел к Л. Н. «в рабы наниматься», как ответил на вопрос Вани. (Они, сектанты, любят выражаться таким языком.) Сам из православных, ищет правды, был баптистом и прошел через многие секты. Теперь читал «Хулу» Иоанна Кронштадтского о Л. Н., что он предтеча антихриста. Тут он подумал, что, скорее, обратное будет правда, и приехал, т. е. пришел, пробыв в дороге 17 дней. Сильный, страстно правды добивающийся, упорный человек, жаждущий по правде любви. Л. Н. с ним поговорил в гостиной; потом он (Астахов) поехал с Чертковым к нему (Черткову).

Владимир Григорьевич спросил, присылаются ли славянские газеты со статьями о Л. Н. Я должен был ответить, что мало.

Софья Андреевна была у Анны Константиновны и говорила о том, что французы мало отозвались на юбилей. И во время голода англичане, американцы отозвались, французы — нет; что французы несимпатичны.

Я: А мне симпатичны.

Л. Н.: И мне симпатичны.

За обедом Л. Н. рассказал, почти шутя, что сегодня получил письмо «от матери» с полным адресом: «Что, просите веревку от правительства? — я ее посылаю», и действительно отдельно в пакете прислала. Л. Н. того мнения, что она легковерно думает, будто он причина революции, как это правые газеты утверждают. Л. Н. же ей вчера ответил на ремингтоне [3].

Нога к вечеру больше припухла, чем утром. Компресс с 3-процентной борной водой.

Софья Андреевна, услыхав, что завтра приедет Тихон Агафонович (местный кочаковский священник), спросила, зачем.

Л. Н.: Расспросить про семинарскую жизнь хочу.

Софья Андреевна: Попы злятся на тебя.

Л. Н.: Как не злиться, когда отнимаешь у них, чем они живут.

Софья Андреевна сегодня рассказывала с радостью, как чествовали Л. Н. в Берлине и Лондоне [4].

6 сентября. Суббота. У Л. Н. опухла вся левая нога. Сел в кресло на колесах и так занимался. Пополудни была у него около полутора часов Настасья Фоканычева, 80-летняя яснополянская бабка, премилая женщина; Л. Н. расспрашивал ее, как принимает ребенка, про обстоятельства родов; подарил ей портрет с автографом и коробку конфет, которую ему привезла Софья Александровна. После нее был священник — Т. А. Кудрявцев.

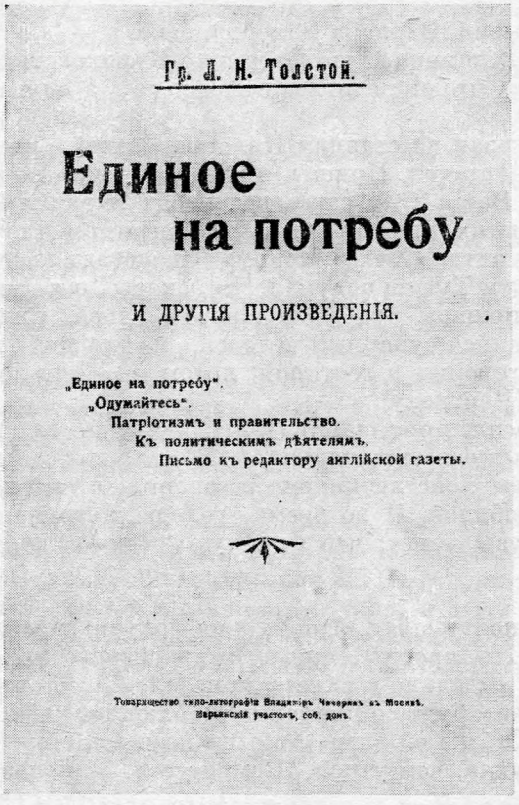
За обедом были Владимир Григорьевич и Дима. Вечером Гольденвейзеры, Николаев.

Николай Николаевич передал Л. Н., что получена телеграмма Союза русского народа из Самары, чтобы Л. Н. отказался от поименования его именем самарской улицы по постановлению Городской думы [1]. Николай Николаевич уговаривал Л. Н. сделать это — дескать, могут проезжающие по той улице ругать его.

Л. Н.: Я не могу вступаться в эти дела.

Софья Андреевна сообщила, что из Женевы просят разрешения назвать его именем школу, что им ответить? Л. Н. отказался вмешаться и тут сказал, что он хочет избавиться от этого.

Л. Н. рассказал про одного тульского жителя, который, прочитав «В чем моя вера», письменно заявил духовной консистории, что не может быть православным.


Гр. Л. Н. Толстой.

Единое на потребу

И ДРУГІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

„Единое на потребу".
„Одумайтесь".
Патріотизмъ и правительство.
Къ политическимъ дѣятелямъ.
Письмо къ редактору англійской газеты.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Мясницкія ворота, соб. домъ.

ГР. Л. Н. ТОЛСТОЙ. «ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ».

Товарищество типолитографии Владимир Чичерин, Москва

Обложка

В 1907 г. книга была изъята из продажи, а в августе 1908 г. Московская судебная палата утвердила ее арест

Л. Н. с Владимиром Григорьевичем о Брайане. Л. Н. сказал, что он наверное знает, что Брайан — антимилитарист.

Л. Н. читает Murger «Scènes de la vie de bohême».

Софья Андреевна рассказала с негодованием, что переменила прислугу, которая забеременела; принялась морализировать и осуждать.

Л. Н. со страданием в голосе останавливал:

— Что же делать, среда такая! — И стал рассказывать, чтобы остановить Софью Андреевну: — Нынче в «Новой Руси» история грабежей очень интересна. В шайке участвовали железнодорожные служащие, полиция; кондуктора, которые ездили,— переодетые грабители [2].

Софья Андреевна: Как дознались?

Л. Н.: Открыла девушка. Начальник шайки похитил девушку, держал насильно, жил с ней matrimonialement *.

Получена телеграмма от официанта: «Бессмертному из смертных» и т. д.

Л. Н.: Официанты. Я в первый раз понял, что это сословие большое. Знал Новикова-лакея. Они у нас служат — они нас судят.

Л. Н. просил свезти его в кабинет. Вернулся и попросил Гольденвейзера поиграть на фортепьяно. Тот сыграл сонату Бетховена E-moll опус 90 и этюд Шопена. Л. Н. спросил, какого времени эта соната Бетховена.

Разговор о музыке. Гольденвейзер сказал, что это ошибочное мнение, будто последние сочинения Бетховена трудны. Они очень просты, богаты мелодичностью, но они трудноисполнимы и при плохом исполнении кажутся запутанными.

Гольденвейзер: Я ужасно Бетховена люблю.

---

* супружески (*франц.*).

Л. Н. ТОЛСТОЙ. «ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ».
Изд. «Обновление». СПб., 1906
Обложка
Брошюра была изъята из продажи и в августе 1908 г. арест ее утвержден

Л. Н.: Я не могу этого сказать.

Л. Н. спросил Софью Андреевну про Урусову, которая любила играть Бетховена. Софья Андреевна рассказала, как она умерла. Ее мать хотела, чтоб она попала в концерт Рубинштейна, была готова употребить все средства, чтобы к концерту выздоровела; смазала ей горло каким-то крепким карболовым раствором. Когда дочь стала задыхаться, мать ей сказала: «Вот тебе и концерт Рубинштейна!» Софья Андреевна продолжала рассказывать, что Урусова любила играть Мендельсона.

Л. Н.: Вы знаете его (Мендельсона) пределы. Он очень милый, чудесный, но ограниченный. У Бетховена есть широта; это неожиданное совершенно, вдруг подымается высоко.

Гольденвейзер: Шопена первые произведения, должно быть, было трудно понять и оценить — не соответствовали тогдашнему музыкальному вкусу. Публике было ново; отличалось от существовавшего. А Мендельсон — он творил в царившем духе, имел при жизни успех.

Л. Н.: В жизни такие люди руководствуются мнением людей, а большие пишут для себя, потому что он (большой) в себя верит, а тот (Мендельсон) пишет для людей.

Л. Н. просил повезти его в ремингтонную, где Александра Львовна, Варвара Михайловна и Николай Николаевич переписывали «Круг чтения». Туда же пошли Гольденвейзеры и Николаев.

— Они меня балуют,— сказал Л. Н. — Они начисто переписывают, а я все это помараю, хотя стараюсь удерживать себя.

Александра Львовна с упреком и удивлением в голосе:

— Папа́, что ты говоришь!

У Николаева зубы болят; Л. Н. спросил его об этом и пошутил:

— Хорошо, когда зубов нет, нечему болеть. А если бы и ног не было, тогда бы и им не болеть.

Александра Львовна: А ноги болят?

Л. Н.: Душан Петрович говорит, что болят.

С. Д. Николаев вернулся к бывшему раньше разговору о немецких врачах (Ламане и других), что они, основываясь на физиологии, рекомендуют вегетарианство.

Л. Н.: Я так умру дураком. Я не верю в физиологию. Они поверили в вегетарианство на опыте тех, кто из нравственных причин соблюдает его, и они некоторыми физиологическими явлениями стараются доказать, что оно естественно. Не то, чтобы это было неверно, а тут так многообразно... Они исследовали один ряд явлений, а один ряд соприкасается со ста рядами других явлений. Думаешь, что это последние явления, но после них еще бесконечные явления.

Л. Н. много читал Силезиуса (в немецком оригинале) и много из него о боге помещает в новый «Круг чтения». Канта Л. Н. не переделывает, а в точном переводе помещает. Очень высоко ценит его.

Сегодня приехал Евгений Иванович, но не входил к Л. Н. Привез выписки из Будды, П. А. Бакунина и Спинозы.

Александра Львовна тоже стала записывать, Варвара Михайловна уже с месяц как записывает. Николай Николаевич, Владимир Григорьевич, Гольденвейзер и Софья Андреевна тоже ведут записи.

7 сентября. Днем был коломенский богобоязненный старик [1]. Мне показался олицетворением истинно русского человека, радеющего о душе своей, божественной сущности ее. Годился бы в монастырские старцы. Л. Н. сказал о нем, что не употребляет слова в их точном значении, что играет словами.

Он от него устал: поговорил с ним с 3 до 4 часов; после у него были перебои через четыре удара.

Л. Н. получил интересные письма: одно от черносотенца, другое — от социал-демократа — снисходительное: «Хотя вы ошибались относительно нас, мы вам прощаем». Утром был у Л. Н. студент.

Л. Н. получил письмо любителя лошадей, полковника, спрашивающего, на лошади какой породы ускакал Л. Н. от чеченцев [2]. Л. Н. вспомнил и рассказал:

— Ехали мы в Грозный, шла этот раз оказия, солдаты идут спереди и сзади, и я ехал с моим кунаком Садо — мирным чеченцем.

— И с Полторацким,— добавила Софья Андреевна.

— И перед тем я только что купил кабардинскую лошадь — темно-серую, с широкой грудью, очень красивую, с огромным пр**о**ездом (знаете, что такое пр**о**езд? что рыси равно; ходак — такую лошадь зовут ходаком) — но слабую для скачек. А сзади ехал Садо на светло-серой лошади, ногайской, степной (там были ногайцы-татары) — была на длинных ногах, с кадыком, большой головой, поджарая, очень некрасивая, но резвая. Поехали втроем. Садо мне: «Попробуй мою лошадь», и мы пересели. И тут очень скоро после того выскочили из лесу, с левой стороны, на нас человек восемь-десять и кричат что-то по-своему. Садо первый увидал и понял. Полторацкий на артиллерийской лошади пустился скакать назад. Его очень скоро догнали и изрубили. У меня была шашка, а у Садо ружье незаряженное. Он им махал, прицеливался и таким способом уехал от них. Пока они переговаривались с Садо, я ускакал на лошади, а он за мной. Меня спас особенный случай — что я пересел на его лошадь.

Александра Львовна: А какое было место, горы?

Л. Н.: Ровное место [3].

— А что Садо, он как скончался?

— Не знаю. Он был здоров. Может быть, он до сих пор жив. Он одних лет со мной.

— А откуда он происходил?

Л. Н.: Из аула Старый Юрт, по ту сторону Терека. Там жили чеченцы.

За обедом Л. Н. много каши ел. Софья Андреевна удивилась, и он пошутил: «Умирающие так не едят».

Л. Н. о письмах, которые себе оставил для ответа и отлежались:

— Я хочу отвечать, а потом просто сил нету.

У Л. Н. обычай каждый день кончать почту. Если письмо полежит несколько дней, оно уже «отлежалось». Исключение — такие письма, которые требуют подготовки для ответа.

8 **сентября.** Были: Владимир Григорьевич, Евгений Иванович (недолго). Вечером — Хирьяков, Николаев, Н. В. Давыдов, Мария Александровна. Вечером, с 6.40 до 10, Л. Н. в зале. Беседовал, главное, с Давыдовым. Н. В. Давыдов привез адрес «Московского литературно-художественного кружка» [1]. Рассказывал про «свободный университет Шанявского», которого он директором. Он его учреждает теперь. Должен начать действовать до 3 октября. До сих пор три преподавателя: Муромцев, Кизеветтер и..... * Л. Н. спросил, какие же побуждения поступать в этот университет.

— Получить образование, прав же никаких.

Л. Н.: Мне это особенно сочувственно потому, что прав не дает никаких.

Спросил про выборжцев — Муромцева и других,— как перенесли заключение.

Давыдов: Все очень хорошо. В некоторой степени даже довольны: поработали, отвлеклись.

О полученном воззвании П. Д. Долгорукова по поводу «Общества мира». Л. Н. не подпишет и не ответит, потому что надо бы отвечать обстоятельно, а на это нет времени:

— Общество ни к чему (ничего не сделает). Сделает перемена мировоззрения — что я не могу убивать: не желаю в этом участвовать.

Софья Андреевна вызвалась Долгорукову это ответить. Л. Н. поблагодарил и согласился [2].

Л. Н. вспомнил, что Купчинский ему писал о своем сборнике против войны. Заглавия статей интересны, просил его прислать самую книгу [3]. Хирьяков сказал, что книга бойка, показно-криклива — такая, какой была газета «Русь».

Говорилось про то, что министр просвещения Шварц потребовал от шести московских доцентов и профессоров, выпущенных из заключения за «Выборгское воззвание», чтоб они в своих лекциях не выступали против правительства. Он не пропустил курсисток в университет, не только новых, но и допущенных в прошлом году. Ненужное раздражение.

Л. Н.: Мое представление о Шварце, что он обыкновенный, дюжинный директор гимназии; им таких и нужно.

Николай Васильевич говорил, что это, вероятно, делается, чтобы исполнить слова, сказанные государем.

Александр Модестович: Тут, вероятно, требование самого государя. Он высказался за смертную казнь, и со стороны окружающих — поддерживание ее.

Л. Н.: Государственная форма устарела, и наше общественное сознание современного человека требует другое. В других государствах народы больше признают нужным государственное учреждение в их общественной жизни.

Л. Н.: Вы юрист. Я помню, когда-то я усердно интересовался и занимался юридическими науками — что-то на меня нашло.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Н. В. Давыдов говорил, что «Речь» просила его написать статью «Толстой и суд»:

— Не успел. Они обратились ко мне потому, что мои взгляды на суд близки вашим. Я несколько раз в лекциях ссылался на ваши взгляды.

Потом рассказал, что в юридическом журнале описано, как Л. Н. присутствовал при разбирательстве дела о ранении проститутки кинжалом. Свидетельницы — проститутки и дама, содержательница притона. Поранившего ее оправдали. Когда уходили из суда, Л. Н. сказал потерпевшей, что надо простить. Она с удивлением посмотрела на него [4].

Л. Н.: Как я это забыл то, что вы рассказываете про этих проституток.

Л. Н.: Болезнь, слабость, множество писем, работа, которую мне очень хочется сделать, что я прямо не могу. Я видел на этом юбилее, что это сделалось модой; что 99 процентов поздравивших меня — такие, которые только под гипнозом.

Л. Н.: Нынче кто-то рассказывал про Кропоткина, что он — за убийства, а вместе с тем добрый человек. Он — по Канту — софист своих прежних убеждений.

Л. Н. спросил, так ли, за убийства ли он? А. М. Хирьяков, лично знающий Кропоткина, ответил, что, по Эльцбахеру, Кропоткин.....*

Гусев: Он единоличные, неорганизованные бунты одобряет.

Л. Н.: Если есть у тех людей (как Кропоткин) самоотверженное прошедшее, то им отказаться от него трудно; скорее Столыпин может отказаться, чем они.

О новой литературе.

Л. Н. (*Николаю Васильевичу*): Я все думаю, не стары ли мы, не по глупости ли мы не понимаем.

Николай Васильевич: Нет.— И рассказал, что́ пишут Минский и Кузмин.

Л. Н.: Тут есть нарочное. Есть желание удивить. Таланта не признаю (у Минского — Н. В. Давыдов очень подробно пересказал рассказ Минского, ужаснейшую чушь, но подчеркивал, что местами описание природы талантливо). Вы очень снисходительны. Я недавно перечел прозу Пушкина. Это (Пушкин) люди серьезные, а эти (декаденты) швыряют словами, как попало. Искусство — дело, которое требует большой серьезности.

Давыдов рассказал еще сюжет романа Кузмина о половой любви между мужчинами [5]. Л. Н. удивлялся:

— В наше время это говорилось шепотом, что есть такие уроды, а теперь считается должным рассказать это всем.

Л. Н. о революционных прокламациях:

— Я несведущ, я очень мало читал; но сегодня прочел одну... Там написано, что возбуждать в народе ненависть к высшим классам есть святое дело [6].

Л. Н. спросил Давыдова:

— А как в уголовном праве, нет вопроса об уничтожении смертной казни?

Давыдов рассказал свои мытарства у ученых-юристов по уголовному праву, а Хирьяков свои — на съезде русских журналистов (в июне под председательством Федорова) [7]. Он хотел внести проект, чтобы высказались против смертной казни в России и чтобы предложили журналистам из других стран так же поступить в своих странах. Федоров и М. Е. Ковалевский признали это неуместным.

Л. Н. после этих разъяснений:

— Мне казалось, что никому и в голову не пришло бы в свободной печати не писать против смертной казни.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

О литературе. Л. Н. спросил, нет ли чего веселенького. Хирьяков хвалил веселую французскую книгу: «Les aventures de monsieur Haps» [8].

Л. Н.: У французов теперь нет больших писателей. Анатоль Франс меня пленил своим «Кренкебилем», потом читал другое — слабо.

Л. Н. (*о Бернарде Шоу*): Отсутствие мировоззрения, большая эрудиция и блестящая способность выражать.

Л. Н. говорил, что теперь обращаются к нему военные: был внучатый племянник казака Епишки; пишет ему любитель лошадей, полковник, спрашивая, на какой лошади он спасся от чеченцев; был подполковник Ечинац.

— Теперь получил письмо от генерал-адъютанта, бывшего саратовского губернатора Косича; пишет, что он в Государственном совете отстаивал систему Генри Джорджа (говорил о проекте Генри Джорджа), и вспоминает, что он в Севастополе больной был и я его посещал [9],— сказал Л. Н.

Говорилось о том, сколько воспоминаний, встреч с Л. Н. описано теперь в газетах, сборниках. Софья Андреевна вспомнила из новой статьи Измайлова по поводу юбилея Л. Н.: в том, что теперь пишут, так много лжи и воды, что впоследствии будет трудно разобраться [10].

9 сентября. Много больных. У Л. Н. отек ноги опал. Днем были Хирьяковы. Александр Модестович разбирал юбилейные письма. Вечером Клечковский и Николаев. Из Тулы пять писем, из Засеки — 40.

Л. Н.: Все письма — одно и то же.

Тронуло его письмо проститутки, начинающееся словами: «Не думайте, что я пьяна...»

Николаев читал Л. Н. свое изложение проекта Генри Джорджа для крестьян. Л. Н. делал ему свои замечания.

Вечером Л. Н. прочел фельетон о себе Шредера («Zeit», 9 September); сказал, что он ему слишком большое значение приписывает; удивился его утверждению, что у русских писателей юмора нет.

— Что он под юмором подразумевает? — сказал Л. Н.— Пишет, что русская литература серьезна; это правда. Ernst ist das Leben *.

Л. Н. получил письмо врача, не подписавшего своего имени,— медицинские советы. Был ему рад, понравилась ему скромность врача.

Давыдов говорил о своем слуге, что он высших сановников останавливал, но всех низших впускал.

Л. Н.: За это стоило его держать.

Л. Н. (*о Соловьеве*): Доказывает недоказательное и верит, во что нельзя верить.

10 сентября. Среда. Л. Н. стал наступать на ногу; вечером зябнул. За обедом рассказал про хорошее письмо командира: хочет оставить военную службу и приехать жить в Ясную Поляну, работать какую угодно работу. Л. Н. о нем сказал, что первое дело христианина — освобождаться и посторонней помощи не требовать. Николай Николаевич смягчил:

— Он на первой ступени находится. Тут можно.

Л. Н. рассказал подлинные слова одного просительного письма:

— «Я приобрел долг в триста рублей. Пошлите мне их. Возвращу в три года». Какое понятие имеют обо мне!

Над словом «приобрел» смеялись.

Приехала Елизавета Валерьяновна; вечером Клечковский играл в шахматы и на фортепьяно. Винт.

11 сентября. Л. Н. вчерашнее наступание на ногу не повредило; сегодня ходил по комнате и сидел на балконе. За обедом Александра Львовна рассказала, как ее с кучером Иваном в шарабане молодая Вьюга трепала по яблочному саду в Телятинках, испугавшись велосипеда.

---

* Жизнь серьезна (*нем.*).

Софья Андреевна высказалась решительно, чтобы ее — пугливую — не держать.

Л. Н.: Всякая хорошая лошадь — пугливая.

Разговор о статье Буланже по поводу болезни Л. Н. в Крыму — в журнале «Минувшие годы» [1]. Потом о все увеличивающемся числе заболеваний холерой в Петербурге, о предохранении и о лечении ее. Софья Андреевна удивила сообщениями по этому поводу. Л. Н., шутя, вспомнил слова Давыдова о его болезни (определили и лечили не ту), что лечиться можно тогда, когда лечение не очень вредно.

Чертковы вчера переехали из Ясенок жить в Телятинки. Владимир Григорьевич привез проредактированный им благодарственный ответ Л. Н. тем, кто поздравил его с 80-летием [2].

12 сентября. Перед отходом ко сну, перевязывая ногу Л. Н., я спросил, что́ он делал вечером. Л. Н. ответил, что читал французское пустяшное: «Scènes de la vie de bohême», par H. Murger, что отдыхал так хорошо. Пробовал поправлять ответ на письма, которые привез Чертков с его поправками, и то не мог.

Сегодня, кроме Владимира Григорьевича, никого не было. Елизавета Валерьяновна уехала утром.

Софья Андреевна высказала план — переселить Николая Николаевича в гостиную, возле кабинета Л. Н., а его комнату (бывшую Юлии Ивановны) переменить на гостиную. Я отсоветовал с той точки зрения, что Л. Н. покойнее, привычнее так, как есть. Александра Львовна — тоже. Л. Н. на план Софьи Андреевны соглашался.

Вечером Софья Андреевна рассказывала Николаю Николаевичу и мне о том, что не она затеяла и провела переезд семьи в Москву в 1881 г., а Л. Н. для того, чтобы Сергея Львовича, поступившего в университет, не пустить одного в лес — Москву — после деревенской жизни. Л. Н. же купил дом, перестроил, обставил его по своему желанию, и к ним стали ездить его гости: Долгоруков, Самарин, Олсуфьев, Уварова. Но, пожив там короткое время, он стал тосковать и дал это почувствовать ей, родившей Алешу, девятого ребенка. Со старшими детьми был, когда их учил, очень строг. Маша, когда входила к нему, крестилась. О воспитании младших детей (Андрея, Михаила) совсем не заботился, запускал семью, был писателем, а не отцом. Когда хотел имущество отдать бедным, Софья Андреевна была встревожена и решила просить царя, чтобы заступился за нее и отдал имущество жене и детям. В 80-х годах, когда происходил у Л. Н. перелом, было ей и семье тяжело.

13 сентября. Л. Н. хочет написать письмо Гермогену, саратовскому архиерею, с озлоблением напавшему на него [1].

14 сентября. Сегодня был у Л. Н. обамериканившийся русский из Лос-Анжелеса (Калифорния) [1]. Там много русских, тысячи. Утром были у Л. Н. четверо тульских социалистов-рабочих. Николай Николаевич записал стенографически беседу Л. Н. с ними о социализме и христианстве.

Л. Н. на чье-то замечание, что, если бы он остался в войске, был бы теперь высокопоставленным генералом:

— Я бы в чинах не пошел.

— А почему?

— У меня не было к этому способностей.

Я спросил Л. Н., как это лошади находят дорогу в неизвестных им местах.

Л. Н.: Я так наблюдаю, у них есть точно как компас: они помнят всякое отклонение от направления.

Л. Н. читал в «Московском еженедельнике» критику на Леонида Андреева и говорил о ней с недоумением:

— Что Андреев пишет самого непонятного — и образы и язык,— эти

Н. А. МОРОЗОВ
Фотография, 1900-е годы

«...Вечером... с В. Д. Лебедевой (революционерка...)... с Н. А. Морозовым (астроном, химик, автор книги об Апокалипсисе, просидевший около 25 лет в Шлиссельбургской крепости...). Л. Н. разговаривал около двух часов».— Запись от 28 сентября 1908 г.

слова критик цитирует и несколько раз повторяет как что-то знаменательное. Например, «душу переломил о колено, как палку» [2].

По какому-то поводу Н. Н. Гусев сказал Л. Н., что Генри Джордж считал возможным в будущем, когда люди проникнутся религиозным сознанием, полное уничтожение частной собственности (добровольный коммунизм).

Л. Н.: Мне это очень приятно слышать.

Л. Н. говорил, что он в 30 лет не приобрел столько, как в эту болезнь; и действительно — он, успокоенный, в нирване находится.

15 сентября. Приехал В. Г. Шелковников (второй раз насчет культуры хлебов по Демчинскому). За столом Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Варвара Валерьяновна, Владимир Григорьевич, Шелковников.

Софья Андреевна спрашивала Шелковникова про Хомякова — председателя Думы, у которого Шелковников только что был в его «доходном» имении, в Рязанской губернии.

Владимир Григорьевич спросил Л. Н., знает ли он этого самого Хомякова.

Л. Н.: Его старшего брата, кажется, я знал — очень умный, а этот (т. е. младший, председатель Думы) — добродушный, неглупый, невыдающийся [1].

Л. Н. спросил Шелковникова об армянском языке, об армянской церкви, в чем отличие от православной, какие языки еще знает. Еще знает, кроме армянского, русского, лезгинский, грузинский, татарский, французский, немецкий, латинский и греческий.

Я спросил, есть ли сходство между армянским и грузинским языками.

Шелковников: Некоторые слова схожи.

Л. Н.: Которые местного употребления, а не по свойству языков.

Потом Л. Н. отвечал Гусеву, спросившему о переводе его сочинений на арабский язык:

— Арабский — мертвый язык. Язык, которым говорят нынешние арабы, я не знаю; он отличается от арабского, как итальянский от латинского.

Шелковников рассказал, как у Нарышкиных пастух оказался хорошо рисующим. Он сказал Нарышкиной, и она отправила его в Петербург.

Л. Н.: Это так часто бывает. Музыкальный, живописный, скульптурный талант так может выразиться.

Вчера привезли второй том биографии Л. Н. от Бирюкова.

Сегодня вечером Л. Н. отделял книги, которые для него лишние, и просил унести их из кабинета. Между ними и этот второй том, неразрезанный. Стало быть, внимательнее и не посмотрел его (читал корректуры).

Сегодня первый раз утром не видел Л. Н. У меня натерта пятка; в лечебницу и оттуда возили меня.

Софья Андреевна уж с 9 сентября не пишет историю своей жизни, стала писать дневник; до сих пор записывала только на листочках стенного календаря. Сегодня уезжают Николаевы в Москву на зимовье. Сергей Дмитриевич с детьми приходил проститься; все дети ринулись к Л. Н.; Юрушка потянулся поцеловать Л. Н. на прощанье.

Третьего дня Александра Львовна и я возобновили уроки стенографии у Варвары Михайловны. Л. Н. поощряет Александру Львовну выучиться. Николай Николаевич успел вчера стенографически записать всю беседу Л. Н. с тульскими рабочими-социалистами. Вечером, когда Л. Н. говорил об их беседе, Софья Андреевна спросила, зачем он их звал и убедил ли их в чем? Л. Н. сказал, что они принесли ему адрес и ему жалко стало их, что блуждают, исповедуя политические учения, за которые могут поплатиться годами в тюрьме, и позвал их поговорить. Они привели четырех лучших ораторов своих. Убедить не убедил их, но, может быть, кому-нибудь из них запало что-нибудь.

В. В. Нагорнова вспомнила про Н. Н. Толстого. Ей еще не исполнилось девяти лет, когда он умер в Hyères, она жила с матерью в нескольких верстах от Hyères на даче. Дядя Николай был очень добрый, тихий, веселый, удивительно умел рассказывать; им — детям — рассказывал сказки, рисовал — особенно карикатуры; у младшей сестры Леночки есть его рисунки, которые она ей дала. Помнит, какие у него были огромные глаза, исхудалые, впалые щеки и огромные кисти на худых предплечьях. Он заставлял их — детей — разыгрывать в лицах сказки Андерсена. Все братья были дружны, но его, Николеньку, особенно любили, уважали.

Вошла Софья Андреевна, спросила, о ком говорят, и сказала сейчас же что-то про его беспутную жизнь:

— Он мне совсем не был интересен, был некрасивый, низенький, кособокий.

16 сентября. Уехал Шелковников.

Л. Н. с 21 июля первый раз сошел вниз и прокатился в коляске с Николаем Николаевичем.

В 4 часа за чаем Л. Н. с Владимиром Григорьевичем, рассказывающим содержание американского романа «Broken Hearts». Л. Н. получил его от автора со скромным письмом, в котором тот просил прочесть и ответить. Обличение американской жизни.

Л. Н.: Это и там уже обличают, как у нас.

Это единственное, что Л. Н. понравилось в нем.

Л. Н.: Горький пишет в газетах, просит посылать ему материал о революции 1905 г. [1]

Была В. С. Толстая и Горбуновы. Вечером Л. Н. остро спорил с Николаевым. (Я поздно пришел.)

— Если бы мы не были грешны, если бы не освобождались от греха, не было бы блага жизни. Благо в освобождении от грехов,— закончил Л. Н.

Л. Н. получил письмо от вдовы французского юриста, который доказывал, что преступления совершаются в состоянии невменяемости [2]. Л. Н. вспомнил о своем взгляде на сон, что во сне поступаешь дурно и нет нравственной силы удержаться. Этим-то, что нет нравственной силы удерживающей, отличается сон от действительности. Есть и полусон. Как же тут наказывание может действовать на причину преступления?

У меня пятка болит, Л. Н. предлагал мне перевязать ее.

За обедом Л. Н. рассказал, что видел Плюснина; он возил больного отца из Хабаровска в Петербург лечиться и слепую мать — в Саратов. Рассказал, что там от источника проведены теперь трубы на дальнее расстояние, чтобы могли купаться в иных местах в этой воде.

Варвара Валерьяновна заговорила о Филарете Московском, что его хотят в святые произвести.

Николай Николаевич: Суровый был человек. Говорили про него, что каждый день съедал двух денщиков и пять попов в придачу, но умный аскет. Он написал указ 19 февраля об освобождении крестьян.

Л. Н. вспомнил, как аннушкина бабушка, А. А. Горчакова, его уговорила идти к Филарету для благословения, когда ехал на Кавказ. Маленький, худенький старичок. Подарил ему образок, который Татьяна Александровна очень любила. Должно быть, он висит в киоте у Софьи Андреевны.

Перевели разговор на монахов, что они скоромное едят и вино пьют. Николай Николаевич рассказал, что Анна Константиновна вспоминает, как к ее отцу ходили монахи и ели мясо. Раз пришел Филарет Киевский, и Анна Константиновна скрылась в столовую и, когда он ел ветчину, расплакалась и сказала: «Не могли ему дать масла или сдобного хлеба!» Филарет сказал ей: «Деточка, успокойся, не буду». Этим Л. Н. заинтересовался, тронут был, сказал, что спросит Анну Константиновну.

Софья Андреевна — про монахов всякое. Про монахинь Л. Н. сказал, что они хорошо (чисто) живут.

— Семьсот,— сказал Л. Н., имея в виду число их в Шамординском монастыре, и, шутя, предложил Варваре Валерьяновне поступить в монастырь, сказав, что и он поступит.

Варвара Валерьяновна заметила, что ей не нравятся, между прочим, молитвы «пятисотницы»; пятьсот раз в день повторять: «Господи, Иисусе Христе, сыне божий, помилуй ны».

Л. Н.: Это бессмысленно: во-первых, Христос не бог, а, во-вторых, не помиловать, а самому стараться быть лучше.

Л. Н. получил сегодня письмо Иконникова — книг ему не дают, но работу дали: тачает сапоги с радостью, только одно ему тяжело, что с обманом: в подошвы кладут картон, а снаружи прилепляют кожу [3].

Владимир Григорьевич говорил об обращении к русским людям, что в статье к революционерам Л. Н. несправедливо (осудительно) к ним относится [4].

Л. Н.: Чтобы быть всегда беспристрастным, надо не быть человеком.

Л. Н.: Дети — они свежи, от бога приходят, потом мы понемногу все портимся и потом все понемногу исправляемся.

17 сентября. Л. Н. утром пошел погулять около дома. Пополудни прокатился с Александрой Львовной; Владимир Григорьевич на козлах. Ездили на Козловку. Владимир Григорьевич снимал. Был тверянин-крестьянин. Л. Н. поговорил с ним о воспитании детей — учить нравственному учению Христа, а богословского не касаться. «Откровение» Иоанна —

книга плохая, ее не надо читать. Напрасно была взята в Священное писание.

У тверянина двое детей глухонемых. Рассуждал, почему они глухонемые; думает, что они по материнской линии пошли,— вылитая мать, а она рассудком слаба.

Л. Н.: Тут причины слишком сложны, чтобы мы могли угадать.

Тверянин говорил, что обучает их в школе для глухонемых в ущерб другим детям, но что их больше жалко. Какая будущность?

Л. Н.: Что о будущности стараться? Может быть, они вам будут поддержкой.

Софья Андреевна именинница. Приехали Андрей Львович с Екатериной Васильевной и Мария Александровна поздравить ее.

Андрей Львович за обедом сказал, что в приложении к «Ниве» читал письма графа Алексея Толстого к С. А. Миллер:

— Там пишет и про тебя, папа. Помнишь ты его? [1]

Л. Н.: Он человек был очень хороший, красивый, сильный, но сочинитель, по-моему, плохой. Я никогда..... *

Андрей Львович предложил принести читать.

Л. Н.: Принеси.

Андрей Львович рассказал оригинальную историю с лисицей: щенки затравили большую лисицу. Пастух принес ее живую, держа за задние ноги. Андрей Львович взял ее в свои руки, внес в переднюю; тут был охотник Офросимов и другие гости и борзые собаки. Ноги у лисицы были скользкие. Она вырвалась у него и убежала. Не травили ее. Офросимов отсоветовал, сказав: «У меня правило — не травить лисицу, раз она спаслась».

Л. Н. рассказал про письмо Ц. В. Хилковой, что хочет приехать к Л. Н. с дочерью, чтобы он с ней поговорил [2]. Софья Андреевна отказалась принять ее, невенчанную жену:

— Я терпеть не могу любовниц. Я уеду,— говорила задорно.

Л. Н. говорил, что получил хорошее письмо от священника, без подписи, и еще говорил, что в газетах напечатано его письмо к священнику Соловьеву [3].

Мария Александровна привезла «Учение Христа для детей», издание «Посредника». Появилось шесть дней тому назад и до сих пор Цензурный комитет не вмешался.

У Н. Н. Гусева опять дело. Послезавтра допрос [4].

За чаем, после винта, Л. Н. принес из нового «Круга чтения» один месяц и читал вслух и объяснял:

— Второе число вытекает из первого, третье — из второго и связаны вместе. Первое — о религии; второе — о боге во мне; третье — о боге в других людях; четвертое — о любви к богу, и так далее. Есть животная жизнь — любовь к детям, и есть высшая, духовная, эту полагать высшей, ей подчинять животную. Хорошо, если сознательно идет к духовному; оно идет к старости особенно у крестьян — хочет не хочет, а бессознательно идет к этому.

Когда Л. Н. говорил о любви, Софья Андреевна вставила:

— Как же любить Тенеромо, когда его ненавижу?

Л. Н.: Только одна и есть любовь. Другое — пристрастие.

Л. Н. читал и целый «день» и отдельные мысли и разъяснял, желая растолковать Андрею Львовичу (который живо интересовался, старался понять, задавал вопросы о том, что ему мешает понять), Варваре Валерьяновне, Екатерине Васильевне и всем. Разъяснял со страданием, с духовной работой и торопясь, чтобы Софья Андреевна не перебивала, близок

---

* Пропуск в подлиннике — *Ред.*

был к слезам. Так хорошо разъясняет Л. Н., когда разъясняет своим детям: Илье, Михаилу, Андрею. В последнее время случалось, что они (особенно Михаил Львович, менее Андрей Львович, еще менее Илья Львович, как мне казалось) истинно хотели поучений, разъяснений. Александра Львовна очень внимательно, напряженно слушала, так же и Мария Александровна; Гусев, тоже вслушиваясь, улыбался. Л. Н. разъяснял очень понятно всем и такие трудные мысли: о проявлении нашего *я*, об ограничении нашего *я* временем и пространством. Я понимал, когда говорил Л. Н., а теперь записать не умею. Л. Н. кончил так: «Я очень доволен этой работой».

Уехали Андрей Львович с Екатериной Васильевной, утром уедут Варвара Валерьяновна и Мария Александровна.

18 сентября. Утром приехал Н. Н. Ге. Пополудни Л. Н. с ним, Владимиром Григорьевичем и М. В. Булыгиным за чаем.

Л. Н. спросил Владимира Григорьевича про его выписки из Герцена. Разговорились о лондонской типографии Герцена и о нем.

Л. Н.: Герцен мне очень нравился. Раз он напал на меня. У него был поляк, и при нем я сказал что-то про поляков. «Это только русский может быть такой бестактный», — сказал он (Герцен). А Огарев мне не нравился; он был какой-то расслабленный, он пил, кажется.

Николай Николаевич: У него была падучая.

Я много ездил по больным, вечернюю беседу проспал.

19 сентября. У Л. Н. была вчера неприятность с Софьей Андреевной. Софья Андреевна, услышав третьего дня, что Николая Николаевича будут допрашивать (его звали на сегодня в Жандармское управление), вскипела и захотела, чтоб у нее в доме было все законное, и вчера объявила, что потребует сделать в доме обыск. Л. Н. это было очень тягостно, сердце у него сильно билось, и чем больше подавлял в себе огорчение, тем больше страдал сердцем. Софья Андреевна выводила из терпения; Л. Н. объявил, что тогда он уйдет, что он во всем уступил, только свободу слова оставил себе, это хочет удержать за собой — не уступит. Тогда Софья Андреевна сделала другое лицо, стала ласковой и хотела написать в Тулу жандармскому полковнику, что Николай Николаевич неповинен, — чтобы его не трогали. (Что я тут записываю — это слабые намеки на то, что было.) Николай Николаевич ездил в Тулу с Александрой Львовной в Жандармское управление. Против него возбудили дело за то, что в бандеролях отправляет запрещенные книги.

Был бабид-персианин, купец из Мерва, Аз Изулла Измайлов, 50-летний, низенького роста с «персидскими глазами», большим мясистым носом; смахивает на еврея, слащавый в обращении, сердечный, смирный, восторженный, братский человек. Л. Н. с ним говорил наедине; и вечером говорил, что он ему был очень интересен — не он лично, а как репрезентант * массового движения бабидского. У них братство всемирное; ничего чудесного, догматического, одно нравственное учение.

Л. Н. спросил его про Ваисов полк. Измайлов его не одобряет: сектантский, исключительный. Он приехал из Акки (Сирия), где живет сын Беха Уллы — Аббас Эффенди, нынешний руководитель бабидского движения.

Баб был казнен. В продолжении 66 лет, как бабизм существует, было их казнено и убито 80 тысяч. Он сам, Измайлов, был в кандалах в персидской тюрьме. Всех бабидов теперь насчитывают 18 миллионов: в Индии, Персии, Турции, Алжире, Египте, Соединенных Штатах. Переходят и христиане и евреи в бабизм. В Персии половина населения «бабисты», как Измайлов выражался, и они в теперешней политической смуте не

---

* представитель — от франц. représentant.

участвуют. Если у кого револьвер, тот не бабист. Не курят, вина не пьют; те, которые просвещеннее, бросают есть мясо. Два года тому назад Аббас Эффенди, когда его спросили насчет мяса, ответил, что лучше его не употреблять, а Измайлов думает, что постепенно все перестанут его есть. Он чаю не пил и, когда уезжал и его большой, тяжелый куль Ваня хотел ему снести на телегу, отказался, сказав: «Мы братья, я сам могу сделать», и потащил. Перед самым домом не сел на телегу, а подальше. Это у них так полагается.

Утром Л. Н. прочел почту, около 20 писем; были между ними и интересные. Вечером около 40 писем. Из них прочел два вслух: одно о содержании в тюрьме, другое о казни 28 августа. Это от бывшего депутата I Думы — Френкеля [1].

Л. Н.: Как мы привыкли к казням! Читаешь в газете между прочими новостями о казни — не замечаешь.

Софья Андреевна: За последние два месяца было семнадцать казней.

Л. Н. сказал, что он думает, что больше; в месяц — 60. По-моему, он ошибается.

Сегодня были П. Н. Ге и М. В. Булыгин.

Третьего дня кто-то спросил Л. Н., читает ли газеты, и добавил:

— Я думаю, что это полезное занятие.

Л. Н.: Нет, бесполезное — раздражает, любопытство пустое.

20 сентября. Софья Андреевна убирала книги в библиотеку. За обедом: Владимир Григорьевич, Якубовский, приехала Мария Александровна. За обедом и после Л. Н. долго беседовал с Якубовским, вернувшимся из Петербурга. Якубовский рассказывал очень хорошо про бабидов и про 1905 и 1906 гг. в Туркестане, про бесчисленные экспроприации. Говорил про Косича, был у него, его письмо к Л. Н. ходит по рукам в Петербурге;. про Субботича, губернатора в одном из закаспийских городов. В 1905 г. он в пределах манифеста 17 октября действовал. Рабочего (по Якубовскому — агента-провокатора), покушавшегося на него бомбой, простил и отпустил.

Л. Н.: Ведь это очень хороший поступок, это могло иметь влияние.

Якубовский: Правительство его обвинило в попустительстве, сменило и не дало ему пенсии. Он (Субботич) велел кланяться вам, Лев Николаевич. В Туркестане при Кауфмане не было ни жандармов, ни полиции, ни монахов, а теперь есть, даже наблюдают за либеральными чиновниками.

Л. Н. говорил по поводу полученных вчера писем о смертной казни и о содержании в тюрьме, и о напечатанном сегодня в «Слове» письме, вызывающем коллективно всех протестовать против смертной казни. Л. Н. сказал, что смертная казнь — только звено во всем этом движении; если ее не будет, будут голых в кандалах держать.

В газетах теперь частые сообщения, как истязают при допросах и в тюрьмах. Вчера, когда читали такое письмо об этих истязаниях, Л. Н. сказал Гусеву:

— Это ваша будущность.

Николай Николаевич ответил, что и то не будет трудно.

Мария Александровна в ужасе:

— Лучше было бы сейчас повеситься.

Л. Н.: Нет, нет! Ужасно насилие; не столько мучение, как вызывание ненависти.

Якубовский говорил, что в каком-то деле истязания замешан Статковский — тот самый, который бывал в собраниях друзей Л. Н. в Москве, а вместе с тем доносил полиции. Ему (Якубовскому) отдал «Крейцерову сонату», а на следующий день был произведен у него обыск и отняли у него все его копии писаний Л. Н-ча.

Л. Н.: Мне теперь трудно вспомнить, что могло быть запрещено в «Крейцеровой сонате», что противоправительственного?

Софья Андреевна от круглого стола спросила, в какой отдел библиотеки занести «Жизнь и учение Спира». В биографический?

Л. Н.: В философский.

Софья Андреевна: А ведь тут жизнь?

Л. Н.: Что же такое жизнь? Интереснее его учение.

Л. Н.: Чувствую, что я теперь не могу отвечать. Я теперь о том думал: столько писем есть хороших; не могу.

Якубовский говорил про И. М. Трегубова, про его затеи [1]. Л. Н. сказал, что как серьезная мысль — желаешь одиночества, другой только мешает. Через бога соединен с другими, а Иван Михайлович — все организация.

Л. Н. сегодня читал «The Game of Life». Parables by Bolton Hall [2] и читал «Слово». Одно из них — вслух. Л. Н. прочел вслух из «Слова» «События дня: приговоры, казни, вооруженные нападения и грабежи».

— Какие ужасы! — воскликнул Л. Н., кончив чтение.

В. Г. Чертков сказал, что экспроприации и грабежи не хуже, даже лучше тех хронических грабежей, которые мы, обеспеченные классы, постоянно производим. Л. Н. на это сказал, что эти наши хронические грабежи — давнишнее, и потому не режут глаз. К ним привыкли, многие их не замечают (не сознают), а это — экспроприации — новое явление.

Когда Л. Н. ложился, Софья Андреевна из ванны пришла прощаться. Н. Н. Ге — Миколай Миколаевич, как его зовет Л. Н., в отличие от Н. Н. Гусева — ее спросил: разве она после ванны поедет в Тулу? Не советует. Л. Н. рассказал, что он сегодня от себя написал в Жандармское управление в Тулу, что он сделал, и ей не нужно туда ни ездить, ни писать. Л. Н. говорил это торопясь, голос у него дрожал, прерывался от волнения (страха перед Софьей Андреевной). Софья Андреевна не ответила Л. Н., как бы соглашаясь, что ей нечего вмешиваться, а предостережение Миколая Миколаевича приняла с согласием. Когда они вышли, я ощупал пульс Л. Н. — правилен. Л. Н. как бы к правильности пульса заметил:

— Я очень рад, что Софья Андреевна успокоилась. Я очень боялся, как она примет насчет Жандармского управления, а она приняла спокойно.

Л. Н. в этом письме написал, что виновник не Гусев, а он; что он распространитель запрещенных сочинений и считает нужным распространять их, и будет распространять.

21 сентября. За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Миколай Миколаевич, П. Н. Ге, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Владимир Григорьевич, Николай Николаевич.

Л. Н. рассказал про огромного лохматого студента, бывшего сегодня. Семинарист, теперь в университете. Никакого мировоззрения у него нет. Задавал Л. Н. такие вопросы: что думает о позитивизме, «презентист» ли он или «футурист». Читал в газете эти слова и думает, что эти журналистами выдуманные и раз употребленные слова имеют определенное значение.

— Как это вследствие отсутствия физического труда является путаница мысли,— закончил Л. Н.

Л. Н. говорил про веселое чтение Tristan Bernard «Mémoires d'un jeune homme rangé» [1] (присланное ему М. А. Стаховичем), что очень интересно изображение пошлости этой жизни. Смешная история. Л. Н. рассказывал смешные и притом художественные подробности. И сам, и все очень смеялись. Л. Н. весь обед очень интересно, весело рассказывал и шутил. В кабинете Л. Н. прочел Владимиру Григорьевичу из записной книжки черновик своего письма в газеты (оно сопровождает его письмо к жандармскому полковнику в Тулу); в этом письме он вину Гусева берет на себя. Через газеты хочет довести до сведения всех властей, чтобы в таких случаях (распространение его сочинений) привлекали к ответственности его.

Владимир Григорьевич советовал не посылать в газеты. В данном случае (в Жандармском управлении) действует, а в газетах не имеет этого действия. Л. Н. согласился [2].

Владимир Григорьевич просил Л. Н. дать ему все это списать.

Софья Андреевна вчера и сегодня вписала в каталог и убрала в библиотеку 185 книг, полученных за последние два-три месяца.

Я сегодня продолжал читать второй том биографии Л. Н-ча — Бирюкова. Сильно подействовала критика Достоевским «Анны Карениной» [3]. Я говорил об ней Л. Н., он пожелал прочесть и сказал:

— Достоевский — великий человек.

Посоветовал Л. Н-чу прочесть фельетон «Pester Lloyd» 8 September 1908: «Tolstoy's Stellung in Socialismus». Л. Н. спросил в нерешимости, читать или нет:

— Он социалист?

— Вряд ли.

Л. Н. стал читать и приговаривал: «Сильно, очень интересно».

22 сентября. Приехал Н. Г. Молоствов с корректурой первого выпуска своей, совместно с П. А. Сергеенко написанной, иллюстрированной работы «Л. Н. Толстой. Критико-биографическое исследование». Издание Сойкина. Петербург. Просил Л. Н. посмотреть и сказал:

— Наверно, очень несовершенное, но оно дело души моей.

Л. Н. сидел в кресле в зале. Софья Андреевна быстро, но очень внятно читала ему вслух. Л. Н. трогало описание жизни его матери. Л. Н. взял корректуру к себе и еще раз сам прочел ее и карандашом отметил кое-что. Вечером сказал Николаю Германовичу, что письма о хозяйстве и географии лишни, ослабляют поэтическое впечатление от ее личности, произведенное другими ее письмами и писаниями, приведенными там же. То, что его отец писал о своем отвращении к военной службе, назвав ее ремеслом, «это мне ново и приятно»,— сказал Л. Н. Николай Германович объясняет причины, побудившие Николая Ильича идти на военную службу. Софья Андреевна заметила ему, что это тогда было общее: все аристократы шли в офицеры. Л. Н. подтвердил тоже, что, как теперь того круга люди не идут в сапожники, слесаря, так тогда не шли в штатские. Когда Оголин пошел в прокуроры, это было из ряда вон.

Л. Н. удивился высокой цене издания — назначено 50 р. Николай Германович привел цены заграничных изданий Леонардо да Винчи, Доре и других — от 500 до 3 тысяч франков.

Л. Н. намекнул, что странности его детства, кроме попытки летать и бегать наперегонки с тройкой,— лишни. Неясно, что должны означать.

Л. Н. произносил Ёргольская с ударением на первом слоге. Вечером играл в шахматы с Николаем Германовичем. В 10 пришел к чаю. Разговор о труде Молоствова. В 11 Л. Н. ложился. Миколай Миколаевич Ге смотрел его припухшую ногу. Л. Н. заговорил с ним; поощрял его переводить на французский язык его сочинения, а то переводы Бинштока (парижское издание Stock полного собрания сочинений Л. Н. в сорока томах) отвратительны и не передают смысла, и язык не французский. Л. Н. просил Н. Н. Ге прочесть несколько строк. Ге достал с полки одну книгу (они находятся на полке в спальне), открыл в середине и прочел первые попавшиеся ему два предложения; оба бросались в глаза своим не французским языком. Миколай Миколаевич объяснил это так: Бинштоk — русский еврей, не знает по-французски; говорит бойко, но совсем плохо. Он дает переводить кому попало — таким, которые тоже не знают хорошо языков, и поправляет его жена, совсем не знающая по-русски. Миколай Миколаевич хочет поговорить об этом с Чертковым и со Стоком.

Так переводят Л. Н. на всемирный французский язык, в таком плохом переводе читает его весь романский, большая часть магометанского мира, и с него переводят, с этого плохого французского перевода, на итальянский, испанский, португальский, мадьярский, турецкий и многие другие языки.

23 сентября. Сегодня 46-летие свадьбы Л. Н. с Софьей Андреевной.

Приехал И. И. Горбунов с известием, что на второй том бирюковской биографии Л. Н. наложен арест. Получил телеграмму, которую понимает в этом смысле. Надеется сохранить (отстоять), вырвав нецензурные места, выпустить новое издание.

Владимир Григорьевич ждет обыска у себя.

Пополудни, с часу до 4.45, Л. Н. беседовал с Николаем Германовичем и с Владимиром Григорьевичем. Заставил Александру Львовну рассказать Владимиру Григорьевичу ее сон, который сегодня утром Николай Николаевич пересказал Л. Н-чу.

За обедом Иван Иванович говорил о том, что теперь, когда грозит война с Турцией из-за Македонии, Досеву и болгарским друзьям следовало бы выступить с провозглашением. Достигли бы чего или нет, момент удобный, сделать следовало бы. Л. Н. поддакнул.

Иван Иванович: Австрия толкает Болгарию. Как это смешно писать, что «Болгария хочет войны». Хочет князь и несколько министров.

Иван Иванович вспомнил ужасы маньчжурской войны, где раненых было столько, что не хватало приспособлений для них; гибли.

Приехал Д. Д. Оболенский.

Иван Иванович о стачке студентов, начавшейся из-за того, что Шварц не пропустил вольнослушательниц; потом уступил и пропустил тех, кто в прошлом году был записан, чтобы кончили.

Иван Иванович говорил, возмущаясь, о вызывающем поведении Шварца. Л. Н. сказал, что тут нет никакой беды: если бы от него зависело, он бы их только поблагодарил: сделали так, что перестали ходить учиться. Самоуверенность, ничему нужному не научатся. Иван Иванович допустил, что жалко, когда юристов учат одной неправде, но когда уже есть учреждение, не следует исключать из него.

Д. Д. Оболенский говорил, что огромное большинство слушательниц записываются в университет не из-за учения, а для того, чтобы приобрести право местожительства (еврейки) и матримониальных целей.

Л. Н.: Студенты хотят учиться, учителя хотят учить, с какой стати вмешивается правительство в это?

На объяснения Ивана Ивановича, что правительство хотело привести к закрытию университета, Л. Н. сказал, что нельзя предвидеть, что будет, так же как при шахматной игре,— всех комбинаций не предусмотришь, и как не посвященным в шахматную игру непонятны ходы игроков, так и этот ход для них, правителей, неизбежен. Ведь это трудно войти в их положение.

Д. Д. Оболенский о холере в Петербурге и о том, что в Неве есть вибрионы *, и о споре ученых. Буардель говорит про бактерии, что неизвестно: причина ли они холеры или последствия ее. Л. Н. поддакивал (он давно говорит, что через 50 лет будут смеяться бактериологи ее нынешнему значению). Дмитрий Дмитриевич рассказал про Д. А. Хомякова; был у него на днях в Богучарове, ему 67 лет.

Л. Н. слушал и спросил, ядовит ли?

Дмитрий Дмитриевич: Да, и злится на Думу, на брата. Он, Дмитрий Алексеевич, правый, говорит, что надо было бы собрать народное собрание, а не Думу.

---

* пятчатые инфузории (франц. vibrions).

Л. Н. сказал, что это у него задор против западничества. Дмитрий Дмитриевич рассказывал, что у Д. А. Хомякова все, как у его отца Алексея Степановича, было; отношение крестьян к барину, и наоборот: бедный получает лошадь через контору. Олени в саду, стулья в комнатах на тех же местах, как при отце. Он разговорился с крестьянами и сказал Дмитрию Алексеевичу, что говорят про него, что он добрый барин.— «А вы разве не знаете, что это по-русски значит — дурак?»

Дмитрий Дмитриевич рассказывал что-то про охоту.

Л. Н.: Охота скоро отойдет.

Дмитрий Дмитриевич: Тысячи лет охотились и будут.

Л. Н.: Нет. Жестокая. Как это странно, это была мода. Самарин ходил на охоту, а у него никакой наклонности не было *.

Иван Иванович сказал, что он не понимает, как такие люди и художники, как Тургенев, А. С. Хомяков, Л. Н., охотились. Ведь тут, кроме немилосердия, и нарушение красоты, гармонии природы; птица летит, а ты ее убиваешь. Л. Н. согласился, но сказал, что тут есть другая красота, которая охотника захватывает,— собаки; любуются на движение собак. А что стрелять он мог без сострадания: так весь переносишься в это дело, которое считаешь нужным, как солдат на войне. На войне есть своя опасность, а охота — шутка.

— А добивать мне бывало ужасно тяжело,— сказал Л. Н.

Софья Андреевна: Заяц орет, как дитя. Я ездила со Львом Николаевичем на охоту.

Л. Н. говорил по поводу запрета книг, что в России это делается самым глупым манером. Кому это интересно — запрещать «Евангелие» или «Биографию»,— ни прокурору, ни цензору. Разве двоим-троим лицам, Столыпину. А за границей это связано — множество лиц содействует, не найдешь виновника.

Н. Г. Молоствов надеется кончить свою работу в два-три года, т. к. подготовлен. Работает что-то уже 16 лет.

Про новейшую биографию Моода [1] Л. Н. сказал:

— Сухой перечень фактов. Ошибки, которые делает Бирюков, повторяет Моод.

Л. Н. вечером купался. В ванную снесли его на руках Д. Д. Оболенский и Миколай Миколаевич.

24 сентября. У Л. Н. изжога, слабость. Утром попил немного кофе, бросил и до 6.30 ничего не ел. Потом съел два яйца. Утром спал до 9.45, что для него необыкновенно.

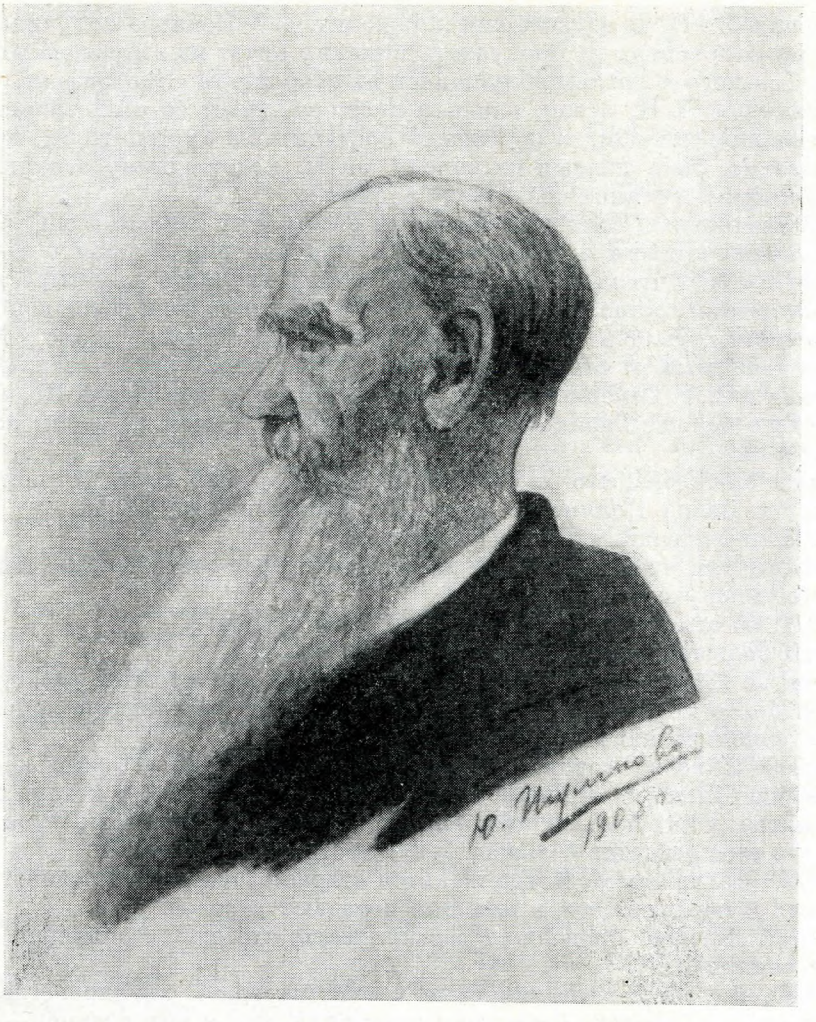
В 2 часа сошел вниз и прошел в аллею, хотел на скамейке посидеть, но, не дойдя туда, вернулся: холодно было ему, лег на диван и дремал до 4.30, потом пересел в кресло заниматься.

Сегодня узнали, что угрюмовские мужики (15 из 18 дворов) присуждены на месяц в тюрьму за кражу дубов из леса Софьи Андреевны. Владимир Григорьевич с Александрой Львовной съездили в Угрюмы поговорить с ними, чтобы они попросили Софью Андреевну простить их и удовлетвориться какими-то деньгами (94 р.), которые они и принесут. (Обещали же им их дать Владимир Григорьевич и Александра Львовна.) Цель их поездки была та, чтобы убедить крестьян, что не Л. Н. судит их, а Софья Андреевна. Яснополянские и окрестные крестьяне уверены, что хозяин имения — Л. Н. Сама Софья Андреевна удерживает их в этом мнении.

Н. Н. Ге: Л. Н. в некотором отношении король Лир. Надо было или отдать землю крестьянам, или уйти из дому, сойти на нет. А так положение его фальшиво: платит долги за всех.

---

* См. Записки В. В. Нагорновой, как 15-летней девочкой с борзыми собаками ездила с Л. Н. на охоту. Ей не было никакого дела до охоты, а подчинялась тогдашнему обычаю.



ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 1908
Рисунок (уголь, белила) Ю. И. Игумновой

У Л. Н. были три посетителя: молодой немец-студент из Германии, 20-летний студент и офицер — петербургские. Все приехали из любопытства и ради подписи карточек Л. Н-чем. Петербургскому студенту Л. Н. не подписал, но потом пожалел. Говорил о нем, что он дикарь. Крупный помещик и хочет устроить школу для крестьян и усовершенствовать систему хозяйства, чтобы показать крестьянам пример улучшения хозяйства. Когда ему Л. Н. сказал, что школа — пустое дело, и стал ему говорить о боге, он по своей простоте и ограниченности заявил искренно: «Ведь бога нет».

25 сентября. Четверг. У Л. Н. нога совсем опала и после вчерашней прогулки не отекла. Пополудни катался в коляске с Александрой Львовной; Владимир Григорьевич правил.

Приехали Сергей Львович и Бирюков с Горбуновым по поводу ареста второго тома «Биографии». Арест произошел по поводу такого случая: миссионер Айвазов издал в десятках тысяч экземпляров книжку против Л. Н. «Кто такой Толстой», где цитирует самые нецензурные места ради

обличения Л. Н. в неуважении к царю и т. д. [1] Цензура получила выговор и решила теперь не пропускать никаких цитат из запрещенных сочинений Толстого и потому обрушилась на второй том «Биографии».

За обедом Л. Н. о том, сколько писем получает со стихотворениями, с просьбами о помощи, от желающих поступить на курсы, чтобы, получив образование, быть полезными народу. Л. Н. хочет одному ответить, что дело в ином: в желании сделаться барином [2].

О Молочникове, сидящем четвертый месяц. Ему тяжело в общей камере. Получил книжки о бабизме, Л. Н. поручил ему составить статью о бабидах в «Круг чтения» [3]. Его жена должна была жить на четыреста рублей, которые ему остался должен за работу трактирщик и обещался месячно, по частям, уплачивать, но не исполняет. До тюрьмы умерло у Молочникова двое детей от скарлатины, жена тяжело переносит его заключение. Говорили о С. Т. Семенове. Л. Н. расспрашивал о нем Павла Ивановича.

— Еще больше барином стал. Уже говорит совсем не своим языком, а газетным.

Бирюков сказал, что он слышал, что Долгорукий хочет устроить библиотеку в Ясной Поляне по каталогу, составленному Л. Н.

Л. Н. о вчерашних трех посетителях:

— Дай бог, чтобы это было исключение: трое людей, приехавших за тем, чтобы получить автографы.

Л. Н. об одном из них, о петербургском студенте:

— Я большое усилие делал, чтобы жалеть его.

О труде Молоствова Л. Н. говорил, что его критический разбор материалов более обработан, но он прямо не имеет способности хорошо писать — слишком напыщенно, многословно.

Сергей Львович говорил о давнишнем фельетоне «Нового времени» Л. Попова (Эльпе) о веке народов, что те народы старше, у которых раньше женятся; у них больше поколений: таковы негры, монголы, евреи, южане, и что им предстоит бóльшая будущность, чем славянам.

Л. Н.: Это понятно. Когда женятся старшие, они личное свойство выработали и передают его, а молодые передают расовое.

Сергей Львович продолжал рассказывать, что есть стремление (народов) к слиянию...

Л. Н.: Да, выделение личности, семьи, народа — антинравственно.

Разговор о бабидах. Бирюков подчеркнул, что у них главное — внутреннее — Христос, а не внешние социальные реформы. Л. Н. сказал о бывшем здесь бабиде А. И. Измайлове, что он передал ему привет от Аббаса Эффенди; что бабиды стоят за всемирное братство; что бабизм такой (такое учение) — что нечего прибавлять. Бирюков говорил, что у них есть сходство с догматическим учением, вроде баптизма.

Иван Иванович говорил об объявлении австрийского императора: присоединяет Боснию и Герцеговину к империи; народами распоряжаются, как вещами: не спрашивают их, чего хотят сами, — присоединиться ли к Сербии. Он желал бы об этом написать статью.

26 сентября. Третьего дня получено «Учение Христа, изложенное для детей». Вчера — 100 экземпляров хрестоматии для детей, составленной П. А. Сергеенко из сочинений Л. Н-ча. Л. Н. сегодня, катаясь, видел мальчиков, стерегущих лошадей, и позвал их.

Вечером на площадке над лестницей читал с ними «Учение Христа для детей» — они читали по очереди — и раздал им по экземпляру и показывал им картинки в хрестоматии. Эту раздаст им, когда их в следующий раз позовет. Коля Ромашкин, Пашка Резунов удивительно хорошо, осмысленно читали.

Софья Андреевна переписывала каталог иностранных книг в новую великолепную книгу и бранила тех, кто в каталог французских книг впи-

сывал немецкие и наоборот, и жаловалась, какой это лишний труд — переписывать.

Л. Н. (*шутя*): А их ругать при этом — двойной труд.

— Нельзя не сердиться.

Л. Н. (*добродушно*): Можно перенести всегда. При этом удовольствие: беречь спокойствие.

Когда Л. Н. ложился и я перевязывал ему ногу, сказал, что в сегодняшних газетах первое, что бьет в глаза: как раздувают события на Балканах — провозглашение Болгарии независимым царством и присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии. Интервьюируют послов, подсчитывают военные силы Сербии, Австрии, Болгарии, Турции; видно, что желают столкновения ради того, чтобы им было о чем писать. Второе, пишут о том, как в Боснии православные сблизились с мусульманами и провозгласили, что не желают присоединения к Австрии, а предпочитают оставаться при Турции. Как лет 30 тому назад казалось сербам, болгарам невозможным жить под турецким владычеством, теперь предпочитают его австрийскому.

Л. Н.: Какое это твердое убеждение в неизбежности войн и нужности силою увеличивать свое государство!

27 сентября. Л. Н. пополудни с Софьей Андреевной и Владимиром Григорьевичем катались. Л. Н. после страшной изжоги сегодня до вечера не ел; слабость. Вечером говорил Николаю Николаевичу и мне:

— Получил письмо англичанина; пересылает мне письмо Шоу к нему обо мне и сам пишет: «Редко, кто вас понимает так хорошо, как Шоу» [1]. Письмо из Томска, неграмотное. Но какой умница! пишет: «Одни вами восхищаются, другие ругают». Благодарит за книги и просит прислать «Круг чтения» наложенным платежом. Послать ему так (без наложенного). Письмо крестьянина о Генри Джордже. Зависть, что рабочие не будут платить налога. Он не понимает, что все положение тогда изменится... Обратительное письмо — всегда меня трогает.

После обеда вчера сказал:

— Когда я был болен, вино мне было приятно, а теперь прямо неприятно.

Вечером Л. Н. спрашивал про события в Сербии, Боснии, Болгарии.

28 сентября. Днем был у Л. Н. петербургский типографщик, больше для рекомендации; он без места; Владимир Григорьевич с приехавшим Хирьяковым. Я ездил к больным.

Л. Н. за обедом встретил меня вопросом:

— С пользой съездили?

Вечером, с 7.30 до 10, с В. Д. Лебедевой (революционерка, ее родные: Перовская и другие — революционеры; ей 55—60 лет), с Н. А. Морозовым (астроном, химик, автор книги об Апокалипсисе, просидевший около 25 лет в Шлиссельбургской крепости. Первых восемь месяцев безвыходно, питье и еду ему подавали через окошко. В эти восемь месяцев и в продолжении следующих полутора лет из 12 товарищей заболели цынгой и умерли восемь). Л. Н. разговаривал с Лебедевой и Морозовым в кабинете около двух часов. Когда вышли в залу, Л. Н. лег на кушетку, а Морозов и Николай Николаевич сели около него; Софья Андреевна с Лебедевой разговаривали около круглого стола. Я застал разговор на том: Морозов рассказывал про княжну Дондукову, добивавшуюся 15 лет свидания с ними, и добилась его только во время Японской войны, за полгода до того, как их выпустили. Морозов говорил про нее — она была, кажется, ирвингианка, христианка, но у нее не было склонности проповедовать. Ее заветным делом было посещать заключенных, утешать, помогать им.

Л. Н.: Это дочь «Академии наук?» *. Он был добродушнейший чело-

---

* Пушкинское: «В Академии наук заседает князь Дундук...»

век. Действительно, ему было неуместно заседать. В наше время вырабатываются такие типы, как Дондукова.

Морозов: Она единственный в своем роде тип.

Л. Н. ответил, что единственный видный — среди высшего общества, а среди простых таких много. Она не разделяет тех взглядов, из-за которых политические заключенные страдают, она жалеет именно их — страдающих...

Лебедева рассказала, как Дондукова хлопотала за сына Л. П. Никифорова, приговоренного к повешению. Металась во все стороны и, наконец, добилась помилования, но его уже казнили. Л. Н. расплакался.

Морозов говорил, отвечая Л. Н., как ему пришла мысль, что Апокалипсис написан Иоанном Златоустом в 395 году, того и того-то дня (все это рассказано в его книге) [1]. Веские возражения против его утверждений такие, что отцы церкви ссылаются на Апокалипсис еще раньше 395 г. Книги, в которых об этом сказано, только печатные; рукописей их нет, а эти места считает Морозов подложными. Известно, что в этих книгах много подложного. Веский же аргумент за верность его утверждения сообщил ему Маковский — брат художника, что до IV в. нет никакой живописной памятки (изображения на темы Апокалипсиса), а после IV в. сразу они очень обильны. Л. Н. признал это доказательство серьезным.

Морозов первых восемь месяцев заключения не получал никаких книг. После — французскую Библию, изданную в 1817 г.; декабристы пользовались ею.

Морозов рассказал об извозчике, о дороге; припомнил, что на верхнем конце деревни мальчик бросил палкой и задел его шляпу [2]. Софья Андреевна заметила, что неучтивым стал народ. Морозов сказал, что у них, в Ярославской, народ остался таким же, каким был,— например, отношение к нему, а где были разгромы усадеб — в Саратовской,— там невозможные отношения; в центральной России отношения хороши. Софья Андреевна подтвердила, что здесь хороши. Морозов рассказал, как его крестьяне, когда вернулся из тюрьмы, приняли: «Вы похожи на свое изображение»; стали читать газеты, книги, журналы.

Л. Н. сказал, что, судя по письмам, какие получает, в народе просветительное движение более всего в Западной Сибири и на востоке России.

Одна из дам перевела разговор на наследника Алексея (что он, мальчик трех-четырех лет, любит царские почести, чтобы ему кланялись и т. д.) и на членов царской семьи.

Л. Н.: Бог с ними, жалкие люди! Я без всякого усилия испытываю к ним сострадание.

Морозов 53-х лет, какой-то ссохшийся, плоский лоб, в очках, впалая грудь, ушедший в себя; кажется, что не замечает, что́ кругом него делается; глаза тусклые, голос глухой, монотонный, говорит, словно лекции читает. Интересует его наука, прочее — мало. Недавно женился на ученице — 28-летней, которой давал уроки химии. В 9.45 простились и уехали. Морозов нам на дворе показывал звезды.

Л. Н. рассказал, что случайно сегодня говорил о злоключениях с Хирьяковым, Чертковым, Морозовым, и рассказал длинную историю, которую слышал от Черткова, как он, кавалергардским офицером, дежурил в военном госпитале. В отделении умалишенных (в секретном отделении его) одному заключенному один день в 20° мороза не топили, а в другой перетапливали, так что с трудом мог дышать. Чертков велел открыть форточку; за это ему досталось от начальника военного госпиталя и еще иного начальства, что посмел вмешаться в дело «секретных» узников; их нарочно морят. «Ему лучше умереть, чем жить! Что его ожидает?!» — кричал в исступлении высший начальник. Л. Н. рассказывал это, волнуясь, почти плача:

— Виноватого тут нет: «Мне приказано свыше, у меня шесть человек детей» [3].

В 11 часов ночи, массируя живот Л. Н., я рассказал про старика, которому сын сломал ребра.

— Были выпившие, верно, оба?! — спросил Л. Н.

Потом я рассказал про другого мужика из Малахова, как убил племянника; к обоим сегодня ездил.

Л. Н.: Живешь в идеальном мире добра, а кругом правительство, революционеры, грубые поступки народа — игнорирование духовного закона — не игнорирование, неверно,— Л. Н. подумал,— сознательное непризнание духовных начал (нравственных начал, духовной природы). Это как лошадь без ноги, птица без крыльев. В Туле пятерых убили.

Л. Н.: С Морозовым стал говорить серьезно, то есть о тщетности науки, о ее вреде, но видел, что это ему неинтересно, потом стал его спрашивать. Такие люди науки, как он, по природе добрые, притом живут бессознательно нравственно — и не беда, но другие люди, которые живут во имя науки (одно научное признают) и по природе недобры,— беда [4].

Л. Н. спрашивал меня, кто такой Колесниченко: получил от него письмо из Самары; он там с Леонидом Семеновым и собирается приехать с Добролюбовым [5].

29 сентября. Пополудни у Л. Н. Чертков с Хирьяковым. Л. Н. катался с Владимиром Григорьевичем и со мной к купальне, в Грумант. Хирьяков сказал, что поморы зовут Грýмантом Шпицберген.

Л. Н. рассказал, что один из Волконских за то, что не хотел жениться на родне Потемкина, которую они ему сватали, был сослан на один из островов Северного моря; когда вернулся, Грумантом назвал ферму [1]. Она была фермой еще в детстве Л. Н., теперь деревня — 18 дворов.

Л. Н. восхищался природой, осенней красотой лесов. Собаке, лаявшей на нас: «Не сердись, не сердись». Возвращались Заказом и яблочным садом.

За обедом Владимир Григорьевич, Хирьяков. Л. Н. с Владимиром Григорьевичем разговаривал о молодых людях, которые бывают у него, у Владимира Григорьевича; о студенте, живущем близ Ясенок, сеявшем революционные взгляды среди парней, тех, которых Владимир Григорьевич в прошлом году обращал; о железнодорожном рабочем.

А. М. Хирьяков приговорен на месяц за «Мирную Марсельезу», которую даже не он напечатал, а кто-то другой; и предстоит ему суд за газету «Голос», как раз за время, когда он уже сложил с себя редакторство. Его жена Евфросинья Дмитриевна приговорена по изданию газеты на три недели [2]; кроткая, добрая Евфросинья Дмитриевна!

Хирьяков рекомендовал Л. Н-чу стихотворение в сентябрьской книжке «Вестника Европы» знакомого ему Жемчужникова. Л. Н. прочел и сказал: «По крайней мере, глупостей нет» [3].

Когда Л. Н. вышел, Чертков стал шутить над Хирьяковым, что он вращается в среде, где, кроме глупостей, ничего не слышит, и потому показалось ему это хорошим. Хорошо протежировал своего автора. Л. Н., вернувшись во время этого разговора, еще повторил, что поэтического дарования нет (у оного автора).

Вечером шахматы с Хирьяковым. Почту читал.

30 сентября. Л. Н. сегодня, по словам Николая Николаевича, очень много работал и вечером начал диктовать ему [1]. Остановила его Софья Андреевна, вошедшая после 7-ми; обстоятельно рассказала ему про свои хозяйственные сегодняшние хлопоты, а потом, после 8, до 11 часа был Ф. Р. Герман, бывший сосед Лебрена, теперь живет с семьей на юге Тульской губернии на 70 десятинах. Общее с Л. Н. то, что работает на земле,

и вегетарианство; кажется, больше ничего; ищет другое занятие, т. к. дохода не хватает.

Александра Львовна заметила после обеда, что «папенька не в духе». Думаю, просто усталый, занят корректурой старого «Круга чтения» и новым «Кругом чтения».

Вечером Николай Николаевич рассказал Александре Львовне, как Софья Андреевна мешала Л. Н. работать, и вспомнил афоризм Сергеенко, который слышал от Владимира Григорьевича. П. А. Сергеенко сказал в глаза Софье Андреевне: «Если все грехи Льва Николаевича свалить на одну чашу весов, а на другую то, что с вами 45 лет прожил, господь бог ему все простит».

Я сказал на это, что ничему так не удивляюсь, как тому, как Л. Н. переносит терпеливо, смиренно крест супружеский — Софью Андреевну.

1 октября. Л. Н. сегодня первый раз после болезни (воспаления вен на ноге) поехал верхом; два с половиной месяца не сидел на лошади; садился на лошадь со скамейки легко. Сама езда верхом привыкшему к ней была легче, чем в коляске. Выехал за деревню, к «Утятнику»; вернувшись, посидел с нами вечером. О Делире сказал, что брюхо у него растолстело, надо его проезжать, надо овсеца дать, копыта расчистить, подковы подкрепить, привести в порядок. Нога совсем не болела и не болит.

Сегодня приходил урядник. Николай Николаевич уже с тех пор, как его допрашивали в жандармском отделении, желает только одного — чтобы его не взяли еще дней восемь, пока не кончит работу с новым «Кругом чтения». Стало быть, ожидает, что его не оставят. Настроение у нас подавленное; обдумываем возможность, что нагрянет полиция не только к Чертковым, но и к нам. Сегодня за чаем не было никакого разговора об этом, а Л. Н., как если бы чувствовал о чем мы — Александра Львовна, Варвара Михайловна, Николай Николаевич и я — думаем, сказал:

— Вот какие дела, боюсь только я за своих сотрудников.

Никому так тяжело не будет, как Л. Н., если лишат его Владимира Григорьевича или Николая Николаевича.

После обеда Л. Н. читал почту. Удивился просительному письму офицера и прочел его вслух. «Какое у них представление обо мне?!» Потом прочел вслух письмо заключенного за отказ Калачева к брату.

Вечером Л. Н. чаю не пил и не беседовал, а просматривал иллюстрированные газеты. В «Искрах» картинка — болгарские крестьяне [1].

Л. Н.: Как они хорошо одеты!

Я указал Л. Н. в полученном сегодня (сразу прислали целый пакет) номере «Обновления» от 5 апреля, в рубрике «Обзор печати», характеристику правой и левой печати одесской газетой «Русская речь». Л. Н. просмотрел:

— На что мне это читать, я тут не виноват. Простите, не буду.

Александра Львовна спросила:

— О чем?

Л. Н. ответил:

— О еврейской печати.

— Как бы Черткова не выслали,— проговорил Л. Н.

В 11 вернулся Николай Николаевич. Л. Н. спросил его, что было у Чертковых (где по воскресеньям бывают беседы, чтение новых статьей Л. Н., Евангелия). Николай Николаевич рассказал, что тульские революционеры не пришли, а ясенковские парни на два часа опоздали. Владимир Григорьевич был расстроен; парням прочел новейшую статью Л. Н. [2] Что революционеры не пришли, Владимир Григорьевич был потом даже рад, а то так был расстроен, что не мог бы с ними беседовать. Лев Рыжий сказал парням, после прочтения новой статьи, чтобы это не осталось для

них одними словами: «Старайтесь к делу приложить». Лев Рыжий Николаю Николаевичу очень нравится, он очень умен.

— Таким людям, как вы,— говорил он Гусеву,— с широким мировоззрением, другое дело: у вас столько новых мест, над которыми есть поработать (т. е. Л. Н. хотел сказать, что при широком мировоззрении отрицательное отношение к существующему государственному устройству не поглощает всего человека, а занимает в душе его только столько места, сколько следует).

Гусев сказал, что считает революционные взгляды все-таки расширяющими кругозор. Л. Н. согласился с этим и сказал, что он не удивляется, что рабочие так крепко держатся их. Воспринять христианские взгляды и страдать за них им трудно. Тем, которые только что усвоили революционные взгляды, кажется, что отказаться от них — значит все потерять, упасть опять в тот мрак, в котором был.

Николай Николаевич сказал, что спросил Льва Рыжего об уголовных; тот ему ответил, что они очень доступны, восприимчивы, отзывчивы на христианские взгляды.

Л. Н.: Как же, Вальжан — уголовный. Я только что поправлял. Вместо «государь мой», вставил между словами «сударь» [3].

За массажем Л. Н. опять заговорил о том, что боится высылки Черткова. Урядник, который сегодня был у Николая Николаевича, пришел разведать. По Тульской губернии Жихарев распространил много «Солдатской памятки», даже волостные писаря ее раздавали. Он пришел разузнать, откуда происходит.

2 октября. Л. Н. ездил верхом в Засеку, проехал верст десять. Владимир Григорьевич с ним. Был разговор, что Л. Н-чу нужен в будущем провожатый верховой, и Л. Н. согласился; раньше никак не мог согласиться на это.

За обедом Александра Львовна показала письмо из Германии, которое она получила, с вырезкой о том, как в Озерках, торговом селе Саратовской губернии, когда священник говорил проповедь против Л. Н., весь народ вышел из церкви.

Л. Н. (*прочитав письмо*): Он старательно оговаривается, что не сочувствует моим взглядам. Они «mal vues» * в известных классах.

Л. Н.: Сегодня в «Слове» ни одного смертного приговора, ни ⟨одной⟩ казни.— Заметил это как поражающую редкость.

Софья Андреевна вычитала из газеты, что̀ в Петербурге в продолжении последних семи месяцев 800 самоубийств. Л. Н. рассказал, что̀ читал в газете:

— В Художественном театре Сулержицкий отличился. Ставили Метерлинка «Синюю птицу». Дети засыпают и во сне видят, что летают, с чем встречаются, и представлено все, что видят во сне. Такая чепуха!

За массажем Л. Н. спросил, что я читал (дожидаясь в гостиной).

Я: Вырезки из газет о юбилее; между прочим, в «Русских ведомостях» выдержки из статьи Репина в «Neue Freie Presse» [1],— и рассказал.

Л. Н.: Если бы я сомневался в том, что я обыкновенный человек, то этот шум, который около моего имени подняли газеты, должен бы убедить меня в том. Разве мыслима такая шумиха, как около певиц, около человека серьезного, истинно великого? Но мне этого доказательства не было нужно. В «Мыслях мудрых людей» 29 сентября: «Полезнее всего было бы составить описание жизни тех людей, о которых мир и не думал и не слышал, но которые теперь исполняют главную долю всех его работ, от которых мы можем лучше всего научиться, как исполнять их» (Рёскин) [2].

---

* «на плохом счету» (*франц.*).

Я рассказал, что̀ пишет Буланже в сентябрьской книжке «Минувших годов»; цитирует почти все русские и заграничные газеты — будто бы Победоносцев отдал распоряжение местному духовенству, чтобы, как только станет известно о кончине Толстого, священник вошел в дом и, выйдя оттуда, объявил дожидающимся у ворот, что граф Толстой перед смертью покаялся.

— Я думаю,— сказал я,— что Победоносцев к такой иезуитской интриге не прибег бы.

Л. Н.: Нет, это возможно, похоже на него.

После этого молчали.

Л. Н. продолжал говорить, что́ газеты пишут,— идет дело к войне между Австрией и Сербией из-за Боснии. И спросил, как можно предполагать участие сторон в этой войне, если дойдет до нее?

Я ответил, что войны не будет. Сербы должны быть настолько благоразумны — не пускаться в войну.

Л. Н.: Они слишком слабы.

Я: Может быть, против Австрии на стороне Сербии будут участвовать болгары, сомнительно — черногорцы; может быть, Франция и вряд ли Россия.

Л. Н.: А турки где же?

— Турки не будут воевать. В Боснии магометанское население тает У Турции интереса к Боснии больше нет.

Л. Н.: Франция — из-за вражды к Австрии?

— Нет, из-за вражды к Германии, которая на стороне Австрии, а Италия, ее союзница, тоже. Да, она получила бы Албанию.

3 октября. Л. Н. с Владимиром Григорьевичем — верхами на Рвы. Приехали Наживин и Сергей Львович. Вечером шахматы с Хирьяковым.

За обедом о Морозове. Л. Н. говорил, что посмотрел его книгу:

— Главный пункт его — что положение небесных светил было только раз, в 395 году, такое, какое описывается в Апокалипсисе Иоанном Златоустом. Как он описывает облака — это натяжка. Но он очень мил. Как он перенес 28 лет заключения? Я от него узнал, что Н. В. Чайковский в заключении. Он сказал себе: «Все дела кончил, детей устроил, приехал в Россию участвовать в социал-революционном движении».

Наживин рассказал — слышал от знакомых рабочих,— что теперь все заключенные (политические) рвутся в одиночку. Наживин заговорил о тюрьмах — германских, даже швейцарских, как в них истязают; и как истязали духоборцев, свободников в канадских тюрьмах: и жгли, и в холодную воду окунали.

Владимир Григорьевич: Что это про духоборов правда, я знаю через губернатора: писал мне, что некоторые смотрители могли поступать жестоко. Они свирепели от отказов духоборов подчиняться.

Л. Н.: Я понимаю это. Такое подобострастие перед узаконением: «Как же мы, образованные, исполняем их, а какие-нибудь мужики (необразованные) не хотят».

Владимир Григорьевич: Некоторые (свободники, духоборы) умерли в тюрьме.

Владимир Григорьевич рассказал, как свободники хоронили своего: вынесли в лес, за ними шел полисмен. Они тело оставили, не погребая его. Полисмен настаивал на погребении; отвечали, что оставляют волкам в пищу.

Вечером винт.

Наживин на днях напечатал первый выпуск «О половом вопросе» и готовит второй. В первом начинает с описания «огарков» [1]. Наживин об этом заговорил, сказав, что у него есть материал еще хуже этого.

Л. Н.: Мне (в «огарки») не верится, гнусно...

Наживин рассказал, какие письма получает от гимназисток, которые страшно страдают от того, что существует такая распущенность.

Л. Н.: Умственно преднамеренное, решенное развратничание — гнусно. Куда хуже, чем самое ужасное (что можно себе представить), совершенное в порыве страсти.

Наживин рассказал, что готовится читать лекции против разврата.

В дальнейшем разговоре о половом вопросе произошел спор. Л. Н. говорил о целомудрии и что нечего бояться вымирания рода человеческого: половое чувство так сильно.

Софья Андреевна: Если было бы целомудрие, тогда не было бы детей и незачем было бы жить. Так говорить можно тебе в 80 лет.

Л. Н. на это ответил, что, когда ему было 16 лет, чувствовал к этому отвращение (видно из дневников), а брало верх звериное. Потом, не помню каким путем, Л. Н. пришел к сравнению: как от полового невоздержания родятся дети (по Амиелю, каждый день 80 000 невинных существ освежает жизнь), так и из революции, всего того зла, которое мы видим, может быть, выйдет что-нибудь хорошее.

На вопрос Наживина, куда это приведет (нынешнее распутство), Л. Н. ответил, что это, как и духовный прогресс, который в других сословиях и отдельных лицах идет,— это две крайности, а середина осталась, как была.

Л. Н.: В духовной жизни крестьянства совершилось что-то ужасное: с одной стороны, убийства (что бывало раньше исключением), вырезывание семейств, грабежи — теперь частое явление; с другой стороны, в половом отношении распущенность.

Наживин говорил про 16-летнего публициста Вержбицкого, который пишет бойко о разных вопросах и о половом. Печатала «Русь». Он, Вержбицкий, писал Л. Н., прося высказаться о его фельетонах [2].

Л. Н.: Меньшиков, Вержбицкий — бойкость писания с серьезностью мысли не идет.

Сегодня утром ждали Гольденвейзера из Москвы. Не приехал. Л. Н. сказал, что, как он ни приятен ему,— все-таки этому рад. Спокойнее будет поработать.

4 октября. Уехали Сергей Львович и Наживин. Л. Н. ездил с Владимиром Григорьевичем верхами к Марии Александровне. Л. Н. рассказал за обедом про посещение. Мария Александровна лежит, очень кашляет, потеет ночью, три рубашки сменяет. Когда услыхала, что «Учение Христа, изложенное для детей» арестовано, ахнула и села на постели. Первое издание разослано по магазинам, второе арестовано.

Николай Николаевич думает, что повредила неблагоприятная критика в «Голосе Москвы». Октябристы — влиятельная партия.

Л. Н. сказал, что никто так не содействует распространению его писаний, как они (осуждающие, запрещающие их).

Николай Николаевич: Только нельзя их нигде купить.

Л. Н. рассказывал со слов Марии Александровны, что у нее был священник из-под тульского села с двумя крестьянами:

— Спрашивал ее, правда ли, что я с Петровым (Григорием) хочу общину основать. «Я ему очень исправно ответила,— рассказывала М. А. Шмидт,— что Л. Н. общину признает ненужной и что с Григорием Петровым ничего общего не имеет». Он ловкий фельетонист и всё,— добавил Л. Н.

Заговорили о присяге. *Мария Александровна подала священнику изречение* Златоуста о присяге. Священник с ним согласился. Тогда один из крестьян стал говорить о причастии, что ведь хлеб и вино так и остаются хлебом и вином, не превращаются в тело и кровь Христовы, и требовал

объяснения от священника, сильно нападал на него. Священник был сконфужен и не знал, что отвечать. Другой мужик все молчал.

— Какая внутренняя работа идет в народе! — заключил Л. Н.

Софья Андреевна рассказала, что Лина укоряет Николая Леонидовича за то, что через два года после смерти Маши уже женится. Л. Н. на это не ответил. Затем рассказал, что получил письмо от молодого человека; он женат, есть дети, жена у него хорошая, но он «ушел вперед нее». Познакомился с девицей, она исключительная, духовно сблизились; он ей сказал, что он ее любит, как сестру, а она ответила, что она его больше, чем брата. Она уехала, теперь они на *ты* и хотят жениться. Он спрашивает, продолжать ли жить с нелюбимой, духовно далекой ему женщиной, или жениться на близкой по душе [1].

— Всё, как по программе, как всегда. Он думает, что это только с ним случилось,— сказал Л. Н.

Софья Андреевна: В ней разочаруется скоро, как и в первой. Оставаться с первой.

Потом говорили об адресе из Шанхая на английском, русском и китайском языках с подписями. Послал его Струменский. Первым подписал Ku Hung Ming [2].

Л. Н. рассказал с любовью и комично, как Чертков снимал его верхом раз 12 сегодня. Потом говорил о преданности Черткова. Если б не так изменилась его жизнь, он был бы генерал-губернатором, запрещал бы всякие книжки.

Николай Николаевич: Сажал бы под арест.

Софья Андреевна: Влюблялись бы в него. Он настоящий аристократ, достойный, каких очень мало.

Я: Высылал бы евреев из губерний.

Александра Львовна: Разъезжал бы на четверне серо-пегих.

5 октября. Воскресенье. Пополудни Клечковский с женой и семи- и девятилетними детьми просил у Л. Н. разрешения привезти их, чтобы они увидели его. Л. Н. был с детьми очень приветлив и подарил им по книжке.

Вечером винт. В 9.30 уехали Александра Львовна, Варвара Михайловна в Москву; Д. А. Кузминский, пробывший два дня,— в Петербург. Клечковский — на деревне.

С Клечковским был разговор о заметке Морозова в «Русских ведомостях» от 3 октября [1]. Л. Н. заметил:

— Наука ничего не может дать ни нравственности, ни религии.

Разговор об «Опросе (Страница из половой исповеди студенчества)». Москва, книгоиздательство «Основа». Опрошено 100 студентов, вопросительных пунктов 27.

Л. Н. не было интересно. Сказал, что всякие мотивы, могущие влиять на половую жизнь, исследованы; одного только нет — религиозного.

Л. Н. о Клечковском, с которым имел беседу о религии, что он очень милый человек.

— Какая это тайна: почему у одних чувство религиозное подымается, а у других нет?!

6 октября. Л. Н. вследствие сильного отека ноги просидел день в кресле. Был Владимир Григорьевич; вечером Л. Н. в залу не выходил.

7 октября. Л. Н. просидел день в кресле, днем был Владимир Григорьевич, вечером Л. Н. не выходил, хвалил свое одиночество и пасьянс в одиночестве. Софья Андреевна рекомендовала ему просмотреть новые журналы. Л. Н. ответил, что он не может читать их и газеты также и что в газетах только самые животрепещущие вещи читает.

Теперь читает «Слово» вперемежку с «Новою Русью», иногда «Новое время» или «Русские ведомости».

ТОЛСТОЙ И Ф. А. СТРАХОВ
Ясная Поляна, 2 ноября 1908 г.
Фотография В. Г. Черткова
«Вечером Ф. А. Страхов, приехавший на всю зиму к Чертковым заниматься «Сводом»».— Запись от 4 ноября 1908 г.

В полночь вернулись Александра Львовна и Варвара Михайловна. Софья Андреевна вот уже 18-й день переписывает каталоги библиотеки. В старые каталоги вписывались книги, как поступали в библиотеку, хронологически; в новых Софья Андреевна сводит книги одного автора вместе и пропускает пропавшие книги. Так что этот новый каталог не представляет бывшую библиотеку Ясной Поляны, а такую, какая она теперь. Очень много самых интересных книг разошлось по рукам. Л. Н. отдавал их для переводов, переработок или просто для чтения.

8 октября. Л. Н. стал ходить по комнатам. Пополудни поехал с Чертковым и Гольденвейзером в Телятинки и в Дворики, где нечаянно убился из ружья молодой человек; еще жив.

Шахматы, винт. Андрей Львович извинялся перед Л. Н., что ему рекомендовал молодого студента Кулябко-Корецкого, который, оказалось, Л. Н-чу был неприятен.

Л. Н.: Ничего особенного, мне просто интересно видеть людей. Это характерно: объявил мне, что бога нет.

Андрей Львович рассказал, как в тульской тюрьме при попытке обезоружить надзирателя застрелено двое заключенных, а четыре сами себя застрелили. Об этом Л. Н. уже получил письмо от Надежды Павловны [1]. Потом Андрей Львович рассказал, что в Новосильском уезде мужики убили богатую крестьянку, у которой арендовали землю, и ранили станового пристава. Поехал туда губернатор, и восьмерых из общества предали военному суду.

Андрей Львович говорил, что, как будто, опять будет революция. Л. Н. ответил, что революция и не прекратилась: ненависть с обеих сторон продолжает быть.

— Я понимаю вполне всех,— сказал Л. Н.— И с точки зрения Столыпина, Меньшикова нечего больше делать, как вешать. От них требовать, чтобы они поняли, что жизнь в том, чтобы любить друг друга,— нельзя. Когда я буду большой, напишу об этом.

Тут Л. Н. вспомнил последнее письмо Молочникова и, намекая на Кулябко-Корецкого, сказал об атеистах, что это те люди — sans foi ni loi *, которые грабят. Андрей Львович что-то заметил.

Л. Н.: Самые худшие атеисты это те, которые воображают себе, что они верят, которые ходят в церковь.

9 октября. Нет гостей. Л. Н. опять верхом после двух дней, проведенных в кресле. Нога к вечеру немного припухла. Пополудни Чертков. Вечером большая почта. Л. Н. вызвал Александру Львовну и меня помогать прочесть ее. Между прочим, получил письмо от латыша: спрашивает о еврейском вопросе и присылает книжку Тенеромо «Толстой о евреях». Л. Н. удивился, что Тенеромо такое пишет, и удивлялся предисловию Пергамента и поручил ответить ему, что все это выдумки [1]. «Все вранье»,— сказал он мне о том, что Тенеромо пишет. Вечером, когда я массировал Л. Н., он заговорил об этой брошюре с негодованием. Я сказал, что появился немецкий перевод ее, Шкарван прислал мне реферат о ней из «Neue Freie Presse». Там еще усилены утверждения Тенеромо. Я сказал Л. Н., что ему предстоит написать о евреях. Л. Н. ответил:

— У мужиков здесь ненависти к ним нет.

10 октября. Л. Н. пополудни ездил верхом с Владимиром Григорьевичем к Марии Александровне. Владимир Григорьевич его по пути фотографировал. Приехал из Тулы на извозчике черкес с Северного Кавказа, нарочно, чтобы видеть Л. Н.; т. к. он сказал, что ему от Л.Н. ничего не нужно, нечего спрашивать его, то Николай Николаевич ему посоветовал не тревожить Л. Н. Он еще, к тому же, приехал в такое время, когда Л. Н. занимался. Черкес уехал и ждал на тульском вокзале, но не мог уехать, не видевши Л. Н.; сел на извозчика и опять приехал. Л. Н. поговорил коротко с ним, спросил его, знает ли о бабидах.

В 6 часов вечера приехали М. А. и С. А. Стаховичи. За обедом Михаил Александрович говорил об огромном государственном бюджете в два с половиной миллиарда, который с 1881 г. возрос в два с половиной раза. И в четырех пятых идет на непроизводительные затраты. Потом говорил об огромности армии.

Вчера же мне Л. Н. рассказал, как садился с отекшей ногой со скамейки на лошадь. Хвалил Делира:

— Это такая лошадь! Не стареет, у брата Сергея была такая лошадь, лет 20 на ней ездил.

Михаил Александрович курит и считает это маленьким грехом. По поводу этого Л. Н. добродушно сказал:

— Это у меня в «Круге чтения» записано, что это из самых больших

---

* без стыда и совести (*франц.*).

соблазнов — думать, будто маленькие грехи такие, что не стоит ими заниматься [1].

После обеда Софья Андреевна смотрела адрес и 24 картины альбома, присланного русскими художниками Л. Н-чу. Л. Н. похвалил акварель старика Соколова.

— Русский тип, самый милый русский тип.

Винт: Л. Н., С. А. Стахович, Михаил Александрович, Варвара Михайловна. С 9.30 до 10.30 Л. Н. у себя. Потом со мной говорил; пожалел, что не поговорил с черкесом. Позвал Михаила Александровича и побеседовал с ним о политике. Михаил Александрович — член Государственного совета. Во-первых, о земельном вопросе. Л. Н. опять должен был объяснять нужность и сущность единого налога. Михаил Александрович извинялся, что он забыл, но, очевидно, не интересовался, не читал Генри Джорджа, хотя ему Л. Н. при мне раза три о нем обстоятельно говорил, его книги давал и убеждал его заняться им, проводить его идеи.

Михаил Александрович так близок к Л. Н., предан ему, любит его и так мало внимателен к его взглядам на землю, на Генри Джорджа, которому Л. Н. придает такое важное значение! Столько трудов прилагает, чтобы его поняли и оценили.

Михаил Александрович опять обещал прочесть Генри Джорджа. Он говорил опять о столыпинской реформе — покупке крестьянами в собственность земли помещичьей и государственной. За два с половиной года куплено на целый миллиард, а то, что крестьяне будут вносить ежегодно проценты и амортизацию, никак не обеспечено. Настанут один-два неурожайных года, крестьяне не будут платить. По закону могут продать их участки. Если это станут делать, что тогда будет?

Л. Н. с грустью заметил, что у нас вводится Столыпиным то, от чего на Западе ищут выхода; что собственность на землю на Западе не оправдалась. Стахович сам высказал мнение, что собственности на землю не должно быть — отжила. Это не решение, и он предполагает, что у народа не привьется.

Л. Н. о земельной программе социалистов:

— Отдать землю работающим на земле. Кто работающий? Сегодня работает, завтра — нет. Демчинскому, добывающему триста пудов с десятины, дают землю.

Стахович возражал: а что, если Демчинский потребует тысячи десятин? Л. Н. отвечал, что надо дать ему — ведь будет платить вознаграждение обществу (сапожникам и другим, не пользующимся землей) за пользование землей.

Стахович говорил Л. Н. о том, что в России с 1881 г. существует усиленная охрана, и начальство привыкло к произволу (административные кары, административная ссылка) и что даже не знает, как иначе — по законам — судить. Отвыкло — не знает. Трудно от самовластного произвола перейти к законному порядку, какой везде за границей.

Л. Н. сказал на это, что за границей тот же произвол, только в законной форме.

Софья Андреевна все переписывает каталог книг библиотеки.

11 октября. Приехал швед Vincens Hansen из какого-то города, 62 лет, инженер-строитель железных дорог, с тем, чтобы сообщить Л. Н., что у них присужден к году тюрьмы журналист, напечатавший «Солдатскую памятку» Л. Н. Кроме него, присужден еще один, и трое ждут суда за распространение ее. Он, Хансен, сам антимилитарист и ожидает, что свободомыслящие люди, теперь вошедшие в шведский парламент, сумеют ослабить милитаризм. Сам он социалист, борец за хорошее внешнее устройство жилищ, за обработку земли, воздержание от алкогольных напитков и за исполнение христианского долга, как его проводят молодые

люди в «Армии спасения». Генерал Бутс хочет в Россию, и он, Хансен, ожидает большого успеха от этой «Армии». Он хочет Л. Н. уговорить написать письмо шведскому королю, чтобы изменили закон, по которому наказывают людей, исповедующих христианское учение, но не желающих воевать. Или чтобы Л. Н. приехал в Швецию и потребовал наказать его как автора «Солдатской памятки» так же, как накажут ее издателей и распространителей на шведском языке. Этого не посмели бы и устыдились бы.

Он привез шведский листок «Солдатской памятки», сокращенной социалистами на три пятых. Выпущено религиозное основание.

Л. Н.: Не хотят войска ради фантастического устройства без правительства и без религиозных основ.

Владимир Григорьевич: Забывают, что войско росло и растет постепенно, как последствие борьбы людей между собой. Нельзя им, правительству, войску, сразу прекратиться, а людям надо переменить свою жизнь.

Владимир Григорьевич говорил Л. Н., что завтра хочет с социалистами-революционерами говорить о том, что политические установления — только малая сторона нашей жизни; главное — как нам одному, каждому жить.

На слова Хансена, который утверждал, что церковь должна бы быть государством, а государство — церковью и что нельзя наказывать за следование христианскому закону, Л. Н. сказал:

— But the government pretends to be christian *.

Л. Н. не решился и не сделал того, что швед просил. Окончательного разговора у них не было, т. к. с 8 до 10.30 был винт: Стахович, Л. Н., Александра Львовна.

Я ходил со шведом пополудни по больным в Ясенки и Воробьевку. Его поражала бедность, теснота, нечистота в избах, и он сожалел и восклицал, что так у христиан не должно, не смеет быть. Знает ли об этом Л. Н.? Он должен это поправить. Но радушие, веселость крестьян ему бросались в глаза, и он опять говорил, что они свободны и что и он себя чувствует здесь свободно.

Л. Н. сегодня верхом. Посетил Курзика, яснополянского крестьянина 82 лет, но он уже не в уме, не вышел разговор. Потом священника Т. А. Кудрявцева на Поповке в Кочаках. Потом какую-то семью в Воробьевке («Я был поражен жалкими избами в Воробьевке, вошел в одну») и молодежь у Чертковых в Телятинках.

Швед ожидал бы многого от «Армии спасения» в России. Впрочем, согласился, что не реформированное правительство, а любовь нужна (Liebe tut Not), что делать насилие над своей совестью — не по-христиански, как это заставляют делать солдат и т. п.

Уехал М. А. Стахович с литературой Генри Джорджа и о нем, она была у него на столе с утра. Но и здесь не ее читал, а французский бульварный роман.

12 октября. К Л. Н. приехал гимназист с Юга с вопросами о боге и в конце просил на дорогу за границу, чтобы выучиться какому-нибудь механическому занятию. Л. Н., как вышел, ждали бедные и фотографы (Владимир Григорьевич и Александра Львовна). Л. Н. сел на стул у крыльца и разговаривал с гимназистом. Подошедшей женщине из Новой Колпны, просившей денег, отказал: «Не могу».

Софья Андреевна сидела в коляске, ждала Л. Н. и ворчала, что приходят к нему и задерживают его всякие болваны. Проехались кругом по шлаковой дороге. Очень долго снимали. Потом приехали тульские рабо-

---

* Но правительство претендует на то, что оно — христианское (*англ.*).

чие — социалисты-революционеры — за книгами, и мальчики 10—12-летние из Тулы пешком приходили переменить книжки.

За обедом С. А. Стахович. Разговор о бедноте в Воробьевке, куда я с Варварой Михайловной ходил к больной. Бедность тут от малоземелья, пьянства и воровства друг у друга. В доме, где мы были, корову загнали в сени, там и ночует. Мужик, у которого пять лет тому назад было девять лошадей, коровы, овцы, теперь никакой живности не имеет. Зерно таскают друг у друга. В шинках пьют не за деньги, а за зерно, картошку, одежду.

Разговор о ворах. «В Ясной Поляне есть один, который тем и живет. Раз шесть сидел в остроге»,— вмешавшись в разговор, сказал лакей Ваня.

Л. Н. вспомнил из письма Молочникова, которое он читал вслух Софье Александровне, про каторжника, который ожидает, что через два дня его выпустят, и намерен пойти по своей одной дороге — пожить воровством. И Л. Н. художественно передал подробности о нем из письма [1].

Николай Николаевич: И чем же ему жить? На работу его не возьмут.

Л. Н.: Это целая школа, она воспитывает тех людей. И он не может воздержаться (от воровства), как мы от охоты.

Л. Н. (*Гусеву*): Лев сидит. (Лев Томилов, полтавский крестьянин, бывший у Владимира Григорьевича и живший в ташкентской колонии, босой, рыжий. Его урядник разыскивал за беспаспортность.)

Софья Александровна и Софья Андреевна полюбопытствовали о нем.

Л. Н.: Босой, билета у него нет; ему дали, он сейчас же разорвал; он очень сильный человек. «В тюрьме сидеть — только пользительно», говорит он.

Софья Андреевна сказала что-то осудительное про него.

Л. Н.: Я с ним одинакового взгляда.

Л. Н. рассказывал про него тепло, как про друга.

Л. Н. вернулся к прежнему разговору, словам Молочникова из его сегодняшнего письма. «Трещит по швам жизнь наша в России» [2]. В тюрьме он еще сильнее убедился, что нужно все духовные силы применить на внутреннюю духовную работу (а не на внешние изменения). Л. Н. объяснил примером: как бить прикладом ружья вместо того, чтобы повернуть ружье — там, где сила в нем.

Л. Н. с Николаем Николаевичем о революционерах, сегодня бывших у Чертковых. Гусев говорил об одном, который пять лет тому назад был убежденный революционер, его товарищи или погибли, или на каторге, или за границей. Он остался — и свеж. Тогда с Л. Н. и не считались: «Из ума выжил, глупости говорит старик». А теперь Л. Н. у них передовой человек. Чертков говорит:

— Мы быстро поумнели в эту революцию.

Л. Н.: Какое отношение революционеров к своей деятельности, как они разочаровались, как были грозны последствия их деятельности и деятельности правительства! Как отразилось это на нашем народе! Я всем этим болею, но все это ведет к добру. Непременно к добру, что̀ бог чинѝт — все доброе.

Л. Н.: Всегда так бывает, что хочется то делать, к чему уже сил нет. И мне хочется писать художественное, а зубов нет.

Николай Николаевич напомнил Л. Н. слова матроса Леппардта, латыша-революционера, умершего от чахотки, о том, что сказал Светлогуб, когда его вели на казнь [3].

13 октября. Здесь С. А. Стахович. Приехал С. Т. Семенов.

Владимир Григорьевич: Он слабый человек. Лев Николаевич вывел его в люди, поддержал, а он взял да и повернул, и из-за кого же — из-за Петрова и еще кого-то.

Л. Н. ездил верхом, с ним Иван Макаров, кучер. Круг: Кудеяров колодец — Козловка. Л. Н. с ним разговаривал, между прочим о пьянстве. Тот говорил, что он и не хочет перестать пить.

— Семья хорошая, три брата живут вместе, его дядя был мой хороший ученик,— сказал Л. Н.

За обедом Чертков. Л. Н. пожалел, что Семенова нет (он пошел к Чертковым). Николай Николаевич говорил о нем, что он не такой конституционалист, каким себе его представлял. Читал беседу Л. Н. с социалистами, стенограмму, и там нашел, что положение рабочих за границей лучше. Он на это заметил, что, по его мнению, положение рабочих в России лучше, чем где-нибудь. Рабочие часы короче за границей, но и работа тяжелей, и опаздывать нельзя, штрафуют. На ткацкой фабрике, например, станок доведен до высшего напряжения, ни на минуту нельзя отвести внимание, а то нитка оборвется.

Потом Николай Николаевич говорил, что Л. Н. не поверил в сыщиков, которых Сергей Терентьевич где-то описывает, а с Сергеем Терентьевичем говорил теперь, что они такие есть. Его дядя служил сыщиком, это у них спорт, как охота. Л. Н. не может себе представить душу такого человека.

Л. Н. (*о Сергее Терентьевиче*): Он не такой либерал, как я думал о нем.

Николай Николаевич, Софья Андреевна вспоминали его первые рассказы и хвалили как творения народные например, «Дворник»,— язык простой.

Владимир Григорьевич, редактировавший их в «Посреднике», заметил, что это стоило труда — такой язык. Семенов и тогда все сбивался на литературный язык, и ему приходилось сызнова писать ту же вещь.

Л. Н. вспомнил письма. Между прочим, фельдшера-морфиниста — умное [1].

— К фельдшерам имею большое сочувствие,— сказал Л. Н.,— потому что Бука был фельдшер. Бука — псевдоним Архангельского, ветеринарного фельдшера.

Софья Александровна говорила о морфинистах, что они то же, что курильщики,— не могут воздержаться.

Л. Н.: Я думаю, что всегда можно удержаться; усилие всегда возможно.

На возражение Софьи Александровны, что можно воздержаться в действии, но нельзя в мысли, Л. Н. ответил:

— Тут есть суеверие — думают, что не могут. Я могу положить конец мыслям. Мысль пришла — этого я не могу остановить, но я могу не продолжать думать в том направлении. Например, пришла мысль осуждения, я могу не продолжать осуждать.

Тут Николай Николаевич сказал Л. Н., что три года тому назад, говоря с Бригсом о свободе воли, он обратное говорил, и Владимир Григорьевич подтвердил, что Л. Н. после отказался от того. Тогда Л. Н. говорил, сказал Владимир Григорьевич, что бывают такие времена, когда духовная сила закрывается.

Л. Н.: От этого отрекаюсь.

Сегодня была дама Скаржинская, желавшая заинтересовать Л. Н. и просить его помощи в учреждении «дома для русских» (столовая, читальня и т. д.) в Лозанне.

Владимир Григорьевич мне рассказал про Диму, который сейчас в Англии, что он очень рад, что он там, но что в России лучше; что английская молодежь на 100 лет отстала от русской; это говорил он Перне после праздника с его друзьями, рабочими-футболистами.

Когда я делал Л. Н. массаж живота, он спросил:

— Что, южные славяне — боснийские, черногорские — желают вмешательства России? Что́ в газетах?

Я не отвечал, потому что не читаю об этом, сам не сочувствую боевой готовности, и русские газеты столько об этом пишут неправдивого, всякие вымыслы венских корреспондентов и агентств.

Л. Н.: Мне, стоящему вдали, странно, как это Фердинанд (болгарский) или Рудольф (хотел сказать Франц-Иосиф) какой-то может сделать, что люди теряют спокойствие.

14 октября. С. А. Стахович, С. Т. Семенов. Л. Н. ездил верхом, с ним Ваня-лакей. У Л. Н. нога опала порядочно.

Большая почта из Тулы. Получены отпечатанные экземпляры благодарственного письма Л. Н. по поводу приветствий к его 80-летнему юбилею.

За обедом Софья Андреевна получила письмо о новой книге Тенеромо— «Живые речи Л. Н. Толстого». Эта книга, собственно, не самого Тенеромо. Он собрал то, что за последние годы появлялось в газетах о посещениях Л. Н-ча разными лицами, но он об этих лицах не упоминает и перемешал эти разговоры с разговорами с ним Л. Н.; придает вид, что все они ведены с ним.

Софья Андреевна о Тенеромо:

— Это самый лживый и бездарный из пишущих о Льве Николаевиче.

Л. Н.: Почему бездарный?

Николай Николаевич: Из Томска получено письмо о Тенеромо. Приведены из его книги («Толстой о евреях») такие приписанные вам слова: «Я потерял желание с миром сбалансировать мою жизнь».

Сергей Терентьевич спросил про Тенеромо, исказил ли он мысли Л. Н.

Л. Н.: Не только исказил, а выдумал. Его книга о евреях — это поразительные выдумки.

Л. Н. просматривал почту. Между прочим, получена большая книга «Русский язык и стихи Брюсова» — о том, что Брюсов употребляет слова не так, как они употребляются [1].

Л. Н. посмотрел:

— Ничего резкого в языке Брюсова. Ужасно на него нападает. Покамест я на его (Брюсова) стороне.

Л. Н. просмотрел еще восемь мест и нашел одно, о котором мог согласиться с автором книги.

— Этот упрек верен,— сказал он.

На чей-то вопрос о Брюсове Л. Н. ответил, что не помнит, читал ли его или нет.

Николай Николаевич припомнил:

— Три года тому назад я был у вас с Поступаевым, он прочитал наизусть из Брюсова одно стихотворение — «Скука жизни», и оно произвело на вас большое впечатление [2].

Л. Н., беря в руки «Vedic Magazine»:

— Вот этим индийским я интересуюсь. Ведийский журнал.

Л. Н. прочел телеграмму, полученную из Бухареста, о том, что Брайан пользуется словами Л. Н. о нем для агитации в пользу себя как кандидата в президенты республики [3].

Л. Н. сказал как-то Морозову, корреспонденту гельсингфорсского «Hufvudstadsbladet», что Брайан—сторонник Генри Джорджа, антимилитарист и искренний и умный человек, и потому желал бы американскому народу его иметь президентом.

Получен том Канта по-немецки [4].

Л. Н.: Ах, времени нет, почитал бы это очень. Ох, нет, не осилишь, а хотелось бы мне...

Николай Николаевич прочел статью в социал-демократическом жур-

нале «Современный мир» «Толстой в Германии» [5]. Смысл тот, что Толстой на немцев никакого глубокого влияния не имеет; они в общем преклоняются перед ним, но основные мысли его отрицают.

Николай Николаевич говорил это Л. Н. вечером за чаем в перерыве винта и добавил, что Чертков то же самое говорил об англичанах.

Л. Н. принял это как само собой разумеющееся:

— Я в этом не сомневаюсь, что марксистов совсем не поколеблют мои религиозные взгляды,— сказал Л. Н.

Николай Николаевич поправил, что там написано про немцев вообще, не одних марксистов.

Л. Н.: Не только марксистов, а вообще германцев, англичан.

— Я по поводу Льва (Томилова),— продолжал Л. Н.,— думаю, что это только в русском народе такое радикальное отношение к государству. Таково оно и у Добролюбова. Люди живут, совершенно не считаясь с государством, бросают все. На Западе это было в разных степенях; у Франциска Ассизского; но там остается догматическая сторона, а у русского народа остается одно религиозно-нравственное отношение; русский человек бывает именно такого типа, то есть это в русском характере: все или ничего.

Николай Николаевич говорил Л. Н. также про статью Кранихфельда в «Современном мире» [6]. Я, придя к самому концу разговора, ребячески заметил:

— Кранихфельд — еврей.

Л. Н. улыбнулся:

— Если бы этого у вас не было, вы были бы святой человек. Да, заметно — этот возвышенный, красноречивый тон.

Когда я массировал Л. Н., он спросил о письмах, которые дал прочесть. Первое — сербской девушки Анджи Петровичевой из Белграда. Я сказал, что письмо горячее, патриотическое; что с аннексией Боснии, если будет признана державами, для сербов потеряно все. Когда их раздробят политически, им останется только броситься в войну и погибнуть. И что ни у одного народа нет такой готовности умереть за свой народ, как у сербского.

Л. Н. ответил, что это будет так (готовность умереть), что это отмечают и газеты.

— Подумаю завтра, что ей ответить,— сказал он.

Л. Н.: Я сегодня прочел в газете: «When seems all to be lost all is won» *.

Я сказал:

— То же самое подумал и я про сербов.

Л. Н.: Можете ей написать, что мы говорили по поводу ее письма, что, когда внешнее потеряно, человек сильнее идет внутрь, к богу. К чему оно приведет (какие последствия будут) — неизвестно, но последствия могут быть только хороши [7].

Потом я рассказал о другом письме, уже втором, очень назойливом, высокомерном, самоуверенном пастора-немца; обращает Л. Н. в протестантизм [8].

Л. Н.: Им еще труднее, чем католикам. Откинули толкование отцов церкви, а оставили чудесное, не имеющее разумного смысла; незачем было огород городить. Каждого оставить верить по-своему. Характерно, что он такой же изувер-ложновер,— пояснил Л. Н.

15 октября. Вчера вечером Софья Андреевна уехала в Москву. Л. Н.— верхом с Владимиром Григорьевичем. Здесь С. А. Стахович.

---

* «Когда кажется, что все потеряно,— все выиграно» (*англ.*).

За обедом Л. Н. сказал, что сегодня внимательно прочел газеты («Слово» и «Новое время»), и, обращаясь ко мне:

— Кажется, будет война.

Я: Не дай бог!

Л. Н.: Именно не дай бог! Сербский архимандрит Дмитрий призывает к войне. Австрийский посол отозван из Петербурга.

Софья Александровна: Сербский королевич едет в Петербург. Где-то было заседание о сербских делах, где говорили Маклаков, Милюков... Начинаются заискивания, любезничания со стороны сербов, как перед той войной, а после войны — холодность.

Л. Н. сказал, что есть такая распространенная мысль, что войну затевают, чтобы отвлечь внимание от внутреннего положения.

Николай Николаевич: Теперь России нельзя воевать, финансовые дела плохи. И военных запасов нет.

Владимир Григорьевич: Недавняя война истощила военные силы и снизила престиж. Можно ожидать массовых отказов от военной службы. Я думаю, русское правительство не решится на войну.

Л. Н.: Неполитичной была бы война со стороны правительства, она была бы в ущерб правительству.

Разговор был прерван получением телеграммы московского студенчества; желают прислать депутацию. Л. Н. думал, что по поводу студенческих волнений, и полагал себя обязанным принять их, поговорить с ними. Но, по газетным сообщениям, эта депутация — поздравительная, и Л. Н. ответил ей отказом, ссылаясь на то, что и другие депутации не были приняты [1].

Л. Н.: Я желал бы избавиться от этого. Волнительно, беспокойно и бесполезно. Мне студентов более жалко, чем военных людей. Такая у них путаница в голове. Это самовнушение. Им в их возрасте кажется важно то, что неважно. Гипноз толпы... Я этого гипноза толпы совсем не испытал.

Разговор вернулся к грозящей войне. Л. Н. спросил Софью Александровну, кто такой Извольский. Она знает его, рассказала. По внешности — настоящий дипломат; он очень умный. Л. Н. спросил, кто был раньше министром иностранных дел. Разговор об А. М. Горчакове.

Л. Н.: Я его знал. Был приятный, был очень приятный. Малого роста.

На вопрос, как он познакомился с ним, Л. Н. ответил:

— Я был офицером (после Крымской войны), меня ему представили.

Вспомнили Берлинский конгресс и что Горчаков был уступчив, как и Шувалов.

Владимир Григорьевич: Шувалов жаловался, что Горчаков ему портит. Он, Шувалов, был в ладах с Бисмарком и мог одно-другое вымочь. А Горчаков уже был из ума выжившим стариком, уступал.

Л. Н. (*ко мне*): Почему сербы так противятся присоединению Боснии и Герцеговины к Австрии? Что потом и их заберут?

Л. Н. сказал, что он легкомысленно продиктовал (ответ сербке) и что поправит.

Л. Н.: Австрия — это образец государственной нелепости, потому что даже одной нации нет (как во Франции, Италии), а странная амальгама.

16 октября. У Л. Н. был Чертков. Вечером винт. Уезжала С. А. Стахович. На этот раз была очень проста и разговорчива с Николаем Николаевичем и со мной. Вчера с Софьей Александровной, Александрой Львовной, Варварой Михайловной рубили и собирали дрова в Абрамовской посадке и привезли два воза. (Я ездил по больным.) Сегодня дамы ездили с Ваней туда же собирать.

Вечером разговор об этой посадке, которую сажал Л. Н. лет 40 тому назад. Л. Н. сказал при этом о земле, что крестьянин, обрабатывая, ковы-

ряя ее, с десятины получает шесть-семь рублей в год, а если она под лесом, в 50 лет даст 500 рублей, кроме того — ежегодно хворост.

Опять были разговоры о возможной войне Сербии с Австрией. Я рассказал свои соображения о том, что происходило бы на юге в Австро-Венгрии, в славянских войсках, среди румын, мадьяр: погромы евреев и помещиков. Л. Н. сказал, что войны, вероятно, не будет, будут компенсации. Уже говорят о свободном проходе через Дарданеллы.

17 октября. Владимир Григорьевич выписал И. Д. Сытина, чтобы ему поручить издание нового «Круга чтения», и привел его в пять вечера. Пробыли до 7. Днем был Евгений Иванович у меня в лечебнице, ходит с неделю. Пришел почитать новый «Круг чтения». Ему показалось странным, что в нем не будет художественных недельных чтений.

Николай Николаевич: Я просто считаю, что художественная форма ниже в сравнении с простым изложением мысли. «Ягоды» [1] не на одной доске с остальным.

За обедом Л. Н. с Сытиным. Сытин высказал опасение, что новое издание старого «Круга чтения» запретят в Москве — Гершельман, строгая цензура; потому он повезет стереотипы в Петербург и там напечатает.

Владимир Григорьевич: Новый «Круг чтения» проредактирует для цензуры Хирьяков. Он знает, что́ не пройдет.

Л. Н.: Мне приятно, что Иван Дмитриевич не робеет.

Сытин: Было бы грешно.

Л. Н.: «Кругов чтения» будет три. Тот, который будет общедоступный, тот будет смирный. Мне кажется, что это («Круг чтения») — очень важное. Всегда, о чем пишу, мне кажется важным.

Л. Н.: Я читал в газетах, как в Петербурге запретили евангелическое собрание (там присутствовала мать Черткова и пашковцы). Написал об этом И. М. Трегубов.

Владимир Григорьевич рассказал, что у них погрызла собак, вероятно, бешеная собака.

— Или вы не думаете, что есть бешеные собаки? — спросил он Л. Н-ча.

Л. Н. ответил, что верит, только иногда (погрызанные собакой) заражаются, а иногда не заражаются.

Л. Н. рассказал, какие письма получил: из Полтавы отказавшегося Шнякина — шурина Кудрина [2]. Из Владивостокской тюрьмы с 150 подписями: «Великому писателю и бунтарю».

Вечером винт; Л. Н., Александра Львовна, Варвара Михайловна и бывшая учительница Сухотиных Н. М. Степанова, которую барышни сегодня привезли из Тулы.

18 октября. Утром я передал Л. Н. письмо, которое он четвертого дня продиктовал как ответ сербке по поводу аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. Л. Н. принялся за обработку, и пополудни разрослось в четыре раза. Л. Н. был заинтересован письмом. Как раз в сегодня полученном номере «Нового времени» вторая часть статьи Меньшикова «Поменьше фраз» [1].

— Тут,— сказал Л. Н.,— все есть о Боснии, Сербии (статистические данные).

Поговорили о Боснии и об ответе сербке; Л. Н. хочет его еще переработать. Л. Н. (в кабинете в кресле, Николай Николаевич и я около него) о языке дипломатическом:

— Что такое аннексия, компенсация? Компенсация — на это русского выражения и нет. Это как если бы вы, Николай Николаевич, у Душана Петровича взяли пять рублей, я бы у него взял еще два рубля, зачем? Извольский спроста проговорился — Михаил Александрович мне об этом говорил,— что Россия в компенсацию получит проход военных судов через

ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ БЛИЗ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ПАРКА
Ноябрь 1908 г.
Фотография В. Г. Черткова
«Ездил с Александрой Львовной в Тулу... Между столбами и первым мостиком обогнали гуляющего с понурой головой, усиленно думающего Л. Н. с палочкой-сиденьем в руке». — Запись от 8 декабря 1908 г.

Дарданеллы. Никому это не нужно. Он (свободный проход) должен быть для всех, не только для России. Я очень желал бы хорошенько написать (письмо сербке), если бы мне удалось это ясно выразить. В статье Меньшикова все об численности народонаселения есть, читал и в Брокгаузе.

Молчание. Л. Н. взялся за «Круг чтения». И, протягивая руку к нему, сказал:

— Это интереснее.

Сегодня, кроме того, что написал ответ сербке и ответ Булыгиной, просмотрел и поправил 72 отдела, т. е. шесть раз по 12 дней «Круга чтения», или 720 мыслей.

За обедом: Чертков, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Гусев. По поводу того, что рассказывал Л. Н-чу Сытин, как жгли его типографию, в которой работало 1200 человек [2]. Разговор о декабрьском восстании в Москве. Гусев показал ему картинки в «Искрах» того времени. Л. Н. смотрел с интересом [3].

Л. Н.: Я Сытину не хвалил его «Искры». Картины слишком грубого содержания.

Гусев раньше рассказал, что стражник, который теперь у нас, при его (Гусева) обыске прочел статью Л. Н. и с тех пор читает Л. Н-ча. Он рассказал, как на австрийской границе пропускал контрабанду. Было ему выгоднее. За накрывание получал вознаграждение в год десять рублей, а за пропускание сто рублей.

Л. Н. (*Николаю Николаевичу*): Вы бы это написали.

Александра Львовна: Я пойду писать.

Л. Н.: И я пойду писать.

Александра Львовна: Тебе нечего.

Л. Н.: У меня свое.

19 октября. Воскресенье. Утром возвратилась Софья Андреевна. Александра Львовна повезла Л. Н. в Телятинки. По пути к Ясной Поляне распрягся жеребец Лучший. Л. Н. выскочил с больной ногой из саней и подержал его (жеребец очень горячий), пока не пришел на помощь мужик и не запряг его.

Вечером пришел Ярцев, революционер 70-х годов, товарищ Лизогуба, которого Л. Н. описал в «Божеском и человеческом» как Светлогуба. Около часу беседовал с ним Л. Н. в кабинете. Приятный, простой, глуховатый. Когда мы остались одни — Ярцев, Гусев и я,— Ярцев разговорился о западных народах, сравнивая их с русскими.

— Наша школа лучше в том отношении, что она менее патриотична, менее пакостит,— говорил он.— Там жизнь пустая — в рамках, обычаи вошли в веру, консерватизм. У нас живая перемена: взгляды наши, что́ считаем хорошим, что́ дурным, иные, чем взгляды наших родителей.

Вечером с Чертковым в шахматы. Л. Н. писал письмо сербке. Вечером мне прочел часть его сам, часть я прочел вслух. Софья Андреевна привезла Л. Н. из Москвы газеты 1886 и 1887 гг. для его художественной работы [1].

Между утренними прохожими были двое ищущих работы и письменно обращавшихся к Л. Н. о помощи. Л. Н. им дал так, как всем:

— Не могу делать исключений, войдите в мое положение.

20 октября. Утром приехали Сухотины. Л. Н. спросил Михаила Сергеевича про сербские дела.

Михаил Сергеевич: Как бы не втянули Россию в войну! Война — это будет крах России.

Л. Н.: Я заглянул в газеты и читал, что все довольны, что Россия не признает аннексии.

Михаил Сергеевич: Именно. Австрия может требовать: признай — или война.

Л. Н.: Я по случаю этого прочел об Индии (в Лексиконе), что́ там делается, как англичане мошенничают! Раньше была в войске одна десятая англичан, теперь — одна треть. Сипай обходится в четыреста рублей, английский солдат — в две тысячи рублей в год. Земля принадлежала царькам, теперь — Англии. Ни один индус не имеет земли. Должен за нее платить англичанам.

Потом говорили о смерти окулиста Крюкова, актера Ленского, драматурга Потехина.

Л. Н.: Потехин умер? Как же, я его знал [1].

За обедом: Владимир Григорьевич, Надежда Павловна. Л. Н. рассказал Черткову, что́ сегодня делал:

— Поправлял письмо сербке, по слабости своей восхищался «Кругом чтения», но чем более занимаюсь, тем более вижу, что в России он не пройдет. Не пропустят его; немыслимо.

Владимир Григорьевич: Тем более пойдет в других государствах.

Л. Н. говорил, что думал о том, как можно было бы посылать отделы «Круга чтения» в ответ на письма. Владимир Григорьевич высказал готовность издать «Круг чтения» и такими отделами.

Л. Н. разговаривал с Марией Александровной. Танечка стала что-то крикливо рассказывать матери.

Л. Н. (*ей*): Не кричи.

И она сейчас же стала говорить тихо, как всегда.

Вечером шахматы, винт.

Л. Н. (*ко мне*): Что это вы читаете?

— Смотрю спиритическую газету из Бостона «The Herald of Truth».

Л. Н.: Ах, спиритизм! Когда по преданию верят в глупости, то оправдание есть. А когда вновь выдумывают, это ужасно.

Л. Н. продолжал писать письмо сербке и сказал, что очень захватил его государственный и анархический вопрос, и очень желал бы, чтобы ему хорошо удалось написать. Сегодня читал «The Free Hindusthan» № 7 с интересом:

— Англичане как мучают индусов! Там сообщается, как англичане секли Вивекананду до крови — в молодости, наверно,— «flogged him till he bled» за то, что он рассказал заключенным с ним вместе о том, как его преследовали.

Я спросил Л. Н., кончит ли Письмо к индусу». Л. Н. забыл про него и не знал, где оно. Решил кончить. (Будет шесть писем о национальном, политическом, государственном вопросе: Здзеховскому, Ку Хун-мину, Сенкевичу, Моравцу (продиктованное мне), Андже Петровичевой и индусу Дасу) [2].

Николай Николаевич припомнил Л. Н., что во время болезни, кроме «Письма к индусу» Л. Н. продиктовал ему шесть страниц о науке (начало трактата) [3].

21 октября. Ночью сгорели надворные постройки у Чертковых. Сгорело много «Соединения и перевода Евангелий», «Учения Христа для детей», «Царства божия», старые издания «Посредника», «Библия» Сэндерленда и много других книг, а также ценных фотографических вещей. Коллекция вырезанных из газет изображений Л. Н. и карикатур за много лет. Там же оригинал картинок Бем: параллельно богатый и бедный ребенок.

Мария Александровна поехала домой. Она рассказала о болезни жены сторожа. Л. Н. послал ей три из своих набрюшников. И поговорил со мной о ней — видно было, что желает, чтоб я ее навестил.

Вечером Цингер. Л. Н. привел, встретив его со старостой и бумагой, Льва Рыжего. Его арестовали в Подольске и водворили в Ясенецкой волости.

За обедом Л. Н. говорил про студента-философа Боброва (?) из Орла, бывшего у него утром и читавшего ему дневник. Л. Н. долго беседовал с ним. Самоуверен, философствует, открывает Америку, которая давно уже открыта, и даже не ту.

Потом спросил Цингера, знает ли Челпанова, про которого говорил Л. Н-чу этот студент. Цингер рассказал о нем обстоятельно, что он провозглашает какое-то одухотворенно-материальное начало, наполовину духовное, наполовину материальное.

Л. Н.: Что-то совсем недопустимое.

Говорили об искусстве. Цингер про Художественный театр, про какие-то стихи, картины декадентские.

Л. Н.: Мне кажется, что в наше время этот знаменатель — самоуверенность, который губит все. Вот эти художники всяких родов очень мало понимают, что нужно большее напряжение во всех мелочах.

Татьяна Львовна принесла свои пастели: череп, белые цветы и портрет француженки. Л. Н. перед первыми недоумевал, не узнавал цветов (что это за цветы и зачем около черепа). А о портрете француженки сказал:

— Хорошо написано; мне только не нравится, что она слишком красива.

Л. Н. (не при мне) рассказал, что был на пожаре у Черткова. Загорелось на чердаке над спящими, еле выбежали и вывели лошадей. У одной грива загорелась. Там стоял народ, слышен был благовест. Л. Н. спросил, зачем звонят. Один старик злорадно ответил: «А в церковь богу молиться».

— Какой мрак! В том-то и наше призвание, его рассеивать. Только его слишком много — embarras de richesses *,— сказал Л. Н. (Записал со слов Варвары Михайловны.)

Шахматы, винт. Л. Н. стал с азартом играть. Неделю тому назад, когда были М. А. и С. А. Стаховичи, начал играть с ними, уставший, не желающий разговоров. И продолжал играть каждый день.

22 октября. Не было гостей. Дома Сухотины, Надежда Павловна, Чертков. За обедом Л. Н. читал статью Молочникова о бабидах,— нехороша. Л. Н. с Чертковым говорили о писателях Эртеле и Чистякове, жившем одно время у Чертковых. Об Эртеле Л. Н. говорил довольно одобрительно, но заметил, что не имеет чувства меры, преувеличивает.

Л. Н. слышал от Гусева, что мне понравился фельетон Меньшикова об умершем Потехине [1]. Л. Н. сказал, что он его не читал, но желает прочесть.

— Потехин, я его знал,— старик. Он был подобен Островскому, только ниже его,— сказал Л. Н.

Разговор о немецком студенте-философе, швейцарце, бывшем недавно, месяца два тому назад, у Л. Н.; о том, как швейцарцы мало интересуются серьезными вопросами. Татьяна Львовна иллюстрировала примерами. Л. Н. ему говорил, что Канта не ценят. Он о Шопенгауере знал только, что тот пессимист, что советует отказаться от жизни и кончать самоубийством.

Л. Н.: Я им (швейцарцам) благодарен за Руссо и за Амиеля. Как Амиеля мало ценят! Удивительная глубина! Важно не знание, а что̀ нужнее и что̀ менее нужно. Теперь количество знаний такое большое, что можно всю жизнь учиться и остаться дураком.

Владимир Григорьевич рассказал Л. Н., что П. А. Сергеенко просил у М. С. Сухотина статью о Л. Н. в свой альманах. Михаил Сергеевич написал «Лев Николаевич и Тульское шоссе», и там его отзывы о революционерах, которые могут раздражить старые раны. Владимир Григорьевич тогда сказал Михаилу Сергеевичу, что этого приводить не следует. Владимир Григорьевич написал Сергеенко, чтобы тот смягчил выражения, выпустил кое-что, что̀ Сергеенко и сделал и послал статью в таком виде Михаилу Сергеевичу. Тогда Михаил Сергеевич отказался печатать ее в альманахе и сообщил причину Сергеенко. Сергеенко сказал об этом Владимиру Григорьевичу, который к словам Михаила Сергеевича приписал свои замечания. Теперь их Михаил Сергеевич и Татьяна Львовна читают. Владимир Григорьевич сказал Л. Н-чу, что он это сделал, чтобы не обидеть революционеров; что было время, когда Л. Н. был раздражен против них и резко о них выражался.

Л. Н. не возражал Владимиру Григорьевичу и сказал, что он всего того, что о революционерах говорил, не написал бы. Во-первых, говорил необдуманно, а что писал, то обдумал бы. Второе, несправедливо печатать отрывочные его суждения, слова, тогда надо бы печатать все его разговоры в их связи.

После обеда Л. Н. вынес роман Эртеля «Гарденины» [2] и показал место, которое Михаил Сергеевич прочел вслух.

Шахматы, винт.

23 октября. Л. Н. катался верхом, за ним, на расстоянии, Александра Львовна с Михаилом Сергеевичем в розвальнях. Осмотрели дом Чертковых. Михаил Сергеевич сказал, что это образец того, как не должно строиться толстовцам: все первый сорт, отделка великолепная. В смысле пожара опасно. Сквозняк, и нет в такой громадной постройке каменной преграды. Перна рассказал, как горели надворные постройки. Чердак в один миг

---

* затруднение из-за большого выбора (*франц.*).

вечером загорелся вследствие сквозняка, и не было по всей длине ни одной перегородки. Мужики говорят о причине пожара, что загорелось от лампы, оставленной на чердаке кем-то ходившим за сеном.

За обедом разговор об ожидаемых сегодня или завтра Ольге Константиновне с детьми, которые в сопровождении Димы приедут из Англии. У детей коклюш. Разговор о том, может ли зараза передаться через третье лицо. Татьяна Львовна решила, что, когда Чертков будет приходить, не подпускать к нему Танечку.

Михаил Сергеевич читает бирюковскую биографию, хвалит ее хороший, серьезный, спокойный тон — не слащавый, как воспоминания С. Т. Семенова в «Вестнике Европы» [1].

Софья Андреевна упрекала Павла Ивановича за то, что много у нее взял, и свою сестру упрекала в том же, и даже в том, что нехорошо поступила, описывая, например, как Л. Н. сам ее, Татьяну Андреевну, катал в коляске, а это он ее, Софью Андреевну, катал [2]. Больше не даст читать своих записок, сказала Софья Андреевна.

Л. Н. сказал, что хочет дочесть «Гарденинных».

После обеда Гусев отозвал Л. Н. в кабинет. Вернувшись, Л. Н. рассказал, что нужно было в «Круге чтения» на место выпущенных, ненужных мыслей вставить новые:

— И как это легко сделали сейчас благодаря «Своду». Что Чертков для меня делает! Тридцать шесть огромных томов «Свода» — систематизированных мыслей из писаний, писем, дневников. Если бы я того стоил!

Михаил Сергеевич спросил, знает ли Л. Н. лично Боборыкина. Л. Н. сказал, что знает, и ушел. Михаил Сергеевич рассказал, что, когда Боборыкина выбирали в члены Академии, Л. Н. сказал о нем: «Если бы у меня было десять шаров, все отдал бы за него. Он умеет писать».

Л. Н. возвратился и подхватил последние слова, сказав:

— Вот кто умеет писать: герой Душана Петровича *. Я читал его статью об умершем Потехине, еще не дочел.

О картине Крамского «Иисус оплеван» [3] Л. Н. выразил движением головы, что не одобряет — не то... Крамской как настоящий художник почувствовал, что ошибся или не по силам ему, и бросил. Л. Н. рассказал, что картина неоконченная, огромных размеров, находится в семье Крамского. Л. Н. картину знает.

Л. Н. продолжал о Меньшикове:

— Он дело хорошее делает, какая-нибудь родственница просила его напомнить в печати о картине и предложить ее музею. Он цену две тысячи, какую предложил музей, находит смешной [4]. Мужику не смешна.

24 октября. Утром приехала Ольга Константиновна с детьми и Димой. Л. Н. верхом, Софья Андреевна с Александрой Львовной в санях ездили пополудни к Чертковым встретить их. За обедом Чертковы, отец и сын. Когда Л. Н. рассказывал про Ольгу Константиновну, выступили у него слезы на глазах.

Л. Н. рассказал, что в «Слове» два раза читал: на каком-то заседании кто-то хотел читать про него, ему запретили; что хотел читать его защитительную речь на суде над Шибуниным, его остановили [1].

— Ужасно подумать! — сказал Л. Н.

Татьяна Львовна хвалила Фаресова и предлагала прочесть вслух статью Фаресова о крестьянских союзах и т. п.

Л. Н. вспомнил, что́ ему С. Т. Семенов говорил об общине крестьян (Нижегородской губернии), которые осуществили проект Генри Джорджа: землю соединили в одно и положили за нее плату, и ее отдают на подати, а если превышает, раздают по рукам.

---

* Т. е. М. О. Меньшиков.

— У крестьянства,— продолжал говорить Л. Н. Татьяне Львовне,— или ведут себя по преданию, или свободно относятся ко всему.

Дима рассказал про капитана Уайта, приехавшего в Токтонгауз. Хочет бросить военную службу, начитавшись Л. Н-ча, застенчивый человек.

Л. Н. думает, что получил письмо от провокатора из Петербурга: просит книг запрещенных. Получил сочувственное, серьезное, умное письмо от японца 23 лет, студента из Токио. Получил книгу немецкую «Christus Monist» von Diesing. Он социалист; пишет, будто несомненно доказано, что вечной жизни нет и что религию можно как полезную часть социализма использовать — и которую часть? — «Откровение» [2].

Николай Николаевич говорил, что Л. Н. сказал какому-то интервьюеру, что у русского человека нет уважения к закону и потому русские чиновники такие плуты.

Софья Андреевна говорила о Санине.

Л. Н.: Там главное, что никакого воздержания не должно быть.

25 октября *. Л. Н. говорил, что получил ремингтованное письмо — это характерно — крестьянина-социалиста [1]:

— Он читал мои сочинения во времена революции, тогда не писал мне, потому что был занят делом: пропагандой социалистических идей. Разбивает вдребезги мои взгляды и настаивает на том, что самое важное — знание экономических законов жизни, что землю надо отнять у помещиков и отдать трудящимся. Кому и как это сделать?

Л. Н.: Сергей Терентьевич очень интеллигентен стал.

Л. Н.: Я думаю, что недовольство жизнью есть уже первый шаг к самоубийству.

Л. Н. говорил, что читал «Слово»:

— Скучно. Весь номер — пошлые, однообразные статьи. Это обратная сторона газет, а положительная, светлая — то, что все делается известным человечеству, что́ творится на всех концах мира.

С вечерней почтой Л. Н., между прочим, получил экземпляр «Книги скорби», изданной Союзом русского народа имени архангела Михаила, с 29 некрологами убитых революционерами русских людей и с надписью пером: «Вот когда надо сказать «Не могу молчать» [2].

Л. Н. с Михаилом Сергеевичем просматривали молча — между убитыми знакомые Михаила Сергеевича. Присутствующий Чертков тоже молчал.

Л. Н., получив увещевательное письмо, сказал:

— Увещевательные письма мне всегда приятны.

Л. Н.: Для меня непонятно это затмение, что для блага людей можно убить Столыпина или казнить революционеров.

Сегодня утром околела Белка, старая сибирская лайка, очень умная и когда-то сильная; была любимой собакой Л. Н. Разговор о ней. Л. Н. на утренней прогулке заметил ее, лежащую в снегу, кто-то накрыл ее ковром; Л. Н. подошел к ней, окликнул ее, она повела ухом.

Л. Н. получил благодарственное письмо от двух чехов [3], книжку стихотворений Сватоплука Чеха [4] и номер журнала «Кветы» с его исповедью [5], и сочинения чешского астронома Зенгера [6]. Его новая теория о законах гравитации заинтересовала Л. Н.; желал бы прочесть книгу, если б она была на более понятном для него языке.

26 октября **. Были: М. В. Булыгин, Андрей Львович с Екатериной Васильевной, Чертков.

Л. Н. рассказывал, что получил письмо от американца, который утверждает, что он, Толстой, был не прав, когда рекомендовал Брайана в президенты [1].

---

* Переписано с черновых записей на 4-й день.

** Переписано с черновых записей на листках на 3-й день.

— О Брайане меня спросили и напечатали ответ [2]. Его не выбрали,— сказал Л. Н.

Михаил Сергеевич: Стало быть, Лев Николаевич проиграл.

Л. Н.: Американец пишет, что Брайан — методист, верит в бога, а Тафт не верит, надо было его поддерживать. (На днях телеграфное сообщение, что большинство избранных выборщиков — за Тафта.)

Еще Л. Н. рассказал про письмо Новикова. Желал бы приехать, поговорить с Л. Н. Из намека можно заключить, что он желает, чтобы Л. Н. поместил его сыновей в какую-нибудь школу его имени или помог им получить стипендию [3]. Л. Н. пожалел об этом; было ему странно, что Новиков, так же как С. Т. Семенов, хочет воспитать детей барами.

Кто-то: Все этого хотят.

Л. Н. сказал о Новикове, что он замечателен тем, что основательно знает — умственно — христианское учение, и что он выше профессоров.

Раз, года полтора тому назад, Л. Н. сравнивал его умение писать с меньшиковским.

Л. Н.: У меня невестка — теософка. Что такое теософия, не знаю. Им, очевидно, нужно суеверие.

Л. Н.: И это мне утешение, хотя маленькое, что, когда вспоминаешь свою военную службу, тогда мне та сторона убийства не приходила в голову. К нам на батарею приходили французы, мы ручки друг другу жали, говорили, а у меня два орудия, заряженные картечью.

Л. Н-ч Булыгину о воинственности маленькой Сербии (из-за аннексии Боснии Австрией):

— Посылает королевича в Петербург. Готовится к войне, говорит речи (Радован-Кошутич в Москве и Петербурге) и не думает, что эти речи сделают то, что матери потеряют сыновей, жены — мужей. Никакого — ни нравственного, ни умственного — оправдания (вызывать им войны) нет. Это народ, у которого есть назарены.

Вечером разговор о том, что в «Новом времени» 24 октября известие, что три хорватских офицера, просившие перевести их из южной австрийской армии в северную, чтобы не участвовать в войне с братьями-сербами, были приговорены к смерти и расстреляны.

Разговор о столкновении братьев-офицеров Коваленских с шофером, дворниками и городовыми: застрелили двоих.

Л. Н.: Поразительно...

На Кавказе в его время все носили кинжалы, но Л. Н. никогда не слыхал, чтобы к ним прибегали.

Л. Н. негодовал, как и о чем Александр Столыпин пишет. Кто-то объяснил это тем, что он иногда любит выпить и что он свои «Заметки» в «Новое время» строчит в пять минут.

М. В. Булыгин рассказал, как его 14-летний Миша прибежал из Богородицка, из сельскохозяйственного училища, домой и в тот день не мог от волнения сказать, почему. Только успокоившись, на другой день, рассказал, какое там ужасное распутство среди учителей и учащихся: вино, ругань.

Л. Н. рассказал Михаилу Васильевичу о только что полученном письме от Ку Хун-мина. Пишет, что в конфуцианском учении нет места для бога, а есть нравственное учение, которому китайцы повинуются; и, несмотря на то, что беднота, голод и отсутствие помощи, в Китае преступлений очень мало. В Шанхае, где он живет, много иностранцев (в их квартале), там полиция есть, и ее численность почти такая, что равняется численности полиции во всем Китае вместе.

— Я этому верю,— сказал Л. Н.— И мы бы могли так жить, если бы у нас не было извращенного христианства с его законами.

Ку Хун-мин прислал Л. Н. две книги: «The Universal Order, or Conduct of Life. A Confucian Catechism» by Ku Hung Ming. Shangai, 1906. «Great Learning (of Higher Education)».

Л. Н.: Книга о Конфуции хорошая.

27 октября. Л. Н. спал с 12 до 10.30 утра крепким сном и не помнил, что с ним было. Вероятно, обморочное состояние ночью, во сне. Не узнает письмо сербке, которое пишет, и не помнит, зачем он его писал. Никакой работы переписывать не дал. Должно быть, ничего не работал или художественную вещь писал. В 2 часа лег в постель: слабость, сильно знобило. Пульс около 70, неравномерный и слабый. Перебоев не было. Встал в 6.30 вечера. С самого утра до вечера ничего не ел. Приехали, но не видели Л. Н-ча Д. Г. Янчевецкий, востоковед, сотрудник «Нового времени» и Е. А. Липеровская, директорша учительской семинарии в Москве. Янчевецкий передал привет от православных японцев. Софья Андреевна, как услышала, что он сотрудник «Нового времени», уже по этому одному решила не допустить.

Николай Николаевич в Москве, Чертков сегодня не приезжал. Утром Л. Н. выходил и говорил с ломинцевским мужиком, попавшимся за нелегальную литературу.

Пока мы — Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Михаил Сергеевич — обедали, Л. Н. сидел в кресле, ноги подняв на подставку, и сам заговорил по-французски, чего я в четыре года, как здесь живу, не слыхал, о том, что les domestiques * чувствуют envie **, прислуживая за обедом господам. Л. Н. часто высказывался, что ему совестно, что лакеи прислуживают, но никогда не говорил этого при них. Раньше, когда Софья Андреевна при прислуге заговаривала по-французски, Л. Н. не поддерживал ее французского разговора, а отвечал по-русски или молчал, чтобы не обижать прислугу, чувствующую, что речь о них.

Татьяна Львовна с Софьей Андреевной говорили про кухарку у Сергея Львовича, которая до 23 лет не говорила.

Л. Н.: Приятная женщина!

Татьяна Львовна: И мы будем. Когда скажешь: «Расскажи что-нибудь, Таня», буду молчать.

Софья Андреевна сегодня очень беспокойна за Л. Н., как никогда. Старательно и особенно нежно ходила за ним.

Л. Н. вчера совсем кончил новый «Круг чтения». Январь можно переписывать начисто. Решил его назвать «Учение о (смысле) жизни. Чтение на каждый день» [1].

Разговаривали о Екатерине Васильевне и об Ольге Константиновне, жалея обеих. Екатерину Васильевну за то, что теперь в ней поднимается материнское чувство к брошенным детям.

Л. Н.: Нашему брату, мужчине, непонятно, как из-за такого сокровища можно детей бросить.

Разговор продолжался.

28 октября. Л. Н. спал до 9.30. Свежее, чем вчера; нога опала. Пополудни сидел на скамейке между домами. Приехала Елизавета Валерьяновна, вернулся Николай Николаевич из Москвы. С 3 до 7 Владимир Григорьевич. Я ездил к заболевшим Ольге Константиновне и детям. Л. Н. справлялся о них. После обеда Николай Николаевич с Л. Н. о письме бессмертника, с убежденностью написанное, длинное, простое. «С тебя взыщется, ты не поверил»,— пишет он Л. Н-чу.

Л. Н.: Это письмо трогательно тем, что он верит в мои взгляды.

---

* слуги (*франц.*).

** зависть (*франц.*).

Разговор о «Гарденинespecially» и других писаниях Эртеля.

Л. Н.: Подробности хороши (художественные), но недостает правдивости и чувства меры.

Татьяна Львовна заговорила о какой-то повести Тургенева, что ее теперь не напечатали бы и не читали бы, что она растянута. Л. Н. заметил, что это из слабейших его вещей, помнит ее.

Л. Н.: У Тургенева описания природы хороши, и у него, что̀ народ говорит, — верно. Но он принимает au sérieux * влюбление и придает ему значение. Вообще художественное описание — пустое писание.

Получена книжка И. Айвазова «Кто такой Лев Толстой». Книжка — наполовину ругань, наполовину цитаты: там лучшее, что написал Л. Н., сгущено. Она напечатана в 30 тысячах экземпляров и несколько недель распространялась «правыми». Потом из-за цитат признана вредной и конфискована. В ней нарисован с православно-патриотической точки зрения религиозный облик Л. Н. и государственный: Л. Н. как порицатель патриотизма, цивилизации, сеятель либерализма, социализма, атеизма. Эта книга издана книгоиздательством «Верность» в Москве в связи с постановлением Московской городской Думы о чествовании 80-летия Толстого. Цена 5 к. Она послужила причиной конфискации II тома «Биографии» Бирюкова.

Николай Николаевич рассказал, что, когда делали обыск в «Посреднике» (арестовали II том «Биографии» Бирюкова), то полицейский говорил про Л. Н.: «И славу он нажил, и жизни он хорошей, но почему же он ругает богородицу?»

Л. Н. сказал о листке, который ему прислал Хирьяков и который жалел, что потерял: письмо православных людей к Синоду о том, почему его отлучили. Письмо милое, доброе, в конце желают ему, чтобы богородица его опекала.

Александра Львовна рассчитала с тяжелым сердцем Григория Павлова, однорукого садовника, за то, что обсчитывал ее. Так готовилась и долго не могла. Все ее еще расстраивали, рассказывали, какое трудное дело — отказать служащему, особенно Михаил Сергеевич. За обедом об этом шла речь.

Александра Львовна: Григорий Павлов ревет.

Татьяна Львовна говорила, что ее сторож в Овсянникове построил себе дом и собирается уходить весной. Она его спросила, зачем ее оставляет. Мирон Егорыч ответил, что он не уйдет, век ей хочет служить. Татьяна Львовна не знает, как это понять.

Л. Н.: Это приличие так требует.

Л. Н. лежал на кушетке. Мария Александровна говорила с ним. Л. Н. говорил ей, какое временами бывает у него высокое духовное состояние сильной любви ко всем, тогда ему хочется в этом состоянии умереть, перейти к богу. И спрашивал Марию Александровну про это состояние у нее. Она ему сказала, что у нее бывает то же самое, особенно во время болезни.

— А вы не ропщете, что тяжело?

— Бывало, когда была мирским человеком: на прислугу, доктора злилась, даже стен не могла видеть. А теперь состояние духа такое кроткое, смирение нападает, удивительная любовь.

За столом в одиннадцатом часу Л. Н. с Марией Александровной:

— Как бы мне хотелось высказать свой взгляд Андрюше на его жизнь. Но высказать любовно.

Софья Андреевна: Не нужно. Только раздражишь его.

А Л. Н. остался при своем:

---

* всерьез (*франц.*).

— Непременно хочу поговорить с ним, не осуждая и не оскорбляя его.

29 октября. Уехала Елизавета Валерьяновна. Приехала Ю. И. Игумнова из Льгова, где у Л. Ф. Анненковой кончала картину: Л. Н. верхом. Я ездил в Крыльцово.

За обедом: Сухотины, Чертков, Юлия Ивановна, Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна и Н. Н. Гусев. Разговор о Михаиле Львовиче, ночевавшем в гостиной и кричавшем во сне. Разбудил почти всех.

Л. Н. говорил, что Максим Ковалевский, принявший «Вестник Европы» от Стасюлевича, просил его в январский номер рассказ В. С. Морозова с несколькими строками Л. Н-ча.

Николай Николаевич рассказал про Леонида Андреева, получающего тысячу за лист, что он, по словам вчера бывшего студента Русова, говорит: «Пока я молод и пользуюсь славой, пишу, чтобы сколотить денег на старость».

Л. Н.: Это уж едва ли.

Софья Андреевна: Ты никогда столько не получал.

Л. Н. (*шутя*): И какое мое положение!

Л. Н. удивился тому, что Морозову за его рассказ в «Вестнике Европы» Стасюлевич так мало дал, 39 р. Разговор продолжался об Андрееве.

Л. Н.: Мне нужно больше усилий, чтобы снисходительно отнестись к Горькому, чем к Андрееву.

Разговор про Шаляпина.

Л. Н.: Пение — ни женское, ни мужское — на меня не действует. Както я чувствую человека, и ее и его.

Разговор про Арсеньева, сотрудника «Вестника Европы».

Л. Н.: Не помню, видел ли я его.

Я напомнил Л. Н., что они вместе сидели в Казани в карцере, и Арсеньев описал их разговор. И Гусев вспомнил, что Л. Н. там осуждал историю, как ее учат.

Л. Н.: Какие были времена! За непосещение лекций сажали в карцер. Это был такой профессор истории Иванов, мой величайший враг. Он настаивал, чтобы меня посадили за то, что я не посещал его лекций. Потому я так разошелся против истории [1].

После обеда шахматы с Владимиром Григорьевичем. Сегодня Л. Н. писал почти весь день письмо к сербке, но, как мне сказал, оно будет статьей, а не письмом. Поручил мне написать ей это.

30 октября. Я весь день с больными. Утром приехала Н. Н. Ден, сестра С. Н. Толстой. Серьезная, приятная. Утром уехал в Москву Михаил Сергеевич. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна.

Л. Н. рассказал, что ездил с Чертковым к своему другу Андрею Маслову (60-летнему мужику), больному водянкой. На его взгляд, умирает. Сегодня-завтра помрет. Очень слаб. Говорил, как он легко ожидает смерти, и что просил Черткова сфотографировать его, что Чертков и сделал.

Я вчера был у Андрея Маслова, и он меня просил сказать Л. Н., что болен и чтобы он его посетил. «Он непременно приедет», — сказал он. Так и случилось. А. Маслов, ученик Л. Н., после — вор.

Л. Н. о разговоре с Досевым: Досев читал ему стенограмму суда над отказавшимся. Судья говорил: «Толстой хорошо пишет, но нельзя его слушать». Потом священник начал уговаривать его, ссылаясь на Ницше.

Николай Николаевич: А Иван Вазов упрекает вас за то, что вы против цивилизации.

Л. Н.: Очень хорошее письмо от того шведа (бывшего недели три тому назад); и приглашает меня в Швецию, чтобы защищать распространителей шведского перевода «Солдатской памятки» [1].

ЗИМОЙ В ДЕРЕВНЕ ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Фотография В. Г. Черткова
1908

Вечером Л. Н. хотел прочесть вслух письмо сербке, но почему-то не прочел. Беседовал с Н. Н. Ден.

Юлия Ивановна заговорила об околевшей на днях ее любимой лайке Белке. Необыкновенно красивая была. И о том, что помощник садовника ее ободрал и кожу продал. Отсюда разговор перешел на меха, одежду, кожаную обувь, перья на шляпах. О том, можно ли из шерсти или бумаги готовить такую теплую одежду, которая заменила бы меха. Л. Н. сказал, что вегетарианство в одевании не менее важно, чем вегетарианство в питании. Странно: дошли до такого совершенства меховых вещей, а вместе с тем остались птицы на шляпах.

Н. Н. Ден рассказала про какую-то сходку, где Маклаков говорил о Боснии, о славянах, и высказалась в том смысле, что хорошо было бы единение хоть между славянскими народами. Л. Н. не одобрил, а сказал — первое, что надо, это христианское мировоззрение, из которого вытекает христианская любовь, которая не разъединяет людей, а соединяет их.

31 октября. У Л. Н. вид слабого, ходит сгорбленный, с трудом. Гуляет около дома. Вечером нога очень отекшая. Писал статью о Боснии. Вечером винт. Был разговор о царях, и Л. Н. говорил о своих впечатлениях:

— Николай Павлович — величественен; Александр Николаевич — симпатичен (не лицом, а освобождением крестьян); Александр Александрович — чуждый, грубый, нечуткий; Николай Александрович — ничтожный. Не знаю, не возраст ли мой этому причина, что так сужу о последних.

2 ноября *. Л. Н. ездил верхом по лесу. Вечером у него мальчики. Первое в этом году занятие с ними. Читали новый «Круг чтения». Хорошо пересказывали. Л. Н. продолжает занятия. Продолжает читать «Гарденинных».

* Это число переписано мною через пять лет.

Татьяна Львовна говорила про статью «Н. С. Лесков в последние годы своей жизни» Макшеевой («Русская мысль», октябрь):

— Читаю про себя. Лесков меня за губернатора замуж выдал [1].

— Он чуть не губернатор,— сказал Л. Н. про М. С. Сухотина.— И если не губернатор, то потому, что он слишком хорош.

Говорили о Лескове.

— Он производил на меня впечатление очень сильного человека,— сказал Л. Н.

О каком-то писателе Л. Н. сказал:

— Он хорошо знает народ, но нет у него чувства меры, а когда этого нет, это значит, что выдумывает. Если начну преувеличивать, то я уже выдумываю. Восприятие — то же творчество. Художник залезает в душу читателя и заставляет его думать, что он так же бы действовал и страдал, как тот, кого описывает.

3 ноября. Л. Н. верхом, Александра Львовна на санях. Утром у Л. Н. был Д. Г. Янчевецкий, едет в Персию.

Вечером школа четверть часа. Л. Н. второй раз занимался с мальчиками. Читал им Евангелие и «Круг чтения». Намерен продолжать.

За обедом Владимир Григорьевич и Дима. Владимир Григорьевич показывал какую-то статью из «Times».

В ремингтонной Л. Н. говорил с Владимиром Григорьевичем и Димой о пропаже у Чертковых. Л. Н. советовал лучше всего не запирать вещей — внушить доверие. К Софье Андреевне приходили грецовские мужики внести аренду и просить продать им тамошнюю землю по 200 р. Софья Андреевна пошла спросить Л. Н. и возвратилась с известием, что Л. Н. просит ее исполнить желание мужиков. Татьяна Львовна, Александра Львовна в один голос то же. За обедом Л. Н. говорил, что читал газеты, и там о 75-летнем юбилее офицерства Милютина, бывшего военного министра. Ему теперь 95 лет. Пишет воспоминания, бодр. Л. Н. вспомнил:

— Милютин не знает, что он был тот, который меня побудил ехать на Кавказ.

Они (Толстые) были дружны с младшим его братом Володей, который объявил им, что бога нет. И Милютин приехал в офицерском мундире и с шашкой и казался им героем.

— Это была Даргинская экспедиция, в которой он участвовал, и это меня прельщало [1],— сказал Л. Н.

Л. Н. (*о Милютине нынешнем*): Я понятия не имею, какие его взгляды.

Л. Н. рассказал, что утром был у него Д. Г. Янчевецкий. Был в Китае, православие в Японии его интересует. А мне вечером Л. Н. о нем сказал *, что он поверхностный, озабочен величием России.

— Патриотизм — это внушение суеверия; предание, не соответствующее нынешнему сознанию (русских людей). Величие России! Все выгоды его в том, что финляндцы нас ненавидят, кавказцы нас ненавидят,— сказал Л. Н.

Л. Н. сегодня кончил статью «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» и отдал Черткову. Вспомнил о Шкарване, чтобы ему ее послать для перевода.

Прощаясь в 11.15, после винта, Л. Н. сказал:

— Прощайте все, добрые люди.

Л. Н.: От Лебрена получил письмо; пишет, что случились с ним две неприятности: женитьба (к весне будет жениться) и покупка земли (купил четыре десятины) [2].

---

* Когда я завел речь о китайском адресе из Шанхая к 80-летнему юбилею (напечатан в «Русских ведомостях» 30 октября), заметив, что он и адрес австралийских джорджистов, по-моему, самые лучшие приветствия.

Татьяна Львовна: Женитьба еще не случилась, это впереди, этого сам хочет.

Л. Н.: Бывает часто так, что хочет угодить...

4 ноября. Вечером Ф. А. Страхов, приехавший на всю зиму к Чертковым заниматься «Сводом», Досев, Мария Александровна. Л. Н. спросил Федора Алексеевича, кого видал в Москве. Тот ответил: «Горбунова». С него перешла речь на его сына «Льва Николаевича Горбунова-Посадова-Толстого», как он себя называл маленьким. Когда ему было 12 лет, говорил: «Я буду ярым революционером», а теперь, когда ему 15, говорит уже: «Я не революционер».

Татьяна Львовна рассказала про восьмилетнюю девочку, у которой были десять томов Шерлока Холмса и десять томов Нат Пинкертона, прочтенных. Восхищалась ими и говорила, что она будет сыщицей. Владимир Григорьевич говорил, что Шерлок очень интересен, он его читал. И передал русский рассказ, который он читал в английском переводе, под названием «Русский Шерлок Холмс». Выследил преступника в канаве, увидел его жалкое лицо, пожалел его и ушел.

Страхов привел рассказ Авиловой «Без привычки».

— Это случилось у тебя,— сказал он, обращаясь к Владимиру Григорьевичу.— Помещик следил, кто рубит лес, увидел бабу с грудным ребенком — она в промежутках кормила его,— усовестился и, крадучись, отполз, чтобы не напугать ее.

Чертков вспомнил, как Хилков наткнулся на беременную бабу в своем лесу; это сильно подействовало на его нравственное перерождение.

Л. Н. рассказал, что утром была баба по политическому делу. «Ни в чем муж не виноват»,— говорила она. Л. Н. заметил по этому поводу, что теперь много таких личностей в народе, жегших одно время усадьбы.

Федор Алексеевич (*о Никифорове*): А вы давно не видели Льва Павловича?

Л. Н.: Давно, а желал бы видеть. Он во мне оставил впечатление близкого человека.

Владимир Григорьевич сказал, что никогда не мог понять, почему Никифоров — близкий. Последовал разговор о Льве Павловиче.

Л. Н.: Как личность он вызывает уважение.

Говорилось про умершего на днях великого князя Алексея Александровича, четвертого сына Александра Николаевича. Что он был виновником плохого состояния, а потом и гибели русского флота и казнокрадом. Л. Н. не высказался о нем.

Л. Н.: Янчевецкий о Китае. Он подтвердил, что у них голод, конституция, никаких властей, полиции. У них только есть нравственный закон.

Л. Н. про открытку от крестьян из киевской тюрьмы: они судятся за убийство семьи Островских. «Мы по вашему учению поступили, потому что у них были деньги, а у нас их не было. Защитите» и т. д. Л. Н. было, видимо, тяжело недоразумение, тем паче, что в газете читал — им грозит повешение.

Софья Андреевна решительно стала утверждать, что они правы, когда пишут, что они ученики Л. Н., что он тому учит. Л. Н. стало еще тяжелее от этих слов, и Софья Андреевна, видя его огорчение, перестала трещать. Николай Николаевич заметил:

— Письмо это настоящее, но чувство — поддельное.

Федор Алексеевич и я указали, что это подделка: ни одного сердечного слова и нарочно испорченное правописание.

Сегодня Л. Н. учил мальчиков. Разговаривал с дочерью полицейского. Винт до 11.15.

5 ноября. Уехала Мария Александровна. Приехал Алексей Колесниченко из Самары. Пополудни беседовал с Л. Н.

Л. Н. (*о Колесниченко*): Он полон любви, весь под влиянием Добролюбова. В Самаре прожил полгода с братьями, работая с ними и веруя с ними. Его вера не есть довольствие пониманием нового мировоззрения, а как верит, так и живет. Блаженная его жизнь.

Приехал Сергей Львович. Вечером Л. Н. с Владимиром Григорьевичем и со мной в кабинете — о том, как бы устроить так, чтобы его новейшая, уже совсем законченная статья «О присоединении Боснии и Герцеговины» возможно скорее появилась, пока вопрос о Боснии обострен. Л. Н. выразил желание, чтобы в славянских газетах статья была напечатана в тот же день, что в английских и немецких.

Владимир Григорьевич: Раньше, чем через две недели со дня рассылки ремингтонных копий, невозможно.

Владимир Григорьевич хочет, чтобы в один день появилось в больших газетах на разных языках, а то большие газеты не перепечатывают. Благодаря его организации новые статьи Л. Н. стали известны большому кругу читателей.

Л. Н. с 7 до 8 вечера читал вслух «Гардениных»; винта не было.

6 ноября. Утром был портной из Петербурга. Колесниченко присутствовал при разговоре. Портной читал сочинения Л. Н., но только одно направление рассуждений принял (против правительства, церкви). Рассказывал, как спорил со священником,— тяжело было за него. Пополудни Л. Н. катался с Владимиром Григорьевичем по полотну брошенной железной дороги — рельсы и шпалы сняты — между станциями Рвы и Судаково.

За обедом, торжественным, с шампанским (день рождения Танечки) Чертков, Колесниченко, Юлия Ивановна, Сухотины и домашние. Умерли на днях 82-летний крестьянин Резунов по прозвищу Курзик — бондарь, потом Пелагея Федоровна (теща С. Н. Румянцева — повара). Теперь остался старше всех яснополянских — Л. Н.

Л. Н.: Получил письмо: спрашивают меня, какая моя любимая английская поэма. А у меня никакой нет. Мое любимое английское сочинение — «Давид Копперфилд» [1].

Владимир Григорьевич рассказал Л. Н. про сочинение Шелли «Mask of Anarchy»:

— Сильно о государстве: «Вы не сопротивляйтесь, когда будут на вас наступать войска, вы стойте смирно» [2]. Удивительно в вашем духе. Вы не читали, не знаете Шелли?

Л. Н.: Я бы не сказал, кто Шелли, но знаю, что он мне близок.

Л. Н. получил какую-то итальянскую книгу, говорил, что в конце ее стихи Горького; смысл их тот, что выше человека ничего нет [3].

Вспоминали про кумыс, про похмелье от него. Софья Андреевна говорила, что в Самаре все уходили в степь пить кумыс, напивались до веселья-пьяна, и ей одной приходилось исполнять всю домашнюю работу.

Колесниченко с 9 до 10 у Л. Н. в кабинете.

В передней Л. Н. начал говорить о сегодняшнем занятии с детьми. Рассказывал им о любви, о духовной жизни и заметил, что в них работа идет.

— Ты говорил о любви, а как же различить любовь? — вставила Софья Андреевна.

Л. Н. объяснил ей, что такое истинная духовная любовь.

Колесниченко прочел Л. Н. стихи Александра (Добролюбова) о любви. Понравились. И еще прочел песни. Л. Н. сказал, что он против рифмы, что это нарушение закона слова. Мысль искажается, и поэтому он не любит стихов.

А. М. ХИРЬЯКОВ И В. Г. ЧЕРТКОВ В МАСТЕРСКОЙ И. Я. ГИНЦБУРГА У СКУЛЬПТУРЫ ТОЛСТОГО

Петербург, 1908

Фотография

На переднем плане (справа) сам скульптор

Потом начал говорить о самарских братьях, что он радуется и опасается, как бы там не была только форма. Спросил о молчании (которого они придерживаются).

— Это молчание,— сказал он,— никак не понимаю я. Трудно для меня. С очень близкими людьми я никак не могу молчать. Если кто молчит — думаю, он осуждает меня, недоволен.

Затем Колесниченко объяснял Л. Н-чу, как молчание понимать. Л. Н. согласился.

О Добролюбове спрашивал, кто его родные; вспомнил о первом свидании, как ему радостно было. Начал говорить, что он все больше и больше против мистики становится теперь и против познания бога. Не то что понятие уничтожить, а самое слово — надо признать его только как непостижимое. Чистота китайской жизни потому — что исповедуют учение Конфуция, Лао-тзе, сущность которого в том, что главное здесь — жизнь, дела, любовь, а познание бога невозможно. Затем Л. Н. расспрашивал Колесниченко об отношении его и Добролюбова к половому вопросу.

Колесниченко напомнил о портном и сказал, что ему с ним было тяжело, потому что он внутренней стороны книг Л. Н. не разумел, а только отношение к правительству, церкви. В городе встречал таких людей, и самое трудное бывает — наружное принимать.

Л. Н. удивился его словам, что он раньше курил и бросил. Его жена согласилась даже идти в деревню.

Л. Н. сказал про детей, что они говорят только одни слова, у них это еще только наружное; внутренняя работа начинается только у того, который спросил — что значат эти слова. Наружное пусть пока остается. Мистического ничего не нужно.

Л. Н. опять сказал, что чувство это туманное, что нужна только борьба со своими недостатками, любовь к людям. Опять о молчании.

Колесниченко: Есть арабская пословица, что нужно говорить, если слово лучше молчания [4].

Л. Н. согласился, но повторил, что он с близкими людьми не любит молчать.

Вступил Чертков и сказал, что взрослые парни желают поговорить с Л. Н.

Л. Н.: Я так стесняюсь, что робею даже перед детьми: теперь занимаюсь с детьми. А перед взрослыми совсем робею.

7 ноября. Л. Н. получил письмо от Хэйга (Haig) с советами, из которых ему нравятся как натуральные: есть только, когда хочется, и ограничиться двумя repas *; пить меньше жидкостей, 30 унций в сутки (около пяти стаканов), что Л. Н. как раз и делает. Хочет попробовать по его указаниям есть и пить.

Сергей Львович играл на фортепиано.

Вечером разговор про Хэйга, сочинения которого есть в яснополянской библиотеке. И Л. Н. прочел их. Л. Н. говорил, что ночью была у него сильная изжога. Магнезию, уголь, лепешки из магнезии и буры принимал, ничего не помогает.

— Так хорошо,— прибавил Л. Н. — «Круг чтения» мне помогает. Человек плакался, что он без обуви, и рядом с ним в мечети — безногий. В мои годы изжога — слава богу, что нет паралича.

Сергей Львович говорил про Московскую городскую думу, где он гласным; про электрический трамвай, обошедшийся в 8 миллионов (бюджет 30-миллионный). Говорил про дом Черткова и кто и зачем его сжег: подрядчик — за то, что Чертков грозил взыскать неустойку за неготовность к сроку. Л. Н. говорил, что получил сегодня письмо просительное от поджигателя: он прежде поджигал помещиков по приговору и убедился по книгам Л. Н., что поступал неправильно.

Сергей Львович, у которого осенью тоже сожгли стога, говорил, что кругом в Чернском уезде, у всех помещиков сожгли их,— видимо, организация.

Был разговор про Desjardin, Л. Н. желал бы его читать. Потом говорили о Суворине. Чертков не знал, что он был учителем в школе Л. Н. У Л. Н. спрашивали про него, какой он человек. Л. Н. сказал:

— Он человек добрый.

8 ноября. Приехали И. И. Горбунов, С. Д. Николаев, Мария Александровна. За чаем Л. Н. сказал, что С. Т. Семенов рассказывал ему — где-то в Калужской губернии крестьяне оценили всю надельную землю, сколько какая стоит, обложили по стоимости налогом и деньги отчасти употребляют на подати, отчасти делят между собой. Признали, что земля общая, и завели у себя «единый налог».

Л. Н. признался, что он поступил по-детски, когда писал Столыпину о введении единого налога, и что сделается это помимо правительства.

Л. Н.: Я продолжаю удивляться Столыпину, членам Думы, как они из-за славы людской не поднимут этого вопроса о едином налоге. То, что они говорят теперь в Думе о земельном вопросе,— пустые слова. Все это нужно только для того, чтобы разочаровать народ в его ожиданиях. Крестьяне не думают теперь о бывших дворовых, о фабричных — они хотят, чтобы вся земля даром досталась им одним. Благодаря революционной деятельности Бобринские говорят, чтобы земля осталась у помещиков, а крестьяне — чтобы отошла крестьянам. Недавно,— продолжал Л. Н.,— я говорил с Василием Михеевым. Как только я сказал: земля

---

* приемами пищи (*франц.*).

должна быть ничья, божья, его лицо просияло, а как сказал, что нужно будет обложить, он: «Да, да», но видно, что только из учтивости. Они (крестьяне) хотят сделаться помещиками.

Сергей Дмитриевич: В Рязанской губернии земский начальник внушает крестьянам выход из общины так: «Будете панами, торопитесь выходить, пока этот закон существует».

Л. Н. возмущался этим законом, вводящим земельную собственность и разрушающим общинное землевладение.

— Они делают это при условиях, когда рядом стоят люди, говорящие: «Вы делаете это, разоряя нас», а они все-таки это делают. Тут главное — не вмешиваться в дела других людей. Требуя свободы для себя, оставлять и других делать свободно, что они хотят. Если существуют люди, которые признают за собой право насилием заставлять людей поступать так, как они считают хорошим, так будут другие люди, которые будут заставлять других поступать по-своему. Так нам вмешиваться туда нечего.

С. Д. Николаев напомнил Л. Н., что он одно время допускал, что только правительство может ввести единый налог. Л. Н. не помнил этого.

Татьяна Львовна негодовала на пустые разговоры в Думе по аграрному вопросу, главное — безучастные, незадушевные. Сказала, что, если бы туда выбирали женщин, не говорили бы хуже. Л. Н. в последнем усомнился.

Л. Н. спросил Николаева, сколько ему лет, и, узнав, что 47, сказал:

— Как хороша старость!

Софья Андреевна: И изжога!

Л. Н.: В молодые годы и не такую изжогу имеют.

Николаев согласился и сказал, что теперь есть молодые люди и не такие *.

Л. Н.: Я спрашиваю иногда молодых людей, и завидуешь просто.

Николаев: Они начинают тем, чем мы кончаем.

Горбунов: Они лучше начинают, чем мы кончаем.

9 ноября. Воскресенье. Утром приехал А. Н. Дунаев. Вечером — Д. Г. Бурылин из Иваново-Вознесенска. Со вчерашнего дня — И. И. Горбунов. Дунаев говорил с Михаилом Сергеевичем про недовольство крестьян, про деятельность революционеров и что через года два будет революция. За обедом про речь Милюкова в Думе 5 ноября против закона 9 ноября о выходе из общины. Милюков в душе против этого закона из-за того, что он решает земельный вопрос без принудительного отчуждения земли дворянской и т. д., как хотели кадеты. Столыпин же ввел его потому, чтобы создать крестьян-собственников (на Западе самый консервативный элемент), опору правительства. Ни одному, ни другому нет дела до крестьян, а важны партийные соображения. Содержание речи Милюкова серьезное, хорошее, тон—задирающий, нехороший.

За обедом — о Художественном театре, о «Синей птице» Метерлинка. Публика уходит неудовлетворенная, поражает лишь постановка. Варвара Михайловна рассказала содержание. Пьеса написана для детей.

Л. Н.: Если бы я был помоложе, я утром стал бы писать и к полудню написал бы пьесу глупости, а все бы восхищались.

Л. Н. рассказал сегодня: один из друзей Димы справлял свадьбу, повинуясь родителям. (Старший брат, женатый, ушел из дому и мало подает.) Решили его женить на девушке старше его из Рвов, которую он никогда не видел. Он не хотел жениться (т. е. хотел соблюсти целомудрие) и приходил к Л. Н. за советом. И повиновался только воле родительской,

* «Очевидно, речь шла о расточении светскими молодыми людьми сил на служение страстям. Мои слова «есть молодые люди и не такие», без сомнения, сказаны были, имея в виду Сережу Булыгина и прочих других, которые сразу встали на путь служения долгу». — *Примеч. С. Д. Николаева в рукописи Маковицкого.*

идя под венец. Совсем по-старинному. Это Л. Н. трогает. У Чертковых устроили молодым угощение.

Бурылин, промышленник, фабрикант ситцев, основал музей, школу и читальню и приехал поговорить о них с Л. Н.[1] Он старообрядец-единоверец. Много путешествовал, иностранных языков не знает. Простой, старого покроя русский человек.

Дунаеву Л. Н. добродушно заметил, что он все русское бранит, а иностранное хвалит. Л. Н. говорил, что продолжает читать «Гарденины»:

— Все хуже и хуже. Сначала хорошо, язык превосходен. А потом — не то что в мои 80 лет, а и в молодые годы любовные похождения были мне скучны.

Михаил Сергеевич: Книжку, которую вам на днях прислал Анатоль Франс — «L'Ile de Pingouins»[2], — не советую вам читать.

Михаил Сергеевич мастерски рассказал ее содержание. Л. Н. сказал ему, что он интереснее изложил, чем там написано.

Михаил Сергеевич: Это французский Щедрин.

Л. Н.: Щедрина я не люблю.

Михаил Сергеевич: Щедринским языком, эзоповским, писано. Догадываться нужно. У нас щедринский язык имел смысл ввиду цензуры. Зачем он Анатолю Франсу?

Дунаев хвалил какую-то книгу Мирбо о путешествии на автомобиле по Франции [3].

Иван Иванович: Автомобили, кинематографы, «Синяя птица» — яркие впечатления, бешеная скачка, самозабвение, в суете куда-то стремишься.

Л. Н. (*к Дунаеву*): Расскажите мне про ваших детей.

Дунаев рассказал, что они после неспокойствия в 1905—07 годах теперь угомонились, учатся. Он их от выступления на баррикадах только тем удержал, что хотел идти с ними и стать между ними и солдатами.

10 ноября. Приехал Михаил Львович с Александрой Владимировной. За обедом Чертков. Вечером пение (Михаил Львович и Михаил Сергеевич). Удивительно хорошо пел Михаил Львович старинную русскую песню «Все я глазки себе проглядела», на мотив которой подплясывал.

Л. Н. подошел к Михаилу Львовичу:

— Ноги у тебя хороши, а плешив. Голос у тебя хороший.

И Л. Н. стал говорить о народных песнях:

— Я люблю простую музыку. Искусную, ту я стараюсь понять, а эта (простая народная) прямо душу переворачивает. Когда Гольденвейзер играет, я чувствую, что переслащивает, я чувствую господина. А в народной — тут есть чувство меры, тут есть точка, не переделана и не недоделана, как раз сколько нужно.

Л. Н., чтобы не разговаривать (был усталый) и чтобы все-таки доставить удовольствие присутствующим, пробовал читать вслух «Гарденинных». Хвалил народный язык:

— Эртель играет им, этого языка уже нет.

Видно было по голосу, как устал и как ему трудно дается чтение и что читает по обязанности. Скоро кончил.

Владимир Григорьевич на днях и сегодня плутал — замело дорогу. В начале 10-го торопился домой. Одетый вышел на лестницу, слушал пение Михаила Львовича, не мог оторваться. Как он любит музыку!

Л. Н. говорил (и давал читать Владимиру Григорьевичу и другим) про «Zvěsti» («Вести») — чешско-русскую газету. В ней статья Поссе о Л. Н. (о том, что значит для него Л. Н.) [1] и письмо Льва Львовича о славянском национализме, кончающееся тем, что он сторонник его и в этом враг своему великому отцу.

Л. Н. (*мне*): Получил письмо из Венгрии — справляют какой-то юбилей и спрашивают мое мнение о Венгрии. У меня никакого нет. Я ответил бы им — но некогда,— что меня интересует род человеческий, а не Венгрия.

Это газета «Magyar Hirlap» устраивает анкету в рождественском номере о Венгрии. Л. Н. написал на конверте, что хочет ответить, но раздумал. И ни Гусеву, ни мне не поручил ответить [2].

Вечером винт. Юлия Ивановна беседовала со мной. Я ее уговаривал писать воспоминания о Л. Н. Не систематически, а то, о чем живо в данное время вспоминала. Она жалеет, что не делала наброски с Л. Н-ча [3].

11 ноября. Пополудни уехал Михаил Сергеевич с Татьяной Львовной, с Варварой Михайловной и Александрой Владимировной в Таптыково. Ночью приехал С. М. Сухотин.

Л. Н. ездил верхом на Делире на козловские дачи: по опушке на Ливенцово, шоссе, Кудеяров колодец, на отвод к гумну. Мы с Юлией Ивановной за ним. На шоссе Л. Н. сам слез и сел на лошадь с кучи щебня. Л. Н. в валенках, полушубке, рукавицах; какой он ловкий! Делир ведь довольно часто не дает садиться.

Л. Н. сидит на лошади, как прикованный к седлу, но сгорбленный, так что правое плечо высоко, левое — низко. Так, как он сидит у стола пишущий. Л. Н. сидит у стола странным образом, как если бы он садился ненадолго. Правая рука и локоть на столе, левой руки только пальцы на столе, запястье и локоть висят.

Пополудни, в час, Л. Н. позвал меня в кабинет и расспрашивал о Венгрии, чем она выдается. Я рассказал об Арани, в поэзии выразившем просто и верно душу мадьярского народа, как Пушкин — русского. Только стремления мадьярского народа не такие глубокие, христианские, как русского. Про назаренов; про характерный гимн мадьярский, в котором выражены желания мадьяр (правда, дворян-патриотов); про три места в сочинениях Л. Н., где он касается Венгрии: о музыке (чардашах) в «Что такое искусство?»; об Эмме в «Воскресении» и об угнетении народов в Венгрии в двух политических произведениях Л.Н-ча [1]. Л. Н. мои рассказы о мадьярах не удовлетворили и не заинтересовали. Только то ему было приятно, что среди них есть назарены.

Л. Н. сказал мне, что уже получил два отклика на его письмо в газетах, чтобы к нему не обращались за денежной помощью и об искании мест, работы. Полемизируют.

— Не выдержал, грешный человек, одному ответил,—сказал Л. Н [2].

12 ноября. Л. Н. гулял осторожно, потому что нога больше отекла. До завтрака слабость и сильная изжога. Вечером говорил мне, что ничего не работал, только написал одно письмо. Вчера — 10 писем [1]. Читал английскую книжку английской высшей церковной иерархии о буддизме в Китае, об истории его проникновения в Китай, столкновения с конфуцианством; их точка зрения очень ограниченная, но факты, приводимые ими, интересны. Книжка небольшая, с географической картой распространения буддизма.

Вечером винт. Я проспал вечер, пришел в 11.15.

Л. Н.: Как я рад, что вы пришли! Хотелось вас спросить о чем-то.

— О Венгрии?

— Нет, не буду о ней писать. Лучше in dubiis absta *.

Софья Андреевна: Ведь ты уже написал.

Л. Н.: Это о Сербии (т. е. о Боснии и Герцеговине). А спрашивают моего мнения о Венгрии.

---

* в сомнении — воздержись (*лат.*).

Софья Андреевна: Мне Сербия, Венгрия, Чехия — все одно и то же. Я их там не разберу.

За обедом Михаил Сергеевич рассказал Л. Н., что в Одессе городовой застрелил двух офицеров за то, что к нему пристали, почему им не отдает чести.

Л. Н.: Что же, был пьян?

Михаил Сергеевич рассказал коротко обстоятельства. Лицо Л. Н. сморщилось, на момент появилось страдальческое выражение.

Сегодня получен журнал «Современный мир» (ноябрь) с очерком Куприна о Толстом, о свидании с ним на пароходе в Ялте. Трогательно в нем описано, как простой народ, не знающий Л. Н., расступался перед ним, давая ему место, и признание Куприна — он высоко ценит, что живет в одно время с Л. Н.[2]

13 ноября. Сегодня ночью Иван-кучер, отвозивший гостей на станцию Козловку, привез девицу, приехавшую на Козловку. Она представилась Л. Н. как «собрат по литературе».

— Почему же он-то сам пишет, а мне советует не писать? — сказала она Николаю Николаевичу после разговора с Л. Н.

Л. Н. говорил, что получил интересную французскую книжку о цивилизации будущего J. A. B. «De la vraie civilisation». Paris, 1908 [1]. Отрицает нынешнюю цивилизацию и социализм. Еще получил очень интересную английскую книжку о Беха Улла. Хочет попросить Татьяну Львовну перевести ее. Книжка эта называется: «The Story of the Bahai Movement. An Universal Faith» by Sidney Sprague. London, 1908.

Вечером Чертков и Досев. Разговоры обыденные о разном. Я не следил за ними, потому что был не в духе.

14 ноября. Л. Н. ездил верхом, 15 верст, три часа. За ним Михаил Сергеевич с Юлией Ивановной.

Подъехав к полотну Лихвинской железной дороги около Рвов, Л. Н. увидел, как в кустах бежит волк.

— Когда я закричал, он остановился. Когда засвистел, он побежал,— сказал Л. Н.

Л. Н. близорук; узнал его, во-первых, по хвосту — не собачий, совершенно прямой, а потом по следам — прямые, когти глубоко отпечатываются.

Сегодня Чертков послал своему заграничному агенту Масси в Лондон для заграничных переводов шесть экземпляров Января новейшего «Круга чтения»: «Учение о жизни в мыслях на каждый день». Л. Н. еще будет вносить небольшие поправки.

Л. Н. (*Владимиру Григорьевичу*): В «Русском слове» читал короткую заметку, что вы категорически опровергаете слух, будто пожар был ⟨вызван⟩ поджогом, сделанным крестьянами (письмо Черткова во вчерашнем «Русском слове») [1].

Л. Н. о «Гарденинах», которых кончил читать, и об Эртеле:

— Я помню, что я всегда (и прежде) хвалил «Гарденины». Мне очень понравились.

И Л. Н. пожалел, что не мог с Эртелем о них поговорить. Он несколько месяцев тому назад умер.

Владимир Григорьевич: Он бывал у вас в Москве. Тогда много народу бывало у вас, и не пришлось вам с ним поговорить. Он досадовал на это [2]. Я писал вдове, как вы читали из «Гарденинах» вслух о ссоре. Эта часть помещена будет в альманахе его имени, который хотят издать его друзья [3].

Л. Н. говорил, что есть много писем, на которые надо отвечать. Хорошее письмо от Давыдова, отказавшегося; его посадили в сумасшедший дом. Он говорил им, что в полном рассудке отказывается служить [4].

Вечером шахматы, винт.

Нога припухла.

— Довольно много ездил, опираясь на стремя,— сказал Л. Н.

15 ноября. Ездил к родам. Была Мария Александровна. Вечером Л. Н., Татьяна Львовна, Александра Львовна, Михаил Сергеевич играли с 9 до 12 в винт «в пересадку». Л. Н. волновался, не мог заснуть до 3-го часа. До этого с 7.30 играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем, причем устал.

16 ноября. Л. Н. ездил на Делире, Чертков сопровождал на санях. Вернувшись, Л. Н. рассказал о своих поездках на Делире с Владимиром Григорьевичем:

— Я тогда так делаю: к дому сажусь в сани, а Делир бежит за санями и сегодня бежал, вдруг схватил меня за голову зубами, за башлык.

Делир бегает за Л. Н., как собака.

Л. Н. с 7 до половины 8-го, хотя усталый, занимался с мальчиками, их было 17. Читал им «Круг чтения». Вернувшись наверх, сказал:

— Чем старше, тем тупее становятся.

Софья Андреевна: А когда вырастут, совсем тупыми станут.

Л. Н.: Напротив, тогда опять понимать будут.

Л. Н. получил письмо от Шкарвана о большом успехе «Круга чтения» среди чехов, особенно среди учителей. Л. Н. порадовало это [1].

— Eppur si muove![2]* — сказал он.

Утром Л. Н. сказал, что не станет играть в винт, а вечером, когда Софья Андреевна пригласила, согласился и играл опять чуть ли не до 12 «в пересадку» — очень волнительно, интересно.

Гусев вчера передал Л. Н. сказанное вчера Досевым, что лучшие книги в мире — «Круг чтения» и «Свод».

17 ноября. Я ездил в Кожуховку к женщине после родов. Татьяна Львовна с Юлией Ивановной уехали в Чифировку.

Л. Н. (*за обедом*): Странно, что у Павла Ивановича был обыск. И в деревне, и в городе (Костроме). Он пишет, что по доносу. Причина — распространение книг [1].

Александра Львовна передала деревенские слухи, что в Крапивне часть призывных отказалась присягать и погрозила остальным, если будут присягать, перебить их. Л. Н., разумеется, не поверил. Владимир Григорьевич заметил, что революционная пропаганда в войсках очень усердно ведется.

Михаил Сергеевич говорил о взяточничестве Рейнбота и полиции в Москве и Рязани, о чем полны газеты. Описывают разоблачения, целые пинкертоновские истории [2]. Софья Андреевна распространялась насчет московской полиции. Л. Н. останавливал ее.

Л. Н.: Это не каламбур, не шутка, а действительность, что если мы не будем противиться злу, то дурные не будут властвовать. Они при теперешнем противлении властвуют.

Владимир Григорьевич вспомнил, что петербургские студенты высылают депутацию с адресом [3] и что его пригласили читать о Л. Н. Он отказался. Свободно говорить нельзя, а попасть в тюрьму из-за этой лекции не хочет.

Л. Н.: Все эти вечера, театры (в честь Л. Н.) — малую долю принимаю на себя; главное (они устраивают) — в пику правительству.

Л. Н.: Хотите получить приятное и сильное впечатление: прочтите «Бега» у Эртеля [4]. Немного притворяется, что он к этому равнодушен и с высоты величия смотрит на это. Но видно, что он страшно любит это. Он еще говорит самоуверенно о невежестве народа и о невежестве образованных людей, не знающих Добролюбова (критика). В этом мне проти-

---

* А все-таки вертится! (*итал.*).

вен. Все-таки в нем видна тайная симпатия к интеллигенции; она выражается в том, что он презрительно относится к той барыне, которая не читала Добролюбова, которая говорит: «Какой-то либерал». Я думаю, можно быть совершенно спокойным, не зная Добролюбова, Чернышевского.

18 ноября. У Л. Н. утром жар, 37,9, слаб, остался в постели. Кроме чтения писем, газет и книг, вероятно, ничем не занимался. Приехал Лев Львович, был Чертков. Я с 7 до 11 вечера был с больными.

19 ноября. Вернулись Татьяна Львовна с Юлией Ивановной из Чифировки. Был Андрей Львович. Л. Н. встал с постели, но не выходил, слаб. В «Новом времени» описание посещения великим князем какого-то учреждения, в котором директором старик Боткин. Генеральный комиссар выставки барон Врангель ударил его по лицу. Боткин не привлек его к ответственности. Л. Н. написал ему сочувственное письмо [1].

Л. Н. читал вчера и сегодня об Индии, хочет продолжать «Письмо к индусу». В Брокгаузе искал и не нашел данные о численности и составе индийской армии (сколько англичан в ней). Перечитывал прогрессивный революционный журнальчик «The Free Hindusthan» [2]. Ужасался размерам голода, унесшего в последнее десятилетие пять с половиной миллионов жизней и остановившего прирост населения.

Лев Львович заговорил о предстоящем приезде Павла Долгорукова, профессора Анучина и Звегинцева с целью устроить библиотеку в Ясной Поляне. Андрей Львович не сочувствует: «Будет рассадник революционных книг»,— и спросил Л. Н. об этом, какие книги туда войдут. Л. Н. сказал, что он им скажет, чтобы книги были нравственно-религиозного содержания преимущественно и этнографические (не географические: это описание внешнего).

Лев Львович: Исторические, беллетристические.

Л. Н.: Менее исторические, а беллетристические — которые нравственного содержания. Этнографические действуют развивающим образом, возбуждают смирение к своей жизни — что есть не одна Ясная Поляна, а Индия, Китай.

Лев Львович заметил, что еще нужны книги по естествознанию, Дарвин.

Л. Н.: Нет. Я, скорее, этих не люблю. Нынче получил письмо из Сибири от крестьянина; пишет, что бога нет, так как он читал, что морского ежа можно научно произвести [3]. Дарвин — он хорош тем, что разрушает библейскую легенду о сотворении мира.

Лев Львович сказал:

— Священники воспротивятся устройству библиотеки.

Л. Н. возразил, что нет. Священники теперь уже такие жалкие, что язык у них не повернется осудить.

Андрей Львович говорил, что земская управа — правая, не согласится на библиотеку. Л. Н. сказал, что жалко будет, если не осуществится, т. к. школа связана преподаванием закона божия, а тут, вероятно, выстроили бы помещение для чтения и приставили бы человека, который будет руководить.

Л. Н.: Религиоведение — это целая наука, для которой даже названия нет. Я этим занимаюсь.— И Л. Н. сказал, что основные истины во всех религиях одни и те же.

На днях я обратил внимание Л. Н. на статью Меньшикова о том, что грозит мировая война, и как все государства, не одна Россия, слабы, нет в них идеи, за которую воевать [4].

Л. Н. сказал, что он думает — Англия тверже, решительнее всех. Она будет отстаивать свои владения. В Германии критическое отношение к политическим речам императора показывает, что нет того единомыслия, какое было лет 30 тому назад.

Л. Н. читал в «Слове» о взяточничестве, участии в деяниях экспроприации Рейнбота.

Говорил, что «Слово» удивляется тому, что власть, которой можно карать людей, дана безответственным людям.

Л. Н.: Лева говорит, что в его книжный магазин поступают требования самые разнообразные. Одни земства выписывают революционные, другие — самые правые книги.

20 ноября. За обедом Л. Н. советовал Михаилу Сергеевичу прочесть Шопенгауэра «Диалог о религии». Книжка в русском переводе только что появилась и уже запрещена [1]. Прекрасно изложено. Л. Н. читал раньше и помнит.

Л. Н. рассказал обстоятельно о письме Салиенко — сектанта, железнодорожного рабочего из Фастова; очень интересное письмо. Он образованный человек. Посетил Кудрина в Киеве, принял шестилетнего его сына в свою семью.

Л. Н. говорил, что получил первые два тома полного собрания сочинений Эртеля и его биографию [2]. Будет читать. Вечером винт.

Разговор о смешной книге купца Поликарпова («Стихотворения купца-самоучки М. А. Поликарпова с его автобиографией». Петербург, 1908 г.) [3]. Трогательная наивность и большая самоуверенность.

21 ноября. Пятница. Вчера разговоры о Сибири. Лев Львович передавал рассказы Г. Е. Львова о непригодности почвы для посевов в Приамурье, что было напечатано месяца два тому назад в фельетонах «Русских ведомостей».

Л. Н. мало доверял им.

Лев Львович вспомнил слова Афанасия Агеева, бывшего в Сибири в ссылке: «Не там Сибирь, а тут».

Сегодня приехали П. Д. Долгоруков — 42 лет, профессор Московского университета; географ Д. Н. Анучин — 70 лет; Е. А. Звегинцев (деятель по народному образованию) и председатель земской крапивенской управы доктор Игнатьев поговорить о народной библиотеке, которую хочет устроить в Ясной Поляне Московское общество грамотности.

Л. Н. с Анучиным разговаривали о науке и поспорили. Анучин сначала возражал на все и переходил с предмета на предмет. Л. Н. горячился, потом позвал Анучина в кабинет (где, вероятно, извинился за горячность).

Когда вернулись, Анучин вел себя сноснее. Л. Н. говорил ему об отсутствии науки религиоведения, самой нужной науки.

О студентах Московского университета, бывших месяц тому назад, Л. Н. сказал, что они успокоенные, не возлагающие уже тех надежд на революцию — разочаровались в ней.

Л. Н. о диалоге «О религии» Шопенгауэра:

— Читатель почувствует глубину этих двух взглядов, религии и философии, и никак не победу одного. Защитник религии сильный.

Л. Н. припомнил, что Герцен прочел свой диалог с кем-то. Белинский ему: «А зачем ты спорил с таким болваном?» [1]. Про диалог Шопенгауэра нельзя этого сказать.

Л. Н. хочет, чтобы Московское общество грамотности дало книги в яснополянскую народную библиотеку художественные (нравственные, без воинственного, патриотического), этнографические, путешествия.

Л. Н.: То, что в религиях общего, то есть и в Коране: проповедь любви. Коран последователен. Магомет не позволяет убийства, распространения веры войнами. Мы не знаем магометанства, как магометане — христианства. А народ, у которого нет религии, не может не быть в бедственном положении. А говорят: «Лев Толстой, непротивление — это глупость». А без непротивления нет любви, а без любви нет религии.

Говорилось о присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии. Л. Н. говорил Анучину, что нам, славянам, следует домогаться внутренней свободы — тогда не будем подчинены.

Говорилось о земельном вопросе, о котором сейчас идут прения в Думе.

Лев Львович сказал, что система Генри Джорджа не годится, когда умные американцы и те ее не ввели.

Л. Н.: То, что ты говоришь про Америку,— это слабость русского интеллигента, который не умеет думать и делать сам, а только принимает то, что за границей введено.

И Л. Н. разговорился о разнице западного и русского человека. Русский человек ищет в себе, верит в добро. И Л. Н. говорил, какие письма получает от русских и какие с Запада:

— Все, что я получаю оттуда: автограф, высказать мнение о Наполеоне и т. п. Там нет жизни, конец жизни. Не видишь ничего живого.

Л. Н.: Земельный вопрос — это первый вопрос, который из политических вопросов интересует меня. Ведь его можно решить в духе русского народа. Русский народ признает, что земля не может быть чья-нибудь. Дума это игнорирует вполне. Но решен будет этот вопрос, как русский народ его сознаёт, в скором будущем. Будет решен. Дума же делает то, чего желают лишь единичные крестьяне; но не следует забывать, что вся революция держится на недовольстве крестьян.

Кто-то сказал:

— В Рязанской губернии в одной деревне обложили землю и из этого налога платят подати.

Л. Н.: Вы доживете,— говорил, обращаясь к Звегинцеву,— когда единый налог будет введен. Я не доживу.

Лев Львович возражал.

Л. Н.: Тогда зачем же революция? Ведь революция только тем и хороша, что указала на земельный вопрос.

24 ноября. Понедельник. Уехала Юлия Ивановна, погостив три недели.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Сухотины, Лебрен, Елизавета Валерьяновна, Чертковы, отец и сын.

Л. Н. рассказал про французскую книгу «Les aventures de monsieur Haps» de Max Maurey et G. Jubin, рекомендованную ему как юмористическую Хирьяковым. Рассказал ее содержание: поразительно пусто и несмешно.

Л. Н. удивлялся, как хватает духу такие пустые книги писать, печатать и как раскупают их в тысячах экземпляров.

Л. Н.: Сегодня были письма очень разнообразные. Одно — крестьянина, очень наивное: «Как надо выбирать стихи из Евангелия и соединять»? Другое: «Народ так страдает от правительства, что́ надо делать? Мне скоро пятнадцать лет, я ученица шестого класса». Третье: «Что значит рукопожатие, правда ли, что это печать антихриста?» Четвертое — о том, что чай пить вредно.

Михаил Сергеевич рассказал про описание поездки Андросова, духобора, к П. В. Веригину в Березов близ устья Оби, где был в ссылке. Какое уважение к нему. О губернаторе, о всех говорил «он», об одном П. В. Веригине «они» [1].

Разговор об Изюмченко. Он теперь сидит в тюрьме за распространение книг Л. Н-ча. О Молочникове, который за это же сидит, о его последнем письме насчет сумасшедшего соседа, как с ним поступили, т. к. доктор решил, что он симулянт [2]. О письме Шейермана, сегодня полученном [3]. Об обысках у ясенковских крестьян, друзей Димы. Становой делал вид, что их

«ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ИЗДАНИЯ» ТОЛСТОГО, ВЫПУСКАВШИЕСЯ «ПОСРЕДНИКОМ»

Москва, 1900-е годы

Формат книжек 12×9 см, цена 1 ½ — 3 коп.

Обложки (монтаж)

«Л. Н. говорил Ивану Ивановичу, чтобы он продолжал издавать свои новые маленькие книжечки... Их издал около пятидесяти по 20 000, теперь новое издание... Л. Н. в восторге от такого успеха и говорил, что если не умрет, то хочет поработать: «Все силы приложу на этом поприще народных рассказов для le vrai grand monde (истинного большого света)».— Запись от 19 марта 1909 г.

арестует; отнял у одного «Соединение и перевод четырех Евангелий» и «Исповедь», у другого — то же. Л. Н. говорил о письме Буланже про Зороастра [4].

Читали в лексиконе о парсах [5]; их нравственные положения очень высоки.

Л. Н., вспоминая о них, где и как живут, вспомнил об их способе хоронить покойников: «Тело выставляют на башню в пищу хищным птицам».

Владимир Григорьевич: Хоронят, как свободники (духоборы), которые выносят тело в лес и следующему за ними полисмену объясняют, что они должны волков накормить.

Лебрен — о жизни парсов и других кавказских народов и персов в Персии, что они честные, как вообще магометанские народы.

Л. Н.: Общественная внешняя честность там больше, чем у нас; так же и в Китае.

Николай Николаевич заговорил о письме женщины, которая грозит вскоре покончить самоубийством, если ей Л. Н. не ответит на ее вопрос.

Л. Н.: Говорят, я психолог. Но самоубийства я не понимаю. Никогда не был в таком состоянии [6]. Мне ясно, что это делается из-за каких-то

очень неглубоких чувств. Ведь если подняться в область свободы, так все это отпадает.

Разговор о свободе воли.

Л. Н.: Люди некоторые еще не дожили до этой потребности бога. Если до нее дойдут, тогда не надо будет рассуждать, спорить о слове *бог*.

Л. Н. (*о И. К. Дитерихсе*): Жозя — оригинальный, спокойный человек.

Л. Н. (*о патриотизме*): Не знаю, радоваться ли этому, с разных сторон получаю письма, из них видно — патриотизм очень падает, и Пуришкевич тому много содействовал. Совсем нет того (прежнего) патриотизма, большинство людей к этому совсем равнодушно.

25 ноября. Л. Н. поздно начал работать, но работалось ему неплохо.

Приехали М. В. Булыгин и Чертков. Я ездил к больному. Лебрен рас сказал мне, что, когда меня не было, Булыгин говорил Л. Н., что читает Лескова и приходит к заключению, что в его время люди были честные и самоотверженные. Лесков изображает директора пажеского корпуса при Николае Павловиче, каких теперь уже не встретишь [1]. Сравнивая с теперешними людьми, видишь, что произошел страшный упадок нравственности в людях. Л. Н. долго молчал, потом сказал:

— Переставились... Из этого сословия перешли в крестьянство. Вот те люди, которые теперь отказываются от военной службы, они в крестьянстве.

Л. Н. продолжал говорить о том, будто бы в людях нравственность падает.

Л. Н.: Чертков был бы губернатором, и был бы честным губернатором, а теперь с мужиками чай пьет. Все это потому, что дискредитированы правительство и церковь.

Лебрен спросил, что ему читать из Шопенгауэра. Л. Н. сказал, что уже плохо помнит. Подумал, все-таки посоветовал: «Мир как воля и представление» и «Parerga und Paralipomena».

Винт с Михаилом Сергеевичем, Татьяной Львовной, Александрой Львовной и Софьей Андреевной.

Когда массировал живот Л. Н-чу, он заговорил про Австрию, что было бы интересно спросить австрийского государственного человека, чем они объясняют жестокое обращение со славянами.

Я объяснил германской высокомерностью, презиранием славянской расы как низшей, сознательным немечеством и католицизмом Габсбургов, историческими традициями. В России таких исторических преданий не сознают.

Л. Н. сказал, что теперь и в России хотят их пробудить, привить, но не удастся.

26 ноября. Л. Н. выходил гулять, поправлял «Письмо к индусу». Приехали П. И. Бирюков, Мария Александровна. Владимир Григорьевич привез управляющего Пашковых Козлова. Фотограф Тапсель снимал Л. Н. и Танечку.

У Бирюкова был обыск, и будут его судить за распространение запрещенных сочинений Л. Н-ча. Губернатор за это лишил его места в костромском земстве, где Павел Иванович служил по части школ. Павел Иванович говорил про деятельность губернатора и вице-губернатора. Губернатор — как Вильгельм — деятельный, вмешивается и тем беспокоит жителей. Вице-губернатор Оболенский по приказу начальства уволил со службы стражников, удалившихся бегством от угрожающей толпы и не употребивших огнестрельного оружия. Это — подчеркнул — для защиты чести мундира.

Л. Н. рассказывал про разговор с Козловым, который говорил ему про отношение крестьян к священникам.

Л. Н.: Мне не нравится, когда мужики ругают попов. Это такой трюизм. Так же и наш брат, когда ругает правительство.

Л. Н. говорил, что вчера Булыгин утверждал, будто прежде были люди лучше. Декабристы показывали на то, что дурно, сами (а не как нынче либералы — примечая только то, что введено за границей).

Павел Иванович говорил, что Ивана Ивановича и Николаева привлекают к суду за Генри Джорджа — «Да приидет царствие твое», напечатанное два года тому назад [1]. (По статье закона — за призыв к ниспровержению существующего порядка — до четырех лет каторги.) И что в Петербурге есть комитет, просматривающий все издания с 1905—1906 гг. и теперь преследующий за них издателей.

Л. Н.: Какое это суеверие, что люди — разумные существа.

Мария Александровна тут возражала.

Л. Н.: Нет, неразумные.

Л. Н. говорил сначала о том, что стоит в газетах: отец Диомидова, одного из двух офицеров, убитых городовым в Одессе, на панихиде упал мертвым, а в связи с этим Л. Н. вспомнил про женщину из Тулы, у которой городовой убил брата, осталось семеро сирот. Л. Н. написал для нее на днях письма к губернатору и прокурору [2] и спросил Надежду Павловну о случившемся. Л. Н. еще говорил о Козлове, управляющем. Пашковы продали крестьянам землю по сто сорок рублей, а цена ей — триста. Продали общине. Теперь же те, у которых семья малая и надел большой, хотят выделиться и выделяются (т. к. по закону могут — разрешает земский начальник); те же, у которых семья большая, хотят переделаться; для этого надо согласия двух третей общины. К тем, которые выделяются, нехорошо относятся оставшиеся в общине, и они, чтобы потушить эту враждебность, хотят опять вернуться в общину. И Л. Н. добавил: «Вот трогательно!»

Говорили об отрубных участках, о выделении (оно уже Думой принято), о том, что в Воронежской губернии правительство копает колодцы на шесть дворов по одному и на постройки дает по сто рублей.

Л. Н. удивлялся, что никто в Думе не обмолвился о Генри Джордже.

Михаил Сергеевич говорил, что стойловое хозяйство в России — глупо. Если были бы общие выгоны, все мужики охотно пошли бы на отрубные участки.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Михаил Сергеевич, Бирюков, Мария Александровна, Варвара Михайловна, Гусев.

Мария Александровна рассказала, как недавно к зарытовскому, а через полторы недели к кишкинскому священнику ночью явились шесть человек и увели по две коровы, лошадей, овец, кур. Священник видел, но не посмел выйти. Как смелы стали!

Бирюков говорил об обыске у него и лишении службы «заведующего народным образованием».

Винт. С Марией Александровной, Софьей Андреевной, Николаем Николаевичем за чаем. С Софьей Андреевной я любовно поговорил о ее здоровье и о другом и очень рад. С Александрой Львовной давно очень мало беседую. За массажем я рассказал Л. Н. про полученную им вчера брошюру «VIII Sjezd Slovanskjch Novinaru v Lublani, 1908. Usporădal I. Vejvara» *[3]. В ней сказано, что председатель съезда Голечек в своей речи упомянул о том, что графиня Потоцкая, вдова убитого по политическим

---

* «VIII съезд славянских журналистов в Любляне. 1908. Составил И. Вейвара».

мотивам наместника Галиции, простила убийцу своего мужа и старается, чтобы суд как можно меньше наказал его.

— Интересно, что книжка напечатана пестро, на тех славянских языках, на которых делегаты говорили, — заметил Л. Н.

Л. Н. говорил, что Поша привез «Auroge» со статьей P. H. Loyson [4]. Возражает против непротивления:

— Это мне всегда интересно. Об этом пишу в «Письме к индусу».

Л. Н. говорил, что Иван Иванович пишет: 20 книжек нового маленького формата издания народных рассказов Л. Н. издали в первом издании — 400 тысяч, во втором — 500 тысяч, а третье будет опять 500 тысяч.

— Как теперь стали произведения ума общедоступны! — сказал Л. Н.

Л. Н. заговорил о немецкой гигиенической брошюрке, о советах, как есть: хорошо жевать, малые глотки, и т. д.:

— Это все знаем; к сожалению, мало исполняем.

Привезли почту из Тулы. Толстая переплетенная книга: «New Worlds» [5]. Л. Н. наскоро просматривал:

— Это по рекомендации Моода мне автор прислал. Это социалистическое. Это я не прочту.

Михаил Сергеевич: В «Русском богатстве», в августовской книжке, статья Короленко о вас — интересна. Главное возражение, которое вам делает, — что вы описываете одних бар и крестьян, а не занимаетесь средним сословием, которое создало освободительное движение [6].

Л. Н.: Интеллигента? Но если правду говорить, он мне был всегда несимпатичен. Современники Некрасова, Чернышевский, Михайловский — они всегда были мне очень неприятны. Очевидно, не либерализм их меня отталкивал. Перед Герценом я всегда преклонялся, а здесь какая-то серединность, журнальная либеральность [7].

Михаил Сергеевич: Короленко еще возражает, что вы фабричными рабочими не занимались.

Л. Н.: Это mea culpa *.

Софья Андреевна что-то говорила и заключила:

— Жизнь складывается не по нашей воле.

Л. Н., в то время уходивший из залы, услышал, остановился в дверях и сказал:

— Великая истина.

Л. Н.: Сегодня 26-е? Через десять дней появится статья («О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии»).

Л. Н. попросил полстаканчика Эмсу, в 12 потушил свечу.

Я сегодня свободно разговаривал с Л. Н., без напряжения и без стеснения.

27 ноября. Уехали Михаил Сергеевич, Татьяна Львовна с Танечкой и няней в Москву и Швейцарию. С ними было за месяц, который прожили, очень приятно Л. Н. и всем нам. Михаил Сергеевич наблюдателен, знаток людей, добрый, с юмором и комизмом рассказывает. Татьяна Львовна — радушная, Танечка — живая.

Л. Н. в халате. Были Чертков, Бирюков, Мария Александровна; Николай Николаевич в столовой читал вслух письмо Молочникова [1].

Л. Н.: Чудесно пишет.

— Такое хорошее, что можно его напечатать, — сказал кто-то.

Бирюков: Слишком хорошее для печати. Такое хорошее, что в нынешнюю печать не годится.

Чертков говорил, что вчера пришли к нему трое рабочих из крестьян, участвовали в вечерней беседе (чтении «Круга чтения» и разговорах) и пос-

---

* моя вина (*лат.*).

ле пришли к нему и пробеседовали до второго часа. Оказались серьезными людьми, которые находили в разговоре то, что им нужно было.

Там был тульский рабочий, бывший черносотенец, теперь красный. Он возражал, что хорошо любить людей, когда сыт, и что, во-первых, нужна революция, которая все это перевернет. Говорили о боге. Бирюков вспоминал, как социалисты (Плеханов) отрицают всеми данными науки бога православного, бородатого. Этого отрицают, а внутреннего бога не знают и потому не могут отрицать. Чертков сказал, что цель «Круга чтения» — объединение религий, выразить, что общее во всех. Если прочтет «Круг чтения» китаец, скажет: это наше, и магометанин также.

Л. Н. вспомнил, вероятно, что-нибудь нововставленное в «Круг чтения» от Иоанна Златоуста:

— Иоанн Златоуст всегда хорошо говорит.

Потом Л. Н-чу показали фельетон Анучина в «Русских ведомостях» 27 ноября о посещении с Звегинцевым и П. Долгоруковым Ясной Поляны. Очень подробно. Л. Н. удивлялся его памяти, все подробности помнит. Ведь не записывал.

Кто-то сказал, что, наверно, вдвоем с Звегинцевым писали. Звегинцев ему припоминал.

Николай Николаевич: Тот не припомнил, он вдумывался вглубь. Внешнее не запоминал. Это Анучин запомнил.

Л. Н. заговорил о письме Loyson в «L'Auroge»:

— Он пишет по поводу «Не могу молчать» и возражает против непротивления. Я нигде не встретил таких ясных возражений. Я был очень рад вставить их в статью (в «Письмо к индусу»). Первое — что существует закон борьбы (за существование) Дарвина; второе — что при непротивлении злые уничтожат добрых; третье — что любовь — слишком много, что нужна не любовь, а нужна справедливость [2].

Владимир Григорьевич: Кропоткин опровергает борьбу за существование в мире животных; утверждает, что животные существуют не борьбой, а любовью. Бабочек, кроликов все уничтожают, а они существуют.

Л. Н.: Это законы животных. Им человек не подлежит, а человек непременно должен подчиняться тому закону, который вытекает из его духовных свойств.

Софья Андреевна заинтересовалась рецензией на второй том бирюковской «Биографии» в «Вестнике Европы» и «Современном мире» [3]. Там же и критика книги Овсянико-Куликовского о Л. Н. Софья Андреевна прочла вслух:

«По заявлению господина Овсянико-Куликовского, «Толстой родился с несомненным призванием к деятельности религиозного реформатора и к моральному творчеству, но «кто-то» вместо того, чтобы вооружить его соответствующими такому призванию силами и талантом, наделил его совсем иным, неподходящим даром гениального художника-психолога и реалиста» [4].

Л. Н. вставил:

— Это правда.

Когда Софья Андреевна кончила, Л. Н. сказал:

— Это, право, нужно мне — на каждую похвалу хоть одно ругательство.

Чертков: И то есть: черносотенцы ругают вас.

Чертков прощался. Л. Н. слаб, сегодня не выходил. Сказал Черткову:

— Я уже в Петербург перестал ездить. В Москву перестал ездить. В Тулу... А скоро к вам перестану ездить.

Чертков: Я надеюсь, что не скоро. Нарочно так близко поселился.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Михаил Львович с женой Александрой Владимировной, князь Вяземский, тамбов-

ский помещик, правовед (привел его Михаил Львович), Варвара Михайловна, Бирюков и Гусев.

Л. Н. (*Александре Владимировне*): Таня говорила, что у вас видела хороший французский роман. Привези мне его.

Александра Владимировна: Bazin «La terre qui meurt» — об уходе крестьян с земли в города.

Л. Н. сказал, что это его интересует, прочтет [5]. И рассказал про две французские книги, которые в последнее время читал:

— Образцы глупости. Первая — «Les aventures de monsieur Haps». Вторая — стихи декадентские. — И Л. Н. рассказал содержание первой книги до половины, прибавив: — Дальше противно рассказывать. Образец бессмыслицы, безвкусицы, выставляет смешным, что не смешно.

Потом Л. Н. говорил про Эртеля, которого читали и Михаил Львович с Александрой Владимировной.

Л. Н.: Эртель подражает Тургеневу в описании природы.

Л. Н. о стихах. Между прочим, о стихах к нему (Л. Н.) крестьянина, которые вчера получил в письме. Есть и такое выражение: «писатель массивный», и сейчас видно, почему массивный: следующая рифма — «дивный».

Софья Андреевна: Александра Владимировна любит стихи, сама пишет их.

Софья Андреевна вставила, что Л. Н. не любит стихов, а сам в последнее время все лучшие стихи Пушкина, всего «Онегина» прочел.

Л. Н.: У Пушкина стих лучше, чем у других проза. Только Пушкин может. Никакого усилия в стихах не чувствуется.

Михаил Львович рассказал, что запрещен в кинематографе юбилей Толстого.

Михаил Львович рассказал про своего друга, военного защитника, задавшего себе цель — и достигшего многого — действительно защищать, вырывать подсудимых у военного суда. Рассказывал, как приговоренных больных вылечивали, полтора года в больнице держали и после казнили.

Л. Н. это отношение к приговоренным к смерти объяснил деловым отношением (канцелярщиной бездушной). Заболел — нужно его по предписаниям перевести в больницу; выздоровел — в тюрьму; смертный приговор есть — исполнить.

Михаил Львович рассказывал, как молодой человек на суде после прочтения ему приговора вынул пузырек, приложил к губам, выпил и упал. Переполох. Вызвали врача. А он со смехом встал: «Это я вас, дураков, морочил». И подобные случаи. Они Л. Н. очень тронули, пересказывал их в следующие дни гостям.

Бирюков уехал в 9 вечера к Чертковым. За чаем Софья Андреевна рассказала князю Вяземскому (сердечный, разумный, приятный молодой человек) про письмо Л. Н. к Боткину и милый, восторженный ответ Боткина [6]. Его Гусев тут же прочел. Л. Н. был умилен ответом и вместе с тем как бы устыжен:

— Слишком похвальное, слишком сладкое, благодарное.

Михаил Львович разговорился с одной женщиной о ленточном посеве у Вяземских: двурядный на один вершок, а потом на восемь вершков расстояния от других двух рядов. Всё так сеют, кроме овса. Это не по способу Демчинского, который сеет в один ряд. Перепахивают планетами; их сразу восемь на поперечной раме лошадь тянет. Перепахивают так для влаги. У них земля суха.

Л. Н.: Пропашка — это очень важно.

Разговор о Танечке. Александра Львовна удивлялась: сколько она, трехлетняя, знает стихов. Потом о Танечке Михаила Львовича, которая в пять лет пишет дневник и говорит и пишет по-русски и по-немецки.

Л. Н. спрашивал Александру Владимировну про нее, Танечку. Александра Владимировна говорила, что она очень застенчива.

Л. Н.: Застенчивость — это хорошая черта. Застенчивый чувствует потребности других людей.

Михаил Львович спросил отца о Столыпине, не писал ли ему в последнее время.

Л. Н. ответил, что нет, что на днях хотел ему послать письмо 13-летней дочери Юшко, сосланного с Кавказа на Север; описывает, как им трудно живется без отца, и просит Л. Н. хлопотать, чтобы им отца вернули. Но Л. Н. было неприятно обращаться к Столыпину — не как к человеку, а как к министру, к его положению [7].

Потом Л. Н. говорил с Михаилом Львовичем, отвечая ему что-то в том роде, что теперь получает часто письма о боге, как прежде письма о политическом переустройстве в России.

Потом разговаривали о переписке на ремингтоне, о стенографии, о фонографах, записывании речи Л. Н. Принесли и пустили в ход фонограф — песни (для князя Вяземского).

Больше всего нравились смех Анны Ильинишны, когда пела в фонограф, песни Михаила Сергеевича (комизмом) и песни Михаила Львовича — мелодичностью и хорошим пением.

В 11 часов Л. Н. ушел спать, попрощавшись по-французски, т. е. общим поклоном, не подавая руки.

Александра Владимировна не стала читать вслух письмо Л. Н. к индусу, еще не вполне готовое.

Я зашел в гостиную подождать, когда Л. Н. ляжет. Л. Н. раздевался и поинтересовался, какое место из «Письма к индусу» читают. Прислушался у дверей.

Спрашивал меня про Александра Пётровича — серба, переводящего на сербский язык «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии».

— Сегодня от массажа не откажусь, — сказал мне Л. Н.

Михаил Львович рассказал, что в Туле двоих казнили: повесили ночью вблизи шоссе, к утру прибрали. Огромное здание тюрьмы в Туле возвышается на окраине города близ Киевского шоссе. Тюрьма в Туле рядом с огромным зданием монополии и церковью. Приезжающему с юга эти три здания бросаются прежде всего в глаза.

28 ноября. Пятница. Днем уехали Михаил Львович, Александра Владимировна, князь Вяземский.

Бирюков рассказал, как сегодня Дима Чертков вычитал в газете, что в один день семнадцать смертных приговоров (или казней); был до глубины поражен, ходил по дому с номером газеты и объявлял. Это говорил Бирюков за чаем, когда зашла речь о Диме, и присутствовавшие в один голос хвалили его за искренность, серьезность, ум. Л. Н. прибавил:

— Он самобытный.

Зашла речь о нем вот почему. Была сегодня в первый раз Ольга Константиновна и рассказала, что ее дочь Сонечка стала вегетарианкой; пришла к ней и сказала, что Дима не ест цыплят, потому что ему их жалко, и она не будет есть, и ей их жалко.

Я сегодня разъезжал, мало присутствовал при беседах Л. Н. с Павлом Ивановичем и Владимиром Григорьевичем.

Павел Иванович с юмором рассказывал про новую науку — педологию — в педагогике. Это физиологические опыты на детях; например, капают одному уксус, другому сироп на язык и фотографируют выражение лица, из этого делают какие-то заключения.

Л. Н. на эти и вообще на не одушевленные любовью занятия ученых заметил, что занятия ученых всегда похожи на то, чтобы без усилий мысли, даже без ума, достигать результатов, которые достигаются умом.

Л. Н. читает Сэндерленда о происхождении Библии. Бирюков заговорил о Библии.

Л. Н.: Как эта Библия скучна — столько раз читал, не мог ⟨дочитать⟩ до конца. Что делается с религией, когда она закрепляется книгами! Теперь мною получены были два письма: еврея и христианина о чудесах.

Л. Н.: Ни в какой области знания не творится столько чепухи, как в самой важной области — религии. Тут ужаснейшая бессмыслица.

Разговор о религиозном воспитании детей.

Л. Н.: Надо воздерживаться от каких бы то ни было ⟨религиозных⟩ внушений им и только отвечать на вопросы; иногда они бывают тяжелые, навеянные посторонними, со стороны, а надо отвечать на их искренние вопросы.

Бирюков говорил, что в «Круге чтения» нет изречений Пифагора [1].

Л. Н. высказал желание достать три тома Легге про Китай [2].

Л. Н.: Как хорошо было бы по железной дороге проехаться в третьем классе, разговаривать...

Бирюков: Еще лучше на пароходе. Только сейчас же узнали бы вас.

Л. Н.: А инкогнито непременно, а то сейчас фальшь пошла бы.

Бирюкову предстоит суд. Приехал повидать Л. Н. и проститься на случай заключения.

Л. Н.: По железной дороге хорошо, а в тюрьме еще лучше.

29 ноября. Л. Н. не выходил, гостей не было. Дома: Л. Н., Александра Львовна, Варвара Михайловна, Гусев.

Был Чертков. Софья Андреевна в Москве. Л. Н. спросил Черткова, читал ли, что́ Лева написал в «Новом времени» об издательстве «Ясная Поляна» [1], и сказал, что он написал в редакцию от себя, что не имеет ничего общего с этим издательством и не знает хорошенько, кто издатель. (У нас, в Ясной Поляне, не было во все время существования периодического издания «Ясная Поляна» ни одного экземпляра.)

Владимир Григорьевич сообщил, что Шкарван пишет, что словацкие газеты не берутся напечатать (боятся суда) «О присоединении Боснии» [2]. Я сказал, что и польский переводчик Здзеховский вчера телеграфировал: невозможно перевести (издать в Австрии по-польски). Л. Н. на это сказал, что могут выдержками печатать.

Чертков показал Л. Н. маленькую, в дюйм, библию с лупой на английском языке. Александра Львовна стала ее без лупы читать, но разболелись глаза.

Л. Н. рассказал про письма:

— Хорошо написано письмо крестьянина, убежденного революционера, 30 лет; пишет, что он максималист, убивал и не разубедился, готов продолжать. Он изувер революции, пишет, что знает мои писания, но они ему ни во что, как и православным. Письмо вегетарианца-голодоянца; ест через день.

Гусев вспомнил книжку Оскрагелло, тот советует в неделю один день не есть [3]. Разговорились об этом. Л. Н. высказался за малоедение.

Владимир Григорьевич предложил Л. Н. играть в шахматы. Л. Н. не пожелал; сказал, что вчера провел это время за Сэндерлендом и сегодня будет его читать. Там читал об обрядах:

— Как это странно: причастие, кроме христианских церковных вер, есть и в нескольких других верах, и крещение во многих.

30 ноября. Пополудни были: Владимир Григорьевич, Евгений Иванович, Христо Досев, Сережа и Ваня Булыгины. Булыгины одеты очень просто, в рабочих рубашках, подвязанные веревками, в свитках, шерстяных шапках, рукавицах, сверху брезент, внутри сукно, в валенках. Ничего на меху.

Л. Н. про письма: одно Молочникова, новое [1]. Его Николай Николае-

вич прочел вслух. Пишет про разговоры с социалистами-интеллигентами в тюрьме на тему о вреде школ. Очень живо, интересно, художественно написано.

Л. Н.: Приедет кто из Парижа, Лондона, ничего не умеет рассказать, а он сидит в тюрьме...

Николай Николаевич вставил:

— В одиночке.

Л. Н.: Только на прогулке видится с другими, а всякое письмо — новое, интересное. Я предложил ему сократить, упростить Сэндерленда о Библии [2]. В этой книге такие простые, краткие аргументы, которые можно выставить в беседах с православными.

Л. Н. поговорил с Досевым и Булыгиным. С Досевым о его некрологе Жечкова, его лучшего друга, в зоновском календаре 1909 г.[3] Досев говорил Л. Н. об «Учении о смысле жизни» («На каждый день»), как оно легко читается и усваивается; что он прочел один месяц в один присест и совсем не устал и все понял.

Л. Н. в 2 часа ушел к себе со словами:

— Меня извините, я уйду; я привык уже каждое утро от себя все вылить, и потом я уж свободен весь день.

Сегодня очень много поправлял, дополнял «Письмо к индусу». Слабость, не выходил из дому. В 4 часа Чертков вошел в кабинет, Л. Н. дремал сидя. В 4.30 спросил, где народ, и жалел, что уехали и что ушел от них. Они же уехали потому, что была метель, чтобы засветло добраться до дому.

Сегодня пополудни чая не было, отменили. За обедом Николай Николаевич говорил Л. Н. о письме сторожа из Астрахани [4].

Потом говорили о письме Гагиной, пишущей о своей школе, как читают «Учение Христа для детей», и дети понимают его. Это считается у них главным уроком, он же первый с утра [5].

Л. Н. читал Анатоля Франса «L'Ile des Pingouins» и сказал, что апробация Михаила Сергеевича и Владимира Григорьевича об этой книге верна: скучно. А английская книга «Brothers» by Horas Annesly Vachell (Edition Tauchnitz) [6] очень интересна.

— Давно у меня такого чтения не было, — сказал Л. Н.

Л. Н. встал от стола, чтобы идти продолжать читать эту книгу, со словами:

— Это я знаю, что меня там дожидается старый, хороший знакомый, приятный.

Евгений Иванович спросил, может ли у меня положить начало своей геометрии; у них не так безопасно, может нагрянуть обыск и — пропасть.

За вечерним чаем Александра Львовна рассказывала, как яснополянские крестьяне составляли приговор, что хотят земскую школу вместо церковной; и теперь священник Тихон Агафонович обещает им все то, что в земской школе: и ремонт здания, и отопление, и школьные принадлежности даром, и помощника учителя, и содержание сторожа; и хвалит учительницу, что она хорошо учит, т. е. хорошо знает все молитвы. На это староста сказал ему, что молитвы не нужны, а нужна арифметика, хорошая грамотность, и Александра Львовна в восторге от будущей земской школы. Я возразил, что земская школа будет вносить атеизм, который хуже церковного учения, основанного на зубрежке молитв, материалистическое мировоззрение и социализм. Гусев возражал на это, что именно церковность и воспитывает атеистов и что все же атеизм — отсутствие религии — лучше, чем внушение ложной религии. Не знающий религии будет ее искать, а такой удовлетворен, другой религии не ищет. Александра Львовна и особенно Варвара Михайловна возражали Гусеву, что обучением молитв внушается детям страх перед грехом.

Л. Н. слушал и сказал, что церковная школа удерживает старое, но не вводит новое политическое воззрение. Уходя, остановился в дверях в нерешимости, сказать ли свое слово, вмешаться ли, постоял и ушел к себе. Когда мы разошлись, Л. Н. пришел за газетой «Слово» и попросил еще чашку чаю, и читал до 11.45. Когда я вошел к нему, раздевающемуся, и во время массажа он говорил мне:

— Я не хотел вмешаться в ваш спор, за этим последовали бы длинные объяснения, но я скорей на вашей стороне. Они приписывают ваше противление земским школам — консерватизму с вашей стороны. Вы еще молоды, ваша национальность, воспитание еще удерживают вас, невольно заставляют вас интересоваться политическими вопросами. У меня же в моем возрасте политических мотивов нет, а есть одни религиозные запросы. Правда, в церковных школах учат религии такой, от которой народ отходит и к которой никак нельзя вернуться. Тут нужен переход к религиозному жизнепониманию, соответствующему современному мировоззрению. А выбор между церковной школой и земской равняется выбору между церковным учением и атеизмом, дарвинизмом, интересами социально-экономическими. Что за пятьдесят лет совершилось! Что теперь происходит в Китае и на моей памяти совершилось в России! В Китае еще теперь, наверно, ихнее церковное учение крепко держится, соответствует нынешней степени духовного развития народа, и тогда обучение его в церковном направлении хорошо. У нас же вопрос в том: какое учение вносит больше любви в жизнь. Несомненно — что настоящее христианское вероучение. Церковные школы или земские — несомненно, что эти вносят более раздражения и озлобления. За время Николая I не было от его деспотического правления столько озлобления, как от нынешнего конституционного государственного строя. Вы читали письмо крестьянина-революционера, третьего дня полученное?

Просто Л. Н. свел наш спор к тому: какая школа воспитывает любовнее, и что надо стремиться к такой, которая будет больше любви вносить. Старая церковная неудержима, а новая, земская, не та, она еще меньше любви вносит. А желательна вносящая больше любви.

1 декабря. Вернулась Софья Андреевна из Москвы. Я ездил в Фалдино и Упскую Гать. Вечером: Чертков, М. В. Булыгин, Лебрен. За обедом разговор о письмах. Шахматы с Чертковым. После Л. Н. показывал иллюстрированное приложение к «Новому времени» и говорил про статью «Казнь Достоевского» (приготовления к ней, описание очевидца) [1]:

— Очень интересно.

Показывал там же портрет Евгении, бывшей французской императрицы:

— Какая она жалкая старушка в нарядах. Никакой роман этого не может передать. Красавица бывшая... Жизнь, красота, влияние в мире, все это мало-помалу терялось... приближается к могиле.

Там же картина: султан едет в коляске, и сопровождающие пешие гвардейцы бегут рысью. Л. Н. это показалось таким странным, что выезду султана придают значение. По ассоциации мыслей Л. Н. стал рассказывать, чему придает значение Vachell, автор английского романа, который Л. Н. сейчас читает. Идеал мальчика: сначала быть героем в Индии, потом королевским проповедником, потом ходить по трущобам и спасать пьяниц, и вместе с тем он роскошно живет, повару платит 55 фунтов, и умный писатель убежден, что это лучшее.

Разговор перешел на какое-то сочинение о «мальчике в штанах» — немце и «мальчике без штанов» — русском, о их разговоре, шутках русского [2]. Рассказывал Михаил Васильевич, и ему нравилось. Л. Н-чу — нет.

Владимир Григорьевич стал говорить о щедринских двух генералах в рубашках и орденах на пустом острове [3].

Л. Н.: Что-то не слышно о Щедрине.

Софья Андреевна похвалила его лучшее произведение — «Помпадуры и помпадурши». Михаил Васильевич сказал, что ходил он в школу с племянником Щедрина, и тот не *любил*, когда его расспрашивали про дядю. Очевидно, дядя был l'enfant terrible * семьи и в своем романе «Господа Головлевы» описывал родственников.

Владимир Григорьевич спросил Л. Н., знал ли Щедрина, и, когда Щедрин служил в Туле, ездил ли он сюда.

Л. Н.: Нет, что-то он меня не любил. В Петербурге я его часто видал в редакции «Современника» [4].

Михаил Васильевич рассказал сказку «О потерянной совести» [5] Щедрина; Софья Андреевна, Варвара Михайловна говорили о ней, Л. Н. молчал. Наконец сказал:

— Остроумно. Но мне неприятно шуточное отношение к вопросам огромной важности.

За чаем разговор о женитьбе. Пришел Л. Н. и сказал, что он как раз теперь писал об этом письмо [6]; что ошибка — представлять себе, что от женитьбы делается жизнь легче, приятнее — напротив, тяжелее; и жениться — это надеть на себя хомут. Это только романы кончаются так: поженились и были счастливы. На самом же деле это начало новых больших страданий.

Софья Андреевна: Если это испытывают мужчины, то что же должны испытывать женщины?

Л. Н.: И женщины, еще бы.

Софья Андреевна: Но почему же тогда женятся?

Л. Н.: Потому что это потребность, которой человек не может победить.

Михаил Васильевич: Человек думает, что женитьба — рай, а это, в действительности, оглобли. В то время, когда человек не может не жениться, он, несомненно, сумасшедший.

Софья Андреевна (*Лебрену*): Вы сумасшедший?

Лебрен: Нет, но то, что оглобли, знаю и чувствую.

Л. Н.: Вот в том и дело, чтобы знать, что это оглобли. Новое тяжелое испытание, а не рай.

Михаил Васильевич очень интересно, с большим знанием и наблюдательностью над общественной жизнью пчел рассказывал о пчелах.

Разговор о декадентстве. Михаил Васильевич стал цитировать какой-то декадентский стих и говорил, что есть в нем что-то, и объяснял. Л. Н. дополнил его стих словом, над которым все, кроме Софьи Андреевны, ужасно расхохотались.

— Вы в этом видите прогресс? — сказал Л. Н. — Нелепое принятие аксиомы, что декадентство — это историческое явление, причем не рассуждать, хорошее ли или дурное. Разве можно допустить, что этот маленький кружок заблудившихся есть представитель всей Европы; эта смелость, дерзость в употреблении слов лишают слова их значения, язык перестает быть средством передачи мыслей. Это признак распадения высшего класса.

Михаил Васильевич что-то привел в их защиту.

Л. Н.: Только непосредственное мое чувство: пожимаю плечами. Кто влезет в их душу?

Михаил Васильевич сегодня был — собственно, таков он всегда — оригинален, остроумен, притом совершенно прост, правдив и, как обычно, очень оживлен, непосредственен. Очень приятный Л. Н-чу собеседник.

---

* бедовый ребенок (*франц.*).

2 декабря. Были Чертковы с Сонечкой, Лебрен. Л. Н. рекомендовал читать Диме, Анне Константиновне роман «Brothers» by Horas Annesly Vachell. Послала ему его С. А. Стахович.

Л. Н. получил немецкую статью Шкарвана: изложение статьи Л. Н. «О присоединении Боснии». Шкарван спрашивает мнение Л. Н. о ней [1].

Л. Н.: Хорошо изложено, только к концу слабо. Это и моя слабость, что (в конце статьи) мои возражения на возражения мне — слабы.

Софья Андреевна вспомнила по какому-то поводу охоту на медведя и как медведь покусал Л. Н. [2], и смотрела шрам на лбу Л. Н. Шрам там, где была граница волос — над и левее tuber ossis frontalis sin *,— хорошо виден, продолговатый, а другой шрам над sulcus alai nasi sin **, еле заметный, круглый, в малую чечевицу.

Л. Н.: Все забыл, совершенно забыл. Кто-то другой был... и медведя забыл...

Софья Андреевна вспоминала, как он говорил, что́ думал тогда: только бы глаз спасти, чтобы глаз не попал в пасть.

— Теперь вспоминаю,— сказал Л. Н.— И как скоро это произошло! Это было одно мгновение, как я увидел бегущего на меня медведя и как тот уже повалил меня и грыз. Медвежатник прибежал с хворостиной в руке и закричал на медведя: «Что ты, что ты! Бог с тобой!» — и медведь убежал.

Чертков рассказал очень интересную, трогательную историю (следовало бы ее записать), бывшую с его дядей при охоте на медведя — совсем противоположную истории Л. Н. Там раненный медведем дядя спас слугу от набросившегося на него медведя; дополз до него на четвереньках.

Л. Н. говорил с Николаем Николаевичем о полученных письмах, между иными — и о письме С. Н. Глебовой, которая, между прочим, пишет, что князь Вяземский — правовед, бывший на днях с Михаилом Львовичем и Александрой Владимировной,— писал ей, что он в восторге от приема в Ясной Поляне [3].

Л. Н. (*Гусеву*): Есть продолжение о разбойнике Савицком (в «Биржевых ведомостях»).— И Л. Н. в нескольких словах рассказал о его поведении в женском монастыре. Корреспондент замечает, что гимназисты послали Савицкому адрес [4].— Не мне одному.

Вечером Л. Н. не выходил.

Софья Андреевна с Варварой Михайловной собирали и приводили в порядок юбилейные номера газет, чтобы их потом свезти в Исторический музей. Софья Андреевна принесла один номер чешского журнала, в котором не могла найти статьи о Л. Н. Я нашел, и Л. Н. сказал:

— Я вчера получил второе письмо от сербской девушки [5], пробовал читать — как легко понять.

Л. Н. попробовал читать из чешского журнала «Zájmy Strojmistru» статейку о себе [6]; всю прочел и, кроме одного слова, все понял!

— Чешский язык интересный,— сказал Л. Н.,— слова с другой стороны освещаются. Слово «ласка» (làska) — любовь — какое хорошее.

3 декабря. За завтраком: Александра Львовна, Варвара Михайловна, Гусев, Лебрен. Софья Андреевна заговорила было о рукописях, которые у Черткова, но тут Александра Львовна горячо заступилась за Черткова, говорила о его любви, преданности Л. Н-чу, о собирании всего, что Л. Н. пишет, и делала выговор братьям Льву и Андрею, что они пальца о палец не ударили, чтобы помочь отцу; Черткова следует благодарить. Когда же Софья Андреевна высказала опасение, что́ будет с рукописями после смерти Владимира Григорьевича и Димы, заявив, что рукописям следует быть

---

* шишки выступа лобной кости (*лат.*).
** углубления крыла носа (*лат.*).

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, январь — март 1909 г.
Фотография В. Г. Черткова

не за границей, а в России, тут Александра Львовна сказала, что Чертков в будущем передаст все рукописи семье, но не исключительные права на издание.

Пополудни Софья Андреевна подняла разговор с Л. Н. и Владимиром Григорьевичем о том, чтобы неизданные рукописи Л. Н. (вроде «Хаджи-Мурата»), хранящиеся в копиях у Владимира Григорьевича, перешли семье и чтобы семья одна имела право издавать их. Л. Н. сказал, что его желание — отказаться от литературной собственности на эти сочинения. Софья Андреевна приводила аргументы, что сыновья (Лев, Андрей) хотят рукописи иметь в семейной собственности и что внукам деньги будут нужны. Вышел спор. Владимир Григорьевич все тут же записывал и к концу сам принял участие в споре, сказав острую правду Софье Андреевне в глаза. Владимир Григорьевич удивлялся потом, что Л. Н. очень мало расстроился. Л. Н. ему сказал, что испытывает к Софье Андреевне только чувство жалости. Софья Андреевна ходила к Л. Н. извиняться.

За обедом Гусева не было — он у Чертковых, а тут его ждет урядник

для допроса. Сегодня приезжал жандармский полковник допрашивать начальника почты в связи с делом Гусева (что отправлял запрещенные книги). За обедом разговор об этом.

Л. Н. рассказал, что в Петербурге на собрании (славянском) говорили Бобринский и Родичев. Полицейский чиновник остановил произносивших речи, и они подчинились — замолкли. Л. Н. негодовал на такую покорность:

— Какое рабство, как к нему люди привыкли! Если бы я был литератор (журналист), я написал бы об этом. Полицейский чиновник решает, когда надо перестать говорить. Я бы не остановился.

Софья Андреевна: Вывели бы.

Л. Н.: А пока вели бы, я бы говорил, пока рот не зажали бы.

Лебрен: Сильная кара — три месяца тюрьмы.

Л. Н. сказал, что и так не следует подчиняться, что ведь все равно сидят они в тюрьме. За «Выборгское воззвание» сидели. Тут они замолчат, а в Думе привыкли так говорить.

Л. Н. говорил о том, что читал в английском романе «Brothers», как писатели в Англии, в Америке находятся в зависимости от издателя: нужно или дать взятку, или писать в направлении, которое определит издатель, или же не печататься:

— Удивительное развращение нашего богатого общества! Дошло до последней степени.

Лебрен: И мало надежды, чтобы положение литературы у нас улучшилось.

Л. Н.: Да, высшее сословие спело свою песню. Одна надежда на народ, на тот народ (ту часть его), который находится еще в положении детства, который еще не заражен ложными рассуждениями и суевериями.

Гусева урядник оповестил, чтобы он завтра явился в Жандармское управление в Тулу. Николай Николаевич говорил, что он хочет завтра поговорить с ними по душе, объяснить им, какие они нелепости делают. Тот раз допрашивали его жандармский полковник и генерал.

Л. Н. советовал ему этого не делать, а ясно и решительно отвечать. Это больше подействует, и он, если на этом сосредоточится, сильнее выразит свои воззрения, а так, в обстоятельном изложении, они будут слабее выражены и для них потеряются.

Было письмо, что баптист Фетлер собирается приехать в Ясную мужиков обращать.

Л. Н. сказал, что он не помнит многого и этому рад: что̀ ему нужно, то помнит. Софья Андреевна ему рассказала про ее родственника — красавца-офицера, женатого на красавице, оба богаты,— как они покаялись в грешной жизни, поклонились друг другу в ноги, сняли кольца, поступили в монастырь. Она основала новый женский монастырь, была игуменьей, пожертвовала имение, а он вышел из монастыря и стал уланским офицером, женился на танцовщице. И она вышла из монастыря. (Живут в Петербурге.) [1]

Л. Н. по этому поводу:

— Этого офицера, как он в ноги кланялся и опять в офицеры пошел, я понимаю. Но этого Фетлера никак не могу понять. Оставаться в той вере, в которой родился,— это делается по инерции, но тут придумывается новое — такое же несовершенное, как та вера, от которой он отошел.

— Вот Хилков,— сказал Лебрен,— всю землю отдал крестьянам, сказав им, чтобы ему выделили, что будет милость их, а потом сделался революционером.

Л. Н. спросил о нем, где он, что с ним.

Лебрен, узнавший о нем через братьев Дудченко, посетивших Хилкова, рассказал о нем.

Л. Н.: Приятный человек, горячий.

Разговор перешел на А. М. Бодянского — старика, который сидит за распространение сочинений Л. Н.[2] Какая жестокость и злоба должны быть, чтобы приговорить и посадить такого человека!

Л. Н. прибавил:

— Тут ответственность за это так разложится на многих лиц, что никто не будет виноват. От этого важно строгое неучастие в этом (в государственной службе).

4 декабря. Гусев ездил на допрос в Жандармское управление, и так как не знал, не задержат ли его, он дал мне некоторые свои письма. Лебрен же вчера предсказывал, что если Л. Н. помрет, немедленно будет обыск в доме Ясной Поляны. Гусев на вопрос допрашивающих, отправлял ли он запрещенные книги по почте, отвечал одно: что не признает за ними права привлекать его к ответственности, спрашивать его, и потому не отвечает им. Были с ним очень любезны. Расспрашивали о Л. Н.

Письмо Л. Н. к жандармскому полковнику, в котором он указывает на себя как на распространителя запрещенных книжек и пишет, что Гусев по его поручению высылает их лицам, обращающимся к нему (Л. Н.); что главный виновник — он, Л. Н., чтобы его и привлекали [1]. Полковник признал письмо это частным и не приобщил к «делу». Дело смягчено ими, сведено на покушение, т. к. те посылки, из-за которых возбуждено дело, задержаны, не выданы адресатам, поэтому не распространение, а покушение на распространение запрещенных книг. Дело передано будет Московскому окружному суду, прокурор решит — возбудить ли его или нет.

Чертков предложил Л. Н. послать копию к тульскому жандармскому полковнику и требовать, чтобы оно было приобщено к делу. Оно даст делу такой поворот, что Гусева не будут привлекать к ответственности.

Л. Н. на настоятельное, повторенное предложение Владимира Григорьевича сейчас не согласился, а ответил, что о нем подумает.

Софья Андреевна известила о письме И. Е. Ренина, о желании его с Нордман приехать на полдня ради портрета, который написал у себя. Софья Андреевна пригласила их на более долгое время [2].

Андрей Львович: Папа, ты читаешь «Новое время»?

Л. Н.: Нет *.

Андрей Львович: Там А. А. Столыпин описал посещение им Репина [3].

И Андрей Львович рассказал, как А. А. Столыпин с А. А. Стаховичем посетили Репина в Финляндии и описали их жизнь. Одна прислуга у них, и она через день свободна.

Хвалили Репина как писателя.

Л. Н.: Ренин — оригинальный человек, кроме его огромного таланта.

Гусев рассказал про Кузьмина. Он заявился к властям, и его сослали. Писал из Устюга, там тысяча ссыльных.

Л. Н.: Я очень рад, что он заявился.

Гусев рассказал, что ссыльные получают от 8 до 11 р. ежемесячно и что местные жители удивляются. Лебрен нашел странным такое наказание, где правительство платит.

Л. Н. читал в «Слове» речь Образцова — крестьянина, правого члена Думы, о законе 9 ноября, о выделении из общины и укреплении надела в собственность. Л. Н. хвалил эту речь: «Превосходна» [4].

В этой речи Образцов говорил, что уже теперь миллион безземельных крестьян. Протестовал против права исключительной собственности,

---

* Чуть ли не с Нового года, но, наверно, с весны, с тех пор, как здесь Владимир Григорьевич, Л. Н. читает регулярно «Слово» и иногда «Новое время», реже — другие газеты. Раньше, с 1904 — до начала 1908 г., читал регулярно «Новое время».

когда отец может исключить сына из владения землей. Раньше давало землю общество, теперь — отец. «Вы делаете бездомных». Правый крестьянин сошелся с крайними левыми против закона 9 ноября.

Андрей Львович рассказал, что его друг, член землеустроительной комиссии, вышел из нее, потому что ему совестно содействовать ее деятельности: пролетаризации крестьян, т. к. те, которые выделяются из общины, большею частью продают свою землю.

Л. Н. рассказал, что в «Искрах» картинка: боснийцы, политические арестанты на одной цепи. Был поражен и возмущен этим («Искры», № 47, картина: «Сербы православные и мусульмане, обвиняемые в великосербской пропаганде»).

Л. Н. разбирал тульскую почту. Получил рукопись: «Причина появления вещества» [5], и, не взглянув в нее, рукой отстранил.

В холсте упакованные стихи.

Л. Н.: Сегодня третья посылка стихов. Чуть не каждый день получаю две-три. Эти от 14-летнего гимназиста, его письмо преинтересно. Пишет: «Прочел множество авторов и пишу трагедию». — Л. Н. тут же продиктовал ему ответ — не советует писать [6].

Сегодня были Андрей Львович с Екатериной Васильевной, Чертковы. Вечером винт.

Сегодня Варвара Михайловна именинница. Л. Н. ей:

— Смею поздравить вас; вас, наверно, всегда поздравляли.

5 декабря. В «Голосе Москвы» 4 декабря появились три первые главы статьи Л. Н. «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». Первые три главы из двенадцати. Чертков поражен, как туда попала статья. Он «Голосу Москвы» даже не послал копии, он послал следующим пяти газетам: «Слову», «Речи», «Новой Руси», «Русским ведомостям» и «Русскому слову» — и срок появления назначил не на сегодня. Чертков боится, что после начала ничего не появится — запретят. Гусев думает, что «Голос Москвы», будучи «правительственной» (октябристской) газетой, мог напечатать с меньшими пропусками и за ним посмеют другие газеты. Л. Н. был, скорее, рад, что появилась (хотя преждевременно и неприятно для Черткова и заграничных газет), главное — что с небольшими пропусками [1].

Л. Н. о полученных письмах: понравилось ему здесь приводимое без подписи («Это бывают самые лучшие письма»):

«Желаю от души доброго здравия.

Многолюбящий мир дедушка Лев Николаевич.

Ты один указываешь свет, а тысячи людей его загораживают и показывают вместо света тьму. Ты, как щепка в морских волнах: щепка в морских волнах не справится с своей силой, так и ты не справишься с тьмой.

Поступают к тебе письма с просьбой о помощи. Пошлешь пятьдесят рублей, все равно он из них пошлет Ивану Кронштадтскому три рубля и скажет, что это мне бог дал. С понятием человек будет доволен тем, что показываешь нам свет, а остальное мы должны искать сами.

Сейчас тебя ругают, а со временем будут на тебя молиться и будут обирать тобой народ так же, как и Иисусом.

Хотя легко, но и трудно жить людям твоего убеждения.

Христианин Пензенской губернии.

Ноября 29 дня, 1908 года» [2].

— Какие есть типы сильные! — сказал Л. Н. — Полный атеизм, вроде Вольтера.

Софья Андреевна возразила, что он не тип русского народа. Л. Н. согласился, что он не представитель русского народа.

Сегодня опять три письма со стихами.

Л. Н.: Это особенная способность — в стихах писать. Я удивляюсь:

в «Слове» в каждом номере есть прекрасные стихи, коротенькие, и так ловко.

Потом Л. Н. произнес стихотворение Фета, в котором слышится приближение к декадентству.

Софья Андреевна рассказала, что сегодня разбирала ящик, куда собрала письма, книги Пелагеи Ильинишны, и рассказывала, и читала вслух отрывок французский, в котором она пишет про себя что-то таинственное, неясное. Предложила Л. Н. прочесть письмо его (Л. Н.) к Татьяне Александровне о женитьбе. Л. Н. было тогда 23 года [3]. Л. Н. не пожелал, сказав, что и Бирюкова биографию всю не читал, «это немножко волнует меня».

Еще про письма. Л. Н. вспоминал на днях полученное письмо девушки, «молодой Марии Александровны», как он ее назвал: хочет не кончать гимназию и больше не брать паспорта [4].

Л. Н.: Сегодня сильное письмо молодого священника Стефановича. Сомневался; попались ему мои книги, вышел ⟨из священников⟩.

Гусев: Чем он живет теперь?

Л. Н. ответил, что, вероятно, писательством. Присылает книжку «Верую в единого бога» [5]. Гусев прочел ее вслух Лебрену и мне — оказалась хорошей.

6 декабря. В «Голосе Москвы» продолжение «О присоединении Боснии» (всего до седьмой главы).

Приехала С. А. Стахович.

Л. Н. после 12 дней сегодня в первый раз ездил верхом.

За обедом Софья Александровна рассказала про неграмотного камердинера ее отца, как он расспрашивал про больную ногу Л. Н., и т. д.

Л. Н.: У неграмотных всегда — не всегда, а очень часто — есть большое преимущество: память и знание.

Л. Н. вспомнил про неграмотную женщину, пришедшую неделю тому назад нарочно из Киева, рассказать ему свои сны. Как она рассказывала их народным языком, связно,— если бы было можно стенографировать!

Л. Н. рассказал про новое письмо Молочникова. Пишет, что сидевший вместе с ним социалист, когда его выпустили, не нашел работы и поступил сторожем в тюрьму. Л. Н. выразил свое удивление [1].

Разговор про правоведов и лицеистов. Л. Н. говорил, что в его молодые годы из среды лицеистов было больше либеральных людей, а из среды правоведов — государственных.

Вечером с С. А. Стахович, Софьей Андреевной, Варварой Михайловной, Надеждой Павловной. Софья Александровна рассказала, что фраза Паулуччи в «Войне и мире» о дрисских укреплениях находится в воспоминаниях декабриста С. Г. Волконского, и так как он их писал гораздо позже, то Л. Н. должен был слышать эту фразу лично от него, после его возвращения из Сибири в 50-х годах [2].

Л. Н.: Может быть.

Говорили о Репине, о написанном им дома портрете Л. Н. [3]; о Н. В. Орлове, что он задумал работу мысленно, а художественно она ему не по силам.

Л. Н.: Как милому Лебрену говорил, что жениться можно не иначе, как когда нельзя не жениться, когда не совладаешь с собою, так и в искусстве: когда вопрос — не создать выдуманное, а выразить созревшее во мне; когда вопрос для Репина, который пишет мой портрет: как мне избавиться от Толстого, который у меня в мысли. Хотя Репин — большой мастер, и он и тогда может и умеет написать, когда захочет.

Софья Александровна: Мне не нравится, как изображают Христа нынешние художники — Крамской, Ге: каждый изображает его по-своему.

Разговор о картинах, изображающих Христа, что они не удовлетворяют представлению о Христе.

Л. Н.: Они портретируют Христа по одному внешнему, они выставляют мне его тело вперед, а я по-духовному себе его создаю. Тело — мне все равно, пусть у него будет нос провалившийся — мне все равно.

Л. Н. рассказал, что читал А. Франса «L'Ile de Pingouins» и английский роман «Brothers» by Vachell, первый том которого интересный, остальное — плохо. О «Господах Гарденинных». Потом говорил о пьесах, в которых всё — обстановка, и об упадке искусства.

Софья Андреевна вспоминала старину: 1774 год, 1835 год по письмам, запискам хозяйственным и другим, которые вчера нашла, когда разбирала в сундуке вещи, которые после смерти Пелагеи Ильинишны она (Софья Андреевна) свалила в сундук. Там письма и записки деда и отца Л. Н.

Разговор о том, как теперь пишут (признание в романе Vachell) ради денег и для чьих вкусов. Софья Андреевна к этому прибавила, что теперь в Париже ценность пьесы понижается, если нет раздевания на сцене.

Л. Н. говорил, что лет 70—150 тому назад был малый кружок, где объедались, но среди них находились люди, которые понимали тонкое искусство; из него выделялись отдельные люди, которым авторы старались угождать, а теперь авторы стараются угождать парижской толпе:

— Жалко за свое ремесло, которое считалось почтенным. Как только деньги вмешиваются в дело творческое, делается самое гадкое.

Л. Н.: Нужно будет упражняться в английском языке — приедут двое от Эдисона с хорошим фонографом, чтобы мне по-английски, по-французски наговорить, и непременно и по-русски. Хочется сказать хорошее.

Софья Александровна заметила, что это дело внешнего интереса: голос Патти, голос Льва Толстого.

Л. Н.: Если из тысячи одному западет сказанная мысль, то ему будет радостно. Считаю своей обязанностью, как лучше воспользоваться фонографом, наговорением в него.

Софья Александровна рассказала об описанном недавно в «Новом времени» посещении кем-то Эдисона. Эдисон — ученый, любящий свое дело, но не занимающийся отвлеченными вопросами, и business man *. На вопрос, что он думает о бессмертии души, ответил, что об этом ему некогда думать. О другом ученом, об Анучине, с которым Л. Н. говорил о науке, Л. Н. сказал:

— Ему нисколько не интересно было, что́ я говорю, а просто, чтобы запомнить. Он того типа человек, у которого от себя внутренней работы никакой нет, а восприимчивость огромная. Анучин — мешок, который собирает все, что туда попало. Это мне интересно было профессора-ученого слышать, слышать его аргументы в пользу науки.

Софья Андреевна спрашивала о впечатлении Л. Н. от П. Д. Долгорукова и сама говорила, что он милейший и хороший человек, но совершенно не умеет говорить.

Л. Н. не высказался о нем, а сказал в ответ:

— Как раз я с Чертковым говорил о том, что его приглашают в Петербург говорить на собрании, а он говорит: «Это мне очень неприятно: в разговоре сейчас же чувствую, что хочу понравиться». Когда пишешь книгу, этого нет.

Софья Александровна: Вы часто не бываете самим собой.

Л. Н.: У меня только есть одно хорошее — что я невысоко о себе думаю, что я конфужусь. Вот было бы интересно на сцене изобразить тип двух конфузящихся людей, из которых покраснеет то один, то другой, прежде чем заговорить о чем-нибудь. Вы не можете себе представить, как мне де-

* деловой человек (*англ.*).

лается стыдно... я всегда жду..... *. Слава есть наказание, очевидно, заслуженное. Как ее получишь, чувствуешь, как это тяжело, лишаешься простого отношения к людям. Лишаешься общения с людьми. Единственное качество, которое я в себе признаю, что я о себе никакого мнения — я всегда конфужусь.

Софья Александровна говорила в защиту Долгорукова и всех посетителей Л. Н.:

— Как они робеют перед вами и говорят совсем не то, что хотят, конфузятся.

Л. Н.: Бывают два человека, которые конфузятся; взаимный конфуз. Это со мной сколько раз случалось.

И Л. Н. рассказал про недавний разговор с Павлом Ивановичем, что хорошо было бы проехать в вагоне, но инкогнито, а то сейчас же пойдут ненатуральные отношения:

— С одними мужиками можно еще разговаривать. А то все, кроме мужиков, будут относиться ко мне неестественно. Но все прекрасно! — заключил Л. Н.

Софья Александровна возразила против этого восклицания.

Л. Н.: Это прекрасно. Если мне не нравится, тут я виноват.

Софья Александровна о втором томе бирюковской биографии — что он лучше первого, а она бралась с робостью читать его. Спросила, читал ли ее Л. Н-ч. Л. Н. ответил, что нет; в корректуре пересмотрел; волнует его:

— Чувствуешь, что недосказано, не все сказано, неловко, каждая подробность, эпизод вызывает целый ряд воспоминаний, не менее важных, но нет времени вспоминать и записать. В 80 лет есть свои неотложные, серьезные мысли.

Софья Александровна: Я не умею думать, я живу одними глазами.

Л. Н.: Как же не думать, всегда думается: идти ли мне спать или не идти, говорить ли вам приятное.

Разговор о Хомякове, который уйдет с председательства в Думе в связи с речью Розанова-трудовика.

Софья Александровна о нем, что Хомяков — примиряющий, хорошо к себе всех располагающий человек. Очень хороший председатель.

Потом разговор об уничтожении общины законом 9 ноября 1906 г.

Л. Н. спрашивал, продают ли землю в Елецком уезде крестьяне, а потом рассказал про речь Образцова (в Думе 1 декабря) и продолжал:

— Стараюсь об этом не думать, стараюсь спокойно относиться к этому. Люди (Столыпин и компания) позволяют себе — и это с таким авторитетом — нарушать основы, уклад русской жизни. Если я этим горячо занимался, об этом писал, то потому, что слишком люблю народ.

Л. Н. пересел на кушетку и долго молчал, затем заговорил снова:

— Чтобы решать общественные вопросы, есть один способ: перенести все на личное отношение к добру и злу мира, самому не участвовать во зле, так решаешь лучшим образом общественные вопросы.

Еще был разговор о восточных народах. Л. Н. говорил о том, что теперь с ними гораздо лучше ознакомились и что этому содействовала отчасти японская война, а раньше о Востоке знали очень мало. Л. Н. вспомнил, как брат Николенька рассказывал, что китаец в такой шапочке, которую, если снять с головы,— кровь пойдет.

— Раньше знали о Китае: чай, опий,— сказал Л. Н.— Теперь из Индии получаю троякого направления журналы: ведического, либерального, магометанского.

В 11.20 Л. Н. простился. Сегодня был особенно мягок, прост. «Не

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

доктринерски и не по обязанности говорил,— как выразилась Софья Александровна,— а от души беседовал».

Когда я массировал живот Л. Н-чу, я говорил ему о том, что как ему не дает покоя разрушение правительством земельного уклада, строя русских крестьян, так и мне не дает покоя разрушение евреями народного быта.

Л. Н. сказал на это приблизительно то, что я недоверчиво, враждебно отношусь к известному народу, все члены которого не могут быть такими, как я говорю, дурными:

— Все мы сыны божии. А в земельном вопросе — отношение правительства к известному учреждению. Если бы Робинзон на острове огородил землю, в том не было бы чуда. Это свойство человеческое такое; а тут народ, хотя и в малом круге, в общине, сделал землю общей, сумел высшее сделать, а ради воображаемой лучшей культуры обработки земли указывают на заграницу; у нас уничтожают это высшее. Народ ушел вперед, а возвращают его назад, как если бы обработка при общинном владении также не могла улучшиться. Как надо устроить, тоже не берусь решить, но возмущаюсь, когда разрушают установленный народом строй.

7 декабря. Александра Львовна страдает зубной болью.

Л. Н. за обедом:

— А нам скучно, у нас ничего не болит.

Софья Александровна заметила, что действительно иногда, когда страдает близкий человек, тяготишься, что ты совершенно здоров.

Гусев рассказал про допрос: спрашивали его, признает ли себя виновным в распространении запрещенных книг. Отвечал, что в этом не видит виновности.

Винт.

Софья Андреевна: По газетам с 1 января до 30 ноября 1908 года в России казнено 1116 человек — больше, чем за все царствование Иоанна Грозного.

8 декабря. Ездил с Александрой Львовной в Тулу дергать корешки под наркозом. Между столбами и первым мостиком обогнали гуляющего с понурой головой, усиленно думающего Л. Н. с палочкой-сиденьем в руке; как нас увидел, ехавших параллельно по другой, проложенной дороге, побежал, чтобы перед мостиком, где обе дороги сходятся, поравняться с нами, и так и бежал шагов длинных сорок. Мы его дожидались. Сказал Александре Львовне, чтобы не была в нерешительности, а взяла себя в руки, и тогда сразу решится. Ухватился за спинку саней, стал на полозья и проехал так с нами несколько десятков шагов; лошади шли шагом, потом по просьбе Александры Львовны соскочил. Александру Львовну поведение отца умилило: «Какой папенька миленький»,— сказала первые слова после четверти часа. Вернулись в пять. Днем приезжал от «Голоса Москвы» редактор извиняться, что «Голос Москвы» напечатал «О присоединении Боснии» 4 вместо 7 декабря. Объяснял незнанием. Будто их белградский корреспондент получил русскую копию и предложил ее «Голосу Москвы», и тот принял. Теперь напали на «Голос Москвы» другие газеты, и редактор просил Черткова, чтобы письмом в газету защитил «Голос Москвы». Чертков отказался: «Поделом ей (газете «Голос Москвы»), должна была знать, что статьи Л. Н. печатаются всеми газетами сразу, в один день, или могла спросить Л. Н.— может ли печатать». Впрочем, нападает «Русское слово», и в нападках не огорчение за бесстыдное отношение к Л. Н., к другим газетам и публике, а злоба против «Голоса Москвы» за что-то другое. Случай со статьей — только средство опозорить «Голос Москвы».

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Софья Александровна, Варвара Михайловна, Ф. А. Страхов, Чертков, Гусев.

Л. Н. спросил Николая Николаевича, что за журнал «Образование», новый номер которого получен.

Николай Николаевич: Социалистический и декадентский. Они послали впервые, до них не посылали номеров.

Владимир Григорьевич (*к Л. Н.*): Вы не читали газеты? Год тому назад суд присудил одного к смертной казни по свидетельству двоих против всех остальных свидетелей, что он участвовал в экспроприации. Но губернатор заменил бессрочной каторгой; теперь стало явным, что те двое из вражды к нему лжесвидетельствовали. Я думаю, что военные судьи часто ошибаются; у них нет технической сноровки соображать.

Молчание.

Л. Н.: Вот счастливый Николай Николаевич — на суд пойдет!

Николай Николаевич рассказал про последний допрос, и как его поставили под надзор пристава, т. е. что он без разрешения пристава не будет уходить с места жительства; на это он объявил, что не будет этого соблюдать. Не ответили ему.

Л. Н. спрашивал про родных братьев, сестер Федора Алексеевича, и тот подробно рассказывал о Павле Алексеевиче — рассказчике, недавно оперированном (сращение желудка с печенью) и теперь доживающем век свой,— ему 41 год. Ему скучно. Федор Алексеевич давал ему читать «Круг чтения» и другое, но он не умеет читать.

Л. Н. махнул рукой и сказал что-то в том смысле, что это ему не годится — трудно.

Л. Н. сказал, что, чем дольше живет, тем ему яснее, что это суеверие — думать, будто возможно воздействие одного человека на другого. И сказал, что главное различие людей в том, что одни — религиозные, а другие — нерелигиозные. Как есть лошади серые и вороные, так и люди такие и такие. Есть такие люди, для которых вопросы религиозные не существуют. И отношение к тем людям совсем другое. Как к крестьянскому мальчику нельзя обращаться на французском языке, так к ним нельзя обращаться с вопросами религиозными.

Затем сказал:

— Пусть человек над собой работает и через эту работу на других будет действовать.

Федор Алексеевич говорил про своего брата, какой он привлекательный, обаятельный.

Шахматы с Владимиром Григорьевичем. С 9 до 9.40 Л. Н. читал вслух Софье Андреевне, Софье Александровне и Варваре Михайловне из середины книги «Les aventures de monsieur Haps» смешные сцены, разговоры. Читал очень плавно, с разными оттенками голоса разных лиц. Выходило живо, как если бы слышали самих лиц.

Разговор о братьях Коваленских. Софья Андреевна негодовала, что суд оправдал их, потому что отец их сенатор.

Л. Н.: Почему бы ни оправдал, надо радоваться.

Л. Н. говорил о двух крестьянах, пришедших к Черткову записаться в его партию. Затем Л. Н. рассказал, как к нему приходил потемкинский * староста, старик 70 лет, жаловаться. Он поймал двух воров, а ему не дали награды, какая за это полагается, и он судится из-за получения ее уже десять лет с властями. Л. Н. ему объяснил, того ли ему нужно, ведь те воры — жалкие люди, и по дурному обычаю такие, какие есть; что не ловить, а приютить, накормить их надо. Старик послушал и сказал:

— Теперь я узнал, буду спокоен, — заплакал и с тем и ушел.

Л. Н. расспрашивал, как Александре Львовне под наркозом корешки дергали.

---

* Потемкино — село в окрестностях Ясной Поляны.

9 декабря.

Л. Н.: Из петербургских газет не напечатала ни одна («О присоединении Боснии и Герцеговины»). «Голос Москвы» сделал довольно большую неприятность. Мне это жалко, петербургская публика большая.

Л. Н. ездил верхом. Вечером: Владимир Григорьевич, Дима, Ольга Константиновна, С. А. Стахович, Мария Александровна, Лебрен, Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Гусев. Дима привез граммофон. Граммофон чудесный, каких в России не слышно. Первое — Карузо. (Л. Н.: «Хорошо».) «Фауст» Гуно и «Ave Maria», затем Варя Панина. Лицо Л. Н. сделалось восторженным, поговаривал: «Хорошо как, прекрасно!» — И, когда граммофон пропел, Л. Н.: «Бис, бис, повторить!» — но Дима не повторил. Николай Николаевич вмешался, что еще будет многое такое: «Хор Архангельского».

Л. Н. спросил:

— Что это будет?

Дима: «Казнь Стеньки Разина».

После этого Л. Н.:

— Что будет теперь?

Дима: Сейчас узнаете.

«Камаринская». Умилялись все. Л. Н. ожил, сиял:

— Вот подите, пускай Бетховен это напишет! Никакой Бетховен не напишет — простота, веселость, бодрость.

«Вниз по матушке по Волге» — хор Архангельского.

Л. Н.: Сейчас после этого надо плясовую.

Поставили русскую плясовую (смесь), исполненную английским оркестром.

Падеревского «Менуэт».

Л. Н.: Очень мило.

Christchurchские колокола с оркестром.

Л. Н.: Попрошу первую (Карузо), хор Архангельского, а после хора сейчас «Камаринскую».

«Турецкий патруль».

«Ora pro nobis».

Л. Н.: Прекрасно. Как это хорошо, прелестно!

Кубелик на скрипке «Cavatina».

Вяльцева. Ее не хотели играть. Когда пропела, Л. Н. сказал:

— Совсем недурно, очень хорошо.

Следующий номер — Варя Панина.

Л. Н. хлопал:

— Чудесный голос.

Собинов пел Чайковского.

Л. Н.: Это Чайковского — набор слов, бессмысленно.

Панина пела «Коробочку». У Л. Н. во время ее пения вырвалось:

— Прекрасно, еще раз!

Рассказ Горбунова в исполнении П. А. Страхова Л. Н. понимал, смеялся (хохотал).

Л. Н.: Варя Панина — это первый сорт, народный тон, какою-то древностью дует. Если есть еще Варя Панина — то это. Это первый сорт.

Варя Панина — «Хризантемы».

Л. Н.: Хорошо, но то, прежнее, лучше было. Это не характерно, не цыганское, не народное.

Повторен Карузо.

Л. Н.: Ни одной фальшивой ноты — характерное, итальянское.

Повторен хор Архангельского.

Л. Н. с самого начала: «А-а!» — и хлопнул в ладоши, выражая звуками удовольствие. Весь обратился в слух. (Сидел на кушетке с поджа-

тыми под себя ногами). Пальцами шевелил в такт. Когда хор допел, Л. Н. усмехнулся:

— Как хорошо, вот хорошо! Чудесно! Это очень хорошо!

Повторена «Камаринская».

Л. Н.: Что же никто не пляшет? Без памяти хочу плясать!

Дима: «Казачка» хотите?

Л. Н.: Да, это хорошо,— Но, когда сыграли (гармошка), Л. Н. не выразил удовольствия.

Закончили концерт повторением «Ora pro nobis».

Л. Н. (*к Диме*): Очень тебя благодарю. Очень приятно.

Л. Н. (*Владимиру Григорьевичу*): А «Нарs» поправляется. В середине театр — очень хорошо, это сатира на искусство, на театр, на политику.

Черткову это было приятно слушать. Был сегодня в очень веселом настроении, смеялся.

Л. Н. был внимателен к Ольге Константиновне, больше всего с ней беседовал, меньше с Марией Александровной. Раз назвал ее Машенькой.

Лебрен, Мария Александровна и я прочли предисловие Л. Н. к художественному альбому «Русские мужики» Н. В. Орлова. Мария Александровна восхищалась им и просила позволения переписать для себя, приводя аргументы в доказательство: никогда не будет больше напечатано ничего Л. Н. Эти дни отошли.

Второе издание Генри Джорджа «Да приидет царствие твое» запрещено,— это очень сильная вещь.

10 декабря. Ночью приехал повидать Л. Н. и Толстых Х. Н. Абрикосов. Л. Н. завтракал с нами. С недели полторы завтракаем не в 12, а в час.

Л. Н. принес «Новую Русь» и «Слово» и был смущен самоубийствами и, главное, казнями, которыми газеты полны.

Сначала говорили про Трегубова. Он на сходке старообрядцев высказал мысль, что Иисус не был богом,— на него обрушились. Он всегда смело высказывает свои убеждения на сходках. По поводу казней Л. Н. сказал:

— Вспомнил я Столыпина-отца. Он недалекий был человек, генерал был, либерал, но он ужаснулся бы тому, что делает его сын.

Об отце — А. Д. Столыпине Л. Н. еще говорил, что неясно было у него в голове, и тщеславный был в молодости, и очень красивый.

Софья Александровна в защиту деятельности П. А. Столыпина напомнила о покушении — попытке взорвать его дом, где он был с семьей [1].

Л. Н.: Когда дочь его изуродовали, именно тут он должен был быть кроток.

Софья Александровна заговорила про выдающиеся способности П. А. Столыпина и что он нужен на этом посту. Л. Н. на это ответил с иронией:

— Этот мальчишка нужен на этом посту? Каждый встречный может так.

Приехал П. А. Стахович — генерал: приятный, скромный, добрый, умный и застенчивый до робости перед Л. Н.

За обедом Л. Н. рассказал Черткову, что в «Голосе Москвы» тот господин редактор нынче описывает, как он у нас был, и очень доволен. Он извиняется, оправдывает «Голос Москвы», говорит, что они не нарушили поставленного им условия [2].

Л. Н.: В «Русских ведомостях» напечатали статью («О присоединении Боснии») и там же в заметке сочли своим долгом опровергать ее [3]. До такой степени глупо только профессора могут.

Софья Александровна, от души смеясь:

— Я люблю, когда вы говорите про профессоров, что они глупы.

Л. Н.: Это совсем не парадокс.

Владимир Григорьевич: В «Русском слове» пишут, что в «Berliner Tageblatt» появилась ваша беседа с социалистами (стенограмма Гусева) [4], и газету берут нарасхват.

П. А. Стахович рассказывал Л. Н. о маневрах на бумаге, в которых он участвует. Л. Н. расспрашивал с интересом новизны.

Л. Н. рассказал, что пятилетний Илюшок сказал Ольге Константиновне: «Как ты могла выйти замуж за охотника?»

Шахматы с Владимиром Григорьевичем; винт с Софьей Александровной, Александрой Львовной, П. А. Стаховичем. За чаем Л. Н. спрашивал его про буров. Он был военным делегатом русского правительства в английской армии; про Гершельмана, про китайцев — он был на манчьжурской войне.

П. А. Стахович о китайцах в Манчьжурии:

— Удивительно добродушный народ: нетребовательный, незлобивый, к обидам относились очень спокойно.

Л. Н.: Их сдерживает нравственно-религиозное чувство, которого у нас нет; нас сдерживает только насилие. Нравственно-религиозное чувство у нас в народе на наших глазах разрушается.

П. А. Стахович: Стоит оказать им самое малое внимание — очень благодарны и признательны. Как они обрабатывают землю!

Л. Н.: Вот вы, Хрисанф Николаевич, Демчинского не признаете — напрасно, напрасно.

Хрисанф Николаевич объяснил тем, что Демчинский малоопытен и большой рекламист.

Разговор перешел на удобрение земли томасшлаком, фосфатами, азотистыми веществами. Хрисанф Николаевич все ясно излагал. Как земля беднеет фосфором. Зерно вывозится, употребляется на водку и т. д.

Л. Н. сказал, что он старовер и что искусственные удобрения, в конце концов, ни к чему не служат, потому что цивилизация разрушает всякую нравственность и создает такую непроизводительную трату во вред, как табак, вино и вся деятельность этих господ военных (Л. Н. кивнул головой в сторону Стаховича, разговаривающего у дверей в кабинет с Софьей Андреевной и сестрой). Так что если бы люди жили нравственно, то эти калий и фосфор ни к чему. Можно было бы обходиться и без удобрений, если бы люди жили все по нравственно-религиозным законам. Л. Н. говорил с некоторым раздражением.

П. А. Стахович о Гершельмане говорил, что он честный человек, попал на этот пост как решительный, исполнительный генерал. Он в манчьжурской войне проявил себя способным.

Л. Н. рассказал про Ильзу Франан, немецкую писательницу, живущую с подругой в Женеве, больную раком. Она простилась, дала нравственные наставления и потом, по согласию, была убита подругой, и подруга себя тут же убила.

П. А. Стахович рассказал похожее: брат застрелил сестру и себя.

Л. Н. объяснял это безверием или тем, что̀ выдается за веру. Он получает все чаще и чаще письма, наряду с просительными — сегодня два таких,— в которых спрашивают: «Как это на свете так дурно устроено, когда есть бог?» Не чудо, когда люди застреливаются,— это даже люди самые серьезные. На встающие перед ними вопросы они получают ответы, которые могут удовлетворить лишь детей. Это мировоззрение: есть бог — Промыслитель,— как же он допускает зло? Это низменное понятие бога допускается православием, католичеством: бог—Промыслитель, а не бог любви.

Л. Н. попросил Софью Александровну через ее брата Михаила Александровича устроить детей человека, писавшего неделю тому назад,—

умного, бойкого, завзятого революционера. Устраивать его детей будут люди совсем противоположных (правых) воззрений.

Л. Н. был сегодня раздражен. Ночью уехали Стаховичи и Софья Андреевна — повезла в Исторический музей адреса и юбилейные подарки.

11 декабря. Л. Н. ездил верхом по Засеке. Александра Львовна сопровождала его. Простудился, а может быть, вчера еще ему нездоровилось, но не заметили; вечером знобило, изжога, слабость, кашель.

К обеду приехал Чертков из Тулы.

Сегодня в «Новом времени» жалкая — какие очень изредка пишет — статья Меньшикова, начинающаяся словами П. А. Столыпина[1]. Мне было грустно за Меньшикова. За обедом Л. Н. ко мне:

— Как это вы можете читать Меньшикова? Пишет в сегодняшней статье о сохранении дворянства. Такая чепуха!

Владимир Григорьевич: А вы сами дали ему аттестат, написав ему письмо.

Л. Н. спросил, по поводу чего. Николай Николаевич объяснил, что по поводу картины Нестерова «Святая Русь» [2].

Л. Н. тихо, как бы про себя:

— Мало ли я глупостей написал!

И Л. Н. перевел разговор на другую тему.

Когда я массировал живот Л. Н-чу, он сказал:

— Перечитывал Пругавина «Сютаев». Вы читали?

Я: Давно, да.

Л. Н.: Основа жизни у него (Сютаева) одинаковая с моей; его ответы точны и ясны. Мне совестно сказать, что он пришел самостоятельно к тем же истинам, что я. Один у него был недостаток: признавал авторитетность Священного писания, одинаково Старого и Нового завета, хотел их соединить. Надо рекомендовать прочесть его молодежи у Черткова.

12 декабря. Пятница. Л. Н. мало спал, слаб, изжога. Я весь день был занят в амбулатории, только за обедом был с Л. Н., ночью опять у больного.

За обедом: Л. Н., Александра Львовна, Варвара Михайловна, Владимир Григорьевич, Х. Н. Абрикосов, Лебрен, Гусев. Л. Н. рассказал, что в Думе кто-то сказал: «Разве можно переносить в один день 33 смертных приговора и 20 казней?» — «А Аптекарский остров?» — крикнул Бобринский. Когда говорили о казнях, кто-то из депутатов сказал: «Еще мало» [1].

Чертков спросил про книжку «Les aventures de monsieur Haps» de Max Maurey et G. Jubin, дочел ли ее Л. Н-ч. Л. Н. ответил, что да; к концу нехороша, кроме одного эпизода:

— Видно обоих авторов: грубая сатира — это одного, веселое, бойкое остроумие — это другого.

Л. Н. рассказал про полученное сегодня увещевательное письмо священника (и вчера получил — доброе):

— В первой, длинной половине жалеет меня, оттого что меня ожидают вечные муки. И в эту веру обращает меня.

Чертков: В вечные муки верят и протестанты-баптисты.

Л. Н.: То ли дело — мужики. Сютаев: говорил: «И рай и ад здесь — все в этой жизни», и Зосима также.

Л. Н. разговорился о книге Пругавина «Религиозные отщепенцы», где о Сютаеве пишет:

— Какая хорошая! Не запрещена ли?

Гусев: Первое издание было запрещено, второе пропущено и свободно продается.

Л. Н. советовал Черткову читать про Сютаева молодежи:

— Тут все сказано, и не рассуждения, а жизнь.

После обеда Гусев позвал «Гутенберга», т. е. Лебрена (потому что он

вчера и сегодня гектографировал «О присоединении Боснии» в 80 экземплярах).

Л. Н.: Вы шутите Гутенбергом, а собственно, вас всех,— обратился к Гусеву, Александре Львовне, Варваре Михайловне,— следует посадить в кутузку.

Привезли почту из Тулы. Между прочим, новый номер «Современного мира» с каким-то рассказом Арцыбашева [2]. Его прочли вслух. Всем не понравился.

Шахматы с Владимиром Григорьевичем. Вечером Л. Н. позвал к себе Абрикосова на беседу.

13 декабря. Л. Н. чувствовал себя неладно — изжога, слабость, кашель. Утром гулял, пополудни не выходил. Приехал С. Д. Николаев с книжками к Марии Александровне. В Москве погромы, обыски в типографиях, издательствах, у частных лиц. Привез и «Свободное воспитание»— целые первые годы, боится, что его конфискуют. Издательство «Донской речи» целиком запрещено.

Л. Н.: Как забастовки обличают отношение правительства к рабочим! Уж какое же право принуждать работать? Не хочу работать [1].

Л. Н.: Мне помог Анучин. Он такое наивное дитя. С ним серьезно говорить нельзя. Он, как говорит Сютаев, «написано много, а ничего нельзя понять».

Потом Л. Н. говорил, что занятия с учениками были ему полезны: он должен был кратко и ясно выражаться по уровню их понимания; если говоришь не так, то видишь по глазам ученика, что мысли его не здесь — смотрит тебе на пуговицы.

Николаев рассказал про какую-то статью о Л. Н., что портят его толстовцы. Они и чаю не пьют, а он папиросы покуривает и политическим помогает.

Л. Н. (*полушутя*): Это считается самым дурным.

Александра Львовна получила рукопись и письмо от теософки Писаревой из Калуги. Л. Н. не пожелал видеть рукописи:

— Теософы мне совсем неинтересны.

Кто-то спросил, какая разница между ними и спиритами.

Л. Н.: У спиритов религиозного-то нет, а у теософов очень высокое религиозно-нравственное учение, отрицают всякие обряды.

Я извинился перед Л. Н., что из-за нас, славян, статья «О присоединении Боснии» попала в «Голос Москвы» и преждевременно там напечатана (как это случилось — не выяснено, редакция «Голоса Москвы» раздобыла каким-то путем в Белграде копию и напечатала раньше срока), и выразил удивление, что не получаю ни одной славянской газеты с этой статьей. Л. Н. сказал, что им это нипочем, они пишут о компенсациях.

14 декабря. Л. Н. не выходил, слаб. Много времени отвел чтению газет. За обедом говорил, что сегодня у него тяжелые впечатления: 1) перестрелка на Лосином острове под Москвой (обыск дачи с отстреливанием), 2) суждение декадентов-художников о старых — Репине, Маковском, Айвазовском — называют их хулиганами-художниками [1]. Какая уверенность, дерзость.

— И искусство Репина не годится,— сказал Л. Н. и добавил: — А их подавно!

Л. Н. говорил, что сегодня поправлял ответ девушке, продиктованный вчера:

— Мать ее — сочувствующая, понимающая, писала мне когда-то, теперь дочь [2].

За обедом Л. Н. прочел вслух «Из зала суда. Драма за печкой» («Русское слово», 13 декабря). Художественно хорошо, как только Л. Н. умеет

ТОЛСТОЙ, С. А. ТОЛСТАЯ И А. А. КОРСИНИ В КАБИНЕТЕ ТОЛСТОГО
Ясная Поляна, 1 марта 1909 г.
«...Пополудни〈была〉Ольга Константиновна с... г-жой Корсини и фотографом. Снимались с Л. Н. в кабинете».— Запись от 1 марта 1909 г.

читать, подчеркивая выразительные, характерные места. Дело в следующем: муж в ревности исполосовал ножом жену, его оправдали.

Л. Н.: Это у нас хорошая черта (оправдание). Я боялся прокурора. Я думаю, что она не без греха, а жильцы из добродушия выгораживали ее.

Владимир Григорьевич рассказал, что он тоже недавно читал: муж убил жену, и его оправдали.

Л. Н. говорил о пользе стенографии в схватывании народных выражений. Референт судебный, наверно, стенографировал и потому так живо передал суд.

Л. Н.: Завтра будем иметь удовольствие видеть Репина.

Александра Львовна: Телеграммой отсрочен приезд Репиных [3].

15 декабря. Возвратилась Софья Андреевна из Москвы [1]. Был Чертков. Софья Андреевна рассказывала Л. Н. про посетившую ее в Москве бывшую монахиню, у которой idée fixe * вернуть Л. Н. в православие. Ее выгнали из монастыря за то, что, не спросивши позволения архиерея, поехала в Ясную Поляну обращать Л. Н. Она была здесь в марте нынешнего года [2]. Софья Андреевна рассказала про ее аскетизм, молитвы за Л. Н. и прочее.

Л. Н.: Тут есть слава людская. Она получила бы одобрение от тысяч и тысяч людей.

---

* навязчивая идея (*франц.*).

Софья Андреевна рассказала про Кузьминского, помощника библиотекаря в Историческом музее и сотрудника «Голоса Москвы», — он вышел из редакции из-за того, что в «Голосе Москвы» напечатали преждевременно «О присоединении Боснии» Л. Н. Он бывший артиллерийский офицер, вышедший из службы из-за Л. Н.

Софья Андреевна рассказывала про выставку русских художников в Историческом музее, про новую картину Репина «Запорожцы в лодках» [3].

Л. Н.: Зачем это?

Софья Андреевна про картину Мясоедова «Сеятель»: на ней сеятель-мужик должен представлять Л. Н-ча [4]. Л. Н. возражал против того, что картина должна передавать размышления. Картина должна нравиться. Должна в ней быть видна любовь к тому, что изображает, как в картинах Орлова заражает зрителя его любовь к народу.

Л. Н.: Дайте мне лекарство от старости... Скоро оно будет.

Гусев: Ведь нашли микроба старости.

Л. Н. (*шутя*): Надо другого, который его пожирать будет.

Л. Н. утром был слаб, к вечеру окреп.

Во время массажа я сообщил Л. Н. о кончине А. С. Будиловича, в последнее время издателя «Московских ведомостей», и рассказал, что он сделал для ознакомления России со славянским миром, о его искренней, горячей вере в славянство.

Л. Н.: «Московские ведомости» — что-то о них не слышно. Перестали иметь значение, которое имели при Каткове.

Я сказал:

— Какая перемена наступила в русском обществе в отношении словаков. В Думе, в речах депутатов по поводу аннексии Боснии Австрией какое политическое сочувствие славянам австрийским и балканским!

Л. Н.: Оно у правых?!

Я: Нет, у всех, и у Милюкова.

Л. Н.: А у Покровского?

Я: Не знаю. Он социалист и издевается над заграничной ближневосточной политикой русского правительства.

Л. Н.: Мне, скорее, нравится его речь.

И, помолчав немного, Л. Н. сказал:

— Я с тем убеждением помру, что патриотизму, расовому национализму наступил конец. Избави бог единения расового. Оно бы еще ничего, если бы народы были свободны. А так как у болгар — немецкий принц, у нас тоже, они пользуются патриотизмом для своих целей.

16 декабря. За обедом Софья Андреевна о выставке художников в Историческом музее в Москве.

Владимир Григорьевич: Мы такое время переживаем, столько событий, и никто их не изображает. Я думаю, что причина этого — цензура и что никто не купит. Маковский написал «Ходынку» — сняли. (На днях по предписанию Гершельмана.) [1]

Софья Андреевна говорила про гастроли Сары Бернар в Москве; она не пошла. Раз видела ее, давно, и не понимает, как может нравиться эта кривляка [2].

Владимир Григорьевич: Почему же у нее такая известность?

Я: Потому что она еврейка. Еврейская печать выдвинула ее.

Смех над моим cherchez le Juif * и возражения. Я отвечал.

Л. Н.: Они очень даровиты и самоуверенны. Это черта поддержки и сплоченности есть ⟨у них⟩, как у гонимого народа.

Владимир Григорьевич спросил меня:

— А Спиноза был еврей?

---

* ищи еврея (*франц.*).

Я: Был, и притом гонимый своими же.

17 декабря. Приехали Репин с Нордман и Мария Александровна. Софья Андреевна попрекала Илью Ефимовича, что новейший его портрет Л. Н. поступил к М. А. Стаховичу, а не в музей Александра III или Третьяковскую галерею, в общее достояние [1].

Разговор о вегетарианстве. Репины очень им заинтересованы. За обедом Чертков. Л. Н., очевидно, усталый, задавал вопросы такие, на которые ответами были целые рассказы. О скульпторе Трубецком, о Ходынке, об убийстве Сергея Александровича, великого князя. Рассказывал Репин подробно, интересно. О Трубецком — что он не видел столь одушевленного своей работой художника, как Трубецкой, когда лепит. Что он совсем не такой необразованный, неначитанный, каким прикидывается. Его жена спросила Трубецкого про статую Венеры Милосской, что это за статуя. А Трубецкой ответил ей, что не знает.

Репин вспомнил изречение Л. Н., что Венера Милосская сделалась знаменитой потому, что она без рук.

Л. Н. в шахматы с Владимиром Григорьевичем. Репин рисовал его или обоих [2].

За чаем Л. Н. с Репиным и Марией Александровной.

Л. Н.: Как прежде было суеверие чудотворца, так теперь суеверие устройства.

Репин: Сколько теперь опустившихся людей, как же им помочь? А что̀ эти опустившиеся люди?

Л. Н.: Не знаю, не знаю. Я был самым опустившимся человеком 30 лет.

Л. Н.: Не могут участвовать ни в шайке Савицкого (известного разбойника Черниговской губернии), ни в шайке Романова (царя).

Говорил Л. Н., что нам следует делать то, что бы мы делали, если бы знали, что сегодня нас повесят. Тут ни картин бы не писали, ни палкой не махали (намек на Никиша), а если бы старуха стонала, ей воды подали бы, ее растирали бы. Самое простое, доброе дело.

— Тогда не было бы «Войны и мира», — сказал кто-то.

Л. Н.: Я об этом плакать не буду.

Л. Н.: Вчера был в этом состоянии равнодушия ко всему, в состоянии упадка духа. Тогда понимаешь других людей, на которых обыкновенно сердишься. Есть люди, которые в этом состоянии проводят девять десятых жизни.

Л. Н. сказал сегодня утром:

— Вчера отдыхал мозгами.

Говорили об Орлове. Он без работы. Хочет издать альбом своих картин. Репин говорил, что альбом не так пойдет, как открытки.

Л. Н. о его картинах, что он лучше всех русских художников изображает народную жизнь. Теперь затеял картину казни, и не дается ему.

— Мы это знаем с вами: не дается, не с того конца возьмешь, а потом попадешь, и идет, — сказал Л. Н.

Репин говорил, что, если ему начатую работу похвалят, тогда пропала, дальше испортит ее. Л. Н. сказал, что он его понимает, с ним то же бывает. Репин сказал, что он ученикам своим их работу не хвалит.

Репин рассказал историю, как пропали картины Орлова и других русских художников у устроителя американской выставки русских картин Гринвальда-меховщика. Говорил об Орлове: чем больше знает его картины, тем больше ему нравятся. Орлов не сумеет сделать так, как Верещагин, предложивший царю свои картины за 200 тысяч, угрожая в ином случае продать их в Америку, и царь взял их для музея: серия 1812 года [3]. Верещагин — черный эффект, фальшь. Орлов выше Верещагина.

Нордман спросила Марию Александровну, одна ли живет. — «Нет, с помощницей». — «А не скучно вам»? — «Я этого слова не понимаю», — ответила Мария Александровна.

Разговорились о пьянстве, о способах лечения в санаториях в Финляндии; говорили, главное, Репины. Л. Н. подчеркнул, чтобы они (пьющие) не верили в невозможность воздержания.

Репин стал говорить, что пишут в «Новом времени» об эффективной победе трезвенности — обещаниями не пить две—четыре—шесть и так далее недель — 70 тысяч таких нашлось в Петербурге.

Репин говорил про знаменитую книгу графа И. И. Толстого, бывшего министром народного просвещения в продолжение года, и очерки Гессена о еврейском вопросе [4]. Остроумно и интересно.

Л. Н.: Я до 70 лет не чувствовал старости, слабости, усталости.

Л. Н. 15 декабря стал читать «Былое», и Гусев достал ему еще разных книг около 20 — о действиях революционеров и борьбе правительства с ними [5].

18 декабря. Уехал веселый, жизнерадостный, работящий, разумный Лебрен. Скучаем по нему. Днем уехали Репины. Софья Андреевна заболела инфлуэнцей. Л. Н. слаб, не выходил. За обедом говорил, что все читал «Былое». Л. Н. говорил дальше, что в книге Пуришкевича (первый том некрологов убитых революционерами лиц) читал про убийство Александра II и Мезенцова.

— Ужасное убийство, — сказал Л. Н. про убийство Александра II.

Спросил, кто был убийцей Александра. Потом говорил про Мезенцова:

— Я приятель с ним по военной службе, был на *ты*, несколько родня. Он высоко пошел в чинах. Меня очень удивляла его жестокость, ибо добродушнейший был человек, красивый, высокого роста. Выпить, песни петь — это было его.

Разговор о Гагиной, которую Л. Н. ожидает. Часто пишет Л. Н-чу, посылает свой дневник; Л. Н-чу понравился. Пишет почти исключительно о своих занятиях в школе, об удивительных способностях учеников, понимании ими христианского учения. Она имеет школу, в которой сама учит.

Л. Н. сказал Черткову, о ней спросившему, пишет ли она, т. е. печатает ли:

— Она и хороша тем, что не пишет, что не ищет славы людской.

Гагина приехала в 8 часов вечера.

Л. Н. говорил о письме Трегубова. Пишет о «Новой Руси», что она желала бы помещать все новое и не напечатанное до сих пор Л. Н-чем [1]. Это показалось смешно и наивно Л. Н. и Владимиру Григорьевичу. Гусев же думает, что нет, что какие-нибудь «Русские ведомости» этого не сделали бы: они ведут свою газету в определенном направлении, и взгляды Л. Н. мешали бы направлению их газеты, и потому не желали бы их помещать. Трегубов пишет еще о том, что в чертковском издании «Краткого изложения Евангелия» недостает послесловия: изложение Послания Иоанна (в элпидинском издании оно есть и в списке Н. Н. Ге, который находится у Трегубова, оно есть).

Л. Н.: Ах, какой был удивительный писатель тот, который называется Иоанн! Это удивительный писатель: такие мысли, которые я нынче только первый раз понял.

19 декабря. Л. Н. не выходил. Сегодня окончили переписку начисто «Письма к индусу». Я весь день с больными. Л. Н. за обедом рассказывал о письмах. Один пишет: «Никто себе не может представить такого склада жизни, какой в ночлежных домах. К каждому слову ругательство». О письме Фельде, очень длинном и очень интересном, в котором с юмором описано пьянство [1].

ТОЛСТОЙ И А. А. КОРСИНИ
Ясная Поляна, 1 марта 1909 г.
Фотография с дарственной надписью А. А. Корсини Толстому: «На память от А. Корсини, 9 марта 1909 г.»

Л. Н. расспрашивал меня про раненого мужика в Саломасове, к которому я ездил прошлой ночью. Он копал руду в ходе, в 20 шагах от дудки [2]. Глыба спустилась по стенке, налегла на землю и на него, придавив ему голову и сильно поранив ее. Сотрясение мозга, впал в беспамятство. Л. Н. спрашивал подробности и сказал, что если бы он был здоров, то поехал бы к нему. Л. Н. принял очень сердечное участие в его судьбе.

Л. Н.: За границей, вероятно, эти случаи не бывают, потому что там ставят подпорки. И слабая подпорка задержит первый напор, он ведь бывает слаб.

Говорили о копании руды около Ясной Поляны. Я передал со слов возницы, что вырученные деньги за руду пропивают. Л. Н. усумнился:

— Не все.

Софья Андреевна заговорила о пьянстве народа, что следовало бы учреждать чайные и увеселительные зрелища, концерты.

Л. Н.: Не подымается рука осуждать. Это замена всего нашего дурмана, концертов, газет... Половину жизни на корточках копать руду...

Л. Н. с глубоким интересом расспрашивал и говорил про копающих руду и вообще про крестьян. Хотя я часто наблюдал его любовь к ним, но сегодня особенно был поражен ею. Из одних сочинений Л. Н. она не так видна.

Владимир Григорьевич третьего дня, вчера и сегодня пробыл у Л. Н. до 9.30 вечера и всё с ним. Я боюсь, что Л. Н. это тягостно.

Л. Н. советовал Владимиру Григорьевичу прочесть дома вслух смешное письмо об алкоголе. Владимир Григорьевич говорил, что на днях чи-

тали «Ревизора». И Владимир Григорьевич задал странный вопрос Л. Н-чу, хорошо ли сделал Гоголь, что сжег вторую часть «Мертвых душ», или нехорошо?

Л. Н.: Не знаю.

20 декабря. Л. Н. выходил. Вечером Л. Н. дал прочесть Николаю Николаевичу вслух из «Нового времени» 18 декабря «Заметки» А. А. Столыпина в защиту смертной казни. Сказал, что хотелось бы ему написать А. А. Столыпину одно слово: «Стыдно» [1].

Вечером, в 12 часов, Л. Н. сказал мне:

— Я читал священника описание смертной казни, как этот священник обращал преступника. Очень интересно, зачитался.

Ко мне, дожидавшемуся его в гостиной, когда будет ложиться спать:

— Не ждите, идите спать.

21 декабря. Л. Н. выходил утром. Много просительниц — баб деревенских, просят «на праздники».

Пополудни Л. Н. гулял в Чепыж, на гумно, в сад по аллее к дому. Почти ровно две версты. А место ровное.

Приехала Н. П. Иванова. Барышни ходили на лыжах и у оврага против сада видели волка. Глаза — как электрические искры.

Я дал прочесть Л. Н. статью А. Сиротинина о чешском поэте Махаре [1].

Л. Н.: Поэт ваш очень малоинтересен. К чему он чувствует отвращение, как вы думаете? — обратился Л. Н. к Черткову, сидевшему напротив, — К христианству. Это все от большого ума. Времена такие. Это все равно, что наши Горькие. Махар сам признает, что никаких идеалов не имеет. Никаких идеалов, и все этим очень довольны.

Софья Андреевна по просьбе Л. Н. перевела английскую книжечку о бабистах. Л. Н. теперь поправляет ее перевод [2].

Л. Н. вспомнил за обедом про них: один из догматов бабистов — общий язык.

Л. Н.: Эсперанто — попытка, но неокончательная.

Это вспомнил к тому, что сегодня читал по-сербски.

— Как странно! У них (сербов) много чужих выражений? — спросил Л. Н. меня.

Я ответил, что нет, скорее, меньше, чем в русском языке. Но Л. Н. читал не по-сербски, а по-чешски цитаты из Махара.

Л. Н. про магометан, что, по ихнему учению, должен каждый человек наслаждаться жизнью, и потому они против безбрачия.

Вечером приехали двоюродные сестры С. Н. Толстой: старшая — Раевская, младшая — Философова. В 10 часов вошел Л. Н. Обе сестры очень моложавы. Л. Н. спросил, которая Раевская, и обратился к ней:

— У вас бесчисленное количество детей. Это хорошо.

Л. Н. спрашивал ее про детей, которых сама дома воспитывает, но старшую девочку готовит в гимназию:

— Будьте рады, что не ходит в гимназию, а вы хотите в гимназию их отдать, чтобы их развратить.

И Л. Н. говорил, что дома можно всему выучиться и, главное, отвечать на то, что интересует самих детей.

— В гимназии языки гадко учат, — сказал Л. Н.

Младшую сестру — певицу — Л. Н. спросил, что́ будет петь, не искусственные ли вещи. Ответила, что попроще, что она такие любит. Л. Н. одобрил. Л. Н. нашел, что Раевская — типа философовского, а младшая — столыпинского. Вспомнил про А. А. Столыпина «Заметки» и что вчера ему написал «стыдно и гадко». Пожалел, что отослал письмо:

— Это меня мучает. Он доказывает необходимость смертной казни словами Евангелия — у одного Марка есть это место. И тут Столыпин делает две подтасовки: 1) за злословие, а не за непрокормление родителей,

2) должны умереть, но не сказано в Евангелии, что насильственной смертью, а Столыпин этот смысл подтасовывает. Это все вытекает из приписывания непогрешимости букве [3]. Л. Н. спросил, не были ли они на Женском съезде, и рассказал, что, как только одна женщина выступила против смертной казни, чиновник остановил ее и закрыл заседание [4].

22 декабря. Приехали: Гольденвейзер, Мария Александровна, Ольга Константиновна, Владимир Григорьевич, Дима. Сестры Философовы читали «Хаджи-Мурата». За обедом Чертков рассказал, как началось писание «Хаджи-Мурата»:

— Вы мне стали рассказывать этот рассказ, я просил не рассказывать, а написать.

Софья Андреевна же рассказала, что́ побудило Л. Н. написать этот рассказ [1].

Разговор о землетрясении в Сицилии и Калабрии, при котором погибло 200 тысяч человек.

Л. Н.: Это удивительная вещь, как остаешься равнодушен к такому событию, а этот заваленный глыбой руды саломасовский крестьянин меня трогает. Это непосредственное чувство — не говорю, что так должно быть, но оно естественно.

Л. Н. по поводу вчерашнего рассказа Раевской о ее семилетней девочке (что́ она говорит, какие разумные вопросы задает) заговорил о том, что следовало бы составить книжку из детских изречений. Раевская рассказала такие ее речи: «Говорят, что есть какие-то господа, какие-то мужики, а все люди как люди. Они для нас работают, а мы работать ничего не умеем. Только деньги платим».

Л. Н. рассказал про Сонечку (Андреевну) внучку.

В газете пишут, что статья Л. Н. «О присоединении Боснии» в Боснии запрещена.

Л. Д. Философова пела сначала старые итальянские песни, а потом немецкие: Баха, Моцарта, Шуберта. Потом романсы Брамса, Аренского, Чайковского, Римского-Корсакова. Гольденвейзер аккомпанировал. Потом он сам сыграл Шопена и еще что-то. Л. Н. из романсов больше всего понравилась «Ночь» Чайковского на слова Полонского. Софья Андреевна упрекнула Леопольдину Дмитриевну, что поет бесстрастно; сказала, что и Танеев делает ей тот же упрек. Л. Н. находил и говорил ей, что у нее в страстности пения как раз чувство меры. Хвалил ее пение и благодарил ее и Гольденвейзера. Л. Н. больше всего нравились Чайковский и Шопен.

Л. Н.: Шопен как удивителен! Брамса я не люблю, нет цельного впечатления. Спойте Аренского, потом Чайковского на закуску.

Л. Н. спрашивал Гольденвейзера, что нового в политике. Гольденвейзер ответил, что политикой теперь общество московское не интересуется, а скорее мистицизмом, зрелищами, нарядами.

Л. Н. сказал, что он общения с этим сословием меньше всего имеет, а имеет с миром рабочих выдающихся, от них получает письма. Молодое сословие крестьянское просыпается. Получил письмо от крестьянина, осужденного на полтора года за то, что давал читать «Не убий» (он ничуть не жалуется Л. Н. и ничего не хочет от него). Он необразованный, нашел правду в этой книжке и считает долгом своим сообщить ее другим и удивляется тому, что его образованный сын не воспринимает ее.

Л. Н.: Вот приехал тверской помещик, у него семилетний сын; вопрос у него главный, как его воспитать. Он занят научным христианством (или христианской наукой) — christian science. Это вроде теософии. Свободное христианство, но у них много допускается чудесного. Так, de gaieté de cœur *, люди не выдумывают никаких суеверий, а чтобы возможно

---

* ни с того, ни с сего (*франц.*).

было говорить хорошие слова и не чувствовать, что живем дурной жизнью. И потому, чем дольше живу, тем больше боюсь всяких суеверий, священного писания, из которого можно доказывать, что хочешь. Я чем дольше живу, тем яснее вижу, что мы, христиане, да, вероятно, все человечество, переживаем период, когда старые формы верования разрушаются: в истинное христианство никто не верит.

Л. Н. спрашивал о Махаре и высказал желание прочесть что-нибудь из него, и сегодня опять вспоминал о нем и заключил:

— Ваш поэт очень малоинтересен.

23 декабря. Приехали двое от Эдисона с хорошим фонографом для того, чтобы записать голос Л. Н. и воспроизвести его [1]. Л. Н. интересовался отзывами о «Заметках» А. А. Столыпина. Был только один отзыв в «Русских ведомостях» от 20 декабря [2]. Л. Н., прочитав его, сказал:

— Скрывают, что ни во что не верят; таков и Меньшиков, а другие переделывают христианство в идолопоклонство: Иоанн Кронштадтский. Сегодня в газетах, что Иоанн Кронштадтский скончался 79 лет.

Л. Н. за несколько дней до приезда эдисоновских людей волновался и сегодня упражнялся, особенно в английском тексте. На французский язык сам себя переводил и написал. По-русски и французски хорошо наговорил. По-английски из текста «Царства божия» нехорошо вышло, запинался на двух словах. Завтра снова будет говорить.

Л. Н. об англичанине, приготовляющем фонограф:

— Характерный англичанин — и физически сильный, и упорный, практичный, а главное сосредоточен на том деле, которое делает. Тот англичанин, который Индию завоевал.

Александра Львовна с Варварой Михайловной ездили в Тулу за покупками перед Рождеством. Говорили, какие у приказчиков и покупателей измученные лица.

Л. Н.: Понимаю. Все это в связи: Рождество, праздники, смертные казни.

Александра Львовна потеряла кошелек со ста рублями. СофьяАндреевна заподозрила кого-то.

Л. Н.: Quiconque soupçonne invite à le trahir *.

Из Тулы 20 писем. Прошлый раз — 40. Между прочим книжка немецкая «Nacktheit» [3]. Л. Н. посмотрел и сказал:

— Имеет успех своей мерзостью эта, как бы гигиеническая, книжка. Проповедует наготу и изображает нагое тело в природе.

24 декабря. Утром спросил Л. Н-ча, как его здоровье:

— Прекрасно. Как это странно — то сонливость и слабость, а нынче мало спал и чувствую себя здоровым.

Опять американцы от Эдисона. Л. Н. говорил английский текст в фонограф. За обедом Л. Н. передавал письма Гусеву и пересказал слышанный анекдот: «Наблюдатель школ вышел в 12 с четвертью и пришел в час без четверти, сколько он в это время водки выпил?»

Эдисоновские американцы очень были довольны приемом. За обедом Л. Н.:

— Попались мне Henry Murger «Scènes de la vie de bohême». Тоже презабавно. Это гораздо лучше, чем «Haps». Каламбуры на каждом шагу. Местами оно...

Софья Андреевна вставила:

— Скабрезно.

Л. Н.: По-французски презабавно, прекрасно.

Ночью уехал Гусев на пять дней.

25 декабря. Л. Н. 21-го начал писать статью по поводу «Заметок»

---

* Кто подозревает, того и обманывают (франц. пословица).

А. А. Столыпина в «Новом времени» 18 декабря в защиту смертной казни. Сегодня уже более 20 ремингтонных страниц [1]. Ездил верхом к Чертковым. Были Андрей Львович с Екатериной Васильевной, очень простые и милые. С третьего дня здесь Д. А. Кузминский.

Л. Н. поправлял сегодня вчера написанные письма, очень много поправок. Переписывали Александра Львовна с Варварой Михайловной. Л. Н. жаловался и суетился и был недоволен, что не успел сегодня написать все письма, и действительно некоторые не тронул, оставил на завтра [2]. Были: Владимир Григорьевич, Досев и Л. В. Томилов. С этими двумя Л. Н. был очень недолго. Лев Викентьевич — босой, без шапки, говорил Л. Н-чу, что в христианстве главное — быть чистым и человеку с человеком всегда откровенным.

26 декабря. Утром был трогательный 19-летний юноша из Москвы. Заговорив с Л. Н., заплакал и долго не мог говорить. Л. Н. дал ему книг и направил его к Гусеву, т. к. он ехал в Рязань.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Мария Николаевна (невестка), Сергей Сергеевич, его учитель Николай Александрович, Д. А. Кузминский, Варвара Михайловна, Чертков.

Л. Н. говорил про письма Молочникова, показывающие, что хорошо сидеть в тюрьме тому, у кого есть внутреннее содержание, хотя обстановка ужасная, насекомые. Мария Николаевна подтвердила, что ее знакомые, сидевшие за «Выборгское воззвание», довольны были заключением.

Л. Н.: Сейчас получил письмо от двух сидящих за отказ от военной службы. Пишут, что им очень хорошо, ничего не желают.

Еще речь об обстановке и жизни в общей камере.

Владимир Григорьевич говорил, что друг Димы работает в сумасшедшем доме в Туле, и рассказал удручающее. Потом Владимир Григорьевич обратился к Л. Н. с вопросом:

— В сумасшедшем доме хуже, чем в тюрьме?

Л. Н.: Я думаю. Сожитие людей невольно вызывает недоброжелательство.

Л. Н. рассказал, куда лесом ездил на санях с внуком Сергеем Сергеевичем и его учителем Николаем Александровичем. Видели следы зайцев, и Л. Н. рассказал, что у русака лапки маленькие, у беляка — плоские, широкие. Об охоте и об убийстве животных для еды (для кухни). Л. Н. говорил, что на охоте убивать менее ужасно — не видишь страдания. Но добивать птиц на охоте всегда тяжело.

Л. Н.: Я нынче слышал, как индюшки плакали о смерти своей подруги. (За обедом была индюшка.)

Из внуков Л. Н. вегетарианцы одни Сонечка и Илюшок Андреевичи.

Владимир Григорьевич рассказал, кто был у них сегодня и что читали вслух. У них хорошие чтения и беседы. Прочитывают, что пишет Л. Н., хорошие письма, которые получает, книги, статьи, которые рекомендует читать (все это подмечает Владимир Григорьевич и проводит), хорошие сочинения русской литературы — например, Гоголя, Достоевского. И веселые вещи. Музыка, пение, беседы.

Вчера и сегодня очень много работы Александре Львовне и Варваре Михайловне на ремингтонах. Л. Н. спросил у вернувшихся Александры Львовны и Дмитрия Александровича, что делали.

Александра Львовна: Философию наводили.

Л. Н.: Это хорошо. Я всегда упрекаю себя, когда не навожу философию с такими малыми хорошими, которые находятся в тумане.

Вчера приехала С. Н. Глебова. Л. Н. был ей рад и очень внимателен. Читал ей, Софье Андреевне и Марии Николаевне вслух из книжки Мюрже, сначала, как познакомились Chaunard с Collin, и очень забавлялся В продолжение четырех месяцев второй раз читает эту книгу.

— Забавно и мило это, — сказал Л. Н., — немножко безнравственно, но безнравственность такая добродушная, что нельзя..... *

Вечером Л. Н. ко мне:

— Что мне скажете хорошего или я вам?

Я, намекая на его подшучивание надо мной за то, что мне нравится Махар, который называет христианство ядом, сказал, что очень благодарен Сиротинину и Л. Н. за то, что высказались о Махаре, указав на его безверие. Он имеет успех в Чехии потому, что разбивает католицизм, и как большой художник.

Л. Н.: Я думаю, что должно быть что-нибудь в нем, как в этом юноше, который сегодня утром был. Когда я ему сказал, что надо по-христиански жить, он воскликнул: «Избави меня бог от христианства!» — подразумевая под ним православие, как Махар подразумевает католицизм. А у нас церковное христианство все-таки лучше католицизма с непогрешимым папой во главе. Философ Соловьев дошел до того, что нужно признание папы. Ведь что это такое!

Л. Н.: Я кончил то, что написал по поводу А. А. Столыпина. Чертков находит много повторений. Завтра думаю так, как есть, просто отправить в какую-нибудь газету.

27 декабря. Приехал Сергей Львович. Л. Н. гулял. В 1.30 приехала депутация из пяти студентов Петербургского университета, привезшая адрес Л. Н-чу. Л. Н. с ними около полутора часов беседовал в кабинете. Более всех понравился ему востоковед Осипов — малоросс (прочие четыре юристы: Ленский — тверянин, Вл. Кузьмин-Караваев — петербуржец, Шубаков — белорусс, Войтинский — еврей). Все студенты старших курсов, уже не сомневающиеся, хорошо или дурно быть студентом. Но об этом был разговор; Л. Н. сказал, что он говорит им, студентам, то, что сказал бы священникам: выйти (из университета) [1].

В 4 часа пошли к Черткову. Там резкая беседа о том, что интеллигенты не приносят пользы народу; что быть студентом — значит быть паразитом и готовиться паразитом остаться и что борьба с правительством, приготовлением к которой они оправдывают нынешнее существование университетов (профессоров и студентов), вредная.

Елка. Была Ольга Константиновна с детьми и много других детей.

28 декабря. Утром уехал Д. А. Кузминский. Сегодня Л. Н. писал письма, пять [1]. Пополудни был Ф. А. Страхов с дочерью. Уехала Ольга Константиновна с детьми. Л. Н. что-то слаб.

За обедом Л. Н. сказал:

— Получил письмо от бессмертника. Их человек пять, они верят, что не умрут, и это только суеверие. Что люди только от того умирают, что верят, будто это нужно. Они все старики; убеждение такое, что чувствуешь: никакое разубеждение невозможно. А если кто умрет из них, то говорят, что он не поверил достаточно сильно. Один из них рыбный торговец, чернский крестьянин [2]. Л. Н. был с ним знаком в Москве.

Владимир Григорьевич: Один приезжал в этом или прошлом году и был недоволен, что пришлось ему у столбов долго дожидаться. Потом получил письмо от Л. Н. и был очень рад.

Л. Н.: Читаю журнал «Былое» (теперь «Минувшие годы»), Николая Морозова — шлиссельбуржца, интересные его воспоминания. Он описывает подробно, как он участвовал в заговоре 1 марта и как он был один принадлежавший к той партии, которая требовала террора. Удивительно, что печатались в то время (1906 г.) [3].

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Л. Н.: Есть такая книжка Сэндерленда о происхождении Библии, я ее всегда распространяю.

Сергей Львович говорил, как Гершельман преследует печать в Москве. Например, И. И. Горбунова. Потом говорил, как Гершельман дал повесить покушавшуюся на его жизнь больную, даже не дав ей выздороветь. Как градоначальник Рейнбот стрелял в человека, бросившего в него бомбу, — стрелял, когда того городовые держали.

Л. Н.: Рейнбот, Столыпин... меня удивляет: пропустить случай проявить кротость, прощение.

Софья Андреевна объявила, что по желанию папà (Л. Н.) будет елка для малышей в деревне. И еще одну елку, вторую, справляет Ольга Константиновна 30-го (декабря).

Сегодня были тульский старообрядец с 25-летним рабочим из крестьян (лазаревских), читавшие сочинения Л. Н. и очень хорошо понявшие их, всем существом. Я им прочел утром вслух хорошее письмо псаломщика к Л. Н. о различии «церкви христиан» и государства.

Л. Н. (*о старообрядце*): Старообрядец; собственно, он распространяет мои сочинения.

Владимир Григорьевич принес слышанную им революционную песню.

— Ее знают наизусть около Тулы. В ней все ваши обращения к солдатам в стихах, — сказал Чертков.

Сергей Львович прочел ее вслух. Последний стих ее — революционный. Владимир Григорьевич предложил Л. Н. поправить песню, но не настаивал.

Л. Н. говорил о чем-то с Николаем Александровичем, учителем Сережи. Я слышал конец:

— Вот рабочие мне рассказывают: больной рабочий — по городам его кормят рабочие, а в Англии ему или идти в рабочий дом, или умирать с голоду.

Л. Н. просил Сергея Львовича сыграть на фортепьяно. Сергей Львович играл. Между прочим, что-то Чайковского. Л. Н. спросил, что это было, и похвалил:

— Очень мило.

Сергей Львович играл Чайковского, Шопена. Двери к Л. Н. в кабинет открыты.

— А вы знаете Вагнера? — спросил меня Сергей Львович.

— Да, и мне нравится, сыграйте.

— Мне тоже нравится, я бы сыграл, но Лев Николаевич не любит, — сказал Сергей Львович.

Однако Сергей Львович сыграл из «Тангейзера» хор. Потом Софья Андреевна говорила, что Л. Н. это понравилось.

У Л. Н. сегодня слабость. Вечером голова болела. Пульс 90. Сегодня утром ждали просители, нищие. Вернувшись, сказал Илье Васильевичу, чтобы меньше народу было, т. е. чтобы раньше подавать, до его выхода. Вероятно, был расстроен вчерашним недомоганием, как и третьего дня.

29 декабря. Л. Н. вчера и сегодня прочитывал брошюры революционеров и «Минувшие годы». Вечером — почту. Но всю не прочел.

Л. Н. говорил о книжном хаосе в яснополянской библиотеке, какие разные книги он получает, — например, сегодня от Троицкого исследование о Троице [1].

Л. Н. рассказал про письмо Петровой и ее мужа. Она в тюрьме. Попала за то, что, живя в своем маленьком имении, она установила близкие отношения с крестьянами. Ее письмо раздраженное, переслала его тайком. Попалась за распространение книжек Л. Н. [2]

Разговор о прогулках Л. Н.: как загуляется, замучивает с ним вместе гуляющих.

Софья Андреевна: Я с ним боюсь гулять.

Владимир Григорьевич признался, что он раз имел нехорошее чувство к Л. Н. — именно на прогулке, когда Л. Н. водил его по оврагам. Боится, когда Л. Н. возвращается прямиком.

Разговор о 79-летнем графе Олсуфьеве, генерале, дяде Марии Николаевны, большом оригинале. Он каждое утро ходит в церковь, ставит свечку «дежурному», как он выражается, святому.

— Я ни во что не верю, а вдруг все это правда? — говорит он.

Л. Н. рассказал, как Олсуфьев в Севастополе, будучи адъютантом, передал приказание Л. Н-чу, командовавшему четырьмя орудиями, и вызвал его пройти из его окопа в свой по пространству опасному, для того чтобы получить приказ.

Л. Н. ответил: «Вы переезжайте ко мне». А Олсуфьев повернул и уехал.

Л. Н.: Место было настолько опасно, что бессмысленно было по нему ехать без нужды, а Олсуфьев был послан главнокомандующим только осмотреть положение войска, а не с каким-либо приказом.

Л. Н. вспомнил и пересказал это подробно [3].

30 декабря. У Чертковых елка. Александра Львовна, Варвара Михайловна, М. А. Маклакова, М. Н. Толстая с Сережей, его учитель Николай Александрович, Н. Н. Гусев, Верочка С., Женя-портниха, Ваня Шураев и я поехали к Чертковым ряженными. Сергей Львович там. Играл на фортепьяно. Там были тоже ряженые. Было весело. М. А. Маклакова учится по-польски.

31 декабря. Утром уехал Николай Александрович, учитель Сережи. Пополудни приготовление ко второй елке для крестьянских детей с 7 до 10 лет. Катались на лыжах и скамейке: Сергей Львович, Мария Николаевна, Александра Львовна, М. А. Маклакова, Сережа и я. За обедом Чертков. Л. Н. говорил про письма: «Обратительное от Кулакова». «Зачем вы гоните Христа»? — пишет он Л. Н., а о себе, что он пьет [1].

Л. Н.: Из Томской губернии очень много писем, там, наверно, оживленное духовное движение.

Разговор о бывшем вчера у Л. Н-ча В. Н. Джонсе, бабуринском помещике, профессоре технологического института в Томске.

Л. Н. (*о нем*): Он мне понравился, хорошее впечатление.

Владимир Григорьевич: Он очень добрый человек. Его в Бабурине крестьяне очень уважали. Он по их делам ежемесячно ездил в Крапивну. У него жила Ветрова, которая облилась керосином и сожгла себя в тюрьме, в одиночке [2].

Софья Андреевна рассказывала о разных убийствах, самоубийствах, вторичных женитьбах и т. п.

М. А. Маклакова говорила, что она в обществе избегает спрашивать про семейные положения, настолько запутанные они теперь.

Л. Н. рассказал про письмо молодого человека, влюбленного в девушку; к нему приходит другая девица и ему говорит: «Я вас так люблю, вы от меня не уйдете». Две характерные черты — у одной легкое отношение к смерти: она готова застрелиться, а у другой — отсутствие pudeur *, этой женской черты.

И Л. Н. вспомнил, сколько на его веку произошло технических изменений, а в духовном отношении еще больше.

Разговор о том, как впускать детей на елку, их будет 150. Елка будет в мастерской, где Александра Львовна устроит елку так, чтобы не было свалки. Мария Николаевна предложила впускать их парами, держась за руки. Л. Н. это одобрил.

---

* стыдливости (*франц.*).

Александра Львовна вспомнила, как где-то знакомые бросали конфеты в толпу и хохотали, а ей было до слез жутко, и она остановила их, укоряя. Софья Андреевна вспомнила, что то же самое произошло у Самариных; Юрий Федорович бросал с балкона конфеты, а Л. Н. горячо остановил его, назвав это безобразием.

— Это характерно для Самарина. Он умный был человек, но лишен чутья, хотя у него не было презрения к народу,— сказал Л. Н.

М. А. Маклакова с восторгом рассказывала о Дмовском и что слышала от него о положении поляков в России. Мария Николаевна дополняла с точки зрения сочувствующей полякам. Л. Н. подробно расспрашивал, с большим вниманием. Мария Алексеевна говорила о недоразумениях на судах, об усиленной охране, дающей губернатору право издавать «законы», о роспуске им школ польской матицы, о том, что берут подписку у гимназистов в том, что не будут говорить дома по-польски. Мария Алексеевна говорила еще о деморализующем влиянии учителей на детей, которых убеждают не слушаться родителей; т. е. не желают, чтобы дети учились по-русски, и воспитывают их в католицизме и польском национализме.

Л. Н.: Как же при таком нарушении человеческих прав толковать о таких мелочах, как введение земств, позволение самим заботиться о школах при обязательном обучении русскому языку, без пособия казны деньгами, введение польского языка в суды, администрацию? Можно добиться только, если говорить о корне вещей, а не о внешних проявлениях. Корень—русское государство. Тут бомбы или любовь. Или, наконец, прийти к истине, что люди — люди, что правительство не нужно и что середины нет.

Л. Н. посмотрел на портрет Дмовского, заинтересовался его лицом и сказал:

— Какое умное у него лицо, я бы желал его видеть.

Я предложил Л. Н. позвать кого-нибудь из поляков, например, Бодуэна де Куртенэ. Л. Н. не согласился.

Л. Н. расспрашивал о том, сколько народу в Польше живет земледелием, сколько на фабриках, о школьном деле, о влиянии правительства на католицизм, что такое мариавитство [3].

Л. Н.: Воображаю — мы тут, русские люди, видим это самовластие, деспотизм, а воображаю у них...

Л. Н. встал и отошел от стола. Мария Алексеевна спросила меня, о чем мы говорили днем по поводу книги Дмовского «Немцы, русские и польский вопрос» [4]. Действительно ли я предполагаю, что поляки в королевстве через 20 лет добьются самоуправления через Думу? К нашему разговору прислушивался Л. Н. Ему показались мелочными такие интересы, что о самоуправлении, автономии в Думе заботятся исключительно, и сказал очень серьезным, запинающимся голосом, несмело, но убежденно:

— Я думаю (и решительно): мы стоим на пороге большого переворота, в котором Дума никакой роли играть не будет.

Винт до 11.15. Встречали Новый год без Л. Н.

1909

1 января. Л. Н. пишет художественное [1]. Пожар у Андрея Львовича. Приехала испуганная Екатерина Васильевна с грудным ребенком Машенькой.

Елка для малышей яснополянских в кузминском доме. Л. Н. участвовал. Л. Н. очень радовался детям, их пришло 150. Боялся давки: елка была на втором этаже, лестница крутая.

Л. Н. жалел, что не украсили несрубленную елку в саду, на просторе. Волновался, старался, чтобы дети входили парами, небольшими партиями, и так же уходили. Сам их провожал: «Уходите, уходите!», «Пожалуйста, скорее их отпускайте!»

У дверей был сторож. Несмотря на его — и нас всех — старания, давка все-таки случилась: Л. Н. шел по лестнице, бабы за ним хлынули. Так сдавили его, что, когда взошел наверх, задыхался. Маленькие пищат, рев, плач, такой шум, крик, бабы внизу дерутся. Л. Н. в жизни еще так не боялся. Заторопился: «Уходите, уходите!». В час прошли все дети, взрослые остались.

За обедом очень шумно. Л. Н. не было слышно. После обеда Л. Н. читал «Семь повешенных» Л. Андреева. И прочел вслух, как веет ветер с моря.

Л. Н.: Ведь это набор слов — эта смелость, небрежность языка. Прощание с родителями, такие важные моменты — все это сплеча, психологически неверно.

Еще Л. Н. сказал по поводу этой книги:

— Это для меня непостижимо. Теперь жалею, что так мало написал об Эртеле [2].

Вечер. Массаж живота. Я сообщил Л. Н., что Здзеховский пишет мне, что статья «О присоединении Боснии» польским журналистам неинтересна. Л. Н. принял это к сведению, как ожидаемое. Об этом есть статья Здзеховского в первом номере польского «Świat Słowiański» [3].

2 января. Утром был у Л. Н. сумасшедший крестьянин, приехавший из Петербургской губернии. Обижался на священников, чиновников. Он встретил прежде всех меня и спросил, может ли видеть Л. Н-ча и в такой одежде говорить с ним.

За обедом Н. Н. Гусев рассказал про фельетон М. М. Ковалевского «Юбилей Л. Н. Толстого» в «Русских ведомостях» 1 января 1909 г. Ковалевский в нем признает непротивление.

Л. Н.: Это мне приятно. Он милый человек.

Николай Николаевич что-то говорил про него.

Л. Н.: Это очень интересно; интересно, что есть люди, которые говорят, что дважды два — четыре.

Софья Андреевна, прочитав и вырезав фельетон, сказала:

— Максим Максимович Ковалевский молодец, не побоялся правду сказать о Льве Николаевиче.

Всех удивило такое выражение согласия с Л. Н.!

Николай Николаевич советовал Л. Н. прочесть что-то в газете.

Л. Н.: Я что-то газет не могу читать. Это у меня такой период теперь, не читаю.

Л. Н. вспомнил и рассказал про карикатуру в недавнем приложении к «Новому времени» — как старик Стасюлевич передает Ковалевскому веде́ние «Вестника Европы» — коня: «Осторожнее езди!» Тучный, грузный Ковалевский: «Подо мной не поскачет!» [1].

Екатерина Васильевна села с десятимесячной девочкой Машенькой (оглядывающейся добродушно-спокойно, с широким лицом, большими глазами) к Л. Н-чу. Л. Н. поласкал ее и сказал:

— Она пришла к нам свежа, а мы ее испортим.

Андрей Львович спросил у Л. Н.:

— Ты на елку ходил?

— Как же! Меня очень успокоило: 150 человек детей, и давки не было. Но они ничего не могли понять: граммофон, елка, камин. Больше всего смотрели на камин.

Александра Львовна поедет 8-го в Москву на концерт Ванды Ландовской.

— Папа́, правда, хорошо, если бы Ванда Ландовская приехала?

Л. Н.: Я — ничего, ⟨ни⟩ за, ни против.

М. А. Маклакова говорила, что ее брат Василий теперь весь поглощен славянским вопросом. Л. Н. ей о нем похвально говорил:

— Какой он молодец! Не с моей точки зрения, у меня другие запросы, но с точки зрения условий Думы. Его речи — самые точные, определенные.

Вечером в 10 часов Л. Н. рассматривал декадентский журнал «Весы», адресованный А. В. Толстой в Чифировку и присланный ошибочно в Ясную Поляну. Прочел начало одного стихотворения, но бросил, сказав:

— Это вроде не поймешь. Для меня все это неинтересно (бестолковые стихотворения, такие же картины), а сегодня рассказывал человек, как в Полтаве повесили сына и отца, и ужасные подробности. Я умру, а вы доживете, увидите, что это (декадентство) хуже Мессины [2]: распадется жизнь от отсутствия религиозного сознания.

Сидели около стола М. А. Маклакова, Андрей Львович с Екатериной Васильевной, Н. Н. Гусев, Софья Андреевна.

Во время массажа Л. Н. заговорил:

— Мне Николай Николаевич передал вырезки из французских газет о смертных казнях [3]. С тех пор как большинством голосов в парламенте смертная казнь была сохранена *, несколько (четверо) казнено, а 20 приговорено. Я не понимаю, как это возможно. Через 50 лет этого не будет и будут удивляться, как это могло быть. Не знаю, в Австрии есть смертная казнь?

Я: Есть и в Австрии, и в Венгрии. В Австрии больше приговоров, чем в Венгрии, так как в Австрии законы старее и более драконовские. В Венгрии — новее и либеральнее.

Л. Н.: А какая?

Я: Виселица.

Л. Н.: Не с моей, а с их точки зрения, когда есть такие тюрьмы, следовало бы им избавиться приговорением на вечное заключение от этого грубого чувства мести.

Вчера, когда увидели зарево от Телятинок, и Владимир Григорьевич, и Александра Львовна с Варварой Михайловной быстро собрались туда. Александра Львовна сказала: «Хуже всего, если деревня горит; менее. если Владимир Григорьевич, а самое легкое, если я. Застрахована».

---

* Это было несколько месяцев тому назад.

Л. Н. вчера на высказанное Софьей Андреевной подозрение, что прислуга ворует, останавливал Софью Андреевну и сказал: «Quiconque est soupçonneux — invite à le trahir» [4].

3 января. Был Досев, ездивший во Владимирскую губернию к Наживину. Рассказывал о нем Л. Н-чу. Мне рассказал про свою беседу с Л. Н. в присутствии Владимира Григорьевича. Л. Н. расстроен от приставания к нему телятинского старосты (просит на сгоревшую у него ригу); вошел в мою комнату, где был Досев, со словами, что в Индии старики хорошо делают, когда удаляются в леса *. Потом стал спрашивать Досева про его поездку. Досев сказал, что Наживин ему говорил, что, он находит, в нем идет важная внутренняя работа: не пишет теперь, делается скромнее, терпеливее к чужим взглядам, и ему даже православная вера, к которой он прежде так отрицательно относился, кажется человечнее, потому что наше самосовершенствование не дает успокоения, тогда как православие и другие веры дают успокоение. Поэтому идея Великого инквизитора в «Братьях Карамазовых» кажется ему до известной степени верной. А Досев ему на это говорил, что идея Великого инквизитора его всегда возмущала, потому что она унизительна для человека. Что в себе он, Досев, чувствует гадости, мерзости и в то же самое время чувствует, что в нем есть живой великий дух. Подобное утверждение Наживин считал самоуверенностью.

Л. Н.: Пожалуйста, расскажите мне, какая это идея Великого инквизитора? Я ее забыл; я помню, что она мне тоже не нравилась. Достоевский на стороне Великого инквизитора?

Владимир Григорьевич вмешался, сказав, что он стоит за братьев Карамазовых: Достоевский выражает в лице Алеши положительные стороны христианства; в словах безверника Ивана он больше критикует православие, чем отрицает христианство.

«Bund für freie Heilkunst»** в Гейдельберге спрашивает мнение Л. Н. о грозящем запрещении лечить не врачам (в Германии до сих пор имеет право лечить всякий) [1]. Л. Н. сказал:

— С моей стороны, я стою всегда во всех отношениях за полную свободу и считаю, что правительственное стеснение несправедливо во всех отношениях. Несправедливо точно так же и в этом.

И, садясь к столу, Л. Н. мне заметил:

— Вчерашним спиртом — je suis payé pour le dire *** (т. е. Л. Н. вчера принял от изжоги настойку спирта на сибирских травах, рекомендованную и присланную ему не врачом, от которой ему полегчало) [2].

Разговор об И. И. Горбунове. Л. Н. о его статье «Ex oriente lux!» в «Русских ведомостях» 31 декабря 1908 г., в которой он приводит письмо-прошение наместнику Кавказа от вдовы убитого грузинского поэта князя Чавчавадзе — чтобы наместник отменил смертный приговор трем убийцам ее покойного мужа, жившего любовно с людьми [3].

Л. Н.: Это письмо удивительно. Это такой ответ на вопросы «А если бы вас убили?»

4 января. Утром приехали и ночью уехали: сочувствующий Л. Н. священник, законоучитель московской гимназии [1], К. А. Михайлов, Л. Д. Николаева.

Днем Владимир Григорьевич привозил Гершензона, beau-frère ****

---

* Вчера утром тоже расстроился вследствие приставания к нему сумасшедшего, бывшего до того и третьего дня. Но бывает Л. Н. расстроен очень изредка и очень умеет удержать себя, не проявлять расстройства, не оскорблять.

** «Союз свободного врачевания» (*нем.*).

*** я подкуплен, потому и говорю так (*франц.*).

**** зятя (*франц.*).

ТОЛСТОЙ И МАКОВИЦКИЙ В СПАЛЬНЕ ТОЛСТОГО
Ясная Поляна, 27 марта 1909 г.
Фотография В. Г. Черткова и Т. Танселя

Гольденвейзера, приехавшего к нему потому, что редактирует издание сочинений Эртеля. Я ездил по больным.

5 января. Вечером приехала В. Д. Философова, певица. Л. Н. вышел в залу на несколько минут. Философова рассказывала, что упражняется в пении каждый день, а в деревне она спрашивает семилетнего племянника, не фальшиво ли поет, и он очень верно указывает ей. У него чутье музыкальное удивительное. Будет учиться музыке. Сколько таких незаметных талантов!

Л. Н.: Теперь все выдающиеся выйдут, есть возможность образования, а прежде...

Философова: Но сколько бездарностей «выходит»!

Л. Н.: Да, внешнее искусство.

Философова: Как объяснить это?

Л. Н. ответил, что публика широка стала. Раньше был ограниченный кружок утонченных интересующихся, а теперь все, кто в воротничках, все слушатели и ценители. Эту публику удивить надо. Отсюда имеют успех странности в музыке, живописи, литературе.

Л. Н. сегодня — третий день — раздражен. Софье Андреевне отвечал на такие речи, которые в другое время терпел без замечаний или с добродушной шуткой отстранял.

Андрей Львович рассказывал о жертвах сицилийского землетрясения. Теперь тема газет — описание этих ужасов, и ведется интернациональная пропаганда сбора пожертвований. В две недели собрано 80 миллионов франков. Л. Н. сказал, что ему жальче повешенного, чем жертв землетрясения, потому что того другой убивает: «Мы будем точно так же погибать».

В Екатеринославе военным судом приговорены 32 человека к смертной казни и помилованы государем. Л. Н. по этому поводу сказал, что противно то, что человек может распоряжаться жизнью других людей, и другое, что они — подавшие прошение о помиловании — будут верны царю и отечеству. Это фальшь.

Великий князь Николай Михайлович послал Л. Н. очередной выпуск «Русских портретов». Софья Андреевна рассказывала Философовой о его переписке с Л. Н., и как Л. Н. письмом прервал ее и великий князь очень огорчился тем, что Л. Н. заградил ему путь к себе: ему такая отрада была переписываться с ним. Раз Софья Андреевна была невольной слушательницей в соседней комнате исповеди великого князя Л. Н-чу [1].

6 января. Утром был у Л. Н. псаломщик из Донской области, сочувствующий. Вечером был сочувствующий Калачев, офеня с книгами. Л. Н. гулял по шоссе.

Александра Львовна утром уехала в Москву. За обедом Л. Н., Софья Андреевна, В. Д. Философова, Екатерина Васильевна, Николай Николаевич, Владимир Григорьевич.

Валентина Дмитриевна заговорила про книгу Н. Ф. Федорова [1]. Л. Н. сказал, что это удивительная книга, но понять его (Федорова) нельзя, что это вера в науку. Наука делает громадные успехи на наших глазах (телефон); почему не верить, что через тысячу, миллион лет наука не дойдет до того, что восстановит облик (духовный и телесный) человека?

Л. Н.: Мне жалко Федорова. Человек превосходный, превосходный был. Он со мной в хороших отношениях не был, даже в недружелюбных, враждебных, потому что взгляды были другие, а он был хороший человек.

Владимир Григорьевич: У Ницше было то же самое: вера, что будем такие же живые, какие были; в бесконечном времени, когда-нибудь все повторится. И эта вера его — Ницше — успокоила.

Софья Андреевна сказала, что не желала бы ни за что снова прожить свою жизнь.

Л. Н.: Я сейчас думаю о том, что всякого рода теории — это отсутствие религии. Потому что в религиях (во всех) одна и та же мысль, что все существует по воле бога. Человек лучше бога ничего не сделает.

Николай Николаевич заметил, смеясь, что Федоров насильственно хочет восстановлять умерших, например самоубийц.

Л. Н.: У него нет отрицания насилия, он признавал и войны.

Л. Н.: За 11 месяцев 1908 года были 1691 смертных приговоров и 663 казни (по «Вестнику Европы», январь).

Разговор о подробностях, всеми газетами утрированных, четырех казней гильотиной, произведенных на днях во Франции.

Владимир Григорьевич говорил, что в Англии, пока были казни пуб-

личные, было сильное движение против смертной казни. А с тех пор, как они не публичны, заглохло. Если бы в России стали публично вешать, то публика, пожалуй, не позволила бы, таково ее настроение. При Александре II возможны были публичные казни — но тогда редки были — теперь нет.

Вечером Л. Н. расспрашивал Валентину Дмитриевну, как их учат петь. Она рассказала, как в России учат: учительница берет ноты на фортепьяно, а ученица их просто поет. И как во Франции: низкие тоны учат петь грудным, высокие — головным (поднятием нёба) голосом, средние — средним. Высокие тоны не следует громко петь.

Л. Н.: И, несмотря на это, хорошо научаются петь?

Валентина Дмитриевна говорила, что она не выучилась. Учиться приходится всю жизнь.

Л. Н. сказал, что так во всяком искусстве. Кто думает, что он кончил учение, тот пропал. Это и у живописцев, у писателей. У талантливого человека никогда не наступает состояния самодовольства, что он выучился; у глупого — да.

Валентина Дмитриевна: Неужели никогда?

Л. Н. спросил ее, о чем она мечтает? Какой фельдмаршальский чин хочет выслужить? Валентина Дмитриевна ответила, что это и беда ее, что у нее тщеславия нет. Л. Н. показалось ее утверждение высшим самомнением, но когда она подтвердила истинность его, то Л. Н. сказал, что это ему приятно.

После Софья Андреевна сказала, что Валентина Дмитриевна хочет пение бросить и заняться воспитанием племянников.

Л. Н.: Пение — это хорошо, но такие пустяки в сравнении с настоящими задачами жизни: относится к ним, как один к миллиону.

Валентина Дмитриевна: Для достижения фельдмаршальского чина мне говорят: «Идите на сцену. Вы тем, что не идете на сцену, лишаете приятности слушать вас».

Л. Н.: Самое великое качество — не иметь тщеславия. Если для того, чтоб достичь успехов в пении, нужно самое скверное качество — тщеславие, то пение — дурное дело.

Потом говорил о ней:

— Она отличная девушка, зачем ей петь?

7 января. Л. Н. завтракал вместе с нами: Валентиной Дмитриевной и мной. Прекрасный зимний солнечный день. Иней. Валентина Дмитриевна говорила о красоте мест вокруг Ясной Поляны. Л. Н. о Засеке, что она потому и засека (осталась лесом), что вся в оврагах, непригодных для земледелия.

Л. Н. спрашивал меня, поеду ли куда к больным. Я отвечал, что тороплюсь в Щекино и Саломасово. Л. Н. сказал, что понятно, почему молодежь рвется в медики: врачам предъявляются определенные требования, и они удовлетворяют их.

Л. Н. сегодня ездил 15 верст.

За обедом Л. Н. сказал:

— Читал об организации рабочих в «Минувших годах» [1].

Николай Николаевич заметил, что «Минувшие годы» прекращаются, потому что их часто конфискуют.

Л. Н.: Как подробно описано в «Минувших годах» событие 1 марта! Все портреты участников; ужасны портреты Михайлова и Рысакова [2].

Потом Л. Н. рассказал, что заглянул в «Хаджи-Мурата», которого Софья Андреевна переписывает, и не мог вспомнить изречение Николая I: «Слава богу, смертной казни у нас нет» и его приговор, там описываемый. Л. Н. стал рассказывать. Софья Андреевна сказала, что она это хорошо помнит и лучше расскажет. И рассказала, что обвинялся поляк Бжезовский — студент, нанесший профессору перочинным ножом несколько

ран. Николай на полях доклада написал: «Слава богу, смертной казни у нас нет. Провести 12 раз скрозь тысячу человек» [3].

Л. Н. рассказал про письмо А. М. Бодянского из харьковской тюрьмы [4]. Ужасно — насекомые. Л. Н. написал два письма: губернатору и начальнику тюрьмы [5]. Вспоминали про письмо Петровой, описывающей заключение в Бутырках,— тесная баня, где их запирают на ключ [6]. Анна Константиновна ужаснулась этой бане. В ее новом сборнике песен есть строки, за которые можно ее привлечь к суду.

Рассказывали о том («Русское слово», 6 января), что Плеве поручил Иоанну Кронштадтскому написать ответ на обращение Л. Н. «К духовенству».

Л. Н.: Как это все связано, как умно с государственной точки зрения: поручить Иоанну Кронштадтскому возражать мне.

Л. Н. не мог вспомнить ни Плеве, ни следовавших за ним министров. Спросил, есть ли книга по истории последних лет с 1900 г. Чертков спросит Хирьякова, записал себе достать книгу.

Л. Н. в первом (январском) номере «Вестника Европы» подчеркнул статьи: 1) «Письма из Шлиссельбургской крепости» Н. Морозова, 2) Статистика смертных казней.

Вечером за круглым столом Л. Н. прочел вслух из «Круга чтения» конец «Орла» [7], сказал:

— Хорошо, чудесно! Достоевский — серьезный писатель.

Софья Андреевна: Вы соседи в Историческом музее.

Л. Н., не расслышав, переспросил. Софья Андреевна объяснила, что комнаты в Историческом музее Толстого и Достоевского — по соседству.

Л. Н.: Надеюсь скоро в настоящем соседстве быть.

Л. Н. про сегодняшних нищих:

— Один попросил книжек. «По революции (попался)?» — «Да, по революции».— Был в одном пиджачке. Следовало бы дать верхнюю одежду, но опять надо быть осторожным.

Софья Андреевна вспоминала многих, которые перепродали садовнице или в деревне шапки, пиджаки, рубашки. Л. Н. еще говорил очень трогательно и художественно вместе с тем про других сегодняшних нищих.

Андрей Львович рассказал про охоту великого князя Николая Николаевича («младшего», ему 51 год) в Першине. Убивают от 60 до 200 зайцев, фазанов на ружье.

Л. Н.: Это не охота, это стрельба.

Л. Н. говорил, что привлекательность охоты — зверь хитрый, и его перехитрить. Это заставляет забывать жестокость.

8 января. За обедом Л. Н. рассказал о прогулке по Воронке, около сторожки, где жил телятинский мужик — вор Маслов, писавший воспоминания для Л. Н., месяца два тому назад скончавшийся [1]. Как он в этой сторожке, когда был паводок летом 1908 г., на лавку залез, с лавки — на печку, на печке лежал, пока вода спала.

Утром был болгарин, офицер, 21 года, сын военного, богатырского телосложения, конфузливый, нервный, покинувший военную службу из-за убеждений. Один полковник ему посодействовал выйти «из-за нездоровья»: полагается служить четыре года, он прослужил один год. До него уже несколько человек вышли, и многие недовольные хотят выйти. С Л. Н. мало говорил [2], пошел к Досеву, Черткову.

Л. Н.: Нынче письмо от Молочникова. Пишет, что читал Мэтью Арнольда о том, что христианство связано с еврейством [3]. Я нынче с Мэтью Арнольдом несогласен: по-моему, оно связано только исторически, а не внутренно. Внутренно связано с буддизмом, конфуцианством.— Л. Н. продолжал о Молочникове:— Как он много думает, работает.

Л. Н. (*мне*): Читали? Хорошее письмо иеромонаха Арсения (по поводу выдержки из дневника Л. Н.— «Русское слово» 3 января) [4].

Л. Н. не было. Андрей Львович спрашивал у Николая Николаевича про последние писания Л. Н., между прочим про его предисловие к «Гарденинам». Софья Андреевна отозвалась: есть ли такое? она про него и не знает, какое оно. Николай Николаевич сказал, что он сам его не читал: оно у Владимира Григорьевича; оно короткое, на одной странице.

Софья Андреевна: Эртель был друг Черткова. Вдова просила его, а он выпросил у папá это предисловие.

Издается полное собрание сочинений Эртеля. Говорили о достоинствах Эртеля — не содержание, а язык хороший, мужицкий, богатый. «Гарденины» всем нравятся.

Андрей Львович рассказал Л. Н., вошедшему в 10.45 и спросившему о чем разговариваем, что говорим о том, кто лучшие русские писатели и что я утверждаю: Достоевский, Герцен, Гоголь, Толстой, Гаршин.

Л. Н.: Пропустили Пушкина. Или это общепринято, что он классический? Гаршин немного... — Л. Н. не договорил.

9 января. Л. Н. гулял утром, среди дня и после полудня по часу. Погода прекрасная. Вечером приехали М. А. Маклакова, А. А. Гольденвейзер и вернулись из Москвы Александра Львовна с Варварой Михайловной.

Л. Н. расспрашивал Анну Алексеевну о ее муже, его концертах, шахматной игре и т. д. Анна Алексеевна рассказывала про декадентскую музыку с декадентской пляской. Представление «Danse de Satan» *: девица в красном и каких-то лохмотьях на эстраде плясала под звуки фортепьяно.

Л. Н.: Это подтверждает то, что только нечто необычное сейчас вызывает успех.

Л. Н. у Гусева читал вслух письмо Давыдова о привлечении к суду Ивана Ивановича [1]. Чертков прочел Л. Н-чу письмо издателя «Fortnightly Review» о помещении «Закона насилия и закона любви», но только пополам в двух ежемесячных книжках. Л. Н. согласился — думаю, от усталости. Варвара Михайловна привезла от Мельгунова, сотрудника «Русских ведомостей», Л. Н-чу большую книгу: «Литература партии «Народной воли»» [2].

Получен сербский перевод: Лав Т о л с т о ј «О присаједињењу Босне и Херцеговине Аустрји» (Београд, 1908) с хорошим письмом переводчика и составителя биографии Л. Н. на сербском языке Иована Максимовича. Л. Н-ча порадовало. Он пишет о впечатлении от этой статьи следующее: «Мне очень приятно сообщить вам, что эти ваши слова, как и все прежние появлявшиеся в нашей печати и литературе, читались с большим оживлением и вниманием. И, хотя сербские читатели не особенно привыкли к такому роду сочинений и размышлений, и на взгляд они как будто враждебно настроены к направлению мысли, выраженной в этой статье,— они, все-таки, по прочтении ее, почти во всех мне известных случаях с вами соглашались и, с признаками удовлетворения таившихся в них запросов, как будто споря с кем-то, одобряли основную мысль вашего писания, и трудились приискать новых доказательств для нее» [3].

У меня в комнате болгарский офицер с Досевым. К нам сошел Л. Н. с Владимиром Григорьевичем. Заметив, что мы говорим на *ты*, Л. Н. сказал:

— Почему не говорить *ты*, ведь народ так говорит.

Владимир Григорьевич: Досев всем говорит *ты*, и Анне Константиновне, и Ольге.

---

* «Пляски сатаны» (*франц.*).

Болгарский офицер: У нас только интеллигенты вводят *вы*.

Л. Н. заметил, что и в России то же: должно быть у всех славян такое нововведение.

Я сказал, что у чехов уже в XIV веке было в употреблении *вы*.

Л. Н.: Это соседство немцев. У них есть Ihr *.

Никольский: *Вы* еще куда ни шло, а смешно *мы*, как говорит князь Фердинанд.

Владимир Григорьевич: Здесь люди из народа отвечают *мы*, когда к ним обращаешься на *вы*.

Никольский говорил о своем оставлении военной службы: его отталкивала грубость в приемах обращения с солдатами. Л. Н. спрашивал его о военном духе и храбрости, есть ли у болгарских офицеров и преданы ли своему делу. Никольский отвечал, что некоторые служат против убеждения, некоторые вышли, и есть которые хотят выйти. Большинство же служит, ни о чем не задумываясь. Досев перевел разговор на другую тему.

Л. Н.: Я думал о том, что есть несколько подразделений, пользующихся чужим трудом, начиная с нас. Социалистам следовало бы делать эти подразделения: 1) помещики, капиталисты пользуются грабежом, 2) военные, администрация делают дела, вследствие которых люди могут пользоваться грабежом. Эти люди не стыдятся совершения самых отвратительных злодеяний. Я низкого мнения о профессорах, но нельзя сравнивать ⟨с ними⟩ судебных администраторов и военных.

Никольский: Много недовольных военной службой офицеров.

Л. Н.: А такие, которые бы вследствие религиозных убеждений отказывались служить?

Никольский: Есть.

Л. Н.: А есть такие среди солдат (крестьян)?

Никольский: Есть такие, но я не встречал.

Л. Н.: Когда доживешь до 80 лет, как удивительно, что держится это удивительное суеверие, что необходима военная служба. Какая это страшная сила—традиция, гипноз! Чем большинство людей руководится в жизни? «Все так». Тех людей, которые своей головой думают, так мало. Военная служба (государственное устройство) — одна из этих вещей: «Все так».

Досев рассказал, как ему отец говаривал: «Жили и живут все по православной вере, а твой Толстой выдумал новое».

Л. Н.: Забывает, что не всегда были православными. Православие тоже было новым.

Вечером массаж.

Л. Н.: Как это удивительно: малая страна Болгария выбирает немца в князья и вооружается: 400 тысяч войска в случае мобилизации. Половина бюджета на войско. Si vis pacem, para bellum ** — какая глупость, которую все повторяют. Я не доживу и вы нет, но человечество доживет... — Л. Н. не досказал, что войск не будет.

Я рассказал про письмо Максимовича [4] и восторгался тем впечатлением, которое произвела в Сербии статья «О присоединении Боснии».

Л. Н.: Да, но она подействовала на малую часть читающих.

Я: Это сербам выход. Они вооружаются, готовятся к войне с Австрией, а исход войны — их политическая погибель. Они хотели бы другого исхода, а указывает им его ваша статья.

Л. Н.: Дай бог!

Сегодня славянский день: два болгарина, словак, письмо Максимовича, сербский перевод «О присоединении Боснии», телеграмма из Белграда, урок польского языка М. А. Маклаковой.

---

* вы (*нем.*).

** Если хочешь мира, готовься к войне (*лат.*).

10 января. Суббота. Л. Н. верхом шагом, только два раза рысью. Мы с Николаем Николаевичем за ним в санях.

Говорили о Л. Н., что он за прошлый год заметно ослабел, сгорбился. Л. Н., кроме увещевательных, просительных, «миндальных», стал получать от юношей и курсисток фразистые — декадентские, символические письма: одни слова и напыщенность.

Вечером Л. Н. за круглым столом в зале дожидался Гольденвейзера, который перед концертом упражнялся на фортепьяно в комнате Александры Львовны. Я рассказал про статью Меньшикова в «Новом времени» от 8 января, как англичане и американцы, издавна главные враги России, выдвинули и поддерживали против нее японцев и как с их победой политически проснулась Индия и пошатнулось владычество англичан там больше, чем могла пошатнуть его Россия. И о будущности славянской, как они (славяне) в Европе множатся *[1]. Л. Н. сказал, что три народа разны по характерам. «Японцы, самый меньший народ, больше всех задорны; потом индусы, судя по письмам и статьям, которые получаю,— говорил Л. Н.,— а китайцы невозмутимы, спокойны».

Л. Н.: Я не знаю примера в истории, чтобы такой огромный народ, как индусы, был подчинен горсти чужих людей. Торговцы обделывают свои делишки и покоряют себе народ, потом держат войско, чтобы обеспечить покорение.

Л. Н. был, как всегда, очень приветлив к Диме, даже сам похлопотал о том, чтобы его накормили, и Гольденвейзер ждал его с концертом. Л. Н. с А. А. Гольденвейзер о Диме:

— Что будет из него при его воспитании? Может быть, противоположное, как с отцом. Как нельзя предсказать, что будет с народами, так и что будет с людьми. Кто предсказал бы, что будет из отца его? Не он — Дима — изменится, а условия, в которых будет жить, изменятся.

Вечером Гольденвейзер играл одного Шопена, любимого Л. Н.,— хорошие вещи и очень хорошо. Л. Н. умилялся, как никогда. Радовался, хвалил: «Превосходно», «Прелестно», «Прекрасно». Играл сперва..... ** потом этюды, потом два скерцо.

Л. Н.: Скерцо не люблю: это не он (не Шопен).

Когда сыграл мазурки, Л. Н. сказал: «Вот это настоящее, в чем его сила. И сыграно прелестно». Гольденвейзер еще сыграл.

Л. Н.: Как хороши мазурки, одна лучше другой! Все хороши. Благодарствую, очень благодарствую. Мне так полезно сделали.

Слушали: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Екатерина Васильевна, Варвара Михайловна, А. А. Гольденвейзер, М. А. Маклакова, Владимир Григорьевич с Димой. Потом Л. Н. встал, ходил по зале и говорил Владимиру Григорьевичу и другим про музыку:

— Скерцо — это шутка, это не в его духе. У него все хорошо, ни звука не выкинешь. Слушая музыку, приходят мысли — не мысли, а представления. — Потом сказал растроганно: — Хорошо на свете жить!

Подали чай. Гольденвейзер говорил про Скрябина, которого видел в Берлине, где концертировал, что он теософ. Л. Н. про теософа Уайта (White), английского полковника, по убеждению отказавшегося от военной службы, от которого получил сегодня письмо серьезное и вдруг в нем про «эфирность тел» «что будет после смерти?» [2] — Что будет,— сказал Л. Н., — никто не может это знать и никому это не нужно. А как в жизни прилагать религиозно-нравственное учение, об этом мало стараемся.

12 января. Вчера концерт Вари Паниной и Брандукова-виолончелиста в Дворянском собрании в Туле. Ездили туда: Андрей Львович с Екате-

---

* 240 миллионов Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии 1904 г. увеличились на 2 418 000, а 146 миллионов России — на 2 464 000.

** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

риной Васильевной, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Дима и я. У нас в это время концерт Гольденвейзера: играл пять вещей Шопена [1]. Л. Н. спрашивал Гольденвейзера про его жизнь: сколько занимается, что читает. Вспомнил, что он Шопена слышал впервые в сороковых годах в Казани. Дядя Юшков играл и не был им доволен. Вероятно потому, что был ему не по силам (технически). Л. Н. спросил, был ли кто, кто мог играть Шопена при его жизни?

Гольденвейзер: Был Лист *.

За обедом Л. Н. расспрашивал о концерте Вари Паниной. Александра Львовна была ею восхищена, а я разочарован. Панина пела сперва романсы, и те нехорошие, безучастно, на один манер: сначала тянет, потом скороговоркой. Лицо деревянное, как маска. Только две последние песни цыганские были очень хороши сами по себе и пела их с темпераментом.

Л. Н. расспрашивал подробно про Панину и объяснял ее неуспех у Варвары Михайловны и у меня тем, что на эстраде при освещении в зале требования другие, чем от простого цыганского пения. На его памяти цыганки никогда не пели на эстраде, а просто в комнате. Л. Н. вспоминал братнину жену: какая была милая, простодушная, некрасивая и как хорошо пела [2]. Л. Н. понимал дочь, что ей нравилось пение Паниной.

После обеда я читал по-польски с М. А. Маклаковой. Пришли в комнату Александра Львовна, Варвара Михайловна, Николай Николаевич и стали петь, долго пели. Главным образом Мария Алексеевна, знающая огромное количество народных великорусских песен. Пела кончающуюся словами: «С тобой, барин, жить прелестно, // А Ванюши-души жаль» [3].

С 9 до 10 катались на скамейках с факелом (соломой) вниз по прешпекту и по деревне.

Вечером Владимир Григорьевич. Он теперь в рабочем периоде, потому приехал поздно и накоротко.

Когда мы пели, Л. Н. с Владимиром Григорьевичем отворили дверь, и Л. Н. стал хлопать в такт под веселую песню Марии Алексеевны. Она, Александра Львовна и Гусев хорошо поют.

Л. Н. получил письмо о вивисекции; для ответа просил найти книжку об этом предмете [4].

Л. Н. — не соблюдающий приличия учтивый западник, а простодушный, сердечный, задушевный русский человек и ведет себя участливо, а не холодно. Его правило: быть самим собою, а не тем, что требует общество **.

13 (?) января. Я все эти дни не бывал дома, проводил время в лечебнице или ездил по больным. Софья Андреевна лежит в инфлюэнце. За обедом Л. Н. о статье Анучина в «Русской мысли» о смертной казни [1].

— Тут казнен человек зверообразный, а ты все-таки чувствуешь жалость. Все эти подробности: как его расковывают, палач... Его последние слова были к палачу: «Ну ты, душегуб, скорее!»

Страшное впечатление производит эта казнь.

По мнению Л. Н., это лучшее описание смертной казни; советовал Владимиру Григорьевичу прочесть его молодым людям.

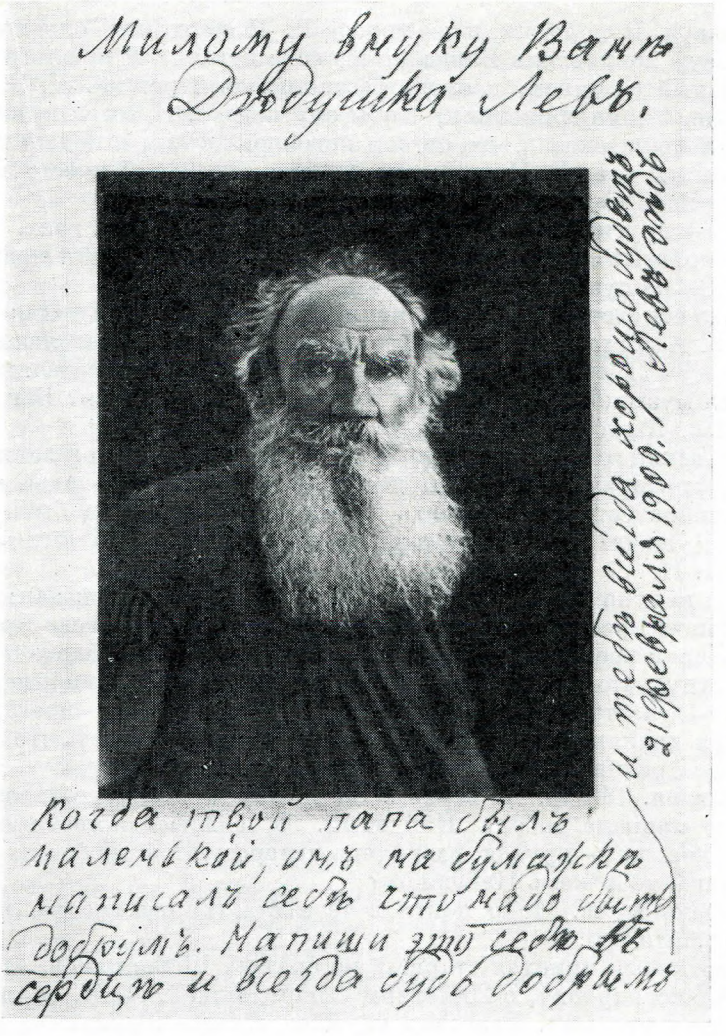
14 января. Л. Н. рассказал Диме Черткову с удивлением про инструмент пианолу, точно передающий игру на фортепьяно виртуозов, про который только что услышал от Ванды Ландовской.

Ванда Ландовска в 8.50 вечера села за фортепьяно и сыграла две удивительные персидские песни. Л. Н. хвалил их с кресла у дверей и спросил ее что-то (говорил по-французски). Она не расслышала, встала, чтобы его видеть, и переспросила. Тогда Л. Н. тоже поднялся и, стоя, продолжал говорить с ней.

---

* Записано по рассказу М. А. Маклаковой.

** Эта характеристика Толстого написана Маковицким на отдельном листке с датой «12 января 1909 г.». — *Ред.*



ТОЛСТОЙ

Ясная Поляна, 1906

Фотография В. Г. Черткова с дарственной надписью Толстого: «Милому внуку Ване Дедушка Лев. Когда твой папа был маленький, он на бумажке написал себе, что *надо быть добрым*. Напиши это себе, в сердце и всегда будь добрым и тебе всегда хорошо будет. 21 февраля 1909. Лев дед»

«Утром уехала А. В. Толстая, невестка... Ее сынок, шестилетний Ваня, просил через нее дедушку послать ему свой портрет. Л. Н. написал ему на портрете целое наставление, как жить...».— Запись от 21 февраля 1909 г.

— Vous connaissez «La valse rustique?» * — спросила Ванда Ландовска.

— Probablement je la connais. Charmante **.

Ванда Ландовска сыграла его и еще bourrée ***. После этих пьес Л. Н. просил Шопена [1].

---

* «Знаете ли вы «Сельский вальс»?» (*франц.*).

** Вероятно, знаю. Очаровательный (*франц.*).

*** овернский танец (*франц.*).

15 января. Пополудни, в 14° мороза Л. Н. верхом в Телятинки к Чертковым. Туда же поехала Ванда Ландовска играть. У крыльца стоял здоровый малый с сумкой, т. е. профессиональный нищий. Л. Н., видя его через окно, вынул гривенник, чтобы ему подать. Я хотел вынести. Л. Н. остановил меня, сказав, что он сам поговорит с ним и подаст. Поговорив с ним минуты две, Л. Н. попросил пятачок и дал ему вместо гривенника и выговаривал ему:

— Ты у других отбиваешь, кому бы подали. Жалко, грех.

Тот оправдывался. Л. Н. указал на стоявшего тут с лошадью конюха Филю: «Он не лучше тебя одет, а живет».

Только что этот нищий ушел, явились другие. Один из них просил книжку о боге. А когда я ему принес ее, просил книжку о революции.

За обедом Л. Н. говорил со Львом Ландовским о писателях, интересовавшихся музыкой: о Тургеневе, Руссо. Вечером концерт Ванды Ландовской у нас. Я отсутствовал: ездил к больному.

Ландовский говорил мне, что Л. Н. сказал ему, что он завидует музыкантам и докторам: музыканты доставляют столько удовольствия людям, а у докторов есть возможность во множестве случаев быть полезным. «Знаете Душана? Его зовут в отдаленные деревни. Я ему завидую»,— сказал Л. Н.

Перед полуночью, во время массажа живота Л. Н. сказал:

— Нынче прекрасная статья Меньшикова об Алексееве-Бруте (писавшем в «Новом времени» о злоупотреблениях в военном флоте и за это преданном суду), что он не виноват, что тут высокопоставленные лица скрываются. — Он эту статью просмотрел [1]. — А другая — прегадкая: о деревенских драках парней, убийствах [2]; старики говорят, что если бы их за это расстреливали, не было бы этого. Гадко.

16 января. 14°. Л. Н. верхом. За обедом Александра Львовна рассказала, что пропала собака Найденый. У Толстых животные — собаки, лошади, коровы — друзья; ими очень интересуются, любят их.

— Папа́, тебе жаль Найденого?

— Очень жаль. Надо пойти в те места (Горюшино за Засекой, где пропал) найти его.

К Чертковым приехал старший из братьев Шейерманов, 41 года, Владимир Александрович, с 20-летним сыном Мишей. Л. Н. за обедом спрашивал меня про них. Разговор перешел с сына Шейермана на сыновей Булыгина.

— Какой красивый, мужественный стал Сережа Булыгин,— сказал Л. Н.

— Для того, чтобы сидеть в дисциплинарном батальоне,— вставила Софья Андреевна.

— Это лучше, чем быть флигель-адъютантом.

В «Новой Руси» от 15 января Л. Н. нашел, что Департамент полиции запретил книгоношам продавать его народные рассказы и портреты. Л. Н. удивился этому:

— Странно запрещать «Где любовь, там и бог»! Очевидно неприятна популярность моя.— После некоторого времени:

— Это мне комплимент.

Л. Н. очень внимательно, удивительно зорко просматривает газеты, читает и замечает все сто́ящее замечания. Другие углубляются в ту же газету и не находят того, что Л. Н., взглянув, сразу видит.

С 8 до 10 вечера Л. Н. с Шейерманами, отцом и сыном, беседовали в кабинете. Во второй половине присутствовал Чертков и тут же записывал. В конце — Гусев. Я с начала беседы сидел в зале, потом ушел. Через открытые двери и гостиную слышны были иногда громко произнесенные фразы.

Л. Н.: Стараться, чтобы я умел перенести все, что мне делают. Тут есть особенная в том радость: случай добром отдать за зло. Это утонченное духовное наслаждение, а мысль «Не противьтесь злому» — совершенно справедлива, это прямо практическое применение. Теперь каждый малый хочет всех учить, о себе ему заботиться нечего: это уже решено, что он хорош. Это главный недостаток: «Я буду других учить». Сам себя высоко ставит. А все в том, чтобы на себя смотреть как на требующего исправления.

Потом о едином налоге.

17 января. Л. Н., после вчерашнего длинного разговора, слаб: слабость сердца, темно в глазах. Кажется, ничего не писал. По крайней мере, ничего не было для переписывания. Несмотря на слабость, Л. Н. ездил верхом семь верст. Софья Андреевна дала знать Владимиру Григорьевичу, чтобы никого не приводил. Приехал Владимир Григорьевич один. И так как был в возбужденном состоянии, с 7.30 до 9.30 неумолкаемо говорил Л. Н-чу. Софья Андреевна входила в кабинет и обратила внимание Владимира Григорьевича на усталость Л. Н. Но Л. Н. сказал, что он не будет говорить, а только слушать.

За чаем Л. Н. спросил о Шейермане-сыне:

— Его не видать из-за отца.

Владимир Григорьевич: Ему предстоит военная служба, и он намерен отказаться, но не говорит об этом.

А о Шейермане-отце Владимир Григорьевич сказал:

— Симпатичный, твердый, у него слова не расходятся с делом, как у нас.

Софья Андреевна переписывала «Хаджи-Мурата», сегодня кончила.

Сегодня был Д. А. Кузминский-правовед с его другом Челищевым, петербургским студентом.

18 января. Л. Н. читает много газет. Теперь они переполнены объявлениями о лотереях, и все в Ясной покупают билеты: Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Андрей Львович.

Л. Н.: Какая книга объявлена: хотите выиграть на билет? Купите себе книгу, где вычислены вероятные числа, которые выиграют.

Сегодня получена книга «О Толстом» — «Международный альманах о Толстом», как ее прозвали газеты, пишущие с месяц о ней множество предлинных статей. Реклама последовательная и выдержанная. Редактор — П. А. Сергеенко. Книга удалась. Лучшие статьи в ней — двух крестьян: В. С. Морозова и М. П. Новикова.

Вечером у Л. Н. Владимир Григорьевич с В. А. Шейерманом. Шейерман рассказывал Л. Н. про бывшего в Ясной Поляне в прошлом году около полутора недель Ризенкампфа из Вильны, питавшегося одними зернами крупы, ржи, риса и т. д.; говорил, что он совсем отказался от еды. Его в психиатрической больнице кормят через нос.

Л. Н.: Он из тех, которые внешнему жертву приносят, на внутреннее не обращая должного внимания. Ту энергию — на внутреннее направить. Где пределы сумасшествия? — сказал Л. Н., когда я выразил мнение, что у Ризенкампфа, должно быть, начало меланхолии.

Л. Н-чу очень понравились Шейерман с сыном.

19 января. Л. Н. гулял много по саду. За обедом были Владимир Григорьевич с Димой, В. А. Шейерман с сыном, Авилова с дочерью, Страховы — муж с женой.

* *Л. Н.*: Кузьмина письмо (из ссылки на севере) очень интересное и длинное. Он обращается ко мне, чтобы я сделал невозможное [1]. Я сегодня

---

* Записано через полтора месяца.

вечером вспоминал: поражаешься нелепости этих наказаний (ссылка, проходное свидетельство). Достигается обратное.

Л. Н. говорил, что теософия и спиритизм имеют много общего.

Владимир Григорьевич: Но друг друга не любят.

Софья Андреевна рассказала про проделки спиритов на сеансах, на которых она присутствовала. Все это подделка. Она давала две тысячи рублей, чтобы ее усыпили. Л. Н. спокойно сказал:

— Кто-то говорил, что Иван Михайлович Трегубов увлекался спиритизмом.

Еще Л. Н. сказал, что на днях читал что-то декадентское — гадость. Декадентство — не литературная форма, а невоспитанность. Чего не знаешь, не будешь описывать, а он описывает и жизнь двора и критикует.

20 января. Л. Н. слышал от Димы Черткова, а тот от генерала Куна, что будет в Ясной архиерей. Парфений у генерала Куна высказал желание видеть Л. Н. Там был Дима, он об этом сказал Л. Н. и сказал, что Парфений будет объезжать епархию, посещать школы, между прочим и яснополянскую.

Утром, выйдя из дома и поговорив с двумя прохожими и одной бабой-просительницей, увидев сани-розвальни, в которых я уезжал, Л. Н. присел сзади, чтобы довезтись к школе. И Маркиз (пудель) с нами везся. По пути рассказал, что прохожие рабочие копали уголь в шахте, где засыпало рабочих (это случилось два месяца тому назад в Донецком крае), и т. к. там вонь от разлагающихся трупов, бросили работу и идут домой пешком.

Л. Н. поехал в школу сказать учительнице, дочери местного кочаковского священника Т. А. Кудрявцева, что если будет архиерей, просит, чтобы посетил его.

Л. Н. приехал в школу, вошел. Ученики и ученицы его узнали и приветствовали. Учительница А. Т. Кудрявцева думала, что Л. Н. зашел просто послушать ученье. Учила как раз закону божию, и ученики отвечали притчу о самарянине. Л. Н. слушал их и, когда кончили, спросил их, что эта притча значит. Потом сказал Антонине Тихоновне, что слышал, что сегодня будет в школе преосвященный и что слышал, что он хотел повидаться с ним:

— Я желал бы его видеть, попросите его заехать ко мне.

Парфений приехал в Ясную в сопровождении келейника-проводника, Т. А. Кудрявцева, исправника, пристава, двух урядников.

Я поздно вечером возвратился домой. Гусев провел день у Чертковых, помогая приводить бумаги в порядок. Александра Львовна с Варварой Михайловной записали беседу Л. Н. с архиереем тульским Парфением, которую вели в кабинете Л. Н. и которая была оборвана приходом Софьи Андреевны тогда, когда заговорили о боге. Вечером в 9.15 Л. Н. пришел в комнату Александры Львовны, где она с Варварой Михайловной восстанавливали беседу (недописанные места). А я сидел так.

Л. Н. постучался два раза, спросил, что́ делают.

Александра Львовна: Преступление: мы записали беседу в гостиной впотьмах. Нехорошо сделали?

Л. Н. (*радостно*): Нет; архиерей — хороший старик. Я не жалею, что его позвал.

Варвара Михайловна: Да, очень хороший.

Александра Львовна: Почему такой хороший остается архиереем?

Л. Н.: Когда одумается, уже года старые, связан узами с прошлой жизнью, надо большие силы, энергию, чтобы развязать их.

После Варвара Михайловна рассказывала, что Л. Н. сказал, когда уехал архиерей, что ничего ему не стыдно из того, что говорили, и Л. Н. даже всплакнул.

ТОЛСТОЙ И В. Г. ЧЕРТКОВ В КАБИНЕТЕ ТОЛСТОГО
Ясная Поляна, 27 марта 1909 г.
Фотография Т. Танселя

«Приехал Владимир Григорьевич с Танселем-фотографом — и снимал Л. Н-ча с нами: с Танечкой в зале... с Николаем Николаевичем в его комнате, с Владимиром Григорьевичем в кабинете, с Ильей Васильевичем тоже в кабинете, со мной в спальне».— Запись от 27 марта 1909 г.

— Я так вам благодарен, что имели мужество приехать,— сказал он архиерею.

— Помилуйте! Какое счастье для меня.

Архиерей говорил меньше Л. Н-ча: он останавливался, волновался, а интересно говорил [1].

22 января. Л. Н. утром гулял. Пополудни ездил верхом. Здесь М. А. Стахович, приехавший вчера. Вечером был Андрей Львович. За обедом разговор по поводу ареста бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина за то, что он подтвердил Бурцеву, издателю журнала «Былое» в Петербурге, что Евно Азеф был, действительно, агентом тайной полиции. Азеф был одним из главарей организации социалистов-революционеров и вместе с тем провокатором.

Л. Н. со Стаховичем говорили о роли правительства, что оно провоцировало бунт в Свеаборге, убийство Плеве и др., во всем этом деятельным был Азеф.

Говорили о злоупотреблениях на железных дорогах, о казнокрадстве. От Амурской железной дороги будет дефицит 37 миллионов рублей в год. М. А. Стахович интересно, остроумно изложил разговоры в Государственном совете о железнодорожных злоупотреблениях. Л. Н. ужасался огромным дефицитам железных дорог (Стахович ошибочно утверждал, что 405 миллионов) и в заключение сказал, что правительство основано на мошенничестве, как же его исправлять? Михаил Александрович мягко возражал, что в Европе правительства приличны, у нас же общая недобросовестность делает, что правительство мошенничает. Л. Н. на это сказал, что на Западе — именно потому что приличны — нет надежды, а у нас, где безобразно, есть надежда на прозрение. Оно — правительство — держится на ложном религиозно-нравственном жизнепонимании.

— Я говорил многое архиерею, но одно не сказал про его деятельность: что проповедь религии — или величайшее добро или величайшее зло. Середины не бывает, — сказал Л. Н.

Михаил Александрович говорил, чем занят Государственный совет: законопроектом об условном наказании и аграрным вопросом.

Л. Н.: Ведь это, сколько ни говорить там, все это (мошенничество) делается, будет делаться.

Посылали телеграмму Н. Л. Оболенскому и Н. М. Сухотиной: завтра их свадьба в Ницце. Подписали Л. Н. и все присутствующие: Софья Андреевна, Александра Львовна, Андрей Львович, Екатерина Васильевна, Варвара Михайловна, М. А. Стахович и я [1].

Л. Н. сегодня четыре часа писал одним духом [2]. Вечером был очень усталый. После винта совсем сгорбленный.

23 января. За обедом Софья Андреевна рассказывала о драке ночью у деревенского старосты и о пропаже денег у Александры Львовны, подозревая в краже лицо, близкое одному из присутствующих. Когда он вышел, Александра Львовна выговаривала матери, что нехорошо было при нем, столь чувствительном на этот счет, подозревать. Л. Н. поддержал Александру Львовну:

— Это такой случай, где надо быть особенно осторожным.

Л. Н. сегодня слаб: читал, писал только четыре письма [1].

После обеда Л. Н. сейчас же предложил Владимиру Григорьевичу:

— Давайте в шахматы играть.

Я во время их шахматной игры читал у круглого стола. Софья Андреевна переписывала что-то. Л. Н. спросил, что я читаю.

— Присланную вам речь Абдулла-аль-Мамун Сухраварди к магометанской молодежи в Индии.

Л. Н.: Это малоинтересно: магометанский индус, который усвоил английскую цивилизацию и отстаивает Коран со всем его суеверием.

Л. Н. вспомнил, что читал в газетах письмо Владимира Григорьевича о том, чтобы не переводили статьи и письма Л. Н. с иностранных языков, а обращались за оригиналами к нему — Владимиру Григорьевичу *.

Л. Н. (*к Владимиру Григорьевичу*): Не прочли письмо от хохла? Чýдное!

Л. Н. послал его Владимиру Григорьевичу с Гусевым. Позвали Гусева, и он прочел его вслух. Когда читали место, что закон 9 ноября 1906 г. о выделении из общины вызвал такое пьянство, Л. Н. сказал:

— Уничтожение общины и отдельные участки.

Л. Н. (*когда прочли письмо*): Как хорошо! Я ответил уже [2].

Л. Н. ложился после полуночи. Поздно спохватился, что засиделся за чтением. Массаж.

Л. Н. (*мне*): Читал книгу Лозинского о социализме [3]. Второй раз читал. Как ловко написано! Рекомендую и вам читать. Социализм сводится Бебелем, Каутским на борьбу рабочих с капиталом, и то не чисто экономическую — стачки, а вовлекают рабочих в борьбу политическую. Упускается из виду рост класса интеллигентов, который при сложной машинной работе быстро растет. И социалистами признается за ним право на бóльшее жалованье, чем рабочим, так как образование — трата капитала, надо за это вознаградить. Лозинский тут говорит, что ведь капитал — продукт работы рабочих. Пишет очень бойко, смело, с насмешкой, постоянно полемизирует. Это à la longue ** утомительно. Нет этого спокойного тона, который больше всего убедителен.

---

* Этими переводами грешит, главным образом, «Новое время».

** в итоге (*франц.*).

24 января. К Л. Н. обращались сегодня многие разные просители. Л. Н. пожаловался:

— Эти обращения мне тяжелы, неприятны. И Ротшильд не мог бы удовлетворить денежные требования, которые предъявляют ко мне.

Пополудни Л. Н. верхом. Я сопровождал в санях. На шоссе присел ко мне и сам правил. Делир, как всегда, свободно за нами.

За обедом Л. Н. говорил, что получил татарский перевод «Ильяса» [1] и вспомнил, что он знал по-татарски и по-арабски, но забыл. Арабский — мертвый язык, вроде латинского. Язык нынешних арабов иной; отношение — как итальянского к латинскому.

Л. Н.: Я год пробыл на восточном факультете, на второй курс не поступил: экзамен не выдержал.

Николай Николаевич спросил:

— С какой целью поступили вы на восточный факультет?

Л. Н.: С дипломатической. Это мне рекомендовали.

Приехал Владимир Григорьевич и говорил, что к нему приехал единственный оставшийся в живых друг из старших — Ростовцев. Л. Н. спросил у Владимира Григорьевича, был ли у них утром хохол, бывший политический ссыльный. У него два сына, тоже политические ссыльные. — «Не был». Когда Л. Н. этому хохлу привел восклицание из письма его земляка: «Это тот Толстой, который в бога не верит» и т. п., тот сказал, что на станции говорили: «Что же Толстой: это тот, который мощей и икон не принимает». — «А людей принимает?» — спросил он (политический ссыльный). — «Да, принимает». — «Тогда я к нему пойду».

Софья Андреевна и Александра Львовна рассказали, что была перебранка в Думе между левыми и Хомяковым.

Александра Львовна: И Хомяков уходит из председателей.

Л. Н.: Это меня мало огорчает.

Л. Н. рассказал, что̀ Лозинский пишет о парламенте (по его мнению, самое слово происходит от parler — mentir *, цитирует из Руссо «Contrat social».

— Я уже забыл, что̀ он, Руссо, писал об этом. Он был в те времена против избирательного правления, потому что люди (избиратели) делаются рабами избранных, — сказал Л. Н.

Говорили про книги Лозинского. По мнению социалистов, труд должен неравно оплачиваться: например, труд инженера выше, чем рабочего; литературные гонорары. Гонорар Андреева — 1 000 р. за лист и, кроме того, участвует в прибыли издания. Взять эту газетную литературу: она сама уже страшно ложится на плечи народа. Л. Н. этим объясняет такое сильное стремление к образованию вообще.

Николай Николаевич: Революция повысила фонды интеллигенции, так как она руководила революцией.

Владимир Григорьевич рассказал про свою беседу со студентом Авиловым, художником-декадентом, который признает одно декадентское искусство; оно в цвете, линиях, это и есть суть искусства, по его мнению. Третьяковская галерея, передвижники — ни к чему. Владимир Григорьевич его прижал.

Л. Н.: Это во всех областях: музыке, живописи и философии — спуститься низко и считать это низкое самым высшим.

Л. Н. (*об Авиловой*): Она во мне оставила впечатление очень легкомысленной: бриллианты...

Этой ночью уехала Софья Андреевна в Москву.

25 января. Поехали в Горюшино искать пропавшую собаку Найденого. Л. Н. впереди верхом, за ним в двух санях Александра Львовна,

---

* говорить — лгать (*франц.*).

Варвара Михайловна, Н. П. Иванова и Н. Н. Гусев. Через дорогу было перегнуто надломленное дерево. Л. Н. согнулся и проехал, но высокая дуга лошади Александры Львовны не проезжала. Александра Львовна вызвала сторожа из Угрюмовской казенной казармы разрубить дерево. Надрубили, и Александра Львовна навалилась, чтобы доломать. Но дерево поднялось, ударило Александру Львовну по голове, подняло и откинуло ее: Александра Львовна несколько мгновений осталась лежать без чувств. Лесник и Варвара Михайловна ахнули, что убита. Она скоро очнулась: отделалась одним зубом, который ей сломало и корень пошатнуло. Поехали за Л. Н., потерянным из виду, заблудились и догнали его только на обратном пути. Л. Н., узнав дома про случившееся, расплакался. Александра Львовна, смеявшаяся дотоле, тоже разрыдалась.

— Бедная моя девочка! — жалел ее Л. Н. Ей было после совестно, что дала отцу поцеловать себе руки.

Варвара Михайловна, плакавшая над ней по дороге, не успокоилась и дома. 80-летняя няня младших шестерых детей, в их числе и Александры Львовны, сказала ей: «Не сносить тебе головы!»

Пополудни были Ф. А. Страхов с племянником Авиловым. За обедом говорили о случившемся, вспоминали, как лесник испугался искренно; как искали Л. Н-ча, и горюшинские дети им показали не ту дорогу; как Варвара Михайловна обругала «балдой» девочку, нарочно, шутя обманувшую их. Александре Львовне было ужасно смешно, как Варвара Михайловна разгорячилась. Чертков этого слова никогда не слышал.

Л. Н.: Балда — это деревяшка, которой бьют.

Говорили больше со смешной стороны.

Л. Н. (*улыбаясь*): Мамà скажет: «Вот я уехала...»

— «При мне бы этого не случилось!» — подхватили все.

Вечером, во время массажа, Л. Н. мне:

— Как Саша меня напугала! Слава богу... Я почувствовал, как она мне близка. Едва ли зуб удержится.

Потом говорил, что он дочитал Лозинского «Что такое интеллигенция?»:

— Пишет бойко, как Меньшиков. Только тон враждебный, нехороший. Я написал ему письмо, но хочу его не отсылать [1]. Критика Каутского, Жореса — превосходна. Он против социализма и парламентаризма, он за прямое законодательство: что̀ народ решит, становится законом. В Швейцарии есть вроде этого. Как он себе исполнение его представляет? Народ может принести тысячи разных законопроектов. Кто будет из них выбирать? *

Л. Н. (*Черткову*): Нынче читал журнальчик «Fellowship». Очень хорош. И попались слова, которых не понял, что очень изредка бывает.

Владимир Григорьевич спросил, какой это журнал, американский?

Л. Н.: Американский.

И Л. Н. поискал слова. Владимир Григорьевич все знал и пояснил.

Л. Н. с Владимиром Григорьевичем сели за шахматы. Я читал «Новое время». Л. Н. спросил меня, что почерпнул из газеты. Я рассказал: в Загребе судят 56 сербов, обвиняемых в великосербской пропаганде и в государственной измене. И все знают, что ничего этого нет, что это вымышлено самим же обвинителем и судьей — правительством.

26 января. Вечером я ездил в Крыльцово к 20-летнему мужику, больному менингитом. На возвратном пути в 9.15 заехал к Чертковым, где был Л. Н. на «вечеринке»: песни, пляски, фортепиано, декламация. Страхов прочел вслух новейшее Л. Н-ча: «Разговор отца с сыном» о солдатах. Л. Н. на днях перевел его из венского анархического журнала «Wohlstand für Alle», № 2 от 17 января, и немного переработал.

---

* Плохо записано.

Л. Н. поощрял плясать, сам уговаривал сидящих в полушубках плотников раздеться и плясать, хлопал, но они не послушались. Было просто и весело. В 10.45 уехали домой, захватив с собой и почту, которую с неделю как получаем не утром через Засеку, а еще вечером накануне через Ясенки, от Чертковых.

Разбирая почту и увидя знакомый почерк на конверте, я спросил Л.Н., не от сестры ли Марии Николаевны это письмо, и заметил, что я завтра буду ей писать и пошлю ей «Беседу Л. Н. с архиереем».

Л. Н.: Это ей будет интересно. Благодарю вас, мой друг, какой вы добрый!

27 января. Софья Андреевна всё в Москве. За завтраком у Л. Н. был Е. И. Попов. Л. Н. ходил гулять по шоссе по самый северный край леса. Шлось ему легко. Потом вернулся навстречу лошади, но кучер проспал, долго не выезжал. Л. Н. пришлось идти назад в тяжелом пальто на меху, чуть не до колодца на шоссе. Прошел семь-восемь верст, вернулся очень усталый, лица на нем не было.

Дома ожидал его посетитель: врач нервных болезней доктор Мейер, немецкий еврей. Он имел дела в Туле и у лесничего на шоссе, оттуда заехал к Л. Н., спросил, почему Нехлюдов в «Воскресении» непрактично помогал крестьянам.

Вечером были Владимир Григорьевич, Страхов, Е. И. Попов, Досев, Калачев и Сергей Львович, который уехал ночью. Меня не было дома.

Л. Н. ожидает приезда наставника «Ваисова полка» — татарина из Казани [1].

28 января. Л. Н. читает теперь, из-за статьи, которую пишет [1], все получаемые газеты: их 11. Вчера, взглянув на заголовок «Новой Руси», которую нынче предпочитает, вскрикнул: «Батюшки! Батюшки! 18 смертных приговоров! Удивительно!»

Между письмами — еврейское [2].

Л. Н. (*ко мне*): Как же я его могу понять? Все еврейское. Возьмите к себе.

Я собирался к больной жене пристава. Л. Н. просил замолвить у него, чтоб остановил «дело» по поводу ночной драки 22 января у старосты. Обыкновенная драка пьяных. Протокол составлен жестокий.

Были: Ольга Константиновна, Е. Д. Хирьякова, Владимир Григорьевич. Остались до половины десятого. Л. Н. с обеда до этого времени все с ними в зале. Между прочим, рассказал, что он ужасное читал в «Русских ведомостях»: Короленко пишет на основании данных киевской газеты про генерала Богдановича, что революционная партия решила убить его, и он узнал, когда. Он написал Плеве. Тот ответил телеграммой: «Дело не к спеху. Ответьте подробно». Через месяц тот же ответ: «Дело не к спеху». Богдановича убили. И причиной того, что Плеве не принял мер для охраны Богдановича, были личные отношения Плеве к Богдановичу, как всегда — cherchez la femme *. Убийством Богдановича руководил Гершуни, тот самый, который впоследствии руководил и убийством Плеве [3].

По поводу какой-то статьи Поссе Л. Н. спросил, кто он? Владимир Григорьевич рассказал:

— Он доктор. За границей издавал журнал «Жизнь» и написал брошюру против вас, а потом он приблизился к вам. Юбилей ваш 80-летия советовал праздновать воздержанием от табака, водки, разврата. Он жил в Борнмуте. Во время нашей революции у него было совещание представителей разных национальностей о будущем устройстве России: не сомневались в победе революции, решали подробности,— например,

---

* ищите женщину (франц. поговорка).

о всеобщем обучении. Поляки требовали автономии Польши. Поссе этому воспротивился. Поляки, негодуя, ушли с совещания.

Л. Н-ча веселило письмо, которое сегодня получил от московской барыни: описывает дворника, который у нее живет, человека жизни скромной, трезвой, нравственной, читающего все Л. Н-ча, почитающего его, и присылает его стихи о Л. Н., поднесенные старушке-кухарке, бранящей Л. Н. Стихи эти очень смешили Л. Н., но и удивляли по складности и по тому, какие теперь взгляды молодого поколения [4].

В какой связи с этим не помню, но только Л. Н. констатировал следующий факт:

— Я вижу,— сказал он,— что от победы японцев в народе никакого чувства унижения нет.

Ольга Константиновна рассказала, что Сонечка, восьми лет, прочла «Кавказского пленника», все знает, что там про татар, и сказала: «Я татарам сестра». А пятилетний Илюшок воскликнул: «А я всем брат!» Она же рассказала, что у Hall Caine есть повесть о том, как в Египте английский офицер отказался служить. Первая подобная тема в английской литературе: знамение времени! [5]

Л. Н.: Будущее поколение будет смотреть иначе на войну.

На столе лежала только что полученная книжка: L. Tolstoy «The Christian Teaching for Children». Л. Н. в первый раз видел ее, любовался ею. В переводе казалась ему своя же книга чем-то новым, ему интересным. Издание красивое [6].

Владимир Григорьевич говорил, что он вчера отослал английский перевод недавней статьи Л. Н. «Смертная казнь и христианство» по поводу «Заметок» Столыпина в «Новом времени» [7]. Письмо же Л. Н. «К индусу» переведут в Англии Перно и Томпсон [8]. Его Мооду нельзя поручить: он английский патриот и не перевел бы точно то, что касается индийского положения.

Л. Н. говорил, что на его глазах сложились в старичков с твердыми, установившимися взглядами молодые Олсуфьевы: «Они те, какими с детства помню их стариков» [9].

Ольга Константиновна: Так что нельзя знать, кем вырастут Сонечка и Илюшок.

Л. Н. высказался одобрительно о влиянии на них воспитывающих их и среды, окружающей их, и вспомнил себя в Севастополе: хотя имел самобытные мысли, но на войну смотрел, как на должное, гордился своим положением сражающегося. Владимир Григорьевич вспомнил, что в «Севастопольских рассказах» есть сцена дружеских бесед русских и французских солдат в промежутке между военными действиями. Издатель «Современника» от себя прибавил к этой сцене слова, нарушающие тот смысл, который хотел выставить Л. Н. Это добавление мы в посредниковском издании выпустили, и, вероятно, оно пропущено и в издании Софьи Андреевны [10].

Во время массажа я рассказал Л. Н. про брошюру Д. С. Щеткина «Сомнительная прочность некоторых современных верований в медицине» (Пенза, 1908) [11]. В ней он пишет, что прошло 40 лет после того, как Пастер провозгласил: «Нет брожения без низших организмов», а теперь премии Тидемана, а затем Нобеля присуждены Э. Бухнеру за его работы, которыми он доказал, что брожение основывается не на действии живых существ, а что это есть чисто физический процесс. Та же самая премия Тидемана была раньше присуждена Р. Коху, Эрлиху, Берингу, т. е. тем ученым, которые своими работами доказывают как раз обратное. И так теория болезней паразитного происхождения разрушена.

Л. Н.: Мне это очень интересно. Мне всегда бросалось в глаза, что с тех пор, как существует человечество, то, что было научной истиной

в предшествующем поколении, оказывалось заблуждением в следующем поколении. Неужели то, что в наше время считается наукой, все правда?

Что правда и что неправда в науке, он не знает, но знает, что все не может быть правдой.

29 января. Л. Н. гулял пешком пять верст. Вечером был Владимир Григорьевич. Л. Н. говорил нам (Владимиру Григорьевичу, Александре Львовне, Варваре Михайловне, Николаю Николаевичу и мне) об ответах С. А. Стахович и Льва Львовича, которых он просил ходатайствовать о сибирском мальчике, участвовавшем в нападении на поезд в Сибири; ему, по письму его сестры, обратившейся за помощью к Л. Н., грозит смертный приговор. Стахович пишет, что смертный приговор не грозит [1].

Л. Н.: Очень интересно, как революционеры тренировали его, мальчика; это пишет Стахович.

Еще Л. Н. говорил про письма, а теперь и книжки одного священника, которыми священники пытаются его обратить [2].

Владимир Григорьевич: И не подозревают, что он еще больше укрепляет свое положение ответами им.

Л. Н.: Софья Андреевна пишет, что хотят приехать Гольденвейзер с Сибором — и хорошо, и нехорошо. Музыка очень волнует меня.

Владимир Григорьевич спрашивал про впечатление от игры Ландовской.

Л. Н.: У нее естественно то, что у Гольденвейзера искусственно,— те оттенки, в которых вы чувствуете у Гольденвейзера умышленность. Она отдается чувству, он выработал.

Александра Львовна говорила, что В. Д. Философова пела на концерте в Москве и имела успех. Л. Н по этому поводу вспомнил о Шаляпине и сказал, что Шаляпин никакого впечатления не произвел на него.

Л. Н. рассказал, что сегодня в газете очень хороша сцена в суде: во время заседания врывается квартирная хозяйка подсудимой с ее четырьмя детьми и спрашивает, что́ ей с ними делать? Пусть они, судьи, позаботятся о них, оставят их у матери. Судьям удалось уговорить хозяйку взять детей обратно обещанием.

— Хороша эта детская, простая мудрость,— сказал Л. Н.,— там по «статье» они судят, а она чувствует, что мать нельзя отрывать от детей.

Л. Н. говорил об упомянутой книжке доктора медицины Щеткина, посвященной членам Государственной думы; 22 члена ее внесли законопроект об обязательном оспопрививании, которое в Англии уже необязательно. В ней обратило внимание Л. Н. описание лечения бешенства со многими смертельными исходами.

Л. Н. вечером читал на днях полученную книгу «Пьесы» Е. Чирикова и оставил ее раскрытой на круглом столе в зале. Я спросил, снести ли ее в кабинет?

Л. Н.: Нет, Саша читает (комедию Чирикова). У меня была одно время идея: написать комедию для чертковских ребят, и взял читать (показал на книгу Чирикова), чтобы напомнить себе приемы комедии. Но это до такой степени плохо, и длинно, и скучно [3].

Вошла в залу Александра Львовна.

Л. Н. (*к ней*): Я тебя бранил за пьесу Чирикова.

— Не понравилась?

— Глупо, невесело.

Владимир Григорьевич задержал и показал Л. Н. открытку, в которой Николай Николаевич отвечал присылавшему на просмотр свои стихи корреспонденту Л. Н., что его стихи плохи и что Л. Н. не советует ему заниматься стихотворством [4]. Владимир Григорьевич сказал, что такое надо сообщать в закрытом письме. Л. Н. согласился, но заметил,

что он вместе с тем сочувствует Гусеву, который не хочет тратить лишних четырех копеек. Замечательно, что Л. Н. не сохранил ни одного из своих стихотворений. (Некоторые сохранены случайно другими.) Не хотел подавать дурной пример, сам будучи против стихотворства.

30 января. Утром вернулась из Москвы Софья Андреевна. Как всегда, имела очень много что̀ рассказать и, как всегда, рассказывала быстро, живо и интересно. Между прочим, рассказала, с какой охотой, радостью исполняет Глебова просьбу Л. Н. помогать Петровой, заключенной в тюрьму [1]. Говорила что-то сложное о деле Азефа.

Л. Н.: До такой степени противно всякому нравственному чувству, что и не хочется говорить об этом.

Вечером были Владимир Григорьевич с Картушиным. За обедом говорили про дебаты о смертной казни в Думе. Л. Н. сказал, что ему сильнее всех противен Пуришкевич и вся его компания.

Л. Н.: Приедет Ваисов. Надо приготовить для него русский перевод изречений Магомета [2].

Николай Николаевич: Это легко: выписать те из «Круга чтения», которые вы выбрали из книжечки Сухраварди *.

Л. Н.: Они все хороши. Их все перевести, всю книжечку. Я несколько раз читал Коран, читал внимательно, и не нашел той духовной глубины, которая в этих изречениях.

Книжечка издана в Индии и прислана Сухраварди Л. Н-чу сего года.

По поводу романа Кравчинского-Степняка «Андрей Кожухов» [3], который Л. Н. читает, разговор с Картушиным о социалистах. Картушин рассказал, что видел у Рябова социал-демократку, которая не ставит себе вопроса о своей жизни, о том, что ее внутренне удовлетворяет, а говорит только о пролетаризации, капитализации и т. п. Л. Н. признал это и сказал, что люди, которые уверены, что они хорошо знают, в чем назначение всего человечества, какое надо установить общественное устройство, не стараются узнать, в чем назначение их собственной жизни. Картушин сообщил новость, что социалисты-большевики хотят создать религию [4].

Л. Н.: Вот хорошо — даже одно стремление.

Владимир Григорьевич завтра уезжает в Петербург к матери на пять дней. Л. Н. сказал, что желает послать ему в Петербург статью о газетах **, чтобы, как ни слабо выражено, напечатать поскорее в русских газетах, отступая от общего правила, т. е. чтобы одновременно и за границей, и в России.

Владимир Григорьевич: Не посылайте вы мне: сегодня пятница, а в четверг буду назад.

Л. Н.: Как вы можете говорить: буду назад? Ведь можете быть в тюрьме, помереть...

31 января. Л. Н. плохо спал, встал в 6.30, был в возбужденном состоянии. Сначала хорошо работал, потом не мог, читал газеты. Пополудни гулял по деревне. За обедом Л. Н. рассказывал, тронутый, какая бедность у Курносенковых: подробно рассказал про детей, больную старуху [1]. Потом про Копыловых: муж и жена с грудным ребенком за конокрадство в остроге, их 13-летний мальчик в исправительном доме на пять лет, а после на два года тюрьмы. За меньшими двумя детьми ходит старуха из Рвов.

---

* «The Sayings of Mohammed». By Abdullah-al-Mamun Suhrawardy.

** Л. Н. взял один номер газеты «Слово» и по поводу всех, или большинства, статей написал свои взгляды. Эту статью Л. Н. поправлял еще. Другая, новая статья Л. Н., которая написана по поводу «Заметок» А. А. Столыпина 31 января, называется «Смертная казнь и христианство».

ТОЛСТОЙ В КАБИНЕТЕ ЗА РАСКЛАДНЫМ СТОЛИКОМ
Ясная Поляна, 27 марта 1909 г.
Фотография В. Г. Черткова и Т. Таксиля

«Л. Н. сегодня очень много написал. Я входил к нему с травкой в половине десятого и видел по лицу, как он сосредоточен, как весь горит, изнашивается». — Запись от 30 марта 1909 г.

— Ах, эти наши суды! Я подумал,— сказал Л. Н.,— малютка, как же ему приказания отца либо матери ослушаться *.

Л. Н. ходил сегодня и к Тарасу Фоканову, звал его к себе в гости.

В «Русском слове» изображение Азефа. У него удивительно характерное выражение лица. Л. Н. читал об Азефе и высказался:

— У меня впечатление тяжелое осталось от Азефа. И как раз я урывками читаю этот роман революционный («Андрей Кожухов»). Там с величайшим сочувствием к сидящим к тюрьме описано, как они, чтобы освободиться, рассчитывают через смотрителя добытым револьвером убить четырех жандармов и четырех конвойных, которые их поведут в суд, спокойно

* Этот болезненный, с запуганным лицом мальчик, по приказанию матери перелез через забор соседа и открыл изнутри ворота, через которые увели лошадь. Он вскоре умер в исправительном доме в Туле.

рассчитывая, что удастся их убить. Это так страшно — читать про таких людей в романе, про спокойное приготовление к убийству и сочувствие автора. Я знаю, что бывают в жизни такие.

Вечером, с 10.30 до 11, Л. Н. читал вслух статью М. П. Новикова, как собирали призывных на войну; она так и зовется «На войну»[1] (по изданию Черткова в Крайсчерче, переизданном революционерами и полученном Л. Н. в кипе брошюр революционных, присланных ему кем-то)[2].

Л. Н. о ней, что эта статья прекрасная, язык народный. Что пишут Андреевы — сравнить с ней нельзя.

Л. Н. прочел из нее вслух о пребывании запасных на сборном пункте в городе, прощание с семьями, и смотр, и благословение на войну императором. Как Л. Н. читал! Причитывающий голос бабы, хриплый голос пьяного. Иногда Л. Н-ча голос обрывался, и слезы выступали на глаза. Иногда от души смеялся — например, когда пьяный призывной ругает жену, что ей жалко продать корову, чтобы ему, идущему сражаться, раздобыть денег на водку. Л. Н. говорил, что следовало бы эту статью перепечатать, а т. к. нынче целиком нельзя, то пропустить некоторые нецензурные выражения, что он взялся бы сделать это. Общее впечатление останется, не изгладится.

— Следовало бы перевести ее на иностранные языки для немцев; этого ни один западный человек не напишет: отношение к войне. Напишите Шкарвану,— обратился Л. Н. ко мне,— чтобы перевел ее по-немецки. Я мог бы несколько слов написать как предисловие о значении ее: как я на нее наткнулся, хотел ее пробежать, а уж второй раз читаю. Революционеры мне прислали разные брошюры, между ними и эту[3].

Софья Андреевна упрекала Л. Н., что тратит силы, далеко гуляя и много ездя верхом; что ест винные ягоды, что от них сегодня у него изжога.

Л. Н.: Напротив, всякому свое. В мои старые года есть инстинкт, который показывает, что̀ можно есть. Желание, вкус так притупились, что не мешают ему. Стараюсь всякими доступными средствами продолжить жизнь.

Софья Андреевна говорила Л. Н., чтоб он себя берег, что он в феврале каждый год болеет, и привела ему словацкую пословицу: «Marec *, убирайся старец».

Л. Н.: Да, в марте я умру.— Это сказал Л. Н. так, как если бы этого с уверенностью ожидал.

1 февраля. Приехал А. Н. Дунаев, свежий, поздоровевший, пополневший. Как всегда, и теперь рассказывал о том, чем питают и волнуют левые газеты читающую их публику: про халатность, жестокость, бессовестность должностных лиц, притом подозревая их в злых замыслах. Теперь, между прочим, о том, что предводители дворянства Московской губернии — Шереметев и Самарин — против учреждения библиотек имени Толстого. Предположение, что тульский архиерей Парфений приезжал к Л. Н. по поручению свыше.

Мое впечатление такое, что Л. Н-чу Александр Никифорович стал далек, и разговор с ним не легок, а труден.

Приехал Дима попросить Л. Н. к Анне Константиновне. Она расстроилась скоропостижной смертью А. М. Булыгиной, просит Л. Н. приехать утешить ее.

— А могу я ей быть полезен? — спросил Л. Н.— Тогда поеду.

— Тогда возьмите меня с собой,— сказал Александр Никифорович.

Было очень холодно, когда поехали. Я в то же самое время поехал к больному, простыл и обморозил себе палец.

---

* «Март» (словац.).

Вечером у Л. Н. слабость и насморк. Александр Никифорович рассказал про издание П. А. Сергеенко «О Толстом». Первое издание в три тысячи экземпляров разошлось в два-три дня. Второго напечатано 16 тысяч. В нем лучшая статья — М. П. Новикова: знакомство с Л. Н. в Хамовниках. Он слово за словом передает разговор Л. Н. с ним; Л. Н-ча слова в его памяти отпечатались, передает их так верно, будто слышишь самого Л. Н.[1]

Л. Н. спросил Александра Никифоровича о его семье. Александр Никифорович рассказал, что младшая дочь вышла замуж за Поздеева, студента-казака. У него отец — добрый человек, вегетарианец. Рассказывал, как он <?> в детстве, восьмилетним мальчиком, когда готовились на охоту, не показывался: не мог видеть приготовлений к убийству животных. Его отец еще помнит время, когда в цельных степях Ставропольской губернии, на границе Донской области жили тарпаны [2].

Л. Н.: Михаил Александрович обещал мне прислать рассказ Арцыбашева «Кровь»: приезжают гости, для них режут цыплят, кур, и они отправляются на охоту, убивают множество дичи. Которую подымают, добивают, которую оставляют бьющеюся. Такое смертоубийство страшное происходит! Мы даже не замечаем этой жестокости. Это атавизм сказывается в человеке [3].

Александр Никифорович заговорил о нынешних браках; знакомый ему говорил, что у него два сына, а невесток пять; у одного — третья жена. Л. Н. сказал, что теперь в высшем обществе из трех браков два кончаются разводом.

Александр Никифорович: Что, Лев Николаевич! Сейчас браки заключаются только чтобы через год разводиться.

2 февраля. Л. Н. спал до двенадцати. Голова болит. В остальном хорошо чувствует себя. Но потом заметил, что ничего не помнит, что-то с ним было. Вероятно, был обморок.

— Такое просветление на меня нашло. Близость естественного перехода, смерти. Так хорошо!

По желанию Софьи Андреевны я ходил к Л. Н. вторично послушать сердце.

— В сердце ничего? — спросил Л. Н.— Никакого сердца нет, есть духовная жизнь и смерть. В мои года естественно чувствовать близость смерти. Теперь особенно ясно чувствую, что пора умереть, что мне уже не здесь место, и хорошо так. В Псалтыри, помните, сказано: человеку века семьдесят лет, а крепкому — восемьдесят. Вот и мне восемьдесят. Спасибо, что обо мне заботитесь.

У Л. Н. сегодня особенно ясное, духовное, просветленное выражение лица. Вместе с тем неозабоченное и не видать усталости. К Л. Н., кроме Софьи Андреевны, никто не входил, чтобы не тревожить его. С часу до двух читал письма и плохо вспоминал. В десять вечера Л. Н. встал с кровати и сел за письменный стол записывать мысли. Во время массажа живота Л. Н. спросил:

— Газеты читали?

Я рассказал, что почерпнул, между прочим, из чешской «Samostatnost» — подробности немецкого проекта административного разделения Чехии на области: немецкую, смешанную и чешскую.

Л. Н.: Интересные подробности.

Я рассказал Л. Н. про письмо ко мне близкого ему M. U. Schoop. Он, между прочим, пишет про разговор с Клемансо, который восторженно говорил о Л. Н. и сказал: «Si vous le revoyez, dites donc au comte Tolstoï que ses graines ne sont point perdues en France»*[1].

* «Если вы еще его увидите, скажите графу Толстому, что посеянные им семена вовсе не пропали во Франции» (*франц.*).

А о «Круге чтения» пишет, что он для него — ежедневное чтение: «Ich wusste wahrlich kein Buch, dass mir so lieb wäre oder, präziser gesagt, das mir grösseren Nutzen geleistet hätte. Die Lecture gehört zu meinem definitiven Tagesprogramm und oft lese ich auch meiner Frau vor» *.

Л. Н. высказал удивление, что «Круг чтения» не переведен на английский, и поручил мне об этом написать Мооду (от него было сегодня письмо) [2].

3 февраля. Утром был сотрудник «Русского слова», С. П. Спиро, интервьюировать Л. Н. по поводу его беседы с архиереем тульским. После его отъезда Л. Н. телеграфировал «Русскому слову», чтобы прислали корректуру интервью [1].

Л. Н-чу лучше: встал и в халате приходил в залу. После чтения газет Л. Н. рассуждал:

— Похоже, будет война, мне так кажется (т. е. война Сербии с Австрией из-за присоединения Боснии Австрией). Что же, кто примкнет к Сербии, на кого рассчитывает? На Болгарию?

— В конце концов примкнет Болгария; кроме нее, рассчитывает на Россию, больше не на кого,— ответил я.

— Эта война имела бы больше оправдания, чем с Японией, если уж допустить рассуждения о войне. А что, Венгрия склонна воевать?

— Не прочь: в Венгрии господствует еврейско-аристократическо-либерально-интеллигентская мадьярская и мадьяронская [2] клика. Ей хочется какую-нибудь деятельность проявить. Император польстил мадьярам, упомянув об исторических правах Венгрии на Боснию.

— Что за дело мадьярскому народу воевать с сербским — оба угнетены. Разница только та, что мадьяры разными дипломатическими хитростями добились более сильного политического значения.

За обедом Николай Николаевич Л. Н-чу:

— Стахович прислал Арцыбашева.

Л. Н.: Читаю. Тот же недостаток: небрежность работы. Прочел я Рахманова о Сютаеве. Очень хорошо [3].

Николай Николаевич: В «Минувших годах» пишет Буланже о вашей болезни в Крыму; мне понравилось [4].

Л. Н.: «Минувшие годы» как жалко что прекратились!

4 февраля. Л. Н. спал хорошо. Ему лучше. Утром приехал Г. М. Беркенгейм, вызванный вчера утром Софьей Андреевной и Александрой Львовной, но не получивший второй, отменяющей первую, телеграммы. Несмело вошел к Л. Н-чу. Л. Н. сначала не был удивлен, но потом сказал, что ему тяжело, что побеспокоили его (Беркенгейма). О болезни почти не говорили.

Л. Н. вышел к утреннему чаю и спросил про новости. Григорий Моисеевич рассказал об Азефе, что он был гениальный человек: когда его в заседании Центрального революционного комитета в Париже обвинили, он сказал, что в оправдание может показать документ, который у него на квартире, и он его принесет. Тогда комитет выслал с ним четырех из своих членов. И он, и эти четыре члена (оказались все четверо его союзники в шпионстве) скрылись [1]. Разоблачение Азефа — большая брешь в революционной террористической партии. Обнаружилось, что весь террор революции 1905—06 гг. происходил под руководством полиции. Азеф поссорился с Плеве и устроил его убийство. Роль Гапона изменяется: его убил Азеф [2].

Л. Н.: Николай Николаевич говорил, что молодые люди, свежие

---

* «Я действительно не знаю ни одной книги, которая была бы мне так дорога или, точнее сказать, принесла бы мне бóльшую пользу. Это чтение входит в мой окончательный распорядок дня, я часто читаю ее и моей жене вслух» (*нем.*).

в революционной организации, чувствовали отвращение к Азефу, неохотно поступали под его руководство.

Григорий Моисеевич спрашивал Николая Николаевича про посещение архиереем Л. Н-ча. Николай Николаевич рассказал, что Софья Андреевна спросила архиерея насчет похорон Л. Н. Он ответил, что постановление Синода остается в силе и что нельзя по церковным обрядам хоронить. Но добавил: «А все-таки, графиня, известите меня, если заболеет опасно».

Это вмешательство Парфения Л. Н-чу очень не понравилось.

— Это испортило мне то впечатление, которое он произвел на меня,— сказал Л. Н.

Л. Н. о письмах, им получаемых:

— Теперь преобладают сочинительские. Все хотят писать, особенно стихи. Болезнь литературой, а особенно стихотворениями.

Григорий Моисеевич: Письмо, которое вы, Душан Петрович, мне переслали, было еврейское, от раввина из Галиции. Вычитал где-то, что я врачом у Л. Н., и благословляет меня.

Л. Н.: А вы понимаете по-еврейски?

Григорий Моисеевич: Нет. Отец прочел и мне перевел.

Л. Н.: Я получил еврейское письмо, возьмите его прочесть [3].

Л. Н.: Михаил Александрович прислал мне книжку рассказов Арцыбашева * из-за рассказа «Кровь». Я прочел некоторые. Силен рассказ о проститутке. Я его измарал отметками [4].

Л. Н. попросил найти ему «Санина», сказал, что прочтет его [5], и продолжал:

— Арцыбашев думает: «Все сойдет». Старые — Гоголь, Грибоедов — отделывали и все не были спокойны: «Эх, не то!» Неряшливость работы мешает художественному впечатлению — единственному оправданию художественного произведения.

Вечером Л. Н. сказал мне: Я всегда рад найти хорошее у молодых писателей, так и у Арцыбашева. Из жизни проститутки — хорошее, я делал отметки.

Григорий Моисеевич заговорил про Петерсона, про его статью в альманахе П. А. Сергеенко «О Л. Н. Толстом». Л. Н. вспомнил новейшие письма Петерсона к нему:

— Он брызжет злобой ко мне.

Софья Андреевна: За то, что ты против науки, а у него наука — вера.

Л. Н.: А когда ⟨его⟩ знаешь, это добрейший человек.

Григорий Моисеевич рассказал, что его брат, живущий в эмиграции [6], во время землетрясения находился близ Сицилии и поехал в Мессину, и писал домой интересные сравнения, как вели себя команды судов разных держав. Русские матросы, действительно, оказали большую помощь: похвалы в газетах не были преувеличены. Командир русского судна, не снесясь с Петербургом, тотчас же спустил команду, и матросы стали ломами, лопатами отгребать засыпанных и кормить, перевязывать и отвозить. Итальянцев охватила апатия, неспособность действовать. Прибывшая итальянская помощь с континента заботилась прежде всего об охране имущества. Военные судили грабителей и расстреливали их тут же. Наслали множество солдат, но без факелов (ночью нельзя было работать) и съестных припасов. Англичане устроили образцовый госпиталь на соседнем острове, где делали самые сложные операции. Немецкий командир спросил, который участок будет ему отведен, и, получив ответ,

---

* Л. Н. ее и вернул Михаилу Александровичу через его сестру С. А. Стахович.

что может помогать, где хочет, обиделся, что никакого порядка нет, и, не позволив никому из своих матросов спуститься, уехал.

Л. Н.: Я так и ожидал.

Григорий Моисеевич: Французский командир хотел отпустить 30 тысяч банок консервов, но требовал расписки префекта, а так как префекта не было, не выдавал их двое суток.

Л. Н. (*о Гусеве*): Трудолюбивый, очень умный, все помнит, самый лучший — не люблю этого слова — секретарь-помощник, какого можно себе желать.

5 февраля. Л. Н. плохо, мало спал. Встал в 7.30, прогулялся по парку, пополудни тоже. Ожидал братьев Гаяриных, виртуозов на скрипке и фортепьяно. За обедом Л. Н. вспомнил, что обещали Ольгу Константиновну позвать. А Гаярины — друзья Андрея Львовича, может и он приехать. А сегодня четверг. Ольга Константиновна выбрала себе для посещения Ясной среду и пятницу, и в эти дни Андрей Львович с новой семьей не приезжают. Л. Н. промолвил: «Не надо бы посылать за Ольгой».

Александра Львовна и Варвара Михайловна ответили, что ни Ольга, ни Екатерина Васильевна не имеют ничего против того, чтобы вместе сойтись, только детей не хотят друг дружке показывать. «Пусть рискнет приехать Ольга». Л. Н. был против этого:

— Это отсутствие всякого чувства,— сказал со страдальческим лицом.

Л. Н. тронут письмом Л. И. Лойцнера к отцу. Лойцнер отказался от военной службы и сидит, за отказ надеть военное платье, восемь дней в карцере. И т. к. на него насильно надели военное платье и зажимали ему рот, когда он говорил о своих убеждениях одевавшим его по приказу солдатам, то против этого насилия он решил протестовать отказом от еды и питья. После обеда прочли вслух это письмо — «страшное» по выражению Л. Н.

Л. Н.: Ах, письмо из Калифорнии, в нем интересная статейка, надо будет ее перевести. Статейка о том, как европейцы варварски ведут себя в Китае.— Л. Н. отдал эту статейку Черткову для перевода.

В 5 часов приехали братья Гаярины: скрипач 41 года и пианист 44 лет, потом Ольга Константиновна и Страховы. За обедом разговор о музыке. Л. Н. к Гаяриным:

— Я страшно люблю русские песни. Ваш отец присядет русские песни играть — восхитительно! [1]

Отец Гаяриных был сначала директором тульской гимназии, потом пошел выше; женат на Офросимовой, либеральный человек, сочувствовал школам Л. Н-ча.

В разговоре о новом и декадентском в музыке и вообще в искусстве Л. Н. сказал:

— Игнорирование всего того, что сделано раньше. Надо усвоить это и пойти дальше. У Грига мне нравится его оригинальность.

С 7.30 концерт. Сперва играли Гаярина «Сюиту», его же «Вальс», потом Бетховена, Рубинштейна, Венявского.

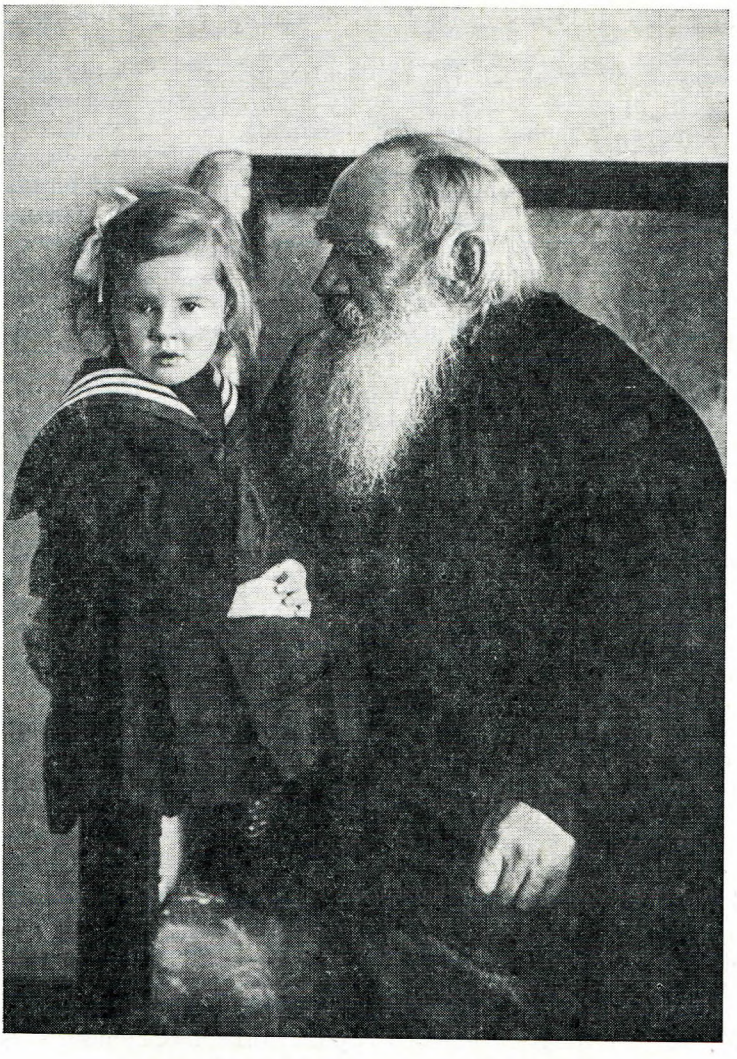
В промежутке Л. Н.:

— Нынче я в газете прочел о смертной казни Каракозова, покушавшегося на жизнь Александра II. После 40 лет — первая смертная казнь в России. Какое это было страшное событие! В газете оно перепечатано из новейшего номера «Русской старины» [2].

О шахматном турнире.

Л. Н.: Что-то отличаются русские наши. До чего может довести память и практика: Чигорин играл 30 партий сразу по памяти. (Не глядя на доску.)

О болезнях. Ольга Константиновна рассказала про трахому у них,



ТОЛСТОЙ С ВНУЧКОЙ ТАНЕЧКОЙ СУХОТИНОЙ
Ясная Поляна, 27 марта 1909 г.
Фотография В. Г. Черткова и Т. Таперля

в Англии: сколько лечились (полтора года), сколько страху перенесли, и, наконец, главный врач, известный окулист, с своим главным помощником разошелся во мнениях, была ли болезнь трахомой.

Л. Н.: Самая страшная болезнь — вера в докторов.

Гаярин рассказал про свою драгоценную скрипку итальянскую, 168-летнюю. Теперь не умеют таких делать.

Л. Н.: Это интересно. Как потеряно искусство делания скрипок, так потеряются многие искусства, которые в наше время существуют — например, искусство композиции, как вы,— сказал Л. Н. обращаясь к Гаярину,— говорили о нем.

Гаярины играли до 11-ти. Л. Н. благодарил их и похвалил, но, очевидно, из долга быть любезным. Композиции Гаярина похвалил, что очень мелодичны. Скрипачу сказал: «За вас при Сарасате не боюсь».

Про Венявского мазурку сказал: «С большим трудом удержался, чтобы не пройтись».

На следующий день Л. Н. отозвался об игре Гаяриных Черткову так: «Играли простые вещи: мазурку Венявского, андалузские песни. Скрипач — очень хорошо, пианист — слабо».

6 февраля. Пополудни приехал Владимир Григорьевич, бывший четыре дня у матери в Петербурге. Вечером Мария Александровна. Утром был сотрудник «Новой Руси» Купчинский, ее бывший военный корреспондент из Маньчжурии. Приехал для того, чтобы получить от Л. Н. несколько строк против смертной казни. Л. Н. написал страницу и отдал ему. Купчинский сказал, что будут печатать как факсимиле: по несколько слов в каждом номере, а если из-за этого на пятом номере «Новую Русь» закроют, не будут жалеть [1].

Я не видел Купчинского. Л. Н. говорил о нем, что он, будучи военным корреспондентом, старался описывать новые орудия, способы войны страшные. А с тех пор, наверное, есть новые изобретения, еще страшнее, и аэропланы. Рассказывал о Цейлоне (он там был; там живет тысяча русских, занятых чайным торговым делом), о Париже, где теперь живет. Он знал Азефа. Говорил, что уже известно несколько лиц среди революционеров, которые тем же занимались, чем Азеф. Между ними один знаменитый писатель, которого он не назвал, но сказал, что на днях будет о нем разоблачение в газетах. Когда вечером была об этом речь, Л. Н. догадывался, что Г. Петров [2].

Владимир Григорьевич принес Л. Н-чу письмо Пунги о том, как революционеры после обнаружения роли Азефа пали духом.

— А Купчинский рассказывал, что было несколько самоубийств среди них,— сказал Н. Н. Гусев.

Мария Александровна ужаснулась, как можно быть шпионом?

Л. Н.: Это нам, простым людям, непонятно.

Л. Н. говорил о «Новой Руси»:

— Я «Новую Русь» особенно люблю из-за двух преимуществ, которые у нее: 1) написано сверху все содержание, и 2) приклеен средний лист.

Л. Н. спросил про Е. Д. Хирьякову, отсидела ли она наказание.

Владимир Григорьевич: Нет. Нет мест в тюрьмах.

Сегодня получено «Русское слово» от 5 февраля с интервью С. Спиро: «Л. Н. Толстой и епископ Парфений». Л. Н. нашел только одну неточность: «Но не то с людьми нашего образованного сословия — у них (тут Л. Н. поправляет на «у большинства из них») или нет никакой веры, или, что еще хуже,— притворство веры, которая играет роль только известного приличия».

Л. Н. сказал, что знает, что за эту беседу с архиереем будут его ругать.

7 февраля. Приехал Гольденвейзер. Софья Андреевна прочитала Л. Н-чу из фельетона «Русского слова» 6 февраля «У А. И. Куприна» А. Измайлова слова Куприна о Л. Н.: «Может быть, держа в своем столе такие свои работы, как «Хаджи-Мурат» и не пуская их в свет, он держит мысль показать нам уже после своей смерти, какая у него была сила, и эти последние вещи его — какой-то там «Круг для чтения», какая-то маленькая мудрость на каждый день, покажутся совершенным пустяком, оттеняющим его настоящее величие в художественной вещи».

Л. Н. просил Софью Андреевну не читать это и затыкал себе уши. Это рассказала мне Мария Александровна. Я не присутствовал.

Л. Н. гулял утром целый час. Пополудни не выходил, лег спать в четыре часа (ночью не спал).

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Чертков, Гольденвейзер, Гусев. Николай Николаевич го-

ворил, что через Хирьякова получены все книжки журналов «Былое» и «Минувшие годы». Интересные исторические статьи в них [1].

Л. Н. сказал, что получение «Былого» и «Минувших годов» обязывает его; что он должен быть революционером.

— А какой фельетон о смертной казни в «Русских ведомостях» 6 февраля, И. П. Белоконского — «Воспитание граждан» — превосходный! — сказал Л. Н.— В художественном отношении слабый, но мысль превосходная.

И Л. Н. рассказал: мужик пошел в город поискать работы. Не нашел. В ночлежном доме воришки зовут его принять участие в их предприятии. Он отказывается, потом идет с ними и попадает на три месяца в тюрьму. В тюрьме рай увидал: и одет, и сыт. Политическим прислуживает. Потом узнает, что один из заключенных исчез и что он занимался вешанием приговоренных, а их всех в городе и по уездам — 50, и платят за повешение одного — 50 р. Он к смотрителю: «Я за тридцать рублей возьмусь». Ему дают. Но расписку подписывает на бóльшую сумму. Подробность: грехом считает, совестно ему вешать, но ведь тут присутствует священник, как же быть этому грехом? 750 рублей — богатство. Едет домой. Но совесть мучает его. Идет к священнику исповедаться на духу. Священник возвращается к матушке от исповеди, страшно взволнованный, и рассказывает ей и дьякону, с которым советуется, отпустить ли ему этот грех. Деревенские узнают. Сначала отступаются от него, потом привыкли. Он построил дом, завел корову, лошадь. Потом приходят к смотрителю три мужика из той же деревни «работу искать». Ответ получают, что «работа вся сделана».

Л. Н.: Очень мысль хороша: указано, как смертная казнь действует на разные натуры и производит развращение народа.

Мария Александровна рассказала, что введен новый праздник: день кончины Иоанна Кронштадтского. Л. Н. на днях написал статью о Иоанне Кронштадтском [2]. И на днях же написал общее письмо заключенным за отказ от военной службы, сделав свой ответ Иконникову на его письмо — общим [3].

Николай Николаевич говорил про какую-то статью в «Минувших годах», из которой видно, что нынешний, после А. С. Будиловича, редактор-издатель «Московских ведомостей» Тихомиров, бывший революционер, был главным автором письма к вступившему на престол Александру III о том, чтобы возвратили Чернышевского; а за то они прекратят покушения. Чернышевского возвратили. После того через четыре года Тихомиров раскаялся в революционных мыслях, поступил на службу, и ныне он редактор-издатель «Московских ведомостей» [4].

Николай Николаевич говорил, что в те годы было два журнала, в которых сотрудничали все революционеры: «Русское слово» и «Дело».

Л. Н.: Помню, помню. У меня осталось впечатление какое-то неопределенное от их направления.

Николай Николаевич сказал что-то о Михайловском, а потом, что более всех радовались убийству Александра II — Плещеев и Станюкович.

Л. Н.: Я знал Плещеева. Такой милый человек, добродушный.

Л. Н. рассказал, что сегодня читал в газете, за что́ был сослан Тургенев в свое имение в 1852 г.: за письмо по поводу смерти Гоголя.

Досев принес показать новый номер болгарского журнала «Възраждане». Для него получение нового номера — событие волнующее, радостное. Л. Н. просмотрел его и заметил:

— Только и есть единственный журнал в нашем духе.

Шахматы с Гольденвейзером. Разговор о Лозинском.

Л. Н.: Как он бойко, остроумно пишет! Он против парламента не с точки зрения анархической, а с точки зрения общего законодательства. Я бы ему возражал: как только будет закон, который будет обуславливаться насилием, будут и злоупотребления [5].

Л. Н. боролся с Александрой Львовной, облокотившись на стол, кто кого перетянет; потом со мной, и обоих победил. Как силен в 80 лет!

Гольденвейзер играл Шопена и Шумана. Л. Н спрашивал о личности Шопена и о происхождении его и склонялся к тому высказанному Гольденвейзером предположению, что он был Chopin — Хопин (поляк). Гольденвейзер говорил о его десятилетней дружбе с Жорж Санд, от которой Шопен очнулся, когда Санд в романе описала их связь и участие Листа, чего Шопен не подозревал [6].

Л. Н.: Вот я Жорж Санд никогда не любил. Тургенев восторгался ею как писателем.

Софья Андреевна и Гольденвейзер уехали в Москву.

8 февраля. Утром во время массажа Л. Н. сказал мне:

— Как это «Възраждане» — болгарский журнал — характерно: есть порода (славяне), более доступная христианским идеям. Англичанин мне пишет, что читает лекции о христианских мыслителях и таких как Эмерсон, Чаннинг, Амиель и я, и спрашивает: «Христос божественен ли?» Он смешивает божественное учение и божественное происхождение. Это характерно для англичан: оставание в этой неопределенности, угождение и тем, которые верят в божественность Христа, и тем, которые не верят. Нечего ему и отвечать.

На солнце t 10°. Л. Н. верхом на застоявшемся, подыгрывающем Делире. Когда возвращался, на прешпекте собака со двора укусила Делира в ногу. Он шарахнулся, Л. Н. чуть не упал.

Вечером были: Владимир Григорьевич, Евгений Иванович, Картушин, Зайцев, Досев. Владимир Григорьевич рассказал, что становой собирал в Колпне подписи от колпненских и телятинских, что они желают выселить Черткова. Собрал всего пять подписей.

Л. Н. о Петровой, желающей повидаться с больной старухой-матерью и желающей, чтоб ее ради этого на время отпустили из тюрьмы. Давыдов пишет, что это можно устроить, и советует Л. Н-чу написать прокурору и еще кому-то. Но Л. Н. сказал:

— Мне это очень неприятно; ну прямо не могу [1].

Владимир Григорьевич посоветовал Л. Н. написать Глебовой:

— Дамы скорее добьются. Когда от вас получают письмо, власти придают делу заключенного огромное значение.

Л. Н.: Сандецкому — это давно было, так что могу рассказать, — я и написал: «Никто о том не будет знать, что я вам пишу и что вы это делаете ради Толстого» [2]. От Лозинского получил длинное письмо. Он даровитый. Пишет, что привык читать только несогласные критические статьи о себе. Пишет, что интеллигенция мной восхищается. Это дурной признак [3]. Каково мое положение: правительство меня не одобряет, революционеры не одобряют, либералы не одобряют. Надежда одна была на него — и он не одобряет меня.

Л. Н. рассказал, что получил воззвание: написать о писателях в новое заграничное издание «Писатели о писателях». Там есть суждения о Сервантесе.

— Если бы я,— сказал Л. Н.,— имел время, я написал бы о Диккенсе, так как он доставил мне большую радость и оказал на меня влияние.

Л. Н.: Наживин пишет и прислал свою статью о «Ваисовом полке». Очень подробно, интересно. Она меня разочаровала насчет «Ваисова полка»: они верят в букву Корана. Они царя считают нужным, а урядника, губернатора — нет [4].

Николай Николаевич: Это и старый русский, народный взгляд: царь-батюшка добр, но господа его обманывают. Военную службу отвергают, потому что нельзя, некогда исполнять пятикратное омовение в день.

Евгений Иванович и Досев разговорились о магометанстве.

Л. Н.: Я всегда относился к магометанству с уважением. Магометанство, какое оно есть, в сравнении с церковным учением, гораздо выше.

Евгений Иванович: И жизнью?

Л. Н.: И жизнью.

— Почему магометанство могло больше повлиять на людей, чем церковное учение?

Л. Н.: Не могу вам сказать. Приложение магометанства к жизни не требовало такого коренного переворота жизни, как приложение христианства.

Досев: В магометанстве мало обрядов.

Л. Н. на это сказал, что магометанство позже христианства появилось и не повторило некоторые его ошибки; что есть в нем хорошие стороны.

Л. Н. спросил про Наживина. Досев сказал, что у него неврастения.

Л. Н.: Неврастения? Я думаю, что это дамская болезнь. Как же это: ведь ничего не болит?

Я сказал, что неврастения больше психическая болезнь: недоверие к себе.

Л. Н.: Да, недоверие к себе.

В новой книжке «Вестника Европы» портрет Дарвина, по случаю столетия со дня его рождения, и Вл. Соловьева. И «Вестник Европы», и другие журналы, особенно все газеты, полны статьями о Дарвине.

Л. Н.: Как это нужно: научиться не придавать значения одному человеку знаменитому, начиная с вашего собеседника, больше, чем другому.

Л. Н. (*играя в шахматы*): В газете, в статье о Персии, написано: «Или Россия будет следовать закону непротивления...» — подразумевая, что это глупость. Из этого видно, как они на это смотрят.

9 февраля. Вечером был Владимир Григорьевич с Калачевым, который, отсидев в тюрьме за распространение запрещенных книг Л. Н., с месяц живет у Чертковых. Завтра отправляется опять в путь разносчиком книг.

Л. Н.: Читал нынче Коран. Нехорошо. Все это приурочено к пророку, событиям того времени, войне. Пришло мне в голову, почему магометане лучше христиан. Потому что Магомет допускает войну с неверными откровенно. Я готовлюсь к посещению Ваисова, боюсь, что безосновательно. Он сын основателя секты «Божьего полка».

Владимир Григорьевич: Вероятно, у него mania grandiosa *, как у Малеванного, почитаемого за Спасителя. Он (Малеванный) в последнее время велел жечь ваши книжки.

Сначала сожгли одну: «Восстановление ада», потому что там часто вспоминается «чёрт», а малеванцы не любят о нем говорить. Одна из женщин, бывших с Малеванным у Чертковых летом 1907 г., не произносила фамилии Черткова и советовала ему переменить ее.

Л. Н.: Это есть и у православных в русском народе, что не любят вспоминать чёрта.

Владимир Григорьевич рассказал потом, что малеванцы имели хорошее

---

* мания величия (*лат.*).

влияние на Кузьмина (Жихарева), который через них принял христианские взгляды.

Л. Н. вспомнил, что утром был у него молодой человек — телеграфист, подавший в отставку, потому что над ним смеются. Просил сперва о материальной помощи, потом совета — очевидно, душевнобольной.

— Во мне никакие болезни не возбуждают такого сострадания, как душевная болезнь, потому что с душевнобольным никакого общения нет, которое со всеми другими больными, умирающими возможно,— сказал Л. Н.

Л. Н. упомянул с состраданием о суровостях карательной экспедиции для взыскания податных недоимок с крестьян Котельнического уезда Вятской губернии, о чем читал в «Слове» 7 февраля и в предыдущих номерах.

10 февраля. Утром был у Л. Н. каптенармус из Тамбовской губернии, служивший годы сверх военной службы и вышедший раньше срока, до которого обещал служить. Ему попалась в «Церковной газете» статья о Л. Н. и В. Соловьеве, которая обратила его внимание на Л. Н. Потом по объявлению в «Голосе Москвы» выписал «Ясную Поляну» и прочел издание «Ясной Поляны»—«Царство божие» с большими пропусками и др. [1] После этого не мог в войске остаться. Его смущает, что ведь нельзя сразу всем бросить военную службу и всем бросить работать у помещиков. Таких читающих и разделяющих взгляды Л. Н. на военную службу между его товарищами-солдатами в Плоцкой губернии (военный фельдшер и др.) было немало. Ему около 28 лет. Л. Н-чу понравился.

Вечером были Евгений Иванович, Владимир Григорьевич и еще кто-то. Меня с утра до 11 вечера не было дома (по больным).

11 февраля. Под вечер приехали Андрей Львович, Ваисов (татарин из Казани) [1], Сергеенко (после разрыва с Софьей Андреевной в первый раз) и Чертков.

Л. Н. пошел на лыжах гулять. Не понравились лыжи, бросил на прешпекте.

Ваисов — татарин казанский, около 38 лет, красивый, спокойное лицо с красивыми зубами и черной бородой, в очках, бледный. Когда сидит, немного качается из стороны в сторону. Простой, скромный, но не застенчивый. По-русски бегло, свободно выражается, но с ошибками в речи.

В 6.40 Николай Николаевич позвал его в залу к Л. Н. и обедать. Л. Н. сказал ему, что рад ему, что ждал его. Ваисов мало ел. Л. Н. ему сказал, чтоб он не смущался: свинины не будет.

— Мы никакого мяса не едим,— сказал Ваисов.

Л. Н. вспомнил про Казань, что он там учился на восточном факультете по-арабски. Все забыл, кроме чтения и нескольких слов.

— Я и не начинаю с вами говорить о серьезном, чтобы не мешать вам кушать *,— сказал Л. Н. Но все-таки спросил его:— Вы своего родителя помните?

Ваисов помнит: ему было пять лет, когда его лишился, т. е. когда отца увели в дом умалишенных, где продержали его 15 лет, до смерти. Отцу тогда было 70 лет, умер 90 лет. Многих его последователей сослали в Сибирь, многие после 1906 г. вернулись. Теперь возобновились преследования.

Л. Н. спросил, знает ли бабидов в Персии.

Ваисов: В последнее время о них узнал.

Л. Н. спросил, имеют ли последователи его отца («Божий полк») сношения с суннитами.

Ваисов: Нет, они далеко. Мы поглощены борьбой с правительством —

---

* Слово «кушать» я из уст Л. Н. до этого, да и после, никогда не слыхал. Он всегда говорил «есть».

притесняет нас. Отец был очень умный. Он говорил правительству: «Вы — антихристы, поступаете не по Евангелию».

Л. Н.: А с русскими в Казани имеете сношения?

Ваисов: Нет. В последнее время никаких.

Кончив обед, Л. Н. позвал Ваисова к себе в кабинет и долго беседовал с ним наедине. Позднее вошел к ним Чертков. Когда вышли, тут были Сергеенко, Чертков, Андрей Львович, собирающийся в Петербург.

За вечерним чаем Л. Н. сказал:

— До какой степени интересно в «Былом» описание декабриста Каховского [2]. Все это — для славы людской. И Рылеев, и Пестель, о которых нельзя без уважения говорить: они ведь были казнены.

Чертков: Ведь не все же декабристы были тщеславны.

Л. Н.: Все. И как у наших революционеров, и у них идея — Дума, а в Думе диктатор Трубецкой, который перед Николаем на коленях стоял: «Sire, la vie!» *[3]

Л. Н. (*о Лозинском*): Рекомендую вам всем его книги. Он враг либерализма, парламентаризма и интеллигенции. Интеллигенция — только новое сословие, которое займет место капиталистов, чиновников. Я вступил в переписку с Лозинским.

Л. Н. пришел в комнату Гусева, где мы все, кроме Ваисова, сидели с новейшим номером иллюстрированного «Нового времени», в котором Л. Н. с большим интересом читает продолжение статьи «Отрывки из моих воспоминаний» барона А. Е. Врангеля о Достоевском в ссылке [4].

— Вот я нашел себе утешение: вот прочтите,— и дал прочесть вслух в том же номере иллюстрированного «Нового времени» изречение Изольды Курц: «Никогда слава не была так дешева, как в наше время. Скоро особым отличием будет считаться неизвестность, и мы в конце концов уподобимся обитателям луны в одной из опереток: там все люди рождаются украшенные множеством орденов и т. д.».

Л. Н. с Сергеенко играл в шахматы. Сергеенко привез Л. Н. в подарок низкий стол шахматный.

Сергеенко рассказал про Париж, куда ездил устраивать издание международного альманаха «О Толстом», что там правительство против смертной казни, а общество за нее. У нас наоборот: у нас правительство за смертную казнь.

Л. Н.: Но и общество; трудно сказать, (кто больше).

Сергеенко говорил, что третий том альманаха будет против смертной казни и что от него можно ждать многого [5].

Л. Н.: Ох! Книг столько выходит! Тонет в этом море всякая книга.

Андрей Львович говорил, что все в Туле одобряют посещение архиереем Л. Н-ча и что архиерей чрезвычайно доволен посещением. Л. Н., поняв в том смысле, что Андрей Львович говорил об интервью в «Русском слове», сказал:

— Это ты мне приятное сказал, что он доволен был сообщением (в «Русском слове» 5 февраля).

Когда Андрей Львович поправил, что архиерей был доволен посещением, Л. Н. сказал:

— Я бы желал, чтобы он был доволен сообщением.

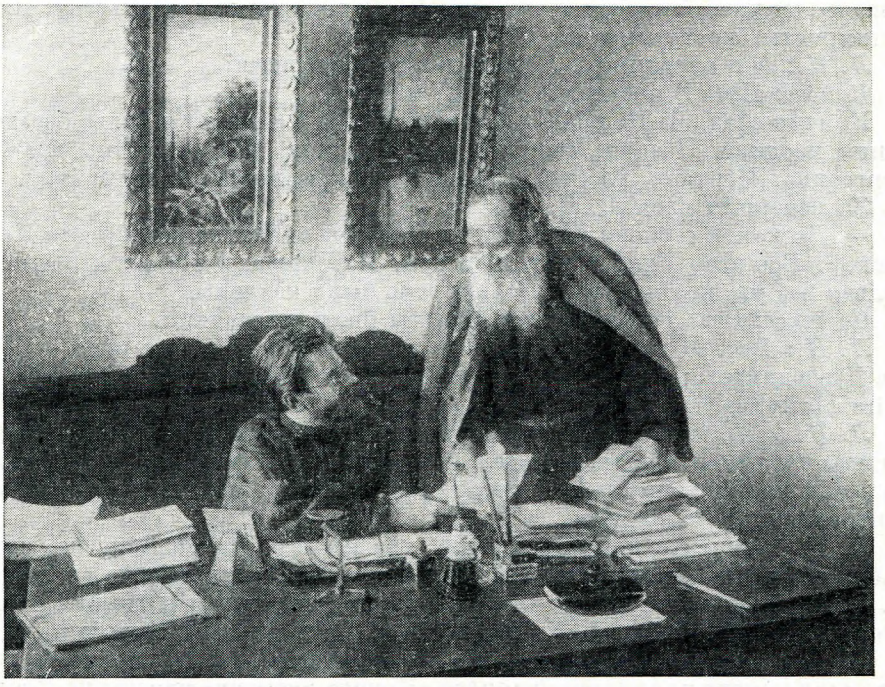
12 февраля. Чертков, Ваисов. Приехал и уехал Трегубов.

13 февраля. Приехал С. Д. Николаев с корректурой изречений Магомета. Л. Н. поправил ее и вечером продиктовал Николаеву введение. Л. Н. показывал Ваисову эти изречения Магомета ** и спрашивал, есть ли они в Коране? Л. Н-чу не встречались там. Ваисов ответил, что они согласны с Кораном.

---

* «Государь, пощадите!» (*франц.*).

** Из книги: «The Sayings of Mohammed». By Abdullah-al-Mamun Suhrawardy».



ТОЛСТОЙ И Н. Н. ГУСЕВ В РЕМИНГТОННОЙ КОМНАТЕ
Ясная Поляна, 27 марта 1909 г.
Фотография В. Г. Черткова и Т. Танселя

Ваисов (*мне*): Коран считается божьим, божьей книгой: он передавался через ангелов, а эти изречения находятся не в самом Коране, а в книгах Хадис. Их шесть книг, а изречений в них 6666. Хадис — разговоры, толкования. Хадис Магомет говорил от себя. Их записывали его современники.

Ваисовцы — божьего полка приверженцы (их несколько тысяч) — не признают духовных лиц, мечетей, властей, военной службы, податей.

— Светских властей никаких не должно у нас существовать, мы только стараемся узнавать и соблюдать божии законы,— сказал Ваисов.

Ваисов говорил, что никому в России хуже от правительства не достается, как им. За 50 лет сколько их сослали в Сибирь, на Сахалин, разорили, у скольких отняли имущество. Его отец 15 лет провел в сумасшедшем доме, он — восемь месяцев в одиночном заключении (15 дней в карцере в два шага) + 15 месяцев в тюрьме. Рассказал, как у них отняли молитвенный дом в Казани. Когда об этом отнятии молитвенного дома рассказывал Л. Н-чу, он его спросил:

— А вы дальше не судились?

Ваисов: Мы и до того не судились.

Л. Н.: Прекрасно! Я боюсь, как бы вам поездка ко мне не повредила.

Ваисов не боится, если будут последствия со стороны властей. Л. Н., прощаясь с Ваисовым, сказал:

— Распространяйтесь, растите, процветайте, всей душой желаю вам.

Л. Н. (*к Ваисову*): Как вы думаете, как по вашим взглядам: жизнь дана нам в благо, жизнь — добро?

Ваисов притакнул.

Л. Н.: Я чем дольше живу, тем яснее вижу, что в жизни только добро. Насколько исправляешься, настолько чувствуешь то добро. И как у вас

ТОЛСТОЙ И И. В. СИДОРКОВ В КАБИНЕТЕ ТОЛСТОГО
Ясная Поляна, 27 марта 1909 г.
Фотография В. Г. Черткова и Т. Таперя

говорится: «Ад в каждом человеке, в себе». Это мне приятно слышать, что̀ вы говорите о войне: что война нужна внутренняя, сама в себе, а не убийства. Интересно будет ваше свидание с саратовским татарским пророком (о котором Л. Н. получил книжку) *.

Ваисов: Никто о нас не писал.

Я ему сказал, что̀ полгода тому назад писали «Новое время», «Биржевые ведомости» о «Ваисовом полке» [2]. Он этого не знал. Теперь написал Наживин.

14 февраля. Л. Н. до Басовской заставы верхом (8 1/2 верст). Пополудни приехала С. А. Стахович. Ее встречала на Козловке, как всегда, Александра Львовна. С. А. Стахович приезжает каждый год в феврале, нетерпеливо ждет этого. Софья Александровна спросила мнение Александры Львовны об альманахе Сергеенко «О Толстом».

Александра Львовна: Статья Морозова хороша [1]. Остальное дребедень. У Наташи Сергеенко тон Сергеенко-отца: самовыставление, самохвальство [2].

Владимир Григорьевич, не защищая Сергеенко, констатировал только то, что Сергеенко искренне любит Л. Н-ча. Софья Александровна заговорила о записках Наташи Сергеенко в альманахе «О Толстом», находит их искренними и верными; Л. Н-ча слышишь: дословно записывала.

Александра Львовна и Софья Андреевна обрушились на нее, что приписывает Л. Н-чу слова похвалы ее отцу, семье, которые Л. Н. не мог сказать. Софья Александровна утверждала, что Л. Н. сказал их из любезности; что он при встречах старается сказать приятное. Л. Н. завершил спор словами: «Tout comprendre — c'est tout pardonner» **.

---

* А. Байгушев. Очерки мусульманского раскола. Татарский пророк. Саратов, 1908 [1].

** Все понять — значит все простить» (франц. пословица).

Л. Н. читал в «Былом» про декабриста Каховского: интересно, хороши подробности. Он, который мнил себя Брутом, постепенно ослаб; пробыв в заключении больше года, оговорил товарищей. Л. Н. растроганно рассказывал (с сочувствием и с сожалением к Каховскому) о нем и опять сказал: «Tout comprendre — c'est tout pardonner».

Л. Н. сегодня читал «Нашу газету», в которой работает Хирьяков (стали ее присылать на днях), и «Русские ведомости».

В «Нашей газете» 13 февраля нашел ответ Гусева на описание в «Русском знамени» «чертковской пропаганды»[3].

Л. Н.: По газетам — будет война. Амфитеатров пишет из Боснии — на бирже австрийские бумаги пали *.

Вечером за чаем Л. Н. принес «Русскую старину»— февраль 1909 г. («Записки сенатора Есиповича»):

— Очень хорошо написано о Каракозове, как его судили и повесили. Так наивно написано, очень хорошо, просто, без прибавлений.

Л. Н. дал Николаю Николаевичу прочесть вслух. Л. Н. о В. Н. Панине, родном деде С. В. Паниной, министре юстиции:

— Жестокий был человек!

Когда читал высказывание Панина, что лучше двух повесить, чем одного, и трех, чем двух, Л. Н. взволновался, остановил чтеца и повторил это высказывание с негодованием, даже с гневом:

— Его бы первого повесить!

Софья Александровна сказала, что врач Кобылин, которого чуть не приговорили к смерти вместе с Каракозовым за то, что Каракозов у него переночевал, живет теперь у Стаховичей врачом.

Л. Н. спросил, что́ в Петербурге о войне.

Софья Александровна: Совсем не говорят об этом.

Л. Н.: Мне кажется, больше шансов, что будет война.

Софья Александровна: Как же Австрии воевать с Сербией, когда у нее (Австрии) — 60 процентов солдат — славян? Ведь война немыслима, если их много, скажу, каких-нибудь 60 тысяч, откажутся.

Л. Н.: Это немыслимо.

Софья Александровна: Почему?

Л. Н.: А вот такая дисциплина. Это — я вам отвечу — мелочь. Купчинский рассказывает: уезжая из Ясной Поляны, на станции спросил жандарма: «Что же, если бы велели арестовать Толстого?»—«Если бы повелели, я бы его арестовал», ответил.

Л. Н. (*в раздумье*): Запрещают «Былое», «Минувшие годы», а ведь статьи про недавние события должны действовать отрезвляюще.

Софья Александровна спросила Л. Н., как он объясняет восторг французской публики при последних казнях: прославляли палача Дейблера, как какого-нибудь актера, певца.

Л. Н.: Гипноз, всеобщий гипноз. Любопытство просто переходит в это. Толпа желает выразить что-то такое [4].

Л. Н. (*Софье Александровне*): Расскажите мне про заседание Думы.

Софья Александровна рассказала про то заседание, когда Столыпин отвечал о деле Азефа. Говорила про Булата, что он противен; про Столыпина, что у него речь льется, никаких записок не имеет, все — и числа — по памяти говорит.

Л. Н.: Мне очень не понравился его тон.

Л. Н. его речь просмотрел, всю не прочел, противно было ему.

Л. Н. взял газету и прочел вслух из речи Столыпина: «А там, где бомбы — аргумент, там, конечно, естественный ответ: беспощадность кары». —

---

* «Наша газета» получила от Амфитеатрова, командированного на Балканский полуостров, из Черногории лаконическую телеграмму: «Война неизбежна».

Стало быть, вешать, вешать, вешать. Так что Столыпин признает, что Азеф, оказывается, полезный член правительства.

Софья Александровна возразила.

Л. Н.: Как же не член? Надо его сделать государем. Обман военный (убить врага) — через него я прошел, обман правительственный мне так чужд, сложен, непонятен. Обвинение Азефа в участии в убийстве Плеве, кажется, не без основания.

Софья Александровна это отрицала.

Л. Н.: Я нахожу: что́ повиноваться правительству — что́ повиноваться разбойничьей шайке. Правительство — это безнравственный кагал. Дело Азефа тем очень хорошо, что это (безнравственность правительства) объяснилось.

Л. Н. все время говорил с гадливостью, презрением, злобой, которые не удалось ему подавить, о роли правительства и очень остро порицал его. Софья Александровна защищала его с точки зрения не христианской, а общественной.

15 февраля. Л. Н. намерен написать в «Unico»— международный альманах помощи пострадавшим от землетрясения в Сицилии [1].

Должно появиться в печати письмо Л. Н. к Л. Андрееву о писательстве, о том, какие Л. Н. предъявляет к нему требования [2].

Л. Н., сравнивая игру Гольденвейзера и Ландовской, сказал, что у Гольденвейзера — отсутствие непосредственности; у него чувствуется искусственность, чувствуется, что́ он хочет играть. А у Ландовской игра непосредственная; у Гольденвейзера бо́льшая выработанность.

Вечером концерт Сибора и Гольденвейзера. Большое напряжение для Л. Н. эта музыка, и, кажется, на этот раз — ему нежеланное.

Николай Николаевич на другой день говорил Л. Н-чу, что у него после концерта не осталось ничего (во время его наслаждался), а после хорошего чтения остается.

Л. Н. сказал, что это плод нашей роскошной жизни, доведенной до наивысшей степени. Играли и «Крейцерову сонату» [3].

Л. Н. говорил, что получил письмо от Тищенко, чтобы он высказал порицание какой-то выставке декадентских картин в Москве [4].

Софья Александровна: Репин в глаза декадентам не высказывается, а так, заглазно, осуждает их.

Л. Н. сказал, что он понимает Репина, который, наверное, так же, как и он, боится, что он по преданию считает искусством одно старое, обыкновенное, а что в новом, может быть, чего-нибудь не замечает, пропускает. Софья Александровна говорила Л. Н-чу, что он и Репин ничего не пропускают. Она следит за новой литературой, читает все, и ничего замечательного нет.

Л. Н. говорил о том, как прежде ожидали новое сочинение Достоевского, Тургенева; теперь, кажется, того нет. Софья Александровна ответила, что до недавнего прошлого это было: еще года четыре тому назад молодежь ожидала новый выпуск сборников «Знание» с новыми вещами Горького.

Л. Н. написал статью о том впечатлении, которое производит на него номер газеты «Слово» [5].

Л. Н-чу кто-то прислал книжечку: V. Hugo «La peine de mort» (собранные статьи и отрывки). Л. Н. рассказал, что сын Виктора Гюго видел, как привезли приговоренного к смертной казни на место. Он держался за карету, и т. к. был очень силен, то его с трудом оторвали. Сын описал это в газете. Его судили за неуважение к власти, и, хотя отец защищал его, он был осужден [6].

Л. Н.: Сегодня ни одного интересного письма. Один одновременно просит — «книгу Евангелие» и «леволвер», добавляя: «Буду вечно благодарен».

16 февраля. Вечером был П. А. Страхов — лет сорока, брат Федора Алексеевича. Огромного роста, пел сильным баритоном, рассказывал шуточные рассказы и читал вслух Чехова «В бане»; очень стеснялся перед Л. Н-чем. Л. Н. понравилось, хвалил большую силу и энергию передачи [1].

Софья Андреевна сказала, когда был П. А. Страхов и «рассказывал», что Л. Н. начал писать «Крейцерову сонату» для Андреева-Бурлака, чтобы тот от третьего лица рассказывал.

Л. Н. говорил о том, как теперь многие ловко, легко пишут стихи (например, в газете «Слово»); местами чувствуешь, что рифмы руководят мыслью. Это самое заметил Л. Н. сегодня, читая немецкий перевод в прозе какого-то стихотворения Карпентера. Заметил, что это перевод со стихов и что мысль уже в английском оригинале не была свободна [2].

Л. Н. нашел в «Русских ведомостях» 15 февраля хорошее изложение первой половины «Закона насилия и закона любви», появившегося за границей, кажется, в мартовской книжке «Fortnightly Review» [3], а также по-французски и по-немецки.

Сегодня вечером были бабы из Ефремовского уезда просить за сыновей, приговоренных к тюрьме за участие в грабеже винополии и громивших имение Бобринского [4].

Л. Н. получил третий том собрания сочинений Свами Вивекананды на английском языке, изданных в Индии,— подарок индуса. Читает, и очень ему нравится, так же как и первый и второй тома.

Ф. А. Страхов кончает раскладку «Свода»; по его заявлению, осталось на месяц работы. Она делается по программе нового «Круга чтения» *, т. е. учения о смысле жизни. Летом надеется продолжать работу (навести в отделах порядок и создать новые подотделы) в яснополянском павильоне [5]. «Только там и можно, того гляди обыск»,— сказал он. Теперь у него на своей квартире всегда только одно отделение, другие все здесь, в яснополянском доме. Цель «Свода»— дать возможность всякому желающему найти мысли Л. Н. о том или другом вопросе в одном месте.

Софья Александровна (*Л. Н-чу*): Завтра прочтете что-нибудь из Мопассана?

Л. Н. согласился.

17 февраля.

Л. Н.: Ваня принес мне газету. Что в Вятской губернии делается! Ужас что делается!

Вспоминал, кто там губернатором **. Газеты расписались о бесчеловечном вымогании податей от крестьян в Вятской губернии. Л. Н. сегодня все газеты читал.

Л. Н., обращаясь к Марии Александровне, сказал, что не вошло в «Круг чтения» изречение: «Смерть будет — меня не будет, покуда я есмь — не будет смерти» [1].

— Умереть уже тем хорошо, что никто осуждать не будет,— сказал Л. Н.

Приехал М. В. Булыгин, в первый раз после смерти его жены. Слушая рассказ Михаила Васильевича о внезапной кончине, поразившей его, Л. Н. сказал:

— Удивительно, как люди могут жить, не принимая в расчет смерти! Игнорирование смерти должно перестать.

Л. Н., садясь около Картушина, сказал:

— Расскажите, как поживает Сутковой и что его интересует.

Картушин сказал, что тот недоволен собой и считает необходимым иметь веру. Недоволен, что все у него рассудочно.

Л. Н. спросил:

---

* Впоследствии названного «Путь жизни».

** Горчаков.

— Сутковой, кажется, кончил университет?

Картушин: Да.

Л. Н.: Вот в этом громадное, ужасное зло. Мне теперь это ясно, какое зло — богатство и обилие знаний. Я всегда поражаюсь на ученых, профессоров, что у них такая масса знаний. Они, как набитый мешок, а простых вещей не могут понять. И, как это ни странно, я к ним отношусь, как к детям. Говоря с ними, я боюсь, что они не поймут самое простое, самое важное.

Картушин: Значит, Лев Николаевич, все наше дело только в любви, в самоусовершенствовании?

Л. Н.: Да, это начало во всем и во всех. Но я чувствую по мере роста, что мое тело меня отделяет от окружающих. А вот любовь дает возможность разрушить эту оторванность, это ограничение.

Мария Александровна просила Картушина рассказать про историю с кошкой. Картушин рассказал, как Сутковой, желая освободиться от своей кошки, понес ее в корзинке за три версты. По дороге она изгадила корзинку. Он ее пустил в деревню и, сердитый, вернулся домой. В это время и кошка успела вернуться. После этого он говорил, что лишний раз убедился в том, что злом нельзя бороться против зла.

Л. Н. рассмеялся.

Досев спросил, какое впечатление произвел на него Ваисов.

Л. Н.: Он мне понравился, но нехорошо только то, что он придает слишком большое значение букве Корана.

Досев сказал, что Ваисов на него произвел сильное, хорошее впечатление, и по тому, что́ он от него узнал, думает, что впечатление Л. Н. неправильно.

Он прочел Л. Н. из своей записной книжки, что́ те ступени духовного развития человека, которые признают ваисовцы.

Л. Н.: Это хорошо, это очень хорошо.

Картушин спросил сызнова Л. Н., какое его отношение к метафизике.

Л. Н.: Мне кажется, что метафизика нужна. Один философ говорил, что истина открывается людям с одной стороны метафизикой, с другой — религией. Нужно только, чтобы первое и второе было просто и ясно. Религиозные истины должны быть настолько доступны человеку, чтобы их могла понять Параша (дурочка, пастушка в Ясной Поляне).

Л. Н.: Вчера ко мне приходил тот крестьянин из Тамбовской губернии, который теперь гостит у вас. Это тип нового зарождающегося крестьянина, хотя и не так часто встречающийся в наши дни. Ему многое, самое важное, ясно. Но так как он вырос среди глубоких суеверий и предрассудков, он не может так легко освободиться от них. Вдруг он спросил меня: «А как вы думаете про мощи?». Но я хотел другое сказать: этот крестьянин говорил мне: «Я читал ваши сочинения и понимаю вас. Я пришел вас просить, чтобы вы мне сказали в нескольких словах: как мне жить?» И мне стало ужасно совестно, что и до сих пор не изложил свои верования так, чтобы они были каждому ясны. Недавно я получил третий том полного собрания сочинений Вивекананды и читаю его теперь. Он разъезжал по разным местам и говорил речи. Очень хорошо. Одно только плохо, что он старается оправдать идолопоклонство браминов, хотя он этому идолопоклонству придает духовный, тонкий смысл. Я и на нем вижу справедливость мысли Канта о том, что, если человек в детстве воспитан в известных суевериях, в старости он, желая их оправдать, становится софистом этих суеверий.

Мария Александровна была, Картушин, Досев *. Говорили о смерти Марии Львовны. Л. Н. по этому поводу:

---

* Записано через полтора месяца. Дополнение и вариант. — *Ред.*

— Удивительно, как люди могут жить, не принимая в расчет смерти. Игнорирование смерти (нынче общее) должно перестать.

Картушин сообщил Л. Н., что̀ мучает Суткового: «Как сделать, чтобы зажечь в себе свет?»

Л. Н.: Он уже в каждом человеке есть. Как в дурном, в самом развращенном, так и в хорошем, а нужно только разжигать его. Проявлению его мешают страсти. Свет во всяком человеке есть, надо напрягать усилия, снимать то, что его скрывает.

Разговор о Сутковом по поводу того, что он кончил университет, а теперь учится на земле работать.

М. П. Новиков говорил мне, Душану Петровичу, какая радость выращивать овощи, растения, клевер. Ее только тот испытывает, знает, кто этим трудом занимается. О себе (о своем клевере) говорил с восхищением.

Л. Н.: А люди домогаются, желают как раз того, чего не должны: богатства, учености.

Л. Н. о Ваисове, что он закостенел в догматах магометанства, в которых он воспитан.

Досев Льву Николаевичу о Ваисове, что он ему понравился, что он очень милый человек. Л. Н. согласился.

Л. Н. с единомышленниками менее устает беседовать [2].

Сегодня был пятый раз (у Л. Н. четвертый, а раз во время болезни Л. Н. у Черткова) Баскин-Серединский. Л. Н. побеседовал с ним внизу.

— Зачем приходил?

Л. Н.: Хочет, чтобы я его похвалил. (Баскин-Серединский пишет стихи.)

18 февраля. Меня не было дома. Вечером за чаем Л. Н. с С. А. Стахович разговаривали о женщинах. Л. Н. говорил, что они, кроме наших революционерок, никогда не носили оружия. Софья Александровна удивительно точно и хорошо умеет передавать разговоры, или слышанное, или суть прочитанного ею. Можно бы ее спросить.

Потом разговор был об Азефе. Л. Н. сказал, что так и не поймет, почему Лопухина арестовали.

19 февраля. Приехали старшая сестра С. А. Стахович — Н. А. Огарева, Михаил Львович с Александрой Владимировной и своячницей — Л. В. Голицыной.

За обедом говорили о прохожих. Александра Львовна предложила одному оборванному прохожему, жаловавшемуся, что некуда поступить, пойти к ней в работники. В конце недели его оденет. Он потребовал сейчас же одеть его и не согласился.

Л. Н.: Я говорил с одним 27-летним, здоровенным: он летом работает, зимами — семь лет — ходит попрошайкой. Я пробовал ему внушить, что отнимает хлеб у настоящих нищих-калек, но он остался непоколебим и твердил, что не найдет работы.

Л. Н. говорил о встреченных им двух прохожих. Опасался за Александру Львовну и Варвару Михайловну, если им встретятся. Но они были на лыжах. На лыжах можно уйти по глубокому снегу.

Продолжался разговор о прохожих.

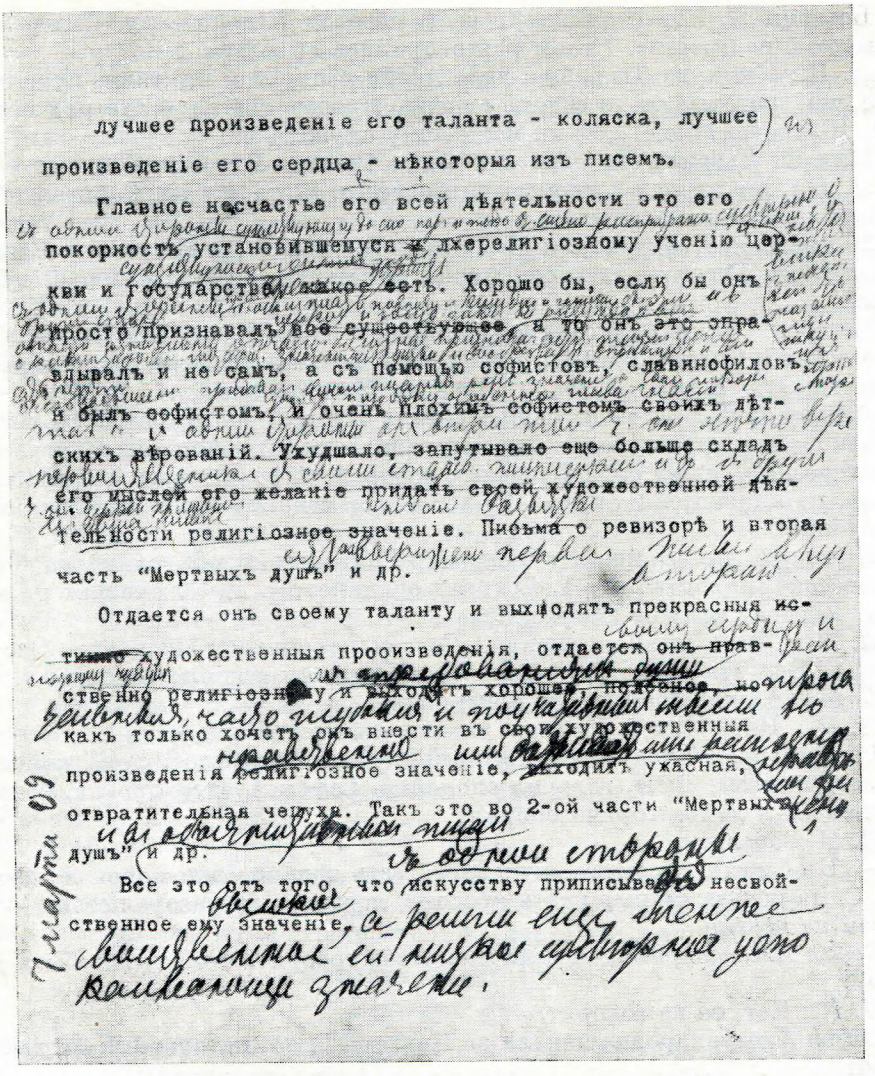
Л. Н. рассказал, как один приходил к Черткову «расписаться кровью»*, и заключил:

— Есть симулирующие, есть истинно несчастные.

Л. Н. говорил с Софьей Александровной о сибирском 16-летнем мальчике, который попался в деле нападения на поезд (грозит ему смертный

---

* Он хотел записаться, сам не зная во что: в толстовско-чертковский толк, секту, союз.



лучшее произведеніе его таланта - коляска, лучшее произведеніе его сердца - нѣкоторыя изъ писемъ.

Главное несчастье его всей дѣятельности это его покорность установившемуся и лжерелигіозному ученію церкви и государства. Ложное есть. Хорошо бы, если бы онъ просто признавалъ все существующее, и то онъ это оправдывалъ и не самъ, а съ помощью софистовъ, славянофиловъ, и былъ софистомъ, и очень плохимъ софистомъ своихъ дѣтскихъ вѣрованій. Ухудшало, запутывало еще больше складъ его мыслей его желаніе придать своей художественной дѣятельности религіозное значеніе. Письма о ревизорѣ и вторая часть "Мертвыхъ душъ" и др.

Отдается онъ своему таланту и выходятъ прекрасныя истинно художественныя прооизведенія, отдается онъ нравственно религіозному и выходятъ хорошая ложь, которая какъ только хочетъ онъ вмѣсти въ свои художественныя произведенія религіозное значеніе, выходитъ ужасная, отвратительная чепуха. Такъ это во 2-ой части "Мертвыхъ душъ" и др.

Все это отъ того, что искусству приписывается несвойственное ему значеніе.

ЧЕРНОВИК СТАТЬИ ТОЛСТОГО О ГОГОЛЕ

Лист машинописной копии с исправлениями Толстого. Дата рукой Н. Н. Гусева: «7 марта 09»

приговор) и о котором Л. Н. и Софья Александровна через Кони и кого-то хлопотали:

— Верить тому не могу, как его экспроприаторы тренировали, чтобы не боялся смерти, как его учили резать кошек.

Михаил Львович говорил, что в Туле все говорят о посещении архиереем Л. Н-ча, что архиерей писал Долинино-Иванскому, что был очень рад (удовлетворен).

Л. Н.: Мне интересно — не было ли ему неприятно сообщение в «Русском слове?» Он совсем светский человек, приятный.

Софья Александровна прочла вслух из «Русского слова» интервью Спиро с архиереем о посещении им Л. Н-ча [1].

Л. Н. во время чтения ушел, т. к. там есть «неприличные слова».

Софья Александровна: Неприличные слова — это «великий гений» — о Льве Николаевиче.

Вечером Л. Н. читал вслух свой перевод и переделку беседы отца с сыном о солдатстве. Потом разговорились об Азефе.

Л. Н.: Нет худа без добра: дело Азефа раскрыло, что̀ такое правительство, тем, которые этого еще не видели. Правительство — это ряд мерзавцев. Я говорю Мише: как он может ему служить? [2]

Михаил Львович спрашивал об игре братьев Гаяриных.

Л. Н.: Они играли легкомысленные вещи. Я это люблю. Гольденвейзер, Сибор играют классические.

20 февраля. Днем уехали Михаил Львович и Л. В. Голицына. Вечером уехал Н. Н. Гусев на похороны отца. Я с раннего утра до вечера с больными.

Вечером Софья Александровна спорила с Л. Н. об искусстве. Присутствовали: Ольга Константиновна, Чертков, Александра Владимировна, Огарева, Александра Львовна, Варвара Михайловна.

Раньше Софья Александровна читала вслух (некоторые места, находя невозможным читать вслух, пропускала; к концу пропускала страницы неинтересные) из «Русской мысли», июнь 1908 г., реферат о философии полов, по книге Вейнингера — 23-летнего немецкого еврея, покончившего самоубийством.

«Русскую мысль» принес Владимир Григорьевич, объясняя, что Федор Алексеевич находит, что Вейнингер одинаково с Л. Н. смотрит на женщин. Реферат всем не понравился.

Л. Н.: Очень легкомысленно. Совсем непонятно. Неправда. Все это чепуха. Все это следствие учености. Набрался разных взглядов...

Софья Александровна: Он оригинален.

Л. Н.: Нисколько. Пример упадка нынешней учености [1].

В разговоре об искусстве, который начался с картин Орлова, кончился «Властью тьмы», Л. Н. говорил спокойно. Софья Александровна, которая сегодня не в духе, горячо спорила.

Л. Н. возражал:

— В области хорошего, духовного есть только одно хорошее: духовное. Сюда нельзя примешивать красоту, поэзию. Некрасова поэзия — это совсем не поэзия.

Софья Александровна: А если Некрасов говорит, что «нужно быть добрум»?[2]

Л. Н.: Нет, он не говорит.

Софья Александровна напала на Виктора Гюго, которого Л. Н. высоко ставит.

Л. Н.: Виктор Гюго — это серьезная сила, такой и Герцен (его роман «Кто виноват?», «Былое и думы»). У них есть известная духовная энергия, их особые требования, которые драгоценны. Они есть у Диккенса, Достоевского, Шиллера. У Достоевского есть путаница, у него нет свободы, он держится предания и «русского, исключительного». Он связан религией народа.

Л. Н.: У меня горячая любовь к Ламеннэ. Он был священником, а перешел на искание истины и правды жизни. Вот это для меня дороже всего. А приписывание важности тому, что вы говорите: романам, поэмам, «Власти тьмы»... как только оно соприкасается с действительно важным,— теряет значение. Почему же нам всем дороже всего Евангелие? Вот вам искусство: притчи, сознание бога. И как я буду любить описание, как ⟨он⟩ ходил по лесу и целовал ее руку? Это неважное. Приписывать этому важность — это слабость высших классов, которые оправдывают ту жизнь, какую ведут. Человек не может без искусства жить, как без пищи. Но как пище приписывать особую важность, стараться чем слаще есть — нехорошо, так и этому: поэзии, красоте. Чем меньше пищи, чем она чище, тем лучше, так и искусство.

Софья Александровна: Всегда начнете говорить вы при всех, что не знаете, что такое искусство!

Л. Н.: Не знаю. Искусству приписывается особое значение: искусство как что-то высшее. Что такое пища — знаю, а что такое гастрономия — не знаю. В наше время «высшее» искусство дошло до того, что оно само себя уничтожает. Этот упадок есть и в науке. Мы только что читали Вейнингера; этот упадок искусства и науки начался давно. Теперь стали предъявляться высшие требования жизни, и занятие поэзией теперь неудобно. Прежде секли и поэзией занимались. Это искусство утонченное обречено на погибель. Оно возникло среди классов, живущих самым уродливым образом, в том сословии, которое жило отвратительною жизнью. Так как в этом мире начинает появляться высшее — оно (искусство) гибнет.

Эти мысли Л. Н. говорил не сразу, а ответами на возражения.

— Эти явления, то, что мы называем настоящим искусством (песни, сказки, басни), это все хорошее,— отвечал Л. Н.— Романы пошли оттого, что богатым было нечего делать. Одни писали, другие читали эти глупости и думали, что они — себя не исключаю — занимались очень важным делом. Я не понимаю, как эти мои мысли могут быть кому-нибудь непонятны. У нас, в России, ста миллионам это искусство недоступно.

Софья Александровна и *Софья Андреевна*: Это несчастные люди, которые не могут Пушкина читать, «Власть тьмы» понимать.

Л. Н.: Я никого не считаю несчастным. Этим ста миллионам людей оно не нужно. Им забавляются богатые. Представьте себе, что вы любите играть на тотализаторе или пьете шампанское и говорите, что жалеете, что все не могут пить шампанское, им воодушевляться к добрым чувствам, красоте.

Софья Андреевна читала корректуру первого тома Молоствова и Сергеенко «Л. Н. Толстой. Биографические материалы».

Ночью уехала Огарева.

21 февраля. Утром уехала А. В. Толстая, невестка, любимая и Л. Н. и Софьей Андреевной. Всегда с умилением вспоминают о ней. Ее сынок, шестилетний Ваня, просил через нее дедушку послать ему свой портрет. Л. Н. написал ему на портрете целое наставление, как жить:

«Милому внуку Ване
Дедушка Лев.

Когда твой папа был маленький, он на бумажке написал себе, что *надо быть добрум*. Напиши это себе в сердце и всегда будь добрым, и тебе всегда хорошо будет. 21 февраля 1909. Л е в-д е д» [1].

За завтраком Л. Н. говорил, что в фельетоне «Русских ведомостей» разбор трех писаний: Семенова, Арцыбашева и Струве.

Софья Александровна: Которого Семенова? Близкого вам? Сергея Терентьевича?

Л. Н.: Леонида. Он ближе мне. В писаниях у всех отмечено о подавленном состоянии революционеров. И. (фельетонист) смешивает их всех, потому что у них у всех одинаковое душевное настроение. Это — из старых сочинений Леонида Семенова [2]. Он перестал писать под влиянием Добролюбова (А. М.). Добролюбов близок мне. У них есть примесь мистического.

Пришел Досев проститься с Л. Н. Поговорив с ним, Л. Н. просил его еще подождать — вместе погуляют. Потом Л. Н. сошел к нему в мою комнату проститься: «Простите, я такой мрачный. У меня бывает такой упадок сил, и это можно посчитать за неудовольствие».

Мне было жалко, когда простился с Досевым — милый, простой, радостный.

За обедом: Софья Андреевна, Софья Александровна, Александра Львовна, Варвара Михайловна.

Софья Андреевна о рукописи тома VI биографии Л. Н-ча (Молоствова и Сергеенко), которую возвращает исправленной Молоствову; негодовала, как ее Сергеенко расхваливает. Выпустила такие места: «Софья Андреевна рассказала, что царь ей сказал: «Вы стоите выше императрицы, потому что вы жена Толстого», и много подобных. Была возмущена и дурным языком и противной лестью.

— Что-то Чертков перестал ездить к обеду,— сказала Софья Андреевна.

Л. Н.: У него теперь состояние возбуждения, усиленной работы. Мало спит, пользуется им, чтобы больше работать. Такое возвращающееся состояние возбуждения, а после спячки и успокоения — в меньшей мере ⟨бывает⟩ у всех, у меня оно есть. Когда много сплю — мало работаю, когда мало сплю — много работаю.

Л. Н. о чудесной зиме: «Какая эта зима!» О красивом сегодняшнем утре: «В шесть встал, в половине восьмого уже гулял».

Пополудни верхом два часа 20 минут. Шагом-проездом [3]— семь верст в час, значит 16 верст.

22 февраля. Была Ольга Константиновна с детьми. Вечером с ней, с Александрой Львовной, Варварой Михайловной проверяли статью о содержании номера газеты. Александра Львовна сегодня едет в Москву вместе с Софьей Александровной, едущей в Петербург. Разговор между Софьей Александровной, Ольгой Константиновной, Софьей Андреевной.

Л. Н. о том, как непрочны браки, расторгаются. Изменяют, особенно мужья.

Л. Н.: Это ужасно, эта свобода до брака — это самое страшное, что делает то, что после брака у него есть уже привычка. И главное зло, что это самое и в народе, как говорила на днях Мария Александровна.

Л. Н.: Я нынче получил много интересных писем. И, между прочим, от Балашова: самые отвлеченные религиозно-философские вопросы [1]. Удивительно письмо от одной дамы.

На какой-то вопрос Л. Н. ответил:

— Время длинно, плохо помню; и что помню — кажется так давно.

Л. Н. говорил про письмо матери о своей дочери-гимназистке, «которая уже писала мне,— сказал Л. Н.,— что они любят своего отца и вместе с тем не хотят его огорчать. Дочь не хочет ни паспорта, ни метрического свидетельства».

Л. Н. отвечал матери [2].

Л. Н.: Я люблю наблюдать руки (Л. Н. любит большие руки).

Л. Н. (*о евреях*): Как же целую нацию осуждать?

23 февраля. Л. Н. несколько дней очень рано встает. Перед восемью часами выходит гулять. Сегодня пополудни тоже гулял. Вечером на вопрос Черткова, как он себя чувствует, ответил, что «бессилен». Все-таки днем работал.

Вечером Фельтен. Два года пробыл безвыездно в Петербурге по требованию полиции; теперь у него три судебных дела по издательству «Обновление» [1], и он ездил в Крым, чтобы подкрепить здоровье перед грозящей ему тюрьмой. Он очень любит море и в Крыму им наслаждался.

Л. Н. расспрашивал его об этих его делах и о прежних арестах.

Л. Н. рассказал про вчерашнего посетителя, Сергея Федоровича — тамбовского крестьянина, что он серьезный; рад был побеседовать с ним.

— Это самый многолюдный и серьезный наш читатель, которого мы игнорируем. Чужие, непонятные народу выражения употребляем,— сказал Л. Н.

Владимир Григорьевич: Вы — не очень. Возможно понять, но все-таки все ваше будет переложено на более простой народный язык.

Л. Н.: Дай бог!

Л. Н. говорил про письма, которые сегодня получил. Молочников пишет из тюрьмы. Нынче он описывает революционера, с которым спорит; анархист без насилия [2]. Это прямо жизнь в тюрьме кипит, энергия духовная. Мы тут спим.

Л. Н. спросил меня, не писала ли мне Мария Николаевна.

— Нет? Я виноват. Я давно не писал [3].

Чертков привез экземпляры «Царства божия внутри вас», издание Е. В. Герцика в Петербурге. Он бывший предводитель, профессор, честный человек. Его издания сочинений Л. Н-ча печатаются без всяких сокращений, согласно указанию автора — с лондонских оригиналов В. Г. Черткова. Мы были этим (что «Царство божие» печатается в России без пропусков) поражены.

Л. Н. сказал какую-то французскую пословицу в том смысле, что его писания — это долбление глухим [4].

Владимир Григорьевич заметил, что многие читают с пониманием. Я подумал, но не сказал, что на меня из всех сочинений Л. Н. «Царство божие» сильнее всего подействовало.

Я сообщил Л. Н. содержание сербской статьи по поводу его «О присоединении Боснии» (М. Стеванович. Лäв Толстоj о анексіj.— «Недѐльнӣ Пре́глед», 1908, Брôjі 36 и 37). Автор ее заключает саркастически, что статья Л. Н. не убедит Эренталя, австрийского министра иностранных дел.

Л. Н.: Никого не убедит.

Владимир Григорьевич привез: 1) письмо духобора к Анне Константиновне, 2) письмо жены Бедро, присужденного за участие в Крестьянском союзе к ссылке в Якутскую область, а он чахоточный. Его дело будет в Сенате у Кузминского. Просит Л. Н-ча похлопотать. Л. Н. сегодня же напишет Кузминскому, 3) английский перевод «Нет худа без добра». Это перевод по-новому: переводил дословно латыш — Саша Зирнис и поправлял англичанин Томпсон. Владимир Григорьевич хотел узнать, какое впечатление перевод произведет на Л. Н. 4) Письмо Балашова. Его читали вслух.

Л. Н. говорил, что читает Кравчинского-Степняка «Андрей Кожухов», роман, напечатанный в 1906 г. в России.

— Что тогда печаталось! — сказал он.

Владимир Григорьевич напомнил Л. Н-чу, кто был Кравчинский: он убил начальника III отделения Мезенцова, и спросил, знал ли Л. Н-ч Мезенцова.

Л. Н.: Превосходный малый! Я был на *ты* с ним. Посвистывал.

Владимир Григорьевич: Кравчинский, убивший его, был предобрый, тихий, далекий от убийств. Его в Англии любили, почитали. Он не любил рассказывать про это убийство, но не раскаивался в нем.

Фельтен рассказывал про море и спросил Л. Н-ча:

— Вы равнодушны к морю?

Л. Н. (*усмехнувшись*): Равнодушен. Вещественный предмет.

Фельтен: А горы любите?

Л. Н.: Горы красивее.

Фельтен: Ведь они тоже вещественный предмет.

Л. Н.: Везде одинаково: на море, в горах, степях. Солнце действует больше всего на меня. Третьего дня — какой солнечный день был! Утром восход — все розовое. Удивительная эта нынешняя зима: мороз держится. Оттепели почти не было.

Владимир Григорьевич спросил, когда Л. Н. видел восход.

Л. Н.: В шесть часов утра вставал.

Владимир Григорьевич спросил, когда ложится.

Л. Н.: В 11 часов *. Когда пять часов сплю, хорошо работаю; когда — семь — вял. Сегодня спал восемь — и вял.

24 февраля. Был Владимир Григорьевич с А. А. Медведевым, новым секретарем, с которым он спокоен.

Разговор о смертных казнях и приговорах, которых в последние дни опять очень много. Л. Н. на днях говорил, что со дня на день думает, что это уже последние приговоры, что уже должны быть прекращены, а в следующий день опять новые приговоры и новые казни.

Л. Н. о какой-то книге Гюго [1], в которой читал, что есть три довода за смертную казнь: устранение, возмездие, устрашение. Ни один из этих трех не осуществляется.

— Я думал,— сказал Л. Н.,— что от чувства мести люди освободились, а его юристы приводят. Но я еще в университете спорил о возмездии.

Л. Н. говорил, что он очень благодарен Давыдову за материал, который он прислал ему, о суде и казни двух напавших на парфюмерную фабрику Чепелевецкого в Москве. Они никого не убили, а только грабили. Суд над ними — подробности эти, соблюдение формалистики — по-ихнему, должны доставить полное удовольствие своим подсудимым. Их казнили в пустом сарае, виселицу не ставили, а повесили на перемете. Имя одного из них — Лункин, имени другого Л. Н. не мог припомнить.

— Я не хочу вам это рассказывать подробно, потому что мне хочется передать об этом подробно в моем писании.

Л. Н. о повести В. Гюго «Le dernier jour d'un condamné»:

— Все это сильно и все это comme chanté **. Все это знают. Написано в 1830 году! И все продолжаются казни.

Потом прочел вслух оттуда одну сцену — комическую [2].

Л. Н. вспомнил о Бедро, о котором писал вчера сенатору Кузминскому, что он действовал против насилия, против еврейского погрома в одном местечке Полтавской губернии, против погрома усадеб. Его засудили потому, что он там, в Полтавской губернии, устроил Крестьянский союз.

Л. Н. рассказал содержание письма Разумниковой о ее дочери, разделяющей его взгляды и потому не хотящей иметь метрического свидетельства и паспорта и ради того готовой выйти из гимназии и продолжать жить в Москве (выехать в деревню нельзя без паспорта) и давать уроки музыки. Не хочет идти на компромиссы.

Л. Н. по поводу этого письма:

— Разве мое письмо к Кузминскому не компромисс?

Л. Н.: О трех типах судей: Кузминский — тип, верит в Свод законов, как в Библию; он справедлив. Второй тип.....*** Это типы односторонние, они мне ясны. Но тот тип судей, подгоняющих подсудимых под закон, старающихся возможно больше обвинить и наказать их,— сложный тип, мне неясен.

Чертков принес Л. Н-чу письмо: член английского парламента хочет основать генриджорджевскую лигу. Просил Л. Н-ча ему написать [3]. И Л. Н. разговорился, что можно ожидать проведения генриджорджевской реформы в Англии. «Англичане, в формах приличия, совершают удивительное» (т. е. энергически вводят умеренные законы).

Чертков усомнился, проведут ли что-нибудь, т. к. у них решают лорды, палата лордов.

Л. Н.: Земельный вопрос — это одна из коренных вещей, на которой держится порядок, существующий нынче. Его защищают. Он рушится.

25 февраля. Приехал Гусев с похорон отца. Л. Н. сегодня стал писать

---

* Л. Н. ошибся: он в 11 уходит к себе, но, пока ложится, проходит почти час; еще пишет дневник, иногда раскладывает пасьянс.

** словно спето (*франц.*).

*** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

о Генри Джордже. Пополудни прошелся «к поручику» и обратно, значит три версты с горы на гору и обратно столько же [1]; а было все время 17° мороза.

Л. Н. говорил о письмах. Получил и от Горбунова. У него пять судебных дел по изданию книг, между прочим книжечки «О войне» Л. Н-ча [2].

Л. Н.: Его будут судить, а все к суду прикосновенные люди, с которыми Иван Иванович имел дело, недоумевают, сочувствуют ему. Действуют из-за давления сверху.

Софья Андреевна спросила:

— Сверху от государя, что ли?

— От Столыпина,— прибавил тихо, как бы неуверенно Л. Н.

После молчания Л. Н. продолжал:

— Мы накануне важных событий, важных для нас: Горбунова будут судить, Черткова погонят.

Л. Н. удивлялся, что Черткова нет. Кажется только один день за все время своего пребывания в Телятинках, пропустил (не приехал).

Софья Андреевна (*о Черткове*): Как он Льва Николаевича любит! — И она Черткова скорее любит, чем чтобы он ей был безразличен.

Л. Н. пошутил, что он не хочет умереть, только чтобы ему (Черткову) не сделать неприятно.

Л. Н. о письме Поссе, которое сегодня получил, о том, что он из противника его, читавшего рабочим лекции против него, сделался поклонником его [3].

Я прочел вслух полученное сегодня письмо Максимовича, сербского переводчика,— «О присоединении Боснии»:

«Когда у нас появилась в печати статья Льва Николаевича о Боснии и Герцеговине, некоторые газеты и журналы отнеслись к ней отрицательно, шаблонно, упоминая об утопиях и т. д. Теперь же, когда европейские правительства, не исключая и русского, поступают относительно сербов совершенно так, как это было сказано в статье Льва Николаевича, т. е. правительства — волки, защищают волка — Австрию, а не ягненка — сербский народ (Сербию, Боснию и Герцеговину) — теперь те самые газеты осуждают волков словами, доводами и приемами, взятыми прямо из статьи Льва Николаевича и ее идеологии. Будучи вообще бесконечно отдалены от отрицания государства, они теперь по опыту убедились, что корень наших бедствий лежит именно в существовании государства» [4].

Л. Н-чу и всем понравилось.

— Если бы убедились! — сказал Л. Н.

Л. Н. заговорил про книжку Павского, воспитателя Александра II с 1826 г., которую он сегодня смотрел, что̀ в ней о троице, Христе, богочеловеке [5].

— Видно, что он о догматах пишет не из убеждения. Он на первое место выдвигает любовь к ближним. Его обвиняли, что он не верит в православие. Я посмотрел о нем в словаре Брокгауза.

Николай Николаевич рассказал про декадентское стихотворение Ф. Сологуба, в котором он молится и предается сатане.

Л. Н.: Ах, не люблю я стихов! Вот Виктора Гюго — до чего его люблю, прозу всякую строку смакую. Дошел до стихов — не мог читать. Сейчас виден умысел, ненатурально.

Николай Николаевич: Теперь все газеты и журналы приняли сторону декадентского искусства. Скрябина музыку восхваляют, что она приводит в волнение слушателей.

26 февраля. После нескольких дневного возбуждения, раннего вставания, напряженной и многой работы, Л. Н. сегодня поневоле отдыхал. Проснулся в половине десятого, прошелся до мостика, посидел с полтора часа и опять ложился в постель. Проснулся в 4 часа. Перебои, через каждый 4

до 10, пульс 78, температура 36,8. Он уже вчера и третьего дня чувствовал стеснение сердца, а сегодня ему противно во рту, аппетита никакого, прямо не хочется есть. После пульс поправился, перебоев нет, но неравномерен. В семь часов поел в первый раз.

За обедом: Чертков, Фельтен, Софья Андреевна, Варвара Михайловна, Николай Николаевич.

Во время обеда Л. Н. пришел в халате и сел не за стол, а на кушетку и сказал нам по поводу своей слабости:

— Vous êtes prévenus. Je ne veux pas vous jouer un mauvais tour *,— сказал Л. Н. в шутку, с намеком на то, что не хочет помереть, когда Чертков построился вблизи ради него.

Софья Андреевна: Я пишу 1889 год. Ты уже тогда говорил, что скоро помрешь, а, бог даст, всех нас переживешь.

Л. Н.: В том (смерти), кроме хорошего, ничего дурного нет.

Я рассказал и после прочел вслух телеграмму в «Русском слове» из Японии, что правительство запретило некоторые сочинения Л. Н. ввиду их дурного влияния на молодежь [1].

— Ах, как хорошо! Это удивительно! — воскликнул Л. Н. радостно.— Это мне такой комплимент. Я думаю, что там христианство имеет влияние.

В том же номере «Русского слова» от 25 февраля о А. М. Бодянском, заключенном за распространение запрещенных сочинений Л. Н., сообщается, что за его освобождение хлопочут член Думы Каменский и министр юстиции Щегловитов [2].

Л. Н. сказал, что он хочет написать Гершельману о (Н. П.) Лопатине, присужденном на три месяца за то, что напечатал строки Л. Н. о смертной казни в газете, кажется, еженедельной, «Жизнь» [3], туда поместил Купчинский, интервьюер Л. Н-ча в феврале.

Разговор о смертных казнях, об одном из доводов за них, что они устрашают.

— Массовые смертные казни,— сказал Л. Н.,— как во время Французской революции и нынешней, в близком времени затушают, а в более далеком — увеличивают преступления.

Л. Н. вспомнил, что сегодня на прогулке, встретив стражника, живущего у нас, спросил у него, почему служит в стражниках. «Я получаю 35 рублей в месяц»,— ответил стражник.

— Это весь секрет службы стражников, министров: получают 35 рублей вместо восьми и потому исполняют службу,— сказал Л. Н.—Стражник было начал оправдываться, что он старается не обижать.

Фельтен спросил Софью Андреевну, почему она не перепечатывает старый журнал Л. Н-ча «Ясную Поляну». Сколько там интересного, сказок. Софья Андреевна ответила, что она держится строго права, а право собственности на журнал Л. Н. передал учителям: Эрленвейну, покойному Томашевскому, Петерсону и другим. Их было около тринадцати [4].

Л. Н. получил сегодня кипу книг, ему неинтересных, о практических вещах; между прочим, и греческий журнал «Клио» из Смирны [5].

В нем портрет Л. Н. и статья о нем Анатоля Франса.

Л. Н. спросил меня:

— Вы по-гречески читаете? Я могу,— добавил Л. Н.

Л. Н.: Нынче читал о последних днях Чернышевского. Я его в свое время не любил. Он был необыкновенно свеж. Стал бредить, ходить по комнате; умер в три дня параличом.

Вечером Страховы. Софья Андреевна рассказала, что в новом издании сочинений Л. Н. [6] следовало бы внести пропущенные цензурой места из военных рассказов (рукописи должны находиться в Румянцевском музее);

---

* Вы предупреждены. Не хочу с вами сыграть скверную шутку (*франц.*).

дополнить «Записки маркера» (у Бутурлина есть дополнения); включить статью Л. Н. о «Войне и мире», появившуюся в «Русском архиве» 1868 г. и перепечатанную несколько лет назад в иллюстрированном приложении к «Новому времени»; издать книжку рассказов, помещенных в книжках журнала «Ясная Поляна».

Софья Андреевна передала слова Л. Н. о французском переводе его сочинений Бинштоком: «Невозможный, отвратительный перевод. Стараюсь его не читать».

27 февраля. Л. Н. спал хорошо; утром гулял. После полудня был у него московский студент, говорил час о вере. Вечером: Владимир Григорьевич, Андрей Львович, Екатерина Васильевна. Андрей Львович рассказывал о Петербурге, где искал службу.

Л. Н. читал в газете, что за границей появилась его статья против смертной казни, написанная по поводу «Заметок» А. А. Столыпина [1].

Л. Н. сегодня поправил замечательное письмо о непротивлении.

Сергей Львович говорил про Андреева, что он и новые писатели хотят épater le bourgeois *.

Л. Н.: А так как теперь 99 процентов читателя — les bourgeois, так и удается им.

Л. Н.: Название «Жизнь человека». Эффектно! Музыка Скрябина.

Сергей Львович спросил Л. Н. о рассказе Андреева «Семь повешенных». Л. Н. неодобрительно высказался о нем.

— Я Андреева ничего не помню, что читаю. Так несвязно, искусственно.

28 февраля. Л. Н. пополудни ездил верхом к Чертковым; думаю, чтобы показаться дамам, ради него приехавшим читать и показывать с волшебным фонарем картинки Индии и др., на случай, если бы вечером не поехал слушать их лекцию [1].

За обедом Л. Н. сказал:

— Читал Даниеля статью о Генри Джордже (в его журнале «The Open Road»). Превосходна. Просто хочу англичанину ее рекомендовать.

Это член английского парламента, хочет основать генриджорджевскую лигу и внести законопроект в парламент и просит Л. Н. написать для них о Генри Джордже.

— И Даниелю будет приятно,— прибавил Л. Н.

Л. Н. разбил у себя в спальне склянку, из которой пил боржом. Жалел, как если бы был сделан бог знает какой убыток. Когда ему сказали, что она стоит всего 15 копеек, удивлялся. Л. Н. очень бережливый, не любит портить, уничтожать вещи; например, бумагу бережет: каждый клочок использует.

Вечером, в 7 часов, ездили Л. Н., Владимир Григорьевич, Варвара Михайловна, Николай Николаевич и я на лекцию дам об Индии к Чертковым. Там в большой зале наверху было холодно и многолюдно. Л. Н. знобило, а пришлось долго ждать, пока начали показывать, т. к. Л. Н. дома по каталогу из 750 картин выбрал около ста, которые хотел видеть, преимущественно этнографические: разные типы аскетов, Будд, пагоды, Бенарес, и их только при нем отыскивали. Дамы путешествовали по Австралии, Сандвичевым островам, Яве, Японии, Бирме, Индии и т. д. Читала с волшебным фонарем г-жа Корсини; показывала сперва народы Индии: парсов, поклонников Зендавесты. Они не пропагандируют своей веры, и их всего 60 тысяч. Показывала их «башню молчания», белуджей — «самый беззаботный народ», китайский квартал в Бомбее; сикхов, они монотеисты, поклонники Грантха — это их священная книга; чурков на Афганской границе, два миллиона в Пенджабе, воинственный народ, и солдат из

* ошеломить обывателя (*франц.*).

разных племен (они нравились Л. Н.— «Какие молодцы солдаты индийские», произнес Л. Н.) и других иноземцев Индии: арабов, турок, сирийцев, виденных ею в Индии. Город Дели, Бенарес, по этим картинкам — чудесный город, может быть самый красивый город в мире.

Л. Н. спросил, сколько жителей в Бенаресе, как широк там Ганг. Показывала изображение факиров в Бенаресе: одного с приподнятой высохшей рукой, с отросшими ногтями, другого с ногой, заведенной за шею на спину, тоже высохшей, одного в клети. У всех их глаза устремлены куда-то в простор, потускневшие. Такой факир — йог — уходит внутрь себя, в глубокое созерцание, внешний мир для него не существует, ест чуть-чуть. Индусы очень вежливые, сдержанные, достойные. В пагодах надо держать себя корректно, пропускают до известной черты по святая-святых, а дальше ни за что. В Японии за деньги и туда проникнуть можно. Англичане обращаются с индусами очень грубо, железнодорожные чиновники — whip * плетью. Необыкновенно красивы храмы дравидские.

Л. Н.: Удивительно хороши!

Л. Н. к концу просил показать этнографические картины из Бирмы, а не храмы и не Будд: статуй Будд много уже показывала. О бирманских женах говорила, что они самые счастливые женщины в мире, что они свободны.

Л. Н. спросил:

— А верны?

— Не без греха,— улыбнувшись, ответила г-жа Корсини.

Ночью вернулась Александра Львовна из Москвы и привезла попугая.

1 марта. У Л. Н. разболелась нога — воспаление варикозных вен на берце. Третьего дня оступился. Вчера два раза ездил к Чертковым; вечером почувствовал боль. Уже на представлении познабливало его, верно от этого, сегодня утром сказал и показал мне ногу. Остался лежать в постели с приподнятой ногой в компрессах.

Днем был Владимир Григорьевич, пополудни Ольга Константиновна с Н. П. Рудаковой, г-жой Корсини и фотографом. Н. П. Рудакова — московская купчиха, очень скромная; с ней на ее средства г-жа Корсини путешествует. Снимались с Л. Н. в кабинете. Софья Андреевна позвала их на завтра.

За обедом Л. Н. сказал:

— От Попова, тамбовского крестьянина, милое письмо [1]. Ваисова арестовали [2]. Я читал нынче «Былое»; где ни откроешь — интересно.

Пришел человек из Тулы к Л. Н-чу [3]. Николай Николаевич пошел расспросить его, что он хочет. Пока он с ним беседовал, Л. Н. с Владимиром Григорьевичем говорили, как приходящие потолковать о духовных вещах в конце концов просят материальной помощи. Разговор о духовных вещах часто бывает предлогом. Вчера приезжали к Л. Н. четыре просителя по личным делам: насчет суда за подкинутого ребенка, увольнения со службы и проч., а в конце все попросили денежной помощи.

Николай Николаевич вернулся и сказал о пришедшем, что он непонятный какой-то: говорит, что ничего не нужно ему материального, о духовном хочет поговорить с Л. Н.

Владимир Григорьевич, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Николай Николаевич уехали к Чертковым на лекцию с волшебным фонарем об Индии. Л. Н. в кресле на колесах перекочевал в кабинет и там с три четверти часа беседовал с туляком, который был глуховат. Их разговор слышался, через гостиную, в зале.

— Нет такого положения, в котором человек мог бы быть доволен собой, совершенен,—слышны были слова Л. Н-ча.—Человек не в силах.....**

* хлещут (*англ.*).

** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

совершенен только бог. Вся жизнь наша состоит в том, чтобы стремиться к совершенству, насколько возможно, а достичь совершенства — невозможно.

Слов туляка не слышно.

Л. Н.: Я беспрестанно получаю письма от молодых людей, которые пишут: «Я чувствую, что моя жизнь неправильна; хочу все бросить, поеду в Самару, Америку, на землю жить», а я отвечаю им: «Поищите в себе и делайте эту работу хорошенько, а уж этой чистоты достигнете, когда внутри будете чисты». А вы ни про кого дурно не думали, не осуждаете людей? Я вам скажу пример из своей жизни. Вся жизнь моя есть пример. Вчера письмо пишет человек — я его не знаю — он приговорен к каторге, и просит написать письмо к сенатору, который мне свояк. Я Сената не признаю. А что же, я ему откажу? Я написал ему (сенатору), чтобы он это дело смягчил [4]. Я часто видел человека: хотел достигнуть всего, не достиг, махнет рукой на все и пойдет по старой дороге. Я говорю: не идите до крайностей, а то не выдержите. Как у вас с солдатством? Вы читали что-нибудь из моих вещей? Какая ваша должность? Сколько вы получали? Давно вы отказались от службы на железной дороге? А не возьмут вас опять?

— На железной дороге мне кажется, что тут служишь обществу, а вы думаете, что нет?

— Эти вопросы решает каждый человек сам в себе. Я советовать не могу. Страшно — высоко подняться. Как вам сказать: есть друзья, отказавшиеся от военной службы, сидят в тюрьме; другие..... * но и то хорошо. Вино пили? А теперь курите?

Л. Н. дал ему письмецо к Черткову [5] и попросил Ваню проводить его в Телятинки. Туляк 28-летний, на вид моложе, скромно одетый. Потом Л. Н. говорил о нем радостно: «Он не женат, не курит, не пьет, вегетарианствует два года».

Л. Н. получил книжку доктора Грабовского: «Geistige Liebe» [6] — о том, что телесная любовь — животное, воздержание — человек. Л. Н. прочел книжку со вниманием, упрекал Грабовского в самоуверенности, приписывании себе оригинальности, тогда как пять тысяч лет тому назад все это было сказано. Об этой же книге Л. Н. заговорил вечером за чаем:

— Вот я только сейчас читал книгу по поводу половой любви. Везде одно и то же — что можно прожить без брака, воздерживаясь.

Софья Андреевна попеняла Л. Н-чу, что он всегда это говорил, а нажил 13 детей.

Л. Н.: Я не говорю, что я хорошо жил, я скверно жил, а что можно воздерживаться и должно.

Софья Андреевна стала доказывать несостоятельность его теории. Л. Н. попросил отвезти себя в кабинет. Он сидел с приподнятой перевязанной ногой в кресле на колесах. Софья Андреевна продолжала:

— Почему проповедовать то, что не исполняешь?

Мария Александровна (*убедительно*): Без идеалов жить было бы невозможно. Лев Николаевич тем и дорог, что на свою жизнь оглядывается.

Л. Н. пишет «Детскую мудрость» [7]. Тему к первому диалогу, что «мы, господа, ничего не умеем делать» — почерпнул из рассказа Раевской о своих детях. В «Русских ведомостях» статья Л. Н. «Христианство и смертная казнь» подана под заглавием, данным ей редакцией: «Толстой и А. Столыпин» [8].

2 марта. Л. Н. говорил с восторгом о вчерашнем тульском посетителе:

— Это подготовители. Он совершенно один в Туле. Был революционе-

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

ром, но не очень. Отказался от места на железной дороге, 45 рублей в месяц. Желание его пострадать. Он мне был очень интересен своей наивностью [1]. Л. Н. с Владимиром Григорьевичем говорили про другого молодого тульского рабочего, бывшего у них обоих: революционер, но есть у него желание узнать и другие воззрения. Когда ему Л. Н. говорил про христианский образ жизни, он возразил: «Если будешь так делать, тебя гнать будут».

Вечером читала и показывала картины г-жа Корсини для Софьи Андреевны. Л. Н. позвал мальчиков-учеников. Пришло их больше 20-ти, а с ними и парни, девочки, молодайка, Тарас Фоканычев, кучера, вся прислуга, Ольга Константиновна, Дима, Мария Александровна, приехавшая сегодня. Мальчики поместились впереди на полу. А. А. Корсини показала около ста картин, между ними простого и богатого сингалезца. Простой — длинноволосый, гологрудый, очень похожий на «Христа в Гефсиманском саду» Ге. От солнечного удара в год гибнет 50 000 человек. С восьми утра до четырех не выходят на улицу. Показывала далай-ламу, и Лхассу, и монастырь на высокой скале, куда лезут больные для исцеления. Когда показывала факиров, Л. Н. заметил:

— Это все-таки интересно, какая энергия может быть развита в человеке!

А. А. Корсини говорила, что индусы сдержанные, что в Индии никогда не слышала ругани и не видала, чтобы дрались. Англичанин не садится рядом с индусом: это считается неприличным. Дети нравились Л. Н. Спросил, охотно ли снимались.

А. А. Корсини: Да, охотно.

А. А. Корсини говорила про отношение англичан к индусам, что устроили школы для сыновей раджей и влиятельных классов (парсов, торгашей, богачей).

Речь об Индии, о порабощении Индии.

Л. Н.: Те, кого можно подкупить, те попали в порабощение, себя порабощают. Тамбовский крестьянин — вряд ли есть у него корова, лошадь, а на книжки есть. Такого не поработишь.

— Завоевание Индии,— рассказывал Л. Н.,— началось с ограждения английским войском будто бы обиженных туземцами английских купцов.

Когда представление кончилось, Л. Н. сказал:

— Очень, в высокой степени интересный народ. Как бы эта лекция была хороша, если бы только ее обработать, подобрать этот материал, как следует, и приложить к нему текст.

Сегодня Л. Н. просил навестить Пашку Резунова, его любимого ученика, поправляющегося после болезни, посмотреть, не может ли он прийти на лекцию с фонарем, и снести ему белого хлеба и яблок. Л. Н. с таким участием расспрашивал про него, как родной отец. Какая у него любовь к крестьянским детям!

3 марта. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Мария Александровна, Николай Николаевич. Мария Александровна вспоминала про Николаевский институт, где она была классной дамой, потом про Мартынова.

Л. Н.: Это был самый лучший актер, какого я видел.

Мария Александровна: А не Шумский?

Л. Н.: Шумского я не любил: был притворный; Мартынов — натуральный [1].

Александра Львовна, а после Варвара Михайловна рассказывали обстоятельно, интересно про Дурова, про его шутки, его собак, дрессированных крыс, его большие музыкальные, живописные и другие способности. Он часто сидит под арестом за свою смелость. Куда ни приедет, изображает местных сатрапов.

ТОЛСТОЙ И А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР
Телятинки, 1909
Фотография В. Г. Черткова

Варвара Михайловна задавала его (Дурова) загадки. Л. Н. просил не говорить ответы, предлагая всем отгадывать, и сам старался, но не отгадал ни одной из трех:

«Как срубить сук, чтобы не спугнуть ворона?» (подождать, пока улетит, потом рубить).

«Отчего плавает утка на воде?» (оттого, что на воде ходить нельзя), и т. д.

Разговор о вчерашних картинах Индии и о лекции. Жаловались, что глаза устают. Мария Александровна вспомнила про «Старосветских помещиков» Гоголя и рассказала про них.

Л. Н.: Какой это юбилей будет Гоголя?

— Сто лет со дня рождения.

Л. Н.: Мне поехать бы в Петербург. Меня приглашают в марте.— И говорил это Л. Н. таким тоном, как если бы ему приятно было поехать туда. Сегодня же Л. Н. писал Марии Николаевне, что если бы куда ехать, то первое — к ней [2]. И недавно говорил о путешествии в Петербург.

Софья Андреевна: Остановись у Зоси (С. А. Стахович).

Мария Александровна спросила Л. Н.:

— Вы Гоголя совсем не знали?

Л. Н.: Нет, никогда не видел.

Мария Александровна: Вы его не застали?

Николай Николаевич: В год его смерти появилось «Детство» Льва Николаевича.

— Был он тогда оценен? — спросил кто-то.

Л. Н.: Сейчас обратили на него внимание. Надо почитать.

Я принес из библиотеки четыре тома старого пяти- или шеститомного издания и новое издание Маркса, в котором нет того, что Л. Н. больше

всего ценит у Гоголя,— писем. Л. Н. взял из старого издания два тома писем и все новое. Николай Николаевич читал вслух содержание отдельных томов [3].

Л. Н.: «Невский проспект», «Записки сумасшедшего» — это очень хорошо.

А когда Николай Николаевич читал названия научных статей, Л. Н. заметил:

— Научное у него все очень плохо.

Л. Н. попросил свезти себя в кабинет.

С 8 до 11 прочитывал у себя в кабинете Гоголя.

В 11 выехал в залу. Софья Андреевна играла на фортепиано. С 11.15 Л. Н. прочел нам вслух «Коляску», не с самого начала: «Репейник — гоголевский»,— заметил, смеясь.

Л. Н. все время добродушно улыбался, смеялся. Когда кончил:

— Как хорошо написано! Ничего не недостает, и ни слова лишнего.

Поискали еще редактированное Тихонравовым издание Гоголя. Не оказалось 2-го тома [4]. Софья Андреевна очень рассердилась, что из ее шкапа № 12 ее книгу одолжили Чертковым,— и взяла все ключи от библиотечных шкапов к себе.

У Л. Н. разболелось новое место: на вене икры.

— Как это скучно,— сказал Л. Н.— Нет, не скучно, все это хорошо,— убежденно поправил он свои слова, вероятно имея в виду возможность тромбоза сердца, мозга. Расспрашивал про дальнейшее течение болезни и все возможности исхода.

4 марта. Ночью выпал глубокий снег. Чертков второй день лежит, бронхит. Утром приехала Ольга Константиновна с детьми, пополудни уехала Мария Александровна; с ней уезжает спокойствие и мир, которые вносит ее присутствие.

За обедом Александра Львовна рассказала о Коле Ромашкине, отданном около Нового года в Тулу, сначала мальчиком в трактир, а после месяца в кондитерскую; что он там мяса не ест; все осмеивают его за это и зовут «Толстовым». Потом о другом ученике Л. Н-ча — Пашке Резунове,— что он роптал, когда бабушка убила ягненка, а при ихней скудной пище ему бы желать этого!

5 марта. Приехали Ольга Константиновна с детьми, Мария Александровна. Л. Н. стал писать о Гоголе; просил поискать в библиотеке письмо Белинского к Гоголю [1]. Чертков из-за гриппа не приезжает. Я ездил к Булыгиным.

Л. Н. вечером не приезжал в залу: стеснение в груди, удушье, вероятно, заставляло его оставаться одному, не вести разговоров. За обедом тоже мало говорил.

Опасения, страха из-за болезни Л. Н. нет ни у Софьи Андреевны, ни у Александры Львовны. Нет обыкновенного во время болезней Л. Н. беспокойства, переполоха, озлобления, нервности, растерянности, суеты и тревоги. От этого Л. Н. легче болеть, чем обыкновенно: когда Софья Андреевна суетится, раздражается, она волнует и его. Л. Н. даже раздражался в болезнях и все просил, чтобы к нему не приходила. Вечером у Николая Николаевича читали вслух письмо Л. Н. к Лопатину, редактору московской еженедельной газеты «Жизнь», и хороший ответ Лопатина, заключенного за появление в «Жизни» странички Л. Н. о смертной казни [2].

По газетам, грозит вспыхнуть война между Австрией и Сербией. Венское правительство, пресса, вызывающе ведут себя. Удивительно хороша передовая статья «Последние минуты» в «Новом времени» 3 марта.

6 марта. У Л. Н. какая-то стесненность, упадок духа или просто задумчивость.

Пополудни приехал Владимир Григорьевич и рассказал, что у него

были полицейские чины с понятыми и объявили ему, что высылают его из Тульской губернии в три дня. Он им сказал: что́ они делают; что они на шее народа, собирают подати и т. д. Они слушали, только исправник просил его прекратить речь, т. к. мешает ему писать протокол. Владимир Григорьевич вкратце докончил. Протокола и еще других бумаг не подписал. Он лежал в постели, болен бронхитом. Несмотря на это, приехал; по дороге его вывалили из саней и с большим трудом подняли. Сам не мог встать, до того слаб. Вид у него плохой, и он очень похудел за эти несколько дней.

Л. Н. в последние недели и месяцы часто высказывал опасения, что Владимира Григорьевича вышлют, что не потерпят его общественной деятельности в широком смысле слова и в местной, среди крестьян, посетителей из Тулы, и т. д. Все-таки у Толстых очень поражены. Ольга Константиновна, бывшая с детьми в Ясной, поплакала, и дети: они уже понимают, что́ значит высылка Бати.

Александра Львовна глубоко потрясена, и огорчена, и грустит более всех. Она искренне любит Владимира Григорьевича за его преданность отцу и за любовь Л. Н. к нему.

Софья Андреевна вспыхнула и сгоряча написала письмо в газеты, высказывая свое негодование «наемным палачам» [1].

Дима, приехавший с отцом, убит, жалок; очень принял к сердцу высылку.

— Батя исполняет волю Льва Николаевича, совпадающую со своей, на общую пользу,— сказал Дима.

После отъезда Владимира Григорьевича я заходил к Л. Н. перевязать ему ногу. Л. Н. спокойно спросил меня, слышал ли я про высылку Черткова. Л. Н., видимо, не был поражен ею, принял, как должно, хотя ему больше всех будет недоставать Владимира Григорьевича, т. к. он любит его и привык к нему. И, должно быть, больше всех нас жалеет самого Владимира Григорьевича за причиненное ему горе разлуки с ним, с семьей, домом.

Л. Н. читал сегодня «Слово», «Нашу газету» и «Русские ведомости». Обыкновенно читает или «Слово» или «Нашу газету». Через день, через два дня — и «Новое время». С месяц, как Л. Н. пишет повесть из современной революции [2].

В 6.15 привезли Л. Н. в кресле в столовую. Я застал его беседовавшим с Николаем Николаевичем о книжке д-ра Грабовского. Л. Н. передавал, что Грабовский пишет, что говорят о власти мужчин над женщинами, но не говорят о власти женщин над мужчинами, а она есть, только не сформулирована.

Л. Н. говорил:

— Помните, этот юный философ Вейнингер — он написал слово в слово ту же мысль, что Грабовский писал, что есть мужественное и женственное в каждом человеке. У кого и то и другое в одинаковой мере, тот не нуждается в супружестве.

Л. Н. знал Грабовского и раньше; ему помнится, что он раньше писал Л. Н-чу и посылал книги. Поручил поискать их и написать Эндерсу, приславшему книгу Грабовского, что он интересуется ею, и выписать еще некоторые из его книг.

Говорили по поводу высылки Черткова. Кто-то сказал, что яснополянский мужик Данила Козлов взваливает на попов — будто они сказали, что выпихнут Черткова. Софья Андреевна утверждала, что он говорит правду: «Чертков ведь ничего дурного правительству не делал».

Л. Н.: Народ все на попов взваливает. Подрывается самая основа государства — солдатчина.

Черткова высылают будто бы потому, что губернатор заявил: «Если он будет здесь жить, то не ручаюсь за будущий набор в Крапивенском уезде».

Л. Н. рано, в 10.40, лег в постель. На вопрос Александры Львовны и Софьи Андреевны, как нога, Л. Н. ответил: «Хуже». И сказал затем, что еще, слава богу, так, как есть, а то может приключиться гангрена, как у отца Владимира Григорьевича, и что за нею, вероятно, последует в его возрасте смерть.

Я сказал, что гангрена у старых людей не происходит из-за этой болезни и что, по-моему, ноге не хуже, т. к. болезненность второго места меньше, как и воспаление первого. Л. Н. с тех пор, как болен, спрашивает про почту, чего раньше не спрашивал.

7 марта. Александра Львовна очень обеспокоена болезнью отца; уверена, что Л. Н. больше не встанет, что умрет от сердца. У Л. Н. стеснение в груди, удушье. Пополудни приезжал Владимир Григорьевич, поговорил с Николаем Николаевичем о своих писаниях и рукописях Л. Н. Сегодня вид у него бодрый, вчерашняя усталость и впалость лица прошли. Как рассказывала Анна Константиновна, вчера дома все плакал.

Утром приехал Е. И. Чекальский, ученик А. Н. Сиротинина, 24-летний молодой польский литератор. Л. Н. спрашивал его про польские дела. Спросил — идут ли мариавиты в солдаты, под каким правлением полякам лучше всего живется.

Чекальский: Сытнее в России.

Говорили про Немоевского; он враг слова «христианин», но признает этику христианства. К слову «христианин» прилипло слишком уж много грязи. Л. Н. согласен с его, Немоевского, пониманием христианского; относительно слова ничего не говорил. Потом про Жеромского — повесть о любви.

Л. Н.: Господи, зачем люди романы пишут? Мы все под чарами эстетики. Философия Гегеля произвела на нас такое впечатление, что мы бессознательно иногда гегельянизируем. Не всякая этика — этика. Должно не подтягивать под это все, а только христианскую этику.

Л. Н. не любит Гоголя за восхваление российскости.

Александра Львовна стала заниматься стенографией, чтобы мочь заменить Николая Николаевича.

За обедом Л. Н. Владимиру Григорьевичу о книге Грабовского:

— Он очень оригинален; у него мания величия; он говорит, что открыл истину, которая тысячи лет известна. Наряду с утверждениями, с которыми я не согласен, есть у него глубочайшие истины. Он в высшей степени религиозный. Я выписал другие его сочинения.

Владимир Григорьевич передавал Софье Андреевне совет Гали, чтобы свое письмо послала в «Русские ведомости» и «Нашу газету» Хирьякова. Софья Андреевна ответила, что можно в «Русское слово».

Владимир Григорьевич: «Русское слово» не напечатает: это робкая газета; оно никакой статьи Л. Н. не печатает. Сытин в трудном положении: его преследуют за революционные книги, напечатанные во время революции.

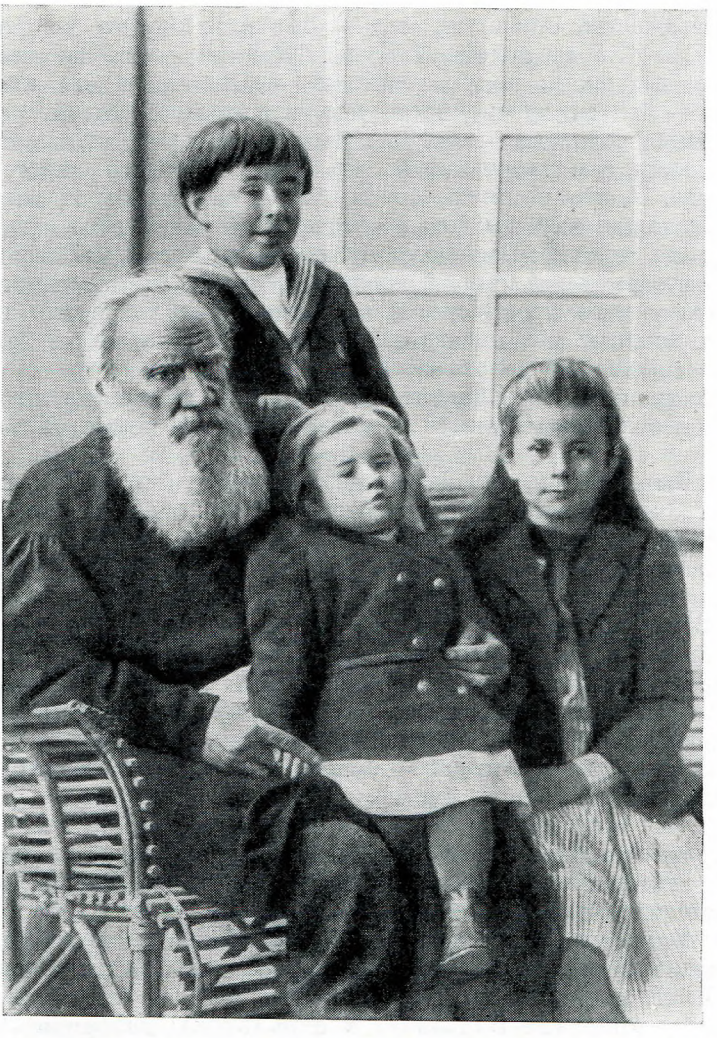
Л. Н.: Я Гоголем занимаюсь. Одно из его писем, об отношении писателя к слову, превосходно. Пишет: «Писателя слова — это его дела» [1]. На эту тему Гоголь говорит очень хорошо.

Л. Н. говорил это к словам Чекальского о Рабском, фельетонисте варшавских газет. За чаем Чекальский рассказывал разное Софье Андреевне. Л. Н. спросил меня, о чем мы с ним говорили и что́ он.

Я: Он мил, добр, но легкомысленен и никаких серьезных вопросов в себе не имеет.

Л. Н.: Без всяких убеждений. Он напомнил мне, что копошится весь мир нам совсем далеких, чуждых людей.

Вечером был Андрей Львович с Екатериной Васильевной. Андрей Львович говорил, что тульские дворяне посылали депутацию к Лопухину,



ТОЛСТОЙ С ВНУКАМИ ИЛЮШКОМ, ТАНЕЙ И СОНЕЙ НА ТЕРРАСЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА 3 МАЯ 1909 г.
Фотография Т. Тапселя

чтобы выслать Черткова. Лопухин же, будто бы от себя, выслал его, воспользовавшись отсутствием губернатора Кобеко и замещая его по должности. Кобеко сказал, что пока Л. Н. жив, он Черткова не вышлет, не сделает этого ради Л. Н.

8 **марта.** Утром Чекальский простился с Л. Н-чем. Л. Н. ему сказал, что полякам следует перестать быть «поляками» и социальный вопрос решить по Генри Джорджу; советовал ему посетить Горбунова,— это мне передал Чекальский.

Чекальского, как приехал в Варшаву,— арестовали [1]*.

По поводу Санина Л. Н. сказал:

— Ничего тут нового нет. Понижение человека до животного, это талантливо описано. Но нет более духовной жизни. Животная — довлеет

* Вписываю с листков после двух недель. К этому ли дню?

себе. Это невежество: они знают всех — Дарвина, Маркса, но они не знают, что делали в области духовной Будда, Эпиктет — это им все пустяки. Я нынче не выдержал: получил письмо — «Напишите, что такое.....» *[2] Я ответил — это самоуверенность или невежество. Радий, астрономия, происхождение человека — это есть чепуха, которой набивают головы и дают человеку самоуверенность, что он что-нибудь знает, а он не знает ничего. А это понятно, потому что так много этих знаний, человек весь поглощен ими, так что не отдает себе отчета, что нужно другое.

— Как это странно: Гоголю памятник хотят строить. Гоголь с первых слов в своем завещании просит, чтобы ему никакого памятника не строили [3]. Много у него прекрасного, но самое прекрасное для меня — это «Коляска», вещица: нет ничего лишнего, закончено все, с добродушной сатирой и смешно до невозможности.

Л. Н. спрашивал о Елизавете Федоровне, вдове убитого великого князя. Она открыла общину в Московской губернии. Монахини там живут.

Л. Н.: «Былое» очень интересно, очень интересно, просто не оторвешься. О Сергее Александровиче (великом князе) первая статья, а второй не читал еще, а уж подкоп до какой степени интересен!

Л. Н. вспомнил описанный там подкоп под банк (казначейство) в Херсоне в 80-х годах [4]:

— О Бакае менее интересно [5].

Л. Н. с волнением, потрясением рассказал о судебном деле, сообщенном ему Давыдовым и, кажется, использованном Л. Н-чем в его повести времен революции, которую сейчас пишет. Распропагандированные мальчики 19 и 17 лет попались в экспроприации лавки; никто убит не был, приговор — каторга. Прокурор апеллирует — смертная казнь, исполнено [6]. По этому поводу разговорились.

Л. Н.: Кто тут виноват? Такой мальчик слышит, читает, что все позволено против правительства; он весь поглощен революционными идеями, так что не отдает себе отчета, ⟨не может⟩ понять, что нужно другое. Ведь прочти они одну книгу «Посредника», ничего бы не было.

Софья Андреевна рассказала, что умер Щукин, старообрядец, купец московский. Умирая, вспоминал Л. Н-ча, высказывал ему благодарность. Портрет Л. Н. повесил над своей кроватью и велел там оставить висеть.

Под вечер приехала Елизавета Валерьяновна; говорила Л. Н. о женитьбе сына и о невообразимом перевороте семейной жизни в Туле сплошь и рядом.

9 марта. Елизавета Валерьяновна, Мария Александровна. Л. Н. говорил о том, о чем ему говорила Мария Александровна: о рудаковских мужиках, что они похожи на Михаила Петровича.

Гусев: Михаил Петрович говорил, что, если бы Л. Н. находился в других внешних обстоятельствах, иное писал бы.

Л. Н.: Le grand monde **— не маркизы, бароны, а миллионы, народ; их религиозно духовный полет не тяготит необразованность и физический труд. Напротив, образованные люди должны пробираться через образованность. Я теперь читаю французскую книгу, где пишут о крестьянах, что нагибаются в работе над землей и не в состоянии понимать высшее.

Гусев: Как иначе пишет Попов тамбовский, что хотя и голодает, но это не мешает духовной работе.

Л. Н.: Такие Поповы, Сютаевы....*** Французская книга, которую рекомендовал Чертков,— ни к чему.

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*
** Большой свет (*франц.*).
*** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

10 марта.

— Как спали? — спросила Мария Александровна.

Л. Н.: У всякого из нас есть свои недуги, старческое. Я каждый час просыпаюсь. Валяешься восемь часов, а спишь шесть-пять — и то хорошо. Как вы мне хорошо рассказали про Федора Мартыновича, как пробуждаются люди, как становятся на работу. Ведь таких — тысячи в России. М. П. Новиков — он недобрый...

Л. Н. собирается написать предисловие к «Призывному» Новикова.

Сегодня приезжали к Владимиру Григорьевичу исправник с понятыми, с уездным врачом произвести врачебное освидетельствование. Его мать выхлопотала у царя отсрочку высылки до тех пор, пока не выздоровеет. Владимир Григорьевич не дал себя освидетельствовать и сказал всем приехавшим свой взгляд на их деятельность. Исправник был смущен. Владимир Григорьевич написал после их отъезда хорошее, сильное письмо губернатору. Владимир Григорьевич болен — все хуже — гриппом, бронхитом и не бережет себя. Вчера читал вслух молодежи.

К Страховым приехал младший Авилов, племянник Федора Алексеевича, поразительно умный.

11 марта. Утром уехала Мария Александровна. Ночью уехала Елизавета Валерьяновна. Л. Н. в 8 в кресле. В последние 14 дней мало писал. По просьбе Поссе, редактора журнала «Жизнь для всех», стал писать статью о Гоголе к предстоящему столетию со дня рождения Гоголя. Написал большие письма о государстве и православии.

В 9 приехал Никитин. Черткова, кажется, высылают потому, что губернатор заявил, что не ручается за набор солдат в Тульской губернии. Кто-то взял у Черткова несколько десятков «Солдатской памятки» и раздал солдатам, отбывшим военную службу.

— Это без ведома Владимира Григорьевича, и он бы это не одобрил,— говорил Л. Н.

— Владимиру Григорьевичу тяжело оставить семью,— говорил Л. Н. Никитину.— Христианину не надо так устраиваться, чтобы ему тяжело было бросать. Теперь Бодянский, Молочников в тюрьме за то, что нашли у них по нескольку экземпляров запрещенных сочинений моих; как же властям оставить в покое Черткова, который их больше других распространяет?

Никитин говорил, что теперь до 200 000 заключенных, что мест в тюрьмах нет.

Л. Н. (*помолчав*): Все к лучшему.

Л. Н. делал выговор Никитину, что занимается исследованием бактериологическим, что это также не нужно, как астрономические исследования. Бактерии все микроскопом нельзя видеть. Это — поле бесконечное.

Когда у Л. Н. был жар (инфлюэнца), он сказал Дмитрию Васильевичу и мне:

— Как мне вас жалко, жальче всех вас, Дмитрий Васильевич: вы желаете мне помочь, как человеку утопающему, а помочь не можете, потому что не знаете причины. Говорите: «Жар от запора, а почему запор — не знаем». Вы следствие ставите причиной. Есть какая-то причина скрытая. Жар — от смерти. Я только хочу вам заявить: я всей душой вам сочувствую и очень вам благодарен. Есть желание человеку придти на помощь, но все-таки причина нам не известна, от которой жар начинается в восемь часов вечера и проходит в восемь часов утра. Вот, вот, вот, милый Дмитрий Васильевич.— В голосе Л. Н. слышались любовь и грусть.

В 5.30 приехали Д. Д. Оболенский с И. И. Раевским, Ольга Константиновна с детьми.

Говорили о землеустроительных комиссиях.

Л. Н.: Они за то, чтобы разрушить общину.

Д. Д. Оболенский говорил о выделах из общины, что они перессорили всю деревню.

Л. Н.: Теми же самыми словами высказал то же самое М. П. Новиков, крестьянин [1]. Мальчишка Столыпин смеет устраивать земельный вопрос, разрушать то, что народ поколениями устраивал.

— Знаете вы Генри Джорджа? — спросил Л. Н-ч Раевского.

— Знаю.

Л. Н.: Как в 30-х годах было освобождение крепостных на очереди, так теперь освобождение народа от рабства, порождаемого собственностью на землю.

Л. Н. читал в «Новом времени» длинную, в четыре столбца, речь Челышева в Думе против водки [2]. «Слово» ее не напечатало, отозвалось коротко о ней как о сумбурной.

Л. Н.: Челышев очень интересно говорил. Все попытки трезвости (когда общества не хотят в своей деревне казенки) запрещаются правительством.

Д. Д. Оболенский: Вся борьба правительства с пьянством — лицемерие.

Д. Д. Оболенский заговорил о том, как в последние годы участились самоубийства. Чем объяснить самоубийства?

Л. Н.: Причина очень проста: отсутствие религии. Та форма религии, которая существовала, с необычайной быстротой уничтожается — и как уничтожается: остается только внешняя, обрядовая сторона, а содержание, что руководило (людьми), то исчезает. Детей, молодежь надо воспитывать не к тому строю жизни, который отживает, а к будущему. Когда они вырастут, то он будет [3].

Д. Д. Оболенский говорил, что в деревнях атеизма еще не замечают, а среди фабричных — да.

Л. Н.: Те самые, которые внушают анархизм, еще более лишены религии, чем те, которые держатся старинной, суеверной православной религии. (В православии есть и христианство.)

Л. Н. вспомнил, что читает Гоголя и Белинского письмо к Гоголю. У Гоголя-то очень грубая религия, но была, он искал, а у Белинского никакой религии не было. Д. Д. Оболенский процитировал слова Белинского о Гоголе.

Л. Н.: Это говорил тот Белинский, у которого религией была гегельщина, чепуха, которую Илюшок пятилетний мог бы раскритиковать. А из этого (Белинского — Гегеля учения) вышли нынешние деятели.

Заговорили на тему о будущей религии народа.

Л. Н.: Она в народе уже есть, зарождается. Сергей, тамбовский крестьянин (бывший здесь около трех недель тому назад), у него сознание нравственного закона на основании религии; эти из народа не безнадежны.

Л. Н.: Народ еще лучше (чем интеллигенция) тем, что он во что-то верит. Страшнее те интеллигенты, которые в церковь ходят и не верят: они внушают этому несчастному народу (внешние обряды). Это самые вредные.

Л. Н.: В романе, который читаю («La vie secrète» par E. Estaunier) везде одно и то же: сознание французских рабочих — они, правда, преувеличивают,— что они эксплуатируемы и что богатые живут их трудом [4].

Л. Н.: Это роды; рождаются новые формы жизни.

Л. Н.: У крестьян сознание несправедливости, ненависть и зависть растут. Раньше смягчалось тем, что верили, что это от бога так учреждено. А теперь чувство зависти вызвано еще, в высшей мере, тем, что революция

была подавлена, что ничего из нее не вышло, что все это напрасно было; теперь только много безработных, нищих. Но это сознание не подавлено; ненависть только сильнее.

Л. Н. о статье по поводу «Ваисова полка» в «Новом времени» 9 марта, что эта секта способствует разложению мусульманства в Казани [5].

Д. Д. Оболенский говорил о том, как Ротшильд и Нобель подкупом устроили было забастовку мелких пароходов, вывозящих нефть, потом сбавили цену с 30 на 16 копеек и скупили всю нефть у мелких заводов, которые разорились, а через 14 дней подняли цены на 34 копейки. Нажили 10 миллионов.

Оболенский рассказывал про Лопухина (дело Азефа), как он сидит без стола в камере — пять на три аршина, как начальник его третирует, одинаково со всеми, никакой поблажки; уволил со службы надзирателя, отдавшего на почту открытку Лопухина, в которой тот просил жену прислать ему фуфайку. Потом рассказывал приключение дочери Лопухина в Лондоне: толпа оттерла ее от гувернантки; приведена была в притон, ограблена, после трех дней в сумерки выведена на улицу и оставлена. Это американская компания, которая ловит девушек и берет за них выкуп.

Д. Д. Оболенский сыпал анекдоты, неисчерпаемый запас.

Л. Н. вечером у себя в кабинете поговорил с Никитиным о его запросе: оставаться ли ему земским врачом или готовиться в доценты. Л. Н. за первое.

12 марта. Л. Н. посидел один в кабинете, выезжал только к обеду. Читал «Былое»; кажется, не писал. За обедом спросил:

— Каляев кого убил? С таким восторгом пишут о нем в «Былом», восхваляют его, как необыкновенного героя, поэта. Все интересно. Все «Былое» прочитаю [1].

Николай Николаевич рассказал, что там описано, как доносили царю о Черткове в Англии, кто у него бывал [2].

Л. Н.: Довольно неприятно, что нашу деятельность они сводят на революционную. Они могут понимать, что основа другая. Нынче брошюрка из Троицко-Сергиевской лавры против социализма недурна. Хорошо характеризованы революционеры. Но там фраза: «Люди поступают, как звери, и с ними так надо поступать». Из-за этой фразы была мне прислана молодым человеком при письме. Я ответил [3]. Письмо от молоканина-писателя о разводе. Я ответил ему, что развод воспрещается христианством и он безнравственен по существу. Теперь он пишет о жене, изменившей ему и бросившей его: «Что же в таких случаях делать? или же надо второй раз жениться, чтобы не прелюбодействовать?» Признается, что без этого нельзя быть. Это тоже развращение. Непонимание сущности [4].

Дмитрий Васильевич спросил про журнал молоканский, кажется «Духовный христианин» его название, хорош ли?

Л. Н.: Нет, нехорош, но все же более свободен. Наше лютеранство.

Дмитрий Васильевич спрашивал про Брихничева, бывшего священника, приезжавшего четверть года тому назад к Л. Н-чу. Л. Н. его не мог вспомнить [5]. Он ходил в трактир, в подвал, где сходились толковать о вере; трактирщик отвел им особую комнату. С. Д. Николаев рассказывал Л. Н-чу об этих сходках, беседах и спорах в «Суратской кофейне» или «Яме», как называли этот подвал. Градоначальник запретил трактирщику давать там сходиться [6].

Л. Н.: Недавно было письмо — оно трогает меня — священника в пользу православия; они так твердо верят, что не допускают споров о вере [7]. Во французском романе «La vie secrète» — очень интересно: есть священник, у которого непоколебимое верование. Нам трудно понять, как можно верить в православие, а уж в католицизм с непогрешимым папой... А наш Соловьев туда залез.

Л. Н. утром продиктовал мне ответ польке, упрекавшей его за то, что он написал о Боснии, а об их Польше не пишет [8].

13 марта. Л. Н. слаб, в угнетенном духе. День провел, главным образом читая «Былое».

Под вечер приехал М. В. Булыгин. Л. Н. к обеду приехал в залу.

Николай Николаевич рассказал, что у Черткова опять был становой за подпиской, что уедет; а так как знает, что Чертков подписки не даст, то губернатор его вызовет к себе. Это посещение его полицейскими показывает, что его все-таки вышлют.

Л. Н. рассказал: 1) про новые письма Гоголя [1], 2) что́ читал в «Былом» об ограблении Херсонского казначейства в 70-х годах: уцелевшие у похитителей 10 тысяч пошли на приготовление к убийству Александра II.

Михаил Васильевич рассказал, что ему предстоит защищать 19-летнего парня, участника экспроприации с убийством старухи в Туле. Замешаны парни деревенские от 17 до 21 года; заправила — рабочий 21 года из Чулкова, предместья Тулы, где живут рабочие.

Потом М. В. Булыгин рассказал очень интересно, наглядно про другое дело, дело крестьян; он их будет защищать. Капиталисты построили Лихвинскую железную дорогу на земле крестьян, не заплатив им за нее. Отчуждили ее с урожаем, урожай продали, железную дорогу проложили, а крестьяне не получили никаких денег. Они даже еще продолжали платить подати за отнятую у них землю. Вымогали у них аукционом. Крестьяне обращались к властям — без последствий. Железная дорога действовала шесть лет, когда они, в то возбужденное время 1906 г., решили остановить ее. Собралась толпа, 2000 крестьян, и перегородили путь, не пустив поезда. Приехал становой со стражниками; стрельба; не убили никого, аресты, теперь суд. Подсудимые — потерпевшая сторона, виновники — в стороне. Прокурор симпатичный и добрый.

Еще рассказал Михаил Васильевич о суде над крестьянином из Малахова, убившим дядю. Дядя гнался за ним, он поднял по пути кол и ударил его по голове. Тетя простила его. Председатель суда не внимал, потому что есть такая-то и такая-то статья закона, требующая суда.

Л. Н. сказал, что чем старше становится, тем явственнее ему: это форма отжившая — государство, а что если «останется жив», напишет о ней. Собственно, есть один закон, закон божий, и на нем основаны отношения людей, а они в уго́льный камень кладут самую глупую статью.

Л. Н. рассказал, что получил письмо от одной матери, пишет: отец — магометанин, она православная, два сына: один учится, другой — офицер. Они оба хотят перейти в магометанство [2].

Софья Андреевна: Из-за многоженства: допускают много жен.

Л. Н.: Что же, много жен. У нас мало ли?

Софья Андреевна еще что-то заметила.

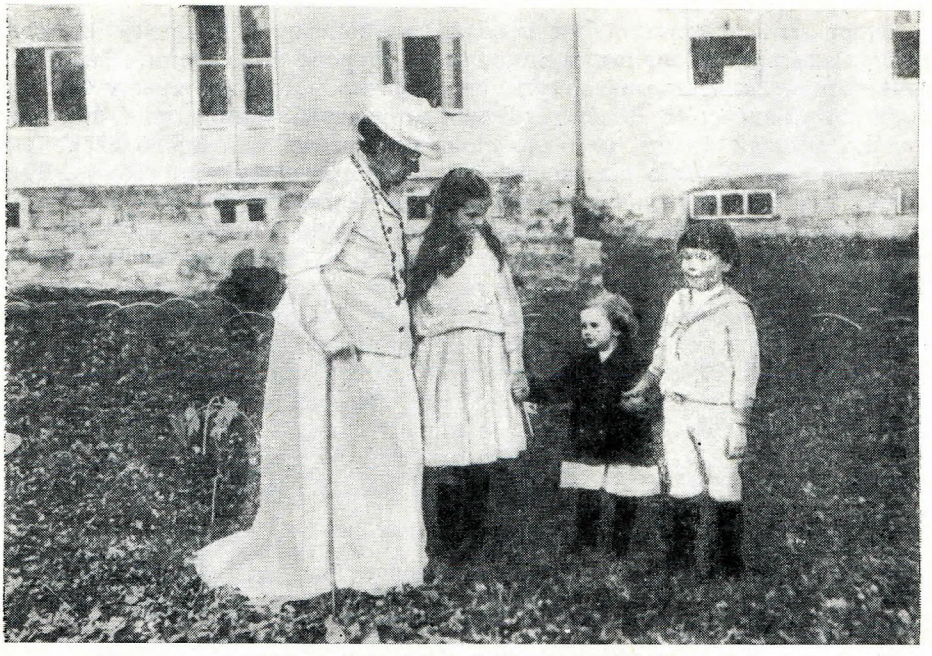
Л. Н.: У них правило — одноженство. Если человек может жить с одной женой, то лучше; многоженство — урегулирование.

После Л. Н. говорил, что ему, задумавшемуся над этим письмом, многое выяснилось:

— Магомет постоянно приводит Евангелие. Христа не признает богом и себя не выдает за бога. У магометан нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его. Нет никаких догматов, никаких таинств. Что лучше: православие или магометанство? Для меня ясно, что магометанство лучше. — Помолчав короткое время, Л. Н. повторил: — Магометанство, без сравнения, лучше православия. Магометанство мне очень помогло.

Михаил Васильевич: Запорожцы-некрасовцы [3] перешли в магометанство.

Л. Н. говорил, что как человек развивается, так и религиозная основа: она в ведах, таосизме, буддизме, христианстве, магометанстве — основа



С. А. ТОЛСТАЯ С ВНУКАМИ СОНЕЙ, ТАНЕЙ И ИЛЮШКОМ ОКОЛО ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА, 3 МАЯ 1909 г.
Фотография Т. Тапселя

религиозная одна. Она со временем все идет к упрощению и единению.

Михаил Васильевич сказал, что православие еще лучше, чем другие церковные учения; если отбросить обряды, догмы, то молитвы — умилительные, возвышающие, успокаивающие, трогательные, и что православие для верующих в него есть духовная пища.

Л. Н.: Это закрывает сущность религии. Я думаю, что у них внешняя форма, нет внутреннего. Религиозное умиление с истинной религиозностью мешать «два эти ремесла есть тьма охотников, я не из их числа »[4]. Настоящая религиозность — любовь. Когда Новиков говорит, что отбоя нет от нищих, прохожих, режешь куски хлеба — у самого недостает, а все-таки дашь, когда есть тут лишение себя нужного, разве тут нет отрады?

14 марта. Л. Н. утром продиктовал мне ответ «польке», упрекавшей его, что он написал о Боснии, а о их Польше не пишет:

«Мысль моя состоит в том, что избавить польский народ от его порабощения и дать ему свойственное всем людям благо может никак не борьба насилием с насильниками, не покровительство насильнических держав, как Россия и другие, но вступление на тот путь истинно христианской жизни, при которой все люди признают себя братьями и потому свободными. Свободу дает только любовь, религиозная любовь; любовь же только тогда любовь, когда непременным условием ее есть неупотребление насилия, т. е. непротивление.

Разделение и угнетение Польши всегда возбуждало во мне величайшее негодование. Спасение от него, думаю, есть одно то, чтобы поляки перестали бы себя считать поляками, а считали бы себя братьями всего человечества. Я думаю, что такая мысль и деятельность особенно свойственна славянским народам, и такому народу, как поляки, которые перенесли такие тяжелые испытания» *.

* Л. Н. продиктовал мне этот ответ «польке» 14 марта 1909 г., но потом он сам от своего имени написал ей длинный ответ.

Ответ Л. Н. «польке» был послан на анонимное письмо и адресован (послан) до востребования в Закопане — курорт в Галиции. Так как не было потребовано, почта вернула его обратно. «Полька» между тем сообщила новый адрес: «В Чешскую Прагу до востребования», но т. к. не было сделано лишней копии, не было ей сразу отвечено, а после нескольких дней, принесших свою новую работу, было про ее письмо забыто. Так и осталось неизвестным, кто такая была эта «полька».

Варвара Михайловна рассказала, удивляясь, что об этом не знаю: единственный раз, когда Л. Н. прогнал кого-то, было три года тому назад. Приехал элегантный представитель венской фирмы «Одоль» (водки зубочистной), агент-еврей. Преподнес Л. Н-чу флакон «Одоля» в бархатном футляре и просил его написать рекомендацию «Одоля».

16 марта. Л. Н. очень слаб, мало спал. Просил позвать к нему Тараса Фоканычева, а Александру Львовну попросил позвать назавтра Данилу Козлова. Оба — ученики его первой школы [1]. С Фоканычевым беседовал с 2-х до 3.30. Дал ему выбрать фотографию (взял лучших четыре), угостил чаем. Я думаю, что спрашивал касательно своей беллетристической работы.

Телеграмма от Софьи Андреевны. Л. Н. продиктовал Александре Львовне ответ, что общее состояние лучше, температура в шестом часу — 37° [2]. Л. Н. не желал бы, чтобы Софья Андреевна, не кончив свои дела в Москве, вернулась.

Вечером: Мария Александровна, Чертков, Сережа Булыгин.

Л. Н. в 7 часов позвал к себе Черткова, а в 7.30 приехал в кресле в залу обедать. Все мы сели около него: Варвара Михайловна, Александра Львовна, Николай Николаевич. Л. Н. рассказывал о беседе с Фоканычевым; между прочим, что расспрашивал его про меню крестьянское, про богоносцев на Святой — они больше по усердию. Он пять икон купил, в сглаз верит.

Александра Львовна: Я от Козлова слышала, почему высылают Черткова. Черткова не было — свечей ставили (в церкви) 14 пудов, а теперь — от четырех до пяти пудов.

Л. Н.: Говорил о земле с Тарасом. Он к Генри Джорджу равнодушен *. Так и чувствуешь это обещание **, что землю надо отобрать А как и кому передать?

Л. Н. понегодовал на «нашего общего друга» Столыпина, за смелость и дерзость, с какой разрушил общину, и напомнил слова Новикова, что достигли, чего хотели: перессорили всю деревню да и семью. У отца четыре сына, как у Фоканычева. Он выделит себе два надела (три и три — шесть десятин) и еще прикупит, и выделит, и потом передаст, кому он хочет: сыну одному, или нескольким, или чужому. А в общине, когда там сын хочет отделиться от отца, соберутся и обсудят все члены общины.

— Мужик думает своим умом, а у профессора ничего нет своего, своего ума нет [3]. В Европе — парламент. ⟨У нас⟩ Дума — кулуары, фракции, резолюции. В Европе железные дороги, частная собственность. И нам надо сделать то же: своего ума нет. Это рабское подражание. Один козла доит, а другой подставляет решето и с особенным старанием держит его. Это Дума, — говорил Л. Н.

Л. Н. рассказал, что Тарасу пробовал читать старый «Круг чтения», но он не по нем. И Л. Н. негодовал на себя, что составлял «Круг чтения» не для крестьян («Мои учителя, которыми я недостаточно воспользовался», — сказал Л. Н.), а что имел в виду эту публику — интеллигентов:

---

* Л. Н. не так выразился.

** которое получили от революционеров.

— Я увидел грубую ошибку, недобросовестность свою.

Владимир Григорьевич: Это можно исправить. Как я наслаждаюсь переделкой «О жизни»! — Л. Н. вместе с Владимиром Григорьевичем сократили и переделали на более простое.

Л. Н.: Иметь в виду «le grand monde».

Владимир Григорьевич: Можно в Петербурге заняться этим — переработкой ваших сочинений. Привлечь и других к этой работе.

Л. Н.: Еще двадцать лет проживу, тогда я это сработаю. Все сократить, просто изложить.

Л. Н.: Очень интересно побеседовать с крестьянами.

Л. Н. еще вспоминал о письме Салиенко к Анне Константиновне. Николай Николаевич прочел вслух письмо астраханского школьного сторожа.

В 8.50 Л. Н. пожелал уйти к себе. Владимир Григорьевич отвез его в кресле. Была такая интимная, спокойная беседа, какая бывает, когда отсутствует Софья Андреевна и когда не перебивает.

17 марта. Утром приехала Софья Андреевна, по ошибке в телеграмме, сделанной телеграфистом. Л. Н. пожалел, что не исполнила свои дела в Москве. С приездом Софьи Андреевны тишина и мирная гармония, спокойные беседы нарушились.

Утром я заметил, что сегодня из газет узнаем про войну, не вспыхнула ли. Л. Н. ответил, что ему в голову нейдет, как это быть войне; что ему, с его взглядами, жизнью в деревне, не понять, как можно начинать войну.

Л. Н. стал ходить по комнате; к обеду пришел на ногах.

Вечером Л. Н. говорил, что читал ироническую статью «Война будет, войны не будет, война будет, войны не будет».

Действительно, несколько недель, по газетным слухам, со дня на день должна была разразиться война между Австрией и Сербией.

Софья Андреевна говорила что-то о докторах и болезни Л. Н.

Л. Н. просил не звать докторов: Дмитрий Васильевич хороший, милый человек, старательный, но не знает, как никто не знает, отчего происходит болезнь. Любит давать лекарства.

Я заметил, что доктора всех оборов склонны к многолечению: теперь вижу, что в хирургической клинике мы треть больных напрасно оперировали.

Л. Н. понравилось слово «обор» (по-чешски означает специальность) и сказал, что он нынче читал Бакая: половина слов иностранных.

Л. Н. (*Владимиру Григорьевичу*): Я нынче получил письмо из Англии. «У нас, на юге Англии, в большом кругу пастор читал лекцию в вашем духе против насилия». Надо просто поблагодарить. Без вас отвечать на английские письма — буду своими средствами обходиться, как ни плохо пишу по-английски, только чтобы me faire entendre *.

Софья Андреевна рассказывала очень много, почти не переставая, про Москву. Показывала иллюстрированный каталог выставки картин петербургских художников в Москве [1]. Владимир Григорьевич попросил его и смотрел, а также взял иллюстрированное приложение к «Новому времени» и заметил, как картины освежают и как издатели угадывают потребность иллюстрированных периодических изданий.

Л. Н. (*Владимиру Григорьевичу*): Вы к этому (картинам, фотографиям) имеете склонность, а я — мало. Я — к музыке.

Вечером в 8 приехал Бирюков с Толстовской выставки в Петербурге [2]. Я не присутствовал при первом часе свидания.

Л. Н.: Я прочел недельное чтение Баллу. Мои все сочинения не имеют одной десятой той силы, что эти три странички Баллу [3]. Баллу остался неизвестен, а я, благодаря рекламе...

---

* меня поняли (*франц.*).

Софья Андреевна: Благодаря твоим художественным произведениям.

Л. Н.: Рекламе художественных произведений. Но художественные произведения мои уже состарились, как Тургенев.

Софья Андреевна: Лучшее твое художественное произведение — «Детство».

Владимир Григорьевич: К первым сочинениям (религиозным) — «В чем моя вера» с бо́льшим уважением относятся.

Говорилось о перемене отношения к Л. Н. за последние пять — десять лет. Раньше Шелгунов, Михайловский отрицали Л. Н.

Павел Иванович говорил, что составил каталог для школьных библиотек Костромской губернии, главное, из книг религиозного содержания [4]. Учительницы жаловались, что народ хочет читать, библиотека есть, но из книг о естествознании и политике, а просят книги религиозные.

Л. Н. напомнил, что выбрать бы чтения для волшебного фонаря. Павел Иванович сказал, что их теперь много и что он как раз хочет из них выбрать и составить каталог хороших чтений. Теперь показывают волшебным фонарем больше микрококков, глистов. Новиков говорил, что показывают ад.

Л. Н.: Совершенно такое же суеверие.

Просматривали первый том книги «Л. Н. Толстой» Молоствова — Сергеенко. Хорошего впечатления не произвел.

18 марта. Александра Львовна с Варварой Михайловной уехали в Москву. Я передал Александре Львовне письма — сообщение о здоровье Л. Н.: одно — в «Русские ведомости», другое — в «Русскую землю». Александра Львовна отказалась взять второе — «в реакционную газету».

Л. Н., как все эти дни, так и сегодня, сидел у себя один. Вечером в половине седьмого приехали Владимир Григорьевич с Николаем Николаевичем.

Л. Н. говорил про книгу, которая была ему прислана автором, но без его имени «L'effondrement des dogmes et l'avènement de la religion universelle».

— Ах, какую я превосходную книжку читал! Автор ее — серьезный человек. Удивительная книга! [1]

Владимир Григорьевич: В вашем духе? Автор читал вас?

Л. Н.: Не знаю. Написана с французской точностью, отчетливостью: катехизис. Автор не хочет принимать никакую кличку на себя, говорит, как Новиков в «Вступлении» к своей статье — статья Новикова многословная, вступление прекрасно — когда его спрашивают, какой он веры, он отвечает, что он никакой веры [2]. Автор употребляет старые слова, давая им новые понятия. Основа мысли совсем кантовская: удивление перед сознанием нравственного добра в своей душе и что оно — во всех людях. Я нынче вспомнил то хорошее, чем французы отличаются: ясность вопросов и ответов, отчетливость, не подковырнешься.

Владимир Григорьевич: А немцы?

Л. Н.: Немцы напротив.

Владимир Григорьевич: А в художественном?

Л. Н.: А в художественном у французов расплывчатость. А у англичан особая черта — недоделанность: не дошел до конца, как бы боится, робость.

Л. Н. получил письмо от дамы, зовет его в Петербург на выставку картин Поленова из жизни Христа [3].

Л. Н.: Мне неинтересна. История личности Христа. Я помню, что они (картины Поленова) не произвели впечатления на меня.

Владимир Григорьевич: После картин Ге из жизни Христа в новой манере изобразить внешность Христа очень трудно.

ТОЛСТОЙ ЗА ИГРОЙ В ГОРОДКИ
На втором плане Леня Сидорков
Ясная Поляна, 5 мая 1909 г.
Фотография Т. Тапселя

«Л. Н. играл в городки. Тапсель его снимал в моменты, когда Л. Н. размахивался и пускал битой в рюхи».— Запись от 5 мая 1909 г.

Л. Н. спросил меня, что́ о войне в газетах: русское правительство признало аннексию?

Я ответил, что войны Австрии с Сербией, кажется, не будет, но странно, что Германия готовится к мобилизации.

19 марта. Приехал И. И. Горбунов.

Л. Н. спал хорошо, состояние бодрое. Спрашивал про Шкарвана, его семейное и другое положение. Я сообщил Л. Н. про тяжелый крест супружеский Шкарвана.

Л. Н.: Женитьба, что она прибавит? что будет помощница в жизни? Это одно из самых распространенных общих заблуждений. Это такая редкость, как выиграть 200 000, т. е. не проиграть их, всю жизнь. Чертков уже, кажется, как счастливо женился, а что же? Разве она ему помощница в том, что главное в жизни? Помощников можно найти так, не женившись.

Пополудни Л. Н. рассказал, что утром был у него крестьянин, писатель-калмык, автор пьесы о том, как крестьянин вышел в господа (интеллигенты), стал социал-демократом, как не нашел удовлетворения в барстве и вернулся в деревню, женился на крестьянке и стал работать. Эта пьеса шла в Омске девять раз. Ему говорили, что это толстовство, он отвечал, что нет, что «со мной это было» [1]. Ему в Омск — тысяча верст на лошадях.

Утром же была у Л. Н. революционерка: тип, каких казнят. Внешности революционной: быстро ходит, нервна. Она девица 30—35 лет, сидела в Киеве; там в тюрьме стреляют в заключенных, которые смотрят в окна. Стреляют, предупреждая или и не предупреждая, и убили человек шесть. Одного ее друга смертельно ранили, и он посоветовал ей съездить

к Л. Н., чтобы просить его дать средства на побег ее брата, мальчика лет пятнадцати, приговоренного к двенадцатилетней каторге за покушение на жандармского чина *. Л. Н. старался ей доказать тщетность их стремлений — безуспешно.

— Как же не поговорить с ней по существу? — сказал Л. Н., говоря о ней. — Если бы я был писатель, ее бы описал как тип революционерки. Она ничего не слышит, ничего не понимает, только чтобы оправдать себя. Когда я ей сказал: «Ведь из этого (террора) ничего не выйдет, только ухудшение». — «Как не выйдет? Я знаю, что выйдет. Что же, жить для себя?»

Л. Н. говорил ей, что мы не можем изменить жизни других людей, что только через доброе свое поведение можем действовать на других, и употребил сравнение, что это единственный возможный путь, как в коридоре есть только одно направление — между стенами: стены не пробьешь. Она ответила: «Надо стены пробить». — Высказала свое страстное желание совершить террористический акт.

Павел Иванович вспомнил Бриллиант, готовившую бомбы, которыми был убит Александр II, и пришедшую в отчаяние: «Это я его убила». Она готовила бомбы и не хотела, ужасалась убийства. Это про нее пишет в «Былом» Савинков, революционер. Бриллиант, очевидно, была добрая, свихнувшаяся в революцию, как сестра Беневского, христианская душа, раскаявшаяся. Сколько таких девушек взбаламутили Владимиров и другие журналисты, восхваляя Спиридонову!

Еще вспоминал Николаев Масленникову — учительницу (ее Записки хороши: как учила латышских детей в русской школе и страдала от этого), ушедшую в революцию.

Бирюков советовал Л. Н. прочесть Поливанова: «В Петропавловском равелине», как одну из лучших книг, написанных революционером. Поливанов хороший был человек. Все наказание — 16—18 лет — просидел; единственный, который не раздражал надзирателя. И, когда вышел, швейцарские друзья его чествовали и отправили его, чахоточного, на «казенный», т. е. их, счет, на курорт во Францию, и он там застрелился.

Владимир Григорьевич вспомвил одну революционерку, вышедшую из долголетнего заключения, тоже застрелившуюся.

Говорили о голодовках в тюрьмах, что теперь на них начальство перестало обращать внимание.

Л. Н. про новую книгу «Вехи», которую вчера получил, об интеллигенции; там статьи нескольких писателей — Струве и др. Вывод тот, что интеллигенция пришла к сознанию своей несостоятельности [2]. Л. Н. в доказательство привел бывшего у него сегодня калмыка.

Л. Н. рассказал, что прочел в новом номере «Образования» три вещицы (рассказы, стихи). Написано кое-как, спешно. Нет строгого отношения к себе [3].

О том, что нельзя теперь следить за литературой, столько пишут. Павел Иванович нашел один хороший рассказ «Чудо» в «Русском богатстве», автор Свирский [4].

Л. Н. говорил Ивану Ивановичу, чтобы он продолжал издавать свои новые маленькие книжечки: (формат 1/32-я, сотня по 60 коп.). Их издал около пятидесяти по 20 000, теперь новое издание; земства стали много выписывать. Л. Н. в восторге от такого успеха и говорил, что если не умрет, то хочет поработать:

— Все силы приложу на этом поприще народных рассказов для le vrai grand monde **. Надо этнографией заняться, жизнь народов изображать в волшебном фонаре. Это разрушает провинциализм жизни и рас-

---

* полковника?

** истинно большого света (*франц.*).

ширяет взаимное знание людей, — говорил Л. Н. — Истории жизни народов совсем нет. Государственный интерес в истории, который все поглощает. И чтобы соединить их — издание с волшебным фонарем.

Иван Иванович и Павел Иванович сказали, что можно сыскать — их ведь много — картинок к рассказам Л. Н. Они уже есть. И к другим; есть такие частные коллекции. Павел Иванович хочет этим заняться для костромских школ.

Л. Н.: Субботина мне пишет, очень меня зовет на выставку Поленова. — И показал карточку с картины, приложенную к письму.

Кто-то сказал:

— Он, может быть, пожелал бы сюда привезти картины?

Л. Н.: Избави бог! (Из-за хлопот Субботиной.)

Л. Н. говорил так, что чувствовалось желание видеть эти картины.

Л. Н. прочел из своей записной книжки, что записал себе о Генри Джордже: об освобождении людей от рабства землевладельцев, которое такое же, как было рабство крепостников. Там сила, тут голод держит их в рабстве.

Николаев стал говорить, какая перемена в понятиях здешних крестьян, как говорят о хлебе, вине при причащении.

Л. Н.: Уже Вольтер сказал, что есть и кроме нас — глупые люди, но таких, которые бы своего бога ели, — нет других.

Л. Н. на какое-то утверждение Николаева:

— Нет, они зарятся на помещичьи земли, им обещали их революционеры, либералы, а обложением земли не интересуются. А единый налог — не понимают. Какая тьма касательно земельного вопроса! Думают, что надо гору журналов прочесть.

Л. Н.: Земля — рабовладение. Когда дойдет до того, что люди будут стыдиться землевладения так, как в мои молодые годы — рабовладения!

Л. Н. говорил о грехе нововводимого личного землевладения и что общинное землевладение — все-таки некоторое смягчение землевладения, когда все на одинаковых правах владеют.

Николаев говорил, что в Ясной Поляне общинное землевладение превращается в подворное, как на юге. Переделов нет, а к северу, даже в Тульской губернии, переделы часты.

Л. Н.: Это до поры до времени. У какого-нибудь Тараса с двумя наделами по три десятины вырастет шесть сыновей. И другие семьи так возрастут, подымут шум, и будет передел. Это на моей памяти бывало так, случалось.

Л. Н.: Изложить для народа религиозно-нравственное учение со стороны семьи, политической экономии.

Софья Андреевна с Павлом Ивановичем говорили про малоизвестные происшествия в жизни Л. Н. Бывший здесь же Л. Н. пошутил, что если бы нам, присутствующим, писали биографии и разбирали бы нашу подноготную, как ему, — нам не было бы приятно.

Софья Андреевна: Зато какая слава у тебя.

Л. Н.: Это крысиная нора, куда уходит вся вода. Кто славен, начинает думать только о своей славе и перестает думать о своих недостатках. — И потом спросил: — Где-нибудь описано, как мы с отцом переезжали в Москву на семи возках? И как два камердинера на ухабах соскакивали и поддерживали возки? [5]

Андрей Львович спросил о «Санине».

Л. Н. сказал об авторе «Санина», что он не знает работы мысли прежних людей: что̀ говорили Эпиктет и другие; не переписывает собственноручно по 20 раз. И у Ницше в философии небрежность: швыряет мысль,

как попало. Теперь и легкость печатания, и большое вознаграждение, и тщеславие делают то, что нет той серьезной работы ни у художников, ни у философов. Небрежно пишут.

Разговор о том, как читаются извозчиками, учащимися романы о сыске и преступлениях: Шерлоки Холмсы, Наты Пинкертоны, Люпены. Павел Иванович рассказал, какие огромные сандвичи — щиты с сериями Пинкертонов — имеют уличные продавцы в Москве. Чтение это интересно вследствие быстроты его впечатлений, напряжения, но остается кошмарное впечатление. За границей известно много преступлений, вследствие чтения таких романов. У нас было несколько случаев, что мальчики, начитавшиеся их, предлагали себя в сыщики.

Л. Н.: Вот Гоголь: «Со словом надо обращаться честно».

Л. Н. сегодня очень много беседовал, хотя он был так слаб, каким я его давно не видел; лег в 11. Я сегодня очень мало присутствовал при общей беседе.

20 марта. Л. Н. встал в восемь часов. Спал довольно хорошо; сегодня было у него опять стеснение в груди. В половине третьего Л. Н. принес книгу «Krishna» by Baba Bharaty [1] и посоветовал Ивану Ивановичу издать ее в трех книгах. Первая часть — Индия: этнография и история Индии; вторая часть — Кришна: легенда Кришны, — это индийский Христос: кто прочтет легенду Кришны, скажет — это легенда Христа; третья часть — изречения Кришны. Советовал издать еще Будду.

— С какой радостью я берусь за это дело! — сказал Л. Н.

Вчера Л. Н. говорил Ивану Ивановичу и Павлу Ивановичу, когда была речь о книжках об Индии, Китае (Л. Н. предложил издавать), чтобы они взяли его в компанию. Они охотно согласились.

— Без шутки говорю, — сказал Л. Н., — и предлагайте мне все просмотреть, что туда хотите ввести.

Еще предложил в ту же серию книжечек в одну, полторы, две копейки — учение Лао-тзе, Конфуция и о Китае (хоть старую книжечку «Как живут китайцы» [2], сократив и дополнив), потом изречения Магомета и книжку о Баба Бхарати.

Иван Иванович был в восторге. Не мог удержаться, чтобы не выразить своего удовольствия: ни одной поездкой не был так доволен, как этой.

Л. Н. говорил, что у него были замыслы большой художественной работы, но готов ее сократить и писать лучше сказки и разъяснения религиозно-нравственного учения для народа.

За обедом Иван Иванович говорил про одно место в «Effondrement des dogmes», которое, несомненно, заимствовано у Л. Н-ча. Л. Н. скорее сомневался в этом.

Владимир Григорьевич: Много хороших книг можно составить из ваших.

Л. Н.: Автор в «Effondrement» пишет, чтобы все эти слова: «бог», «религия», «культ» остались и получили новое значение.

Л. Н. отметил ряд статей о Беха Улле в ежемесячном журнале «Fellowship» (Los Angeles, с сентября 1908 по январь 1909). И еще рекомендовал Ивану Ивановичу в книжечке для народа Баллу [3] «Провозглашение» Гаррисона.

Говорили о высылке Владимира Григорьевича. Он больной и унылый. От нас рано уезжает.

Владимир Григорьевич: У меня есть надежда, что меня вернут.

Л. Н. придакнул — и он так думает.

Владимир Григорьевич: Если бы это исходило от государя со Столыпиным, а это исходит от местных властей.

21 марта. Приехал Михаил Сергеевич с Татьяной Львовной и Танечкой трех с половиной лет, с Дориком — четырнадцати лет и няней — из-за границы. Вечером Владимир Григорьевич, потом Л. Д. Николаева. Ни-

колаевы третьего дня приехали в Телятинки на лето. Шахматы с Михаилом Сергеевичем, винт.

В «Киевских вестях» появился «Закон насилия и закон любви» с малыми, только крайне неизбежными пропусками и означением пропущенных мест черточками.

Лариса Дмитриевна говорила, что потому так рано приехали, чтобы меньше тратить, чем в Москве: у них в доме в Москве жильцы мало платят. Жильцы все старые, и они не могут решиться повысить им квартирную плату, а у них средства скудные. В Москве дорого жить, там им трудно сводить концы с концами, долг на доме растет. Сергей Дмитриевич очень совестлив. Она скорее бы повысила квартирную плату.

Л. Н.: Нет дороже роскоши, чем совестливость. Он — Сергей Дмитриевич — по своей совести не может, вам — матери — легче решиться на это.

Лариса Дмитриевна о втором сыне Валькѐ, что он не помогает, пропадает из дому.

Л. Н.: Валентин так страстен, что ему простительно быть эгоистом, а Роман так спокоен. Валек любит крестьянские занятия, с лошадьми.

Вчера Л. Н. с Софьей Андреевной о внуке Мише, хотевшем идти в кучера, только бы не учиться. Л. Н. сравнивал жизнь крестьянских детей-пастухов — куда она выгоднее для самобытной мысли, душевной работы, чем жизнь гимназиста.

Лариса Дмитриевна говорила, что намереваются учредить вегетарианскую столовую для народа.

Л. Н.: Это прекрасная мысль: народная дешевая столовая *.

Говорилось, как много стало вегетарианцев.

Л. Н.: Как только человек начинает жить религиозной жизнью, так он бросает мясо, вино, табак.

22 марта. Приехали Ольга Константиновна с детьми, Владимир Григорьевич. Утром был корреспондент «Русского слова» Спиро спросить мнение Л. Н. о Гоголе по случаю предстоящего юбилея. Л. Н., не вставая по слабости, поговорил с ним в спальне и отдал ему начатую статью о Гоголе, которую недели две тому назад начал писать для Поссе в «Жизнь для всех».

Говорил за завтраком в связи с Гоголем и о других (о современных) произведениях искусства, в том числе о живописи:

— Если бы они провалились сквозь землю, ничего бы не потерялось, так как то, что в них хорошего, перевешано тем, что в них дурного.

Татьяна Львовна рассказала, как, проезжая через Варшаву, они видели, какие щиты с книжками и картинами носили продавцы — одна порнография. Ей было стыдно за Дорика, который был с ними.

Л. Н.: Порнография — это одна сторона прессы, а другая — возбуждение к убийству и злобе.

Я получил книгу «Racial Problems in Hungary» by Scotus Viator [1]. Л. Н. посмотрел и спросил про книгу и ее автора. Я рассказал, что Скотус Виатор — шотландский публицист, обличает венгерское либеральное правительство и преобладающее общественное мнение, поддерживающее его в угнетении славянских, румынской и немецкой национальностей и части земледельческого народа мадьярского. Книга возникла так: венгерское правительство субсидирует заграничную прессу и иногда приглашает заграничных публицистов, показывая им некоторые культурные учреждения в Венгрии и Боснии, чтобы писали хвалебно об управлении Венгрией. Один из таких гостей венгерского правительства и был Ско-

* Л. Н. подробно говорил о столовой для народа. Она в 1913 г. открылась на том месте, которое указал Л. Н., где живут рабочие; показал несколько таких мест. Где? Смоленский рынок.

тус Виатор, шотландский публицист. Он должен был хвалить венгерское правительство, но всмотрелся глубже и увидел бесправие, угнетенность народа вообще и просветительных политических стремлений не мадьярских национальностей и стал изучать политическое положение Венгрии, особенно положение словацкого народа, и результатом была эта книга. Венгерскому правительству неприятна. К таким способам фальсификации общественного мнения за границей русское правительство пока не прибегает.

Л. Н.: Только через свои газеты, которым никто не верит.

Потом Л. Н. спросил, за что Глинка сидит. Я ответил, что он поддерживал словацкого кандидата Гробара в сейм.

— Я думаю,— сказал Л. Н., обращаясь у Черткову,— что все то, что у нас, везде делает правительство, только мягкими рукавицами. Захват Боснии Австрией, может быть, оживит весь славянский вопрос.

Владимир Григорьевич как был вчера унылым, так и сегодня.

Л. Н.: Гоголь был под влиянием фанатического отца Матвея, который уговаривал его поступить в монастырь.

Николай Николаевич: Это сравнение влияния Владимира Григорьевича (на Льва Николаевича) с влиянием отца Матвея пустил в свет Розанов три года тому назад [2].

Вечером Михаил Сергеевич говорил про книги, которые читал за границей и которые заинтересовали его: 1) «Исповедь» Горького. (Он спросил Л. Н-ча, читал ли ее. Л. Н. не мог вспомнить, хотя просматривал ее. Потом вспомнил и сказал, что ничего захватывающего в ней нет.), 2) «Мелюзга», рассказ Куприна, 3) Веселый рассказ Куприна «Как я был актером». Его Михаил Сергеевич прочел вслух. Л. Н-чу, кажется, не понравился, не высказался. Михаил Сергеевич читает отлично.

На следующий день Л. Н. сказал об этом рассказе:

— Нехороший рассказ. Андросова совсем не в тоне. Отрывисто. Миташа Оболенский лучше рассказывает, премилый. Последний раз он сыпал анекдоты.

Л. Н. задал угадать Михаилу Сергеевичу, какое произведение Гоголя лучше.

— Меня будут за это ругать — «Коляска», по краткости, веселости, без предвзятости,— сказал Л. Н.

Ольга Константиновна рассказала, по «Русскому слову», что Гоголь, когда приезжали гости, помещики, скрывался из дома в поле, в лес. Где, когда он их узнал? А с крестьянами любил бывать.

Л. Н.: А крестьяне, напротив, нехорошо описаны. Та же самая ирония относится и к крестьянам — дядя Миняй, дядя Митяй,— которая совсем неуместна.

Михаил Сергеевич рассказал об Азефе преинтересно, как о нем рассказал ему Е. Е. Лазарев. Когда Бурцев его заподозрил в шпионстве и сообщил об этом Центральному комитету, он обвинил Бурцева в службе правительству, чтобы лишить партию такого деятеля, как он, Азеф, и решил Бурцева убить. Разоблачение Азефа очень дезорганизовало революционеров.

Л. Н.: Они придают значение боевой организации, Центральному комитету, а в нем три с половиной человека, а в той — два с половиной.

Михаил Сергеевич возражал.

Л. Н.: Но ста не будет.

Михаил Сергеевич хвалил Поливанова «Записки из Шлиссельбургской крепости». Хорошо пишет еще Степняк; особенно «Подпольная Россия». Л. Н. читал его роман «Андрей Кожухов».

Л. Н.: Морозов пишет малоинтересно.

Михаил Сергеевич: Чернышевского вы знали?

Л. Н.: Знал.

Михаил Сергеевич: Был приятный человек?

Л. Н.: Был очень неприятный.

Л. Н. спросил, видели ли письмо крестьянина против смертной казни? Как ясно, коротко и неотразимо для всех тех, которые исповедуют христианство. Л. Н. дал его прочесть вслух Николаю Николаевичу. («Наша газета», 20 марта, в постоянной рубрике «О смертной казни»):

«Уважаю и приветствую заявивших и заявляющих протест против смертной казни, ибо отнимать жизнь вправе один бог. Законы будут уважаемы только тогда, если они будут не противны богу и его заповедям. Преступника наказывай, но не отнимай у него дара божия — жизнь. Еще раз приветствую всех протестующих против смертной казни. Крестьянин Вельского уезда Вологодской губ. г. Вельск Н. Е. Зенков».

Танечка занемогла гриппом, жару нет. Татьяна Львовна и Софья Андреевна тревожились. Л. Н. говорил Татьяне Львовне, что он больше боится за нее, когда у нее больна Танечка, когда они вне дома, чем когда дома, и говорил ей о грехе исключительной любви — пристрастия: это не любовь, а пристрастие. Татьяна Львовна оправдывалась, что у нее есть что-то, что выше; исключительная любовь не мешает.

Л. Н. ее поблагодарил:

— Вот спасибо, спасибо,— и потрепал по голове.

— Как же говорить о смертной казни, тебе не до нее, когда заболела Танечка. Я писал недавно молодым людям, желавшим отказаться от военной службы и оправдывавшим свое повиновение, что несравненно больше вреда делает оправдание своего греха, чем если бы служили и не оправдывались; а оправдание общего греха гораздо чаще встречается, чем личного греха [3].

23 марта. У Танечки грипп явственен — 39,3° утром. Л. Н. близко принял к сердцу горе Татьяны Львовны и утешал ее. Были Владимир Григорьевич, Мария Александровна. За обедом говорили о «сандвичах» московских. Л. Н. с Николаевым поговаривали воспользоваться ими для рекламы Генри Джорджа.

Владимир Григорьевич: В Москве эти разносчики реклам — грустны, не как за границей, где меньше человеческого достоинства.

Шахматы, винт с 10 до 11. Михаил Сергеевич читал вслух «Мелюзгу» Куприна.

Л. Н.: Этот рассказ хорош, лучше вчерашнего *. Подробности хороши, бал прекрасен. Разговоры, философствования учителя с фельдшером ни к чему, это самому автору хотелось высказать свои мысли. Места смешные, но не связанные, как в «Коляске», где все выходит из центра. Тут, в «Мелюзге», видна личность и цель автора — смешить.

24 марта. Солнечный день. Утром Л. Н. посидел на балконе. Здоров. Софья Андреевна разбирала «тетенькины вещи». Среди них нашла клубочек шелка, завернутый в бумагу, оказавшуюся четвертой четвертушкой письма Л. Н. к брату 22 декабря 1850 г. Перед обедом показала Л. Н-чу. Л. Н. прочел и очень хохотал:

— В этом письме я озабочен тем, награжден ли я чином.

Не могли вспомнить, где тогда Л. Н. находился; пишет брату про деньги, а то скоро ему нечего будет есть [1].

Говорили про предполагаемую лекцию в Петербурге М. А. Стаховича о Л. Н.** [2]

Владимир Григорьевич: Я не понимаю, как можно читать лекцию о вас цензурную.

---

* «Как я был актером».

** Она не состоялась по болезни М. А. Стаховича.

Л. Н. говорил, что получил от сестры письмо. Пишет, как старушки радуются, что хочу приехать в Амвросиевский монастырь повидать сестру.

Кто-то вспомнил, будто бы монашки в Новодевичьем монастыре недовольны тем, что у них похоронен Чехов, и будто бы говорят, что совратил его Толстой. Гадали, почему недовольны? Потому что Чехов был атеист.

Михаил Сергеевич вспомнил фотографию Л. Н. с Чеховым.

— Какое у Чехова доброе лицо: он был скромен. А Горький — наоборот: он в Крыму вел себя возле Л. Н. свысока,— сказал Михаил Сергеевич.

Я не замечал этого. Горький смотрел на Л. Н. не как на живого, а как на монумент, который надо уважать. Когда Л. Н. говорил что-то, Горький оперся подбородком о стол, смотрел на Л. Н., и качая со стороны в сторону головой, повторял: «Ах, Лев Николаевич, ах, Лев Николаевич!»

Н. Н. Гусев: В февральском номере «Нового журнала для всех» есть воспоминания Поссе о Толстом и Горьком [3]. Горького будто бы высылают из Италии, по сообщению «Русских ведомостей». Его русское правительство требует на суд, а итальянское со страху высылает.

Разговор о Дорике, что туго учится.

Александра Львовна вступилась за него, что он застенчив и потому не умеет отвечать.

Л. Н.: Дорик отстаивает свою самостоятельность. Дайте ему делать то, что ему хочется. Как это ни отвратительно про себя говорить, учился я плохо. Сен-Тома, гувернер, про меня говорил: «Сергей и хочет и может, Дмитрий хочет, но не может, а Лев — и не хочет и не может учиться».

Михаил Сергеевич говорил, что Дорик совсем не хочет учиться и что его братья требуют, чтобы он кончил хоть четыре класса гимназии, чтобы иметь льготу военную.

Л. Н.: Мальчик 16-ти лет, назовем его М., пришел к матери и говорит, что он не может учиться; пусть даст ему три рубля, и он наймется в конюхи. Будет доволен и со временем будет наездником. И, может быть, со временем будет философом,— добавил Л. Н.

Софья Андреевна вмешалась, возражая, что этот мальчик любит хорошо одеваться, что он франт.

Л. Н.: Каждый человек — центр, из которого выходят во все стороны бесчисленные радиусы. Люди выбрали некоторые из них и мальчика толкают по этому направлению.

Софья Андреевна опять возражала.

Л. Н.: Драгоценное время пропадает; когда, наконец, выбьется к своему, тогда уже остались малые способности.

Николай Николаевич вспомнил про Пушкина и Л. Н., что на экзаменах получили пятерки.

Михаил Сергеевич: Но не из каждого получающего пятерки будет Толстой или Пушкин.

Л. Н.: Я думаю, что поэтическая способность несовместима с..... * Он не будет Пушкиным, Толстым, а он будет святым, что гораздо лучше, или будет Кантом, изобретателем.

Л. Н. сказал мне, что статья «Брожение в Китае» в «Русских ведомостях» № 48 интересна и что ему более всего интересно в ней отношение китайцев к маньчжурцам и что желал бы почитать об этом, если бы была такая книга [4].

Л. Н. сказал Александре Львовне, что может у него взять для прочтения Edouard Estaunier «La vie secrète».

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

«МЫСЛИ МУДРЫХ ЛЮДЕЙ, НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ. СОБРАНЫ ГР. Л. Н. ТОЛСТЫМ»
Издание «Посредника». Москва, 1903
Обложка

«Л. Н. не пропускает дня, чтобы не читать «Мысли мудрых людей» в гостиной и «Круг чтения» у себя».— Запись от 7 мая 1909 г.

25 марта. Вечером был Д. Д. Оболенский. В «Русском слове» 24 марта появилась статья Л. Н. о Гоголе — интервью Спиро.

Владимир Григорьевич привез какого-то мужика. С 7 до 7.50 беседовали с Л. Н. в кабинете.

Дама письменно спрашивает мнение Л. Н. об Иоанне Кронштадтском [1]. Л. Н. его лично не знал.

— Победоносцева, кажется, я знал,— сказал Л. Н.

Д. Д. Оболенский передал Л. Н. поклон от архиерея Парфения и ответ, что на него все эти газетные статьи о посещении им Л. Н. никакого впечатления не произвели и что он уклоняется от интервьюеров [2].

Разговор о Гоголе. Дмитрий Дмитриевич вспомнил о его смерти: le grand coupable Philarète * ему наговорил, что грех писать. И это так подействовало на него, что сжег второй том «Мертвых душ» и вскоре умер.

Л. Н. спросил, какие были последствия его поездки в Иерусалим.

Д. Д. Оболенский: Никаких. Он ни строки не написал о ней и не говорил. А Римом увлекался.

Л. Н. спросил о судьбе девушки, убившей Луженовского: сегодня читал о ней [3].

Д. Д. Оболенский говорил о рассказе Андреева «Семь повешенных», что одно — прощать в кабинете пишущему об убийстве, а другое — прощать на деле, и вспоминал виденное им в революционное время — 1905—906 гг.

В «Газете-Копейке» напечатано, что в Варшаве арестован Чекальский, вернувшийся из поездки к Л. Н. Недавно арестован после приезда домой из Ясной Поляны татарин Ваисов.

---

* великий грешник Филарет (*франц.*).

26 марта. Вечером Л. Н. спросил Д. Д. Оболенского, где он был во время революции. Потом говорил, что читал статью Кропоткина в «Times» по поводу убийства генерала Мина. Кропоткин описывает все те ужасы, которые Мин делал. Л. Н. удивлялся поведению солдат, что они со штыками бросались на революционеров.

Владимир Григорьевич объяснил, что̀ побудило их к этому: революционеры стреляли по ним из окон.

Шахматы. Винт: Михаил Сергеевич, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Варвара Михайловна.

Л. Н. достал сегодня из библиотеки Канта: 1) «Religion», 2) «Kritik der praktischen Vernunft». Сказал, что где-то читал объяснение, почему у Канта такой тяжелый язык: чтобы выразить все, что хотел сказать *. Л. Н. хвалил сочинение Канта «Religion».

Варвара Михайловна неприятно поражена мемуарами Софьи Андреевны, которые переписывает на ремингтоне, особенно 1891 г., когда производился раздел имущества. Софья Андреевна везде описывает Л. Н-ча так, что всё, что он делал, делал из одного эгоизма.

27 марта. Утром заходил к Л. Н. перевязать ногу (Л. Н. сидел у умывальника, я—у столика, спиной к Л. Н., делал приготовления). «Боже, прости меня!» — сказал про себя Л. Н. Я первый раз слышал это.

— Вы уходите? Останьтесь: придет Чертков снимать, чтобы и вас снял; обещал рано прийти.

Перевязывая, я рассказал Л. Н., что читал в «Новом времени» о ловле рыбы в поморье пароходами-тралерами — это огромные, тяжелые железные сети, которые бороздят дно моря и снимают верхний слой дна со всеми растениями и животными. Этим портят условия для жизни рыб: они так сплетены (разные животные и растения служат им пищей). Поморцы жалуются на эту порчу. В одном заливе, где эта ловля иностранными тралерами делалась в продолжение шести лет, трески, которая раньше водилась в изобилии, теперь недостаёт, и природу морского дна исказили.

Л. Н.: Еще бы! — и спросил, какие это тралеры — русские?

Я: Иностранные.

Л. Н.: А кому это нужно? Тем, которые ловят рыбу, чтобы кормиться, оно не нужно, а нужно ради эксплуатации.

Я: «Новое время» требует воспрещения ловить таким образом, хотя бы в прибрежной полосе пятидесятиверстовой.

После Л. Н. заговорил:

— Мне хотелось бы написать, как теперь и искусство, и пахота, и общение людей дошло до необычайной легкости, и, несмотря на это, так как нравственное состояние низко, благосостояние рабочего народа не улучшается, а ухудшается.

Приехал Владимир Григорьевич с Тапселем-фотографом — и снимал Л. Н-ча с нами: с Танечкой в зале, с Александрой Львовной и Варварой Михайловной в ремингтонной, с Николаем Николаевичем в его комнате, с Владимиром Григорьевичем в кабинете, с Ильей Васильевичем тоже в кабинете, со мной в спальне.

Михаил Сергеевич говорил со мной по поводу статьи Меньшикова «Государственный скандал» [1].

Л. Н. переспросил, о чем пишет, и сказал:

— Все это, Дума и правительство, все это — один доит козла, а другой держит решето, чтобы не пропало.

Л. Н. (*мне*): Я нынче получил немецкую книгу об эстетике. Ужасная книга, такая немецкая, хитроумная, сложная [2].

---

* В статье «Для чего люди одурманиваются?» Л. Н. объясняет это тем, что Кант очень много курил.

Л. Н. (*за обедом*): Душан Петрович рассказал без возмущения, как доктора заперли женщину и по 25 дней не давали ей пищи, для научных целей.

Л. Н. недели две тому назад получил письмо от miss Fox. Просит написать против вивисекции. Л. Н. просил поискать в библиотеке брошюры о вивисекции, но, кроме одной, не оказалось: растасканы и не возвращены. Л. Н. хотел отвечать, но не написал ничего. Письмо miss Fox залежалось, и потом ответила ей Татьяна Львовна, указав на дни о вегетарианстве в «Круге чтения». В материалах «Свода» против вивисекции у Ф. А. Страхова ничего нет (тогда не оказалось, а после нашлось) [3].

28 марта. Приехал Сергей Львович. Пополудни был у Л. Н. Данила Козлов, 55-ти лет, его ученик.

Данила Козлов мне сказал, что с Л. Н. говорил насчет земли и религии. Генри Джорджа понимает и принимает (хотя совсем ясного понятия о нем не имеет), ограничивая приложение единого налога на одну нужную (обрабатываемую) земледельцем землю.

Л. Н. (*о нем*): Он говорил о священниках. Какое озлобление на священников среди народа! У народа либерализм начинается с освобождения от священников.

Л. Н. просил Николая Николаевича послать Даниле Козлову его книжки о едином налоге.

Л. Н. получил письма от крестьян (их последнее время все больше и больше) о вере: о том, что освобождаются от суеверий и ищут, в чем правда. Есть такие, как М. П. Новиков, которые отвечают спрашивающим, какой они веры, что они — никакой веры. Образов у них нет, в церковь не ходят. Есть проходящие через переходную ступень, баптизм, и есть перешедшие ее.

Вечером приехал с Чертковым Ф. А. Страхов. Читал Л. Н-чу. Сергей Львович играл на фортепиано шотландские песни своей композиции. Л. Н. вышел из кабинета с Владимиром Григорьевичем и Федором Алексеевичем и сел в кресло слушать. Владимир Григорьевич и Федор Алексеевич сели около него. Л. Н-чу шотландские песни нравились и просил еще играть.

Л. Н.: Англичане, кажется, немузыкальный народ, но когда поют, поют верно и любят музыку.

Сергей Львович вспомнил, что, когда он ехал на пароходе, в Манитобе, в Канаде, его без конца просили играть, и как его слушали.

Л. Н.: Это приятно. Кант терпеть не мог музыку. Он из искусств считал самым важным кулинарное.

Л. Н.: Как хорошо играл Адам Васильевич! Я во сне слышал его игру, трогала меня до слез.

И Л. Н. сказал, что, если бы он был музыкантом, сыграл бы, до того запечатлелось то, что слышалось ему во сне.

Сергей Львович сказал, что он мог бы сыграть, если бы что слышал во сне.

Л. Н.: Конфуций и старые китайцы ставили музыку высоко, как что-то религиозное.

Л. Н.: Как это удивительно: Шопенгауэр был тщеславный, озлобленный, мелочный и вместе с тем такой глубокий.

29 марта. Светлое воскресенье. У Л. Н. я видел на столе рукопись «Убийство Павла» [1], старую его работу, и совсем новую, несколько дней начатую, «Старое и новое» [2].

Вчера получены почтой цветы от вдовы художника Кившенко из Ниццы. Л. Н. вспомнил о них за обедом и просил поставить их на стол. Се-

годня, тоже пришедши в 9.15 в залу, вспомнил о них и рассматривал их. Л. Н. очень любит цветы.

Ваня, бывший у заутрени, рассказал, что там было полно стражников и колокольня была на замок заперта, чего никогда не бывает. Распространился было слух, что чертковские ребята будут снимать языки с колоколов. Михаил Сергеевич рассказывал это Л. Н. за завтраком и добавил: «Как мало полиция знает подведомственных ей людей!»

Л. Н. сказал Гусеву, чтобы в статью вставить эпиграфы к главам, что он это любит.

Л. Н.: Самое большое изменение на моей памяти — газеты: прежде дворяне не все читали, а теперь мало который мужик не читает.

Шахматы, винт.

30 марта. Утром был 28-летний слесарь из Волочиска, прочитавший «В чем моя вера» и изменивший жизнь. Л. Н. дал ему рекомендательные письма к Ивану Ивановичу и к Сытину [1]. Были два студента Московского университета: грузин А. Цагаришвили и полуармянин Ценальянц. Первый — детски восторженный, наивный, простой, второй — занимающийся писательством (беллетристикой, критикой). Оба очень восхищались Л. Н-чем. Л. Н. им сказал, что очень жалко, что они в университете. Был тульский старик-старообрядец. Были ученики Л. Н. от 11—14 лет, три мальчика. Л. Н. к ним вышел, побеседовал с ними и подарки им дал.

Под вечер приехали Владимир Григорьевич с Димой; Владимир Григорьевич — проститься: завтра уезжает, его высылают из Тульской губернии. Все надеются, что скоро вернется. Он будет хлопотать через разных лиц на том основании, что его высылают не из-за его убеждений, а из-за того, что губернатор не ручается за спокойствие в Тульской губернии. Это неправда, и она ему противна. Хлопотать хочет и Татьяна Львовна у Столыпина.

Л. Н. сегодня очень много написал [2]. Я входил к нему с травкой в половине десятого и видел по лицу, как он сосредоточен, как весь горит, изнашивается.

Л. Н. опять, как и вчера, говорил про свою работу, что он никого не убедит. Все скажут, что они это знают: «Старое непротивление», но он не может не разъяснять людям, в России и везде, переставшим верить в законность порядка вещей и не имеющим, вместо разрушающейся церковной веры, никакой новой основы — эту основу им указывать. В народе уже есть новое жизнепонимание, уже есть в начатках здесь и там; вот этот мальчик-слесарь, который сегодня был.

Чертков очень любит Л. Н-ча. Дома все плачет, что ему приходится разлучаться с Л. Н. и с семьей.

Не знаю, о чем говорилось, когда Л. Н. вспомнил, что в романе Estaunier «La vie secrète» старый приказчик говорит фабриканту, человеку гуманному, который всякие удобства и материальные выгоды предоставляет рабочим, что «они вас еще хуже будут ненавидеть; они не только не будут чувствовать благодарности, а напротив». Л. Н. сказал в объяснение этого, что, когда хозяин жестокий, рабочие говорят: «Он хозяйственный человек», когда же хозяин добрый, то никогда не довольствуются тем, что дает, а всегда требуют больше.

Татьяна Львовна: В эти года хороших помещиков всех разгромили.

Сергей Львович возражал.

Л. Н.: Надо сказать, что для того, чтобы переносить несправедливость, надо верить, что так должно быть, а вера эта — что бог так устроил — вера в царя в последнее время пропадает: «Мне с детьми есть нечего, а они конфеты едят». У нас это резко выразилось. В Англии, Америке это искусственно скрыто, в мягких рукавицах давлено. Дела совершаются

не потому, что есть законы. К Ротшильду, царю раньше было уважение, теперь — презрение.

31 марта. Л. Н. пополудни сказал М. В. Булыгину, что он в подавленном состоянии духа; что в общении кажется, будто он не в духе, и потому он уходит к себе.

Сегодня теплый, 18°, ясный день. Л. Н. утром прошелся по прешпекту шагов 80 от дома. Первая прогулка с конца февраля. Носил легкий плетеный стул с собой.

Утром пришел 75-летний владимирский мужик, приятного вида, рослый старик; у него в Туле сын, который не верит; говорит, что нет бога. По этому делу старик пришел к Л. Н.; сам он верующий. Пил с Л. Н. чай в зале, очень радушно побеседовали. Старик ходил в Иерусалим и в лицах представлял, как благодать нисходит (у него никакого сомнения нет), как патриарх в темную конуру, согнувшись, входит. Старик пошел пешком в Тулу. Ему удивились: двенадцать верст в Тулу. Сказал, ему нипочем. Он пройдет 80 верст в день. Михаил Сергеевич его провожал. О Л. Н. старик выразился, что он очень приятный, «но меня не собьешь, он меня не сбил». Л. Н. говорил про него, какой он молодцеватый: он никогда не пил, не курил. Вспоминая рассказ старика о том, как нисходит огонь, Л. Н. сказал:

— Я понимаю, как Гоголь, едучи в Иерусалим, писал о предстоящей поездке, а когда там побывал — ни слова.

Михаил Сергеевич говорил, как арабы, страстные, ругают патриарха, если не приходит с огнем, с неба сшедшим. Николай Николаевич вспомнил, как турецкие власти издали указ, чтобы вследствие больших волнений «появление огня не задерживать».

Говорили, как должен себя чувствовать патриарх, проделывающий это, и как бы ему было, если бы он случайно забыл спички. Но они зажигают другим — традиционным способом. Это делается с XII столетия.

Были четыре мальчика — ученики Л. Н., между ними Коля Ромашкин; катали яйца в зале. Л. Н. с ними сидел, беседовал.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Сухотины с Дориком и Алей, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Сергей Львович, Андрей Львович, Николай Николаевич.

Чертков сегодня выехал в Петербург. Софья Андреевна говорила, что вместо него, мирного, и к которому население мирно относится, надо бы выслать Звегинцеву, у которой убили даже двух людей.

Андрей Львович рассказал, как это убийство случилось: бабы в лесу Звегинцевой испугались «забастовщиков», и охотник с конюхом, впоследствии ими убитые, пошли спасать баб, а не нападать.

М. В. Булыгин усомнился в этом и стал рассказывать, как он слышал. Андрей Львович, основываясь на полном знании дела и погибших людей, отстаивал свое. Вмешался Сергей Львович с замечаниями. Тут Л. Н., чтобы предупредить завязывающийся спор, стал говорить, обращаясь к Михаилу Васильевичу:

— Если я слаб, то я раскрываю «Былое» в середине и читаю. Все интересно. Сегодня читал Синегуба.— И Л. Н. довольно подробно рассказал описанный там фиктивный брак [1].

Татьяна Львовна рассказала про такой же брак Софьи Ковалевской. Когда кончили и помолчали, Михаил Васильевич спросил Л. Н.:

— А какого вы мнения о «Тарасе Бульбе»?

Л. Н., помолчав, коротко ответил:

— Я не люблю, я нехорошо помню. А вы любите?

Михаил Васильевич: Я люблю. Характеры там выставлены сильные: Тараса Бульбы, Остапа.

ТОЛСТОЙ СРЕДИ КРЕСТЬЯН И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ В ТРОИЦЫН ДЕНЬ
Ясная Поляна, 17 мая 1909 г.
Фотография Т. Тапселя

Л. Н. сказал, что хотя он это читал давно, но такое впечатление осталось, что это фальшивое.

Михаил Васильевич заговорил, обращаясь к Л. Н., про недавно появившуюся книжку Файнермана: «Живые речи Л. Н. Толстого». Л. Н. ответил от шахматного столика, где играл с Михаилом Сергеевичем, что не помнит этой книги; Л. Н. ее, вероятно, никогда не просматривал, но про Файнермана высказался, что молодым человеком он был искренен, потом в жизни запутался; наверно женат, кормиться надо — писательство развращающее, за деньги. И Л. Н. обратил опять внимание на шахматы.

Я объяснил Михаилу Васильевичу, как произошла эта книга: малая часть в ней — воспоминания самого Файнермана, а бо́льшая — переделка статей посетителей Л. Н., появившихся в газетах за последние два-три года. Файнерман собрал их, переделал — выпустил, кто разговаривает с Л. Н., придал им какую-то одинаковую отделку, и непосвященная публика полагает, что Л. Н. вел эти речи с ним — с Файнерманом, хотя сам он этого не утверждает [2].

Л. Н. переспросил меня, что̀ рассказываю Михаилу Васильевичу. Я пересказал. Л. Н., имея в виду то, что я не замолчал чужой грех, эту недобросовестность Файнермана, сказал мне:

— Нынче в «Круге чтения» о покаянии из Талмуда, вы читали?

Я принес «Круг чтения» и прочел (не вслух): «Добрый человек — это тот, кто помнит свои грехи и забывает свое добро, а злой — наоборот. Не прощай себе, и тогда будешь в состоянии прощать другим». «Человек добрый, если только он не признает своих ошибок и старается оправдывать себя, может сделаться извергом».

О детях.

ТОЛСТОЙ И С. А. ТОЛСТАЯ СРЕДИ КРЕСТЬЯН И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ В ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Ясная Поляна, 17 мая 1909 г.

Фотография Т. Тапселя

Татьяна Львовна: На Танечке видно, как детей портят. При катании яиц сначала покатать ей было весело, а выиграть — никакого удовольствия, а к концу стала понимать.

Михаил Васильевич про своего осиротевшего четырехлетнего Илюшу, что он бледен, капризен, ему просто нехватает материнской ласки, он не умеет этого высказать. Приехала тетя и стала кормить его мясом. Сережа возмутился и стал ему разъяснять, что надо было петушка заре-зать и что ему больно было. Илюша, как раньше, когда ему сказали, что должен есть мясо, чтобы окрепнуть, поддался на это, а когда ему сказали, что петушку было больно, ни за что не хотел есть мясо. Как важно внушать детям правильные понятия!

Л. Н.: Это такое важное дело, чтобы дети (во всем) видели правильное отношение. Старик, которому уже 75 лет,— ему нужна эта благодать, ему нельзя уже внушить, что нужно другое, а ребенку, которому можно внушить о благодати или о курице,— самое важное дело. Когда родители внушают детям, во что сами серьезно не верят, это большое преступление. Великий Кант сказал, что детей надо воспитывать не к тому складу жизни, который существует, а к тому, который наступает, будет [3]. Прогресс материальный — шоссе, электрические дороги, прогресс духовный — богоносцы с иконами или христианское учение добра. Религиозное сознание человечества должно прогрессировать также. А если ты не идешь за ним, если не будешь двигаться с религиозным прогрессом, ты останешься дикарем. Прогресс — во всем, а в духовном не виден. Религия — она движет все человечество, а если движет, то и она движется.

Л. Н. вспомнил, что̀ говорил за обедом Андрей Львович о религии «по моде» (ходят причащаться — и он ходит), про брандмейстера Гартина.

— Я нынче не в духе, не могу слушать Андрюшу,— сказал Л. Н.

Принесли почту; Л. Н. открыл и прочел вслух письмо молодого человека (очевидно бедного: пишет, что раньше не написал, потому что не было на марку), которому отбывать военную службу.

— В прежнем письме он спрашивал, как ему поступить,— сказал Л. Н. — Я ему ответил, что это все знаем, но дело в том, сколько сил есть. Если не осилишь это сделать и исполняешь военную службу, знай, что это по слабости, а не ищи оправданий. Очень хороший тон письма [4].

Михаил Васильевич: Мне кажется, что военной повинности песенка уже спета.— И рассказал со слов знакомого военного врача о случаях, насколько теперь в солдатах развито чувство отвращения к солдатству.

Л. Н.: Главное, тот престиж, который все держал, уничтожен.

Михаил Васильевич, между прочим, рассказал, как солдат в Туле получил письмо и объявил: «Не хочу служить». «Почему?» Никаких объяснений, и шабаш. На суде ни слова: как его зовут и т. д. Выход один: объявили его душевнобольным. Эксперт, доктор, знакомый Михаила Васильевича, понял его, но дал экспертизу, что он ненормальный, и суд его отпустил.

Л. Н.: Общая военная повинность с точки зрения правительства — страшная ошибка.— И Л. Н. рассказал, как на днях присел к стражнику, стал разговаривать с ним: «Зачем вы служите, ведь это скверное дело?» — «Как же, получаю 35 рублей».— Он — 35, Столыпин — 35 тысяч, таких людей столько (которые охотно нанимались бы в солдаты).

Л. Н.: Калачев прислал письмо Лойцнера, со страшной силой отказывающегося носить военное платье и исполнять требования.

Михаил Васильевич опять повторил, что военной повинности надвигается конец.

Л. Н.: Я знаю, что таких людей, которые служат, миллион; что очень малый процент таких, которые не хотят служить. Где это я читал обвинительный акт?

Николай Николаевич: Григорьева Якова Григорьевича.

Л. Н.: За то, что он распространял книги против военной службы и там прокурор все выписывает преспокойно. Эта простая истина (там выписанная) не может не быть принята воинствующими. Вопрос только в том, в каком времени.

Михаил Васильевич: Высокий военный начальник — не назову его — говоря со мной, сказал, что все невозможнее и невозможнее служить, что все больше конфликтов между правительством и крестьянством. Теперь правительство не скрывает своей беспощадности, вешает без стыда, только бы победить; казни вопиющие. Правительство открыто провозглашает, что признает силу, а не правду.

Л. Н.: Это человек, который сам, своей головой, думает, а не то, что в газетах пишут.

Михаил Васильевич: Он говорил, что, может быть, они, молодые, не хотящие служить, и правы.

Л. Н.: У нас, в России, благоприятные условия — внимание, а во Франции — казнь 30 тысяч коммунаров прошла без.....* а в России все откликнутся от кадетов до..... *

Л. Н.: Да, времена пошли!

Л. Н. прочел еще письмо дамы о церкви.

Л. Н.: Это странное чувство, двойное — это за себя страх, недоумение, что̀ это будет.

Л. Н.: Я думаю, разделение между властвующими и подавленными — прежде сознавалось, что так должно быть, а теперь чувствуется подав-

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

ленными, что так не должно быть и что те никакого права не имеют властвовать,— ненависть к ним. И это положение не может долго продолжаться.

Николай Николаевич: Белинький в Петербурге встретил разносчика, несшего пачку революционной печати и продававшего ее баснословно дешево: весь ворох за 20 коп. Интерес к ней пропал.

Л. Н.: Вчерашние студенты, когда я их спросил, как революция, категорически ответили, что никакого сочувствия к ней нет, так что я им даже сказал, что это жалко, что люди могли примириться с существующим порядком, насилием.

Михаил Сергеевич сказал, что заграничные революционеры, лелеявшие надежду, что через два года опять вспыхнет революция, что войско подготовлено, сознаются: была ошибка с их стороны, что не опропагандировали войско раньше, до прошлой революции.

Л. Н. заметил, что прохожие, с какими заговорит,— все революционеры.

Софья Андреевна поспорила с Л. Н. о старости; ей в тягость.

Л. Н.: C'est éviter la question *: для человека, живущего духовной жизнью, старость — благо. Минувшее отошло, будущее не так беспокойно.

В 10 вечера приехал корреспондент «Тульской молвы» — расспрашивать Николая Николаевича касательно отъезда Черткова. Л. Н. зашел к ним.

Корреспондент спросил его: «Как ваше здоровье?»

Л. Н.: Как видите. Что там интересного (в Туле)?

Корреспондент замялся и потом стал рассказывать о каком-то пустяшном происшествии.

Л. Н.: Нет, Михаил Васильевич рассказывал про отказ от военной службы.

Корреспондент не знал о нем.

Когда Л. Н. ложился спать, я, массируя, сказал, что, думаю, что он слишком низко определил число людей, живущих духовной жизнью: один на тысячу.

Л. Н.: Ох, не думаю. Вы оптимистически смотрите. Не хочу хвалиться: о себе знаю, что я духовной жизнью живу только в самое последнее время, и то временами. Корыстолюбие уже давно поборол, а то влияет на меня соображение, что̀ скажут другие обо мне, похвалы, мнение других обо мне. Вы оптимистически смотрите.— И Л. Н. стал говорить, что духовная жизнь у революционеров — действовать так, чтобы их одобряли те, мнением которых они дорожат.— Духовная жизнь только та, если все люди будут тебя порицать за нее, а ты будешь так действовать. Таких людей все больше и больше будет со временем, но теперь их нет. Мы склонны обманывать себя. Делаем для славы людской, для одобрения людей, мнением которых дорожим, а принимаем это за духовную жизнь.

Софья Андреевна нашла сегодня письмо Л. Н. к тетеньке на четырех больших страницах. Описывает Севастопольскую оборону [5].

Л. Н. вспоминал какого-то немца, который, слыша «Христос воскресе», «Воистину воскресе» и видя, что при этом дарят яйца, перевел это по-немецки: «Hast du was, so kriegst du was, hast du nichts, so kriegst du nichts **.

— Самое немецкое объяснение,— сказал Л. Н.

Февраль — март. Спросили Л. Н., который из висящих у него в спальне портретов дочерей лучше: портрет Татьяны Львовны, написан-

---

* Это значит обойти вопрос (*франц.*).

** «Есть у тебя что-нибудь — получишь еще, нет у тебя ничего, ничего и не получишь» (*нем.*).

ный Ю. И. Игумновой, или Марьи Львовны, написанный Татьяной Львовной? Л. Н. ответил: «Оба лучше». Немного погодя добавил:

— Портрет Машин Таней нехорошо написан, а я его люблю; а Танин портрет технически хорошо написан, а нехорош: серьезное, не Таня.

Л. Н. пересказал, что̀ слышал, кажется от корреспондента К⟨упчинского⟩, как двое покушались ограбить кассу в кондитерской, где было 3 000 р. на выплату. Один говорит другому: «Стреляй ты, я не могу». Так и не выстрелил. Они побежали. Их присудили к каторжным работам. Военный прокурор опротестовал. Их вновь судили и повесили. Когда Л. Н. это рассказывал, голос его дрогнул.

Март (?). Говорилось о книге Лозинского «Против течения» — сильная критика «говорильни» (Думы Первой и Второй).

Л. Н.: Та, Вторая, хоть что-нибудь хотела в земельном вопросе, а Третья — ничего. Никто не сказал ничего нужного. Образцов критиковал правительственный закон 9 ноября, но своего не предложил. Я по наивности своей внушал Михаилу Александровичу Стаховичу, чтобы заговорил о Генри Джордже (о равных правах на землю). Хоть бы на себя обратил внимание. Нашлись бы многие, которые бы об этом переговорили.

1 апреля. Л. Н. вышел в 9.15 в залу, где сидели Михаил Сергеевич, я и Дорик; позже пришел Николай Николаевич.

Л. Н.: Я нынче сидел на балконе, слышно — колокола звонят, гудок паровоза с железной дороги. Думал о Д. А. Милютине и справился в словаре, сколько ему лет: 94. Там и про Володю Милютина, который нам принес новость из гимназии, что бога нет [1]. Думал, что̀ такое гимназия? Нельзя ничего хуже придумать для разведения атеизма, чем они. Наряду с историей, математикой, естественными науками, преподают богословие — закон божий.

Л. Н.: Я вспомнил, как внизу Николай говорил нам лет семьдесят тому назад, что проведут шоссе прямиком, так что Тулу будет видно. И думал о том, о чем вчера говорил. Шоссе уже есть и железная дорога, а закон божий преподают один и тот же, как тысячу лет тому назад. Если уж быть правительству, то его задачей должно быть преподавание религиозно-нравственного учения: Сократ, Эпиктет, Будда. Это то, что приемлемо для всех народов.

Михаил Сергеевич: У нас атеисты в гимназии потому, что закон божий плохо преподают.

Л. Н.: Как же можно его хорошо преподавать, когда религия наполнена противоречащими разуму догматами? Их выдают за истину и утверждают, что эта истина была и будет навеки.

Л. Н. говорил последнее, когда Дорик вышел, и то вполголоса, чтобы не оскорбить его веру.

Михаил Сергеевич: У англичан, немцев из гимназий не выходят атеисты, у католических народов — да.

Л. Н.: Хуже православия нет. Я недавно сказал, что магометанство выше. Православие — чепуха. Протестантизм — выше православия, а католичество? — там признай один догмат, одну глупость, что папа непогрешим, и тогда все логично, осмысленно.

Вечером шахматы, винт. Софья Андреевна уехала в Москву.

2 апреля. Л. Н. рассказал мне новость, которая была для него неожиданна: Бирюков пишет, что его, из-за найденного при обыске издания «Обновления», подвергли аресту.

— Мальчишка-прокурор,— говорил Л. Н.,— обвиняет его по какой-то статье, по которой ему грозит до восьми лет каторги, или, по меньшей

мере, заключение в крепость. Выпустили его под залог 600 рублей, которые с трудом собрал. Письмо его бодрое [1].

Л. Н. рассказал еще про полученное хорошее письмо Краснова, крестьянина, друга С. Т. Семенова. Бывал у Л. Н. раз двадцать; арестован за то, что был одним из устроителей Крестьянского союза. Остался беспартийным и во все время революции сдерживал крестьян и опропагандированных рабочих от насилий [2].

За обедом Михаил Сергеевич рассказал, что в «Минувших годах», в книге за август 1908 г., прочел воспоминания о В. К. Сютаеве «Крестьянин-коммунист» В. Рахманова, врача. Похвалил и спросил Л. Н., помнит ли Рахманова.

Л. Н.: Рахманова я читал, всегда хорошо пишет.

Л. Н. вчера и третьего дня говорил про Записки Синегуба в «Былом», читает их.

Л. Н. рассказал про инока, бывшего у него раньше и сегодня. Он прежде будто бы разделял взгляды Л. Н., а теперь опять вернулся к православию; просил и получил обратно свое письмо к Л. Н. и принес письмо Л. Н-ча к нему [3]. Николай Николаевич не принял его: сказал ему, что он может, когда хочет, уничтожить его.

Впечатление производит, бедный, умалишенного.

Вечером Л. Н. играл в шахматы, в винт и написал письмо Черткову [4]. В «Русском слове» подробное описание проезда Черткова через Москву и беседы с ним [5].

3 апреля. Л. Н. утром читал в полученном почтой «Tygodnik Illustrowany», издаваемом Болеславом Прусом (№ 15), описание посещения Л. Н-ча Чекальским. Л. Н. показал мне место, где его ответы Чекальскому, и желал, чтобы я прочел их по-русски.

Пополудни был «духовный портной», уходящий из одного московского монастыря, просить у Л. Н. денег для обзаведения мастерской. Настойчивый. Л. Н-чу не понравился. Он же с большим интересом читал «обновленские» издания Л. Н-ча.

Вечером Михаил Сергеевич преинтересно рассказывал смешные истории про революционера Кузьму в Женеве. Потом рассказал про шпиона Бейтнера, про Азефа, как его дорого оплачивали и революционеры, и правительство и как покушение на царя, которое он организовал, чтобы восстановить к себе доверие революционеров, удалось бы, если бы не струсил тот, который должен был его совершить.

Сведения эти Михаил Сергеевич имеет от Е. Е. Лазарева. Потом рассказал про Нечаева. Михаил Сергеевич читал описание суда над ним в «Былом». Михаил Сергеевич студентом был на этом суде и говорил, что Нечаев, когда утверждает, что ему не дали говорить, лжет. И Михаил Сергеевич представлял Нечаева, как он ругал судей и царя и плевал на его портрет тут, в суде. Его много раз выводили и приводили; Нечаев все повторял то же. Был очень неприятный, но энергичный; небольшой, худощавый. Николай Николаевич говорил, что он ложь возводил в принцип [1].

Михаил Сергеевич: Он судился за убийство товарища-революционера Иванова, заподозренного, но неповинного в шпионстве. Он заманил его в пещеру в Петровско-Разумовском парке и убил.

Шахматы с Михаилом Сергеевичем. Сергей Львович играл на фортепиано.

Сергей Львович с Михаилом Сергеевичем говорили сегодня о Записках Софьи Андреевны, что в эпиграф годилось бы: «Qui s'excuse — s'accuse»; * интересны, но нехороши. Печатать их нельзя: там описана ин-

* «Кто оправдывается — сам себя обвиняет» (франц. пословица).

тимная жизнь многих живых людей и приводятся резкие суждения о них. Третьего дня спрашивала Софья Андреевна: хороши ли ее Записки. Сергей Львович не отвечал. На настоятельное требование ответа сказал то же: что они интересны, но нехороши.

Николай Николаевич ходит к Чертковым, приводит в порядок бумаги вот уже десять дней.

4 апреля. Л. Н. говорил за обедом, что читал в «Былом» о Мартьянове, крепостном графа Гурьева [1]. Николай Николаевич сообщил Л. Н., что арестована книжечка «Посредника» «О разуме» из «Круга чтения», и Иван Иванович обвиняется по параграфу такому-то. Л. Н. переспросил, большая ли книжка, и, когда Николай Николаевич сказал, что маленькая, Л. Н-чу было жалко, потому что доступна народу.

Потом Л. Н. прочел вслух инкриминированное место — мысль Люси Малори. Действительно, нецензурная.

Л. Н. заговорил о статье Меньшикова в «Новом времени» 2 апреля «Развал Турции» — по поводу вспыхнувшей на днях контрреволюции в Константинополе.

— Начало статьи прекрасное,— сказал Л. Н.,— очень умно написано. Вопрос верно поставлен, где говорится о демократии и монархизме, восхищался, читая, но ответ — конец — плох. Рекомендуется угнетение национальностей (Л. Н. не сказал «угнетение»).

Говорилось о том, как все газеты пишут о приезде Черткова в Петербург.

Л. Н.: В событиях дня: «Турецкая революция» и «Чертков приехал».

«Русское слово» 3 апреля напечатало письма Гусева к старообрядке, но приписывает их Л. Н. Какое неуважение к Л. Н., какой подлог! Раздобыло их «Русское слово» неизвестно где и еще пишет, что печатает с разрешения самого Л. Н. [2]

Л. Н.: Хирьяков в «Нашей жизни» <!> написал статью о высылке Черткова и о приезде его в Петербург. Нехорошо, там есть неправда: сказано, чего нет, и скрыто, что есть. Надо быть очень строгим и говорить одну правду [3].

Л. Н. по поводу найденного письма его к тетушке из Севастополя:

— Я нынче думал, какая перемена с того времени. Я помню, что по-русски писать было что-то низкое. Аристократический круг выделялся: «Мы — что-то особенное». И даже вопроса не было, почему я сижу здесь, а они там. А потом старина разрушилась — Морозов, Михаил Петрович Новиков...

Софья Андреевна: Я помню, раньше музыканты, актеры не могли быть в обществе никогда, а теперь...

Сергей Львович уезжает в Москву.

5 апреля. У нас Михаил Сергеевич с Татьяной Львовной, Танечкой, Дориком и няней, Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Николай Николаевич. Николай Николаевич и я были сегодня у Чертковых. Там после отъезда Владимира Григорьевича малолюдно. Сегодня был Пунга, говорил о политике, в которой он au courant *.

Вечером Л. Н. о письмах говорил, что несколько дней получает хорошие:

— Не то что сочувственные, а людям прямо было нужно то, что я высказал. Приятные письма; прямо не подписываются многие, из чего видно, что не личные интересы побуждали их писать [1].

Л. Н. нашел в петербургских газетах известие, что московская цензура арестовала «Круг чтения» (очевидно, первое издание Горбунова; его мало осталось и в малом количестве — 3 500 — было напечатано). Сы-

---

* в курсе (*франц.*).

тинское издание еще не появилось. Сытин пал духом: грозят ему судом за разные издания 1906—07 годов. Возможно, что его издание «Круга чтения» так и не выйдет или будет конфисковано.

Л. Н. (*к Николаю Николаевичу*): Мне очень жалко, что наши труды пропадут даром (второе издание «Круга чтения») [2].

6 апреля. Утром, массируя Л. Н., я ему сказал, что Пунга рассказывал (он только что вернулся из Германии и гостит у Чертковых) — студенты в Германии одержимы манией величия: были недовольны, что Россия уступила в вопросе присоединения Боснии к Австрии и вследствие того не дошло до войны между Австрией и Германией, с одной стороны, и Россией.

Л. Н.: Неужели?

И сказал, что они думают, будто Россия теперь ослабла и можно ее побить. Если бы так было, видно было бы из газет. Может быть, это ему так кажется.

Л. Н. спросил, какой народности Пунга.

— Латыш.

Л. Н.: У вас, славян, чувство патриотизма сильное, надо с ним бороться. Оно ведь ведет к порабощению и самими себя. Если сами не будут порабощать себя, никто поработить их не может. Есть естественное влечение к своему народу — у меня к русскому — хотя я стараюсь не быть русским, а христианином. Патриотизм вреден.

Л. Н-чу сегодня массировал не только отекшую левую ногу, но и здоровую и корпус, т. к. все тело ослабело от продолжительного лежанья, сиденья.

Л. Н.: Еще руки. Какой бедный русский язык: нет того, что bras, Arme.

Я сказал, что у нас, словаков, есть rameno, а у чехов rameno и paže.

Л. Н.: Неужели в употреблении? В старославянском есть «рамена».— После краткой паузы: — Надо бы почитать что-нибудь на вашем языке. У вас есть книжка?

Вечером (9.30—10.20) Татьяна Львовна рассказывала анекдоты, особенно те, которые любил рассказывать старик Ге. Л. Н., хотя его мучила изжога, смеялся. Сидели за чаем. Л. Н. протянул ноги на другой стул, полулежал.

Л. Н.: Нынче читал «Les livres sacrés de l'Orient». Вся книга испещрена моими заметками, а я забыл, что ее читал. Самое приятное то, что я забыл, что́ я писал [1].

Михаил Сергеевич спросил, что именно.

Л. Н.: «Анну Каренину», «Крейцерову сонату» не помню.

Михаил Сергеевич: «Смерть Ивана Ильича», наверно, помните.

Л. Н. признался, что да.

Л. Н.: Забвение в старости — это очень приятно. Забываешь, что было, и нет будущего. Следовательно, все сосредоточено в настоящем, где и происходит вся жизнь, и оттого прелесть старости.

Татьяна Львовна привела какое-то стихотворение Пушкина о старости *.

Л. Н.: Какой молодец Пушкин! Он говорит, как мы все говорим, только лучше и красивее. Это единственный поэт, в нем нет усилий и напряжения в рифме и ритме. В нем можно найти отзвуки на все, что мы чувствуем, и с таких молодых лет он стал уже все понимать.

Вспоминали грехи его и его жены. Татьяна Львовна цитировала из его писем к жене, в которых предостерегает ее, грубые выражения, на-

---

* Могло быть: «Элегия. Безумных лет угасшее веселье» или «Воспоминание. Когда для смертного умолкнет...»

пример: «Было бы корыто, а свиньи будут» [2]. Л. Н. по поводу этого грубого, выразительного, русского мужицкого присловия * заметил, что он еще застал таких людей, которые французский язык знали лучше всякого француза, а по-русски выражались грубым, народным, сильным языком со всеми его прелестями. Разговорились о Пушкиной и вообще о женах. Л. Н. их не хвалил. Татьяна Львовна вспомнила биографию Шопена, которую прочла,— как Жорж Санд к нему нечутко, жестоко относилась.

Л. Н.: Какая стерва! Я в свое время, кроме отвращения, ничего к ней не чувствовал, в то время, когда Тургенев восхищался, увлекался ею, то есть с уважением относился к ней.

Вечером массаж ног. Л. Н. говорил мне, что он нынче читал «Les livres sacrés de l'Orient», там много хорошего.

Л. Н.: Как трудно переводить с китайского! — И говорил, что читает английские переводы китайского Мина.— Мин считает главным у человека искренность. Один переводит sincerity, другой truth — правда. Я думаю, надо эти два понятия соединить в «правдивость»: правда — понятие объективное, правдивость — субъективное. Это глубокая мысль.

Л. Н. дальше говорил, что он нынче и вчера занимался Конфуцием, что он хочет написать о его учении для Ивана Ивановича.

— Имеете понятие о жизни Конфуция? Он служил при дворе и потому много внимания в учении своем уделил тому, как управлять народом. Это я пропускаю. А общее всемирное значение имеющее нравственное учение излагаю. Я думаю, что китайцы потому так высоконравственны, что в учении Конфуция нет сверхъестественного; не приходилось им (в этом сверхъестественном) разочаровываться.

7 апреля. Пополудни были Ольга Константиновна, Дима, едущий завтра в Петербург посетить отца, Г. А. Пунга, друг Чертковых.

Л. Н. спросил Пунгу о том, что я ему перерассказал о германском патриотизме. Пунга повторил, как немцы, средние слои и их газеты, исключая нескольких ведущих, негодовали, что Германия упустила случай войны с Россией, и какое враждебное отношение студентов и профессоров к чехам и другим славянам.

Л. Н.: Этот патриотизм ужасен! Люди сбиваются. До чего это комично: немец считает свой патриотизм доблестным, чех — свой. Половина государственных бюджетов идет на вооружение.

Л. Н. рассказал о чем думал: если бы у Робинзона Пятница был женщиной и от нее родился сын и был ими воспитан, то, если бы он попал в цивилизованную страну, Германию,— не понял бы смертной казни.

Михаил Сергеевич рассказал про турецкие события: младотурецкие войска идут на Константинополь, младотурки хотят свергнуть султана и предать его смертной казни.

Л. Н.: Это Wasser auf meine Mühle**.

Л. Н.: Я читал четыре главные книги китайские, гораздо интереснее описаний событий константинопольских. У них государственные законы вытекают из религии. Даже смертная казнь, что нам — христианам — противно.

За обедом Александра Львовна, бывшая сегодня в Туле, сказала:

— Очень грустную вещь узнала: яснополянский мальчик Копылов (13-ти лет) скончался.

Это известие произвело на нас потрясающее впечатление; все невольно подумали о добром, кротком, даровитом мальчике и таких же его бра-

---

* от словацк.: prislovie — пословица. — *Ред.*

** вода на мою мельницу (*нем.*).

ТОЛСТОЙ С И. И. МЕЧНИКОВЫМ НА ТЕРРАСЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА
30 мая 1909 г.
Фотография С. Г. Смирнова
«Утром приехал Мечников с женой. Ясный, теплый день... все на террасе... Фотографы снимали...».— Запись от 30 мая 1909 г.

тишке и сестрице. Как гибнут люди! У него отец сидит в тюрьме третий год за воровство лошадей; мать общалась с телятинскими ворами и заставила его, мальчика, перелезть через плетень соседа, вытащить задвижку у ворот и увела лошадь. Мать приговорили к трем месяцам тюрьмы, его тоже на три месяца тюрьмы и, кроме того,— к шести годам исправительного приюта. Тут он заболел тифом, после воспалением легких с галлюцинациями, и на днях помер. Его мать тоже на днях выпустили из тюрьмы. Детей поддерживала их родня и Толстые.

Л. Н. молчал, как и все, после этого известия; потом проговорил:

— Робинзон-сын тоже не поймет: людей, которые воруют, сажать с такими же, как они. Они заблудшиеся и тем уже жалки.

Вечером привезли сегодняшнюю почту. Михаил Сергеевич прочел из

«Голоса Москвы» новости о Турции: в Константинополе перерезано реакционерами двести младотурецких офицеров.

Л. Н. заметил:

— Представьте себе мое положение: когда я слышу такое, у меня главное чувство — жаль тех, которые режут.

Михаил Сергеевич прочел из «Голоса Москвы», что в Полтаве отравился толстовец Б. Н. Леонтьев. Татьяна Львовна вспоминала о нем: сын генерала, столярничал, табуретки делал и на базаре продавал; во время голода помогал в Рязанской губернии Л. Н-чу. Его двоюродный брат-офицер застрелился, двоюродная сестра застрелила в Швейцарии Миллера, приняв его за Дурново.

Шахматы с Михаилом Сергеевичем, потом Л. Н. долго читал вслух из книги «Les livres sacrés de l'Orient».

Почтой получены, между прочим, «Туркестанские епархиальные ведомости» (г. Верный, 15 марта 1909 г., № 6) со статьей Петерсона: его переписка с Л. Н-чем [1]. Л. Н. спросил Татьяну Львовну, помнит ли Петерсона.

Татьяна Львовна: Нет.

Софья Андреевна: Она родилась через три года после того, как Петерсон был в Ясной Поляне учителем.

Л. Н.: Я его уважал. Он убежденный.

Получен первый номер журнала «На Кавказе» (Екатеринодар), где статья «Толстой на Кавказе» — Розова.

Софья Андреевна получила французские газеты с переводом ее письма о высылке Черткова и письмо переводчика Гальперина-Каминского [2].

Л. Н.: У него плохой французский язык. Как это французы могут читать его переводы?

Много газет с известиями о Л. Н., о выставке. Между прочим и письмо Н. Н. Гусева, в котором он опровергает сообщение, будто письма к старообрядке писал Л. Н. Писал их он, Николай Николаевич [3].

Л. Н. мне сказал приблизительно так:

— Что значит репутация! Письма Гусева такие хорошие — желал бы быть их автором, а разносят их, так как оказались не мои.

Дальше, за массажем, Л. Н. мне говорил, что он сегодня много работал — писал о Конфуции, о Китае, читал законы Ману, Чунг Минга:

— Самая древняя книга китайская — священные книги половины человечества. У китайцев государственные законы вытекают из религии. Все подробности государственных законов написаны религиозными учителями. Моисеев закон — это ничто в сравнении (с китайскими законами).

— Хороший французский перевод («Les livres sacrés de l'Orient»). Чьи это пометки там? — спросил Л. Н.

— Буланже.

Л. Н.: Да и почерк его. Это, может быть, он отмечал места, которые для меня могут быть интересны, и ставил буквы «Л. Н.». Кроме его, и мои пометки там есть.

Я напомнил Л. Н. книгу Буланже о Конфуции, издание «Посредника». Л. Н. позабыл, что есть такая, и просил достать ее.

8 апреля. Снег. Л. Н. не выходил, только на балконе посидел. Утром уехали Михаил Сергеевич с Дориком. Винт: Татьяна Львовна, Александра Львовна, Варвара Михайловна. Татьяна Львовна сказала, что Николай Николаевич грустит о Михаиле Сергеевиче: любил с ним поговорить.

Л. Н.: Одно из его (Михаила Сергеевича) хороших качеств, что он слушает хорошо. Он и говорит умно. Но слушает внимательно; видишь, что он все хочет понять. Это одно из хороших качеств людей.

Вечером Л. Н. читал два письма Анне Константиновне.

9 апреля. У Л. Н. нога больше болит, изжога, стеснение в груди и удрученное состояние: руки, ноги и весь зябнет; много работал.

Л. Н. (*за обедом*): Я сегодня прочел «Русские ведомости» от доски до доски. В Турции — еще неопределенно (свергнут ли султана, победят ли младотурки). Об авторском праве в Думе.

Татьяна Львовна принесла «Вестник Европы» и стала вслух читать начало статьи «Радость искусству» Н. Рериха [1], чтобы указать, как непонятно пишут. Изумительно.

Л. Н.: Искусство, политика дошли до тупого угла: дальше некуда. Публика удесятерилась. Во всем потрафишь на вкус читателей (т. е. что можно писать, что́ хочешь).

Потом Татьяна Львовна спрашивала Л. Н. о рассказе «Сын» J. H. Rosny. Л. Н., прочитавши его по ее указанию, удивлялся, как могли поместить в «Вестнике Европы» такой слабый рассказ [2].

Татьяна Львовна показала и хвалила снимки с картин Сомова.

Л. Н.: Это нехорошо.

Л. Н. поражали хорошие фотографии портретов Салтыкова работы Крамского и Тургенева работы Перова в «Вестнике Европы». Особенно Тургенев, его глаза, взгляд.

— Тургенев поддается сходству, вследствие исключительности взгляда,— сказал Л. Н. [3]

Софья Андреевна, смотря на портрет Салтыкова, сказала, что он был чиновником в Туле и перестал ездить к Л. Н. после того, как Л. Н. написал «Войну и мир». О «Войне и мире» же высказался, что это сплетни бабушек и тетушек.

Л. Н. пришел из кабинета и сказал, что страшную вещь ему рассказал Николай Николаевич: вычитал ее в книге Пругавина «В казематах». В Шлиссельбургской крепости сидел человек, в одиночном заключении, без имени, под номером таким-то. Это был, будто бы, Шевич, офицер киевский. Александр II его сестру-институтку оскорбил и погубил, за что тот (Шевич) его на смотру ударил [4].

— Если это выдумано, то ben trovato *,— сказал Л. Н.— Что же делать с ним, как уничтожить? Казнить нельзя.

Софья Андреевна обвиняет ее, почему поддалась.

Л. Н.: Девочка. Такой соблазн — метресса императора; одна из тысячи устоит.

Татьяна Львовна: Да надо быть взрослой, а не девочкой.

Л. Н. поздно, в 10 часов, пришел в залу и засел за винт. Несколько позже пришел Николай Николаевич. Л. Н. виноватым тоном сказал ему:

— Я всё писал.

Николай Николаевич: Я видел.

Л. Н.: И такие глупости, что никуда не годятся [5].

10 апреля. Общее состояние Л. Н. скверно: изжога, стеснение в груди, слабость. Пополудни был у него С. Д. Николаев со своей переделкой Baba Bharaty «Krishna» [1].

Л. Н. продиктовал ему перевод некоторых, им ранее не помеченных мест. Занимались больше двух часов.

После его ухода Л. Н. попросил:

— Принесите мне газету. Все либеральные («Нашу жизнь», «Русские ведомости») уже прочел; принесите мне «Новое время».

За обедом Татьяна Львовна говорила про Столыпина, какая кампания против него ведется, каково ему будет, когда выйдет в отставку.

Л. Н.: Я сужу (о нем) по характеру его отца: фальшиво рыцарский, чем больше риску любил.

---

* хорошо придумано (*итал.*).

Л. Н. говорил о своей новой работе, что ее совершенно напрасно пишет, разъясняет, потому что 999 из тысячи думают не логически, а «дважды два — пять».

Л. Н.: Кришна о любви — чудесное...

Татьяна Львовна вспомнила про Ванечку, как он с Сашей, чтобы сэкономить чай и сахар для нищих, пили чай вприкуску, а потом даже вприлизку. Куски сахару были красны от крови: ободрали себе язык. Л. Н. понравилось: «Это я напишу, — сказал он,— как пример детского самоотвержения. Как им оно легко!» [2]

Л. Н. вспомнил, что читал о положении в севастопольской тюрьме (письмо бывшего депутата Ломтатидзе, прочитанное в Думе 8 апреля) [3].

Вечером, за винтом, Л. Н. сказал:

— Вот, Душан Петрович, есть такой Булгаков, пишет сочинение о христианских взглядах. Мне задал вопрос о христианском воспитании и образовании. Два вечера бьюсь, никак не могу осилить [4].

В «С.-Петербургских ведомостях» 7 апреля: «Японское правительство издало от имени микадо декрет, воспрещающий обращение в империи сочинений Л. Н. Толстого». Причиной этого гонения является, по выражению декрета, «деморализующее влияние сочинений Толстого на юношество».

Л. Н.: У них вера в государственность сильна. У них идеал — германский империализм, Акбар *.

12 апреля. Была Ольга Константиновна с детьми, Мария Александровна, Лариса Дмитриевна. Обедали дети; разговаривали с ними и о них. Софья Андреевна сказала, что Мишины дети хороши.

Татьяна Львовна: Танечка возлюбила бабушку.

Л. Н.: Потому что она (бабушка) с ней серьезно играет. Все дети хороши. Вырастут, тогда испортятся.

Танечка шутила, бегала. Л. Н. встал и пустился вдогонку:

— Поймаю! Кто скорей!

Л. Н. с Ларисой Дмитриевной о ее знакомой семье: от нее Л. Н. получил письмо. Дочь (К. Разумникова) не хочет паспорта, метрического свидетельства.

Л. Н.: Есть вещи, более противные христианскому сознанию, совести, чем паспорт: что на тебя стирают, выносят нечистоту. Верно говорит Сергей Дмитриевич, что два требования первенствующие: обходиться без прислуги и вегетарианство. Это очень много значит — сознавать, что пользование прислугой и убийство животных — дурно, что это не должно быть, что если это делаешь, то виноват.

Татьяна Львовна: Если ребенок привыкнет сызмальства к работе — взрослым не стерпит, чтобы другой на него работал.

Л. Н.: Очень трудно без прислуги. Есть религиозное отношение к детям — можно жить без прислуги; нет — тогда это неприятность. Но грех придумывать, что есть какие-нибудь условия, в которых держание прислуги перестанет быть грехом.

Разговор о женщинах и мужчинах, о женском равноправии, сравнивали их.

Л. Н.: Я думаю, что надо совсем устранить это сравнение. «Мужчина умнее, сильнее» — это соревнование с правами мужа. Мне кажется, женщинам надо сказать, что они в тех правах не нуждаются, что они стоят выше тех прав. Любовь выше ума. Совокупность всех этих качеств составляет человека, а пропорция разная. Взвесить их нельзя (у этого выше художественные способности, у другого — ума, любви).

---

* Л. Н. сегодня читал в новом номере «The Monist» (американского журнала) 60-страничную статью (лекцию) немца Gaerbe об Акбаре (индийском, мусульманском императоре). Гербе восхищается им и будто бы ставит его в пример Вильгельму.

Лариса Дмитриевна пожалела о том, что при ее работе на детей и их на себя не хватает времени на их образование.

Л. Н.: Ох, не желайте образования! Тут ничего особенно хорошего нет; лучше, когда серьезные вопросы слышит. Такой маленький ребенок нравственно совершенен (не лжет, всех людей принимает за добрых). Танечка была такая, теперь уже попортилась. Есть способы выучиться: будет читать.

Лариса Дмитриевна: Да, лучше, когда узнаёт правду, когда думает о том, что нельзя убивать людей, животных. Наши старшие любят читать Брема «Жизнь животных». Считаете ли это нужным чтением, Лев Николаевич?

Л. Н. ответил, что есть постепенность, что̀ важнее, и что прежде надо читать жизнь людей: как живут китайцы, калмыки.

— Я думаю,— сказал Л. Н.,— что это должно быть на первом месте.

Лариса Дмитриевна: А какие сочинения?

Л. Н.: Не знаю. Детских нет. Но и Брем не для детей. Брем — тут материальная область, дарвинизм, борьба за существование. Это в духе нашего времени.

Татьяна Львовна: В «Маяке» есть рассказы — жизнь детей самоедских, японских; написал Буланже. Но это очень слабо написано [1].

Л. Н.: Это ты напиши. Крестьянам — узнать, как живут богатые классы, детям богатых классов — узнать, как живут бедные; им надо в деревне пожить, чтобы жизнь бедных узнать. Интересно описать, как живут люди по тюрьмам, по монастырям. Нужно описать, как дети работают на фабриках. Дети будут читать, как их однолетки работают на фабриках, как жить без прислуги.

Татьяна Львовна о том, что плохо пишут для детей, употребляют даже иностранные слова. Привела в пример Горбунова.

Л. Н.: Горбунов пишет нехорошо, у него приторный тон, выходит фальшиво, хотя он искренний человек. Я только на старости лет вижу, как надо избегать иностранных слов.

14 апреля. George Bedborough из Лондона прислал пачку ответов епископов английской церкви и настоятелей некоторых других церквей в Англии на вопрос о непротивлении: признавать ли его христианам. Все до одного ответили уклончиво [1]. Николаев внимательно прочел целую пачку.

Л. Н. спросил, есть ли наследники (последователи) Баллу?

Николаев рассказал о них: есть в Соединенных Штатах и продолжают дело Баллу.

Бедборо еще задавал вопрос о свободной любви или о том, допустимо ли сожительство без рождения детей. Об этом самом трактует книжка «Diana» Стокгэм, авторши «Токологии» [2].

Л. Н. не ответил. Мне казалось, что его огорчил второй вопрос: такие вопросы задают через 20 лет после «Послесловия к «Крейцеровой сонате»!

16 апреля. Л. Н. прочел вслух речь Суркова о монастырях [1].

В «Новом времени» прочел о Государственной думе.

— Сильно! — сказал Л. Н.

На днях читал Bedborough «The Adult» (журнал); Walter Walsh «The Greater Parables of Tolstoy» (C. W. Daniel); Croft Hiller «Did Christ condemn Adultery?» (листок).

18 апреля. Была Мария Александровна. Л. Н. ей говорил о юриспруденции.

Л. Н. теперь сосредоточился на письмах: отвечает; это будут такие статейки [1].

«Пуришкевич прочитывает все отделы, все названия каталога книг для детей и юношества, рекомендованных «Лигой образования», останавли-

ваясь с негодованием на том, что в числе религиозных книг фигурирует «Чем люди живы» Толстого («Голос Москвы», номер от 18 апреля).

19 апреля. Здесь Мария Александровна, Татьяна Львовна с Танечкой, Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Николай Николаевич. Ясный, теплый день. Перед домом трава выбивается из земли. Л. Н. завтракал вместе с нами; с полторы недели, как стал так делать, раньше всегда старался один завтракать и на два часа позже. Может быть, после отъезда Владимира Григорьевича и в отсутствие гостей ему желательно общение. Л. Н. решил поехать верхом и поехал на Делире; провожала его Татьяна Львовна в шарабане с кучером. Я его отговаривал, опасаясь, что ударится голенью, коленом о бок лошади или что будет опираться на стремена. Л. Н. ответил, что при езде первое не может случиться, а последнее — тоже нет, что только труднее садиться, а верхом шагом ноге свободнее, в коляске она связана.

После завтрака принес словарь Брокгауза и Марии Александровне и мне прочел вслух определение «права» и какие есть права. Л. Н. читал не торопясь, с остановками, удивляясь читаемому; закончив чтение, сказал:

— Так что есть «право войны» [1].

За обедом Л. Н. сказал:

— В «Русских ведомостях» читал про книгу «Вехи», ряд статей про старую и новую интеллигенцию. Старые — за усовершенствование государственного устройства, новые стоят за работу над собой. Надо прочесть.

Л. Н. после обеда попросил книгу «Вехи» и читал ее, сидя на балконе. В 8.30 пришел в залу и принес книгу. Разрезан только первый лист. Л. Н. не был ею доволен, не заинтересовался [2].

— Слишком они увлечены, они знают всё. Чего только там нет! и то, и то; а, наконец, не знаешь, чего они хотят. То ли дело письмо крестьянина, — сказал Л. Н. и просил достать его и прочел его вслух. Безграмотное, длинное письмо получено сегодня из Ташкента; оно второе письмо от того же крестьянина. В письме просто высказаны общечеловеческие христианские истины.

Л. Н.: Образец того склада мысли, какой есть между крестьянами [3].

20 апреля. Понедельник. Рано утром уехала Мария Александровна. Л. Н. верхом. Вечером приехал Сергей Львович с m-r Мазоном, преподавателем французского языка в Харькове. Пишет о Гончарове и расспрашивал у Л. Н. его воспоминания о нем.

Л. Н.: Мало общался с ним: он был такой сдержанный. Путешественник, много ездил.

M-r Mazon: Вы с ним познакомились в Петербурге, где снимался кружок «Современника» 1855 года? [1]

Л. Н.: В Петербурге. Что, его романы переведены на французский язык?

— «Обломов», только наполовину. У Кони много воспоминаний, у Стасюлевича.

Л. Н.: Как же вы его (Стасюлевича) не постарались повидать? Он любезный старик. Что это вас навело на мысль писать о Гончарове?

— Малоизвестен.

Л. Н.: Как же вы его издаете, на свой счет?

— Гончаров просил ничего посмертного не печатать, никаких писем его: его жизнь никого не касается. Очень скромный был.

Л. Н.: Эта скромность такая вытекает из самолюбия: он был самолюбив. Я помню, Тургенев относился иронически к нему, а к его писаниям с уважением.

— Спор был между ними. Гончаров говорил, что Тургенев в «Дворян-

ТОЛСТОЙ С И. И. МЕЧНИКОВЫМ ЕДУТ В ТЕЛЯТИНКИ К ЧЕРТКОВЫМ
30 мая 1909 г.
Фотография С. Г. Смирнова

«Пополудни, с половины третьего до половины пятого, были Л. Н. с Мечниковым... у Чертковых».— Запись от 30 мая 1909 г.

ском гнезде» использовал его тему, которую он ему, бывши за границей, рассказал.

Л. Н. высказал свое удивление, как m-r Мазон правильно говорит по-русски. (Разговор, с первых при встрече фраз французских, сейчас же перешел на русский. М-г Мазон — ученик Буайе.)

— Я всегда замечал: французы правильно выучиваются по-русски; мой первый гувернер Сен-Тома говорил хорошо по-русски. А немцы — с грубыми ошибками,— сказал Л. Н.

М-г Мазон спросил Л. Н., какое внешнее впечатление производил Гончаров на него.

Л. Н.: Очень gentlemanlike *, корректный и приятный, и ко мне был доброжелательный. Я был гораздо моложе его. Я всегда так относился к нему, как к почтенному человеку. А долго он не писал?

М-г Мазон рассказал, что Гончаров родился в 1812 г., умер в 1891 г., И еще в 1888 г., т. е. года за три до смерти, появились его «Слуги» в «Ниве». Он был холостяком.

Татьяна Львовна помнит «Слуг»: «Милый очерк».

Л. Н. спросил, знает ли кто-нибудь его романическую историю.

М-г Мазон: Ничего не знают.

Л. Н.: И никто никогда не знал. Это для биографа важная сторона.— Л. Н. тоже помнит впечатление от «Слуг».— В них он тонко пишет про слуг.

Л. Н. посоветовал Мазону отыскать кого-нибудь из слуг Гончарова и расспросить про него.

---

* благовоспитанный (*англ.*).

— Я бы непременно постарался интервьюировать их,— сказал Л. Н.— Илья Васильевич про меня сумел бы рассказать.

Потом Л. Н. рассказал, что читал рецензию на Estaunier «La vie secrète». Думал, что самые задушевные мысли там описаны, а там пустяки. Разговорились про Анатоля Франса.

Л. Н.: Как это бывает, публика предписывает автору, что̀ писать. Я предписал бы Анатолю Франсу писать небольшие рассказы. Вы мне должны сообщить, какие еще есть французские писатели?

Мазон назвал Henri de Régnier [2], его рассказы из XVII века, René Bazin «La terre qui meurt».

Сергей Львович рассказал о новом рассказе Куприна, начинающемся словами: «Я убил» [3].

Л. Н. ушел к себе. Мазон стал прощаться: его ждет в Туле жена. Татьяна Львовна с Софьей Андреевной послали его в кабинет, где он еще с четверть часа беседовал с Л. Н.

Винт. Л. Н. хотел в 10.40 ложиться; тут привезли почту, и Л. Н. стал просматривать газету и письма — двадцать семь.

Сергей Львович: В «Русских ведомостях» «Письмо к индусу» *.

Л. Н. попросил «Русские ведомости», где оно появилось, и стал читать.

— Изложено недурно,— сказал Л. Н. и сразу рассмеялся.

— И только что вспоминаю, что̀ я тогда писал и теперь пишу то же, переживал те мысли, которые у меня были тогда, когда писал «Письмо к индусу» **. А тут рядом воспоминания артиста Ленского, очень смешно, и невольно смеяться хотелось (т. е. рядом с серьезными разъяснениями — пустяшные историйки) [4].

Л. Н.: «Наша газета» прекратилась: постоянные штрафы.

Л. Н. читал «Нашу газету» потому, что секретарем ее был Хирьяков и появлялось там больше, чем в других газетах, близко касающееся Л. Н-ча. Чертков главным образом туда направлял сообщения об Л. Н. и о том, что̀ Л. Н. интересует. В «Нашей газете» бывала и постоянная рубрика «Смертная казнь»: голоса против нее.

Л. Н. касательно «Письма к индусу» и своей нынешней работы:

— Все одно и то же пишу. Я так убежден в истинности того, что̀ говорю, что в этом одном спасение, и так мало оценено это. Это и хорошо, что работаешь, зная что плодов при своей жизни не увидишь, тем серьезнее и плодотворнее работа.

Сергей Львович говорил про Гершельмана, как он кассировал оправдательные приговоры, назначал новые суды; что он любил подписывать смертные приговоры; что он психически больной. Об одном таком деле рассказывал подробно.

21 апреля. Утром Л. Н. на балконе писал дневник. Илья Васильевич пришел доложить о просителях, какие ждут: окрестные старики, бабы. Л. Н. послал им меньше обыкновенного и сказал, что желал бы, чтобы перестали ходить. Вечером было восемь прохожих в продолжение получаса. Софья Андреевна рассказала, что она вчера говорила с двумя: потеряли работу, шли: один — домой, второй — искать новую.

Л. Н.: Говорят про благоустройство государства, а такое явление — это знак самой большой бедности.

Л. Н. говорил про американскую книгу против Single Tax *** Генри Джорджа. Вечером был у Л. Н-ча Ф. А. Страхов. Я застал их разговор

---

* С середины апреля московские газеты стали получать в тот же день, а не как раньше — на другой.

** Оно написано осенью, а напечатано только теперь.

*** единого налога (*англ.*).

на том, что Федор Алексеевич говорил, что он не умел побороть в себе ненависть к людям (врагам).

Л. Н.: Когда поборешь в себе это чувство, получишь такую награду внутреннюю, что хочется и в будущем так поступать.

Страхов рассказывал про В. Ф. Орлова: умер 71 года. Он был православный. Л. Н. очень любил его и как-то при нем его похвалил. Орлову это, очевидно, было неприятно, т. к. он был очень скромный человек, и он это отрицал. Он несколько раз уже говорил Л. Н., что пьет. Раз приходит человек доложить Л. Н-чу, что пришел Орлов, очень выпивши, и хочет его видеть. Л. Н. к нему сошел, и Орлов ему говорит: «Я вам говорил, каков я, ну вот, вы теперь сами посмотрите, коли не верите».

Л. Н. это всегда вспоминал с умилением.

Л. Н. сказал, что если бы он был здоров, он описал бы художественно этот тип [1].

Л. Н. написал хорошее письмо студенту о праве [2].

22 апреля. Л. Н. спросил вернувшегося из Кочетов М. С. Сухотина, что нового?

Михаил Сергеевич: Получил я циркулярное письмо — что делать октябристам ввиду усилившегося влияния крайне правых. Государь Маркова принял.

Л. Н.: Не боится антецедента* в Турции?

Михаил Сергеевич: Он поздравил нового султана (Магомета V) [1] и выразил ему свою радость. И президент французской республики, и Вильгельм, который был так дружен с Абдул-Гамидом — и он: «Радуюсь».

Михаил Сергеевич рассказал, что у них, в Новосильском уезде, разнесся слух, будто запасным нельзя отлучаться из дому: может быть, будет война, и начался вой.

Л. Н. удивился, как это воевать. Содержания уже нет никакого, одна форма. Особенно у нас. Только чтобы не отстать (от других государств).

Михаил Сергеевич удивлялся, что посланные в Персию два батальона не разбежались.

— Это у нас так, в Германии еще есть военный дух.

Л. Н. дал Михаилу Сергеевичу прочесть вслух из «Круга чтения» 21 апреля Дюма «Из письма» и слушал с восторгом, тронут [2].

За обедом Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Михаил Сергеевич, Николай Николаевич. Л. Н. спросил, кто такой Марков.

Л. Н. говорил, когда смотрел на дом Черткова:

— Мне кажется, что он так останется, опустеет, как завод на Косой Горе. Особенно теперь, когда торжествуют правые. Столыпин, если он политический человек, не сделает резкого против них. Хотя эти смертные казни... Но, судя о нем по характеру его отца, у него должны быть честность, благородство, так что он скорее повернет в эту сторону.

Михаил Сергеевич: И прямота у него есть, он не хитрит.

Л. Н. рассказал, что сегодня посетитель-крестьянин, показывавший свои стихи (Л. Н. ему сказал, что нехорошо осуждать, как он в них осуждает), вдруг ему сказал «дедушка», и это его расположило к нему.

— Но он, вероятно, пьет, лицо у него такое,— сказал Л. Н.— Впрочем, я, после рассказа Страхова о Владимире Федоровиче Орлове, к пьянству стал снисходителен. Пьянство — это, скорее, болезнь, и одержимы ею бывают часто люди хорошие.

Л. Н., ложась спать, сказал мне:

— Нынче я в «Круге чтения» читал прекрасную вещь, хотя оно и мое,— что как с пчелами нельзя обращаться иначе, как с осторожностью, так и с людьми иначе, как с любовью [3].

---

* происшедшего события — от франц. antécédent.

24(?) апреля. Приехал Дунаев. Л. Н. не в духе. За завтраком молчал.

Варвара Михайловна мне говорила, что Л. Н-чу художественное не удается [1]: сколько вещей начал — все бросил, а поучения, письма пишет легко.

А. Н. Дунаев рассказал про тиф в тюрьмах (в Ставропольской — 45% заключенных больны тифом), а со слов инженера Русанова, занятого на постройке железной дороги в Джульфу,— о резне армян татарами в Джульфе, о закавказских диких нравах: жизнь не ценится ни во что.

Л. Н. было тяжело чеканение фактов одного за другим, большинство их — обличающее правительственных лиц, и переводил речь на другие предметы, задавая вопросы Александру Никифоровичу: в чем состоят его занятия, когда они познакомились, умирали ли у него дети?

Разговор перешел на смерть. Александр Никифорович и Михаил Сергеевич рассказывали про ощущения, во время припадков грудной жабы, страха уничтожения. Л. Н. не помнил, что и у него была грудная жаба. Михаил Сергеевич рассказал про старушку, умирающую и лежащую пятый год по болезни сердца. Ее жизнь тяжелая, дочь ее ругает, говорит ей, пусть бы поскорее умерла, а она хочет жить и при такой жизни.

Л. Н.: Кто ее знает, какая жизнь хороша. Может быть, она ждет духовного пробуждения.

Михаил Сергеевич говорил, что есть смерти животные, например, внезапные.

Л. Н.: Духовное пробуждение — оно вне времени.

Александр Никифорович и Михаил Сергеевич говорили, как им жить хочется.

Л. Н.: Мне бывает стыдно, что мне иногда хочется смерти, освобождения от этого мерзкого скопления атомов. Марии Александровне тоже. Старость подготовляет к ней.

Ночью Софья Андреевна и Александр Никифорович уехали в Москву.

25 апреля. Утром Л. Н., по обыкновению, ел яблоки. Я пришел перевязать ему пятку, натертое место, чернеющий волдырь, и просил его сегодня не выходить гулять. Л. Н. согласился.

Пополудни приехал Андрей Львович; с 3-х до 3.45 был в кабинете у Л. Н.

Утром был у Л. Н. 26-летний плотник из Симбирска, трогательный. Он хотел спасаться, поступил в киевский монастырь. Но то, что там видел (Л. Н. даже останавливал его, когда тот рассказывал), его огорчало, вышел из монастыря. От егеря, который учит собак, получил книжки Л. Н-ча и теперь по пути заехал к Л. Н. Сочувствующий.

За обедом Татьяна Львовна рассказывала про «Семейную хронику» Аксакова: как тогда были все одинаково патриотические, одинаково одевались. Л. Н. не соглашался:

— Это так кажется.

Татьяна Львовна хвалила простой русский язык Аксакова — незаметен, не переходит ни в ту, ни в другую сторону, нет изобилия иностранных слов.

Л. Н.: Карамзин ввел слова, которые нас и теперь поражают: например, «начало» (принцип).

Михаил Сергеевич: Ведь они хороши.

Л. Н.: Произвольны.

Л. Н. не мог вспомнить «Семейной хроники» и хочет прочесть ее. В библиотеке есть книга с надписью автора Л. Н-чу.[1]

Винт. Говорили о том, что́ стали писать левые газеты, что усилилось влияние правых. Л. Н. спросил, в чем проявляется.

Александра Львовна ответила, что в принятии Маркова государем.

Л. Н. раздеваясь говорил:

— Нынче двадцать одно письмо. Я читал все, надеясь, что будет хоть одно интересное. Ни одного: большинство просительных. Вы говорили, что у буддистов есть приказание «Не лги», я прибавил бы: «Не проси». Когда нищий с сумкой просит, понятно. Но просить для себя исключительного, когда знаешь, что в таком же положении тысячи других, почему же себе требовать преимущества? Это наивный эгоизм.

26 апреля. Пополудни входил к Л. Н. перевязывать. Он прочел мне вслух из книги Лозинского о безработице в Нью-Йорке. По статистическим данным, с 1878 (?) г. из 300 000 организованных рабочих было безработных 100 000 [1].

Л. Н. сегодня очень мягкий и радушный. Был посетитель-проситель. Л. Н. написал опять новое письмо — ответ-циркуляр просителям [2].

У Чертковых был урядник, вызывал на допрос Зайцева, начальника ясенковской почты и других.

Л. Н.: От Владимира Григорьевича получил письмо о том, что просьба Столыпину подана. И Л. Н. думает, что эти допросы — в связи с расследованием по поручению Столыпина [3].

Вечером винт.

Я спросил, чем христианское учение выше или полнее буддийского, сказав, что в буддизме нравственное учение даже полнее: есть «говори правду». Л. Н. ответил, что это у Конфуция хорошо и подробно изложено; что оно не выше, оно одно и то же, а только оно позднее, и в нем определенно выражено непротивление злу — что не может быть никаких исключений из любви (к людям). И говорил, что в легенде Кришны, которую переводит с Николаевым, Кришна убил демона (?), врага божественного учения (?), но тут же оговорка, что не сам Кришна убил его, а он дал только согласие убить его окружающим его злым духам.

Л. Н., помолчав, продолжал, что богословы так, как с ним, поступали с буддизмом: «Он безбожник». Показывали на одну сторону его, отличную от христианского учения, а не на то, что одно и то же в обоих, христианском и буддийском учениях.

Я сказал Л. Н-чу, что, когда я читал «Subhadra Bhikschu Buddhistischer Katechismus» [4], непременно принял бы буддизм, если б уже не знал его, Л. Н-ча, писаний.

Л. Н. спросил, знает ли он эту книгу, и попросил достать ее. Может быть, годится для составляемой им книжки о буддизме для Ивана Ивановича.

Л. Н. вспомнил вчерашние рассказы Дунаева о приаракских татарах, об их дикости, и сказал, что они не все такие, что, должно быть, есть между ними просвещенные, добрые.

27 апреля. Понедельник. Была Ольга Константиновна, утром уехал М. С. Сухотин совсем, в Кочеты, осталась Татьяна Львовна с Танечкой. Также уехал ночью прибывший из Петербурга М. М. Сухотин.

Л. Н. плохо себя чувствовал: слабость, головная боль, изжога. Весь день ничего не ел; вечером даже не пил — не хотелось, и Л. Н. сказал, что слушается инстинкта: он не обманет. Писал очень много — между прочим, письмо Черткову; оно не копировалось, взяла его с собой Ольга Константиновна [1]. Винта не было. Л. Н. лег в 10.40.

28 апреля. Л. Н. полторы суток не ел.

Л. Н. рассказал, с каким удовольствием читал книгу Legge про Ми-ти. Читал ее уже давно, теперь читает снова [1]. До Ми-ти был такой учитель, мудрец, который проповедовал, что жизнь — зло. После него такой другой — Санин, что жить надо в свое удовольствие. Ми-ти же учил, что надо людей любить, как отца, детей, жену. Конфуций, проповедовавший учение, что надо жить для семьи и для государства, опроверг учение Ми-ти, и оно было заглушено учением Конфуция.

Л. Н. с восторгом говорил про Ми-ти.

Днем уехала Мария Александровна. Вечером Татьяна Львовна сказала, что в Петербург поедет третьим классом из принципа и экономии. На следующий вечер опять о том же говорила. Л. Н. ей сказал, что он бы ей доплатил за второй класс, хотя одобряет принцип.

Утром приехал Киссель, 23-летний банкир, музыкант из Нью-Йорка, правнук Вандербильтовой. Татьяна Львовна познакомилась с ним за границей; приехал учиться музыке в Москву. Приятный, с уважением к Л. Н. относящийся, с вниманием слушающий его, умный.

Л. Н. говорил с ним довольно много, и в шахматы играл, и сыграл ему на фортепьяно свою композицию, и вписал ему в его дорожное Евангелие: «Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас...», и дал ему свой портрет, и вообще был с ним очень любезен, как старые люди к сынам своих друзей бывают. Но это, может быть, оттого, что бывает мало гостей; может быть, оттого, что Л. Н. решил, что скоро ему помирать: у него обе пятки болят, и я с неделю предостерегаю его от излишних и резких движений, и вчера показал ему и на правой ноге пятно черное, о котором он не знал. Л. Н. принял это за несомненные симптомы гангрены стариковской, о которой мы не раз говорили, когда он недавно обрезал себе ноготь на ноге и не хотел обращать на это внимания, перевязать рану. При заболевании левой ноги говорили о возможности гангрены, если рана, пузырек черный, воспалится.

Л. Н. сегодня Татьяне Львовне и у Чертковых рассказал, что у него гангрена обеих пяток. Переполох среди Чертковых, Страховых, Николаевых и наших. Александра Львовна меня горько упрекала, за то, что я ей о своих предположениях касательно здоровья отца не говорю.

Л. Н. с Кисселем о Генри Джордже, о книге Филлебрауна «The ABC of Taxation», о литературе современной американской и английской. Л. Н. спрашивал Кисселя, кто выдающиеся американские писатели из живых. Он назвал двух женщин: миссис Хамфри Уорд и еще кого-то. Киссель спрашивал мнение Л. Н. о Бернарде Шоу. Л. Н. ответил, что он ему не нравится: «He likes to be eccentric, not natural» *.

Л. Н. рекомендовал Кисселю «Круг чтения» по-немецки: «Das wird Sie härten in Ihrem moralischen Fortschritt. Sie sollen es aber nicht nur kaufen, aber auch mir zu lieb täglich lesen» **. В Евангелии, которое было у Кисселя, слова Христа были напечатаны красным шрифтом. Это Л. Н-чу очень понравилось: какие англичане практические люди!

Л. Н. ездил с Михаилом Сергеевичем к Чертковым, и там, где в воротах лужа — глубокая промоина, сломалась коляска. Пришлось им идти к Чертковым пешком. Л. Н. рассказал, смеясь, что Николаев упрекал кучера: ведь видит ворота, зачем туда едет — есть объезд. Это вроде: «Вот и барин: видит мост, да так на него и прет!»

В 10 часов вечера Киссель уехал в Москву: он хочет там пробыть три месяца, учиться музыке у Гольденвейзера. И решить, отдаться ли ему музыке или бизнесу. Его отец — банкир. Л. Н. за обедом предложил ему поесть *киселя*, намекая на его фамилию.

С 7—8 вечера Киссель играл сперва что-то (американское?), не понравившееся Л. Н., потом Шопена, Бетховена, Грига.

Вечером в 10 часов Николай Николаевич прочел вслух смешное письмо к нему одного пьяницы, писавшего раньше Л. Н-чу.

29 апреля. Пополудни Л. Н. принес письмо студенту «О праве», над которым работал больше недели, с последними поправками:

— Я теперь это окончательно кончил и больше не буду.

---

* «Ему нравится быть эксцентричным, ненатуральным» (*англ.*).

** «Это укрепит вас в вашем нравственном движении вперед. Но вы должны не только купить его, но, чтобы сделать мне приятное, читать каждый день» (*нем.*).

Вечером в 9 часов Л. Н. спросил меня:

— Что читаете?

— Меньшикова: о праздновании столетия Гоголя, открытии ему памятника в Москве.

Л. Н.: Я не могу читать о Гоголе, скучно.

Татьяна Львовна переспросила:

— Не можешь читать Гоголя?

Л. Н.: Не Гоголя, а о Гоголе. Меньшикова как-нибудь прочту.— Быстро, минут в четыре-пять просмотрел, прочел всю статью и сказал: — Гадко. Пишет, что еврейчики, князьки (Евгений Трубецкой) присваивают его (Гоголя) себе, а он (Гоголь) не либерал, а самодержавец, черносотенец настоящий [1].

Л. Н. спросил Татьяну Львовну, знает ли она Лопухина.

— Очень хорошо.— И охарактеризовала его как ограниченного, тупого, и добавила:— Он хотел облагородить то место, которое занял.

Л. Н.: Я понять не могу, зачем его судят? что это — государственное преступление, что он это раскрыл? Ехал в вагоне с Бурцевым, и Бурцев сказал ему, что подозревают Азефа в шпионстве, и спросил, правда ли, что Азеф шпион. Потом потребовали от него ⟨подтверждения⟩, даже пришли к нему двое с угрозой. Лопухин подтвердил [2].

Татьяна Львовна покряхтела, что уезжает, а на порученные ей Л. Н-чем для ответа письма еще не ответила. Л. Н. сказал ей, чтобы передала их Гусеву, что он, Л. Н., ответит на них. Татьяна Львовна сказала, что подержит их до возвращения и сама ответит, пофилософствовала, что письма, как ни не хочется — очень нужно писать.

Л. Н.: Иные нужно, иные — бесполезная потеря времени.

И Л. Н. рассказал, как студент, член христианского союза студентов, верующий в искупление, ответил ему на его ответ длинным письмом, в котором доказывает свое. Ему отвечать было совсем напрасно [3].

Л. Н. смотрел гоголевский номер «Искр» [4]. В нем маска, снятая с Гоголя после кончины.

— Ах, какая эта маска страшная,— сказал Л. Н.

Татьяна Львовна: Зося пишет, что ты, хваля «Коляску», забыл про «Шинель».

Л. Н.: «Шинель» — превосходный рассказ.

Татьяна Львовна посоветовала Л. Н. прочесть «Мертвые души». Л. Н. согласился, что надо: тема «Мертвых душ», данная ему Пушкиным, хороша. И он (Гоголь) — подходящий на исполнение ее. Это большая картинная галерея. У него нет завязок, сплетений этих лиц. Л. Н. спросил, почему на днях исключили Колюбакина и Косоротова из Думы. Л. Н. спросил Татьяну Львовну, знает ли она о его отношении к А. А. Столыпину, которому Л. Н. написал по поводу отстаивания им смертной казни, что это стыдно [5].

— Какой болтун! Я нынче прочел его статью (о «Вехах») в «Новом времени»: ничего понять нельзя, а ловко написано, можно прочесть [6].

Л. Н.: Поша пишет, что Loyson, который написал драму и присылал мне ее, пишет о праздновании Ламеннэ: желают меня в члены комитета. В смысле формальности никак принять не могу, но выскажу мнение о нем. У него нет суждений, а прямо чувство, которым я очень дорожу [7].

Л. Н. говорил как-то, что святой человек удерживает то, что у него было в детстве. Л. Н. посмотрел еще огромный портрет Гоголя работы Моллера на передней странице «Искр».

Л. Н.: Приукрашенный.

Татьяна Львовна: Слизано.

30 апреля. Приехали Пастернак с женой и скрипач Могилевский концертировать. Здесь Молочников. На концерт приехала Ольга Кон-

стантиновна и встретилась с прибывшими Андреем Львовичем и Екатериной Васильевной. Екатерина Васильевна сама пошла к Ольге Константиновне, и поговорили наедине, и пожалели друг друга. За обедом разговаривали. Л. Н-чу мутило душу от этой неожиданной встречи, жалко было его, как конфузился: разговаривал принужденно, рассказывал каламбуры, анекдоты; после завтрака дал прочесть вслух оконченное вчера письмо студенту «О праве». Читал сначала Молочников, потом Гусев,— очень хорошо, так, как если бы читал свое сочинение. Пастернак, бывший юрист, рассказал про своего сына, поступившего на юридический факультет, что неудовлетворен jus'ом * и переходит на филологический факультет [1]. Разговор об университете.

Л. Н.: Дело университетов состоит в том, чтобы оправдывать отжившие основы жизни. Это хуже для молодого человека, чем для девушки — проституция.

Пастернак: Я думаю, что не университеты виноваты. Ведь суеверий становится со временем все меньше и меньше.

Л. Н.: Нет, нет. Есть такие периоды, когда люди потеряли основы жизни; тогда есть желание оправдать свое положение отжившими ⟨основами жизни⟩.

Пастернак в деле Лопухина — Азефа нападал на правительство, Столыпина.

Л. Н.: Столыпин, по отцу судя, должен быть честный человек, а он — заблудший (как Нерон). Основы, принципы виноваты, а не люди. Это суеверие — устраивать жизнь других.

Вечером жена Пастернака с Могилевским концертировали. Пастернак карандашом рисовал Л. Н. **

1 мая. За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Варвара Михайловна, Молочников, Николай Николаевич. Молочников рассказал про яснополянскую вдову Курносенкову, жаловавшуюся ему, что к ней заходят нищие (т. к. у нее каменная изба), а ей самой с детьми нечего есть — не то что подавать. Еще рассказала, что я советовал ее мужу на свежем воздухе бывать, а он в избе мерз. Я заметил, что этого не советовал: муж ее был болен воспалением почек — наоборот, нужно тепло.

Л. Н.: Это сказала для красоты слога.

Молочников говорил про собрание вегетарианцев, на котором была и Разумникова; дочь ее не хотела кончить гимназию, т. к. совестно ей пользоваться дипломом. Софья Андреевна осуждала ее, говоря, что это мелочи. Л. Н. возразил, что нехорошо осуждать мнение чужое. Что мелочи? Где граница того, что не совестно делать? Право каждого ставить границу. Прокурору, Столыпину — мелочь подписать приговор к смерти, т. к. и без них будут приговаривать.

Разговор о Диме, что его в Англии хотели отдать в техническое училище. Не отдали потому, что там устав, связывающий свободу учеников, которому Дима не подчинился бы. Не только начальство, а ученики сами уставом и исполнением его требований очень дорожат.

Л. Н.: В Англии общественное мнение заодно с мнением правительства, и мнение правительства — с общественным мнением. Последнее же — выраженное мнение большинства.

---

* наукой права (*лат.*).

** Со слов В. А. Молочникова (1916 г.):

Когда он в 1909 г. приехал из тюрьмы в Ясную Поляну, сидели за столом. В это время Александра Львовна принесла снимок фотографический с Л. Н.; оказался портрет, поразительно похожий.

— Это для вас убийство,— сказал Л. Н. присутствовавшему здесь Пастернаку.

— Почему?

— Вы должны стать выше, иначе вас фотография вытеснит.

— Да, выше, Лев Николаевич, непременно выше.

Разговор о политическом перевороте в Турции.

Л. Н.: Турецкая конституция нисколько не улучшила положение. Разница только, что властвовал один, а теперь — многие.

После обеда приехал Сергей Львович. Л. Н. с ним — одни в зале — долго разговаривал. Мы играли в городки.

Длинный, оживленный разговор о выставке 68 картин Поленова из жизни Иисуса. Видели ее Софья Андреевна, Сергей Львович и Молочников. Некоторые картины очень хороши. Поленов пишет Христа в той обстановке, в какой протекала его жизнь; избегает мистического.

Пришел С. Д. Николаев. Он рассказал, что видел картины Орлова для церквей — шаблонные, но производят очень сильное впечатление [1].

Разговор о вегетарианстве, о количестве белков. Лет 20 тому назад физиологи считали нужным принимать от 90 до 120 граммов белков, теперь — от 30 до 60-ти. Я приводил пример индийских мудрецов, скудно питающихся одним рисом, и сказал, что нельзя считать работу крестьянина ниже умственной работы интеллигента. Последнее Сергей Львович признавал: и тут при мускульной работе — работа нервов. Говорил об опытах ученых.

Л. Н.: Кто вычислит, почему при мускульной работе меньше тратится белков, чем при умственной? Ведь не выделишь одной функции, ведь во всем сложные.

Сергей Львович про разбираемое судом дело Лопухина — Азефа: председатель не дает высказаться Лопухину, останавливает его.

Л. Н.: У меня впечатление, что он честнее тех людей, среди которых он служил и которые его судят.

Сергей Львович: Но он был трус. Из трусости сказал об Азефе революционерам.

Л. Н. о письме еврея. Начало по-еврейски, продолжение, конец по-русски о том, что все Христово учение находится уже в Библии [2].

Л. Н. о раввине Миноре, что он был очень милый человек и очень близкий ему по взглядам.

О «Круге чтения». Молочников сказал, что это наиболее глубокое из всех произведений Л. Н.

Л. Н. согласился:

— Художественное прочитаешь раз, «Круг чтения» — каждый год с бóльшим вниманием.

Сергей Дмитриевич не согласился: «Крейцерова соната» тоже производит глубокое впечатление и «Соединение четырех Евангелий» — особенно двенадцатая глава.

Л. Н. сказал, что он, может быть, грешен патриотизмом, но что у каждого русского человека есть сомнения об истинности вероучения православного, и он рад, когда разрешает эти сомнения.

Николаев о своих попытках перевести статьи Л. Н. о Генри Джордже на малорусский язык. Рукопись застряла в редакции.

Л. Н.: Я очень люблю читать серьезное на хохлацком языке.

О статье И. И. Горбунова в «Новый Руси» о том, чтобы вместо ставленья памятников Гоголю основывали библиотеки его имени. Иван Иванович разослал эту статью, по примеру Черткова, в один день всем газетам. Когда не требуют гонорара, нет обязательства по отношению к присланному. Напечатала одна «Новая Русь» [3].

Л. Н.: Вопрос, чем руководиться при составлении библиотеки. Обыкновенно руководствуются модным текущего времени, восхваленными пустяками.

О книгах Лозинского.

Л. Н.: У Лозинского критическая сторона прекрасна, а положительная сторона слаба.

Л. Н.: Сколько жертв принесено революции! Сегодня получил письмо крестьянина, отсидевшего три года за распространение революционных книг. Его брат разорван бомбой, которую сам метал; другой брат за экспроприацию повешен.

Николаев говорил, что разговаривал с крестьянами о земле.

Л. Н.: Им обещали, что земля отнимется у помещиков и отойдет к ним, и они неохотно принимают решение по Генри Джорджу. Когда я говорю с крестьянами про землю, я говорю, что надо зачерпнуть глубже: религиозная постановка вопроса. Русский народ — у него есть здравый смысл — воспринимает истину, дорожит ею больше всего.

Сергей Львович уехал в 11. Л. Н. остался в зале до 11.30; беседа очень задушевная.

2 мая. Во время завтрака Л. Н. беседовал с Молочниковым и Страховым. Л. Н. поехал верхом к Марии Александровне, но по пути счел благоразумным вернуться из-за боли в левой ноге ниже икры и в обеих пятках. Приехали Мария Александровна и Ольга Константиновна с детьми. За обедом Молочников заговорил о выставке Поленова — картины Христа. Софье Андреевне эти картины Христа Поленова лучше нравятся, чем Ге, и она ставит Поленова выше Ге.

Л. Н.: У Ге совсем другая задача — показать страдания. Ге старался выразить те чувства, которые перечувствовал Христос. А у Поленова внешняя обстановка.

Молочников спросил Л. Н-ча, сколько он спит.

Л. Н.: Сплю пять-шесть часов ночью. Если меньше пяти, то мне мало, днем — час. Когда поправляюсь — восемь часов. Когда сплю мало, бываю способнее к работе.

Молочников заговорил о «Своде».

Л. Н. сказал, что если бы его писания заслуживали того внимания, которое им уделяют Чертков и Страхов, то придумать таких двух людей, как они, нельзя было бы. Чертков отдает все свое время работе. Страхов такого философского ума, религиозно чрезвычайно чуток и притом скромен. Единственно, в чем можно упрекнуть Страхова — что харчи ему на пользу идут.

Молочников рассказал о каторжнике в тюрьме Старой Руссы — решительном, настойчивом; он в цепях, в одиночном заключении. Когда ему дал «Мысли мудрых людей», он успокоился. При обыске отняли у него эту книжку, т. к. не полагается ему. Но после некоторого времени вернули.

Л. Н.: Это трогательно. Ему из жалости вернули. Все — люди. Одиночное заключение страшно для людей, живущих внешней жизнью.

Молочников рассказал про двоих в новгородской тюрьме, которые не вставали, когда входило начальство, и которых строгий начальник новгородской тюрьмы приговорил к карцеру на 80 дней *. Вышли исхудалые, бескровные.

Л. Н. рассказал с вдохновением про книгу J. Legge о китайских философах, предшествовавших Ми-ти. Один из них был своего рода Санин, эпикуреец — не Эпикур. Эпикур гораздо глубже. Ми-ти проповедовал всеобщую любовь ко всем; говорил, что люди — добрые. Мэн-тзи говорил, что люди злые, и надо карать их; опровергал Ми-ти, между прочим, таким аргументом: если бы люди были добрые, то не нужно было бы благоразумных властей, царей, а признание необходимости властей у Конфуция, Мэн-тзи — аксиома. И потому нельзя допустить, что природа людей — добрая [1].

---

* Четыре раза на 20 дней — с промежутками от одного до нескольких дней.

Л. Н. говорил, что для маленьких изданий Горбунова — десять книжек за шесть копеек — готовит выборки из «Круга чтения»: о страдании и болезни, о Кришне, о Конфуции [2].

Потом сказал, что часто получает обратительные письма: и жалко, и смешно, и обидно. Молочников говорил, что баптисты, которым он дал Евангелие Л. Н-ча, сожгли его. Л. Н. удивлялся: «Если бы Критику богословия — (другое дело), а Евангелие... Я беру одну сторону — учение и пропускаю чудеса».

Л. Н. говорил о таком обратительном письме, в котором его упрекают, что он против пения, а ведь в Евангелии сказано, что ангелы пели.

— Это довод вроде довода Мэн-тзи. Если что вытекает из слов Евангелия, то уж против нельзя говорить.

3 мая. Были Мария Александровна, Ольга Константиновна с детьми, Молочников. Вечером вернулась Татьяна Львовна из Петербурга, где хлопотала за Черткова. Ждали ее, как Мессию. Все собрались в зале, и она рассказывала: Столыпин — худой, бледный, усталый. Принял ее вне очереди, первую из пятидесяти, в первый приемный день после возвращения из Крыма. Она защищала Черткова от обвинений тульской администрации, будто он революционизирует молодежь. Столыпин же, между прочим, сказал, что Чертков для правительства опаснее революционеров. Тем самым высказал точку зрения, с которой преследуют приверженцев Л. Н. До сих пор их около полутора десятка: Бодянский, Калачев, Гусев, Молочников, Бирюков, Чертков, Хилков, Фельтен, Сутковой, Картушин, Накашидзе и т. д., кроме отказывающихся от военной службы — около 20—30-ти.

Л. Н. раньше не ожидал смягчения участи Черткова. Еще до возвращения Татьяны Львовны, сказал Марии Александровне, что par le temps qui court * очень трудно представить себе, чтобы они — правительство — опомнились. Был все-таки огорчен, что Черткова оторвали и не возвращают, и высказал свое неодобрение, стыд перед хлопотами у правительства за него:

— Ваню просить, чтобы помиловал Софью Андреевну! Столыпин говорил: «Пересмотрю дело», чтобы отделаться, и сказал себе: «Слава богу», когда Таня ушла.

Молочников об Л. Н. после беседы Татьяны Львовны о ходатайстве в Петербурге:

— Насколько Лев Николаевич взыскателен к себе, настолько он снисходителен к другим.

Татьяна Львовна рассказала, какое впечатление произвело осуждение Лопухина (по делу Азефа) на пять лет каторги. Все, и консерваторы, возмущены. Главное, тем, что председатель суда Варварин, сенатор, не позволил ему высказаться.

Л. Н.: Лопухин раскрыл, какую правительство совершает гадость (сыск, агенты, провокаторы), а вместо того чтобы это замолчать, замять, его судят.

Л. Н.: Они заботятся о государственности России, а все это кончено. У меня не выходит из головы, что́ рассказал Душан Петрович: японцы с 1904 до 1909 года так увеличили войска и перевооружились, что немыслимо с ними воевать. У них и воодушевление, а у нас отвращение к войне.

Татьяна Львовна говорила, как Стаховичи (они прежде так благоговели перед царем) теперь в отчаянии: «Что он делает! Всё обещает реформы, а не дает». Татьяна Львовна рассказывала про Стаховичей, Олсуфьевых, Черткова и его мать, Льва Львовича и его семью, тетю Кузминскую и дру-

---

* в нынешнее время (*франц.*).

гих, которых видела. Л. Н. о Стаховичах говорил с благодарностью за их любовь к нему, как охотно и точно они исполняют все его просьбы, поручения.

Татьяна Львовна о восьмидесятилетней княжне Дондуковой-Корсаковой: она всё раздала, живет бедно, больна раком груди и очень страдает от болей. Чертков с ней дружен. Татьяна Львовна о книге «Вехи», что в Петербурге во всех домах есть.

Л. Н. сказал, что если бы какой-нибудь корреспондент приехал, он отдал бы ему то, что написал по поводу «Вех». По поводу иностранных слов и целых фраз, составленных из них, которыми изобилуют статьи в «Вехах», Л. Н. заметил:

— К стыду своему, я понимаю эту игру слов.

Николай Николаевич: Все-таки в «Вехах» есть хорошее.

Л. Н. согласился.

Татьяна Львовна вспомнила прежнюю свою поездку к Победоносцеву в Петербург по делу молокан, у которых отняли детей [1].

— Он все-таки не такой противный был человек,— проронила о Победоносцеве.

Александра Львовна в «Русском слове» прочла, что во время облавы на Савицкого, атамана разбойников в Черниговской губернии, он был убит.

Л. Н.: Он своим примером многих увлекал, своим молодечеством.

Л. Н. с Марией Александровной говорили о самоубийствах, об интеллигентной молодежи, как она запуталась. Интеллигенты живут в трехэтажных домах, пользуются электричеством, читают всякую всячину и ею наполняют головы, в которых не остается места для ясного, простого склада мыслей, что есть у людей, живущих свойственным людям земледельческим трудом.

Л. Н.: Как хорошо жить! Но, когда видишь ларинскую старуху [2], то видишь, что не всем хорошо. Бываешь недоволен, когда тебя беспокоят (прохожие, нищие). А тебе эти нравственные уроки нужны. Сегодня утром я записывал в дневник; пришли бабы, потом мужик издалека, стал на колени: «Помогите, спасите, земский отнял половину земли, укажите, как ее назад добыть». Я спросил его, в чем дело, он опять: «Спасите, помогите», не рассказал и не уходит. Потом я встал перед ним на колени и просил его уйти. Ушел.

По какому-то поводу разговоры о банках. Л. Н. сказал, что ему только сейчас уяснилось, что банки — форма насилия. Платят проценты потому, что насилием взимают их с должников, без насилия не платили бы: без него банки давали бы в долг только тому, кому верили бы.

4 мая. Л. Н. ездил верхом к Марии Александровне, я за ним.

С конца февраля до начала мая Л. Н. лежал и сидел вследствие воспаления расширенных вен на левом берце. Всего пришлось ему выйти из дому раз семь. Осмелился и верхом ездить, но натер обе пятки и опять должен был лечь. Наконец, в первые дни мая начал ездить шагом на Делире, старой, но еще горячей полуарабской лошади. Место, которое было воспалено, еще чувствительно.

Сегодня Л. Н. вышел на конюшню, сам сел на лошадь, натянул поводья и направился двором, потом садом — к пруду, по плотине — к столбам и выехал на старую Московско-Киевскую дорогу; по ней до березняка, который вправо от нее под самым шоссе; прошел через березняк, потом пересек новую Киевскую дорогу (шоссе) и взял влево через лес Засеку — через так называемые Мурыгины кусты. Надо было перейти через несколько перекопов, ручейков; мне, ехавшему за ним в 200 шагах, нигде не пришлось видеть, чтобы через них переходил, везде перепрыгивал, не мог себе не позволить джигитовать.

ТОЛСТОЙ, А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР, Л. Л. ТОЛСТОЙ И И. И. МЕЧНИКОВ У ЧЕРТКОВЫХ
Телятинки, 30 мая 1909 г.
Фотография Т. Тапселя

Интересные разговоры между Л. Н. и Мечниковым были утром. В общем, Л. Н-чу Мечников был интересен своей живостью и как старик; Л. Н. любит стариков».— Запись от 30 мая 1909 г.

Л. Н. еще два года тому назад так ездил верхом, как будто бы ему было 25 лет. Из Ясенок, где жили Чертковы, до дома в Ясную Поляну за 18 минут (5 верст).

Раз мы его встретили, когда так быстро ехал. Варвара Михайловна ему крикнула:

— Прощайте, Лев Николаевич, я уезжаю.

Л. Н. так быстро остановил лошадь и повернул, что это было удивительно.

Или раз, года три тому назад, показывая незнакомые места в Засеке, ездил рысью молодняком и поворачивался под прямым углом между деревьями.

Сегодня тоже давал лошади волю, особенно, где были кручи. Л. Н. догнал мужика, пошел рядом с ним, поговорил с ним.

Дошли до глубокого, очень глубокого оврага перед полотном железной дороги. Когда спустились на дно, Л. Н. посоветовал взяться за гриву лошади — и вскачь на кручу, и сам так сделал. Моя лошадь к самому верху устала, и, не будь деревьев, за которые я хватался и так помогал лошади пройти еще несколько шагов до ровного места, по всей вероятности, опрокинулся бы с лошадью.

Доехали до хутора овсянниковского, куда сегодня должен был приехать И. И. Горбунов с семьей, но их еще не было. Встретила нас Мария Александровна. Л. Н. говорил с ней, не слезая с лошади, поручил ей сказать Ивану Ивановичу, что готовит ему гостинец: «Кришну» и «Конфуция».

Рассказал ей, какой человек сегодня посетил его: крестьянин из Харьковской губернии; сам пришел к новым убеждениям; раньше выпивал, был драчун, теперь бросил: прочел «Христианское учение», «Евангелие», «Критику догматического богословия».

Л. Н. вернулся тою же дорогой домой. Дойдя до сада, пускал лошадь через живую ограду по несколько раз, но лошадь не шла, лишь в одном месте прошла. Л. Н. пришлось ноги приподнять. Дома ожидал его посетитель. Л. Н. пишет много. С нового года написал около 80 писем и восемь статей. Читал Будду и об интеллигенции.

За обедом разговаривали о приехавшем утром харьковском крестьянине. Николай Николаевич передал рассказ крестьянина. Он ехал с поповичем, бывшим семинаристом, который по убеждению не мог идти в священники, а пошел в учителя. Ихний старый священник с ним спорил, нынешний молодой не спорит, а говорит про учение Л. Н-ча: «С этим спорить нельзя». «Православию конец»,— говорил крестьянин.

Л. Н.: Тем горячее заступаются за православие в последнее время те, которые остались православными.

Еще сегодня был посетитель, совсем расстроенный умом, помешан на царе.

В семь часов вечера приехал из Москвы, куда ездил депутатом из Белграда на открытие памятника Гоголю, И. Г. Максимович, учитель гимназии в Белграде, с 12-летним сыном. И. Г. Максимович, уезжая из Москвы, не мог не заехать в Ясную Поляну, такое непреодолимое желание было у него. Но вместе с тем не хотел беспокоить Л. Н., удовлетворен был тем, что доехал сюда и увидел места, где живет Л. Н.; о большем и не мечтал: хоть издали посмотреть на Л. Н. Я ему очень обрадовался, я ожидал кого-нибудь из славянских депутатов с гоголевских торжеств. И раньше, чем рассеять скромность и застенчивость Максимовича, побежал наверх к Л. Н. известить его о прибывших гостях.

Л. Н. уходил из залы и попросил их к себе в кабинет. Приглашение застало врасплох Максимовича. Ему совестно было беспокоить Л. Н., но радушный прием Л. Н. сразу ободрил его. Л. Н-чу он тоже сразу понравился своей простотой, прямотой, говорит хорошо по-русски; 12-летний сынок Радивой, умный, любознательный мальчик, тоже знает по-русски. Иован Георгиевич еще вязнет в политическом мировоззрении: у них свобода печати, все можно писать и говорить, кроме подстрекательств к убийству короля. А о России сказал: «Здесь дышать нельзя». О чуть было не вспыхнувшей войне из-за Боснии говорил, что сербский народ сначала не желал воевать, что это был гипноз, росший на глазах. Одна торговая газета создала это настроение. Л. Н-ча спросил, помнит ли, что он переписывался после 1878 г. с сербским священником из Венгрии — Кумановичем. Куманович, прочитав «Исповедь», сообщил ему о назаренах.

Иован Георгиевич спрашивал Л. Н., правда ли, что Фет от него отшатнулся, узнав его христианские взгляды. Л. Н. сказал, что нет. Фет всегда заискивал перед ним: он был хороший поэт, но во многих областях ограниченный человек. Показал на его портрет, висящий над диваном, ниже портретов Тургенева и Ковалевского (казанского знакомого юных лет), Некрасова и Иславина («родственника моей жены») и сказал:

— Фет любил говорить парадоксами, а это было auf die Länge * тягостно.

Л. Н. спрашивал про сербских крестьян. Иован Георгиевич интересно рассказывал. Л. Н. переспрашивал о них. Между прочим, Иован Георгиевич сказал, что они от чтения газет становятся спорщиками. Они из газет видят, как спорят господа, и, считая это не худым, подражают им

* в итоге (*нем.*).

и тоже спорят между собой. Нехорошее влияние газет; у них их очень много. Ежедневных газет в Белграде (75 тысяч жителей) около 18, и полны политики и партийности.

Л. Н-ча удивило, что в Сербии книги печатаются не больше как в 1 000, 2 000 экземпляров. Исключение — издание сербской «Матицы» — 7 000. Поощрял Иована Георгиевича выпускать издания «Посредника» для народа — по-сербски. Иован Георгиевич говорил, что это и его желание, и сказал, как он в 1889 г. перевел все народные рассказы Л. Н. и сербская «Матица» стала их издавать тоненькими книжками, но после третьей остановил издание [1], т. к. карловацкий епископ восстал против них, утверждая, что это назаренство. А назаренство у них пугало, проклято.

Л. Н. спрашивал, есть ли у них социализм.

— Мало, так как фабрик мало.

Л. Н. спрашивал, есть ли у них интеллигенция как особая каста, как в России, где, кроме правительства и чиновничества, дворян, есть обособленная «интеллигенция», считающая себя выше народа и с высоты смотрящая на него.

Иован Георгиевич сказал, что у них, в Сербии, нет, а есть лестница более и менее образованных, но все они — от короля до писаря — крестьяне, либо их отец, дед были крестьянами.

Л. Н. спросил про грамотность.

Иован Георгиевич: Есть, но внешняя: умеют прочесть повесть, газету, подписать вексель.

Л. Н. спрашивал о религиозности, о назаренах. Иован Георгиевич говорил, что народ неверующий, в церковь ходят по воскресеньям два-три старика, другие — только в главные праздники. И сами священники — люди мирские, занимаются и другими делами; рассказывал и о таком случае: священник заодно и кабатчик. О назаренах говорил, что их больше в Венгрии, а в Сербии сравнительно мало, но и сейчас сидят за отказы от военной службы в Белграде, Крагуеваце и инде.

Л. Н. говорил, что, хотя он старается не быть патриотом, есть в нем патриотизм, народничество, славянофильство; он думает, что славяне ближе к христианству, чем другие народы. (Я присутствовал только при трети разговора.)

Радивою Л. Н. хотел угодить чем-нибудь: думал сперва фонографом, потом показал ему машинку для чинки карандашей, а на прощание подарил ему «Учение Христа для детей» с надписью.

В 9 часов вечера я повел их к Чертковым. Там Иован Георгиевич разговорился с Ф. А. Страховым, сочинения которого знает.

5 мая. Пополудни я был у Чертковых, у Максимовича. Ему у них очень понравилось общежитие господ, прислуги и рабочих.

Л. Н. играл в городки. Тапсель его снимал в моменты, когда Л. Н. размахивался и пускал битой в рюхи.

Л. Н. сказал:

— Но думаю, что на фоне пейзажа общее впечатление интересно, а не подробности.

5(?) — 6(?) мая. Был П. Л. Успенский. Пополудни ездил с Л. Н. тропинкой от Чепыжа через поле, лес, на Черту, к мосту, через Воронку, на Кудеяров колодец, через имение Красноглазовой, к последней даче Козловской. Л. Н. ехал преимущественно лесом, тропинками, а не просекой и дорогами. Всем мужикам, которые ему кланялись, отвечал, снимая шапочку. Делир раза два горячился, Л. Н. удержал его. На Козловке мальчик предложил Л. Н. цветы, сказав, что он раз лошадь ему держал, и Л. Н. купил. Раза три-четыре пускал Делира крупной рысью.

За обедом — Мария Александровна и И. И. Горбунов, приехавший на лето в Овсянниково. Л. Н. рассказал про прогулку и, между прочим,

про игравших на гармошках Фильку Макаркина и его 20-летнего сверстника Фоканычева, шедших лесом от Козловки:

— Как они хорошо играли! Это лучше всякой симфонии: вмиг подхватывают, грудным голосом поют.

С ними шла кучка ребят. Л. Н. ехал за ними, замедлив шаг лошади, и довольно долго держался так.

Л. Н. вспомнил про письмо Хирьякова и присланную им в корректуре чью-то статью о смертных казнях: «Все это верно» (т. е. случилось) [1]. Л. Н. про сиденье в тюрьме Е. Д. Хирьяковой: сидела с воровками, проститутками, и они были к ней милы, а надзирательницы грубы.

Николай Николаевич сказал, что уголовные не такие дурные люди, как принято о них думать. Молочников сидел с ними, и ему было легче, чем с политическими (задорные споры).

7 мая. Л. Н. сегодня утром, идя в сад гулять, нес под мышкой дневник. Теперь по утрам, не получая почты, пишет дневник.

Разговор о вчерашнем офицере Назимове, капитане Семеновского полка, участвовавшем в усмирении московского восстания в декабре 1905 г.

Л. Н. (*о нем*): Он наивный.

Иван Иванович и Софья Андреевна о памятнике Гоголю [1]: тела нет, одно выразительное лицо. И лицо надо отыскать, видно только с одной стороны.

Л. Н.: Художник, вероятно, скажет в свое оправдание: «Тела нам не нужно, а нужно одно выражение лица».

Л. Н. об армянине-журналисте [2], бывшем сегодня с 1.15 до 1.30 у него в кабинете: рассказал про погром армян в Турции — 100 000, а в России «только» 5 000 погибло.

Я заметил, что в последнем погроме в Адане, во время константинопольской контрреволюции, по газетным слухам, погибло 2 500 армян, а о мусульманах погибших не упоминалось. А по донесению турецкого вали из Адана погибло 1 400 армян и 1 300 мусульман. Значит, это была междоусобная резня, как и бакинский «погром армян» 1906—1907 гг.

Л. Н.: Да, он говорил, что армяне были Воронцову очень благодарны за то, что он дал им возможность защищаться.

Л. Н. о письме Черткова, которое получил:

— Благодарит Таню за ее хлопоты, желает сам поговорить со Столыпиным [3].

Софья Андреевна: Таня ничего не достигла, потому что она пряма и требовательна была, а тут надо и польстить, и, по старинному выражению, «будочнику ручку поцеловать». Это я бы сумела сделать.

Л. Н.: Мне все это противно. Наказывать (Столыпин может наказывать!) никого нельзя, ни мужика. Мы все люди свободные, как это наказывать?

И сказал, что в письме Хирьякова было ему тяжело читать, что его жена была «наказана невинно». Выходит, стало быть, так, что Хирьяков признает право наказывать. В Евангелии сказано: прощать надо до седмижды семи раз [4], но это еще мало сказано, тут он (Христос) ошибся.

Л. Н. с Иваном Ивановичем о книжках «Посредника»: первая о Кришне.

Иван Иванович переспросил, не о Рамакришне ли?

— Нет. Рамакришна — новый, и он слаб. Из новых индийских мыслителей выдающиеся — Вивекананда, его надо будет сократить и издать — и Абхедананда [5]. Еще речь об Эйнгорне.

Разговор о том, что готовится что-то важное в ближайшее время — война. Л. Н. спрашивал — какая. Иван Иванович не знал, только рассказал, что Витмер в «России» пишет о разоружении крепостей в Польше и об уступлении ее Пруссии и также уступке Кавказа, Финляндии [6].

Л. Н.: Христианство и патриотизм нельзя соединить: две основы, которые jurent ensemble *.

Л. Н. вспомнил о П. П. Николаеве, двоюродном брате Успенского, бывшего вчера, что он печатает книгу об общих всем религиям основах, и Л. Н. одобрил и высказал радость.

Я выразил удивление, что эту работу раньше никто не сделал.

Л. Н.: Это механический способ узнать истину. Пропускать несогласное, оставлять согласное, и дойдет до того, что во всех религиях одно, ибо в мечети сидеть на коленках и стоя креститься — это различное. А любить ближнего — везде одно.

Приехал Перна в форме студента Петербургского горного института. Едет на Урал искать залежи асбеста.

Мария Александровна не читала сегодня «Круга чтения». Л. Н. прочел вслух.

— Оставлял его себе на закуску,— сказал он,— и сам восхищался:

— Какая хорошая книга! Я сам ее составлял, а всякий раз, когда ее читаю, я духовно возвышаюсь.

Кто-то заметил, что она малоизвестна.

— Как это люди могут жить без «Круга чтения»!— вырвалось из сердца Л. Н. (убедительно, воплем).

Л. Н. не пропускает ни дня, чтобы не читать «Мысли мудрых людей» в гостиной и «Круг чтения» у себя.

8 мая. Ездил за Л. Н. верхом на Черту, Рвы, по насыпи старой железной дороги, через овраг, Горелую Поляну, Черту. По Горелой Поляне Л. Н. кружил молодняком, по извилистой тропинке, быстрой рысью. Зорька рвалась за Делиром и делала козла. Я попросил Л. Н. не ехать рысью. После было мне совестно. Л. Н. очень смелый и ловкий ездок: спускался по кручам в овраги, перепрыгивал ручьи. Мне приходилось слезать и проваживать лошадь в поводу.

За обедом — Л. Н., Софья Андреевна, Николай Николаевич и я. Александра Львовна с Варварой Михайловной уехали в Мценск, оттуда к Абрикосовым и Сухотиным.

Николай Николаевич рассказал Л. Н. подробности о высылке Черткова. Еще в январе, на земском собрании Крапивенского уезда было решено дворянами ходатайствовать о высылке на основании рассказа одного крестьянина. Крестьянин, будто бы нанимавшийся к Черткову в разносчики книг, рассказал председателю Крапивенской земской управы Игнатьеву, что от него Чертков будто бы потребовал снять крест и истоптать его ногами.

В «Русском знамени» появилась статья, в которой Чертков обвинялся в подстрекательстве крестьян — чтобы поджигали помещиков и т. п. Статью написал будто бы Долинино-Иванский. В Ясной Поляне ее не видели. Л. Н. сказал, что это глупо: наоборот, Чертков охранял помещиков от поджигателей.

Л. Н. про статью Хирьякова о смертных казнях в форме писем:

— Неверно, выдумано, нехорошо.

Николай Николаевич: А сообщены факты.

Л. Н. о предстоящем процессе Фельтена за издания «Обновления»:

— Интересный обвинительный акт, его следовало бы напечатать. Защищать Фельтена будет Маклаков.

Софья Андреевна упала на пороге гостиной и залы. Л. Н. поспешил ей на помощь и остался ненадолго в зале.

Сказал Николаю Николаевичу, что читал дальше «Яму» Куприна в сборнике «Земля»:

---

* друг с другом не вяжутся (*франц.*).

— Отвратительно, но любуюсь его художественным талантом: придумывает каждому лицу характерные черты.

После некоторого времени Л. Н. опять пришел в залу и сказал Софье Андреевне о «Яме»:

— Нет, нехорошо,— кивнул головой в сторону и вниз,— отвратительно. Отношение автора не то, какое должно быть; когда описывает обнаженные ноги, грудь, руки,— не останавливается на этом. В том-то и проявляется его отношение, поэтому и нехорошо, просто гадко.

Вошел Николай Николаевич. Л. Н., обращаясь к нему, окинув взглядом книгу «Земля», положенную на стол, сказал:

— Это гадкая книга, нельзя на столе держать [1].

Л. Н. сказал мне, что в «Новом времени» 5 мая заметка о том, что в Духовной академии будет прочитана диссертация об Иоанне Эфесском и что его взгляды схожи со взглядами Л. Н.

— Все-таки труд похвалили,— сказал Л. Н. [2]

9 мая. Получен официальный ответ от Столыпина, что Черткову нельзя вернуться. Л. Н. поехал к Анне Константиновне утешить ее.

У Л. Н. был бывший дьякон из Саратовской губернии. «Без убеждений он»,— сказал о нем Л. Н. Рассказывал, что в их губернии среди сектантов распространяется атеизм.

Л. Н. спросил Гусева, читал ли он письмо Молочникова, и заговорил о письме Александра Соловьева, который сидел с Молочниковым в тюрьме, был анархистом и принял христианские взгляды. С тех пор отказался служить. И как смело говорил он пред воинским присутствием и что только радость чувствует, сидя в тюрьме. Письмо его очень хорошее [1].

Л. Н. рассказал, что у Чертковых видел Е. Д. Хирьякову. Рассказывала, как надзирательница грубо относилась к заключенным, с ней на *ты*, «пошла вон!», а уж Евфросиния Дмитриевна не вела себя так, чтобы вызывать на грубости. Она не протестовала, потому что другим все-таки будут говорить *ты*.

Почему-то опять заговорили про повесть «Яма».

Л. Н.: Грубость циническая ослабляет впечатление художественное, а не усиливает.

Софья Андреевна стала укорять с презрением мужчин, что заводят дома терпимости и что их не уничтожают. Л. Н. сказал, что в Англии, где их нет, еще хуже.

Софья Андреевна усомнилась в этом, и я тоже.

Л. Н.: Не знаю, я так слышал. Статистикой это не уловимо.

Л. Н. сказал, что теперь, после письма П. А. Столыпина, поднялось в нем озлобление к нему, но ненадолго: перешло в доброжелательство, что ему его искренно жалко. Какую будущность он себе готовит. Оставить такую память о себе!

Л. Н.: В «Вестнике Европы» английский судья пишет об ужасах смертных приговоров в прошлом — в XVIII и XIX веках. Я прочел от доски до доски. (Рассказал подробности.) [2]

Л. Н. ожидал, какое отношение его (судьи) к нынешним смертным приговорам и казням: оказывается, что он их сторонник. Их ныне в Англии 20 в год.

Николай Николаевич вспомнил, что ему Л. Н. на днях продиктовал из китайского мудреца Шанкцы: «Настоящие люди судят верно о других, не будучи ничьими сторонниками».

Л. Н. вспомнил про «Письма о смертных казнях», присланные Хирьяковым. Интересен психологический момент: генерал подписывал смертные приговоры, видимо несправедливые, и сразу перестал их подписывать, когда упрочилось его положение.

Вечером пришли Л. Д. Николаева, Ф. А. и Л. Ф. Страховы и

И. М. Трегубов; он — по дороге из Полтавы в Петербург. Дамы разговорились с Софьей Андреевной, а нас Л. Н. позвал в кабинет.

Трегубов рассказал про самоубийство Леонтьева: отчаивался, что он одинок, что он никому не нужен, подобно Суханову, бывшему единомышленнику Л. Н., поехавшему к духоборам в Канаду и там застрелившемуся [3]. Оставил Записки, и Иван Михайлович прочел цитату из них, в которой объясняется, почему решил покончить с собой: что он хлам, никому не нужный.

Л. Н.: Это литература, а не письмо, идущее из сердца.— Потом говорил про самоубийство, что совершают его люди раздвоенные.— Это какое-то промежуточное состояние: человек, живущий в свое удовольствие, не теряет надежды хорошо пожить, а такие, которые живут духовной жизнью, знают, что не могут себя убить.

Иван Михайлович рассказал про малеванцев. Он среди них только что пожил; кажутся ему близкими к духоборам, численно растут. В селе, где Иван Михайлович жил, их 500, и они решили к помещикам не ходить работать.

Л. Н.: От религиозного это очень далеко. Тут зависть, революционность. У них гораздо важнее вопросы на очереди: чтобы оставить внешние формы, чтобы перестали боготворить их папу, Малеванного.

Иван Михайлович рассказывал, что как сектанты духовнее, чище и чище живут, так среди православных происходит развал, особенно половая невоздержанность.

Л. Н.: У нас не замечаю изменения.

Л. Н.: Советую прочесть записки английского либерала-судьи об ужасах смертных приговоров и казней в старину (в XVIII и XIX веках). Он и теперь сторонник смертных казней.

Л. Н. просил прочесть вслух письмо А. Соловьева к Молочникову. Произвело очень хорошее и сильное впечатление, как А. Соловьев отказался на призыве от военной службы.

Л. Н. сказал по поводу его: оно тем замечательно, что он, Л. Н., впервые видит непосредственное отвращение к военной службе, а не следствие размышления.

Страховы простились, завтра уезжают на лето к себе в именьице. Федор Алексеевич прощался с Л. Н. так трогательно, как Чертков,— как с несказанно дорогим; без него ему трудно будет.

10 мая. Л. Н. ездил в Овсянниково к Горбуновым. За обедом вспомнил, что Наживин хотел издать книжкой письма отказавшихся, спросил — выйдут ли.

Николай Николаевич: Раньше могли выйти, теперь — нет (по цензурным соображениям).

Л. Н. о полученном письме старообрядки на двадцати листах:

— Ах, какое ужасное! Описывает свою семейную жизнь. Ее выдали замуж за незнакомого, он оказался развратником и пьяницей.

Л. Н. не дочел письма, просил Николая Николаевича прочесть. Вечером спросил о нем. Николай Николаевич рассказывал. Л. Н. вставил:

— Ведь она рожает детей.

Николай Николаевич объяснил, что из ее письма видно, почему: чтобы он не уходил к другим женщинам.

Л. Н.: Ах, трудно бывает положение женщины!

Л. Н. о природе — какая теперь красивая:

— Одевшиеся березы. Вчера, сегодня морозы, они всегда бывают в то время, когда дуб собирается развернуться.

В восемь часов приехала С. А. Стахович. Л. Н. распрашивал про ее родных и про Татьяну Львовну, сказал:

— С Таней всегда бывает приятно.

Софья Александровна спросила Л. Н., помнит ли, как он выразился о Тане, что она среди женщин ума недюжинного, а Михаил Сергеевич среди мужчин — среднего, но что все-таки Михаил Сергеевич должен с ней сюсюкая говорить.

Л. Н.: Разве я это говорил?

Софья Александровна сообщила Л. Н., что Мечников, не смея письмом беспокоить Л. Н., спрашивает при ее посредничестве, может ли приехать. Л. Н. ответил, что занятия их разные, нет общего у них, и не высказал желания, чтобы Мечников приехал.

Несколько времени спустя:

— Я сказал, что наши занятия разные, но мы душой и телом одинаковы, так что есть общее [1].

Л. Н. получил русскую книгу (этногеографическую) об Индии. Сказал, что это то самое, что хотел, чтобы было написано [2].

Около 10 мая. Л. Н. кому-то, от кого я слышал, сказал, что отношение к народу либералов (Михайловского) — фальшивое. Они любят народ из сожаления, за его слабости. А надо его любить, как равного себе, не смотреть на него свысока.

11 мая. Л. Н. съездил верхом к Анне Константиновне передать известие, принесенное Софьей Александровной о Владимире Григорьевиче. Чувствует себя очень виноватым и обязанным Чертковым, пострадавшим из-за него.

Л. Н.: Надежда на возвращение Черткова возросла. Столыпин пошлет лицо, которому доверяет, на место — исследовать дело Черткова. Подействовало письмо матери Черткова к царю.

Дожидаясь обеда, Л. Н. смотрел теософический журнал. За обедом поговорил о теософии с Софьей Александровной и сказал, что в журнале мысли — не Б. Паскаля, а Т. Паскаля — хороши. Должно быть, новый писатель [1].

Софья Александровна говорила про Дондукову-Корсакову; с ней часто видается в Петербурге. Она очень стара (ей больше 80 лет) и очень больна раком груди, но неутомимо принимает, пишет письма нуждающимся в ее помощи. Удивительно, как ей не дают покоя с утра до ночи и как она не показывает ни скуки, ни утомления. «Как можешь думать, что распоряжаешься своей жизнью!» — говорила Дондукова-Корсакова. Она с 14-ти лет посвятила свою жизнь одной деятельности: заботе о заключенных.

Л. Н. спросил, дочь ли эта Михайловна — Дондукова-Корсакова из Академии наук. Напрасно Пушкин его так осудил. Он был самый обыкновенный, старого века человек [2].

Л. Н.: Дорошевича «Святой» (о Черткове и губернаторе) невозможно читать. Отталкивающее [3]. Получил прекрасные письма Бирюкова и других [4]. И одно ужасное: 18-летнего крестьянина-революционера.

Илья Васильевич удивлялся, сколько прохожих и нищих и вдов. Все это после «русских смут» 1905 г. Раньше ходили два-три дня в неделю одна-две старушки да две вдовы: дёминская маленькая и жена сапожника из Кочаков. Теперь же ходит ежедневно от трех до 35-ти.

12 мая. Л. Н. ездил верхом в Ясенки, в волостное правление, сказать, чтобы документов о бедности не выдавали так много. Приходится давать им по-малу, а пусть выдают (документы) только самым бедным, чтобы им можно было давать побольше. Они пришлют список их к 1-му, и он будет давать им по рублю, по два.

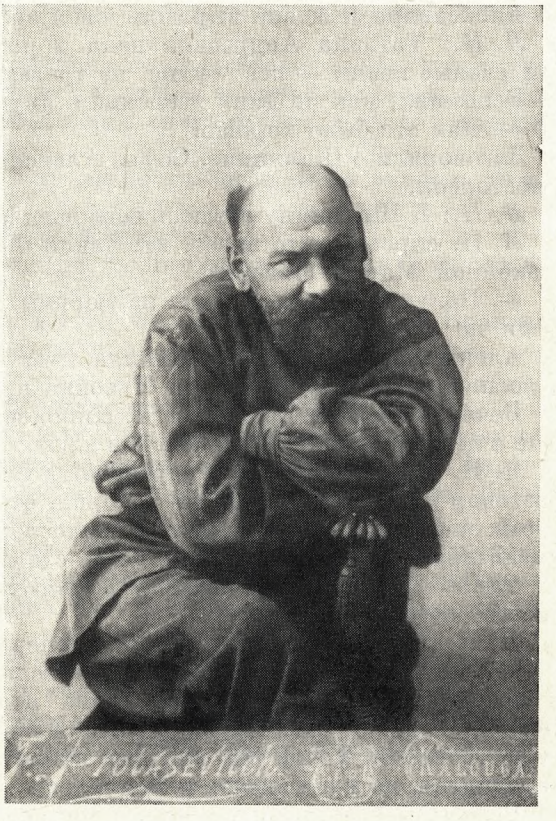
Л. Н. вспомнил сегодняшнее из «Круга чтения»: «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет»; и спрашивал, что дальше? Никто не знал. «И самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим» [1].

И. Л. ТОЛСТОЙ

Калуга, 1909 (?)

Фотография Ф. Т. Протасевича

«(Вчера) вечером приехавший Илья Львович, месяцев пять не бывший дома... Л. Н. ... очень дружески, как с давно не виданным другом, спокойно побеседовал и после обеда и вечером. Прощаясь, целуясь, сказал: «Очень тебе рад был, хорошо поговорили».— Запись от 9 октября 1909 г.



Л. Н. спросил Софью Александровну про бывшего военного министра Д. А. Милютина (93-х лет) и рассказал воспоминание детское о братьях Милютиных. Володя — после писатель, либерал — был самый даровитый из них.

Л. Н. вспомнил про вчерашнее письмо графолога-капитана, просящего почерки, чтобы определить характер.

Л. Н.: Есть тут что-то: я, раскрывая письмо, по почерку чувствую, хорошее письмо или нет. Иногда ошибаюсь.

Л. Н. вспомнил еще трогательно-восхищенно про рассказ Достоевского о смерти арестанта, помещенный в «Круге чтения» [2]. При этом он высказал мысль, что Достоевский и Гоголь не разбираются критиками, потому что это были серьезные люди. А Тургенев, Чехов — легкомыслие, ничтожество, а их разбирают. У Тургенева нет ни одной страницы, которая равнялась бы Достоевскому: нет серьезности.

Софья Александровна заметила, что Чехов подымает вопросы.

Л. Н.: Какие же вопросы у Чехова?

Софья Александровна не ответила. После короткого молчания рассказала, что есть такой известный английский режиссер Крэг. В Художественном театре в будущем году пойдет Шекспир в новой постановке, и Крэг будет ею руководить. Он учит, что важен не автор, не слово, а произношение, движение — внешняя постановка.

Л. Н.: Движения нельзя отрицать [3].

Разговор о пении.

Л. Н.: К пению я равнодушен.

— Но вы не были равнодушны, любили пение Татьяны Андреевны,— сказала Софья Александровна.

Александра Львовна выразила свой восторг от пения Олениной.

Л. Н.: Татьяна Андреевна пела хорошо, выразительнее Олениной. Эти ученые певцы — все сухие, не трогают. Простое пение — наоборот.

Вспомнил, как на днях ясенские к двум гармошкам подпевали:

— Как это было хорошо!

Заговорили о Шаляпине. Софья Александровна и Александра Львовна с восторгом.

Л. Н.: К Шаляпину остаюсь совершенно холодным.

Л. Н. спросил, кто знает, кто такой Филиппок? Он кланяется Маше (покойной Марии Львовне).

— Получил письмо от него из тюрьмы, так как теперь все порядочные люди по тюрьмам сидят.

Александра Львовна вспомнила, что это мальчик из Телятинок, в воспитании которого Мария Львовна принимала участие.

Вечером в восемь пришел С. Д. Николаев. Л. Н. погулял с ним по саду. Дни с неделю холодные, но соловьи поют.

Л. Н. в зале с Софьей Андреевной и Софьей Александровной. Я застал разговор на следующем: Л. Н. говорил, что сыновья С. Т. Аксакова, которых он знал и уважал, верили в православие вместе с народом. Оно тогда имело право на существование. Тогда стомиллионный народ верил в него.

Софья Александровна (*немного иронически*): Только потому, что народ верил в него?

Л. Н. ответил, что тогда верили, а теперь не верят:

— Соловьевское, булгаковское православие — не то: оно искусственное и неискреннее. И государство, пока верили в него, было хорошо, но теперь, когда все разочарованы и озлоблены, оно потеряло смысл своего существования. Точно так же идея права у нас: эта идея на моих глазах зародилась, на моих глазах и кончилась.

Софья Александровна, третьего дня известившая Л. Н. о том, что Мечников желает приехать к нему, прочла из «Русского слова» за 12 мая интервью с Мечниковым [4]. Когда читала его утверждение, что человек должен прожить 100—120 лет, Л. Н. сказал:

— Мне жалко, что он это говорит. Во-первых, никто этого знать не может; во-вторых, против него говорит изречение, которое помещено на сегодня в «Круге чтения» из Псалтыри и которое указывает, что в старину стариков мало было.

Когда Софья Александровна читала в интервью об утверждении Мечникова, что в сокращении жизни виноваты (прежде всего) бактерии толстой кишки, и о сочувствии английскому оператору Леду, удалившему ее 120 людям, Л. Н. сказал:

— Ах, что это такое! Я жалею, что я этого не прочел прежде, чем его пригласил. Он или ребенок или сумасшедший. Удивительно!

Софья Александровна что-то возражала, на что ей Л. Н. сказал:

— Прочтите Достоевского «Смерть в госпитале». Почему воображать, что жить 120 лет, а не 120 минут?

Софья Александровна: Я считаю смерть великим несчастьем: выйти из среды, которую любишь и где взаимно любим.

Л. Н. сказал, что он сочувствовал бы Мечникову, если бы тот изобрел способ облегчить предсмертные страдания:

— Не то, чтобы я боялся их, но человек мог бы сказать, что̀ он чувствует и сознает во время умирания и что̀ из-за страданий агонии не в состоянии высказать. Многие люди живут так, как если бы им приходилось через час умирать.

Софья Александровна прочла в «Русском слове» сообщение о том, что Л. Н. пишет про книжку «Вехи» и что они надеются его статью получить и напечатать [5].

Л. Н.: Постараюсь ее не напечатать. Это одна из тех статей, которую суну в ящик.

Сергей Дмитриевич спросил, почему не напечатает. Л. Н. ответил, что неприятен ему шум, который может подняться вокруг его статьи, и озлобление, которое могло бы возбудиться, да и книга «Вехи» не такой важности, какую ей приписывают:

— «Вехи» одну пользу мне принесли: избегаю иностранных слов * и вижу, что это возможно.

— Почему употребляют иностранные слова?

Л. Н.: Это можно понять: употребляются из-за оттенков, которых нет в родном языке.

Софья Александровна спросила Л. Н., читал ли воспоминания Врангеля о Достоевском в иллюстрированном приложении «Нового времени» сего года [6].

— Читал. Все, что касается Достоевского, все это мне интересно.

Л. Н. пошел в кабинет с Сергеем Дмитриевичем, который прочел ему свой очерк о попытках устройства колоний, общин в Америке, Англии, Германии и России (овсянниковские крестьяне на земле Татьяны Львовны) на началах Генри Джорджа.

Л. Н. собирался завтра к Ивану Ивановичу и свезет ему свою статью о Кришне. Л. Н. пишет нынче о церкви: представляет ее деятельность, что нельзя служить одновременно богу и маммоне. А церковь служит маммоне [7].

Л. Н. рассказал содержание полученного вчера письма Веригина [8] и советовал Сергею Дмитриевичу написать Веригину о Генри Джордже.

Софья Александровна рассказала мне, что̀ ей говорил Л. Н. про Пушкина: чем старше становится, тем его выше ставит, и что Пушкин останется.

— Прежде,— добавила Софья Александровна от себя,— Л. Н. выше ставил Тютчева — на первое место, перед Пушкиным.

Л. Н.: Мне советовали прочесть «Тайну» в апрельской книжке «Образования».

Этой книжки нет в Ясной Поляне. По сообщению в майской книжке, она задержана цензурой и выйдет без этого рассказа [9].

Речь о письмах священников к Л. Н-чу. Л. Н. сказал, что они бывают иногда трогательны, а все хороши. Дурных не бывает. Л. Н. рассказал, что получил из Мадраса письма индуса — того, которому он писал («Письмо к индусу», написанное Л. Н. осенью, не отослано ему, т. к. должно было появиться тогда в печати, а появилось только недавно). В нем подробно описывает семейное горе из-за сбившегося с пути 15-летнего племянника. Из-за хлопот с ним еще не успел достать и прочесть письмо Л. Н. к нему, хотя оно уже появилось в индийских газетах [10]. Л. Н. говорил об Индии, что она своей духовной жизнью начинает играть важную роль в жизни Европы и интерес к Индии растет.

13 мая. Пополудни приехала Мария Александровна. Софья Андреевна сегодня охвачена злом: гневно, злобно упрекала Л. Н. за повесть, которую нашла в его столе и которую он и не помнил, что и когда ее писал. Кричала на Л. Н., что пишет «такие глупости» о женщинах, хотя в той повести как раз о женщинах особенно дурного нет — и о себе [1], и прочла ему свою повесть о женщинах [2]. Расстроила Л. Н-ча. Кроме того, ходила к нему жаловаться целый день на народ, на баб, что носят траву через сад, топчут траву и причиняют потраву тем, которым она сдала сенокос. И потому, охраняя их интересы, запрещает им ходить через сад; потом из-за мужика, который спилил пять сухих лип и ободрал на лыко три молодые в гуще

---

* «Вехи» пишут языком, кишащим иностранными словами.

в овраге, и т. д., и т. д. Взбудоражила весь дом, особенно Александру Львовну, своей злобой и лганьем.

Л. Н. рассказал, что читал про землетрясение в Сан-Франциско (1906 г.), что оно уничтожило все власти, и вследствие того взаимопомощь выступила сильнее и была лучше, чем с властями. За обедом говорилось о курении.

Л. Н.: Папиросы – могу себе представить, что мог бы курить без отвращения, а мясо есть — нет.

Софья Александровна заговорила о том, какой мир животных под мхом. Оторвала кусок мху, а под ним белые и еще двоякие черви и козявки; мох счищать нужно, где же граница вегетарианства?

Л. Н.: Нет границ вегетарианства, тут только дело постепенности. Если могу есть животных, тогда могу и человека.

Общий разговор о том, что стражник сегодня подстрелил собаку, чужую, она на передних ногах поползла и зад тащила.

Л. Н.: Как я подумаю, как я мог зайцев стрелять!

Л. Н.: У меня умственные способности теряются.

Александра Львовна сказала на это Л. Н., что он в этом месяце писал много больше, чем в другие времена.

Николай Николаевич: И особенно много писем.

Софья Александровна спросила Л. Н., почему он предпочитает другим произведениям Гоголя одну «Коляску», а не «Шинель». Софья Александровна любит читать вслух и по желанию Л. Н. прочла «Шинель». Л. Н. вначале при словах Акакия Акакиевича: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете», выразил одобрение. Когда чтение подвинулось к Петровичу, портному, Л. Н. сказал:

— Это пойдет самое настоящее. Начало лишнее.

Л. Н. про изображение Акакия Акакиевича:

— Вот видна фигура. А таких Акакиев Акакиевичей много и среди сенаторов.

Описание характера «значительного лица» пропустили. Когда кончили чтение, Л. Н. сказал:

— Вся эта мысль хороша, что жизнь человека проходит, шинель уже у него что-то высшее.

Винт. Софья Александровна о «Шинели»: она, когда читала вслух да перед Л. Н., замечала, что в ней лишнее, и теперь об этом заговорила.

Л. Н.: Ничем так не украшается (художественное произведение), как выкидыванием. При теперешней плате за лист 1 000 рублей, как же выкидывать? Из Куприна «Ямы» половину объема выкинуть — значит потерять три-четыре тысячи рублей.

Потом заметил, что пытался сам дочитать «Яму»:

— Это до такой степени мерзко, цинично, что я бросил, не мог читать. У Куприна настоящего таланта больше, чем у Горького, Андреева. У Андреева еще меньше, чем у Горького. Он берет каким-то деланием, пафосом.

Ночью уехала С. А. Стахович.

14 мая. Днем был С. Д. Николаев посоветоваться с Л. Н., что́ поместить о Генри Джордже в календарь Зонова. Л. Н. согласился на помещение отрывков из их беседы: Л. Н., Николаева, Владимира Григорьевича [1].

Приехал Сергей Львович; рассказал, что занимается сравнением «Севастопольских рассказов» печатных с рукописными, которые хранятся в Румянцевском музее. Многое пропущено цензурой, многое редактором пропущено или самовольно изменено. Рассказал интересные примеры: слово «генерал» заменено «начальником», подобно как в «Шинели» «директор департамента»—«значительным лицом» по цензурным соображениям.

— Какие были времена!— заметил Л. Н.

Заговорили о «Шинели». Л. Н. сказал, что это подражание Гофману и что в «Шинели» есть лишнее, чего в «Коляске» нет.

Сергей Львович упомянул об одном рассказе Куприна, начинающемся словами: «Я убил» [2]; убит интеллигент-пошляк сумасшедшим. Сергей Львович хотел его прочесть вслух. Чтение отложили на после обеда, но приехал Эйнгорн, бывший русский офицер, капитан в отставке — с ним Л. Н. переписывался о буддизме — глубокий знаток буддизма. Л. Н. сейчас же после обеда ушел к себе в кабинет и туда позвал Эйнгорна.

Сергей Львович рассказал про памятник Гоголю, что Андреев сделал лицо по маске, снятой с лица Гоголя, когда он умер.

Получена телеграмма, что Танечка Сухотина заболела дифтеритом. Я поехал в Кочеты и вернулся 20 мая утром.

14—18 мая. В Кочетах меня спросили, что Л. Н. Я рассказал, что накануне того дня, как я уезжал, Л. Н. был в удрученном состоянии, вызванном тем, что Софья Андреевна говорила, что подаст в суд на мужика, срубившего у нее несколько лип. И еще, найдя у Л. Н. в столе его старую повесть «Дьявол», упрекала его за то, что он так дурно пишет о женщинах и о себе, и читала ему свою повесть, как образец того, как следует писать о женщинах. М. С. Сухотин на это заметил, что Л. Н. раз сказал:

— Что я о женщинах написал, это пустяки. Если бы я сказал все, что я знаю о женщинах...

Татьяна Львовна написала по поручению Л. Н. следующее письмо:

Angelo Galladini. Novara, Italia.

Monsieur, mon père Léon Tolstoï me charge de vous dire qu'il regrette beaucoup de ne pouvoir remplir votre désir et vous prendre comme écolier chez lui.

Il vous fait dire que pour bien vivre il n'y a pas besoin de changer les conditions extérieures de la vie et que dans quelque position que vous vous trouviez, vous pouvez toujours vivre mieux que vous n'avez vécu jusqu'alors. Donc, l'essentiel est de changer sa vie intérieure et non extérieure.

Pour connaître le sens du christianisme vous n'avez qu'à lire l'Evangile. Vous verriez que si vous le faites, vous trouverez la paix de l'âme que vous cherchez et que chaque pas que vous ferez pour votre perfectionnement, vous donnera non seulement la paix, mais la joie et le bonheur.

T. Soukhotine (née Tolstoï).

18 mai 1909. Jassenky.

Рукой Л. Н.: Ma fille a parfaitement exprimé ma pensée. Je vous salue. Léon Tolstoï *[1].

20 мая. Утром я вернулся из Кочетов от Танечки, заболевшей дифтеритом. Застал Марию Николаевну с Сережей и Дорика.

---

* Анджело Галладини. Новара, Италия.

Милостивый государь, мой отец, Лев Толстой, поручает мне вам сказать, что, к своему глубокому сожалению, не может исполнить ваше желание и взять вас к себе в ученики.

Он просит вам сказать, что нет надобности менять внешние условия жизни, чтобы жить хорошо, и в каком бы положении вы ни находились, вы всегда можете жить лучше, нежели вы жили до того. Итак, главное в том, чтобы изменить жизнь внутреннюю, а не внешнюю.

Чтобы познать смысл христианства, вам достаточно читать Евангелие. Вы увидели бы, сделав это, что обретаете душевный покой, которого ищете, и что каждый шаг к самосовершенствованию, который вы сделаете, принесет вам не только мир, но и радость и счастье.

Т. Сухотина (рожд. Толстая).

18 мая 1909 г. Ясенки.

Рукой Л. Н.:

Моя дочь прекрасно выразила мою мысль. Кланяюсь вам. Лев Толстой. (*франц.*).

В 9.15 в аллее встретил Л. Н., возвращавшегося с утренней прогулки. Коротко рассказал ему про Танечку, про Сухотиных, что зовут его приехать с Софьей Андреевной, Александрой Львовной, Варварой Михайловной, Николаем Николаевичем, Ильей Васильевичем и мной на лето пожить подольше. Хвалил тот край, усадьбу *.

Л. Н.: Заманчиво.

Утром в 9.30 приехал корреспондент «Русского слова» Спиро интервьюировать Л. Н. о «Вехах».

Пополудни приехала Александра Владимировна с Танечкой шести лет и Ваней семи лет. Пополудни был у Л. Н. симбирский крестьянин 27 лет, бывший военный писарь С. В. Гаврилов, имевший переписку с Л. Н-чем. Л. Н. поговорил с ним около часу в кабинете и рассказал о нем, что он очень интересный человек [1]. Он «освободился от работы», по его выражению, как передал Л. Н-ч Гусеву, ходит без копейки, в одном пиджаке и беседует с людьми. Он из богатой крестьянской семьи; от своего надела в 1 000 р. отказался, семья, лавка есть, все бросил. Он слишком горячий. Быстро переменился...

Л. Н. понравилось его изречение: «В чем нынче нужда народа? — в духовной пище». Есть миллионы, которые хотят одной земли и которые озлоблены, но есть и серьезные, которым это (духовное) нужно.

Л. Н. рассказал о разговоре со стражником Шмаковым, как тот ему разъяснил свою службу: получает 35 р. жалованья в месяц, а у него семья.

— Надо ему сказать, что это дело мерзкое.

Софья Андреевна возразила Л. Н., что и он осуждает в своих сочинениях — например, в «Не могу молчать».

Л. Н. ответил, что он старается избавиться от своих недостатков.

— Теперь я бы не осуждал так, как в «Не могу молчать!».

Л. Н. говорил про статью о стражнике, которую стал на днях писать [2]. Л. Н. говорил слышанные от крестьян фразы. Шел по прешпекту, а напротив него, за Елочками, шел яснополянский крестьянин, срубивший липы, и рассказывал с ненужными бранными словами, как стражник пришел к нему. Увидел Л. Н-ча, стал ему рассказывать совсем в другом тоне и, как Л. Н. после узнал, неправду говорил. Он и шел к Л. Н. просить его защиты.

Л. Н. видел, что у него никакого внутреннего удержу нет:

— А таких миллионы! Это грустно, но вместе с тем и радостно. Видно, что этому должен наступить конец.

Мария Николаевна: С тех пор, как вешают, менее воровства и убийства.

Л. Н.: Нет. Тут виновато правительство в повешениях.

Александра Владимировна: Одно время было меньше, а теперь опять стало больше,— и рассказала примеры.

Л. Н. рассказал, как грабители пришли в винную лавку, убили бывших там покупателей, кассу ограбили и скрылись.

Л. Н. (*ко мне*): Читал о приезде славян в Москву, как их принимали. Очень малоинтересно: все завязли в политике **[3].

Мария Николаевна: Я их всех знаю, была на заседании. Крамарж говорит горячо.

Л. Н. с Марией Николаевной о школах московских. Мария Николаевна рассказала, что поступили в Попечительское совещание от учительниц прошения — ввести чтение Евангелия. Это года два тому назад было немыслимо: тогда считали всякое преподавание религии вредным.

---

* Л. Н. мне сказал, благодарил меня, что я сам там был, у больной Танечки. Софья Андреевна, Александра Львовна — все трое мне были очень благодарны.

** Славянские гости, прибывшие 17 мая в Москву: чехи — К. Крамарж, В. Я. Клофач, Шейнер, доктор Прейс, Дюрих; серб — Комануди; болгары — С. С. Бобчев и Людсканов, словак — Павлу.

ТОЛСТОЙ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ КАБИНЕТЕ
8 ноября 1909 г.
Портрет (масло) работы А. В. Моравова
«Л. Н. долго не выходил к завтраку. Писал и заодно позировал Моравову. Моравов его не стесняет».— Запись от 6 ноября 1909 г.

Л. Н. рассказал, что он получил от американца умное письмо. Спрашивает, как воспитывать религиозно детей [4].

Вечером Л. Н. читал вслух из «Gœthe Kalender auf das Jahr 1909» — некоторые им означенные места по-немецки и некоторые по-русски. «Gœthe Kalender» очень хорошо составлен: тут его беседы, когда ему было 25, 50, 80 лет. В этих беседах мнения о литераторах.

— А хороши его мнения?

— Нет, нехороши,— ответил Л. Н.— Он такой язычник был и очень гордый, и какая-то немецкая манера — ругательства, называть людей именем дерзким [5].

Нынешний господин (который сегодня был) — это образец петербургского мира. Его ничто не интересует, кроме внешнего.

Тот, кто был с Николаевым (не могу вспомнить), спрашивал Л. Н. о свободе воли. Он читает Шопенгауэра, а у Шопенгауэра воля не свободна.

— А вы знаете, что говорит Лихтенберг? («Круг чтения», 20 мая).— Л. Н. объяснил ему, что мотив имеет причиной мотив, и так бесконечно. Это очень глубоко, вот почему я люблю эти маленькие изречения. Тут в двух словах сказано то, что в целых томах [6].

Л. Н., выслушав его изложение, как это у Шопенгауэра, сказал:

— Это такое же заблуждение, как рассуждение, что бог сотворил мир в шесть дней. А как его сотворил? Я скажу, что я не знаю.

Л. Н.: В «Вехах» запутанность, неясность мысли. Нужно ее дальше развивать.

21 мая. Здесь Сергей Львович, Мария Николаевна, Сережа, Александра Владимировна с детьми. Л. Н. ездил верхом в Телятинки, был у Чертковых, Николаевых. Там беседовал и с бывшим у него вчера Гавриловым.

Л. Н. спрашивал Марию Николаевну про школы и о курсистках, которым Мария Николаевна устраивала столовую. Мария Николаевна рассказала, как они там завели карты, курение и говорила об их ограниченности.

Л. Н. не так безнадежно смотрит на них, потому что Мария Александровна из них же, а освободилась от узкого кругозора. Они невежды и Евангелия не читали. На Высшие курсы идти считают чем-то хорошим, а оно наоборот.

В 10 часов вечера получена почта. Л. Н. первое просмотрел «Русское слово», которое ожидал: в нем должен был появиться его разговор о «Вехах» с бывшим вчера интервьюером[1]. Л. Н. сказал, что «Русское слово» расходится в 150 000 экземпляров, каждый номер читает по несколько читателей Удивительная сила!

Л. Н.: Есть большая публика, которая сочувственно отнеслась к осуждению интеллигенции.

Л. Н. прочел вслух первую страницу письма от отца сызранского мещанина — внимательно и серьезно . Письмо сильно, с убеждением написано о том, что Л. Н. отвратил его двух сыновей и племянника от православия, христианства. Л. Н. тут же продиктовал Николаю Николаевичу ответ[2].

Л. Н. говорил со мной о письме любящей женщины, узнавшей, что ее муж имел раньше связь; не понимает, как можно без любви.

22 мая *.

Л. Н.: Советую всем прочесть «Записки английского судьи» («Вестник Европы», май).

Л. Н. получил письмо и новую толстую книгу Бонч-Бруевича «Псалмы духоборов».

Л. Н. с Сергеем Львовичем:

— Есть хорошие псалмы? Я не помню.

— Нет, так себе. Некоторые короткие читал — хороши. Так произвольно, не видно общей идеи **.

Николай Николаевич прочел вслух письмо Бонч-Бруевича о хлыстах.

Л. Н.: У меня о хлыстах такое осталось общее впечатление, что это очень чистое богопочитание.

Кто-то заговорил про закон о старообрядцах, о котором теперь рассуждают в Думе, и назвал его законом свободы совести.

Л. Н.: Эти слова несоединимы. Они — перевод: la liberté de conscience — свобода вероисповедания.

Л. Н. рассказывал кому-то:

— Это мне досадно, вызывает дурные чувства. Столыпин посылает чиновника расследовать (влияние Черткова).

Л. Н.: Гаврилов выяснил мне это смутное, неопределенное стремление к духовной жизни. Хотят сказать что-то доброе, но их язык хуже всякого декадентского, и мысли, которые высказывают, они не знают, что биты-перебиты.

Утром был у Л. Н. купец из Царицына, православный, о вере[1].

Вечером Андрей Львович с женой, Гаврилов и студент. Софьи Андреевны нет. Сергей Львович играл шотландские песни, свои аккомпанементы к ним. Когда кончил, Л. Н. спросил:

— Ты ведь и русские песни аранжировал?

Сергей Львович сыграл одну.

---

* Записано 26 мая.

** Дальнейшее, до конца записи 22 мая, переписано мною с черновых записей через четыре с половиною года.

Л. Н.: Да, это очень хорошая. Какую ты песню сыграл? Сыграй теперь веселенькую русскую.

Л. Н. поощрял Сергея Львовича заниматься, чтобы продолжал аранжировать на фортепиано русские народные песни.

Сергей Львович: Да, я хочу этим заняться.

В то время, когда Сергей Львович играл шотландские песни, соловей пел.

Л. Н.: Что за милая птица этот соловей... как всё утихнет... Думаю, соловьи декадентствуют: пели по 25 колен, теперь — четыре.

Речь зашла о курских соловьях.

Л. Н.: Как к Горелой Поляне подъедешь, коростели все кругом.

Л. Н.: Когда читал о чествовании Мечникова [2], вспомнил о своем: «Должно быть, он (Толстой) много глупостей написал, когда угодил толпе». Говорю без фальшивой скромности.

Л. Н.: Дорошевича невозможно читать, отталкивает.

Л. Н. попросил Николая Николаевича написать Черткову, чтоб попросил Сытина не откладывать печатание второго издания «Круга чтения» (первое появилось в «Посреднике») [3].

23 мая. Днем уехала Александра Владимировна с детьми. Приехал М. С. Сухотин. Вечером с 8 до 9 был у Л. Н. вчерашний православный купец из Царицына — М. П. Латышев. Он ездил в Киев, хотел остаться в монастыре; впечатление вынес, что это корыстолюбие.

Л. Н. передал его рассказ, что отталкивающе действуют монахи и к простосердечно ищущим веры грубы. Даже декорум, церковное, не умеют сохранить. Пришел Л. Н-ча спросить насчет мощей, а уходит — православие его отошло далеко, выдвинулось христианство на первый план. У него подготовка внутренняя длинная — пятнадцатилетняя. Ему грозит слепота, набирает «чем жить». Уходил очень успокоенный, что в слепоте может не быть обузой, а что будет над собой работать и сможет помогать советами другим.

О Л. Н. говорил мне: «Хоть он и мало говорит, а любовь охватывает. Одно присутствие его многого стоит. Мы еще близко от горы, отойдут дальше — увидят, какая красивая гора».

Л. Н. получил книгу «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» с его портретом [1].

Л. Н.: Мне кажется, я его знал. Приятное лицо.

Михаил Сергеевич подтвердил, что Л. Н. его мог знать через Киреевских. Л. Н. по поводу «Gœthe Kalender» 1909:

— Гёте очень хорошо для своего времени пишет.

Л. Н. пишет опять 1) о воспитании * — совет американцу, практические советы, как и чему учить детей: религии и 2) о любви [3].

М. С. Сухотин звал Л. Н. (и всех) к ним, в Кочеты.

Л. Н.: Заманчиво. У вас останусь. Не будет пролетариев. Выходишь — они, возвращаешься — опять они. Непосредственное чувство — мешают. Мне они — одни и те же, а они — различные [4].

О предстоящем приезде Мечникова Л. Н. говорил:

— Празднование Мечникова мне показало, что мы очень пустые люди — тем угождаем толпе. Но меня хоть ругают православные, а Мечникова не ругают. Мне он (его приезд) интересен тем, что́ ему интересно во мне? Он должен иметь свое мнение обо мне.

Через дня три опять кто-то заговорил о Мечникове, что Л. Н-чу надо дождаться его. Л. Н. сделал жест и сказал, что он равнодушен к его приезду.

---

* Недели две тому назад тоже написал о воспитании [5].

Л. Н. читал вслух из письма Шкарвана цитированные в нем выписки из письма Шмита к нему, Шкарвану, в которых говорится про нынешнюю реакцию в газетах: не хотят печатать Толстого. Журналисты по глупости своей сочли Толстого своим, а только теперь поняли, что он не их человек [5].

— Люблю я этот бойкий немецкий язык, как немцы ругаются.

Л. Н. показал мне в «Gœthe Kalender» следующее место: «1819. 28 April. Gesellschaft mit Gœthe. Er erzählte wie er nur noch bei Erwähnung seltner, sittlicher oder aesthetischer Trefflichkeit weinen könne, nie mehr aus Mitleid oder aus eigener Noth» *.

— Как это верно, стариковское,— одобрил Л. Н.

24 мая**. По поводу полученного письма Л. Н. мне:

— За что они меня благодарят? Меня трогает (письмо это) особенно тем, что от полек. Мы, русские, кругом виноваты против поляков и потому, что виноваты — еще ненавидим их. Зачем эта ненависть русских к ним? Ведь мы виноваты: раздел Польши. Не правда ли? Дошло до такой эпохи, когда связь, которая соединяет людей (насилие) должна замениться любовью [1].

Л. Н.: Эйнгорн — оригинальный, самобытный человек, глубокий знаток буддизма. Получает 43 рубля пенсии. Когда тут был, говорил: «В деревне ношу самую простую одежду». Бывший военный, капитан.

Л. Н. об альбоме картин В. Д. Поленова из жизни Христа:

— В общем хороши. И «Тайная вечеря» и «Распятие» хорошо [2].

Разговор о высылке Черткова. Л. Н. жалел, что Чертков не сделал, как хотел, т. е. не обращать внимания, не послушаться властей, высылающих его, дать себя вынести из дома, из губернии.

Л. Н. говорил о своем разговоре с чиновником особых поручений из Петербурга, как ему было неприятно, и сказал о том чиновнику.

Л. Н.: Все очень хорошо. Утром я бываю зол, как собака.

— Мы что-то не замечаем,— смеясь, сказала Александра Львовна.

25 мая. Утром уехали М. С. Сухотин с Дориком в Пирогово и Сергей Львович. Остались: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Николай Николаевич, я, Сережа Сергеевич с учителем Цуриковым, сыном известного тульского либерала, знакомого Л. Н. Днем приезжали: Ольга Константиновна с Сонечкой, Дима и Пунга.

Л. Н.: Вчера был студент из Политехникума. Я спросил его, преподают ли им в политической экономии о Генри Джордже. Ничего не слышал о нем. Тут я не удержался и сказал ему, что меня поражает невежество в их среде: Петражицкого знает, а Генри Джорджа нет.

Пунга сообщил Л. Н., что студент, которому Л. Н. писал о праве, был у Владимира Григорьевича. Пунга его видел. Он на третьем курсе, должен был экзамен сдавать. Он вышел из университета и поехал к Беневскому в колонию ***. Л. Н. был удивлен, не сказал ни слова, вышел к дожидающимся лошадям и поехал верхом с Иваном Матвеевым — кучером.

Л. Н. в два часа дня вышел к Пунге, приехавшему из Петербурга, и поговорил с ним, выслушав сообщения его о Владимире Григорьевиче; рассказал о допросе, произведенном на днях в Телятинках чиновником особых поручений полковником, присланным Столыпиным [1], о своем намерении поехать в Кочеты (четыре версты от границы Орловской губернии). Пусть Пунга расскажет об этом Владимиру Григорьевичу, что́ он на это скажет?

---

* «1819. 28 апреля. Беседа с Гете. Он сказал, что может плакать разве только при упоминании чего-либо на редкость превосходного в нравственном или эстетическом отношении, но никогда уже больше из сострадания или по собственной потребности» (*нем.*).

** Этот день переписан мною с черновых записей через четыре с половиною года.

*** Пробыв там недолго, переехал к Владимиру Григорьевичу в помощники, а оттуда опять вернулся в университет.

Николай Николаевич (*Пунге*): Под секретом скажу, что Л. Н. начал писать новое, а тут он в первые же дни встревожен.

За обедом. Пришли четыре погорелых из Бабурина просить помощи. Л. Н. желал, чтобы, кроме него, и Софья Андреевна дала им денег. После некоторого отнекивания и повторного высказывания Л. Н-ча — согласилась.

Л. Н.: Сегодня получил телеграмму от неизвестной дамы: «Пошлите немедленно 300 рублей». Ответ оплачен. Что думает такой человек? Ведь если одному дать, почему не дать всем, а таких десятки тысяч. Как это не сообразить?

Л. Н. рассказал, что ездил на Горелую Поляну. После ночного дождя вода в Воронке через мост течет. Вспомнил Андрея Маслова, бывшего ученика своего, сторожа на отводе на берегу Воронки в этом месте,— как он во время паводка спасся на печке. Просил принести со своего письменного стола его фотографию, снятую у Черткова, когда он, Андрей, умирал от водянки. Л. Н. посмотрел на нее с умилением; все по очереди смотрели, Софья Андреевна не хотела:

— Что смотреть страдальческое лицо?

Л. Н.: Все так умирать будем. Вот это-то приятно вспоминать.

Л. Н.: Давно газет не читал, а нынче взял одну. Какую, что думаете? «Копейку», которую буду читать: превосходная *.

Л. Н. рассказал о письме, полученном из Тобольска от кого-то, кому были посланы книжки. Он их не успел прочесть, много было желающих читать, ходили по рукам. Пришла полиция с обыском и взяла книжки и газеты с 1905 г., какие у него нашла. Пристав и полицейские всю ночь просидели у него, читали книжки Л. Н. и хвалили их. Их похвала так подействовала, что отбоя нет от желающих читать их [2].

26 мая. У Л. Н. сильная изжога, потому не ездил верхом. Много прохожих. С 7 до 8.15 беседовал со студентом Скипетровым, приехавшим из Петербурга после переписки с Л. Н. [1] Вечером Гольденвейзер, шахматы.

За обедом Л. Н. сказал:

— Открыл «Былое», там переписка Герцена с Прудоном и другими. Удивительно хороши письма обоих. Их борьба с либералами и революционерами, в которых они видят таких же деспотов; война на два фронта постоянная [2].

Вечером Л. Н., лежа на кушетке, вспоминал «Гетевский календарь на 1909 г.». Вспомнил оттуда изречение Гете, что природа — орга́н, на котором господь-бог играет, а дьявол раздувает мехи. Дьявол — это страсти, которые производит жизнь людей, а бог приводит эти страсти в порядок, дает им гармонию [3].

Л. Н. спросил Гольденвейзера:

— Что вы думаете о граммофоне? Вам он приятен?

— Нет, в его воспроизведении есть что-то мертвенное.

Л. Н. Это правда, что-то есть. Тут на Троицу играли на гармошке, очень хорошо, и потом приступал голос, очень хорошо. Вы гармошку тоже не любите?

— Нет. Выбор аккордов очень малый, а того аккорда, которого больше всего в русских народных песнях, его в гармонике нет. И гармошка больше всего способствует вырождению русской песни.

Гольденвейзер подошел к фортепиано и взял этот аккорд.

Л. Н.: А это очень хорошо, как они подхватывают.

Гольденвейзер спросил Л. Н., бывает ли от граммофона растроган.

Л. Н.: Растроган — никогда.

---

* Читал несколько дней, потом бросил.

Гольденвейзер: Если издали играет шарманка, впечатление грустное, а если граммофон — всегда отвратительно.

Л. Н.: Это правда.

27 мая. Вчера вечером и сегодня утром Л. Н. по душе поговорил со Скипетровым. За обедом Л. Н. похвалил, как хорошо поговорили. Л. Н. негодовал на врачей (у Скипетрова дядя — профессор медицины и еще доктор — родня); они ему сказали, что осталось ему жить два года,— болен чахоткой.

Софья Андреевна спросила, грустит ли он?

Л. Н. ответил, что нет; он такой жизнерадостный, довольный (спокойный).

Л. Н. сегодня читал «Новое время» и «Русские ведомости» с 12 по 20 августа 1906 г.— о покушении на Столыпина и с 14 по 20 октября 1906 г.— экспроприация на Фонтанке. И притом просматривал и прочее содержание газет. Это ему нужно для задуманного сочинения о революции [1]. Говорил о приеме Столыпина 12 августа в трех приемных комнатах. Было у него от 50 до 60 человек. Все это он должен пропустить через себя.

Л. Н.: Тогда правительство рассуждало о том, что наделит крестьян удельной землей. Кажется, из этого ничего не осуществило.

Я заметил, что в Алтайском крае, и Верхотурье, и еще где-то, часть удельных земель продана крестьянскому банку или колонизационному фонду. Л. Н. рад был этому.

Лев Львович рассказывал, что скучно жить в Петербурге и России; про памятник Александру III Трубецкого, про свои занятия скульптурой; намерен будущей осенью поехать с семьей в Париж. Говорил, что Трубецкой нарочно изобразил Александра останавливающим силой лошадь, т. е. Россию в прогрессе.

Л. Н. во время разговора сидел молча, из бумажек складывал японскую птицу, челнок.

Сегодня был 19-летний портной из Ростова-на-Дону — Быков. Прочел во «Всемирном вестнике» появившиеся сочинения Л. Н. и пожелал проработать лето безвозмездно в Ясной Поляне. Весь захвачен христианскими идеями: довольно хорошо понял их. О своих родных мне сказал, что они все только собираются жить. Л. Н. пожалел его, что бросил семью.

Л. Н. спрашивал Николая Николаевича, каким образом сочиняются революционные брошюрки, в чем состояло распространение революционной литературы, может ли он в своей новой беллетристической работе дать такое занятие учителю в деревне. Стало быть, Л. Н. несколько дней пишет беллетристическое.

Я сегодня в павильоне приводил в порядок газеты, которые собираются с 1905 г.

28 мая. У Л. Н. голова болит.

Лев Львович стал лепить бюст Л. Н.

За обедом Л. Н. говорил:

— Каюсь, что написал так хорошо о Гете; читал дальше (в «Гетевском календаре») и нашел нехорошие мысли. Он был язычник и гордился этим. Пишет: зачем человеку над собой работать, пусть будет такой, какой есть [1].

Л. Н.: Фельдшерица у Чертковых рассказывала, что в Черниговской ⟨тюрьме⟩ бежал из бани каторжник и скрылся в помещичьем саду. Послали детей его искать, обещали им по три копейки. Нашли его на вербе. Окружили и крикнули ему: «Слезай!». Тот стал слезать. «Нечего слезать!» — и пристрелили его. Это произошло на ее (фельдшерицы) глазах.

Рассказывая это, Л. Н. чуть не плакал.

Ваня сообщил, что ждут студент и тульские семинаристы — их восемь, желают поговорить с Л. Н. [2]

ОТЪЕЗД ТОЛСТОГО В КОЧЕТЫ

Слева направо: С. А. Толстая, А. Л. Толстая, Толстой, В. М. Феокритова, Н. Н. Гусев, В. В. Чертков

Станция Засека, 8 июня 1909 г.

Фотография Т. Тапселя

«В 8 ч. 13 утра выехали: Л. Н., Софья Андреевна, Николай Николаевич, Илья Васильевич и я от Ясной Поляны в Кочеты. Провожали: Александра Львовна, Варвара Михайловна, Дима Чертков, фотограф Тапсель, который и снимал на платформе Л. Н-ча одного и с другими».— Запись от 8 июня 1909 г.

Л. Н.: Трогательны эти семинаристы: их маленькими отдают туда (в семинарию), их скоро женят и определяют на место. Тут семья, которую надо поддерживать (отец, братья, сестры).

Л. Н. не договорил, что лишь тогда, когда их семейное положение вполне определится, раскрываются их глаза на то, что́ они делают. Худшие из них — которые идут в монастырь и норовят стать владыками (архиереями).

Кончивши обедать, Л. Н. ушел на веранду поговорить с семинаристами. Прочие пошли играть в городки.

Ночью сирень расцвела. Приехал Д. Д. Оболенский.

Лев Львович говорил, сколько в Петербурге, Москве развелось китайцев. Потом рассказывал об Андрееве и его оркестре балалаечников. Андреев воскресил балалайку, народный русский инструмент. С восторгом говорил о его игре: мазурки Шопена и другие выходят лучше на балалайке, чем на скрипке.

Л. Н.: Их сравнить нельзя; скрипка — певучий звук, балалайка — ритм. Мне трудно себе представить мелодичность, где ритм — главное.

Не помню, к какому разговору Л. Н. заметил: «Юриспруденция комическая». А к другому разговору Л. Н. заметил: «Как хлеб растить — это самое важное,— не знаем, а расстояние земли от солнца — знаем».

29 мая. Здесь Лев Львович, Л. А. Цуриков с Сережей Сергеевичем. Приехали живущие на дачах Надежда Павловна, И. И. Горбунов, Гольденвейзеры.

Иван Иванович говорил о предисловии Л. Н. к книжке «Жизнь и изречения Кришны». Говорил, что это никому не известно и что жизнь Кришны — смесь эпического — он и убивал — с легендарным евангельским. И

советовал учение одно отдельно печатать. Л. Н. охотно согласился с этим и предложил пропустить часть жизни или всю.

Л. Н. спрашивал, почему не печатают в «Посреднике» «Сократа» [1]. Иван Иванович ответил, что это была собственность учителей «Ясной Поляны», и Эрленвейн отнял право печатания у «Посредника» и продал «Общей пользе». Кроме Эрленвейна, жив из учителей еще Петерсон.

Заговорили о нем. Л. Н. сказал, что получает от него письма: увещевает перейти в его — бессмертника — веру и злится на него, что не принимает ее [2].

— Если бы мне принять все эти вероисповедания, в которые от меня настоятельно требуют перейти (епископ Гермоген, православные, теософы, баптисты и т. п.), то был бы такой кавардак!

Вечером Л. Н. говорил, что читал в «Былом», как Победоносцев поразительно настаивал на том, чтобы Александр III не давал конституции, и Вильгельм I тогда писал Александру: «Вы погубите себя и Россию, если дадите конституцию». Л. Н. советовал прочесть [3].

Л. Н. с Иваном Ивановичем о биографии Магомета, которую советовал составить Гусеву, и о его изречениях [4].

— У Магомета различать первый период — проповедника, второй период — человека, увлекающегося властью, полководца,— говорил Л. Н.

Л. Н. о письмах:

— Пишет из Тобольской старик: бросил торговлю, живет отшельником в 300 верстах от жилья «своими трудами» (не чужими, как тамошние странники) и спрашивает, когда праздновать Пасху. (Об этом есть разногласия между раскольниками [5].)

В комнате Николая Николаевича сидели Л. Н., Иван Иванович, Гольденвейзер, Николай Николаевич и я. Николай Николаевич рассказывал и читал о предстоящем открытии мощей Анны Кашинской [6], негодуя на нелепость и исторические подлоги. Л. Н. слушал и молчал. Потом, в зале, рассказав сам об этом деле, сказал:

— Такие вещи заставляют меня желать смерти, уйти отсюда.

В зале спор между Николаевым и Цуриковым о вегетарианстве: острый, нескончаемый. Вступился Л. Н. и закончил его:

— Вопрос нравственности никогда не состоит в совершенстве. Совершенство недоступно человечеству. Вопрос нравственности — приближаться к идеалу. А этот аргумент,— обращаясь к Цурикову,— что нельзя достичь совершенства, всегда приводится заступниками убийств, так, как неосуществимостью идеала оправдывают убийство.

30 мая. Утром приехал Мечников с женой. Столько о нем пишут газеты, так его выдвигают, так шумят, что у нас целую неделю и дольше, каждый день упоминалось о его предстоящем приезде. Газеты писали о дне, когда приедет в Ясную. С. А. Стахович хотела прибыть к этому дню и просила ей телеграфировать.

Л. Н. ради него и курсисток петербургских, которые на днях должны приехать, не уезжал из Ясной, а почти наверное на этой неделе уехал бы в Кочеты. Ничьего приезда в продолжение четырех лет в Ясной Поляне так не ждали, как Мечникова. Наглядный гипноз газет. Все были взволнованы, Софья Андреевна больше всех. Она прямо и обозлена, хотя и польщена, и было похоже даже, как если бы предстояла какая-то неприятность. Ко дню приезда привели в порядок около и внутри дома, дорожки песком посыпали и т. д. Один Л. Н. не волновался, приезду Мечникова не придавал значения. Когда кто-то упомянул, что Мечников и курсистки в один и тот же день прибудут, Л. Н. сказал, что не желал бы, чтобы в один день приехали. Курсисток, обращавшихся письменно к Николаю Николаевичу, Л. Н. пожелал видеть.

Утром было два репортера, два фотографа, из них один же и журналист,

и еще репортер «Русского слова». Я до часу не был дома. Застал гостей за завтраком. Л. Н. сначала старался развлекать Мечникова, говорил учтиво, avec esprit *, повторял некоторые шутки. Потом перешел в простой, непринужденный, сердечный, серьезный тон. Говорил больше Мечников и довольно много о себе, но без всякого самохвальства.

Мечников — здоровый, моложавый старик, 64 лет, среднего роста, широкоплечий, с толстой шеей, маленькими глазами в очках, лоб покатый, нос с горбинкой, рот приоткрыт и голос гортанный. По-русски говорит не совсем гладко. За завтраком и после очень обстоятельно рассказал про премии — московскую, даваемую комитетом Международного конгресса врачей, и Нобелевскую, даваемую Шведским комитетом медицинского факультета, на котором теперь никого из выдающихся ученых нет. Он предпочитает первую; получил обе. Из кухни Нобелевской премии сообщил Л. Н-чу, почему ее не дают Толстому: секретарь комитета премии — пиэтист и не прощает Л. Н. его религиозное учение.

Л. Н. спросил про медицинскую науку в Америке.

Мечников: В Америке пишут много, но выдающегося мало. Там все институты — на благотворительные деньги Рокфеллеров и подобных, и эти требуют, чтобы была эффективная книжная работа. В Америке есть нынче один выдающийся бактериолог немецкого происхождения: они приглашают выдающихся европейских ученых к себе. Но так как там любовь к деньгам, то ученые занимаются более частной практикой, чем научными исследованиями. Но он допускает, что в будущем центр медицинской науки может перейти в Америку.

Мечников говорил про свой гигиенический образ жизни: воду пьет только кипяченую **, алкоголя никакого, потому и квасу не пьет; говорил об опасности употребления сырых и немытых плодов, которые близ земли (земляника и т. д.) и в земле растут (овощи: морковь и т. д.). Ни в какие игры не играет, даже в шахматы.

По поводу чествований его в России говорил:

— Во мне еврейская кровь — в молодости преобладало во мне самомнение, теперь — застенчивость. Пастер во время чествования своего плакал: его речь должен был прочесть его сын.

Ясный, теплый день, сирень цветет, птицы поют; все на террасе. Приподнятое настроение. Фотографы снимали, потом попросил один из них Л. Н. и Мечникова перейти с веранды на площадку, где раньше играли в крокет, на «тот свет» (освещенную солнцем).

Л. Н. (*шутливо*): На тот свет идти? Очень рад.

Мечников о художественных произведениях Л. Н-ча. Л. Н. сказал, что мало помнит их:

— Я, действительно, не помню сюжета «Анны Карениной».

Мечников: Почему? Память ослабела?

Л. Н.: И память ослабела, и меня не интересуют прежние произведения.— И Л. Н. сказал, что они то, что паяц на наружной эстраде перед балаганом: привлекают внимание к настоящей его деятельности, к религиозно-нравственному учению.

Мечников говорил, что он наслаждается и чисто художественными вещами, например: как вынимает портмоне дама в «Воскресении». Л. Н. сказал ему, что этого он бы в жизни не заметил, а если заметил в «Воскресении», то потому, что фон серьезен. Эти художественные подробности только для того, чтобы чувствовалась реальность, то, что изображаемое происходит в реальности, а не во сне.

Л. Н. говорил про нынешнее свое писание: короче и яснее выражает то, о чем уже прежде писал, намекал.

---

* остроумно (*франц.*).

** и моется кипяченой.

Мечников говорил, что и он стремится к коротким и простым разъяснениям результатов исследований, научных истин и практических выводов.

Мечников говорил, что сам Столыпин против смертных приговоров; что в деле Лопухина Столыпин был счастлив, когда Сенат смягчил приговор его. Что это государь настаивал на строгом наказании Лопухина, лишившего его единственного его защитника — Азефа, который раскрыл два покушения против его особы.

Л. Н.: Вы мне разъяснили, чего я не понимал: Лопухин раскрыл негодяя и за это наказан.

Л. Н. и Мечников сидели на скамейке, около играющих в городки, разговаривая о земельном вопросе.

Мечников говорил, что земельная программа кадетов нелепа. Он говорит кадетам, что никто не сделал столько вреда России, как они. Нынешнюю реакцию они произвели. Экспроприацию земель помещичьих провозгласили и проводили они: Постников, Герценштейн; последний в душе был против нее, а в Думе говорил за нее.

Пополудни, с половины третьего до половины пятого, были Л. Н. с Мечниковым и Александра Львовна с Мечниковой у Чертковых. После, за чаем, И. И. Мечников очень подробно и интересно рассказывал о Софии Ковалевской — она была предназначена ему в невесты. Она была неглубокая математичка. Глубину мысли ее работ ей подавал самый гениальный математик XIX века Вейерштрасс. Она только разрабатывала его идеи. Это поверхностная работа. У Вейерштрасса была к ней старческая любовь.

Говорили о Гете. Мечников сказал о 2-й части «Фауста», что Гете ее написал по внушению Эккермана и в то время, когда 73-х лет был влюблен в 17-летнюю девицу; что вторая часть «Фауста» понятна только с этой точки зрения: плод старческой любви; что лучшая часть 2-й части «Фауста» — третий акт. Еще говорили о старческой любви В. Гюго: 83-х лет влюблялся в горничных, Ибсена (его письма к ..... * раздобыл Брандес и со своей известной неделикатностью напечатал). Мечников говорил, что у него много материала о старческой любви, он собирает его.

Л. Н.: Я вам не дам материала в этом отношении.

Мечников хвалил и советовал читать Л. Н-чу записки Эккермана, простирающиеся на 73—83 года жизни Гете. Мечников хвалил беседы Гете этого времени: говорил только о важном, глубоко, разумно. Л. Н. заметил, что самоуверенность у него была.

О женщинах. Мечников говорил, что лучшее в мире — женщины, а потом дети. Из детей девочки нежнее, милее мальчиков. Л. Н. на это сказал, что оба пола совершенно равны, что некоторые преимущества есть на стороне женщины (черты самоотвержения), некоторые — у мужчин.

Еще по поводу их разговора о террористах. Мечников говорил, что у руководящих террористов мания величия: он показал Л. Н-чу в «Русской мысли» (1909 г., январь) рассказ Ропшина «Конь бледный» и прочел из нее вслух. Л. Н. сказал, что это ему интересно для того, что он пишет, и согласился, что члены комитетов террористов очень занятны и что они высокого мнения о своей деятельности [1]. Вообще разговор был на тему о мании величия. Мечников о ней говорил.

О газетах. Мечников говорил, что, побывав в Думе, перестал читать отчеты думских заседаний. Л. Н. сказал, что он все меньше читает газеты, перешел на самую короткую — «Газету-Копейку», теперь даже и эту бросил.

Мечников говорил о рассаднике бактерий — толстой кишке.

---

* Пропуск в подлиннике. Имеются в виду письма к Э. Бардах.— *Ред.*

Поедет в Лондон к хирургу, удалившему 120 людям толстую кишку. Л. Н. не делал замечаний.

Вечером с девяти до десяти Гольденвейзер играл Шумана, Шопена, Скрябина; в 10.40 Мечниковы уехали. Когда прощались, подав друг другу руки, Л. Н. сказал Мечникову:

— Если до ста лет буду жить, то только для того, чтобы вам доставить удовольствие.— И еще сказал, что могут изредка переписываться.

Мечников хочет послать Л. Н. свои книги и книги о Новой Зеландии: о земельном вопросе там. Одной книги первую часть послал в 1904 г. и слышал, что Л. Н. ее не читал, а потому второй части и не послал. Сергей Львович помнил, что Л. Н. читал ее.

Интересные разговоры между Л. Н. и Мечниковым были утром, при которых я не присутствовал. В общем, Л. Н-чу Мечников был интересен своей живостью и как старик; Л. Н. любит стариков.

Около 30 мая. Л. Н. написал Обществу в Рейдте (округ Дюссельдорф): «Um an das Gute zu glauben, muss man es ausüben beginnen» *[1].

31 мая. Утром уехал Сергей Львович с Сережей и его учителем Цуриковым. Пополудни приехала В. С. Толстая с 18-летним племянником Сережей Григорьевичем Толстым, кадетом Орловского кадетского корпуса. Утром был корреспондент «Русского слова» Спиро, пополудни — другой корреспондент, «Утра», который был и вчера в качестве фотографа [1].

Л. Н. сказал:

— В дневник, как всегда, записал откровенно, как мне тяжело было говорить со Спиро.

О рекомендованном ему Мечниковым «Коне бледном» в «Русской мысли» сказал, что пробовал читать, но не мог. Плохо.

О письме раввина, в котором старается доказать, что всё, что в христианстве есть, было в еврействе, Л. Н. сказал, что письмо хорошее [2].

О какой-то статье Достоевского — выдержки из «Дневника писателя»:

— Очень гадки.

Лев Львович говорил про какого-то великого князя, который издал хорошие карты губернии с этнографическими картинами, очень дешево. Л. Н. просил достать их ему и говорил, что Мечников обещал послать ему книжку о диких, которые едят людей в Конго до сих пор. Мало того, берут в плен и ведут к начальнику, и он отмечает часть, которую желает для себя.

— А есть у этих людей религиозное сознание?

Л. Н.: Есть, так как есть уважение к предкам. Преклоняются перед духовным началом, а никак не перед телом.

Об охоте. Л. Н. объясняет дикость охотников и свою, когда он охотился, тем, что отсутствует отношение сострадания ко всякому живому существу:

— Ведь мне в голову не приходило, что́ я делаю. Я это объясняю тем, что охотник всецело́ поглощен охотничьей целью, которую преследует.

Лев Львович: Но какая разница — спасти жизнь щенят и человека?

Л. Н.: Никакой. Вопрос не в том: рассуждать, что́ из этого выйдет, а вопрос в том, что̀ мне велит мое внутреннее чувство. Вопрос не объективный,— объективно нельзя это решать, а субъективный. Потом есть постепенность: дошел до степени, что человека нельзя убивать, потом дошел до степени, что нельзя щенят, потом — комаров.

1 июня. Утром уехали прибывшие вчера В. С. Толстая с племянником Сережей, вечером Ольга Константиновна с детьми. У Л. Н. несколько дней изжога; очень устал от Мечникова, корреспондентов и множества людей,

---

* «Чтобы поверить в добро, надо начать его делать» (*нем.*).

бывших в день Мечникова, и от вчерашней дамы. Вчера была у Л. Н. барыня, принесла рукопись — повесть, которая уже была напечатана с пропусками в петербургском журнале, и настоятельно просила Л. Н. прочесть рукопись, и обиделась на него, когда он ее не взял. Сегодня первое число: месячные просители у Л. Н.

Возвращаясь с утренней прогулки, Л. Н. был бледен, с усталым видом. У крыльца сказал мне:

— Я вам троим — Саше, Николаю Николаевичу, особенно вам, врачу,— хочу сказать, чтобы вы оберегали меня от посетителей, от этой растрепанности. Умственно и особенно физически я чувствую такую усталость и головную боль. Я должен сосредоточенно работать.

Кто-то вспомнил вчерашнюю даму с рукописью. Л. Н. по этому поводу сказал, что если бы он стал читать присылаемые рукописи, то ему в его последних годах ни на какую другую работу не осталось бы времени. И странно, что они все обращаются к нему, который чувствует почти отвращение к литературе. Нужно было бы к нему меньше всего обращаться: он менее всех компетентен. Тут Софья Андреевна и Лев Львович возразили.

Л. Н.: Я настолько далек от литературы, что забыл даже свои собственные произведения. Я Мечникову сказал, что не помню, в чем сюжет «Анны Карениной», и действительно — не знаю.

Софья Андреевна стала ему напоминать. Л. Н. сказал, что это ему совсем неинтересно.

— И, главное, и слава богу, меня литература не интересует. Я напишу в этом смысле письмо, которое буду посылать в ответ присылающим мне свои рукописи [1].

Л. Н. говорил, что сегодня кто-то принес длинное-предлинное безграмотное стихотворение.

Лев Львович: Безграмотное — еще хуже.

Л. Н. (*ему*): Наоборот. Если безграмотное, то еще хорошо: есть стремление к духовному и есть оригинальные мысли.

Александра Львовна: Папа̀, поедешь в Кочеты?

— Я с удовольствием. Я хочу только отбыть тех, которых сам пригласил: Трояновского. А курсисток я больше ждать не буду: три дня прошли с назначенного времени.

Потом позвал к себе в кабинет маленькую Сонечку. Она спросила, можно ли просить чего в молитве. Л. Н. ей сказал, что просить ничего не нужно, а уж одно то, что она молится, само по себе помогает ей. И дал ей недлинную молитву *[2].

Сегодня был Перпер из Кишинева, издатель «Вегетарианского обозрения», 24-летний симпатичный, серьезный молодой еврей. Говорил, что первое русское сочинение о вегетарианстве профессора Бекетова написано в 1879 г. Бекетов в преклонном возрасте убедился, что в будущем пища человечества — вегетарианская [3]. А третье по времени — Л. Н-ча [4].

В газетах много пишут о свидании Мечникова с Л. Н. Софья Андреевна спросила, можно ли прочесть вслух Л. Н. просил не читать.

Л. Н. получил письмо из Германии о книге по алкоголическому вопросу с просьбой перевести ее и издать на русском языке [5]. Л. Н. вспомнил тут Челышова. Лев Львович, говоря о нем, что он отстоял в Думе ограничение продажи водки и что желал бы поговорить с Л. Н., спросил:

— Челышов может к тебе приехать?

Л. Н.: Что же, я рад буду. Я его деятельности очень сочувствую.

Л. Н. сидел за круглым столом и смотрел газеты. По поводу статьи о

---

* Записано со слов Варвары Михайловны.

ТОЛСТОЙ С ДОЧЕРЬЮ, Т. Л. СУХОТИНОЙ
Затишье, 20 мая, 1910 г.
Фотография В. Г. Черткова

предстоящей переписи в 1910 г. спросил, когда была последняя, и сколько насчиталось, и сколько теперь предполагается жителей.

Маковицкий: В 1897 году — 127 миллионов, теперь — 156 миллионов.

2 июня. Был Гольденвейзер. Шахматы. Л. Н. рассказал, что, когда ехали с Мечниковым вдвоем, то он начал говорить Мечникову о науке, желая узнать его религиозно-нравственные основы, и увидал, что у него никаких религиозно-нравственных основ нет.

— Я ему начал говорить: ««Вы ведь знаете, как я себе представляю знания? В виде сферы, из центра которой идут радиусы. Они могут быть бесконечны... Для верности формы сферы, нужно, чтобы радиусы были одинаковы, а здесь как же может быть, когда радиуса знания своего народа

никакого нет, совершенно не знают меньших братьев. Какое же это может быть знание?» *. Когда я ему это сказал, он ничего не возразил. Из этого я понял, что ему совершенно неинтересна религиозно-нравственная сторона. Я его не виню ни капли, потому что он очень милый человек, понятный: он всю свою жизнь посвятил науке. Мечников ответил: «Как же не верить науке, когда я спас семью, сделав операцию аппендицита (очень богатая французская семья, которая болела аппендицитом, и при исследовании оказалось, что она ела очень много сырых овощей, растущих в унавоженной земле из отхожих мест их прислуги.)

Утром от Генри Джорджа-сына телеграфный запрос из Самары — может ли приехать к Л. Н. [1] Пополудни Куприн спрашивал Софью Андреевну телеграммой, может ли приехать в середине июня. Ответила Софья Андреевна приглашением [2].

Л. Н.: Хотя мне с ним говорить не об чем: я читал «Яму» и не мог дочитать. Теперь я совершенно некомпетентен в литературе. Про себя скажу: сколько раз я принимался за художественное — не могу писать. Страсти нет.

Софья Андреевна: Это старость, для художественного нужна молодость.

Л. Н. на это сказал таким досадливым тоном:

— Ну, конечно, ты все знаешь! Я не могу написать, т. е. я могу написать, и это не будет хуже других, для печати, но я сам не буду удовлетворен, потому что это для меня не будет художественным совершенством, а будет только годным в печать. И будет написано,— Л. Н. засмеялся,— не хуже Андреева и Куприна.

Лев Львович, читая газету, проговорил:

— Стачки в Петербурге начались.

Л. Н.: Генри Джордж — единственное средство от них.

Лев Львович усомнился в возможности введения единого налога и спросил недоверчиво:

— Когда же, по-твоему, будет осуществлена система Генри Джорджа?

Л. Н.: Через 10—20 лет.

Лев Львович рассказывал Л. Н-чу, что Репин сначала лепил, потом снова стал писать. Слепил только два бюста: Л. Н. и Пирогова. Еще говорил о других живописцах, бравшихся за лепку.

Л. Н.: Я думаю, что живописцы, которые берутся за скульптуру, слишком смело берутся.

Л. Н. днем поскользнулся, вечером у него разболелась нога.

3 июня. Утром нога меньше болит. Л. Н. спрашивал о больном, про которого я ему говорил третьего дня. Он умер. Я упрекаю себя, что не пошел к нему в тот вечер, когда меня звали, а только утром. Не пошел же потому, что был у нас Мечников; хотелось слушать разговор, и этим грешил нередко — не посещал больных потому, что не хотелось пропускать беседы Л. Н. с гостями.

Л. Н. подробно спрашивал его о возрасте, семейном положении, болезни и кончине. 38-летний железнодорожный сторож был болен инфлуэнцальным тифом, бурным бредом. Бредил полтора дня, после — прострация. Накануне дня смерти опять бред, тут я должен был вечером пойти к нему; к вечеру скончался.

Л. Н.: Важность определяется не последствиями, а внутренним сознанием. Тут не важно то, что больной помер и что потому грешно, что не пошли к нему вовремя; так же грешно было бы, что не поехали, если бы он остался жив. Последствий предвидеть нельзя. Важно внутреннее сознание.

Л. Н. из-за боли ноги провел день в кресле. За обедом Л. Н. спросил:

---

* Об этом в новой статье «О науке».

— Кто читал «Душечку»?

Разговор об этом типе женщины и о Чехове: как выдержал характер «Душечки» и как хотел над ней посмеяться.

Л. Н.: Женщины меня упрекают за «Душечку». Она способна любить, а когда любишь, переносишься в интересы другого.

Александре Львовне «Душечка» как тип не нравится. Приравнивала к «Душечке» свою подругу Н. М. Сухотину-Оболенскую, которая теперь говорит языком мужа противное тому, что раньше говорила. Раньше защищала вегетарианство, теперь осуждает.

Л. Н.: Эта черта смешна, а на чем она основана — хорошо. Выше любви ничего нет.

Л. Н. рассказал содержание своего «Послесловия» к «Душечке», что Чехов не чаял, что́ писал.

Л. Н. написал генералу Ершову, приславшему книжку о стенографии. Третьего дня, говоря о стенографии как об очень полезной, высказался, что стенография заменит письмо (в будущем) [1]. Вечером были Николаев и Перпер с 8.30 до 9.40. Я при их беседе не был.

Почтой получен один экземпляр «На каждый день» Л. Н. (июнь) с вложением пропущенных тринадцати изречений, переписанных на реминг-тоне. В тексте они обозначены точками.

Л. Н. прочел вслух 1 июня:

— Не пропустят. Это вам, Душан Петрович,— и прочел второе из изречений от 3 июня: «Беда, если человек освободит себя от связи с ближним и скажет про другого: «Это дрянной, пропащий человек», и перестанет видеть в нем брата. Такой человек отрежет себя не от одного такого человека, но от всех людей» [2].

Перпер говорил о своем намерении пожить у Германа и поработать в его прекрасной немецкой библиотеке. Герман — сотрудник десятка немецких журналов. Л. Н. спросил о нем: «Наших ли он взглядов?» Сергей Дмитриевич ответил, что он вегетарианец и земледелец.

Л. Н.: Вегетарианство на первом плане? — И Л. Н. объяснял Перперу (я плохо запомнил), что как дети любят сначала цветки, потом зверьков, потом некоторых из людей — мать, отца, можно остановиться на преимущественной любви к вегетарианству. Другой путь: полюбить бога, а через него людей, потом животных.

— Это настоящее,— сказал Л. Н.

Л. Н. вспомнил, что Мечников ему говорил о справедливости — что людям не до нее. Кто-то, по поводу речи какого-то французского оратора о справедливости, сделал Мечникову замечание: «Помилуйте, la vérité ne sauvera pas la république» *.

Л. Н.: Хочу дать англичанину (Тапселю-фотографу), все забываю, увеличить портрет брата — Николая Николаевича.

Л. Н. говорил, что получил письмо от Брайана и сердечно отозвался о нем:

— Будет тема, о чем говорить с Генри Джорджем-сыном.

Брайан пишет и об отзыве Л. Н. о нем [3]. Во время последних выборов президента Соединенных Штатов Л. Н. сказал одному американцу, что желал бы им в президенты Брайана: «Победили капиталисты, но он все-таки надеется, что будет президентом».

Лев Львович рассказал про своих знакомых американцев и как он желает поехать в Америку — интересная страна. У них больше грубости и дикости, чем в России. Актеры после серьезной драмы исполняют на сцене ради широкой публики, по ее вкусу, такие вещи, которые у нас ни один актер не согласится играть. У американцев корыстолюбие.

---

* истина не спасет республику (*франц.*).

Л. Н.: И англичане в приличной форме корыстолюбивы, и они мастера игнорировать все, что их обличает.

Л. Н.: Мне очень интересен Генри Джордж-сын. Николаев говорил про него, что он продолжает деятельность отца, скромен, умен. Он наверно едет через Японию, кругосветное путешествие; женат на японке, сможет рассказать про Японию. Душан Петрович передал интересное, что слышал от солдата — железнодорожного рабочего — про Японию. Он был в Японии в плену, приглядeлся к их жизни, и теперь он дома. При постройке дома у себя по ихнему способу, приспособлением рычага сам передвигал бревна, которые пять человек взваливают на телегу; и другие делают это по его примеру. Он знает китайский язык. Хвалит китайцев. Говорит, что они рослы, но слабы, а японцы напротив. Если буду жив, непременно съезжу к этому рабочему. Какая перемена! Что на моей памяти была Персия, Турция, Япония...

Николай Николаевич: Россия.

Л. Н.: Она тянулась за Европой. Индия теперь издает журналы, Япония...

Л. Н. рассказал про телятинского мужика, которого будут судить за то, что сказал об образах, что они деревяшки, которые ничем помочь не могут.

— Непременно поеду на суд и буду себя вести, как вы, с замкнутым ртом,— сказал, обращаясь ко мне.

— Почему столько безработных? — задал вопрос Л. Н. Лев Львович и мы, другие, пытались ответить, но не умели объяснить.

Н. Н. Гусев (Нерперу, удивляющемуся бодрости Л. Н.): Вы не обманывайте себя. Это Лев Николаевич иногда подбадривает себя при чужих. Иногда возбуждается, а потом бывает упадок.

4 июня. Четверг. Утром приезжал Б. С. Трояновский — балалаечник, виртуоз и композитор, около двадцати пяти лет, из оркестра Андреева; с ним аккомпаниатор на фортепиано — немец Шульце, восемнадцати лет.

Вечером, с 7 до 11, с перерывами играли [1]. Днем приехала Мария Александровна, вечером пришли слушать чертковские: Анна Григорьевна, Вера Сергеевна с сестрой, Калачев, Перевозников и другие балалаечники, яснополянские ребята, играющие на гармониках, девки, кучера и другие. Сидели в зале. Мне русские песни их так понравились, как когда их играли Мария Львовна с Михаилом Львовичем и Александрой Львовной и под пение всех и самого Л. Н. в прежний мой приезд в Ясную Поляну. Тогда мне это было самым большим удовольствием: сравнить мог только с тем, которое получал на концертах хора Славянского, когда приезжал в славянские земли.

Трояновский начал со старинной песни — «Пивной ягоды». Очень, очень понравилось всем. Потом Венявского мазурку, Дюрана вальс, Андреева вальс, Абазы «Пиччикато», «Камаринскую», «Вниз по матушке по Волге» и т. д. Когда играли «Светит месяц», Л. Н. сиял улыбкой. Хвалил овернскую народную плясовую.

В перерыве Софья Андреевна заметила, что Трояновский играл у государя несколько раз.

Л. Н.: Вы играли у государя? Что же ему больше всего понравилось?

— Государь любит больше всего «Камаринскую» и вальс Дюрана.

Л. Н.: А я от «Камаринской» ждал больше. У вас вариации очень быстры, мелодия теряется.

Лев Львович заговорил с Трояновским о русских песнях и балалайке. Трояновский говорил, что русская песня выходит на балалайке лучше, чем на каком бы то ни было инструменте, и что русской песне, игранной на балалайке, подражали все русские композиторы.

После чая сыграли «Соловья». Л. Н. воскликнул: «Bis!» Повторили.

Л. Н.: Очень вам благодарен. Чем вы еще хотите порадовать нас?

— Я сыграю еще венгерскую песню, «Чардаш» это называется.

Затем сыграли тульскую «Под яблонькой». Л. Н. топал ногой, похваливал и вспомнил:

— Эту брат (Сергей Николаевич) очень любил.

В перерывах Л. Н. много беседовал с Трояновским и Шульце и особенно с Гольденвейзером, потом с гостями от Чертковых; их водил в кабинет, показывал и объяснял им фотографии с картин Орлова.

В перерыве Л. Н. говорил, что есть преимущества скрипки и голоса и есть преимущества балалайки. В скрипке и голосе — тон, главное попасть в самую точку тона; в балалайке — техника и ритм, в которые надо попасть (в самую точку ритма).

Еще сыграли «Во саду ли, в огороде», «По улице мостовой».

Л. Н.: Хорошо! Старинная.

Гости ушли. Потом Л. Н. Трояновскому и Шульце заметил, что в переложениях Трояновского русских песен на балалайку — например, «Барыни» (мне кажется, что Л. Н. сказал «Барыни») — есть изменение темпа, а этим нарушается характер. На это они сыграли еще раз «Пивную ягоду».

Л. Н.: Здесь прекрасное замедление. Это все прекрасно: эти замедления украшают. Здесь не повторяется один и тот же мотив в разных темпах. Я восстаю против того самого мотива — раз в медленном, раз в ускоренном темпе.

Л. Н. советовал им выучить «Варяга» — песню, которую слышал в Троицын день от яснополянских ребят (Фильки Макаркина и Васьки Фоканычева) на гармошках с подхватыванием пением. Техника у Трояновского удивительная: иногда правая рука отдыхает, а одна левая играет: нажимает струны и бренчит.

Вечером с 11.15 до 12-ти Л. Н. читал письма, между прочим, письма Владимира Григорьевича к Анне Константиновне, которая болеет инфлюэнцей и высказывала желание видеться с Владимиром Григорьевичем, что ему и телеграфировали.

Л. Н.(*мне*).: Может быть, Чертков приедет завтра. Не будет ли ему за это?

Еще мне сказал о книге, которую стал читать: «Les sept femmes de la Barbe Bleue» par Anatole France [2].

— Вот глупая книжка какая, удивительно!

Лег в четверть первого.

В перерывах игры Николай Николаевич в своей комнате читал чертковским письма, полученные на днях Л. Н.: от семидесятилетнего сибирского старообрядца-отшельника (из Колывани), от киевского семинариста, ответы Л. Н., фельетон корреспондента-фотографа в «Раннем утре» и статью С. Яблоновского в «Русском слове» [3] по поводу слов Л. Н-ча Мечникову, что не помнит сюжета «Анны Карениной». Николай Николаевич передал мне, что Л. Н. сегодня говорил об этой статье Марии Александровне, что тронула его: «Наконец-то публика начнет понимать, что̀ я долблю десятки лет».

Уезжающему завтра в Москву Гольденвейзеру Л. Н. поручил справиться, почему «Русское слово» не напечатало его заметку о Генри Джордже, посланную через корреспондента, который привез корректуру (около 1 июня). Предположение, что «Русское слово» из осторожности не печатает ее: трусливо стало.

5 июня. Пятница. Пополудни приехали через Японию и Маньчжурию Генри Джордж-сын из Нью-Йорка, около 38 лет с мистером Муром из Чикаго, 41 года. С ними Куприянов, тульский корреспондент «Русского слова». Потом трезвенник, деятель Московского общества трезвости, ко-

торый уже раньше писал Л. Н-чу [1]. Трезвенник горячо спорил со Львом Львовичем о деятельности Челышева, который идет и на компромиссы, т. е. на ограничительные меры продажи водки, а этим только портит дело трезвости. Надо одно: побороть в себе желание пить, и тогда не надо ни ограничения числа кабаков, ни ограничения часов продажи. Л. Н. находил это осуждение Челышева строгим.

Трезвенник нападал на него еще и за то, что в доме его отца есть продажа водки. Л. Н. на это сказал ему, что от этого истина, которую Челышев проповедует, — воздерживаться от водки, — не перестанет быть истиной, а это слабости. Трезвенник за обедом не пил квасу из-за того, что там тоже алкоголь.

Л. Н. с Генри Джорджем-сыном долго беседовал в кабинете и зале в обществе С. Д. Николаева, переведшего на русский язык все сочинения Генри Джорджа, кроме двух, скромного и застенчивого и поэтому почти не говорившего. Л. Н. ради гостей остался дома, пропустил прогулку.

Трояновский играл гостям. Генри Джордж очень оценил игру Трояновского, смотрел на его ловкие руки и звал его в Америку. Русские песни произвели на него сильное впечатление.

После обеда, пробыв еще короткое время, американцы собрались уезжать. Когда Генри Джордж прощался с Л. Н. и сказал ему «До свиданья», Л. Н. ответил, что «на том свете», и спросил, что́ поручит передать отцу. Сын остановился на лестнице и сказал Л. Н., перегнувшемуся через перила площадки: «Скажите ему, что я продолжаю его дело».

Когда Л. Н. это сказал, вернувшись в залу, у него на глазах выступили слезы. О Генри Джордже-сыне:

— Он мне очень нравится.

Николаев на мой вопрос, глубокий ли человек Генри Джордж-сын, ответил мне:

— Я не сказал бы, что глубокий, насколько я его узнал. Я его отдал бы на некоторое время в ученики ко Льву Николаевичу, чтобы привести в связь политические взгляды с нравственно-религиозными; он очень полагается на политические меры.

Генри Джордж-сын с Л. Н. говорил о растущем богатстве богачей и о растущей нужде рабочих и безработных [2].

Л. Н.: A mean against the evil shall be found *, — и сказал, что имел с Николаевым разговор о том.

Л. Н. получил от К. Хиллера письмо о том, что Бернард Шоу написал драму [3], где одно лицо упрекает бога, спорит с богом. Цензура запретила ее. Газеты восстали против, а К. Хиллер защищает.

Вечером Трояновский и Шульце опять концертировали и Филька Макаркин с Васькой Фоканычевым сыграли им те песни, которые понравились Л. Н. Были чертковские.

6 июня. Л. Н. посидел в кресле, но к обеду пришел с палкой. Говорил о социалистической статье, какое будет социалистическое устройство. Брак будет временный, т. к. дети будут обеспечены. Люди не будут жить на месте, а в путешествиях. Денег не будет, а чековая книжка у каждого. Л. Н. говорил, что для него только загадка, во имя чего будут управлять. Предполагается, что у управляющих будет справедливость. Где ее взять? Какие это должны быть люди? И теперь уже трудно править, все очень сложно, а тогда будет еще сложнее. Люди живут или страстями или самоотречением. Справедливостью жить трудно [1].

Л. Н. рассказал про новую книгу Анатоля Франса, которую он прислал ему: «Les sept femmes de la Barbe-Bleue». Ряд сказок. Сперва живо,

* Средство против зла будет найдено (*англ.*).

интересно, к концу скучно. Л. Н. отмечал места интересные и прочел вслух некоторые из них: про докторов, про женщин и их кофточки и конец сказки «Царская рубашка» — про живущего в дупле дерева дурачка, у которого ищут рубашку для царя [2].

Третий вечер концерт Трояновского, чертковская молодежь. Л. Н. о нем сказал, что играет непосредственно, и, сравнивая его с Гольденвейзером, которого очень любит, отметил, что у того манерность.

Решено послезавтра ехать в Кочеты.

7 июня. Были С. Д. Николаев и Е. П. Кутелева, фельдшерица, знакомая Толстых с голода, где помогала. Ее посещение было приятно Л. Н.

Решено поехать в Кочеты завтра утром. Собирались, укладывались полдня. Поедем: Л. Н., Софья Андреевна, Николай Николаевич, Илья Васильевич и я. В Ясной остаются Александра Львовна, Варвара Михайловна и Лев Львович.

У Льва Львовича начата работа над бюстом Л. Н. Его уговаривали поехать вместе, чтобы продолжать работу, но решил кончить ее в Ясной по памяти.

8 июня. В 8.13 утра выехали: Л. Н., Софья Андреевна, Николай Николаевич, Илья Васильевич и я из Ясной Поляны в Кочеты. Провожали: Александра Львовна, Варвара Михайловна, Дима Чертков, фотограф Тапсель, который и снимал на платформе Л. Н-ча одного и с другими.

Софья Андреевна с Л. Н. сели в первый класс. Некоторые, узнав, что едет Л. Н., ходили смотреть в вагон или в окно. Было слышно: «Слаб, дряхл стал». Л. Н. интересовался полями, народом на станциях. В Лазареве сел А. М. Сухотин, 20-ти лет, в студенческой форме. Л. Н. хотел писать и пересел в особое отделение один. Но скоро за ним туда вошел бывший начальник станции и стал Л. Н-чу рассказывать свою историю.

Л. Н. вышел и пришел к нам, т. е. к Николаю Николаевичу и ко мне, во второй класс. Возле нас сидели два московских студента. Никакого внимания не проявляли и, когда в Мценске слезали, даже не поклонились Л. Н. Меня это поразило.

Л. Н. перешел в Мценске в вагон третьего класса, но скоро вернулся.

Л. Н. в Кочетах рассказывал о Мечникове:

— Он старался доказать, что наука приводит к тем же выводам, что и нравственность, но это ему не удавалось. Мы с ним обменялись в газетах любезностями: я об нем, он в «Русских ведомостях» обо мне [1].

Гулял по орловской станции, но узнавали его немногие и те не передавали другим, кроме знакомых, так что к общему вниманию, не то что к общему проявлению восторга (как это было бы в Чехии) не пришло.

В Орле село много народу, особенно дворян: сегодня или вчера встречали в Орле великого князя.

Л. Н. с Софьей Андреевной нашли себе место в общем большом купе первого класса. Л. Н. рассказал с выражением усталости, что был у него, заходил к нему в купе, студент, просящий помощи. Ему это было неприятно.

Л. Н. прочел у нас «Круг чтения» на сегодня. Сказал, что купил петербургское «Слово» и что хочет прочесть об аварии воздушного шара над Петербургом.

Л. Н. разговорился с предводителем дворянства Матвеевым, перекрестившимся раньше, чем сесть, и купившим «Новое время», разговорился с ним о Генри Джордже: по поводу посещения его сыном Л. Н-ча писалось в газетах.

В вагон нашло много людей из других вагонов послушать или посмотреть Л. Н. Обер-кондуктор хотящих смотреть не впускал, говоря, что это неприлично — тревожить.

В общем купе, кроме Л. Н. и предводителя, сидели одни дамы, у

дверей же и в коридоре стояли прислушивающиеся мужчины. Один — бывший управляющий, теперь владелец небольшого имения — серьезно заинтересовался речами Л. Н., и, когда Л. Н. перешел в наше купе второго класса (куда я привел китайца) и стал говорить с китайцем, этот владелец имения пришел, прислушивался и потом стал сам расспрашивать Л. Н. о боге и о посмертной жизни.

Л. Н. заметил его серьезность, искание правды и сказал нам после, какая разница между..... *

Л. Н. раньше вышел в коридор к открытым дверям и тут разговаривал с китайцем — продавцом шелковых материй из Шанхая. Показал ему, китайцу, английскую книгу религиозную. Китаец читал. Спрашивал у него, как молятся, что знает о Будде. У китайца добродушная улыбка, кроток и образован. Отвечал со знанием, по-русски довольно хорошо объяснялся.

Когда Л. Н. ушел, я спросил его, знает ли что о Толстом. Нет, ничего не слыхал.

В пятом часу слезли с поезда в Благодатной и поехали на четверке крупных лошадей в просторной четырехместной коляске в Кочеты. Сначала по широкому Новосильскому шляху, потом свернули влево на проселочную дорогу, тоже довольно широкую. У Л. Н. была изжога. Был угрюм, сидел с протянутой ногой.

А. М. Сухотин сел к кучеру Михаилу на козлы. Л. Н. любовался густой пшеницей. В Ясной ее теперь не сеют. Л. Н. сеял.

— Какой богатый край! Чернозем — справа, слева, без конца! — сказал Л. Н.

Потом проехали мимо лесов и имений князей Голицыных. Встречающиеся все — старые, молодые — кланялись нам. На это Николай Николаевич заметил, что здесь народ смиреннее. Я заметил, что это дело учителей — выучить кланяться, что и в десяти верстах от Ясной Поляны в Головеньках кланяются.

Николай Николаевич: Но одни дети!

Может быть, предполагая, что я одобряю кланяться барам, потому что они баре, Л. Н. сказал:

— Я бы на их месте плевал: четверка, лесá, а им нечем сад огородить.

Л. Н. об Але, который подсел в Лазареве (Л. Н. его не узнал):

— Я, должно быть, обидел его, спросив его, кто он. Он твердо знает, что есть он один. Должно быть, был оскорблен.

На крыльце ждали.

9 июня. Утром Л. Н. trochu mrzuty **.

В половине десятого Танечка водила за руку дедушку по всему дому, показывая комнаты.

— Вы бы меня лучше сюда поместили, — сказал Л. Н. Татьяне Львовне, взглянув в двери на мою комнату. — А там боюсь, что что-нибудь сломаю.

Л. Н. помещен в крыле молодых (Льва Михайловича с семьей. Они уехали), где очень изящно. Зеркало, показывающее с трех сторон, просил накрыть.

Л. Н. писал до 2.20 [1], позавтракал один и пошел гулять. В 4 вернулся домой. Рассказал Гусеву и мне, что интересно было ему на новом месте поговорить с крестьянами и учителем. Говорил о земле и о Генри Джордже. Крестьяне неграмотные. От них Л. Н. услышал и удивился (а подтвердил учитель — сам крестьянин из горбовских учеников — учителей), что аренду за землю у Голицыных, Свербеевых платят под озимую

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

** немножко не в духе (*словацк.*).

«РУССКИЕ МУЖИКИ. КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Н. ОРЛОВА С ПРЕДИСЛОВИЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО». СПб., 1909

Обложка

«Л. Н.: «Орлов — это, по-моему, самый лучший художник России. Изображает крестьянскую жизнь. Теперь издают его альбом... картин. Александра Львовна принесла только что полученный экземпляр альбома Н. В. Орлова «Русские мужики». Л. Н. стал смотреть и удивлялся: «Я не понимаю, как его художники не оценят. Я бы его расцеловал. Я это буду каждый день смотреть».— Записи от 6 августа и 18 октября 1909 г.

25 р., под овес — 20 р. кругом, считая третий год па́ром — 15 р. Потом, после Первой думы восемь дворов купили у Михаила Сергеевича землю по 140 р. Михаил Сергеевич и княгиня Голицына предлагали тогда всем купить. Не соглашались. Одни богатые купили, а теперь жалеют. Княгиня Голицына теперь согласна за 250 р.

Л. Н., когда об этом опять за обедом говорил с Михаилом Сергеевичем, сказал ему, что жалко, и для них, «и для вас», что крестьяне тогда не купили.

Л. Н. спросил Николая Николаевича:

— «Революционной» нашей литературы у нас нет — дать учителю?

Потом говорил о Генри Джордже и спросил:

— Читали ли вы «Круг чтения» на сегодня, 9 июня, Рёскина, что мир — ослиные уши: в одно говоришь, другим выходит [2]? Это чувство, которое испытывал Рёскин, я понимаю (Л. Н. намекал на свою проповедь).

За обедом Л. Н. сказал:

— Дочитал «Misunderstood» — роман. Какая глупость! — И Л. Н. сказал, что трагизм в том, что мальчик должен ушибиться, сделаться калекой и от этого должен быть несчастным. У англичан, здоровых, любящих здоровье, это (не быть здоровым) — трагизм.

— В шкапу Тургенев в десяти, Белинский в двенадцати переплетенных томах. Дребедень! Да и никто не читает. — И еще Л. Н. сказал о них, что, если бы их не было, не было бы прорехи в литературе. Лично Тургенев был очень изящный, очень милый человек.

Л. Н. про сюжет романа «Misunderstood» by Florence Montgomery:

— Мальчик не хочет лечиться; выздоровев, остается хромым и помирает. Полное отсутствие самых первобытных религиозных убеждений. — Л. Н-чу не нравится: «Самая английская книга».

Татьяна Львовна сказала, что ей роман нравился, читала молодой. Л. Н. на это сказал, что и Чертков был растроган. Он ему, Л. Н-чу, рекомендовал прочесть. Л. Н. после сказал, что, может быть, потому, что

Чертков перенес себя и Диму в положение лиц романа, потому его трогало.

Михаил Сергеевич рассказал, что прочел два первых рассказа из книги А. Франса «Les sept femmes de la Barbe-Bleue». Язык красивый, сколько таланта потрачено на такой вздор!

Л. Н. согласился с его мнением и порадовался, что Михаил Сергеевич с ним одинакового мнения: одинаково оценили эту книгу.

Н. Н. Гусев хвалил книжку В. Соловьева «Магомет» и самого Магомета. Л. Н. поручил ему составить короткое жизнеописание Магомета [3].

За чаем говорил о мужиках, корчующих пни, с которыми Л. Н. беседовал. Л. Н. о них:

— Самые настоящие русские мужики, средние, каких 99%. — И говорил, что приятно было ему с ними говорить. В Ясной это — М. Зорин, Фоканычев — определенные лица, а тут это общий тип *.

Потом говорили о том, что много деревьев в парке вырублено сыновьями Левой и Сережей. Михаил Сергеевич сострил, что у него конституция: он ограничен в самодержавии. Л. Н. просил напомнить ему этих сыновей Михаила Сергеевича. Михаил Сергеевич рассказал про Сережу 22-х лет, что он занимается психологией, но в собраниях студенческих читает про будущую политику японскую, об орошении Туркестана. Знает многое, но поверхностно.

Л. Н.: 22 года — это такой возраст, когда все всё знают.

Л. Н. говорил, что читает Малатесту. Там выписки из Бакунина, поразительно хорошие, например, о солидарности народов; тут он — Бакунин — с большим трудом избегает слова «любовь» [4].

Л. Н. говорил с П. Г. Дашкевичем, бывшим семинаристом, о семинаристах, идущих в монахи или в академию, что они психологически ему интересны, потому, что теперь, под влиянием модных взглядов, они не могут верить в искренность монашества; что психология их ему кажется тяжелой; что они — карьеристы и должны делать то, во что не верят.

Татьяна Львовна пустила граммофон. Собинов, Татьяне Львовне столь нравящийся певец, Л. Н-чу совсем не нравится. О пении Марии Михайловны, своей невестки, Л. Н. сказал:

— У нее не было того ухарства, а была задушевность большая.

Татьяна Львовна прочла «Даму с камелиями». Л. Н. не вспомнил сюжета, но помнил впечатление: балл — 4.

— Дюма искренно любил то, что описывал, и это заражает: ты входишь в его душу, — сказал Л. Н.

Разошлись в 11.15. После обеда были шахматы.

10 июня. Л. Н. после восьми вышел гулять по саду. Боль ноги прошла совсем. Пополудни поехал верхом на Монголе — сером красивом киргизском мерине Михаила Сергеевича. Подробно рассказал, куда ездил по деревням (Ржавец, Ломцы) 15 верст, о чем поговорил и с какими мужиками:

— Лошадь пуглива. Нельзя спокойно мыслить на ней, да и рысью тряска.

Пожелал вперед на другой ездить.

Михаил Сергеевич после обеда рассказал Л. Н-чу, что̀ почерпнул из газет: 1) о суде в Генте или Брюсселе над Гартенштейном, анархистом, русским евреем, убившим двух бельгийских полицейских. Он себя выдавал (и это П. Г. Дашкевич несколько дней тому назад читал в газете) за последователя Толстого.

Л. Н.: Вот какой последователь!

Его приговорили к пожизненной каторге.

Шахматы с Михаилом Сергеевичем.

---

* Илья Васильевич выразился так: «Здесь народ руссее». Это говорил мне Л. Н.

Вечером Л. Н. говорил о письмах, которые получает от старообрядцев, что он на них очень рад отвечать, не по долгу, а просто непосредственно рад, и что его ответы таким искренним людям — не произведения, а возможно краткое и ясное высказывание им того, что им нужно, о чем спрашивают. А студенту, спрашивающему, прав ли Геккель, учащий, что не только самоубийство, но и убийство ненужных членов общества оправдываемо наукой, — противно отвечать. Он (Л. Н.) и написал ответ, и поправлял, но не отошлет [1].

Л. Н. особенно тронуло письмо безграмотное трех братьев, московских купцов, о вере. Он ответил им вкратце и общо. Они написали ему второе письмо: «Кто ты такой (т. е., какого толка, секты и на каком основании учишь), и ты не торопись, а отвечай подробнее». Это письмо — Л. Н. сказал — ему приятно, и то что с ним на *ты* говорят [2].

Л. Н. говорил, что все читает Малатесту, Бакунина (в «Былом»?). Бакунин пишет, что правительство сеет и поддерживает только задор между людьми.

— Он прав, — сказал Л. Н.

Л. Н. сейчас пишет: 1) «Молитву», 2) «Нет в мире виноватых», 3) «Единую заповедь».

11 июня. Утром было 41 заказное письмо, кроме простых. Это накопилось в три дня.

В 4 часа, возвращаясь с Дориком из купальни, встретили близ дома Л. Н. на Киргизе. Дорик спросил Л. Н:

— Что, хорошая лошадь?

Л. Н.: Прескверная. На ходу среди дороги упала на колени. Если бы я не знал, как ездить, упал бы с нее вперед головой. Долго не вставала.

Л. Н. рассказал о Треханетове, какая там беднота. Михаил Сергеевич ответил, что хозяева самых запущенных изб — это именно самые богатые: они углекопы, уезжают, приходят хорошо одетые, но там пьянство.

Приехала А. В. Свербеева (жена советника посольства в Вене С. Н. Свербеева) из Сетухи (десять верст) с фельдшерицей 50 лет, маленькой, щупленькой. Она приняла сегодня 112 больных, а на днях в один день — 166. Но в такие дни к концу приема шалеет, голова кружится, просит остающихся уйти и придти в другой раз.

Еще приехали другие: Мамонтов со свояченицей Л. Д. Свербеевой. Мамонтов живо интересовался произведениями Л. Н. Свояченица пела с Михаилом Сергеевичем. Винт. Граммофон: Варя Панина. За обедом между Татьяной Львовной и Николаем Николаевичем спор о влиянии Черткова на Л. Н., как о нем писал Розанов * в «Русском слове». Николай Николаевич допускал, что влияние Черткова только то, что Л. Н. не печатает ничего против воли Черткова: чего Чертков не одобряет, то остается в рукописи **. А Татьяна Львовна утверждала, что Чертков имеет на Л. Н. влияние в том смысле, что Л. Н., поправевший во время революции, под влиянием Черткова (влияло и другое) полевел. Николай Николаевич это отрицал. Пришел Михаил Сергеевич и утверждал то же, что Татьяна Львовна, вспоминал, как Беркенгейм и Никитин бывали поражены этим.

Я (Душан Петрович) очень хорошо вижу огромное влияние на Л. Н., прямо деспотическое, Владимира Григорьевича, так враждебного к правительству и правым партиям и так склонного к революционерам.

Владимир Григорьевич смотрит на правых, как на запроданных, по природе своей злых или хоть извращенных дотла и безнадежно людей. К ним он до того враждебен, что не только статей Л. Н. никогда в пра-

---

* Он утверждал, что Чертков толкает Л. Н. на проповедь.

** А касательно художественного Чертков поощряет Л. Н.

вые газеты не посылал печатать, но даже никаких поправок туда не посылал, когда они ошибались о Л. Н., например, когда попадались на уловку левых, присваивавших себе Л. Н. как революционера. А я посылал им (правым) «Обращение к русским людям». Владимир Григорьевич негодовал и перестал мне давать вырезки из газет, по которым я узнавал, что̀ пишут правые газеты о Л. Н. Когда Меньшиков перепечатал приписываемую Черткову статью Файнермана-Тенеромо о Ясной Поляне и Чертков сказал, что статья эта не его, но что он знает, кто ее написал, он мне препятствовал написать Меньшикову об этом и стерпел, когда Софья Андреевна обрушилась на Меньшикова, приписывая ему всю тенеромовскую клевету. Стало быть, Владимир Григорьевич сознательно препятствовал тому, чтобы Меньшиков был выведен из заблуждения, и способствовал, чтобы Софья Андреевна обрушилась на Меньшикова, как на клеветника, а клеветником был Тенеромо.

12 июня. Л. Н. утром рано вышел гулять. Пополудни гулял по парку всего 15 минут.

Татьяна Львовна говорила о Танечке, как она много требует рассказывать. Что она уже теперь озабочена, какой выбор книг ей составить. По поводу этого после завтрака с нами Л. Н. прочел нам вслух из старого «Круга чтения» 1 января Сенеки и Шопенгауэра и еще некоторых изречения о чтении книг. 1 января старого «Круга чтения», где Шопенгауэр говорит, что 99 процентов книг пустых, Л. Н. поправил на 99,9% [1].

Николай Николаевич прочел вслух очень хорошую беседу петербургского интервьюера с Генри Джорджем-сыном о его впечатлениях от России, Толстого и Ясной Поляны. Л. Н. не сказал ничего, но, очевидно, его эти впечатления Генри Джорджа интересовали [2]. Был председатель уездной земской управы — Свербеев. У Сухотиных тихо, мило, приятно. Софья Андреевна говорит, что Л. Н. доволен приездом. Я читаю о внутренних болезнях и помогаю в лечебнице. Сегодня я прочел у Молоствова («Л. Н. Толстой», первый том) о матери Л. Н. Надо один материал перевести в «Pohlady». Каюсь в грубости, ненависти к Софье Андреевне. Л. Н. ко всем терпелив, внимателен. Лишь себе не прощает. Вот так и мне надо.

После обеда шахматы в гостиной. Л. Н. полулежа на кушетке. Я застал, когда Михаил Сергеевич читал Тургенева стихотворения в прозе. Прочел какое-то страшное о мухе, укусившей одного из собеседников. История какая-то таинственная; по-моему, непохоже на Тургенева, а скорее на более старых писателей. После этого Михаил Сергеевич прочел еще другое.

Л. Н.: Что сказал бы критик, если бы подписать: Сильвестр Иванов?

Потом прочел описание природы: сперва один, потом два белых голубя летят.

Л. Н.: Это хорошо. — И Л. Н. добавил, что у Тургенева описания природы художественны. В этом он мастер.

Потом Михаил Сергеевич прочел Тургенева мысли о смерти.

Л. Н.: Это хорошо.

Потом прочел о русском языке. Л. Н. издал звук, по-моему, означающий одобрение. Потом прочел о спутнице-обезьяне, что есть в «Круге чтения». Это Л. Н. очень похвалил [3].

Л. Н. заговорил о том, что читал в «Былом» Бакунина о Мадзини. Бакунин негодует на Мадзини, что портит революцию своими религиозными взглядами. Бакунин всю надежду революции возлагал на городское население, а деревенское — в Италии 20 миллионов — считал безнадежным [4].

— А у нас,— добавил Л. Н. от себя,— совершенно обратное. Настоящая революционная сила—в этих 100 миллионах крестьян, а городское население испорчено.

Л. Н. свое:

— Мадзини был революционер, у него были религиозные взгляды, но они не играли никакой роли в его революционной деятельности. Это были его личные взгляды. Это беда нашего брата-писателя, что из-за тщеславия, денег пишет много. «Валяй», и этим и я, Толстой, грешен. Написал «Копперфилда» — и довольно.

Софья Андреевна возражала и перечислила, что еще хорошо у Диккенса.

Л. Н.: Говорят, творчество. Это правда, что художникам удается создать духовную личность. Но создать *одного* Копперфилда, *одного* Чичикова...

Михаил Сергеевич говорил,— он бывший предводитель — о наборе солдат и о взятках, притом со стороны врачей *. Л. Н. наивно удивлялся, недоумевал, как если бы это никогда, нигде не бывало.

Л. Н. с Дашкевичем о революционерах **:

— Если бы я был писателем, написал бы о любви как об орудии борьбы (не идти в солдаты и т. д.).

Дашкевич спросил, не находит ли Л. Н., что революционеры в узком смысле слова, не включая либералов, в своих действиях движимы чувством любви? Л. Н. ответил:

— Мне кажется, что у них любви нет. — И говорил дальше, что больше играют роль чувства ненависти к правительству, к угнетателям. Это не любовь, а негодование против несправедливости, сознание.

Дашкевич на это сказал, что многие семидесятники начали с любви, и так и умерли, а только их последователи исказили идею (подобно тому, как христианство выродилось и стало церковностью). И Дашкевич рассказал про товарища, с которым был в ссылке в Тунке (приток Иркута, в Саянских горах) на Монгольской границе, по мнению которого социальные реформы были невозможны без религиозного элемента (любовь — главное). Л. Н. сказал, что и он знал двух таковых: Орлова и Алексеева (учителя Сережи, друга Н. Чайковского). Потом сказал, что любовь к народу — не любовь, как и любовь к человечеству — не любовь. Любовь — только к богу и ближнему.

Дашкевич: Революционеры хотели подчеркнуть только то, что тут обижен народ, не то, чтобы они о любви забывали.

Л. Н. сказал, что это неверно. Впоследствии исказили то хорошее, что было вначале.

Дашкевич: Возможны возвраты. Я видел казацкого офицера, участвовавшего в московском восстании, который теперь — после тех ужасов — понимает, что Толстой верно учит. Должен был бы очерстветь, а толк обратный.

Л. Н.: Все дело в сознании.

Дашкевич: Кроме сознания, должна быть и стойкость, мужество. Солдаты идут стрелять, потому что за ними стоят казаки, артиллерия.

Л. Н.: Конечно, это так. И все-таки все в сознании. Заставьте крестьянина <...> крест, образ, конечно этого не сделает ни один, потому что это в его сознании. Если бы в его сознании была одна любовь, а не побочное, то не заставили бы его убивать.

Л. Н.: Столыпин и ваши Чайковский, Засулич — они все одинаковы, все хотят устроить счастье народа по-своему и хотят прославиться.

Дашкевич: Конечно, много таких, которые не свободны от тщеславия, но есть и такие, которые готовы исчезнуть — неизвестные.

Л. Н.: О, если бы это так было!

---

* Впрочем, с тех, которые и так негодны. Взятки упомянутый Михаилом Сергеевичем врач брал через фельдшера по одному, два, несколько рублей.

** Записано на следующий день.

Дашкевич: Народники, Вера Фигнер, Перовская — примеры революционеров, которые руководились любовью, а не ненавистью. Столыпин защищает только то положение свое, которое он ценит: тут карьера, обеспеченность, а революционеры жертвуют собой.

Л. Н.: Прежде да, было так, теперь нет. Теперь Столыпин не может носа показать: застрелят. Теперь Столыпину тоже приходится быть в опасном положении и жертвовать собою, как революционерам. У революционеров же есть одобрение со стороны тех, мнением которых они дорожат. Любовь ведет к богу, не к партийности, не к дроблению на партии. Самоуверенность у них у обоих, а самоуверенность — это знаменатель в дроби, выражающей достоинство человека, числителем которой — самопожертвование. Если знаменатель большой, так дробь малая.

Разговор кончился восклицанием Л. Н.:

— Почему же вы меня заставляете нападать на революционеров! [Это так нехорошо.] Я не хочу на них нападать.

13 июня. В Кочетах. Л. Н., как говорит Софье Андреевне, доволен приездом в Кочеты. Тут ему спокойнее, не так шумно, меньше посетителей, чем в Ясной Поляне, и уж никаких просителей, которые к нему обращались бы. Отдыхает, гуляя, хотя пишет столько же, сколько в Ясной Поляне. Несколько дней страдал изжогой. От этого умственная апатия; не был удовлетворен сделанной работой.

14 июня. Сейчас, в 9.30 утра 14 июня, Л. Н. в кожане (каждый день дождь, ливни) собирает цветы в парке перед домом. Настроение Л. Н. хорошее, не тревожное, беседы его с Михаилом Сергеевичем, Татьяной Львовной, Дашкевичем и их гостями часто шутливые.

За завтраком Михаил Сергеевич заговорил про кашинские торжества. Л. Н. рассказал вкратце, что в Кашине Тверской губернии состоялось прославление благоверной княгини Анны. Она была провозглашена святой, потом интриги — при Алексее Михайловиче, нашли, что пальцы в двуперстие сложены, как у раскольников. Разжаловали ее, а теперь опять провозгласили святой.

Михаил Сергеевич: Решением большинства Думы.

Л. Н.: Это вы шутите?

Михаил Сергеевич: Принятием закона о веротерпимости к раскольникам.

Л. Н.: Когда кто муку ворует — на это суд. А тут обманывают целое сословие и в самом святом.

Пополудни и вечер были молодые Горбовы: Соня 17-ти и Сережа 16-ти лет Николаевичи Горбовы со студентом Померанцовым и француженкой-гувернанткой. Лаун-теннис. Шахматы Л. Н. с Михаилом Сергеевичем.

Вечером Л. Н. до половины 12-го читал полученную им сегодня иллюстрированную книгу о Персии. Говорил мне о ней, что интересна: показывает ему, какие интересные должны быть книги о других народах. (Последняя глава.) В Персии губернаторов, чиновников нет назначаемых, все эти должности на откупе. Кто ниже, копит деньги, чтобы купить высшую должность. А шах — не священная особа, он презренным властителем, насильником считается. Сказал:

«И заглавия других книг * того же автора хороши, хочу их выписать [1]».

Л. Н.: Ложась спать, я снял повязку; как мне хорошо ходить (в компрессе с борной водой на голени). Повяжите.

Я ушел в другую комнату. Л. Н. сказал: «Нет, не надо». А утром согласился повязать. Не любит искусственной помощи организму.

Л. Н. шутя рассказал, как показывал Мечникову его мечниковский лактобациллин старый, в котором бациллы, вероятно, уже подохли, чго он уже не годится. А Мечников ему сказал, что все равно годится.

---

* О бабизме, младотурках и др.

Днем приехал Х. Н. Абрикосов. Он теперь семьянин и эконом, томас-шлаком удобряет землю. Пчеловод. Разумеется, что учение Л. Н. ему дорого, как было, и живет им. Л. Н. с 2 до 4 гулял. Рассказывал, между прочим: встретил мужичка: «Что же, для праздника выпил?» — «Выпил». — «Напрасно, напрасно, милый!» — «Хочу домой, а она (водка) не дает».

Все это рассказал Л. Н., стоя в дверях.

Была княгиня В. П. Голицына, тетя и соседка М. С. Сухотина. Она не дожидалась Л. Н., в четыре хотела уехать. Встретились в дверях на крыльце. Татьяна Львовна познакомила их. Л. Н. сказал что-то приятное. После рассказал про встречу с мужичком. Татьяна Львовна уговаривала тетю остаться, но она не согласилась. Простилась с Л. Н., села в коляску с чудной тройкой слишком откормленных лошадей. К ней подсел Л. М. Сухотин. Тройка тронулась. Все ей поклонились и сказали слово на прощание. Она или в рассеянности или скорее сконфужена: не повернулась и не отдала поклон Л. Н., не посмотрела в его сторону.

В шесть часов Л. Н., поспав, пришел к обеду. Поговорил с Хрисанфом. Хрисанф заговорил по поводу закона о свободе совести, вероисповеданий и, как бы извиняясь, заметил, что в православии останется.

Л. Н.: Свобода совести... не может быть несвободы совести, как не может быть непалящего пламени.

Разговор перешел на спутника Л. Н. в вагоне с Орла — предводителя Матвеева, о котором Софья Андреевна рассказала Хрисанфу, что вел горячий спор с Л. Н. о православии. Матвеев говорил, что нельзя без угодников спастись, и т. п. Л. Н. сказал о нем, что он того типа православных, которые не верят, которые берегут бумажный фундамент (для других, для народа), а сами на него не становятся.

За обедом Л. Н. рассказал о деревнях Треханетове, Образцове, в которых был, о мужичках, с которыми говорил, между прочим, с 78-летним стариком. Говорил, что они милые (милее подтульских), ласковость очень большая, большая внешняя бедность. Говорил Л. Н. про новую деревню Выселки, что интересно выселение (о нем ему рассказали мужики, с которыми говорил). Оно сложное (и трудное), надо обдумать, устроить, землю поделить так, чтобы было справедливо. Все это сами сделали, т. к. правительство только мешает.

— Мое анархическое сердце этому радовалось, — сказал Л. Н.

Л. Н. вспомнил, какое хорошее письмо сегодня получил от каторжника из центральной московской тюрьмы, через «Посредник», но оно с февраля месяца — теперь поздно отвечать. Это мерка того, что теперь представляет народ, крестьяне. Содержательно, правильно не только в смысле орфографии, а и мысли [2].

* Татьяна Львовна, Софья Андреевна с В. П. Голицыной говорили про мнение Л. Н. о женщинах, о недавнем разговоре: его упрекала корреспондентка, что он бранит, ругает женщин [3].

Л. Н. на это сказал, что никогда их не ругал; что женщины и мужчины как люди — одинаковые, равные, но что, когда читает письма и видит, что его пишет женщина, то с меньшим уважением относится к нему, чем если пишет мужчина.

Абрикосов говорил о побирающихся, приходящих из-за Орла. Спросил, побираются ли и в Орле.

— Нет, разве в городе дают? В деревнях самые бедные дают.

Л. Н. придакнул, что правда, это так.

Л. Н. (*мне*): Читаю вашего буддиста: «Buddhistischer Katechismus von Subhadra Bhikschu» (Schulze) — немец-буддист. Все прекрасно, толь-

---

* Записано через четыре дня. Плохо записано.

ко о времени и пространстве не осилил. Он верит в вечную жизнь во времени и пространстве. Опять же он правильно понимает тангу, как «der Wille zum Leben» *, что у других есть понятие божества.

У Л. Н. голова болела. Понюхал нашатырного спирту. Помогло. Л. Н. думает, что болит оттого, что сегодня много работал: четыре часа утром и один час в свой дневник записывал перед обедом.

Вечером с 7.30 до 9 побеседовал один на один с Х. Н. Абрикосовым, приехавшим из Затишья (17 верст). После его отъезда Л. Н. разговорился с Л. М. Сухотиным, готовящимся в профессуру по русской истории, об истории освобождения крестьян. Разговор длился полтора часа. Лев Михайлович рассказал многое, Л. Н. заинтересовавшее, новое. Лев Михайлович говорил, что община возникла только при Петре, после введения им подушной подати, а раньше были крестьяне вроде однодворцев. Говорил обстоятельно, обширно о наказах крестьян Олонецкой и Архангельской губерний и о наказах дворян на совещаниях о земельном вопросе законодательной комиссии при Екатерине II.

Л. Н.: Меня интересует нравственный элемент, который играл роль в освобождении крестьян с самого начала до конца.

Л. Н. с негодованием о нынешнем разрушении общины: в ней—принцип общности, справедливого разделения пользования землей; устроились, общими интересами живы, а теперь их врагами друг друга сделать.

15 июня. У Л. Н. от сквозняков невралгия шеи и головы. Не выходил.

16 июня. Боли во всей голове. Слабость.

Л. Н. (*мне*): Когда стар становишься, удивляешься, как это люди не думают о смерти. Следовало бы детям, Танечке, внушать о ней, а ее скрывают, как хождение на час. Если бы думали о ней, видели бы, что она неизбежна. Тогда смысл жизни другой становился бы, не жили бы одной телесной жизнью, которая кончается. Искали бы другого смысла, который со смертью не кончается. Жили бы нравственно.

Пополудни, в пять, перебои у Л. Н., слабость. Просил не говорить о перебоях Софье Андреевне, чтобы ее не задерживать.

Л. Н., взяв в руки листы из медицинской книги, которую я читал, и, увидев там картинку Punctio abdom. (hydrops) **, спросил про операцию Софьи Андреевны. Спросил про операцию удаления почки, которая была сделана Л. М. Сухотину из-за туберкулеза почки, и спросил, проходят ли эти болезни, т. е. с начинающимся перитонитом и туберкулез почки, сами собой. Я ответил, что иногда — да. Во скольких процентах — и приблизительно неизвестно. Потом спросил, как узнают туберкулез почек и диагностируют; перешли на цистоскопию. Л. Н. она удивила.

Л. Н.: Но это все такое малое в сравнении с великим: тысячи, миллионы людей умирают, дети от недостаточного ухода, недостатка пищи, на фабриках и т. д., а тут отдельным богачам делают искусные операции.

17 июня. Вчера утром уехали Михаил Сергеевич, Л. М. Сухотин и П. Г. Дашкевич в Новосиль на заседание земской уездной управы. Вернувшись, Михаил Сергеевич рассказывал, как им «тыкал» Шатилов, один из управляющих заседанием, где членами и десять выборных из крестьян. Л. Н. это возмутило.

Разговор о дворянах: Извольских, Голицыных, семейных связях их, коснулся Мезенцова — шефа жандармов в Петербурге, убитого Кравчинским-Степняком ***. Л. Н. хорошо знал Мезенцова: краснощекий,

---

* «волю к жизни» (*нем.*).

** Пункция брюшной полости, водянка (*лат.*).

*** Л. Н. сказал, что он желал бы читать воспоминания революционеров, что ему интересна их психология. Говорили, что Кравчинского преследовали кошмары, как кинжал вонзить в мягкое тело Мезенцова. Говорили про его книжки: «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов».

веселый, добродушный. У него был тоненький голос, умел забавлять, и, вероятно, за его веселость полюбили его при дворе и назначили на тот пост.

— Мне, знающему его с этой стороны, странно, как он мог быть тем человеком, от изъятия которого из обращения зависит благо человечества. Какой он был в своей должности — не знаю.

Л. Н. усталый. С 5 до 9 лежал; перебои.

У Л. Н. ночью голова очень болела. Днем ему лучше вчерашнего. Гулял. Была А. П. Голицына, разговаривала с Л. Н. и, как Татьяна Львовна заметила, не задевая вопроса веры. Она строго православная. Приехала Елена Петровна, урожденная Базилевская, жена Л. М. Сухотина, с сестрой Верой.

Л. Н. с присущей ему любезностью спросил их, как ехали, про игру на фортепиано, лаун-теннис. Елена Петровна спросила, неужели нельзя ей вернуться с сынишкой из-за возможности заразы дифтерией. Разговор о заразе. Татьяна Львовна сказала, что она верит, что заразиться можно, но что не всегда. Она думает, что Танечка заразилась через няню, приехавшую в вагоне с ребенком, у которого был кашель-коклюш, но мог быть кашель от крупа, кто его знает, предполагает Татьяна Львовна. Заразиться можно везде.

Л. Н.: Если я раньше не верил в это (бактерийную причину заразных болезней), то после беседы с Мечниковым разуверился совершенно.

Л. Н. третий день как не ездит верхом. Один день просидел в комнате, второй день гуляет. Сегодня подольше стоял у корчующих пни мужиков, разговаривал с ними. Вообще ему здесь беседование с мужиками очень по душе: его не знают, он им не особенный какой-то человек граф Толстой, а просто старик из бар. И народ здесь попроще, добрее, чем у нас.

Разговор о Веселых выселках (в нескольких верстах отсюда), как переселение произошло года два тому назад.

— Как везде, где люди устраиваются, правительство только мешает, — сказал Л. Н. Он желал бы туда поехать.

Вечером Л. Н. играл в шахматы. М. С. Сухотин рассказывал очень живо и интересно про два казацких селения: Залогоща и Березовец, в 20—40 верстах от Кочетов. В одном из них — 7 000, в другом — 12 000 жителей. Они происходят от свободных крестьян, у них своеобразный язык, одежда, нравы (любят верховую езду) и сами какие-то дикие. Л. Н. очень заинтересовался этими крестьянами и выразил желание туда поехать.

18 июня. Л. Н. утром гулял и набрал себе в комнату цветов. Когда говорил с Михаилом Сергеевичем, сообщал ему желания крестьян, с которыми Михаил Сергеевич имеет какие-нибудь дела, вроде напоминал Михаилу Сергеевичу его христианский долг, заступался за крестьян.

Пополудни Татьяна Львовна с Танечкой, Лев Михайлович с женой и свояченицей, Аля, Дорик, Дашкевич, Гусев и я ездили на долгушке из Глубков в Веселые выселки (44 двора) и Образцовские выселки (40 дворов), образовавшиеся прошлым летом в дубовых лесах среди полей. Леса еще не совсем спилены, а так — больше половины. Веселые выселки построены улицей в 80—100 шагов ширины. Дворы по обеим сторонам улицы, в середине ее амбары совсем без порядка. Избы деревянные, под соломой, имеют жалкий вид. Крестьяне какие-то несмелые, покорные. Бабы любопытные, много детей. В Образцовских выселках огромный пруд копают.

Л. Н. гулял пешком.

Перед обедом приехали В. Д. Матвеева (жена предводителя дворянства), ее племянник В. А. Матвеев — востоковед, доктор Малиновский (десять верст отсюда), княгиня Б. П. Голицына, Л. Д. Свербеева, директорша женской гимназии в Волыни — Фрейман.

Матвеев спросил Л. Н-ча:

— Какую газету предпочитаете?

— Никакую. В последнее время «Русские ведомости». Я послал статью о Генри Джордже, отце и сыне, им и в «Русское слово». «Русское слово» побоялось, они напечатали 9 июня. Я им за это благодарен.

Матвеева: Что за польза от того, что я не буду и вы не будете есть мясо, когда другие будут?

— Что я не ем — это важно. А что вне меня совершается, это не мое дело.

В. А. Матвеев, 35-летний чиновник при консульствах в Скопле и в Персии, знает сербский, турецкий, арабский, персидский. Путешествовал по Индии. Рассказывал Л. Н-чу про Индию, особенно про ее йогов, религию, народонаселение, про грубое обращение англичан с индусами, презрение индусов к англичанам, недоверчивость англичан к русским путешественникам. Персидский язык близок к языку хиндустани, и персидский язык на Востоке — общий, как у нас французский. Принес Л. Н-чу книгу, роскошно изданную: «The Mystics, Aesthetics and Saints of India». By J. Campbell, Oman Fisher Unwin. London, 1905, и говорил Л. Н. про йогов, как они сосредоточением, усилением воли в себе чудеса творят. взглядом остановят человека (рассказал ему русский капитан, с которым это было: сторож, не хотевший пустить его в храм и предупредивший его, что может войти, но не войдет,— остановил его). И он сам, в своей комнате, видел, как йог, сидя на полу, почти нагой, в экстазе, силой воли отделился от земли, поднялся и повисел в воздухе десять минут.

Л. Н. его рассказы о народе были интересны, а о йогах и сверхъестественных деяниях — нет. Л. Н. сказал ему:

— Это меня огорчает, что в этом высоком учении Индии есть сверхъестественное.

Л. Н., уходя к себе, остановился у меня и сказал мне о чудесах йогов:

— Мне это непонятно. Скажите мне вы, что вы это видели, не поверю. Теософия — прекрасное учение, пока они не утверждают того, что можно подняться. Это оправдывает вознесение Иисуса на небо и все чудеса. Ваш буддизм (Л. Н. говорил мне *ваш*, потому что я ему дал недавно буддийский катехизис, который на меня лет 20 тому назад имел сильное влияние. Я говорил Л. Н-чу, что если бы я тогда уже не знал его учения, то перешел бы в буддизм) — прекрасное нравственное учение, если бы на том остановился. Но они утверждают, что знают, как перерождаются души, а это портит; это ослабляет то, что одно нужно (нравственное совершенствование). Есть столько работы над собой, когда ту сделаешь. Пусть он делает чудеса, все равно мне. Да и не нужно сверхъестественное. Против закона гравитации нельзя подняться от земли.

В. А. Матвеев говорил о поразительном сходстве обрядов, индийских образов (тот же лик) с православными, католическими. Браманизм —о слиянии с божеством Брамы, буддизм — о переходе в нирвану: одно и то же. Говорил с восторгом об Индии как колыбели религии, культуры, стране чудес, этнографически интересной, о грубости англичан.

Л. Н. (*ложась спать*): О Черткове вы слышали? От него сегодня письмо — его, Черткова, по всем вероятиям освободят. Я этому очень рад. Чиновник, который был послан, дал самый благоприятный отзыв, но Столыпин решит только, когда его лично увидит. Столыпин был в шхерах.

Статью «Единая заповедь» сегодня кончил [1].

Л. Н.: А письмо об отказавшемся читали? Молочникова знакомый. Трогательное. Оно навело на меня ряд мыслей, которые хочется написать. (Все одно и то же [2].)

Л. Н.: Сколько сегодня гостей было!

На балконе Дашкевич с Любовью Свербеевой разговаривали о добре и зле.

— Нет никакого средства отличить, что́ такое добро и что́ зло. Поэтому нельзя никого осуждать,— говорила Любовь Свербеева.

А Дашкевич ей отвечал:

— Есть такое средство в нас самих, это совесть. Каким бы человеком ни был чужим по народности, как только делает добро, его поймут.— И сослался на Миклухо-Маклая, которого, как белых, им враждебных людей, новогвинейцы-папуасы хотели убить, но которого так полюбили за его доброту, что плакали, когда он уезжал. «Не надо осуждать» — это хорошо в том смысле, что не надо вредить никому, но критиковать можно: не одобрять, если человек делает зло.

Подошел Л. Н., согласился, что совесть показывает, что́ добро, что́ зло, но осуждать нельзя, потому что нельзя войти в душу человека. Вот у нас теннис, наряды...

Разговор Л. Н. с Е. П. Сухотиной и с Фрейман о кустарном промысле в Сетухе Голицына. Л. Н. на днях получил книжку о кустарном производстве против фабричного.

Л. Н.: Это хорошо (кустарное дело) — удерживает население в деревнях, работу дает, нравственную жизнь [3].

19 июня. Пополудни Л. Н. без повязки на ноге ездил верхом два с половиною часа на белом Монголе. За ним Катун. Л. Н. шагом, Катун рысил. В гору Л. Н. поскакал. «Как резво скачет!» — Рассказал, куда ездил. Кочетки очень ему нравились. Катун показал ему «Лисьи норы», «Камушки». Приехали в деревню Велье. Катун сказал Л. Н., что здесь живет 112-летний старик *. Л. Н. пошел к нему в избу. Старика окликнула сноха. Он слез с печи. Набралась полная изба баб. У него рак над глазом, глаза нет — при операции вынули. Рак снова растет — «красное». Очевидно, очень страдает болями. Л. Н. спросил его, помнит ли француза, мог слышать о нем. Нет, не знает. Рассказал, что он у барина Ильи Васильевича (его сверстника) был первым человеком. Михаил Сергеевич вычислил, что Илье Васильевичу было бы 100 лет.

— Я ему говорю: «Как умирать?» — «Только об одном бога молю: чтобы меня брал скорее».— «Я не знал, что к тебе заеду, а то бы гостинца тебе принес, чаю и сахару».— «Это можно».

Говорили об игре в городки. Л. Н. вспоминал, что в Казани играли. Там звали их чуши, а биты — свистами. А проигравшим надо было носить выигравших от кона до кона.

Пополудни Л. Н. побеседовал с Е. П. Сухотиной и ее сестрой В. П. Базилевской, застав их в серьезном разговоре с Дашкевичем, и рекомендовал им и приносил «Круг чтения». Там есть ответы (по крайней мере ста умов собраны мысли) на разные вопросы, есть чему поучиться. Спросил: «О чем вы говорили?»

— О революционерах и правительстве.

Дашкевич: Революционеры, религиозные по натуре, были не только у нас, но вообще.— И указал на священника бельгийского, приехавшего на антропологический съезд и говорившего, что он потерял веру в бога и находит веру в счастье человечества при помощи социализма.

Л. Н. сказал, что он признаёт: между революционерами есть много прекрасных людей; они отличаются характером и самоотвержением, но все-таки любви к богу у них нет. Религиозный человек никогда не будет решать вопрос, что̀ ему делать, чтобы человечество было счастливо, но он всегда, каждый момент, знает, что̀ он должен делать. «Это мой долг» — знает каждый человек.

---

* На самом деле 87 лет.

Уехали Л. М. Сухотин с женой и свояченицей. Вечером шахматы с Михаилом Сергеевичем. Никого гостей. Разговор о Марксе: на кого он из русских критиков впервые повлиял. Николай Николаевич, Дашкевич гадали: на Плеханова как на популяризатора социализма марксовского среди русских. Оказалось — на Белинского (!).

Л. Н. вслух прочел из Брокгауза-Ефрона [1].

Татьяна Львовна рассказала о портнихе Мане, девушке, живущей в доме, что она хочет образовываться. Спрашивала Татьяну Львовну, что такое искусство и что ей читать.

Л. Н.: Ах, непременно с ней поговорю. Все это не нужно. Прочтет, из этого ей ничего не останется.

Татьяна Львовна: Как не останется?

Л. Н.: У нее останется, что блеснет своим знанием. Все это напрасно. Ничего нового тут нет, все это известно. Я всегда вспоминаю Рёскина («Круг чтения», начало июня), что мир — ослиное ухо, что надо не говорить, а самому делать. Несомненно, что всегда было много болтовни, а теперь особенно: легкость печатания.

Татьяна Львовна: Но что же ей читать?

Я (Душан Петрович) упомянул про «Каталог народных библиотек в 100 рублей», составленный Бирюковым, издание «Костромича» — костромской газеты 1909 г.

Л. Н.: Ах, все это напрасно. Достаточно ей Евангелия, Иоанна Златоуста, а есть еще Эпиктет, Марк Аврелий.

Под вечер уехали Е. П. Сухотина 23-х лет с сестрой 17-летней В. П. Базилевской. Л. Н. с ними подольше беседовал. Были одно внимание и очень благодарны. Разговор о них. Л. Н. говорил, что они непосредственны: как они всхлипывали. Человеки. Сравнивали их с другой гостьей, о которой Татьяна Львовна говорила, что за ней — хвост мужчин, а за ними нет. Л. Н. заступался за нее, не замечал того: «Это мы, мужчины, лучше знаем».

Л. Н.: Женщина хороша, когда кормит, как сегодня у старичка были с грудными детьми.

Л. Н. говорил, что сегодня прочел письмо Бакунина о Мадзини. Не понравилось. Бакунин знает, кого поднять, кого революционизировать. Он самоуверен.

20 июня. Пополудни я пошел с Дориком к Горбовым и Абрикосовым. По дороге, в овраге на север от деревни Подвысокой, искали и находили зубы и кости — вероятно, мамонта. С. Н. Горбова — приятная и распорядительная хозяйка. Ее муж Николай Михайлович болен плевритом.

У Горбовых видел великолепную библиотеку в семь тысяч томов в образцовом порядке. В читальне журналы.

Супротив усадьбы за рекой школа и приют, где сам Н. М. Горбов с двумя учителями учит 130 мальчиков. Способных посылает в учительскую семинарию.

21 июня. Пополудни приехал с Натальей Леонидовной в Кочеты. За обедом Л. Н. рассказал, что, гуляя, догнал 80-летнего старика, очень хорошего. Поговорили; сказал, что придет посетить его. Потом пришел к косцам и покосил с ними траву. И тут образовалась аудитория. Как это бывает, один начал жаловаться на бедность, потом — о земле. Л. Н. изложил им Генри Джорджа, говоря, что это напрасно, завидовать богатым не надо, а вам будут завидовать; богатым труднее освободиться от богатства, чем бедным. И потом, что всем нам надо думать о душе.

Михаил Сергеевич: Что же, они согласились?

Л. Н.: Да, да. Что никому не надо жаловаться.

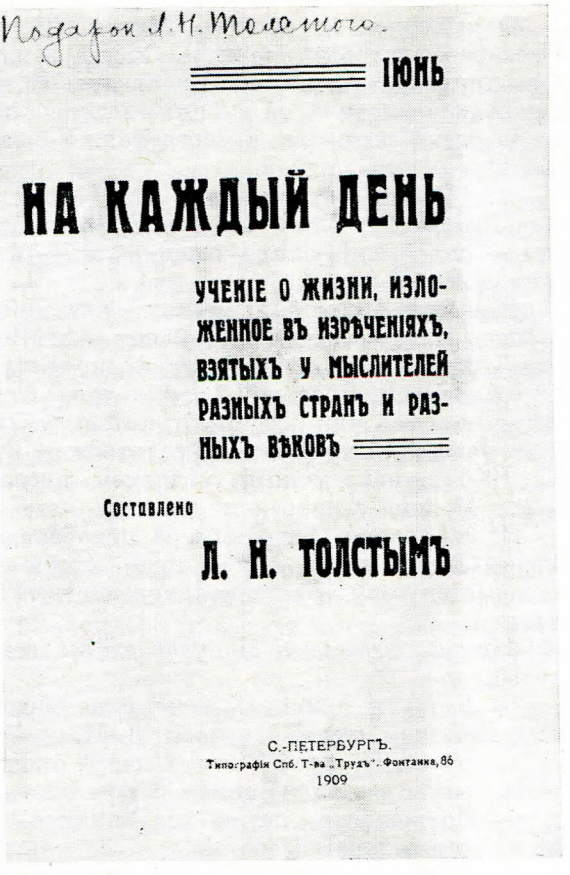
М. С.: Тоже согласились?

Л. Н.: Согласны.

«НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Учение о жизни, изложенное в изречениях, взятых у мыслителей разных стран и разных веков. Составлено Л. Н. Толстым», СПб., 1909 (июнь)

Обложка первого выпуска с надписью В. Ф. Булгакова: «Подарок Л. Н. Толстого»



«Л. Н. спросил, нет ли в газетах про «На каждый день», первый выпуск которого, месяц июнь, на днях появился».— Запись от 27 июня 1909 г.

Михаил Сергеевич слышал, что сказал Л. Н-чу мужик, на которого за то другие напали. Л. Н. тогда не понял его. Сказал, что его, Л. Н., давно на том свете ищут с фонарем. Без четверти пять я зашел к Л. Н. перевязать ногу. Вчера меня не было дома, а утром опоздал.

Л. Н. (*мне*): Вы покинули меня. Я кончил статью «Единая заповедь» и думал ее прочесть всем, и вам в том числе.

После обеда играли в лаун-теннис. Л. Н. сидел с гостями на скамейке, приглядывался. В 7 часов были нищие, слепые — музыканты и певцы. Спели у лаун-тенниса. Им Татьяна Львовна раньше уже подала. Л. Н. встал и подошел к ним. Они попросили его, чтобы им подали и другие. Л. Н. подошел и сказал неопределенно, но можно было догадаться, что никто ничего не подаст. Л. Н. попросил Николая Николаевича принести им (сидело же на скамейке множество гостей около Л. Н.).

Л. Н. ездил к «Камушкам».

22 июня. Пополудни уехала Н. Л. Абрикосова. С ней Николай Николаевич в гости. После обеда Л. Н. рассказал, какие письма получил: хорошее от крестьянина А. Суркова из Саратова, который получил книжки Л. Н. Был революционер, разубедился, потому что ссора была между ними — социал-революционерами и социал-демократами [1].

За чаем: Татьяна Львовна, Михаил Сергеевич, Дашкевич, Дорик и я. Разговор о смерти, о том, что люди из народа легко умирают. Л. Н. сказал, что смерти бояться нечего. И вспомнил изречение, приблизительно такое: «Я есмь — смерти нет; если смерть будет — меня не будет. А кто верит вполне в духовное (духовную жизнь), для того совсем нет смерти» [2].

О выходцах из общины. Михаил Сергеевич о кочетовском Гавриле Снегиреве, который арендовал 25 лет землю у вдовы, живущей в городе. Она приехала закрепить ее и продать ее ему. А он говорит, что никакой земли не арендовал, ей никаких денег не платил, что земля его. А платил, не посылая по почте, а передавая. У нее доказательств нет, суд может решить в его пользу.

Л. Н.: Это его научили.

Михаил Сергеевич: Научили. И по закону: владеет землею десять лет — она его. Мужики говорят, что он плутует, но считают это ловкостью.

Разговор о земле, о местных кочетовских крестьянах. До японской войны девять крестьян купили землю у Михаила Сергеевича. После войны опять предлагал, но отказались покупать, надеясь получить ее через Думу. Закрепили за собой землю трое, из них две вдовы, такие, которые, живя не здесь или бездетные, хотели ее продать и продали местным же. Уже перестали принуждать селиться на отрубах, что было после 9 ноября 1906 г. непременным условием покупки земли через Крестьянский банк. Можно селиться в деревне.

Л. Н. говорил, что ему не подобает защищать, предлагать систему Генри Джорджа, т. к. для того, чтобы устроить по Генри Джорджу, полагается государственная организация и подати будут взиматься насилием.

Михаил Сергеевич: И будет власть взимателей податей и распорядителей.

— Хотя не понимаю, почему не может быть Генри Джордж и при анархическом строе, — сказал Л. Н.

Потом Л. Н. прочел вслух вчера оконченную, но еще начисто не переписанную статью «Единая заповедь» — шесть глав:

— Послушайте, потом все скажете, что̀ вам покажется неясным. Мне это все хочется знать.

Л. Н. читал с трудом, устал, голос хриплым становился, но, несмотря на предложение Татьяны Львовны, что она будет продолжать читать, он сам дочел до конца. Когда дочел, спросил о содержании статьи — что́ неясно, что́ изменить, дополнить? Никто ничего не проговорил, а заговорили о том, где это будет напечатано [3].

Л. Н. сказал, что это не так легко напечатать, потому что тут много противуцерковности.

Михаил Сергеевич: Смелые «Русские ведомости» не напечатают, потому что это религиозное, а у них нет религиозных интересов. (Эпитет «смелые» употребил в том смысле, что не трусят перед цензурой.) Если же «Посредник» напечатает, что̀ Ивану Ивановичу за это будет! Раньше печатал: тогда была «свобода печати».

Л. Н. спросил Михаила Сергеевича, что думает: навеки ли прошли те времена?

Михаил Сергеевич: Нет, ненадолго, лет на десять. Мы с вами доживем.

Л. Н. и Михаил Сергеевич говорили, что видно только очень злобное настроение крестьян, и все это вошло внутрь. Снаружи кажется спокойным, а внутри неспокойность нарастает. Крестьяне ждут чего-то. Говорят, что *так* долго тянуться не может. Если ничего не будет, так жить нечем, должно умереть.

Л. Н., как он сегодня рассказывал, ездил с тремя Танями (Татьяной Львовной, 10-летней Таней Фохт, Танечкой) грибы собирать. Утром, подавая номер «Union» (пражской, но на немецком языке издаваемой газеты) спросил, зачем ее присылают, и сказал:

— Самая неинтересная и обыкновенная, глупая газета [4].

Гусев в Затишье у Абрикосовых.

23 июня. Вторник. Утром Л. Н. спросил, было ли говорено вчера вечером о «Единой заповеди» (после его ухода)?

Я ответил: «Нет», но сказал, что говорили о предстоящей поездке в Новосиль и о деньгах. И сказал Л. Н-чу, что изречение Канта в эпиграфе к «Единой заповеди» о том, что преследований за самую веру не было, а за публичное исповедание ее,— неверно [1]. Л. Н. сказал, что это неточность, вещь малая, и сказал, что нынче думал переработать, переписать статью «Единая заповедь» для народа. Что он так и начал писать, потом увлекся философическими соображениями и стал писать ее для интеллигенции. А люди нашего круга этим не интересуются, а если и хотят, не в состоянии, не могут понять. Мечников столько поработал, труда положил на .....*, и все это напрасно. Как ему отказаться от того, над чем столько трудился? Какой-нибудь палеонтолог (решение шахматных игр менее бесполезно, чем палеонтология), изучающий происхождение жизни материальной, в этом копошится, далее не идет.

Я сказал, что у нас, словаков, нет словацких школ и через них добытых знаний, убежденности в верности образования, и потому наш народ лучше понимает Л. Н-ча, чем немецкий и даже чешский. Еще нет у него знаний, равноценных в его глазах вере в божий закон.

Л. Н.: Вот-вот, и в Болгарии свежесть народа. Меня повернул на это (решение переработать «Единую заповедь» для народа) разговор с мужиками на сенокосе. Такое внимание, так им это ново. Возьмем какого-нибудь Левочку Сухотина: он все знает, его голова полна, ему это неинтересно.

Л. Н. (*продолжая*): Как это хорошо устроено! Когда ясным становится, что делать, тогда умираешь, чтобы предоставить свежим силам это устроить.

Вернулся Николай Николаевич от Абрикосовых.

Л. Н. пополудни гулял и ходил к 80-летнему старику в Кочеты. За обедом рассказывал о нем. Между прочим на вопрос, какие у него щи, старик ответил: «Щи у нас всякие: с краев с мясом, в середине с квасом». (Это значит, что больше постные.)

Приехал М. М. Сухотин, 25-ти лет, кавалергард. Была В. П. Голицына.

За чаем разговор о какой-то девице 19-ти лет, что выходит замуж.

Л. Н.: Это самое время, когда бедняжки этим занимаются.

Татьяна Львовна вспомнила, что хотела Л. Н-чу прочесть из какой-то книги пословицы о женщинах, и попались самые низменные. Прибавила, что пословицы эти «о бабах» (не в отличие от дам), а не о женщинах. В. П. Голицына заметила: «Одна правильнее другой». (Она не любит недостатков женщин.)

Л. Н. сказал, что у мужчин их столько же, только других. Женщинам не досталось столько проницательности, чтобы выразить их. Разговор на эту тему продолжался, и, когда Вера Павловна уехала, Татьяна Львовна вспомнила про Марию Александровну; сказала, что Вера Павловна могла не выходить замуж; про Н. П. Иванову. Она укоряет ее, Татьяну Львовну, что они с Марией Львовной вышли замуж, а она осталась верна обету: не вышла замуж и теперь жалеет.

Татьяна Львовна: Не могу себе представить Танечку, чтобы она не вышла замуж.

Л. Н.: Мир тем и интересен, что всякий вводит свою особенность.

Говорили про работника, хорошего плясуна: он выпивши, и теперь пляшет, и девки пошли смотреть.

Л. Н.: Я должен был бы быть танцором. Я сделал (сегодня, видя его пляшущим) несколько па.

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред*

Л. Н. вчера говорил, что Haig советует мало воды пить. Я сказал, что вряд ли, я этого не помню. Л. Н. смутился (как всегда, когда что-нибудь ошибочно вспомнит) и сказал, что скорее ошибается он. Мне было очень стыдно за себя, что, сам точно не зная, усомнился в знании Л. Н-ча и его смутил.

Ели землянику. Л. Н. сказал о дикой лесной землянике в сравнении с клубникой:

— Это так, как запах диких цветов: не сильный, но благородный. А в садовых цветах искусственен.

Л. Н. сказал, что не знал, что есть идиосинкразия к землянике и что ею страдает Александра Львовна. Для меня это первые признаки (как и вчерашний Haig), что память у него слабеет: до сих пор не помнил только людей, а такие факты помнил.

Л. Н. сегодня ответил Софье Андреевне на ее зов домой, что постарается скоро вернуться [2]. Софья Андреевна ему писала, что желала бы, чтоб он приехал перед отъездом Левы в Швецию и Европу на два года. Л. Н., думаю, главное из-за этого и готов поехать, чтобы Лев Львович мог кончить бюст, иначе Л. Н. здесь можно было бы пожить. Сегодня стал переделывать для народа «Единую заповедь». А здесь общение с народом Л. Н-чу приятнее и полезнее для этой работы, чем в Ясной Поляне. Здесь, в глуши, народ патриархальнее, проще, восприимчивее к рассуждениям о божьем.

Л. Н. вчера и сегодня писал Софье Андреевне [3]. Письма интересны для пребывания его здесь. Завтра приедет С. А. Стахович. Она еще задержит Л. Н. здесь.

24 июня. Утром получена телеграмма от Черткова, ожидавшего, что в скором времени вернется, — что ему отказано [1].

Л. Н.: Жалею его очень и его жену.

Л. Н. ездил к старику в Велье: повез ему чаю, сахару. Рассказал, что его неприятно поразило: стойла ставят на дороге, такую драгоценную вещь (навоз) терять.

В 5 часов были у Л. Н. студент-медик пятого курса и учитель. Долго с ними беседовал. Социал-демократы. Когда им сказал, что они учатся на деньги, собираемые с народа, ответили: «Чем же жить?» То самое, что скажет крестьянин, поступающий в стражники. О революционерах говорили, что они борются за благо народа, а правительство — кучка эксплуататоров.

Л. Н. (*им*): Правительственные люди скажут тоже, что они борются за благо народа.

Всему основой экономические условия, — говорили они.

Шахматы. После Л. Н. около девяти вечера прошел, гуляя с опропагандированным революционерами мужиком.

В 9.30 приехала С. А. Стахович. Я застал разговор о «Вехах». Софья Александровна хвалила эту книгу как очень интересную, свидетельствующую о большом перевороте, происшедшем среди писателей-революционеров.

Л. Н. говорил, что «Вехи» не стоит читать (их авторы не знают, чего хотят), когда можно читать Рамакришну, Вудду, Вивекананду, Евангелие, Послание Иоанна.

Софья Александровна говорила еще о письмах Эртеля, которые читала.

Л. Н. и о них высказался как о не имеющих значения. Софья Александровна спрашивала о Мечникове. Л. Н. рассказал, что нарочно поехал с ним вдвоем, чтобы наедине побеседовать. Л. Н. заговорил о нравственном совершенствовании. Мечников на это заметил, что оно достигается через козявок. После этого Л. Н. перестал говорить.

25 июня. Л. Н. утром вышел и вернулся два раза сказать Михаилу Сергеевичу, что ждут его крестьянин и нищая.

Л. Н. пополудни был слаб, не ходил гулять, поспал. За обедом говорил добродушно, смешно про письма, между прочим от 40-летней женщины, влюбленной в 25-летнего молодого человека:

— Я должен успокоить ее, а ему внушить, чтобы ее любил.

Про письма Тургенева, которые Л. Н. и Михаил Сергеевич читали в выдержках,— что они слабы.

С 7 до 8 лаун-теннис. Л. Н. сидел около играющих, беседовал с Софьей Александровной. После ходил в Кочеты к мужику-чудаку, который сам не работает, а побирается и жене запрещает ходить в поденные, детям тоже. Вынес впечатление, что он ограниченный.

От Черткова письмо и телеграмма: его семья и он уезжают в подмосковное имение Пашковых — Крекшино [1].

Николая Николаевича просят в Телятинки помочь разобраться в письмах. Вечером М. М. Сухотин пускал свой граммофон. Л. Н. просил русские песни, их не имел. Потом просил танцы:

— Я в этом отношении ценитель, гораздо больший, чем в стихах. Страшно люблю. Самому хочется плясать.

Около 10.45 Л. Н. встал от стола и вспомнил какого-то дедушку, с которым разговорился: «Ты устал бегать, а я устал сидеть. Лечь хочется».

— То же самое чувствую я теперь,— сказал Л. Н. и прилег на два стула (полулежа-полусидя).

Л. Н. посмотрев в «Искрах» картинки богомольцев, идущих в Кашин [2], сказал:

— Картинки чудесные! Куда идут эти богомольцы несчастные?

26 июня. Л. Н. встал в 6 часов, гулял. Читал и старый и новый «Круг чтения».

В новом («На каждый день») показал 26 июня, 8.

— Желал бы, чтобы на это возражали,— сказал Л. Н.— Выражено кратко и ясно: «Время есть способность человека представлять себе много предметов в одном и том же пространстве, что возможно только через последовательность; пространство же есть способность человека представлять себе много предметов в одно и то же время, что возможно только при рядом стоянии вещей. Время и пространство можно определить как способности людей. Но как свойства вещей они не имеют смысла. Будет совершенно разумно, если я буду говорить, что я имею свойство видеть все, что я вижу, в пространстве и во времени; но будет совершенно неразумно, если я буду говорить, что вещи, весь мир действительно существуют в пространстве и времени, и потому буду задаваться вопросами о том, как произошли вещи,— весь мир,— прежде и еще прежде, и так без конца. И другим вопросом, какие и где есть вещи — весь мир,— за этим, и еще за этим, и так без конца.

А между тем это-то самое нелепое предположение, что вещи, мир — действительно существуют во времени и пространстве, и делают люди так называемой положительной науки» [1].

После обеда Л. Н. взял в руки полученные по почте стихи Глебова, большой формат. Про картинку — женщина на обертке — сказал: «Отвратительна». Стал читать в середине стихотворение «Я курю».

— Говорят, Ефрем (кочетовский мужик, у которого вчера вечером был Л. Н.) — сумасшедший. Вот кто сумасшедший,— сказал Л. Н., намекая на автора этих стихотворений [2].

Вчера вечером Л. Н., восторгаясь, рассказал, как в Кочетах созывал мужик косить обществом траву. «Кто не пойдет — 30 копеек». Вдова сейчас же отдала приготовленные 30 копеек.

— Старина, которая уничтожается,— заметил Л. Н.

Говорили про Яковлевых: она — жена начальника Морского штаба — была на днях у Сухотиных. Их сыновья, студенты Политехникума, во время революции спаивали мужиков и подговаривали их жечь усадьбы, стога помещиков. «А ваш батюшка?» — спросили мужики. — «С него и начинайте».

Л. Н. завтракал с нами. Говорили о Черткове. Татьяна Львовна сказала, что высланным из некоторых губерний должно быть позволено через них проезжать.

— Позволено!— сказал Л. Н. с негодованием.

Много раз Л. Н. возмущался законами, еще больше мальчишками-судьями, привлекающими почтенных людей (Бирюкова, Горбунова) по статьям закона к суду. И часто негодовал на предписывание новых законов, на повиновение законам.

Татьяна Львовна ездила в Суворово Орловской губернии искать квартиру Владимиру Григорьевичу. Л. Н. ездил с ней в Головеньки к Е. Д. Мамонтовой и ее сестре. Л. Н. из Суворова шел пешком, собирал цветы. Я его подвез к дому одну версту. Я сказал Л. Н., что М. М. Сухотин, прочитав из «На каждый день» 26 июня, 8-е — об определении времени и пространства, не был поражен, сказал, что он себе это и сам так представлял.

Л. Н.: Это ново *, коротко выражено. Опровергнуть нельзя. Я нынче получил письмо: пишет, что закон борьбы за существование есть закон жизни. Из наблюдения, происходящего во времени и пространстве, нельзя выводить закон жизни. Выводы из оного закона (из определения времени и пространства, как способности людей) — огромные [3].

В 5.30 вечера уехал Гусев к Чертковым в Телятинки. Михаил Сергеевич с грустью расстался с ним. «Я люблю умных людей»,— сказал за обедом.

За чаем С. А. Стахович заговорила о Мечникове, что, по газетам, Л. Н. ему сказал про вторую часть «Фауста», что, если бы Гете стал теперь писать, не написал бы такую чепуху. Софья Александровна спрашивала Л. Н., что́ они говорили с Мечниковым о второй части «Фауста». Л. Н. сказал, что это нечто туманное, что не помнит как, но что имело смысл, так как Мечников ее объяснял старческою любовью. У Гете есть прекрасные лирические короткие стихотворения, но где философствует — он неясен. Софья Александровна цитировала: «Das ewig Weibliche zieht uns hinan» **.

Л. Н. возмущался эпитетом ewig ***.

Софья Александровна привела еще: «Achtet die Frauen: sie flechten und weben himmlische Rosen in's irdische Leben» **** [4].

Это Л. Н. понравилось. Сравнивая Гете и Шиллера, Л. Н. сказал:

— Шиллера ценю больше.

Софья Александровна старалась утверждать, многословно объясняя, что das ewig Weibliche имеет смысл.

Л. Н. сказал, что он не совсем дурак, а не понимает. Какая гадость: «Das ewig Weibliche».

27 июня. В Кочетах. Вчера уехал Николай Николаевич. Здесь С. А. Стахович. Л. Н. писал «Единую заповедь». Я переписывал. Пополудни Л. Н. ходил в деревню. Телеграммы от Чертковых: Владимир Григорьевич в Серпухове, и семья за ним поедет 2 июля. Л. Н. не решил, когда ехать.

---

* Л. Н. подразумевал, что то, что им выражено, не было раньше выражено никем. Л. Н. об этом несколько, сто раз пытался выразить в Дневниках в продолжение многих лет, пока, наконец, ему удалось.

** «Вечно женственное влечет нас ввысь» (*нем.*).

*** вечно (*нем.*).

**** «Чтите женщин: они ткут и вплетают небесные розы в земную жизнь» (*нем.*).

По-видимому желал бы подольше побыть здесь, где ему спокойнее от посетителей, тише и с мужиками интереснее, приятнее беседовать.

Л. Н. читал начало книги Пругавина «Раскол вверху», переиздание старых статей его, которые появились лет тридцать-сорок тому назад в журналах и после были запрещены. Говорил Михаилу Сергеевичу, что забавно ему читать, с той точки зрения забавно, что у Пругавина никакого отношения к религии нет. Он рассматривает предмет исторически, как если бы писал о балалаечной игре: что раньше религия была в ходу, потом перестала, а теперь опять начинает быть. (Интерес к религии возобновился.) [1]

Л. Н. ходил в деревню. Он рассказал про письма: нынче от Кудрина. Отказавшиеся, должно быть, уважаемы всеми в тюрьме. Его пускают за покупками в город; знают, что не сбежит. Какое грамотное письмо крестьянина и тонкое [2]. При этом вспоминал Л. Н. про влияние А. М. Добролюбова, Леонида Семенова.

— Как усилилось это движение религиозное в последнее время!

Л. Н-ча радует письмо славян: оно противовоенное. Хорошее в нем изречение Коллара: «Когда кликнут «славянин!», пусть откликнется человек». Это Л. Н. говорил про письмо общества «Славии» из Москвы. Подносят картину «Сожжение Иоанна Гуса». Пишет председатель «Славии» Коничек [3].

Софья Александровна: Вы любите славянский язык? Молитвы славянские?

Л. Н.: Я тут же вспомнил молитву, которую я очень любил и люблю «Царю небесный»; для меня содержание всегда поглощает форму. Русский язык испещрен.....*

Софья Александровна: А славянский употребляется только для.....*

Л. Н.: Боже, помилуй *ны*, гораздо лучше, чем *нас*.

Михаил Сергеевич заговорил про выборы в Тульской губернии; уходит князь Шаховской, член Государственной думы. Желал бы на его место выступить кандидатом. «Одно желание у меня: попасть в члены Думы». По «Орловскому вестнику», говорил Михаил Сергеевич, видно, что выборщики левеют. Выборы городских дум показывают это.

С. А. Стахович, брата которой — Михаила — должны снова выбирать в Государственный совет, высказала мнение, что скорее правеют.

Л. Н. спрашивал про выборы и сказал по этому поводу, как иногда одно слово проясняет:

— Читал у Пругавина: «Когда над Россией пронеслась революция...». Пронеслась — очевидно, что на долгое время упрочится все старое, как после Французской революции. Внешне пронеслась. Для меня самое важное — что оставила след в стомиллионном русском народе, который пробудила. Я продолжаю получать письма от крестьян: «Ждать ли нам чего?». Ждут чего-то.

П. Г. Дашкевич рассказал, что ехал с мужиком, добрым человеком. Разговорились про Л. Н.

— «Все это зло от него пошло,— говорил мужик.— Забастовки. Он в бога не верит». Это уж влияние попов, правых газет. Потом мужик говорил: «Хотя государственная власть и создана богом, но как же жить? У этого князя 1 200 десятин, а у одного мужика у нас, у него семеро детей, один надел. Как же жить?».

Софья Александровна о вчерашнем.

Л. Н.: Das ewig Weibliche stosst mich ab **.

Михаил Сергеевич вспомнил какой-то стих в прозе Тургенева, подражание Некрасову, о революционных русских женщинах, который, когда

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

** Вечно женственное меня отталкивает (*нем.*).

много лет тому назад прочли Л. Н-чу, он не вытерпел, сказал про Тургенева: «Негодяй!»[4].

Л. Н. по этому поводу сказал, что Тургенев не был самостоятельным. Подражал вкусу общества. Он дорожил славой:

— Большой соблазн—я знаю его и в 81 год. Не gloire *, а русское: доброе мнение о тебе. Представляю себе молодежь, юношей 16—17 лет, которым слова Тургенева были paroles d'Evangile **.

Софья Александровна привезла Л. Н. подарок: карандаш с электрической лампочкой. Сегодня ночью Л. Н. им записывал. Софья Александровна спросила, что записывал: такое ли, чему она сочувствует. Л. Н. вынул книжку, посмотрел и сказал, что нет [5].

Л. Н. спросил, нет ли в газетах про «На каждый день», первый выпуск которого, месяц июнь, на днях появился.

— Нет отзыва.

28 июня. Воскресенье. За завтраком принесли почту. Л. Н-чу принесли письмо от Софьи Андреевны. Недовольна, что так долго не возвращается. Лев Львович разбил бюст <Л. Н.> и уехал в Швецию. Как странно, что все хотят Л. Н-ча для себя и желают влиять на него! Лев Львович мог сюда приехать с бюстом или на неделю дольше остаться [1].

Л. Н. просил посмотреть в газетах, нет ли чего про «На каждый день». Будет или библиографическая редкость, или книжка в 12 копеек. В газетах с 23 до 27 июня ничего о ней.

С. А. Стахович: В несколько дней еще не могли отметить. Да в этих газетах, которые получаются в Кочетах: «Русское слово», «Голос Москвы», «Речь», «Орловский вестник»— нет указателя новых книг, как есть в «Новом времени».

Л. Н.: Я «сумлеваюсь»: что-то неладно, когда ничего не упоминают. Новая книжка Толстого...

Л. Н. хвалил прогулки в парке: никого не встретишь. Все ищет колодезь с целебной водой и не может найти. В два часа уехала С. А. Стахович.

За обедом Л. Н. рассказал про письмо крестьянина, бывшего белоризца Абрамова, очень хорошее, сильное письмо об образованных людях.

— Для нас несомненно,— сказал Л. Н.,— что квазиобразование есть только поднятие себя на ступень выше (т. е. влезание на плечи другим), но они (крестьяне) это своими боками чувствуют [2].

Вечером были В. П. Голицына и А. В. Свербеева.

Л. Н. ждал Панюшкина, кочетовского крестьянина 22-х лет, который хочет с ним поговорить о военной службе: будет призываться. Л. Н. говорил Свербеевой о нем и об отказывающихся и сомневающихся в воинстве с точки зрения совести, христианства, что он около ста писем в год получает от таковых, что теперь в каждой деревне есть такие самородки.

Теперь письмо крестьянина: благодарит за книги (которые раньше получил) и спрашивает о чудесах.

— Откуда это значение, приписываемое чудесам?— спросил Л. Н.— Вероятно оттуда, что вера (мировоззрение православное и другие) такая неразумная, что поддерживается только чудесами.

Л. Н. дал Панюшкину «На каждый день», один из трех экземпляров, которые кончил.

Винт с В. П. Голицыной, Свербеевой, Михаилом Сергеевичем.

29 июня. Сегодня должен был приехать Чертков; телеграфировал, что не приедет. Сегодня день телеграмм: в два дня получено от Владимира Григорьевича, Анны Константиновны и Димы Чертковых семь телеграмм [1]. От телеграмм суетливо, беспокойно, да и жалко отдавать каждый раз за

---

* слава (*франц.*).

** евангельскими изречениями (*франц.*).

доставку по 1 р. 50 коп. Получено письмо от Софьи Андреевны, резкое, требующее возвращения Л. Н. в Ясную Поляну.

Л. Н. утром слаб. Вчера с прогулки верхом вернулся в дождь, ноги у него намокли. Проспал до половины десятого. Слаб. Татьяна Львовна пошла к нему и разбудила его. Не работал весь день.

30 июня. Утром Владимир Григорьевич приехал в Суворово, село Орловской губернии в трех с половиной верстах от Кочетов. Л. Н. с часу до четырех провел у него. Свез ему свой дневник, некоторые письма (Абрамова, Александра Соловьева, отказавшегося от военной службы). За обедом Л. Н. рассказал, что Столыпин, поговорив с государем, отказал ему (Черткову) в его ходатайстве.

— Я не могу избавиться от чувства презрения к ним, что очень скверно *,— сказал Л. Н.

Л. Н. говорил, что спросил Владимира Григорьевича, зачем он обращался к властям. Владимир Григорьевич сказал, что напрасно обращался и что не обещает вперед подчиняться запрету приезжать в Тульскую губернию.

Михаил Сергеевич расспрашивал подробности его, Черткова, беседы со Столыпиным, и расследования, сделанного чиновником Министерства внутренних дел.

Л. Н.: Мне неприятно об этом говорить.

Черткова судили за его книгу «Наша революция». Чертков хочет зимой возобновить ходатайство.

За обедом Егор Иванович, седой лакей Сухотиных, служивший раньше охотником, спросил Л. Н-ча:

— Как быть, если напали разбойники? (Он убивал бы.)

Л. Н.: Убивать никого нельзя, лучше быть убитым, чем самому убивать.

Егор Иванович возразил: что сказал бы на это барин, если бы не защищал его, а дался убить разбойникам?

Л. Н. сказал бы: «Хорошо поступил, дался убить, сам не убил».

Егор Иванович не понимал и не соглашался, как это дать себя убить?

После, когда Егор Иванович ушел за блюдом, Л. Н. сказал:

— Он, как «Русское знамя»: оправдывает свое положение совсем искренне.

Разговор об образовании, о дипломах.

Л. Н.: Кто оценит образование? Гусев потому так умен, что не прошел университета. Четыре года университетских занятий испортили бы его ум. В образовании самобытность важна: учиться тому, к чему склонен, а в школах он учится тому, что ему противно. Учить того, кто хочет, чему хочет; никаких дипломов и никаких прав не давать.

Приехала 12-летняя племянница А. И. Путилиной (фельдшерицы). Очень желала видеть Л. Н. Анна Ивановна повела ее во двор, где под огромным кедром Л. Н. с Михаилом Сергеевичем играли в шахматы. Прошли мимо в двадцати шагах, но Л. Н. подозвал. Анна Ивановна рассказала, что в училище новосильском, куда ее племянница ходит, в день юбилея Л. Н. простили всем плохие баллы.

Л. Н.: Ну вот, пригодился мой юбилей на что-нибудь. Я очень рад.

Л. Н. об отъезде своем. Софья Андреевна его очень вызывает домой, и Анна Константиновна желает с ним видеться перед отъездом в Крекшино. Телеграфировала в этом смысле два раза.

Л. Н-чу очень хорошо здесь живется. Хвалил, как ему хорошо работается. Утром прогулки по дорожкам к целебной воде, к дубам (тройно-

---

* Это объяснение того, что Л. Н., когда ему, слезшему с лошади и всходившему на балкон в Телятинках, представили там находившегося чиновника (следователя по делу Черткова), Л. Н. ему не подал руки. Непосредственное чувство.

му и одиноким — огромным), где ни души не встречает. Народ здешний более прост, «руссее», как выразился Илья Васильевич; Л. Н. ежедневно беседует, посещая мужиков или на их работах в имении, или же разъезжая по их деревням. И главное, по-моему, что нет здесь Софьи Андреевны, отдых от ее разговоров, лживых и бестактных.

Л. Н. (*Михаилу Сергеевичу*): Мне здесь удивительно спокойно, работа такая идет. Неужели я бы уехал, если бы меня Софья Андреевна не вызывала: она ревнует.

Л. Н. после обеда рассказал сказку Танечке, взяв ее на колени, о большущей рыбе, которую выловили; в ней оказался живой мальчик. Танечка спросила: «А это правда?»

Л. Н.: Нет, неправда.

Вечером Михаил Сергеевич и Татьяна Львовна уехали в Головеньки к Мамонтову. Остались одни М. М. Сухотин и П. Г. Дашкевич. Л. Н. вечером разговаривал с кочетовским врачом П. Г. Дашкевичем.

Л. Н.: Скажите мне, какая из революционных брошюр произвела на вас самое сильное впечатление в вашей молодости, когда вы знакомились с революционерами?

Дашкевич: Брошюр я читал мало и не помню, чтобы они производили на меня сильное впечатление. Из всей революционной литературы наибольшее влияние имела на меня книга Миртова (Лаврова) «Исторические письма».

— Чем же именно?

— Своими нравственными идеями, идеей о долге народу.

— Но ведь эта книга не революционная, в таких идеях мало революционного.

— Да. Но «Исторические письма» непременно были в числе книг революционных библиотек в то время, когда я познакомился с революционерами. На этой книге воспитывалась тогдашняя революционная молодежь. Да и самая книга скоро попала в число запрещенных [1]. Живо помню также, с каким интересом читал «Сущность социализма» Шеффле [2], «Положение рабочего класса в России» [3] и «Азбуку социальных наук» Флеровского — первый том [4].

Л. Н.: Помню, помню это имя. Это мой товарищ по Казанскому университету — Берви.

Дашкевич: Из произведений революционных в строгом смысле слова назову «Процесс 50-ти», «Народную волю», биографии Перовской, Кибальчича и др.

М. М. Сухотин: Интересно знать, какие литературные произведения оказывают более значительное действие на читателя. Я думаю, что отвлеченные философские произведения не действуют. Нужны живые картины, чтобы заинтересоваться политическими идеями, проникнуться симпатией к ним.

Дашкевич: По моему мнению, это зависит от личности: на одного действуют логические доводы, на другого — образы.

Л. Н.: Да, вы оба правы, когда говорите о личности, о влиянии на нее художественных образов.

Л. Н. навел Дашкевича на рассказ о разных эпизодах из его скитаний по тюрьмам и ссылкам. Дашкевич попал в тюрьму и в ссылку за знакомство с тогдашними народовольцами. Он был тогда студентом киевской духовной академии. Времена были суровые. Военный суд приговорил Дашкевича к ссылке в Сибирь на поселение, откуда он убежал, после двух лет жизни, к Тунке на монгольской границе. Скитания продолжались шесть месяцев.

Приехал, сегодня или вчера, Чертков в Суворово. Л. Н. к нему ездил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1908

1 января*

[1] Стихотв. К. Д. Бальмонта «Тихая поветерь», «Осенний бусенец», «Серебряный путь» и др. (1907, № 10); драма Д. С. Мережковского, Д. Философова и З. Н. Гиппиус «Маков цвет» (№ 11).

[2] 31 дек. 1907 г. Т. получил от В. А. Молочникова копию его письма к П. А. Столыпину; опубл. не полностью в т. 56, с. 471—472. В тот же день Молочников впервые приехал в Ясную Поляну.

[3] В переписке шла речь о роли К. П. Победоносцева в переселении духоборов в Канаду (*ВЕ*, 1907, № 12).

4 января

[1] Тюремный свящ. Д. Е. Троицкий.

[2] Т. встречался в Туле с архиепископом Никандром (Н. И. Покровским) в дек. 1879 г. В том же 1879 г. архиепископ присылал Т. материалы для его работы над историч. романом (см. т. 17, с. 655—656).

[3] Очевидно, эти письма вызвали записи Т. в Зап. кн. и Дн. (т. 56, с. 92—93, 299). Одно из получ. писем — *Гусев II*, с. 57—59.

5 января

[1] В письме от 24 дек. 1907 г. У. Арлотта просил разрешения приехать, чтобы сфотографировать Т. на утренней прогулке.

[2] Отзыв Т. о Данте в передаче Арлотта см. в *БВ* (веч. вып.), 1907, № 10251, 13 дек.

[3] Т. адреса не подписал (см. т. 78, с. 110—111).

6 января

[1] Письмо С. Ф. Стрельникова от 24 дек. 1907 г. Т. отв. 12 янв. (т. 78, с. 16—17).

[2] Восп. Т. относится к осени 1841 г., когда Т., его братьев и сестру после смерти отца перевезли в Казань к их опекунше П. И. Юшковой.

[3] А. С. Аренский с сыном приезжали в Ясную Поляну 11 марта 1904 г.; они были «приятны» Т. (см. т. 55, с. 21 и т. 84, с. 366).

7 января

[1] Перерабатывая «Круг чтения», Т. расположил афоризмы в строгом систематическом порядке и озаглавил отделы.

11 января

[1] Кн. называлась «On Non-Resistance» (см. запись 13 янв.).

12 января

[1] Т. отв. в этот день на 5 писем, в том числе на письмо Г—та об измене жены (т. 78, с. 14—17).

[2] При письме от 9 янв. Э. Р. Стамо прислала копию ст. И. Тенеромо, опубл. в «Одесских новостях», 1907, № 7387, 6 дек. Отв. Т. (в доп. к отв. Гусева) — т. 78, с. 15—16.

[3] Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1877 г., гл. 2 (СПб., 1878, с. 67—79). Эта гл. посвящена евр. вопросу и озаглавлена «Но да здравствует братство».

[4] «Теософское обозрение», 1907, № 3, дек. (*ЯПб*).

13 января

[1] Заметка, озагл. ««Опиния», «Квестия» и «Калюмния»» за подп. *Наисолиднейший погромщик Микола* (*НВ*, № 11431, 11 янв.).

---

* Список условных сокращений к примечаниям см. в конце кн. 1-й настоящего издания.— *Ред.*

[2] А. Балу. Учение о христианском непротивлении злу насилием. Пер. с англ. С предисл. И. Горбунова-Посадова. М., 1908 (*ЯПб*).
[3] Напеч. в «Лит.-художественном альманахе изд-ва «Шиповник»», кн. 3. СПб., ‹1907›, к-рый был привезен П. А. Сергеенко.

14 января

[1] Письма, опубл. в *ВЕ*, №№ 1—2, адресованы не А. А. Толстой, а жене поэта А. К. Толстого: «Письма к графине С. А. Толстой Ив. Серг. Тургенева, Влад. Соловьева, Ф. Достоевского, Шеншина-Фета, гр. В. Соллогуба, Я. П. Полонского и др.».

15 января

[1] A. Herzen. Wissenschaft und Sittlichkeit (Ein Wort an die männliche Jugend). Vortrag gehalten in Genf und Lausanne im März 1894 (Autorisierte Übersetzung). Lausanne, 1895. В *ЯПб* 2 экз.: на одном — дарств. надпись на рус. яз.; на др.— на франц. Брошюра А. А. Герцена в «Посреднике» издана не была.
[2] И. А. Беневский, приехавший в этот день в Ясную Поляну, дал Т. прочесть письмо М. А. Беневской, к-рая находилась на каторге (см. запись 12 сент. 1906 г.).

16 января

[1] См. т. 78, с. 21—22.

17 января

[1] Письмо от 17 янв. (т. 78, с. 23—27).
[2] Э. Реклю. Человек и земля, тт. I—VI. СПб., 1906—1909.
[3] Л. Л. Толстой. Моя родина. Пьеса в 5 д. СПб., б. г.
[4] Драма «В долине скорби». Напеч. в одноименном сб. М., 1907.
[5] См. т. 78, с. 27—29, ответ на письмо Попова от 10—29 дек. н. с. 1907 г.
[6] Фотогр. Т. на прогулке в поле с его подп. и с датой 17 янв. была отослана словацк. общественному деятелю Й. Шкультеты и теперь находится в *LAMS*. Чеш. писатель и историк К. Калал, близкий друг Маковицкого, также получил фотогр. 2 мая 1912 г. Калал писал Маковицкому в Ясную Поляну: «У нас на глазах картина Толстого, твой подарок».

18 января

[1] Письмо от 6 февр. (т. 78, с. 52).

19 января

[1] На письмо Б. Сахатова от 24 дек. н. с. 1907 г. Т. отв. 28 янв. (т. 78, с. 40—41).
[2] Очевидно, А. Г. Тепловой — завед. «Бесплатной русской библиотекой в Лондоне». Сохр. его письмо к Черткову по поводу смерти Т-го. Запись Маковицкого — единственное свидетельство о переписке Т. с Тепловым.
[3] См. «Закон насилия и закон любви», гл. VII (т. 37, с. 166 и след.).
[4] В «Трудовом пути» (№ 1) помещены репродукции с картин Ф. Штука «Греховность» (с. 17) и Н. В. Орлова «Христовым именем» (с. 25). Точное назв. картины Орлова: «Христа-ради» («По приходу»).
[5] Эта картина, вероятно, завершена не была. Откликом на события Рус.-япон. войны явилась картина Орлова «С войны» (1907—1908); с 1956 г. находится в Ясной Поляне.

20 января

[1] По-видимому, переписывание Дн. для Черткова.

21 января

[1] Далее Маковицкий записал со слов Гусева, И. В. Сидоркова и И. О. Шураева, что́ происходило в Ясной Поляне в его отсутствие. Эти записи не воспроизводятся нами, поскольку период этот подробно описан самим Гусевым (*Гусев II*, с. 68—107).

7 марта

[1] В связи с заболеванием Т-го Маковицкий 2 марта был вызван телегр. Вызваны были также врачи Д. В. Никитин и Г. М. Беркенгейм.

9 марта

[1] И. Н а ж и в и н. Голоса народов. Вып. 1. М., 1908 (*ЯПб*).

[2] Письмо Т. Макарова от 14 февр.

[3] Письмо С. Казакова от 6 марта (почт. шт.) в отв. на письмо Т. от 18 февр. (см. т. 78, с. 66—67).

[4] Кн. изд. в Лондоне в 1907 г. (*ЯПб*).

[5] После запрещения осенью 1906 г. *ЖдВ* ред. пыталась возобновлять его под др. назв.: «Народная весть» (нояб.—дек. 1906), «Трудовой путь» (1907—янв. 1908) и один № под назв. «Наш журнал» (февр. 1908). В нем и опубл. рассказ «Иван Иванович».

[6] B. S h a w. The Impossibilities of Anarchism. L., 1906 (*ЯПб* *).

[7] А. К у п р и н. Немножко Финляндии (Очерк).— Напеч. в № 1 журн. (февр.).

[8] В заметке «Книги и писатели» (*Р*, № 66, 7 марта) сообщалось о выходе 2-го изд. кн.: «Jahrbuch für Literatur und Kunst», со свед. о хранилище рук. Т. в доме Черткова в Англии.

10 марта

[1] В № 11490 газ. была перепеч. из «Совр. слова», № 152, 7 марта часть ст. В. А. Поссе «Как ознаменовать юбилей Л. Н. Толстого», в к-рой он предлагал, чтобы «все, кому дорог Толстой», отказались от спиртных напитков, от «нездоровых, развращающих душу развлечений», а деньги, к-рые тратятся на это, вносили «хотя бы в кооперативные учреждения».

[2] В 1892 г. В. А. Поссе напечатал в «Книжках «Недели»» (№№ 1—2) ст. «Немецкий реалист». В № 1 «Книжек «Недели»» того же года была напеч. в сильно урезанном виде ст. Т. «О голоде» под загл. «Помощь голодным» (т. 29).

[3] На письмо Б. Холла (B. Hall) от 3 февр. н. с. Т. отв. только 15 марта (т. 78, с. 90).

[4] См. запись 6 нояб. 1907 г.

[5] В янв.— марте Т. работал над ст. «Закон насилия и закон любви» (т. 37). Она была задумана в форме обзора рус. и зарубежных газ.; тогда, очевидно, Т. и хотел воспользоваться предложением Маковицкого, но вскоре форма статьи была изменена, и материалы о суде над черновцами (словацкие крестьяне, привлеченные венгерскими властями к судебной ответственности за мнимое подстрекательство против венгров) использованы не были.

[6] В письмах к матери из Рима от 23 и 29 февр. Т. Л. Сухотина упоминала о встречах с Б. Бьёрнсоном и его семьей. В одном из них она писала: «Когда я была у него, он позвал свою жену: очень благообразная белокурая немолодая женщина, но совершенно глухая. Его дочь замужем за сыном Ибсена. Она хорошая певица и здесь давала два концерта. Бьёрнсону 75 лет; бодрый, красивый старик. По взглядам, он, кажется, материалист».

11 марта

[1] М. М е н ь ш и к о в. Толстой в плену (*НВ*, № 11491, 9 марта). Ср. *Гусев II*, с. 109.

[2] В письме от 15 февр. Т. Л. Сухотина просила Т. отв. на запрос амер. журн. (а не франц. газ.) «Good Health» о вегетарианстве. Текст отв. Т. сообщил в письме к Т. Л. Сухотиной от 10 марта (т. 78, с. 79—80 и 312).

[3] На письмо Горбунова-Посадова от 10 марта Т. отв. 11 марта (т. 78, с. 80).

[4] По инициативе Черткова печатание 2-го изд. «Круга чтения», над к-рым Т. работал в 1907—1908 гг., было передано И. Д. Сытину. Сытин задерживал изд., опасаясь судеб. преследования, и, кроме того, не сочувствовал антицерковным взглядам Т., выраженным в этом сб. афоризмов. 2-е изд. «Круга чтения» вышло: в 1910 г.— 1 вып., в 1911—1912 гг.— остальные 3 вып.

[5] Печаталось в «Посреднике» под загл. «Учение Христа, изложенное для детей».

[6] См. т. 78, с. 80—88.

12 марта

[1] 9 марта архиепископ Антоний (А. П. Храповицкий) писал С. А. Толстой: «Вам, надеюсь, было бы очень отрадно, если бы он умер в мире с Христом Спасителем или если бы поправился и стал сыном церкви». Он просил сообщить, может ли приехать в Ясную Поляну. С. А. ответила в тот же день (отв. неизв.).

[2] Письмо Х. Досева от 4 марта н. с. (почт. шт.). Т. отв. 17 марта (т. 78, с. 93).

[3] В фельетоне «Толстой в плену» (*НВ*, № 11491, 9 марта) М. О. Меньшиков цитировал письмо к нему А. П. Чехова от 28 янв. 1900 г. (А. П. Ч е х о в. Собр. соч., т. XII. М., 1964, с. 360—362).

[4] В письме к Гусеву А. М. Бодянский сообщил, что послал в газеты откр. письмо по поводу юбилея Т. Газ. этого письма не напечатали. Ответ Т-го Бодянскому от 12—13 марта (т. 78, с. 88—89) опубл. в *Р. вед.*, № 65, 18 марта (ср. *Гусев II*, с. 110).

13 марта

[1] См. письмо Т. к М. А. Стаховичу от 28 февр. (т. 78, с. 73—75).
[2] *Еванг. от Иоанна*, XIII—XVII.

14 марта

[1] Письма Т. к И. А. Самсонову — т. 77, с. 321 и т. 78, с. 68—69. Самсонов намеревался поехать в земледельческую колонию, организованную И. А. Беневским на своем хуторе Дубровка.
[2] Т. отв. Г. В. Макарову 17 марта (т. 78, с. 94). В экз. кн., хранящемся в *ЯПб*, Т. дал оценку рассказам по 5-балльной системе.
[3] В. В. Вересаев. На войне. Записки. СПб., 1908 (*ЯПб*, пометы).
[4] Репродукция картины Н. А. Ярошенко «Заключенный» (1878; подл.— *ГТГ*).
[5] Карикатуры Боба (*Илл. прилож. к НВ*, № 11494, 12 марта).

15 марта

[1] Г. С. Петров был в Ясной Поляне 24—25 февр.
[2] Посылая книгу 28 февр. н. с., Изабелл Мартин Грей выражала надежду, что эта «правдивая история» заинтересует автора «Воскресения».

16 марта

[1] 9 марта в *Р*, № 68 появилась коррес. из Москвы, в к-рой сообщалось, что Т. занят переводом стихов Гюго. «Echo de Paris» опровергла это на том основании, что Т., «кажется, никогда не числился в списке поклонников Гюго ‹...› Если Толстой, действительно, занят Гюго, то, по всей вероятности, только развенчиванием его...» 13 марта в № 72 *Р* перепечатала эту заметку, к-рая возмутила Т. (см. т. 78, с. 113—114).
[2] О работе Т. над пер. поэмы Гюго «Бедные люди» см. в сб. *Толстой-редактор*, с. 268—280.
[3] «Круг чтения», т. I, с. 25—26 (т. 41, с. 25—26).
[4] П. И. Бирюков. Духоборцы. Сб. статей, воспоминаний, писем и др. документов. М., «Посредник», 1908 (*ЯПб*).

18 марта

[1] В 1-м письме от 1 янв. н. с. студент рус. отд. токийского училища иностр. яз. Ярок Саваяма поздравил Т. с Новым годом и попросил автограф; во 2-м, от 11 марта, поблагодарил за письмо «из самой Ясной Поляны» и сообщил, что в Японии ходят слухи о приезде Т. «Позвольте помнить,— писал Саваяма,— что на Дальнем Востоке есть остров мирный, который вас ожидает без терпения». Письма написаны по-русски. Слух был вызван намерением сына Т. Льва Львовича посетить Японию.
[2] Изречения Паркера из его кн. «О преходящем и вечном в христианстве» и «О вопросах религии» (изд. *Св. сл.*, 1901) вошли в 1-е изд. «Круга чтения». Во 2-е изд. Т. ввел еще неск. его изречений.
[3] Изречения назв. писателей, за исключением Хазлита, вошли в «Круг чтения» и «На каждый день».

20 марта

[1] Кн. хр. в *ЯПб* (не разрезана).
[2] Письмо М. А. Моисеенко (Беневской) от 26 февр.— отв. на письмо Т. от 17 янв. На конв. помета Т.: *Б. о.*
[3] 2 марта Т. продиктовал пер. рассказа Гюго «Атеист» («Un athée») — см. *Гусев II*, с. 104—105. 31 марта он исправил свой перевод. Под загл. «Неверующий» рассказ вошел во 2-е изд. «Круга чтения» (т. 41, с. 516—522).

21 марта

[1] В отв. телегр. С. А. Толстая предложила комитету руководствоваться письмом Т. от 28 февр. и ее письмом от 15 марта.
[2] Письма М. А. Стаховича к С. А. Толстой от 13 и 18 марта.
[3] Ст. Т. «Любите друг друга» (т. 37). Журн. сохр. в *ЯПб*.
[4] E. Garzon. L'Europe dans l'Amérique latine. Le voyage de M. Bénard («Le Figaro», 9 mars 1908). P., s. a. (*ЯПб*, дарств. надпись).
[5] H. Ellis. Spanish ideals of to-day («Fortnightly Review», № 493, Jan.; *ЯПб*).
[6] П. Дерулед посетил Ясную Поляну 16 июля 1886 г. (см. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 535—541).

22 марта

[1] А. Ф. Ечинац предварительно испросил разрешения приехать в Ясную Поляну (см. т. 78, с. 328).

23 марта

[1] Авт. назв.— «Освятили» («Освящение монополии»).
[2] Авт. назв.— «Христа-ради» («По приходу»).
[3] Авт. назв.— «Недоимка» («Крестьянское горе»).
[4] Авт. назв.— «Отказ от исповеди».
[5] Два вар. «Дуэли» — 1896 и 1897. Т-му понравился 1-й.
[6] Очевидно, письма, опубл. в т. 78, с. 100—108.

24 марта

[1] См. запись 11 авг. 1906 г.
[2] П. И. Ф е д о с е е в. По мытарствам и др. рассказы. М., 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись).

25 марта

[1] Н. С. Гимер.
[2] 19 февр. Т. прочитал гостям начало этого рассказа. Опубл. в «Лит.-художественном альманахе изд-ва «Шиповник»», кн. 3, ⟨1907⟩. См. *Гусев II*, с. 92.
[3] См. запись 12 марта.
[4] Н. В. Давыдов приехал по поручению моск. комитета по организации чествования Т. В этот день Т. продиктовал в фонограф письмо, в к-ром просил «уничтожить всякие попытки чествования» его (т. 78, с. 104—106). Давыдов прочел письмо на заседании комитета 2 апр., и деятельность комитета была прекращена.
[5] «Кавалерийская рысь».
[6] Т. привез с собой из Москвы в Ясную Поляну музыканта Рудольфа в мае 1849 г.
[7] См. т. 78, с. 331.

27 марта

[1] Т. читал «замечательное произведение» М. Арнольда в оригинале: «Literature and Dogma» (L., 1889) — в 1880-х гг. (см. т. 85, с. 180). Кн., вероятно, была послана Т-м Горбунову-Посадову (см. т. 77, с. 69). Рус. пер. издан «Посредником» в 1908 г. под загл. «В чем сущность христианства и иудейства?» (*ЯПб*, не разрезана).

28 марта

[1] А. Франс был членом Толстовского юбилейного комитета в Париже. В интервью с корресп. *Р. сл.* Е. Беловым (№ 72, 27 марта) по поводу отказа Т. от чествования Франс сказал, что «Толстой оказался бы в противоречии со своей теорией «непротивления злу», если б он считал «даже злом подобный праздник».
[2] Очерк «Будда» (т. 41, с. 96—101).
[3] См. письмо Т. по поводу изд-ва «Ясная Поляна» в ред. *Р. сл.* от 8 дек. (т. 78, с. 278—279).
[4] Письмо С. А. Стахович к А. Л. Толстой от 24 марта. Слово «обыскался» — из этого письма.
[5] См. запись 7 окт. 1909 г.
[6] Маковицкий записал разговор не полностью и пометил на полях: *Гусев*, намереваясь, очевидно, воспользоваться след. записью Гусева:
«За вечерним чаем вспоминали вчерашнюю монахиню.
— Она верит в спиритизм,— сказала Александра Львовна.
— Нет, у нее есть худшие недостатки,— возразил Л. Н.,— она хочет учреждать, устраивать, обращать, заниматься революционною деятельностью в своем смысле... Есть и доля тщеславия» (*Гусев II*, с. 120).
[7] 26 марта в *Р* (№ 85) была напеч. заметка б. подп. по поводу опубл. в «Золотом руне» стихотв. Ф. Сологуба «Расстегни свои застежки...» и процитированы из него 32 строки.
[8] При письме от 4 марта н. с. С. Т. Семенов прислал рассказ «Из жизни Макарки» и просил поместить его в *ВЕ* (см. т. 78, с. 324). Т. послал рассказ М. М. Стасюлевичу 5 марта (см. т. 78, с. 77). Он был опубл. в 1908, № 5.
[9] Вопрос Маковицкого был вызван беседой И. Я. Гинцбурга с Т. на эту тему, приведенной в указ. кн., к-рая была прислана автором С. А. Толстой в марте (*ЯПб*, дарств. надпись; на с. 184 пометы — возможно, Маковицкого).
[10] «Христа-ради» («По приходу»).
[11] В указ. выше ст. «У Л. Н. Толстого» Г. С. Петров рассказывал о разнообразной корресп. Т. и о его ответах на множество писем.

[12] Письмо членов «Общины свободных христиан» от 23 марта. Т. отв. И. М. Трегубову 30 марта (т. 78, с. 111—112).

29 марта

[1] T o l s t o y L. Haboru és béke. Ford. D. Ambrozovics. I—III. Budapest, Révai, 1907.

[2] Письмо С. М. Прокудина-Горского от 23 марта. Отв. Т. не сохр. (ср. т. 78, с. 311—312). Прокудин-Горский был в Ясной Поляне 22—23 мая и сделал неск. снимков Т. См. воспроизв. одного из них на с. 65 наст. кн.

30 марта

[1] Коррeсп. «В Лиссабоне» (*БВ*, утр. вып., № 10424); Н. М-о в. Кровавое столкновение в Риме (веч. вып., № 10425).

1 апреля

[1] Пародийный водевиль «Фантазия», написанный А. М. Жемчужниковым совместно с А. К. Толстым. Был поставлен в петерб. Александринском театре 8 янв. 1851 г. Присутствовавший на премьере Николай I покинул зал до окончания представления. По «высочайшему повелению» пьеса на след. день была запрещена к исполнению. Многократно переизд. в собр. соч. Козьмы Пруткова.

[2] Письмо М. М. Докшицкого от 4 февр. Т. отв. 10—11 февр. (т. 78, с. 58—60).

[3] «Из воспоминаний рядового Иванова» (*ОЗ*, 1883, № 1).

[4] Письмо от дек. 1882 — янв. 1883 г. (т. 63, с. 112—124).

[5] В № 74 газ. 29 марта напеч. под загл. «Антиметафизик» лекция венского проф. Л. Больцмана «По поводу одного тезиса Шопенгауэра» в пер. и со вступ. заметкой К. А. Тимирязева. Резко критикуя идеализм Шопенгауэра, Больцман называл его «бессмысленным, невежественным, размазывающим глупости» философом.

2 апреля

[1] Ст. В. Владимирова «Голутвино III», «Перово», «Люберцы», «Голутвино» в *Р*, №№ 13, 25, 29 и 35, 29 янв., 10, 15 и 21 февр. 1906 г. и его кн. «Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской жел. дор.». М., 1906.

[2] Письмо от 15 марта А. и Г. Павленко и Я. Стрижака — крестьян с. Павловки Харьковской губ., сосланных в Забайкальскую обл. за разгром церкви в 1901 г. (см. запись 8 авг. 1907 г.). Эти крестьяне поздравляли своего «неоцененного защитника» с 80-летием. Т. отв. 7 апр. (т. 78, с. 116—117).

[3] По свидетельству Гусева, Т. говорил о письме М. С. Дудченко от 27 марта в связи с предстоящим юбилеем (*Гусев II*, с. 125). На письмо Дудченко Т. отв. 7 апр. (т. 78, с. 114—115).

[4] П. А. Сергеенко подготавливал сб., вышедший в 1909 г. под загл. «Международный Толстовский альманах. О Толстом» (*МТА*). Из назв. Т. лиц в нем участвовал только Х. Досев.

3 апреля

[1] Письмо М. Г. Макарова от 6 марта из Симбирска (см. т. 78, с. 334). При письме была объемистая тетрадь со стихами «Отдых летности». Отв. Гусев.

4 апреля

[1] Вероятно, № 11515, 2 апр., где помещены карикатуры Н. Калабановского на Л. Андреева, Боба — «Конец юбилейной кампании (гр. Л. Н. Толстой спасается бегством от Комитета почина для чествования 80-летия его рождения)» и перепечатка карикатуры из журн. «Kikireki» — «У балканских славян».

5 апреля

[1] Письма П. А. Буланже от 6, 19 марта и 3 апр. н. с. Т. отв. 30 марта (т. 78, с. 109—110).

[2] С. А. И л ь и н с к а я. Исповедь бывшей душевнобольной. 2-е изд. СПб., 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись).

7 апреля

[1] *Р*, № 95, 5 апр.

[2] Разговор с А. Н. Агеевым и посещение Т-м товарной станции Казанской ж. д. 26 дек. 1899 г. послужили толчком к написанию ст. «Рабство нашего времени», нача-

той на след. день (см. т. 90, с. 169—173 и т. 34, с. 146—150). Агеев находился в ссылке с 1903 до 1908 г.

[3] S. B e a l. Outline of Buddhism from Chinese Sources. L., 1870.

8 апреля

[1] N. N. Последний день Каляева (*Б*, 1906, № 5).

[2] Стихотв. А. С. Хомякова «Воскресение Лазаря», 1853 (Полн. собр. соч., т. IV. М., 1900, с. 247. Ср. *Гусев II*, с. 131).

[3] См. письмо Т. к А. В. Калачеву от 9 апр. (т. 78, с. 120—121).

9 апреля

[1] Картина «С войны» (1907—1908) — отклик на события Рус.-япон. войны. Хр. в Ясной Поляне.

[2] См. прим. 4 к записи 14 июля 1906 г.

[3] 7 апр. Т. продиктовал в фонограф отв. на письмо А. Г. Плавинской от 31 марта о воспитании детей (т. 78, с. 117—118). Письмо Т. отправлено не было. Отв. Гусев.

[4] См. запись 22 февр. 1905 г.

[5] Т. собирал в это время материалы о смертных казнях для задуманного (но неосуществленного) художественного произв. (см. письма к Н. В. Давыдову от 9 апр. и 3 мая — т. 78, с. 119—120 и 130).

10 апреля

[1] Т. А. Кузминская по совету Т. перевела с нем. пьесу Б. Бьёрнсона «Перчатка». Опубл. в «Вестнике иностранной литературы», 1891, № 7, с примеч. : «По рекомендации графа Л. Н. Толстого».

[2] Б. Б ь ё р н с о н. Единобрачие и многобрачие, призыв к северной молодежи. Пер. с дат. П. Ганзен. СПб., 1891 (*ЯПб*, дарств. надпись изд. М. Ледерле, пометы).

[3] Из кн.: V. H u g o. Post-scriptum de ma vie. P., 1901 (*ЯПб*, пометы). В пер. и обработке Т. под загл. «Неверующий» включен во 2-е изд. «Круга чтения» (т. 41, с. 516—522).

11 апреля

[1] В «Азбуке» (кн. 1. СПб., 1872, с. 53) в упражнении на неясные гласные приведена пословица, в к-рой встречается слово «жид». Об этом писал учитель И. Островский в письме от 6 апр. На конв. Т. написал конспект отв. (см. т. 78, с. 334—335).

[2] Над ст., впоследствии озагл. «Закон насилия и закон любви», Т. работал до авг. (т. 37).

[3] Картина Ф. А. Малявина «Вихрь» (1906, *ГТГ*). Экспонировалась в 1906 г. на 6-й выставке «Мира искусства» в Петербурге и на выставке «Союза русских художников» в Москве.

13 апреля

[1] Письмо И. Иванова от 23 марта (почт. шт.). На конв. помета Т.: «Ругательное».

[2] Д. М е р е ж к о в с к и й. «Павел I». Драма. СПб., 1908.

[3] Н. А. С а б л у к о в. Записки о времени императора Павла и его кончине (*ИВ*, 1906, №№ 1—3). См. запись 29 марта 1906 г.

[4] Л. Н. А н д р е е в. Царь-Голод. Представление в 5-ти картинах с прологом. СПб., 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись). Т-му пьеса не понравилась (см. *Гусев II*, с. 107).

[5] В. С е р г е е в и ч. Есть ли у крестьян теперь общинное землевладение? (*НВ*, № 11525, 12 апр.).

14 апреля

[1] Свед. об этом дворнике Игнате сообщил Т-му художник Н. В. Орлов. См. запись 27 апр.

[2] Т., вероятно, намерен был включить имена этих людей в гл. XI ст. «Закон насилия и закон любви».

15 апреля

[1] А. М. Добролюбов впервые посетил Т. 5 сент. 1903 г. (см. т. 54, с. 191).

[2] На письмо М. С. Дудченко от 27 марта Т. отв. 7 апр. (т. 78, с. 114—115).

16 апреля

[1] Письмо Ю. И. Гуляева от 12 апр. Приписка Т. к письму Л. Д. Семенова от 16 апр. (т. 78, с. 124—125).

[2] В. А. Молочников был привлечен к судеб. ответственности за распространение в Новгороде религ. произв. Т. За советом по делу Молочникова Т. обратился 11 апр.

к Н. В. Давыдову (т. 78, с. 121). Суд над Молочниковым состоялся 7 мая. Он был приговорен к заключению в крепости на год (см. письмо Т. в *Р*, 18 мая — т. 78, с. 142—144 и ст. «По поводу заключения В. А. Молочникова», т. 37).

[3] Известное выражение П. Ж. Прудона из его кн. «Ou'est-ce que la propriété» (1840).

[4] См. т. 48, с. 85. П. И. Бирюков включил полностью эту запись в «Биографию» (т. II, с. 33).

[5] **Э. О. Левинсон.**

[6] См. «Красный архив», 1922, № 2; 1924, №№ 5—7; 1925, № 1 и 1935, №№ 1—3

17 апреля

[1] В письме от 27 марта жанд. полк. М. Е. Хуциев просил разрешения приехать в Ясную Поляну, чтобы поговорить с Т. о своей жизни. «Рад буду видеть вас»,— ответил Т. 7 апр. (т. 78, с. 119).

[2] Ст. В. И. Немировича-Данченко «В Японии (дневник корреспондента)» печ. в *Р. сл.* в течение продолжительного времени. В № 88, 16 апр. напеч. XXI ст. из этого цикла, озагл. «Плоды побед — беспримерная нищета».

[3] Письмо от 31 марта было не от китайца, а от рус. инженера Я. И. Панфилова, жившего нек-рое время в Китае. Он писал о своем друге-китайце, просившем указать ему, какие произв. Т. следует перевести на кит. яз. в 1-ю очередь. На конв. помета Т.: «Отвечать, оч⟨ень⟩ важ⟨ное⟩». Письмо Панфилова опубл. в «Новом мире», 1958, № 5, с. 276. Т. отв. 28 апр. (т. 78, с. 126).

[4] Под загл. «Письмо к китайцу» опубл. письмо Т. к Ку Хун-мину в окт. 1906 г. (т. 36).

[5] Замысел осуществлен не был.

[6] Узнав от Гусева о намерении Т., П. И. Бирюков в письме от 27 апр. просил его описать это событие и «осветить теперешним взглядом». Свое участие в защите солдата В. Шибунина 16 июля 1866 г. Т. изложил в форме письма к П. И. Бирюкову (см. т. 37).

19 апреля

[1] Назв. произв. Гюго входят в его кн. «La légende des siècles», IV. P., J. Hetzel, s. a. (*ЯП6*, пометы). В тот же день Т. продиктовал в фонограф свой перевод прозой стихотв. «La guerre civile», спустя месяц отредактировал его и под загл. «Сила детства» включил во 2-е изд. «Круга чтения» (т. 42, с. 31—33).

[2] В *ЯП6* сохр. 13 кн. Гюго, из них с пометами Т., кроме указ. в прим. 1: «Les misérables». Bruxelles, 1862; «Morceaux choisis. La peine de mort». P., Société d'éditions littéraires et artistiques, s. a.; «Oeuvres posthumes. Post-scriptum de ma vie». P., 1901; «Religions et religion». P., 1880.

20 апреля

[1] В ст. «Закон насилия и закон любви» Т. цитирует письма А. В. Варнавского от 10 апр., А. И. Иконникова и др. (т. 37, с. 185—189).

[2] «Круг чтения», т. II, с. 97 (т. 41, с. 538).

[3] В. Булгаков. В Ясной Поляне (*Р. вед.*, № 91, 19 апр.).

21 апреля

[1] «Круг чтения», т. I, с. 312—315 (т. 41, с. 274—277).

22 апреля

[1] Письма А. И. Иконникова от 21 сент. и 7 окт. 1907 г. Т., вероятно, перечитывал их в связи с работой над ст. «Закон насилия и закон любви».

[2] Письма Т. к А. И. Иконникову от 10, 27 мая и 23 июля и А. В. Варнавскому от 23 июля (т. 78, с. 134—135, 144—145, 188, 190).

[3] Рассказ Наживина «В дни безумия» из его сб. «В долине скорби». М., 1907.

23 апреля

[1] Этот афоризм напечатан за подп. *Василий Чолба* в прилож. к № 109 *Р*, 21 апр. в ряду других афоризмов под общим загл. «Пути (Мысли и афоризмы)».

27 апреля

[1] Письмо Н. В. Орлова б. д. о его встрече с дворником-палачом. Рассказ Орлова Т. кратко изложил в ст. «Не могу молчать», гл. V (т. 37, с. 93—94).

28 апреля

[1] «Мысли мудрых людей на каждый день», с. 121 (т. 40, с. 116).

29 апреля

[1] «Как съели Бака» (*НВ*, № 11538, 27 апр.).
[2] Кн. изд. в Нью-Йорке в 1908 г. (*ЯПб*).
[3] Р. Хёнтер с женой приезжали в Ясную Поляну 29 июня 1903 г.

30 апреля

[1] См. ст. А. И. Толстой и П. С. Попова «Толстой за чтением литературы по научному социализму» («Л. Толстой. Материалы и публикации». Тула, 1958).
[2] Дн. З. М. Гагиной, к-рые она в течение 1908—1910 гг. присылала Т., изд. «Посредником» под псевд. *Н. Б. Петрова*: «Из дневника народной учительницы». М., 1915.
[3] В письме от 27 апр. И. Ф. Наживин просил Т. послать Ваисову книги. На конв. помета Т.: «Н. Н. послать книг и написать». В *Список* (т. 78) не вошло.

1 мая

[1] В письме от 24 марта Е. П. Оськин, крестьянин Тульской губ., приговоренный к 8 гг. каторжных работ, просил о материальной помощи. На конв. помета Т.: «Пр⟨осительное⟩. Каторжн⟨ик⟩». Отв. Гусев (т. 78, с. 339).
[2] Выписку из кн. Э. Геккеля «Естественная история миротворения» (ч. 1. Лейпциг — СПб., 1908, с. 123) Т. включил в «Воспоминания о суде над солдатом» (т. 37, с. 74).

2 мая

[1] Полк. В. А. Лишев писал 28 апр., что его дети осуждены Киевским военно-окружным судом за принадлежность к воен. организации партии эсеров, и просил хлопотать об отмене приговора. С этой просьбой Т. обратился к С. А. Стахович. См. письма Т. к В. А. Лишеву и С. А. Стахович от 10 мая (т. 78, с. 135—136). 19 июня гл. воен. суд, рассмотрев кассационную жалобу, утвердил приговор.
[2] На этой кровати обычно спал П. А. Пузин, часто приезжавший в Кочеты.
[3] Письмо начальницы прогимназии в Перми О. Циммерман от 15 апр. На конв. помета Т.: *Б. о.*
[4] «Так Л. Н. называл писавшую ему молоденькую барышню из Москвы, в почерке которой он находил сходство с почерком Гусева и потому называл ее, шутя, его невестой» (*Прим. Гусева*).
[5] *Казюк* (тульское) — в бранном смысле оружейник, прикрепленный к казенному оружейному заводу.
[6] Ср. в письме В. В. Стасова к Т. от 1 нояб. 1906 г.: «Вы — пророк и провидец: наше «освобождение» именно по вашему слову и указанию совершается» и от 18 сент. 1906 г.: «Разве вся русская нынешняя революция, разве она не из вашего огнедышащего Везувия выплеснулась?» (*ПТС*, с. 383, 407).
[7] Отрывок из черн. ред. В окончательной ред. текст отрывка несколько переработан (см. т. 37, с. 68—69).

3 мая

[1] 9 апр. Т. просил Н. В. Давыдова сообщить ему «подробности о смертной казни, о суде, приговорах и всей процедуре», нужные ему для задуманного худож. произв. (т. 78, с. 120). Давыдов прислал материалы о процессах в воен. судах и сообщил о предстоящем приезде Н. К. Муравьева (см. т. 78, с. 130).

5 мая

[1] Т. бывал в Бахчисарае летом 1855 г., находясь в Крымской армии, и в марте 1885 г., когда сопровождал в Крым больного Л. Д. Урусова. *Чуфут-Кале* — древнее поселение караимов близ Бахчисарая.
[2] Анон. заметка «Мозг Д. И. Менделеева» (*Р*, № 121, 3 мая).

6 мая

[1] Письмо А. А. Барковой от 23 апр. Т. отв. 10 мая (т. 78, с. 133—134).

8 мая

[1] На письмо М. М. Стасюлевича от 6 мая Т. отв. 10 мая (т. 78, с. 139—140).

9 мая

[1] Восп. В. С. Морозова о яснополянской школе были напеч. в *МТА*. Отд. изд.: «Воспоминания ученика яснополянской школы В. С. Морозова». М., «Посредник», 1917. В «Биографию» П. И. Бирюкова не вошли.

[2] Напеч. с предисл. Т. в *ВЕ*, 1908, № 9 (см. *Толстой-редактор*, с. 303—320).
[3] Изд. Э. О. Левинсон прислал Т. корр. рассказа Л. Семенова «Отрывки», к-рый он намеревался издать. Свой отзыв Т. сообщил Семенову. Откинув «все ненужное, лишнее», он послал рассказ редактору *ВЕ* М. М. Стасюлевичу (см. т. 78, с. 137—138, 156, 169).
[4] Речь П. А. Столыпина о русско-финляндских отношениях (*Р*, № 124, 6 мая).

11 мая

[1] Г. П. Георгиевский. А. И. Герцен в его письмах к Н. П. Огареву. Вторая половина шестидесятых годов: 1866—1870 (*ВЕ*, №№ 1—3); А. Веселовский. Герцен-писатель. Очерк (№№ 3—4); Ив. Емельяненко. За границей. Роман (№№ 1—4).
[2] Ср. т. 56, с. 133 и 191.
[3] Роман Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)». СПб., 1905 (см. гл. IV).

12 мая

[1] На след. день под влиянием рассказа Н. К. Муравьева Т. принялся за ст., озаглавленную впоследствии «Не могу молчать» (т. 37).

13 мая

[1] Работа над ст. «Не могу молчать» продолжалась до июня.

14 мая

[1] 12 мая в Петербург приехали депутаты всех славянских партий австр. парламента: К. Крамарж, И. Ф. Грибарь и Н. П. Глебовицкий (Д. Н. Вергун был среди встречающих) — для переговоров о славянском съезде, к-рый должен был состояться в Праге через 2 мес. В *НВ* (№ 11552, 11/24 мая) была опубл. ст. М. О. Меньшикова «Славянский съезд» (из цикла «Письма к ближним»).
[2] В. Розанов (под псевд. *В. Варварин*). Пестрые темы (*Р. сл.*, № 110, 13 мая).
[3] Стихотв. А. С. Хомякова «Остров» с восторженной характеристикой Англии; завершается предсказанием о ее неизбежном падении.
[4] Сб. «Памяти Фрумкиной и Бердягина. 11 июля — 13 июля 1907 г.». М., 1908,
[5] А. Ф. Кони. Отрывки из воспоминаний о Тургеневе, Достоевском, Некрасове. Апухтине (*ВЕ*, № 5). Т-му эти восп. очень понравились, о чем он написал автору 15 мая (т. 78, с. 141—142). В том же письме Т. просил «о месте сыну Андрею». Письмо должна была передать С. А. Толстая, но в посланном ей на след. день в Петербург письме Т. просил не передавать его письма (см. т. 84, с. 383). Отзыв Т. о воспом. она передала Кони устно (письмо А. Ф. Кони к Т. от 20 мая — см. А. Ф. Кони. Собр. соч., т. VIII. М., 1969, с. 250).
[6] Изречение Рамакришны (Браминская мудрость).— «Круг чтения», т. I, с. 376 (т. 41, с. 325).

15 мая

[1] «Из зала суда. Анархисты-коммунисты» (*Р. сл.*, № 111, 14 мая).

16 мая

[1] Картина М. Мункачи «Христос перед Пилатом» (1881). Хр. в Филадельфии (частное собр.).
[2] В отличие от баптистов, признающих некоторые религ. ритуалы (например, крещение), молокане не признают ни икон, ни креста. Они отрицают таинства святых, не признают мощей, чудес.
[3] 1-я ред. ст. «Не могу молчать».

17 мая

[1] В. А. Молочников был выпущен из тюрьмы под залог до «вступления приговора в законную силу» и пробыл в Ясной Поляне 17 и 18 мая.
[2] Письма В. А. Лишева от 28 апр. и 14 мая.

18 мая

[1] Т. дал прослушать переложенный им для детей и произнесенный в фонограф рассказ Лескова «Под Рождество обидели».

[2] Вероятно, машиноп. копия письма в *Р*, исправл. Т. Вторая подаренная рук.—машиноп. текст переведенного Т. стихотв. В. Гюго. «Гражданская война». 18 мая Т. внес в него исправления и написал: «Владимиру Молочникову Лев Толстой». Рукой Молочникова вписана дата: *18 мая 1908*. На посл. стр. обложки подпись нач. тюрьмы (см. В. А. Молочников. Свет и тени.— В сб. «Толстой и о Толстом», III. М., 1927, с. 97).

20 мая

[1] Это были ученики Тульского ж.-д. училища. По словам Гусева, учителей было шесть (*Гусев II*, с. 162).

[2] О. Уайльд. Саломея. Драма в 1-м д. Пер. с франц. К. Д. Бальмонта и Е. Андреевой. Предисл. К. Д. Бальмонта: «Поэзия Оскара Уайльда». СПб., «Пантеон», б. г. (*ЯПб*).

[3] Вероятно, слух о пьесе «Последние» (1908), запрещенной к исполн. драматической цензурой.

21 мая

[1] «Рассказ о семи повешенных».— «Лит.-художественный альманах изд-ва «Шиповник»», кн. 5. СПб., 1908.

[2] В *Р. вед.*, № 116, 20 мая под рубрикой «Московские вести» напеч. сообщение, что на редактора *Р. вед.* моск. градоначальником наложен штраф в 1000 р. за помещение в № 107 газ. от 9 мая телегр. из Херсона о казни там 20 крестьян, тогда как на самом деле было казнено 12. Указ. в газ. ошибку Т. отметил в прим. к ст. (т. 37, с. 83).

22 мая

[1] С. М. Прокудин-Горский, специалист по цветной фотогр., с согласия Т. приехал по поруч. ред. «Записок русского технического общества», решившей к 80-летию Т. поместить в своем журн. его цветную фотогр., составлявшую тогда последнее слово фотографической техники. Фотогр. была помещена в авг. № журн. В заметке от ред. отмечалось, что Т. «заинтересовался новым процессом и подробно расспрашивал о нем» Прокудина-Горского (с. 329). См. воспроизв. этой фотогр. на с. 65 наст. кн.

23 мая

[1] В окт. Т. получил от Б. Т. Вашингтона его кн. «Up from Slavery. An Autobiography». N. Y., 1907 (*ЯПб*, дарств. надпись) и еще некоторые материалы, дающие представление о работе в институте Таскиги, учебном заведении для негров (см. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 492—493 и 524).

[2] К. Д. Бальмонт посетил Т. в Крыму 14 нояб. 1901 г. Воспоминания об этой встрече, к-рые цитирует Т.: К. Бальмонт. О книгах для детей («Весы», 1908, № 3, с. 82—83).

24 мая

[1] Письмо А. Шкарвана к «военному врачу», озагл. «Почему нельзя служить военным врачом»— гл. из его кн. «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача», вышедшей в Англии в 1898 г. (см. т. 42, с. 405—408).

[2] В заметке сообщалось, что «ваисовцы» отвергают «всякую власть, всякое правительство, всякие законы», а себя считают «божьим полком», власть над к-рым принадлежит только богу.

[3] См. прим. 4 к записи 14 июля 1906 г.

26 мая

[1] Ст. *С.* (П. Б. Струве) — *Брокгауз*, кн. 36.

[2] Вероятно, стихотв. М. Ф. Фроленко «В камере грязной, сырой и холодной», напеч. в посвященном ему очерке В. Н. Фигнер.— Сб. «Галерея шлиссельбургских узников», ч. 1. СПб., 1907, с. 93.

28 мая

[1] Д. Ф. Кобеко приехал в Ясную Поляну для переговоров с С. А. Толстой о приобретении Публ. б-кой писем декабристов, принадлежавших одной из монахинь Шамординского монастыря, где жила М. Н. Толстая (см. т. 56, с. 494).

[2] Том I «Соединения, перевода и исследования четырех Евангелий» вышел в изд. «Посредник» в 1907 г.; тт. II и III — 20 мая 1908 г. Изд. было конфисковано.

30 мая

[1] На конв. письма от 28 мая 16-летнего В. Глухенького, «страстного рыболова», Т. пометил: «Н. Н. Ответить: От быка до комара, что мож⟨ет⟩». Отв. Гусев 4 июня (т. 78, с. 344).

[2] См. запись 27 янв. 1905 г.

[3] H. Fleischmann. La guillotine en 1793, d'après des documents inédits des Archives nationales. L'aurore du coûteau. L'instrument au travail. Les régissides. L'épopée de la fille à Guillotin. P., 1908.

1 июня

[1] Вероятно: Пушкин. Сочинения. Переписка. Под ред. и с прим. В. И. Сангова, т. II (1827—1832). СПб., 1908 (*ЯПб*).

[2] Т. читал «Соч. Пушкина. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч.», тт. I—VII. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855—1857. В *ЯПб* сохр. тт. I—II, IV—VI этого изд. с пометами Т. В т. I Т. читал «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» П. В. Анненкова и «Французские письма Пушкина по поводу Бориса Годунова» (без указ. фамилии адресата). Эти письма были адресованы не Анненкову, а Н. Н. Раевскому-сыну.

[3] В 1905 г. под председательством Д. Ф. Кобеко была создана комиссия из представителей пр-ва и деятелей культуры; на нее было возложено составление законопроекта о печати. Членом этой комиссии был А. Ф. Кони, поддержавший мнение о необходимости предварительной цензуры для народных кн. по медицине и популярных кн. о половой жизни.

[4] Гл., в к-рой идет речь о дворнике-палаче. В рук. эта и след. главы помечены цифрой V. Посылая рук. «Не могу молчать» для публикации Черткову, Т. предоставил ему право решить, оставить ли гл. V или «выкинуть» (т. 89, с. 98). Гл. была оставлена в тексте.

[5] Письмо А. И. Кудрина из тюрьмы от 28 мая. Т. отв. 14 июня (т. 78, с. 166—167).

2 июня

[1] Об этом В. А. Молочников писал Гусеву. В письме от 6 июня Т. поблагодарил Молочникова за это письмо (т. 78, с. 154).

[2] «Рассвет» («Конец войне — чему ж начало?»).— Соч. гр. А. Голенищева-Кутузова, т. I. СПб., 1904, с. 70.

3 июня

[1] Эта кн. (изд. 1907 г.) сохранилась в *ЯПб* (дарств. надпись).

[2] В письме от 24 мая н. с. ред. «Free Hindustan» Таракнатх Дас описывал бедственное положение народностей Индии и просил Т. написать ст. в защиту этой страны (т. 37, с. 444—445). На конв. помета Т.: «Душ⟨ану⟩ ответить: Желаю исполнить, нужны сведения» (см. т. 78, с. 348). Одновременно Дас выслал Т. апр. и майский №№ своего журн. (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы).

4 июня

[1] Народное восстание в Индии в 1857—1859 гг. Картина В. В. Верещагина — «Подавление индийского восстания англичанами» (ок. 1884).

5 июня

[1] Известно только одно письмо Т. к С. Р. Чителю от 21 янв./3 февр. (т. 78, с. 32—33).

[2] Очевидно, те 2 тт. соч. Вивекананды, к-рые были получены Т. 25 мая (см. запись 26 мая). Чтение Вивекананды отмечено в Дн. 4 июля и 5 авг. (т. 56, с. 138 и 142; ср. т. 56, с. 503).

[3] Книга вышла в Лейпциге в 1906 г.

[4] В марте — сент. 1906 г. А. М. Горький (вместе с М. Ф. Андреевой) по поручению партии большевиков совершил поездку в США для сбора средств на революционную подпольную работу. 25 апр./8 мая 1906 г. в *Р. сл.*, № 111 появилось сообщение, что «Максиму Горькому через американского посла послана повестка о привлечении его к суду за революционную агитацию. В случае отказа Горького приехать на дознание он будет объявлен самовольно покинувшим Россию и в случае возвращения подлежит высылке в Сибирь на поселение». В Россию Горький приехал только в конце 1913 г.

[5] В. Поссе. Выдумка Леонида Андреева (*Сл.*, № 472, 1 июня).

[6] В письме от 4 июня Л. Д. Семенов описывал тяжелые условия жизни шахтеров. Т. отв. 6 июня (т. 78, с. 156—157).

[7] W. G. Prescott. History of the Conquest of Mexico. Boston, 1843 и «History of the Conquest of Peru», упом. изд.

7 июня

[1] 7 июня Т. начал писать отв. Таракнатху Дасу на его письмо от 24 мая. Работал над ним 3 дня, «да запнулся» (*Дн.* 10 июня — т. 56, с. 133). Пытался писать 5 авг., но возобновил работу только 31 окт., после получения 2-го письма Даса, и закончил ее 14 дек. Рус. текст и англ. пер., сделанный Чертковым и исправленный Т., опубл. под загл. «Письмо к индусу» в т. 37.

[2] Письмо Н. М. Кузьмина из Киева от 30 мая. На конв. помета Т.: *Б. о.*

[3] Ч. Ветринский. Герцен. СПб., 1908.

8 июня

[1] В письме от 5 июня (почт. шт.) М. Н. Толстая писала, что кн. «Круг чтения» «доставила ей удовольствие», хотя в оценке деятельности церкви она не согласна с Т.

[2] Письмо Э. О. Левинсона от 5 июня. Т. отв. 8 июня (т. 78, с. 161—162).

[3] Т. читал в этот день «Евгения Онегина» и восхищался мастерством Пушкина (см. *Гусев II*, с. 180).

9 июня

[1] 2 июня Черткову была послана рук. ст. «Не могу молчать». Чертков вернул ее со своими испр. Т. принял их (см. письма к Черткову от 2, 7 и 9 июня — т. 89, с. 98—99; т. 37, с. 429—432).

[2] При письме от 5 июня Н. К. Муравьев прислал копию приговора по делу В. А. Молочникова (см. запись 16 апр.). С 10 до 14 июня Т. писал ст., в к-рую включил свое письмо, посланное ранее в *Р*, и приговор. Ст. с ценз. изъятиями, под загл. «Письмо Л. Н. Толстого», опубл. в *Сл.*, № 520, 27 июля. Полностью под загл. ред. «По поводу заключения В. А. Молочникова» — т. 37.

[3] В письме к Т. от 3/16 июня Е. И. Попов сообщил, что он вместе с Х. Досевым посетил в Софии в дисциплинарном батальоне М. Попова. «Он здоровый, спокойный и даже веселый человек»,— писал Попов.

[4] Письма Т. к Т. Л. Толстой, написанные в 1894 г., вызваны сложными взаимоотношениями Татьяны Львовны с Е. И. Поповым. С. А. Толстая намекает на слова из письма Т. от 29 марта 1894 г.: «Он хочет быть хорошим, но ему это очень трудно, потому что это хитрая, пронырливая восточная натура и неправдивая» (т. 67, с. 93).

[5] Записанные со слов В. И. Алексеева восп. см. в кн. *Бирюков II*, с. 154—155. «Воспоминания» В. И. Алексеева за 1877—1910 гг.: *Летописи ГЛМ 12*, с. 232—330.

10 июня

[1] При письме от 5 июня П. Е. Щеголев прислал свои кн.: «Первый декабрист Вл. Раевский». СПб., 1905 и «А. С. Грибоедов и декабристы (По архивным материалам)». СПб., 1905. Т. отв. 8 июня (т. 78, с. 163). Обе кн. в *ЯПб.*

[2] В кн. Чешихина-Ветринского помещена фотографическая шутка С. Л. Левицкого «Герцен читает Герцену нотацию за его статьи о Польше» (между с. 384 и 385).

11 июня

[1] Т. были получены письма: учителя-мусульманина Р. М. Елькибаева от 9 июня и учителя-чуваша Д. Петрова от 4 июня. Т. отв. на оба письма 10 июня (т. 78, с. 164—166).

[2] В «Круг чтения» вошло 2 изречения из Корана—т. I, с. 364 (т. 41, с. 315) и т. II, с. 81 (т. 41, с. 525).

12 июня

[1] В 1908 г. Н. Г. Молоствов собирал свед. и материалы о Т., к-рые были опубл. в упом. кн. Н. Г. Молоствова и П. А. Сергеенко «Лев Толстой».

[2] «Еврейский альманах», кн. 1 («Per Aspera»). Киев, 1908.

[3] O. Weininger. Geschlecht und Charakter. Eine prinzipielle Untersuchung. Wien — Lpz., 1903 (*ЯПб*). В *ЯПб* сохр. еще одна его кн.: «Über die letzten Dinge. Mit einem biographischen Vorwort von M. Rappoport». Wien — Lpz., 1904.

13 июня

[1] В ст. «Тургенев и Толстой» (за подп. *Старый литератор*) П. А. Сергеенко подробно рассказал о конфликте между Т. и Тургеневым, едва не завершившемся вызовом Тургенева на дуэль (*Р. сл.*, № 101, 105, 109, 113 и 125 от 1, 7, 11, 16 и 31 мая). Приво-

димые слова Некрасова были сказаны Т-му по поводу его ссоры с М. Н. Лонгиновым, а не с Тургеневым (см. анон. заметку «Некрасов и дуэль Л. Н. Толстого».— «Сегодня», № 411, 2 янв.).

[2] О посещении Т-м митрополита Филарета в 1854 г. перед отъездом в Дунайскую армию см. в т. 54, с. 568; ср. т. 4, с. 283.

14 июня

[1] Фактическая сторона «семейной драмы» Герцена изложена здесь и далее неверно (ср. *ЛН*, т. 64, с. 9—15 и 259—318).

[2] Об этом говорится не в воспоминаниях дочери Герцена, а в воспоминаниях эмигранта Г. Раша, цитируемых в кн. Чешихина-Ветринского (с. 192).

16 июня

[1] Этому вопросу посвящ. Приложение IV (к гл. XVII) ст. «Закон насилия и закон любви» — раннее загл.: «Всему бывает конец» (т. 37, с. 220—221).

17 июня

[1] Изд. в М. в 1897 г.

[2] P. A r c a s (Polybe T. Dimitracopoulos). Les deux Testaments (Physiologie sociale). Trad. du grec par H. Faignet. Athènes — P., 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись).

18 июня

[1] Письмо П. В. Веригина от 13 июня из Канады. Отв. Гусев 24 июня. В *Список* (т. 78) не вошло.

[2] См. указ. кн. Ветринского, с. 403.

19 июня

[1] В письме от 18 июня н. с. Э. Моод просил ответить на ряд вопросов, связанных с составляемой им биогр. Т-го. Отв. Гусев 23 июня (см. т. 78, с. 346).

[2] В письме от 22 июля Т. поблагодарил В. Е. Чешихина «за присылку очень хорошей и полезной книги о Герцене» (т. 78, с. 187).

20 июня

[1] В Персии с конца мая происходили народные волнения, сопровождавшиеся жестокой расправой с революционными элементами.

[2] Т. читал ст. М. О. Меньшикова «Национальное движение» (*НВ*, № 11589, 18 июня) об открытии «Всероссийского национального союза».

[3] Притча перс. поэта Джалалиддина Руми о Моисее и пастухе (с. 163). Т. неоднократно рассказывал эту легенду, текст ее привел в письме к И. И. Соловьеву от 8 июля (т. 78, с. 178) и включил в «Путь жизни» (т. 45, с. 63).

[4] Речь, произнесенная Т. в Об-ве любителей Российской словесности 4 февр. 1859 г. по случаю избрания его в члены О-ва (т. 5, с. 271—273). Отв. речь предс. О-ва А. С. Хомякова: А. С. Х о м я к о в. Соч., т. III. М., 1900, с. 418—419.

21 июня

[1] По просьбе Черткова Т. в конце июня написал предисл. к альбому фотогр. с картин Н. В. Орлова (т. 37). Альбом «Русские мужики» вышел в дек. 1909 г.

[2] В. К у р б с к и й (Г. С. Петров). У Л. Н. Толстого (*Р. сл.*, № 62, 14 марта).

[3] По-видимому, роман «Чья вина?» («Убита») и повесть «Песня без слов», относящиеся в 1890-м гг.— отклики на «Крейцерову сонату».

23 июня

[1] Б. Н. Д е м ч и н с к и й. Россия в Маньчжурии (По неопубликованным документам). СПб., 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы). В письме от 22 июня Т. поблагодарил автора за его «в высшей степени интересную книгу» (т. 78, с. 167).

[2] Рассказ Л. Д. Семенова «Отрывки» под загл. «Смертная казнь», напеч. в *ВЕ*, № 8.

24 июня

[1] Между Чертковым и А. Шкарваном неоднократно возникали конфликты в связи с публикацией переводов произв. Т. на нем. яз. В письме от 3 июля Шкарван сообщил, что недоразумения ликвидированы. Т. отв. 22 июля (т. 78, с. 188).

25 июня

[1] На просьбу Г. Бернштейна разрешить ему приехать Т. поручил дочери ответить: «Отец будет рад вас видеть» (т. 78, с. 339 и 346). В *ЯПб* хр. кн.: H. Bernstein. Contrite Hearts. N. Y., 1905; «In the Gates of Israel. Stories of the Jews». N. Y., 1902.

26 июня

[1] Корресп. П. А. Сергеенко «Архив Л. Н. Толстого» (*Р. сл.*, № 136, 13 июня).

28 июня

[1] Я. И. Розов, крестьянин дер. Овчинниково Костромской губ., бывший до этого в Ясной Поляне 3 июля 1903, 7 июля 1904 и 25 февр. 1908 г.

29 июня

[1] *БВ* (утр. вып.), № 10574, 27 июня.

30 июня

[1] См. Э. Кросби. Толстой и его жизнепонимание. Пер. с англ. Со вступ. заметкой Л. Н. Толстого и кратким биогр. очерком «Эрнест Кросби, поэт нового мира» И. Горбунова-Посадова. М., «Посредник», 1911.

[2] Причины смерти Н. И. Толстого подробно освещены в кн.: Н. Н. Гусев. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии. С 1855 по 1869 г. М., 1957, с. 102—108.

[3] *Лолларды* — участники антикатолического крестьянско-плебейского движения, предшествовавшего Реформации.

2 июля

[1] В. Немрава в нояб. 1904 г. за отказ от воен. службы был приговорен к тюремному заключению. Письмо Маковицкого к нему от 4 июля хр. в *LAMS*.

[2] Письмо Ваисова к Т. от 28 июня.

[3] Ст. с подзаг.: «Что такое толстовство?», «Ленивые и слабые» (*НВ*, № 11600, 29 июня).

[4] Вл. Боцяновский. Сплетня о Достоевском (*Р*, № 159, 11 июня). С. А. Толстая упоминает об известном письме Н. Н. Страхова к Т. от 28 нояб. 1883 г. (*ПТСтр.*, с. 307—310). Отв. письмо Т. опубл. в Собр. соч., т. 17. М., 1965, с. 550—551 (в юб. изд.— т. 63, с. 142—143 опубл. по копии с ошибками). См. запись 31 авг. 1907 г.

3 июля

[1] Письмо Н. В. Орлова к Т. от конца апр.

[2] Речь Вивекананды «Бог и человек» вошла в сб. И. Нажвин. Голоса народов, вып. 1. М., 1908.

[3] «Календарь для каждого на 1909 г.». М., «Посредник», с. 103—106.

4 июля

[1] Ст. появилась в *Сл.*, № 499, 3 июля с указ., что печатается в сокращ. виде. Там же было сообщ. из Лондона о напечатании ее в «Daily Chronicle».

5 июля

[1] См. запись 20 июня.

[2] Е. Задонская. Быль XIX столетия. Записки, тт. I—V. Харьков, 1908—1910.

[3] См. запись 18 июля 1905 г.

[4] Подушка находится в Ясной Поляне, в спальне Т. Надп. на ней: «Одна из 700 ш⟨амордински⟩х дур» — вызвана беседой Т. с сестрой о монастырском уставе, во время к-рой Т. назвал монахинь «дурами».

6 июля

[1] См. «Закон насилия и закон любви», гл. X—XI — т. 37, с. 181—188.

10 июля

[1] См. И. Г. Фихте. Пути к рациональному мировоззрению, ч. 1. О назначении человека. Пер. И. Панаева. СПб., 1880 (*ЯПб*), с. 18—22: «Природа ⟨...⟩ есть громадное

целое, все части поддерживают друг друга и друг с другом связываются ‹..› Из этих частей вы не можете переместить ни одной, хотя часть была бы не более как песчинка, без того, чтобы перемещение не стало или не сделалось бы тотчас же центром множества других перемещений частей» и т. д.

[2] Приходивший к Т. в этот день гимназист определил главную мысль «Санина» так: «Веселись вовсю, живи, как вздумается, никакой нравственности нет» (см. *Гусев II*, с. 188).

11 июля

[1] Ст. «Киевское шоссе» опубл. в *Илл. прилож. к НВ*, 1911, № 12848, 17 дек.

[2] Сергеенко дал загл. составленному им сб. из соч. Т. «Детям от Льва Николаевича». Т-му это загл. «было очень неприятно», и он просил озаглавить: «Хрестоматия из писаний Льва Толстого, составленная Сергеенкой» (т. 78, с. 181—182). Кн. вышла под загл. «Хрестоматия из писаний Льва Толстого. Составлена группой детей под редакцией П. А. Сергеенко». М., 1908.

[3] «Эхо из Белграда. Духовный портрет гр. Льва Толстого к 80-летнему юбилею 28 августа 1908 г.». В ст. И. Подградского включено его стихотв. о том, как пришел к Т. дьявол, «чтобы искушать его». Отр. из его стихотв. «Pevec Hajnikovej ženy» опубл. в «Slovenské Pohlady», 1908, № 28; в нем он сравнивал известного в то время словац. поэта П. О. Гвездослава с Т-м. Маковицкий пытался перевести эту ст. на рус. яз. (ряд мест остался непереведенным) и возвратил рук. автору (хр. в *LAMS*).

[4] В альманах эта ст. включена не была.

12 июля

[1] Открытое письмо И. Е. Репина в *Сл.*, № 505, 10 июля. По словам художника, Т. «высказал то, что у всех нас, русских, накипело на душе и что мы по малодушию или неумению не высказали до сих пор». Репин выразил уверенность, что «десятки миллионов людей» подпишутся «теперь под письмом нашего великого гения», и просил присоединить и его имя.

[2] В ст. «Лев Толстой и Иван Тургенев» («Narodnié Noviny», 1888, №№ 63, 64, 69, 72, 73, 87) С. Гурбан-Ваянский привел ряд выдержек из произв. Т., в том числе в сокр. виде сцену скачек из «Анны Карениной».

[3] Письмо опубл. не было.

[4] См. запись 9 июня.

[5] Письмо В. И. Ламанского от 7 июля (хр. в *PNP*).

[6] В очерке «Киевское шоссе» М. С. Сухотин рассказывал, как Т., решив доказать, что «православная догматика совершенно чужда и неизвестна народу», отправился на Киевское шоссе и «стал спрашивать встречающихся странниц, что такое святая Троица». Все отвечали по-разному.

[7] В апр. 1904 г. Н. В. Орлов сообщил Т. подробности о замысле картины «Телесное наказание». Т. одобрил его (см. его письмо к Н. В. Орлову от 22 апр. 1904 г.— т. 75, с. 84). Завершенная же картина, назв. «Недавнее прошлое», не понравилась Т., но в альбом была включена по желанию Черткова.

[8] Упом. картины Н. В. Орлова: «Смерть» — авт. назв. «Умирающая», 1893 (Краев. музей г. Иваново); «Освящение кабака» — авт. назв. «Освятили» («Освящение монополии»), 1904.

[9] Разговор о детях зашел в связи с тем, что Т. на прогулке встретился с крест. детьми (*Гусев II*, с. 190).

[10] В трактате «Что такое искусство?» Т. причислил О. Уайльда к тем «декадентам и эстетам», к-рые «избирают темою своих произведений отрицание нравственности и восхваление разврата» (т. 30, с. 172).

[11] Пер. этого произв., сделанный Т. в марте, вошел во 2-е изд. «Круга чтения» под загл. «Неверующий» (т. 41).

[12] «Записки Пушкина» — в т. V Соч. Пушкина, изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855, с. 19 (*ЯПб*).

[13] Рассказ А. Франса.

[14] Анекдот о Молле Насреддине приведен в письме И. П. Накашидзе к Т. от 29 июня. Анекдот см. в кн.: «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 9. Тифлис, 1890, с. 67.

[15] В. Г. Короленко посетил Т. 25 мая 1902 г. в Гаспре. Ср. *ЛН*, т. 37-38, с. 550 и В. Г. Короленко. Воспоминания о писателях. М., 1934, с. 161—162.

15 июля

[1] Т. посвятил Тургеневу не повесть «Два гусара», а рассказ «Рубка леса». Был напеч. с посвящ. в *Совр.*, 1855, № 9 под загл. «Рубка лесу. Рассказ юнкера» и за подп.: *Л. Н. Т.* При перепеч. рассказа в сб. «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого» (СПб., 1856) посвящ. было снято и в дальнейших изд. не повторялось.

[2] В *Брокгаузе* помещено 2 очерка об Индии: географический — А. Воейкова и исторический — С. Булича (кн. 25).

[3] См. запись 17 мая 1905 г.

17 июля

[1] См. «Слухи о Марке Твене» («Книжки «Недели»», 1898, № 2, с. 211).

20 июля

[1] Письмо крестьянина А. С. Гаврилова от 26 июня. Т. отв. 23 июля (т. 78, с. 189—190).

[2] Миссионерский съезд, происходивший в Киеве с 12 по 26 июля, носил черносотенный характер. На нем обсуждался вопрос о предстоящем юбилее Т. Съезд постановил просить Синод об изд. в начале авг. «увещания» не чествовать Т. и о выпуске лит-ры с обличением его последних соч. (см. «Петерб. листок», № 230, 23 июля и «Русская речь», № 792, 31 июля).

21 июля

[1] Это случилось 26 сент. 1864 г. на охоте.

22 июля

[1] Впервые напеч. в «Сб. т-ва «Знание» за 1908 г.», кн. XXIII. СПб., 1908.

[2] *См.*, № 514, 20 июля.

[3] *См.*, № 514, 20 июля.

[4] Письмо И. Х. Мульченко от 6 июля (почт. шт.) Т. отв. 22 июля (т. 78, с. 185).

24 июля

[1] Харпер из Чикаго и Б. Парес из Ливерпуля (помета Гусева в отредактированном им экз. «Яснополянских записок»).

[2] Ср. в письме Тургенева к В. Рольстону от 26 марта/7 апр. 1868 г.: «С нетерпением ожидаю вашу статью об Островском в «Edinburgh Review»; уверен, что это новая величина в драматическом мире» (*Письма Тургенева*, т. VII, с. 372).

26 июля

[1] См. т. 83, с. 56.

27 июля

[1] В письме от 19 июля Р. П. Сиксне сообщил Т. о смерти брата — К. П. Сиксне Т. отв. 6 нояб. (т. 78, с. 250—251).

[2] О смерти Ф. К. Мокрого, скончавшегося 7 июня, сообщил Т-му А. В. Варнавский 7 июля. Т. отв. 23 июля (т. 78, с. 188—189).

[3] В письме от 18 июля В. А. Молочников писал о трудных условиях жизни в новгородской тюрьме и о своем желании добиться перевода в старорусскую одиночную тюрьму.

[4] 27 июля С. А. Толстая записала: «Приезжал Сергеенко, хочет печатать хрестоматию из вещей Толстого. Своего рода вор. Я круто с ним поступила» (*ЕСТ*). 28 июля датир. письмо С. А. Толстой в газ., в к-ром она напоминала, что Т. отказался от авт. права только на соч., написанные после 1881 г. (письмо ее появилось в ряде газ. 4 и 5 авг.). В *РУ*, № 217, 6 авг. напеч. письмо в ред. И. Воск⟨ресенск⟩ого с разъяснением, что, согласно существующему законодательству, включенные в хрестоматии отрывки из произв., не являются самовольным изд.

28 июля

[1] Ст. без подписи: «Г. Стэд о России» (*НВ*, № 11626, 25 июля).

[2] Письмо Н. Ленской от 26 июля (см. т. 78, с. 351).

[3] 23 марта 1900 г. Т. Л. Сухотиной, болевшей фронтитом, была сделана трепанация черепа. Т. присутствовал при операции и описывал это «ужасное зрелище» в письмах к родным (см. т. 72, с. 338—340).

[4] A. France. Jocaste et le Chat maigre. 17-ème éd. P., Calmann-Levy, s. a. (*ЯПб*).

29 июля

[1] С. Казаков из секты «бессмертников». Согласно ее учению, верой в бога можно добиться физического бессмертия. В письме от 4 февр. Казаков просил разрешения при-

ехать в Ясную Поляну, и Т. пригласил его (т. 78, с. 55—56). Нездоровье помешало Т. принять Казакова, и в письме от 21 авг. он извинился перед ним (т. 78, с. 208—209).

30 июля

[1] Н. А. Демчинский. Грядковая культура хлебов (*НВ*, № 11613, 12 июля); Н. А. Демчинский. Чудеса грядковой культуры. Письмо в ред. (*НВ*, № 11627, 26 июля).

1 августа

[1] В газ. появились сообщ. о введении конституции в Турции и о созыве народного представительства (см. *Сл.*, №№ 507 и 513 от 12 и 19 июля).

2 августа

[1] Письмо в ред. С. Гартмана «Новый способ посева хлебных зерен» знакомило «сельских хозяев с предложением генерала Левицкого» (*НВ*, № 11628, 27 июля).

[2] Т. часто приводил в письмах и ст. эту пословицу: «Il n'y a pas de pires sourds que ceux qui ne veulent pas entendre» (см. *ЛН*, т. 69, кн. 1, с. 634).

3 августа

[1] Письмо В. А. Молочникова от 30 июля. Т. отв. 5 авг. (т. 78, с. 193).

[2] В 1900 г. П. Эльцбахер прислал Т. свою кн. «Der Anarchismus» (B., 1900), к-рая Т-му «чрезвычайно понравилась» (см. письмо Т. к Эльцбахеру от 1/13 авг. 1900 г.— т. 72, с. 424). В июле 1908 г. Т. читал ее рус. пер., о к-ром см. в записи 13 мая 1906 г.

4 августа

[1] См. продиктованную Т-м 6 авг. вставку в ст. «Закон насилия и закон любви» (т. 37, с. 167).

[2] На письмо Т. А. Кузминской от 1 авг. Т. отв. 4 авг., что Вронский «не лейб-гусар», и добавил: «Желал бы, чтобы твой милый Вася интересовался бы узнать от меня вещи, более нужные для жизни» (т. 78, с. 192).

[3] Рассказ И. Я. Гинцбурга относится к истории профессорства П. П. Трубецкого в Моск. уч-ще живописи, ваяния и зодчества.

[4] В письме от 26 июля (почт. шт.) Л. Д. Семенов подробно рассказал о своем деде, известном географе П. П. Семенове-Тянь-Шанском, к-рый после удара «сильно ослабел телом и ждет смерти». «Единственный светлый момент в моих разговорах с ним,— писал Семенов,— это речь о вас», и просил Т-го приписать для него «несколько теплых слов». На конв. помета Т.: «Отвечать»; письмо неизв.

[5] Картина М. В. Нестерова «Святая Русь» (1906; *ГРМ*).

[6] И. Н. Крамской «Христос в пустыне» (1872; *ГТГ*). См. т. 67, с. 175.

[7] «Явление Христа народу» А. А. Иванова (1837—1858; *ГТГ*). См. т. 30, с. 210 и 433.

5 августа

[1] Вероятно: Swami Abhedananda. India and her People. Первое изд. вышло в Калькутте в 1906 г. См. запись 6 авг.

6 августа

[1] Телегр. опубл. в *НР*, № 4, 19 авг.

8 августа

[1] П. И. Бирюков прислал С. А. Толстой 3-ю ч., т. II написанной им «Биографии» Т-го. Тогда же от Т. А. Кузминской была получена рук. ее «Воспоминаний о гр. Л. Н. Толстом в шестидесятых годах». 7 авг. С. А. Толстая «до глубокой ночи поправляла» эти работы, преимущественно материалы «о себе самой». «Нехорошо и бестактно»,— отметила она (*ЕСТ*). На след. день она, «сердясь», продолжала править и записала: «Бессовестная эксплуатация нашей самой интимной жизни. Написала обоим неприятные письма и выкинула все, что неприятно» (там же). В своем ответе Бирюков напомнил Софье Андреевне, что выписки из ее переписки с Т. были сделаны им с ее разрешения. 8 авг. С. А. Толстая писала сестре: «Левочка все говорил: «Ах, ах, зачем это?». «Разве это для публики писалось?»,— говорили все мы. «Это слишком интимно»,— находили все». Рук. «Воспоминаний» Т. А. Кузминской, испещренная замечаниями С. А. Толстой, сохр. Опубл. с частичным учетом замечаний С. А. Толстой в *Илл. прилож. к НВ*, №№ 11655 и 11659, 23 и 27 авг.; в том же году была издана отд. кн.

[2] В отд. «Из общественной хроники» (*ВЕ*, 1-й подраздел: «Лев Толстой и его «Не могу молчать»», с. 810—816).
[3] См. корресп. из Москвы «Подчистка марок» (*Сл.*, № 528, 6 авг.).
[4] А. А. Измайлов. Кривое зеркало. Пародии и шаржи. СПб., 1908; в *ЯПб* — 2-е изд. (1910).
[5] В. Измайлов. Огненное крещение. Рассказы и сцены из очень недавнего прошлого (*ВЕ*, №№ 7—8).
[6] Письмо Баба Премананд Бхарати к Т. остается неизв., так же как отв. Т. В *МТА* его ст. не вошла.

12 августа

[1] В фельетоне «Толстой и власть» из цикла «Письма к ближним» (*НВ*, № 11642, 10 авг.) М. О. Меньшиков упрекал Т. за стремление убедить власти в необходимости отменить частную земельную собственность, в то время как сам «не имел силы отказаться от нее», несмотря на бедственное положение яснополянских крестьян.
[2] Протест С. А. Толстой опубл. в *Р. сл.*, № 190, 17 авг. М. О. Меньшиков ответил ст. «Выкуп Ясной Поляны» (*НВ*, № 11651, 19 авг.).

13 августа

[1] Т. впервые прочитал драму Б. Шоу в янв. 1907 г. (см. записи 11 и 12 янв. 1907 г.). Теперь, перечитав ее, он в письме к Шоу от 17 авг. высказал свое мнение о кн. (см. т. 78, с. 201—204). Приведенное по-англ. выражение Шоу часто цитировалось Т.
[2] Письмо С. Шивачова от 1 авг. н. с. из Бургаса на болг. яз. с откликом на «Исповедь». На конв. помета Т.: «*Б. о.* Душану».

15 августа

[1] «Jeune Italie et la jeune Europe. Lettres inédites de J. Mazzini à Louise Amélie Melegari». P., 1908.

16 августа

[1] В *НВ*, № 11646, 14 авг. помещена ст. Ю. Беляева «Обо всем» (под рубрикой «Маленький фельетон») и информационное сообщ. «Городское управление о юбилее гр. Л. Н. Толстого».

17 августа

[1] Т. отв. 4 авг. (т. 78, с. 192). Одна коса находилась в кабинете Т.

18 августа

[1] Т. написал М. О. Меньшикову по поводу его фельетона 20 авг. (т. 78, с. 207—208). Меньшиков на письмо Т. не ответил, возможно потому, что сам Т. просил его «не говорить» о полученном письме.
[2] В. Поссе. За чтением Толстого (*Сл.*, № 537, 16 авг.).
[3] См. письмо Т. к Л. Д. Семенову от 6 июня (т. 78, с. 156—157).
[4] См. запись 11 июня 1907 г.

19 августа

[1] М. Меньшиков. Из цикла «Письма к ближним»: 1. Первый Хам. 2. Архиепископу Антонию (*НВ*, № 11649, 17 авг.).

20 августа

[1] J. B. Séverac. La secte russe des Hommes de Dieu. P., 1906 (*ЯПб*, дарств. надпись).
[2] Телегр. из Праги от 16 авг., подписанная *Karel Groš*. Опубл. в ряде газ. (см., напр., *Р. вед.*, № 200, 29 авг.).

21 августа

[1] «Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников (Саблукова, графа Бенигсенна, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливен, князя Чарторыйского, барона Гейкинга, Коцебу)». СПб., 1907 (*ЯПб*).
[2] В этот день Т. написал 1-ю ред. ст. «Благо любви (Обращение к людям-братьям)» (т. 37). При жизни Т. ст. не печаталась. Впервые опубл. в «Речи», 1912, № 306, 7 нояб.

22 августа

[1] В *Сл.*, № 542, 22 авг. было опубл. «Письмо в редакцию» С. А. Толстой, в к-ром она заявляла, что болезнь Т. «до такой степени изнурила его, что он лично никого решительно, даже самых близких, к сожалению, принять никак не может».

23 августа

[1] За публ. некролога Гоголя (*М. вед.*, 1852, № 32, 13/25 февр.) Тургенев 16 апр. 1852 г. был выслан в Спасское под надзор полиции.

[2] В передовой ст. *Р. вед.* (№ 187, 13 авг.) осуждался циркуляр мин. нар. просв. А. Н. Шварца о новых правилах приема в ун-т, по мнению газ., «вредных для просвещения» и «раздражающих». За эту ст. *Р. вед.* были оштрафованы на 2 000 р. (см. *НВ*, № 11652, 20 авг.).

24 августа

[1] Поздравительное письмо от 20 авг. Н. С. Кашкин был знаком с Т. с 1853 г.

[2] Переписка Н. С. Лескова с Т. (1887—1894) опубл. в кн. Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. М., 1962.

[3] Обращение Тургенева к Т. в предсмертном письме от 29 июня/11 июля 1883 г. (*Письма Тургенева*, т. XIII, кн. 2, с. 180).

[4] Письмо Тургенева к Герцену от 26 сент./8 окт. 1862 г. (там же, т. V, с. 51—53).

25 августа

[1] Адрес Т-му от 12 португ. писателей, членов постоянного междунар. лит. комитета в Лиссабоне, на португ. яз. с франц. пер. был прислан на имя Т. Я. Назаряна. К адресу было приложено стихотв. португ. поэта де Лима Аршера, посвященное юбилею Т.

[2] Письмо от 21 авг. от Центрального союза чеш. женщин (Ustředni spolek českych žen).

[3] В *ЯПб* сохр. 2 кн. Ф. Ницше: «Götzen-Dämmerung, oder Wie man mit dem Hammer philosophirt». Lpz., 1896; «Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft», 2-te Aufl. Lpz., 1891.

26 августа

[1] В предисл., озагл. «Эрнст Кросби, поэт нового мира», Горбунов-Посадов привел неск. стихотв. Кросби из его кн. «Plain Talk in Psalm and Parable». В «Круг чтения» псалмы Кросби не вошли.

27 августа

[1] Альбом рис. художников Н. А. Касаткина, Ап. М. Васнецова, В. П. Батурина, Л. О. Пастернака и др., хр. в Ясной Поляне.

[2] Юбилейный № 33, с илл. по разделам: автографы и корр. Т.; Т. в искусстве; фотогр. Т.

[3] Письмо В. И. Алексеева от 22 авг.

[4] Кинооператор А. О. Дранков приехал с разрешения С. А. Толстой. Отснятые кадры составили фильм «День 80-летия графа Л. Н. Толстого» (144 метра). Вместе с Дранковым приезжал владелец кинотеатра в Петербурге В. И. Васильев и, вероятно, ред. журн. «Сине-Фоно» Р. Лурье (см. Н. В. Попов. Л. Н. Толстой в хроникальных фильмах.— «Толстовский сб.», № 3. Тула, 1967).

[5] Вероятно, это была кн. В. Д. Бонч-Бруевич. Программа для собирания сведений по исследованию и изучению русского сектантства и раскола. СПб., 1908 (*ЯПб*).

[6] Мельхиоровый самовар, на к-ром выгравированы разные пословицы, изречения и 66 подписей, а также чашка с блюдцем и полотенце с вышитыми на нем изречениями хр. в Ясной Поляне. Об этом подарке были сообщения в газ. (ср. т. 78, с. 242).

[7] В «Списке адресов и подарков, присланных к 80-летию Л. Н. Толстого», значится «Рукописный портрет Л. Н. от художника Гусикьянца» и «Вышитый гладью портрет Л. Н. за сохой от Е. Черчоповой». Хр. в Ясной Поляне.

28 августа

[1] Вл. Короленко. Лев Николаевич Толстой (*РБ*, № 8).

[2] Вероятно, разговор шел о фельетоне М. О. Меньшикова «Россия и Лев Толстой» из цикла «Письма к ближним» (*НВ*, № 11660, 28 авг.).

[3] Телегр. от 27 авг. на словацк. яз., адресованная Маковицкому. Гусев так поясняет содерж. этой телегр.: «Очевидно, намек на недавнее постановление Синода, воспрещающее православным участвовать в праздновании юбилея Л. Н.».

[4] См. т. 56, с. 375—376.

[5] Горбунов-Посадов и А. М. Хирьяков опубл. сводки приветствий с пространными выдержками (см. «Речь», № 211, 4 сент.; *Р. вед.*, № 200 и 202, 29 и 31 авг.; *Р. сл.*, № 200 и 202, 29 и 31 авг.; *НР*, № 15 и 20, 30 авг. и 4 сент.).

[6] Ср. *Гольденвейзер*, с. 249.

[7] Д. Ц е р т е л е в. К юбилею Л. Н. Толстого (*СПб. вед.*, № 192, 24 авг.). Начало ст.: «В России жив еще, слава богу, один великий писатель, художественное значение которого признают, по-видимому, все партии без различия политических направлений».

[8] 28 авг. Т. продиктовал Гусеву ответ на приветствие Федерации лиг единого земельного налога в Австралии. Затем текст был им исправлен. Дата оконч. текста — 2 сент. (т. 78, с. 221—222).

29 августа

[1] М. О. Г е р ш е н з о н. И. В. Киреевский. Очерк (*ВЕ*, № 8).

[2] См. запись 20 июня. Т. упомянул о речи А. С. Хомякова в связи с тем, что цитата из нее была приведена в приветствии О-ва любителей рос. словесности, опубл. в *Р. вед.*, № 199, 28 авг.

[3] Телегр. от П. А. Кропоткина от 28 авг. из Лондона: «Сердечно обнимаю дорогого Льва Николаевича Петр К р о п о т к и н».

[4] Телегр. отца Маковицкого от 28 авг.

[5] Карикатура из альбома И. Степанова «Знакомые» (1857), озагл. «Обязательные литераторы» (постоянные сотр. *Совр.*— Григорович, Тургенев, Островский и Т.— несут в журнал Некрасову и И. И. Панаеву свои соч.).

30 августа

[1] С. Д. Николаев цитировал Г. Джорджа в своей ст. «Об уравнительном землепользовании», опубл. в «Календаре для всех на 1907 год» (с. 50—51). На основе этой ст. Николаевым написана ст. «Об освобождении земли по учению Генри Джорджа». Т. отредактировал ее и включил во 2-е изд. «Круга чтения» (т. 41, с. 594—596).

[2] П. А. Буланже прислал Т. рук. своего дн. о жизни на нефтяных промыслах, с просьбой содействовать ее публ. (см. т. 78, с. 199—200). Напеч. под загл.: «На промыслах (Из дневника рабочего)» в «Познании России», 1909, №№ 1—3, под псевд. *П. Хлебников*.

[3] Высказывание Ж.-Ж. Руссо о земле, включенное в «Круг чтения» на 17 сент.— т. II, с. 227—228 (т. 42, с. 52); вошло в ответ Т. австралийским джорджистам (т. 78, с. 221).

[4] К. К. А р с е н ь е в. Л. Н. Толстой. 1828—1908 (*ВЕ*, № 9). Т. излагает заключ. часть статьи (с. 340).

[5] См. запись 9 мая.

31 августа

[1] Из стихотв. К. Д. Бальмонта «Дождь»:

А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: «Тик-так, тик-так» (см. К. Д. Б а л ь м о н т. Собр. стихов, т. II. М., 1904, с. 201—202).

[2] L. H a l é v y. Madame et monsieur Cardinal. P., 1872.

[3] Отв. Т. на письмо П. Н. Давыдова от 21 авг. (т. 78, с. 216—217).

[4] 1-е представление «Синей птицы» Метерлинка состоялось 30 сент.

1 сентября

[1] Письмо М. Бреаля от 28 авг. На конв. помета Т.: *Б. о.* Тогда же Бреаль прислал свою кн. «Pour mieux connaître Homère». P., 1906 (*ЯПб*, не разрезана).

[2] Письмо Л. Н. Андреева от 18 авг. (опубл. в кн. Л. Н. Т о л с т о й. Переписка с русскими писателями. М., 1962, с. 666). Т. отв. 2 сент. (т. 78, с. 218—220). «Рассказ о семи повешенных» был ранее опубл. в «Лит.-художественном альманахе изд-ва «Шиповник»». Начиная со 2-го изд. рассказ выходил с посвящ. Т-му.

[3] Телеграфисты сообщили 28 авг., что «провели бессонную ночь за беспрерывным приемом телеграфной корреспонденции», в к-рой выразилась «вся любовь народа к великому писателю».

[4] Письмо Я. Брыла от 28 авг. на серб. яз. из Москвы. На конв. помета Т.: «Душану». Маковицкий отв. 2 сент. В *Список* (т. 78) не вошло.

[5] Этот замысел остался неосуществленным. В 1930 г. вышла под ред. С. П. Яремича кн. «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», в к-рую включены также письма Ге к Татьяне и Марии Львовнам и письма Т. к Н. Н. Ге (сыну).

2 сентября

[1] Ср. в восп. М. А. Стаховича «Дневник путешествия пешком из Москвы в Ясную Поляну» (1886): Т. «вспоминал, что, бывало, на Кавказе он сидит, пишет «Казаков»; придет к нему Епишка пьяный и кричит: «Пойдем! Чего ты все пишешь! С кем ты все судишься? Прости им! Обидели тебя... нехай! плюнь на него, прости, пойдем стрелять, брось писать» («Октябрь», 1978, № 8, с. 220).

[2] «Из летописи Ясной Поляны.— Кум» (перепеч. из *БВ*.—«Рязанский вестник», № 216, 28 авг.).

[3] И. Т е н е р о м о. У Толстого. Академия нравственных наук (*БВ*, веч. вып., № 10678, 28 авг.). См. также «В Ясной Поляне. Овации Толстому» (№ 10677, утр. вып., 28 авг.).

[4] С. А. Стахович высоко ценила художественные произв. Т., но не принимала его религ.-философские взгляды.

3 сентября

[1] Сохр. 3 телегр.: от модельщиков, служащих о-ва потребителей и служащих о-ва технических контор Путиловского завода.

[2] Возможно, кн. A. le D a i n. L'Inde antique. Nov. éd. P., 1906.

[3] Т. отв. 3 сент. (т. 78, с. 224—225). В картонном ящике из-под папирос он с тех пор хранил разные бумаги и текущую работу.

[4] № 17 «Друга народа» (28 авг.) целиком посвящен юбилею Т. В нем напеч. ст. Н. Е. Кременского «Кто таков гр. Лев Толстой», Клирика «Великий лицемер», С. А. Филицына «Ложь и лицемерие великого учителя», стихотв. К. Правдухина «Лжеучителю» и др.

4 сентября

[1] Ст. из цикла «Письма к ближним»: «1. Подделка Евангелия. 2. Всепрощение. 3. Метод природы» (*НВ*, № 11663).

5 сентября

[1] Эти свед. нужны были Т. для начатого им накануне и оставшегося в завершенным рассказа «Роженица» (т. 37).

[2] Д. Н. О в с я н и к о-К у л и к о в с к и й. Лев Николаевич Толстой. К 80-летию великого писателя. Очерк его деятельности, характеристика его гения и призвания. СПб., 1908. Очевидно, Софья Андреевна имела в виду след. место из кн.: «...У Толстого мы и находим резкий эгоцентризм натуры — в соединении с несомненным призванием к религиозно-моральному творчеству и в придачу — с исключительною гениальностью художника» (с. 134).

[3] В полученном из Москвы небольшом ящике вместе с веревкой находилось след. письмо: «Граф! Ответ на ваше письмо. Не утруждая правительство, можете сделать сами, нетрудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи. Р у с с к а я м а т ь». Письмо было вызвано ст. Т. «Не могу молчать», в к-рой он писал, что хотел бы, чтобы и на него надели «саван и колпак» и «столкнули со скамейки» и чтобы он «своей тяжестью затянул на своем старом горле намыленную петлю» (т. 37, с. 95). Т. отв. 3 сент. (т. 78, с. 223—224). Как выяснилось позднее, обратный адрес был неверный. Ящик с веревкой хр. в *ГМТ*.

[4] См. корресп. Дионео из Лондона от 29 авг. (*Р. вед.*, № 205, 4 сент.) и И. Троцкого из Берлина (*Р. сл.*, № 205 от того же числа).

6 сентября

[1] 28 авг. Самарская гор. управа телеграфировала Т-му, что в связи с его 80-летием одна из улиц переименована в улицу Льва Толстого. Самарский отд. Союза рус. народа в телегр. от 5 сент. предложил Т-му отказаться от этой чести, т. к. он «еретик» и «недостоин почестей».

[2] «Разбойничьи шайки на железных дорогах» (*НР*, № 20, 4 сент.).

7 сентября

[1] Плотник Ф. Д. Быков.

[2] Письмо Г. Я. Политковского от 5 сент. из Москвы. Т. продиктовал ответ: «Просто чеченская лошадь как лошадь» (т. 78, с. 358).

[3] Эпизод, о к-ром вспоминает Т., произошел 13 июня 1853 г. во время поездки из укрепления Воздвиженское в крепость Грозную. Изрублены были П. Полторацкий и прапорщик Щербачев. См. «Воспоминания» В. А. Полторацкого (*ИВ*, 1893, № 6).

8 сентября

[1] Адрес подписало 172 чел., среди них: А. И. Сумбатов (Южин), Н. Е. Эфрос, В. А. Гиляровский, Н. Н. Златовратский и др.

[2] При письме к С. А. Толстой от 3 сент. П. Д. Долгоруков послал свою ст. «Общество мира» и проект устава о-ва (в *Р. вед.*, № 202, 31 авг.). Он просил показать ст. Т-му, чтобы тот «высказал окончательное свое мнение по поводу проектируемого общества».

[3] В письме от 12 сент. (н. с.) из Лозанны Ф. П. Купчинский просил Т. написать предисл. для подготовленной им к печати кн. «Проклятая война» (на материалах Рус.-япон. войны). По поручению Т. отв. Гусев (см. т. 78, с. 357). Т. предисл. не написал. Кн., озагл. «Проклятье войны», была прислана Т-му в сент. 1910 г. (на тит. л.: СПб., 1911).

[4] См. Н. В. Давыдов. Из прошлого. М., 1913, с. 257.

[5] Повесть М. А. Кузмина «Крылья» («Весы», 1906, № 11).

[6] Т-му прислали прокламацию, выпущенную тульской организацией эсеров. По приглашению Т. 14 сент. к нему пришли тульские рабочие-печатники, примыкавшие к эсерам, и состоялась продолжительная беседа, стенографически записанная Гусевым. Опубл. с ценз. пропусками: *Гусев I*, с. 196—207; полностью: *Гусев III*, с. 42—55.

[7] Съезд представителей печати под председательством М. М. Федорова открылся в Петербурге 22 июня. Его называли «первым профессиональным съездом журналистов» (см. «Речь», № 149, 24 июня).

[8] M. Maigey et G. Jubin. Les aventures de monsieur Haps. P., 1908.

[9] Письмо А. И. Косича от 30 авг. Т. отв. 6 нояб. (т. 78, с. 248—249).

[10] А. Измайлов. Лев Толстой (*Р. сл.*, № 199, 28 авг.).

11 сентября

[1] Б - е. Болезнь Л. Н. Толстого в 1901—1902 годах (*МГ*, № 9).

[2] Сохр. 5 черновиков, написанных на машинке и собственноручно исправл. Т.; неск. вставок сделано рукой Черткова. В оконч. текст письма (т. 78, с. 239—243) исправл. Черткова не вошли. В редактировании текста принимала участие и С. А. Толстая (*ДСТ III*, с. 236—237).

13 сентября

[1] Епископ Гермоген опубл. в «Братском листке», № 93, 24 авг. «Архипастырское обращение к духовенству и православному народу по поводу нравственно беззаконной затеи некоторой части общества приветствовать, чествовать, даже торжествовать юбилейный день анафематствованного безбожника и анархиста-революционера Льва Толстого». 13 сент. Т. написал письмо, но не отправил его (см. т. 78, с. 228). В дек. того же года по просьбе сестры-монахини Т. послал ей копию своего письма к Гермогену с просьбой дать прочесть, кому она найдет нужным, но не давать списывать, и объяснял, что не послал письма Гермогену потому, что «оно не стоит того», и, главное, чтобы не создалось впечатления, будто он хвалится «своим смирением и прощением» (т. 78, с. 283—284).

14 сентября

[1] Быть может, о нем Т. записал в Дн.: «Нынче был приезжий тяжелый юноша» (т. 56, с. 151).

[2] В. П. Быстренин. Новая правда («Моск. еженедельник», № 34). Приведенная цитата — из рассказа «Тьма»: «Точно вдруг взял кто-то его душу мощными руками и переломил ее, как палку о жесткое колено, и далеко разбросил концы» (с. 21).

15 сентября

[1] Со старшим братом Н. А. Хомякова Дмитрием Алексеевичем Т. познакомился в 1877 г. (см. т. 62, с. 361).

16 сентября

[1] По поручению В. И. Ленина А. М. Горький опубл. в ряде газ. (напр., *Сл.*, № 562, 14 сент.) письмо с просьбой о присылке в б-ку Г. А. Куклина в Женеве «газет эпохи революции и материалов к ее истории» (см. письмо В. И. Ленина к М. Ф. Андреевой от конца апр.— Полн. собр. соч., т. 47, с. 157—158).

[2] Письмо вдовы Ж. Льежуа, проф. права. Она писала, что муж ее открыл «гипноз преступления». На конв. помета Т.: «Оч‹ень› интер‹есное›», и далее, очевидно, под диктовку, стенографически: «Та очень важная его мысль, применяемая к вопросу наказания». Пометы об отв. нет (т. 78, с. 383).

[3] Письмо А. И. Иконникова от 7 сент. Тюремной администрацией Иконникову было отказано в получении кн., присланных на его имя Т-м (см. т. 78, с. 212—213).

[4] Ст. Т. «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (т. 36).

17 сентября

[1] Выдержки из писем А. К. Толстого к С. А. Миллер за 1851—1875 гг. опубл. в Поли. собр. его соч., т. IV (Приложение к «Ниве»). СПб., 1908. В письме от 13 дек. 1856 г. А. К. Толстой писал своей будущей жене: «Вчера я позвал к себе на завтрак Л. Н. Толстого: он очень хороший человек; мне хотелось бы, чтоб он с тобой познакомился» (с. 91).

[2] Письмо от 15 сент. В отв. письме от 17 сент. Гусев передал Ц. В. Хилковой приглашение Т-го (т. 78, с. 358). Хилкова приехать не смогла.

[3] Письмо Т. к И. И. Соловьеву от 8 июля (т. 78, с. 178—179) впервые было напеч. без указ. фамилии адресата («К православному священнику») в журн. «К свету», № 5, 14 сент.

[4] Летом 1908 г. Гусев по поручению Т. послал одному крестьянину в Пензенскую губ. запрещенные ст. Т-го (см. *Гусев III*, с. 56). Бандероль вскрыли, и против Гусева было возбуждено дело. На допросе 19 сент. Гусев отказался отвечать. По этому поводу Т. написал на след. день в Тульское губ. жанд. упр. (т. 78, с. 233—234).

19 сентября

[1] Письмо З. Г. Френкеля от 12 сент. с описанием казни уголовника 28 авг. в костромской тюрьме. Письмо Френкеля опубл. в *ЛН*, т. 37-38, с. 389—391. Т. отв. 7 нояб. (т. 78, с. 255).

20 сентября

[1] Проект И. М. Трегубова организовать «Общину свободных христиан», которая объединила бы сектантов, находящихся вне религ. группировок (см. т. 78, с. 38—39, 107, 186).

[2] Кн. изд. в Нью-Йорке в 1902 г. (*ЯПб*, пометы).

21 сентября

[1] Кн. вышла в Париже в изд. A. Fayard, s. a. (*ЯПб*).

[2] Черн. текст письма Т. см. в т. 56, с. 378—379; см. также т. 78, с. 234—235. Письмо послано не было.

[3] В т. II «Биографии» Бирюков привел только положительную оценку Достоевским романа (из «Дневника писателя за 1877 г.», Июль—август, гл. II, разд. III — «Анна Каренина как факт особого значения»).

23 сентября

[1] A. M a u d e. The Life of Tolstoy. First Fifty Years. L., 1908.

25 сентября

[1] И. А й в а з о в. Кто такой Л. Толстой (По поводу постановления Московской городской думы чествовать 80-летие Толстого). М., 1908. На брошюру Айвазова Моск. комитетом по делам печати был наложен арест (см. «Речь», № 212, 5 сент.).

[2] На конв. одного из таких писем, получ. в эти дни, Т. пометил: «Учение в в⟨ысшем⟩ у⟨чебном⟩ з⟨аведении⟩ считаю вредным» (т. 78, с. 360).

[3] По поручению Т-го В. А. Молочников переделал (сократил) ст. И. Ф. Наживина «Бабиды» из его кн. «Голоса народов». М., 1908. Работа Молочникова напечатана не была (см. т. 78, с. 243).

27 сентября

[1] Письмо Дж. Д. Лаури к Т. от 29 сент. н. с. с прилож. машиноп. копии письма Б. Шоу к Лаури, датир. 28 нояб. 1900 г.

28 сентября

[1] Н. А. М о р о з о в. Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. СПб., 1907 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[2] Позднее Н. А. Морозов так описал этот эпизод (в письме к В. А. Жданову от 24 янв. 1933 г.): «Когда я проезжал по Ясной Поляне (деревне) к дому Толстых на извозчике, вдруг по вершине моей шляпы скользнула брошенная сзади палка и ударилась в спину извозчика. Я оглянулся. На улице там и сям было несколько крестьян, и никто из них, казалось, не обращал на нас внимания.

— Что это такое? — спросил я извозчика, чесавшего себе спину.

— Это за то, что вы едете к графу.

— Разве крестьяне его не любят?

— А кто их знает? — ответил он и замолчал.

Это, во всяком случае, было единственное приветствие, которое я получил сзади палкой в продолжение своей жизни» («Новый мир», 1978, № 8, с. 190).

[3] Чертков описал этот случай в ст. «Страница из воспоминаний. Дежурство в военных госпиталях» (*ВЕ*, 1909, № 11; см. т. 89, с. 136—137).

[4] См. ст. Н. А. Морозова «Л. Н. Толстой и современная наука» (*ТЕ 1913*, отд. «Воспоминания», с. 51—53).

[5] Письмо А. Я. Колесниченко от 18 сент. Он приехал в Ясную Поляну 5 нояб. (без А. М. Добролюбова).

29 сентября

[1] Ср. т. 34, с. 388 и 351—352.

[2] См. запись 6 мая 1909 г.

[3] Стихотв. А. М. Жемчужникова «Льву Николаевичу Толстому. На 28-е августа 1908 года» было написано незадолго до смерти поэта (скончался 25 марта) и датир. 5 марта (*ВЕ*, № 9). Т. «умилялся стихотворением Жемчужникова» (*Гольденвейзер*, с. 248).

30 сентября

[1] Воззвание «Время пришло» (т. 37); см. *Гусев III*, с. 56.

1 октября

[1] В № 38 журн., 28 авг., помещены фотогр. под загл.: «Новое королевство (типы, виды и сцены Болгарии)».

[2] Вероятно, ст. «Время пришло».

[3] *Жан Вальжан* — герой романа В. Гюго «Отверженные». Отр. о нем, отредактированный Т-м, вошел под загл. «Епископ Мириель» в «Круг чтения» — т. II, с. 485—492 (т. 42, с. 278—284). При подготовке 2-го изд. «Круга чтения» Т. внес указ. им поправку (см. *Толстой-редактор*, с. 261—267).

2 октября

[1] «Репин о Л. Толстом», б. подп. (№ 211, 12 сент.).

[2] См. т. 40, с. 181.

3 октября

[1] И. Н а ж и в и н. Письмо к молодежи о половом вопросе. М., 1908 (*ЯПб*).

[2] Н. К. Вержбицкий в янв. прислал Т. вырезку из *Р* (№ 16, 17 янв.) со своей ст. «Верьте себе!», в к-рой полемизировал со ст. Т. того же назв., опубл. 28 дек. 1907 г. в *Р. сл.*, № 297 (т. 37). Не получив отв., он в сент. написал Т. письмо и приложил ту же газ. вырезку. Т. пометил на конв.: *Б. о.*

4 октября

[1] Письмо Р. С. Чинского от 2 окт. Т. отв. 6 нояб. (т. 78, с.251).

[2] Адрес, датир. 10 сент., с 34 подп. В письме от 2 сент. С. Е. Струменский, также подписавший этот документ, рассказывал, как составлялся адрес «представителей различных наций», проживающих в Шанхае, и о пер. произв. Т. на кит. яз.

5 октября

[1] Н. М о р о з о в. Свидание с Л. Н. Толстым (письмо к редактору) в № 229 газ.

8 октября

[1] Письмо Н. П. Ивановой (б. д.).

9 октября

[1] При письме от 24 сент. К. П. Стукман прислал Т. кн.: И. Т е н е р о м о. Л. Н. Толстой о евреях. СПб., 1908. Отв. Маковицкий 25 окт. (т. 78, с. 366—367).

10 октября

[1] Это тема притчи «Камни», к-рую Т., отредактировав, включил в «Круг чтения» — т. II, с. 95—96 (т. 41, с. 536—537). См. также *Толстой-редактор*, с. 242—247.

12 октября

[1] Письмо В. А. Молочникова от 7 окт. «Как хорош ваш рассказ про уголовного вора»,— откликнулся Т. в отв. письме от 12 окт. (т. 78, с. 243).
[2] Молочников писал Т-му: «Старая, ветхозаветная жизнь трещит уже по всем швам».
[3] См. повесть Т. «Божеское и человеческое», гл. VII (т. 42, с. 209—213).

13 октября

[1] В письме от 4 окт. (почт. шт.) земский фельдшер А. А. Овсянников спрашивал Т., как ему бороться с морфинизмом. Т. отв. 7 нояб. (т. 78, с. 253—254).

14 октября

[1] А. Ш е м ш у р и н. Стихи В. Брюсова и русский язык. М., 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись).
[2] См. запись 23 нояб. 1905 г.
[3] Телегр. Карлингтона от 10 окт.
[4] Вероятно, речь идет об одном из последних томов изд.: K a n t. Gesammelte Schriften. Упом. изд.
[5] Г. П о л о н с к и й. Толстой в Германии (*СМ*, № 10).
[6] В. К р а н и х ф е л ь д. От великого барина к великому мужику (1828—1908).— В честь и славу великого писателя земли русской (*СМ*, № 9).
[7] В связи с захватом Сербии и Герцеговины Австрией Анджа Петровичева в письме от 7 окт. н. с. просила Т. выступить в защиту серб. народа. 18 окт. (а не 21, как отмечено в т. 37, с. 439) Т. начал писать отв., к-рый разросся в ст., получившую загл. «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». Т. закончил ст. 5 нояб. (т. 37). 30 окт. по поручению Т-го Петровичевой ответил Маковицкий (т. 78, с. 368). Текст отв. Маковицкого и 3 письма Петровичевой к Т. опубл. в *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 494—501.
[8] Письма Э. Элдринга из Петербурга от 24 сент. и 6 окт.

15 октября

[1] Телегр. студентов и отв. Т. неизв. 29 окт. в Ясную Поляну все же приехала депутация моск. студенчества с адресом к 80-летию Т. (*ЕСТ*).

17 октября

[1] Рассказ Т. «Ягоды» вошел в «Круг чтения» — т. I, с. 524—535 (т. 41, с. 450—460).
[2] Письмо С. С. Шнякина от 13 окт. (почт. шт.).

18 октября

[1] № 11709, 16 окт.
[2] См. запись 3 сент. 1907 г.
[3] В первых №№ «Искр» 1906 г. был напеч. ряд фотогр., озаглавленных «К событиям в Москве (с 7 по 15 декабря 1905 г.)», с баррикадами, разрушенными домами, телами убитых и пр.

19 октября

[1] 9 окт. Т. просил А. Б. Гольденвейзера достать и прислать ему «Русские ведомости» «за какие-нибудь два-три года» 1880-х гг., т. к. ему хотелось «более живо восстановить в памяти общественное настроение того времени». Гольденвейзер выполнил поручение Т., но Т. газ. не воспользовался, т. к. вскоре «охладел к своей задуманной работе» (*Гольденвейзер*, с. 260).

20 октября

[1] А. А. Потехин скончался 16 окт. Т. познакомился с ним в дек. 1858 г.
[2] Письмо к М. Э. Здзеховскому от 10 сент. 1895 г. (т. 68, с. 165—170); «Письмо к китайцу» (т. 36); письмо к Г. Сенкевичу от 24 дек. 1907 г. (т. 77, с. 271—273); письмо к А. Моравцу по поруч. Т. от 20 июля 1908 г. (т. 78, с. 350, с неправильным указанием фамилии); «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» (т. 37); «Письмо к индусу» (там же).
[3] Ст. «Религия и наука» (т. 37).

22 октября

[1] М. М е н ь ш и к о в. Старое искусство (из цикла «Письма к ближним».— *НВ*, № 11712, 19 окт.).

[2] А. И. Э р т е л ь. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. М., 1890 (*ЯПб*, дарств. надпись).

23 октября

[1] С. С е м е н о в. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом (*ВЕ*, № 9).
[2] См. запись 8 авг.
[3] Точное назв. «Хохот» («Радуйся, царю иудейский!»), 1877—1882 (*ГРМ*).
[4] В ст. «Картина Крамского» из цикла «Письма к ближним» (*НВ*, № 11712, 19 окт.) Меньшиков сообщил, что к нему обратилась за советом семья художника — что́ делать с громадной картиной Крамского — «Христос на дворе первосвященника», т. к. музей «назначил смешную сумму за нее, что-то две тысячи, и затем как в воду канул».

24 октября

[1] Корресп. *Сл.* из Москвы сообщал в № 597, 22 окт., что в женском клубе на вечере, посвященном Т-му, референт Сергеев начал читать речь Т., произнесенную в 1866 г. в защиту рядового Шибунина (т. 37), но «представитель полиции» ее запретил.
[2] Кн. изд. в Магдебурге в 1908 г. (*ЯПб*, дарств. надпись).

25 октября

[1] Письмо М. А. Антонова от 17 окт. (т. 56, с. 514—515). Т. не ответил.
[2] «Книга Русской скорби», вып. 1. С предисл. Вл. Пуришкевича. СПб., 1908 (*ЯПб*, пометы).
[3] Письмо Б. Броя и Р. Фикари от 2 нояб. н. с. из Либохова. Отв. Маковицкий. В *Список* (т. 78) не вошло.
[4] В *ЯПб* хр. 2 кн. стихов С. Чеха: B. S. Č e c h. Sníh. Praha, 1900; S. Č e c h. Tři cykly básní a sníh. Praha, 1904.
[5] «Do světa širého» — стихотв. С. Чеха, опубл. в «Květy», LX, 1908, № 1.
[6] В *ЯПб* хр. 2 кн. К. Зенгера: K. V. Z e n g e r. Soustava světová elektrodynamická. Praha, 1901 и K. V. Z e n g e r. O nové soustavě světové na základě elektrodynamických zákonu. Praha, 1908.

26 октября

[1] Письмо К. Арима к Т. из Мильуоки от 21 окт. н. с. На конв. помета Т.: *Б. о.*
[2] О Брайане у Т-го осведомился Р. Дженингс в письме от 24 авг. из Филадельфии.
[3] Письмо М. П. Новикова от 24 окт.

27 октября

[1] Оконч. загл. нового «Круга чтения» — «На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях» (тт. 43—44).

29 октября

[1] За непосещение лекций проф. Н. А. Иванова Т. был посажен в карцер (в начале янв. 1846 г.) не с Арсеньевым, а с В. Н. Назарьевым, рассказавшим об этом в позднейших восп.: В. Н. Н а з а р ь е в. Жизнь и люди былого времени (*ИВ*, 1890, № 11). К. К. Арсеньева Т. упоминает среди товарищей своего брата Николая (см. Н. Н. Г у с е в. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии. 1828—1855. М., 1954, с. 131).

30 октября

[1] Письмо Хансена от 6 нояб. н. с.

2 ноября

[1] В воспоминаниях Н. А. Макшеевой приводятся слова Лескова о предстоящем браке Т. Л. Толстой с М. С. Сухотиным, к-рого Лесков назвал «губернатором» (с. 173).

3 ноября

[1] О разговоре с Володей Милютиным см. в «Исповеди» (т. 23, с. 1); ср. запись 26 окт. 1906 г.
[2] Письмо В. А. Лебрена от 22 окт. Т. отв. 6 нояб. (т. 78, с. 249, с ошибочным указ., что Лебрен купил «четыреста десятин земли»).

6 ноября

[1] Письмо А. Е. Fuller из Южного Уотфорда (Эссекс, Англия) от 13 нояб. н. с.

На конв. помета Т.: «David Copperfield. О люб. ‹произв.›». В *Список* (т. 78) не вошло.

[2] Это высказывание П. Б. Шелли Т. неоднократно включал в свои соч. (ср. т. 76, с. 254).

[3] Поэма М. Горького «Человек». Впервые напеч. в «Сб. товарищества «Знание» за 1903 г.», кн. 1. СПб., 1904.

[4] Арабская пословица «Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания» вошла в три сб. Т. (т. 41, с. 134; т. 44, с. 176; т. 45, с. 364).

9 ноября

[1] Т. написал краткое приветствие для устраивавшейся Д. Г. Бурылиным читальни в Иваново-Вознесенске (т. 78, с. 362—363).

[2] Парижское изд. 1908 г. (*ЯПб*, помета, дарств. надпись). См. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 130.

[3] О. М и р б о. Путешествие на автомобиле. СПб., 1908.

10 ноября

[1] В. А. П о с с е. За чтением Толстого («Zvěsti», 1908, № 3).

[2] В письме от 18 нояб. (н. с.) ред. газ. «Magyar Hirlap» просила Т. сообщить свое мнение о венг. искусстве, промышленности, обществ. жизни, политике. На конв. Т. написал: «Для меня нет Венгрии. О религиозн‹ом› мировоззрении венг‹ерцев› ничего не зн‹аю› и желал бы зн‹ать›» (т. 78, с. 371).

[3] По-видимому, имеются в виду портретные зарисовки Т-го.

11 ноября

[1] «Конец века» (т. 36, с. 255) и «Закон насилия и закон любви» (т. 37, с. 187).

[2] После опубл. в ряде газ. письма Т. от 30 окт. о невозможности «удовлетворять просьбам о денежной помощи, достигающим до 1 000 и более рублей в день» (т. 78, с. 244—245), количество просительных писем не уменьшилось, и с первых же дней стали получаться «ругательные» письма. На одно из них — С. А. Энгельгардта от 9 нояб.— Т. отв. 12 нояб. (т. 78, с. 259—260). Перед отправлением письма на почту Т. попросил не посылать его (ср. *Гусев I*, с. 215).

В дальнейшем на подобные письма Т. не отвечал.

12 ноября

[1] Известно только 7 писем от 11 нояб., написанных по поруч. Т., с его конспектов (т. 78, с. 369—370).

[2] А. К у п р и н. О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай» (читано 12 октября 1908 г. на вечере в Тенишевском зале).

13 ноября

[1] Кн. сохр. в *ЯПб*.

14 ноября

[1] В своем «Письме в редакцию» Чертков отмечал, что на местное население «не падает и не может падать ни малейшего подозрения в поджоге» (*Р. сл.*, № 262, 11 нояб.).

[2] А. И. Эртель был у Т. 16 дек. 1888 г. в Москве и 3 дек. 1889 г. в Ясной Поляне. См. Дн.— т. 50, с. 14 и 189.

[3] Вероятно, имеется в виду изд. в 1909 г. кн. «Письма А. И. Эртеля» под ред. и с предисл. М. О. Гершензона. М., 1909. В кн. вошла автобиография Эртеля в форме письма к Черткову; бо́льшую часть кн. составляет переписка Эртеля с Чертковым. Упом. письма Черткова к М. В. Эртель в кн. нет.

[4] В письме от 30 окт. П. Н. Давыдов писал Т., что суд приговорил его к 4 годам заключения. См. также письмо Т. к Давыдову от 1 сент. (т. 78, с. 216—217).

16 ноября

[1] Письмо А. Шкарвана от 23 нояб. н. с. Т. отв. 15 нояб. (т. 78, с. 262—263).

[2] Известное выражение Галилея.

17 ноября

[1] В письме от 15 нояб. П. И. Бирюков известил Т-го, что «вчера и третьего дня у него были грандиозные обыски» (см. сообщ. в «Старой Москве», № 129, 23 нояб.— «Обыск у толстовца»).

[2] См. сообщение в *Сл.*, № 622, 16 нояб. о возбуждении уголовного преследования против бывшего моск. градоначальника ген.-майора А. А. Рейнбота — «за совершение подлогов по службе, мздоимство, лихоимство и вымогательство».

[3] В течение нояб. об этом появлялись сообщ. в ряде газет. Делегация в составе 5 чел., собрав под адресом около 3 000 подписей, приехала в Ясную Поляну 27 дек.

[4] См. гл. VII ч. 2 «Гардениных» (один из подзаг. «Бега»).

19 ноября

[1] На выставке старинных картин, устроенной ред. журн. «Старые годы» в помещ. О-ва поощрения художеств, произошел упом. инцидент между вице-президентом О-ва, акад. М. П. Боткиным, и генеральным комиссаром выставки, искусствоведом Н. Н. Врангелем. Сообщ. об этом см. в *НВ*, № 11737, 13 нояб. Сочувственное письмо Т-го от 18 нояб.— т. 78, с. 263. См. также письмо Т. к Н. Н. Врангелю от 2 апр. 1909 г. (т. 79, с. 139—140).

[2] В *ЯПб* сохр. 7 №№ журн. (апр.— окт.) с пометами Т.; во всех — свед. о голоде и об огромной смертности населения.

[3] Письмо администр. высланного в Архангельскую губ. (а не в Сибирь) И. А. Бондаренко от 14 нояб. Текст отв. Т. продиктовал Гусеву 22 нояб. (т. 78, с. 374—375).

[4] М. М е н ь ш и к о в. У всех неблагополучно (*НВ*, № 11739, 15 нояб.).

20 ноября

[1] А. Ш о п е н г а у э р. О религии. Диалог. Пер. П. Пороховщикова. СПб., 1908 (*ЯПб*, пометы). 21 нояб. Т. поблагодарил переводчика П. С. Пороховщикова, приславшего ему кн., за прекрасный перевод полезной книги (т. 78, с. 266).

[2] А. И. Э р т е л ь. Собр. соч. в 7 тт. С критико-биографической статьей Ф. Д. Батюшкова. Тт. I—VII. М., 1909 (*ЯПб*).

[3] Кн. хр. в *ЯПб*.

21 ноября

[1] В одном из подстрочных прим. к «Былому и думам» Герцен воспроизвел свой шутливый разговор с Белинским по поводу его ст. «Русская литература в 1841 году», написанной в форме диалога собеседников *А* и *Б* (*Герцен*, т. VIII, с. 289). В записи Маковицкого слова Герцена ошибочно приписаны Белинскому.

24 ноября

[1] Поездка М. С. Андросова в 1897 г. (см. т. 88, с. 7). Андросов описывал ее в письме к Т. от 14 июня 1897 г.

[2] Письмо В. А. Молочникова от 17 нояб.

[3] Письмо Н. А. Шейермана от 19 нояб. о земледельческой общине.

[4] В письме от 1 дек. (н. с.) П. А. Буланже излагал взгляды Зороастра. 24 нояб. Т. продиктовал Гусеву ответ (т. 78, с. 375).

[5] С. Б⟨ули⟩ч. Парсы (*Брокгауз*, кн. 44).

[6] Ср. «Исповедь» (т. 23, с. 12).

25 ноября

[1] Рассказ Н. С. Лескова «Кадетский монастырь» из цикла «Праведники», впервые напеч. в *ИВ*, 1880, № 1. Описанный им директор пажеского корпуса — М. С. Перский.

26 ноября

[1] Г. Д ж о р д ж. Да приидет царствие твое. Речь об освобождении земли. Пер. с англ. С. Д. Николаева. М., «Посредник», 1905.

[2] Письмо Т. к Д. Д. Кобеко от 9 нояб. (т. 78, с. 257). Письмо к прокурору неизв.

[3] Брошюра сохр. в *ЯПб*.

[4] P. H. L o y s o n. Petite lettre au grand Tolstoï («Aurore», 15.VIII). Ст. написана по поводу «Не могу молчать».

[5] H. G. W e l l s. New Worlds for Old. L., 1908 (*ЯПб*, пометы). 14 нояб. Э. Моод писал Т., что посылает ему книгу, в к-рой «дается прекрасный отчет об эволюции социализма и объясняется деятельность Фабианского общества».

[6] В. К о р о л е н к о. Лев Николаевич Толстой (*РБ*, № 8).

[7] См. предисл. к настоящему изд.

27 ноября

[1] Письмо В. А. Молочникова от 24 нояб. Т. отв. 28 нояб. (т. 78, с. 270).

[2] В рук. «Письма к индусу», датир. 27 нояб., Т. сделал вставку, точно указав № журн. В оконч. текст ст. (гл. IV) вошли лишь общие возражения Т. противникам непротивления (т. 37, с. 265—266).

[3] Анон. рец. на т. II «Биографии» Т-го П. И. Бирюкова — *ВЕ*, № 11 и рец. В. Кр⟨анихфельда⟩ (*СМ*, № 11).

[4] Рец. С. Ашевского на кн. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Лев Николаевич Толстой. К 80-летию великого писателя. Очерк его деятельности, характеристика его гения и призвания. СПб., 1908 (*СМ*, № 11, с. 156—157).

[5] Кн. Р. Базена уже давно была известна Т-му, одобрительно оценившему ее в «Предисловии к роману В. фон Поленца «Крестьянин»», 1901 (т. 34, с. 271). Т. Бензон указывает в своих восп., также относящихся к 1901 г., что Т-го «из романов последнего времени больше всего поразила «Умирающая земля»» (*ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 36).

[6] См. запись 19 нояб. В письме от 24 нояб. М. П. Боткин выразил Т. благодарность за сочувствие: «Спасибо вам, до гроба буду хранить ваши теплые слова, а жена хочет в рамку вставить и поставить к себе на стол».

[7] Письмо В. Юшко от 19 нояб. О том же Т-го просил В. И. Антонов в письме от 22 нояб. (см. т. 78, с. 376). По делу А. В. Юшко Т. еще 8 июня писал моск. градоначальнику А. А. Адрианову (т. 78, с. 162—163). Отв. Адрианова — *Гусев II*, с. 182.

28 ноября

[1] Изречения Пифагора в «Круг чтения» вошли — т. II, с. 14, 517 (т. 41, с. 309, 443, 471; т. 42, с. 312).

[2] «The Chinese Classics». Translated into English with Preliminary Essays and Explanatory Notes by James Legge, vol. I—III. L., 1875—1879.

29 ноября

[1] Л. Л. Толстой. Письмо в редакцию (*НВ*, № 11749, 25 нояб.). В письме указано, что Т. просил от его имени заявить, что он не имеет ничего общего с изд-вом «Ясная Поляна» (в т. 78, с. 279 автором письма ошибочно назван сам Т.). 8 дек. Т. написал заявление о том же в ред. *Р. сл.* (т. 78, с. 278).

[2] В письме от 10 дек. н. с. А. Шкарван сообщал Маковицкому, что чеш. газ. «Cas» не приняла ст. Т. для напечатания, «так как она опасается конфискации». От печатания отказались и др. чеш. газеты. В сильно сокращенном виде ст. была опубл. в прилож. к чеш. газ. «Polodní Listy», № 349, 19 дек. В Словакии ст. так и не была напечатана. Шкарван написал ст. «Толстой о присоединении Боснии и Герцеговины» и опубл. ее в 2 словацк. газ., выходивших в Америке: «Amerikansko-Slovenské Noviny», 6.I и «Slovensky Dennik», 4.I 1909 (№ 1975).

[3] Moes-Oskragiello. Przyrodzone pokarmy człowieka i wpływ ich na dolę ludzką. Варшава, 1888. Рус. изд.: К. Моэс-Оскрагелло. Природная пища человека. Пер. Ю. Якубовского. М., «Посредник», 1896. Т. считал, что в этой кн. «есть много хорошего» (т. 66, с. 255).

30 ноября

[1] Письмо В. А. Молочникова от 26 нояб. Т. отв. 30 нояб. (т. 78, с. 270—271).

[2] По поручению Т. об этом 30 нояб. написал В. А. Молочникову Гусев (т. 78, с. 376). Письмо Гусева опубл.: «Толстой и о Толстом», III. М., 1927, с. 108.

[3] Хр. Досев. Жечков.— «Календарь для каждого на 1909 г.», составил А. С. Зонов. М., «Посредник», 1908, ст. 117—118.

[4] Письмо П. Н. Софронова от 23 нояб. (почт. шт.). Цит.: *Гусев I*, с. 224, без указания фамилии. На конв. помета Т.: «Н. Н. послать книги и ответить» и стеногр. ответа (не расшифрована). Ответил, очевидно, Гусев. В след. письме от 17 дек. Сафронов поблагодарил Т. за ответ.

[5] Письмо З. М. Гагиной от 26 нояб. с прилож. дн. своих школьных занятий. На конв. помета Т.: «Дневник. *Б. о.*».

[6] Кн. вышла в Лондоне в 1905 г.

1 декабря

[1] «Казнь Ф. М. Достоевского»— гл. из мемуаров бар. А. Е. Врангеля «Отрывки из моих воспоминаний» (*Илл. прилож. к НВ*, № 11753, 29 нояб.).

[2] 1-я гл. из кн. М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом», заканчивающаяся сценой «Мальчик в штанах и мальчик без штанов. Разговор в одном явлении».

[3] «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» («Сказки»).

[4] Т. встречался с Салтыковым в Петербурге в 1-й пол. 1856 г. В *Совр.* Салтыков тогда еще не печатался, но, вероятно, посещал его ред.

[5] «Пропала совесть» («Сказки»).

[6] В этот день Т., очевидно, написал черновик отв. на письмо Н. Липатникова от 22 нояб. Окончат. текст письма датир. 2 дек. (т. 78, с. 273—274).

2 декабря

[1] Посылая свою ст. «Толстой о присоединении Боснии и Герцеговины», А. Шкарван писал 10 дек. н. с., что это, «собственно, рефератик» ст. Т. (письмо хр. в *PNP*).

[2] Этот случай произошел с Т. на охоте под Вышним Волочком 22 дек. 1858 г. (см. т. 60, с. 276—278). Спасен Т. был охотником-медвежатником А. Осташковым. Эпизод этот послужил сюжетом рассказа для детей «Охота пуще неволи» (т. 21).

[3] Д. Л. Вяземский по приглашению М. Л. Толстого провел в Ясной Поляне 27 нояб. На след. день он писал М. Л. Толстому: «Вечер в кабинете вашего отца не выходит у меня из головы; так хочется восстановить в памяти каждую мысль, каждое слово!» (отр. опубл. в т. 56, с. 516—517).

[4] В *БВ* в течение нояб. было напеч. 3 корресп. о черниговском разбойнике Савицком (№ 10819, 10831, 10835, 19 (веч. вып.), 27 и 29 (утр. вып.) нояб.). В корресп. 27 нояб. упомянуто нападение Савицкого в сент. на женский монастырь.

[5] Письмо Анджи Миты Петровичевой от 19 нояб.

[6] «80-leté narozeniny hrab. Lva Nik. Tolstého» (Zajmy strojmistru a Zrizencu Prumyslu Textilního v Zemich Koruny Ceské, Nachod. Ročník I. Cislo 1).— *ЯПб.*

3 декабря

[1] Двоюродный брат С. А. Толстой — Б. В. Шидловский и его жена Вера Николаевна. Б. В. Шидловский жил в Оптиной Пустыни, где Т. встретился с ним 27 февр. 1890 г. (см. т. 51, с. 23).

[2] А. М. Бодянский был в февр. привлечен к ответственности и приговорен Харьк. судеб. палатой к 6 мес. тюремного заключения.

4 декабря

[1] Письмо Т. в Тульское губ. жанд. упр. от 20 сент. (т. 78, с. 233—234).

[2] Н. Б. Нордман-Северова в письме к С. А. Толстой от 28 нояб. просила разрешения приехать 14 дек. на неск. часов в Ясную Поляну. Репин приписал: «Я последнее время усиленно работал над этюдом головы Льва Николаевича (с чертковских снимков — такая жалость: они ретушированы), для того чтобы докончить голову в группе, кот. я писал у вас в Ясной (собственность вашего музея)».

[3] А. А. Столыпин. Заметки (***НВ***, № 11750, 26 нояб.).

[4] Речь В. А. Образцова на заседании 1 дек. (*Сл.*, № 638, 2 дек.).

[5] В. Фельзенмейер прислал при письме от 23 нояб. из Нью-Йорка свою ст. «Появление вещества как следствие взаимодействий вечно существовавших величин» и просил содействовать ее напечатанию. 7 дек. Т. отв. отказом, т. к. нашел «высказанные в ней положения неверными» (т. 78, с. 276). С этой ст., очевидно, связаны записи в Дн. 6 и 15 дек. (т. 56, с. 162, 163—164).

[6] В письме от 29 нояб. А. Извеков сообщал, что пишет стихи и «начал трагедию «Фемистокл»». Т. отв. 6 дек. (т. 78, с. 276).

5 декабря

[1] Ст. Т. печаталась с ценз. пропусками в *Г. Москвы*, №№ 281—284, 4—7 дек. В *Сл.*, № 642, 6 дек. появилась ред. заметка с осуждением *Г. Москвы* за невыполнение просьбы Т., просившего «опубликовать ее 6 декабря, если она будет опубликована полностью, и 7 декабря, если будут произведены сокращения».

[2] На конв. помета Т.: «Очень хорошее».

[3] См. письмо к Т. А. Ергольской от 12 янв. 1852 г. (т. 59, с. 159—164).

[4] Письмо К. Г. Разумниковой, получ. 4 дек. (почт. шт.). (Называя ее «молодой Марией Александровной», Т. противопоставлял ее М. А. Шмидт.) Т. отв. 15 дек. (т. 78, с. 284—287).

[5] Посылая Т-му 25 нояб. из Луганска свою брошюру «I. Верую во единого бога. II. Неведомому богу». Луганск, 1908, Н. И. Стефанович писал, что под влиянием «ошеломивших» его соч. Т. он отошел от православия и отказался от духовного сана. На конв. помета Т.: «Замечательное письмо и брошюра». Т. отв. 21 дек. (т. 78, с. 296—297).

6 декабря

[1] Об А. Шакоре, к-рый, отбыв заключение, остался стеречь в тюрьме дрова, В. А. Молочников сообщал в письме от 3 дек. Т. получил его одновременно с след. письмом и отв. 16 дек. на оба (т. 78, с. 288—289).

[2] См. «Войну и мир», т. III, ч. 1, гл. XI. Т. познакомился с С. Г. Волконским во Флоренции в 1860 г.

[3] Портрет «Л. Н. Толстой в белой блузе» (1908). Хр. в *ИРЛИ*.

10 декабря

[1] См. запись 14 авг. 1906 г.

[2] В. Г о л и к о в. В Ясной Поляне (*Г. Москвы*, № 285, 9 дек.).

[3] *Р. вед.*, № 284, 7 дек.

[4] Анон. корресп. в *Р. сл.*, № 285, 9 дек. «Беседа Л. Н. Толстого с русскими революционерами» со ссылкой на «Berliner Tageblatt», 8/21.XII.

11 декабря

[1] Ст. «Тирания слабых» (*НВ*, № 11763, 9 дек.).

[2] См. запись 23 янв. 1907 г.

12 декабря

[1] Т. цитирует высказывания с.-д. депутата И. П. Покровского на засед. Думы 10 дек. и реплику «справа», прервавшую его речь (см. *Сл.*, № 647, 11 дек.). 12 авг. 1906 г. состоялось покушение на П. А. Столыпина максималистов-террористов, взорвавших на Аптекарском острове в Петербурге его дачу. При этом было убито 22 чел., ранено более 30. Сам министр остался невредим.

[2] М. П. А р ц ы б а ш е в. Сказка старого прокурора (*СМ*, № 12).

13 декабря

[1] В рукописи Маковицкого далее приводится пространная беседа Черткова и С. Д. Николаева с участием Т. о Г. Джордже и едином налоге, происходившая 13 дек. Перед текстом помета Маковицкого: «Кажется, у Гусева записано стенографически». Поэтому, очевидно, Маковицкий и исключил эту запись. В дн. Гусева записана лишь часть беседы между С. Д. Николаевым и Т. (См. *Гусев III*, с. 59—60, а также *Гусев I*, с. 229).

14 декабря

[1] Заметка В. А. Гиляровского «Перестрелка на Лосином острове» (*Р. сл.*, № 289, 13 дек.; см. также № 290, 14 дек.) — о попытке полицейских арестовать жильцов «двухэтажной дачи», к-рые, отстреливаясь, убили и ранили несколько чел. В том же № фельетон С. Яблоновского «Господин хулиган».

[2] См. запись 5 дек. Мать этой девушки М. И. Разумникова писала Т. в июле 1906 г. Т. отв. 15 июля (т. 76, с. 178—179).

[3] Сохр. открытка Н. Б. Нордман-Северовой к С. А. Толстой от 15 дек. из Москвы: «Опять пришлось отложить наш отъезд. Мы приедем очень скоро, но когда, не знаю наверно». И. Е. Репин и Н. Б. Нордман-Северова приехали в Ясную Поляну 17 дек.

15 декабря

[1] С. А. Толстая возила в Москву, в Истор. музей юбилейные материалы о Т. (*ЕСТ*, запись 10 дек.).

[2] См. записи 27 и 28 марта.

[3] XXXVII выставка «передвижников» открылась в Москве 14 дек. На ней экспонировалась картина Репина «Черноморская вольница» (1908). Находится в Музее «Пенаты» (Репино).

[4] Картина «Сеятель», или «Толстой-сеятель»; входила в триптих «На земле», к-рый Г. Г. Мясоедов показал на XXXVII выставке «передвижников» в 1908 г. (*ИРЛИ*).

16 декабря

[1] Точное назв. «Ходынка. Ваганьковское кладбище», 1896—1901 (Ленингр. Музей революции). На XXXVII выставке в Москве картина В. Е. Маковского была выставлена под назв. «После катастрофы».

[2] В Москве Сара Бернар гастролировала с 14 по 28 дек.

17 декабря

[1] Об этом сообщил сам Репин (в указ. приписке к письму Н. Б. Нордман-Северовой к С. А. Толстой от 28 нояб.): «М. А. Стахович так одобрил эту новую голову Л. Н., что, с его настойчивостью, приказал считать эту голову своей собственностью».

[2] Об этом рис. (Т. и Чертков за шахматами) Репин сообщал С. А. Толстой в письме от 25 апр. 1909 г. Судьба его неизв. (см. «И. Е. Репин и Л. Н. Толстой», т. I. М.— Л., 1949. с. 29, 115).

[3] Этот факт передан здесь крайне неточно. Ср. А. К. Л е б е д е в. В. В. Верещагин. Жизнь и творчество, 1842—1904. М., 1972, с. 260—264; ср. *НВ*, 1913, 14 дек., № 13564.

[4] И. И. Т о л с т о й. Заметки о народном образовании в России. СПб., 1907; Ю. И. Г е с с е н. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906.

[5] Литература эта потребовалась Т. в связи с задуманным им худож. произв. (см. т. 56, с. 163 и *Гусев I*, с. 230).

18 декабря

[1] 16 дек. И. М. Трегубов сообщил Т. о своей беседе с ред. *НР*—А. А. Суворины. Т. отв. 21 дек. (т. 78, с. 297—298).

19 декабря

[1] Письмо В. И. Фельде от 14 дек. из Языкова, Симбирской губ. Т. отв. 28 дек. (т. 78, с. 307—308).

[2] *Дудка* — шахта, колодезь для добычи руды.

20 декабря

[1] В ст. под рубрикой «Заметки» (*НВ*, № 11772, 18 дек.) А. А. Столыпин, опираясь на евангельские тексты *от Марка* (VII, 9—13), доказывал необходимость смертной казни. Вырезку из газ. Т-му прислал студент Л. А. Арсеньев при письме от 18 дек. и просил разъяснить, утверждает ли Христос, что «злословящий отца и мать подлежит смертной казни». 20 дек. Т. отв. Арсеньеву (т. 78, с. 293—294) и написал письмо Столыпину (т. 78, с. 294). На след. день Т. начал писать ст. «Смертная казнь и христианство» (т. 38), в к-рой привел текст ст. Столыпина, письма Л. А. Арсеньева и свой ответ ему.

21 декабря

[1] В разделе «Библиография» «Славянских известий» (1908, № 1-3) помещена рец. А. Сиротинина на кн. I. S. M a c h a r. Jed z Judey, vid. II, 1907; I. S. M a c h a r. Rim, 1907.

[2] Сохр. рукопись пер. С. А. Толстой брошюры без исправл. Т.: Сидней С п р а г а. История движения Бахаи. Всемирное вероисповедание. Опубл. в сокращ. виде и без указ. пер. в «Календаре для каждого на 1911 год» под загл. «Персидские мудрецы: Баб (Мирза-Али-Магомед) и Бага Улла (Мирза-Хассейн-Али)».— с. 125—132.

[3] См. об этом подробно в прим. Т. к его ст. «Смертная казнь и христианство» (т. 38, с. 42).

[4] I Всероссийский женский съезд открылся в Петербурге 10 дек. С призывом к участницам съезда объединиться для протеста против «самого страшного зла современной русской жизни — против смертной казни» выступила 16 дек. С. Ц. Дехтярева; в ответ на это обращение полиц. пристав заявил, что закрывает собрание (*Р. сл.*, № 292, 17 дек.). Т. привел этот случай в ст. «Смертная казнь и христианство» (т. 38, с. 42).

22 декабря

[1] Ср. т. 35, с. 583—629.

23 декабря

[1] В письме от 9/22 июля Эдисон просил Т-го прочесть в фонограф «краткое обращение к народам всего мира, в котором была бы высказана какая-нибудь идея, двигающая человечество вперед в моральном и социальном отношении». Т. согласился, о чем Чертков сообщил Эдисону (см. *ЛН*, т. 37-38, с. 330—338). 23 дек. приехали в Ясную Поляну Томас Граф и Милестон. Сеансы состоялись 23 и 24 дек. (В *ЛН*, т. 37-38, с. 334 ошибочно указаны 24 и 25 дек.). Кроме отр. из трактата «Царство божие внутри вас» на рус., англ. и франц. языках, Т. прочел англ. пер. «Притчи о добром человеке» (т. 37).

[2] Ред. заметка о ст. А. А. Столыпина «Заметки» (см. запись 20 дек.) — *Р. вед.*, № 295.

[3] R. U n g e w i t t e r. Die Nacktheit in entwicklungsgeschichtlicher, gesundheitlicher, moralischer und künstlerischer Beleuchtung. St., 1907 (*ЯПб*).

25 декабря

[1] Над ст. «Смертная казнь и христианство» Т. работал с 21 дек. 1908 до 2 янв. 1909 г. 18 янв. 1909 г. он «написал прибавку о царе» и «поправил немного статью и улучшил» (т. 57, с. 13). Опубл. с датой 2 янв. 1909 г. в *НР*, № 57, 28 февр. 1909 г.

[2] За 25—26 дек. изв. 4 письма Т. (т. 78, с. 300—304).

27 декабря

[1] Приезд студентов Т. отметил в Дн. (т. 56, с. 168). Текст адреса — т. 56, с. 524. Один из студентов — Н. Шубаков — поместил заметку «У Л. Н. Толстого» («Речь», № 2, 3 янв. 1909 г.).

28 декабря

[1] За 28 дек. известно 3 письма Т. и одно, написанное по его поруч. (см. т. 78, с. 306—308, 380).

[2] Письмо С. Казакова от 26 дек. из Москвы. На конв. помета Т.: *Б. о.* Т. отв. на 2 предыд. письма Казакова — от 4 и 15 февр. (т. 78, с. 55—56; 66—67). См. также запись 29 июля.

[3] Н. М о р о з о в. Возникновение «Народной воли» (Из воспоминаний о Липецком и Воронежском съездах летом 1879 года).— *Б*, 1906, № 12.

29 декабря

[1] Н. И. Т р о и ц к и й. Триединство божества. Историко-археологическое исследование. Тула, 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[2] Е. П. Петров в письме к Т. от 26 дек. переслал письмо своей жены К. А. Романик-Петровой, осужденной на год и писавшей Т. об условиях жизни в тюрьме. Т. отметил в Дн. получение этого «трогательного» письма (т. 56, с. 169). 31 дек. Т. отв. на письма Е. П. Петрова и его жены (т. 78, с. 308—310). Об освобождении К. А. Романик-Петровой Т. хлопотал в 1909 г. (см. запись 7 янв. 1909 г.).

[3] «Этот рассказ,— пишет С. Л. Толстой,— я слышал как от моего отца, так и от самого Олсуфьева» (*Очерки былого*, с. 115).

31 декабря

[1] В течение дек. В. Д. Кулаков написал Т-му 5 писем из Елабуги с призывом вернуться в лоно церкви. На одном из конв. помета Т.: «*Б. о.* Сумасшедшее. Обратительное».

[2] Слушательница Высших женских курсов М. Ф. Ветрова, арестованная в дек. 1896 г., содержалась в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Узнав о ее самосожжении, Т. в тот же день написал А. Ф. Кони, прося сообщить достоверные подробности этой «страшной истории» (т. 53, с. 143 и т. 70, с. 50—51); отв. А. Ф. Кони от 14 марта 1897 г.— А. Ф. К о н и. Собр. соч., т. 8. М., 1939, с. 140—141.

[3] *Мариавиты* — сектанты в русской Польше (секта образовалась в 1906 г.).

[4] Р. Д м о в с к и й. Германия, Россия и польский вопрос. Пер. с польского. СПб., 1909.

1909

1 января

[1] Над начатым в дек. 1908 г. рассказом «Кто убийцы? Павел Кудряш» Т. работал до конца февр. «Л. Н. писал что-то в драматической форме. Он ищет и все не найдет того тона, который бы ему нравился. Уже есть несколько начал художественной работы» (*ЕСТ*, 5 янв.). Рассказ остался незаконченным (т. 37).

[2] В предисл. к роману А. И. Эртеля «Гарденины» Т. особенно хвалил «удивительный по верности, красоте, разнообразию и силе народный язык» (т. 37, с. 243).

[3] M. Z d z i e c h o w s k i. Lev Tołstoj o aneksyi Bośny i Hercegowiny («Świat Słowiański», t. I, № 49).

2 января

[1] Карикатура Калабановского «Сборы рыцаря в поход» в № 11778, 24 дек. 1908, с подп.: «М. И. С т а с ю л е в и ч (*передавая поводья*): Предупреждаю, он привык ходить в шорах и сдержанной поступью.— М. М. К о в а л е в с к и й: Ну, подо мною не поскачет!»

[2] Землетрясение, разрушившее г. Мессину в 1908 г.
[3] Вырезки были присланы Т-му М. С. Сухотиным из Швейцарии (см. т. 79, с. 31). Вопрос о смертной казни обсуждался во франц. парламенте в нояб. 1908 г.
[4] «Кто подозревает, сам толкает на обман» (франц.).—Из трагедии Вольтера «Zaïre».

3 января

[1] В тетрадь Маковицкого вписано Гусевым: «Л. Н. сначала сам хотел ответить на это письмо, полученное еще в прошлом году, но потом поручил мне».
[2] Спирт был прислан З. М. Гагиной.
[3] При письме от 2 янв. Горбунов-Посадов прислал свою ст. «Ex oriente lux!» (*Р. вед.*, 1908, № 302, 31 дек.). Загл. было дано ред. *Р. вед.* (см. т. 79, с. 16).

4 января

[1] Ф. Горбаневский, депутат от группы московских священников, приезжал приветствовать и благодарить Т.

5 января

[1] «Исповедью» С. А. Толстая назвала разговор Николая Михайловича с Т. 26 окт. 1901 г. в Гаспре, когда он говорил о своих отношениях с кн. Е. М. Барятинской. О том же он писал Т. 15 нояб. 1901 г. Т. отв. 24 нояб. (т. 73, с. 165—166). В *ЯПб* сохр. все 6 тт. «Русских портретов XVIII—XIX столетий», изд. Николаем Михайловичем (СПб., 1905—1909).

6 января

[1] «Философия общего дела» (*ЯПб*, пометы).

7 января

[1] К. С е м е н о в. Первый год петербургской «Рабочей организации» (*МГ*, 1908, № 12).
[2] Т. ошибочно указывает на *МГ* вместо *Б*, 1906, № 3, в к-ром напеч. ряд ст. и сообщений об убийстве Александра II народовольцами (см. там же ст. А. Хирьякова «Событие 1-го марта и Л. Н. Толстой»). В этом же № помещены портреты С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчича, И. И. Гриневицкого, Т. М. Михайлова, А. И. Желябова, М. Н. Тригони, И. П. Емельянова, Н. И. Рысакова, Г. М. Гельфман, Ю. Н. Богдановича (Кобозева), Н. А. Саблина и А. В. Ухтомского.
[3] «Хаджи-Мурат», гл. XV (т. 35, с. 72).
[4] Письмо А. М. Бодянского от 29 дек. 1908 г. Т. отв. 8 янв. (т. 79, с. 21—22).
[5] Оба письма Т. от 7 янв. (т. 79, с. 18—19).
[6] Е. П. Петров прислал Т. копию письма своей жены К. А. Романик-Петровой (б.д.) из Бутырской тюрьмы. О хлопотах Т. по ее делу см. в письмах к Н. В. Давыдову от 3 янв. и 3—13 марта и к Е. П. Петрову от 20 февр. и 30 апр. (т. 79, с. 11, 77, 112—113, 177).
[7] Т. поместил в «Круг чтения» между 23 и 24 июня (недельное чтение) отрывок из «Записок из Мертвого дома» Достоевского под загл. «Орел» — т. 1, с. 505—507 (т. 41, с. 434—436).

8 января

[1] Посетив 9 окт. 1908 г. в д. Телятинки бывш. ученика яснополянской школы А. Маслова, «тип и судьба которого нужны были Льву Николаевичу для его художественной работы» (*Гольденвейзер*, с. 259), Т. попросил его записать свои восп., возможно для рассказа «Нет в мире виноватых» (т. 38). Рук. «Воспоминаний» Маслова хр. в *ГМТ*.
[2] О встрече Т. с Никольским см. в Дн. 8 янв. (т. 57, с. 6).
[3] 4 янв. В. А. Молочников писал Т. из тюрьмы в Старой Руссе о кн. М. Арнольда «В чем сущность христианства и иудейства» (М., «Посредник», 1908; *ЯПб*). Т. отв. 8 янв. (т. 79, с. 20—21).
[4] Выдержки из Дн. под загл. «Ход моего духовного развития». В письме б.д. (почт. шт. 6 янв.) иеромонах моск. Донского монастыря Арсений «увещевал» Т. вернуться в лоно официальной православной церкви.

9 января

[1] Горбунов-Посадов был привлечен к судеб. ответственности за изд. кн. Т. «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий». Т. 4 янв. написал Н. В. Давыдову и приложил проект своей записки в суд с просьбой возложить ответственность за это изд. на него. Давыдов отв. 8 янв. (т. 79, с. 13—14).

[2] Сб. составлен В. Базилевским. Париж, 1905. В нем перепечатаны газ. «Народная воля» и нек-рые листки (прокламации) партии «Народная воля».
[3] На письмо И. Максимовича от 29 дек. (н. с.) 1908 г. из Белграда отв. Маковицкий 10 янв. (т. 79, с. 251).

10 января

[1] М. Меньшиков. Славяне и англосаксы (*НВ*, № 11791, 8 янв.).
[2] 27 дек. 1908 г. Т. продиктовал Черткову рус. текст письма к Уайту, приславшему свою кн. (вероятно, J. White. Economic Ideals. L., 1903 — *ЯПб*, дарств. надпись). 12 янв. Т. подписал пер. на англ. яз. этого письма, сделанный Чертковым. Полный текст письма неизв.; отр. см. в т. 56, с. 523—524.

12 января

[1] 11 янв. А. Б. Гольденвейзер играл полонез, сонату, вальс, ноктюрн и мазурку (*ЕСТ*).
[2] М. М. Толстая. урожд. Шишкина.
[3] Заключительные строки рус. нар. песни «Вечор поздно из лесочка...»
[4] В марте Т. получил письмо по тому же вопросу от г-жи Фокс (из Петерб.). Отв. Т. Л. Сухотина. В *Список* (т. 79) не вошло.

13 (?) января

[1] В. Анучин. Казнь Якова Стеблянского (*РМ*, 1908, № 6).

14 января

[1] В этот день С. А. Толстая записала о Ванде Ландовской: «Превосходно играла весь вечер. Мазурка, вальсы Шопена и соната Моцарта исполнены великолепно» (*ЕСТ*). Т. писал М.С. Сухотину: «... играет мило, приятно, но не переворачивает душу, что, как ни тяжело это бывает, люблю испытывать» (т. 79, с. 31).

15 января

[1] М. Меньшиков. Суд мести (*НВ*, № 11796, 13 янв.).
[2] Анон. корресп. из Устюжны Новгородской губ.: «Праздничные смертные казни» (в том же № газ.).

19 января

[1] В письме от 13 янв. из В. Устюга Н. М. Кузьмин просил Т. похлопотать об освобождении политич. ссыльного крестьянина Е. Елфимова. Отв. Гусев 30 янв. (т. 79, с. 254).

20 января

[1] Здесь Маковицкий сделал помету о включении в текст стеногр. записи беседы Т. с архиереем Парфением (стеногр. не обнаружена). Разговор их касался не только религ. вопросов: Т. расспрашивал архиерея о монастырской жизни в связи с начатым им рассказом «Иеромонах Илиодор» (т. 37). После отъезда Парфения Т. узнал от Софьи Андреевны, что архиерей, очевидно, желал его «обратить» (см. т. 57, с. 16—17 и 301—302).

22 января

[1] Текст телегр. неизвестен.
[2] В эти дни Т. правил ст., впоследствии им озаглавленную «Номер газеты» (т. 38).

23 января

[1] Известно 6 писем Т. от 23 янв. (т. 79, с. 42—46).
[2] Письмо С. Ф. Алексеева от 17 янв.; Т. отв. 23 янв. (т. 79, с. 44—45).
[3] Е. Лозинский. Итоги парламентаризма. СПб., 1907.

24 января

[1] При письме от 17 янв. Шаих Касим Субай прислал свой пер. рассказа Т. «Ильяс» (*ЯПб*). Т. отв. 26 янв. (т. 79, с. 47).

25 января

[1] Письмо Т. к Е. И. Лозинскому от 24—26 янв. (т. 79, с. 47—48).

27 января

[1] Руководитель секты «Ваисов божий полк» Х. М. Г. Ваисов просил через И. Ф. Наживина разрешения навестить Т. (см. письмо Т. к Ваисову от 15 янв.— т. 79, с. 29—30).

28 января

[1] «Номер газеты» (т. 38).
[2] Письмо Э. З. Цифриновича на древнеевр. яз. (см. т. 79, с. 172).
[3] Вл. К о р о л е н к о. Из истории провокации (Справка журналиста. — *Р. вед.*, № 21, 27 янв.).
[4] Письмо домовладелицы Тарасовой от 25 янв. Т. отв. 29 янв. (т. 79, с. 51—52); там же напеч. и стихотворение.
[5] В *ЯПб* хр. 3 кн. Х. Кена, вышедшие в 1897—1901 гг., одна из них с дарств. надписью.
[6] См. т. 37, с. 97—147.
[7] См. запись 21 дек. 1908 г.
[8] Сохр. машинопись «Письма к индусу» на англ. яз. с поправками Т.
[9] «Молодыми Олсуфьевыми» Т. называет М. и Д. Олсуфьевых, товарищей своего сына Сергея. Т. был знаком с их отцом А. В. Олсуфьевым и дедом В. Д. Олсуфьевым.
[10] При публ. в *Совр.* «Севастополя в мае» И. И. Панаев из ценз. соображений прибавил в конце гл. 16-й строки: «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие», и т. д. (см. т. 4, с. 229). С 6-го изд. (1886) абзац этот не печатался.
[11] Брошюра хр. в *ЯПб* (дарств. надпись, пометы).

29 января

[1] В письме от 17 янв. (почт. шт.) из Петербурга Т. Н. Ветвинова сообщила Т., что ее 16-летнему брату Г. Н. Ветвинову грозит смертная казнь за участие в вооруженном нападении на пассажирский поезд с целью экспроприации, и просила помочь. Т. немедленно откликнулся: 19 янв. он написал командующему войсками Казанского воен. округа ген. А. Г. Сандецкому, ответил Ветвиновой и послал ей свои письма к А. Ф. Кони, С. А. Стахович и Л. Л. Толстому (т. 79, с. 33—37). 13 февр. Г. Н. Ветвинов был приговорен к 8 годам каторги.
[2] Возможно, Н. Г. Недумов (из Москвы). Одно его письмо опубл.: *Гусев III*, с. 233. На конв. помета Т.: «Ответить: В ту веру, в которой бог так мучает людей, никому не советую переходить. Посылаю книги». Отв. Гусев (т. 79, с. 252).
[3] Е. Ч и р и к о в. Пьесы, т. VIII. СПб., 1909. В сб. вошли пьесы: «Легенда старого замка», «Марья Ивановна» и «Колдунья» (*ЯПб*). В 1910 г. Т. написал комедию «От ней все качества» (т. 38).
[4] Отв. Гусева на письмо М. Одинцова от 19 янв. (т. 79, с. 253).

30 января

[1] 10 янв. С. Н. Глебова (мать А. В. Толстой) сообщила Т. о своем посещении К. А. Романик-Петровой в тюрьме. Т. отв. 15 янв. (т. 79, с. 30).
[2] В это время в «Посреднике» печаталась кн. «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран», составл. Т. по назв. книге.
[3] С. М. К р а в ч и н с к и й. Роман из эпохи 70-х годов (Андрей Кожухов). М., 1906 (*ЯПб*, пометы).
[4] *Богостроительство* — реакционное религиозно-философское течение, к-рым увлекалась часть с.-д. интеллигенции. Было осуждено в 1909 г. июньским совещанием расширенной ред. большевистской газ. «Пролетарий» под руководством В. И. Ленина.

31 января

[1] А. П. Курносенкова и ее 5 детей упоминаются в 1-й ред. очерка Т. «Три дня в деревне» (т. 38, с. 19—21, 360—363 и 470).
[2] Ст. М. П. Новикова «На войну! (Записки призывного летом 1904 г.)» напеч. в *Св. сл.*, № 15—18, 1905. Переиздано отд. брошюрой.
[3] Предисл. Т. не написал.

1 февраля

[1] М. П. Н о в и к о в. Письма крестьянина (*МТА*).
[2] *Тарпаны* — вымершая разновидность диких лошадей.
[3] М. А. Стахович прислал кн.: М. А р ц ы б а ш е в. Рассказы, т. I, изд. 3-е СПб., 1908 (хр. в *ГМТ*). Пометы опубл. в *Летописи ГЛМ 2*, с. 270—276.

2 февраля

[1] О своей беседе с Ж. Клемансо Шоп писал и Т-му 27 окт. 1897 г.
[2] Маковицкий написал Э. Мооду 4 февр. В *Списке* (т. 79) его письмо не учтено.

3 февраля

[1] Корр. интервью С. П. Спиро «Л. Н. Толстой и епископ Парфений» Т. правил 4 февр. Интервью опубл. в *Р. сл.*, № 28, 5 февр.
[2] *Мадьяронами* называли в Венгрии лиц немадьярского происхождения, выдававших себя за кровных мадьяр.
[3] В. Рахманов. Крестьянин-коммунист (*МГ*, 1908, № 8).
[4] П. А. Б〈улан ж〉е. Болезнь Л. Н. Толстого в 1901—1902 гг. (*МГ*, 1908, № 9).

4 февраля

[1] По свидетельству В. Н. Фигнер, Азеф был отпущен без сопровождающих (В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. III. М., 1932, с. 299).
[2] Об убийстве Гапона группой петерб. рабочих по приговору эсеров см. в заметках П. М. Рутенберга «Дело Гапона» (*Б*, 1917, № 2 (24), авг.).
[3] Вероятно, письмо Э. З. Цифриновича от конца янв.
[4] Т. говорит о рассказе «Бунт». Почти на всех стр. (211—294) пометы Т.
[5] Т. уже читал «Санина» в 1908 г. по 1-й публ. в *СМ* (1907, №№ 1—5 и 9).
[6] По-видимому, Б. М. Беркенгейм.

5 февраля

[1] В тетради Маковицкого примеч. А. Л. Толстого: «По-моему, про А. П. Офросимова — дядю Гаяриных, а отец был серьезный человек».
[2] В *Сл.*, № 698, 3 февр. отр. из «Записок сенатора Есиповича» (*Р. ст.*, № 2) о суде над Д. В. Каракозовым и о его казни 3 сент. 1866 г., т. е. через 40 лет после казни пяти декабристов в июле 1826 г.

6 февраля

[1] Т. хотел сперва дать для газ. отрывки из ст. «Не могу молчать», но потом передал Ф. П. Купчинскому не сохр. автограф заметки. Опубл. и факсимильно воспроизведен в «Жизни», № 7, 9 февр. под ред. загл. «Нет худа без добра» (т. 38, с. 49). За эту публ. ред. «Жизни» Н. П. Лопатин был заключен в тюрьму на 3 месяца.
[2] Слухи о причастности Г. С. Петрова к провокационной деятельности, насколько нам известно, в печати не были подтверждены.

7 февраля

[1] Комплекты *Б* (1906—1907) и *МГ* (1908) были присланы Т-му Н. В. Мешковым. Т. поблагодарил его в письме от 25 февр. (т. 79, с. 86).
[2] Упоминание Т. об Иоанне Кронштадтском см. в ст. «Номер газеты» (т. 38, с. 277—278).
[3] «Обращение к заключенным за отказ от воинской повинности» (т. 79, с. 64—66).
[4] Письмо Исполнительного комитета партии «Народная воля» к Александру III от 10 марта 1881 г. (*Б*, 1906, № 3). Царю предлагалось объявить «общую амнистию по всем политическим преступлениям прошлого времени» и созвать «представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни». О Чернышевском в этом письме не упоминалось.
[5] Т. читал кн. Е. И. Лозинского «Итоги парламентаризма».
[6] В романе Ж. Санд «Лукреция Флориани» Шопен выведен в лице капризного и взбалмошного князя Кароля. Этот роман Ж. Санд, в присутствии Шопена, читала вслух Э. Делакруа, к-рый записал в своем дневнике, что во время чтения он следил за «палачом» и «жертвой».
В беседах с друзьями Шопен называл Ж. Санд «Лукрецией».

8 февраля

[1] В письме от 6 февр. Давыдов советовал Т-му обратиться к прокурору Моск. судеб. палаты А. В. Степанову и губ. В. Ф. Джунковскому (см. т. 79, с. 77).
[2] Т. писал 19 янв. командующему войсками Казанского воен. округа ген. А. Г. Сандецкому по делу Г. Н. Ветвинова, к-рому грозила смертная казнь: «Письмо это я пишу лично, и никто, кроме вас и меня, не будет знать об его содержании» (т. 79, с. 36).

[3] В письме к Т. от конца янв. Е. И. Лозинский писал: «Подумайте, Лев Николаевич, ведь чем-нибудь угодили же вы всему этому образованному, всему хищническому обществу, если оно на самом закате вашей жизни удостаивает вас такими, никогда еще не виданными почестями».

[4] При письме от 6 февр. И. Ф. Наживин прислал Т. рук., к-рую просил возвратить. Ст. напечатана не была. Знакомство свое с Ваисовым Наживин описал в кн. «Моя исповедь». М., 1912.

10 февраля

[1] Л. Н. Толстой. Царство божие внутри вас («Полн. собр. соч. гр. Л. Н. Толстого, печатавшихся до сих пор за границею», т. IV. СПб., 1908).

11 февраля

[1] Т. пригласил Ваисова посетить Ясную Поляну в письме от 15 февр. (т. 79, с. 29—30).

[2] П. Е. Щеголев. П. Г. Каховский (*Б*, 1906, №№ 1—2).

[3] *Б*, 1906, № 2, с. 191.

[4] *Илл. прилож.* к *НВ*, № 11821, 7 февр.

[5] В заметке «Новый международный толстовский альманах» («Вечер», № 289, 28 марта) сообщалось, что «толстовские альманахи» будут выпускаться за границей на всех яз. Европы и на япон. яз.; что собран материал на 4 сб. и один из них будет посвящен борьбе против смертной казни. Намерение это осуществлено не было. Издан только один сб. в России.

13 февраля

[1] Кн. сохр. в *ЯПб*.

[2] «Религиозные брожения среди мусульман» (*НВ*, 1908, № 11563, 22 мая).

14 февраля

[1] В. С. Морозов. Из исповеди.

[2] Н. С. Сергеенко. Две недели в Ясной Поляне (Из воспоминаний переписчицы).

[3] Гусев в открытом письме в ред. *НГ* опровергал утверждение, будто Чертков систематической пропагандой возбуждает озлобление в народе.

[4] 1 янв. с. с., посылая Т-му вырезки из газет, Т. Л. Сухотина писала из Уши (Швейцария): «Хоть это и противно, милый папенька, а все-таки почитай, как во Франции чествуют палача и как население радуется казни». С. А. Толстая 4 янв. отметила: «Читали вслух о смертной казни (гильотина) в Париже четырех разбойников. Как озверело везде человечество!» (*ЕСТ*).

15 февраля

[1] Председатель «Ассоциации итальянских художников» Дж. Гаутман в письме от 27 янв. просил Т. дать для «Numero Unico» «небольшой рассказ или очерк». При письме от 27 февр./12 марта (т. 79, с. 96) Т. послал ему диалог «Разговор отца с сыном» (т. 37).

[2] Письмо Л. Н. Андрееву от 2 сент. 1908 г. (т. 78, с. 218—219). Большой отр.— в *Р. вед.*, № 69, 25 марта. Полностью — в сб. «Италия» — СПб., 1909 (см. т. 78).

[3] «Вечером играли со скрипкой Бетховена 3-ю сонату до-мажор, «Крейцерову сонату» и Моцарта mi-bémol-мажор» (*ЕСТ*).

[4] В письме от 12 февр. Ф. Ф. Тищенко настаивал, чтобы Т. выступил в печати с осуждением выставки картин модернистского искусства, устроенной журн. «Золотое руно» в Москве (13 янв.— 15 февр.).

[5] См. прим. 2 к записи 22 янв.

[6] Речь В. Гюго на судеб. процессе его сына Шарля 11 июня 1851 г. см. в кн.: Виктор Гюго. Собр. соч. в 15 тт., т. XV. М., 1956, с. 221—231.

16 февраля

[1] См. письмо Т. к В. А. Теляковскому от 16 февр. (т. 79, с. 74—75).

[2] Пер. стихотв. Э. Карпентера на нем. яз. «Der Freiheit entgegen» был прислан Т-му при чьем-то письме.

[3] Ред. *Р. вед.* опубл. в № 37, 15 февр. под загл. «Новая статья Л. Н. Толстого» предисловие к ст. «Закон насилия и закон любви» и краткие извлеч. из приложений к ней (т. 37).

[4] О ходатайстве за сыновей крестьянки У. Ф. Чухоновой см. письмо Т. к прокурору Тульского окр. суда В. А. Кегелю от 17 февр. (т. 79, с. 75—76).

[5] Деревянный домик в яснополянском парке.

17 февраля

[1] Изречение Л. Стерна из гл. 121 романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди».
[2] В *ЕСТ* под 17 февр.: «Пропасть гостей ‹...› Разговоры без конца. Когда все разошлись, Л. Н. закричал: «Нумидийскую!» — и начал вприпрыжку, подняв руку, бегать вокруг стола. Это на яснополянском жаргоне давно означает радость избавления от гостей».

19 февраля

[1] По словам С. Спиро, Т., сообщая ему о своем свидании с Парфением, сказал: «Он любезно дал мне сведения, какие мне нужно было о монастырской жизни, и разговор наш кончился дружелюбным рукопожатием. Вообще, архиерей произвел на меня приятное впечатление умного и доброго человека». В ответ на эту статью Парфений выступил с полемической заметкой.
[2] См. запись 2 янв.

20 февраля

[1] *Г. Ш.* Философия полов О. Вейнингера (*РМ*, 1908, № 6).
[2] См. с. 337 наст. кн.

21 февраля

[1] См. т. 79, с. 79.
[2] Фельетон ‹И. Н.›И‹гнатова› «Литературные отголоски» (*Р. вед.*, № 41, 20 февр.). Автор подверг разбору произв. В. Рошшина (Б. В. Савинкова) «Конь бледный», Л. Семенова «У порога неизбежности», М. П. Арцыбашева «Рабочий Шевырев» и последние ст. П. Б. Струве.
[3] *Проезд* — особенно широкий шаг лошади.

22 февраля

[1] На письмо И. П. Балашова от 19 февр. Т. отв. 25 февр. В этот же и на след. день он отв. еще на 13 писем (т. 79, с. 80—93).
[2] М. И. Разумникова и ее 17-летняя дочь К. Г. Разумникова, разделявшие взгляды Т., писали ему в 1906 и 1908 гг. Отв. Т.— т. 76, с. 178—179 и т. 78, с. 284—287. В письме б. д. М. И. Разумникова вновь писала о своей дочери. Т. отв. 25 февр. (т. 79, с. 86—88).

23 февраля

[1] В февр. Н. Е. Фельтен привлекался к судеб. ответственности за издание ст. Т. «Не убий», «Письмо к либералам», «Христианство и патриотизм». В связи с этим Т. писал судеб. следователю А. В. Кузьмину, прося «те меры, которые принимаются против Фельтена», обратить на него, Т-го (т. 79, с. 93—94). 13 мая Фельтен был приговорен к 6 мес. заключения в крепости (отбывал наказание в 1911 г.).
[2] Письмо В. А. Молочникова из тюрьмы (Старая Русса) от 15 или 17 февр. Т. отв. 25 февр. (т. 79, с. 89).
[3] Т. писал М. Н. Толстой 14 дек. 1908 г. (т. 78, с. 283—284).
[4] «Il n'y a pas de pires sourds que ceux qui ne veulent pas entendre» («Нет более безнадежных глухих, чем те, которые не хотят слышать»). Т. часто приводил эту пословицу, привел он ее и в качестве эпиграфа к ст. «Неизбежный переворот» (*ЛН*, т. 69, кн. 1, с. 634).

24 февраля

[1] V. H u g o. Morceaux choisis. La peine de mort. P., Librairie P. Ollendorf, s. a. (*ЯПб*, пометы). В кн. вошли след. произв.: «Le dernier jour d'un condamné», «Claude Gueux», «Pour Charles Hugo. La peine de mort», а также стихи.
[2] Упом. выше кн. Гюго, р. 57—60.
[3] Письмо С. Веджвуда к Т. хр. в Архиве Черткова (*ЦГАЛИ*). Т. отв. Джорджевской лиге 25 февр. — 31 марта (т. 79, с. 135—139).

25 февраля

[1] У Толстых «поручиком» называли лесничего, т. к. в молодости Т. лесничие имели воен. чины и составляли «корпус лесничих».
[2] 24 февр. Горбунов-Посадов сообщил Т-му, что изданное им в «Посреднике» под загл. «О войне» предисл. Т. к кн. А. И. Ершова «Севастопольские воспоминания» конфисковано и что против него возбуждается дело. В том же письме он перечислил и др. книги, вызвавшие судеб. дела.
[3] Письмо от 22 февр.
[4] Письмо И. Максимовича к Маковицкому от 1/14 (?) февр.
[5] Г. П. П а в с к и й. Христианское учение в краткой системе. СПб., 1909 (*ЯПб*).

26 февраля

[1] *Р. сл.*, № 45, 25 февр.
[2] Анон. заметка «Толстовец в тюрьме».
[3] Неотправл. письмо к С. К. Гершельману от 27 февр. (т. 79, с. 95).
[4] В 1872 г. Т. разрешил А. А. Эрленвейну переиздать «Книжки «Ясной Поляны»» (см. т. 61, с. 284—285). Эрленвейн перепеч. все 12 кн. под загл. «Из Ясной Поляны». Изд. это было повторено 7 раз (1873—1909 гг.).
[5] Журн. на греч. яз. «Клио» прислала при письме от 31 янв. н. с. А. С. Полубинская (по мужу Василакаки; *ЯПб*).
[6] 12-томное собр. соч. Т., законченное С. А. Толстой в 1911 г.

27 февраля

[1] Письмо к Н. А. Муравьеву от 27—28 февр. (т. 79, с. 90—93).

28 февраля

[1] А. А. Корсини, объехавшая на средства Н. П. Рудаковой много стран, выступала в России с лекциями по географии.

1 марта

[1] Письмо С. Ф. Попова от 28 февр. Отв. Гусев 12 марта (т. 79, с. 266).
[2] Вскоре по возвращении из Ясной Поляны Ваисов был арестован вместе с др. видными членами секты. Осенью 1910 г. они были присуждены к 4 годам арестантских рот.
[3] М. М. Перепелкин.
[4] Письмо И. Бедро к Черткову. Одновременно Т. получил письмо от жены Бедро. Эти письма были пересланы Т-м А. М. Кузминскому (см. т. 79, с. 79—80).
[5] См. т. 89, с. 103.
[6] N. Grabowsky. Die geistige Liebe und das Wesen des geistigen Lebens enthüllt durch das Wesen der Liebe. Ein Reformbuch des Geistes und Liebelebens der Menscheit. Lpz., 1902 (*ЯПб* *). Кн. прислал М. Эндерс. На титульном листе надп. Маковицкого: «Л. Н. читал эту книгу и нашел в ней хорошее». См. Дн. 2 марта (т. 57, с. 32). Эндерсу отв. Маковицкий 28 февр. (т. 79, с. 262).
[7] «О вознаграждении» (т. 37).
[8] Ст. «Л. Н. Толстой и А. Ст—н» (*Р. вед.*, № 48, 28 февр., с цитатами из ст. Т-го «Смертная казнь и христианство»).

2 марта

[1] Беседой Т. с рабочим-туляком вызвана запись в Дн. 28 февр. (т. 57, с. 33).

3 марта

[1] Т. видел А. Е. Мартынова весной 1845 г. в роли Хлестакова (Казанский театр) и в роли Михайлы в драме Потехина «Чужое добро впрок не идет» (Александринский театр) в конце дек. 1856 г.
[2] См. т. 79, с. 99—100.
[3] Н. В. Гоголь. Соч. и письма в 6 тт. СПб., 1857 (*ЯПб* — тт. III—VI, пометы); Н. В. Гоголь. Соч. в 12 тт. изд. 15-е. СПб., 1900.
[4] Н. В. Гоголь. Соч. в 5 тт. изд. 10-е. М., 1889 (*ЯПб*, пометы и оценка по 5-балльной системе).

5 марта

[1] К 100-летию со дня рождения Гоголя Т. по просьбе В. А. Поссе написал о нем заметку (т. 57) и для этой работы перечитывал письмо Белинского к Гоголю (см. т. 57, с. 35—36).
[2] См. письмо Т. к Н. П. Лопатину от 28 февр. (т. 79, с. 97). В отв. письме от 3 марта Лопатин писал: «Каждый лишний протест, особенно такой силы, как ваш, приближает время отмены смертных казней».

6 марта

[1] Открытое письмо С. А. Толстой было напеч. 10 марта в «Речи» и *НГ*. Позднее перепеч. др. русскими и иностр. газетами.
[2] См. запись 1 янв.

7 марта

[1] Н. В. Гоголь. О том, что такое слово (1844). Цитата приведена неточно. У Гоголя: «Пушкин <...> сказал так: «Слова поэта суть уже его дела»».

8 марта

[1] *Р. сл.*, № 67, 22 марта — заметка об аресте Е. И. Чекальского, возвратившегося из Ясной Поляны и начавшего печатать свои беседы с Т.
[2] Возможно, письмо В. И. Виткевича от 24 февр. и отв. Т. от 9 марта(т. 79, с. 105).
[3] См. «Завещание» в «Выбранных местах из переписки с друзьями».
[4] Ст. Ф. Юрковского «Подкоп под Херсонское казначейство в 1879 году» в сб. по истории русского освободительного движения (*Б*, 1908, № 7).
[5] В том же № *Б* напеч. «Из воспоминаний М. Е. Бакая. О черных кабинетах в России» и в № 8 его же «Провокаторы и провокация».
[6] Неудачная попытка экспроприации описана Т. в гл. 14—17 незаконченного произв. «Кто убийцы? Павел Кудряш» (т. 37, с. 305—308).

11 марта

[1] М. П. Новиков 8 марта приезжал на один вечер в Ясную Поляну.
[2] *НВ*, № 11848, 7 марта.
[3] Мысль И. Канта. См. запись 11 марта.
[4] Кн. изд. в Париже в 1909 г. (*ЯПб*).
[5] Анон. ст. «Брожение среди мусульман» в № 11850 газ.

12 марта

[1] В *Б*, 1908, № 7 напеч.: Е. Сазонов. И. П. Каляев (Из воспоминаний) и Б. Савинков. Из воспоминаний об Иване Каляеве.— Журн. был прислан Н. В. Мешковым (см. т. 79, с. 86).
[2] Выдержки из «Свода заслуживающих внимания сведений по Департаменту полиции» («Царский листок») от 20 апр.— 15 мая 1898 г. (*Б*, 1908, № 7, с. 101—102). В них сообщались подробности о пропагандистской деятельности Черткова, Буланже и Бирюкова за границей и о слежке за посещающими их лицами.
[3] При письме от 10 марта 19-летний С. И. Лягин прислал брошюру из серии «Троицкая народная беседа», кн. 30 — «Можно ли христианину быть социалистом? Что такое социализм и есть ли в нем что-либо похожее на христианство?». Св. Троицкая Сергиева лавра, 1906. На конв. письма Лягина помета Т.: *Б. о.*
[4] На 1-е письмо Т. А. Мазаева от 7 февр. Т. отв. 13 февр. (т. 79, с. 72). На 2-е, от 6 марта, отв. Гусев по конспекту Т. (т. 79, с. 266—267).
[5] См. запись 13 июля 1908 г.
[6] См. И. Трегубов. Религиозные собрания в Москве (*НР*, № 54, 25 февр.). В рассказе Т. «Суратская кофейная» (1887) приезжие спорят о том, чья вера лучше.
[7] В письме от 16—18 янв. С. Козубовский увещевал Т. «вернуться к церкви». Т. отв. 9 марта (т. 79, с. 107—108).
[8] В марте Т. получил пространное письмо от 20 марта н. с. (почт. шт. Ясенки. 11. III), подписанное *Полька* (*одна из многих*), с обратным адресом: «Закопане. До востребования». Письмо было вызвано ст. Т. «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». «Полька» упрекала Т., что он не пишет о притеснении поляков. Т. пометил на конв.: «Ответить», а к концу письма приписал: «Душану: ответьте, что пишу, насколько сумею, обстоятельный ответ. Был задержан и нездоровьем и другими делами; прошу извинить». В *Списке* (т. 79), не отмечено. 14 марта Т. продиктовал Маковицкому отв., не удовлетворивший, однако, его самого (т. 38, с. 327, вариант № 1). Посланное в Закопане письмо было возвращено Т-му через 5 мес. как невостребованное. 22 авг. Т. записал в Дн.: «Душан принес письмо Польке. Немного поправил» (т. 57, с. 122). Переработка письма продолжалась до 9 сент. Через 3 дня Т., по совету Маковицкого, предложил В. А. Поссе напечатать это «Письмо польке» в *Жиз. д. В.* Оно появилось с ценз. пропусками в дек. № под загл. «Ответ польской женщине (одной из многих)». Там же опубл. не полностью и с ошибками, отр. из письма «Польки». Перепеч. в т. 38, с. 150—155 и 535—536. В сент. было получено 2-е письмо «польки» (от 20 сент. н. с.), подп.: *Стефания Лаудын* (в т. 57, с. 351 — *Ляудвен.* Ср. *ЛН*, т. 75, кн. 2. с. 291). Узнав, что Т. ответил ей «открытым письмом», она просила сообщить, где оно опубликовано. Отв. А. Л. Толстая. См. запись 15 марта. В *Списке* (т. 80) не отмечено.

13 марта

[1] В связи с работой над заметкой о Гоголе Т. перечитывал «Выбранные места из переписки с друзьями», делая многочисленные пометы и давая оценки по 5-балльной системе. Неполный перечень помет был опубл. в корресп. С. Спиро «Толстой о Гоголе» (*Р. сл.*, № 68, 24 марта). Из *Р. сл.* перепеч. в т. 38, с. 52—53.

[2] Письмо Е. Е. Векиловой от 2 марта. Она сообщила, что намерение ее сыновей перейти в магометанство вызвано их желанием «прийти на помощь этому темному татарскому народу», «слиться» с ним. Т. отв. 13—16 марта (т. 79, с. 119—120).

[3] Донские казаки-старообрядцы, переселившиеся в 1708 г., после усмирения бунта Булавина, в Турцию под предводительством атамана Игната Некрасова.

[4] Реплика Чацкого из «Горя от ума» Грибоедова (д. III, явл. 3). Точный текст: «...есть тьма искусников...»

16 марта

[1] Это ученики школы 1860-х гг., а не 1-й школы Т., открытой в 1849 г.

[2] Телегр. б. п. от 15 марта, в Юб. изд. не вошла (хр. в арх. С. А. Толстой): «Утром температура нормальная. Вечером повышена, как накануне. Общее состояние хорошо. Никитин остался один день».

[3] См. Дн. 16 марта и Зап. кн. от 15 марта (т. 57, с. 39 и 204).

17 марта

[1] «С.-Петербургское общество художников. Иллюстрированный каталог XVII выставки в Москве». СПб., 1909. На выставке экспонировался также бюст Т. работы С. М. Балка.

[2] «Толстовская выставка» открылась в залах Театрального клуба 15 марта. Организаторы ее — Бирюков, В. Я. Богучарский, И. Я. Гинцбург, И. Е. Репин, М. А. Стахович и др. Сбор с выставки поступил в фонд Музея Т., открывшегося в Москве в дек. 1911 г.

[3] А. Балу. Непротивление злу насилием.— «Круг чтения», т. I, с. 196—198 (т. 41, с. 174—175).

[4] «Примерный каталог народной библиотеки в 100 р. ». Кострома, 1909 (*ЯПб*).

18 марта

[1] Кн. была прислана из Праги на имя Маковицкого.

[2] 8 марта М. П. Новиков читал Т-му свою ст. «Новая вера» и просил помочь ее напечатать (см. *Гусев I*, с. 257—263 и т. 79, с. 178—179). Напеч. (не полностью) В. Д. Бонч-Бруевичем в «Материалах к истории старообрядчества и сектантства». СПб., 1910, вып. 3.

[3] При письме от 15 марта Н. Субботина прислала Т-му каталог выставки В. Д. Поленова «Картины из жизни Христа» и фотогр. одной из них, советуя Т-му посмотреть выставку или попросить Поленова привезти картины в Ясную Поляну.

19 марта

[1] Г. Д. Гребенщиков (псевд. Сибиряк) рассказывал Т-му содерж. своей автобиографической пьесы «Сын природы» (СПб., 1910).

[2] «*Вехи*» — сб. статей реакционных кадетских публицистов (М., 1909), назв. В. И. Лениным «энциклопедией либерального ренегатства» (Собр. соч., т. 19, с. 168).

[3] В № 3 «Образования» напеч. рассказы О. Снегиной «При лунном свете», Ф. Черного «В чертовом гнезде», стихотв. Л. М. Василевского «Толпа», М. Гальперина «Гнев земли» и др.

[4] Рассказ был напеч. не в *РБ*, а в «Образовании», 1908, № 8,

[5] См. т. 34, с. 393.

20 марта

[1] Baba Premanand Bharaty. Shree Krishna. The Lord of Love. Упом. изд.— Задуманная Т-м. кн. о Кришне была составлена С. Д. Николаевым. Т. отредактировал ее и написал предисл. (т. 40). В 1910 г. кн. набиралась в «Посреднике» под загл. «Жизнь Кришны (Индусские сказания)», но издана она не была.

[2] «Как живут китайцы. Составлено по книге Симона, бывшего французского консула в Китае». М., «Посредник», 1891.

[3] А. Балу. Учение о христианском непротивлении злу насилием. М., «Посредник», 1908.

22 марта

[1] Кн. изд. в Лондоне в 1909 г.

[2] См. запись 1 сент. 1907 г.

[3] На письма П. Смирнова б. д. и И. Гарина от 11 марта Т. отв. 18 марта (т. 79, с. 123—124).

24 марта

[1] Обрывок письма Т. к С. Н. Толстому из Москвы (т. 59, с. 80).
[2] В лекции, прочитанной 8 апр. в зале Тенишевского уч-ща, М. А. Стахович говорил, гл. обр., о толстовской выставке (см. запись 17 марта) и о создаваемом Музее Т. (*НВ*, № 11879, 9 апр.).
[3] В. А. П о с с е. Встречи с Толстым.
[4] Ст. в № 48 от 28 февр., подп. *Б. П.*

25 марта

[1] Письмо С. Замбровской из Полтавы от 23 марта. Отв. Гусев по конспекту, продиктованному Т. 28 марта (т. 79, с. 271).
[2] Вероятно, Т. просил Д. Д. Оболенского справиться у архиерея Парфения, как он отнесся к газетной шумихе, поднявшейся после посещения им Ясной Поляны 20 янв.
[3] М. А. Спиридонова.

27 марта

[1] *НВ*, № 11865, 24 марта.
[2] F. K u r t. Aesthetik (1-ter Theil — «Aesthetische Psychologie»), 1908. (*ЯПб* *).
[3] Письмо из Петербурга. Отмечено в *Кн. корресп.*, но не сохр. Отв. Т. Л. Сухотиной в *Список* (т. 79) не вошел.

29 марта

[1] Рассказ «Кто убийцы? Павел Кудряш». Очевидно, это та рук., на обложке к-рой рукой Т. написано: «Кто убийцы? Павел».
[2] Первоначальное загл. ст. «Неизбежный переворот», работа над к-рой начата была в марте (т. 38).

30 марта

[1] В письмах к Горбунову-Посадову и И. Д. Сытину от 30 марта Т. просил дать работу этому «полюбившемуся» ему «юноше» (т. 79, с. 134—135).
[2] Т. работал над ст. «Неизбежный переворот».

31 марта

[1] С. С. С и н е г у б. Воспоминания чайковца (*Б*, 1906, №№ 8—10).
[2] И. Т е н е р о м о. Живые речи Л. Н. Толстого (1885—1908 гг.). Одесса, 1908.
[3] Это изречение Канта Т., переработав, включил в «Круг чтения» — т. I, с. 232 (т. 41, с. 29).
[4] На 1-е письмо Б. Н. Денщикова от 6 февр. (почт. шт., Москва) Т. отв. 25 февр. (т. 79, с. 81—82). На 2-е, от 30 марта, отв. 4 апр. Гусев.
[5] Письмо Т. к Т. А. Ергольской от 7 мая 1855 г. (т. 59, с. 312—314).

1 апреля

[1] Этот эпизод относится к сент. 1839 г. (см. т. 23, с. 1 и т. 57, с. 314).

2 апреля

[1] Письмо П. И. Бирюкова от 30 марта, Т. отв. 2 апр. (т. 79, с. 144).
[2] В письме от 1—29 марта В. Ф. Краснов, живший в Харькове на нелегальном положении, отмечал большую роль, к-рую сыграл в его жизни Т. На конв. пометы Т.: «Прекрасное письмо. Отвеч‹ать›». Т. отв. 2 апр. и послал фотогр. (т. 79, с. 143—144).
[3] Инок Благобережной пустыни Афанасьев писал Т. дважды. В Кн. корресп. отмечено, что на 1-е письмо Т. отв. 14 янв. (отв. неизв.); на 2-е — 11 февр. (т. 79, с. 68—69).
[4] Вероятно, письмо Т., начатое 2 апр. вечером и законченное 3 апр. (т. 89, с. 106).
[5] Анон. ст. «Беседа с В. Г. Чертковым» (№ 73, 1 апр.).

3 апреля

[1] Из ст. б. п. «С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине в 1873—1883 гг.» (*Б*, 1906, № 7): «На суде не выслушали его объяснений (как только он открывал рот — так его вытаскивали из залы заседания в коридор, где били его до потери сознания)» (с. 152).

4 апреля

[1] М. К. Л е м к е. Дело П. А. Мартьянова (*Б*, 1906, № 8).
[2] Под загл. «Письма Л. Н. Толстого к старообрядке» в № 75 газ. опубл. письма Гусева, написанные по поруч. Т. к М. И. Ершовой от 23 дек. 1907 г. (с припиской Т.) и от 4 янв. 1909 г. (т. 77, с. 274—275 и т. 79, с. 249).
[3] А. М. Х и р ь я к о в. В. Г. Чертков в Петербурге (*НГ*, № 76, 2 апр.).

5 апреля

[1] См. т. 57, с. 45—46.
[2] «На каждый день». Печатание этого сб. уже к тому времени началось.

6 апреля

[1] «Les livres sacrés de l'Orient...». Traduits ou revus, corrigés et publiés par G. Pauthier. P., 1840; 2-ème éd., 1852 (*ЯПб*, пометы). Т., очевидно, читал это соч. еще в 1880-х гг.: в письме к Н. В. Михайлову от 16 февр. 1889 г. он рекомендовал ему эту «хорошую» кн. (т. 64, с. 224).
[2] См. письмо Пушкина к жене от 30 окт. 1833 г. из Болдина.

7 апреля

[1] Н. П. П е т е р с о н. Моя переписка с гр. Л. Н. Толстым.
[2] При письме к С. А. Толстой от 1/14 апр. из Парижа И. Д. Гальперин-Каминский прислал № «Action», где был напечатан пер. открытого письма С. А. Толстой по поводу высылки Черткова.
[3] *Р. сл.*, № 78, 7 апр. Там же в заметке «От редакции» сообщалось, что виновником мистификации был журналист Н. Е. Попов.

9 апреля

[1] *ВЕ*, № 4.
[2] Из сб. J. H. Rosny «L'épave» (*ВЕ*, № 4).
[3] В связи с 20-летием со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина в *ВЕ* № 4 была помещена англ. гелиогравюра с его портрета работы И. Н. Крамского (1879). В том же № гелиогравюра с портрета И. С. Тургенева работы В. Г. Перова (1872).
[4] Ст. А. С. Пругавина «Таинственный узник Алексеевского равелина» в его кн. «В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем». СПб., 1909 (*ЯПб*, дарств. надпись).
[5] Т. работал в это время над ст., озагл. впоследствии «Неизбежный переворот» (т. 38).

10 апреля

[1] С. Д. Николаев изложил под руководством Т. легенду о Кришне по кн. Baba Premanand B h a r a t y. Shree Krishna. The Lord of Love» (см. выше) и перевел отмеч. Т. изречения, приписываемые Кришне. Т. отредактировал подготовленную для «Посредника» кн. (см. запись 19 марта) и написал к ней предисл. Кн. была набрана, но не вышла, т. к. Горбунов-Посадов признал ее непригодной для народного чтения, ввиду сказочного элемента в описании жизни Кришны. Предисл. Т. и изречения вошли в т. 40.
[2] Замысел осуществлен не был.
[3] Депутат с.-д. фракции Гос. думы 2-го созыва В. Б. Ломтатидзе, приговоренный к каторжным работам, находился в севастопольской тюрьме. В его открытом письме сообщалось о жестокостях, совершаемых в этой тюрьме.
[4] 9 апр. Т. начал писать отв. на письмо В. Ф. Булгакова от 6 апр. Он разросся в ст. «О воспитании» (т. 38).

12 апреля

[1] Рассказы «Иква — эскимосский мальчик» и «Японский мальчик Кага» («Маяк») (№ 2 б. п. и №№ 3—4, под псевд. *П. Хлебников*).

14 апреля

[1] Изд. журн. «Adult» Д. Бедборо при письме от 18 апр. прислал Т-му ответы на вопрос: «Учит ли Толстой тому же, чему учил Христос?»
[2] A. S t o c k h a m. Tokology. A Book for Every Woman. Chicago, 1888 (*ЯПб*). По инициативе Т. кн. была переведена на рус. яз.: «Токология, или Наука о рождении детей». Книга для женщин. С предисл. Л. Н. Толстого. Пер. с англ. С. Долгова. М., 1892 (*ЯПб*). Предисл. Т. — т. 27.

16 апреля

[1] Отчет о заседании Думы, обсуждавшей смету ведомства православных исповеданий (*НВ*, № 11885, 15 апр.). Представитель с.-д. фракции П. И. Сурков резко осудил реакционную политику Синода и отверг предложение о предоставлении кредита «кровным врагам народа».

18 апреля

[1] Отв. Т. на письмо Булгакова о воспитании (см. запись 9 апр.) и на письмо студента И. Крутика от 14 апр. с вопросом о соотношении права и нравственности; над этим отв. Т. работал с 18 по 27 апр.— «Письмо студенту о праве» (т. 38). Письмо И. Крутика — там же, с. 500—501.

19 апреля

[1] В. Г р а б а р ь. Право войны (*Брокгауз*, кн. 48). Ст. была прочитана Т. в связи с отв. на письмо И. Крутика.

[2] Прочитав в *Р. вед.*, № 86, 15 апр. обсуждение сб. «Вехи» на заседании историч. учебной комиссии О-ва распространения технических знаний, Т. «взялся за чтение статей этого сборника, но чем дальше читал, тем больше разочаровывался» (т. 38, с. 286).

[3] Отв. Т. на 1-е письмо И. В. Колесникова б. д.— от 25 февр. (т. 79, с. 88—89); 2-е его письмо — от 12 апр. (т. 38, с. 288—289).

20 апреля

[1] Т. познакомился с И. А. Гончаровым в нояб. 1855 г. в Петербурге. Фотогр. писателей — сотрудников *Совр.* (И. С. Тургенев, А. Н. Островский, А. В. Дружинин, Д. В. Григорович, И. А. Гончаров и Т.) снята 15 февр. 1856 г. С. Л. Левицким.

[2] Ср. т. 30, с. 196; т. 34, с. 271 и *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 36.

[3] Рассказ «Последнее слово» («Весна», 1908, № 2, авг.).

[4] В *Р. вед.* № 89, 19 апр. и др. газ. опубл. под загл. «Письмо к индусу (Новое произведение Л. Н. Толстого)» извлечения из письма Т. к Тараknатху Дасу от 14 дек. 1908 г. В этом же № напеч. восп. А. П. Ленского о начале его артистической деятельности. См. Дн. 20 апр. (т. 57, с. 52).

21 апреля

[1] Ср. Дн. 23 апр. (т. 57, с. 52). В тот же день Т. начал писать повесть «Нет в мире виноватых» (т. 38) и в образе учителя Соловьева, возможно, отразил черты В. Ф. Орлова. В позднее написанном очерке «Сон» Т. в большей мере воплотил свой замысел. В завершенном тексте Т. представляет одного из главных действующих лиц как своего старого умершего друга В. Орлова (т. 38, с. 23); там же на с. 369—394 отрывок черн. редакции, где персонаж этот называется то Орловым, то Николаем Ивановичем.

[2] См. запись 18 апр.

22 апреля

[1] 14 апр. был низложен султан Абдул-Гамид.

[2] Письмо А. Дюма-сына к ред. «Gaulois» от 1 июня 1893 г. приведено полностью в ст. Т. «Неделание» (т. 29, с. 188—193). С сокращ. включено в «Круг чтения» как «Недельное чтение» на 21 апр. — т. I, с. 312—315 (т. 41, с. 274—277).

[3] «Круг чтения», т. 1, с. 310 (т. 41, с. 272—273).

24 (?) апреля

[1] Худож. произв. Т., начатые в конце 1908 г. и начале 1909 г., в большей части остались незавершенными и при жизни Т. не печатались («Роженица», «В некотором царстве...», «Разговор отца с сыном», «Иеромонах Илиодор», «Нет в мире виноватых», «Кто убийцы? Павел Кудряш», «Детская мудрость» (см. тт. 37, 38, 90).

25 апреля

[1] С. Т. А к с а к о в. Семейная хроника и воспоминания. М., 1856 (*ЯПб*, дарств. надпись).

26 апреля

[1] Е. И. Л о з и н с к и й. Итоги и перспективы рабочего движения. СПб., 1909 (*ЯПб*).

[2] Обращение Т-го от 24 апр. (т. 79, с. 169) рассылалось за его подп. всем просившим у него денежной помощи.

[3] 20 апр. Чертков подал на имя Столыпина обжалование постановления тульского губ. о его высылке. «Черткова письмо умно, хорошо, но лучше бы не писать»,— отметил Т. в Дн. 20 апр. (т. 57, с. 52).

[4] Эту кн., изд. в Лейпциге в 1908 г. (*ЯПб*, пометы), подарил Т-му Маковицкий.

27 апреля

[1] Письмо от 27 апр. (т. 89, с. 111—112).

28 апреля

[1] «The Chinese Classics». Translated into English by J. Legge. V. I—III. L., 1875—1876 (в *ЯПб*, т. III). Т. не раз перечитывал эти кн. (в 1884, 1890 и 1893 гг.) и рекомендовал Черткову перевести их (см. т. 87, с. 239).

29 апреля

[1] М. Меньшиков. Он — не ваш (*НВ*, № 11898, 28 апр.).

[2] За разоблачение провокаторской деятельности Азефа А. А. Лопухин был приговорен к 5 годам каторжных работ, замененных ссылкой в Сибирь на поселение. В 1912 г. помилован.

[3] На письмо Т. от 13—17 апр. (т. 79, с. 161—163) И. И. Алексеев отв. 20 апр. Гусев отв. ему 8 мая (т. 79, с. 277).

[4] Гоголю посвящен № 16 «Искр», 26 апр.

[5] Письмо Т. к А. А. Столыпину от 20 дек. 1908 г. (т. 78, с. 294).

[6] А. А. Столыпин. Еще о «Вехах» (*НВ*, № 11898, 28 апр.).

[7] На письмо П. И. Бирюкова от 16 апр. Т. отв. 30 апр., высказав свой взгляд на Ф. Р. Ламеннэ (т. 79, с. 174). В 1900 г. П. Г. Луазон прислал Т. 1-е изд. своей драмы «L'Evangile du sang». P., 1900. В 1900 и 1902 гг. прислал 2-е и 3-е изд. (*ЯПб*, дарств. надпись — см. т. 74, с. 14—17 и *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 440—447).

30 апреля

[1] Поэт Б. Л. Пастернак.

1 мая

[1] Н. В. Орлов был вынужден ради заработка расписывать церкви в Москве и Тамбове.

[2] 1-е письмо Э. З. Цифриновича от 24 янв. на древнеевр. яз. осталось без отв. В письме от 24 апр., о к-ром идет речь, он повторил свое суждение. Т. отв. 28 апр. (т. 79, с. 171).

[3] И. Горбунов-Посадов. О всероссийском фонде для устройства народных библиотек в честь великих русских писателей (*НР*, № 111, 25 апр.).

2 мая

[1] «The Chinese Classics», упом. изд., v. I. L., 1875 (ch. II). Это противопоставление взглядов Ми-ти и Мэн-тзи в изложении Т. вошло в «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни» и использовано в качестве эпиграфа к гл. 2-й ст. «Неизбежный переворот» (т. 38, с. 75).

[2] Т. подбирал материал для популярных кн. об учении Конфуция, Лао-тзе и др., к-рые Горбунов-Посадов намерен был издать в «Посреднике».

3 мая

[1] Т. Л. Толстая была у К. П. Победоносцева 27 янв. 1898 г. (см. т. 70, с. 265 и 273).

[2] Крестьянка дер. Ларинское, куда Т. иногда ездил.

4 мая

[1] Первый перевод нар. рассказов Т. на серб. яз. был сделан И. Г. Максимовичем: «Приповетке», кн. 1—4. Нови-Сад. Матица Српска, 1891. Впоследствии он перевел на серб. яз. «Войну и мир», «Воскресение», «Плоды просвещения», «Власть тьмы» и др. произв., заняв среди переводчиков соч. Т. на серб. яз. одно из первых мест.

5 (?) — 6 (?) мая

[1] При письме от 5 мая А. М. Хирьяков прислал Т. корр. ст. о смертных казнях и сообщил: «Она написана одним адвокатом, который описывает личные наблюдения». Т. отв. 9 мая (т. 79, с. 190—191).

7 мая

[1] Открытие памятника Гоголю работы Н. А. Андреева состоялось в Москве 26 апр.
[2] О. Малхасян.
[3] 4 мая Чертков писал о своем намерении встретиться со Столыпиным. Т. отв. 6 мая (т. 89, с. 114—115).
[4] *Евангг. от Матф.*, XVIII, 22.
[5] A b h e d â n a n d a S w a m i. Vedanta Philosophy. S. a. (*ЯПб* *); е г о ж е: Vedanta Philosophy. Divine Heritage of Man. N. Y., 1903 (*ЯПб*).
[6] А. В и т м е р. Необходимое объяснение («Россия», № 1057, 5 мая).

8 мая

[1] В кн. 3 (1909) напеч. ч. 1-я «Ямы».
[2] В анон. заметке без загл. сообщалось, что в С.-Петерб. духовной акад. отменяется защита диссертации проф. М. А. Дьяконова об Иоанне Эфесском из-за сходства учения его с учением Т. (5 мая).

9 мая

[1] В. А. Молочников при письме от 6 мая прислал письмо к нему А. Н. Соловьева. Т. отв. Молочникову 14 мая (т. 79, с. 194).
[2] Д и о н е о. Записки английского судьи. Письмо из Лондона (*ВЕ*, № 5 — рец. на кн. англ. судьи Г. Гаукинса «Reminiscences»).
[3] См. запись 7 апр. Вероятно, имеется в виду москвич Ф. И. Суханов, предлагавший в 1892 г. Т-му свою помощь по работе с голодающими.

10 мая

[1] И. И. Мечников с женой О. Н. Мечниковой провел в Ясной Поляне один день — 30 мая.
[2] Л. Б. Х а в к и н а. Индия. Популярный очерк. М., 1907. См. письмо Т. к автору от 9 июля (т. 80, с. 12).

11 мая

[1] Ст. д-ра Т. Паскаля «Главные теософические положения. Соотношение теософии с наукой, философией и религиями» («Вестник теософии», 1908, № 12).
[2] Намек на известную эпиграмму Пушкина на М. А. Дондукова-Корсакова (1835).
[3] *Р. сл.*, № 105, 10 мая.
[4] В письме от 8 мая П. И. Бирюков писал о предстоящем над ним суде.

12 мая

[1] Из *Псалтыри*, 89, 10 (см. т. 41, с. 319).
[2] Отр. из «Записок из Мертвого дома» (ч. 2-я, гл. 1, «Госпиталь») с небольшими сокращ. включен в «Круг чтения»: «Смерть в госпитале» — т. I, с. 372—374 (т. 41, с. 322—323).
[3] В письме к Т. от 16 апр. 1908 г. из Флоренции Г. Крэг писал: «Мы верим, что движение (я говорю о движении неодушевленных предметов) является превосходным выразительным средством. Мы верим, что это и есть театральное искусство» (*ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 372). Приехав в Россию в 1908 г., Крэг вместе с К. С. Станиславским поставил «Гамлета» в МХТ (1911).
[4] «Беседа с И. И. Мечниковым». Мечников сказал: «Очень хотел бы повидать нашего великого современника Л. Н. Толстого. Я непременно постараюсь побывать у него в Ясной Поляне. За ходом работ его я давно слежу с большим интересом, и есть многое, о чем надо нам с ним поговорить» (*Р. сл.*, № 106).
[5] Анон. заметка «Л. Н. Толстой о сборнике «Вехи»» — в том же № газ., 12 мая.
[6] См. запись 11 февр.
[7] С 9 мая по 15 июля Т. работал над ст. «Единая заповедь» (т. 38).
[8] Письмо П. В. Веригина от 3 мая (н. с.) о собрании духоборов: «Эти собрания теперь принимают более свободную форму, а не обязательную, как прежде. Я задался целью освободиться от чувства властвовать». Помета Т.: «Очень интересное».
[9] Рассказ С. Минцлова о Христе и Иуде был изъят цензурой как кощунственный.

13 мая

[1] Повесть «Дьявол» (т. 27). Т. работал над ней в 1889—1890 гг. и просмотрел ее 19 февр. 1909 г. (см. т. 57, с. 28).
[2] По поводу «Крейцеровой сонаты» (не опубл.).

14 мая

[1] Беседа Т. с Чертковым и Николаевым 14 февр. о частной собственности на землю и «Календарь для каждого» А. С. Зонова по ценз. условиям не вошла. Полностью напеч.: *Гусев* III, с. 69—76.

[2] «Последнее слово».

14—18 мая

[1] Письмо Галладини от 8 апр. н. с. (см. т. 79, с. 272). Письмо Т. Л. Сухотиной с припиской Т-го публ. здесь впервые.

20 мая

[1] Свидание с Т-м С. В. Гаврилов описал в кн.: «Бродяга». М., 1912, с. 17; себя он вывел под именем *Неизвестного*.

[2] Ст. «О государстве», в основу к-рой лег разговор Т. со стражником Шмаковым, он продиктовал Гусеву 26 февр.; он вернулся к работе над ст. 10—12 мая. При жизни Т. напеч. не была (т. 38).

[3] Съезд учредителей Славянского банка и Славянской выставки происходил в Петербурге 13—16 мая. Возвращаясь на родину, группа делегатов съезда посетила Москву.

[4] Письмо Дж. Сэвитта от 7 мая (н. с.) из г. Редленда. Над отв. Т. работал с 15 по 25 мая (рус. текст — т. 79, с. 204—206). Адресату был послан перев. на англ. яз. Черткова.

[5] «Goethe Kalender auf das Jahr 1909». Lpz., 1908, был прислан Т-му книгоиздателем Т. Вейхером при письме от 25 мая н. с. (*ЯПб*, пометы). Т. поблагодарил его в письме от 27 мая (т. 79, с. 207—208).

[6] «Круг чтения», т. I, с. 391 (т. 41, с. 337).

21 мая

[1] С. П. Спиро. Л. Н. Толстой о «Вехах» (*Р. сл.*, № 114, 21 мая).

[2] Письмо В. Н. Мартынова от 17 мая. Отв. датир. 22 мая (т. 79, с. 203—204).

22 мая

[1] М. П. Латышев.

[2] В *Р. сл.* и ряде др. газ. была помещена ст. *И. Т.* о пребывании И. И. Мечникова в Петербурге.

[3] Об этом Т. сам написал Черткову 25 мая (т. 89, с. 117—119). 2-е изд. «Круга чтения» вышло в 4-х вып. (1910—1913).

23 мая

[1] «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. I, изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909 (*ЯПб*) прислала Т-му Е. А. Телешова, племянница П. Н. Рыбникова (см. т. 79, с. 210).

[2] 1 мая Т. закончил ст. «О воспитании (Ответ на письмо В. Ф. Булгакова)». Подписал его 3 мая (т. 38).

[3] В это время Т. работал над отв. Дж. Севитту о религ. воспитании детей и над ст. о любви, начатой 9 мая и получившей впоследствии загл. «Единая заповедь» (т. 38).

[4] См. запись о Т-м в дн. М. С. Сухотина от 1 июня: «Особенно допекают его просители, а из просителей те, которых он называет «пролетарии». Это, в сущности, те оборванцы, из которых составляются отряды максималистов, экспроприаторов и т. п. Они не довольствуются даваемыми им гривенниками, а часто желают вступить в разговоры и препирательства со Л. Н.» (*ЛН*, т. 69, кн. 2-я, с. 214).

[5] 29 мая (н. с.) А. Шкарван писал Т-му, что перевел на нем. яз. его ст. «Письмо к индусу» и послал ее Е. Шмиту для публикации. В отв. письме Е. Шмит высказал сомнение в том, что «дрянные, позорные газеты» ее опубликуют.

24 мая

[1] Десять польских женщин: С. Потоцкая, М. Шервинская и др. в письме от 20 мая (почт. шт. г. Петроков, Петроковской губ.) приветствовали Т-го, подписавшись *Благодарные польки из Королевства Польского*.

[2] В. Д. Поленов. Из жизни Христа. М., 1909 (*ЯПб*). В посланном Т-му экз. альбома картин, бывших на выставке Поленова, художник раскрасил репродукции, чтобы дать Т. «понятие о красках» (см. его письмо от 27 мая). Т. отв. 3 июня (т. 79, с. 215—216).

25 мая

[1] 23 мая к Чертковым в Телятинки приехал посланный П. А. Столыпиным чиновник особых поручений полк. А. Г. Лубенцов для расследования на месте дела Черткова, к-рый был в это время в Петербурге. Т. приехал в Телятинки, чтобы поговорить с полк. о Черткове, но не подал ему руки и «не сумел сказать, что нужно» (см. т. 57, с. 73).

[2] Возможно, что это А. Леман, к-рый в письме от 8 марта из с. Ашлыкского Тобольской губ. «от имени многих политических ссыльных» просил Т. прислать бесплатно собр. его соч. На конв. помета Т.: «Выслать, что можно». Помета Гусева: «Посланы 8.IV». (Ср. *Гусев III*, с. 90).

26 мая

[1] М. М. Скипетров, оставивший СПб. ун-т под влиянием идей Т., впервые написал ему 3 авг. 1908 г. О его посещении 26—27 мая см. т. 57, с. 75 и т. 80, с. 11.

[2] М. О. Г е р ш е н з о н. Западные друзья Герцена (*Б*, 1907, №№ 4—5).

[3] В «Gœthe Kalender» эту мысль из разговора Гете с Буасере Т. отметил значком №, а в письме к Т. Вейхеру от 27 мая назвал ее в числе тех, в к-рых «нашел для себя много нового и ценного» (т. 79, с. 207—208).

27 мая

[1] В мае Т. работал над 1-м вар. повести «Нет в мире виноватых» (т. 38), в к-рой выведен сельский учитель-революционер П. Ф. Соловьев.

28 мая

[1] Изречение Гете: «Нет ничего пагубнее, как всегда себя оттачивать и желать сделать лучше, никогда не приходя ни к какому завершению; это препятствует всякой продуктивности» (пер. с нем.). Эту мысль на с. 99 «Гётевского календаря». Т. отметил двумя вопросительными знаками («Сб. Толстовского музея». М., 1937, с. 158—159).

[2] Т-го посетили воспитанники Тульской духовной семинарии. Один из них описал это посещение в ст. «Светлый день», подп. Лео (Л. Г.) («Солдат-гражданин», 1917, № 140, 31 авг.).

29 мая

[1] В Книжках «Ясная Поляна» не было очерка о Сократе.

[2] См. письма Т. к Н. П. Петерсону от 6 июня 1908 г. и 28 янв. 1909 г. в отв. на письмо Петерсона от 2 мая 1908 г. и 6 янв. 1909 г. (т. 78, с. 154—155, т. 79, с. 49).

[3] См. анон. ст. «Заседание Государственного совета 8 марта 1881 г.» (*Б*, 1906, № 1).

[4] Кн. вышла под загл. «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л. Н. Толстым». «Посредник», 1910. Предисл. под загл. «Кто был Магомет» подп. *Н. Г⟨усев⟩* (под ред. Л. Н. Толстого).

[5] В письме от 22 мая (из Колпашева) Е. К. Свинцов писал Т-му о прочтении им «Исповеди» Т. и задавал ряд вопросов. В отв. ему была послана кн.

[6] Кн. А. Кашинская, причисленная к лику святых в 1649 г., была через 38 лет «разжалована». В 1909 г. Синод вынес определение снова причислить ее к святым и 10 июня открыть ее мощи для поклонения. «Поразительная история Кашинской», — записал Т. в Дн. 29 мая (т. 57, с. 76).

30 мая

[1] Повесть В. Ропшина (Б. Савинкова) «Конь бледный» (*РМ*, № 1) интересовала Т. в связи с его работой над рассказом из совр. жизни («Нет в мире виноватых»).

Около 30 мая

[1] В отв. на письмо правления «Литературного общества в Рейдте» (Пруссия) от 24 мая н. с. с просьбой прислать автограф Т. отправил изречение из «Круга чтения», помещенное первым, б. п. 21 мая — т. I, с. 392 (т. 41, с. 338).

31 мая

[1] Д. С. Нейфельд приезжал интервьюировать Т. относительно посещения его Мечниковым (см. «В Ясной Поляне. Мечников в гостях у Толстого» за подп. *Д. Н.* — *РУ*, №№ 124—125, 2—3 июня).

[2] Отв. Т. на письмо Э. З. Цифриновича от 26 мая (т. 80, с. 280).

1 июня

[1] В этот же день Т. такой циркуляр написал (т. 79, с. 212). Аналогичное письмо было написано им еще 9 февр. (там же, с. 63).

[2] 5 июня Т. записал для внучки в Дн. текст утренней и вечерней молитвы (т. 57, с. 79). Др. текст., датир. Гусевым 15 июля, опубл. под загл. «Молитва внучке Сонечке» (т. 90, с. 85).

[3] А. Н. Бекетов. Питание человека в его настоящем и будущем (*ВЕ*, 1878, № 8). В сокращ. виде изд. «Посредником» в серии «Для интеллигентных читателей». М., 1893 (*ЯПб*).

[4] Ст. Т. «Первая ступень» (1891), впервые опубл. в 1892 г. в *ВФиП*, № 13.

[5] Р. Вилленеггер прислал Т. кн. «Zur Alkoholfrage» и в письме от 5 июня н. с. из Цюриха просил содействовать ее изд. в России. На конв. Маковицкий записал под диктовку Т. конспект отв.: «*Очень рад его деятельности, сочувствую* ⟨...⟩ *Я очень был рад хорошей книге и всегда* ⟨?⟩ *сочувствую* ⟨?⟩ *борьбе* ⟨?⟩ *с алкоголизмом*» (публ. впервые). Там же помета Маковицкого: «Ответил Л. Н. 20 июля 09» (см. т. 80, с. 271).

2 июня

[1] Т. отв. приглашением (т. 79, с. 214). Сообщение о приезде Г. Джорджа-сына явилось поводом для ст. о земельном вопросе, к-рую Т. в тот же день продиктовал Гусеву (см. *Гусев I*, с. 286—287) и послал в ред. газет. Была опубл. в *Р. вед.*, № 130, 9 июня под загл. «Новая статья Л. Н. Толстого» (т. 38).

[2] 2 июня А. И. Куприн прислал С. А. Толстой телегр.: «Провожая вас из Ялты, получил милостивое приглашение посетить Ясную Поляну. Не обеспокою ли вас и Льва Николаевича, если в середине июня заеду всего, всего на час» (*Летопись II*, с. 692). С. А. Толстая просила отложить приезд до осени. Куприн в Ясную Поляну не приезжал.

3 июня

[1] Письмо Т. к Н. А. Ершову от 3 июня с благодарностью за его кн. «Обзор русских стенографических систем». СПб., 1880 (т. 79, с. 215).

[2] Изречение включено в «На каждый день» без обозначения автора (т. 43, с. 309).

[3] В письме от 27 мая н. с. В. Д. Брайан поблагодарил Т. за отзыв о нем в письме к Р. Дженнингсу (т. 78, с. 231). В 1908 г. Брайан в 3-й раз был выдвинут на пост президента, но избран не был.

4 июня

[1] Б. С. Трояновский провел в Ясной Поляне 4—6 июня, каждый вечер помногу играя для Т.

[2] A. France. Les sept femmes de la Barbe-Bleue et autres contes merveilleux. P., s. a. (*ЯПб*, пометы).

[3] С. Яблоновский. Не помню... Забыл... (*Р. сл.*, № 125, 3 июня).

5 июня

[1] Ф. Ф. Тихомиров — в 1880-х гг. член совета I Моск. о-ва трезвости — бывал у Т. в Москве.

[2] Свое посещение Ясной Поляны Г. Джордж-сын описал в ст. «My farewell to count Tolstoy» («New York World», 14.XI).

[3] B. Shaw. The Shewing up of Blanco Posnet, a Sermon in crude Melodrama. L., 1909 (*ЯПб.*, дарств. надпись).

6 июня

[1] При письме от 2 июня П. Инфантьев прислал Т. на отзыв свою статью-«утопию», озагл. «Более или менее отдаленное будущее». Т. отв. 7 июня (т. 79, с. 224), возвратив статью.

[2] Повесть А. Франса «La chemise» на сюжет араб. легенды — каки сказка «Царь и рубашка», написанная Т-м для «Азбуки» в 1872 г. (т. 22). Напеч. в упом. выше кн. «Les sept femmes de la Barbe-Bleue».

8 июня

[1] С. Спиро. Толстой о И. И. Мечникове (*Р. сл.*, № 125, 3 июня).

9 июня

[1] Т. в это время работал над ст. «Единая заповедь» (т. 38).

[2] Это изречение помещено в «Круг чтения» под 9 июня — т. 1, с. 452. В Юб. изд. не вошло.

[3] Вл. Соловьев. Магомет. Его жизнь и религиозное учение. 2-е изд. СПб., 1902. Ст. Гусева «Кто был Магомет», опубл. с подп. *Н. Г.* как предисл. к кн. «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран».

[4] Э. Малатеста. Краткая система анархизма в X беседах. М., 1906 (*ЯПб*).

10 июня

[1] На письмо Е. Кальварского от 12 июня н. с. Т. написал отв. (т. 79, с. 225—226), но был ли он послан, неизвестно.

[2] На 1-е письмо Н. М., С. М. и А. М. Кузнецовых от 11 мая (почт. шт.) с вопросом: «В кого ты веруешь?» Т. отв. 13 мая (т. 79, с. 192—193). На 2-е письмо от 2 июня Т. отв. 4—5 июня (т. 79, с. 216—218).

12 июня

[1] В «Круге чтения» на 1 янв. приведены суждения Эмерсона, Локка, Сенеки, Торо и 2 изречения Шопенгауэра — т. I, с. 7—9 (т. 41, с. 11—13).

[2] Корресп. из Петербурга б. п.— «Генри Джордж о Толстом и России» (*Р. сл.*, № 132, 11 июня).

[3] Упомянутые «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: «Насекомое», «Голуби», «Что я буду думать?», «Русский язык» и «Морское плавание», которое Т. включил в «Круг чтения» — т. I, с. 181 (т. 41, с. 161—162). *Сильвестр Иванов* — т. е. лицо, не существующее в литературе.

[4] Письмо М. А. Бакунина к Ч. Черретти («Наша страна. Исторический сборник», СПб., 1907.— Сб. был выпущен вместо конфискованных №№ 11 и 12 *Б*).

14 июня

[1] Атрпет. Мамед-Али-Шах. Народное движение в стране Льва и Солнца. Александрополь, 1909 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы). В письме от 15 июня Т. поблагодарил автора за кн. и просил прислать его работы по тому же вопросу (т. 79, с. 231). В окт. Атрпет прислал свою кн. «Имамат. Страна поклонников имамов (персидское духовенство). Историческое исследование». Александрополь, 1909 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[2] Письмо полит. заключенного крестьянина В. А. Соколова от 13 февр. Т. отв. 15 июня (т. 79, с. 230—231).

[3] В апреле—мае Т. получил 14 писем от Е. М. Добротиной, требовавшей ответа на вопрос: «Нужны ли женщинам права, чтобы бороться со злом?» Т. отв. 3—6 и 29 мая (т. 79, с. 185 и 210—211).

18 июня

[1] Т. работал над ст. до 15 июля.

[2] При письме от 12 июня В. А. Молочников прислал Т-му письмо к нему А. Н. Соловьева. Т. отв. обоим 16 июня (т. 79, с. 234—236).

[3] Ф. Голицын. Необходимый для России строй труда. СПб., 1909 (*ЯПб*, дарств. надпись). Т. отв. 16 июня (т. 79, с. 236—237).

19 июня

[1] ⟨П. Б.⟩ С⟨труве⟩. Маркс (*Брокгауз*, кн. 36; *ЯПб*, пометы).

22 июня

[1] В письме от 18 июня (почт. шт.) рабочий А. И. Сурков просил у Т. книг. Кн. были посланы 7 июня.

[2] Изречение из романа Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди...», гл. CXXI. См. также «Круг чтения», т. II, с. 105—106. В Юб. изд. вошло частично (т. 41, с. 546).

[3] См. Дн. (т. 57, с. 89) и письмо Т. к Черткову от 23 июня (т. 89, с. 124). Эта запись Маковицкого и письмо дают возможность исправить редакторскую дату Дн. на 22 июня. «Единая заповедь» с ценз. сокращениями опубл. в «Юбилейном сборнике Литературного фонда 1859—1909». СПб., 1910. Полностью в изд. «Посредник», М., 1917.

[4] В *ЯПб* хр. 57 №№ газ. «Union»; почти все остались нераспечатанными.

23 июня

[1] Эпиграф из Канта к гл. 2 ст. «Единая заповедь» (т. 38, с. 101).

[2] См. т. 84, с. 387—388.

[3] Письмо Т. от 23 июня и, вероятно, письмо, датир. 21 июня (см. т. 84, с. 387—388).

24 июня

[1] Телегр. В. В. Черткова, сообщившего, что его отцу отказано в разрешении вернуться в Тульскую губ. (т. 89, с. 125—126).

25 июня

[1] Письмо Черткова от 24 июня. Т. отв. 26 июня (т. 89, с. 127).
[2] Под общим загол. «Кашинские торжества» — «Группа богомольцев, идущих в Кашин» («Искры», № 24, 21 июня).

26 июня

[1] 24 июня Т. получил «На каждый день. Июнь». СПб., 1909. Под 27 июня помещна мысль об определении времени и пространства (т. 43, с. 355—356).
[2] «Поэзия Василия Глебова». СПб., 1908 (*ЯПб*). См. письмо Т. к В. П. Глебову от 25 июня (т. 79, с. 245).
[3] Письмо А. Плишкина от 16 июня. Т. отв. 26 июня (т. 79, с. 246—247).
[4] Цитата из 2-й части «Фауста».

27 июня

[1] А. С. П р у г а в и н. Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909 (*ЯПб*; дарств. надпись).
[2] Письмо А. Кудрина из Киева от 23 (?) июня с описанием его жизни в госпитале штрафной роты.
[3] При письме от 23 июня/6 июля предс. Моск. отд. Всеславянского о-ва «Славия» — С. Коничек прислал литогр. с картины В. Черного «Сожжение Яна Гуса». Т. отв. 8 июля благодарственным письмом (т. 80, с. 10).
[4] «Порог».
[5] Запись, сделанную Т-м в ночь на 27 июня, см. в т. 57, с. 221—223.

28 июня

[1] Письмо от 25 июня (*ПСТ*, с. 778—779). Т. отв. 28 июня (т. 84, с. 389).
[2] Письмо Ф. А. Абрамова из Симбирска от 22 июня опубл. в т. 38, с. 527—530. На конв. Т. пометил: «Очень важное»; отв. 1 июля (т. 80, с. 1—4). Отв. не был послан и разросся в статью. Впервые напечатано почти полностью в «Киевских вестях», №№ 300—302, 10—12 нояб., и *Р. вед.*, № 258, 10 нояб. (отр.) под загл. «О науке. Ответ крестьянину» (т. 38).

29 июня

[1] См. отв. телегр. Т. от 28 июня (т. 89, с. 127).

30 июня

[1] М и р т о в (П. Л. Лавров). Исторические письма (1869). Печ. в «Неделе» (см. т. 67, с. 123).
[2] В России эта кн. была издана нелегально (литогр.) в 1881 г.
[3] Н. Ф л е р о в с к и й. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869.
[4] «Азбука социальных наук», тт. I—II; вышла в 1871 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИК

1908

Январь 7
Март 25
Апрель 44
Май 76
Июнь 101
Июль 132
Август 155
Сентябрь 186
Октябрь 214
Ноябрь 239
Декабрь 263

1909

Январь 292
Февраль 318
Март 345
Апрель 380
Май 396
Июнь 425

ПРИМЕЧАНИЯ

1908 459
1909 январь—июнь 492

«Литературное наследство». Том 90

«У Толстого» (1904—1910).— «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого
Книга третья (1908—1909 январь — июнь)

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР

Редакторы издательства *Е. В. Белова*, *В. Ч. Воровская*, *Г. А. Гудимова*
Художественный редактор *С. А. Литвак*. Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры *В. Г. Петрова*, *Р. П. Шаблеева*

ИБ № 5498

Сдано в набор 09.10.78. Подписано к печати 25.05.79. А-11655. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 45. Уч.-изд. л. 47,7. Тираж 15000 экз. Тип. зак. 1120. Цена 6 р. 30 к

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

6р 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

6 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·